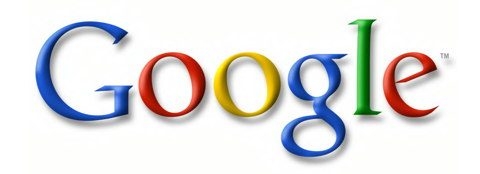

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ECCLESIAE
VE RI TAS

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА.
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1897.

Стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLVII. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1897.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

2508

О ЖИЗНИ

1.

Межъ тѣмъ какъ жить теперь такъ любопытно,
Къ послѣднему я близокъ рубежу;
И потому я думой ненасытной
За жизнію безъ устали слѣжу.
Нашъ міръ—театръ, гдѣ со временъ Адама
Безостановочно идетъ людская драма.

2.

Ея теперь въ Европѣ эпизодъ
Хоть искаженъ наличной слабой труппой,
И строгихъ думъ нерѣдко прерванъ ходъ
Шумихою воинственности глупой,—
Но чуется, что ветхій человѣкъ
Желалъ бы, обновясь, вступить въ двадцатый вѣкъ.

3.

Измученный запросами сомнѣнья,
Утратившій надежды и мечты,
Тоскуетъ онъ предъ зрѣлищемъ крушенья;
Его страшитъ зіянье пустоты
И хочетъ онъ, чтобъ дружбой сочетались
Враги—душевный миръ и умственный анализъ.

4.

Загадочна, глубокихъ тайнъ полна
Идущая на сценѣ міра пьеса.
Чрезъ цѣпь вѣковъ идетъ впередъ она...
Когда-нибудь опустится завѣса,
Но будетъ ждать, чтобы докончить могъ
Послѣдній человѣкъ послѣдній монологъ.

5.

Я не хочу, чтобъ жизнь мнѣ стала бремя,
Какимъ она—для „Вѣчнаго Жида“.
Хотѣлось бы пожить мнѣ въ наше время;
Мнѣ умирать не хочется, когда
Еще я бодръ, и не лишили годы
Меня ни пыла чувствъ, ни умственной свободы.

6.

Слѣдить и нашъ я скромный бытъ хочу.
Порою лучъ насъ озаряетъ свѣтомъ,—
И этому я радуюсь лучу.
Ужъ есть отпоръ гасящимъ свѣтъ газетамъ,
И ужъ онѣ не каждый день пестрятъ
Убогіе столбцы командою: назадъ!

7.

Намъ говорятъ, что шли мы слишкомъ шибко.
Едва-ли! Но положимъ, что и такъ.
А вспять идти—не также ли ошибка?
И на Руси вѣдь человѣкъ—не ракъ.
Такъ пусть же онъ медлительнымъ хоть шагомъ,
Но движется впередъ къ законнымъ жизни благамъ.

8.

Мы стариной охвачены совсѣмъ,
Въ старинную невольно впавши спячку.
(Такъ сонный волъ бываетъ занятъ тѣмъ,
Что вновь жуетъ отрыганную жвачку).
Вотъ почему мнѣ такъ отраденъ лучъ,
Привѣтливо на насъ взглянувшій изъ-за тучъ.

9.

Не изъ одной любви къ моей отчизнѣ,
Не лишь для думъ предъ сценой міровой,—
Мнѣ просто жить хотѣлось бы для жизни,
Для благъ земныхъ, для радости земной.
Какъ не хотѣть! А дочери? А внуки?
Подольше бъ съ ними быть предъ вѣчностью разлуки!

10.

И, наконецъ, мнѣ жизнь еще нужна
Для мелочей моей повадки старой:
Для празднаго сидѣнья у окна,
Для кофея съ газетой и сигарой—
И прочее. Не перечислить всѣхъ
Мнѣ щедрой жизнію даруемыхъ утѣхъ!

11.

А часъ придетъ... Подъ гробовую крышу,
Заснувъ навѣкъ, я лягу въ темноту.
Ни глупости ужъ больше не услышу,
Ни подлости въ газетѣ не прочту,
Межъ тѣмъ какъ я всю жизнь имѣлъ наклонность
Входить участливо въ родную обыденность.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Декабрь, 1896 г.

ДОКТОРЪ Ѳ. П. ГААЗЪ

ОЧЕРКЪ.

Посвящается профессору Л. Л. Гиршману.

Лѣтомъ 1890 года, въ Петербургѣ состоялся четвертый международный тюремный конгрессъ, связанный съ чествованіемъ памяти знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, умершаго въ Россіи въ 1790 году. Предполагая произнести при открытіи засѣданій конгресса рѣчь о заслугахъ Говарда, авторъ предлагаемаго очерка занялся собираніемъ свѣдѣній о русскихъ его послѣдователяхъ. Нездоровье воспрепятствовало осуществленію этого предположенія,—но между свѣдѣніями о тѣхъ, кто шелъ у насъ по стопамъ Говарда, пришлось встрѣтиться съ данными, относящимися къ дѣятельности старшаго врача московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 годъ—доктора Ѳедора Петровича Гааза.

Чѣмъ дальше шло ознакомленіе съ разбросанными по различнымъ изданіямъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его совсѣмъ забытая въ настоящее время личность, въ нѣкоторой степени даже заслоняя собою образъ Говарда. Разборъ обширнаго архивнаго матеріала по дѣламъ и журналамъ Попечительнаго о тюрьмахъ Общества, разсмотрѣніе рукописей, писемъ и сочиненій Гааза и сношенія съ людьми, лично его знавшими или слышавшими о немъ отъ его друзей или близкихъ знакомыхъ,—дали возможность подробно изучить сердечную глубину

и нравственную высоту этого человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его трудовой, всецѣло отданной на служеніе человѣчеству жизни [1]).

Результатомъ этого изученія былъ, въ 1892 году, рядъ публичныхъ чтеній о Гаазѣ въ пользу голодающихъ. Содержаніе этихъ чтеній, обработанное и дополненное новыми свѣдѣніями, составляетъ предметъ настоящаго очерка, все-таки далеко не полнаго, но, быть можетъ, появленіе его въ печати вызоветъ новыя воспоминанія о человѣкѣ, дѣятельность котораго не должна быть забыта.

I.

Четвертый международный тюремный конгрессъ былъ открытъ въ Петербургѣ 3-го іюня 1890 года съ особою торжественностью. Въ рѣчи В. Д. Спасовича о Говардѣ заслуги „великаго человѣколюбца" и его права на безсмертную славу были очерчены ярко и выпукло—и, безъ сомнѣнія, все многочисленное и блестящее собраніе ученыхъ тюрьмовѣдовъ и государственныхъ людей мысленно преклонилось предъ образомъ человѣка, который, по выраженію Бентама, нѣсколько видоизмѣненному ораторомъ, „he lived an apostle and died à hèro"—жилъ какъ апостолъ и умеръ какъ герой.

И дѣйствительно, Говардъ вполнѣ достоинъ и своей славы, и воздаиной имъ чести. Онъ завѣщалъ потомству свое имя и свое дѣло. Написанное на скромномъ памятникѣ въ Херсони, гдѣ внезапно окончилъ свои дни этотъ подвижникъ добра и справедливости, это имя должно быть начертано въ сердцѣ каждаго человѣка, знакомаго съ исторіею европейской культуры и гражданственности. Дѣло Говарда — было дѣло великое, богатое благотворными послѣдствіями. Онъ положилъ начало *тюремному знанію*; онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ своей родины—потребовалъ, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—состраданія къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX-го вѣка, его личность и труды проливаютъ чистый свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій.

„Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ лю-

[1]) Приносимъ искреннюю благодарность всѣмъ, подѣлившимся съ нами своими свѣдѣніями о Гаазѣ, а въ особенности доктору Александровской больницы въ Москвѣ—С. В. Пучкову.

дямъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—но дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу". Есть, однако, такіе избранники судьбы, которые ставятъ своею дѣятельностью памятникъ не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Къ числу такихъ—отмѣченныхъ Богомъ людей—принадлежалъ и Говардъ. Но, отдавая ему всю справедливость, преклоняясь предъ его трудомъ, одушевленнымъ одною идеею и наполнившимъ, „ohne Hast, ohne Rast", всю его жизнь, надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что онъ былъ, въ своей работѣ, поставленъ въ благопріятныя условія... Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ; европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ, и за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду уважаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ. Наконецъ, самая почва для его дѣятельности была уже отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнѣніе Англіи давно уже интересовались состояніемъ тюремъ. Еще въ 1701—1702, по порученію парламента, докторъ Брай, предсѣдатель комитета распространенія христіанскихъ ученій, произвелъ подробное изслѣдованіе тюремныхъ помѣщеній въ Ньюгетѣ. Описаніе того, что онъ нашелъ, поражаетъ возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодкахъ, орудіяхъ пытки и мореніи голодомъ, какъ довольно обычныхъ средствахъ „вразумленія" арестантовъ, достаточно указать, что для „смиренія" строптивыхъ ихъ запирали въ тѣсное и душное помѣщеніе съ трупами умершихъ и оставляли ихъ въ такомъ сосѣдствѣ по шести и болѣе дней... Въ 1728—29 годахъ парламентъ назначилъ особую коммиссію для изученія состоянія тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ. Такимъ образомъ, несмотря на случайность этихъ изслѣдованій, узкость ихъ задачи и ограниченность ихъ района, почва для болѣе широкой дѣятельности Говарда подготовлялась сама собою.

Но главное условіе успѣшныхъ трудовъ Говарда и ихъ широкаго приложенія состояло въ томъ, что его поддерживала волна общественнаго настроенія. Она несла и поднимала его на своемъ хребтѣ—и въ своей проповѣди состраданія и уваженія къ человѣку онъ не былъ одинокъ... Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Говардъ, было ознаменовано особымъ подъемомъ духа. Христіанство, требовавшее, чтобы каждый „узналъ подобнаго себѣ

—въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ"... выдвинуло на первый планъ человѣческую личность, независимо отъ ея бытовыхъ и племенныхъ свойствъ. Эта личность явилась разлагающимъ элементомъ всего строя древняго міра, въ которомъ группа полноправныхъ гражданъ господствовала надъ массою безправныхъ рабовъ, полу-людей, полу-вещей. Средніе вѣка снова опутали эту личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви. Реформація была отвѣтомъ на послѣдній гнетъ, пробившимъ путь къ внутренней свободѣ духа. Но достоинство человѣка, право его личности, все, принадлежащее, независимо отъ внѣшнихъ условій, человѣку, какъ таковому, все, что̀ можно бы назвать „das ewig Menschliche"—часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и ненужному поруганію. Въ защиту человѣческой личности, въ осуществленіе истинно-христіанскаго отношенія къ падшему, больному, неопытному и беззащитному—выступилъ въ половинѣ XVIII в. цѣлый рядъ практическихъ мыслителей. Дружно, съ разныхъ сторонъ, но одушевленные однимъ чувствомъ, принялись они за работу—живописуя, взывая, указывая и поучая. Общество, а затѣмъ и законодательство прислушались къ ихъ проповѣди, уразумѣли ее и тронулись ею. И теперь во многихъ областяхъ дѣятельности и знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, изученіе лучшихъ сторонъ этихъ знаній и дѣятельности заставляетъ обратиться съ благодарнымъ чувствомъ къ ихъ первоисточнику,—къ великимъ именамъ половины XVIII-го столѣтія. Въ это именно время занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и къ его нравственному достоинству. Достаточно вспомнить, что въ одинъ и тотъ же краткій періодъ времени—Беккарія, въ своей удивительной книгѣ „о преступленіяхъ и наказаніяхъ", образнымъ, страстнымъ и вмѣстѣ изящнымъ языкомъ клеймилъ жестокость и мучительство, въѣвшіяся, какъ ржавчина, въ желѣзо уголовнаго закона;—Филанджіери въ восьми томахъ своей „Scienza della legislatione", со всѣмъ блескомъ молодого и богатаго знаніемъ ума, рисовалъ недостатки уголовнаго правосудія и указывалъ необходимые для ихъ исправленія въ духѣ человѣчности пути и способы;—Песталоцци своими глубокими и вдумчивыми наблюденіями, проникнутыми вѣрою въ духовныя силы человѣка, клалъ основаніе началамъ педагогіи, какъ науки, а не искусства дрессировки,—и, наконецъ, Пинель, незабвенный Пинель, въ мрачныхъ стѣнахъ Бисетра и Сальпетріера снималъ кандалы и колодки съ несчастныхъ сумасшедшихъ и доказывалъ, въ своемъ чудесномъ трактатѣ „Sur l'aliénation mentale", какое широкое поле для

изученія и для милосердія представляетъ та область, гдѣ дотолѣ слышались лишь вызываемые побоями вопли „одержимыхъ бѣсомъ" и бряцанье цѣпей „буйныхъ". Вмѣстѣ съ этими людьми дѣйствовалъ и Говардъ, какъ застрѣльщикъ въ общей, широко раскинувшейся передовой цѣпи воиновъ...

Есть, однако, менѣе счастливо обставленные дѣятели. Они проходятъ безшумно по тернистой дорогѣ своей жизни, сѣя направо и налѣво добро и не ожидая, среди общаго равнодушія и всевозможныхъ препятствій, не только сочувствія своему труду, но даже и справедливаго къ нему отношенія. Внутренній, сокровенный голосъ направляетъ ихъ шаги, а глубоко коренящееся въ душѣ чувство наполняетъ и поддерживаетъ ихъ, давая имъ нужную силу, чтобы бодро смотрѣть въ глаза прижизненной неправдѣ и посмертному забвенію.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ докторъ *Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ*. Не уступая въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ Говарду, человѣкъ цѣльный и страстно дѣятельный, восторженный представитель коренныхъ началъ человѣколюбія, онъ былъ поставленъ далеко не въ такія условія, какъ знаменитый англійскій филантропъ. *Послѣднему* достаточно было встрѣтить, провѣрить и указать зло, чтобы знать, что данный толчокъ взволнуетъ частный починъ и приведетъ въ движеніе законодательство. Ему достаточно было вспахать почву—и онъ могъ быть спокоенъ за судьбу своихъ усилій: сѣятели и жнецы найдутся. Но *Гааза* окружала косность личнаго равнодушія, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и цѣлый общественный бытъ, во многомъ противоположный его великодушному взгляду на человѣка. Одинъ, очень часто безъ всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодѣйствіями, онъ долженъ былъ ежедневно стоять на стражѣ слабыхъ ростковъ своего благороднаго, требовавшаго тяжкаго и неустаннаго труда, посѣва. Умирая, *Говардъ* оставлялъ рядъ печатныхъ, всѣми признанныхъ и оцѣненныхъ трудовъ, служившихъ для него залогомъ земного безсмертія;—выпуская изъ ослабленныхъ смертельною болѣзнью рукъ дѣло всей своей жизни, *Гаазъ* не видѣлъ ни продолжателей впереди, ни прочныхъ, остающихся слѣдовъ—назади. Съ нимъ, среди равнодушнаго и преданнаго личнымъ „злобамъ дня" общества, грозило умереть и то отношеніе къ „несчастнымъ", которому были всецѣло отданы лучшія силы его души. Вотъ почему для насъ, русскихъ, его личность представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ личность Говарда. Она намъ ближе,

понятнѣе... Скажемъ болѣе—отъ нея вѣетъ бо̀льшимъ сердечнымъ тепломъ...

Прежде, однако, чѣмъ говорить о жизни и дѣятельности Гааза, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русскихъ тюремъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Какъ извѣстно, въ это время русская жизнь не отличалась здоровымъ характеромъ. Отклоненіе отъ нормы шло въ обѣ стороны. Съ одной стороны, существовало искусственное отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ потребностей и запросовъ жизни,—развивалось безсодержательное и ничѣмъ въ живой дѣйствительности не выражавшееся масонство,—истинная религіозность смѣнялась грубымъ и подчасъ весьма подозрительнымъ, по своему источнику, мистицизмомъ,—изувѣрскія скопческія радѣнія переплетались съ „духовными восхищеніями" г-жи Крюднеръ и чувственными сходками у Татариновой,—въ литературѣ, съ ея безцѣльными забавами „Арзамаса", господствовало, послѣ зрѣлой сатиры Фонъ-Визина, сентиментальное направленіе, и читатель продолжалъ проливать слезы надъ судьбою „бѣдной Лизы"... А съ другой стороны—мрачная фигура Аракчеева бросала свою зловѣщую тѣнь почти на всѣ сферы жизни,—военныя поселенія расползались по лицу русской земли, судъ былъ сборищемъ „купующихъ и куплюдѣющихъ",—осуществленіе крѣпостного права, съ его настоящими „бѣдными Лизами", пріобрѣтало особую устойчивость и безконтрольность, а тюрьмы были въ ужасающемъ состояніи.

Тюремное дѣло, особливо если оно находится въ связи со ссылкою, можетъ быть, подобно механикѣ, раздѣляемо на статику и динамику. *Статика*—тюрьма неподвижная, съ ея порядками, устройствомъ и осѣдлымъ населеніемъ. *Динамика*—тюрьма подвижная, съ своими исключительными порядками, съ населеніемъ, постоянно смѣняющимся, съ особыми пріе́мами учета людей и способами дисциплины среди этого подвижного населенія. У насъ статика всегда была лучше организована, чѣмъ динамика—и городская тюрьма въ то время, о которомъ мы говоримъ, представляетъ все-таки менѣе тяжелую картину, чѣмъ пересыльныя тюрьмы и этапныя зданія. Но эта мѐньшая тяжесть все-таки весьма относительна. Есть краснорѣчивое въ своей мрачности описаніе тюремъ въ Петербургѣ, сдѣланное англичаниномъ Венингомъ, осматривавшимъ ихъ по порученію императора Александра I. Изъ него между прочимъ видно, что неоднократныя законодательныя распоряженія Екатерины II и Александра I объ улучшеніи тюремъ оставались лишь на бумагѣ, не проникая въ жизнь даже въ столицѣ и резиденціи. Только съ восшествія

на престолъ Николая Павловича эти мѣры мало-по-малу пріобрѣтаютъ реальное значеніе. Тюрьмы Петербурга въ описываемое время—мрачныя, сырыя комнаты со сводами, почти совершенно лишенныя чистаго воздуха, очень часто съ землянымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ сквозь узкія, наравнѣ съ поверхностью почвы, покрытыя грязью и плесенью и никогда не отворяющіяся, окна,—если же стекло въ оконной рамѣ случайно выбито, оно по годамъ не вставляется и чрезъ него вторгаются непогода и морозъ, а иногда стекаетъ и уличная грязь. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни устройствъ для умыванія лица и рукъ, ни кроватей, ни даже наръ. Всѣ спятъ въ повалку на полу, подстилая свои кишащія насѣкомыми лохмотья, и вездѣ ставится на ночь традиціонная „параша". Эти помѣщенія биткомъ набиты народомъ. Въ двухъ обыкновеннаго размѣра комнатахъ тюрьмы при управѣ благочинія содержится сто человѣкъ, такъ что только небольшая ихъ часть, послѣ понятныхъ ссоръ и пререканій, можетъ ночью прилечь въ невообразимой тѣснотѣ; въ одной изъ комнатъ рабочаго дома, находящейся почти въ землѣ, длиною въ 6 саженъ, а шириною въ три, Венингъ нашелъ 107 человѣкъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы. Число это постоянно пополнялось, такъ какъ вслѣдствіе отравленнаго воздуха еженедѣльно приходилось уносить въ больницу болѣе десяти человѣкъ, освобождая мѣста для новыхъ сидѣльцевъ. Не лучше было и въ кордегардіи при губернскомъ правленіи, гдѣ въ комнатахъ, устроенныхъ для тѣснаго помѣщенія 50 человѣкъ, содержалось до 200 человѣкъ, не имѣвшихъ никакой возможности лечь. Въ этихъ мѣстахъ, предназначенныхъ, при ихъ учрежденіи, для возможнаго исправленія и смягченія нравовъ нарушителей закона, широко и невозбранно царили: развратъ, нагота, холодъ, голодъ и мучительство.

Развратъ—потому, что въ съѣзжихъ домахъ женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, да и въ другихъ тюрьмахъ никакихъ серьезныхъ преградъ между мѣстами содержанія мужчинъ и женщинъ не существовало, а надзоръ за тѣми и другими возлагался на голодныхъ гарнизонныхъ солдатъ и продажныхъ надсмотрщиковъ, получавшихъ ни съ чѣмъ несообразное грошевое содержаніе. Люди одного пола содержались вмѣстѣ, несмотря ни на различіе возраста, ни разность повода, по которому они лишены свободы... Дѣти, взрослые и старики сидѣли вмѣстѣ; заподозрѣнные въ преступленіи или виновные въ полицейскихъ нарушеніяхъ—вмѣстѣ съ отъявленными злодѣями, которые по годамъ, вслѣдствіе судебной волокиты, заражали нравственно все молодое

и воспріимчивое, что ихъ окружало. При посѣщеніи Венинга — въ рабочемъ домѣ оказались сидящими вмѣстѣ—дѣти 11 и 12 лѣтъ, разбойники, окованные цѣпями, и 72-лѣтній Тимоѳей Ѳеоровъ, содержавшійся уже 22 года...

Въ женскихъ отдѣленіяхъ городской тюрьмы и рабочаго дома — то же самое. Распутныя женщины, нерѣдко заразительно больныя, содержались вмѣстѣ съ лишенными свободы за долги. „Бѣдная дѣвушка,—говоритъ Венингъ,—которая попадетъ въ сіе мѣсто хотя на одну ночь, должна необходимо потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную; по точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ, я могу назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока". Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ, „за тѣснотою", съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму уже въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ „торговой казни" и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій зáмокъ, нашелъ больныхъ „горячками и сыпью" по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 году, въ больницѣ московскаго губернскаго зáмка, для „утишенія" крика сошедшей съума арестантки ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку...

Всѣ содержатся *впроголодь*. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ отпускается на руки дежурнаго надзирателя по 15 коп. ассигнаціями на каждаго изъ заключенныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ продовольствовалъ. Контроля нѣтъ, наблюденія тоже, и арестанты съѣзжихъ домовъ жалуются Венингу на крайній недостатокъ даваемаго имъ черстваго хлѣба. Эти 15 коп. при выпускѣ арестанта, согласно установившемуся обычаю, взыскиваются съ него за каждый день содержанія... Несостоятельный къ уплатѣ задерживается въ тюрьмѣ, какъ несостоятельный должникъ. Но далеко не вездѣ существуетъ такой способъ содержанія. Его замѣняютъ подаянія. Особенно это практикуется для арестованныхъ при полиціи. Удовлетвореніе ихъ пищею часто зависитъ отъ случая, отъ сердоболія горожанъ. Поэтому, въ тюрьмахъ XIX вѣка оказывается возможною смерть отъ обычной въ XVI в. „гладной

нужи“. Такъ, въ 1810 году начальникъ полтавскаго „секвестра“ доноситъ по начальству, что, за малыми подаяніями, колодники очень отощали, и „одинъ съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати то же слѣдовать можетъ“.

Плохо прикрыто и *тѣло* „колодниковъ“. Казеннаго платья не полагается, а свои лохмотья скоро отказываются служить,—и тотъ же сенаторъ Озеровъ находитъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ девяносто-двухъ человѣкъ *безъ всякой одежды и обуви*. А прикрыть тѣло слѣдовало бы уже потому, что въ дурно и даже вовсе не отапливаемыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ, въ суровыя зимы, чрезвычайно холодно. Князь Голицынъ заявляетъ въ 1829 году, что московскій пересыльный зàмокъ въ невозможномъ состояніи, что въ немъ чрезвычайно холодно, при чемъ холодъ этотъ на женской половинѣ, гдѣ меньше скученности, доходитъ до того, что матери, упросивъ надзирателей, посылаютъ по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, отогрѣваться на мужскую половину... Въ Тамбовѣ, въ 1815 году, всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ: тутъ и варятъ пищу, тутъ и валяются заразительные больные,—тутъ, на глазахъ всей этой нищеты и порока, родятъ женщины. Не лучше смирительный и рабочій дома, помѣщающіеся въ одной казармѣ. „Въ больницѣ,—какъ доноситъ въ 1815 году операторъ Стриневскій,—нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т.-е. *съ прошлаго столѣтія*; труднобольные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ“ и т. д. Тотъ же князь Голицынъ, въ запискѣ, представленной въ 1829 г. генералъ-губернатору, называетъ состояніе московскихъ тюремъ „наводящимъ ужасъ“ и подробнымъ описаніемъ подтверждаетъ справедливость своего вывода...

Содержимое въ такихъ условіяхъ разнородное тюремное населеніе, пользуясь плохимъ надзоромъ, пьянствуетъ, когда есть средства, буйствуетъ, стремится къ побѣгу, безжалостно уродуетъ себя, чтобы стереть позорныя клейма на лицѣ, вытравляя ихъ шпанскими мухами и сѣрной кислотою... При отсутствіи системы въ содержаніи и распредѣленіи арестантовъ, начальство считаетъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ исключительно страхомъ и отягощеніемъ ихъ участи. Отсюда всякія напрасныя мучительства. Въ тѣсныя, темныя и загаженныя „секретныя“ сажаютъ, въ Москвѣ, по три арестанта сразу и держатъ ихъ тамъ, въ невозможной тѣснотѣ, по недѣлямъ въ наказаніе, „какъ будто,—замѣчаетъ князь Голицынъ,—такимъ сближеніемъ съ убійцами и разбойниками можно исправить человѣка“. Венингъ видѣлъ въ петербургскомъ рабо-

чемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, на которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что онѣ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль. „Я основательныя причины имѣю думать,—замѣчаетъ Венингъ,—что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто"... Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга онъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою.

Провинція, конечно, не отставала въ этомъ отношеніи отъ столицъ и даже превосходила ихъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ до государственнаго совѣта доходило дѣло о ярославскомъ частномъ приставѣ Болотовѣ, который въ сильную стужу держалъ арестанта Срамченко на съѣзжемъ дворѣ, прикованнымъ цѣпью къ чрезвычайно тяжелому стулу; въ то же время разсматривалось дѣло сотника Левицкаго, забившаго, въ усть-медвѣдицкой тюрьмѣ, арестанта Климова въ неподвижную колодку, въ коей онъ и умеръ.

Таковы были общія черты нашей тогдашней тюремной „статики". Едва ли онѣ нуждаются въ дальнѣйшей характеристикѣ. Достаточно вспомнить слова доклада Венинга: „невозможно безъ отвращенія даже и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такихъ непристойныхъ учрежденій: здоровье и нравственность равно должны гибнуть здѣсь, какъ ни кратко будетъ время заточенія"...

Если такова была статика, то легко себѣ вообразить и *динамику*. Народное представленіе, сказавшееся въ пѣсняхъ и поговоркахъ, не даромъ рисовало „владимірку", т.-е. главный путь изъ Москвы въ Сибирь—какъ нѣчто мрачное и безнадежное, какъ путь горькой печали и тяжкихъ воздыханій. Низкія, сырыя, тѣсныя этапныя помѣщенія, пропитанныя грязью и испареніями десятковъ тысячъ людей, принимали въ себя, на ночь, партіи ссыльныхъ лишь для того, главнымъ образомъ, чтобы устранить ихъ побѣги во время отдыха, необходимаго для дальнѣйшаго продолженія безконечнаго пути. Объ этомъ только и была серьезная забота. По дорогѣ между этапными пунктами двигались, звеня цѣпями, сопровождаемыя пѣшкомъ и на повозкахъ обезсилѣвшими семьями, группы ссыльныхъ и каторжныхъ, подъ сильнымъ карауломъ, возможное сокращеніе численности котораго составляло всегда одну изъ серьезныхъ заботъ разныхъ вѣдомствъ. Перо наблюдателя и бытописателя, стихъ поэта и кисть

живописца столько разъ изображали „владимірку“, столько разъ рисовали эту тяжкую дорогу подъ сѣрымъ небомъ, посылающимъ вьюгу и холодъ, столько разъ заставляли невольно вспоминать слова Данта: „per me si va nella città dolente; per me si va nel' eterno dolore; per me si va tra la perduta gente“,— что на подробностяхъ тюремной динамики двадцатыхъ годовъ останавливаться нечего. Ихъ можно себѣ представить, не боясь впасть въ преувеличеніе. Но двѣ изъ нихъ заслуживаютъ однако упоминанія. Обѣ онѣ относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I.

29-го января 1825 г., установлено, по представленію командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ предупрежденіе побѣговъ, бритье половины головы всѣмъ идущимъ по этапу, безъ различія между ссыльными и каторжными, безпаспортными и пересылаемыми административно, закованными и незакованными. Подводя въ этомъ отношеніи разнообразную виновность и прикосновенность къ этапному пути подъ одну внѣшнюю мѣрку, это распоряженіе не допускало исключеній. Поэтому стали брить головы не только ссылаемымъ административно на родину или на водвореніе, но даже и идущимъ изъ западныхъ губерній арестантамъ, страдавшимъ своеобразною болѣзнью волосъ—колтуномъ. Нарушеніе свято соблюдаемаго на мѣстѣ обычая не срѣзывать колтунъ, простуда при этомъ головы, привыкшей къ болѣзненному теплу и, быть можетъ, какія-то неизслѣдованныя еще свойства этой болѣзни вызывали у обриваемыхъ сильнѣйшіе нервные припадки. Но ножницы и бритва были неумолимы, несмотря на то, что такихъ больныхъ ждали ледяные поцѣлуи сибирской стужи.

4-го апрѣля 1824 года, по распоряженію начальника главнаго штаба Дибича, введены были, въ видѣ опыта, легкіе ручные прутья для ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, чрезъ казанскую, пермскую и оренбургскую губерніи, а 12-го мая слѣдующаго года, вслѣдствіе представленія командира внутренней стражи графа Комаровскаго, прутъ былъ признанъ общимъ способомъ для препровожденія арестантовъ всѣхъ наименованій, кромѣ каторжныхъ, по этапу. На толстый аршинный желѣзный прутъ съ ушкомъ надѣвалось отъ восьми до десяти запястьевъ (наручней) и затѣмъ въ ушко вдѣвался замокъ, а въ каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключъ отъ замка клался, вмѣстѣ съ другими, въ висѣвшую на груди конвойнаго унтеръ-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальникомъ этапнаго пункта. Распечатывать ее въ дорогѣ не дозволялось.

нанизанные на прутъ люди: ссыльные, пересылаемые помѣщиками, утратившіе паспортъ и т. д., связанные такимъ образомъ вмѣстѣ, отправлялись въ путь рядомъ съ каторжными, которые шли въ одиночку, ибо были закованы въ ручныя и ножныя кандалы... Прутъ соединялъ людей, совершенно иногда различныхъ по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дѣти), росту, походкѣ, здоровью и силамъ. Не менѣе различны бывали эти соединяемые между собою и по своему нравственному складу и по тому, что̀ привело ихъ къ общему пруту. Прутъ убивалъ всякую индивидуальность, возможную даже въ условіяхъ этапнаго пути; онъ насильственно связывалъ людей, обыкновенно другъ другу чуждыхъ, часто ненавистныхъ. Онъ отнималъ у нихъ слабое утѣшеніе одиночества, то утѣшеніе, отсутствіе котораго такъ испугало Достоевскаго, когда, оглядѣвшись въ „Мертвомъ домѣ", онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: „Я никогда не буду одинъ"! Неизбѣжные свидѣтели и слушатели всего, что̀ дѣлаютъ и говорятъ случайные товарищи, нанизанные на прутъ ссыльные сбивались съ ноги, не поспѣвали другъ за другомъ, слабые тяготили сильныхъ, крѣпкіе негодовали на слабыхъ. Топочась около прута, наступая другъ на друга, натирая затекавшія руки наручнями, желѣзо которыхъ невыносимо накалялось подъ лучами степного солнца и леденило зимою, причиняя раны и отмороженія, ссыльные не были спускаемы съ прута и на этапномъ пунктѣ, безъ крайней въ томъ нужды. Эта нужда наступала лишь если товарищи по пруту приволокли съ собою умирающаго или тяжко больного, на котораго брань, проклятія и даже побои спутниковъ уже не дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ. Иначе всѣ остаются на прутѣ, спять прикованные къ нему и при отправленіи естественной нужды каждаго присутствуютъ всѣ остальные... Можно себѣ представить, сколько поводовъ для ссоръ, для дракъ даже, подавало такое насильственное сообщество. И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по безконечному сибирскому тракту много лѣтъ тысячи людей, разъединенныхъ своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся въ одномъ общемъ чувствѣ безсильнаго озлобленія и отчаянія...

II.

Картины русскаго тюремнаго быта, поражавшія Венинга и изображенныя имъ въ особой запискѣ, написанной съ твердостью и краснорѣчіемъ прямодушнаго и свободнаго человѣка, имѣли сильное вліяніе на императора Александра I. Онъ съ сочувствіемъ при-

нялъ предложенный Венингомъ въ 1818 г. проектъ образованія въ Россіи попечительнаго о тюрьмахъ общества, и 19 іюля 1819 г. такое общество было учреждено по всеподданнѣйшему докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Въ уставѣ общества,—первымъ президентомъ котораго былъ назначенъ тотъ же князь Голицынъ,—цѣль и содержаніе дѣятельности общества были опредѣлены какъ нравственное исправленіе преступниковъ и улучшеніе положенія заключенныхъ. Для этого общество должно было заботиться о введеніи и устройствѣ „по удобности"—ближайшаго и постояннаго надзора надъ заключенными, размѣщенія ихъ по роду преступленій, наставленія ихъ въ правилахъ благочестія и доброй нравственности, занятія ихъ приличными упражненіями и заключенія буйствующихъ въ уединенное мѣсто. Задача эта могла, однако, достигаться лишь отчасти и, по большей части, неудовлетворительно. Широкія и цѣлесообразныя начертанія Екатерины II, изложенныя въ собственноручно ею написанномъ въ 1787 году уставѣ о тюрьмахъ, не получили осуществленія и, подобно знаменитому Наказу, остались въ области благихъ пожеланій. Александръ I, сочувствуя Венингу, тщательно исключилъ однако, во время пребыванія на ахенскомъ конгрессѣ, изъ его проекта все, что̀ касалось власти попечительнаго общества по внутреннему устройству тюремъ, оставивъ ихъ по прежнему въ вѣдѣніи министерства полиціи, отъ котораго вполнѣ зависѣла дальнѣйшая судьба представленій общества „о всемъ замѣченномъ". Поэтому, обществу, обреченному первоначально на чисто благотворительную дѣятельность, приходилось отказываться отъ исполненія большинства своихъ задачъ, встрѣчая постоянное противодѣйствіе въ загрубѣлой рутинѣ начальства мрачныхъ и безобразно устроенныхъ остроговъ. Да и въ лицѣ своихъ президентовъ общество не всегда встрѣчало сочувственное къ себѣ отношеніе: государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, замѣнившій въ 1822 г. Голицына, писавшій 19 сентября 1822 года въ Грузино Аракчееву: „дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей (Настасьею Минкиною)",—говоритъ объ обществѣ:—„мнѣ теперь новыя хлопоты чрезъ тюремное общество, не потому, чтобы дѣла онаго были столь трудны, но потому, что трудно согласить пестрое сборище высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ, такъ что иногда рѣшаешься, дабы съ ними только не совсѣмъ разладить, подписать и что-нибудь уродное..."

Чисто благотворительный характеръ комитетовъ попечитель-

наго общества не могъ, однако, удержаться долго. Самое понятіе о попеченіи требовало не только надзора, но и заботы объ улучшенія,—т.-е. дѣятельности созидающей. При невмѣшательствѣ комитетовъ во внутреннюю жизнь тюрьмы, благотвореніе обратилось бы въ Сизифову работу. Моральные и даже матеріальные результаты благотворительности уничтожались бы въ самомъ корнѣ вліяніемъ тюремныхъ порядковъ, представлявшихъ въ сущности организованный и растлѣвающій безпорядокъ. Правительство вскорѣ это сознало. Уже въ 1827 г., на комитеты попечительнаго общества возложенъ сначала надзоръ, а потомъ и вся забота о продовольствіи арестантовъ. Это былъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ приданія дѣятельности комитетовъ управляющаго характера, чему не мало способствовало и то, что первое время не только во главѣ, но и въ составѣ комитетовъ, стояли люди, занимавшіе высокое и вліятельное служебное положеніе, которое не пріучило ихъ къ пассивной роли соболѣзнующихъ созерцателей. Они стремились проявить свою личность—и туманный обликъ благотворительнаго общества сталъ быстро принимать ясныя очертанія живого учрежденія съ опредѣленнымъ и весьма широкимъ кругомъ практической дѣятельности. Благодаря такому направленію, попечительное о тюрьмахъ общество выполнило свою задачу съ несомнѣнной пользою. Если условія тюремной жизни, вызывавшія негодующія слова у Венинга, отошли въ область невозвратнаго прошлаго,—если наша тюрьма, изъ мѣста напраснаго мучительства и разврата, путемъ постепенныхъ, хотя и медленныхъ улучшеній, обратилась въ свое настоящее состояніе, соотвѣтствующее тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ по отношенію къ ней государственный бюджетъ, то этому она, конечно, прежде всего обязана постоянной и цѣлесообразной работѣ тюремныхъ комитетовъ. Въ послѣдніе годы дѣятельность попечительнаго общества подвергалась у насъ частой и суровой критикѣ. Общество признавалось отжившимъ свой вѣкъ учрежденіемъ, въ жизнь котораго вторглись элементы бюрократическаго производства и канцелярской отписки. Все это—особливо же послѣднее—вѣрно, и упреки, дѣлаемые обществу, въ значительной мѣрѣ справедливы. Но все-таки не надо забывать и его заслугъ. Оно—въ той формѣ, которую представляло въ послѣдніе годы своего существованія—отжило, но оно *жило*...

Въ Москвѣ учрежденіе губернскаго тюремнаго комитета было разрѣшено 24 января 1828 года, по представленію и настоянію генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Люди разныхъ партій и во всемъ противоположныхъ мнѣній схо-

дятся въ высокой оцѣнкѣ ума и душевныхъ качествъ этого человѣка. Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева („la princesse Moustache“), проведшій свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи, слушатель въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ, независимый и ненуждавшійся ни въ средствахъ, ни въ службѣ, прямодушно преданный безъ искательства, властный безъ ненужнаго проявленія власти, неизмѣнно вѣжливый, привѣтливый и снисходительный, екатерининскій вельможа по пріемамъ, передовой человѣкъ своего времени по идеямъ, князь Д. В. Голицынъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая и нѣжною любовью москвичей. Онъ не могъ не откликнуться на человѣколюбивые планы Венинга, и вся первоначальная организація московскаго комитета есть дѣло его рукъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Рядъ постановленій и инструкцій написанъ имъ лично; на множествѣ журналовъ комитета и на разныхъ запискахъ, туда представленныхъ, есть масса его помѣтокъ, разсужденій, резолюцій. Онъ входилъ во все, во всѣ мелочи, излагая свои мнѣнія, предположенія и сомнѣнія прекраснымъ, точнымъ языкомъ,—красивымъ, бѣглымъ, немного женскимъ почеркомъ. Нельзя не удивляться энергіи и умѣнью находить время для занятія новымъ дѣломъ человѣка, по условіямъ своего званія державшаго въ рукахъ бразды правленія „сердцемъ Россіи“, которое въ это время, воспрянувъ послѣ наполеоновскаго погрома, билось со всею полнотою и силою обновленной жизни.

Назначенный вице-президентомъ московскаго комитета вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, Голицынъ былъ очень озабоченъ личнымъ составомъ комитета. Въ дѣлахъ послѣдняго сохранился рядъ его собственноручныхъ списковъ съ именами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, съ пользою могъ послужить дѣлу тюремнаго преобразованія въ званіи директора. Списки эти передѣлывались, провѣрялись. Изъ врачей въ нихъ предположено было внести—знаменитаго анатома Лодера, профессоровъ Мудрова и Рейса, докторовъ Поля и *Гааза*. Послѣдній фигурировалъ во всѣхъ проектахъ и одинъ остался въ окончательномъ спискѣ. Замѣчательно, что московскій городской голова, Алексѣй Мазуринъ, „принося совершеннѣйшую благодарность за милостивое къ нему вниманіе“, категорически отказался отъ званія директора и что то же самое сдѣлали купцы Лепешкинъ и Куманинъ.

29 декабря 1828 года, комитетъ былъ торжественно открытъ

княземъ Д. В. Голицынымъ. Составленная имъ рѣчь лучше всего рисуетъ его отношеніе къ новой задачѣ и пониманіе имъ ея размѣровъ. „Давно чувствовалъ я, милостивые государи,—сказалъ онъ,—необходимость лучшаго устройства тюремныхъ заведеній въ здѣшней столицѣ посредствомъ попечительнаго комитета, уже существующаго въ Петербургѣ, но разныя обстоятельства не дозволяли мнѣ того исполнить... Съ помощью Божьею приступая нынѣ къ открытію сего комитета, я въ душѣ моей увѣренъ, что отъ соединенія взаимныхъ трудовъ и усилій нашихъ произойдутъ плоды вожделѣннѣйшіе, не только въ отношеніи къ обществу и нравственности, но и въ отношеніи къ самой религіи, и что, можетъ быть, мы будемъ столько счастливы, что найдемъ между заключенными въ тюрьмахъ и такихъ, которые оправдаютъ нашимъ попеченіемъ объ нихъ ту великую истину, *что и злѣйшіе изъ преступниковъ никогда не безнадежны къ исправленію*“...

Но какъ бы ни были широко проникнуты человѣчностью взгляды Голицына на дѣятельность комитета, онъ одинъ, самъ по себѣ, не могъ бы еще многаго сдѣлать уже потому, что предсѣдательство въ тюремномъ комитетѣ составляло лишь одну изъ частицъ, и притомъ весьма некрупныхъ, всей совокупности его сложныхъ обязанностей. Несмотря на теплое отношеніе къ задачамъ комитета, онъ не могъ даже предсѣдательствовать во всѣхъ его засѣданіяхъ, и его часто замѣнялъ митрополитъ Филаретъ.

Голицынымъ былъ лишь данъ толчокъ, были указаны возвышенныя задачи,—но задача эта могла оказаться неисполнимою и тщетною, еслибы не нашелся человѣкъ, посвятившій ей свою жизнь, начавшій биться какъ сердце новаго учрежденія, давая чувствовать свои толчки во всѣхъ артеріяхъ его сложнаго организма.

Человѣкъ этотъ былъ—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

III.

Фридрихъ Іосифъ (Ѳедоръ Петровичъ—какъ называли его всѣ въ Москвѣ) Гаазъ (Haas) родился 24 августа 1780 года близъ Кёльна, въ старинномъ живописномъ городкѣ Мюнстерейфелѣ, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ, и гдѣ поселился, переѣхавъ изъ Кёльна, его дѣдъ, докторъ-медицины. Семья, въ которой провелъ свое дѣтство Гаазъ, была довольно многочисленная, состоя изъ пяти братьевъ и трехъ сестеръ, но, несмотря на скромныя средства его отца, всѣ его братья получили солидное образованіе.

Два старшихъ, окончивъ курсъ богословскихъ наукъ, приняли духовный санъ, двое младшихъ пошли на службу по судебной части. Двѣ сестры вышли замужъ, а третья—Вильгельмина, прожившая въ Москвѣ десять лѣтъ (1822—1832) съ братомъ, вернулась въ Кёльнъ, чтобы замѣнить осиротѣлымъ дѣтямъ одного изъ братьевъ—ихъ умершую мать. Она умерла въ 1866 году, а въ 1876 году умеръ, въ возрастѣ 86 лѣтъ, и послѣдній, младшій изъ братьевъ Гааза, занимавшій должность члена въ кёльнскомъ апелляціонномъ судѣ, какъ писала намъ Анна Гаазъ, отъ 2 ноября 1891 г. Воспитанникъ мѣстной католической церковной школы, потомъ усердный слушатель курсовъ философіи и математики въ іенскомъ университетѣ, Фридрихъ Гаазъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался глазными болѣзнями, подъ руководствомъ пользовавшагося тогда большою извѣстностью офтальмолога, профессора Адама Шмидта. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Репнину и съ успѣхомъ его вылечившій, онъ, вслѣдствіе уговоровъ своего благодарнаго паціента, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Россію и поселился, съ 1802 года, въ Москвѣ.

Любознательный, энергическій и способный молодой врачъ скоро освоился съ русскою столицею и пріобрѣлъ въ ней большую практику. Его приглашали на консультаціи, ему были открыты московскія больницы и богоугодныя заведенія. Обозрѣвая ихъ въ 1806 году, онъ нашелъ въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ множество совершенно безпомощныхъ больныхъ, страждущихъ глазами, и принялся, съ разрѣшенія губернатора Ланского, за ихъ безвозмездное леченіе. Успѣхъ этого врачеванія былъ огромный и всѣми признанный, послѣдствіемъ чего явилось настойчивое желаніе привлечь молодого и искуснаго доктора на дѣйствительную службу, такъ что уже 4 іюня 1807 года контора Павловской больницы въ Москвѣ получила приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „по отличному одобренію знанія и искусства доктора-медицины Гааса, какъ въ леченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ, Ея Императорское Величество (императрица Марія Ѳеодоровна) находитъ его достойнымъ быть опредѣлену въ Павловской больницѣ надъ медицинскою частью главнымъ докторомъ... и Высочайше соизволяетъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе, а его, Гааса, *заставить вступить въ сію должность немедленно*... что же касается до того, что онъ россійскаго языка не умѣетъ, то онъ можетъ онаго выучить скоро, столько, сколько нужно будетъ

по его должности, а между тѣмъ съ нашими штабъ-лекарями онъ можетъ изъясняться по-латынѣ"...

Вступивъ въ должность старшаго врача, Гаазъ не оставилъ своихъ заботъ о страдающихъ глазами и постоянно посѣщалъ ихъ въ различныхъ заведеніяхъ Москвы. Особенно многихъ пришлось ему лечить въ Екатерининскомъ богаделенномъ домѣ, за что, по представленію Ланского, ему былъ данъ владимірскій крестъ 4-ой степени, который онъ очень впослѣдствіи цѣнилъ, какъ воспоминаніе о первыхъ его годахъ дѣятельности въ Россіи.

Въ 1809 и 1810 годахъ, Гаазъ совершилъ двѣ поѣздки на Кавказъ, для ознакомленія съ тамошними минеральными водами. Выхлопотать себѣ право на эти поѣздки стоило ему не малаго труда,—вторая поѣздка была ему разрѣшена лишь въ видѣ исключенія и съ тѣмъ, что, какъ сказано въ приказѣ по больницѣ 31-го мая 1810 г., онъ „сей просьбы впредь повторять не будетъ". Но польза, принесенная этими поѣздками, была все-таки сознана и притомъ скоро, такъ какъ уже 22-го февраля 1811 года статсъ-секретарь Молчановъ увѣдомлялъ министра полиціи о производствѣ Гааза въ надворные совѣтники, вслѣдствіе обращенія государемъ особаго вниманія на отличныя способности, усердіе и труды доктора Гааза „не токмо въ исправленіи должности въ Павловской больницѣ, но и неоднократно имъ оказанные во время пребыванія при кавказскихъ цѣлительныхъ водахъ".

Описаніе своего пребыванія на Кавказѣ и предпринятыхъ тамъ работъ Гаазъ изложилъ въ превосходно изданной имъ въ 1811 году книгѣ: „Ma visite aux eaux d'Alexandre" (большой in 4°, 365 страницъ), составляющей нынѣ большую рѣдкость, ибо большая часть ея экземпляровъ погибла при пожарѣ Москвы. Пребываніе Гааза на Кавказѣ было весьма плодотворно. Драгоцѣннѣйшіе источники, пользованіе которыми и до сихъ поръ, благодаря бюрократической инерціи, не поставлено въ надлежащія культурныя условія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились въ полномъ забросѣ и пренебреженіи. Когда, въ ноябрѣ 1800 года, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ доносилъ о мѣрахъ, которыя предприняты имъ для охраненія и огражденія отъ горцевъ теплыхъ и кислыхъ водъ около Константиногорска, полезныхъ для излеченія „отъ ломотныхъ и скорбутныхъ болѣзней", то онъ получилъ въ отвѣтъ рескриптъ имп. Павла отъ 15-го декабря 1800 г., въ которомъ говорилось, что „издержки и вспомоществованіе со стороны войскъ, для содержанія сихъ колодцевъ надобныя, не соотвѣтствуютъ той пользѣ, которую отъ нихъ ожидать можно, тѣмъ паче, что въ государствѣ разные таковые

колодцы мы имѣемъ; все сіе рѣшило меня вамъ предписать оставить сіе предпріятіе впредь до удобнаго времени"... Труды Гааза по изслѣдованію и изученію этихъ водъ были, столь обильны результатами, что знатокъ исторіи этихъ водъ, докторъ Святловскій, предлагаетъ даже назвать первый періодъ этой исторіи, съ 1717 по 1810 гг., *Петровско-Гаазовскимъ*, такъ какъ еще Петръ, каждый слѣдъ котораго, по выраженію поэта, „для сердца русскаго есть памятникъ священный", во время персидскаго похода приказалъ лейбъ-медику Шоберу обратить вниманіе на горячіе „бештаугорскіе ключи". Достаточно сказать, что Гаазъ не только впервые систематически и научно изслѣдовалъ и описалъ одно изъ богатыхъ природныхъ достояній Россіи, но и лично открылъ сѣрно-щелочной источникъ въ Ессентукахъ, обозначенный въ 1823 г. № 23, какъ видно изъ его книги,—и рядъ цѣлебныхъ ключей въ Желѣзноводскѣ. Профессоръ Нелюбинъ, авторъ обширнаго труда „Полное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ" (1825 г.), считающагося доселѣ однимъ изъ выдающихся, говоритъ: „Докторъ Гаазъ, во время пребыванія своего на кавказскихъ водахъ, произвелъ въ Константиногорскѣ (нынѣ Желѣзноводскъ) химическое изслѣдованіе надъ тремя сѣрными источниками Машука... Да дозволено мнѣ будетъ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью упомянуть о трудахъ доктора Гааза и профессора Рейса: оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральнымъ водамъ—первый своими врачебными наблюденіями, а послѣдній—химическимъ разложеніемъ водъ; въ особенности же должно быть благодарнымъ Гаазу за принятый имъ на себя трудъ изслѣдовать, кромѣ главнаго источника, еще два сѣрныхъ ключа на Машукѣ и одинъ на Желѣзной горѣ, которые до того времени еще никѣмъ не были испытаны. Сочиненіе, изданное Гаазомъ по сему предмету, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ первымъ и лучшимъ въ своемъ родѣ".

Сдѣланное Гаазомъ описаніе водъ, содержа въ себѣ массу химическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ наблюденій, изобилуетъ живыми изображеніями природы и условій жизни на Кавказѣ. Глубокое уваженіе къ наукѣ и негодованіе на ея недостойныхъ служителей звучатъ въ книгѣ Гааза, наравнѣ съ отголосками его обширнаго философскаго образованія. Частыя цитаты изъ Шеллинга и Бэкона и разнообразныя историческія ссылки свидѣтельствуютъ, что авторъ не односторонній знатокъ только своего спеціальнаго дѣла, что онъ къ 30-мъ годамъ жизни уже много передумалъ и перечувствовалъ. „Aucune chose n'est médicament en elle même; toute chose peut le devenir par la

manière de l'appliquer à l'organisme; tout médicament peut devenir poison dans certains états de l'organisme—et par certaines manières de l'employez", — говорилъ онъ. „La médecine,—продолжалъ онъ далѣе,—est la science, qui recherche le rapport qui existe entre les différentes substances de la nature et entre les différents états du corps humain. La médecine est la reine des sciences. Elle l'est non parce que la vie, qu'elle soigne, est une chose si charmante et si chère aux hommes; elle l'est parce que la santé de l'homme est la condition sans laquelle rien ne se fait de grand et de beau dans le monde; parce que la vie en général, que la médecine contemple, est la source, la fin et la règle de tout; parce que la vie, dont la médecine est la science, est l'essence même, dont toutes les autres sciences sont des attributs, des émanations, des différents reflets".

Ставя чрезвычайно высоко дѣятельность врача, Гаазъ тутъ же горячо прибавляетъ: „mais nous répudions comme membres de cet art sacré, les personnes mercenaires, qui, par une prévarication ignoble, sacrifient également le salut des malades à leur orgueil et à leur cupidité—et leur propre honneur aux caprices humiliants des malades bienportans". Свое высокое мнѣніе о званіи врача Гаазъ выразилъ, впрочемъ, еще раньше, написавъ, въ 1806 году, въ альбомъ своего товарища по университету, Эрлевейна: „Was der Meusch unter den Producten der Natur ist, das ist der Arzt unter den Gelehrten".

Не имѣя возможности, даже и въ краткомъ очеркѣ, изложить интереснѣйшее содержаніе книги Гааза, мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ нея, пріобрѣтающее особое значеніе въ виду дальнѣйшей дѣятельности автора, наполнившей всю вторую половину его жизни. „Человѣкъ,—говоритъ онъ,—рѣдко думаетъ и дѣйствуетъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ занятъ; образъ его мыслей и дѣйствій обыкновенно опредѣляется совокупностью обстоятельствъ, отношеніе коихъ между собою и вліяніе на то, что̀ онъ называетъ своимъ рѣшеніемъ или своею волею, ему не только неизвѣстны, но и вовсе имъ не сознаются. Признавать эту зависимость человѣка отъ обстоятельствъ—не значитъ отрицать въ немъ способность правильно судить о вещахъ, сообразно ихъ существу—или считать за ничто вообще волю человѣка. Это было бы равносильно признанію человѣка—этого чуднаго творенія—несчастнымъ автоматомъ. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, какъ рѣдки между людьми настоящіе люди. Эта зависимость требуетъ снисходительнаго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ и

слабостямъ. Въ этомъ снисхожденіи, конечно, мало лестнаго для человѣчества,—но упреки и порицанія по поводу такой зависимости были бы и несправедливы и жестоки".

Оставивши службу 1-го іюня 1812 года, онъ вновь вступилъ въ нее въ 1814 году и, будучи зачисленъ вначалѣ въ дѣйствующую армію, былъ подъ Парижемъ и затѣмъ, выйдя по окончаніи войны снова въ отставку, отправился въ Мюнстерейфель, гдѣ, какъ сообщаетъ намъ племянница его, Анна Гаазъ, въ письмѣ отъ 22-го марта 1891 г., засталъ всю семью въ сборѣ у постели умирающаго отца. Старикъ былъ радостно тронутъ неожиданнымъ свиданіемъ. „Нынѣ отпущаеши, Господи, раба Твоего съ миромъ",—повторялъ онъ, благословляя сына, на рукахъ котораго и умеръ. Пребываніе на родинѣ продолжалось, однако, не долго,—Гааза неудержимо тянуло въ страну, гдѣ онъ уже началъ работать на общую пользу. Онъ вернулся въ Россію—и, вполнѣ овладѣвъ русскимъ языкомъ, слился душою съ русскимъ народомъ, понявъ и полюбивъ его. Первое время онъ не поступалъ на службу, а занимался частною практикою, которая вскорѣ приняла обширные размѣры. Гаазъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ врачей Москвы. Несмотря на полное отсутствіе корысти, онъ, въ силу своего положенія, явился обладателемъ весьма хорошихъ средствъ. Его постоянно приглашали на консультаціи, съ нимъ пріѣзжали совѣтоваться издалека. Въ 1821 году, Сабанѣевъ пишетъ Ермолову на Кавказъ, уговаривая послѣдняго пріѣхать въ Москву, чтобы посовѣтоваться о своихъ недугахъ съ Гаазомъ.

Вскорѣ, однако, Гаазу снова пришлось поступить на службу. Въ вѣдѣніи московской медицинской конторы находилась запасная аптека, снабжавшая медикаментами армію въ 300 т. человѣкъ и 30 госпиталей и больницъ. Вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій въ ея управленіи и содержаніи, штадтъ-физикъ былъ смѣщенъ и министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ генералъ-губернатору избрать на эту должность „достойнаго". Князь Голицынъ обратился къ Гаазу, который долго отказывался, „будучи удерживаемъ мыслью о своихъ несовершенствахъ", но наконецъ принялъ званіе штадтъ-физика 14-го августа 1825 года, тотчасъ же дѣятельно принялся за вопросы о различныхъ преобразованіяхъ по медицинской части столицы и повелъ горячую войну съ мертвящею апатіею, которую встрѣтилъ въ своихъ сослуживцахъ по медицинской конторѣ. Новое, живое отношеніе его къ задачамъ медицинской администраціи столицы непріятно тревожило ихъ спокойствіе и колебало прочность ихъ взглядовъ и пріемовъ. Пошли пререканія, жалобы, доносы. Въ нихъ Гаазъ выставлялся,

неспокойнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, утруждающимъ начальство разными вздорными проектами. По благородной привычкѣ, незабытой и до сихъ поръ, припѣвомъ ко всѣмъ на него нареканіямъ явилось его не-русское происхожденіе и то, что за нимъ не было долгихъ непрерывныхъ лѣтъ. „хожденія въ присутствіе". Повторилась обычная исторія. Сплотившіяся въ общемъ чувствѣ ненависти и зависти къ новатору, да еще и „нѣмцу"— ничтожества одолѣли, въ концѣ концовъ, Гааза. Отстаивая свои планы и предположенія, оправдываясь съ достоинствомъ и твердостью сознаваемой правоты, штадтъ-физикъ, однако, чрезъ годъ долженъ былъ признать, что не въ силахъ ничего сдѣлать съ бюрократическою рутиною и недоброжелательствомъ.

Онъ предлагалъ, напримѣръ, упорядочить продажу „секретныхъ" средствъ и облегчить русскимъ изобрѣтателямъ возможность примѣненія сбыта придуманныхъ или найденныхъ ими полезныхъ средствъ. Ему отвѣчали, что *на сей предметъ уже существуютъ надлежащія и достаточныя законоположенія.* Представляя полицейскія свѣдѣнія о скоропостижно умершихъ въ 1825 г. въ Москвѣ (всего въ теченіе года 176, въ томъ числѣ отъ „апоплексическаго кровомокротнаго удара вслѣдствіе грудной водяной болѣзни" два) и совершенно основательно, въ виду ряда приводимыхъ имъ примѣровъ, предполагая, что большинство изъ нихъ умерло отъ несвоевременно поданной помощи и даже отъ полнаго ея отсутствія, онъ предлагалъ просить объ учрежденіи въ Москвѣ особаго врача, для наблюденія за организаціею попеченія о внезапно заболѣвшихъ, нуждающихся въ немедленной помощи, по примѣру Гамбурга, гдѣ въ продолженіе 18 лѣтъ, начиная съ 1808 года, спасено изъ 1.794, близкихъ къ скоропостижной смерти, 1.677 человѣкъ. Контора отвѣчала ему постановленіемъ о томъ, что мѣра эта *излишня и безполезна,* ибо при каждой части города Москвы есть уже *положенный по штату лекарь.* Указывая, что въ 1815 году было упразднено въ Екатерининской больницѣ 50 кроватей для крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, вслѣдствіе отказа установить плату съ владѣльцевъ такихъ больныхъ по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, и что вслѣдствіе этого съ 1822 по 1825 годъ отказано въ пріемѣ 2.774 больнымъ, нѣкоторые изъ которыхъ были брошены на улицѣ и тамъ скончались, онъ, ссылаясь на увеличеніе средствъ приказа общественнаго здравія, просилъ контору хлопотать о возстановленіи упраздненныхъ кроватей, „будучи далекъ отъ безнадежности хотя бы и чрезъ сіе малое пособіе предуготовить помощь нѣкоторымъ изъ великаго числа страждущихъ". Ему отвѣчали лаконическою отпис-

кою, что о представленіи его будетъ *доведено до свѣдѣнія* по принадлежности. Испуганный результатомъ оспеннаго зараженія въ Москвѣ, онъ входилъ въ контору съ подробною запискою о рядѣ практическихъ мѣръ и необходимыхъ средствъ къ успѣшному введенію оспопрививанія, встрѣчавшаго постоянныя препятствія въ апатическомъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ нему мѣстныхъ врачей и иныхъ начальствъ и въ „предразсудкахъ многихъ людей, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то повреждения въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худого вліянія на самую нравственность". Записка сопровождалась „прожектомъ" и различными, потребовавшими усидчиваго труда, табелями и реестрами. Ему отвѣчали постановленіемъ объ отсылкѣ записки „по принадлежности", съ присовокупленіемъ мнѣнія, что по предмету оспопрививанія *уже существуютъ надлежащія законныя постановленія*. Наконецъ, его тревожилъ нецѣлесообразный и противорѣчащій элементарнымъ понятіямъ о душевныхъ болѣзняхъ порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ, къ сожалѣнію сохранившій многія свои ненормальныя стороны и до сихъ поръ. Нужно требовать, утверждалъ онъ, предварительныхъ свѣдѣній отъ родныхъ, свидѣтельствующихъ о жизни свидѣтельствуемаго, характерѣ и признакахъ болѣзни, нужно подвергать его предварительному испытанію чрезъ врачей,—а нельзя прямо, внезапно, безъ всякихъ свѣдѣній о прошломъ, ставить человѣка „подчиненнаго или меньшаго званія", предъ „первѣйшими лицами губернскаго правительства", не рискуя смутить его, принудить къ молчанію и вообще лишить возможности сохранять свое умственное спокойствіе, тѣмъ болѣе, что и члены физиката, люди подчиненные губернатору, „сами часто бываютъ объяты къ послѣднему чувствомъ, мѣшающимъ заняться съ полнымъ вниманіемъ и свободою больнымъ, которому они, поэтому же, не внушаютъ и довѣрія. „Предлагая рядъ правилъ, быть можетъ не лишнихъ и теперь, чрезъ семьдесятъ-пять лѣтъ, и гарантирующихъ научность и независимость въ изслѣдованіи состоянія предполагаемыхъ сумасшедшихъ, Гаазъ просилъ медицинскую контору взять его мнѣніе въ разсужденіе. Контора не нашла, однако, представленіе это достойнымъ „взятія въ разсужденіе", а ограничилась препровожденіемъ его гражданскому генералъ-штабъ-доктору.

Такимъ образомъ, канцелярская трясина засасывала почти каждое мнѣніе или начинаніе „безпокойнаго" штадтъ-физика, отвѣчая на нихъ своего рода указаніями,—въ родѣ занесеннаго въ протоколъ замѣчанія инспектора медицинской конторы Добронравова

о томъ, что „конторѣ неизвѣстно, *какими путями* достигъ, будучи *иноземцемъ*, докторъ Гаазъ чиновъ". Объяснивъ, въ оффиціальномъ письмѣ на имя инспектора, что еще 1-го марта 1811 года императрица Марія Ѳеодоровна увѣдомила рескриптомъ главнаго директора Павловской больницы, что, „уважая искусство и рвеніе доктора Гааза, она испросила у Императора, Любезнѣйшаго своего Сына, пожалованіе ему чина надворнаго совѣтника, въ ожиданіи, что онъ тѣмъ поощрится къ усугубленію ревностнаго своего старанія",—Гаазъ прибавляетъ: „съ тѣхъ поръ, уже 16 лѣтъ я посвятилъ всѣ свои силы на служеніе страждущему человѣчеству въ Россіи, и если чрезъ сіе не пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ права на усыновленіе, какъ предполагаетъ г. инспекторъ, говоря, что я иноземецъ, то я буду весьма несчастливъ"...—27-го іюля 1826 года—своеобразное патріотическое чувство г. Добронравова получило удовлетвореніе. Иноземецъ оставилъ должность штадтъ-физика. Но его недругамъ этого было мало. Они хотѣли оставить ему прочное о себѣ воспоминаніе. Въ виду того, что въ запасной аптекѣ оказался испорченнымъ отъ сырости огромный запасъ ревеня (медикамента очень цѣннаго), Гаазъ предпринялъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, ремонтъ зданія, стоившій 1.502 р. и устроилъ при этомъ, сверхъ смѣты, блокъ для поднятія ревеня въ верхніе этажи и чуланчики при помѣщеніи служащихъ. Это послужило къ возбужденію переписки „о незаконномъ израсходованіи бывшимъ штадтъ-физикомъ Гаазомъ 1.502 р.", которая, несмотря на письменное обязательство его, уплатить эту сумму изъ собственныхъ денегъ, еслибы выдача не была утверждена начальствомъ, длилась, причиняя ему много волненій и непріятностей, *девятнадцать лѣтъ* и окончилась признаніемъ его дѣйствій вполнѣ правильными. Цѣль отомстить честному человѣку, уязвивъ его въ самое больное мѣсто, была достигнута.

Оставя медицинскую контору, Гаазъ снова предался частной практикѣ, отзываясь на всякую нужду въ немъ, какъ въ медикѣ. Такъ, еще въ концѣ 1826 года московскій комендантъ доносилъ генералъ-губернатору, что развившаяся съ чрезвычайною силою въ московскомъ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемическая глазная болѣзнь прекращена, лишь благодаря энергіи и знаніямъ нарочито приглашеннаго извѣстнаго спеціалиста доктора Гааза. Въ это время ему было 47 лѣтъ; онъ постоянно носилъ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе—фракъ, бѣлое жабо и манжеты,—короткія, до колѣнъ, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками; пудрилъ волосы и собиралъ ихъ, сначала сзади въ широкую косу

съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, начавъ сильно терять волосы, сталъ носить небольшой рыжеватый парикъ;—ѣздилъ, по тогдашней модѣ, цугомъ, въ каретѣ, на четырехъ бѣлыхъ лошадяхъ. Обладая въ Москвѣ домомъ и подмосковнымъ имѣніемъ въ селѣ Тишкахъ, гдѣ онъ устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обезпеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ Шеллингомъ.

Къ этому-то человѣку обратился князь Д. В. Голицынъ, набирая первый составъ московскаго попечительства о тюрьмахъ комитета. Гаазъ отвѣтилъ на приглашеніе горячимъ письмомъ, кончая его словами: „Simplement et pleinement je me rends à la vocation de membre du comité des prisons". И дѣйствительно, понявъ свое новое призваніе, онъ отдался ему вполнѣ, начавъ съ новою дѣятельностью и новую жизнь. Назначенный членомъ комитета и главнымъ врачомъ московскихъ тюремъ, и занимая съ 1830 по 1835 должность секретаря комитета, онъ приступилъ къ участію въ дѣйствіяхъ комитета съ убѣжденіемъ, что между *преступленіемъ*, *несчастіемъ* и *болѣзнью* есть тѣсная связь,—что трудно, а иногда и совершенно невозможно отграничить одно отъ другого и что отсюда вытекаетъ и трояваго рода отношеніе къ лишенному свободы. Необходимо *справедливое*, безъ напрасной жестокости, отношеніе къ *виновному*, дѣятельное *состраданіе* къ *несчастному* и *призрѣніе больного*. Выше было указано, что положеніе вещей при открытіи тюремныхъ комитетовъ было совершенно противоположное. За виновнымъ отрицались почти всѣ человѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному—въ участіи.

Съ этимъ положеніемъ вещей вступилъ въ открытую борьбу Гаазъ и велъ ее всю жизнь. Его ничто не останавливало, не охлаждало,—ни канцелярскія придирки, затрудненія и путы, ни косые взгляды и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ изъ предсѣдателей комитета, ни столкновенія съ сильными міра, ни гнѣвъ всемогущаго графа Закревскаго, ни даже частыя и горькія разочарованія въ людяхъ... Изъ книги, изданной послѣ его смерти (Appel aux femmes), онъ вѣщаетъ: „*торопитесь дѣлать добро*"! Слова эти были лозунгомъ всей его дальнѣйшей жизни, каждый день которой былъ живымъ ихъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ. Увидавъ во-очію положеніе тюремнаго дѣла, входя въ соприкосновеніе съ арестантами, Ѳедоръ Петровичъ очевидно испыталъ сильное душевное потрясеніе. Мужественная душа его

не убоялась, однако, горькаго однообразія представившихся ему картинъ, не отвернулась отъ нихъ съ трепетомъ и безплоднымъ соболѣзнованіемъ. Съ непоколебимою любовью къ людямъ и къ правдѣ вглядѣлся онъ въ эти картины и съ упорною горячностью сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ темныхъ сторонъ. Этому труду и этой любви отдалъ онъ все свое время, постепенно переставъ жить для себя. Съ открытія комитета до кончины Ѳедора Петровича, въ теченіе почти 25 лѣтъ, было всего 293 засѣданія комитета—и въ нихъ онъ отсутствовалъ только одинъ разъ, да и то мы увидимъ, по какому поводу. И въ журналѣ каждаго засѣданія, какъ въ зеркалѣ, отражается его неустанная, полная энергіи и забвенія о себѣ дѣятельность. Чѣмъ далѣе шли годы, чѣмъ больше накоплялось этихъ журналовъ, тѣмъ рѣзче измѣнялись образъ и условія жизни Гааза. Быстро исчезли бѣлыя лошади и карета, съ молотка пошла оставленная безъ „хозяйскаго глаза“ и заброшенная суконная фабрика, безслѣдно продана была недвижимость, обветшалъ оригинальный костюмъ, и когда, въ 1853 году, пришлось хоронить нѣкогда виднаго и извѣстнаго московскаго врача, обратившагося, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смѣшного одинокаго чудака, то оказалось необходимымъ сдѣлать это на счетъ полиціи...

IV.

Обязанный по должности своей сразу имѣть дѣло и съ тюремной статикой и съ тюремной динамикой, Гаазъ тотчасъ же прозрѣлъ, сквозь загрубѣлыя черты арестанта, нестираемый преступленіемъ образъ человѣка, образъ существа, представляющаго физическій и нравственный организмъ, которому доступно страданіе. На уменьшеніе этого двоякаго страданія онъ и направилъ свою дѣятельность.

Каждую недѣлю разъ, а иногда и два, отправлялась изъ Москвы партія ссылаемыхъ въ Сибирь изъ пересыльной тюрьмы. Она была устроена въ странномъ мѣстѣ. На правомъ берегу Москвы рѣки, противъ Дѣвичьяго поля и знаменитаго монастыря, холмистою грядою возвышаются такъ-называемыя Воробьевы горы. Почти вся Москва видна съ нихъ, со своими многочисленными церковными главами, башнями и монументальными постройками. На нихъ-то хотѣлъ императоръ Александръ I воздвигнуть храмъ Спасителю по обѣту, данному въ манифестѣ, возвѣстившемъ въ 1812 году, русскому народу, что „послѣдній непріятельскій сол-

дать переступилъ границу". Громадный храмъ, по проекту молодого мистически-настроеннаго художника Витберга, долженъ былъ состоять изъ трехъ частей, связанныхъ между собою одною общею глубокою идеею. Начинаясь колоннадами отъ рѣки, храмъ образовывалъ сначала нѣчто въ родѣ полутемной колоссальной гробницы, изсѣченной въ горѣ и хранящей въ своихъ нѣдрахъ останки героевъ двѣнадцатаго года,—затѣмъ изъ этого царства смерти онъ переходилъ въ свѣтлый и богато украшенный храмъ жизни, увѣнчанный, въ свою очередь, храмомъ духа, строгимъ и прозрачнымъ, покрытымъ колоссальнымъ куполомъ. Неопытный въ жизни, довѣрчивый и непрактичный Витбергъ сдѣлался жертвою злоупотребленій и хищничества окружавшихъ его техниковъ-строителей и подрядчиковъ. Постройка храма стала обходиться такъ дорого, что проектъ показался невыполнимымъ. Витбергъ былъ отданъ подъ судъ, работа на Воробьевыхъ горахъ брошена и храмъ Спасителя возникъ гораздо позже на своемъ теперешнемъ мѣстѣ. Но отъ обширнаго предпріятія остались различныя постройки, начатыя стѣны, мастерскія, казармы для рабочихъ, кузницы и т. п. Ихъ рѣшено было утилизировать и приспособить къ устройству пересыльной тюрьмы. Такъ возникла та тюрьма на Воробьевыхъ горахъ, съ которою неразрывно связалъ свое имя Гаазъ.

Черезъ московскую пересыльную тюрьму шли арестанты, ссылаемые изъ 24 губерній и число ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ никогда не было менѣе 6.000 человѣкъ въ годъ. Такъ напр., въ 1846 г. прошло черезъ московскую пересыльную тюрьму, въ Сибирь и въ другія губерніи, арестантовъ военныхъ и гражданскихъ, не считая слѣдовавшихъ „подъ присмотромъ"—6.760 человѣкъ, въ 1848 году—7.714, въ 1851 году—8.205. Въ нѣкоторые годы число пересылаемыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ временныхъ обстоятельствъ, очень увеличивалось и этапу приходилось работать усиленно. Такъ, изъ отчета штабъ-лекаря Гофмана о числѣ задержанныхъ для справокъ и по болѣзнямъ въ московской пересыльной тюрьмѣ въ 1833 году видно, что всѣхъ пересылаемыхъ въ этомъ году было 18.147 человѣкъ, изъ которыхъ *арестантовъ* 11.149 (мужчинъ—10.423, женщинъ—726) и пересылаемыхъ „*не въ родѣ арестантовъ*"—6.998 (мужчинъ 6.971, женщинъ—27). Вообще съ 1827 года по 1846 г. въ одну Сибирь изъ Россіи препровождено чрезъ Москву 159.755 человѣкъ, не считая дѣтей, слѣдовавшихъ за родителями. Принявшись горячо за исполненіе обязанностей директора комитета и получивъ подъ свое наблюденіе, между прочимъ, и пересыльную тюрьму, Гаазъ

сразу пришелъ въ соприкосновеніе со всею массою пересылаемыхъ, и картина ихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, далеко выходившихъ за предѣлы установленной закономъ даже и для осужденныхъ кары, предстала ему во всей своей яркости. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, его поразило *препровожденіе ссыльныхъ на прутѣ*. Онъ увидѣлъ, что тягости пути обратно пропорціональны признанной судомъ винѣ ссылаемыхъ, ибо въ то время, когда важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли въ ножныхъ кандалахъ, подвѣшивая ихъ къ поясу за среднее кольцо соединявшей ножныя обоймы цѣпи, менѣе важные, шедшіе на поселеніе, нанизанные на прутъ, стѣсненные во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ, претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкѣ на полуэтапахъ, вслѣдствіе лишенія единственнаго утѣшенія узника—спокойнаго сна. Онъ услышалъ слезныя мольбы ссыльно-поселенцевъ, просившихъ, какъ благодѣянія, обращенія съ ними какъ съ каторжными. Онъ нашелъ также прикованными къ пруту не однихъ осужденныхъ, но, на основаніи ст. 120 уст. о ссыльныхъ, т. XIV (изд. 1842 г.), и препровождаемыхъ „подъ присмотромъ", т.-е. пересылаемыхъ административно на мѣсто приписки или жительства, просрочившихъ паспорты, плѣнныхъ горцевъ и заложниковъ, отправляемыхъ на водвореніе въ сѣверныя губерніи (журналы комитета за 1842 г.), бѣглыхъ кантонистовъ, женщинъ и малолѣтнихъ, и вообще массу людей, шедшихъ, согласно оригинальному народному выраженію, „по невродіи" (т.-е., говоря словами закона, „не въ родѣ арестантовъ"). Онъ нашелъ также между ними нетолько ссылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, но даже и препровождаемыхъ на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній, т.-е., вѣрнѣе, до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состояли имѣнія, при чемъ внутренняя стража вела и ихъ „въ ручныхъ укрѣпленіяхъ".

„Я открылъ,—писалъ онъ комитету въ 1833 году,—въ діалектикѣ начальниковъ внутренней стражи изреченіе „имѣть присмотръ", которое въ переводѣ на простой языкъ конвойныхъ значитъ „ковать и содержать какъ послѣднихъ арестантовъ", а по толкованію самихъ арестантовъ—значитъ „заковывать, еще строже чѣмъ каторжныхъ"... Съ тревогой и негодованіемъ созналъ онъ, что по „владиміркѣ" постоянно, со стономъ и скрежетомъ, направляются, непрерывно возобновляясь, эти подвижныя ланкастерскія школы взаимнаго обученія ненависти другъ

къ другу, презрѣнію къ чужимъ страданіямъ, забвенію всякаго стыда и разврату въ словѣ и дѣлѣ!..

Но Гаазъ не принадлежалъ къ людямъ, которые принимають совѣтъ „отойти отъ зла и сотворить благо", въ смыслѣ простого неучастія въ творимомъ другими злѣ,—его воспріимчивая душа слѣдовала словамъ поэта: „не иди во станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть". Онъ тотчасъ же забилъ тревогу по поводу прута, начавъ противъ этого орудія пытки борьбу, длившуюся съ настойчивою и неостывающею ненавистью съ октября 1829 многіе годы подъ рядъ. Онъ нашелъ себѣ союзника и вліятельнаго истолкователя въ князѣ Д. М. Голицынѣ. Представленія и разсказы Гааза подѣйствовали рѣшительнымъ образомъ на этого благороднаго и доступнаго голосу житейскихъ нуждъ человѣка.

Уже 27 апрѣля 1829 года въ предложеніяхъ комитету по поводу различныхъ заявленій Гааза, Голицынъ высказалъ полное сочувствіе его мысли объ отмѣнѣ пересылки на прутѣ и выразилъ твердое намѣреніе войти объ этомъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ походѣ, предпринятомъ затѣмъ по почину Гааза, князю Голицыну пришлось встрѣтиться и съ личнымъ недоброжелательствомъ, и съ медлительностью канцелярской рутины, и съ противопоставленіемъ ложныхъ интересовъ и самолюбиваго упорства отдѣльныхъ *вѣдомствъ* требованіямъ общественной пользы, справедливости и человѣколюбія. Нужно было много энергіи и любви къ правдѣ, чтобы—во время долгой и томительной переписки о прутѣ—на мѣстѣ Гааза не впасть въ уныніе, на мѣстѣ князя Голицына—не махнуть на весь вопросъ рукою.

Сообщеніе московскаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому о невозможности примѣнять прутъ къ препровожденію арестантовъ, ибо „сей образъ пересылки крайне изнурителенъ для сихъ несчастныхъ, такъ что превосходитъ самую мѣру возможнаго терпѣнія", сразу оскорбило нѣсколько самолюбій. Закревскому не могло нравиться, что московскій генералъ-губернаторъ возбуждаетъ *общій вопросъ*, не имѣющій прямого отношенія къ Москвѣ, и такимъ образомъ какъ бы указываетъ министру внутреннихъ дѣлъ на недосмотры и непорядки въ области его исключительнаго вѣдѣнія. Съ другой стороны, завѣдованіе арестантами во время пути лежало на чинахъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, находившагося подъ высшимъ начальствомъ военнаго министра графа Чернышева, которому не по душѣ были не только вмѣшательство князя Голицына въ дѣйствія этапныхъ командъ при пересылкѣ арестантовъ, но и самъ

князь Голицынъ, представлявшій, какъ личность, такъ мало съ нимъ сходства. Наконецъ, былъ еще человѣкъ, выступившій передовымъ и упорнымъ бойцомъ противъ Голицына и Гааза. Это былъ генералъ Капцевичъ, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Оригинальная личность его, оставившая глубокій слѣдъ на русской тюремной динамикѣ, заслуживала бы подробнаго изученія, хотя бы съ точки зрѣнія противоположностей, могущихъ уживаться въ душѣ русскаго человѣка, вокругъ добрыхъ и даже трогательныхъ свойствъ которой постепенно наростаетъ кора упорнаго служебнаго бездушія. Сослуживецъ Аракчеева при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и заботливый до нѣжности начальникъ солдатъ,—суровый и рѣзкій въ обращеніи съ подчиненными и теплый, отзывчивый и человѣчный первоначальный стражъ декабристовъ въ Сибири,—ходатай и заступникъ за ссыльныхъ, какъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ и черствый формалистъ по отношенію къ нимъ же въ качествѣ командира внутренней стражи, Капцевичъ съ мрачною подозрительностью относился, въ концѣ 20-хъ годовъ, къ дѣятельности и задачамъ тюремныхъ комитетовъ и встрѣтилъ „затѣю" Голицына, за которымъ, какъ ему было извѣстно, стоялъ Гаазъ, вполнѣ враждебно. Но прямо отвергнуть все, что писалъ Голицынъ о прутѣ и сказать ему, въ формѣ „оставленія безъ послѣдствій": не мѣшайся не въ свое дѣло!—было невозможно. Онъ былъ слишкомъ сильный человѣкъ и могъ перенести свою распрю на рѣшительный и безповоротный судъ императора Николая, который вѣрилъ ему и въ него... Но можно было затянуть дѣло, направивъ его въ русло канцелярской переписки, и на краснорѣчивыя строки Голицына, проникнутыя великодушнымъ нетерпѣніемъ,—отвѣтствовать бюрократическимъ изморомъ.

Такъ и было сдѣлано. У Закревскаго въ распоряженіи могли быть живые и независимые свидѣтели того, что такое на практикѣ „легкій" прутъ генерала Дибича. Но не къ нимъ обратился онъ съ запросомъ. Взглядъ московскаго генералъ-губернатора былъ подвергнуть критикѣ этапныхъ начальниковъ. Они, для которыхъ прутъ во всякомъ случаѣ не представлялъ ничего стѣснительнаго, были спрошены о томъ, удобны ли прутья и правду ли пишетъ князь Голицынъ объ ихъ изнурительности? Капцевичъ, которому было подчинено этапное начальство, получивши коварные вопросы Закревскаго, добавилъ къ нимъ еще одну подробность. Онъ спрашивалъ уже не о томъ, бывали ли въ дѣствительности случаи, описанные въ сообщеніи Голицына, но о томъ, почему же, если только случаи эти существовали, не было о томъ доносимо главному на-

чальству? При этомъ, поставивъ предъ вопрошаемыми альтернативу—или отрицать случаи неудобства прута, или признать себя виновными въ умолчаніи о нихъ,—онъ интересовался знать, какія по мнѣнію этапнаго начальства могутъ быть приняты мѣры къ облегченію препровождаемыхъ арестантовъ. Ему отвѣчали не торопясь. По отзывамъ начальниковъ этапныхъ командъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что все обстоитъ благополучно и никакихъ неудобствъ отъ заковки на прутъ не представляется. Приэтомъ однако проскальзывали замѣчанія о томъ, что у арестантовъ отъ прута *большихъ* ранъ не замѣчено, но что отъ кольца при прутѣ тѣло можетъ ознобиться, отчего дѣлаются раны и знаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились и предложенія замѣны прута. Предложено было придѣлать къ пруту короткія цѣпи съ ошейниками или замѣнить прутъ цѣпью въ семь вершковъ съ прикрѣпленными къ ней малыми цѣпями по три вершка съ наручниками. Такъ прошелъ почти годъ... Тогда князь Голицынъ вновь выступилъ противъ прута въ особой запискѣ, поднесенной имъ уже самому государю и содержащей сжатое, но сильное описаніе всѣхъ тяжелыхъ сторонъ этого способа пересылки, безъ сомнѣній неоднократно описанныхъ ему Гаазомъ, вглядѣвшимся на Воробьевыхъ горахъ во всѣ его свойства и послѣдствія. Но и эта записка, переданная Капцевичу, не подѣйствовала на него. Единственная уступка, на которую уже въ 1831 году согласился онъ, состояла лишь въ признаніи возможнымъ замѣнить прутъ семивершковою цѣпью съ наручниками... Такимъ образомъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы *неподвижный прутъ* замѣнить *подвижною цѣпью*, оставивъ на ней по прежнему нѣсколькихъ человѣкъ во всей тяжкой обстановкѣ ихъ насильственнаго сцѣпленія другъ съ другомъ. Взглядъ его былъ раздѣленъ Военнымъ совѣтомъ и для опыта съ предлагаемыми имъ цѣпями разослано по этапамъ 47 цѣпей, каждая на три пары арестантовъ. Опытъ, по заявленіямъ этапныхъ начальниковъ, оказался удачнымъ, и въ 1832 году, по постановленію комитета министровъ, разсмотрѣвшаго представленіе Закревскаго о введеніи предложенной Капцевичемъ цѣпи, эти цѣпи были введены въ повсемѣстное употребленіе, для чего немедленно было изготовлено 4.702 цѣпи, каждая на три пары... Прутъ измѣнилъ лишь свое имя, и хотя Голицынъ еще нѣсколько разъ заявлялъ о его вредѣ, онъ продолжалъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергическимъ трудамъ Милютина и графа Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не

измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ.

Общій вопросъ, поднятый Голицынымъ и Гаазомъ, былъ похороненъ и достоинство вѣдомства, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ ссыльнымъ, сохранено во всей своей печальной неприкосновенности... Но этотъ общій вопросъ былъ въ то же время и *мѣстнымъ* вопросомъ для Воробьевской тюрьмы. Тамъ дѣйствовалъ и чувствовалъ Гаазъ, продолжавшій, ни взирая ни на что, „гнать свою линію“.

Убѣжденный въ правильности своего взгляда и не желая дожидаться окончанія переписки о прутѣ, которая казался ему одною лишь формальностью, Гаазъ, въ 1829 году, принялся за опыты надъ такою замѣною прута, которая устраняла бы обычныя нареканія въ облегченіи возможности побѣга. Прежде всего надо было освободить руки арестантамъ и ссыльнымъ и сравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ приговоренными къ каторжнымъ работамъ, которые шли въ ножныхъ кандалахъ. Но ихъ кандалы были тяжелы. Они были разнаго размѣра, длиною отъ 11 вершковъ до 1 арш. и $4^1/_2$ верш., и вѣсомъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ фунтовъ (списки ссыльныхъ арестантовъ 17-го и 24-го іюня 1829 г.). Гаазъ занялся наблюденіями за изготовленіемъ кандаловъ, облегченныхъ до крайней возможности не въ ущербъ своей прочности. Послѣ ряда руководимыхъ имъ опытовъ удалось изготовить кандалы съ цѣпью длиною въ аршинъ и вѣсомъ въ 3 фунта, получившія затѣмъ въ тюремной практикѣ и въ устахъ арестантовъ названіе *газовскихъ*. Въ этихъ кандалахъ можно было пройти большое пространство, не уставая и поддѣвъ ихъ къ поясу. Когда кандалы были готовы и испытаны самимъ Гаазомъ, онъ обратился къ комитету съ горячимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи заковывать въ эти кандалы всѣхъ, проходящихъ чрезъ Москву на прутѣ. Онъ въ патетическихъ выраженіяхъ рисовалъ положеніе прикованныхъ, указывалъ на самоволіе конвойныхъ солдатъ, на жалкую участь „идущихъ подъ присмотромъ“ и безъ вины караемыхъ препровожденіемъ на прутѣ, представлялъ средства для заказа на первый разъ новыхъ кандаловъ, обѣщалъ, именемъ „добродѣтельныхъ людей“, доставленіе этихъ средствъ и на будущее время и объяснялъ, что для изготовленія облегченныхъ кандаловъ можно приспособить кузницу, оставшуюся на Воробьевыхъ горахъ отъ построекъ Витберга. Слова Гааза, подтверждаемыя самымъ вопіющимъ образомъ видомъ каждой этапной партіи, встрѣтили сочувственный отголосокъ въ комитетѣ, не говоря уже о его вице-президентѣ

кн. Голицынѣ, который рѣшилъ „у себя“ не стѣсняться болѣе петербургскими проволочками. Въ декабрѣ 1831 г. онъ предложилъ комитету принять немедленно мѣры къ приспособленію кузницы, оставшейся отъ Витберга, для перековки арестантовъ по указаніямъ доктора Гааза, и о передѣлкѣ кандаловъ по новому образцу, представленному тѣмъ же Гаазомъ. Комитетъ, въ засѣданіи 22-го декабря, принявъ къ исполненію предложеніе генералъ-губернатора, просилъ его, въ свою очередь, предписать командующему внутреннимъ гарнизономъ въ Москвѣ и приказать начальникамъ мѣстныхъ этапныхъ командъ не препятствовать исправленію кандаловъ подъ руководствомъ доктора Гааза и наложенію ихъ на пришедшихъ въ Москву на прутѣ арестантовъ.

Такимъ образомъ, безъ шума, безъ всякой переписки по инстанціямъ, прутъ оказался фактически уничтоженнымъ въ Москвѣ, благодаря смѣлому почину вліятельнаго генералъ-губернатора, умѣвшаго, среди окружавшей его роскоши и обаянія власти, найти время, чтобы серьезно задуматься надъ страданіями людей, за которыхъ, среди общаго жестокаго равнодушія, предстательствовалъ уроженецъ чужой страны, чутко привлеченный имъ къ дѣлу тюремнаго благотворенія. Пересылаемые встрѣтили нововведеніе Гааза съ восторгомъ; но для того, чтобы оно могло удержаться, чтобы вызванная кн. Голицынымъ готовность содѣйствовать ему не охладѣла и, по нашей всегдашней привычкѣ, не перешла въ апатію и въ то, чтὸ князь В. Ѳ. Одоевскій характеризовалъ въ своей записной книжкѣ словомъ „*рукавоспустіе*“, нужно было энергически слѣдить за дѣломъ на мѣстѣ, не уставая и не отставая. Это и дѣлалъ Гаазъ. Цѣлые дни проводилъ онъ на Воробьевыхъ горахъ, наблюдая за устройствомъ кузницы, и затѣмъ, въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ послѣднихъ ея дней, не пропускалъ ни одной партіи, не снявъ, кого только возможно, съ прута и съ цѣпи Капцевича и не приказавъ перековать при себѣ въ свои кандалы. Ни возрастъ, ни упадокъ физическихъ силъ, ни постоянныя столкновенія съ этапнымъ начальствомъ, ни недостатокъ средствъ не могли охладить его къ этой „службѣ“ и удержать отъ исполненія ея тягостныхъ обязанностей. Въ столкновеніяхъ онъ побѣждалъ упорствомъ, настойчивымъ отстаиваніемъ введеннаго имъ обычая, просьбами и иногда угрозами жаловаться, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Недостатку средствъ на заготовку „газовскихъ“ кандаловъ онъ помогалъ своими щедрыми пожертвованіями, пока имѣлъ хоть какія-нибудь деньги, а затѣмъ приношеніями своихъ

знакомыхъ и богатыхъ людей, которые были не въ силахъ отказать старику, никогда ничего не просившему... для себя.

Не теряя, подъ вліяніемъ просьбъ и убѣжденій Гааза, надежды согласить Капцевича на замѣну прута, Голицынъ послалъ ему, при особой подробной запискѣ, образчикъ газовскихъ кандаловъ. Но Капцевичъ отвѣчалъ ему и тѣмъ, кто могъ раздѣлить его мнѣніе, въ особомъ докладѣ, гдѣ въ защиту прута приводились самыя странныя соображенія. Оказывалось, что „кованіе въ кандалы“ равняется тѣлесному наказанію и допущеніе его взамѣнъ прута относительно маловажныхъ преступниковъ было бы, по отношенію къ нимъ, несправедливостью; оказывалось, затѣмъ, что именно этихъ-то маловажныхъ преступниковъ и слѣдуетъ, въ виду ихъ закоренѣлости въ злодѣяніяхъ, лишать тѣлесной силы, которая заключается не въ ногахъ, а въ рукахъ, и потому водить ихъ, въ отличіе отъ каторжниковъ, на прутѣ и т. д. Тогда, уже въ 1833 году, послѣ отставки Закревскаго, князь Голицынъ послалъ газовскіе кандалы и объяснительную къ нимъ записку новому министру внутреннихъ дѣлъ, прося его содѣйствія. Содѣйствіе было оказано, но въ результатѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній, вопросъ о кандалахъ не былъ разрѣшенъ категорически. Въ 1833 году послѣдовало временное разрѣшеніе вмѣсто приковыванія къ пруту арестованныхъ за *легкіе проступки* надѣвать имъ ножные кандалы, если они сами того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія и милости. Это распоряженіе страдало рядомъ недомолвокъ, обратившихъ его повсюду, гдѣ не было Гаазовъ, въ мертвую букву. Что̀ значатъ *легкіе проступки*? Кто опредѣляетъ ихъ удѣльный вѣсъ? гдѣ средства для пріобрѣтенія кандаловъ? и какіе это кандалы—стараго образца или газовскіе? Наконецъ, замѣна *права* арестанта быть снятымъ съ прута снисхожденіемъ и *милостью* начальства и притомъ неизвѣстно какого—уничтожало всякій дѣйствительный характеръ у этой мѣры.

Но для Москвы и этого было довольно. Тамъ неусыпно сторожилъ партіи ссыльныхъ Гаазъ и чрезъ него всѣ пришедшіе на прутѣ, незавѣдомо для себя, выражали *желаніе* и просили *милости*, настойчиво и рѣшительно, въ случаѣ противодѣйствія прибѣгая къ разрѣшенію генералъ-губернатора. Начальники мѣстныхъ этапныхъ командъ роптали, сердились, удивлялись охотѣ Гааза хлопотать и „распинаться“ за арестантовъ, но въ концѣ концовъ мирились съ странными обычаями тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. Только въ концѣ тридцатыхъ годовъ, во время частыхъ поѣздокъ серьезно больного князя Голицына за границу,

когда Гаазъ подолгу бывалъ лишенъ возможности опереться въ этапныхъ спорахъ на его разрѣшеніе, эти начальники стали иногда рѣзко отказывать въ просьбахъ о перековкѣ арестантовъ, ссылаясь на категорическія распоряженія Капцевича. Но Гаазъ не унывалъ. Онъ не только требовалъ, въ декабрѣ 1837 г., въ особой запискѣ отъ временно исполнявшаго обязанности московскаго генералъ-губернатора Нейдгардта защиты противъ дѣйствій чиновъ внутренней стражи, но даже домогался освобожденія навсегда отъ заковыванія дряхлыхъ и увѣчныхъ арестантовъ, находя, что „съ настоящей волею правительства не можетъ быть сообразно, чтобы люди, лишенные ноги, все-таки, какъ это нынѣ водится, получали кандалы и, не имѣя возможности ихъ надѣвать, носили ихъ съ собою въ мѣшкѣ“. Эта записка переполнила чашу терпѣнія генерала Капцевича. Называя Гааза „утрированнымъ филантропомъ“, заводящимъ пререканія и „затѣйливости“, затрудняющимъ начальство перепискою и соблазняющимъ арестантовъ, онъ писалъ: „мое мнѣніе удалить сего доктора отъ его обязанности“. Казалось бы, что дни „безразсудной филантропіи доктора Гааза“, какъ выражался Капцевичъ въ отвѣтѣ Нейдгардту—были сочтены, тѣмъ болѣе, что въ 1844 году скончался, искренно оплаканный москвичами, князь Д. М. Голицынъ. Но чуждая личныхъ разсчетовъ доброта, движущая общественною дѣятельностью человѣка, есть сила, сломить которую не такъ-то легко. Упорно настаивая на перековкѣ, Гаазъ рѣшился даже искать пути, чтобы непосредственно, помимо оффиціальной іерархической дороги, обратить вниманіе императора Николая Павловича на „прутъ“. Онъ написалъ горячее письмо прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, въ которомъ, рисуя картину препровожденія на прутѣ, умолялъ короля сообщить объ этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, которая могла бы объ этомъ разсказать своему царственному супругу...

Преемникъ Голицына, князь Щербатовъ, вскорѣ понялъ и оцѣнилъ „утрированнаго филантропа“ и молчаливо, не вступая уже ни въ какую переписку, а стоя на почвѣ установившагося обычая, сталъ поддерживать Гааза въ его „сторожевой службѣ“ на Воробьевыхъ горахъ, не давая хода никакимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ. Быть можетъ, Гаазу только приходилось чаще просить и уговаривать, чѣмъ прежде, но зато каждый годъ его работы въ пересыльной тюрьмѣ придавалъ этимъ просьбамъ все большій нравственный вѣсъ. Этому содѣйствовала и упрочившаяся слава *его* кандаловъ, которые пріобрѣли новое значеніе съ назначеніемъ командиромъ внутренней стражи гене-

рала фонъ-деръ-Лауница, сходнаго съ Капцевичемъ лишь своими отрицательными сторонами. Лауницъ приказалъ укоротить цѣпь при кандалахъ на 1/4 аршина, и обоймы упираясь при ходьбѣ въ кость голени, стали причинять тяжкія мученія арестантамъ, не позволяя имъ при этомъ идти полнымъ шагомъ. Гаазъ не допускалъ и мысли объ укороченіи *своей* цѣпи. Она оставалась прежней длины въ аршинъ и принималась арестантами съ радостью и нетерпѣніемъ. Послѣднія оправданія Гааза противъ жалобъ этапныхъ начальниковъ относятся, какъ видно изъ дѣлъ тюремнаго комитета, къ 1840 году. Затѣмъ наступилъ періодъ мира и молчаливаго соглашенія. Гаазъ сдѣлался неизбѣжнымъ зломъ, бороться съ которымъ было безполезно и скучно. Такъ продолжалось до 1840 года. Тутъ произошла сразу перемѣна фронта въ отношеніяхъ генералъ-губернатора къ Гаазу. Начальникомъ Москвы былъ назначенъ старый недоброжелатель князя Голицына, самовластный и узкій графъ Закревскій. Съ назначеніемъ его въ качествѣ, какъ онъ самъ выражался, „надежнаго оплота противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ съ Запада", въ Москвѣ повѣяло другимъ духомъ. Это отразилось и на Воробьевыхъ горахъ. Опять начались столкновенія по поводу „газовскихъ кандаловъ". Гаазъ былъ вынужденъ войти въ комитетъ съ просьбою о возобновленіи распоряженія о „выдачѣ пересылаемымъ арестантамъ ножныхъ кандаловъ, вмѣсто ручныхъ, если они о томъ просить будутъ". Когда комитетъ представилъ объ этомъ графу Закревскому, послѣдній, 18-го ноября 1848 г., приказалъ дать ему знать, что „его сіятельство, принимая въ уваженіе, что удовлетвореніе подобныхъ просьбъ арестантовъ зависитъ отъ снисхожденія того начальства, которое отвѣтствуетъ за цѣлость препровождаемыхъ арестантовъ, находитъ предположеніе г. Гааза *незаслуживающимъ вниманія*, потому болѣе, что его сіятельство заботится не столько о предоставленіи арестантамъ незаслуженныхъ ими удобствъ, сколько о способахъ облегченія этапныхъ командъ въ надзорѣ за арестантами".

„*Пріобщить къ дѣлу*" постановилъ комитетъ, и на этотъ разъ „утрированный филантропъ" былъ, повидимому, окончательно разбитъ и придавленъ краткою и властною элоквенціею новаго „хозяина" Москвы. Но... только повидимому. Эта резолюція обратила лишь *просьбы* глубоко огорченнаго старика въ *мольбы* и присоединила къ его уговорамъ трогательныя старческія слезы. Семидесятилѣтній Гаазъ пріѣзжалъ на Воробьевы горы къ приходу и отправленію партій по прежнему и своимъ почтеннымъ видомъ и шедшими отъ сердца словами призывалъ къ возмож-

ному смягченію страданій, названному графомъ Закревскимъ „незаслуженными удобствами". „Между сими людьми,—писалъ онъ въ объясненіи по поводу поступившей на него жалобы,—были выздоравливающіе и по истинѣ весьма слабые, которые, видя меня посреди арестантовъ, просили, чтобы я избавилъ ихъ отъ сихъ мукъ. Мое ходатайство было тщетно и я принужденъ былъ снести взглядъ какъ бы презрѣнія, съ которымъ арестанты отправились, ибо знали, что просьба ихъ законна и я нахожусь тутъ по силѣ же закона. Не имѣя довольно власти помочь сей бѣдѣ, я дѣйствительно позволилъ себѣ сказать конвойному чиновнику, чтобы онъ вспомнилъ, что судьею его несправедливыхъ дѣйствій есть Богъ"! Но не всѣ бывали равнодушны къ его призыву. Арестантовъ все-таки продолжали перековывать, не всегда, но часто. Это видно между прочимъ изъ того, что въ сентябрѣ 1853 года кузнецъ при витберговской кузницѣ на Воробьевыхъ горахъ обращался въ комитетъ съ просьбою уплатить ему за послѣднюю партію въ 120 облегченныхъ кандаловъ, сдѣланныхъ лѣтомъ того же года по заказу доктора Гааза, умершаго въ августѣ.

Лично человѣколюбивое отношеніе къ арестантамъ и его послѣдствія въ Москвѣ не удовлетворяли однако Гааза и не давали покоя его мысли. Сознаніе того, что до прихода партій въ Москву и въ тѣхъ, которыя не проходятъ чрезъ Москву, прутъ и цѣпь Капцевича продолжаютъ примѣняться невозбранно, мучило его. Онъ видѣлъ арестантовъ съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ прикасались желѣзныя кольца наручниковъ; онъ ясно представлялъ себѣ страданія людей, не могущихъ положить прикованную къ пруту или короткой цѣпи руку за пазуху, для согрѣванія въ то время, когда жестокій морозъ при вѣтрѣ остужаетъ желѣзо, обжигающее и мертвящее своимъ прикосновеніемъ руку. Единственнымъ средствомъ, по его мнѣнію, чтобы предотвратить эти мученія, было обшиваніе кожею наручней (гаекъ). Онъ говорилъ объ этомъ неоднократно въ комитетѣ, подавалъ о томъ же записки князю Голицыну въ 1832 и 1833 годахъ. Но и тутъ Капцевичъ возражалъ въ упорномъ ослѣпленіи служебнаго самолюбія. Онъ указывалъ, что обшивка наручниковъ кожею или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для снятія ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть. Насколько соотвѣтствовало дѣйствительности такое представленіе о наручникахъ, видно изъ характернаго разсказа, записаннаго С. В. Максимо-

вымъ, со словъ арестанта: „лѣтомъ цѣпь суставы ломаетъ, зимой отъ нея всѣ кости ноютъ; въ нашей партіи цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала и чего-чего мы на переходѣ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково было маетно и больно, *и не въ людскую силу, и не въ лошадиную*"!.. Гаазъ, конечно, не убѣдился доводами Капцевича и не унимался. Представленный имъ, въ 1836 году, въ комитетъ списокъ арестантовъ съ отмороженными отъ гаекъ руками, такъ взволновалъ Голицына, что онъ немедленно и въ самой настойчивой формѣ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости осуществить мысль „затѣйливаго доктора". На этотъ разъ послѣдовавшій въ томъ же 1836 году указъ о повсемѣстномъ въ Россіи обшитіи гаекъ у цѣпей кожею, далъ Гаазу полное и ясное удовлетвореніе, не допускавшее никакихъ недоразумѣній.

Но не одинъ видъ закованныхъ, безъ всякаго между ними различія по поводамъ ихъ пересылки, смущалъ Гааза. Во избѣжаніе побѣговъ и для облегченія поимки, законъ 29-го января 1825 г. предписывалъ, какъ мы уже видѣли, брить половину головы пересылаемымъ по этапу. Бритье шло поголовное. Съ бритою половиною головы оказывались, какъ видно изъ записки Гааза, представленной комитету, пересылаемые на родину для водворенія послѣ суда, *коимъ они оправданы*,—просрочившіе паспортъ и просто отправляемые по требованію обществъ, опекуновъ, и наслѣдниковъ населенныхъ имѣній,—высылаемые изъ столицы за нищенство и т. п. Гаазъ указываетъ случаи обритія половины головы крестьянину, не имѣвшему средствъ возвратиться къ своему господину съ заработковъ изъ Барнаула и 13-лѣтнему еврейскому мальчику, возвращаемому въ Гродно для обращенія въ первобытное состояніе *вслѣдствіе неправильной отдачи его въ военную службу*". Ярко и образно описывая несправедливость и жестокость такого бритья, Гаазъ 23-го ноября 1845 г. просилъ комитетъ хлопотать объ его отмѣнѣ для нелишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. О томъ же просилъ онъ и генералъ-губернатора кн. Щербатова въ особой докладной запискѣ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и 11-го марта 1846 года, вслѣдствіе представленія тюремнаго комитета, поголовное бритье головы было отмѣнено государственнымъ совѣтомъ.

Наконецъ и продовольствіе ссыльныхъ вызывало заботу Гааза. Когда, въ 1847 и 1848 годахъ, послѣдовало временное распоряженіе объ уменьшеніи на $^{1}/_{5}$ пищевого довольства заключенныхъ (повторенное во время неурожая 1891 года), Өедоръ

Петровичъ внесъ въ комитетъ, въ разное время, до 11.000 р. сер. отъ „неизвѣстной благотворительной особы“ для улучшенія пищи содержащихся въ пересыльномъ замкѣ.

V.

Заботясь о перековкѣ арестантовъ и, какъ мы увидимъ далѣе, объ ихъ обиходѣ, дѣлахъ и т. п., Гаазъ дѣйствовалъ въ качествѣ директора тюремнаго комитета, наложившаго на себя исключительныя обязанности. Не свойство только, не характеръ и объемъ этихъ обязанностей отличали его отъ большинства его сотоварищей и выдвигали, противъ его воли, его симпатичную личность: на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печать постоянной сердечной тревоги о ходѣ взятаго на себя дѣла и отсутствія всякой заботы о самомъ себѣ, лежалъ тотъ особый взглядъ на развертывавшуюся предъ нимъ картину человѣческихъ немощей, паденій и несчастій, который Достоевскій назвалъ бы „проникновеннымъ“.

Была у него, однако, другая область дѣятельности, гдѣ онъ былъ, въ особенности первое время, почти полнымъ хозяиномъ, — дѣйствуя непосредственно, не нуждаясь въ чьемъ-либо согласіи или поддержкѣ. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Мы знаемъ, какъ поразило его препровожденіе на прутѣ. Но не менѣе поразило его и небрежное, бездушное отношеніе къ недугамъ пересылаемыхъ и къ ихъ человѣческимъ, душевнымъ потребностямъ. Онъ увидѣлъ, что на здоровье пересылаемыхъ не обращается никакого серьезнаго вниманія и что отъ нихъ спѣшатъ какъ можно скорѣе отдѣлаться, не допуская и мысли о возможности такихъ у нихъ нуждъ, не удовлетворить которымъ по возможности—было бы всегда жестоко, а иногда и прямо безнравственно. Когда онъ началъ просить иного къ нимъ отношенія, ему отвѣчали уклончиво и подсмѣиваясь... Когда онъ сталъ требовать—въ качествѣ члена тюремнаго комитета—ему рѣзко дали понять, что это до него не касается, что это—дѣло полицейскихъ врачей, свидѣтельствующихъ приходящихъ въ пересыльную тюрьму, и ихъ прямого начальства. Но Гаазъ не понималъ, что̀ значитъ „уступчивость“, когда требованіе предъявляется не во имя своего *личнаго* дѣла. Еще 2-го апрѣля 1829 года, ссылаясь на свое званіе доктора медицины, онъ настойчиво просилъ князя Голицына уполномочить его свидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ находящихся въ Москвѣ арестантовъ и подчинить ему, въ этомъ отношеніи, полицейскихъ

врачей, съ негодованіемъ излагая въ особой запискѣ нравственную тягость своего положенія въ пересыльной тюрьмѣ. Онъ разсказывалъ, какъ былъ отправленъ съ партіею „старикъ-американецъ, имѣющій видъ весьма добраго человѣка“, привезенный нѣкогда въ Одессу дюкомъ де-Ришельё, и задержанный въ Радзивиловѣ „за безписьменность“, такъ какъ онъ не могъ доказать своего званія,—отправленъ съ отмороженною ногою, отъ которой отвалились пальцы, при полномъ невниманіи къ просьбамъ Гааза задержать его на нѣкоторое время для излеченія ноги и собранія о немъ справокъ. „Мнѣ оставалось лишь,—пишетъ онъ,—постараться истолковать ему причину его ссылки и ободрить его насчетъ его болѣзни, при чемъ я имѣлъ счастіе нѣсколько его утѣшить и помирить съ нерадивымъ о немъ попеченіемъ“. Онъ разсказывалъ далѣе, какъ, несмотря на всѣ его просьбы и даже на данное полицейскимъ врачомъ обѣщаніе, писаря внутренней стражи „сыграли съ нимъ штуку“ и устроили отправку въ Сибирь арестанта, зараженнаго венерическою болѣзнью. „И такъ,—пишетъ Гаазъ,—сей несчастный отправился распространять свой ужасный недугъ въ отдаленные края, а я и полицейскій врачъ вернулись домой, имѣя видъ внутренняго спокойствія, какъ будто мы исполнили нашъ долгъ, и не болѣе боимся Бога, какъ сихъ несчастныхъ невольниковъ; но всѣ бѣды, которыя будетъ распространять сей жалкій больной, *будутъ вписаны—на счетъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества—въ книгу, по коей будетъ судиться міръ*“! Записка Гааза была предложена на разсмотрѣніе комитета—и онъ писалъ туда: „всѣ говорятъ не объ устраненіи *зла*, а только о необходимости соблюдать *формы*; но сіи формы совершенно уничтожили бы самую вещь. Тюремный комитетъ войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если, взирая на рыданія ссылаемыхъ и слыша ихъ плачъ, не будетъ имѣть хотя бы косвенной власти доставлять утѣшеніе ихъ страданіямъ въ послѣднія, такъ сказать, минуты“. Просьба Гааза была уважена, и князь Голицынъ предписалъ, кому слѣдуетъ, предоставить доктору Гаазу, какъ медицинскому члену тюремнаго комитета, свидѣтельствовать здоровье пересылаемыхъ арестантовъ, безъ участія полицейскихъ врачей, и больныхъ оставлять до излеченія въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, на ряду съ заботою о перековкѣ ссыльныхъ, Гаазу открылось обширное поприще и для другой о нихъ заботы. Онъ сталъ осуществлять ее самымъ широкимъ образомъ, устраняя зло, понимаемое имъ глубоко, и совсѣмъ не стѣсняясь формами, въ которыя была заключена современная ему тюремная *динамика*. Можно безъ преувеличенія сказать, что полъ-

жизни проведено имъ въ посѣщеніяхъ пересыльной тюрьмы, въ мысляхъ и въ перепискѣ о ней. Чуждый ремесленному взгляду на свою врачебную дѣятельность, отзывчивый на всѣ стороны жизни, умѣвшій распознавать въ оболочкѣ больного или немощнаго тѣла страждущую душу, онъ никогда не ограничивалъ своей задачи, какъ это дѣлалось многими при немъ и почти всѣми послѣ него, однимъ леченіемъ несомнѣнно больныхъ арестантовъ. Лекарство стояло у него на второмъ планѣ. Забота, сердечное участіе и, въ случаѣ надобности, горячая защита — вотъ были его главныя средства врачеванія. „Врачъ,—говорилось въ составленной имъ инструкціи для врача при пересыльной тюрьмѣ,— долженъ помнить, что довѣренность, съ каковою больные передаются, такъ сказать, на его произволъ, требуетъ, чтобы онъ относился къ нимъ чистосердечно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ дружескою заботою о ихъ нуждахъ, съ тѣмъ расположеніемъ, которое отецъ имѣетъ къ дѣтямъ, попечитель къ питомцамъ".— „Комитетъ требуетъ,—говорится далѣе въ той же инструкціи,— чтобы врачъ пользовался всякимъ случаемъ повліять на улучшеніе нравственнаго состоянія ссыльныхъ; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрымъ христіаниномъ,—т.-е. заботливымъ, справедливымъ и благочестивымъ. *Заботливость* должна выразиться во всемъ, что̀ относится къ здоровью ссыльныхъ, къ ихъ кормленію, одеждѣ, обуви и къ тому, *какъ ихъ сковываютъ*; *справедливость* въ благосклонномъ вниманіи къ просьбамъ ссыльныхъ, въ осторожномъ и дружескомъ успокоеніи ихъ насчетъ ихъ жалобъ и желаній и въ содѣйствіи удовлетворенію ихъ; *благочестіе* —въ сознаніи своихъ обязанностей къ Богу и въ заботѣ о томъ, чтобы всѣ ссыльные, проходящіе чрезъ Москву, пользовались духовною помощью. Необходимо съ увѣренностью надѣяться, что врачъ при попеченіи о здоровьи ссыльныхъ въ Москвѣ—не оставитъ ничего желать и будетъ поступать такъ, чтобы по крайней мѣрѣ никто изъ страждущихъ ссыльныхъ не оставлялъ Москвы, не нашедши въ оной помощи и утѣшеній, какихъ онъ имѣетъ право ожидать и по своей болѣзни, и по лежащему на тюремномъ комитетѣ долгу, и по мнѣнію, которое русскій человѣкъ привыкъ имѣть о великодушіи и благотворительности матушки-Москвы". Первымъ врачомъ, которому приходилось исполнять столь своеобразно опредѣленныя Гаазомъ обязанности, былъ рекомендованный имъ штабъ-лекарь Гофманъ. Но на практикѣ ему пришлось играть совершенно второстепенную роль и участвовать первое время лишь въ предварительномъ осмотрѣ пересы-

ляемыхъ. Окончательное же освидѣтельствованіе и рѣшающее слово оставилъ за собою Гаазъ.

При всей своей преданности *идеямъ* добра и человѣчности, онъ не былъ только идеалистомъ, чуждымъ знакомства съ жизнью и съ тѣми искаженіями, которымъ она подвергаетъ идеалы на практикѣ. Вѣря въ хорошія свойства человѣческой природы, онъ не скрывалъ отъ себя ея слабостей и низменныхъ сторонъ. Онъ зналъ поэтому, что „всуе законы писать, если ихъ не исполнять", и что въ русской жизни исполнитель самаго прекраснаго правила почти всегда быстро остываетъ, замѣняя не всегда удобное чувство долга сладкою нѣгою лѣни. Живая натура Гааза и безпокойство о томъ, что не всѣ части широкой программы, начертанной имъ, будутъ выполнены, заставили его, такъ сказать, „впречься въ корень" и нести на себѣ, съ любовью и неутомимостью, всю тяжесть освидѣтельствованія. Въ 1832 году, по его ходатайству, комитетъ выхлопоталъ средства для устройства отдѣленія тюремной больницы на Воробьевыхъ горахъ на 120 кроватей—и оно поступило въ непосредственное завѣдываніе Гааза. Здѣсь онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ „по болѣзни", снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними какъ съ людьми, прежде всего, несчастными...

Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ дальше совершалось, до 1829 года, немедленно по составленіи статейныхъ списковъ и полученіи отъ губернскаго правленія оказавшейся необходимою обуви и одежды. Это требовало отъ двухъ до трехъ дней времени. Гаазъ сталъ настаивать, чтобы пребываніе пересыльныхъ въ Москвѣ продолжалось не менѣе недѣли, не считая дня ихъ прихода. Это было необходимо, чтобы ознакомиться съ ихъ нуждами и недугами, чтобы дать имъ возможность собраться съ силами для предстоящаго пути. Требованія его были удовлетворены въ началѣ 1830 года. Но ему казалось недостаточнымъ заботиться о пересылаемыхъ только въ Москвѣ. Его мысль еще нѣкоторое время по уходѣ сопутствовала имъ, бѣжала впереди ихъ. Ему хотѣлось продлить попеченіе о нихъ за предѣлы пересыльнаго замка, и по его просьбѣ князь Голицынъ предписалъ городничему города Богородска доносить съ представленіемъ свидѣтельства мѣстнаго лекаря комитету—т.-е. Гаазу—здоровы ли дошедшіе въ Богородскъ изъ Москвы пересыльные, и не обнаружено ли у кого-либо изъ нихъ болѣзни, требующей возвращенія въ Москву для пользованія. Въ теченіе недѣли пребыванія ссыльныхъ въ Москвѣ, Гаазъ посѣщалъ каждую партію не менѣе четырехъ разъ:—по субботамъ,

тотчасъ по приходѣ, въ срединѣ слѣдующей недѣли, въ слѣдующую субботу наканунѣ отправленія и въ воскресенье предъ самымъ отправленіемъ. Каждый разъ обходилъ онъ всѣ помѣщенія пересылаемыхъ, говорилъ съ послѣдними, разспрашивая ихъ и, такъ сказать, дифференцируя съ виду безличную, закованную и однообразно-одѣтую массу. Не изъ празднаго или болѣзненнаго любопытства вызывалъ онъ ихъ на разсказы своей печальной или мрачной повѣсти и на просьбы. Ссылки на болѣзнь, на слабость, на какую-нибудь поправимую нужду, встрѣчали въ немъ внимательнаго и дѣятельнаго слушателя. Вновь захворалъ или не окрѣпъ послѣ прежняго недуга ссылаемый,—слабы его силы для длиннаго и тяжкаго пути,—упалъ онъ внезапно духомъ предъ „владиміркой",—смертельно затосковалъ, „распростившись съ отцомъ, съ матерью, со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ", какъ поется въ арестантской пѣснѣ „Милосердной",—или ярко затеплилась въ немъ искра раскаянія, которую искреннее слово утѣшенія и назиданія можетъ раздуть въ спасительный нравственно пожаръ—Гаазъ уже тутъ, зоркій и добрый. Надо дать укрѣпиться, отойти, согрѣться душевно, — рѣшаетъ онъ, и оставляетъ такихъ, какъ подлежащихъ врачебному попеченію, на недѣлю, двѣ, а иногда и болѣе.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти распоряженія вызывали противъ него массу нареканій. Къ генералъ-губернатору и въ комитетъ постоянно и съ разныхъ сторонъ поступали жалобы на произвольныя его дѣйствія, какъ врача, слишкомъ смѣло шагавшаго за рамки устава о ссыльныхъ и слишкомъ горячо и настойчиво отстаивавшаго присвоенныя имъ себѣ права. Ранѣе всѣхъ и, пожалуй, сильнѣе всѣхъ ополчился на него генералъ Капцевичъ. „Арестантъ проситъ не отправлять его съ партіею, ибо онъ ожидаетъ жену или брата, съ которыми хочетъ проститься—и г. Гаазъ оставляетъ его,—а между тѣмъ баталіоннымъ командиромъ уже бумаги о семъ арестантѣ изготовлены; оставляя при осмотрѣ многихъ отправляющихся ссыльныхъ по просьбамъ весьма неуважительнымъ, докторъ Гаазъ заставляетъ конвойныхъ, въ полной походной аммуниціи, ожидать сего осмотра или разбора просьбъ, или прощаній его съ отсылающимися преступниками; начальникъ же команды, сдѣлавшій разсчетъ кормовымъ деньгамъ и составившій списокъ отправляемымъ, вынужденъ все это передѣлывать... и конвойные и арестанты, собравшіеся уже къ походу, теряютъ напрасно время на Воробьевыхъ горахъ и прибываютъ на ночлегъ поздно, изнуренные ожиданіемъ и переходомъ". Такъ писалъ негодующій Капцевичъ, доказывая, что

именно Гаазъ-то и изнуряетъ арестантовъ, и заявляя, что „онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіей развращенныхъ арестантовъ къ ропоту"... Съ своей стороны штабъ-лекарь Гофманъ, вѣроятно тяготясь второстепенною ролью при Гаазѣ, вовсе не раздѣлялъ взглядовъ его на поводы къ задержанію пересылаемыхъ. Тамъ, напримѣръ, гдѣ послѣдній оставлялъ въ 1834 году изъ партіи въ 132 человѣка—пятьдесятъ, и изъ партіи въ 134 человѣка—пятьдесятъ-четыре, Гофманъ считалъ возможнымъ, на точномъ основаніи устава о ссыльныхъ, говорившаго объ оставленіи лишь „тяжко-больныхъ или совершившихъ новое преступленіе", удержать въ Москвѣ лишь одиннадцать и тринадцать. При спорахъ Гааза съ начальствомъ, возникавшихъ по поводу оставляемыхъ, Гофманъ всегда держалъ сторону послѣдняго, а впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Гаазъ былъ въ опалѣ у комитета, рѣшался даже прямо отмѣнять его распоряженія, находя, что признаваемые имъ больными арестанты притворяются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеры Москвы и плацъ-адъютанты, командируемые для наблюденія за порядкомъ при отправленіи партій, тоже раздражались на производимую Гаазомъ „неурядицу". Особенно усилились всѣ эти жалобы въ 1834 году. Недовольное Гаазомъ губернское правленіе, чрезъ гражданскаго губернатора, жаловалось на причиняемыя имъ затрудненія въ составленіи статейныхъ списковъ. Голицынъ приказалъ потребовать отъ него объясненія. Въ сознаніи своей нравственной правоты, Гаазъ въ своихъ объясненіяхъ признавалъ себя формально-виновнымъ въ нарушеніяхъ узкаго смысла устава о ссыльныхъ. Да! онъ задерживалъ не одныхъ только тяжко-больныхъ. Такъ, онъ задержалъ, въ качествѣ больного, на недѣлю, ссыльнаго, слѣдовавшая за которымъ жена была по дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, задержана родами; такъ, онъ дозволилъ тремъ арестантамъ, шедшимъ въ каторгу, изъ коихъ одинъ слегка занемогъ, дождаться, въ теченіе недѣли, пришедшихъ съ ними проститься жены, дочери и сестры, при чемъ „встрѣчи сихъ людей нельзя было видѣть безъ соболѣзнованія";—такъ, въ виду просьбы шестерыхъ арестантовъ, шедшихъ въ Сибирь за „непокорство" управляющему своего помѣщика, „не дать имъ плакаться и дозволить идти изъ Москвы вмѣстѣ",—онъ оставилъ ихъ на недѣлю, пока не поправились жена одного изъ нихъ и ребенокъ другого. Такъ, онъ оставилъ 19-ти-лѣтняго Степанова на двѣ недѣли вслѣдствіе „тяжелой усталости" сопровождающей его старухи-матери,—дважды оставлялъ арестанта Гарфункеля по его

убѣдительной просьбѣ, основанной на увѣренности, что за нимъ непремѣнно идетъ жена, при чемъ оказалось, что жена дѣйствительно пришла, но уже чрезъ два дня послѣ его ухода,— оставилъ двухъ ссылаемыхъ помѣщикомъ крестьянъ, вслѣдствіе сообщенія крестьянскаго общества, что оно покупаетъ для сопровождающихъ ихъ женъ съ младенцами лошадь — и т. д., и т. д. „Въ чемъ вредъ моихъ дѣйствій? — спрашиваетъ онъ:—въ томъ ли, что нѣкоторые изъ оставленныхъ арестантовъ умерли въ тюремной больницѣ, а не въ дорогѣ,—что здоровье другихъ сохранено? что душевные недуги нѣкоторыхъ по возможности исправлены? Арестанты выходятъ изъ Москвы, не слыша говоримаго въ другихъ мѣстахъ: „идите дальше, тамъ можете просить". Материнское попеченіе о нихъ можетъ отогрѣть ихъ оледенѣвшее сердце и вызвать въ нихъ теплую признательность"!

На упреки въ нарушеніи устава о ссыльныхъ онъ отвѣчаетъ, между прочимъ: „Обязанность руководствоваться уставомъ о ссыльныхъ можетъ быть уподоблена закону святить субботу. Господь, изрекши, что Онъ пришелъ не разрушать законъ, самъ истолковалъ книжникамъ и фарисеямъ, порицавшимъ Его за нарушеніе субботы пособіемъ страждущимъ, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота установлена для человѣка. Такъ и уставъ изданъ въ пользу пересыльныхъ, а не пересыльные созданы для устава. Число арестантовъ, содержимыхъ въ губернскомъ замкѣ и сѣтующихъ на долговременное и неправильное ихъ содержаніе гораздо больше того, какое, по убѣдительнымъ просьбамъ ихъ, для успокоенія тяготящихъ сердца ихъ надобностей, удерживается на краткое время въ пересыльномъ замкѣ".

Энергическая защита Гаазомъ своихъ дѣйствій и воззрѣній, повидимому, произвела свое дѣйствіе, хотя ему пришлось испытать, какъ видно изъ его заявленій въ комитетѣ, неудовольствіе искренно имъ любимаго Голицына и даже, вслѣдствіе столкновеній съ членами комитета, оставить должность секретаря, которую онъ исполнялъ съ 1829 года, но его права по пересыльному замку не были ограничены и онъ по прежнему усердно и рѣшительно отправлялъ въ больницу на Воробьевыхъ горахъ не только слабыхъ, усталыхъ и больныхъ, но и такихъ, „душевные недуги" которыхъ надо было „исправить".

Такъ продолжалось до 1839 года. Въ этомъ году исправлявшій должность генералъ-губернатора, московскій комендантъ Стааль, „признавая совершенное самоотверженіе г. Гааза, но удерживая однакоже мысль, что и въ самомъ добрѣ излишество вредно, если оно останавливаетъ ходъ дѣлъ, закономъ учрежденный", просилъ

комитетъ „ограничить распоряженія лица, удерживающаго въ пересыльномъ замкѣ арестантовъ“. Это послужило сигналомъ для новыхъ нападеній на Гааза со всѣхъ сторонъ. Со стороны полиціи пошли жалобы, а командированный комитетомъ для повѣрки его дѣйствій при стправленіи партій директоръ Розенштраухъ и секретарь комитета Померанцевъ стали рѣзко осуждать его. Наконецъ и самъ князь Голицынъ, уже больной, началъ приходить въ раздраженіе отъ постоянныхъ жалобъ на „утрированнаго филантропа“ и въ 1839 году предписалъ ему представлять для провѣрки въ комитетъ и въ губернское правленіе списка оставляемыхъ имъ въ Москвѣ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *болѣзни*, которая вынудила его на эту мѣру, а комитетъ потребовалъ, чтобы вмѣстѣ съ этими списками представлялись о томъ же и списки Гофмана. Въ довершеніе всего, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, основанному, вѣроятно, на жалобахъ Капцевича, о неправильныхъ дѣйствіяхъ Гааза и о его столкновеніяхъ съ властями было начато гражданскимъ губернаторомъ дознаніе и, съ согласія князя Голицына, 22-го ноября 1839 года, Гаазъ совершенно устраненъ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ пересыльныхъ. Послѣднее распоряженіе до крайности оскорбило старика. Его объясненіе комитету и докладная записка Голицыну носятъ слѣды глубокой горечи и негодованія. „Я призываю небо въ свидѣтели,—пишетъ онъ,—что ни губернское правленіе, ни какое-либо другое лицо не будутъ въ состояніи указать на какой-нибудь поступокъ съ моей стороны, который сдѣлалъ бы меня недостойнымъ довѣрія, которымъ я до сего времени пользовался“. „Я не разъ,—продолжаетъ онъ со скорбью,—высказывалъ въ комитетѣ увѣренность, что другіе его члены, если захотятъ, лучше выполнятъ мое дѣло и что единственное мое преимущество—это неимѣніе другихъ занятій, которыя могли бы меня отвлечь отъ любимаго мною занятія—заботы о больныхъ и арестантахъ. Теперь же никто не занялъ моего мѣста въ пересыльной тюрьмѣ и вотъ уже четыре недѣли никто не посѣтилъ ссылаемыхъ“! Указывая, что онъ не считалъ возможнымъ заботиться только о тѣлесныхъ нуждахъ арестантовъ, онъ заявляетъ князю Голицыну, что ждалъ присутствованія при отправленіи партій, какъ награды за свой трудъ. „C'était le prix de mes peines et il consistait dans quatre demandes, que je pouvais adresser à ces malheureux un moment avant leur départ: est-ce que vous vous portez bien? est-ce que ceux, qui savent lire, ont reçu un livre? est-ce que vous n'avez aucun besoin? est-ce que vous êtes contents“? Мы увидимъ, что это въ его устахъ были не праздные вопросы...

По поводу сдѣланнаго ему замѣчанія, что онъ возвелъ милость въ обязанность, Гаазъ пишетъ Голицыну: „Oui! j'ai même fait recevoir comme règle par mes subordonnés, employés du Comité, que le mot de *grâce* ne doit pas être prononcé parmi nous. D'autres visitent les prisoniers par grâce, leur font des aumônes par grâce, s'emploient pour eux auprès de chefs et auprès des parents par grâce,—nous autres, membres et employés du Comité, après avoir accepté cette charge, nous faisons tout cela par *devoir*".

Мысль о томъ, что съ удаленіемъ его исчезло дѣйствительное попеченіе о пересыльныхъ, что тамъ, гдѣ еще такъ недавно на ихъ нужды отзывалось его сердце, начались злоупотребленія, неизбѣжныя при полномъ безправіи арестантовъ и формальномъ отношеніи къ нимъ властей, мучила его и порождала рядъ просьбъ и заявленій, писанныхъ почеркомъ, обличающимъ нервную и нетерпѣливую руку... „Позвольте мнѣ, — пишетъ онъ 24-го декабря 1839 года гражданскому губернатору,—выразить мое предчувствіе, что если жалобамъ на оставленіе ссыльныхъ въ Москвѣ не будетъ дано справедливаго разъясненія, то снова настанетъ то время—чему уже есть примѣры—когда людей, просящихъ со скромностію о своихъ нуждахъ, дерутъ за волосы, бранятъ всячески напрасно, таскаютъ ихъ и совершаютъ такія дѣйствія, при видѣ коихъ должно полагать себя болѣе на берегахъ Сенегальскихъ, нежели на мѣстѣ, гдѣ опредѣлительно велѣно учить людей благочестію и доброй нравственности, такъ, чтобы содержаніе ихъ служило болѣе къ исправленію, нежели къ ихъ ожесточенію". Въ другомъ письмѣ, къ тому же лицу, онъ приводитъ случаи, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ и которые особенно взволновали его. Это были — отправленіе 21-го декабря 1839 года двухъ совершенно больныхъ арестантовъ, которые пошли только потому, что „могли держаться на ногахъ", и происшествіе съ двумя молодыми дѣвушками, которое онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ тотъ же день двѣ сестры-дѣвушки со слезами просили ихъ не разлучать; одну, по осмотру штабъ-лекаря Гофмана, назначено было остановить, но другой, младшей, отказано въ ея просьбѣ по той причинѣ, что она уже два раза была останавливаема изъ-за болѣзни своей сестры, при чемъ объявлено имъ, что если желаютъ быть неразлучны, то пусть больная переможетъ себя и идетъ; сестры согласились, предпочитая, надо полагать, лучше умереть вмѣстѣ, нежели быть разлученными. Обходя людей, стоявшихъ уже на дворѣ, я нашелъ означенную дѣвушку до того больною, что вынужденнымъ нашелъ объявить полиціймейстеру, полковнику Миллеру, что ее

нельзя отправить, хотя бы она того и желала, на что г. Миллеръ отвѣтствовалъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы сестра ея все-таки была отправлена. Тогда я убѣдительнѣйше его просилъ ради любви сихъ сестеръ другъ къ другу оставить обѣихъ и напомнилъ ему, что ходатайства тюремнаго комитета, буде окажутся приличными, должны быть уважаемы и что рѣдкіе случаи могутъ быть столь достойны уваженія, какъ просьба сихъ дѣвушекъ, кои, будучи довольно молоды, могутъ лучше другъ друга, нежели одна по себѣ, беречь отъ зла и подкрѣплять къ добру". Но Миллеръ остался непреклоненъ, давъ понять бѣдному, что онъ, Гаазъ, уже „какъ при изъясненіи о состояніи здоровья сихъ людей, такъ и при изъясненіи свойствъ тюремнаго комитета — нынѣ считается ничѣмъ"... Это заявленіе окончательно взволновало старика... „Говоря съ г. Миллеромъ,—пишетъ онъ,—на языкѣ, который окружающіе не разумѣли (т.-е. на иностранномъ), я сказалъ ему, что считаю себя обязаннымъ о таковомъ происшествіи довести до свѣдѣнія Государя, но и симъ не успѣвъ преклонить волю г. Миллера къ снисхожденію, дошелъ до того, что напомнилъ ему о высшемъ еще Судѣ, предъ которымъ мы оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тихихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями. Г. Миллеръ, сказавъ мнѣ, что тутъ не мѣсто дѣлать катехизмъ, — кончилъ однакоже тѣмъ, что велѣлъ остановить обѣихъ сестеръ"...

Еще въ 1834 году, въ ряду обвиненій противъ „утрированнаго филантропа" было выставлено Капцевичемъ и обвиненіе въ томъ, что онъ постоянно утруждаетъ начальство „неосновательными" просьбами за „развращенныхъ" арестантовъ. Оно было повторено съ особою силою и въ 1839 году. Оправдываясь, Гаазъ въ горячихъ выраженіяхъ указываетъ на всеобщее равнодушное отношеніе къ нуждамъ ссыльныхъ, на торопливость, съ которою для каждой партіи составляется статейный списокъ, на нежеланіе выслушивать ихъ просьбы, чтобы не измѣнять и не передѣлывать этого списка, ограждая тѣмъ конвойныхъ отъ ожиданія и писарей отъ излишняго труда... „Когда партія отправляется и не получившіе справедливости арестанты смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ какъ бы видомъ презрѣнія, то я думаю, — восклицаетъ онъ,—что Ангелъ Господень ведетъ *свой статейный списокъ* и въ немъ записаны—начальство сихъ несчастныхъ и я"... Сознаніе невозможности продолжать освидѣтельствованіе, не давая ему покоя, безъ сомнѣнія побуждало его къ ряду личныхъ просьбъ и протестовъ. Слѣдовъ ихъ не сохранилось, но уцѣлѣли его письменныя обращенія, въ которыхъ чувствуется глубоко убѣжденный

и страдающій человѣкъ. „Учрежденіе тюремнаго комитета,—пишетъ онъ генералъ-губернатору,—обращается какъ бы въ фантомъ и обязанность, порученная вашему сіятельству какъ бы въ качествѣ *душеприказчика* Основателя общества, остается безъ послѣдствій; до послѣдней степени оскорбительно видѣть, сколь много старанія прилагается держаться буквы закона, когда хотятъ отказать въ справедливости“!.. „Сегодня,—пишетъ онъ 29-го декабря 1839 года, гражданскому губернатору Олсуфьеву,—исполнилось десять лѣтъ со дня открытія въ Москвѣ тюремнаго комитета; мнѣ хочется сей день, который слѣдовало бы праздновать высокоторжественнымъ образомъ, провести въ глубокомъ траурѣ. Это самый печальный день, который имѣлъ я во все время существованія комитета, видя нарушеніе достигнутаго десятилѣтними трудами облегченія ввѣренныхъ намъ людей. Ваше превосходительство сами можете постигнуть, какія должны быть мои чувства, когда даже въ васъ не могу еще замѣтить состраданія къ несправедливымъ поступкамъ, кои я претерпѣваю отъ всюду отъ того единственно, что я старался всѣмъ сердцемъ и всѣми способами о соблюденіи тѣхъ правилъ, которыя были должны быть соблюдаемы касательно сихъ людей“.

Не дождавшись немедленнаго возстановленія своихъ правъ, Гаазъ не сложилъ однако оружія. Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета и крѣпко держался за это званіе. Оно давало ему возможность ѣздить въ пересыльную тюрьму и на этапъ, видѣть „своихъ“ арестантовъ, просить за нихъ и заступаться, несмотря на то, что директоръ Розенштраухъ, командированный комитетомъ, погрозилъ ему однажды даже тѣмъ, что если онъ будетъ продолжать „нарушать порядокъ“, то будетъ „удаленъ силою“. „Несмотря на униженія, коимъ я подверженъ,—несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія даже моихъ подчиненныхъ, и чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—пишетъ онъ въ мартѣ 1840 года комитету,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный замокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде“... Долго ли продолжалось это тягостное для него положеніе—опредѣлить въ точности не представляется возможнымъ,—но уже съ 1842 года въ журналахъ комитета начинаютъ встрѣчаться заявленія самого Гааза о содѣйствіи тѣмъ или другимъ нуждамъ арестантовъ, *оставленныхъ имъ* въ боль-

ницѣ пересыльнаго замка, а извѣстія конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, несмотря на суровое генералъ-губернаторство Закревскаго, рисуютъ его энергически распоряжающимся въ любимой сферѣ. Очевидно, что противники его, видя упорство старика, устали—и махнули на него рукою. Притомъ за этимъ его упорствомъ чувствовалась великая, покоряющая нравственная сила, предъ которою блѣднѣли и теряли значеніе *такіе* важные безпорядки и затрудненія, какъ необходимость переписывать кондуитные списки или измѣнять разсчетъ кормовыхъ денегъ... Быть можетъ, нѣкоторымъ изъ-за сѣрой массы „развращенныхъ арестантовъ", съ упованіемъ и благодарностью смотрѣвшихъ на оскорбляемаго, но настойчиваго чудака,—сталъ видѣться тотъ Ангелъ Божій, на котораго онъ съ такою увѣренностью ссылался—и у котораго былъ „свой статейный списокъ"... Но, какъ бы то ни было, поѣздки на Воробьевы горы и на Рогожскій полуэтапъ продолжались до самой смерти Гааза.

„Я встрѣчалъ иногда въ нѣкоторыхъ домахъ Москвы доктора Гааза,—писалъ намъ въ 1893 г. Е. А. Матисенъ (старѣйшій членъ петербургской судебной палаты);—онъ энергическою своею осанкою напоминалъ Лютера; я засталъ его въ 1850 году при человѣколюбивой дѣятельности его въ качествѣ врача при пересыльномъ арестантскомъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ. Въ одно воскресенье поѣхалъ я туда для присутствованія при тяжкомъ зрѣлищѣ отправленія этихъ несчастныхъ въ Сибирь; въ числѣ ихъ была одна женщина—присужденная къ каторжнымъ работамъ; она уже поставлена была въ общій строй, для шествія пѣшкомъ, когда пріѣхалъ гражданскій губернаторъ; на просьбу этой арестантки дозволить ей сѣсть на одну изъ телѣгъ, всегда сопровождающихъ конвой и назначенныхъ для дѣтей и слабосильныхъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ; тогда приблизился къ ней докторъ Гаазъ и, удостовѣрившись въ крайнемъ истощеніи ея, обратился къ губернатору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ дозволить отправленія ея пѣшкомъ; губернаторъ возражалъ и упрекалъ его въ излишнемъ добродушіи къ преступницѣ, но Гаазъ настаивалъ и, отозвавшись, что за больныхъ отвѣчаетъ онъ, приказалъ принять эту женщину на телѣгу; губернаторъ хотѣлъ отмѣнить это распоряженіе, но Гаазъ горячо сказалъ, что онъ не имѣетъ на это права и что онъ тотчасъ донесетъ объ этомъ генералъ-губернатору Закревскому; тогда только губернаторъ уступилъ, и женщина отправлена была на телѣгѣ.—Въ тотъ же день я былъ очевидцемъ, какъ одного каторжника заковали и такъ неумѣло, что нога его оказалась въ крови и онъ отъ боли не могъ встать—

тогда Гаазъ велѣлъ его расковать, принявъ на себя отвѣтственность за возможный побѣгъ. Возвратившись въ Москву, я поѣхалъ къ Рогожской заставѣ, чрезъ которую проходилъ конвой арестантовъ, и здѣсь опять встрѣтилъ доктора Гааза, желавшаго удостовѣриться, не отмѣнены ли его приказанія относительно слабосильныхъ арестантовъ, и вновь подошедшаго съ ободреніемъ и теплыми словами къ женщинѣ на телѣгѣ, освобожденной имъ отъ пѣшаго хожденія по этапамъ".

Воспоминанія людей, помнящихъ Гааза и служившихъ съ нимъ, даютъ возможность представить довольно живо его воскресные пріѣзды на Воробьевы горы. Онъ являлся къ обѣднѣ и внимательно слушалъ проповѣдь, которая, вслѣдствіе его просьбы, уваженной митрополитомъ Филаретомъ, всегда неизбѣжно говорилась въ этотъ день для арестантовъ. Затѣмъ онъ обходилъ камеры арестантовъ, задавая тѣ вопросы, въ правѣ предложить которые видѣлъ себѣ—какъ онъ писалъ князю Голицыну—награду. Арестанты ждали его посѣщенія какъ праздника, любили его „какъ Бога"—вѣрили въ него и даже сложили про него поговорку: „у Газа—нѣтъ отказа". Самые тяжкіе и закоренѣлые преступники относились къ нему съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Онъ входилъ всегда одинъ въ камеры „опасныхъ" арестантовъ—съ клеймами на лицѣ, наказанныхъ плетьми и приговоренныхъ въ рудники безъ срока,—оставался тамъ подолгу наединѣ съ ними—и не было ни одного случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у ожесточеннаго и „пропащаго" человѣка противъ „Ѳедора Петровича". Вопросъ о томъ: не имѣетъ кто какой-нибудь нужды?—вызывалъ всегда множество заявленій, часто неосновательныхъ,—и просьбъ, удовлетвореніе которыхъ было невозможно. Гаазъ все выслушивалъ терпѣливо и благодушно. На его исполненномъ спокойствія и доброты лицѣ не было и тѣни неудовольствія на подчасъ вздорныя или даже вымышленныя претензіи. Онъ понималъ, въ глубокомъ состраданіи своемъ къ слабой душѣ человѣческой, что узникъ и самъ часто знаетъ, какъ нелѣпа его просьба или несправедлива жалоба, но ему надо дать высказаться, выговориться, надо дать почувствовать, что между нимъ—отверженцемъ общества—и внѣшнимъ, свободнымъ міромъ есть все-таки связь и что этотъ міръ приклоняетъ ухо, чтобы выслушать его... Терпѣливое вниманіе, безъ оттѣнка докуки или раздраженія, два-три слова сожалѣнія о томъ, что нельзя помочь, или разъясненіе, что для помощи нѣтъ повода—и узникъ успокоенъ, ободренъ, утѣшенъ. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ арестантами и отне-

сился къ нимъ не съ надменной чиновничьей высоты—знаетъ, что это такъ...

Но если жалобы и просьбы арестанта переходили въ вздорную словоохотливость, Ѳедоръ Петровичъ, улыбаясь, переходилъ къ слѣдующему, говоря сопровождавшему его тюремному служителю: „Скажи ему, милый мой, что онъ не дѣло говоритъ"... Затѣмъ начиналось освидѣтельствованіе арестантовъ въ извѣстномъ уже объемѣ. Въ 1851 году—для нѣкотораго контроля надъ широкимъ примѣненіемъ Гаазомъ понятія о нездоровьѣ губернское правленіе стало командировать къ отправкѣ пересыльныхъ партій члена врачебной управы. Выборъ лица для этого надзора былъ сдѣланъ весьма своеобразно. Сдерживать Гааза былъ назначенъ другъ Грановскаго и Щепкина, „перевозчикъ" на русскій языкъ Шекспира, небрежный въ костюмѣ, косматый, жизнерадостный, злой на языкъ и добрый на дѣлѣ, оглушающій громовыми раскатами смѣха—Николай Яковлевичъ Кетчеръ. Имена арестантовъ, про которыхъ было извѣстно, что Ѳедору Петровичу хотѣлось бы ихъ оставить до слѣдующаго этапнаго дня, писались карандашомъ на записочкѣ,—и она передавалась Кетчеру, на подобіе докторскаго гонорара при рукопожатіи, людьми, сочувствовавшими Гаазу между тюремнымъ персоналомъ. Подойдя къ обозначенному въ запискѣ, Кетчеръ обыкновенно находилъ, что *онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ*. Гаазъ краснѣлъ отъ удовольствія и немедленно восклицалъ: „Оставить его! оставить... въ больницу"!...

„Мы были,—пишетъ 27-го сентября 1847 года,—жена англійскаго посла, лэди Блумфильдъ (Reminiscences of court and diplomatic life, by Georgina Baroness Bloomfield. London. 1882),—въ пересылочной тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ... Тюрьма, жалкая постройка, состоящая изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ въ 1831 году, во время холеры, чтобы не пускать преступниковъ въ зараженный городъ. Мы вошли въ комнату, гдѣ ихъ осматривалъ докторъ Гаазъ. Этотъ чудесный человѣкъ посвятилъ себя имъ уже семнадцать лѣтъ и пріобрѣлъ среди нихъ большое вліяніе и авторитетъ. Онъ разговаривалъ съ ними, утѣшалъ ихъ, увѣщевалъ, выслушивалъ ихъ жалобы и внушалъ имъ упованіе на милость Бога,—многимъ раздавая книги. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Тексты писанія о томъ, „кому много дано", и о „первыхъ, которые будутъ послѣдними", никогда не представлялись такъ живо моему уму. Всѣхъ арестантовъ было 80 человѣкъ — мужчинъ и женщинъ; 28 изъ нихъ шли въ пожизненную каторгу. Послѣдніе, съ обритою на половину головою, имѣли видъ призраковъ; видъ большей части

былъ скорѣе апатичный, чѣмъ злой. Когда я вошла въ тюрьму, одинъ арестантъ стоялъ на колѣняхъ предъ Гаазомъ и, не желая встать, рыдалъ надрывающимъ душу образомъ. Его исторія очень любопытна. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство, и жена отказалась слѣдовать за нимъ. Бѣжавъ изъ Сибири, онъ нашелъ на родинѣ, въ Бѣлоруссіи, жену замужемъ за другимъ. Его поймали, жестоко наказали и опять сослали. Съ отчаяніемъ умолялъ онъ отдать ему жену. Несчастье было написано на лицѣ его. Сколько ни уговаривалъ его Гаазъ, сколько ни образумлялъ съ ласкою и участіемъ—онъ оставался неутѣшенъ и плакалъ горько. —Предъ отходомъ партіи была перекличка. Арестанты начали строиться, креститься на церковь; нѣкоторые поклонились ей до земли, потомъ стали подходить къ Гаазу, благословляли его, цѣловали ему руки и благодарили за все доброе, имъ сдѣлавнное. Онъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣлуя, давая каждому совѣтъ и говоря ободряющія слова. Потомъ Гаазъ сказалъ мнѣ, что всегда молится, чтобы, когда всѣ соберутся предъ Богомъ, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло въ свою очередь тяжелаго наказанія. Къ тюрьмѣ былъ пристроенъ госпиталь, состоявшій подъ его наблюденіемъ. Въ немъ онъ удерживалъ больныхъ или тѣхъ, кто былъ слабъ для пяти съ половиною мѣсячнаго пути... Тяжелое, но неизгладимое впечатлѣніе"!

Приготовленная къ отправкѣ партія ссыльныхъ не тотчасъ же направлялась по владимірке. Первый переходъ отъ Москвы до Богородска былъ очень длиненъ. Онъ до крайности утомлялъ и конвой, и арестантовъ, которымъ приходилось выступать изъ пересыльной тюрьмы довольно поздно, между 2 и 3 часами пополудни. По мысли и настояніямъ Гааза рѣшено было устроить на другомъ концѣ Москвы, за Рогожскою заставою, полуэтапъ, гдѣ партія могла бы переночевать и уже утромъ выйти окончательно въ путь. Гаазъ нашелъ средства, отыскалъ благотворителей, между которыми выдающееся мѣсто занималъ купецъ Рахмановъ—и зданіе Рогожскаго полуэтапа стало давать послѣдній въ предѣлахъ Москвы пріютъ ссыльнымъ и ихъ семействамъ. Сюда стекались пожертвованія, иногда очень щедрыя, натурою (преимущественно калачами, яйцами и ситцемъ на рубаху), и деньгами отъ благотворителей, которыми всегда была изобильна Москва; сюда же приходили нѣкоторые изъ нихъ лично, чтобы раздавать подаяніе арестантамъ. Здѣсь можно было видѣть то „умилительное—по словамъ Гоголя—зрѣлище, которое представляетъ посѣщеніе народомъ ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Си-

бирь, при чемъ нѣтъ ни ненависти къ преступнику, ни донкихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирая его факсимиле и портреты — или желанія смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается на западѣ,—есть что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата" (Переписка съ друзьями)... Съ устройствомъ Рогожскаго полуэтапа мѣстное начальство внутренней стражи распорядилось-было водить партіи съ Воробьевыхъ горъ по окраинамъ Москвы, минуя ея оживленныя и населенныя улицы и не тревожа спокойствіе ихъ обитателей и посѣтителей видомъ ссылаемыхъ и звономъ кандаловъ. Но мысль объ огражденіи „счастливыхъ" отъ напоминанія о „несчастныхъ" была непонятна Гаазу и казалась ему идущею наперекоръ съ добрыми свойствами русскаго человѣка, не хранящаго злобы противъ наказаннаго преступника и создавшаго поговорку „отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся". Этотъ иностранецъ глубже, чѣмъ оффиціальные представители московскаго благочинія, понималъ высокое нравственное значеніе отношенія русскаго человѣка къ „несчастному", нашедшее себѣ впослѣдствіи вдумчиваго истолкователя въ Д. А. Ровинскомъ. Кромѣ того, съ точки зрѣнія практической, проводъ ссыльныхъ по окраинамъ лишалъ ихъ обильныхъ подаяній, отовсюду сыпавшихся имъ на пути чрезъ Замоскворѣчье, Таганку и Рогожскую часть. Защитникъ арестантскихъ интересовъ, Гаазъ сталъ тотчасъ же домогаться отмѣны этого распоряженія чрезъ комитетъ, и, не дожидаясь разрѣшенія этого вопроса канцелярскимъ путемъ, обратился въ 1835 г. къ коменданту Москвы, генералу Саалю, съ горячимъ письмомъ, умоляя его о „великомъ облегченіи симъ людямъ". Распоряженіе было отмѣнено.

Къ этому-то полуэтапу подъѣзжала утромъ въ понедѣльникъ извѣстная всей Москвѣ пролетка Ѳедора Петровича и выгружала его самого и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопотанной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова,—къ нѣкоторымъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить „душу живу", обращался съ словами: „поцѣлуй меня, голубчикъ" („Прощанье г. Гааза даже сопровождается цѣлованьемъ съ преступниками"—писалъ негодующій Капцевичъ въ 1838 г.), и долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ... Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много

верстъ,—старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и старой волчьей шубѣ. Но москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это „Θедоръ Петровичъ“, что это „святой докторъ“ и „Божій человѣкъ“, какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть можетъ, какое-нибудь свое пререканіе съ ихъ начальствомъ. Они знали, что нужды этихъ людей и предстоящія имъ на долгомъ пути трудности не были ему чужды ни въ какомъ отношеніи. Недаромъ же въ Москвѣ разсказывали, что однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ нему по дѣлу, засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ акомпаниментъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои „облегченные“ кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ.

А. Θ. Кони.

ДВА ЦВѢТКА

I.

Въ страданьяхъ живу я, но радость пою.
Послушайте, люди, вы пѣсню мою,
О томъ, какъ я долгіе годы
Стремился цвѣтками двумя овладѣть:
Съ однимъ чтобы жить, а съ другимъ умереть,—
Искалъ доброты и свободы.

Сперва я пошелъ на базаръ суеты;
Но если когда-то росли тамъ цвѣты,—
Ихъ люди давно растоптали.
Тамъ встрѣтилъ я все, отъ чего убѣжалъ,—
И цѣпи неволи, и мщенья кинжалъ.
Тамъ бились, грозили, роптали,

Оттуда ушелъ я въ пріютъ мудрецовъ
И много увидѣлъ тамъ рѣдкихъ цвѣтовъ,
Но всѣ они были сухіе.
Ихъ солнце забыло, и сами они
Забыли о солнцѣ и блекли въ тѣни,
Для жизни и смерти чужіе.

Тогда я укрылся къ возлюбленной въ домъ.
Цвѣты безъ числа тамъ дышали кругомъ,
Но были они ядовиты.
О, ласковый лепетъ и клятвы любви,
О, грозная ревность и буря въ крови,
Зачѣмъ неразлучно вы слиты!

Такъ въ поискахъ тщетныхъ я годы провелъ.
И посохъ взялъ въ руки, и въ горы пошелъ,
Въ прохладно-пустынныя горы.
Вспѣненный потокъ мнѣ на встрѣчу скакалъ,
Какъ взмыленный конь, испугавшійся скалъ
И чующій властныя шпоры.

— Зачѣмъ ты покинулъ безмолвье снѣговъ
И къ шуму помчался долинъ и луговъ,
Гдѣ жизнь осквернитъ твои воды?
Мы оба къ отчизнѣ другъ друга спѣшимъ:
Ты къ праху земли, я—къ вершинамъ твоимъ,
Ты жаждешь оковъ, я—свободы.

Весь день я на кручи взбирался, какъ могъ,
И къ безднѣ пришелъ, когда вечеръ зажегъ
Снѣга на вершинахъ далекихъ.
Безплодные камни тѣснились кругомъ,
И вдругъ я увидѣлъ на камнѣ сѣдомъ
Два блѣдныхъ цвѣтка одинокихъ.

На стебляхъ пушистыхъ, бѣлѣй серебра,
Надъ бездной, обнявшись, какъ братъ и сестра,
Они беззаботно качались,
Ласкали другъ друга, шептались безъ словъ,
Сливали дыханье своихъ лепестковъ,
Прощались и снова встрѣчались.

И было такъ много въ ихъ нѣжной игрѣ
Любви благодарной на встрѣчу зарѣ,
Безстрашнаго счастья такъ много,
Что мнѣ захотѣлось ихъ радость воспѣть
И въ стройные звуки ихъ лепетъ одѣть
Во славу природы и Бога.

II.

ПѢСНЯ.

Мы въ камень безплодный корнями ушли,
Надъ бездной холодной безъ страха росли
Подъ солнцемъ и бурей мятежной.
Весна молодая насъ грѣетъ, какъ мать,
И вѣтеръ, лаская, насъ учитъ шептать
Названіе матери нѣжной.

Съ мольбой простираемъ къ полудню листы,
И жадно впиваемъ лучи съ высоты,
И ткемъ изъ лучей свои ткани.
Когда же утесы прощаются съ днемъ,
Прозрачныя росы мы радостно пьемъ
Съ прохладой вечернихъ лобзаній.

Ложится ли сизый на горы туманъ,
Иль бѣлыя ризы взовьетъ ураганъ,
Зардѣетъ ли снѣгъ предъ закатомъ,—
Мы праздно играемъ средь общей игры,
Мы въ бездну взираемъ съ родимой горы
И дышемъ живымъ ароматомъ.

А въ полночь мы чуемъ, какъ всходитъ луна.
Она поцѣлуемъ не будитъ отъ сна,
Но дѣлаетъ сны окрыленнѣй.
Намъ снится безбурный и теплый пріютъ,
Гдѣ воды лазурны, гдѣ птицы поютъ,
Гдѣ запахъ цвѣтовъ благовоннѣй.

Двѣ тайны, два чуда, незримы никѣмъ,
Не зная откуда, не зная зачѣмъ,
Мы вышли на свѣтъ благодатный.
Мы любимъ другъ друга, лазурь и грозу,
Глядимъ безъ испуга на бездну внизу,
Гдѣ вздохъ нашъ замретъ ароматный.

III.

Такъ пѣлъ я въ часъ зари, и было мнѣ легко.
Межъ тѣмъ подкралась ночь, вздохнула глубоко
И стала сыпать пылью звѣздной.
Я легъ на грудь скалы, усталый взоръ смежилъ,
И сонъ довѣрчивый мнѣ вѣки отягчилъ,
И сонъ приснился мнѣ надъ бездной.

Вдоль шаткой лѣстницы шли призраки земли.
Иные падали, иные кверху шли,
Но жребій мой уже свершился.
Я возвращался въ тьму, покинувъ день земной.
И смерть меня вела, и ужасъ плылъ за мной,
И сѣрый прахъ вослѣдъ ложился.

Изъ тьмы на встрѣчу мнѣ, летѣвшему стремглавъ,
Спѣшилъ подземный червь, тянулись корни травъ,
Попутно въ тѣло мнѣ впиваясь.
Я тяжелѣлъ, слабѣлъ, я падалъ все быстрѣй,
А формы новыя растеній и звѣрей
Всходили, плотью одѣваясь.

Я падалъ не одинъ. Какъ листьевъ смутный рой,
Какъ непрерывный дождь осеннею порой,
Несчетныя спускались тѣни.
Товарищи моихъ скитаній на землѣ
Со мною вмѣстѣ шли на встрѣчу вѣчной мглѣ,
Колебля шаткія ступени.

И я воззвалъ къ тѣнямъ:—О, если кто-нибудь
Былъ въ жизни дорогъ мнѣ и заронилъ мнѣ въ грудь
Восторгъ любви иль миръ свободы,—
Приди теперь ко мнѣ, напомни о быломъ,
Чтобъ я не проклиналъ, не звалъ безцѣльнымъ зломъ
Исчезновенье средь природы!

Такъ звалъ я, но никто на зовъ не отвѣчалъ
Изъ тѣхъ, чей голосъ мнѣ свободу обѣщалъ,

Но велъ на подвигъ отомщенья.
И не пришелъ никто, у чьихъ любимыхъ ногъ
Я жаждалъ добрымъ быть, но побѣдить не могъ
Въ душѣ ревниваго смущенья.

И вдругъ я предъ собой увидѣлъ два цвѣтка.
Ихъ слабый ароматъ, какъ рѣчь издалека,
Шепталъ мнѣ въ памяти чуть внятно:
— Мы нѣкогда цвѣли подъ солнцемъ на землѣ,
Мы нѣкогда росли надъ бездной на скалѣ,
Сплетясь въ дремотѣ благодатной.

Мы полюбили свѣтъ, другъ друга и весну,
И смутная любовь была подобна сну,
Но духъ любви тебя направилъ.
Однажды ты пришелъ, вдохнулъ нашъ ароматъ
И понялъ насъ безъ словъ, какъ братьевъ старшій братъ
И Бога силъ за насъ прославилъ.

Такъ запахъ двухъ цвѣтковъ шепталъ моей мечтѣ.
Я вспомнилъ день весны и къ вѣчной темнотѣ
Впередъ направился безъ страха.
Приливъ грядущихъ формъ насъ быстро поглощалъ,
Но я довѣрчиво лобзаньемъ ихъ встрѣчалъ,
Срывая прочь одежды праха.

— О, сохраните слѣдъ лобзанья моего!
Нетлѣнныхъ двухъ цвѣтковъ слилось въ немъ торжество—
Восторгъ любви и миръ свободы.
Среди печали жилъ, но радость я пою.
Тамъ, въ яркомъ свѣтѣ дня, допойте пѣснь мою
Подъ шумъ измѣнчивой природы!

Н. Минскій.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ

ВЪ

С.-АМЕРИК.-ШТАТАХЪ

I.

Послѣднее четырехлѣтіе въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ оказалось чрезвычайно тяжелымъ періодомъ земледѣльческаго, торговаго и промышленнаго застоя, небывалаго въ ихъ исторіи—по своей интенсивности и продолжительности. Никогда еще безденежье и безработица не достигали такихъ размѣровъ; никогда еще неопредѣленность и страхъ за будущее не парализовали такъ замѣтно, такъ существенно, обычныхъ американскому народу энергіи и предпріимчивости. Съ того самаго момента, какъ, въ половинѣ ноября 1892 года, сдѣлалось несомнѣннымъ, что демократическая партія захватила въ свои руки и исполнительную, и законодательную власть Союза, началось небывалое „закупориваніе" денегъ, сокращеніе промышленной дѣятельности, урѣзка расходовъ, уменьшеніе требованія на трудъ. Всѣ спекулятивные и промышленно-производительные элементы стали исподволь сокращать свою дѣятельность, реализировать наличныя деньги, вытягивать ихъ изъ обращенія и прятать въ надежныя мѣста. Національная „платформа", программа демократической партіи, рѣзко и ясно высказывалась за свободу торговли; власть переходила безраздѣльно въ ея руки, и неопредѣленность новыхъ порядковъ, неизвѣстность того, до какой степени они повліяютъ на установившіяся основанія дѣловой жизни страны, пугали людей не только крупныхъ и завѣдомо консервативныхъ, но и громадное

большинство мелкаго промышленнаго и торговаго люда. Въ теченіе всей своей долгой исторіи, демократическая партія Союза никогда, однако, не могла проявить какихъ-либо положительныхъ способностей; она превосходно соотвѣтствовала общественнымъ цѣлямъ, какъ партія оппозиціи, но громадное большинство не могло вѣрить въ нее, какъ въ успѣшную партію созиданія. Выборы 1892 года поставили ее именно въ необходимость заняться созиданіемъ; американскій народъ немедленно усомнился, общее довѣріе къ прочности положенія было поколеблено, и начался періодъ выжиданія, отозвавшійся крайне тяжело на народномъ благосостояніи. Уже весной 1893 года всѣ эти факторы вызвали финансовую панику и, какъ доказали послѣдствія, хроническій торгово-промышленный кризисъ, продолжающійся и до сихъ поръ. Цѣлые милліарды долларовъ погибли въ этомъ кризисѣ—банкротства слѣдовали одно за другимъ, мелкіе банки лопались цѣлыми сотнями во всѣхъ концахъ страны, фабрики и заводы закрывались, и сотни тысячъ рабочихъ оставались ни при чемъ. Послѣдняя половина 1893 года и всѣ послѣдующіе года надолго останутся въ памяти американскаго народа, какъ періодъ самаго тяжелаго застоя; сотни тысячъ семействъ были вынуждены жить на свои прежнія сбереженія, не имѣя возможности вновь заработать что-либо. Потрясенное рѣзкой перемѣной правительственнаго режима, общественное довѣріе не возвращалось — капиталъ прятался и выжидалъ событій, или погибалъ отъ сокращенія кредита, и въ томъ и другомъ случаѣ оставляя рабочаго безъ хлѣба. Капиталъ—вообще плохой филантропъ, и чѣмъ тяжелѣе кризисъ, тѣмъ онъ трусливѣе и себялюбивѣе дѣйствуетъ всегда и вездѣ.

Какъ извѣстно, у демократовъ не хватило ни смѣлости, ни умѣнья, провести обѣщанныя въ ихъ „платформѣ“ реформы. Вмѣсто свободы торговли, тарифъ Макъ-Кинлэя былъ замѣненъ тарифомъ Вальсона-Гормана, въ сущности отличающимся отъ перваго только тѣмъ, что, понизивъ пошлины на нѣкоторые предметы, онъ тѣмъ болѣе явно покровительствовалъ другимъ, почему-либо интересовавшимъ его непосредственныхъ составителей—и, въ его окончательномъ видѣ, послѣ цѣлаго полугода дебатовъ и препирательствъ, не только не удовлетворилъ никого, но и заслужилъ открытое единодушное всеобщее порицаніе. Не народныя нужды, не отвлеченные принципы, а частные интересы несомнѣнно съиграли главную роль въ его составленіи. Кливелэндъ публично назвалъ его плодомъ измѣны, безчестія и продажности, и отказался подписать его, такъ что онъ сдѣлался федеральнымъ закономъ безъ подписи президента. Явная, для всѣхъ очевидная непослѣдова-

тельность и негодность этого тарифа, заставлявшая всякаго мыслящаго человѣка ожидать скорыхъ измѣненій въ немъ, не только не устранила неопредѣленности положенія и общаго недовѣрія къ его прочности, но и усилила ихъ; финансовая паника и торгово-промышленный кризисъ обратились мало-по-малу въ хроническія явленія, угнетали страну все больше и больше—и постепенно увеличивали число людей, живущихъ изо дня въ день безъ какой-либо увѣренности за будущее.

Обѣщанная экономія въ государственныхъ расходахъ оказалась также миѳомъ—расходы эти не только не уменьшились, но и значительно увеличились; оставленный „республиканцами" въ государственномъ казначействѣ двухсотмилліонный запасъ быстро таялъ, и уже послѣ перваго года „демократическаго" режима финансы страны оказались въ совершенномъ безпорядкѣ. Съ сокращеніемъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ появилось и сокращеніе государственныхъ доходовъ—поступленія по всѣмъ статьямъ оказались ниже смѣтъ. Уничтоженіе трактатовъ взаимности со многими иностранными государствами вызвало утрату иностранныхъ рынковъ, вмѣсто обѣщаннаго ихъ расширенія—вывозъ Союза сократился на цѣлую треть, тогда какъ ввозъ значительно усилился, и впервые послѣ многихъ лѣтъ международный балансъ торговли оказался противъ Союза. Само собой разумѣется, что Англія прежде всѣхъ воспользовалась этимъ замѣчательнымъ торгово-промышленнымъ переворотомъ; по мѣрѣ того, какъ закрывались фабрики Союза и утрачивались имъ иностранные, преимущественно южно-американскіе рынки, она открывала свои заводы и захватывала лакомые куски. Промышленная статистика Англіи за послѣднее четырехлѣтіе указываетъ на чрезвычайно благопріятное развитіе ея силъ, и лучше всякихъ аргументовъ объясняетъ, кто именно воспользовался неудачей экспериментовъ „дяди Сама".

Чтобы возстановить равновѣсіе, придуманъ былъ подоходный налогъ, законъ о которомъ былъ составленъ очень торопливо и безъ обычной американской дѣловитости. Верховный судъ немедленно призналъ его противоконституціоннымъ, и въ финансахъ страны появился хроническій ежемѣсячный дефицитъ, постоянно возроставшій. Во времена глубокаго мира, при отсутствіи какихъ либо экстраординарныхъ физическихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, странѣ пришлось прибѣгнуть къ процентнымъ займамъ—денегъ не хватало на обыкновенные государственные расходы, и въ теченіе прошлаго четырехлѣтія демократическому правительству пришлось занять около $ 265.000.000.°°, и на эту сумму увеличить государственный долгъ, дотолѣ быстро и ежегодно умень-

шавшійся. Для того, чтобы дотянуть до 4-го марта 1897 года, придется сдѣлать еще заемъ и увеличить эту громадную сумму до $ 350.000.000.°°.

Въ такой спекулятивной, экспансивной и отзывчивой странѣ, какъ сѣверо-американскій Союзъ, состояніе государственныхъ финансовъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, служитъ самымъ чувствительнымъ, самымъ естественнымъ барометромъ и общественнаго благосостоянія, и общественнаго настроенія. Походы безработныхъ на Вашингтонъ, „коксеизмъ", громадная желѣзно-дорожная стачка лѣта 1894 года, постепенное сокращеніе денежныхъ оборотовъ въ главныхъ центрахъ, слишкомъ на 30% въ сравненіи съ 1892 годомъ, всеобщее броженіе умовъ и глухое недовольство—всѣ эти небывалыя явленія оказались непосредственными результатами небывалаго положенія. Вся страна отлично понимала, что оно не можетъ продолжаться долго, и что существенныя перемѣны неизбѣжны. Общественное настроеніе мало-по-малу дошло до неестественнаго возбужденія, до состоянія, очень близко граничащаго съ революціоннымъ. Не только находящіяся въ оппозиціи политическія партіи, „республиканская" и „популистская", но и большинство находившихся у власти демократовъ оказались глубоко проникнутыми самымъ серьезнымъ недовольствомъ; правительство послѣднихъ проявило такое безсиліе, такую неспособность къ управленію, что о продолженіи настоящаго режима не могло быть и рѣчи. Несостоятельность демократической національной „платформы" 1892 года считается безусловно доказанной, и партіи этой, для того, чтобы сохранить свое самостоятельное существованіе, чтобы объяснить свое raison d'être и на будущее время, оказались необходимыми новыя основанія, новыя приманки.

Благодаря всему вышеизложенному, новая президентская „кампанія" началась нынѣ особенно рано, отличалась необыкновенной страстностью, изобиловала самыми странными неожиданностями, перетасовала весьма существенно личный составъ партій и, по всей вѣроятности, положила начало новому, совершенно своеобразному періоду въ исторіи Союза.

II.

Главнымъ факторомъ въ президентской кампаніи 1896 года, сравнительно неожиданно и, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ послѣдовательно, явился „серебряный" вопросъ. Къ сожалѣнію, теоретически я недостаточно знакомъ съ финансовымъ вопросомъ вообще и

съ монетнымъ въ особенности. Они сами по себѣ составляютъ цѣлую науку и, насколько мнѣ извѣстно, даютъ только немногія общепризнанныя точныя положенія; правильное разрѣшеніе различныхъ ихъ деталей въ извѣстной странѣ, вѣроятно, зависитъ въ значительной степени отъ ея специфическихъ особенностей въ разныхъ отношеніяхъ. Чтò правильно и хорошо для Англіи или Германіи — можетъ быть несовершенно и невыгодно для Америки или Китая, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, я считаю необходимымъ предупредить читателя, что обширныхъ теоретическихъ познаній по этому предмету у меня нѣтъ, и что все, чтò я стану разсказывать дальше о серебрѣ и золотѣ и о той роли, которую они играли въ настоящей президентской кампаніи, является только непосредственнымъ ея отголоскомъ. Мы, какъ извѣстно, весьма храбро относимся ко всему, чтò намъ кажется касающимся нашего благосостоянія, склонны быть скептиками ко всякимъ теоретическимъ отвлеченностямъ, и нерѣдко рѣшаемъ самые сложные, самые запутанные вопросы, руководствуясь исключительно здравымъ смысломъ и житейскимъ опытомъ. Такъ какъ настоящей президентской кампаніи нельзя коснуться, даже поверхностно, безъ разъясненія современнаго американскаго серебрянаго вопроса, то я и долженъ, хотя и невольно, заняться имъ и выяснить практическія его стороны, составившія главное основаніе той глубокой распри, которую вопросъ этотъ вызвалъ въ нашей общественной жизни.

Еще только сорокъ лѣтъ тому назадъ, Союзъ совсѣмъ не производилъ серебра, и оно все ввозилось изъ-за границы, преимущественно изъ Мексики. Союзъ уже много лѣтъ стоялъ первой въ мірѣ страной по количеству добываемаго золота, прежде чѣмъ началось въ немъ добываніе серебра. Не далѣе какъ въ 1873 году количество обращавшейся въ немъ серебряной монеты не превышало 8 милліоновъ долларовъ, и ее совсѣмъ нельзя было чеканить, потому что металлъ стоилъ дороже монеты, какъ она опредѣлялась закономъ; никто тогда и не помышлялъ о томъ, что уже въ 1896 году, т.-е. меньше чѣмъ черезъ четверть столѣтія, серебряный вопросъ сдѣлается такимъ существеннымъ, такимъ всепоглощающимъ въ общественной жизни всей страны. Но въ теченіе семидесятыхъ и, въ особенности, восьмидесятыхъ годовъ, когда добыча золота и въ Америкѣ, и во всемъ остальномъ мірѣ, все уменьшалась [1], — добыча серебра все увеличивалась, и въ Союзѣ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, перегнала добычу золота, къ началу девяностыхъ — больше чѣмъ вдвое, а въ настоящее время

---

[1]) См. мою статью „О золотѣ“: „Вѣстникъ Европы“, май 1896 г.

почти втрое превышаетъ ее. Державшееся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій отношеніе цѣнности золота къ серебру какъ 1 къ 15, затѣмъ къ 16,—начиная съ 1876 г., стало падать: въ 1880 г. было какъ 1 къ 18.05; въ 1889 г. какъ 1 къ 22.09; въ 1893 г. какъ 1 къ 26.49, а въ 1896 г. уже какъ 1 къ 31. Тогда какъ еще только въ 1876 г. за унцъ золота давали всего 16 унцевъ серебра,—теперь за тотъ же унцъ можно купить 31. Ежегодно увеличивавшаяся масса добываемаго серебра уже къ концу семидесятыхъ годовъ не могла поглощаться естественнымъ потребленіемъ, и серебро въ монетѣ, сохраняя до извѣстной степени свои покупательныя способности на внутреннихъ рынкахъ, принявшихъ серебряную валюту другихъ странъ, стало ихъ утрачивать на международномъ и цѣниться уже не по тому, что̀ на этой монетѣ было написано, а по тому, что̀ стоилъ заключавшійся въ ней металлъ—словомъ, серебро это стало не монетой, не знакомъ обмѣна съ извѣстными специфическими особенностями, а слиткомъ, товаромъ, ничѣмъ не отличающимся отъ всякаго другого продукта. Всѣ главныя торговыя націи міра такъ или иначе, прямо или косвенно, высказались за золотой монометаллизмъ, или просто неукоснительно держались его въ своихъ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ — не принимая въ уплату за свои товары или балансы въ свою пользу серебро какъ деньги, а только по его дѣйствительной цѣнности въ данный моментъ на всеміряомъ рынкѣ. Извѣстно, что Германія перешла на золотую валюту въ 1873 году; Нидерланды, скандинавскій и латинскій союзы—только немного позже. Серебряная валюта удержалась въ Китаѣ, Японіи, Мексикѣ, южно-американскихъ республикахъ и британской Индіи. Современное финансовое положеніе Россіи такъ сложно, и ея стремленіе перейти на золотую валюту, съ потерей 50% для ея другихъ денежныхъ знаковъ, такъ ясно, что ее слѣдуетъ пока считать въ переходномъ положеніи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, и Японія успѣла уже образовать въ своемъ государственномъ казначействѣ значительный золотой резервъ, и едва ли не готовится къ такому же перевороту.

Тотъ финансовый законъ, что худшіе денежные знаки всегда совершенно вытѣсняютъ изъ обращенія лучшіе,—немедленно, въ началѣ паденія цѣнности серебра, начиналъ дѣйствовать во всѣхъ этихъ странахъ: золото исчезало изъ обращенія, а онѣ пришли къ серебряному монометаллизму, тогда какъ всѣ остальныя страны міра, не исключая и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, оказались съ монометаллизмомъ золотымъ. Этотъ постепенный переходъ не обошелся безъ нѣсколькихъ серьезныхъ между-

народныхъ столкновеній, какъ, напр., между Франціей и Италіей, и вызвалъ цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ законодательныхъ измѣненій почти на всемъ земномъ шарѣ,—измѣненій въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжающихся и до настоящаго момента. Англія еще въ 1890 году вынуждена была прекратить свободную чеканку серебра въ Индіи; сѣверо-американскіе Соединенные-Штаты должны были въ 1893 году отмѣнить актъ Шермана, обязывавшій федеральное правительство ежемѣсячно обмѣнивать на золото извѣстное количество серебра и чеканить его въ отношеніи 1 къ 16. Количество серебряной монеты въ Штатахъ, за двадцатилѣтіе 1873—1893, увеличилось съ 8 до 625 милліоновъ долларовъ, и хотя его цѣнность какъ монеты, въ виду обязательства федеральнаго правительства во всякое время обмѣнять его на золото, и не была еще утрачена,—тѣмъ не менѣе несомнѣнно основательно было предположеніе, что она неизбѣжно утратится въ близкомъ будущемъ, если финансовая политика страны не будетъ радикально измѣнена и дальнѣйшая чеканка остановлена. Количество серебряной монеты въ обращеніи было такъ велико, что не поглощалось потребностями страны, и она постоянно возвращалась въ федеральное казначейство въ обмѣнъ ея на золото и бумажки; въ 1893 году въ немъ скопилось уже свыше 365 милліоновъ серебряныхъ долларовъ, и пришлось выстроить новыя помѣщенія для его храненія. Въ то же время золото безостановочно уплывало въ Европу съ каждымъ пароходомъ и грозило странѣ неизбѣжнымъ переходомъ къ серебряному монометаллизму со всѣми его разорительными послѣдствіями.

Стоимость американскаго серебрянаго доллара, какъ монеты, поддерживается исключительно обязательствомъ правительства обмѣнять его во всякій моментъ на золотой—и вѣрою публики въ способность этого правительства выполнить это обязательство. Какъ только или это обязательство будетъ взято назадъ, или эта вѣра почему-либо утрачена,—такъ эта стоимость мгновенно исчезнетъ, и онъ будетъ стоить только то, что̀ стоитъ заключающійся въ немъ металлъ,—въ настоящее время только половину своей номинальной цѣны, или, точнѣе, 51½ цента. Мексиканскій серебряный долларъ, въ которомъ металла больше, чѣмъ въ нашемъ, на 2 цента, стоитъ у насъ всего 53 цента, тогда какъ нашъ стоитъ у нихъ цѣлый долларъ, или именно то, что̀ на немъ написано. Тоже самое и съ китайской, и съ японской, и съ британско-индійской серебряной монетой. Хотя настоящее законодательство с.-а. Соединенныхъ-Штатовъ не дѣлаетъ никакой разницы между золотой и серебряной монетой и бумажками, тѣмъ не менѣе за-

конодательство это можетъ имѣть дѣйствительную силу только до тѣхъ поръ, пока федеральное казначейство способно поддерживать свободный обмѣнъ, по востребованію, между всѣми этими тремя родами денежныхъ знаковъ. Какъ только почему-либо эта способность будетъ имъ утрачена, нелѣпо было бы предполагать, что такая фиктивная стоимость все-таки удержится въ повседневныхъ сношеніяхъ. Серебро, конечно, упадетъ въ цѣнѣ и вытѣснитъ все золото. Въ виду этого, а также въ виду колоссальнаго скопленія серебра въ слиткахъ у частныхъ людей и опасной возможности законодательныхъ денежныхъ экспериментовъ въ будущемъ, еще съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ всѣ денежныя сдѣлки, всѣ контракты, всѣ закладныя, всѣ желѣзнодорожныя и всякія другія облигаціи, всѣ государственные займы послѣдняго четырехлѣтія, всегда дѣлались на золотую валюту, т.-е. въ нихъ обозначалось, что платежъ долженъ быть произведенъ золотой монетой, а не какимъ-либо другимъ legal tender, т.-е. такими денежными знаками, которые имѣютъ извѣстную цѣнность только благодаря законодательнымъ актамъ, а не своей собственной дѣйствительной стоимости. Люди, дающіе взаймы свое золото, обезпечиваютъ себя на тотъ случай, если экспериментальное законодательство будущаго вздумаетъ сдѣлать такимъ legal tender утратившую стоимость того, что̀ на ней написано, серебряную монету, безъ обязательства или способности государственнаго казначейства обмѣнять ее во всякій моментъ на золото. Сѣверо-Американскій Союзъ, благодаря обширности своихъ естественныхъ рессурсовъ, энергіи и предпріимчивости своихъ гражданъ, всегда нуждался въ европейскомъ золотѣ для своей торговой и промышленной дѣятельности, и въ настоящій моментъ состоитъ должникомъ Голландіи, Германіи, Франціи и, въ особенности, Англіи— на громадныя суммы, которыя трудно вычислить хотя бы приблизительно. Одни проценты на эти занятые капиталы, ежегодно подлежащіе платежу Европѣ и до настоящаго времени уплачивавшіеся безъ особеннаго затрудненія обычнымъ балансомъ международной торговли въ пользу Америки,—теперь, съ острымъ переворотомъ въ этомъ балансѣ противъ нея, сдѣлались вдругъ непосильнымъ бременемъ. Серебряная агитація, понятно, страшно напугала всѣхъ этихъ кредиторовъ, имя же имъ легіонъ, и они съ своей стороны невольно подливаютъ масла въ огонь, стремясь включить вышеупомянутое условіе, т.-е. платежъ золотомъ, и во всѣ такіе документы, которые получили свое начало еще тогда, когда о современной серебряной опасности не было и помину.

Само собой разумѣется, что еслибы извѣстная страна могла

изолироваться, могла бы игнорировать всемірный рынокъ и обходиться безъ международной торговли и чужихъ денегъ,—ея законодательство могло бы успѣшно контролировать и ея денежную систему, не обращая вниманія на своихъ сосѣдей. Но такая независимость совершенно недостижима, особенно для громадной страны, съ такими разнообразными потребностями, какъ Америка. Она связана по рукамъ и по ногамъ массой самыхъ существенныхъ интересовъ со всѣми націями міра, и нелѣпо было бы даже мечтать о коммерческой и финансовой независимости. Съ теченіемъ времени человѣчество не обособливается по націямъ, а напротивъ, сплочивается и сближается все больше и больше, и всякія сепаратистскія стремленія въ этомъ отношеніи всегда оказываются не только безполезными, но и рѣшительно вредными именно для тѣхъ странъ, которыя почему-либо заражены ими. Въ исторіи человѣчества было не мало попытокъ къ воздвиженію такихъ искусственныхъ барьеровъ, съ разными цѣлями и при посредствѣ самыхъ разнообразныхъ методовъ—но всѣ онѣ, вездѣ и всегда, неизмѣнно оканчивались самыми плачевными неудачами. Человѣчество вѣчно идетъ впередъ—его можно задержать, но не поворотить назадъ.

Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ остановить паденіе цѣнности серебра и возстановить его упавшее значеніе какъ монеты, безъ опасности постоянныхъ колебаній, можетъ быть, могло бы быть одно международное соглашеніе по этому пункту. Еслибы всѣ главныя націи міра согласились установить извѣстное отношеніе стоимости золотой монеты къ серебряной, разъ навсегда или до новаго соглашенія,—такое отношеніе, по всѣмъ видимостямъ, стало бы поддерживаться и всемірнымъ рынкомъ относительно цѣны золота и серебра въ слиткахъ. Такое соглашеніе могло бы ввести дѣйствительный всеобщій биметаллизмъ. Безъ него, хотя извѣстная отдѣльная страна и можетъ поддерживать его у себя дома, и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, и за границей,—но на всемірномъ рынкѣ она неизбѣжно явится представительницей монометаллизма, или золотого, какъ Англія и Германія, или серебряннаго, какъ Китай и Мексика. Средины при настоящемъ положеніи тутъ быть не можетъ, и всякая попытка—вынудить другія страны сообразоваться съ внутреннимъ законодательствомъ отдѣльной націи по этому пункту—неизбѣжно окажется не только безплодной, но и опасной, такъ какъ подорветъ кредитъ, мгновенно вытѣснитъ золото и приведетъ экспериментатора къ серебряному монометаллизму. По крайней мѣрѣ вся исторія денежныхъ системъ всѣхъ націй міра, безъ какихъ бы то ни было

исключеній, всегда давала именно этотъ результатъ, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній къ тому, чтобы думать, будто сѣверо-американскій Союзъ въ данномъ случаѣ почему-либо могъ бы разсчитывать на исключеніе въ свою пользу. Его государственные люди до сихъ поръ отлично понимали это, и съ тѣхъ поръ, какъ Союзъ сдѣлался самымъ значительнымъ производителемъ серебра въ мірѣ,—не разъ поднимали этотъ вопросъ и стремились къ достиженію биметаллизма путемъ международнаго соглашенія. Международныя конференціи собирались уже въ 1879 и 1881 г., и еще только въ прошломъ году довольно долго засѣдалъ въ Брюсселѣ международный монетный конгрессъ именно по этому поводу. Соглашеніе, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, оказалось невозможнымъ: Европа производитъ, сравнительно, только очень немного серебра, и ей нѣтъ ни малѣйшаго разсчета связывать себя въ этомъ отношеніи, только чтобы угодить ея главному конкурренту—Америкѣ—и некультурнымъ странамъ Востока. Англія, самая богатая и самая денежная страна въ мірѣ, обезпечена золотомъ своихъ колоній, имѣетъ достаточно серебра для своей индійской торговли, и, конечно, не желаетъ ставить себя хотя бы и въ отдаленную возможность зависимости отъ главныхъ производящихъ теперь серебро странъ, особенно сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ-Штатовъ. На достиженіе въ близкомъ будущемъ удовлетворительнаго международнаго соглашенія у убѣжденныхъ биметаллистовъ вообще и у друзей серебра въ особенности едва ли могутъ быть какія-либо основательныя надежды. Серебру приходится ждать, и чѣмъ больше усиливается его перепроизводство, тѣмъ быстрѣе уменьшаются и тѣ немногіе шансы, которые оно теперь имѣетъ.

Само собой разумѣется, что серебряный вопросъ далеко не исчерпывается вышеизложеннымъ; онъ обнимаетъ собою цѣлую массу второстепенныхъ деталей, въ другихъ условіяхъ имѣющихъ, можетъ быть, даже первостепенное значеніе. Но я не буду на нихъ останавливаться, такъ какъ моя цѣль—не трактатъ о биметаллизмѣ, а только указаніе его значенія и роли въ настоящей нашей президентской кампаніи. Еще только четыре года тому назадъ, въ своихъ національныхъ „платформахъ" президентской кампаніи 1892 года, обѣ главныя политическія партіи, республиканская и демократическая, высказались въ сущности совершенно одинаково,—категорически противъ свободной чеканки серебра, и только популисты открыто ее требовали; нынче же, тогда какъ республиканцы остались вѣрными самимъ себѣ и своимъ традиціоннымъ доктринамъ,—демократы, или та ихъ фракція, которая

контролировала ихъ національную конвенцію, круто повернули по этому пункту съ своей обычной дороги и присоединились открыто къ „популистамъ", выставивъ серебряный вопросъ главнымъ пунктомъ своей настоящей „платформы"—и вся ихъ кампанія была основана почти исключительно на немъ одномъ.

Серебряная агитація началась въ Штатахъ сравнительно очень недавно. Еще въ 1873 году, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, тогдашній конгрессъ, стремившійся всяческими средствами поднять курсъ своихъ бумажныхъ денегъ и возстановить металлическую валюту, провелъ извѣстный законъ о золотой монетѣ, къ которой одно за другимъ переходили тогда европейскія государства,—законъ, констатировавшій только тогдашнее дѣйствительное положеніе. Въ то время, противъ такъ-называемой теперь демонетизаціи серебра, якобы результата этого закона, не было поднято ни одного голоса. Что законъ этотъ не имѣлъ абсолютно никакого вліянія на дѣла націи—очевидно изъ того, что она не только быстро оправилась отъ остраго, потрясшаго всю страну краха этого года, но и въ теченіе всего послѣдующаго двадцатилѣтія продолжала безпримѣрно преуспѣвать рѣшительно на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Союзъ еще никогда не переживалъ такого блестящаго періода, еще никогда не испытывалъ такого общаго и быстраго поднятія народнаго благосостоянія. Въ теченіе всей президентской кампаніи 1888 года, ни о свободной чеканкѣ серебра, ни о его демонетизаціи, никто не заикнулся ни однимъ словомъ. Агитація началась именно въ теченіе послѣдовавшаго за нею четырехлѣтія, когда рудники Аризоны, Айдахо, Юты, Монтаны, и, въ особенности, Колорадо, благодаря частію новымъ открытіямъ, а главное, удешевленію и усовершенствованію способовъ добыванія, такъ завалили рынокъ серебромъ, что цѣна на него спустилась ниже доллара за унцъ, и, по словамъ владѣльцевъ рудниковъ, перестала оплачивать производство. Сначала агитація эта ограничивалась исключительно производящими серебро штатами и территоріями, и народныя массы оставались къ ней совершенно безучастными. Она, по всей вѣроятности, и ограничилась бы этими совершенно незначительными мѣстностями и никогда не получила бы своего настоящаго всепоглощающаго національнаго значенія, еслибъ какъ разъ въ то же время не опустились цѣны и на пшеницу и всѣ другіе зерновые хлѣба, на скотъ, на фрукты и вообще на всякіе земледѣльческіе продукты. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, все четырехлѣтіе это, 1888—1892, отличалось въ Америкѣ замѣчательными, небывалыми урожаями, а съ другой—были привлечены къ воздѣлы-

ванію новыя громадныя пространства и у насъ, и въ Южной Америкѣ, и въ британской Индіи. Получилось, съ одной стороны, перепроизводство серебра, съ другой—хлѣба и всѣхъ другихъ земледѣльческихъ продуктовъ, и одинаковое паденіе ихъ цѣнъ. Хотя въ дѣйствительности между ними едва ли было какое касательство, какая-либо связь,—тѣмъ не менѣе серебряные агитаторы съумѣли своевременно указать на это совпаденіе и поселить въ земледѣльческихъ массахъ сначала сомнѣнія, а потомъ и увѣренность въ томъ, что причиной паденія цѣнъ на ихъ продукты были именно, вызванныя якобы искусственно приверженцами золота, сначала демонетизація, а затѣмъ обезцѣненіе серебра. Былъ пущенъ въ ходъ аргументъ, повидимому логичный, что золото поднялось въ цѣнѣ,—а такъ какъ оно именно и служитъ единственной международной валютой, то и очевидно, что цѣнность всего остальнаго должна была упасть. Не случись этого совпаденія упадка цѣнъ, и не воспользуйся имъ наши серебряные агитаторы такъ ловко и своевременно, они до сихъ поръ вопіяли бы въ пустынѣ. На мой личный взглядъ, вполнѣ въ этомъ случаѣ совпадающій съ нашими защитниками золотой валюты, вся аргументація „сильверитовъ" по поводу этого совпаденія не выдерживаетъ никакой критики. Докажи они связь между этимъ совпаденіемъ, ихъ положеніе сдѣлалось бы сразу неуязвимымъ, и мы признали бы исполненіе ихъ вожделѣній не только законнымъ, но и необходимымъ для общей пользы. Защищать золото—вообще не особенно благодарная задача, но въ этомъ случаѣ истина, по моему крайнему разумѣнію, безусловно на его сторонѣ.

Фермеры жадно слушали эту искусную, но ложную аргументацію, и такъ какъ ихъ собственная организація, фермерскій альянсъ (Fermer's Alliance), и послужила именно около того времени ядромъ и основаніемъ нашей третьей политической партіи, „популистовъ", то и ясно, почему въ ихъ національную „платформу" 1892 года попало, между прочимъ, и требованіе свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16, или, точнѣе, 1 къ 15,98.

Я долженъ остановиться и объяснить это понятіе, какъ оно у насъ понимается. Подъ этимъ требованіемъ подразумѣвается, во-первыхъ, право каждаго частнаго лица сдавать правительственнымъ монетнымъ дворамъ серебро по цѣнѣ $ 1.2929 за унцъ чистаго металла—тогда какъ рыночная цѣна стояла въ 1892 г. около 87, а теперь только около 67 центовъ за тотъ же унцъ, и получать взамѣнъ соотвѣтственное этой цѣнѣ число серебряныхъ долларовъ; и, во-вторыхъ, объявленіе законодательнымъ порядкомъ, что такой долларъ есть legal tender, т.-е. долженъ быть

принимаемъ по своей номинальной стоимости въ уплату всякаго долга, всякаго платежа, какъ государственнаго, такъ и частнаго. Сторонники свободной чеканки серебра утверждають, что введеніе такого порядка, во-первыхъ, немедленно подниметъ цѣну серебра до его чеканнаго уровня и, во-вторыхъ, понизитъ цѣну золота и соотвѣтственно повыситъ цѣну всего остального.

Несмотря на этотъ пунктъ „платформы популистовъ" и значительный, поднятый ими въ пшеничныхъ и серебро-производящихъ мѣстностяхъ шумъ, въ теченіе президентской кампаніи 1892 г., никто не относился къ этому вопросу серьезно, и онъ обсуждался и дебатировался только въ популистскихъ сборищахъ. Но въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія, частію благодаря безпримѣрнымъ застою и безработицѣ, частію все продолжавшемуся паденію цѣнъ,—идея свободной чеканки серебра, какъ общей панацеи противъ всѣхъ обуявшихъ золъ и превратностей судьбы, успѣла завладѣть значительнымъ числомъ умовъ, особенно на Западѣ и Югѣ. Серебряные агитаторы свирѣпо, безостановочно поддерживали свою агитацію, засыпали всю страну печатнымъ матеріаломъ съ аргументаціей въ пользу серебра, и до того воспламенили общественное мнѣніе, что демократы, потерявшіе всякую надежду на успѣхъ при обычныхъ „платформахъ", послѣ жестокой борьбы въ своей собственной средѣ, борьбы безвозвратно расколовшей пополамъ ихъ партію, успѣли-таки провести этотъ проектъ въ своей національной конвенціи достаточнымъ большинствомъ и, въ сущности отбросивъ въ сторону все остальное, основали свою кампанію исключительно на немъ одномъ. Мнѣ лично этотъ неожиданный „соммерсольтъ" современной демократической партіи очень напоминаетъ нѣмца-рыбника, котораго я видѣлъ прошлымъ лѣтомъ на гамбургской набережной. Старикъ шибко подгулялъ, растерялъ гдѣ-то весь свой товаръ, но все-таки тащилъ за собой совершенно пустую ручную телѣжку и по привычкѣ кричалъ во все горло: „Codfish, Codfish!"—хотя у него и не было ни одной рыбёшки. Такъ и современные демократы: они растеряли по дорогѣ всѣ свои завѣтныя положенія, всю свою программу, уцѣпились исключительно за діаметрально противоположное всѣмъ ихъ традиціямъ и идеямъ требованіе о свободной чеканкѣ серебра, и все-таки продолжаютъ кричать во всеуслышаніе: „мы—демократы, демократы"!

III.

Настоящая президентская кампанія, какъ я уже упомянулъ выше, началась очень рано. Общее недовольство и нетерпѣніе выяснить невыносимое положеніе такъ или иначе—были такъ сильны, что подготовительная работа была въ полномъ ходу уже всю прошлую зиму. Было ясно, что всѣмъ партіямъ придется высказаться вполнѣ опредѣленно по вопросу о свободной чеканкѣ серебра, и что ни одна изъ нихъ не будетъ въ состояніи сохранить свои ряды въ цѣлости, въ которую бы сторону ни послѣдовало рѣшеніе. Серебряные „экстремисты" съѣзжались много разъ на совѣщанія, болѣе или менѣе многочисленныя по своему составу, и открыто заявляли, что ставятъ свой вопросъ выше всего остального, видятъ въ немъ одномъ спасеніе страны отъ власти золота, сдѣлавшейся совершенно невыносимой, повинутъ свои старыя партіи, если онѣ откажутъ имъ, и—или цѣликомъ примкнутъ къ той изъ нихъ, которая выскажется за свободную чеканку, или образуютъ свою собственную и выставятъ свой собственный президентскій „тикетъ". Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ этихъ совѣщаніяхъ не участвовалъ оффиціально ни одинъ изъ членовъ старыхъ партій съ національной репутаціей; хотя многіе изъ нихъ и сочувствовали имъ всецѣло, тѣмъ не менѣе они предпочитали держаться политики выжиданія, не раздражать страстей и въ свое время воспользоваться этими совѣщаніями какъ пугаломъ для убѣжденія своихъ собственныхъ организацій. Совѣщанія эти, хотя и не привели ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе были всегда очень шумны, наполняли собой всю политическую печать страны, и, безъ сомнѣнія, съиграли немалую роль въ кампаніи.

Республиканцы, съ которыхъ я и начну свою исторію кампаніи, созвали свою національную конвенцію на 15-е іюня въ городѣ Санъ-Луисѣ. Уже задолго передъ тѣмъ началась избирательная борьба между приверженцами майора Вильяма Макъ-Кинлэя (William Mc Kinley) изъ штата Охайо—и его противниками. За Макъ-Кинлэя была вся республиканская партія, весь народъ; противъ него—всѣ политиканы, всѣ тѣ, которые видятъ въ политикѣ только средство набивать свой карманъ и контролировать по своему усмотрѣнію всѣ жирныя общественныя мѣста. Въ массахъ американскаго народа Макъ-Кинлэй пользуется безусловно безупречной личной и общественной репутаціей. На репутаціи этой нѣтъ ни одного пятнышка — съ этимъ согласны всѣ безъ

исключенія, не только его политическіе друзья, но и противники, несмотря на то, что уже прошло тридцать-пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, выступилъ на общественную арену въ роли волонтера рядового въ самомъ началѣ междоусобной войны 1861—1865 годовъ. Всѣ послѣдовательные чины, одинъ за другимъ, были имъ получены за отличіе на поляхъ битвы этой войны, и, по ея окончаніи, онъ немедленно вышелъ въ отставку, не понимая военной службы въ мирное время, и отправился доканчивать прерванное войной образованіе. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ его нѣсколько разъ выбирали на разныя общественныя должности въ его родномъ графствѣ, а въ 1877 году дистриктъ послалъ его и въ нижнюю палату федеральнаго конгресса. Тамъ онъ занялся изученіемъ тарифнаго законодательства страны, быстро освоился со всѣми его тонкостями и особенностями, и, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, все время ожесточенной борьбы между партіями именно по этому вопросу, постоянно участвовалъ во всѣхъ проектахъ и преніяхъ, и когда, въ 1888 году, республиканцамъ, наконецъ, удалось захватить и исполнительную, и законодательную власти, сдѣлался авторомъ знаменитаго теперь акта, извѣстнаго подъ именемъ тарифа Макъ-Кинлэя. Въ 1890 году, демократы захватили штатъ Охайо и, желая во что бы то ни стало оставить его не удѣлъ,—и за его популярность, и за его огромное вліяніе на дѣла страны въ конгрессѣ,—немедленно измѣнили границы его обычнаго конгрессіональнаго дистрикта такъ, что онъ сдѣлался безнадежно демократическимъ, и на первыхъ же послѣдующихъ выборахъ въ конгрессѣ Макъ-Кинлэй былъ побитъ. Эта политическая недобросовѣстность, извѣстная подъ именемъ gerrymandering, такъ возмутила общественное мнѣніе и всей страны, и особенно штата Охайо, что немедленно за этимъ Макъ-Кинлэй былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ въ губернаторы штата, затѣмъ былъ выбранъ вторично на ту же должность и съ успѣхомъ занималъ ее до настоящаго года. Губернаторскія мѣста въ большихъ штатахъ, федеральный сенатъ, національныя конвенціи партій — служатъ обыкновенно тѣми оселками, на которыхъ американскій народъ пробуетъ своихъ кандидатовъ въ президенты. Мѣста эти требуютъ большого такта, умѣлости и опытности, и до сихъ поръ, за весьма немногими исключеніями, всѣ бывшіе президенты, до своего выбора въ Бѣлый домъ, проходили именно эту школу.

Макъ-Кинлэй сдѣлалъ себѣ національную репутацію еще въ республиканской національной конвенціи 1884 года, когда извѣстный Блэнъ былъ назначенъ кандидатомъ только благодаря

присутствію духа и стойкости поддерживавшаго его Макъ-Кинлэя. Онъ же оказался и рѣшителемъ судебъ конвенціи 1888 года, назначившей Гаррисона. Когда, послѣ многочисленныхъ баллотировокъ и совѣщаній, занявшихъ нѣсколько дней, ни одинъ изъ серьезныхъ кандидатовъ, казалось, не могъ соединить на себѣ необходимаго большинства голосовъ, Макъ-Кинлэй, представлявшій въ этой конвенціи интересы сенатора Шермана и бывшій уже второй разъ предсѣдателемъ комитета резолюцій, а слѣдовательно авторомъ „платформы“, вдругъ оказался центромъ всеобщаго вниманія, и одинъ штатъ за другимъ сталъ подавать за него свои голоса. Онъ вскочилъ на стулъ и, блѣдный какъ мраморъ и холодный какъ ледъ, своимъ могучимъ, умѣлымъ голосомъ сразу остановилъ повернувшій въ его сторону потокъ, безусловно отказавшись отъ назначенія только потому, что онъ обѣщалъ своимъ словомъ поддерживать Шермана до конца. Очевидцы этого драматическаго эпизода единогласно утверждаютъ, что ничто никогда не потрясало ихъ такъ, какъ видъ этого человѣка, добровольно отказавшагося отъ величайшей чести, которая только можетъ выпасть на долю американскаго гражданина. Наконецъ, и въ 1892 году, на конвенціи, вторично назначившей Гаррисона, предсѣдателемъ которой былъ Макъ-Кинлэй, когда оппозиція Гаррисону готова была единогласно соединиться на немъ, онъ опять безусловно отказался и даже горячо поспорилъ съ делегаціей отъ своего собственнаго штата. И тогда уже всякому внимательному наблюдателю было ясно, что въ 1896 году Макъ-Кинлэй долженъ явиться неизбѣжнымъ кандидатомъ республиканской партіи.

Крайне ошибочно было бы думать, что его обширная, несомнѣнная популярность заявляется только логическимъ послѣдствіемъ неразрывной связи его имени съ протекціоннымъ тарифомъ. Нѣтъ, Макъ-Кинлэй выдвинулся и сдѣлался однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ политическихъ вожаковъ Новаго свѣта гораздо раньше, чѣмъ имя его было связано съ тарифомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что главнымъ основаніемъ его популярности служатъ именно его симпатичныя личныя свойства. Онъ никогда въ жизни не солгалъ, не увернулся, не потерялся, никогда не сдѣлалъ ничего, чего онъ могъ бы теперь стыдиться. Только очень немногіе, можно сказать крайне рѣдкія общественные дѣятели Америки, на которыхъ вездѣ и всегде, днемъ и ночью, направлено общественное вниманіе и зоркіе глаза печати, отъ которыхъ ничто не укрывается,—были въ состояніи сохранить свои личности настолько чистыми и безукоризненными, что даже партійная клевета не смѣла ихъ коснуться. Макъ-

Кинлэй несомнѣнно принадлежитъ къ ихъ числу. Кромѣ того, онъ сдѣлался дорогъ американскому народу и тѣмъ, что и до сихъ поръ, несмотря на свою блестящую политическую карьеру и тысячи соблазновъ, остался абсолютнымъ бѣднякомъ. У него нѣтъ никакого состоянія, рѣшительно ничего, кромѣ того небольшого кѳттэджа, въ которомъ онъ живетъ въ городкѣ Кантонѣ. Онъ женатъ, но его жена уже много лѣтъ какъ сдѣлалась безнадежнымъ физическимъ инвалидомъ, и у него нѣтъ дѣтей. Ему 53 года; онъ умѣлый, опытный, блестящій ораторъ, отлично образованный и очень начитанный, обладаетъ прекраснымъ здоровьемъ, представительной осанкой и серьезнымъ, мужественнымъ, чисто римскимъ профилемъ.

Кандидатурой Макъ-Кинлэя съ самаго начала заправлялъ его личный другъ, капиталистъ Ганна (Marcus A. Hanna). Это одинъ изъ тѣхъ исключительныхъ типовъ, которые можно встрѣтить только въ Америкѣ. Начавъ свою карьеру бездомнымъ, босоногимъ уличнымъ мальчишкой большого города, безъ роду и племени, безъ образованія и какой-либо поддержки, онъ составилъ себѣ огромное состояніе и уже много лѣтъ занимается политикой, какъ аматёръ. Онъ никогда не занималъ никакого общественнаго мѣста, и нѣсколько разъ торжественно заявлялъ во всеуслышаніе, что никогда не приметъ никакого назначенія, какъ бы блестяще и привлекательно оно ни было. Онъ способенъ работать день и ночь, если это нужно; замѣчательно прозорливъ и хладнокровенъ, и никогда еще не ошибался ни въ одной изъ своихъ политическихъ комбинацій. Американскій народъ знаетъ, что онъ работаетъ изъ принципа, что лично ему ничего не нужно, и что хотя онъ и устроилъ покойнаго президента Гарфильда въ Бѣломъ домѣ, но нога его никогда не переступала порога этого дома, и онъ никогда не заикнулся даже о какой-либо наградѣ себѣ или своимъ друзьямъ. Такой вожакъ самъ по себѣ составляетъ громадную силу, такъ какъ самой своей личностью свидѣтельствуетъ лучше всякихъ доказательствъ, что кандидатъ, имъ проводимый, не принялъ на себя никакихъ обязательствъ въ будущемъ, не заложилъ свою душу выбравшимъ его политиканамъ-дѣльцамъ. Въ данномъ случаѣ Ганна, увѣренный въ популярности и неудержимой силѣ своего кандидата, смѣло бросилъ перчатку всѣмъ профессіональнымъ политиканамъ страны и отмѣтилъ его, несмотря на ихъ общее упорное противодѣйствіе.

Единственнымъ серьезнымъ противникомъ Макъ-Кинлэя могъ бы явиться эксъ-президентъ Гаррисонъ, хотя и побитый въ 1892 году, но пользующійся общимъ уваженіемъ и имѣющій

массу приверженцевъ и друзей по всему Союзу. Но Гаррисонъ, несмотря на свои 63 года и бѣлые какъ снѣгъ волосы, всю прошлую зиму былъ занятъ ухаживаніемъ за молоденькой, хорошенькой вдовушкой, которая, какъ говорили, первымъ условіемъ своего согласія выйти за него замужъ поставила отказъ жениха быть кандидатомъ въ президенты. Такая кандидатура требуетъ громадныхъ физическихъ и нравственныхъ усилій въ теченіе всей кампаніи, и не можетъ не отозваться на здоровьѣ кандидата, особенно если онъ въ такихъ лѣтахъ, какъ Гаррисонъ. Благодаря этому, не совсѣмъ обычному осложненію, онъ еще ранней весной опубликовалъ письмо, въ которомъ безусловно отказывался отъ кандидатуры, и письмо это значительно упростило положеніе республиканской партіи вообще и очень помогло Макъ Кинлэю, такъ какъ было открытымъ секретомъ, что Гаррисонъ рекомендовалъ своимъ политическимъ друзьямъ именно его, какъ человѣка, имѣющаго наибольшіе шансы на народный выборъ въ ноябрѣ.

Кандидатура Рида, адвоката изъ штата Мэна, поддерживалась исключительно Новой-Англіей, съ штатомъ Массачузетсомъ во главѣ. Ридъ давно уже безсмѣнно выбирался въ федеральную палату представителей, былъ ея спикеромъ въ теченіе конгресса 1889—1890 годовъ, и былъ опять выбранъ на ту же должность послѣднимъ республиканскимъ конгрессомъ 1895—1896 годовъ. Онъ оказался первымъ американскимъ спикеромъ, у котораго хватило умѣнья и смѣлости справиться съ партизанскимъ обструкціонизмомъ, обуявшимъ было американскій парламентаризмъ до такихъ предѣловъ, что всякое положительное законодательство сдѣлалось почти совершенно невозможнымъ. Онъ былъ прозванъ деспотомъ, Аттилой, Бисмаркомъ, и не было такой хулы, такой брани, которыя не обрушились бы на его голову на страницахъ партизанской демократической прессы. Даже его собственные союзники сомнѣвались въ конечномъ успѣхѣ его тактики. Онъ однако не только устоялъ, но и съ теченіемъ времени настолько успѣлъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе страны, что слѣдующій же конгрессъ 1891—92 годовъ, уже демократическій, вынужденъ былъ принять къ своему руководству его же правила безъ всякихъ измѣненій. Эта достопамятная въ лѣтописяхъ парламентаризма борьба, изъ которой Ридъ, несмотря на страшныя трудности, вышелъ безусловнымъ побѣдителемъ, не только укрѣпила и возвысила парламентаризмъ вообще, но и принесла Риду благодарность всѣхъ партій и создала ему завидную національную репутацію. Ридъ — человѣкъ безусловно честный, съ неза-

пятнанной репутаціей, съ громадной энергіей, настойчивостью и большой государственной опытностью. Тѣмъ не менѣе въ настоящей кампаніи у него не было никакихъ шансовъ, уже по тому одному, что ни одна партія не смѣла назначить своимъ кандидатомъ человѣка съ крайняго Востока, считаемаго народными массами гнѣздомъ „экстремистовъ" золота и денежной силы вообще. Возможенъ былъ только человѣкъ Центра или Запада, который не могъ бы быть всецѣло подверженъ вліяніямъ банковъ и Wall-Street'a. Большинство республиканской партіи полагало, что вообще кандидатура кого-либо съ крайняго Востока была, при настоящемъ положеніи дѣлъ, по меньшей мѣрѣ безтактностью, излишней угрозой партизанамъ серебра, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ взглядъ игралъ немаловажную роль въ Санъ-Луиской конвенціи вообще.

Штатъ Нью-Іоркъ также имѣлъ своего кандидата въ лицѣ своего губернатора и бывшаго вице-президента Союза, Мортона. И помимо тѣхъ общихъ, географическихъ, такъ сказать, соображеній, о которыхъ я только-что говорилъ, кандидатура эта была мертворожденной съ самаго начала потому, что, во-первыхъ, Мортонъ сдѣлалъ все свое колоссальное состояніе именно банкирскими операціями, а во-вторыхъ, его особенно поддерживалъ эксъ-сенаторъ Платтъ, признанный боецъ машинной республиканской политики штата Нью-Іорка. Массы американскаго народа вообще ненавидятъ своихъ профессіональныхъ политикановъ, и національная республиканская конвенція настоящаго года особенно возстала противъ нихъ и дала имъ суровый, памятный урокъ. Невозможность для Мортона усиливалась и тѣмъ, что онъ не былъ единогласнымъ кандидатомъ даже делегаціи своего собственнаго штата — значительное, сравнительно, меньшинство — 17 изъ 72 — съ Ворнеромъ Миллеромъ во главѣ, было съ самаго начала въ пользу Макъ-Кинлэя; распря эта сдѣлалась притчей во языцѣхъ и совершенно уничтожила обычное вліяніе Нью-Іорка.

Такимъ же невозможнымъ кандидатомъ былъ и сенаторъ Квэй, предъявленный штатомъ Пенсильваніей. Квэй считается самымъ ловкимъ, самымъ беззастѣнчивымъ политическимъ организаторомъ всего Союза; онъ былъ предсѣдателемъ національнаго исполнительнаго комитета республиканской партіи въ кампанію 1888 года и выигралъ ее съ безпримѣрнымъ мастерствомъ. Печать утверждала, что онъ былъ въ союзѣ съ Платтомъ, и что его личная кандидатура была только политической уловкой на тотъ случай, если Макъ-Кинлэй не получитъ большинства голосовъ при первой баллотировкѣ; предполагалось, будто бы, что въ такомъ слу-

чаѣ вся оппозиція соединится на Ридѣ или Мортонѣ, или другомъ подходящемъ лицѣ, и назначитъ его при помощи неожиданно быстрой комбинаціи.

Кандидатура Аллисона, сенатора федеральнаго сената отъ штата Эйоуэ, никогда не имѣла серьезнаго значенія, и была только личнымъ комплиментомъ этому заслуженному государственному человѣку отъ делегаціи его собственнаго штата.

Конвенція организовалась выборомъ въ постоянные предсѣдатели Тюрстона, сенатора въ федеральномъ сенатѣ отъ штата Небраски, еще, сравнительно, очень молодого человѣка, но уже съ національной репутаціей блестящаго оратора и серьезнаго и талантливаго государственнаго дѣятеля. Предсѣдателемъ комитета резолюцій, имѣвшаго составить національную „платформу" партіи, былъ выбранъ Форэкеръ, только-что избранный штатомъ Охайо въ федеральный сенатъ, и во внутренней политикѣ этото штата извѣстный Союзу, какъ непреклонный и нерѣдко успѣшный противникъ Макъ-Кинлэя. Но на эту конвенцію онъ явился какъ горячій приверженецъ его кандидатуры въ президенты — всѣ внутреннія несогласія въ средѣ республиканской партіи штата Охайо были оставлены въ сторонѣ, она являлась солидно сплоченной, и именно Форэкеру была предоставлена честь сказать ту рѣчь въ конвенціи, которая выставляла передъ ней кандидатуру Макъ-Кинлэя.

Вообще національная конвенція республиканской партіи настоящаго года отличалась чрезвычайно существенно отъ всѣхъ своихъ предшественницъ въ исторіи этой партіи тѣмъ, что обычные имъ старые завсегдатаи отсутствовали на этотъ разъ почти поголовно, и были замѣнены людьми совершенно новыми, сравнительно очень молодыми, тѣми людьми, которые почему-либо выдались въ самое послѣднее время и въ рукахъ которыхъ находится будущее республиканской партіи Союза. Это было такъ замѣтно, такъ ново, что вся страна довольно долго говорила объ этомъ необычномъ явленіи.

Я уже упоминалъ выше, что съ теченіемъ времени многіе старые приверженцы обѣихъ главныхъ партій сдѣлались открытыми сторонниками серебра, и ожидали только своихъ національныхъ конвенцій, чтобы, глядя по тому, какое положеніе приметъ партія по вопросу о серебрѣ, или прилѣпиться къ ней еще сильнѣе, или совершенно покинуть ея ряды. Составленіе національной „платформы" поручается національными конвенціями комитету резолюцій, составляемому изъ назначаемыхъ штатными делегаціями по одному представителю отъ каждаго штата и территоріи

Союза—комитету, предсѣдателемъ котораго, какъ уже было упомянуто выше, былъ Форэкеръ. Приверженцы серебра сдѣлали все, что могли, чтобы заставить этотъ комитетъ высказаться въ пользу свободной чеканки, но комитетъ огромнымъ большинствомъ точно и опредѣленно высказался въ пользу золотой валюты. Я приведу дословно весь пунктъ республиканской „платформы“ по этому вопросу: „Республиканская партія высказывается безусловно за денежные знаки, не подлежащіе обезцѣненію. Въ 1879 году она провела законъ, возстановившій металлическую валюту — и съ тѣхъ поръ каждый долларъ нашихъ денежныхъ знаковъ былъ равноцѣненъ золоту. Мы будемъ неизмѣнно противиться всякой мѣрѣ, могущей повести къ обезцѣненію нашихъ бумажекъ или пошатнуть кредитъ страны. Поэтому мы несогласны на свободную чеканку серебра иначе какъ при посредствѣ международнаго соглашенія съ главными націями міра, способствовать къ достиженію коего мы обязуемся, а до тѣхъ поръ, пока такое соглашеніе недоступно, должна быть сохранена существующая золотая валюта. Всѣ наши бумажные и серебряные денежные знаки должны быть поддерживаемы at par съ золотомъ, и мы высказываемся за полноцѣнное выполненіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ Союза и поддержаніе стоимости всѣхъ нашихъ металлическихъ и бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ золотой валютѣ, принятой всѣми передовыми націями міра“.

„Сильвериты“ представили докладъ меньшинства комитета, требовавшій свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16. И тотъ, и другой, были подвергнуты особымъ голосованіямъ, и первый былъ принятъ большинствомъ $818^1/_2$ противъ $105^1/_2$. Тогда наступилъ самый критическій моментъ конвенціи—тотъ моментъ, когда „сильвериты“ должны были привести въ исполненіе свою угрозу. Они потребовали слова, и ихъ предводитель, маститый сенаторъ отъ штата Колорадо въ федеральномъ сенатѣ, Теллеръ, семидесяти-трехлѣтній старецъ, принимавшій участіе въ первой организаціи республиканской партіи еще въ 1856 году и съ тѣхъ поръ неизмѣнно бывшій въ передовыхъ рядахъ ея бойцовъ въ теченіе сорока лѣтъ, выступилъ на платформу и обратился къ конвенціи съ трогательною рѣчью. Его голосъ дрожалъ и по его щекамъ текли слезы, когда онъ прощался съ партіей, на службу которой онъ отдалъ всю свою жизнь. Вслѣдъ за нимъ говорилъ сенаторъ отъ новаго штата Юты, Каннонъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, выказавшій удивительное самообладаніе въ виду того всеобщаго неодобренія, которымъ было встрѣченъ прочтенный имъ манифестъ республиканцевъ - сильверитовъ. Но голоса

ихъ были голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; тогда они пожали руки бывшимъ на платформѣ чинамъ бюро конвенціи, и медленно, торжественно, одинъ за другимъ, покинули залу засѣданія. За ними вышли еще 21 человѣкъ изъ ихъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ; остальные предпочли остаться въ рядахъ партіи и подчиниться рѣшенію большинства, полагая, что остальные пункты республиканской „платформы" имѣютъ бо̀льшее значеніе въ современномъ положеніи, чѣмъ серебро. Такимъ образомъ, предсказаннаго существеннаго раскола партіи не произошло; отдѣлились только делегаты исключительно производящихъ серебро штатовъ; оказалось, что въ массахъ республиканской партіи идея свободной чеканки имѣла только немногихъ приверженцевъ, и то не непримиримыхъ.

Остальными пунктами своей „платформы" республиканская партія высказалась за протекціонный тарифъ, за возстановленіе трактатовъ взаимности съ иностранными государствами, осудила демократовъ за разстройство государственныхъ финансовъ, подтвердила неприкосновенность доктрины Монро, высказалась за болѣе послѣдовательную и активную иностранную политику и за присоединеніе Сандвичевыхъ острововъ, выразила сочувствіе кубанскому возстанію, высказалась за учрежденіе національнаго арбитраціоннаго совѣта для рѣшенія недоразумѣній между капиталомъ и трудомъ, за немедленное окончаніе Никарагуаскаго канала, за ограниченіе иностранной эмиграціи недопущеніемъ безграмотныхъ и, наконецъ, за дарованіе женщинѣ всеобщаго права голоса.

„Платформа" эта представляетъ собою документъ очень короткій, но въ то же время замѣчательный по своей точности, ясности и обстоятельности. Ни пышныхъ фразъ, ни общихъ мѣстъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Онъ даетъ серьезную, обдуманную программу партіи, всесторонне выясняющую ея будущую политику.

За принятіемъ „платформы" послѣдовали рѣчи, предлагавшія вышеперечисленныхъ кандидатовъ въ президенты, и Макъ-Кинлэй оказался назначеннымъ большинствомъ 661½ голоса противъ 84½, поданныхъ въ пользу Рида, 61½—Квэя, 58—Мортона и 35½—Аллисона. Когда результатъ голосованія былъ объявленъ, представители всѣхъ кандидатовъ одинъ за другимъ предложили сдѣлать назначеніе Макъ-Кинлэя единогласнымъ, и оно было провозглашено таковымъ среди общаго энтузіазма и восторженныхъ кликовъ всей конвенціи.

Назначеніе вице-президента не вызвало никакихъ затрудненій, и на первомъ же голосованіи оказался назначеннымъ Гарретъ

Гобартъ, довольно извѣстный адвокатъ-дѣлецъ изъ штата Нью-Джерсэй, получившій 553½ голоса противъ 280½, поданныхъ за Ивэнса изъ штата Тенесси, и 71 за трехъ другихъ кандидатовъ.

IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ, еще въ тридцатыхъ годахъ, американскія политическія партіи, вслѣдствіе постепеннаго расширенія территоріи страны и быстраго увеличенія народонаселенія, должны были прибѣгнуть къ системѣ назначенія кандидатовъ на должности посредствомъ выборныхъ штатныхъ и національныхъ конвенцій, система эта все совершенствовалась и успѣла уже выработать хотя и весьма сложные, но весьма опредѣленно написанные законы, которыми партіи всегда и руководствовались. Какъ бы ни распалены были политическія страсти, какъ бы ни интенсивны были стремленія фракцій—не было примѣра, чтобы партіи рѣшились преступить освященныя временемъ и опытомъ, неписанныя, но всѣмъ знакомыя требованія. Особенно пунктуальны и консервативны были всегда въ этомъ отношеніи демократы. Они постоянно нападали на республиканцевъ именно за ихъ опасный, какъ имъ казалось, либерализмъ, за бо́льшую или меньшую свободу фракцій, наконецъ за ихъ способность почти при всякой президентской кампаніи выдѣлять изъ себя независимыя меньшинства. Меньшинства эти, впрочемъ, всегда въ концѣ концовъ приставали въ самомъ непродолжительномъ времени къ демократамъ же, и, порицая ихъ въ принципѣ и во всеуслышаніе, эти послѣдніе въ то же время всегда съ чрезвычайной готовностью принимали ихъ въ свою среду. Вообще вся исторія американскихъ политическихъ партій за послѣднія сорокъ лѣтъ безусловно свидѣтельствуетъ какъ о консерватизмѣ и приверженности демократовъ извѣстнымъ тенденціямъ, такъ и о большей ширинѣ взглядовъ и о большей способности республиканцевъ къ усвоенію духа времени и соотвѣтственнымъ измѣненіямъ ихъ политическихъ методовъ. Принимая все это въ соображеніе, тѣмъ страннѣе, тѣмъ непонятнѣе становятся какъ исторія національной конвенціи демократовъ настоящаго года, такъ и ихъ „платформа“. Ихъ можно объяснить только глубоко укоренившимся въ массахъ народа убѣжденіемъ, что ихъ положеніе было завѣдомо безнадежно—безъ чего-нибудь изъ ряду вонъ выходящаго. Они, конечно, не могли измѣнить своимъ вѣковымъ традиціямъ относительно свободы торговли, не покинувъ окончательно самое имя

своей партіи, и могли разсчитывать на продолженіе фритредэрской политики въ странѣ только если имъ удастся пришпилить къ ней что-нибудь новое, что-нибудь такое, что̀ вынесетъ ихъ наверхъ помимо всего остального. Извѣстная ихъ фракція, демократы, „бурбоны“ Юга, стакнувшись съ нѣкоторыми другими элементами, олицетворявшимися Тильманомъ и Альтгельдомъ, о которыхъ мнѣ придется подробно говорить ниже, думали, что именно такимъ факторомъ можетъ послужить вопросъ о свободной чеканкѣ серебра, и немедленно ухватились за него. Президентъ Кливелэндъ и весь его кабинетъ, также какъ и самые выдающіеся представители демократовъ въ восточныхъ штатахъ, въ теченіе прошлаго четырехлѣтія не разъ самымъ категоричнымъ образомъ высказывались и за золотую валюту, и противъ свободной чеканки серебра. Нужно было побороть ихъ вліяніе и такъ подтасовать національную конвенцію, чтобы она высказалась за свободную чеканку, и для того, чтобы достичь этого, всю прошлую зиму самая горячая пропаганда велась и на всемъ Югѣ, и на всемъ Западѣ; Востокъ былъ совершенно игнорированъ, какъ почва безнадежная въ этомъ отношеніи. Вопросъ о личностяхъ кандидатовъ, благодаря этому, оставался совершенно открытымъ—неизвѣстно было, какъ выскажется платформа партіи о серебрѣ, и потому нельзя было говорить и о кандидатахъ; Кливелэндъ и демократы золотой валюты не могли бы принять назначенія на серебряной „платформѣ“, и, наоборотъ, приверженцы серебра, какъ Бландъ и Бойесъ, были немыслимы на „платформѣ“ золотой. Словомъ, было два ряда кандидатовъ, и возможность того или другого зависѣла отъ того, какая „платформа“ будетъ принята. Кромѣ того, весьма существеннымъ факторомъ оказывался Теллеръ, только что покинувшій республиканскую партію, о чемъ я подробно разсказалъ выше, и съ своими приверженцами, республиканцами-сильверитами, энергично работавшій какъ въ пользу принятія демократами серебряной платформы, такъ и особенно своего назначенія ими кандидатомъ въ президенты; онъ аргументировалъ, что только вокругъ него одного и могутъ сплотиться всѣ серебряныя силы, и что популисты—если демократическая національная конвенція не назначитъ его, Теллера—ни въ какомъ случаѣ не поддержатъ завзятаго демократа, а будутъ вынуждены назначить свой собственный, особый „тикетъ“, и, такимъ образомъ, безнадежно расколютъ силы „сильверитовъ“. Эта неопредѣленность положенія, конечно, сдерживала кандидатовъ отъ какой-либо предварительной работы, и конвенція была созвана и собралась 8-го іюля въ городѣ Чикаго посреди всеоб-

щаго лихорадочнаго возбужденія. Было извѣстно, что „сильвериты" —въ большинствѣ, но никто не думалъ, что большинство это достигнетъ двухъ-третей голосовъ всей конвенціи, согласно столѣтней практикѣ демократической партіи необходимыхъ какъ для принятія „платформы", такъ и для назначенія. Утверждали даже, что и на простое большинство „сильвериты" могутъ разсчитывать только благодаря тому, что нѣкоторыя штатныя делегаціи, какъ, напр., отъ Алабамы, Охайо, Иллинойса, были связаны инструкціями, обязывавшими ихъ голосовать единогласно, по требованію большинства делегацій, и что безъ этихъ инструкцій, всегда бывшихъ противными демократическимъ тенденціямъ вообще, силы противниковъ окажутся почти равными. Кромѣ того, были двѣ двойныя, оспаривающія одна другую, делегаціи—одна отъ штата Мичигана въ 28 голосовъ, другая—отъ штата Небраски въ 16; въ каждомъ изъ нихъ одна—отъ правильной демократической штатной организаціи, стоявшая за золото, другая—отъ отщепенцевъ, стоявшая за серебро. Національный комитетъ партій, разрѣшающій, согласно давнему обычаю, всѣ такіе споры, призналъ правильными золотыя делегаціи отъ обоихъ этихъ штатовъ; но друзья серебра не удовольствовались этимъ рѣшеніемъ, и перенесли споръ въ самую конвенцію—нѣчто неслыханное доселѣ въ исторіи національныхъ конвенцій. Также точно не удовольствовались они и назначеннымъ тѣмъ же комитетомъ, согласно такому же обычаю, временнымъ предсѣдателемъ конвенціи, сенаторомъ штата Нью-Іорка въ федеральномъ сенатѣ, Гилломъ, а выбрали своего единомышленника, сенатора штата Вирджиніи въ федеральномъ сенатѣ, Даніеля. Голосованіе по поводу выбора этого послѣдняго раскрыло соотвѣтственныя силы противниковъ и показало „сильвериталъ", что у нихъ не было необходимыхъ двухъ-третей; тогда они немедленно перевернули рѣшенія національнаго комитета и посадили въ конвенцію серебряныя делегаціи отъ штатовъ Мичигана и Небраски, о которыхъ я говорилъ выше, сразу отнявъ такимъ образомъ у приверженцевъ золота 44 голоса и захвативъ ихъ въ свою пользу. Не будучи увѣрены, что и этотъ переворотъ дастъ имъ необходимыя силы, они приняли правила для руководства дѣлопроизводствомъ конвенціи только временно, для того, чтобы сохранить за собой право во всякое время, въ случаѣ надобности, перейти къ простому большинству голосовъ. Всѣ эти отступленія отъ общепринятыхъ давнишнихъ обычаевъ, всѣ эти беззаконныя попиранія правъ меньшинства—были приняты съ лихорадочной поспѣшностью, не дававшей никому опомниться. „Сильвериты"

знали, что только натискъ и быстрота могутъ помочь имъ и дать побѣду серебру. Случай помогъ имъ. Во главѣ той серебряной делегаціи отъ Небраски, которой они незаконно дали мѣсто въ конвенціи, находился Вильямъ Дж. Брайянъ (William Jennings Bryan).

Губернаторъ штата Иллинойсъ, нѣмецъ Альтгельдъ, первый демократъ, когда-либо сидѣвшій на губернаторскомъ креслѣ этого штата, имѣлъ нѣсколько очень острыхъ столкновеній съ президентомъ Кливелэндомъ, и былъ главной причиной распри, безнадежно теперь расколовшей демократическую партію. Во время разгара желѣзнодорожной стачки 1894 г., когда собравшіеся со всѣхъ сторонъ въ Чикаго бродяги стали жечь и грабить желѣзнодорожное имущество, а полиція города оказалась совершенно безсильной, Альтгельдъ, обязанный своимъ мѣстомъ радикальнымъ элементамъ, безусловно отказался вызвать милицію для возстановленія порядка. Кливелэндъ, пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ и опираясь на то, что почты были задержаны и междуштатное сообщеніе прервано, двинулъ въ Чикаго федеральныя войска, которыя мгновенно возстановили порядокъ. Альтгельдъ никогда не могъ простить Кливелэнду этого вмѣшательства, хотя оно и было не только законно, но и положительно необходимо, и съ тѣхъ поръ никогда не пропускалъ ни одного случая вредить ему. Онъ чрезвычайно ловкій, искусный политиканъ и цѣлый годъ самымъ тщательнымъ образомъ подготовлялъ пораженіе президента какъ въ Иллинойсѣ, такъ и во всѣхъ окрестныхъ штатахъ. Въ конвенціи онъ имѣлъ многихъ приверженцевъ и пользовался большимъ вліяніемъ, ясно выразившимся въ „платформѣ“ партіи, какъ мы увидимъ ниже. Ревностнымъ его помощникомъ былъ и Тильманъ, сенаторъ отъ штата Южной-Каролины въ федеральномъ сенатѣ, демократъ-реформаторъ новѣйшей формаціи, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, очень самолюбивый, вспыльчивый и находчивый. Онъ тоже на ножахъ съ Кливелэндомъ, которому приходилось не разъ осуждать его псевдо-реформаторскую работу, какъ нѣчто незрѣлое и весьма непослѣдовательное.

И Альтгельдъ, и Тильманъ, судя по отзывамъ близко знающихъ ихъ лицъ и по результатамъ ихъ дѣятельности въ своихъ штатахъ, оба весьма склонны подчинять общественные интересы своимъ личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, и ихъ вліяніе въ этой конвенціи несомнѣнно сказалось именно въ этомъ направленіи, и въ ущербъ дѣйствительнымъ интересамъ и страны, и ихъ партіи. Они были нужны „сильверитамъ“, которые за ихъ под-

держку выдали имъ Кливелэнда и всю его администрацію съ головой; благодаря этому союзу, сдѣлались возможными и настоящая демократическая національная „платформа", и назначеніе Брайяна. Необходимо замѣтить, что и въ демократической конвенціи, какъ и въ республиканской, главными дѣятелями оказались совершенно новые и, въ общемъ, молодые люди. Предсѣдателемъ былъ выбранъ сенаторъ штата Калифорніи въ федеральномъ сенатѣ Уайтъ (White), человѣкъ молодой и пользовавшійся до этой конвенціи только мѣстной извѣстностью; Альтгельдъ, Тильманъ, Брайянъ, Руссель—все люди моложе сорокалѣтняго возраста и впервые выступившіе на національную арену. Старые, опытные, испытанные вожаки демократовъ послѣдняго двадцатипятилѣтія поголовно отсутствовали, и ихъ отсутствіе неизбѣжно сказалось на всей работѣ конвенціи.

Послѣ продолжительной борьбы въ комитетѣ резолюцій, была, наконецъ, доложена принятая большинствомъ „платформа". Серебряный вопросъ разрѣшался ею слѣдующимъ пунктомъ:

„Признавая, что денежный вопросъ въ настоящій моментъ несомнѣнно существеннѣе всѣхъ другихъ, мы обращаемъ вниманіе на тотъ фактъ, что конституція называетъ золото и серебро вмѣстѣ какъ денежные металлы Союза, и что первый монетный законъ, изданный конгрессомъ, дѣлаетъ серебряный долларъ монетной единицей и допускаетъ свободную чеканку золота въ пропорціи стоимости, основанной на серебрѣ, какъ основной единицѣ.

„Мы заявляемъ, что законъ 1873 года, демонетизировавшій серебро безъ вѣдома и согласія американскаго народа, имѣлъ своимъ результатомъ вздорожаніе золота и соотвѣтственное паденіе цѣнъ всѣхъ другихъ продуктовъ; тяжелое увеличеніе налоговъ и всѣхъ долговъ, общественныхъ и частныхъ; обогащеніе капиталистовъ здѣсь и за границей; застой промышленности и обѣднѣніе народа.

„Мы безусловно противимся монометализму, который, воспользовавшись тяжелыми временами, уничтожилъ наше благосостояніе какъ промышленнаго народа. Золотой монометаллизмъ есть британская политика, и ея принятіе поставило и другіе народы въ финансовую зависимость отъ Лондона. Это политика не только не американская, но и анти-американская, и ее можно навязать Соединеннымъ-Штатамъ, только задушивъ тотъ духъ и любовь къ свободѣ, которые завоевали и объявили нашу политическую независимость посредствомъ революціонной войны.

„Мы требуемъ свободной и безграничной чеканки серебра и золота въ настоящемъ отношеніи 16 къ 1, не ожидая помощи

или согласія другихъ націй. Мы требуемъ, чтобы серебряный долларъ былъ полнымъ legal tender, равнымъ съ золотомъ, для всѣхъ долговъ, общественныхъ и частныхъ, и такого законодательства, которое воспретило бы въ будущемъ демонетизацію какого бы то ни было законнаго legal tender по частному соглашенію.

„Мы осуждаемъ политику и практику настоящаго правительства, поступающагося своимъ законнымъ правомъ выплачивать всѣ обязательства государственнаго казначейства серебромъ или золотомъ, по своему усмотрѣнію“.

Затѣмъ „платформа“ осуждаетъ настоящее правительство за его финансовые методы и увеличеніе государственнаго долга, за вмѣшательство въ частныя дѣла штатовъ, называя такое вмѣшательство „противнымъ конституціи и преступленіемъ противъ свободныхъ учрежденій“; требуетъ подоходнаго налога и реконструкціи верховнаго суда, если онъ опять его забракуетъ; осуждаетъ пожизненность судей; требуетъ сохраненія настоящаго тарифа съ такими, однако, измѣненіями, которыя дали бы достаточный доходъ на содержаніе правительства; требуетъ бо̀льшаго федеральнаго надзора за желѣзными дорогами и путями сообщенія и сношеній, и, наконецъ, какъ прямой намекъ на Кливелэнда, требуетъ ограниченія срока, на который президентъ націи можетъ быть переизбранъ двумя сроками.

„Платформа“ эта въ высшей степени замѣчательна уже по одному тому, что осуждаетъ администрацію, исполнявшую только распоряженія именно составлявшей „платформу“ партіи, гораздо рѣзче, интенсивнѣе и по большему числу пунктовъ, чѣмъ осуждаетъ ее же „платформа“ ея политическихъ противниковъ. Никогда еще въ исторіи американскихъ политическихъ партій не бывало такой удивительной „платформы“, никогда еще личные упреки и несогласіе вожаковъ не проскальзывали въ нее такъ открыто и безтактно. Впрочемъ, никогда еще ни одна изъ великихъ политическихъ партій и не бывала въ такомъ безвыходномъ положеніи, чтобы такъ беззастѣнчиво высказываться противъ собственнаго дѣтища, противъ прямого дѣла рукъ своихъ. Я совсѣмъ не поклонникъ администраціи президента Кливелэнда, напротивъ, всегда былъ крайне убѣжденнымъ ея противникомъ, но я не забываю, что онъ служилъ только исполнителемъ своей партіи, и что всѣ его неудачи явились только прямымъ послѣдствіемъ демократическихъ законодательствъ и демократическихъ идей. Только полное отсутствіе и политическаго, и государственнаго такта, раздраженныя личныя

самолюбія и личные счеты и могли создать такую неслыханную „платформу“.

Меньшинство комитета резолюцій, подъ предводительствомъ забракованнаго конвенціей во временные ея предсѣдатели сенатора Гилла, представило особый докладъ, въ которомъ оно расходилось съ большинствомъ по существу не только по финансовому пункту, но и по девяти другимъ. Меньшинство состояло изъ делегатовъ 16 штатовъ, въ томъ числѣ всей Новой-Англіи и громадныхъ и вліятельныхъ Нью-Іорка и Пенсильваніи. Первымъ рѣшительнымъ голосованіемъ оказалось голосованіе по поводу внесенной къ „платформѣ“ поправки одобрить администрацію Кливелэнда. Поправка была побита большинствомъ 564 противъ 357. У „сильверитовъ“ не оказалось необходимыхъ двухъ-третей. Тогда начались дебаты по финансовому пункту. За золото говорили Гиллъ изъ Нью-Іорка, Виласъ изъ Висконсина, Руссель изъ Массачузетса. Противъ нихъ—Джонсъ изъ Арканзаса, Тильманъ и, наконецъ, Брайянъ.

Брайяну только-что минуло 36 лѣтъ, и на лицо онъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. До сихъ поръ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Онъ—адвокатъ изъ города Линкольна въ штатѣ Небраска, былъ выбранъ только два года тому назадъ въ федеральный конгрессъ и пользовался только мѣстной репутаціей, какъ ловкій, блестящій ораторъ; онъ очень экспансивенъ, говоритъ горячо и съ энергіей, отлично владѣетъ замѣчательно симпатичнымъ и въ то же время могучимъ голосомъ. Въ конгрессъ онъ попалъ какъ результатъ компромисса между демократами и „популистами“ своего округа, и хотя никогда не имѣлъ случая высказаться опредѣленно, о немъ сложилось убѣжденіе, что онъ больше симпатизируетъ „популистамъ“, чѣмъ демократамъ. Его рѣчи нужно слышать, нужно лично находиться подъ магнетическимъ вліяніемъ его личности, чтобы получить о нихъ правильное понятіе. Въ печати онѣ теряютъ всю свою силу и оказываются очень мелкими и незначительными. Въ нихъ нѣтъ ни глубины мысли, ни выдающейся логики, ни особеннаго знанія. Одинъ безпристрастный журналъ, серьезно и послѣдовательно разобравшій цѣлый десятокъ изъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, пришелъ къ тому заключенію, что Брайянъ очень похожъ на свою родную рѣку Платту, извѣстную по географіямъ какъ имѣющую 2.000 миль длины, 1000 ярдовъ ширины и всего 6 дюймовъ глубины.

Рѣчь Брайяна въ конвенціи продолжалась всего 30 минутъ, но она окончательно свела всѣхъ съ ума. Неописуемый ревъ, гамъ и аплодисменты продолжались до тѣхъ поръ, пока слушатели не

стали падать отъ утомленій; подъ конецъ его подхватили на плечи и среди самаго невозможнаго содома носили по залѣ; знамена штатовъ были выхвачены обезумѣвшими энтузіастами съ ихъ мѣстъ и всѣ снесены въ кучу кругомъ Брайяна и знамени его штата—Небраски. Это былъ какой-то гипнозъ, какое-то необъяснимое сумасшествіе. А въ то же время, если вы прочтете эту рѣчь втиши своего кабинета, вы несомнѣнно пропустите ее безъ всякаго вниманія. Когда я прочелъ ее въ первый разъ, я думалъ, что это одна изъ его рѣчей, и все искалъ другой, настоящей. Когда я убѣдился, что это была именно она,—та рѣчь, которая сдѣлала возможнымъ и принятіе этой сумасшедшей „платформы", и его назначеніе кандидатомъ, я пришелъ въ совершенное недоумѣніе, въ которомъ обрѣтаюсь и доселѣ. Очевидно, что необходимо было его личное присутствіе, его личный магнетизмъ, и вся та обстановка, въ которой она была произнесена, то лихорадочное настроеніе аудіенціи, чтобы понять силу Брайяна и вліяніе его рѣчи. При обыкновенныхъ условіяхъ она теряетъ всякое значеніе. Кромѣ нѣсколькихъ бойкихъ фразъ въ родѣ того, что демократы не позволятъ надѣть на человѣчество терновый вѣнецъ и распять его на золотомъ крестѣ,—въ ней нѣтъ рѣшительно ничего. Какъ бы то ни было, рѣчь эта сдѣлала то, что, немедленно по ея произнесеніи, „платформа" большинства комитета была принята цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, большинствомъ 626 голосовъ противъ 303, т.-е. дала „сильверитамъ" необходимыя двѣ-трети.

Такъ какъ приверженцы золота были убѣждены, что свободная чеканка серебра неизбѣжно уронитъ цѣну серебряной монеты на цѣлые 50%, и такъ какъ „платформа" высказалась вполнѣ опредѣленно, что монета эта должна быть legal tender во всѣхъ сдѣлкахъ, они, желая сохранить кредитъ страны, предложили двѣ поправки: первую, чтобы, въ случаѣ если бы серебряная монета упала въ цѣнѣ на всемірномъ рынкѣ, чеканка ея была прекращена черезъ годъ, и вторую, чтобы законъ этотъ, въ моментъ своего введенія, не касался уже существующихъ контрактовъ и обязательствъ. Но конвенція была уже безнадежно увлечена, и обѣ эти поправки были побиты тѣмъ же большинствомъ. Тогда меньшинство, посовѣтовавшись, рѣшило не принимать дальнѣйшаго участія въ конвенціи. Оно заявило, что такъ какъ оно не можетъ согласиться на принятую конвенціей „платформу", то оно не можетъ принять участія и въ назначеніи согласныхъ съ нею кандидатовъ. Такимъ образомъ, вся та часть кандидатовъ, которая поддерживала золото, въ томъ числѣ Кливелэндъ, Уитней,

Карляйль, Паттисонъ—въ сущности оказалась невозможной и была вовсе устранена. Уже когда начались голосованія, часть приверженцевъ золота, съ штатомъ Пенсильваніей во главѣ, разсчитывая на возможныя случайности, выставила кандидатомъ эксъ-губернатора Пенсильваніи, вышеупомянутаго Паттисона, и до конца голосовала въ его пользу; но высшее число голосовъ, которые ему удалось получить, было 100 на второмъ голосованіи, и, само собой разумѣется, кандидатура эта была вполнѣ безнадежна съ самаго начала, такъ какъ нельзя же было предполагать, чтобы конвенція эта, высказавшаяся такъ положительно за серебро, выбрала своимъ кандидатомъ приверженца золота. 179 голосовъ, вся Новая-Англія, Нью-Іоркъ и нѣкоторые другіе штаты совсѣмъ не участвовали въ голосованіи, и этимъ было положено начало фактическому расколу демократической партіи, о которомъ мнѣ придется говорить ниже.

Главными логическими кандидатами въ президенты, разъ конвенція приняла серебряную „платформу", были Бландъ и Бойесъ.

Ричардъ Бландъ изъ штата Миссури уже тридцать лѣтъ посылается этимъ штатомъ въ федеральную палату представителей и тридцать лѣтъ велъ въ ней борьбу за серебро.

Долгое время онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ серебра въ этой палатѣ, никогда не говорилъ и не занимался чѣмъ-либо другимъ, и всегда, кстати и некстати, пропагандировалъ свою идею. Не было ни одного конгресса, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ немъ участвуетъ, которому не пришлось бы нѣсколько разъ въ теченіе каждой сессіи голосовать по биллямъ Бланда въ пользу серебра. Это—убѣжденный, безнадежный серебро-маніакъ. Своей послѣдовательностью и настойчивостью онъ давно пріобрѣлъ себѣ національную репутацію; кромѣ того, это человѣкъ безупречной честности и самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ, ведущій самый простой, патріархальный образъ жизни на захолустной фермѣ.

Бойесъ, сдѣлавшій себѣ національную репутацію тѣмъ, что лѣтъ десять тому назадъ былъ выбранъ первымъ со времени его организаціи демократическимъ губернаторомъ штата Эйоуэ, этой безнадежной республиканской твердыни, уже въ національной конвенціи демократической партіи 1892 года явился однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ въ президенты этой партіи. Въ теченіе своего многолѣтняго губернаторства онъ проявилъ себя очень опытнымъ, и, главное, безупречно честнымъ администраторомъ, и всегда былъ ярымъ приверженцемъ свободной чеканки. Онъ очень популяренъ въ массахъ демократической партіи, и, по

всѣмъ видимостямъ, имѣлъ наибольшее количество шансовъ на назначеніе; не подвернись Брайянъ, онъ несомнѣнно былъ бы теперь кандидатомъ.

Оба они, и Бландъ, и Бойесъ, извѣстны всему американскому народу подъ именемъ современныхъ американскихъ Цинциннатовъ. Они составляютъ очень рѣдкое исключеніе въ числѣ нашихъ государственныхъ людей въ томъ отношеніи, что не вышли изъ рядовъ адвокатскаго сословія. Оба они фермеры, занимались всю свою жизнь земледѣліемъ, никогда не искали общественныхъ мѣстъ и не занимались политикой, и служили—первый въ конгрессѣ, а второй губернаторомъ—только изъ чувства долга. Несмотря на свои, сравнительно, преклонныя лѣта, они и до сихъ поръ работаютъ съ утра до вечера на своихъ фермахъ, и всѣ ихъ фотографіи представляютъ ихъ не иначе, какъ или на косилкѣ, или на молотилкѣ, или съ топоромъ или вилами въ рукахъ. Это превосходные типы тѣхъ энергичныхъ, непреклонныхъ фермеровъ Запада, которые одинаково дома—въ полѣ и въ капитоліѣ штата или Союза, неладно скроены, но крѣпко сшиты, и представляютъ собою тѣ массы, мудрость и предпріимчивость которыхъ создала и укрѣпила величайшую современную республику міра.

Изъ остальныхъ кандидатовъ—ихъ на первомъ голосованіи было всего 14—я упомяну только о Блакбёрнѣ, сенаторѣ штата Кентукки въ федеральномъ сенатѣ, и Макъ-Линѣ, редакторѣ одной изъ самыхъ распространенныхъ и вліятельныхъ американскихъ газетъ, „Cincinnati Enquirer". Первый особенно выдвинулся въ теченіе прошлой зимы своей борьбой въ законодательствѣ штата Кентукки противъ приверженцевъ золота, руководимыхъ федеральнымъ министромъ финансовъ Карляйлемъ, человѣкомъ, котораго, еслибы ему удалось побѣдить Блакбёрна, у себя дома, и Кливелэнда, то всѣ приверженцы золота въ рядахъ демократической партіи прочили бы его въ кандидаты на президентство. Вся страна съ огромнымъ интересомъ цѣлыхъ полгода слѣдила за этой борьбой;—Блакбёрнъ успѣлъ проявить при этомъ такую энергію, такую ловкость, такое неподражаемое умѣнье схватиться во-время за всякій, самый ничтожный шансъ, что изъ безнадежнаго, повидимому, вполнѣ дѣла успѣлъ выйти, въ концѣ концовъ, безусловнымъ побѣдителемъ и привезъ на національную конвенцію единогласную делегацію отъ штата въ пользу серебра. Пока Брайянъ не сказалъ своей рѣчи, онъ былъ единственнымъ серьезнымъ противникомъ Бойеса—Бландъ былъ только кандидатомъ сентиментализма, и никогда не имѣлъ серьезныхъ шансовъ.

Макъ-Линъ былъ выдвинутъ единогласной делегаціей штата Охайо; онъ былъ, въ сущности, кандидатомъ въ вице-президенты, но представлявшіе его интересы вожаки думали, что среди всеобщаго броженія, вызваннаго рѣчью Брайяна, и у него могли оказаться шансы на успѣхъ. Это—блестящій, талантливый публицистъ, еще очень молодой, но уже давно успѣвшій пріобрѣсти огромное вліяніе въ совѣтахъ демократовъ.

Первое голосованіе дало 235 голосовъ въ пользу Бланда; 67—Бойеса; 136—Брайяна; 82—Блакбёрна, и 54—Макъ-Лина. 179 голосовъ устранились отъ голосованія, о чемъ я упоминалъ выше, а остальные 176 голосовъ были раздѣлены между 9 кандидатами, при чемъ 97 было подано за Паттисона. Съ каждымъ послѣдующимъ голосованіемъ—ихъ было всего пять—Брайянъ выигрывалъ, а всѣ остальные, исключая Паттисона, проигрывали. Тѣмъ не менѣе, послѣ четвертаго голосованія оказалось, что у остальныхъ кандидатовъ было достаточное число вѣрныхъ голосовъ, чтобы не допустить назначенія Брайяна, еслибы, согласно давнему правилу, предсѣдатель конвенціи потребовалъ двухъ-третей голосовъ всей конвенціи—хотя 179 голосовъ и не принимали участія въ голосованіи. Тогда Уайтъ объявилъ, что онъ считаетъ достаточнымъ для назначенія, если одинъ изъ кандидатовъ получитъ двѣ-трети голосовъ фактически участвующихъ, а не всей конвенціи. Это рѣшеніе, совершенно неправильное и несогласное съ основными традиціями партіи, дало Брайяну необходимый шансъ—остальные кандидаты отказались одинъ за другимъ, и на пятомъ же голосованіи Брайянъ былъ назначенъ, причемъ конвенція опять потеряла всякое самообладаніе и повторила ту демонстрацію, которою она его почтила наканунѣ за его рѣчь.

Съ назначеніемъ кандидата въ вице-президенты опять произошелъ курьезный казусъ, который могъ повлечь за собой самыя неожиданныя, самыя серьезныя послѣдствія въ будущемъ. Въ средѣ делегаціи отъ штата Мэнъ былъ нѣкто Сьюоллъ (Arthur Sewall). Онъ—милліонеръ, капиталистъ, дѣлецъ, банкиръ, желѣзнодорожникъ, кораблестроитель, съ репутаціей беззастѣнчиваго эксплуататора и проходимца. Онъ никогда не занималъ никакого общественнаго мѣста, никогда не былъ извѣстенъ не только націи, но и въ своемъ собственномъ штатѣ, не произнесъ ни одного слова въ конвенціи и выдался только тѣмъ, что былъ единственнымъ делегатомъ отъ всѣхъ штатовъ Новой-Англіи и Сѣверо-востока вообще, который былъ приверженцемъ серебра. „Сильвериты“ больше всего боятся справедливаго упрека въ сек-

ціонализмѣ, въ томъ, что ихъ ересь возстановляетъ одну часть Союза противъ другой, Югъ и Западъ противъ Востока и Центра. Поэтому тотъ фактъ, что человѣкъ былъ делегатомъ отъ одного изъ штатовъ Новой-Англіи и, такъ сказать, могъ служить живымъ доказательствомъ, что у нихъ есть именитые приверженцы и на Востокѣ, показался имъ совершенно достаточнымъ для того, чтобы пренебречь всѣмъ остальнымъ, выкинуть за бортъ всѣхъ другихъ кандидатовъ, и Макъ-Лина, и Бланда, и предсѣдателя національнаго исполнительнаго комитета Гаррити, и назначить именно Сьюолла своимъ кандидатомъ въ вице-президенты Союза.

V.

„Популисты", назначивъ свою національную конвенцію въ городѣ Санъ-Луисѣ на 22-е іюля, т.-е. двумя недѣлями позже демократической, сдѣлали грубую, непоправимую ошибку, и упустили изъ рукъ такой шансъ, какой только очень рѣдко представляется молодымъ политическимъ партіямъ. Ихъ вожаки никогда не отличались политической прозорливостью, и никогда не умѣли пользоваться благопріятными обстоятельствами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что „сильвериты", какъ партія, основанная исключительно на вопросѣ о свободной чеканкѣ серебра, въ настоящее время составляютъ только не особенно значительное меньшинство американскаго народа, и не могли бы и мечтать объ успѣхѣ, еслибы одна изъ существующихъ уже великихъ политическихъ партій не высказалась въ ихъ пользу и не привлекла бы такимъ образомъ на ихъ сторону то малоразсуждающее число избирателей, которое станетъ голосовать за „платформу" и кандидатовъ своей партіи во что бы то ни стало. Такихъ избирателей, сравнительно, много въ рядахъ каждой старой партіи—имъ или некогда, или неинтересно самостоятельно познакомиться съ пунктами разлада, и они голосуютъ по традиціи и привычкѣ. Популисты знали, что демократы выскажутся за серебро, что это единственный оставшійся имъ открытымъ путь—имъ слѣдовало предупредить ихъ, назначить свою конвенцію въ промежутокъ времени между республиканской и демократической, составить умѣренную „платформу", прицѣпить къ ней свободную чеканку серебра и назначить свой собственный „тикетъ". Это привлекло бы къ нимъ отщепенцевъ-республиканцевъ, всю организовавшуюся между тѣмъ самостоятельную серебряную партію, дало бы имъ необходимый престижъ и вынудило бы демократовъ и сообразо-

ваться съ ихъ „платформой", и одобрить ихъ „тикетъ". У этихъ послѣднихъ не осталось бы надежды привлечь всѣхъ сильверитовъ и популистовъ, чего они достигли теперь, и назначеніе самостоятельнаго „тикета" оказалось бы для нихъ совершенно непрактичнымъ. Еслибъ популистская конвенція собралась раньше демократической, она бы, вѣроятно, назначила своимъ кандидатомъ Теллера, о которомъ я подробно говорилъ выше, и демократамъ не осталось бы иного выхода, какъ только одобрить это назначеніе. Въ такомъ случаѣ вожаками движенія оказались бы популисты, и, пользуясь своимъ престижемъ, они получили бы первенствующее значеніе, а демократы оказались бы въ положеніи вынужденныхъ обстоятельствами союзниковъ, играющихъ только второстепенную роль. Такой ходъ дѣла былъ бы гораздо пріятнѣе и крайнимъ сильверитамъ всѣхъ партій, такъ какъ серебряная „платформа", пущенная въ ходъ популистами, имѣла бы гораздо больше общее значеніе, составляя одно изъ основныхъ и обычныхъ ихъ требованій, тогда какъ пущенная демократами— она получала совсѣмъ другой видъ—являлась результатомъ и неблаговиднаго компромисса, и той соломинкой, за которую хватается утопающій.

Популистская конвенція состояла изъ 1.300 делегатовъ и не отличалась ни единодушіемъ, ни оживленностью. Значительное большинство понимало, что у самостоятельнаго популистскаго „тикета" не могло быть ни малѣйшей надежды—и было въ пользу одобренія демократическаго кандидата въ президенты, Брайяна. Но Сьюолла, демократическаго кандидата въ вице-президенты, популисты никакъ не могли переварить—во-первыхъ, одобреніе „тикета" цѣликомъ совершенно бы ихъ обезличило и окончательно слило бы ихъ съ демократами—не оставалось бы ни малѣйшаго основанія къ сохраненію самостоятельной организаціи; во-вторыхъ, личность и репутація этого кандидата были совершенно противны всѣмъ ихъ основнымъ доктринамъ. Противъ демократической „платформы" и личности Брайяна не могло быть никакихъ серьезныхъ возраженій. Самая ярая популистская „платформа" не могла идти дальше принятой демократами, въ сущности признавшей всѣ ихъ политическія основы. За „платформу" и Брайяна, какъ ни непріятно было имъ приготовленное чужими руками кушанье, они могли голосовать; за Сьюолла—ни въ какомъ случаѣ. Кромѣ того, для делегатовъ южныхъ штатовъ, въ которыхъ борьба популистовъ съ демократами всегда отличалась особой страстностью, и гдѣ они такъ же непримиримы, какъ только двѣ политическія партіи могутъ быть, одобреніе демократиче-

ской „платформы“ и Брайяна было совершенно невозможно; для нихъ оно оказалось бы прямымъ самоубійствомъ, и они съ самаго начала конвенціи были безусловно несогласны на такое соглашеніе. Но они были въ значительномъ меньшинствѣ—ихъ было всего съ небольшимъ 300 голосовъ. Они утверждали, что демократы относятся къ нимъ даже хуже, чѣмъ къ республиканцамъ, и что на всемъ крайнемъ Югѣ одобреніе ими демократа было бы равносильно окончательному распаденію и уничтоженію ихъ партіи. Популисты Сѣвера и Запада знали это, но не видѣли выхода. Очевидцы разсказываютъ, что вся популистская конвенція отличалась замѣчательно тяжелымъ, грустнымъ настроеніемъ; всѣ сознавали и непоправимость сдѣланной исполнительнымъ комитетомъ ошибки въ назначеніи срока созыва, и неизбѣжность раскола, и необходимость одобренія назначенія Брайяна. Безусловные противники Брайяна и противники Сьюолла, чтобъ выиграть хотя бы одинъ пунктъ, голосовали съ цѣлью произвести назначеніе въ вице-президенты раньше назначенія въ президенты. Такой неправильный ходъ дѣла не имѣетъ прецедентовъ въ исторіи американскихъ политическихъ партій—тѣмъ не менѣе принатіе его прошло значительнымъ большинствомъ. Сьюоллъ былъ забракованъ, и назначенъ кандидатомъ Ватсонъ, молодой человѣкъ, редакторъ небольшой популистской газеты въ одномъ изъ маленькихъ городковъ штата Джорджіи, представляющій собою радикальную фракцію партіи и непримиримый врагъ демократовъ. Но затѣмъ ничто уже не могло остановить одобренія Брайяна—и оно прошло большинствомъ слишкомъ двухъ-третей голосовъ всей конвенціи. Тогда южные делегаты покинули ее, заявивъ, что не могутъ поддерживать ни его, ни демократической „платформы“, и формально откололись отъ партіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, во многихъ штатахъ, какъ, напр., въ Тексасѣ, Алабамѣ, Флоридѣ, они примкнули къ республиканцамъ и стали вотировать за Макъ-Кинлэя. Въ результатѣ же оказалось, въ первый разъ въ исторіи Союза, что три политическія партіи выставили двухъ кандидатовъ въ президенты и трехъ въ вице-президенты. Говоря о назначеніи Сьюолла, я уже замѣтилъ, что оно можетъ имѣть крайне серьезныя послѣдствія; ниже я подробно выясню и значеніе двухъ лицъ на одномъ, въ сущности, „тикетѣ“, и тѣ осложненія, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ отъ этого воспослѣдовать.

Въ одинъ день съ популистской собралась въ томъ же Санъ-Луисѣ и національная конвенція серебряной партіи. Ея сессія была очень коротка; ея вожаки, главнымъ образомъ, хлопотали

о томъ, чтобы популисты одобрили Брайяна, и сама она попросту одобрила и платформу демократовъ, и обоихъ ихъ кандидатовъ. Это была простая формальность, такъ какъ, успѣвъ привлечь на свою сторону демократовъ, сильверитамъ въ сущности незачѣмъ было и собираться отдѣльно. Ихъ конвенція была только угрозой для будущаго, указаніемъ на то, что если на предстоящихъ выборахъ демократы съ своими многочисленными разноколиберными союзниками и будутъ побиты, сильвериты не оставятъ своей агитаціи и будутъ продолжать добиваться своего идола.

И „прогибиціонисты" не избѣгли серебряной инфекціи. Въ первый же разъ въ теченіе многолѣтней исторіи своего существованія, какъ самостоятельной политической партіи, довольно значительная фракція—нѣсколько больше одной трети—высказалась опредѣленно въ ихъ національной конвенціи за внесеніе въ „платформу" требованія свободной чеканки серебра. Большинство воспротивилось этому, и между ними произошелъ расколъ, результатомъ котораго было принятіе двухъ платформъ и назначеніе двухъ тикетовъ — одной традиціонной прогибиціонистской, другой—такой же, съ прибавленіемъ серебрянаго пункта. Прогибиціонисты никогда не играли серьезной роли въ національныхъ выборахъ — а этотъ расколъ и уронилъ окончательно ихъ значеніе.

Я уже говорилъ о расколѣ, который произошелъ въ демократической національной конвенціи тотчасъ же за принятіемъ ею серебряной „платформы". Расколъ этотъ немедленно откликнулся по всему Союзу; почти всѣ безъ исключенія вліятельныя политико-демократическія газеты на другой же день положительно отказались поддерживать и „платформу", и кандидатовъ. Изъ 580 демократическихъ газетъ, издающихся на нѣмецкомъ языкѣ, едва 60 высказались въ ихъ пользу. Нѣкоторыя, какъ, напр., „Detroit Free Press", воспользовались этимъ случаемъ, чтобы окончательно перейти въ ряды республиканцевъ; другія требовали созыва другой демократической національной конвенціи, которая высказалась бы за золото и назначила бы самостоятельный „тикетъ". Движеніе въ пользу такого образа дѣйствій разросталось съ каждымъ днемъ; въ немъ одинъ за другимъ приняли участіе слишкомъ 40 штатовъ; организовался особый исполнительный комитетъ, энергично поддержанный всѣми приверженцами золота, въ томъ числѣ и президентомъ Кливелэндомъ, и всей его администраціей. Комитетъ этотъ, подъ руководствомъ Байнума, члена федеральной палаты представителей отъ штата Индіаны, работалъ такъ быстро и успѣшно, что оказалось возможнымъ созвать

другую конвенцію, подъ именемъ конвенціи партіи національныхъ демократовъ, уже на второе сентября, въ городѣ Индіанополисѣ. Въ конвенціи этой приняли участіе полныя делегаціи отъ 42 штатовъ, и почти всѣ знакомыя, старыя имена опытныхъ демократовъ съ національной репутаціей оказались во главѣ своихъ штатныхъ делегацій. Конвенція организовалась выборомъ въ постоянные предсѣдатели экс-губернатора штата Нью-Іоркъ, Флоуэра, приняла единогласно традиціонную демократическую „платформу", высказалась за золотую валюту и противъ свободной чеканки серебра такъ же рѣзко и опредѣленно, какъ и республиканцы, и назначила своимъ кандидатомъ въ президенты Пальмера, сенатора отъ штата Иллинойса въ федеральномъ сенатѣ, одного изъ немногихъ остающихся въ живыхъ знаменитыхъ юніонистскихъ генераловъ междоусобной войны, а въ вице-президенты—столь же извѣстнаго конфедератскаго генерала Бюкнера, изъ штата Кентукки. Такимъ образомъ, демократическая партія раздѣлилась и въ дѣйствительности, и формально.

Никогда еще политическое положеніе Союза наканунѣ президентскихъ выборовъ не было такъ смѣшано и перепутано, какъ въ настоящую кампанію. Серебряный вопросъ, вопросъ въ сущности чисто-научный и теоретическій, требующій основательнаго знанія финансовой науки, вдругъ не только сдѣлался предметомъ ежедневнаго горячаго обсужденія массъ, но и заслонилъ собою все остальное. Старые опытные люди, хорошо знакомые съ исторіей американской политики, сами участвовавшіе въ ней въ теченіе послѣднихъ тридцати пяти лѣтъ, именно въ то время, когда Союзъ испыталъ такъ много радикальныхъ переворотовъ, искренно удивляются возможности такого страннаго факта. Всѣ они, представители разныхъ партій и фракцій, согласны въ томъ, что главнымъ факторомъ являются безпримѣрные застои и безработица. Люди стремятся къ правильному діагнозу этого необычнаго явленія, не довольствуются старыми объясненіями и гораздо болѣе склонны видѣть его причины въ новыхъ положеніяхъ. Серебряный вопросъ, агитируемый чрезвычайно интенсивно и упорно, благодаря обширности затронутыхъ имъ частныхъ интересовъ, явился очень кстати. За него ухватились какъ за какую-то всеобщую панацею. Отъ него ожидаютъ великихъ и богатыхъ милостей, чуть ли не новой эры. Я лично совсѣмъ не раздѣляю увлеченій нашихъ „сильверитовъ", точно также какъ не раздѣлялъ четыре года тому назадъ увлеченій нашихъ фритредэровъ,—увлеченій, несомнѣнно имѣвшихъ огромное вліяніе на настоящее тяжелое положеніе страны. Ихъ неуспѣхъ въ этомъ случаѣ, теперь

уже открыто признаваемый ими самими, неуспѣхъ колоссальный, заставляетъ меня крайне скептически относиться и къ новому, предлагаемому ими такъ страстно, лекарству. Для меня несомнѣнно, что многіе ихъ главные аргументы основаны на умышленно недобросовѣстно подтасованныхъ фактахъ. Такъ, нашихъ фермеровъ они особенно прельщаютъ тѣмъ, что указываютъ на постоянно возростающую, якобы, задолженность поземельнаго имущества. Это рѣшительно неправда. Всѣ статистическія изслѣдованія, и федеральныя, и штатныя,—изслѣдованія за послѣднія двадцать лѣтъ очень частыя и обстоятельныя,—приводятъ къ совершенно противоположнымъ безспорнымъ выводамъ. Задолженность фермеровъ медленно, но вѣрно понижается съ каждымъ годомъ, и безусловно, и относительно. Такъ, задолженность фермеровъ штата Калифорніи, несмотря на крайне неблагопріятные послѣдніе четыре года, значительно понизилась, и теперь не превышаетъ 32% всѣхъ фермъ; 68% совершенно чисты, хотя и демократы и популисты постоянно утверждаютъ, что заложены цѣлыхъ 90%. Данныя послѣдняго федеральнаго ценза 1890 года, дающія, между прочимъ, спеціальное, чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу, также даютъ крайне благопріятные выводы въ сравненіи съ 1880 и особенно 1870 годами. Затѣмъ, защитники серебра открыто утверждаютъ, что, вслѣдствіе, якобы, вздорожанія золота, всѣ долги, какъ общественные, такъ и частные, удвоились въ пользу кредиторовъ и въ ущербъ должниковъ. Они говорятъ, что это было результатомъ демонетизаціи серебра, и потому предлагаютъ уплатить ихъ именно серебромъ, для достиженія чего намѣреваются даже уничтожить силу частныхъ соглашеній и дать закону обратное дѣйствіе. Они занимали полноцѣннымъ золотомъ, а желаютъ расплачиваться серебромъ, дѣйствительная цѣна котораго упала между тѣмъ на цѣлую половину. Они надѣются,—конечно, совершенно неосновательно и едва ли искренно,—что новый законъ возстановитъ эту цѣну до прежняго уровня—но не намѣрены ждать осуществленія этихъ надеждъ на практикѣ, и хотятъ заставить кредиторовъ принять это серебро въ уплату во всякомъ случаѣ, исполнятся эти надежды или нѣтъ. Все это, притомъ идущее отъ того же Юга, отъ тѣхъ же демократовъ, которые уже не разъ прибѣгали къ уплатѣ своихъ обязательствъ никуда негодными бумажками, очень смахиваетъ на ту политику торговой безчестности, которая уже увѣковѣчена подъ именемъ repudiation [1]), и благодаря кото-

[1]) См. мою статью „Моя жизнь въ Америкѣ": „Вѣстникъ Европы", январь 1894 года.

рой ни одинъ южный штатъ, и ни одинъ южный городъ не могутъ реализировать ни одного займа. Имъ не вѣрятъ. Когда придется платить, они не преминутъ какъ-нибудь увернуться, не брезгая никакими средствами.

Какъ бы то ни было, серебряный вопросъ несомнѣнно совершенно перевернулъ весь обычный ходъ нашихъ дѣлъ. Во-первыхъ, онъ выдвинулъ небывалое количество самостоятельныхъ „тикетовъ“—республиканскій, два демократическихъ, популистскій, два прогибиціонистскихъ. Во-вторыхъ, онъ очень существенно перетасовалъ личный составъ всѣхъ партій, расколовъ ихъ по главному вопросу болѣе или менѣе неравномѣрно. Въ-третьихъ, онъ вызвалъ въ разныхъ штатахъ самыя неожиданныя, самыя разнообразныя коалиціи. На Востокѣ и въ центрѣ популисты, и безъ того крайне немногочисленные, вѣроятно совершенно утратятъ всякую самостоятельность и даже свою организацію. Люди золотой валюты, и республиканцы, и демократы, рѣшились голосовать за Макъ-Кинлэя, „сильвериты“—за Брайяна. Индіанаполисскій „тикетъ“ едва ли могъ играть какую-либо роль, такъ какъ вотировать за него равносильно потерѣ голоса—„тикетъ“ этотъ не могъ имѣть никакихъ шансовъ, и только самые упорные демократы, которые ни при какихъ обстоятельствахъ не станутъ вотировать за республиканца, должны были подать за него свои голоса. На Югѣ республиканцы и популисты несомнѣнно сплотились очень тѣсно, но это не можетъ имѣть никакого вліянія на результаты, такъ какъ вся выборная организація находится въ рукахъ демократовъ, и они во всякомъ случаѣ окажутся въ большинствѣ, благодаря своимъ беззастѣнчивымъ методамъ. Въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ, какъ, напр., въ Алабамѣ и, въ особенности, въ Тексасѣ, гдѣ соединенные республиканцы и популисты имѣютъ завѣдомое значительное большинство, вѣроятно не обойдется безъ серьезныхъ столкновеній, даже, можетъ быть, кровопролитія. На Западѣ, и, въ особенности, въ горныхъ серебро-производительныхъ штатахъ, демократы крѣпко слились съ популистами и отщепенцами-республиканцами, и у приверженцевъ золота, очень немногочисленныхъ, нѣтъ никакой надежды. Тихоокеанское побережье, благодаря особенному для него значенію протекціоннаго тарифа и болѣе активной иностранной политики, вѣроятно выскажется за Макъ-Кинлэя — хотя составъ партій такъ перемѣшался и измѣнился, что очень трудно составить себѣ хотя бы даже приблизительно вѣрное понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣла.

Какъ необычно и ново все положеніе, такъ же необыченъ былъ

и весь ходъ кампаніи. Это кампанія „народнаго образованія“ по существу, числомъ уже четвертая президентская кампанія, въ которой я самъ принимаю самое живое участіе,—и никогда еще я не наблюдалъ такого страстнаго желанія убѣдить противниковъ, такого обилія печатнаго партизанскаго матеріала, такой многочисленности публичныхъ митинговъ и совмѣстныхъ дебатовъ и словопреній. Массы народа несомнѣнно стремятся больше чѣмъ когда-либо прежде усвоить себѣ главные пункты розни между партіями и отнестись къ нимъ сознательно на выборахъ. Личности всѣхъ кандидатовъ, исключая кандидата демократовъ въ вице-президенты Сьюолла, безусловно безупречны, и о личныхъ нападкахъ совсѣмъ не слышно—только карикатурные журналы, по обыкновенію, потѣшаются надъ ними всласть. Осуждаютъ молодость и неопытность Брайяна, его экспансивность, незрѣлость, впрочемъ не только въ предѣлахъ приличія, но и очень добродушно—не безъ сарказма, но и безъ всякой страстности. Макъ-Кинлэй во всю кампанію не выѣзжалъ изъ своего города—зато ежедневно принималъ громадныя депутаціи отъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, составленныя изъ людей самыхъ различныхъ профессій и общественнаго положенія. Депутаціи эти достигали иногда нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ въ день. На ихъ привѣтствія онъ неизмѣнно отвѣчалъ коротенькими рѣчами, немедленно перепечатывавшимися во всѣхъ газетахъ Союза и дававшими тонъ всей кампаніи. Онъ—превосходный ораторъ, и умѣлъ всякій день сказать что-нибудь новое и существенное, что-нибудь такое, что̀ потомъ повторялось за нимъ вездѣ и всюду. Брайянъ, наоборотъ, принялъ самое горячее личное участіе въ кампаніи и объѣхалъ почти весь Союзъ, говоря, иногда, по нѣскольку разъ въ день въ разныхъ мѣстахъ. Онъ нерѣдко увлекался и дѣлалъ промахи, иногда очень серьезные, съ консервативной точки зрѣнія; за нимъ очень тщательно слѣдили, особенно недовольные его назначеніемъ элементы его же партіи, такъ какъ онъ былъ въ сущности совершенно неопредѣленной величиной въ началѣ кампаніи. Изъ его рѣчей, — какъ я уже упоминалъ выше, — ничего не вычитаешь, и потому воротилы его кампаніи и возили его по всему Союзу, чтобы онъ могъ вліять на народныя массы своимъ личнымъ магнетизмомъ. Тѣмъ не менѣе къ концу кампаніи даже самые страстные его личные приверженцы должны были согласиться, что эта тактика едва ли принесла какую-либо пользу его дѣлу, а несомнѣнно повредила ему весьма существенно во многихъ мѣстностяхъ. Нельзя не удивляться его удивительной энергіи и выносливости—нужна за-

мѣчательная, исключительная жизненность, чтобы выдержать слишкомъ три мѣсяца этой каторжной работы. Его жена, очень симпатичная молодая женщина, сопровождала его вездѣ и всюду, и такъ же энергично работала между женскимъ поломъ, какъ онъ самъ между всѣмъ населеніемъ. Гобартъ и Сьюоллъ не играли никакой роли, но Ватсонъ оказался настоящимъ fire-brand. Онъ объѣхалъ почти весь Союзъ, побывалъ и въ Тексасѣ, и въ Колорадо, и всюду, главнымъ образомъ, громилъ Сьюолла. Его никакъ не могли унять, и каждую недѣлю, то тамъ, то здѣсь, появлялись въ печати извѣстія, что Сьюоллъ отказался отъ кандидатуры. Слухи эти особенно усилились, когда штаты Новой-Англіи, Вермонтъ и Мэнъ, первый въ августѣ, второй въ сентябрѣ, произведшіе свои штатные выборы, дали неслыханныя, небывалыя республиканскія большинства — 5 и 6 противъ 1, хотя къ этому одному и принадлежали всѣ рѣшительно соединившіяся воедино остальныя партіи, всѣ оппозиціонные республиканскому „тикету" элементы. Даже единственный родной сынъ Сьюолла, выступилъ открыто и энергично противъ отца. Тѣмъ не менѣе, онъ остался на „тикетѣ", такъ какъ демократы думали, что перемѣна произведетъ сильное смущеніе въ рядахъ партіи, какъ разъ передъ выборами, и вредно повліяетъ на нихъ.

„Сильвериты" встрѣтили чрезвычайно серьезное противодѣйствіе главному пункту своей „платформы" между такими общественными слоями, на которые они особенно разсчитывали. Осужденіе политики президента Кливелэнда во время великой желѣзнодорожной стачки 1894 года, которымъ они думали привлечь на свою сторону желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, число которыхъ достигаетъ въ Союзѣ цѣлаго милліона, было совершенно парализовано страхомъ, что ихъ жалованье, въ случаѣ успѣха Брайяна и его „платформы", будетъ уплачиваться серебромъ, которое неизбѣжно упадетъ въ цѣнѣ и уменьшитъ ихъ заработокъ на цѣлую половину. Всѣ желѣзнодорожные ремесленные союзы, по внимательномъ обсужденіи обѣихъ „платформъ", не только высказались за золотую валюту, но и быстро и энергично организовались, чтобы добиться ея побѣды на выборахъ. Никогда еще между ними не было такого единодушія по политическимъ вопросамъ, и никогда еще они не принимали такого активнаго участія въ политической кампаніи. Ихъ организація, начавшаяся еще въ августѣ мѣсяцѣ, быстро распространилась по всему Союзу, и частныя предварительныя голосованія на самыхъ значительныхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ проявили поразительное единодушіе по этому вопросу. Уже къ началу октября не было никакихъ сомнѣній въ томъ,

леннаго конституціей и называемаго выборнымъ собраніемъ — electoral college. Каждое десятилѣтіе у насъ производится народная перепись, называемая census, и, сообразно даваемымъ ею результатамъ, распредѣляется на слѣдующее десятилѣтіе представительство отдѣльныхъ штатовъ въ федеральной палатѣ представителей. Тогда какъ число сенаторовъ въ федеральномъ сенатѣ — по два отъ каждаго штата — остается постоянно неизмѣннымъ, число членовъ нижней палаты измѣняется съ каждымъ десятилѣтіемъ, сообразно движенію населенія, и число представителей отъ отдѣльныхъ штатовъ или увеличивается, или остается тѣмъ же, или даже уменьшается, если почему-либо въ извѣстномъ штатѣ ростъ населенія останавливается. Вышеупомянутое выборное собраніе составляется изъ делегатовъ отъ всѣхъ штатовъ, число которыхъ равняется суммѣ ихъ представителей въ нижней палатѣ и сенаторовъ на извѣстное десятилѣтіе. Такимъ образомъ маленькіе штаты, числомъ 6, имѣющіе по цензу 1890 года меньше 173.901 жителя и потому только одного представителя въ федеральной нижней палатѣ, посылаютъ въ теченіе настоящаго десятилѣтія въ выборное собраніе всего трехъ делегатовъ, тогда какъ штатъ Пенсильванія посылаетъ 32, а Нью-Іоркъ — 36. Всѣхъ делегатовъ въ выборномъ собраніи настоящаго десятилѣтія 444, по числу 88 сенаторовъ и 354 представителей. Народъ выбираетъ этихъ делегатовъ, называемыхъ президентскими выборщиками, presidential electors, общей подачей голосовъ, и они уже выбираютъ президента и вице-президента; само собой разумѣется, что съ тѣхъ поръ какъ принята была система національныхъ партійныхъ конвенцій, назначающихъ кандидатовъ, это выборное собраніе утратило всякое значеніе и является только ненужною, отжившею свой вѣкъ формальностью. Держится оно и до сихъ поръ только потому, что американскій народъ вообще относится съ удивительнымъ благоговѣніемъ къ своей конституціи и не рѣшается измѣнять ее даже въ самыхъ очевидно устарѣвшихъ и потерявшихъ всякій смыслъ пунктахъ; онъ думаетъ, что начни онъ разъ эти передѣлки, неизвѣстно гдѣ и когда онѣ остановятся, и что разумнѣе мириться съ нѣсколькими несущественными, отжившими свой вѣкъ формальностями, чѣмъ подвергать опасности всю конституцію.

Въ настоящую кампанію это выборное собраніе получаетъ извѣстное значеніе потому, что три партіи назначили двухъ кандидатовъ въ президенты и трехъ въ вице-президенты — благодаря чему получилась вѣроятность, правда, крайне отдаленная, во-первыхъ, того, что будетъ выбранъ республиканскій или демократическій

президентъ и популистскій вице-президентъ; во-вторыхъ, что ни одинъ изъ кандидатовъ въ вице-президенты не получитъ необходимаго большинства голосовъ. Пока президентъ живъ, вице-президентъ не имѣетъ никакого значенія; но, въ случаѣ смерти перваго, второй немедленно занимаетъ его мѣсто, и всякій можетъ самъ себѣ представить, какой будетъ результатъ такой перемѣны, еслибы Ватсонъ внезапно попалъ въ Бѣлый домъ на мѣсто МакъКинлэя.

VI.

Настоящая кампанія еще въ большей степени, чѣмъ предшествовавшая, была свободна отъ всякихъ личныхъ элементовъ, и вся ея необыкновенная интенсивность и страстность ушла на аргументацію и стремленіе убѣдить противника. По счету,—я сказалъ,—это четвертая кампанія, въ которой мнѣ лично пришлось принимать непосредственное участіе, и никогда еще я не ощущалъ такъ осязательно ихъ глубокаго образовательнаго значенія для народныхъ массъ, потому что еще въ первый разъ президентская кампанія застала меня въ американской деревнѣ. Такая кампанія несомнѣнно стоитъ народу огромныхъ денегъ, но и несомнѣнно распространяетъ въ его средѣ удивительную массу знанія. Въ настоящемъ году оба національные исполнительные комитеты главныхъ партій особенно налегли на публичные митинги и самое широкое даровое распространеніе литературы предмета. Было меньше крику, шуму, парадовъ и музыки, но больше солиднаго образовательнаго матеріала. Но уже съ самаго начала кампаніи всѣ вынуждены были совсѣмъ оставить обычные партизанскіе пріемы; такъ какъ партійныя узы были вообще крайне расшатаны новымъ факторомъ, серебромъ, народъ не довольствовался старыми партійными уловками и требовалъ солидной аргументаціи, —и ораторы и политическіе памфлеты должны были держаться почвы фактовъ и строгой логики—иначе никто не сталъ бы ихъ слушать или читать. Къ концу кампаніи денежный вопросъ со всѣми его деталями былъ такъ всесторонне разобранъ и усвоенъ массами, что когда, наконецъ, подошли выборы, всякій рабочій отлично понималъ, за что именно онъ подавалъ свой голосъ. Мнѣ пришлось присутствовать на многихъ митингахъ, слышать ораторовъ обѣихъ сторонъ и говорить самому; кромѣ того, за послѣдніе три мѣсяца нельзя было встрѣтиться съ кѣмъ-либо безъ того, чтобо не затронуть такъ или иначе занимавшихъ всѣхъ во-

просовъ. Я не разъ искренно удивлялся той основательности и многосторонности, съ которыми всякій изъ моихъ сосѣдей и знакомыхъ относился къ кампаніи, тому интересу, который она, очевидно, возбуждала во всѣхъ положительно безъ исключенія. Даже мои собственные рабочіе, молодые ребята, каждую недѣлю нѣсколько разъ бѣгали на эти митинги, усердно читали все, что имъ попадало подъ руку, и нерѣдко задавали мнѣ самые серьезные, самые тонкіе вопросы, безусловно доказывавшіе ихъ основательное знакомство съ предметомъ. Во мнѣ не осталось никакого сомнѣнія, что такая кампанія—дѣйствительно великая вещь въ Америкѣ для народнаго самообразованія, для возбужденія въ массахъ стремленія къ мышленію и усвоенію знанія—какъ бы дорого она ни стоила въ долларахъ и центахъ, производимый ею толчокъ въ общественномъ сознаніи неизмѣримо дороже всякихъ расходовъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ эта „кампанія народнаго образованія" и все болѣе и болѣе выяснялась сущность затронутыхъ „платформами" партій вопросовъ, шансы Брайяна и всѣхъ соединившихся противъ республиканской партіи элементовъ все уменьшались и уменьшались. Ихъ силы замѣтно таяли съ каждымъ днемъ; каждый день приносилъ публичное отщепенство того или другого такъ или иначе вліятельнаго лица, рабочаго союза, научной, литературной или политической организаціи. Уже за мѣсяцъ до выборовъ было ясно, что у „фузіонистовъ"—такъ называютъ здѣсь для краткости соединенныхъ демократовъ-популистовъ-сильверитовъ—не осталось никакой надежды. Однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ этой постепенной, но неумолимой перемѣнѣ фронта общественнаго мнѣнія оказалось поднятіе цѣнъ на зерновые хлѣба; пшеница, напримѣръ, съ 55 центовъ за бушель, въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ поднялась до 80, даже до 85, и медленно, но вѣрно; продолжаетъ подниматься съ каждымъ днемъ; голодъ въ Британской Индіи, абсолютный неурожай въ Австраліи и общій недородъ въ Европѣ, въ связи съ значительнымъ уменьшеніемъ засѣваемаго пространства въ Аргентинѣ и Союзѣ, вызвали самый усиленный спросъ и гонятъ цѣну все впередъ и впередъ. И Британская Индія, и Австралія, вмѣсто вывоза, потребовали значительнаго ввоза, размѣры котораго далеко еще не опредѣлились—весь запасъ пшеницы на нашемъ Тихоокеанскомъ побережьѣ уже двинутъ туда, и урожай нынѣшняго года, весьма обильный, нагружается ежедневно съ лихорадочной поспѣшностью; его не хватитъ, по всѣмъ видимостямъ, и придется обратиться даже къ запасамъ нашихъ восточныхъ портовъ. А серебро въ то же время неустанно пони-

жается въ цѣнѣ: тогда какъ въ началѣ кампаніи металлъ въ американскомъ долларѣ стоилъ 51½ центовъ, въ настоящій моментъ онъ стоитъ всего 48½ центовъ, и все еще понижается. Такимъ образомъ, главный аргументъ фузіонистовъ—существованіе, якобы, неразрывной связи между цѣнами на серебро и на земледѣльческіе продукты—палъ самъ собой, и притомъ съ такой подавляющей ясностью для всякаго, кто не желалъ оставаться глухимъ и слѣпымъ, что сотни тысячъ колебавшихся-было фермеровъ возвратились своевременно въ ряды республиканской партіи.

Самъ Брайянъ съ удивительной энергіей ѣздилъ и говорилъ до послѣдняго дня—высчитано, что въ теченіе кампаніи онъ изъѣздилъ свыше 13.000 миль и произнесъ свыше 400 рѣчей—но всѣ дальновидные люди предвидѣли, что онъ борется съ вѣтряными мельницами. Тонъ его рѣчей, въ началѣ кампаніи побѣдоносный и увлекающій, постепенно мѣнялся, и въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ немъ ясно слышались горечь и разочарованіе. Кромѣ того, у него подъ конецъ нерѣдко проскользали страстныя тирады, взывавшія къ возбужденію секціональныхъ и классныхъ страстей и возстановлявшія Западъ и Югъ противъ Востока и Центра, съ одной стороны, и рабочія массы противъ дѣловыхъ и профессіональныхъ классовъ, съ другой. Наконецъ, онъ даже нѣсколько разъ коснулся личности своего противника, Макъ-Кинлэя, и не щадилъ эпитетовъ для распорядителей его кампаніи. Кандидатъ въ президенты Союза, рѣшающійся говорить публично, долженъ быть крайне остороженъ—политическая невыдержанность и партизанская страстность обыкновенно отталкиваютъ отъ него консервативныхъ людей всѣхъ оттѣнковъ, заставляя ихъ опасаться, что онъ внесетъ эти элементы и въ свою администрацію; демагогизмъ какого бы то ни было рода вообще никогда не былъ популяренъ въ Америкѣ. Кандидатъ въ президенты долженъ быть выше партизанскихъ методовъ, долженъ быть хладнокровенъ и безпристрастенъ; его дѣло—защищать и стоять за „платформу" своей партіи, а не нападать на „платформы" другихъ—предполагается, что онъ способенъ быть президентомъ всей націи, а не одной своей партіи. До сихъ поръ кандидаты въ президенты никогда не дѣлали лично агрессивной кампаніи, предоставляя это организаціямъ своихъ партій: считалось, что лихорадочно-поспѣшное странствованіе изъ одного мѣста въ другое и говоренье съ задней платформы вагона, несовмѣстно съ достоинствомъ положенія кандидата на мѣсто въ Бѣломъ домѣ. Брайянъ сдѣлалъ первое исключеніе, конечно, разсчитывая на силу своего личнаго магнетизма, но, очевидно, серьезно ошибся въ разсчетѣ. Въ то же время

Макъ-Кинлэй, тоже почти ежедневно публично говорившій передъ многочисленными посѣщавшими его депутаціями и политическими клубами, ни разу не уклонился отъ строго логичной защиты республиканской платформы, былъ крайне сдержанъ, и обращался исключительно къ мышленію народа, а не къ его страстямъ. Вообще трудно бороться съ вѣковыми традиціями,— а въ данномъ случаѣ это было сдѣлано Брайяномъ и неумѣло, и съ излишнимъ шумомъ,—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта разница въ методахъ сыграла немалую роль въ исходѣ кампаніи.

Республиканцы, несмотря на очевидный переворотъ общественнаго мнѣнія еще въ теченіе кампаніи, ни на секунду не ослабили своихъ усилій; они поставили своей задачей не только побѣдить, но и погребсти навсегда „серебряное сумасшествіе" — silver craze, какъ была окрещена подъ конецъ эта новоявленная панацея отъ всѣхъ золъ и напастей. Необходимо принять въ соображеніе, что на предшествовавшихъ президентскихъ выборахъ 1892 года противъ пяти милліоновъ республиканскихъ голосовъ было подано около семи милліоновъ голосовъ оппозиціи, и что въ настоящую кампанію всѣ эти противныя силы были соединены воедино, такъ что республиканцамъ, для того, чтобы достичь своей цѣли, необходимо было перевернуть это огромное большинство въ свою пользу. И они успѣли сдѣлать это. Выборы третьяго ноября оказались настоящимъ обваломъ, landslide, какъ здѣсь называются крутые перевороты этого рода,—обваломъ, еще небывалымъ въ лѣтописяхъ политической исторіи Союза по своему большинству и значенію. Республиканцы не только захватили значительное большинство штатовъ и большинство въ слишкомъ сто голосовъ въ выборномъ колледжѣ, но и въ народномъ положеніи оказались въ безусловномъ большинствѣ почти въ полтора милліона голосовъ противъ всѣхъ своихъ противниковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Было подано около 13 милліоновъ голосовъ, и изъ нихъ слишкомъ семь за Макъ-Кинлея, и значительно меньше шести за Брайяна. И прогибиціонисты, и золотые демократы не играли положительно никакой роли; весь итогъ поданныхъ за оба „тикета" голосовъ едва ли превыситъ 200.000,—гораздо меньше, чѣмъ одни первые получили бы при нормальныхъ условіяхъ. Пройдетъ нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ возможно будетъ дать точныя оффиціальныя цифры, но вышеизложенныя главныя основанія признаны уже безспорными вожаками самихъ фузіонистовъ и Брайяномъ, и не могутъ существенно измѣниться. Сравненіе ихъ съ цифрами 1892 года показываетъ, что по крайней мѣрѣ два милліона избирателей перемѣнили свою политическую принадлежность за по-

слѣднее четырехлѣтіе — а такая перемѣна въ консервативной обыкновенно Америкѣ считается чуть ли не революціей.

Мало того—въ первый разъ послѣ войны 1861—1865 годовъ „солидный“ Югъ оказался совершенно распавшимся — и такія демократическія твердыни, какъ штаты Нью-Джерсэй, Делаваръ, Мэрилэндъ и даже Кентукки, оказались въ республиканской колоннѣ. За Макъ-Кинлэя высказались единогласно весь Востокъ, весь Центръ до рѣки Миссури и Тихоокеанское побережье; только малонаселенные серебряные штаты Скалистыхъ горъ да крайній Югъ высказались за Брайяна, причемъ этотъ послѣдній прошелъ значительно уменьшенными противъ нормальныхъ большинствами. Штаты Сѣверная-Каролина, Тенесси и даже Техасъ оспаривались республиканцами до послѣдней минуты и оказались въ демократической колоннѣ только самыми незначительными большинствами, всего въ нѣсколько тысячъ голосовъ, вмѣсто обычныхъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ. Республиканскія большинства въ нѣсколькихъ штатахъ превышаютъ 100.000 голосовъ въ каждомъ; въ штатахъ Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи они доходятъ до 300.000 голосовъ въ каждомъ—нѣчто совершенно небывалое въ исторіи американскихъ выборовъ. Даже городъ Нью-Іоркъ оказался въ республиканской колоннѣ большинствомъ въ слишкомъ 20.000 голосовъ; Бруклинъ — 40.000. Особенно поплатились главные авторы демократической „платформы“—Альтгельдъ и Тильманъ. Штатъ Иллинойсъ, съ его 24 выборными голосами, съ самаго начала кампаніи считался особенно важнымъ, такъ какъ онъ представляетъ собою среднюю величину того центра, который рѣшилъ дѣло. Востокъ былъ безнадежно республиканскимъ, Югъ и Западъ—безнадежно фузіонистскими, и отъ рѣшенія Центра, штатовъ Мичигана, Индіаны, Иллинойса, Эйоуэ и Висконсина, зависѣлъ исходъ кампаніи. Альтгельдъ даже не допускалъ сомнѣнія въ возможности потери Иллинойса—онъ былъ его губернаторомъ и кандидатомъ на переизбраніе въ эту должность, и ручался за огромное большинство и въ пользу чикагской „платформы“, и въ пользу самого себя. На выборахъ же Иллинойсъ оказался въ республиканской колоннѣ большинствомъ около 200.000 голосовъ, а противникъ Альтгельда, республиканецъ Таннеръ, былъ выбранъ большинствомъ около 150.000. Этотъ народный вердиктъ, представляющій собою перемѣну 400.000 голосовъ со времени послѣдней конгрессіональной кампаніи 1894 г., или цѣлой половины всѣхъ избирателей штата, всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ безнадежномъ пораженіи, которое вообще потерпѣли фузіонисты и свободная чеканка серебра. Штатъ Тиль-

мана, Южная-Каролина, этотъ очагъ сецессіи и сепаратистскихъ вожделѣній, конечно, не могъ высказаться противъ кандидата демократической партіи, что бы онъ собою ни изображалъ, но въ немъ случилась борьба мѣстныхъ фракцій, и въ этой борьбѣ сторона Тильмана была безнадежно побита, такъ что и ему, какъ и Альтгельду, придется навсегда сойти съ политической арены.

Вмѣстѣ съ президентомъ былъ выбранъ и новый конгрессъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, изъ числа 357 членовъ федеральной палаты представителей будетъ не менѣе 210 республиканцевъ; что же касается федеральнаго сената, въ немъ республиканское большинство покуда проблематично, хотя и существуетъ основательная надежда, что оно осуществится, такъ что получится возможность немедленно провести новый тарифъ и уничтожить разорающій страну ежемѣсячный дефицитъ—наслѣдство демократическаго режима и неумѣлости.

П. А. Тверской.

6-го ноября 1896 года.
Ioamosa, San Bernardino County, Cal.

ПО ДРУГОМУ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Матовой сталью низко лежали облака надъ сизой ширью залива. Чуть ощутимый вѣтерокъ рябилъ воду,—ближе къ берегу. Влажный, прибитый песокъ темнѣлъ, сажени на двѣ отъ воды — весь въ замѣтныхъ боковыхъ складкахъ—покрытый раковинками.

Балтійское прибрежье тянулось въ обѣ стороны на много верстъ, все съ тѣми же песчаными косогорами и лентой сосенъ. Нѣсколько купаленъ, на сваяхъ, выходили въ море и нарушали однообразный видъ „штранда".

На подъемахъ, съ сыпучимъ пескомъ, ютились, въ одиночку и цѣлыми группами, досчатыя будки, побольше и поменьше.

Часъ купанья отошелъ. Справа и слѣва, вдоль темной полосы прибитаго песку, медленно двигались гуляющіе. Изрѣдка проѣзжали—парный экипажъ, въ шорахъ, извозчичья пролетка, или таратайка. Цвѣтныя шляпки, платья женщинъ и дѣтей смотрѣли тускло. Закатъ—обыкновенно очень красивый—скрывался за сизую пелену, и только у самаго края воды, на западѣ, стала проясняться узкая полоска розоватаго свѣта. Темныя мужскія фигуры рѣзче выдѣлялись на фонѣ воды, особенно длинные сюртуки мѣстныхъ евреевъ.

Жалобные звуки разбитой шарманки дрожали въ тепломъ и засырѣломъ воздухѣ.

Токаревъ поднялся по узкому, крутому переулочку къ морю и постоялъ наверху подъема, гдѣ двѣ тощихъ сосны росли надъ скамьей.

Онъ любилъ смотрѣть на вечернюю зарю. Но облачное небо спугнуло его. На штрандѣ сегодня будетъ сыро и тускло. Лучше пойти въ лѣсъ, подальше, туда, къ рѣкѣ. Больше вѣдь и нѣтъ прогулокъ. Онъ зналъ это, собираясь сюда изъ-за границы. Не въ первый разъ пріѣзжаетъ онъ коротать конецъ лѣта на балтійское прибрежье. Здѣсь ему легко дышется, и нѣтъ такихъ вѣтровъ, какъ въ Остендэ, или жары многихъ курортовъ Швейцаріи и Германіи. И не такъ одиноко себя чувствуешь. Русскихъ едва ли не больше, чѣмъ нѣмцевъ. И въ томъ пансіонѣ, гдѣ онъ поселился, русскіе преобладаютъ. За границей онъ подолгу уже не могъ оставаться. Одиночество вдовца тяготило его, и тамъ сильнѣе, чѣмъ у себя...

Вотъ уже третій годъ, какъ онъ живетъ „въ чемоданѣ“. То въ Москвѣ, то за границей, то въ Петербургѣ... У него нѣтъ постоянной квартиры и не хочется обзаводиться ею. Овдовѣлъ онъ на югѣ, гдѣ протянулись цѣлыхъ шесть лѣтъ томительной болѣзни его жены. Отсюда онъ вернется въ Петербургъ, гдѣ и думаетъ провести всю зиму...

Полоска свѣтлаго неба блеснула передъ нимъ слѣва. Можетъ быть, и совсѣмъ прояснится. До заката оставался еще добрый часъ.

Онъ не присаживался, однако, на скамью и пошелъ обратно по крутому переулочку, а изъ него попалъ на длинную улицу, немощеную, съ узкими досчатыми троттуарами вдоль садиковъ, откуда выглядывали фасады дачъ.

До лѣсу онъ дошелъ довольно скоро. Маленькая станція желѣзной дороги осталась у него по лѣвую руку. Токаревъ пересѣкъ полотно дороги, съ двумя парами рельсъ, и минутъ черезъ пять углубился уже въ чащу хвойнаго лѣса, по тропкѣ, которая—это онъ зналъ — приведетъ его къ луговинѣ на берегу рѣки, впадающей въ заливъ.

Въ лѣсу стояли уже сумерки; но воздухъ былъ свѣжій и бодрящій. Папоротники росли въ перемежку съ травой, рѣдко такой густой въ красномъ лѣсу. Пахло хвоей. Извивы тропинки манили въ даль.

Токаревъ шелъ бодрымъ шагомъ. Онъ сохранилъ походку молодого человѣка, при большомъ ростѣ и худобѣ. Сѣдѣющая

борода смягчала эту худобу. Черты лица были—для роста—не крупны. Каріе глаза глядѣли добродушно; ротъ скрывали густые усы. Загорѣлая кожа морщинилась только у краевъ глазъ. Широкій лобъ полуоткрывалъ бортъ мягкой шляпы, и его почти еще не бороздили морщины.

Но онъ зналъ, что ему шестой десятокъ на-исходѣ, и встрѣчалъ старость безъ малодушія. Къ своему закату онъ готовится уже не первый годъ. Жена умерла; дѣтей не было. Новыхъ привязанностей искать поздно. Впереди—полное одиночество, быть можетъ хроническій недугъ... заброшенность бобыля, въ гарни или лечебницѣ. И ко всему этому онъ готовилъ себя...

Сколько бы ни осталось ему лѣтъ, онъ хотѣлъ прожить ихъ въ душевномъ покоѣ, дорожа умственной свободой превыше всего...

Эта свобода не дала ему ни громкой славы, ни большихъ денегъ. Тридцать лѣтъ работы писателя лежали у него на плечахъ не малымъ грузомъ. Много пришлось испытать горькаго... очень долго ждать пониманія и сочувствія. Онъ почти никогда не нападалъ и не защищался, а только шелъ своей дорогой.

Есть ли у него крупный творческій талантъ—онъ самъ не могъ рѣшить. Жизнь подталкивала его къ работѣ бытописателя. Но онъ часто откликался на нее и какъ мыслитель, и какъ критикъ и публицистъ.

Перо писателя-художника запросилось на покой. Жизнь слишкомъ часто мѣняла свои оболочки въ томъ классѣ общества, который онъ всего больше изучалъ и воспроизводилъ. Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ ничего не печатаетъ, а только живетъ здѣсь и тамъ, всматриваясь въ то, что̀ послѣдніе годы принесли съ собою. Досуги—а ихъ у него не мало—онъ всѣ отдаетъ одному труду—книгѣ итоговъ „сына своей эпохи". Ему не хотѣлось бы умереть, не докончивъ ее. Всего горячѣе желалъ онъ остаться „на брѐши"—все съ тѣмъ же пониманіемъ міра, съ той же тихой и многоиспытанной любовью къ своей родинѣ, съ той же ясностью и терпимостью оцѣнокъ людей, событій, страстей и недуговъ въ долгой вереницѣ поколѣній, которыя и раньше, и вмѣстѣ съ нимъ, и позднѣе, входили въ жизнь.

Такими думами Токаревъ давно уже пріучалъ себя отпугивать холодящій призракъ смерти, выплывающій у многихъ, кому перевалило за пятьдесятъ лѣтъ,—чаще у людей кабинетныхъ, у художниковъ и писателей, у всѣхъ, кого нужда, честолюбіе, служба, дѣти, денежныя дѣла или горячка распорядительства не затягиваютъ въ ярмо ежедневной и ежечасной сутолоки.

Здѣсь, на балтійскомъ прибрежьѣ, Токаревъ хотѣлъ привести

въ порядокъ разрозненные отдѣлы своей книги; многое заново передумать и написать. Онъ смотрѣлъ на этотъ трудъ какъ на посмертный. Въ немъ онъ отдавался безраздѣльно своей долголѣтней потребности высказываться смѣло, безъ всякихъ поблажекъ чему и кому бы то ни было; но безъ горечи, какъ подобаетъ тому, кто свелъ всѣ свои счеты съ личной жизнью и ничего уже не требуетъ отъ нея, кромѣ „непостыднаго“ заката.

Шаги его замедлились, и онъ шелъ къ опушкѣ около получаса.

II.

Лужайка, рѣка и дальній ея берегъ весело освѣщались закатомъ. Та узкая полоса на западѣ, которую Токаревъ видѣлъ на штрандѣ, должно быть, пошла въ ширь и солнце вынырнуло за полчаса до захода.

Здѣсь его не было видно, но небо и съ этой стороны очистилось; только рѣдкія облачка, въ видѣ розовато-сизыхъ клубовъ, плыли надъ густымъ боромъ, уходившимъ въ даль, за рѣкой.

Токаревъ присѣлъ на скамью. Справа начиналъ желтѣть загонъ ржи. Крестьянскій дворъ—всего одинъ—прислонился къ опушкѣ лѣса. Саженяхъ въ двухъ отъ скамьи лежала груда сосновыхъ бревенъ. Отъ нихъ шелъ смолистый запахъ.

Мѣсто было совсѣмъ ровное. Но почему-то Токаревъ сейчасъ же перенесся мыслью къ тому нѣмецкому водяному городку, гдѣ онъ, двѣ недѣли назадъ, доканчивалъ свое леченье.

Сидѣлъ онъ тамъ на высокой площадкѣ, въ тѣни вѣковыхъ буковъ и вязовъ, и любовался панорамой городка, въ цвѣтущей долинѣ, сдавленной невысокими, лѣсистыми горами Шварцвальда.

Для него этотъ городокъ связанъ былъ неизмѣнно съ памятью о великомъ русскомъ писателѣ-художникѣ. Молодымъ человѣкомъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ попалъ туда, въ первый разъ, въ сентябрѣ, на развалъ игорной жизни въ дни скачекъ.

Тогда онъ ѣздилъ по Европѣ, ища встрѣчъ и знакомствъ и всякихъ впечатлѣній. Онъ направлялся изъ Бретани, гдѣ жилъ на морѣ, черезъ южную Германію, въ Швейцарію—въ Бернъ, на съѣздъ „мира и свободы“.

Ему хотѣлось повидаться съ великимъ русскимъ романистомъ. Онъ всего одинъ разъ, раньше, въ Петербургѣ, говорилъ съ нимъ. До сихъ поръ не забылъ онъ, какъ знаменитый собратъ доказывалъ ему—съ неожиданной для него откровенностью—необходимость проститься съ работой художника: „судьба“ не позво-

лила ему „свить себѣ гнѣздо“ дома; а онъ не можетъ ничего „создавать“, что не взято имъ изъ жизни.

Нота грусти звучала въ высокомъ и слабомъ голосѣ. И ему стало почти до слезъ и вчужѣ жаль такого добровольнаго отказа отъ творчества. Но не прошло и пяти лѣтъ, какъ онъ, заѣхавъ въ нѣмецкій водяной городокъ, попалъ въ то именно мѣсто, гдѣ цѣлый рой лицъ, созданныхъ опять романистомъ, заигралъ въ его воображеніи. Онъ ихъ видѣлъ и на музыкѣ, и въ игорныхъ залахъ, и по аллеямъ парка, и на подъемѣ въ горы, на террасѣ новаго и въ руинахъ стараго зáмка.

Въ тотъ первый проѣздъ онъ самъ отнесся къ милому, ни въ чемъ неповинному городку съ горечью и сарказмомъ, въ своихъ путевыхъ замѣткахъ. Все въ этомъ „нѣмецкомъ парадизѣ“ показалось ему прикрашеннымъ, вплоть до природы: Парижъ второй имперіи, теноръ Máріо, Оффенбахъ, актриса Шнейдéръ, всесвѣтныя кокотки, русскія княгини, играющіе свѣтскіе шелопаи всѣхъ націй вокругъ столовъ рулетки и „trente et quarante“ на фонѣ тусклой и грубоватой толпы изъ баденцевъ, виртембергцевъ, пруссаковъ и баварцевъ съ ихъ женами и дочерьми...

Минуло уже болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ новый романъ былъ проглоченъ всей грамотной Россіей. Раздраженіе еще не улеглось. Никто не былъ доволенъ—ни сверстники автора, ни молодежь, ни передовые, ни гасильники.

И такъ тянулось почти цѣлыхъ десять лѣтъ. Великій русскій романистъ не покидалъ пера, не прощался и съ родиной, часто наѣзжалъ въ свою усадьбу, присматривался и къ тому, чѣмъ жили обѣ столицы.

Но онъ хорошо видѣлъ:—что-то порвалось между нимъ и публикой, и страдалъ отъ этого. Случилось Токареву пожить проѣздомъ въ Петербургѣ, лѣтомъ, во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, и услыхать случайно, что тотъ лежитъ больной, въ гарни. И никто объ этомъ, какъ будто, не зналъ—ни одного сочувственнаго извѣстія въ газетахъ,—точно это какой-то безвѣстный помѣщикъ, заболѣвшій по дорогѣ въ свою деревню...

И вдругъ черезъ годъ, много черезъ два, шумной лавиной покатились оваціи изъ старой столицы въ новую: восторженныя рѣчи молодежи, вѣнки, клики, банкеты, депутаціи. Токареву привелось быть свидѣтелемъ этого взрыва запоздалыхъ сочувствій. Онъ какъ теперь помнитъ полукруглый университетскій залъ, засѣданіе, когда всѣ разомъ встали при появленіи великаго писателя, выбраннаго въ почетные члены общества, помнитъ голосъ

и голову того студента, который обратился къ нему сверху, съ хоръ, со словами, гдѣ звучали строгіе молодые запросы семидесятника. И потомъ, въ новой столицѣ—вечеръ, гдѣ сотни молодыхъ курсистокъ разомъ закричали и замахали платками при его появленіи на эстрадѣ. Было что-то особенное въ этомъ крикѣ. И тотъ, кого вся эта нервная дѣвичья масса такъ привѣтствовала, самъ говаривалъ потомъ, что ничего подобнаго онъ не испыталъ въ своей жизни.

А дальше пошли опять частыя выходки задора, открытая и анонимная брань, заскорузлыя обличенія въ ретроградствѣ, вмѣстѣ съ надоѣдливымъ попрошайствомъ... Подкрался злой недугъ. Смерть медлила. Онъ призывалъ ее въ адскихъ мученіяхъ.

И только когда она освободила его, пробилъ часъ апоѳеоза. Парижъ провожалъ его останки, напутствуя ихъ въ лицѣ того француза, кто былъ всего ближе къ пониманію его даровитой славянской души, его сильнаго, трезваго ума, его полетовъ въ область невѣдомаго. Ни одного русскаго писателя такъ не провожали въ могилу его родичи. Всѣ счеты были сведены. Отлетѣли нареканія, осталась только чистая слава, признаніе имени и наслѣдія, завѣщаннаго всѣмъ, кто творитъ, какъ истинный художникъ, или только честно работаетъ, съ перомъ въ рукахъ.

Токаревъ глубоко задумался. Эта судьба всеміpно признаннаго русскаго писателя часто вставала передъ нимъ во всей своей полнотѣ, и каждый разъ дума о ней приносила ему все новое и новое успокоеніе.

Онъ—рядовой работникъ слова и готовъ покончить еще заживо свои счеты съ публикой, съ критикой, съ извѣстностью, съ тѣми, кто не хотѣлъ или не могъ понимать его, столковаться съ нимъ, или поддержать его своимъ сочувствіемъ—съ молодыми и старыми, тонко развитыми и полуграмотными.

„Можетъ быть,—подумалъ онъ, — скромнѣе было бы сойти съ арены безъ всякихъ писательскихъ „итоговъ", въ видѣ посмертной книги, а просто взять одну изъ неумирающихъ вещей міровой литературы и положить на ея передачу остатокъ лѣтъ? Развѣ все тотъ же великій романистъ не мечталъ уйти въ переводъ трогательной исторіи испанскаго *гидальго* — безумца и шута на взглядъ уравновѣшенныхъ филистеровъ, героя и праведника, какъ *онъ* разумѣлъ его"?..

На этотъ вопросъ Токаревъ затруднился отвѣтомъ. Нельзя давать никакихъ зароковъ. Жизнь возьметъ свое. Если она еще говоритъ что-нибудь писателю, онъ — нежданно и противъ воли —откликнется на ея призывы.

III.

Тихій разговоръ дошелъ до него слѣва. Онъ оглянулся.

На бревнахъ, въ полъ-оборота къ рѣкѣ, присѣла пара—мужчина и дама. Трудно было разслышать, что̀ они говорили; но навѣрно по-русски.

Да и оба они смотрѣли такими истыми русскими. Мужчина, въ парусинной парѣ и мягкой сѣрой шляпѣ, блондинъ съ бородкой, небольшого роста, присѣлъ, сгорбившись, и положилъ руки на худыя колѣни. Дама—на видъ однихъ лѣтъ съ нимъ, покрупнѣе фигурой и потемнѣе волосами—въ дешевенькомъ ватерпруфѣ и черной соломенной шляпѣ — немного щурилась, глядя вдаль, на тотъ берегъ рѣки, гдѣ опушка сосноваго бора покрывалась, отъ послѣднихъ лучей, розоватой дымкой.

Глаза у нихъ были одного цвѣта—темно-сѣрые. И носъ одной формы. Кровное сходство сквозило въ ихъ фигурахъ, и Токаревъ сейчасъ же подумалъ, что они—братъ и сестра. Онъ пристальнѣе вглядѣлся въ лицо дамы—уже поблеклое, но съ пріятнымъ обликомъ. Круглый, мягкій подбородокъ выдавалъ ея доброту. Глаза безпрестанно мѣняли выраженіе, и углы бровей также часто поднимались, а рѣсницы нервно мигали.

— Не сыро ли тебѣ, Паша?

Слова эти долетѣли до Токарева гораздо отчетливѣе.

Братъ мотнулъ головой отрицательно. Онъ сидѣлъ нагнувшись, и его худощавое туловище опустилось — въ позѣ человѣка, или еще слабаго физически, или очень скучающаго.

Блондинъ повернулъ теперь голову, и Токаревъ могъ разглядѣть его.

„Кто это?—подумалъ онъ и тотчасъ же выговорилъ про себя:—неужели Разсудинъ?"

Они встрѣчались лѣтъ десять назадъ въ Петербургѣ. Тогда Токаревъ часто выступалъ въ печати, какъ публицистъ.

И ему вспомнилась тутъ же статья, пущенная противъ него этимъ самымъ Разсудинымъ, статья пылкая, съ сердитыми нападками, гдѣ его выставляли чуть не обскурантомъ. Онъ тогда не хотѣлъ отвѣчать на нее, постоянно воздерживаясь отъ полемики. Въ ту же зиму они столкнулись опять съ Разсудинымъ въ одной редакціи и сухо поклонились; но руки другъ другу не по̀дали.

Токаревъ не могъ сказать теперь—онъ ли уклонился первый?..

Въ эти десять лѣтъ Разсудинъ сильно измѣнился, смотрѣлъ

изнуреннымъ сорокалѣтнимъ мужчиной, хотя волосы на головѣ и въ бородѣ еще не были сѣды.

Кажется, его куда-то высылали. Его имя стало появляться очень рѣдко въ журналахъ, а потомъ и совсѣмъ исчезло. Можетъ быть, онъ писалъ подъ псевдонимомъ.

Никакой обиды Токаревъ уже не чувствовалъ. Это было такъ давно, точно полвѣка назадъ. Лицо и посадка этого не лишеннаго таланта и убѣжденнаго „семидесятника" вызывало въ немъ теперь не любопытство, а скорѣе симпатію.

„И такихъ, какъ этотъ Разсудинъ, осталось уже не много",— подумалъ онъ, и ему захотѣлось—первому протянуть руку, рискуя даже, что тотъ обойдется съ нимъ хмуро и сухо.

Дама приподнялась, и опять до слуха Токарева долетѣли ея слова:

— Право, Паша, пойдемъ... Ты въ парусинѣ.

Голосъ ея сохранилъ моложавую вибрацію.

Братъ ея какъ бы неохотно сталъ подниматься; она подала ему руку, желая помочь.

Ее Токаревъ никогда и нигдѣ не встрѣчалъ; но онъ уже не сомнѣвался, что они—братъ и сестра.

Токаревъ подошелъ къ нимъ съ поклономъ — они еще не успѣли двинуться.

— Вы меня не узнаёте?—спросилъ онъ довольно слабымъ и низкимъ голосомъ и еще разъ приподнялъ шляпу, глядя на Разсудина.

Того точно всего передернуло, и онъ не сразу отвѣтилъ. Сестра его слегка покраснѣла, и рѣсницы ея сильнѣе замигали.

— Нѣтъ-съ... извините...—почти нѐхотя промолвилъ Разсудинъ и подался назадъ.

— Правда... много лѣтъ прошло. Я сильно постарѣлъ. Мы съ вами встрѣчались, кажется? Меня зовутъ Токаревъ.

— Ахъ, Боже мой! Это вы? Извините... не узналъ сразу!

— Писатель Токаревъ?—спросила его спутница, и глаза ея остановились на немъ—немного пугливые и добрые, очень большіе и утомленные.

— Да, писатель,—повторилъ Токаревъ также тихо.

— Очень радъ!—сказалъ Разсудинъ и тогда протянулъ руку.

— Вы возвращаетесь на штрандъ?—спросилъ Токаревъ.— Позволите пойти съ вами?

— Сдѣлайте одолженіе!

Разсудинъ говорилъ отрывисто, глухими нотами и немного хрипло.

Онъ раза два бросилъ быстрый боковой взглядъ на Токарева, какъ бы желая убѣдиться, что это—дѣйствительно онъ.

Они пошли всѣ трое рядомъ. Токаревъ по срединѣ. Ему хотѣлось поскорѣе покончить всѣ старые счеты, и онъ, обернувшись въ сторону сестры Разсудина, сказалъ:

— Съ вами, сколько помню, не приводилось встрѣчаться.

— Это сестра моя,—съ короткимъ жестомъ назвалъ ее Разсудинъ:—Надежда Ѳедоровна Анохина.

Она поглядѣла на него привѣтливѣе, чѣмъ братъ. Видно было, что она уже ничѣмъ болѣе не тревожится, какъ только услыхала его имя.

— Съ вашимъ братомъ мы когда-то не только встрѣчались въ Петербургѣ, но и ломали копья по одному вопросу...

— Какъ же, какъ же! — обронилъ Разсудинъ, не то сконфуженно, не то съ иронiей.

— Все это уже *было*,—вымолвилъ Токаревъ съ ударенiемъ. —И во мнѣ не оставило никакого горькаго слѣда.

И, повернувъ голову въ сторону Разсудина, Токаревъ прибавилъ:

— Мы съ вами все-таки люди одного лагеря. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю... И смотрю на васъ какъ на моего молодого сверстника.

— Ну, молодого!—повторилъ Разсудинъ и повелъ головой.

— А вы Пашу сейчасъ узнали?—живо спросила сестра, и все ея лицо вдругъ точно просiяло.

— Сразу!

— Онъ измѣнился?

— Конечно; но сравнительно со мною еще совсѣмъ молодой человѣкъ.

— Вы сколько лѣтъ тому назадъ встрѣчались?

Ея искреннiй тонъ все больше и больше нравился Токареву.

— Да лѣтъ чуть не съ десять назадъ.

— Сколько съ тѣхъ поръ утекло воды!..

Она не досказала. Братъ не любилъ, чтобы она говорила постороннимъ о его житейскихъ испытанiяхъ.

— Вы жили въ провинцiи?—спросилъ Токаревъ Разсудина, опять точно вспомнивъ какiе-то слухи и разсказы.

— Да, въ провинцiи,—выговорилъ Разсудинъ, уже съ явной иронiей.

— Хороша провинцiя! Паша слишкомъ скроменъ... Онъ не охотникъ объ этомъ распространяться. Но что же скрывать... особенно отъ своего брата-писателя?.. Онъ четыре слишкомъ

года выжилъ тамъ — она провела рукой въ воздухѣ — на краю свѣта, ни больше, ни меньше, какъ въ Якутской области...

Токаревъ остановился и даже опустилъ голову.

IV.

Солнце давно скрылось, а ночь все еще смотрѣла сумерками, хоть и потемнѣе, отъ сгустившихся облаковъ.

Выйдя изъ лѣса, Токаревъ предложилъ своимъ новымъ знакомымъ присѣсть на длинную скамью, около станціи желѣзной дороги.

Лѣсомъ они шли медленно, безпрестанно останавливаясь. Разсудинъ сдѣлался податливѣе на разговоръ. Токаревъ не хотѣлъ его выспрашивать; но сестра своей искренностью сейчасъ же придала ихъ бесѣдѣ товарищескій тонъ. Она какъ бы не допускала, чтобы умный человѣкъ—да еще если онъ писатель и хоть чуточку съ душой — могъ не смотрѣть съ великимъ уваженіемъ и сочувствіемъ на ея брата.

Она не настолько была знакома съ кружковой жизнью, чтобы знать и помнить—какъ къ Токареву относились многіе пріятели ея брата. Въ Петербургѣ она тогда не жила: ея мужъ, докторъ— практиковалъ сначала въ уѣздѣ, потомъ въ Москвѣ. Этотъ пожилой „баринъ“ ей нравился. И многія его вещи она читала съ интересомъ. Она была тронута и польщена за брата тѣмъ, что писатель—съ хорошимъ именемъ, лѣтами и наружностью гораздо старше ея брата — первый подошелъ къ нему и такъ искренно заговорилъ съ нимъ.

— И вы здѣсь взяли цѣлую дачу? — спросилъ Токаревъ Анохину.

— Домикъ... плохенькій, съ мезониномъ... Намъ довольно. Даже еще одна комната лишняя,—заботливо начала Анохина и оглянула брата.—Теперь тепло... А вотъ, если дожди пойдутъ— я боюсь, что у него — она указала головой на Разсудина — начнутся невралгіи.

— Воздухъ здѣсь хорошій,—сказалъ Токаревъ.—Надо больше на морѣ сидѣть.

— Да и радъ бы сидѣть,—замѣтилъ съ усмѣшкой Разсудинъ,— да не позволяютъ... съ этими мужскими и женскими часами.

— А вы купаетесь?—спросилъ его Токаревъ.

— Не каждый день...

— Ему не очень-то полезно: сердце не совсѣмъ въ порядкѣ.

Анохина не досказала, замѣтивъ, что братъ нахмурился.

— Онъ не любитъ, чтобы я къ нему приставала,—обратилась она къ Токареву.—А какъ же не приставать?.. Только вотъ съ весны онъ сталъ на человѣка похожъ. А зима была ужасная.

— Вы ее провели въ Петербургѣ? — спросилъ Токаревъ, вбокъ поглядѣвъ на Разсудина.

— Нѣтъ. Мы пріѣхали туда весной изъ Калуги... куда Пашу перевели въ прошломъ году. А я еще раньше овдовѣла. Надо вмѣстѣ доживать вѣкъ.

— Почему же доживать?—перебилъ Токаревъ.—Вашъ братъ еще молодой человѣкъ... по крайней мѣрѣ для меня. И теперь его писательская жизнь можетъ войти въ прежнюю колею.

— Гдѣ ужъ!—обронилъ Разсудинъ.

— Не знаю,—съ глубокимъ вздохомъ заговорила Анохина, и глаза ея вдругъ стали влажны.—Не знаю! Петербургъ смущаетъ меня... Разумѣется, для Паши другого города нѣтъ. Тамъ у него друзья... И работать есть гдѣ. За то сколько разныхъ скорпіоновъ! Начиная съ адскаго климата... Да и не одинъ климатъ! Оттуда и пошло все...

Разсудинъ отвернулъ голову и молчалъ, но не трудно было замѣтить, что онъ считалъ лишними всѣ эти страхи и сѣтованія.

Анохина наклонилась къ Токареву и выговорила тише:

— Я вѣдь не за себя боюсь. Мнѣ вездѣ хорошо.

Она могла бы прибавить:—гдѣ хорошо тѣмъ, кого я люблю.

И, желая перемѣнить разговоръ, непріятный брату, она спросила.

— Вы въ пансіонѣ здѣсь?

— Да, у нѣмки.

— Какъ ея фамилія?

— Кирхманъ.

— Это по нашей же улицѣ. Тамъ, кажется, большое общество?

— На половину русскіе.

— А вамъ не тяжело тамъ, все съ чужими... безъ своего хозяйства?—спросила участливо Анохина.

— Я привыкъ. Гнѣздо мое давно разорено. Я бобыль.

Лицо Токарева слегка затуманилось.

— Вы, стало, вдовецъ?.. И я вдова... И оба бездѣтны?— Можетъ, такъ и лучше!—воскликнула Анохина.—Нынче дѣти— страшное дѣло! И безъ нихъ-то не сладко. Ну, скажите,—она обернулась лицомъ къ Токареву: — какое мы имѣемъ право навязывать жизнь кому бы то ни было, когда мы знаемъ — что̀ такое эта самая жизнь?..

— Сестра моя Шопенгауэра врядъ ли читала, а по части пессимизма ему не уступитъ, — сказалъ Разсудинъ, веселѣе взглянувъ на Токарева.

— Будто бы? Мнѣ кажется, Надежда Өедоровна слишкомъ добра, чтобы отрицать жизнь. Кто добръ, тотъ не можетъ быть мизантропомъ. А безъ мизантропіи нѣтъ и настоящаго пессимизма.

— Еслибъ никого не любить, нельзя и дня прожить на свѣтѣ! —вырвалось у Анохиной.

И опять она намѣренно перемѣнила разговоръ, боясь не угодить брату.

— И въ Петербургѣ не будете устроиваться домомъ?—спросила она.

— Нѣтъ. Проведу зиму, какъ придется, пока не погонитъ вонъ мгла и слякоть. А вы устроились?

Токаревъ узналъ, что они уже наняли квартиру на Пескахъ, передъ отъѣздомъ сюда, тотчасъ послѣ того, какъ Разсудину разрѣшено было жить въ столицѣ. У нихъ есть даже двѣ лишнихъ комнаты. Ихъ можно будетъ отдавать.

Когда Анохина это сказала, у Токарева мелькнула мысль:

„А чтò бы мнѣ попроситься къ нимъ въ постояльцы?"

Не столько братъ, сколько сестра привлекала его. Отъ нея такъ и пахнỳло на него теплотой русской женской души, со всей ея тревогой и страхами и съ неизсякаемой потребностью заботы и сердечной ласки.

— Свѣжо и здѣсь,—сказала Анохина.—Какъ ты находишь, Паша?

— Вамъ пора? Извините! Я васъ задержалъ,—сказалъ Токаревъ, поднимаясь со скамьи.—Намъ по пути, до перекрестка.

Черезъ нѣсколько минутъ они дошли до угла длинной улицы и стали прощаться.

— Милости просимъ, — загляните къ намъ. И простокваша у насъ своя будетъ... вы кушаете? Или васъ нѣмка душитъ ею?

Анохина разсмѣялась.

— Благодарю. Не откажусь и отъ простокваши,—ей въ тонъ сказалъ Токаревъ.

Братъ крѣпко пожалъ ему руку и прибавилъ отъ себя:

— Побесѣдуемъ... Весьма буду радъ. До свиданія.

Токаревъ взялъ влѣво и, перейдя улицу, постоялъ, глядя вслѣдъ удалявшейся парѣ.

V.

Передъ домикомъ съ мезониномъ шла полоса земли, взятая изъ-подъ рѣдкаго сосноваго лѣса, какъ и въ остальныхъ дачахъ; только тутъ хозяева совсѣмъ не занимались садомъ. Кромѣ сосенъ, двѣ тощихъ березки росли около террасы. Запущенная куртина безъ цвѣтовъ расползлась по срединѣ.

На террасѣ, слѣва отъ входа, лампа освѣщала столъ, накрытый для ужина, когда братъ и сестра—гуськомъ—проникли въ калитку.

Чай они уже пили передъ тѣмъ какъ идти гулять. Готовила имъ и служила за горничную латышка, Луиза, тихая и очень набожная, немолодая уже женщина, взятая на лѣто изъ Риги.

— Луиза!—громко позвала Анохина, входя на террасу.

— Ich komme!—откликнулась кухарка.

— Тебѣ не сыро будетъ на воздухѣ, Паша?

— Нѣтъ.

Братъ сѣлъ за столъ и снялъ шляпу.

Надежда Ѳедоровна пошла въ свою спаленку. Ихъ было двѣ, по обѣ стороны самой большой комнаты, гдѣ братъ работалъ по утрамъ и гдѣ они сидѣли и пили чай въ ненастную погоду.

Такъ устроены почти всѣ наемныя дачи на штрандѣ, и просторныя, и тѣсныя.

Въ низенькомъ мезонинѣ была еще клѣтушка и крохотный балкончикъ. Они стояли пустыми.

Луиза подала блюдо раковъ и кислое молоко, въ стеклянной посудѣ. Ни вина, ни пива они не пили.

— Тебѣ не будетъ голодно? — спросила брата Анохина.— Можетъ быть, на ночь не очень здорово раки?

Она знала, что раки—его любимое кушанье, но отъ замѣчанія не могла воздержаться. Брату это не нравилось, и ей всегда было совѣстно, но уже позднѣе, когда она, ложась спать, перебирала „въ умѣ" весь свой день.

Разсудинъ ничего ей не отвѣтилъ и сталъ быстро, своими худыми, длинными пальцами, раздѣлывать клешни крупнаго рака.

Они помолчали.

— Паша... а вѣдь этотъ Токаревъ очень пріятный человѣкъ.

— Ничего.

— И тонъ у него препріятный.

— Баринъ... эстетикъ!

— Ты это такъ выговорилъ, Паша, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ фыркýшка... съ разными барскими замашками; а я этого совсѣмъ не замѣтила.

— Я не говорю. Чтожъ! Онъ, въ общемъ, всегда былъ честный писатель. Да и съ годами, кажется, отъ многихъ своихъ умничаній отучился... И то сказать—въ настоящее время и этакіе на рѣдкость!..

— А ты, Паша, съ нимъ обошелся немножко сухо... ты извини меня.

— Ты находишь, Надя? Можетъ быть. Да вѣдь мы столько лѣтъ не видались, да и тогда почти не были знакомы.

— Я знаю... у васъ полемика была... А онъ первый обратился къ тебѣ. И такъ искренно.

— Скучно ему здѣсь... вотъ онъ и присталъ.

— Ахъ, Паша, нехорошо!..

Глаза ея заиграли.

Братъ зналъ, что Надежда Ѳедоровна, когда вспылитъ, то можетъ и „разнести".

Онъ замолчалъ. И она не сразу продолжала.

— Зачѣмъ же, Паша, такъ недовѣрчиво относиться къ людямъ? Конечно, ты вытерпѣлъ много... и здоровье потерялъ... и все...—Глаза ея стали влажны.—Но вѣдь такіе люди, какъ Токаревъ, въ этомъ не виноваты. Онъ честный писатель — ты это и самъ сейчасъ сказалъ. Надо ладиться, Паша.

Она положила ему руку на плечо.

— Не чурайся людей. Вотъ и здѣсь есть навѣрно хорошій народъ.

Она начала вкусно ѣсть кислое молоко. Это было ея любимое кушанье.

— Отъ тебя не убудетъ, если ты сдѣлаешь ему визитъ.

— Съ какой стати?

— Онъ постарше тебя. Это все равно, что визитъ—то, что онъ къ тебѣ первый подошелъ.

Братъ понималъ, что она права, и не хотѣлъ раздражать ее.

— Хорошо... какъ-нибудь зайду.

— Тамъ, въ этомъ пансіонѣ у Кирхмана, навѣрно, и другіе есть русскіе. Можетъ, и женское общество.

Надежду Ѳедоровну серьезно огорчало то, что ея братъ сталъ такой нелюдимъ.

Ея тайная мечта была познакомить его съ „хорошей" дѣвушкой. Безъ любви его жизнь будетъ слишкомъ тускла и одинока. Карьеры ему теперь уже не сдѣлать. Онъ—больной. Она

тоже не очень-то крѣпка. Умри она — и Паша совсѣмъ осиротѣетъ. Да и пора ему въ тихую пристань.

Разсудинъ поглядѣлъ на нее съ усмѣшкой.

— Да развѣ я скучаю, Надя?—спросилъ онъ гораздо мягче, чѣмъ обыкновенно.

— Не скучаешь... согласна! Но нельзя же такъ хорониться въ своей мурьѣ.

— Дамамъ-то что же во мнѣ? Скажи на милость!

— Ты публицистъ. Ты долженъ знать общество... Не однихъ мужчинъ. Сколько новаго найдешь и въ женщинахъ...

— Хорошаго врядъ ли много.

— Надо самому до всего дойти.

Она прибавила себѣ корицы и сахару.

— Ты развѣ не будешь, Паша?

— Немного поѣмъ.

— Это тебѣ очень полезно. Вотъ какъ-нибудь пригласимъ къ себѣ и Токарева на простоквашу.

Она была гостепріимнѣе брата. Хозяйствомъ занималась она очень усердно, сама ходила съ кухаркой на рынокъ, все брала „съ уговоромъ“, была особенно строга насчетъ свѣжести масла, яицъ, осматривала каждый кусокъ мяса.

Братъ иногда подсмѣивался надъ ней и пугалъ тѣмъ, что она наживетъ себѣ ипохондрію. Но она ограждала его здоровье больше, чѣмъ свое. Желудокъ у нея былъ слабый. Частенько она увлечется какимъ-нибудь любимымъ кушаньемъ, послѣ чего и за себя, и за него она дѣлалась еще строже и осторожнѣе.

— И того учителька пригласимъ. Онъ, бѣдный, жалуется все на плохую ѣду.

— Дроздова?

— Да. Онъ душевный малый; но какъ же можно сравнить съ Токаревымъ!

— Что жъ тутъ мудренаго? Онъ—простецъ... А тотъ баринъ...

— Вотъ ты опять—баринъ!

Анохина сложила аккуратно свою салфетку и продѣла ее въ деревянный кружокъ.

— Завтра хочешь къ обѣду битки?

— Мнѣ все равно.

— Есть и грибы.

— Грибковъ бы недурно было.

— Опасно, Паша... Развѣ такъ... для духу...

Она засмѣялась. Онъ взглянулъ на нее удивленный.

— Они здѣсь наши березовые грибы называютъ: „Borowicken“.

— Съ русскаго взяли...

— Я вчера иду по лѣсу, а одинъ гимназистикъ другому кричитъ:—Sieh! Was für eine Menge Borowicken!

Братъ уже поднялся и пошелъ къ своей спаленкѣ. На порогѣ онъ обернулся.

— Прощай, Надя!

Анохина быстро подошла къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Спи, спи! Не читай долго. И не сердись за то, что пристаю.

VI.

Съ Луизой Надежда Θедоровна поговорила насчетъ обѣда на завтра, и тихонько прошла къ себѣ.

Въ средней комнатѣ стояла темнота. Щели сверху и снизу, въ двери къ брату, свѣтились. Онъ долго еще будетъ лежать съ книгой. Очень ему это вредно. Утромъ глаза красные, цвѣтъ лица землистый. Но онъ иначе не можетъ: увѣряетъ, что не заснетъ до пѣтуховъ. Такъ лучше читать, чѣмъ томительно ворочаться въ кровати. Онъ въ городѣ употреблялъ и наркотическое средство, да она стала упрашивать его бросить пріемы хлорала.

Воздухъ морского прибрежья и купанье должны подѣйствовать. Но и купанья она побаивалась. Сердце давно у него съ перебоемъ. Хорошо, если это только нервы, а если—органическій порокъ?

Каждый вечеръ, оставаясь одна въ своей спаленкѣ, передъ отходомъ ко сну, Надежда Θедоровна возвращается къ тѣмъ же страхамъ за брата.

Они ее тревожатъ, но за то освобождаютъ отъ малодушныхъ заботъ о своемъ „бренномъ тѣлѣ". До кончины мужа она о себѣ рѣдко думала; не боялась жизни, не боялась и смерти. Но въ натурѣ ея, видно, заложено было расположеніе къ тревогѣ... Безъ привязанности она жить не можетъ; и еслибы не братъ, не его печальная судьба, она бы давно была „несчастной психопаткой"...

Смерть налетѣла на мужа ея внезапно. Схватилъ дифтеритъ на практикѣ—и въ три дня его не стало. Все въ ней помутилось, и когда начала приходить въ себя, ей страстно захотѣлось „сгинуть". Она была на полвершка отъ безумія, отъ самоубійства, отъ запоя морфіемъ или эѳиромъ. Судьба брата встряхнула ее. Его только-что перевели изъ той окраины, гдѣ онъ былъ заживо погребенъ, поближе, въ уѣздный городъ за Ураломъ. Ее

потянуло къ нему со смерти мужа. Но она утеряла прежній свой взглядъ на жизнь, безпечность, постоянную надежду на то, что дальше будетъ лучше.

Жизнь дала себя знать. Прежде она любила повторять, что еслибъ можно было начать зáново, она хотѣла бы прожить вторую жизнь такъ, какъ въ первый разъ; а небось теперь братъ зоветъ ее пессимисткой и не любитъ ея горькихъ словъ, когда она расхандрится.

Пессимистка ли она?—Этотъ вопросъ и ее самое поставилъ бы въ затрудненіе. Нѣтъ, она все еще любитъ жизнь и теперь, послѣ того, какъ ея личное счастіе отлетѣло навѣкъ. И боится ее, боится за тѣхъ, кто около нея, и прежде всего за брата. Боится и за себя: надвигающейся старости, неизлечимой болѣзни, или гнетущей хворости, всѣхъ немощей женской натуры. Нѣтъ въ ней той мужественной любви, которая даетъ спокойствіе и внушаетъ бодрость всѣмъ, кого любишь. Она видитъ, что часто братъ какъ бы тяготится ея излишней тревожностью за него. Ему нужна не такая подруга—ясная и кроткая, съ вѣрой въ лучшіе дни, неспособная волноваться изъ-за всякаго пустяка...

„Надо умѣть любить", повторяла про себя Надежда Ѳедоровна. Она двигалась маленькими шагами по своей тѣсной спаленкѣ, прибирая все старательно послѣ того, какъ приготовилась лечь спать.

Вонъ простая латышка, ихъ кухарка Луиза—что̀ это за чудесная натура! Какая покорность судьбѣ, вѣра безъ ханжества, непоколебимая твердость духа. А пережила не меньше ея: потеряла и мужа, и двухъ взрослыхъ дѣтей.

Кротость—чисто евангельская! И когда ей взгрустнется—раскроетъ свою библію и читаетъ и про себя, и вслухъ, знакомымъ латышкамъ, какія заходятъ къ ней въ гости...

Братъ глухо кашлянулъ. И ей послышалось, какъ прошелестилъ перевернутый листъ. Онъ все еще читаетъ и будетъ читать до пѣтуховъ; а крикнуть ему она боится.

Разсудинъ, дѣйствительно, читалъ въ постели, въ неловкой позѣ, низко наклонившись головой къ свѣчѣ, которая стояла на стулѣ.

Кровать была узка и коротка, для его роста, съ жидкимъ хозяйскимъ тюфякомъ. Прежде ему спалось и въ юртѣ, и на жесткихъ нарахъ; а теперь нервы не тѣ. Онъ зналъ, что сестра волнуется изъ-за его позднихъ чтеній; но иначе онъ рѣшительно не могъ засыпать.

Толстая книга журнала была только-что разрѣзана. Онъ на-

чалъ читать новый разсказъ, надѣясь, что беллетристическая вещь скорѣе убаюкаетъ его.

Имя автора, колоритъ разсказа и освѣщеніе нѣкоторыхъ лицъ стали его волновать. Онъ не могъ не признавать за этимъ молодымъ писателемъ таланта; но безстрастная манера относиться къ жизни и людямъ — противна ему. Всякій писатель обязанъ защищать свои идеалы, а не щеголять только даровитостью, не выставлять на показъ полное равнодушіе къ добру и злу.

Почти съ сердцемъ онъ, не дочтя разсказа, опустилъ книгу. Доканчивать онъ не желаетъ, хотя исторія ведена интересно, съ большимъ знаніемъ жизни и человѣческаго сердца.

Щеки его уже горѣли.

Онъ развернулъ опять книгу на критической статьѣ и сталъ спокойнѣе въ нее вчитываться. Но не прошло и четверти часа, какъ въ виски у него непріятно вступило отъ прилива недовольства тѣмъ, чтò ему авторъ статьи выдавалъ за новыя идеи...

Оба они—молодые, изъ тѣхъ, что теперь поднимаютъ голову и хотятъ задавать тонъ. О нихъ придется писать, съ ними неизбѣжны столкновенія. Они—затянули *свою* пѣсню; только имъ однимъ кажется, что она новая; а, въ сущности, это „пережованная труха", умничанье и фанфаронство, неблаговидная травля того, на что слѣдовало бы молиться!..

Онъ, въ одномъ мѣстѣ, весь встрепенулся, захлопнулъ книгу и затушилъ свѣчу. Но спать онъ еще долго не могъ.

Да, вотъ они—молодые. А такіе, какъ онъ, должны смиренно стушеваться? Ихъ пѣсенка спѣта. Никто не просилъ ихъ, видите ли, ратовать за какія-то тамъ „освободительныя идеи". Ни одинъ изъ такихъ юныхъ умниковъ не скажетъ имъ простого спасибо за долгіе годы мытарствъ, за потерю свободы, здоровья, силъ, упованій...

„Кто васъ просилъ соваться?!"—крикнутъ вотъ такіе сочинители разсказовъ и статей.—„Ужъ, конечно, не мы! Для насъ ваша проповѣдь, кромѣ самой печальной безтолочи, ничего не принесла и затормазила на цѣлую четверть вѣка торжество тѣхъ идей, съ какими мы теперь выступаемъ".

И уже не въ первый разъ чувство большой душевной усталости разливалось по всему его существу. Гдѣ силы начинать сызнова походъ? Кто будетъ слушать тебя? Достанетъ ли умѣнья и выдержки?

Здоровье расшатано; а безъ него жизнь „строчилы", берущагося за перо изъ-за куска хлѣба, превратится въ каторгу, хуже и много хуже той жизни въ якутской юртѣ, откуда его

такъ тянуло туда, гдѣ онъ мечталъ отдаться опять все тому же святому дѣлу—защитѣ своихъ „*устарѣлыхъ*“ идей...

VII.

Въ саду пансіона Кирхманъ солнце весело играло и по фасаду сѣроватаго дома, съ длинной боковой террасой, и по дорожкамъ, усыпаннымъ желтымъ пескомъ.

На одномъ изъ угловъ сада помѣщалась бесѣдка изъ березовыхъ тонкихъ брусьевъ, въ видѣ сквозной хижины. Молодая женщина, въ легкомъ корсажѣ, безъ шляпы, наклонилась надъ столикомъ бесѣдки и, кажется, писала письмо.

Эта пансіонерка въѣхала сюда только третьяго дня. За обѣдомъ ее замѣтилъ Токаревъ, жившій въ одной изъ пристроекъ дачи, въ двухъ маленькихъ комнатахъ мезонина, съ такимъ же тѣснымъ балкончикомъ.

Послѣ ранняго купанья онъ пилъ кофе на балконѣ и оставался на немъ все утро; тутъ же и работалъ, если не мѣшали разговоры въ саду.

Кто-то изъ нѣмцевъ сказалъ ему, что это—русская, „Fräulein von Studentzoff“, изъ Москвы, и занимаетъ комнату съ террасой, окнами по ту сторону дома, которая ходила семьдесятъ пять рублей въ сезонъ—плата, считавшаяся дорогой.

Съ балкона Токареву видны были и фигура, и профиль этой молодой особы.

Она была высокаго роста, худая, съ тонкой таліей, одѣта, какъ одѣваются на водахъ англичанки, въ батистовой рубашкѣ и юбкѣ, цвѣтомъ потемнѣе. Свѣтлые волосы, съ пепельнымъ налетомъ, она носила двумя длинными прядями на уши и съ небольшимъ шиньономъ, спущеннымъ ниже, чѣмъ носили въ то лѣто.

Прическа давала ноту всему облику молодой особы. Она указывала на что-то, уже знакомое ему, по Лондону и Парижу.

„Прерафаэлистка?“—вопросительно подумалъ онъ, и ему вспомнились подробности парижскаго спектакля, прошлой весной. На одной изъ „вольныхъ“ сценъ давали новую пьесу Ибсена. Публика собралась особенная, непохожая на ту, какая бываетъ въ бульварныхъ театрахъ, и на первыхъ, и на всякихъ другихъ представленіяхъ:—больше все молодые люди и женщины страннаго вида; мужчины—бритые, съ длинными волосами; женщины въ узкихъ платьяхъ темныхъ цвѣтовъ, въ шляпкахъ, отдѣлан-

ныхъ опять-таки на особый ладъ, и вотъ въ такихъ прическахъ — съ широкими зачесами на уши, или съ распущенными волосами и прямымъ проборомъ.

Онъ зналъ, что тутъ собрались вѣрующіе новой эстетической церкви—и онъ съ интересомъ разглядывалъ ихъ въ антрактахъ и прислушивался къ ихъ разговорамъ.

Эта „Fräulein von Studentzoff" напомнила ему нѣкоторыхъ зрительницъ, только въ ея прическѣ и туалетѣ было меньше претензіи на эксцентричность... Профиль вырисовывался на фонѣ бесѣдки очень тонкій, съ длинноватымъ кончикомъ носа; красныя, нѣсколько полныя губы извивались красивой линіей и опущенныя рѣсницы большихъ глазъ казались гораздо темнѣе цвѣта волосъ.

Онъ не могъ бы сразу рѣшить—дама или дѣвица эта интересная особа, еслибъ не зналъ, что она—„Fräulein". Скорѣе дѣвица, судя по стройности стана и прозрачности кожи.

Токаревъ задумался и положилъ книгу журнала на столикъ. Читалъ онъ, какъ разъ, тотъ самый разсказъ, который вчера вечеромъ Разсудинъ, лежа въ постели, не захотѣлъ докончить. Въ этомъ разсказѣ авторъ знакомитъ съ молодой женщиной „послѣдней формаціи"; беретъ ее изъ пестраго общества столицы, гдѣ „интеллигенція" перемѣшана съ дѣльцами, съ искателями новыхъ ощущеній, съ тѣми, кто сами не знаютъ, изъ-за чего они бьются на свѣтѣ, и съ тѣми, кто свою погоню за наслажденіемъ прикрываетъ всякими модными словами.

Героиня разсказа—изломанная, своевольная барынька, только-что вышедшая замужъ, но ужъ кого-то ищущая, способная „пасть" —такъ, въ одну минуту, по капризу; поддаваясь духу чего-то безшабашнаго, что носится въ воздухѣ разъѣдающихъ разговоровъ о „личности", ея „безпредѣльныхъ" правахъ, о тщетѣ всего земного, кромѣ „счастья", какимъ бы способомъ ни добыть его.

Прежде, когда Токаревъ отдавался работѣ писателя-художника, онъ любилъ при каждой новой встрѣчѣ съ женщиной, чѣмъ-нибудь вызвавшей его интересъ, искать въ ней черты сходства съ лицами своихъ героинь; а если она казалась ему чѣмъ-то новымъ, онъ задавалъ вопросы еще до личнаго знакомства; его воображеніе играло, и онъ надѣлялъ эту незнакомку цѣлымъ прошедшимъ, „провидѣлъ" въ ней тѣ или другія душевныя свойства...

Теперь образъ этой молодой женщины не вызывалъ уже въ немъ творческой игры. Ему не хотѣлось и перебирать въ памяти вереницу русскихъ женщинъ, созданныхъ имъ.

Можетъ быть, онѣ выходили у него крупнѣе и цвѣтистѣе, чѣмъ въ жизни; даже и тѣ, въ которыхъ давалъ о себѣ знать неизлечимый недугъ славянскихъ натуръ, мужчинъ и женщинъ— подражаніе, послѣдняя книжка, модный фасонъ, переряживанье въ то, что̀ тамъ, на Западѣ, всплываетъ на поверхность все же *своей* жизни, что̀ выростаетъ на *своей* почвѣ, даже и въ видѣ гриба-дождевика, способнаго прожить два-три дня, лопнуть и разлетѣться зловонной пылью.

Но кто знаетъ?! Быть можетъ, эта дѣвица, похожая на молодую даму англичанку, окажется чисто русской натурой, съ тѣмъ обаяніемъ душевнаго склада, какого онъ не находилъ нигдѣ на Западѣ, когда еще искалъ, молодымъ человѣкомъ, все новыхъ откровеній женской души...

Со смертью жены отошла для него жизнь чувства. Онъ стыдливо хранитъ ея память. Ея тихая и самоотверженная любовь оградила его отъ всякихъ запоздалыхъ поисковъ счастья. И онъ унесетъ въ могилу свое благодарное чувство...

Глаза его затуманились. Онъ взялся опять за книгу журнала.

Внизу раздались негромкіе голоса. Токаревъ не слыхалъ, какъ кто-то съ троттуара позвонилъ.

Одна изъ франтоватыхъ горничныхъ, въ тюлевомъ чепцѣ и фартукѣ, побѣжала къ калиткѣ, обыкновенно незапертой. Но гость могъ не знать этого.

Горничная впустила на досчатую дорожку, которая вела къ большой террасѣ, господина, одѣтаго въ свѣтлый сьютъ. Токареву видна была, изъ-за вѣтвей стараго клена, фигура его только до плечъ.

Что-то онъ спросилъ, кажется, по-нѣмецки, высокимъ баритономъ, и горничная показала ему рукой по направленію къ бесѣдкѣ.

Токаревъ принялся опять за книгу.

VIII.

Въ глубинѣ сада, по другую сторону той пристройки, гдѣ жилъ Токаревъ, четверть часа спустя, Евгенія Андреевна Студенцова лежала въ гамакѣ, между двумя соснами. Ея гость сидѣлъ въ качающемся креслѣ, ближе къ ея изголовью.

Они ласково, какъ два близкихъ пріятеля, смотрѣли другъ на друга.

Голову его Токаревъ такъ и не успѣлъ разглядѣть. Она до-

полняла, точно нарочно приставленная къ туловищу, весь его обликъ: довольно большая, со слизаннымъ затылкомъ и выпуклостями широкаго и низковатаго лба. Пухлое, розовато-желтоватое, бритое по-актерски лицо, съ жирными губами, красиваго рисунка, и длиннымъ носомъ, тихо улыбалось; русые, съ рыжиной волосы, плоскіе, на лбу подвавитые, падали двумя прядями, по-женски, за уши. Да и во всей фигурѣ сквозило что-то женоподобное: круглыя, узковатыя плечи, полная грудь, открытая вырѣзомъ жилета.

Его свѣтлосиреневый сьютъ, изъ легкой шерстяной матеріи, сидѣлъ на немъ въ обтяжку. Полную шею, съ низкимъ отложнымъ воротникомъ, обвивалъ батистовый галстукъ. На пальцахъ бѣлой и холеной руки блестѣли два перстня.

Онъ качался въ креслѣ, и его ноги, нѣсколько короткія для крупнаго туловища, были обуты въ башмаки изъ темнокрасной кожи и шелковые полосатые чулки цвѣта густой крови.

Говорилъ онъ негромко, медленно, съ разнообразными, изнѣженными переливами.

Голосъ его собесѣдницы звучалъ нервнѣе, съ неровностями и перемѣнами интонаціи, то на низкихъ нотахъ, то на очень высокихъ, то плавно и пѣвуче, то скороговоркой. Но медленный темпъ преобладалъ.

Она опускала, по своей привычкѣ, рѣсницы и тихо поднимала ихъ на гостя. И ротъ ея, съ очень бѣлыми мелкими зубами, улыбался ему шутливо. Въ этой улыбкѣ была игра.

— Да, Анемоновъ,—сказала Евгенія Андреевна, усаживаясь немного выше въ гамакѣ:—вы меня находите здѣсь въ филистерской полу-нѣмецкой обстановкѣ... Вы только вспомните, гдѣ мы съ вами видѣлись, въ концѣ зимы, въ послѣдній разъ?..

— Въ Парижѣ?—подсказалъ онъ, наклонившись впередъ.

— Да, но *гдѣ*? Въ какомъ кафе мы проводили послѣдній вечеръ? Вы опоздали, на другой день, на поѣздъ и не проводили меня...

Анемоновъ откинулъ назадъ голову, прищурилъ свои круглые, голубые, нѣсколько мутные глаза и приставилъ къ бритому подбородку ладонь правой руки.

— Ah! J'y suis!—воскликнулъ онъ.—„Café du Néant"?

— Именно!

Она разсмѣялась очень молодо для ея лѣтъ, смѣхомъ дѣвочки-подростка, немного шалуньи.

— Да, да...

Анемоновъ оглянулся, сдѣлалъ шутливый жестъ, поднявъ руки впередъ и повелъ на особый ладъ своимъ жирнымъ ртомъ.

— Еслибъ только это знали разныя квашни, которыя сидятъ со мною за однимъ столомъ!

— Какъ вы сказали?

— Квашни,—повторила она потише...—Нѣмецкія просвирни и разныя „alte Schachtel“ этого балтійскаго общежитія.

Они разомъ разсмѣялись.

И оба стали припоминать всѣ подробности вечера, какъ они пили кофей, на лавкахъ, въ видѣ гробовъ, послѣ того, какъ хозяинъ крикнулъ всѣмъ цинически:

— „Eh bien! Pauvres bou... s, choisissez vos cercueils“!

И потомъ, внизу, въ подвальномъ этажѣ, сцена съ полуобнаженной женщиной и скелетомъ.

Студенцова немного покраснѣла, когда они дошли до этой подробности.

— C'était raide, n'est-ce-pas?—спросилъ ее Анемоновъ.

По-французски онъ выговаривалъ картавя, хотя по-русски произносилъ чисто звукъ „р“.

— Только все это ужъ очень отзывалось мелкимъ carrotage, употребила она жаргонное слово:—чтобы только побольше вытянуть франковъ.

— Вѣдь это все стоитъ и самому хозяину! Но гдѣ же, кромѣ Парижа, можно найти что-нибудь подобное?

Онъ полузакрылъ глаза и его чувственныя губы повела улыбка.

— А это забыли, какъ вы отказались пойти со мною въ тотъ table d'hôte... помните, тамъ, за Notre Dame de Lorette... гдѣ обѣдаютъ женщины съ нѣкоторой спеціальной репутаціей?..

Онъ прищурился на нее и осклабилъ ротъ.

Студенцова глядѣла на него сквозь полуопущенныя рѣсницы и немного удивляясь тому, что въ Россіи, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, его лицо, тонъ, женоподобная фигура кажутся ей чѣмъ-то очень испорченнымъ. А тамъ, въ Парижѣ, онъ былъ, какъ многіе ея знакомые, французы и иностранцы, изъ тѣхъ, съ кѣмъ она встрѣчалась и въ „conférences“, на новыя и смѣлыя тэмы, въ „Salle Baudinière“, и на первыхъ представленіяхъ разныхъ любительскихъ театральныхъ залъ, вошедшихъ въ моду послѣ „Вольнаго Театра“.

Этимъ человѣкомъ она никогда не увлекалась. У нихъ скоро установились чисто-пріятельскія отношенія. Она и не смотрѣла на него какъ на мужчину... Кое-что она начала даже подозрѣвать и не возмущалась. Она находила его умнымъ,

тонко-начитаннымъ, съ прекраснымъ тономъ, съ самыми новыми и смѣлыми вкусами, протестами и идеями. Ему она считала себя многимъ обязанной. Лучшаго совѣтника она не могла и найти. Благодаря ему, она узнала весь тотъ Парижъ послѣдняго десятилѣтія, который перемахнулъ уже въ XX-й вѣкъ.

— Почему вы тогда уклонились, мой другъ?—спросилъ Анемоновъ.

— Не помню.

— Остатокъ буржуазной щепетильности? А? Это было непослѣдовательно... Вѣдь пошли же вы со мной въ „Café du Néant"?..

— Это не одно и то же.

— Вы еще не вполнѣ... какъ бы это сказать... à point! Нѣтъ еще надлежащаго fini.. И какъ я досадовалъ, что вы тогда заторонились... Къ чему?

— Парижъ вдругъ сталъ раздражать меня,—заговорила она тономъ избалованной дѣвочки. — Погода была отвратительная. Явилось такое чувство, какъ въ концѣ пряннаго обѣда, который слишкомъ затянулся. И я обратилась въ бѣгство... Это моя система.

— Вѣдь вы были наканунѣ знакомства съ Сарой?.. Вы, кажется, серьезно мечтали о сценѣ... вы изучали „Гедду Габлеръ"... вы хотѣли показать со временемъ и русской публикѣ, какъ создавать лица женщинъ... будущаго?..

— Каботинство!—перебила она его. — Нѣтъ, Анемоновъ, я эту затѣю бросила... Да и сама Сара слишкомъ мнѣ пріѣлась... Или, лучше сказать, я какъ-то вдругъ поняла, что она—„vieux jeu", смѣсь декламаціи съ ломаньемъ и истерическими криками. Всѣ ея новыя роли по тому же фасону скроены, какъ и прежде: что̀ „La Princesse Lointaine", что̀ „Теодора", что̀ „Дама съ каmeліями"—все одно и то же!

— И сцена—это уже тамъ... назади, въ области тѣней?

— Еслибъ у меня и настоящій былъ талантъ, не хочу впрягать себя ни въ какую профессію! Ни въ какую! — громче повторила она.

IX.

— А вы теперь чѣмъ увлекаетесь, Анемоновъ? — спросила Студенцова, и улыбнулась ему шутливо.—Все еще старыми флорентинскими мастерами? Я по вашему рецепту продѣлала всѣ *Уффиціи* и всѣ церкви. Глаза проглядѣла на Маза̀ччіо и на Бо-

тичелли. И на фрá Беàто, и на фрà Филиппо, и на Гирландайо. О! Я теперь могу и съ вами поспорить!

Онъ беззвучно ударилъ въ ладони.

— Наконецъ-то! Давно пора!

— Но придется мнѣ огорчить васъ, какъ моего совѣтника... Я еще недостаточно прониклась этими... les primitifs, какъ ихъ зовутъ французы, изъ нашихъ пріятелей. Прекрасно о нихъ пишетъ Рёскинъ, *вашъ* Рёскинъ,—прибавила она съ красивымъ поворотомъ бѣлой и худой руки.—У него все это очень вкусно выходитъ. Но вы не отчаявайтесь,—заговорила она своими высокими полудѣтскими нотами,—я дойду до градуса. Теперь мнѣ больше говоритъ Леонардо да-Винчи...

— Позвольте, — остановилъ ее Анемоновъ, наклонивъ впередъ качающееся кресло. — Вопросъ въ томъ, какъ его понимать? Избави васъ Богъ видѣть въ этомъ великомъ мастерѣ Возрожденія—реалиста, съ научнымъ взглядомъ на вещи, во вкусѣ нашихъ утилитарныхъ позитивистовъ!.. Леонардо неизмѣримо глубокъ. Это—цѣлое море самыхъ высокихъ порываній къ идеалу, къ преображенному символизму!..

Анемоновъ прикрылъ глаза и повелъ обѣими руками, какъ бы желая поплыть въ воздухѣ.

— Мнѣ онъ просто понятнѣе. И я не хочу разбирать, былъ ли онъ скептикъ или мистикъ? Но мы объ этомъ еще поговоримъ... Такъ чѣмъ же вы теперь спеціально заняты?

— Одной небольшой античной вещью, которая завела меня въ цѣлый лабиринтъ интереснѣйшихъ соображеній и даже откровеній... des révélations,—перевелъ онъ русское слово.

Студенцова широко раскрыла темные искристые глаза и вопросительно поглядѣла на своего гостя.

— Это—*Сатириконъ* Петронія,—выговорилъ онъ тихо, смакуя оба слова.

— Чтò такое?

— Сатѝриконъ.

— Не знаю... Простите мнѣ мое невѣжество.

— Вы только забыли, мой другъ. Это—прелестная вещь Петронія, самаго тонкаго наблюдателя нравовъ, убѣжденнаго эстета и приближеннаго человѣка къ императору Нерону...

— Значитъ, не для меня?

— Есть и переводы. Но надо читать въ подлинникѣ.

— Прикажете учиться?

— Вамъ это легко далось бы. Вы знаете уже два романскихъ языка.

— Я бы не прочь, но меня удерживаетъ всегда то, какъ разныя дѣвы зубрили грамматическія исключенія, какъ бишь это: panis, piscis, crinis, ignis?!.. Для поступленія на медицинскіе курсы...

— Я вамъ добуду хорошій переводъ...—продолжалъ Анемоновъ.—Мнѣ изученіе этой вещи открыло совсѣмъ другія перспективы на самого Нерона. Это—оклеветанная личность! Онъ могъ быть до безумія тщеславенъ, въ немъ сидѣло много... какъ вы говорите... *каботинства*. Oui, il y avait en lui du cabotin! Но за то какое обожаніе искусства, чтὸ за возвеличеніе идеи красоты, какъ высшей цѣли существованія! Ничего подобнаго еще не создавало эстетическое развитіе, ни въ древнемъ мірѣ, ни въ наши дни, ни во времена Ренессанса! Вы припомните, какія женщины любили Нерона? Одна—погибла отъ него же; другая и похоронила его, и воздвигла ему памятникъ, клала его въ могилу, вмѣстѣ съ двумя его кормилицами. Это была его возлюбленная, sa maîtresse en titre... бывшая невольница Актэ... трепетная, прозрачная, какъ женщины истыхъ флорентинцевъ, склонная къ вѣрованіямъ, шедшимъ съ Востока, можетъ-быть тайная христіанка. А его законная жена, императрица Поппея? Цѣломудренно-страстная, съ обаяніемъ духовной красоты и соблазнительной строгости. Это и бѣсило Нерона, и влекло его. Онъ одинъ умѣлъ цѣнить такой нарождающійся типъ женственности, который потомъ прерафаэлиты обезсмертили въ своихъ мадоннахъ!

Она слушала его, повернувъ къ нему голову.

Щеки ея разгорѣлись, глаза блестѣли.

— Если вы и отъ себя много добавили, Анемоновъ, то все-таки вышло очень красиво.

— Вы найдете такой же почти взглядъ на этихъ двухъ римлянокъ у Ренана. Загляните въ его книгу „L'Antéchrist“.

— Загляну. Merci. Съ вами всегда чему-нибудь хорошему научишься.

И, помолчавъ, она свѣсилась немного изъ гамака и стала говорить медленнѣе.

— Вы избрали себѣ завидную долю, Анемоновъ. Филистеры назовутъ вашу жизнь дилеттантствомъ. Но вы презираете всякое профессіональное ярмо. И я также. Во мнѣ съ дѣтства клокоталъ протестъ противъ такъ-называемаго „дѣла“. Даже самый звукъ этого слова — нестерпимъ для моего слуха. Повторяю — еслибъ у меня оказался и талантъ Дузе, я не пошла бы въ актрисы — изъ-за одного этого! Только недавно я стала понимать

вашу формулу: „Міръ есть созерцаніе. Онъ созданъ поэтомъ для того, кто умѣетъ понимать".

— Браво! Но это не совсѣмъ мое опредѣленіе. Я только усвоилъ его.

— Все равно. Въ теченіе года вы объѣзжаете всѣ ваши владѣнія: въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Ниццѣ, въ Неаполѣ, въ Аѳинахъ... и въ Москвѣ, и въ Крыму, и на Кавказѣ, и въ тамбовскомъ захолустьѣ. И отовсюду вы умѣете брать медъ.

— Какъ трудолюбивая пчела?—добавилъ Анемоновъ.

— Какъ жрецъ красоты, если ужъ говорить классическимъ стилемъ... Мнѣ до васъ еще далеко! Я еще не довела себя до градуса. Je ne suis pas encore à point — какъ вы сказали полчаса назадъ. Вы правы—во многомъ мнѣ еще не хватаетъ строгой послѣдовательности... И здоровье мѣшаетъ... малокровіе... и разныя другія болѣсти...

— Какъ же вы хотите, другъ мой, обречь себя на цѣлый петербургскій сезонъ? — спросилъ Анемоновъ участливо.

— Парижская зима—тоже не ахти какая! Пока—довольно „заграницы". Надо присмотрѣться немного и къ нашей жизни. Навѣрно—послѣ большого промежутка — я найду не мало новаго... Да вѣдь и вы завернете туда?

— Не раньше зимы.

— Да, Анемоновъ, выше ничего нѣтъ въ мірѣ, какъ все понимать, изъ всего извлекать трепетное настроеніе души — если нельзя самому творить... а творить—не всѣмъ дано.

— Amen,—выговорилъ онъ и наклонилъ голову.

X.

Раздался гулкій звонъ колокола.

— Это первое приглашеніе къ завтраку, — сказала Студенцова. — Анемоновъ, помогите мнѣ!

Она спустила ноги, съ длинными тонкими ступнями, въ лаковыхъ башмакахъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки, и она легко спрыгнула на дернъ.

— Очень къ вамъ идетъ эта прическа,—сказалъ онъ, оглядывая ее.

— Все на мнѣ терпимо? А?

Она повернулась къ нему спиной и оправила юбку и рукава.

Съ нимъ она всегда совѣтовалась, и находила въ немъ что-то чисто-женское. У него была даже страсть укладывать платья и

бѣлье. О какомъ-нибудь туалетѣ, надѣлавшемъ шуму на первомъ представленіи—онъ могъ говорить цѣлый часъ, разбирая отдѣлку въ мельчайшихъ деталяхъ.

— А какъ спортъ?—спросилъ онъ, когда они пошли прямо по дерну къ террасѣ.

— Здѣсь еще не ѣздила на велосипедѣ, но буду; это на меня дѣйствуетъ лучше всего. Верхомъ пока не съ кѣмъ ѣздить.

Она остановила его за бортъ жакета и заговорила тише:

— Предупреждаю, что ѣда у насъ нѣмецкая... и собраніе уродовъ. Но есть одинъ интересный пансіонеръ, Токаревъ.

— Какой? Писатель?

— Да. Вы его никогда не видали?

— Никогда. Да и читалъ не особенно много.

— Не очень его долюбливаете?

— Не скажу. Онъ лучше многихъ... по крайней мѣрѣ нѣтъ дѣтскихъ прописей и жалкихъ словъ, и языкомъ онъ пишетъ хоть сколько-нибудь литературнымъ.

— Мнѣ хочется съ нимъ познакомиться.

— La lubie des noms!—проронилъ онъ, глядя на нее въ полъ-оборота.

— Токаревъ вовсе не такая знаменитость! Но я никогда не присматривалась къ настоящимъ людямъ шестидесятыхъ годовъ...

— C'est si rabâché!

— Какъ историческій документъ. Какъ живой экземпляръ другой формаціи.

— Развѣ такъ...

Они пріостановились. Мимо нихъ прошло на террассу нѣсколько пансіонеровъ — мужчинъ и женщинъ. На крылечкѣ показался и Токаревъ.

— C'esl lui, — сказала шопотомъ Студенцова.

Анемоновъ, не оборачиваясь, поглядѣлъ на него. И Токареву теперь удобно было оглядѣть его лицо и всю голову. Одного взгляда достаточно было, чтобы ему еще разъ вспомнились тѣ бритыя молодыя лица, съ длинными волосами и прямымъ проборомъ, какія онъ видѣлъ на представленіи послѣдней пьесы Ибсена. Этотъ точно прямо выскочилъ изъ той залы. Токаревъ не могъ даже воздержаться отъ усмѣшки.

Прошелъ онъ на террасу, на довольно большое разстояніе отъ того мѣста, гдѣ пріостановились Студенцова съ своимъ пріятелемъ.

— Дайте имъ усѣсться,—сказала она вполголоса. — Мы сядемъ съ самаго края. А я васъ все еще не спрошу: на долго

ли вы къ намъ на штрандъ и гдѣ остановились? У Горна или тамъ, у Брюкмана?

— Я въ городѣ. Въ квартирѣ моего пріятеля Шпандина.

— Кого? Что это за фамилія?

— Не очень изящная — это правда. Mais c'est un garçon superbe! Вы увидите!

Анемоновъ повелъ глазами и потомъ тотчасъ же поднялъ ихъ съ такимъ выраженіемъ, что она спросила:

— Un Antinoüs? Quoi?

— Vous y êtes. Я вамъ о немъ разсказывалъ въ Парижѣ. Помните, когда я васъ звалъ въ Folies Bergères смотрѣть на борцовъ? И онъ борецъ—членъ атлетическаго клуба въ Петербургѣ.

— У нихъ уже есть и такой клубъ?

— Какъ же. Онъ бралъ тамъ рекорды и на велосипедѣ, и на состязаніяхъ бѣга... У него божественный торсъ, — Анемоновъ полузакрылъ глаза: — ростъ средній, но грудь Геркулеса. И тонкость связокъ... des attaches divines!.. Вы увидите... Я вамъ его привезу.

— Что жъ онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ артиллерію. И теперь стоитъ въ лагерѣ подъ самымъ городомъ. Умница, много читалъ, очень способный. Замѣчательный типъ... настоящій греческій *эфебъ* — предназначенный для *палéстры*.

— Покажите!

— Непремѣнно. Онъ хочетъ перевестись въ гвардію, пока унтеръ-офицеромъ, и остаться военнымъ.

— Послѣ университета?

— Et il a mille fois raison! Нынче многіе такъ дѣлаютъ. Взялись за умъ!

— И вы не хотите ли поступить въ кавалерію?

— Мнѣ уже поздно... Я самъ не гожусь въ борцы; но вы знаете—какъ я обожаю прекрасный торсъ. И моя мечта... черезъ годъ попасть туда—на олимпійскія игры. Я убѣжденъ, что мой другъ Шпандинъ побилъ бы тамъ всѣхъ этихъ нынѣшнихъ грекосовъ... ces marchands d'éponges! И васъ я буду подбивать. Вы—horribile dictu! — до сихъ поръ еще не видали ни Акрополя, ни Парѳенона, ни раскопокъ Олимпія!..

— Время еще есть! — весело откликнулась Студенцова и повела его къ террасѣ.

Всѣ уже были въ сборѣ, и горничная обносила первое блюдо—форшмакъ съ селедкой, отъ котораго шелъ острый запахъ.

Садясь, Студенцова и ея пріятель отдали легкій поклонъ всѣмъ пансіонерамъ. Сидѣло человѣкъ до двадцати. Хозяйки, за нездоровьемъ, не было, и длинная молодая Fräulein, учившаяся у нея домоводству, исправляла ея обязанности.

Токаревъ садился въ томъ концѣ стола, гдѣ сѣла пàра. Ему показалось, что они оба переглянулись, по его адресу, и бритый, точно актеръ, молодой мужчина что-то очень тихо сказалъ своей дамѣ — на какомъ языкѣ — этого онъ не могъ разслышать.

Пàра рѣзко выдѣлялась на фонѣ этого общества, на половину русскаго.

Токаревъ уже разговаривалъ со своими ближайшими сосѣдями и визави̂. Противъ него садились неизмѣнно классная дама изъ Петербурга съ племянницей-пепиньеркой; справа помѣщался бородатый старый нѣмецъ, изъ бароновъ; слѣва—учитель; тоже нѣмецъ—въ золотыхъ очкахъ. И все остальное общество уже достаточно ему примелькалось: польская семья съ дѣтьми и гувернанткой; тонкая, какъ жердь, испитого лица дама; отставной подполковникъ въ поперечныхъ погонахъ на грязноватомъ кителѣ; нѣсколько бѣлокурыхъ дѣвицъ и геморроидальный господинъ съ бакенбардами и pince-nez. Онъ бѣгло говорилъ по-нѣмецки, съ рѣзкимъ русскимъ акцентомъ, увѣренно, громко и сердито. Сосѣдъ нѣмецъ сообщилъ Токареву, съ первыхъ же дней, что это—„Herr von Kaduschkin, Staatsanwalt“,—т. е. прокуроръ.

Съ этимъ прокуроромъ онъ еще не имѣлъ случая бесѣдовать. Ему онъ очень мало нравился.

XI.

Послѣ завтрака, половина общества расползлась по саду.

Токаревъ искалъ тѣни. Всего прохладнѣе было сидѣть въ глубинѣ цѣлой купы кустовъ сирени, составлявшей что-то въ родѣ бесѣдки. Онъ пошелъ туда. Скамья была уже занята—Студенцова присѣла на нее съ своимъ пріятелемъ.

Но она замѣтила еще вчера, что Токаревъ сидѣлъ тамъ послѣ завтрака. Когда онъ приблизился къ кустамъ сирени, Студенцова встала. Всталъ и Анемоновъ.

— Мы, кажется, заняли ваше любимое мѣсто?—спросила она, кланяясь ему почтительно.

Токаревъ снялъ шляпу и немного стѣснился.

— Здѣсь много мѣста... Пожалуйста сидите!..

— Позвольте мнѣ представиться вамъ, Нилъ Петровичъ...

Онъ удивленно взглянулъ на нее.

— Вы знаете мое имя?

— Помилуйте!—тихо воскликнула она и вскинула рѣсницами.—Я еще дѣвочкой институткой знала ваше имя и отчество.

Токаревъ промолчалъ, все еще немного стѣсненный.

Тонъ ея находилъ онъ довольно искреннимъ. Даже въ щекахъ ея проступилъ легкій румянецъ. Она въ эту минуту показалась ему довольно интересной. И звукъ ея голоса нравился ему.

— Благодарю васъ.

Больше онъ ничего не нашелъ сказать ей. Когда къ нему обращались вотъ такъ, какъ къ извѣстному писателю, при постороннихъ, онъ до сихъ поръ чувствовалъ себя несвободно.

— А это мой пріятель, Эмилій Алексѣевичъ Анемоновъ... также вашъ усердный читатель.

Анемоновъ еще разъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, опустивъ голову на грудь, и когда Токаревъ протянулъ ему руку, онъ пожалъ ее, какъ руку старшаго.

— Сердечно жалѣю, что долженъ сейчасъ удалиться,—сказалъ онъ и еще разъ поднялъ шляпу.—Но я не въ послѣдній разъ имѣю удовольствіе видѣть васъ... Я—постоянный гость моего друга, Евгеніи Андреевны. Навѣрно, въ слѣдующій мой визитъ найду ее въ большихъ разговорахъ съ вами, Нилъ Петровичъ.

— А вамъ нельзя взять слѣдующій поѣздъ?—остановила его Студенцова.

— Не могу... Обѣщалъ быть ровно въ три... въ лагерѣ... у того...

— У эфеба? Ха, ха!

— Да, у эфеба.

— Ну, Богъ съ вами.

И, обернувшись къ Токареву, она пригласила его рукой.

— Пожалуйста, Нилъ Петровичъ. Займите ваше мѣсто. Я только провожу пріятеля... Вы позволите вернуться сюда?

Оба они удалились скорыми шагами, и Токаревъ, садясь на скамейку, слышалъ голосъ Студенцовой у калитки:

— Такъ вы добудете... этотъ... какъ, бишь, его?

— *Сатириконъ*! — произнесъ раздѣльно Анемоновъ. — Au revoir!

И звонко онъ поцѣловалъ ея руку.

„Сатириконъ"?—вопросительно произнесъ про себя Токаревъ

и тихо усмѣхнулся. И когда Студенцова вернулась къ нему и присѣла на край скамейки, онъ сказалъ:

— Вы позволите мнѣ одинъ нескромный вопросъ?

— Пожалуйста, Нилъ Петровичъ, все, что вамъ угодно.

— Мнѣ послышалось слово: „Сатириконъ"... Я не ошибаюсь?

— Нѣтъ. Это меня мой пріятель Анемоновъ хочетъ просвѣщать.

— Вы не читали этой вещи?

— Даже не слыхала о ней. Я уже покаялась въ моемъ невѣжествѣ.

— Нѣтъ большого стыда и не быть знакомой съ такимъ произведеніемъ, — выговорилъ Токаревъ и опустилъ голову.— Впрочемъ, если вы серьезно интересуетесь такой литературой... упадка...

— Упадка? Зачѣмъ это слово, Нилъ Петровичъ? Такія дѣленія...

— Отзываются учебникомъ, не правда ли?

— Немножко.

Она глядѣла на него своими искристыми, темнокарими глазами, чувствуя, что начинаетъ его интересовать. Тонъ ея оставался все такимъ же почтительнымъ и мягкимъ, съ оттѣнкомъ ласки.

— Но какимъ же словомъ замѣнить этотъ терминъ?—спросилъ Токаревъ, поднявъ голову.

— Не нужно никакихъ клѣточекъ и разрядовъ! Вотъ и теперь всѣ принялись повторять, какъ попугаи:—декаденты, декадентство. А вѣдь это только вѣхи... одного большого движенія.

— Пожалуй, — обронилъ онъ и подумалъ:—„ты, кажется, очень умненькая".

— Все перемелется—мука будетъ,—весело выговорила Студенцова и выпрямила, красивымъ движеніемъ, свою гибкую талію, послѣ чего поправила одну изъ широкихъ прядей, покрывавшихъ ей уши.—Вѣдь согласитесь, Нилъ Петровичъ,—продолжала она, присаживаясь къ нему ближе:—теперь прежнія клички: романтизмъ, псевдоклассицизмъ—вѣдь онѣ ничего хорошенько не объясняютъ?

Онъ былъ пріятно удивленъ этимъ замѣчаніемъ. И онъ давно находилъ, что пора ихъ бросить или замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ.

— Вы беллетристъ,—развивала Студенцова свою мысль, видя, что онъ слушаетъ съ сочувствіемъ.—Вы сами должны были много думать о разныхъ всемірно-извѣстныхъ романистахъ. Да вотъ хоть взять бы Жоржъ-Зандъ...

Она остановилась и довольно громко разсмѣялась.

— Только вы, пожалуйста, не подумайте, Нилъ Петровичъ, что передъ вами запоздалая жоржзандистка... О, нѣтъ! Я вообще не занимаюсь вопросомъ о положеніи женщины, считая это тошной рисовкой и безплоднымъ нищенствомъ. Я беру Жоржъ-Зандъ—писательницу извѣстной эпохи. Вѣдь всѣ считаютъ ее романтикомъ, идеалистомъ, не правда ли? А въ ней не переставалъ сидѣть и реалистъ, хоть и въ дамскомъ вкусѣ, съ наклонностью къ облагороженной натурѣ. Отъ нея пошли наши „Антоны Горемыки", вся наша мужицкая идиллія? Вѣдь, да?

— По времени—да,—согласился Токаревъ.

— Нѣтъ! Не надо кличекъ и клѣточекъ.

Онъ взглянулъ на нее искоса, не сразу рѣшаясь предложить ей вопросъ.

— Позвольте мнѣ узнать... Евгенія...

— Андреевна,—подсказала она.

— Вы не были въ Парижѣ вотъ этой весной?..

— Нѣтъ, я была въ Москвѣ.

— Я не могъ васъ встрѣтить на одномъ представленіи... Давали новую пьесу Ибсена...

Она сейчасъ же поняла и покачала головой почти дурачливо.

— И вы меня приняли за одну изъ тѣхъ парижскихъ... декадентокъ? Глупое слово, а приходится противъ воли употреблять его. Это откровенно! Васъ ввела въ заблужденіе моя прическа? Что-жъ! Мы, русскіе, любимъ обезьянить. Но не все ли равно, какъ носить прическу? Такъ или этакъ?

Онъ согласился движеніемъ головы.

XII.

Токаревъ продолжалъ съ интересомъ слушать ее. Пускай она говоритъ съ нимъ свободно. Не надо ее сбивать и запугивать. Да онъ и неспособенъ былъ ни на какое „генеральство", и не позволялъ себѣ, особенно въ бесѣдѣ съ молодежью, „изрекать" мнѣнія авторитетнымъ тономъ.

Эта молодая особа была, во всякомъ случаѣ, „нѣкто". Она, кажется, даже и не рисуется, а сама чего-то ищетъ. Конечно, по ней прошлась заграничная жизнь, Парижъ и Лондонъ, съ ихъ новыми идеями и смѣлостями вкуса. Иначе и не можетъ быть. Но она умна, голова работаетъ, рѣчь искрится, нѣтъ ничего рѣзкаго, неизящнаго, безтактнаго или фразистаго, не чувствуется

и никакой, чисто женской, горечи или претензіи: изображать изъ себя непонятую жертву, считаться съ мужчиной изъ-за дурно-помѣщенной привязанности.

Если она и тронута была любовью, то не такъ, чтобы носить въ сердцѣ вѣчную рану... Можетъ быть, она сама себя любитъ превыше всего, но ея себялюбіе не сквозитъ въ банальныхъ, надоѣвшихъ формахъ женскаго тщеславія.

— Простите, Нилъ Петровичъ,—начала Студенцова, когда разговоръ перешелъ къ нему лично, до чего онъ, вообще, былъ не охотникъ:—простите... я боюсь задать вамъ самый несносный вопросъ для писателя...

— Понимаю,—досказалъ Токаревъ.—Насчетъ моихъ писаній?

— Давно что-то ничего не появлялось. Неужели и вы сказали „довольно"?

Она подчеркнула послѣднее слово.

— Трудно давать такіе зароки... Но въ мои лѣта нельзя уже не дѣлать большихъ паузъ. Я считаю свое дѣло поконченнымъ, по крайней мѣрѣ мою работу художника.

— Почему же? — вскричала она и даже всплеснула руками. — Чтò вы, Нилъ Петровичъ! Съ какой стати записывать себя въ старики? Посмотрите, во Франціи, въ Англіи... люди таланта—вѣчные работники. И въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ наукахъ. Да вотъ теперь англійскій романистъ, котораго у насъ еще мало знаютъ...

— Кто это?—заинтересованно спросилъ Токаревъ.

— Джорджъ Мéредитъ!.. Его считаютъ многіе начинающимъ; а ему за шестьдесятъ лѣтъ... И только теперь стали его цѣнить и понимать, даже и въ Англіи...

— Видите чтò,—остановилъ онъ ее:—перебирать старое не хочется; а новое—люди, идеи, вкусы, настроенія—я не скажу, чтобы ничто это меня не привлекало; но оно слишкомъ на носу... Ничто еще не осѣлось въ видѣ кристалловъ. Нѣтъ перспективы.

— Это очень вѣрно—то, чтò вы сейчасъ замѣтили, Нилъ Петровичъ. Но вы, мнѣ кажется, одинъ изъ немногихъ людей вашего поколѣнія, способный отозваться на то, чтò теперь носится въ воздухѣ...

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Токаревъ.

— Я хочу сказать-то, чѣмъ теперь начинаетъ жить молодёжь, и тамъ,—она провела рукой,—и у насъ... понемножку...

Она не хотѣла употребить никакого термина или клички— онъ это понялъ.

— Я ихъ мало знаю, — отвѣтилъ, подумавъ, Токаревъ. — У насъ, во всякомъ случаѣ, это новое направленіе еще не имѣетъ самобытной почвы.

— Почему же?—горячо воскликнула Студенцова, и щеки ея стали розовѣть.

— Опять борьба „дѣтей съ отцами",—замѣтилъ онъ вполголоса.

— Да! Это вѣрно. Но тутъ не одна блажь! Хотя есть, разумѣется, не мало и смѣшного.

— Вы признаете?

— Еще бы! Мой пріятель Анемоновъ молится на бельгійца Метерлинка и находитъ, что всякое его четверостишіе— перлъ! А я этого не нахожу. Точно также и насчетъ другихъ корифеевъ... Но не въ однихъ стихахъ дѣло... Не въ однихъ риѳмахъ, въ перестановкѣ словъ, въ разныхъ кунштюкахъ... а въ томъ, что...—она искала слова—умъ, душа, внутреннее чувство, все это вмѣстѣ требуетъ других образовъ! Голая правда, трезвый тонъ и вѣрность дѣйствительности—эти пѣсенки уже пропѣты!

— Можетъ быть,—съ легкимъ вздохомъ промолвилъ Токаревъ.—Но если оно такъ, стало, куда же намъ, старикамъ, интересовать молодую публику, съ нашимъ credo?... Мы вѣдь, кромѣ правды и ея воспроизведенія, никакого высшаго завѣта не имѣли и не имѣемъ.

— Вы никогда не были ни прописнымъ моралистомъ, ни мелкимъ фотографомъ, Нилъ Петровичъ.

— Благодарю васъ, Евгенія Андреевна. Но, повторяю, въ мои лѣта трудно мѣнять вѣру. И рискованно гоняться за той пѣною, которая всплываетъ надъ бурливыми водами... Простите мнѣ эту старомодную метафору,—прибавилъ онъ и разсмѣялся.

— Развѣ вы въ Петербургѣ не видали уже признаковъ того же, что происходитъ и за границей?—спросила Студенцова.—Я собираюсь провести тамъ весь сезонъ.

— И я также. Но въ послѣднія зимы я туда наѣзжалъ изрѣдка и не надолго.

— Я надѣюсь,—сказала она, приподнимаясь:—что мы будемъ встрѣчаться и тамъ, Нилъ Петровичъ?

Она протянула ему руку. Токаревъ пожалъ.

— Если позволите... буду особенно радъ.

— Будто?—игривѣе спросила она.—Неужели вы не заподозрили никакого дамскаго подхода?

— Въ чемъ же?

— Да въ моемъ обращеніи къ вамъ? Сколько, я думаю, разъ, въ вашей жизни, являлись къ вамъ дамы и дѣвицы, или заговаривали съ вами въ обществѣ... какъ будто съ самымъ искреннимъ желаніемъ одной бесѣды съ любимымъ авторомъ... А потомъ оказывалось—есть разсказецъ, или комедія, или стишки?!.. Ха, ха!

— Бывало, но не часто.

— Клянусь вамъ, Нилъ Петровичъ, что у меня нѣтъ никакого свертка для поднесенія къ просмотру, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ.

— Будто бы вы никогда не пробовали своихъ силъ? Это было бы странно.

— Странно?—переспросила Студенцова.

— Вы такъ хорошо владѣете устной рѣчью и такъ живете идеями.

— И я грѣшила. По-русски ничего не печатала и ничего не готовила къ печати. Въ Парижѣ упражнялась въ писаніи французскихъ сонетовъ. И одинъ даже появился въ самомъ, что ни на есть, разрывномъ журнальцѣ... И очень меня расхвалили... Но это слиняло... Въ писательницы я не мѣчу. И вообще ни въ какія профессіональныя женщины!

Она даже махнула рукой.

Оба, между тѣмъ, двигались потихоньку. Токаревъ и не замѣтилъ, какъ прошло больше часа.

XIII.

— „Я, я! херръ Токаревъ! Вонтъ-эръ хиръ“?

Этотъ вопросъ своимъ очевиднымъ русскимъ акцентомъ заставилъ ихъ обоихъ улыбнуться. Они были уже на площадкѣ, недалеко отъ террасы.

Горничная стояла на дорожкѣ и старалась понять, о чемъ ее спрашиваютъ.

Токаревъ увидалъ Разсудина и тотчасъ окликнулъ его.

Тотъ конфузливо снялъ свою войлочную шляпу и, сказавъ горничной:—*Ихъ данке*—скорымъ шагомъ двинулся къ нимъ.

— Спасибо, спасибо!..—ласково встрѣтилъ его Токаревъ, протягивая ему обѣ руки.

Разсудинъ неловко поклонился и Студенцовой. Ему не совсѣмъ пріятно было попасть сразу на такую франтоватую особу. Онъ былъ близорукъ, но въ общемъ разглядѣлъ ее и подумалъ, что она, вѣроятно, иностранка.

Студенцова также быстро оглядѣла его и какъ будто узнала. Еще третьяго дня ей кто-то показалъ на штрандѣ этого русскаго и прибавилъ:

— „Кажется, онъ изъ пишущей братіи".

— Мой собратъ, Разсудинъ, Павелъ Өедоровичъ,—назвалъ Токаревъ, указавъ на него рукой.—Евгенія Андреевна Студенцова.

Она подала ему руку первая и пожала по-мужски.

И тотчасъ, что-то вспомнивъ, она сказала ему:

— Не правда ли... вы печатали еще недавно, въ прошломъ году кажется, очерки изъ сибирской жизни, подъ псевдонимомъ... какъ бишь?

— Да, это я,—отвѣтилъ Разсудинъ, не мѣняя своего озабоченнаго лица; сегодня онъ былъ особенно блѣденъ, и брови его безпрестанно поднимались къ внутреннимъ краямъ.

— Вы читали, Нилъ Петровичъ?—спросила Студенцова.— Это называлось—„Впотьмахъ".

— Читалъ, читалъ,—вспомнилъ и Токаревъ.—Такъ это были ваши очерки?

— Мои,—выговорилъ Разсудинъ, все той же невеселой нотой.

— Да вѣдь у васъ настоящій талантъ художника. Въ публицистѣ это большая рѣдкость!—сказалъ, одушевляясь, Токаревъ.

— И какъ еще! Тамъ есть прелестныя вещи. Какія описанія сѣверной мглы, неба, оленей, собакъ, ощущеній и чувствъ мыслящаго человѣка... заживо похороненнаго!.. Прелесть!

Глаза Студенцовой заискрились. Она ласково ими повела по всей фигурѣ Разсудина.

Она не льстила ему. Его очерки дѣйствительно нравились ей, и когда она узнала, что ихъ авторъ—тотъ самый Разсудинъ, который писалъ въ журналахъ разныя, для нея, скучнѣйшія статьи, она удивилась.

— Я благодаренъ Евгеніи Андреевнѣ,—заговорилъ Токаревъ:—за то, что она меня просвѣтила. А вы сами, коллега, мнѣ, по излишней скромности, не объявили бы?..

— У меня и случая не было, Нилъ Петровичъ,—произнесъ Разсудинъ уже повеселѣе.

— Вы прожили тамъ... нѣсколько лѣтъ?—спросила Студенцова вполголоса.

— Кажется, цѣлыхъ пять?—подсказалъ Токаревъ.

— И неужели,—продолжала все такъ же возбужденно Студенцова:—вы не будете продолжать?

— Пока довольно,—сказалъ Разсудинъ.

— И теперь, Павелъ Ѳедоровичъ, у насъ на штрандѣ... и нашъ ближайшій сосѣдъ... На той же улицѣ,—пояснилъ Токаревъ.

Они всѣ трое стояли на солнцѣ.

— Однако... я васъ задерживаю... на самомъ припекѣ. До свиданія, Нилъ Петровичъ... И съ вами я надѣюсь видѣться не въ послѣдній разъ, Павелъ Ѳедоровичъ,—назвала она его по имени и отчеству, и съ общимъ поклономъ пошла къ дому.

Токаревъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и тихо спросилъ:

— Не правда ли... интересная особа?

— Кажется,—отозвался Разсудинъ. — Только внѣшность у нея какая-то особенная.

— Въ декадентскомъ вкусѣ, хотите вы сказать?

Они уже вошли въ аллею.

— А кто она?—спросилъ Разсудинъ.

— Госпожа Студенцова, изъ Москвы. Если не ошибаюсь— не замужняя.

Токаревъ привелъ его опять на свою любимую скамью, въ тѣнь.

— Павелъ Ѳедоровичъ, милый мой,—онъ взялъ Разсудина за руку:—вѣдь эта чуткая дѣвица тысячу разъ права! У васъ настоящее художническое дарованіе. И я особенно счастливъ, говоря это; я и не предполагалъ, что авторъ этихъ прекрасныхъ очерковъ—вы... Павелъ Разсудинъ, ломавшій копья со мной, грѣшнымъ.

— Я, я,—говорилъ, тихо усмѣхаясь, Разсудинъ и крутилъ концы своей бородки.

— И неужели, повторю и я, вы не отдадитесь опять работѣ художника? Вотъ кого вамъ надо наблюдать—вотъ такихъ молодыхъ женщинъ, какъ эта госпожа — и все ея поколѣніе. Вы ихъ старшій братъ, а они такъ непохожи на васъ. Я вотъ сейчасъ говорилъ ей: „мы слишкомъ стары"... Да, мы уже отцы; да намъ и недостаетъ того горькаго опыта, черезъ который прошли вы, Павелъ Ѳедоровичъ.

— Благодарю,—остановилъ его Разсудинъ, сидя сгорбившись на краю скамьи, въ своемъ парусинномъ балахонѣ. — Вы мнѣ льстить не станете. Но я вотъ какъ вамъ скажу, Нилъ Петровичъ: въ тѣ очерки я все положилъ, что у меня было на душѣ. Такого матеріала уже не будетъ.

— Да и не надо его!—махнувъ рукой, прибавилъ Токаревъ.

— Настоящаго заправскаго беллетриста я въ себѣ не чувствую! А повторяться не желаю,—и дѣлать себѣ доходную статью изъ довольно-таки истрепанной тэмы острожнаго и ссыльнаго быта.

— И опять надѣнете на себя вериги петербургской публицистики?—спросилъ Токаревъ нотой искренняго протеста.

— По доброй волѣ не замолчу, Нилъ Петровичъ,—отвѣтилъ Разсудинъ.—Знаю, что это рискованный путь. И еслибъ сестра моя, Надежда Ѳедоровна, слышала ваши слова—она бы бросилась обнимать васъ. Я не отказываюсь пускать въ ходъ и легкую форму очерка. Но чистымъ искусствомъ мнѣ уже поздно заниматься.

— Кто говоритъ—чистое искусство! И зачѣмъ употреблять этотъ никуда негодный терминъ!—горячо вскричалъ Токаревъ.—Пишите со всѣмъ пыломъ своихъ идей и вѣрованій, кровью и слезами пишите, но не бросайте ббразовъ, красокъ, юмора, страсти. Не мѣняйте ихъ на то, чтò каждый грамотный газетчикъ дѣлаетъ каждый день, кто—похуже, кто—получше. И повѣрьте, сто полемическихъ статей не стоютъ, для защиты идей вашихъ, одного очерка, въ которомъ трепещетъ живая жизнь!

Разсудинъ глядѣлъ на своего старшаго собрата съ чуть замѣтной улыбкой на нервныхъ губахъ. Онъ не ожидалъ отъ него такой теплой, почти юношеской отповѣди.

— Не знаю, какъ придется,—промолвилъ онъ вдумчиво.—Ваши слова я попомню, Нилъ Петровичъ!

XIV.

Разсудинъ, задумавшись, низко опустилъ голову и шелъ по доскамъ переулка, съ крутымъ подъемомъ къ морю.

Ему хотѣлось поскорѣе попасть на свѣжій вѣтерокъ: становилось душно; а на большой улицѣ онъ надышался песчаной пыли отъ извозчиковъ.

Въ своей разсѣянности онъ забылъ, что до дамскаго часа купаній оставалось всего пять минутъ. Онъ купался утромъ; ему хотѣлось только посидѣть гдѣ-нибудь на вышкѣ, въ тѣни одной изъ будочекъ.

Онъ ушелъ отъ Токарева въ давно неиспытанномъ настроеніи—и пріятномъ, и немножко тревожномъ. Ни лести, ни банальныхъ похвалъ онъ не выносилъ. Но сегодня, отъ двухъ своихъ читателей, онъ выслушалъ такую почти восторженную оцѣнку. Онъ знаетъ, что его очерки не плохи. Только самъ-то онъ не собирается идти въ „заправскіе“ беллетристы. Какъ бы тамъ ни было, въ Токаревѣ онъ „чуетъ“ теперь совсѣмъ не такого „эстетика-барина“, какимъ считалъ его десять лѣтъ назадъ. Видно,

что Токаревъ о многомъ передумалъ и способенъ по другому взглянуть на всѣхъ такихъ, какъ онъ—Разсудинъ, и тѣ, что шли съ нимъ въ однихъ рядахъ.

И похвала Студенцовой не испарялась изъ его головы. Даже нѣкоторыя ея слова и цѣлыя фразы приходили ему на память. И весь ея обликъ мелькалъ передъ нимъ. Ея прическа, игра глазами, переливы голоса казались ему немного „дѣланными". Вѣроятно, такія бываютъ декадентки? Однако, она умна, и хорошо выражается, и есть огонекъ. Лицо красивое, и фигура, и движенія руки.

Вотъ уже лѣтъ пять, какъ онъ почти совсѣмъ не знаетъ женскаго общества. По возвращеніи въ Петербургъ онъ кое съ кѣмъ видался. Прежнія его „товарки" больше все разбрелись, которыя по своей охотѣ, которыя не по своей.

Вспомнились ему и слова сестры, за ужиномъ, послѣ встрѣчи съ Токаревымъ, что ему нужно общество интересныхъ мужчинъ и женщинъ.

Вотъ она—„интересная женщина".

„Женщина или еще дѣвица"?—спросилъ онъ. Токаревъ, кажется, говорилъ, что она—„дѣвушка". Ей за двадцать, можетъ быть двадцать-пять. Она, во всякомъ случаѣ, „ѣзжалая", употребилъ онъ, про себя, выраженіе сатирика и тотчасъ же какъ бы устыдился.

Во всякомъ случаѣ, сильно отзывается заграничными фасонами. И ему около нея будетъ всегда не совсѣмъ ловко, съ его манерой одѣваться и вообще всѣмъ обликомъ.

Разсудина обогнали двѣ дѣвочки-подростка. Онѣ шли, громко разговаривая. Онъ долженъ былъ посторониться на узкомъ досчатомъ троттуарѣ.

Одна изъ нихъ — коренастая, въ косахъ и мордовской рубашкѣ—остановилась.

— Теперь вамъ туда нельзя!—задорно крикнула она.

— Нельзя?—повторилъ онъ.

— Какъ же?! Часъ уже пробилъ. Поглядите—на своихъ.

— Извините, я забылъ часы, — сказалъ сконфуженно Разсудинъ.

— Да ужъ я вамъ говорю, что такъ!—настаивала дѣвочка.

— Согласенъ, согласенъ.

Обѣ разсмѣялись и побѣжали вверхъ, съ полотенцами въ рукахъ.

Домой ему не хотѣлось. Въ эти часы у нихъ на террасѣ печетъ солнце. Сестра его уже нѣсколько разъ предлагала ему

купить каленкору и сдѣлать шторы, да онъ отговаривался. Ему непріятны расходы для него; до обѣда на террасѣ сидитъ только онъ, а сестра всегда въ общей комнатѣ, гдѣ прохладно.

Зарядъ впечатлѣній, полученный у Токарева, требовалъ прогулки.

Разсудинъ пошелъ по тѣневой сторонѣ главной улицы.

„Заверну къ Дроздову", — рѣшилъ онъ и прибавилъ шагу. Вотъ этотъ „простецъ" — настоящая его компанія, учителекъ, душевный человѣкъ, на все еще молится, что̀ они десять лѣтъ назадъ писали въ журналахъ, даже и на плохенькихъ изъ его „соратниковъ". Самъ проходилъ классическую муштру цѣлыхъ восемь лѣтъ, а громитъ классицизмъ, называетъ время своего ученія „вавилонскимъ плѣненіемъ".

Какъ-то, на-дняхъ, на купаньѣ, лежали они оба на тепломъ пескѣ, и Дроздовъ говорилъ ему:

— Повѣрите ли, Павелъ Ѳедоровичъ — съ тѣхъ поръ, какъ сдалъ кандидатскій экзаменъ и учу юношей исторіи—ни въ одну греческую книжку не заглянулъ. Ей Богу—право! И что же?! Какъ только тяжело мнѣ спится—сейчасъ вижу цѣлые свитки... вотъ такіе, что на лубочныхъ картинахъ черти грѣшникамъ предъявляютъ на страшномъ судѣ—и на нихъ всѣ неправильные глаголы, и сильные аористы, и родительный самостоятельный, и эллипсы, и краза, и энклитики, и проклитики. А разбудите вы меня, огорошьте сразу вопросомъ:—какъ отъ такого-то глагола будетъ второй перфектъ?—такъ и выпалю, точно изъ ружья.

Но почему-то сегодня отъ бесѣды съ Дроздовымъ Разсудинъ не ожидалъ себѣ никакого интереса. Вѣроятно, послѣ встрѣчи съ той франтоватой особой.

Очень ужъ этотъ милѣйшій Максимъ Ильичъ—„непосредственъ". Разсудинъ впередъ зналъ—какъ онъ его встрѣтитъ, какія словечки будетъ употреблять, какъ станетъ пожиматься, точно у него зудитъ въ спинѣ.

Черезъ два переулка Разсудинъ перешелъ на солнечный тротуаръ и вошелъ въ калитку совсѣмъ новенькой дачи, построенной въ русскомъ вкусѣ, съ пѣтушкомъ на шпицѣ крыши и съ рѣзными украшеніями балкончиковъ и двухъ террасъ.

Это былъ пансіонъ, гдѣ жили почти исключительно пріѣзжіе изъ русскихъ губерній.

На лужайкѣ играли дѣти въ крокетъ и сильно кричали. Въ знойномъ воздухѣ такъ и дрожали ихъ безпрестанные возгласы:

— Сережа! Аня!.. Тебѣ играть! Какъ ты смѣешь?! Вотъ я тебя!

Онъ уже былъ тутъ и зналъ, что Дроздовъ живетъ въ башенкѣ, на самомъ верху. Терраса стояла пустая.

— Павелъ Ѳедоровичъ!—крикнулъ Дроздовъ сверху изъ окна. —Я мигомъ сбѣгу!.. Присядьте.

И через нѣсколько секундъ Дроздовъ уже стоялъ передъ нимъ—такой же худой въ лицѣ, какъ онъ, темнорусый, съ безпорядочно ростущей бородой, пальто въ накидку—на парусинной блузѣ, подпоясанной ремнемъ. Онъ былъ—лѣтъ больше чѣмъ на десять—моложе Разсудина и выше ростомъ. По наружности и одеждѣ его всякій бы принялъ за чистенько одѣтаго мастерового—слесаря или наборщика.

XV.

Отъ Дроздова Разсудинъ уже слышалъ, что тотъ ждетъ въ ихъ пансіонѣ молодого ученаго Шемадурова — своего пріятеля.

— Привалилъ вчера мой Иванъ Сергѣичъ!.. И куда-то удралъ... Никакъ въ городъ. Какую-то ему нѣмецкую книгу приспичило выписывать.

Они сѣли на круглую скамейку, подъ двѣ сосенки. Дроздовъ сейчасъ же закурилъ крѣпкую папиросу.

— А вы развѣ не курите?—спросилъ онъ Разсудина.

— Только съ этой весны пересталъ. Гортань раздражена.

— Не вѣрьте вы, батюшка Павелъ Ѳедоровичъ, всѣмъ этимъ розсказнямъ. Какъ же это нашему брату—при мозговой работѣ да не курить!?.. Лишать себя самаго перваго наслажденія въ мірѣ... Еслибъ меня засадить въ кутузку, да отнять папиросы—это для меня было бы тяжелѣ всякой пытки... Лучше уже въ банѣ селедкой кормить!..

И, перебивая себя, учитель спросилъ, наклонившись къ уху своего гостя, и потише голосомъ:

— А вы на Шемадурова какъ смотрите, Павелъ Ѳедоровичъ? А!.. Читали его послѣднюю брошюру?

Онъ назвалъ ея заглавіе.

— Башка! Какъ по вашему?

Разсудинъ не сразу отвѣтилъ.

Этотъ Шемадуровъ его интересовалъ. Въ Петербургѣ его съ нимъ познакомили на одной вечеринкѣ молодыхъ людей, больше все магистрантовъ. Но и тогда уже онъ предвидѣлъ, что имъ придется не нынче—завтра посчитаться. Студенты и курсистки восхищаются имъ и называютъ „восходящей звѣздой". Его идеи—

въ полномъ ходу. Ихъ выдаютъ за что-то совсѣмъ новое, хотя книги, откуда этотъ Шемадуровъ и думающіе съ нимъ за-одно черпаютъ свои доводы — и онъ, и его сверстники читали пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и что̀ было въ нихъ хорошаго — восприняли. А теперь это — уже секта съ абсолютными канонами своей вѣры. И на многое, что̀ людямъ его поколѣнія особенно дорого—тѣ смотрятъ сверху внизъ, а то такъ и совсѣмъ отрицаютъ и даже издѣваются.

— Такъ что̀ же скажете, Павелъ Ѳедоровичъ? Развѣ не башка, по вашему, мой благопріятель, Иванъ Сергѣичъ Шемадуровъ?

И Дроздовъ пустилъ носомъ густую струю дыма.

— Уменъ и съ перомъ,—отвѣтилъ наконецъ Разсудинъ.—И очень убѣжденъ.

— Да ужъ насчетъ этого—кряжъ! хотя и не любитъ впадать въ лирическія тирады... А все фактами, логикой. Діалектикъ перваго сорта, даромъ, что юнъ еще. Вѣдь ему всего двадцать-три года. Давно ли я его въ фуражкѣ съ голубымъ околышемъ встрѣчалъ? Да и видомъ еще мальчуганъ. Даже и волосики на бородѣ еле пробиваются. Да и плохо ростутъ! Ха, ха! Пословица-то не даромъ говоритъ насчетъ волоса. Только у него плохая растительность на лицѣ, а не на головѣ.

Влюбленность Дроздова такъ и сквозила и въ глазахъ, и въ жестахъ, и въ звукахъ голоса.

Разсудинъ слушалъ, пощипывая бородку. Ему не хотѣлось высказываться сразу передъ этимъ добрякомъ, а главное—говорить что-либо заглазно о Шемадуровѣ.

Больше всего боялся онъ, чтобы его не заподозрили въ непониманіи тѣхъ, кто пришелъ послѣ его поколѣнія. Ему было бы слишкомъ обидно послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ тамъ, на краю свѣта, въ вѣчной тьмѣ и вѣчныхъ снѣгахъ, прослыть „старичкомъ“, застывшимъ въ своихъ „прописяхъ“.

— Вы, кажется, еще не занялись имъ, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ѳедоровичъ? — спросилъ Дроздовъ и скинулъ съ праваго плеча люстриновое пальтецо.—Ась? А впрочемъ, не хочу къ вамъ приставать. Меня и то многіе изъ моихъ пріятелей — *сконапель* — жу́чатъ за то, что я всѣмъ о немъ уши прожужжалъ и преждевременно оскомину набилъ.

Онъ захохоталъ, и такъ искренно и громко, что и Разсудинъ не могъ не разсмѣяться.

— Душа у васъ какая прозрачная, Дроздовъ!—проронилъ онъ и прикоснулся рукой къ его плечу.

— Прозрачная! Нѣтъ, этого эпитета не желаю, Павелъ Ѳедо-

ровичъ. Это только разные юродивые стихотворцы изъ межеумниковъ помѣшаны теперь на словѣ „прозрачный“. Коли у него предметъ любви, такъ должна быть она такъ прозрачна, чтобы съ одной сальной свѣчой можно было ее насквозь разглядѣть.

— И какъ это вы въ учительской каторгѣ сохранили такую ясность души?

— Это оттого, должно быть, Павелъ Өедоровичъ, что я преподаю предметъ безобидный... Исторію! Когда есть охота, разскажу имъ, что̀ мнѣ самому больше извѣстно. И внимаютъ. Муха пролетитъ—слышно. Ей Богу! А уроки спрашивать не люблю. Да и самъ я больно настрадался въ гимназистахъ. Я былъ освобожденъ отъ платы и получалъ субсидію отъ земства. Матушка перебивалась шитьемъ, сестренки—въ малолѣтствѣ обрѣтались. А у насъ былъ выписной чехъ, кровопивецъ форменный! Бывало, чуть въ экстемпораліяхъ собьешься... на самомъ пустякѣ, онъ сейчасъ и зашипитъ: „Дроздовъ! пособія тебя лишимъ“! Придешь домой, заберешься на чердакъ и ревешь ревомъ.

Онъ вскочилъ съ мѣста, бросилъ окурокъ папиросы и замахалъ своей шляпой.

— Иванъ Сергѣичъ! Сюда, сюда! Валите прямо!

По дорожкѣ шелъ Шемадуровъ.

Его бы не сразу узналъ Разсудинъ. Онъ сильно пополнѣлъ и показался ему меньше ростомъ. И волосы отростилъ длиннѣе.

Шелъ онъ, покачиваясь всѣмъ своимъ плотнымъ корпусомъ, одѣтый въ темносѣрую пару и шляпу изъ бѣлаго войлока. Его круглая голова уходила на половину въ шляпу, немного отставленную на затылокъ. Лобъ лоснился, влажный и загорѣлый, и волнистые волосы были зачесаны за уши. Широкое и нѣсколько пухлое лицо смотрѣло еще очень молодо, съ чѣмъ-то почти юношескимъ въ подбородкѣ, оскалѣ рта и взглядѣ свѣтлокарихъ, очень живыхъ глазъ.

На концахъ верхней губы, довольно крупной, чуть виднѣлось нѣсколько волосковъ, свѣтлѣе, чѣмъ на головѣ, и побольше, чѣмъ на подбородкѣ.

Онъ тотчасъ же узналъ Разсудина и, еще не доходя до сосенокъ, снялъ шляпу, которую больше уже не надѣвалъ, пока не поровнялся съ ними.

Оба пошли къ нему на встрѣчу.

— Душевно радъ, душевно радъ!—торопливо повторялъ Шемадуровъ—отъ скорой ходьбы онъ запыхался—глядя на гостя какъ будто немного сконфуженно, хотя онъ уже зналъ отъ Дроздова въ самый день пріѣзда, что увидитъ Разсудина.

— Не хотите ли ко мнѣ? У меня комната — на сѣверъ, и теперь тамъ очень прохладно,—пригласилъ онъ.

— Что-жъ! Это идея, Павелъ Өедоровичъ!—немного поморщиваясь отъ солнца, возбужденно заговорилъ Дроздовъ.—Растительность въ нашемъ россійскомъ скиту не богата. Да и вообще, господа, весь нашъ хваленый штрандъ уложился у меня въ такое двустишіе, которое я имѣю честь подбросить вамъ:

Песокъ, сосна,
Вода, чухна!

Всѣ разсмѣялись и пошли къ дому.

XVI.

Въ просторной и свѣжей комнатѣ Шемадурова разговоръ какъ-то сразу перешелъ въ схватку.

Этого и боялся Дроздовъ. Ему оба они были „достолюбезны", и Разсудинъ, котораго онъ глубоко почиталъ, какъ человѣка „пострадавшаго", и Шемадуровъ, къ которому онъ начиналъ чувствовать особое, нѣжное влеченіе, точно къ своему собственному чаду.

Шемадуровъ своей качающейся походкой двигался по срединѣ комнаты отъ кровати къ двери. Разсудинъ сидѣлъ на подоконникѣ открытаго окна. Дроздовъ прилегъ на кровать. Его глаза такъ и бѣгали отъ одного къ другому, и боязливо, и возбужденно.

Онъ обожалъ такой „обмѣнъ воззрѣній"; но его пугалъ „исходъ". Все это они могли бы говорить, такъ же откровенно и серьезно; но общій тонъ дѣлался не тотъ, какой слѣдовало бы имѣть съ обѣихъ сторонъ.

За Шемадуровымъ водилась замашка — и Дроздовъ уже замѣчалъ ему это — какъ только передъ нимъ человѣкъ, не признающій его „коньковъ",—сейчасъ пускать „тоны"—съ оттѣнкомъ ироніи. И голосъ у него дѣлается непріятный, фистулой, и усмѣшка является особенная. А глаза подмигиваютъ, и въ нихъ противнику предоставляется читать: „какъ, молъ, ты, братецъ, отсталъ, и сколь мнѣ твои рацеи кажутся затхлыми"!

Разсудинъ нервно поводилъ бровями, и щеки его вздрагивали. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ. И голосъ становился рѣзче и хриплѣе; говорилъ онъ порывисто, иногда какъ бы съ усиліемъ переводя дыханіе.

— Полноте, Павелъ Ѳедоровичъ! — Шемадуровъ всталъ посреди комнаты. — Это все жалкія слова: „святая община, крестьянская душа, идеалъ кустарной культуры“ — во вкусѣ жителей Вандименовой земли. Пора это бросить!

— То-есть, какъ же это бросить? — глухо спросилъ Разсудинъ и всталъ на ноги.—Другими словами—оставить народъ на произволъ судьбы, смотрѣть на него высокомѣрно, какъ на инертную массу, которая должна пройти черезъ извѣстный экономическій фазисъ? Не хотимъ мы такого возмутительнаго фатализма! Если западная Европа нажила разныя язвы и болячки, то и намъ ихъ надо прививать къ себѣ?

— Никто этого не проповѣдуетъ, Павелъ Ѳедоровичъ! Но къ тому идетъ дѣло, и не можетъ не идти. И чѣмъ скорѣе этотъ періодъ будетъ сданъ въ архивъ, тѣмъ лучше! Чтò жъ дѣлать!— громче крикнулъ Шемадуровъ, и пожалъ плечомъ, сдѣлавъ мину губами.—Люди вашего поколѣнія только заигрывали съ яко-бы позитивнымъ знаніемъ, но оставались, въ сущности, людьми аффекта, разныхъ упованій и фетишей. А наука—дѣло строгое. Dura lex, sed lex! Цѣлую четверть вѣка находились въ услуженіи у естествознанія; а выводовъ науки все-таки не хотятъ признавать. Чуть чтò — и сейчасъ затягиваютъ свой акаѳистъ: мужицкой общинѣ, крестьянской душѣ, завѣтамъ той правды, которая дается—видите ли—только нашимъ носителямъ народолюбія! Все это—извините меня, Павелъ Ѳедоровичъ,—не лучше толстовщины! Такъ, по крайней мѣрѣ, тамъ ужъ прямо херятъ весь ходъ человѣческой культуры, и находятся въ открытомъ бунтѣ противъ положительнаго знанія, опыта, философской мысли...

— Вы это напрасно! Такъ нельзя-съ!

Голосъ Разсудина еще замѣтнѣе сталъ вздрагивать. Когда онъ волновался, то у него являлось даже заиканье.

Дроздовъ потянулся въ сторону Шемадурова, точно хотѣлъ достать его рукой.

— Очень вы ужъ, друже, правовѣрны. Наука — наукой; а наша россійская подоплёка подсказываетъ другое. Вы книжки умныя читали, да жизни еще не знаете, не испытали на своей шкурѣ—каково у насъ живется меньшей братіи.

— Полноте, — махнулъ на него Шемадуровъ. — Никто не имѣетъ права брать на откупъ спасеніе народа! Надо, прежде всего, имѣть передъ глазами весь опытъ культурныхъ странъ, а не ждать откровеній отъ этой самой меньшей братіи. Она до тѣхъ поръ не прозрѣетъ, пока желѣзный законъ борьбы труда и капитала не заставитъ ее взяться за умъ.

— Это не резонъ, чтобы выступать враждебно противъ тѣхъ, кто клалъ всю свою душу...

Разсудинъ такъ заволновался, что не могъ докончить фразы. Его худыя щеки пошли пятнами.

Дроздовъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ нему.

— Батюшка, Павелъ Өедоровичъ! Да вѣдь они — онъ указалъ рукой на Шемадурова—ничего противъ васъ и вашихъ не имѣютъ. Развѣ они довольны этимъ самымъ желѣзнымъ закономъ? И они мечтаютъ о другихъ порядкахъ.

— Да, о казармѣ, съ нестерпимымъ деспотизмомъ регламентаціи?—выговорилъ духомъ Разсудинъ.—И, наконецъ, я скажу вамъ прямо, Шемадуровъ: лучше ужъ на чистоту выступать, чѣмъ пускать въ ходъ разныя шпильки... исподтишка!

— Кто же это дѣлаетъ?—спросилъ Шемадуровъ, и брезгливо выпятилъ губы.

— Вы знаете, Шемадуровъ, кто! — отвѣтилъ Разсудинъ, и щеки его вздрогнули.

— Во всякомъ случаѣ—не я.

— Не вы, такъ тѣ, на кого вы молитесь!

— Я ни на кого не молюсь, Павелъ Өедоровичъ. Кумировъ мы не желаемъ имѣть. Если геніальный мыслитель съ научнымъ методомъ указалъ впервые на незыблемые законы, мы признаемъ его авторитетъ — и только.

— Законы, законы!—глухо крикнулъ Разсудинъ и отошелъ къ двери. — Мы всѣ, сколько насъ ни есть — должны быть не книжниками, а мучениками во благо народа. Такъ-то! У насъ врагъ одинъ... Одинъ!—повторилъ онъ восторженно;—а вы, господа, забываете это. Да и не вѣрю я, господа, въ вашу преданность наукѣ и точному знанію. Вашъ методъ, это—переодѣтая метафизика!

Шемадуровъ сквозь носъ разсмѣялся и заложилъ руки въ карманы панталонъ довольно вызывающимъ жестомъ.

— Почему же вы такъ носитесь съ гегеліанской діалектикой?—спросилъ Разсудинъ и поднялъ голову, держась за ручку двери.

— Это былъ великій философскій умъ. Его методъ не противорѣчитъ научному опыту. Напротивъ. Все идетъ...

— Какъ по писанному! — вскричалъ Дроздовъ.

Онъ стоялъ между ними и протягивалъ руки.

— Голубчики! Что же это вы какъ грозно? Павелъ Өедоровичъ тысячу разъ правъ: у всѣхъ у насъ одинъ врагъ! Это надо памятовать и денно, и нощно!

— Зачѣмъ? — остановилъ его Разсудинъ. — Достаточно помнить о желѣзныхъ законахъ міровой культуры. А для этого души не надо.

На порогѣ онъ тряхнулъ головой и выговорилъ задушевнѣе и медленнѣе:

— Эхъ, Шемадуровъ! Вы намъ отставку прописываете... И мы знаемъ — за вами молодежь побѣжитъ... Много вы народу соблазните своей діалектикой. Но только и мы такъ, безъ боя, не сдадимся!

— Павелъ Ѳедоровичъ, батюшка, — вмѣшался опять Дроздовъ.—Плохой миръ лучше доброй ссоры!

— Нѣтъ, не лучше!—сказалъ Разсудинъ.—Кому есть за что бороться, тотъ и борись.

— На здоровье!—крикнулъ ему вслѣдъ Шемадуровъ.

XVII.

Помѣщеніе Студенцовой выходило на небольшой балкончикъ, по ту сторону главнаго корпуса пансіона Кирхмана.

Она сидѣла на балконѣ, въ темносиней амазонкѣ, часу въ седьмомъ вечера. Ея пріятель Анемоновъ помѣстился на второй ступенькѣ. Онъ былъ одѣтъ такъ же, какъ и въ послѣдній разъ. И такъ же женоподобно смотрѣла вся его фигура, а всего больше пухлая, бѣлая шея, съ глубокимъ вырѣзомъ отложного воротничка, повязанная бѣлымъ мягкимъ фуляромъ, въ видѣ широкаго банта.

Студенцова сидѣла въ низкомъ соломенномъ креслѣ, и концы ея лаковыхъ сапогъ выглядывали изъ-подъ юпки обыкновенной длины, изъ темносиняго шевіота.

Голову ея прикрывала шляпа съ свѣтлосинимъ вуалемъ. Въ рукѣ она держала хлыстъ, и кончикомъ его похлестывала о носокъ праваго сапога.

— Вы уже начали скучать здѣсь?—спросилъ ее Анемоновъ, оглядывая ее искоса.

— Пока еще нѣтъ,—отвѣтила она.

— Развѣ не на комъ производить опытовъ?

— Какихъ?

— Да все тѣхъ же, Женни.

Онъ иногда звалъ ее и такъ.

Она, вѣроятно, поняла его, потому что отвѣтила ему въ тонъ:

— Здѣсь, въ пансіонѣ, рѣшительно не съ кѣмъ и говорить.

— Кромѣ того, Жерѳнта?

— Вы такъ называете Токарева?

— Онъ почти старецъ, но благообразный и воспитанный. Обратите его, подъ конецъ его карьеры, въ нашу вѣру. А еще лучше, еслибъ вы обратили того... хмураго... вы еще поклонились ему на штрандѣ, помните... дня три тому назадъ?

— Я вамъ говорила, Анемоновъ, про его очерки изъ того времени, когда онъ былъ тамъ... въ Якутской области.

— Чего же лучше? народникъ-радикалъ, съ талантомъ! C'est d'une bonne prise! Если такой фанатикъ увѣруетъ, онъ ринется внизъ головой въ пропаганду тѣхъ самыхъ идей, которыя считалъ мерзостью запустѣнія. Встрѣча съ вами будетъ его дорогой въ Дамаскъ!

Она слушала его разсѣянно,—Анемоновъ замѣтилъ это.

— Или займитесь тѣмъ, кто сейчасъ явится.

— Вашимъ эфебомъ?

— C'est un mâle superbe! И имъ не такъ-то легко овладѣть. Натура—Антиноя-бойца! Въ немъ тѣло и душа въ полнѣйшемъ равновѣсіи. Къ женщинамъ онъ относится...

— Какъ охотникъ? Это избито, мой другъ. Верхомъ буду съ нимъ ѣздить, оцѣню его голову, если онъ красивъ, и его мышцы и посадку; но такіе мнѣ не опасны.

— Вы чѣмъ-то разстроены, скажите?

Анемоновъ всталъ, подошелъ и нагнулся надъ ея головой.

— Такъ... глупое письмо.

— Откуда?

— Изъ Сибири; но долго разсказывать. Да и не интересно. И вы въ дѣлахъ врядъ ли что̀ понимаете, Анемоновъ.

— Я не такъ наивенъ по этой части, какъ вы думаете, Женни. Считаю себя даже хорошимъ хозяиномъ.

Студенцова знала, что у него есть имѣньице, гдѣ-то тамъ, за Москвой, на Окѣ, маленькая запашка, и луга, и домъ. Онъ туда ѣздилъ каждый годъ, и теперь собирался на августъ и сентябрь. Съ этого имѣньица онъ получалъ тысячи полторы, и умѣлъ жить такъ разнообразно, разъѣзжая по всей Европѣ, но останавливаясь всегда у пріятелей разныхъ національностей.

— Виноватъ! Вѣдь у васъ тамъ есть, кажется, пай въ пріискахъ?—спросилъ Анемоновъ.

— Ну, да,—какъ бы нѣхотя откликнулась Студенцова.

— Что̀ же вамъ пишутъ?

— Я сама ничего не смыслю. Моему зятю я дала полную довѣренность. И до нынѣшняго года все шло прекрасно. Мой

пай—самый маленькій. Остальные владѣльцы—наши родственники. Они тоже тамъ не живутъ. Зять завѣдывалъ и ихъ паями. Онъ выбиралъ и управляющихъ.

— Неужели крахъ? Не пугайте меня!

— Что-то такое есть, чтò онъ отъ меня скрываетъ. Теперь онъ сбирается на Макарьевскую ярмарку... И меня туда вызываетъ, да я не поѣду.

— Почему же, мой другъ?

— Все равно—я ничего не смыслю.

— Вы говорите, онъ мужъ вашей сестры? Она жива?

— Нѣтъ. Онъ вдовѣетъ больше трехъ лѣтъ.

Помолчавъ, она заговорила нервнѣе, съ гримасой:

— Предлагалъ онъ мнѣ прошлой зимой продать ему свой пай. И я почему-то не согласилась, и, кажется, глупость сдѣлала.

— Mais ça se trouve à merveille! Я буду въ Нижнемъ черезъ десять дней. Если угодно, я повидаюсь съ нимъ и переговорю.

— Вы на это способны, Анемоновъ?

— И очень! За кого же вы меня, мой другъ, считаете?

Студенцова поглядѣла на него, и ей, въ который уже разъ, сдавалось, что это—переодѣтая женщина, а она сама—ея подруга.

— Да, я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ моя подружка,—веселѣе воскликнула она.—Спасибо! Мы еще объ этомъ поговоримъ, и я приготовлю вамъ письмо.

Она встала и поправила корсажъ своей амазонки. Въ темномъ талія ея казалась еще тоньше.

— Что-жъ онъ не ѣдетъ, вашъ эфебъ?

— Семи еще нѣтъ. Онъ—сама аккуратность.

И ровно черезъ пять минутъ раздались мужскіе шаги, съ легкимъ позвякиваніемъ шпоръ изъ-за угла.

Оба они спустились въ садъ съ балкона и пошли на встрѣчу гостю. Студенцова ожидала увидать рослаго мужчину, съ атлетическимъ сложеніемъ, а пріятель Анемонова былъ средняго роста брюнетъ, суховатый въ лицѣ, съ тонкими усами, довольно плечистый, перетянутый кожанымъ кушакомъ. Въ своемъ солдатскомъ мундирѣ вольноопредѣляющагося и фуражкѣ безъ козырька онъ былъ похожъ на перваго попавшагося юнкера. Глаза его—темно-сѣрые и продолговатые—смотрѣли весело и немного дерзко. Шелъ онъ легкой походкой; ноги и руки выдѣлялись своей красивой формой.

— Rien que ça?—успѣла шепнуть Студенцова Анемонову; первая подошла къ Шпандину и подала ему руку.

Онъ, пристукнувъ каблуками, пожалъ ея руку и отдалъ дурачливо честь Анемонову.

— Вѣтровъ, здравствуй!—крикнулъ онъ пріятнымъ баскомъ.

— Почему Вѣтровъ? — спросила она.

— Это онъ меня по-русски такъ переводитъ,—пояснилъ Анемоновъ: — съ греческаго.

— Совершенно вѣрно. Я ему предлагаю принять мою редакцію.

Шпандинъ отдалъ честь и Студенцовой.

— Лошадь ваша готова... Мнѣ удалось добыть очень сносную... и кроткаго нрава особу женскаго пола.

Анемоновъ проводилъ ихъ до калитки и тамъ простился съ Студенцовой.

XVIII.

Они поѣхали шагомъ, послѣ полнаго галопа—отъ того мѣста, гдѣ выстроились будочки на колесахъ, вплоть до спуска, который велъ къ пансіону Кирхмана.

Шпандинъ ѣхалъ на казенной лошади, караковой масти, сидѣлъ красиво, немного на бокъ и заломивъ фуражку на лѣвый високъ.

У нея была рыжая, немолодая кобыла, выѣзженная подъ дамскую ѣзду, съ длинной шеей и дурной привычкой безпрестанно трясти ушами.

— Евгенія Андреевна,—замѣтилъ Шпандинъ:—вы напрасно ее держите все время на мундштукѣ. Она слабоузда.

— Какъ?—окликнула Студенцова.

— Слабоузда. Это сейчасъ видно. Я вамъ говорилъ, что это—дама весьма кроткая, только одинъ у ней феллеръ есть — дергать ушами.

Студенцову немного задѣвалъ тонъ этого „юнкера". Ей даже не вѣрилось, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. И ей хотѣлось на чемъ-нибудь поймать его... и вообще поэкзаменовать. Такихъ „эфебовъ" она любила только издали—на скачкахъ, въ циркѣ или на гонкѣ велосипедистовъ.

Шпандинъ оглянулся и прикрылъ глаза ладонью, отъ яркаго, совсѣмъ рубиноваго заката.

— Поотсталъ отъ насъ—тотъ *каксъ!*

— Какъ вы сказали?—Она не поняла слова.

— Барончикъ! Этакъ здѣсь зовутъ ихъ русскіе. Непремѣнно въ синемъ суконномъ картузѣ. Это у нихъ въ родѣ форменнаго отличія балтійскаго аристократизма. За ними и всѣ бюргеры, и даже лакеи тянутся. И у тѣхъ синіе картузы, какъ эмблема остзейскихъ чувствъ.

И его разговоръ не нравился ей. Точно будто они сто лѣтъ знакомы, и она какая-нибудь гимназистка, съ которой онъ цѣлуется въ уголкахъ.

— Послушайте, m-r Шпандинъ, вы переводите фамилію Анемонова съ греческаго?

— Да, отъ *анемосъ*—вѣтеръ.

— Стало быть, вы знаете классическіе языки?

— Маракую. Я поступилъ сначала въ филологи. И перешелъ черезъ годъ на физико-математическій факультетъ.

— И кончили курсъ кандидатомъ?

— Ныньче кандидатовъ больше нѣтъ. Получилъ свидѣтельство перваго разряда. Это даетъ такія же права.

Онъ точно не замѣчалъ ея желанія показать ему, что для нея онъ — еще мальчикъ, юнкеръ. Отвѣчалъ онъ все тѣмъ же увѣреннымъ и ровнымъ тономъ; въ немъ сквозила безцеремонность, отъ которой она отстала за границей, особенно въ Парижѣ.

— Читали вы „Сатириконъ"?—спросила она, остановивъ лошадь.

И онъ задержалъ своего караковаго.

— „Сатириконъ"?—переспросилъ онъ и немного наморщилъ свой красивый лобъ, съ рѣзкой линіей загара. — Это, кажется, того... какъ бишь?

— Петронія,—подсказала Студенцова.

— Въ подлинникѣ врядъ ли читалъ, а имѣю понятіе.

И, съ оскаломъ своихъ бѣлыхъ и блестящихъ зубовъ, онъ спросилъ, наклонившись въ ея сторону:

— Навѣрно, вамъ Анемоновъ порекомендовалъ? А? Вещица, кажется, пикантная. Не уступитъ нынѣшней самой хлесткой парижской беллетристикѣ.

И его смѣлые глаза досказали: „ты, моя голубушка, вонъ какими книжками интересуешься—такъ что-жъ съ тобой церемониться"?

— А вы кого же любите изъ этихъ хлесткихъ беллетристовъ?—тономъ старшей спросила она.

Онъ опять этого точно не замѣтилъ.

— Чертовщины я не люблю, въ родѣ послѣднихъ романовъ Юисмана. Читали, небось, его „La-bas" и „En route"?

— Конечно.

— И того не жалую... Саръ-Пеладана. Мы изъ-за него еще третьяго дня съ Вѣтровымъ посчитались. Это—шуть съ претензіями. И мистицизму его я не вѣрю... Все это дѣлается для рекламы.

Студенцова слушала съ сжатыми губами и не глядѣла на него.

— Вотъ Превó!..

— Какой?

— Будто вы не знаете?

— Я спрашиваю, какой?—повторила Студенцова.—Авторъ „Manon Lescault“?

— Нѣтъ, нынѣшній,—совершенно просто отвѣтилъ Шпандинъ и потрепалъ правой рукой по шеѣ лошади.

„Какой невозмутимый юнкеръ“!—сказала про себя Студенцова.

— Marcel Prévost? Я его встрѣчала.

— Я читалъ гдѣ-то: онъ вышелъ изъ политехническаго училища.

— Развѣ для васъ онъ самый крупный?

— Не знаю. Вы вѣроятно въ однихъ вкусахъ съ Анемоновымъ... насчетъ символизма и прочихъ выспренностей?

Ей очень захотѣлось оборвать его; но она только хлестнула лошадь и круто подобрала узду.

— Не надо, Евгенія Андреевна, я вамъ говорилъ, что она слабоузда.

— Чтó же особенно восхищаетъ васъ у Превó?—продолжала она допрашивать его.

— Восхищаюсь я рѣдко. А только онъ молодецъ по любовной части.

— Что это за выраженіе!—вырвалось у нея, и она повела брезгливо своимъ красивымъ ртомъ.

— А то какъ же позволите выразиться? Этотъ знаетъ женскую натуру. Мнѣ нечего вамъ расписывать. Вы давно ужъ, я думаю, тамъ на корню, все проглотили... „Les Confessions d'un amant“? А то такъ „Lettres de femme“? Можно сказать—изучилъ васъ до тонкости!

И онъ засмѣялся—молодо и, какъ показалось Студенцовой, очень дерзко.

— Это все второстепенныя вещи. Такой писатель, какъ Превó, и не въ состояніи понять высшій типъ женщины.

— Высшій типъ?—повторилъ Шпандинъ и повелъ своей стриженой головой... Les incomprises? Ха, ха! Знаете, Евгенія Ан-

древна,—я въ нихъ не вѣрю. Онѣ и у насъ начинаютъ водиться, только въ самомъ еще зачаточномъ видѣ. Хотите рысью?— вдругъ спросилъ онъ, поднявшись на стременахъ.

— Хорошо...

Рысью она ѣздила хуже, чѣмъ галопомъ. Щеки у ней очень скоро разгорѣлись. И въ груди стало жечь.

— Нѣтъ, у моей лошади слишкомъ тряская рысь.

— Извините,—возразилъ Шпандинъ тономъ учителя.—Рысь у этой дамы очень недурная. А вамъ надо бы попробовать по-англицки—съ легкимъ подскокомъ. Вы такой тонкой фигуры, что вамъ этакъ лучше будетъ.

Студенцова промолчала. Этотъ „юнкеръ" положительно бѣсилъ ее. Она отвернула лицо въ сторону моря и стала смотрѣть на гуляющихъ. Попарно и гуськомъ тянулись они около воды, по слегшемуся песку. И все тотъ же нищій съ своей надтреснутой шарманкой, стоя на полъ-дорогѣ, точно выкачивалъ изъ нея жалобные и гнусавые звуки.

Студенцова прищурилась. Она не сразу узнала Разсудина. Тотъ шелъ съ сестрой, очень тихо, немного волоча ноги. Когда они поровнялись, онъ поднялъ голову и поклонился.

— Это что за обыватель?—спросилъ Шпандинъ.

— Разсудинъ... писатель...

— А! Изъ тѣхъ? Мнѣ Анемоновъ говорилъ... Изъ пострадавшихъ за идеи?

— Изъ очень даровитыхъ. Глубже и новѣе вашего Марселя Прево, m-r Шпандинъ.

И, хлестнувъ сильно лошадь, она подняла ее въ галопъ.

— Домой!—крикнула она и поскакала впередъ.

XIX.

Надежда Θедоровна Анохина распорядилась, чтобы кухарка подала завтракъ получасомъ раньше.

Они сбирались вмѣстѣ съ Токаревымъ на сѣрныя воды, въ часѣ ѣзды отъ ихъ мѣстечка. У сестры была затаенная мысль— если брату понравится мѣстность—убѣдить его: на конецъ сезона полечиться тамъ. У него бываютъ припадки ревматизма въ плечѣ и щиколкахъ, но онъ не любитъ о нихъ говорить и еще менѣе любитъ лечиться.

На эту поѣздку Надежда Θедоровна вообще очень разсчитывала. Паша разсѣется, а то онъ третій день ходилъ „туча тучей".

Пришелъ онъ три дня назадъ такимъ же хмурымъ изъ гостей. Она сначала думала—не вышло ли у него непріятнаго разговора съ Токаревымъ. Но вчера они встрѣтились на штрандѣ какъ добрые знакомые, и тутъ же рѣшена была поѣздка на сѣрныя воды.

Вѣроятно, что-нибудь вышло не у Токарева, а въ другомъ пансіонѣ, гдѣ живетъ Дроздовъ. Сегодня утромъ она шла купаться и столкнулась съ нимъ. Они перекинули нѣсколько словъ. И показалось ей, что Дроздовъ что-то скрываетъ, спросилъ только: „а какъ себя чувствуетъ Павелъ Ѳедоровичъ"? и прибавилъ: „что-то ужъ онъ больно тревоженъ".

Она знала также, что Дроздовъ ждалъ своего петербургскаго пріятеля, Шемадурова.

Вѣроятно, съ тѣмъ и вышло что-нибудь. Она боялась допрашивать его. Онъ къ этому чрезвычайно чувствителенъ. Не терпитъ никакого „вмѣшательства". Она и не желаетъ вмѣшиваться только затѣмъ, чтобы умничать или давать совѣты тономъ старшей сестры. Но зачѣмъ же Пашѣ наживать себѣ враговъ, особенно среди молодежи? Этого Шемадурова любятъ въ студенческихъ кружкахъ. А Паша не раздѣляетъ его направленія. Кажется, онъ ему и какъ личность не очень нравится?...

Все это Надежда Ѳедоровна перебирала въ головѣ, уставляя на столѣ посуду—она всегда помогала служанкѣ.

Разсудинъ вышелъ изъ своей спальни къ завтраку все такой же хмурый. Должно быть, спалъ хуже обыкновеннаго. Вѣки были красны и по всему лицу выступали красноватыя пятна.

— Надо было, Паша, пригласить Токарева завтракать,— сказала Анохина брату.

— Онъ отказался—ты слышала.

— А если тамъ останемся обѣдать, неловко будетъ заставлять платить свою долю.

— Это какъ онъ самъ разсудитъ.

— А ты не желалъ бы пригласить и тѣхъ господъ, изъ другого пансіона? Дроздова или Шемадурова?

Надежда Ѳедоровна поглядѣла на брата вбокъ.

— Съ какой стати? Я совсѣмъ не такъ знакомъ съ Шемадуровымъ,—проговорилъ онъ, сдвинувъ слегка брови.

„Навѣрно у нихъ вышло что-нибудь"!—подумала тотчасъ же Анохина.

— Конечно, Паша, если тебѣ непріятенъ онъ...

Разсудинъ повернулся къ ней лицомъ, продолжая ѣсть.

— Да, Надя, этотъ господинъ — совсѣмъ не нашего стана человѣкъ... хотя и мнитъ себя носителемъ новаго слова.

— Ты, повидимому, имѣлъ съ нимъ разговоръ? — спросила Анохина, стараясь сдѣлать тонъ своего вопроса какъ можно безразличнѣе.

— Съ такими господами невозможенъ хорошій, честный разговоръ. Они—педанты, даромъ, что вчера со студенческой скамьи соскочили.

Разсудинъ сталъ, какъ всегда, поспѣшно ѣсть. И кончивъ, онъ отложилъ салфетку и закурилъ.

— Что̀ же онъ можетъ имѣть противъ тебя, Паша? Насколько я понимаю, эти господа того же желаютъ, чего и вы?—кротко спросила Надежда Ѳедоровна, пододвигая ему тарелку съ малиной.

— Ты не хочешь?

Онъ отказался отъ ягодъ.

— Ничего у нихъ нѣтъ общаго съ нами,—заговорилъ онъ, выходя изъ-за стола.—Народъ для нихъ — чернь, которую они поведутъ, какъ безсмысленное стадо.

— Народъ... — повторила Анохина и глубоко вздохнула.— Ахъ, Паша! Я этихъ господъ не защищаю. Но и вамъ, господа, не пора ли за умъ взяться? Жалѣйте этотъ самый народъ, только не губите вы себя изъ-за него... не спрашиваясь—понимаетъ ли онъ васъ? Ты—первый примѣръ. Да и ты ли одинъ?!.. Такихъ сотни были... А народъ-то вашъ небось...

— Хорошо,—остановилъ ее Разсудинъ жестомъ руки.—Если мы и были наивны... глупы, коли хочешь,—то въ способахъ дѣйствій, а идея наша—не ихъ хваленые желѣзные законы.

Анохина подошла къ нему и взяла его за руку.

— Прости, Паша, и не волнуйся. Я только къ тому тебя спросила... Согласись: изъ-за чего же тебѣ ссориться съ молодежью? Къ тебѣ всѣ они когда-то такъ льнули... Считался у нихъ первымъ человѣкомъ... Не можетъ быть, чтобы тебя не понимали и теперь!

— Ни къ кому изъ нихъ поддѣлываться не буду! Свѣтъ не клиномъ сошелся—и то сказать!

Онъ не договорилъ, увидавъ у калитки худую и рослую фигуру Токарева. Анохина первая пошла въ палисадникъ на встрѣчу гостю.

Токаревъ прикрывался парусиннымъ зонтикомъ.

— Какъ вы аккуратны! Настоящій европеецъ! И мы сейчасъ поѣли. Не хотите ли ягодъ?—особенно ласково предложила она.

— Это васъ задержитъ, Надежда Өедоровна. Я боюсь, какъ бы не было слишкомъ душно для васъ, если мы не попадемъ на ближайшій поѣздъ.

Тонъ и голосъ Токарева все больше и больше нравились Анохиной. Опять у нея мелькнула мысль—вотъ бы такого жильца къ нимъ, на ихъ петербургскую квартиру. Съ нимъ ея брату никогда не будетъ скучно. Въ этомъ пожиломъ писателѣ было что-то примиряющее и бодрое, безъ задора и генеральства.

„Для Павла,—воскликнула про себя Надежда Өедоровна,—это было бы настоящей находкой".

Разсудинъ поздоровался съ нимъ крѣпкимъ пожатіемъ. Онъ уже больше не держался съ нимъ на сторожѣ. Здѣсь, на штрандѣ, онъ и не желалъ бы ни съ кѣмъ больше заводить знакомства. Въ Токаревѣ онъ распознавалъ теперь не одного „барина-эстетика", а человѣка „сильно покраснѣвшаго на старости лѣтъ", какъ онъ опредѣлилъ бы, еслибъ зашла о немъ рѣчь съ кѣмъ-нибудь изъ его коренныхъ единомышленниковъ.

XX.

Лѣсъ все густѣлъ и деревья надвигались на узкую дорожку. Сочная трава пробивалась сквозь жирную пористую землю, точно всю пропитанную сѣрными испареніями.

Анохина шла съ Токаревымъ. Братъ ея остался позади—онъ хотѣлъ осмотрѣть ванны и заказать обѣдъ; а сойтись они должны были въ кургаузѣ, въ началѣ пятаго часа.

Было тепло и душно. Съ первыхъ шаговъ Надежда Өедоровна начала чувствовать, что въ вискахъ у нея бьется и въ глазахъ пестритъ и какъ будто кто сдавливаетъ ей горло.

— Какой роскошный лѣсъ! — замѣтилъ Токаревъ. — Я не ожидалъ ничего подобнаго. Точно подъ тропиками! Не правда ли, Надежда Өедоровна?

Онъ шелъ сзади нея.

— Да, я еще въ такомъ не бывала! Только какой здѣсь духъ! Ужасно сильно дѣйствуетъ.

Она провела рукой по глазамъ.

Ей дѣлалось очень нехорошо; но она хотѣла пересилить себя. Своей нервности она стыдилась. Никакой у нея нѣтъ настоящей болѣзни; а все-таки не можетъ выносить множества вещей: ни духоты, ни вѣтра, ни запаховъ, ни стоять на высотѣ и глядѣть

внизъ. Безпричинные страхи овладѣваютъ ею безпрестанно, если не за себя, такъ за тѣхъ, кого любитъ—теперь за брата.

Лѣсъ — роскошный; травы и цвѣты переплетаются между стволами. И весь онъ живетъ, какъ одно существо, и дышетъ, но не своими испареніями. Другіе вдыхаютъ ихъ полной грудью; а ее охватилъ уже страхъ, что она упадетъ въ обморокъ, ноги подкашиваются и на лбу выступаетъ холодный потъ.

Но она все ускоряла шаги, завидя слѣва лужайку. До нея оставалось еще шаговъ пятьдесятъ.

Тамъ, быть можетъ, найдется и скамья. Но дойдетъ ли она?

— Нилъ Петровичъ!—окликнула она Токарева.

— Что̀ прикажете?

— Вы не находите, что здѣсь ужасно удушливый воздухъ? И запахъ пороха... и сѣры?

— Есть немножко... А вамъ развѣ не по себѣ?

Онъ замѣтилъ, что она сильно поблѣднѣла.

— Вамъ, кажется, нехорошо, Надежда Ѳедоровна?—заботливо спросилъ онъ.

Анохина схватилась за правый високъ. Въ эту минуту она чувствовала, что можетъ тотчасъ упасть.

Токаревъ взялъ ее за талію и довелъ до лужайки. Она еле держалась на ногахъ. Онъ былъ смущенъ—кругомъ не видно ни виллы, ни избы, ни шинка̀. Звать кого-нибудь на помощь безполезно. Довести ее до скамьи и побѣжать самому—онъ не рѣшался.

— Это ничего, это ничего, — повторялъ онъ.—Вонъ тамъ присядете.

Анохина постоянно боялась обморока, и одинъ изъ ея страховъ былъ—заснуть летаргическимъ сномъ и очутиться заживо погребенной.

— Нилъ Петровичъ, голубчикъ,—шептала она, наклонившись къ его плечу, — не давайте вы мнѣ лишиться чувствъ. Умоляю васъ!

— Вотъ мы и вышли! Это отъ запаха лѣса, ни отъ чего больше!..

— Охъ, не знаю!

Она, однако, пріободрилась, и онъ довелъ ее подъ-руку до скамьи. Передъ ними открылась круглая лѣсная полянка и дальше дорога лѣсомъ становилась шире, переходя въ просѣку.

— Господи! Господи!—обрадованно повторяла Анохина, немного конфузясь.

— Ну, какъ вы, Надежда Өедоровна?—спросилъ Токаревъ, глядя ей въ лицо все съ такимъ же участіемъ.

Она улыбнулась.

— Какой вы добрый, Нилъ Петровичъ... Испугались за меня... Простите... Нервы у меня глупые. И всегда, когда я одна... То-есть, я хочу сказать, когда я ни для кого и ни для чего не живу...

— Другими словами,—добавилъ онъ, ласково глядя на нее,—когда вы не въ своемъ главномъ элементѣ.

— Братъ называетъ этотъ элементъ—„приставанье"!

Оба громко засмѣялись. Эта маленькая тревога сблизила ихъ еще.

— Только вы пожалуйста, Нилъ Петровичъ, ни-гу-гу брату про это.

— Если вамъ угодно, я ничего не скажу.

— Видите ли... Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, хоть недѣли двѣ пожилъ здѣсь, для ваннъ. А это лишній предлогъ отказываться. Я привыкну и къ лѣсу. Да тогда и не будетъ такъ жарко и душно—во второй половинѣ августа.

Изъ ея глазъ, съ слабыми вѣками и какъ будто съ налетомъ слезы, такъ и сочились доброта и ненасытная потребность отдавать свое „я" на служеніе другому существу, если не всему человѣчеству.

Онъ протянулъ ей руку молча и пожалъ. Она его трогала и будила въ немъ горечь его утраты.

— Какъ вы его любите! — выговорилъ онъ безъ зависти, грустно и замедленно.

— Можетъ быть, худо, глупо люблю...

Она придвинулась къ нему и стала порывисто говорить, забывая и самое себя, и свои нервы.

— Я на васъ, Нилъ Петровичъ, возлагаю особенныя надежды насчетъ брата. Спасибо вамъ большое за то, что вы его сразу обезоружили своимъ отношеніемъ къ нему. Поддержите его, не давайте уходить такъ... въ свою... какъ бы это сказать... въ раковину, что-ли!.. Я боюсь, что онъ опять зарвется, или будетъ все возмущаться, изводить себя, или слишкомъ уходить отъ людей. А здоровье его печалитъ меня. Здѣсь еще онъ держится кое-какъ, а за Петербургъ я боюсь. Нервность у насъ наслѣдственная—отъ матери. Вы его будете и тормошить, и успокоивать, да? Знакомить его съ хорошими людьми... не съ одними горю-

нами... съ болѣе веселыми и здоровыми личностями. И женское общество ему нужно.

Щеки ея уже розовѣли отъ внутренняго возбужденія.

— Скажите, та особа, съ которой вы его познакомили, она очень интересная?

— Да-а...—полу-шутливо протянулъ Токаревъ.

— Изъ заграничныхъ франтихъ?

— Но особаго рода...

— Знаете... прежде я бы побоялась за Пашу. А теперь говорю:—пусть хоть немного увлечется и такой барыней... Право! Ревности у меня нѣтъ; хотя я и вся теперь ушла, какъ видите, въ возню съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ.

— А вотъ, кажется, и Павелъ Өедоровичъ!—указалъ рукой Токаревъ.

— Да! Только пожалуйста ни слова насчетъ лѣса!

И она стала издали кивать головой брату.

XXI.

Въ концертномъ саду было полно. Подъ пыльными каштанами, за столами, на скамейкахъ, и подъ обоими навѣсами скучилась публика—на двѣ-трети русская. Въ галереѣ ресторана нѣмцы ужинали и пили пиво. Множество подростковъ-гимназистовъ и кадетъ, дѣти, студенты, молодые люди въ солдатской формѣ сновали и между скамьями, и въ двухъ направленіяхъ, вдоль галереи.

Въ глубинѣ, эстрада оркестра, освѣщенная лампами, стояла пустой. Шелъ первый антрактъ. Собралось такъ много на бенефисъ капельмейстера.

Студенцова сидѣла одна, на крайнемъ мѣстѣ, около прохода между скамьями и навѣсомъ, гдѣ густыми рядами размѣстились дамы и дѣвицы, многія въ туалетахъ. Она никого не знала и чувствовала себя точно за границей, гдѣ-нибудь въ Берлинѣ или Дрезденѣ.

Отъ русской лѣтней публики она поотстала. Въ Павловскѣ она давно не была. И туалеты ей не нравились—много въ нихъ она находила рѣзкаго или моднаго изъ вторыхъ рукъ. Нѣмецкія семейства держались гораздо скромнѣе, сидѣли группами, добродушно болтали, больше умѣли веселиться.

Русскій языкъ слышался отовсюду съ громкими, безцеремонными возгласами. Какъ вездѣ—дома и за границей—соотечествен-

ники ведутъ себя или чопорно, уныло, скучно, или шумно и некрасиво...

И сюда они внесли свои петербургскія и московскія замашки: молодые люди и подростки въ блузахъ и форменныхъ фуражкахъ, и даже дѣвицы слишкомъ громко хлопали, заставляли повторять нумера программы; и послѣ перваго же отдѣленія бенефиціанту начали подносить букеты и подарки.

Это казалось Студенцовой чѣмъ-то дикимъ. Оркестръ былъ недурной—и только. Капельмейстеръ, коренастый нѣмецъ, съ брюшкомъ, въ очкахъ, красный и потный, уже избалованный русскими оваціями, принималъ все это какъ должное.

Всматриваясь въ русскихъ, Студенцова чувствовала, какъ мало они вызываютъ въ ней интереса—и женщины, и мужчины. А въ такое же приблизительно общество попадетъ она и въ Петербургѣ. Немножко интеллигенціи, немножко чиновничьихъ и офицерскихъ семей... На лучшее трудно разсчитывать. Въ пансіонѣ съ однимъ только Токаревымъ ей пріятно бесѣдовать. Остальные—„уроды", особенно прокуроръ. Онъ сталъ съ ней заговаривать и раза два уже провожалъ ее на музыку. Но онъ ей надоѣдалъ своими длинными рацеями о необходимости „водворенія новыхъ началъ" въ „искони-русскомъ" краѣ. Вчера она ему сказала, наконецъ, что это ее ни мало не интересуетъ и не возбуждаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Онъ глупо обидѣлся и порывался даже и ее язвить.

Сегодня Токаревъ не пришелъ къ обѣду. Она хотѣла поразспросить его о Разсудинѣ. Послѣдній разговоръ съ Анемоновымъ вспомнился ей теперь. „Дѣлать опыты" надъ этимъ семидесятникомъ она не была расположена. Но онъ талантливъ, много испыталъ, въ немъ должны сидѣть коренныя черты русскаго идеалиста, такъ непохожаго на все то, что̀ гуляетъ по Европѣ подъ разными красивыми вывѣсками.

Музыканты стали показываться на эстрадѣ. Изъ воротъ потянулась обратная вереница дачницъ, ходившихъ домой пить чай и закусывать.

— Вотъ вы гдѣ! — раздался надъ ней возгласъ Токарева.

Онъ шелъ съ дамой, одѣтой въ темное, похожей на пожилую компаньонку—такъ опредѣлила ее Студенцова. Позади пробирался Разсудинъ — пальто въ накидку, въ своей невзрачной, полинявшей шляпѣ.

Токаревъ познакомилъ ее съ Анохиной. Та немного конфузливо пожала ей руку, сама не сѣла, а уступила мѣсто около

нея брату. Токаревъ отвелъ ее подъ навѣсъ, гдѣ они и помѣстились.

Еще недавно—особенно за границей—Студенцовой было бы несовсѣмъ ловко имѣть рядомъ такого дурно одѣтаго мужчину. Тамъ его приняли бы сейчасъ же за „мизерабля", а то такъ и за „анархиста". Но здѣсь она не испытывала никакой неловкости. Вся эта пестрая, принаряженная публика какъ бы не существовала для нея.

Разсудинъ нервно озирался и немного ёжился, сидя на краю скамьи.

— Мѣсто есть,—сказала ему Студенцова и, подвинувшись, пригласила его движеніемъ руки.

Оркестръ заигралъ, и съ первыхъ же звуковъ все притихло. У Студенцовой не было афиши, но она сейчасъ же узнала Вагнера, и чтò именно.

Это ее отнесло къ поѣздкѣ въ Байрёйтъ, два года назадъ. Тогда она предавалась усиленному вагнеризму въ кружкѣ своихъ парижскихъ пріятелей. Теперь она уже далеко не въ тѣхъ же восторженныхъ чувствахъ къ „великому романтику конца вѣка" — какъ называетъ его Анемоновъ; но только музыка и будитъ въ ея душѣ лирическія ноты и навѣваетъ грезы...

Она слушала, полузакрывъ глаза. Передъ ней всплыла декорація и трагическая чета, обреченная на гибель отъ любовнаго яда. Она знала многіе стихи текста и беззвучно повторяла ихъ за переливами безконечной, колеблющейся мелодіи.

Разразились рукоплесканія.

Студенцова раскрыла глаза. Разсудинъ сидѣлъ согнувшись и смотрѣлъ впередъ затуманеннымъ взглядомъ, очень блѣдный.

— Не правда ли чудесно?—окликнула она его.

— Это чтò такое?—спросилъ онъ.

— Знаменитая сцена изъ „Тристана и Изольды".

— Очень хорошо... только это какой-то гипнозъ.

— Если хотите—да... Полетъ туда-туда!..

Она провела рукой.

— Не знаю, — отозвался Разсудинъ, обернувшись къ ней лицомъ. — Тутъ какая-то смѣсь мистики... съ самымъ утонченнымъ...

Слово остановилось у него.

— Сладострастіемъ?—подсказала она вполголоса.

Онъ замѣтно стѣснялся.

— Это... въ сущности растлѣвающая музыка,—выговорилъ онъ, помолчавъ.

— Но въ ней,—добавила Студенцова, — человѣкъ нашей эпохи сказался съ своей жаждой чего-то высшаго... того блаженства, какого не даетъ ничто—только полезное и необходимое.

— Гипнотизмъ!—повторилъ Разсудинъ.—И умышленное дѣйствіе на нервы. Развѣ это честное... искусство?

— Не знаю,—тихо отвѣтила она и чего-то не досказала.

XXII.

Пелена молочнаго цвѣта окутывала все прибрежье. Вода лежала тихая и блѣдная, сливаясь съ небомъ. Было еще совсѣмъ свѣтло, а шелъ уже давно первый часъ ночи.

Ни единой тѣни не приближалось ни справа, ни слѣва—вдоль линіи воды.

На длинной скамьѣ, противъ водолечебницы—на сыпучемъ пескѣ—сидѣли только двое. Это были Студенцова и Разсудинъ.

Сестра его ушла съ Токаревымъ съ полчаса назадъ.

Голоса точно таяли въ тишинѣ прибрежья. Сзади сосны чуть-чуть шептались. На небѣ мелкими искрами, сквозь молочную пелену, загорались звѣзды.

Студенцова указала на одну изъ нихъ и провела въ воздухѣ рукой, въ черной длинной перчаткѣ.

Говорила она медленно, съ широко раскрытыми глазами. Блѣдный овалъ ея лица уходилъ въ густыя пряди, зачесанныя на уши.

— Да, Павелъ Ѳедоровичъ, вотъ то, что̀ тамъ творится, куда и откуда идетъ все—только это и есть великій вопросъ и самая соблазнительная тайна... И вѣчная,—прибавила она, опустивъ голову на другую руку, которой подперлась.

— Почему вѣчная?—спросилъ Разсудинъ.—Наука всесильна въ своемъ развитіи.

— Можетъ быть... Но я вѣдь это говорю безъ всякой задней мысли.

— Не это одно великій вопросъ, Евгенія Андреевна,—отозвался Разсудинъ, немного заикаясь, какъ всегда, когда онъ оживлялся.—Правда и добро—простое, заурядное добро. А до небесныхъ сферъ намъ далеко!...

— Я знаю... Но развѣ нельзя, хоть въ минуты просвѣтленія, подняться надъ человѣкомъ, надъ его жизнью, надъ его жалкой нищенской долей?.. Можно и должно! Иначе чѣмъ больше живешь, тѣмъ мрачнѣе все кажется. И безсмысленнѣе!

Она тихо засмѣялась.

— Вы думаете, я хочу рисоваться пессимизмомъ? Нѣтъ, я не того ищу. И будь у меня поэтическій талантъ, я бы не стала писать такія вещи, какъ поэтесса Аккерманъ. Вы читали ее, конечно?

— Поэтесса?—переспросилъ Разсудинъ.—Нѣтъ, не доводилось... Вообще, Евгенія Андреевна, я въ послѣдніе годы порядкомъ мало читалъ. А вы, я вижу, очень хорошо знакомы... со всѣмъ новымъ парижскимъ движеніемъ. Только вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь моимъ незнаніемъ. Простите меня.

Разсудинъ сказалъ это съ тихой и милой усмѣшкой. Въ этой дѣвушкѣ-„франтихѣ" онъ слышалъ сегодня что-то гораздо болѣе искреннее. Ея тонъ подкупалъ его.

Ей самой хотѣлось высказаться передъ нимъ. Совсѣмъ не такъ она себя чувствовала, какъ нѣсколько дней назадъ, на томъ же штрандѣ, съ „эфебомъ" Шпандинымъ. Было что-то глубоко убѣжденное и чистое въ этомъ человѣкѣ. И ея память приводила ей цѣлый рядъ картинъ и лирическихъ мѣстъ изъ его очерковъ, написанныхъ въ ссылкѣ.

— Старуха Аккерманъ, — продолжала Студенцова, — была слѣпая фанатичка пессимизма... и цѣломудрія,—прибавила она съ юморомъ.—Видомъ она была похожа на толстую ключницу. Женскихъ чувствъ она не имѣла и презирала все, что̀ отзывается инстинктомъ. Но вѣдь ея отношеніе къ жизни и къ міросозданію взято напрокатъ у мужчинъ. Смѣшно обращаться къ природѣ съ такими вотъ тирадами:

Eh bien! Reprends donc ce peu de fange obscure,
Qui pour quelques instants s'anima sous ta main,
Dans ton dédain superbe—implacable Nature—
Brise à jamais le moule humain!

— Да это, по моему, и не поэзія, а красивое резонерство.

Голосъ ея зазвучалъ сильно и широко, когда она произносила эти четыре стиха.

— Какъ вы славно читаете! — откликнулся Разсудинъ.— Должно быть, учились тамъ?

— Немножко.

— Быть можетъ, и сами писали?

— Пробовала... французскіе стихи. Такъ, дурачилась... Нѣтъ, —продолжала она, впадая опять въ тонъ задушевнаго разговора.— Не того жаждутъ теперь самые чуткіе люди—мужчины и женщины—и вездѣ, вездѣ!.. Нужды нѣтъ, что нѣкоторые ударились

въ разныя крайности и—на иной взглядъ—юродствуютъ или озорничаютъ. Нужды нѣтъ! Подо всѣмъ этимъ кроется голодъ души! Хочется взлетѣть какъ можно выше. Хочется схватывать въ жизни природы, въ своемъ сердцѣ, въ мозгу, въ страсти, даже въ нервахъ,—въ преступленіи, во всемъ, во всемъ томъ, что̀ даетъ трепетъ и восторгъ, еще неиспытанный доселѣ!

Голосъ ея чуть вздрагивалъ; была пѣвучесть въ немъ, но безъ рисовки. Разсудинъ слушалъ въ тихомъ волненіи.

— Всѣмъ хочется жить, Павелъ Ѳедоровичъ, жить безконечно! И адски страшно—конца! Вотъ они и ожесточаются, и отрицаютъ, и скрежещутъ зубами, или видятъ во всемъ только гниль, нелѣпость, хаосъ, мистификацію слѣпого случая.

— Вѣрно-съ, вѣрно-съ!—повторилъ онъ вполголоса, удивленный тѣмъ, что̀ слышитъ отъ нея.

— Вотъ вы не боялись конца, когда жили тамъ, въ окоченѣлой юртѣ?! И знаете,—она перевела дыханіе:—для меня ваши разсказы получили особый смыслъ. Это было въ Парижѣ... въ самый разгаръ моего увлеченія всякими... вы бы сказали, пожалуй, „мозговыми фасонами“. Одинъ русскій принесъ мнѣ связку нумеровъ газеты, и предупредилъ, что это не тенденціозно...

— Иначе вы бы и читать не стали?—спросилъ Разсудинъ.

— Конечно! Я и теперь скажу: на меня трудно подѣйствовать только тѣмъ, что авторъ пострадалъ и изнываетъ въ ссылкѣ. Онъ шелъ на это сознательно. Если я на войнѣ и меня искалѣчатъ—простая порядочность заставляетъ выносить все, безъ малодушныхъ оховъ.

— Вѣрно,—выговорилъ онъ, какъ бы про себя.

— Меня, кромѣ вашего таланта, поэтическаго тона и чудесныхъ картинъ, брала зависть, и вотъ къ чему...

— Зависть?

— Да. Ясности души вашей я завидовала. Способности отдаваться своимъ думамъ и настроеніямъ въ такой ужасной обстановкѣ. Вотъ этого-то я и не видала у моихъ пріятелей... даже у самыхъ смѣлыхъ. Они сочиняли себѣ душу; а вы ею жили. Тогда я уже начала присматриваться къ нимъ попристальнѣе. Тотъ ломается, тотъ трусить жизни, этотъ убѣжалъ отъ нея въ напускной мистицизмъ; а кто и просто грязный циникъ, съ распатанными нервами.

Разсудинъ остановилъ ее жестомъ головы.

— Какъ же вы сейчасъ сказали,—возразилъ онъ:—что подо всѣмъ этимъ кроется жажда высшей духовной жизни?

— Да, кроется. Но это уже общее... какъ бы сказать...

вѣяніе, что-ли... Нѣтъ, я не люблю этого слова! Оно слишкомъ заѣзжено...

— Все равно... Я понимаю.

— А натура и среда берутъ свое. Не у нихъ однихъ народился такой сортъ людей. И у насъ также.

— Будто?—проронилъ Разсудинъ.

— Да хоть бы я?!—выговорила Студенцова и провела рукой по волосамъ.—Но вы не бойтесь!—воскликнула она, выпрямляясь: —я не буду, для перваго же знакомства, читать вамъ лекцію о собственной душѣ!

XXIII.

И ему, и ей хотѣлось говорить долго. Они могли просидѣть всю ночь. Разсудинъ чувствовалъ себя немного странно около этой молодой женщины, такъ непохожей на всѣхъ, кого онъ встрѣчалъ и въ студенческое время, и послѣ, въ Петербургѣ, въ литературныхъ кружкахъ, и въ ссылкѣ. Она не рисовалась, тонъ ея былъ искренній. Но не такой, чтобы вызывать въ немъ полную откровенность. Что-то лежало между ними. Настоящихъ, сердечныхъ струнъ какъ будто не трепетало во всемъ томъ, что̀ она говорила.

Это исканіе высшихъ настроеній души—не звучало ли оно чѣмъ-то похожимъ на утонченное равнодушіе ко всему, что̀ не свое „я"!?..

Но онъ не возражалъ ей и слушалъ, невольно любуясь тѣмъ, какъ она высказывается.

— Вы согласитесь, Павелъ Ѳедоровичъ,—заговорила опять Студенцова, наклонившись къ нему всѣмъ своимъ стройнымъ бюстомъ:—почему-нибудь да слышатся, напримѣръ, возгласы противъ... науки? Ваше поколѣніе въ нее вѣрило безусловно. А теперь кричатъ, что она обанкрутилась.

— Кто кричитъ?—какъ бы про себя спросилъ Разсудинъ.

— Не обскуранты! Профессора, писатели, критики. Множество студентовъ, въ Латинскомъ кварталѣ, повернули въ другую сторону. Самыя популярныя у нихъ имена—кто? Идеалисты, неокатолики!.. И потребность въ вѣрѣ все ростетъ.

— Не знаю... Я тамъ не бывалъ.

— Вѣроятно, и у васъ тоже за послѣдніе годы. Позитивизмъ теперь въ пренебреженіи. Молодые поэты издѣваются и надъ натурализмомъ. Для нихъ Зола̀—„une ganache"! Не выше

фельетонныхъ романистовъ, которые пишутъ по четыре су за строчку. И даже люди безъ религіозныхъ вѣрованій, напримѣръ, хоть бы критикъ Брюнетьеръ... И онъ выступилъ съ громовой статьей о банкротствѣ науки...

— И пускай себѣ!—промолвилъ Разсудинъ.

— И ему сочувствуютъ, потому что химія, и физіологія, и микроскопъ, и естественный подборъ, и что̀ вамъ угодно—не даютъ отвѣта на то, къ чему рвется душа. Они безсильны противъ зла, страданій, смерти, хаоса!

Почему-то ей пришелъ тутъ на память разговоръ со Шпандинымъ о парижскихъ романистахъ.

— Да вотъ вамъ еще одинъ примѣръ... Отъявленный циникъ и пессимистъ сколько лѣтъ сидѣлъ по уши въ крайнемъ натурализмѣ... Ни во что не вѣрилъ, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ отрицанія смысла жизни. И теперь онъ преклоняется—передъ кѣмъ и передъ чѣмъ? Передъ экстазомъ... передъ аскетами и затворниками! Онъ нашелъ путь, и такъ и назвалъ свой романъ.

— Какъ же именно?

— „*En route*“. И мнѣ понятно это исканіе другой дороги. Можетъ быть, онъ и не сталъ католикомъ; но онъ жаждетъ того, чего никакая наука не дастъ. И ничто не дастъ—никакая работа, никакое дѣло, ничто, ничто!

Она сдѣлала широкій взмахъ правой рукой.

— Любовь дастъ это,—обронилъ Разсудинъ.

— Какая?

— Къ человѣку... разумѣется, не чувственная...

— Но до нея надо дойти, Павелъ Ѳедоровичъ. Эта высшая любовь не дается такъ, отто̀го только, что будешь читать поучительныя книжки... Или даже ходить по бѣднымъ...

Она прервала себя, какъ бы боясь вдаться въ личныя изліянія.

— Почему,—начала она опять въ томъ же тонѣ,—почему для тѣхъ, кто ищетъ чего-то по ту сторону... внѣшнихъ явленій, почему, спрошу я васъ, для нихъ такъ интересно все, что̀ не ячейка, не плазма, не микробъ, а особенныя, новыя состоянія нашего „я“?

— Гипнотизмъ, что-ли?—подсказалъ Разсудинъ.

— Я видѣла въ Парижѣ удивительные опыты... и не у шарлатановъ, а въ клиникѣ... Меня водили...

— Напримѣръ, что̀ же?

— Напримѣръ, явленія трансферта. Когда магнитъ дѣлаетъ то, что отъ одного субъекта внушенное ему чувство переходитъ къ другому...

— Наука объяснитъ и это... Когда-нибудь!..

— Ха, ха! А мы тѣмъ временемъ успѣемъ всѣ сгнить?! Такъ хочется вырваться изъ банальностей здраваго смысла и мертвыхъ приговоровъ науки!..

Этотъ возгласъ прозвучалъ у нея горячей нотой. Разсудинъ поглядѣлъ на нее смѣлѣе и пристальнѣе. Она не смотрѣла истеричкой. Слишкомъ складно она говорила, и въ голосѣ не дрожало болѣзненной нервности.

— Вы знаете что... Павелъ Ѳедоровичъ... Мнѣ никогда не бываетъ такъ хорошо, какъ въ минуты, правда очень рѣдкихъ, галлюцинацій...

— Вы имъ подвержены?

— Да... Не больше, какъ раза два-три въ годъ. Послѣ мигреней или такъ, при совершенно ясной головѣ.

Разсудинъ потупился, не зная, что сказать.

„Неужели она меня вышучиваетъ"?—почти сконфуженно подумалъ онъ.

— Ко мнѣ является всегда полковница изъ Роттердама... Пожилая, очень приличная, въ чепчикѣ... Я ее такъ и прозвала: „голландская полковница".

Ему начинало дѣлаться жутко.

— Войдетъ и сядетъ противъ меня.

— И все это вамъ только представляется?—спросилъ Разсудинъ, глядя на нее уже болѣе спокойно.

— Разумѣется. Я ее тотчасъ же узнаю.

— И вамъ не страшно дѣлается?

— Привыкла. Она веселая. Ничего въ ней нѣтъ зловѣщаго. Напротивъ!

— Вѣдь вамъ бы посовѣтоваться съ врачомъ?—выговорилъ онъ опять нѣсколько смущенно.

— Я ходила даже къ покойному Шарко. Онъ мнѣ сказалъ: „не обращайте вниманія". Сойти съ ума я не боюсь. Да и почемъ я знаю, что это будетъ хуже такъ-называемой здравой жизни?

— Полноте!

„Неужели она рисуется"?—подумалъ онъ.

— У самыхъ нормальныхъ людей бываютъ галлюцинаціи. Тургеневъ, говорятъ, видѣлъ иногда кошку... какъ та пробирается по комнатѣ...

Она встала и, взглянувъ на море, спросила:
— А который часъ?
— Десять минутъ третьяго...
— Простите! Какъ я разболталась! Идемте! Идемте!

П. Боборыкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ АЛЯСКА

Путевыя наблюденія и замѣтки.

...Вотъ уже пятыя сутки, какъ я живу въ одномъ и томъ же вагонѣ, въ томъ самомъ вагонѣ, въ которомъ я выѣхалъ изъ Чикаго, и въ которомъ я долженъ пріѣхать въ Санъ-Франциско. Противъ меня сидитъ калифорнійскій адвокатъ, мистеръ Моргенталь, возвращающійся изъ путешествія по Европѣ. Онъ очень расхваливаетъ Санъ-Франциско и увѣряетъ меня, что нигдѣ, во всемъ мірѣ, не чувствуетъ себя такимъ молодцомъ, какъ въ этомъ мѣстѣ на берегу Тихаго океана, гдѣ никогда не бываетъ ни жарко, ни холодно, а гдѣ всегда тепло и хорошо.

— Нѣтъ, вы поживите въ Калифорніи, а особенно въ Санъ-Франциско; поживите съ мѣсяцъ... Да вы такъ полюбите нашъ городъ, что, вѣроятно, бросите все и къ намъ переселитесь совсѣмъ... Знаете, серьезно, такихъ случаевъ было много: поживутъ и остаются.

— Мѣсяцъ — долго, — отвѣчалъ я: — мнѣ надо торопиться въ Мексику, а въ Санъ-Франциско мнѣ нечего дѣлать цѣлый мѣсяцъ.

— Какъ нечего дѣлать?.. Да вы займитесь собираніемъ свѣдѣній объ Аляскѣ. Выясните вопросъ о томъ, насколько Аляска двинулась впередъ съ тѣхъ поръ, какъ мы ее купили у Россіи. Въ Санъ-Франциско живутъ всѣ купцы, ведущіе торговлю съ Аляской; сходите въ „Alaska Commercial Company“;

да, наконецъ, вашъ архіерей, завѣдующій аляскинской епархіей, живетъ въ Санъ-Франциско.

Слова мистера Моргенталя меня заинтересовали, и какъ только я отдохнулъ въ Санъ-Франциско отъ длиннаго путешествія, такъ отправился собирать свѣдѣнія объ Аляскѣ.

Во-первыхъ, я зашелъ въ нашу православную церковь, находящуюся въ концѣ улицы Повель. Найти эту церковь было не легко, такъ какъ она ничѣмъ не выдѣлялась изъ остальныхъ домовъ улицы: обыкновенный трехъ-этажный домъ съ балкончикомъ, окруженный небольшимъ садикомъ — это и была наша церковь.

На крыльцѣ стоялъ брюнетъ, лѣтъ сорока-пяти, въ широкомъ пиджакѣ и мягкой фѣтровой шляпѣ.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ я по-русски: —это православная церковь?

Отвѣтъ получился утвердительный, и изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что мой собесѣдникъ — церковный староста—С. П. П., родомъ армянинъ, долгое время служившій поваромъ на пароходѣ „Россія". Онъ очень любезно объяснилъ мнѣ, что свѣдѣній объ Аляскѣ навѣрно не откажется сообщить мнѣ священникъ.

Въ это время на противоположной сторонѣ улицы показались два господина: одинъ молодой блондинъ, высокій и худощавый, другой—небольшого роста и полный; оба были одѣты настоящими американцами—въ сѣрыхъ пиджакахъ—и оба защищались зонтиками отъ лучей южнаго солнца.

— А вотъ и нашъ священникъ съ отцомъ дьякономъ,—сказалъ П.:—легки на поминѣ...

Чрезъ нѣсколько минутъ я уже разговаривалъ съ ними. Священникъ разсказалъ мнѣ, что онъ изъ могилевской губерніи, окончилъ курсъ въ петербургской духовной академіи и уже семь лѣтъ живетъ въ Санъ-Франциско. О. дьяконъ оказался товарищемъ моего брата по кадетскому корпусу и по академіи генеральнаго штаба, гдѣ онъ, о. дьяконъ, провелъ нѣкоторое время на первомъ курсѣ.

— Я только съ мѣсяцъ сюда пріѣхалъ и не успѣлъ еще хорошенько осмотрѣться, говорилъ онъ, но мое дѣло мнѣ нравится... у меня, должно быть, призваніе...

— Ну, а служить-то вы твердо научились?—спросилъ я.

— Довольно-таки твердо... да вотъ посудите сами: завтра—воскресенье, приходите къ 9 часамъ утра; да не бойтесь—у насъ обѣдня не затягивается...

Я поблагодарилъ за приглашеніе и обѣщалъ придти.

— Вотъ жалко, преосвященнаго нѣтъ въ Санъ-Франциско,— сказалъ священникъ:—онъ могъ бы вамъ многое поразсказать объ Аляскѣ: онъ вѣдь по ней путешествовалъ.

— Въ Аляскѣ ужасъ чтò теперь дѣлается! — воскликнулъ отецъ дьяконъ:—котиковъ всѣхъ перебили; коренныхъ жителей— всѣхъ споили... американцы вѣдь безжалостны, когда рѣчь зайдетъ о наживѣ...

— Къ сожалѣнію, многое изъ этого вѣрно, — подтвердилъ болѣе покойнымъ тономъ о. Николай:—съ тѣхъ поръ какъ Россія продала Аляску американцамъ, православіе въ Аляскѣ стало все падать и падать...

— Почему же это,—спросилъ я,—и какая религія вытѣсняетъ православіе?

— Много причинъ... Во-первыхъ мы располагаемъ недостаточными средствами: на все въ годъ 50 тысячъ рублей золотомъ... И на это-то мы должны содержать здѣшнюю церковь, пять приходовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, и въ Аляскѣ девять церквей, и около 50 часовенъ; но главное—въ Аляскѣ идетъ безпрепятственное совращеніе православныхъ въ католичество, лютеранство, пресвитеріанство... Заходите завтра, а послѣ обѣдни я вамъ дамъ свѣдѣнія изъ нашихъ вѣдомостей; а пока не хотите ли осмотрѣть церковь?

Я, конечно, согласился съ удовольствіемъ, и мы вошли въ длинную большую комнату, занимающую всю лѣвую часть втораго и третьяго этажей дома; правую же часть занимала квартира архіерея и помѣщеніе консисторіи. Въ церкви было чисто и свѣтло. Вдоль стѣнъ стояло 25—30 стульевъ и скамейки. Я указалъ на нихъ отцу Николаю.

— Это уступка Америкѣ? — сказалъ я.

Отецъ-Николай пожалъ плечами, махнулъ рукой и со вздохомъ произнесъ:

— Чтò дѣлать!..

— И вы вотъ,—сказалъ я, — съ отцомъ дьякономъ ходите въ статскомъ, съ подстриженными волосами; — это тоже поражаетъ съ непривычки.

— Это-то разрѣшено синодомъ... иначе невозможно; но и безъ стульевъ нельзя: кто здѣсь наши прихожане? греки, армяне и еще американцы изъ любопытныхъ... настоящихъ русскихъ приходятъ три-четыре человѣка: консулъ, да еще кое-кто, ну, а здѣшніе жители не будутъ ходить, если имъ не поставить стула... Привычка... чтò дѣлать...

— Конечно, конечно,—поспѣшилъ я успокоить о. Николая: —вѣдь и въ Россіи въ церквахъ не воспрепятствуютъ садиться, кто не можетъ стоять,—это не важно.

На другой день къ девяти часамъ утра я былъ уже въ православной церкви. Въ корридорѣ я встрѣтился съ молодымъ отцомъ дьякономъ, который спѣшилъ переодѣваться: его видимо волновало новое для него дѣло службы. Отецъ-Николай былъ уже въ алтарѣ, а въ совершенно пустой церкви солидно расхаживалъ одинъ лишь староста П. Онъ отперъ свѣчной ящикъ и осмотрѣлъ кадило.

— Свѣчи-то изъ Россіи? — спросилъ я.

— Нѣтъ, здѣсь покупаемъ: высока пошлина; да нехороши: —не чистый воскъ.

Дьяконъ, въ полномъ облаченіи, прошелъ въ алтарь съ озабоченнымъ видомъ.

— Еще неопытенъ въ службѣ,—сказалъ П.

Пришли пѣвчіе: четыре дѣвочки, два мальчика и три взрослыхъ дѣвицы,—всѣ греки, почти ни слова не понимающіе порусски; они встали у правой стѣны, противъ алтаря; къ нимъ присоединилась, какъ мнѣ объяснилъ П., жена отца-Николая, красивая блондинка, съ цѣлой шапкой бѣлокурыхъ локоновъ на головѣ. Началась служба. Отецъ дьяконъ волновался, голосъ его дрожалъ и иногда срывался.

— Поворачивается по-военному,—сказалъ мнѣ П. на ухо;— не успѣлъ еще отвыкнуть.

Богомольцевъ было мало; въ началѣ обѣдни я даже думалъ, что буду единственнымъ слушателемъ. Но къ половинѣ обѣдни публика начала набираться: пришли человѣкъ 10 грековъ, одна словатка изъ Австріи, 6 гречанокъ и человѣкъ 7 дѣтей. Дамы нѣсколько разъ садились на стулья, мужчины же стояли безъ отдыха. Четыре человѣка дали П. по 5—10 центовъ, и онъ ставилъ свѣчи предъ мѣстными иконами.

Ровно часъ длилась обѣдня. Когда публика удалилась, отецъ Николай пригласилъ меня въ пріемную архіерея, гдѣ жена отца Николая разливала „русскій чай". Жена отца-Николая оказалась уроженкой Санъ-Франциско. Она ровно ничего не понимала по-русски, хотя отецъ ея—Кедроливанскій—былъ православнымъ священникомъ, и прежде занималъ мѣсто отца-Николая. Все оригинально въ этой далекой отъ насъ сторонѣ. Кромѣ меня, пришли пить чай: отецъ-дьяконъ, какой-то русскій г. Алексан-

ровъ, и только-что пріѣхавшій въ Санъ-Франциско князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ. Г. Александровъ выказывалъ склонность обсуждать важные вопросы.

— Я слышалъ,—говорилъ онъ,—что предполагается возсоединеніе церквей, римско-католической и православной.

— Это возможно, если только католики согласятся усвоить правильное воззрѣніе на исхожденіе Святаго Духа и согласятся исправить другія догматическія заблужденія,—спѣшилъ отвѣтить отецъ-дьяконъ, очевидно желавшій доказать, что хотя онъ и недавно сталъ лицомъ духовнымъ, но дѣло свое все-таки понимаетъ хорошо.

Князь Голицынъ увѣрялъ, что онъ отъ Каспійскаго моря проѣхалъ сухимъ путемъ въ Индію, что до него никто не проѣзжалъ по этому направленію, что изъ Индіи онъ проѣхалъ въ восточную Сибирь, на Сахалинъ, и оттуда, чрезъ океанъ, пріѣхалъ въ Санъ-Франциско. На Сахалинѣ онъ видѣлъ Софью Блювштейнъ—„золотую ручку"—и разговаривалъ съ ней два часа. И много еще необыкновеннаго разсказывалъ намъ князь. Къ двѣнадцати часамъ всѣ гости разошлись, а я съ отцомъ Николаемъ пошелъ въ консисторію, которая помѣщалась въ задней части архіерейской квартиры.

— Вотъ наша консисторія и канцелярія—все вмѣстѣ,—сказалъ отецъ Николай.

— А не тѣсно тутъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего; вѣдь насъ, членовъ-то здѣшней консисторіи, всего только три человѣка: преосвященный, я и отецъ-дьяконъ.

Отецъ-Николай досталъ вѣдомости, списки, отчеты, и сталъ мнѣ диктовать, а я записывалъ съ его словъ. Вотъ эти данныя:

Въ Аляскѣ всего 9 церквей и 51 часовня. Епископская каѳедра находится въ Санъ-Франциско, и тамъ же и духовная консисторія. Жалованье архіерея, при готовой квартирѣ, 5.000 руб. золотомъ; жалованье самого отца-Николая—2.754 руб. золотомъ, —отца-дьякона—1.576 руб. золотомъ. На содержаніе псаломщика, церковнаго старосты и церковнаго сторожа—1.084 руб. золотомъ — всѣ эти должности исправлялъ П. За симъ идутъ собственно аляскинскіе приходы:

1) Приходъ Ситха находится на островѣ. Священникъ отецъ Донской, родомъ сибирякъ, служитъ уже 6 лѣтъ, получаетъ въ годъ жалованья 2.107 р. золотомъ; при немъ два псаломщика, оба вмѣстѣ получаютъ 1.176 р. зол. Прихожанъ считается 583 м. и 621 ж. Въ церковно-приходской школѣ 66 учениковъ, и въ пріютѣ призрѣвается 10 человѣкъ.

2) Приходъ Кадіакъ, тоже на островѣ. Священникъ о. Шаламовъ; жалованье 2.107 р. зол. Два псаломщика получаютъ 1.176 р. зол. Прихожанъ — 915 м. и 815 ж. Въ школѣ 45 человѣкъ.

3) Приходъ Кенай, на полуостровѣ. Священникъ о. Ярошевичъ изъ Варшавы, недавно назначенный; жалованье 1.764 р. зол., и на псаломщика 588 р. зол. Прихожанъ 551 м. и 488 ж. Школы нѣтъ.

4) Приходъ Бѣльковскъ, на полуостровѣ Аляскѣ. Священникъ о. Миропольскій, изъ Калуги; служитъ уже 20 лѣтъ, жалованья получаетъ 980 р. зол., а псаломщикъ 588 р. зол. Прихожанъ 220 м. и 224 ж.; въ школѣ 25 человѣкъ.

5) Приходъ Уналашка, на островѣ; священникъ іеромонахъ Митрофанъ, изъ Саратова; назначенъ недавно; жалованье 2.107 р. зол.; двумъ псаломщикамъ — 1.176 р. Прихожанъ 440 м. и 495 ж.; въ школѣ 16 человѣкъ.

6) Приходъ на островѣ св. Павла; священникъ—креолъ, о. Рысевъ, образованія не получилъ; содержаніе получаетъ отъ прихожанъ, которыхъ насчитывается 84 м., 135 ж.; школы нѣтъ.

7) Приходъ на островѣ св. Георгія; священникъ—креолъ, о. Лестеньковъ; образованія не получилъ; содержаніе получаетъ отъ прихожанъ, которыхъ 39 м. и 46 ж.; школы нѣтъ.

8) Приходъ Нушагакъ, на рѣкѣ Юконѣ; священникъ о. Модестовъ, изъ тульской губерніи, назначенъ недавно; жалованье 2.107 р. з., и на псаломщика 588 р. з. Прихожанъ 1.351 м., 1.308 ж.; въ школѣ 15 человѣкъ.

9) Приходъ Квихпахъ, на рѣкѣ Юконѣ; священникъ о. Захарій Бѣльковъ, креолъ; получаетъ жалованья 2.107 р. з., и на двухъ псаломщиковъ 1.176 р. з. Прихожанъ 2.767 м. и 2.514 ж.; школы нѣтъ.

Общій ежегодный расходъ на содержаніе епископской каѳедры, всѣхъ 9 аляскинскихъ и 6 сѣверо-американскихъ приходовъ, церквей, школъ, пріютовъ и причтовъ — 49.776 р. зол. При всѣхъ девяти аляскинскихъ приходахъ прихожанъ 6.950 м. и 6.646 ж., всего 13.596 человѣкъ, да еще вокругъ Санъ-Франциско православныхъ грековъ и славянъ насчитывается 700 м. и 250 ж. На это число въ церковно-приходскихъ школахъ обучается 167 чел., или всего-на-все около 1% населенія, иными словами: изъ 8 человѣкъ дѣтей школьнаго возраста обучается лишь одинъ. Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, кромѣ Санъ-Франциско, есть еще пять православныхъ

приходовъ, которые принадлежатъ къ той же епископской каѳедрѣ.

Приходъ Минеаполисъ, въ штатѣ Миниссота; священникъ о. Маляревскій, изъ тульской губерніи; жалованье священника и причта — 2.156 р. зол. Прихожанъ — 530 человѣкъ.

Приходъ Чикаго, въ штатѣ Иллинойсъ; священникъ изъ уніатовъ о. Амвросій Вренга. Прихожанъ 517 человѣкъ.

Приходъ Вилькесбарре, въ штатѣ Пенсильванія; священникъ изъ уніатовъ о. Алексѣй Товтъ; жалованье 1.152 р. зол. Прихожанъ около 1.000 человѣкъ.

Приходъ Осцеола-Мильсъ, въ штатѣ Пенсильванія; священникъ изъ уніатовъ, Викторъ Товтъ; жалованье 1.000 р. зол. Прихожанъ около 600 человѣкъ.

Приходъ Питсбургъ, въ штатѣ Пенсильванія; священника и церкви нѣтъ еще, а есть лишь залъ для службы; прихожанъ около 400 человѣкъ; служитъ священникъ изъ предъидущаго прихода.

Продиктовавъ мнѣ всѣ эти данныя, отецъ-Николай передалъ мнѣ книжку, написанную въ 1893 г. преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ алеутскимъ и аляскинскимъ и носящую названіе: „Изъ моего дневника“.

— Вотъ прочитайте-ка эту книгу,—сказалъ онъ,—и вы составите себѣ понятіе, въ какомъ положеніи находится проповѣдь православія въ Аляскѣ.

— Ну, а ваше мнѣніе?—спросилъ я:—развивается православіе въ Аляскѣ или пропадаетъ, и если пропадаетъ, то почему?

— Мнѣ кажется,—сказалъ отецъ Николай,—что православіе въ Аляскѣ таетъ, и таетъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, православными въ Аляскѣ являются коренные мѣстные жители, и эти коренные мѣстные жители, эскимосы, алеуты и др., несомнѣнно вымираютъ; а во-вторыхъ, православіе таетъ подъ напоромъ проповѣди католицизма, протестантизма, пресвитеріанства и др. вѣроученій.

— Чтò же надо сдѣлать, чтобы поддержать православіе въ Аляскѣ?—спросилъ я.

— Необходимо затрачивать втрое и вчетверо болѣе того, чтò мы теперь затрачиваемъ, обновить духовенство, а главное открыть хорошія школы.

— А стоитъ ли Россіи затрачивать деньги на школы въ Аляскѣ,—спросилъ я,—когда въ самой Россіи школъ недостаточно?

— Ну уже это другой вопросъ,—сказалъ отецъ Николай:—это уже судите сами.

Книга, данная мнѣ отцомъ Николаемъ, оказалась очень интересной: въ ней епископъ Николай описывалъ свои впечатлѣнія, возникшія во время путешествія по Аляскѣ. На островѣ Уналашкѣ преосвященный Николай засталъ священникомъ о. Рысева, креола, переведеннаго впослѣдствіи въ приходъ на островъ св. Павла. О. Рысевъ, какъ и всѣ прочіе аляскинскіе священники-креолы, посвященъ былъ изъ псаломщиковъ и нигдѣ курса не кончилъ. О. Рысевъ встрѣтилъ преосвященнаго во время петровскаго поста, но, несмотря на это, самъ ѣлъ молоко и сливочное масло и угощалъ имъ архіерея [1]). Въ церкви преосвященный нашелъ невозможный безпорядокъ: паникадило валялось на полу; сгнившія балки провисли и угрожали паденіемъ; половая щетка стояла въ алтарѣ, и изъ алтаря же вела на чердакъ лѣстница, увѣшанная тряпками для просушки. Дѣти въ школѣ ровно ничего не знали, даже не могли прочитать самыхъ обыкновенныхъ молитвъ [2]). На островѣ св. Павла преосвященный Николай засталъ священникомъ о. Василія Шаяшникова: „это почти трупъ, а не живой человѣкъ, какая-то развалина живая“ [3]). Въ Квихпахскомъ приходѣ священникъ Захарій Бѣльковъ очень покойно объявилъ архіерею: „катехизиса не училъ, а посему и не знаю его“ [4]). Псаломщикъ Кожевниковъ, ученикъ ничего не знающаго Захарія Бѣлькова, „служитъ у него машинистомъ на пароходѣ, дѣлающемъ рейсы по рѣкѣ Юконъ“; Кожевниковъ даже читаетъ очень плохо, да къ этому, какъ машинистъ, при церкви рѣдко бываетъ“ [5]). На Михайловскомъ редутѣ въ церкви горѣли стеариновыя свѣчи, и священники о. Захарій Бѣльковъ и о. І. Орловъ не знали, что̀ надо пѣть при встрѣчѣ архіерея: „я велѣлъ Бѣлькову,—пишетъ преосвященный,—говорить ектенію, а Орлову пѣть; но, прежде чѣмъ это сдѣлать, они долго отговаривались, что не приготовились къ этому, затѣмъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, была сказана ектенія и пропѣто многолѣтіе“ [6]). Псаломщикъ Кожевниковъ разсердился на архіерея за замѣчаніе; „не взявъ даже благословенія, онъ весьма развязно сѣлъ на сундукъ и сказалъ:—Я пришелъ поговорить съ вами; я не желаю болѣе быть псаломщикомъ и съ сегодняшняго дня

[1]) Стр. 11.
[2]) Стр. 14—15.
[3]) Стр. 22.
[4]) Стр. 27.
[5]) Стр. 27.
[6]) Стр. 28.

прошу не считать меня псаломщикомъ" [1]). На островѣ Кадіакѣ священникъ Мартынъ пришелъ къ архіерею въ сюртукѣ, и на вопросъ послѣдняго, почему нѣтъ службы, „грубо и дерзко отвѣчалъ, что и безъ того много праздниковъ, молебенъ же Мартынъ спуталъ" [2]). Псаломщики Бортновскій и Кошеваровъ не подходили подъ благословеніе, а безъ церемоніи трясли архіерею руку и садились безъ приглашенія [3]). Во время ревизіи книгъ священникъ Мартынъ стучалъ кулакомъ по столу и говорилъ архіерею: „вы пріѣхали придираться". Псаломщикъ Сипягинъ „въ знаніи уставовъ оказался не боекъ, а въ пѣніи и того меньше [4]). На островѣ Нучекъ часовня очень ветха, полъ такъ зыблется, что „то-и-дѣло думаешь, какъ бы не провалиться; иконы стары и заплѣснevѣли" [5]). Вотъ каково православное духовенство въ Аляскѣ! И противъ такихъ-то проповѣдниковъ дѣйствуютъ образованные, энергичные миссіонеры католики, лютеране, пресвитеріане и др. Вотъ чтò говоритъ самъ епископъ Николай объ этихъ миссіонерахъ: „Дорòгой (въ Аляску) я познакомился съ тремя іезуитами... Оказывается, они прекрасно знаютъ исторію іезуитовъ...

„Въ то время,—пишетъ преосвященный Николай,—какъ у нашихъ миссій нѣтъ порядочнаго псаломщика, у другихъ миссій есть и прекрасные учителя, и отличныя школы. Публичная американская аляскинская школа—прекрасное зданіе; учитель весьма симпатичный молодой человѣкъ; въ школѣ много свѣта; парты устроены прекрасно; на стѣнкахъ рельефныя карты и библіотека порядочная" [6])... „Староста часовни былъ американецъ пресвитеріанецъ. Онъ съ истинно американскою аккуратностью далъ мнѣ отчетъ въ церковныхъ деньгахъ... въ прежніе же годы священники все это забирали себѣ" [7]).

Свидѣтельство преосвященнаго Николая настолько опредѣленно, настолько ясно указываетъ на недостатки нашего православнаго духовенства въ Аляскѣ и настолько подчеркиваетъ качества другихъ миссіонеровъ, что излишнимъ оказывается что-либо добавлять. Необходимо только замѣтить, что и до 1867 года, т.-е. еще во время нашего владѣнія Аляской, наше православ-

---

[1]) Стр. 20.
[2]) Стр. 55.
[3]) Стр. 59.
[4]) Стр. 62.
[5]) Стр. 64.
[6]) Стр. 61.
[7]) Стр. 64.

ное духовенство въ Аляскѣ было не только не лучше описаннаго преосвященнымъ Николаемъ, а еще хуже.

Когда я впослѣдствіи побывалъ въ „Alaska Commercial Company“ и познакомился съ ея вице-президентомъ, Густавомъ Густавовичемъ Ньюбаумъ, онъ сказалъ мнѣ, что православіе въ Аляскѣ дѣйствительно падаетъ подъ напоромъ, какъ правильно опредѣлилъ отецъ Николай, вымиранія аборигеновъ и распространенія другихъ религій. По словамъ г. Ньюбаума, на рѣкѣ Юконѣ, въ Квихпахѣ, устроена прекрасная католическая миссія; при ней два монастыря, мужской и женскій. Мужской состоитъ изъ 8 человѣкъ братій, прекрасно образованныхъ и весьма обезпеченныхъ. Іезуиты, съ которыми познакомился епископъ Николай, были именно изъ этой миссіи. Женскій монастырь еще многолюднѣе мужского, и при немъ училище на 200 человѣкъ. Въ городѣ Ситхѣ основана пресвитеріанская миссія. Въ новомъ городѣ Жюно двѣ большихъ миссіи: пресвитеріанская и католическая. Кромѣ этихъ миссій, въ Аляскѣ есть нѣсколько проповѣдниковъ изъ моравской братіи. Всѣхъ жителей въ Аляскѣ насчитываютъ до 50 тысячъ человѣкъ, и если даже вполнѣ довѣрять точности статистическихъ данныхъ православной миссіи, по которымъ число православныхъ опредѣлено въ 13.596 человѣкъ, то и тогда, очевидно, что православныхъ въ Аляскѣ всего лишь 27%. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сравнительной состоятельности различныхъ аляскинскихъ религіозныхъ миссій, г. Ньюбаумъ сообщилъ мнѣ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ въ теченіе года католическая миссія переплатила всего за доставку клади изъ Санъ-Франциско до Аляски около 16.000 долларовъ (32.000 руб.). Миссія „Моравской Братіи“—4.000 долл. (8.000 руб.), пресвитеріанская—1.500 долларовъ (3.000 р.), а православная ничего на это не израсходовала. Отецъ-Николай подтвердилъ свѣдѣнія г. Ньюбаума и добавилъ, что это зависитъ отъ бѣдности православной миссіи. Однако г. Ньюбаумъ возражалъ, что бо̀льшая часть упомянутой имъ клади были товары, торговать которыми, вѣроятно, небезвыгодно религіознымъ конгрегаціямъ, и поэтому инертность православнаго духовенства не можетъ объясняться одною лишь бѣдностью.

По совѣту г. Ньюбаума я купилъ подробное описаніе Аляски, написанное Генрихомъ Эллiотомъ въ 1887 г.: „Our Arctic Province“. Къ сожалѣнію, цифровыя данныя этой книги нѣсколько устарѣли, и потому мнѣ пришлось ихъ исправить по „King's

Handbook of the United States", изд. 1891 г., по „All about Alaska". Issued by the Pacific Coast Steamship Company", 1893— и по статьѣ E. Seidmore — „What has the United States done with Alaska" (книга № 3 „The Century" 1895 г.).

Аляска, какъ извѣстно, была открыта въ 1741 г. двумя русскими мореплавателями—Берингомъ и Чириковымъ. Возвратившіеся въ Камчатку матросы привезли съ собой замѣчательныя шкуры бобровъ, темно-бурыхъ лисицъ, котиковъ и соболей. Вѣсть о томъ, что въ Аляскѣ можно купить чуть не задаромъ прекрасные мѣха у дикихъ аборигеновъ, быстро разнеслась между сибирскими промышленниками, и они цѣлыми массами хлынули въ невѣдомую страну. Въ теченіе полувѣка, или точнѣе съ 1760 г. по 1818 г., въ Аляскѣ и на прилегающихъ островахъ происходили невообразимые ужасы. Грубые, жестокіе и алчные сибирскіе промышленники безпощадно избивали котиковъ, морскихъ коровъ, лисъ, бобровъ и соболей. Звѣри начали исчезать, а морскія коровы, описанныя въ 1750 г. Стеллеромъ, наполнявшія воды Берингова моря и сѣверной части Тихаго океана, совсѣмъ перевелись. Охота на котиковъ не регулировалась никакими правилами: самцы и самки избивались десятками и сотнями тысячъ и испуганныя животныя угонялись съ островомъ въ океанъ. Но особенно безчеловѣчно обращались сибирскіе промышленники съ эскимосами, алеутами и другими аборигенами Аляски. Ихъ не только спаивали и заражали разными болѣзнями, невѣдомыми въ суровой, дѣвственной странѣ,—ихъ буквально закрѣпощали, грабили и убивали при возникновеніи малѣйшихъ споровъ. Сибирскіе промышленники, проникнутые грубыми пріемами тайги, отлично сознавали, что могутъ совершать безнаказанно всевозможныя преступленія въ далекой Аляскѣ. Развѣ можно было ожидать, чтобы какой-нибудь алеутъ или эскимосъ съ береговъ Юкона дошелъ съ жалобой до Петербурга и потребовалъ наказаній за грабежъ, при которомъ были отняты всѣ заготовленныя ими шкуры, или за изнасилованіе дочерей? Простодушныхъ дикарей заманивали къ берегу моря и здѣсь безъ церемоніи мѣха отнимались; сговорчивымъ дикарямъ подносилась водка, а упрямыхъ, „для примѣра", избивали. Подъ вліяніемъ сибирскихъ промышленниковъ патріархальные нравы аляскинскихъ аборигеновъ огрубѣли и ожесточились. Дикари быстро пристрастились къ пьянству, а сифилисъ, какъ ползучій лишай, началъ проникать изъ деревни въ деревню этой страны, лишенной всякой медицинской помощи.

На основаніи многихъ данныхъ, можно съ увѣренностью сказать, что до 1741 года въ Аляскѣ и по прилегающимъ остро-

вамъ было болѣе 300.000 жителей, алеутовъ, эскимосовъ, тлинкедовъ или колошъ и др. Въ промежутокъ времени съ 1760 по 1818 годъ около девяти-десятыхъ этихъ аборигеновъ вымерло. Здѣсь происходило то же, что и въ Крыму съ татарами-аборигенами. Однако несправедливо было бы объяснять такое вымираніе особою жестокостью русскихъ покорителей: факты говорятъ, что повсюду, гдѣ бѣлыя кавказскія расы приходили въ соприкосновеніе съ низшими расами, эти послѣднія уступали въ борьбѣ за существованіе и мало-по-малу исчезали. Эта судьба постигла племя маори, сѣверо-американскихъ индійцевъ, ацтековъ и многихъ другихъ. Слѣдуетъ только остерегаться и не повторять вслѣдъ за отцомъ-дьякономъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Аляска перешла къ американцамъ,—эскимосы и алеуты начали вымирать, а слѣдуетъ помнить, что десятки и сотни тысячъ этихъ дикарей исчезли во время миновавшаго и теперь забываемаго нашего владычества.

Съ 1800 года и почти до 1867 г. вся Аляска находилась какъ бы въ арендѣ у особой „Русско-Американской Компаніи", которая исключительно занималась мѣховой торговлей. Но котики, бобры, лисы и соболя стали пропадать, доходы сокращались, а на рыбныя ловли и на добычу металловъ не обращалось никакого вниманія. Эти двѣ послѣднія прибыльныя отрасли суждено было открыть и развить американцамъ. Управленіе отдаленной провинціей доставляло нашему правительству не мало хлопотъ, и несмотря на разныя мѣры, постоянно получались извѣстія, что дѣла въ Аляскѣ идутъ нехорошо. Съ другой стороны, правительство Соединенныхъ-Штатовъ высказывало желаніе купить Аляску. Въ этомъ желаніи выражалась давнишняя традиціонная политика практичнаго Союза: въ 1803 г. были куплены у Франціи за 15.000.000 долларовъ всѣ прекрасныя земли, расположенныя по теченію рѣки Миссури; въ 1850 г. куплены за 10.000.000 долларовъ земли, прилегающія къ мексиканской границѣ; за 15.000.000 долларовъ куплена Калифорнія и т. д. Россія не цѣнила Аляски, не подозрѣвала, что около ея береговъ можно улавливать милліоны пудовъ лососины и трески; что внутри страны есть богатыя золотоносныя жилы. Американцы знали нашу провинцію лучше насъ и въ 1867 г. съ большимъ удовольствіемъ уплатили въ наше казначейство незначительную сумму въ 720.000 долларовъ (около 15.000.000 руб.). Однако было бы совершенно неосновательно жалѣть объ этомъ фактѣ: Аляска съ присоединеніемъ къ Соединеннымъ-Штатамъ только выиграла: провинція получила вполнѣ удовлетворительное управленіе, на

смѣну мѣховой торговли явился рыбный промыселъ и добыча золота. Въ городахъ Сихтѣ и Жюно издаются четыре газеты. Вслѣдствіе объявленной полной религіозной свободы, многочисленныя конгрегаціи открыли свои школы; но, кромѣ этихъ училищъ, само правительство Соединенныхъ Штатовъ учредило 18 прекрасныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Число „бѣлыхъ" жителей Аляски съ 500—600 возросло до 6.500 человѣкъ, а городокъ Жюно по своему виду и удобствамъ превратился совсѣмъ въ цивилизованный центръ.

Аляска—это огромная страна съ площадью поверхности приблизительно въ 500.000 квадратныхъ миль, или въ 1.500.000 квадратныхъ километровъ. Чтобы составить себѣ понятіе объ этой величинѣ, слѣдуетъ вспомнить, что Аляска по площади почти равняется всей Европѣ. Климатъ южной Аляски похожъ на климатъ сѣверной Шотландіи или Норвегіи, но все-таки настолько сыръ, что приготовленіе и сохраненіе сѣна не оказывается возможнымъ. Поэтому въ Аляскѣ и скотоводство развито въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. По этой же причинѣ не удаются и агрономическіе опыты: рожь, овесъ, ячмень и пшеницу приходится привозить изъ Калифорніи, но картофель, капуста, рѣпа, морковь и другіе корнеплоды родятся хорошо.

Населеніе Аляски до сихъ поръ еще точно не подсчитано, но предполагаютъ, что оно простирается до 50.000 человѣкъ, а именно: бѣлыхъ около 6.500 человѣкъ, эскимосовъ—22.500 человѣкъ, алеутовъ—5 000 чел., тиннеховъ—5.000 чел., тлинкитовъ или колошевъ — 8.000 чел., китайцевъ и негровъ—около 3.000 чел. Эта незначительная горсть людей, равная по своей численности населенію небольшого русскаго губернскаго города, раскидана по странѣ гораздо большей, чѣмъ вся Европейская Россія. Конечно, жители Аляски главнымъ образомъ ютятся въ южной побережной части и на нѣкоторыхъ островахъ алеутской цѣпи; сѣверныя пространства Аляски совершенно необитаемы и большую часть года покрыты глубокимъ снѣгомъ. Въ Аляскѣ лишь два города — это Ситха и Жюно. Въ каждомъ изъ нихъ приблизительно по 2.000 жителей, но несмотря на это и въ Ситхѣ, и въ Жюно выходятъ по двѣ газеты (т.-е всего четыре). Въ Жюно есть театръ, библіотека и пивоварня. Кромѣ этихъ двухъ городовъ, есть еще 320 селъ и деревень; большая часть изъ нихъ бѣдны и дики, но въ одиннадцати все-таки есть почтовыя конторы. Всѣхъ школъ 50. Изъ нихъ свѣтскихъ правительственныхъ 18, и при религіозныхъ миссіяхъ, въ томъ числѣ и православной — 32. Во всѣхъ этихъ школахъ обучаются

1.300 дѣтей, т.-е. 26% всего населенія или приблизительно одна пятая всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Цифра эта очень низка, но чтобы оцѣнить ее правильно, надо помнить, что небольшой процентъ дѣтей обучается во многихъ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, а о распространенности обученія въ средѣ сибирскихъ инородцевъ и говорить нечего, такъ какъ тамъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ нѣтъ школъ.

Статистическія данныя, касающіяся аляскинской торговли и промышленности, довольно неточны, и потому въ американскихъ изданіяхъ степень развитія разныхъ отраслей выражена лишь въ круглыхъ цифрахъ. Въ общемъ предполагаютъ, судя по отчетамъ аляскинскаго губернатора, что ежегодно въ Аляскѣ добывается и вывозится:

Рыбы, рыбьяго жира и китоваго уса на .	4.000.000	долл.
Мѣховъ	3.000.000	„
Золота въ видѣ слитковъ, руды и песка .	2.000.000	„
Серебра	50.000	„
Дерева, сосны и ели	50.000	„
Всего . . .	9.100.000	долл.

Доходъ довольно приличный для страны, купленной за 7.200.000 долл. Но надо замѣтить, что до 1867 года рыбныя ловли и добыча золота были неизвѣстны: эти отрасли развиты американцами, и можетъ быть въ нашихъ рукахъ и до сихъ поръ лососи гуляли бы себѣ въ океанѣ, а золото покойно бы лежало въ нѣдрахъ земли.

Рыбный промыселъ, главнымъ образомъ, состоитъ въ ловлѣ лососей; лососину рѣжутъ ломтями и запаиваютъ въ жестянки. Въ каждую жестянку вкладывается ломоть въ 1 фунтъ; такихъ жестянокъ въ теченіе года распродается въ Америкѣ и Европѣ до 30 милліоновъ штукъ и кромѣ того продается еще до 15.000 боченковъ соленой лососины. Около 50 китоловныхъ судовъ плаваютъ въ аляскинскихъ водахъ и кромѣ китовъ ежегодно налавливаютъ до 6 милліоновъ фунтовъ трески.

Добыча золота началась лишь съ 1877 г. Первыя мѣсторожденія были обнаружены около Ситхи, а въ 1880 г. золотоносная руда была найдена около города Жюно. Въ настоящее время сотни минеровъ работаютъ по берегамъ рѣки Юконъ. Въ трехъ верстахъ отъ Жюно есть островъ Дугласъ. На этомъ островѣ устроена дробильня, гдѣ разбиваются кварцевыя золотоносныя руды. Дугласская дробильня—наибольшая въ мірѣ: въ ней 240 пестовъ, 96 консентраторовъ и 12 дробилокъ.

Мѣховая торговля нѣсколько падаетъ, такъ какъ котики и бобры стали болѣе рѣдки. Но все-таки годовая добыча шкуръ громадна. Котиковъ убиваютъ до 100.000 штукъ; бобровъ—10.000; выдръ—5.000; лисъ—до 12.000; куницы—20.000 и около 15.000 соболей; съ 1890 г. вашингтонскимъ правительствомъ сдано на 20 лѣтъ, за 60.000 долларовъ въ годъ, Сѣверо-Американской Торговой Компаніи монопольное право убивать котиковъ на Прибыловыхъ островахъ. Ежегодное число убитыхъ котиковъ по этому договору не должно превышать 60.000 штукъ и за всякую шкуру котика арендаторы еще обязаны платить правительству 7 долл. 62½ цента пошлины и 2 доллара налога. Такимъ образомъ, котиковый промыселъ даетъ правительству Штатовъ хорошій доходъ.

Котиковый промыселъ—это одинъ изъ наиболѣе интересныхъ промысловъ во всемъ мірѣ. Котики или морскіе коты принадлежатъ къ семейству тюленей. Они живутъ въ сѣверной части Тихаго океана и рѣдко выходятъ на землю. Только въ іюнѣ и въ іюлѣ они подплываютъ къ Прибыловымъ островамъ св. Павла и св. Георгія, а также къ островамъ Командорскимъ и здѣсь выползаютъ на берегъ для оплодотворенія. Островъ св. Павла и островъ св. Георгія—пустынные, небольшіе острова съ поверхностью въ 25—30 квадратныхъ миль. Почва здѣсь каменистая, полого спускающаяся къ морю. По всей вѣроятности эти качества берега и нравятся котикамъ, которые не могли бы карабкаться по крутымъ уступамъ. Ежегодно до 4.000.000 котиковъ выползаютъ на эти острова, и здѣсь-то ихъ и избиваютъ. Охота эта до крайности проста: алеуты, вооруженные дубинами, подходятъ къ стадамъ котиковъ и колотятъ на выборъ молодыхъ котиковъ—самцовъ. Остальныя животныя лишь немного отползаютъ въ сторону. Убитыхъ котиковъ обдираютъ, мясо большею частію бросаютъ, а шкуры солятся и отправляются въ городъ для выдѣлки. Выдѣлка состоитъ въ томъ, что выщипываются длинные осевые жесткіе волосы, а оставшійся мягкій желтоватый подшерстокъ окрашивается въ черный цвѣтъ. Всѣхъ котиковъ во всемъ мірѣ ежегодно убивается около 175.000 штукъ; бо́льшая часть изъ нихъ уловливается на Прибыловыхъ островахъ и мѐньшая на Командорскихъ островахъ и др. мѣстахъ. Котики живутъ въ океанѣ и доплываютъ до Японіи. Этимъ пользуются промышленники-хищники и съ особыхъ пароходовъ бьютъ котиковъ прямо въ водѣ острогами.

Управленіе Аляской сосредоточено въ рукахъ губернатора, назначаемаго въ Вашингтонѣ. На всю Аляску есть о̀динъ глав-

ный судья; при немъ клэркъ, завѣдующій также и аляскинскимъ казначействомъ. Кромѣ судьи и клэрка, есть еще государственный атторней, исполняющій обязанности нашего прокурора. Подати сбираетъ одинъ государственный сборщикъ и пять „депутатовъ". Въ Ситхѣ, Жюно, Фортъ-Врангель и въ Уналашкѣ есть по одному особому чиновнику-коммиссару. Для поддержанія порядка имѣется одинъ офицеръ-маршалъ и при немъ шесть человѣкъ солдатъ. Вотъ и вся несложная администрація этой огромной страны. До сихъ поръ Аляска не имѣетъ представителя въ конгрессѣ, не имѣетъ самоуправленія, не имѣетъ своихъ законовъ, а пользуется кодексомъ штата Орегонъ. Однако необходимо замѣтить, что во всей печати сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ указывается на необходимость признать за Аляской право представительства и право самоуправленія, безъ чего некому отстаивать интересы этой страны.

Хотя я и внимательно выслушалъ мнѣнія отца-Николая и отца-дьякона объ Аляскѣ, но все-таки хотѣлось еще послушать, что говорятъ американцы, т.-е. люди, смотрящіе на дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Съ этой цѣлью, по совѣту Моргенталя, я отправился въ „Alaska Commercial Company". Эта богатая компанія занимаетъ цѣлый домъ. Изъ корридора, куда я вошелъ, было продѣлано нѣсколько оконъ въ конторы „оффисъ", какъ это устроено въ кассахъ театровъ или желѣзныхъ дорогъ. У одного окна стояли два клэрка. Я обратился къ нимъ съ вопросомъ, кто здѣсь можетъ дать мнѣ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Аляски. Клэрки нимало не удивились моимъ словамъ, дали мнѣ нѣсколько нумеровъ аляскинскихъ газетъ и объяснили, что наиболѣе точныя свѣдѣнія я могу получить отъ вице-президента или директора компаніи—Густава Густавовича Ньюбаумъ.

— Онъ стоитъ въ сосѣдней товарной комнатѣ, — сказали клэрки:—и вы его легко узнаете: у него большая свѣтло-русая борода.

Въ сосѣдней комнатѣ я дѣйствительно увидалъ высокаго, атлетически сложеннаго блондина съ большой бородой. Онъ опирался спиной на цѣлую пирамиду заколоченныхъ ящиковъ, а противъ него стояли двое молодыхъ людей въ свѣтлыхъ пиджакахъ. Я сразу догадался, который изъ троихъ г. Ньюбаумъ.

Я подалъ ему свою карточку и сказалъ, что онъ, какъ лучшій знатокъ Аляски, вѣроятно, согласится отвѣтить мнѣ на нѣсколько вопросовъ.

— Пожалуйте сюда!—сказалъ г. Ньюбаумъ.

Мы поднялись во второй этажъ и здѣсь вошли въ большую комнату.

— Это нашъ конференцъ-залъ.

Среди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый сукномъ и обставленный креслами. Стѣны были увѣшаны гравюрами и фотографическими снимками съ разныхъ видовъ Аляски. На нѣсколькихъ картинахъ изображались сцены изъ охоты на котиковъ, бобровъ и медвѣдей. Аляскинскіе ландшафты поражали величіемъ своихъ горъ, съ которыхъ ледники прямо сползали въ океанъ и здѣсь раскалывались на массу плавучихъ ледяныхъ глыбъ. По краямъ безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ гнѣздились милліоны дикихъ гусей, утокъ и другихъ птицъ. Нѣсколько картинъ изображали случаи изъ китоловнаго промысла; на нѣсколькихъ фотографіяхъ были сняты группы алеутовъ и эскимосовъ, напоминающихъ собою японцевъ. Среди всей этой „аляс-ковщины" выступалъ портретъ Баранова, полнаго властелина всей Аляски, державшаго всю эту страну, въ началѣ текущаго столѣтія, въ теченіе 20 лѣтъ въ своихъ желѣзныхъ рукахъ.

— Что же собственно вамъ угодно знать?—спросилъ меня мой любезный собесѣдникъ.

Я объяснилъ ему, что меня интересуетъ вопросъ, какъ отразился на Аляскѣ переходъ этой страны изъ-подъ русскаго управленія къ американцамъ.

— Съ удовольствіемъ разскажу вамъ все, что я знаю,—а, кажется, Аляску я знаю порядочно... Во-первыхъ, скажу вамъ, что мы съ вами почти земляки: я—финляндецъ, родомъ изъ Гельсингфорса. Какъ и многіе финляндцы—я былъ капитаномъ парохода и съ 1858 г. сталъ ѣздить за мѣхами въ Аляску. И вотъ съ 1858 г. и до настоящаго времени, т.-е. чуть не сорокъ лѣтъ, я все веду торговлю съ Аляской; до 1867 г.—съ русской Аляской, а съ 1867 г.—съ Аляской американской. Много лѣтъ я состою вице-президентомъ „Alaska Commercial Company", той самой компаніи, которая будто бы, какъ вамъ навѣрное наговорили русскіе, перебила котиковъ и безжалостно эксплуатируетъ дикарей...

— Русскіе не говорятъ, что именно ваша компанія перевела котиковъ и разоряетъ дикарей; русскіе только констатируютъ фактъ, что котиковъ становится все меньше и меньше... да и дикари вѣдь тоже вымираютъ...

— Нѣтъ,—сказалъ г. Ньюбаумъ:—здѣшніе русскіе именно во всемъ этомъ обвиняютъ нашу компанію и обвиняютъ неспра-

ведливо. Котиковъ перебили еще сами русскіе, и при ихъ же владычествѣ, еще до 1867 г., девять-десятыхъ аляскинскихъ дикарей вымерло... При чемъ же тутъ американцы? Но вотъ послушайте, что мы сдѣлали, и судите сами. Начнемъ хоть съ добычи золота. До 1867 года уже было извѣстно, что въ Аляскѣ есть золото. Въ Аляску пріѣзжалъ русскій горный инженеръ Дорошенко и нашелъ золотосодержащій кварцъ; объ этомъ было объявлено и опубликовано, но русскіе и не думали начать добычу. Съ переходомъ Аляски къ американцамъ, развѣдки золотыхъ рудъ опять были предприняты, а съ 1877 г. золото уже добывается въ большихъ размѣрахъ. Теперь золото найдено во многихъ мѣстахъ провинціи: около города Ситхи, около города Жюно, на островѣ Дугласъ, на островѣ Апполо-Унче, по рѣкѣ Юконѣ, на Кинаѣ и въ другихъ мѣстахъ. Эта отрасль развита американцами и въ этомъ ихъ заслуга... Въ золотыхъ мѣсторожденіяхъ найдено серебро и свинецъ. Но серебра добывается мало: въ годъ на 50—100 тысячъ долларовъ. Есть серебряная руда въ такъ-называемой Серебряной бухтѣ, но эксплуатація ея еще только начата.

— А кто работаетъ надъ добычей руды, надъ дробленіемъ ея и надъ выплавкой?—спросилъ я.

— Почти исключительно бѣлые, т.-е. американцы. Алеуты и эскимосы добываютъ руду, но въ самомъ незначительномъ количествѣ; неспособны эти дикари къ этому труду. Не приноситъ имъ пользы и рыбная ловля; лососи, треска и киты ловятся американцами прямо съ кораблей, и дикари опять-таки не получаютъ отъ этого громаднаго промысла ни выгоды, ни заработка; но вѣдь не виноваты же въ этомъ американцы?.. Главный доходъ рыбопромышленникамъ даетъ лососина. Мы ее рѣжемъ ломтиками, эти ломтики запаиваемъ въ жестянки и послѣ этого жестянки съ лососиной кипятимъ въ водѣ и консервы готовы. Эти консервы расходятся по всѣмъ штатамъ и потребляются даже въ Англіи. До 1867 г. ловли лососины не было, и развѣ это не заслуга американцевъ, что они развили такую отрасль? А до чего неспособны аляскинскіе дикари, можете судить уже потому, что вся процедура приготовленія консервовъ изъ лососины производится въ Аляскѣ китайцами, а алеутовъ и эскимосовъ такъ и не удалось пріучить.

— Да чѣмъ же главнымъ образомъ кормятся аляскинскіе аборигены?—спросилъ я:—вѣдь земледѣліе тамъ не развито?

— Нѣтъ, земледѣліе тамъ почти неизвѣстно. Рожь, овесъ, пшеница въ Аляску привозятся изъ Калифорніи. Эскимосы не-

много склонны къ огородничеству, но главное занятіе дикарей—это охота. Питаются они рыбой, мясомъ тюленей и птицами, которыхъ удивительное множество въ Аляскѣ; лѣтомъ спѣютъ многіе сорта ягодъ. Но главное занятіе дикарей, все-таки, охота на пушныхъ звѣрей. Самая печальная судьба ожидаетъ алеутовъ и эскимосовъ, потому-что звѣри замѣтно пропадаютъ... Особенно уменьшилось количество котиковъ и бобровъ. Соболя, лисы, куницы и медвѣди еще обильны въ лѣсахъ, но и то какъ будто порѣдѣли. Не хотите ли посмотрѣть нашу мѣховую кладовую?

Я, конечно, согласился.

Въ мѣховой кладовой была такая масса мѣховъ, какую я никогда въ жизни не видалъ. Съ потолка спускались сотни шкуръ чернобурой лисицы. Въ огромныхъ ящикахъ лежали цѣльныя шкуры бобровъ.

— Вотъ одинъ этотъ боберъ стоитъ около 900 рублей въ Лондонѣ,—сказалъ г. Ньюбаумъ, вынимая шкурку темную, пушистую, съ серебристой осью. Шкура была аршина два длиной и такая широкая, что въ нее могъ бы завернуться худощавый человѣкъ. На полу валялись груды куньихъ шкурокъ, а медвѣжьи шкуры, громадныя, почти черныя, лежали плотно свернутыми кипами. Г. Ньюбаумъ показалъ мнѣ шкуру котика, желтоватую, съ длинной осью, еще не выщипанную и не выкрашенную. Выдѣлка ихъ производится въ Санъ-Франциско и въ Лондонѣ.

— А почему котики не расплодятся опять?—спросилъ я:—вѣдь вы говорите, что американцы берегутъ ихъ, убиваютъ лишь самцовъ и то не больше 60.000 въ годъ на Прибыловыхъ островахъ.

Котики переводятся потому, что разные хищники узнали, гдѣ и когда ихъ можно поймать въ океанѣ. Прежде не знали привычекъ этого животнаго, а теперь объ этомъ провѣдали. Котики плаваютъ въ водахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и въ сѣверной части Тихаго океана, они спускаются до береговъ Японіи и до острова Ванкувера, но между іюнемъ и сентябремъ непремѣнно плывутъ къ Прибыловымъ и Командорскимъ островамъ. На этихъ островахъ охота урегулирована, но цѣлая флотилія хищниковъ перехватываетъ плывущихъ весной по океану котиковъ. Масса убитыхъ животныхъ тонетъ въ водѣ, умерщвляются самки, а также много котиковъ издыхаютъ вслѣдствіе ранъ, полученныхъ отъ остроги. Правительственные катера преслѣдуютъ хищниковъ, но довольно безуспѣшно, потому что невозможно осматривать всѣ встрѣченные корабли [1]). Опять-таки, какъ видите,

[1]) Въ послѣднее время оказалось, что наши чиновники, которымъ былъ порученъ надзоръ за котиковымъ промысломъ на Командорскихъ островахъ, сами избивали котиковъ вмѣстѣ съ хищниками.

американцы не виноваты, а вѣдь навѣрное здѣсь въ русской миссіи вамъ говорили другое...

— Кстати о миссіи,—сказалъ я:—какъ вы думаете, какая судьба православія въ Аляскѣ?

— Судьба самая печальная. Къ сожалѣнію, я совершенно увѣренъ, что православіе въ Аляскѣ долго не продержится. Я говорю: „къ сожалѣнію“, совершенно искренно, потому что я одно время исполнялъ обязанности русскаго торговаго консула здѣсь въ Санъ-Франциско и не мало постарался для улучшенія положенія русской православной миссіи. Православіе исчезнетъ уже потому, что исчезаютъ аляскинскіе православные аборигены; этихъ дикарей смѣняютъ американцы и креолы, т.-е. потомство, происходящее отъ аляскинскихъ дикарей и американцевъ. Ну, понятно, американцевъ трудно обратить въ православіе, да объ этомъ и не думаютъ, но оказывается, что и креолы отпадаютъ отъ православія, вѣроятно потому, что ихъ кровь состоитъ изъ двухъ половинъ: аляскинской и американской, и американская пересиливаетъ аляскинскую. Это главная причина, но есть еще и другія. На русскую миссію расходуютъ около 50 тысячъ рублей золотомъ, а для успѣха надо бы расходовать до 300 тысячъ, такъ какъ необходимо заводить школы и имѣть способныхъ миссіонеровъ. У іезуитовъ на Юконѣ въ одной только центральной школѣ болѣе 200 учениковъ, а въ самой большой русской православной церковно-приходской школѣ едва ли наберется 50 человѣкъ, да и тѣхъ учатъ очень плохо, такъ какъ священники не подготовлены къ педагогической дѣятельности и не располагаютъ свободнымъ временемъ. Вслѣдствіе недостатка средствъ, въ священники русской миссіи идутъ большею частію люди не особенно способные выполнить эти обязанности. Священники-креолы почти неграмотны, а русскіе священники живутъ лишь надеждой накопить немного денегъ и уѣхать изъ чужой и дикой страны. Бываютъ, конечно, исключенія, но рѣдко. Напримѣръ, былъ въ Аляскѣ въ началѣ этого вѣка преосвященный Иннокентій Веніаминовъ. Вотъ это былъ проповѣдникъ и миссіонеръ! Все, что сдѣлано въ Аляскѣ для православія — все это сдѣлано Иннокентіемъ; онъ крестилъ алеутовъ и эскимосовъ, онъ основалъ всѣ церкви, часовни и школы. Послѣ него былъ назначенъ епископомъ преосвященный Несторъ, изъ офицеровъ. Это былъ настоящій джентльменъ, но далеко не могъ сравняться съ Иннокентіемъ, какъ проповѣдникъ и миссіонеръ. Наша Компанія открыла Нестору кредитъ, и онъ умеръ, не погасивши долга въ 3.000 долларовъ, но мы не жалѣемъ объ этомъ, такъ какъ деньги эти онъ исключительно тратилъ на доб-

рыя дѣла и на школы. Послѣ Нестора былъ назначенъ епископомъ преосвященный Владиміръ, человѣкъ нервный и неуживчивый, по характеру своему не приспособленный къ миссіонерской дѣятельности. Онъ сначала подружился съ жившимъ здѣсь, въ Санъ-Франциско, докторомъ Зузеловскимъ-Росселемъ [1]). Потомъ они поссорились. Россель написалъ въ газетѣ замѣтку, что прислуга епископа ведетъ себя непристойно. Епископъ Владиміръ, въ отвѣтъ на это, во время обѣдни торжественно проклялъ Росселя. Россель подалъ въ судъ жалобу, обвиняя епископа Владиміра въ оскорбленіи его, Росселя, въ публичномъ мѣстѣ. Мнѣ, какъ русскому консулу, стоило большихъ трудовъ потушить это дѣло, успокоить Росселя и спасти епископа отъ непріятностей судебнаго разбирательства. Миссіонерская дѣятельность въ такихъ рукахъ не можетъ идти хорошо, особенно при конкурренціи съ іезуитами и другими очень сильными конгрегаціями. По моему мнѣнію, русскому правительству едва ли стоитъ поддерживать православіе въ Аляскѣ; вѣдь въ предѣлахъ Россіи, есть на что тратить деньги, и тамъ у васъ, въ Россіи не мало язычниковъ. Особенно укореняются въ Аляскѣ католики; у нихъ въ Квихпахѣ есть свой собственный пароходъ и вообще они обладаютъ очень значительными средствами.

— Ну, а какъ вы думаете, какая судьба ожидаетъ Аляску?

— Я не думаю, чтобы Аляска когда-либо могла сдѣлаться многолюднымъ, вполнѣ просвѣщеннымъ штатомъ,—отвѣтилъ г. Ньюбаумъ.—Врядъ ли здѣсь когда-либо возникнутъ большіе города, желѣзныя дороги, фабрики, земледѣліе и скотоводство: климатъ и мѣстныя условія противъ этого. Почти въ одно время съ Аляской начали свою политическую жизнь присоединенные къ Союзу штаты Канзасъ, Колорадо, Монтана, Аризона, Віомингъ, Небраска и др. Однако эти территоріи и штаты теперь процвѣтаютъ, а Аляска туго прогрессируетъ. Можетъ быть, принесетъ пользу поощряемое теперь переселенческое движеніе въ Аляску, но, конечно, послѣдствіемъ этого явится еще сильнѣйшее исчезновеніе аборигеновъ. Я думаю, что эскимосы, алеуты и другіе дикари удержатся лишь въ самыхъ крайнихъ сѣверныхъ широтахъ, гдѣ не захотятъ жить бѣлые люди... Что дѣлать: уже такая судьба дикихъ вездѣ, гдѣ они сталкиваются съ бѣлыми людьми...

---

[1]) Докторъ Зузеловскій-Россель—русскій еврей, теперь живетъ на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ имѣетъ хорошую практику и пользуется огромной популярностью.

— Итакъ, вы думаете вообще, что Аляска выиграла отъ того, что перешла къ Союзу? — спросилъ я.

— Въ этомъ нельзя сомнѣваться,—отвѣтилъ г. Ньюбаумъ.— Россія не извлекала никакой пользы изъ Аляски и хорошо сдѣлала, что продала эту страну. Аляскѣ въ нашемъ Союзѣ очень хорошо, а Россія пріобрѣла этимъ расположеніе и признательность штатовъ. Не уступи Россія Аляски, пришлось бы вамъ самимъ слѣдить за котиковымъ промысломъ, а я думаю, что на это потребовался бы цѣлый флотъ. Потомъ, въ случаѣ войны, очень легко было бы занять Аляску, и врядъ ли бы Россія за ней погналась. Въ союзѣ со штатами Аляска хоть и не очень быстро, а все-таки развивается и значительно уже развила свои производительныя силы: рыболовство и золотопромышленность. Также много подвинулось впередъ народное образованіе: вѣдь кто-нибудь да читаетъ четыре газеты, издающіяся въ Жюно и Ситхѣ... Большой вопросъ: произошло ли бы все это подъ управленіемъ Россіи? Мы здѣсь въ Америкѣ увѣрены, что Канада скоро отойдетъ отъ Англіи и присоединится къ Союзу штатовъ. Тогда Аляска, Канада и теперешніе штаты образуютъ одну громадную общую территорію, а для Россіи не было даже удобно владѣть кускомъ земли, закинутымъ за океанъ, подъ бокомъ у другого государства...

Возвращаясь въ свой отель, я случайно встрѣтилъ на улицѣ церковнаго старосту П. Я разсказалъ ему, что г. Ньюбаумъ говорилъ мнѣ о проклятіи доктора Росселя.

— Это правда,—сказалъ П.,—это правда; но какъ же было не проклясть Росселя, когда онъ написалъ въ газетахъ, что въ нижнемъ этажѣ нашего дома идетъ пьянство?!..

Хоть П. и долго жилъ въ Америкѣ, но, видно, все еще не привыкъ къ свободѣ американской печати.

С. Протопоповъ.

СТОЛКНОВЕНІЕ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ пріемной молодого адвоката Скворецкаго былъ всего только одинъ посѣтитель... Онъ уже съ полчаса ходилъ изъ угла въ уголъ по навощенному паркету, присаживался на минуту въ кресло у круглаго стола, гдѣ лежалъ принесенный имъ портфельчикъ, опять вскакивалъ, приглаживалъ рукою лысину съ жиденькою прядью лоснящихся желтыхъ волосъ, протянутою отъ уха къ уху, говорилъ что-то вполголоса съ самимъ собою, поводилъ углами обвислыхъ губъ, и иногда дѣлалъ рукою какіе-то убѣдительные жесты, обращенные къ незримому собесѣднику. Совершивъ два-три конца по комнатѣ, онъ пріостанавливался у закрытой двери, изъ-за которой доносились негромкіе голоса, обдергивалъ свой синій, плохо сшитый пиджачокъ и, покивавъ кончикомъ желтой съ просѣдью бороды, принимался снова шагать по паркету.

Въ другой двери, изъ прихожей, показался слуга, поглядѣлъ на посѣтителя, на притворенныя двери кабинета, и остался у притолки. Господинъ въ синемъ пиджачкѣ направился къ нему.

— Долго что-то ждать приходится. Кто такой у Николая Семеновича?

— Кліентъ, по дѣлу... — отвѣтилъ лакей.

— Но ты подалъ мою карточку?

— А то какъ же, подалъ!

Посѣтитель уперся бородою въ грудь и какъ-то пронзительно воззрился на лакея.

— Баринъ-то твой молодой? не женатый?

— Они не женатые.

— Но, все-таки... этакъ, вообще... солидный человѣкъ?

— Какъ-съ?

— Я говорю: солидный, вообще? Не вертопрахъ? Дѣломъ занимается?

— Дѣлъ у нихъ, конечно, сказать, очень много бываетъ. Утромъ, вотъ, обыкновенно, кліенты, потомъ въ судъ...

— А между кліентами-то, поди, и дамы бываютъ?

Лакей посмотрѣлъ на вопрошавшаго и уклончиво поёжилъ рыжеватыми усами.

— Дамы, конечно, сказать, это тоже какъ...

— Гмъ...—неопредѣленно отозвался посѣтитель, и вдругъ внимательно повелъ глазами по угламъ комнаты.

— А вотъ, любезный, не замѣчаю я у васъ нигдѣ святыхъ иконъ,—неожиданно заявилъ онъ.—Какъ же такъ? развѣ баринъ твой не находитъ нужнымъ?

Лакей тоже повелъ глазами по переднимъ угламъ.

— Да, здѣсь нѣтъ,—проговорилъ онъ.

Лицо посѣтителя пріобрѣтало все болѣе неодобрительное выраженіе.

— Но гдѣ-нибудь есть же? въ спальной-то, напримѣръ, есть?

Лакей помолчалъ, видимо озадаченный такими разспросами, и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Въ спальной, должно быть, есть.

— Должно быть! Эхъ, братецъ, ты какой! Хорошенько и не знаешь даже!—укоризненно произнесъ посѣтитель.

Слуга какъ будто окончательно испугался чего-то, отступилъ шагъ назадъ и проговорилъ скоро:

— А что̀ мнѣ знать?! Я не русской вѣры, я католикъ.

И быстро скрылся въ темной прихожей.

Посѣтитель съ тѣмъ же неодобрительнымъ выраженіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, провелъ кончикомъ бороды по бортамъ своего синяго пиджачка и принялся прежнимъ порядкомъ шагать изъ угла въ уголъ.

Дверь изъ кабинета, наконецъ, отворилась, вышелъ долго засидѣвшійся кліентъ, и вслѣдъ за нимъ самъ хозяинъ. Господинъ въ синемъ пиджачкѣ быстро сунулъ подъ мышку свой портфельчикъ, повернулся къ адвокату и прямо взялъ его обѣими руками за руку.

— Давно имѣлъ желаніе съ вами познакомиться, многоуважаемый Николай Семеновичъ,—сказалъ онъ, воззрившись ему въ

глаза своимъ допытывающимъ взглядомъ, которому, видимо, старался придать наибольшую ласковость. — И такъ какъ случилось юридическое дѣло, рѣшился обратиться къ вамъ на первый разъ хотя бы въ качествѣ кліента...

Адвокатъ жестомъ лѣвой руки пригласилъ въ кабинетъ. Правая рука его все еще находилась между теплыми ладонями посѣтителя, и онъ постарался осторожно освободить ее, даже пріостановившись для этого въ дверяхъ.

II.

Убранствомъ своего кабинета Скворецкій гордился. Это была, дѣйствительно, очень уютная и нарядная комната, отражавшая въ себѣ обѣ стороны существованія хозяина, какъ входящаго въ извѣстность юриста и какъ балетомана. Серьезность соединялась тутъ съ культомъ пластическаго искусства. Между томами кассаціонныхъ рѣшеній возвышались затѣйливыя ширмочки съ фотографіями балеринъ; надъ витриною съ сводомъ законовъ висѣла акварель, изображающая танцовщицу; кипы бумагъ въ синихъ обложкахъ придерживались прессъ-папье въ формѣ башмачка. На кругломъ столикѣ стояли, прислоненныя къ лампѣ, карточки балетныхъ знаменитостей съ собственноручными надписями. По преимуществу это были портреты некрасивыхъ женщинъ, такъ что и самый культъ пластическаго искусства получалъ отпечатокъ чего-то серьезнаго: дѣло заключалось, очевидно, не въ женолюбіи, а въ поклоненіи талантамъ.

Наружность Скворецкаго тоже находилась какъ будто въ разумномъ согласованіи и съ этими двумя сторонами его существованія, и съ этимъ нарядно-дѣловымъ кабинетомъ. Николаю Семеновичу было на видъ лѣтъ тридцать; красотою онъ не отличался, но внѣшность имѣлъ, чтò у насъ называется, симпатичную. Отсутствіе породистой утонченности, свойственное русскимъ физіономіямъ, не бросалось въ глаза. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, если ихъ позапустить, сильно отзываются плебействомъ, а если ими позаняться, то получается нѣчто вполнѣ приличное. Скворецкій своею наружностью занимался, и потому въ среднемъ петербургскомъ обществѣ его находили даже элегантнымъ. Только при внимательномъ наблюденіи непріятно обозначался совершенно мужицкій рисунокъ рта и носа. Женщинамъ, впрочемъ, иногда нравятся такія физіономіи.

Господинъ въ синемъ пиджачкѣ не обратилъ, казалось, осо-

беннаго вниманія на обстановку кабинета; его пронзительный взглядъ неотступно слѣдилъ за самимъ хозяиномъ, даже въ то время, когда тотъ поворачивался къ нему спиною, или когда самъ онъ устраивался въ несовсѣмъ удобномъ „кліентскомъ“ креслѣ.

— По карточкѣ моей вы знаете, что меня зовутъ Анемподистомъ Петровичемъ Выдыбаевымъ; и мое имя, конечно, вамъ болѣе или менѣе извѣстно... — началъ онъ, поглаживая бороду короткими, толстыми пальцами.—Безъ сомнѣнія, мы и встрѣчались много разъ гдѣ-нибудь, хотя не представлялось случая познакомиться.

Скворецкій отвѣтилъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ головы: онъ рѣшительно не давалъ себѣ отчета, видѣлъ ли гдѣ-нибудь этого посѣтителя. Фамилія Выдыбаева, однако, какъ будто звучала чѣмъ-то знакомымъ.

— Да вотъ, не изволили ли вы быть, между прочимъ, на панихидѣ въ сороковой день по кончинѣ незабвеннаго нашего Алфея Яковлевича? Мнѣ что-то сдается, будто я примѣтилъ васъ на заупокойномъ богослуженіи въ Новодѣвичьемъ, въ числѣ многочисленныхъ друзей, собравшихся почтить память этого незамѣнимаго человѣка...

— Нѣтъ, вы вѣроятно ошиблись; я никакого Алфея Яковлевича никогда не зналъ, — сказалъ Скворецкій.

— Нѣтъ? Впрочемъ, тамъ были многіе, не знавшіе его лично, но явившіеся почтить его плодотворную дѣятельность. Алфей Яковлевичъ—вѣдь такихъ мало. Неоцѣнимая, незамѣнимая утрата. Истинно русскій человѣкъ, столпъ родной земли; свѣточъ, указывавшій намъ самобытный историческій путь. Съ нимъ мы всѣ осиротѣли.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?—прервалъ Скворецкій, начинавшій испытывать нѣкоторое нетерпѣніе.

Выдыбаевъ отстегнулъ клапанъ портфельчика, но тотчасъ накрылъ его пухлыми ладонями.

— Дѣло, по которому я къ вамъ теперь обращаюсь, многоуважаемый Николай Семеновичъ,—заговорилъ онъ съ свойственною ему внушительною ласковостью, — быть можетъ и незначительно по существу, но это будетъ очень громкое дѣло, которое привлечетъ и на насъ, и на васъ всеобщее вниманіе. Тутъ прикосновенны имена, извѣстныя всей Россіи. Не говорю уже о себѣ, хотя и мое имя знакомо всему нашему мыслящему обществу... но тутъ отвѣтчикомъ является цѣлое учрежденіе. Вотъ какое дѣло, Николай Семеновичъ.

— Вы предъявляете искъ къ казенному вѣдомству?—освѣдомился адвокатъ.

— Не совсѣмъ такъ, Николай Семеновичъ. Учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, какъ бы частное. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ „Кружокъ для содѣйствія возрожденію древле-русскаго стиля въ зодчествѣ". Вамъ, конечно, извѣстна широкая дѣятельность и бурная судьба этого „кружка"?

— Да, я что-то слышалъ...

— Идея „Кружка", могу сказать не хвастаясь, принадлежала мнѣ. Я, такъ сказать, создалъ его, при содѣйствіи покойнаго Алфея Яковлевича. Много было положено труда, много пережито волненій, непріятностей, противодѣйствія со стороны общественнаго равнодушія, но дѣло стоило того. „Кружокъ" вѣдь былъ задуманъ, чтобы объединить всѣхъ тѣхъ, для кого дороги самобытныя, историческія основы нашего національнаго бытія. Вы знаете, какъ наше общество еще слабо проникнуто этими основами. У насъ до сихъ поръ еще много людей образованныхъ, болѣе знакомыхъ съ какимъ-нибудь Шопенгауэромъ, чѣмъ съ Даніиломъ Заточникомъ.

Скворецкій при этомъ необычайномъ сопоставленіи невольно взмахнулъ глазами на посѣтителя, а тотъ смотрѣлъ на него съ пронизывающею ласковостью.

— Да-съ. Какъ бы то ни было, „Кружокъ" создался. Мы сгруппировали вокругъ себя людей, имена которыхъ близки каждому русскому сердцу...

— Извините,—перебилъ Скворецкій,—я не вижу, какое отношеніе я могу имѣть ко всему этому...

Выдыбаевъ откинулъ клапанъ портфельчика и выдвинулъ оттуда однимъ уголкомъ кипу какихъ-то бумагъ.

— А вотъ, мы подходимъ къ самой сути,—сказалъ онъ.—Прошу позволить мнѣ передать въ краткихъ словахъ всю исторію, изъ которой возникаетъ юридическая обстановка дѣла...

Скворецкій повелъ плечами и наклонилъ голову въ знакъ согласія. У него почти сложилось рѣшеніе не принимать этого дѣла.

III.

Выдыбаевъ принялся излагать „исторію". Говорилъ онъ очень литературно и толково, точно по книгѣ читалъ, неотступно впераясь при этомъ въ молодого адвоката своимъ подозрительно-ласкающимъ взглядомъ. Дѣло оказалось довольно темнымъ. По

словамъ кліента, въ „Кружкѣ“ возникла враждебная партія, недовольная тѣмъ, что Выдыбаевъ, занимавшій должность казначея и распорядителя, пользовался исключительнымъ вліяніемъ. Алфей Яковлевичъ, составлявшій душу „Кружка“, заболѣлъ и не могъ оказать своему другу существенной поддержки. На выборахъ Выдыбаева провалили; надо было сдать дѣла и кассу. Избѣгая, будто бы, непріятныхъ столкновеній, Выдыбаевъ сдалъ все полностью, приложивъ значительную сумму изъ собственныхъ денегъ, такъ какъ многіе счеты не были въ то время сведены. Онъ разсчитывалъ, что Алфей Яковлевичъ все это распутаетъ и возвратитъ ему что̀ слѣдуетъ. Но Алфей Яковлевичъ продолжалъ хворать и, наконецъ, умеръ. Теперь Выдыбаевъ рѣшился возстановить свои права судебнымъ порядкомъ и предъявить къ „Кружку“ искъ на сумму въ нѣсколько тысячъ.

— Конечно,—говорилъ онъ Скворецкому,—я выступаю на этотъ путь съ горестью въ сердцѣ, потому что тяжело подымать руку на свое собственное созданіе. Но правда прежде всего, и необходимо сорвать маску съ лицемѣровъ, которые втерлись въ „Кружокъ“ вовсе не во имя идеи, а изъ своихъ личныхъ видовъ, и внесли духъ интриги. Надо изобличить тѣхъ, кто самозванно прикрывается принципомъ и играетъ высокими идеями.

Какую юридическую опору имѣли притязанія Выдыбаева, Скворецкій изъ его разсказа не понялъ. Необходимо было ближе ознакомиться съ дѣломъ и разобрать кипу бумагъ, находившихся въ портфелѣ кліента.

Молодой адвокатъ задумался. Дѣло ему не нравилось, отъ него пахло обыкновеннымъ кляузничествомъ. Но Скворецкій еще только-что выдвинулся въ своей юридической практикѣ, для него важно было поддержать возбужденный къ его имени интересъ. Время, между тѣмъ, было тихое, громкихъ дѣлъ совсѣмъ не появлялось. Искъ къ „Кружку для содѣйствія возрожденію древнерусскаго стиля въ зодчествѣ“ несомнѣнно долженъ былъ привлечь къ себѣ общественное вниманіе. Если роль Выдыбаева была сколько-нибудь приличная, этого дѣла не слѣдовало выпускать изъ рукъ. Въ всякомъ случаѣ нельзя было отказываться напрямикъ, не ознакомившись съ обстановкой и со всѣми подробностями. Лично Выдыбаевъ не внушалъ Скворецкому большого довѣрія; едва ли были затрачены имъ какія-нибудь собственныя деньги; но разсмотрѣть все-таки слѣдовало.

— Я попросилъ бы васъ оставить у меня относящіяся къ дѣлу бумаги, чтобы познакомиться съ основаніями иска,—сказалъ адвокатъ.

— Вотъ, тутъ у меня все, все тутъ,—почти радостно отозвался Выдыбаевъ и, выдвинувъ изъ портфельчика кипу бумагъ разнаго формата, принялся перебирать ихъ по листамъ.—Это, изволите видѣть, печатный уставъ „Кружка"; вотъ здѣсь письмо извѣстнаго Иринарха Ѳаддеевича, которымъ онъ благосклонно привѣтствовалъ наше начинаніе; вотъ протоколъ перваго общаго собранія, когда я былъ почтенъ единогласнымъ выборомъ на должность распорядителя и казначея; вотъ цѣлый рядъ писемъ отъ почтенныхъ русскихъ людей, заявляющихъ свое горячее сочувствіе нашему дѣлу. Попрошу васъ обратить особенное вниманіе на письмо одного крестьянина... можете себѣ представить — крестьянинъ, въ темнотѣ своей понявшій насъ простымъ, свѣтлымъ русскимъ умомъ...

— Это, собственно, лишнее; я желалъ бы ознакомиться съ дѣловою стороною...—прервалъ Скворецкій.

— Тутъ, многоуважаемый Николай Семеновичъ, дѣловая и нравственная сторона такъ связаны, что ихъ не отличите, да-съ! Это, позволю себѣ сказать, не какое-нибудь коммерческое предпріятіе, здѣсь выдвинуты высшіе интересы... Надо проникнуться, Николай Семеновичъ, непремѣнно надо проникнуться!

— Хорошо, я посмотрю, могу ли я „проникнуться",—сказалъ съ маленькой невольной усмѣшкой Скворецкій.—Позвольте мнѣ черезъ нѣсколько дней отвѣтить вамъ письменно.

Выдыбаевъ еще выразительнѣе вперился въ адвоката своимъ окончательно умаслившимся взглядомъ.

— Нѣтъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—возразилъ онъ:—у меня по воскресеньямъ собираются вечеркомъ хорошіе пріятели, небольшое общество мыслящихъ людей, соединенныхъ единствомъ взглядовъ и стремленій, и мы пріятно проводимъ время за дружеской бесѣдой. Не какое-нибудь пустое свѣтское общество, далеко нѣтъ; собираются люди хорошо извѣстные всей Россіи, свѣтлые умы и горячія русскія сердца. Такъ вотъ, многоуважаемый Николай Семеновичъ, пріѣзжайте прямо вечеркомъ въ воскресенье; мы узнаемъ ваше мнѣніе съ юридической стороны, а вы пріятно проведете нѣсколько часовъ въ кругу людей, которыми, смѣю васъ увѣрить, родная страна наша можетъ гордиться.

Скворецкій опять немного задумался: по воскресеньямъ онъ привыкъ бывать въ балетѣ; но съ другой стороны Выдыбаевъ начиналъ интересовать его, какъ представитель совсѣмъ особаго мірка, съ которымъ раньше ему не приходилось сталкиваться.

Любопытство взяло верхъ; онъ поблагодарилъ и обѣщалъ заѣхать.

IV.

Старый, угрюмаго вида лакей, одѣтый въ черный сюртукъ и бѣлый галстухъ, впустилъ Скворецкаго въ прихожую. Отсюда надо было проходить черезъ плохо освѣщенную залу, уставленную по стѣнамъ вѣнскими стульями. Теперь такихъ залъ нигдѣ въ Петербургѣ нѣтъ; но Выдыбаевы жили по старинному. Дверь безъ драпировокъ вела въ кабинетъ, и оттуда доносился смѣшанный гулъ голосовъ. Уже подходя къ двери, Скворецкій замѣтилъ въ залѣ круглый столъ, угловой диванчикъ, и на немъ, передъ низенькою лампою, фигуру пожилой женщины. Онъ поклонился и, принявъ ее за хозяйку дома, произнесъ, указывая глазами на дверь:

— Супругъ вашъ, вѣроятно, въ кабинетѣ?

Пожилая особа вдругъ какъ бы затрепетала, приняла встревоженный видъ и отвѣтила съ необычайною быстротою:

— Братецъ въ кабинетѣ.

И съ этими похожими на крикъ отчаянія словами она стремительно нырнула подъ абажуръ лампы, такъ что Скворецкому показалось, будто она мгновенно разсѣялась прахомъ.

Онъ, наконецъ, вошелъ въ кабинетъ. Тамъ было немножко посвѣтлѣе, но зато накурено и душно. Огромный письменный столъ краснаго дерева, заваленный бумагами и уставленный фотографіями въ деревянныхъ рамкахъ, занималъ почти всю стѣну у оконъ. Двѣ другія стѣны были заставлены неуклюжими книжными шкафами, тоже краснаго дерева, и только у четвертой стѣны тянулся громадный диванъ, крытый зеленой кожей, и стояли такіе же кресла и стулья. Тутъ группою расположились гости, занятые оживленною бесѣдою. Самъ Выдыбаевъ тотчасъ увидалъ новаго посѣтителя и очень дружески его привѣтствовалъ. Онъ съ минуту держалъ его руку въ своихъ пухлыхъ ладоняхъ, не сводя съ него ласкающаго взгляда.

— Сестру мою вы, вѣроятно, уже видѣли, а вотъ я сейчасъ познакомлю васъ съ моей дочкой. Настя! Настя!—закричалъ онъ.

На порогѣ кабинета показалась дѣвушка лѣтъ двадцати, недурненькая собою, одѣтая въ расшитый красными и синими узорами русскій костюмъ съ передникомъ.

— Вотъ, рекомендую: Николай Семеновичъ Скворецкій, а это моя единственная дочь. Но позвольте познакомить васъ съ почтеннѣйшими друзьями, не забывающими нашихъ скромныхъ воскресеній.

Начались взаимныя представленія. Гости все были люди солидные, съ значительными лысинами, одѣтые очень по-стариковски. Они вѣжливо, но какъ бы съ недоумѣніемъ отнеслись къ совершенно неизвѣстному имъ молодому человѣку, и разговоръ на минуту оборвался. Скворецкій, понимая, что ему предстоитъ только роль наблюдателя, сѣлъ нѣсколько въ сторонѣ. Тамъ онъ оказался какъ разъ подъ испытующимъ взглядомъ господина лѣтъ семидесяти, плотнаго, съ широкимъ квадратнымъ лицомъ, крашеными пасмами волосъ, словно приклеенными къ лысинѣ, и большимъ ртомъ съ опущенными книзу углами. Господинъ этотъ какъ устремилъ на новаго посѣтителя свои совершенно тусклые глаза, такъ и остался съ этимъ неподвижнымъ взглядомъ. Скворецкій чувствовалъ себя неловко. Но тутъ другой изъ собесѣдниковъ, маленькій, тощій и вертлявый старичокъ, нагнулся надъ стоявшимъ передъ нимъ стаканомъ чаю, отхлебнулъ съ маленькимъ свистомъ, облизнулъ губы и съ плавнымъ движеніемъ руки обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ:

— Вотъ, вы указываете на недостаточность школъ, на выражающееся въ народѣ стремленіе къ просвѣщенію...—заговорилъ онъ внезапно, придавъ своему лицу хитрое выраженіе, какъ будто собирался сказать необычайно тонкую штучку.—А по моему, никакого этого стремленія въ народѣ нѣтъ. Крестьяне посылаютъ дѣтей въ школу, потому что имъ нужны грамотные ребята. А какъ только начинаются въ школѣ „науки", они норовятъ взять оттуда дѣтишекъ обратно. Такъ позвольте васъ спросить, какое же тутъ стремленіе къ просвѣщенію?

Старичокъ снова нырнулъ носомъ въ стаканъ, отхлебнулъ со свистомъ и обвелъ все общество вопросительнымъ, ищущимъ взглядомъ. Затѣмъ этотъ взглядъ окончательно остановился на кругленькомъ человѣчкѣ, сидѣвшемъ у стола съ такою серьезностью, какъ будто онъ находился не въ гостяхъ, а въ засѣданіи оффиціальной коммиссіи. Кругленькій господинъ задумчиво поднялъ глаза.

— Мнѣ кажется, многоуважаемый Никодимъ Спиридоновичъ неправильно ставитъ вопросъ,—промолвилъ онъ тѣмъ тягучимъ голосомъ, какимъ говорятъ въ засѣданіяхъ.—Дѣло не въ стремленіи; мало ли какія можно привить народу стремленія! Намъ говорятъ, народу нужно образованіе. Я не оспариваю; но надо прежде всего обосновать и утвердить главное. А это главное заключается въ томъ, что первѣе всего намъ необходимо сохранить во всей неприкосновенности духовный обликъ русскаго народа, тотъ обликъ, которымъ этотъ народъ отличенъ отъ всѣхъ

народовъ міра, и между ними всѣми свѣтится нетлѣнною красотою...

— Нетлѣнною! именно! вотъ слово! — воскликнулъ Выдыбаевъ.

Коротенькій господинъ строго взглянулъ на него.

— А сохранить, сберечь, соблюсти во всей неприкосновенности этотъ духовный обликъ русскаго народа не можетъ просвѣщеніе, вышедшее изъ суесловія западно-европейской мудрости. Если оно во многомъ оказалось тлетворнымъ для нашихъ высшихъ классовъ, то еще тлетворнѣе окажется для народа.

— Именно, именно!—подхватилъ опять Выдыбаевъ.

Маленькій старичокъ заёрзалъ въ креслѣ, отхлебнулъ и облизнулся.

— Согласенъ съ вами, совершенно согласенъ; вѣдь это собственно и была моя мысль.

— Хотите чаю?—вдругъ раздался надъ ухомъ Скворецкаго молодой женскій голосъ.—Пойдемте, я вамъ приготовила.

Скворецкій всталъ и направился за m-lle Выдыбаевой въ столовую, гдѣ на столѣ подъ висячею лампою издыхалъ гаснущій самоваръ.

V.

Молодая хозяйка подвинула гостю налитый уже стаканъ чаю и присѣла подлѣ самовара.

— Вы меня не узнали, m-r Скворецкій, а мы съ вами знакомы,—неожиданно сказала она.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ поднялъ на нее глаза; лицо ея теперь въ самомъ дѣлѣ показалось ему нѣсколько знакомымъ.

— Я у васъ была,—продолжала она.

Скворецкій удивился еще болѣе.

— Помните, въ прошломъ году вы нуждались въ письмоводителѣ? Мнѣ объ этомъ передали, и я заходила къ вамъ узнать ваши условія.

Теперь Скворецкій припомнилъ. Дѣйствительно, годъ тому назадъ къ нему однажды явилась незнакомая барышня, ищущая письменныхъ занятій. Изъ разговора съ нею оказалось, что она совсѣмъ ничего не знаетъ и не умѣетъ; поэтому никакихъ занятій онъ предложить ей не могъ.

Немножко сконфуженный этимъ неожиданно всплывшимъ воспоминаніемъ, Скворецкій сталъ поспѣшно извиняться.

— Впрочемъ, не мудрено, что вы меня не узнали: нашъ

разговоръ продолжался всего двѣ минуты; вы были, кажется, очень заняты... или не въ духѣ...—сказала Настя.—Къ тому же, я была въ шляпѣ и во всемъ черномъ; тогда всѣ носили только черное...

Скворецкій продолжалъ извиняться. Упоминаніе обо „всемъ черномъ“ невольно обратило его вниманіе на нынѣшній пестрый русскій костюмъ молодой дѣвушки, и онъ пристально его разглядывалъ. Ему не приводилось на петербургскихъ журъ-фиксахъ встрѣчать барышенъ въ русскомъ костюмѣ.

— Вы разсматриваете мой любимый нарядъ? Это моя работа; моя и тётина. Не правда ли, чтò можетъ быть лучше русскаго шитья?

„Очень многое“,—хотѣлъ сказать Скворецкій, но промолчалъ.

— Вы не находите?

— Развѣ это не все равно? Самое главное, чтобы туалетъ нравился той, кто его носитъ,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, вамъ не нравится.

— Можетъ быть, мой глазъ не привыкъ.

— Да, это правда, русскій костюмъ теперь почти не носятъ,—продолжала полу-обиженнымъ тономъ Настя. — И очень жаль. Право, это гораздо лучше безобразныхъ французскихъ туалетовъ.

— Почему же безобразныхъ?

— Потому что они безобразны.

„Барышня, кажется, воспиталась въ кабинетѣ своего ученаго папаши“,—подумалъ Скворецкій, Невольно онъ опять осмотрѣлъ туалетъ молодой хозяйки и нашелъ его отвратительнымъ. Даже шитье показалось ему сквернымъ.

— Видите, все хорошо на своемъ мѣстѣ,—сказалъ онъ не совсѣмъ примирительнымъ тономъ.—Въ деревнѣ, или даже на дачѣ, по утрамъ я допускаю... Костюмъ очень удобный, вы совершенно правы; но ему недостаетъ элегантности.

Настя замолчала, даже задумалась. Ее какъ будто поразило мнѣніе Скворецкаго. Всѣ ея знакомые постоянно восхищались этимъ ея костюмомъ, а отецъ говорилъ даже, что онъ только тогда и въ духѣ, когда она одѣта „россіяночкою“.

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, вы не привыкли,—пришла къ заключенію Настя. — А по-моему все русское всегда прекрасно.

— Все? И безъ всякой критики?

— Развѣ можно критиковать свое родное, близкое? Но объ-

ясните, почему собственно вы находите этотъ костюмъ не элегантнымъ? Меня это начинаетъ волновать...

— Да потому, что это костюмъ простонародный, а элегантность создается культурой.

— А развѣ тутъ нѣтъ культуры? Историческій народный узоръ—развѣ это не культура?

— Я даже и не подозрѣвалъ, что это историческій узоръ,—сказалъ Скворецкій.

— А-а, потому что вы не изучали. Вы не можете судить.

Скворецкій пожалъ плечами.

— Я и не сужу съ такой точки зрѣнія. Но еслибы мы перемѣнили разговоръ?... Я боюсь, какъ бы вы не поссорились со мной.

Настя примирительно улыбнулась. Она совсѣмъ не хотѣла ссориться. Но она была уязвлена неодобреніемъ, котораго не ожидала. Ей казалось, напротивъ, что ни въ какомъ туалетѣ нельзя быть интереснѣе, чѣмъ въ русскомъ.

— Я плохая собесѣдница,—сказала она:—чтобы перемѣнить разговоръ, вернитесь въ кабинетъ, я велю перенести туда вашъ стаканъ. Тамъ никогда не говорятъ о дамскихъ туалетахъ.

— Отсылаете?—улыбнулся Скворецкій.

— Исполняю ваше желаніе, даю вамъ возможность перемѣнить разговоръ.

Въ голосѣ Насти еще чувствовалось раздраженіе, хотя она старалась взять равнодушно-привѣтливый тонъ.

Изъ кабинета доносились громкіе голоса; между собесѣдниками, повидимому, возникъ оживленный споръ.

— Идите, тамъ о чемъ-то очень серьезномъ говорятъ,—понукала Настя.—Я всегда сажусь тутъ подлѣ двери и вслушиваюсь. Или въ залѣ, въ углу, съ тётей; оттуда тоже все слышно. Подслушивать простительно, когда разговариваютъ такіе умные люди...

VI.

Въ кабинетѣ, однако, вовсе не спорили; это только хриплые старческіе голоса придавали разговору рѣзкій тонъ. Говорили о томъ, что отставка князя Бисмарка должна чрезвычайно сильно отразиться на ходѣ европейскихъ дѣлъ, но при этомъ замѣчали, что не слѣдуетъ слѣпо довѣряться французской дружбѣ, такъ какъ во Франціи нѣтъ прочнаго правительства, и самый народъ французскій отличается чрезвычайною испорченностью нравовъ. Потомъ какимъ-то образомъ перешли къ старинной русской кар-

тинѣ, случайно отысканной гдѣ-то на толкучемъ рынкѣ и представляющей удивительнѣйшую высоту вдохновенной художественной техники. Затѣмъ, общество пріятно оживилось появленіемъ новаго лица. Это былъ докторъ Лишаевъ, еще не старый человѣкъ, въ чистенькомъ форменномъ сюртукѣ. Ему чрезвычайно всѣ обрадовались.

— Александръ Ивановичъ! откуда? какими судьбами? давно ли?—посыпались вопросы.

— Изъ Батума, сегодня только пріѣхалъ,—отвѣчалъ докторъ съ улыбкою взрослаго ребенка, которая съ дѣтства осталась на его нѣсколько смѣшномъ лицѣ.

— Ну, и что же? какія вѣсти? какъ дѣло?

— Двигается, двигается, очень хорошо двигается. Опыты приходятъ къ концу. Теперь уже можно сказать съ увѣренностью, что моя мысль вполнѣ осуществима.

— Ну, исполать вамъ, Александръ Ивановичъ, вы—піонеръ, въ полномъ смыслѣ слова піонеръ,—подхватилъ съ торжествующимъ видомъ Выдыбаевъ.—Видите ли,—обратился онъ къ Скворецкому:—вамъ, какъ новому гостю въ нашемъ дружескомъ кружкѣ, надо объяснить, что Александръ Ивановичъ задался чрезвычайно счастливою идеею—начать культивировать въ Закавказьѣ нѣкоторыя аптекарскія произрастанія, продукты которыхъ по сіе время ввозятся къ намъ изъ-за границы. Такихъ произрастаній очень много, и они должны легко акклиматизироваться подъ благословеннымъ небомъ Закавказья. А мы, между тѣмъ, переплачиваемъ иностранцамъ громадныя деньги за нихъ.

— Повѣрите ли,—обратился въ свою очередь докторъ къ Скворецкому:—у насъ даже рициноваго куста своего нѣтъ, и мы этотъ общераспространенный продуктъ изъ Италіи получаемъ. Да, да, мы не имѣемъ своего русскаго касторовaго масла. Что вы на это скажете?

Скворецкій не зналъ, что на это сказать. Разведеніе рициноваго куста въ Батумской области представлялось, конечно, дѣломъ полезнымъ, но при чемъ тутъ „піонерство" и вообще приподнятый тонъ—онъ недоумѣвалъ. Все это отзывалось или фальшью, или ребячествомъ. Онъ вспомнилъ, что за весь вечеръ еще не нашелъ удобной минуты сообщить Выдыбаеву о его дѣлѣ. Все сегодняшнее утро онъ посвятилъ просмотру оставленныхъ ему Выдыбаевымъ бумагъ, и пришелъ къ заключенію, что искъ врядъ ли можно выиграть. Объ этомъ надо было сообщить, но Выдыбаевъ какъ будто совсѣмъ забылъ о дѣлѣ. Наконецъ, въ минуту общаго молчанія, Скворецкому удалось отвести его въ сторону.

Но какъ только зашла рѣчь о сомнительности иска, Выдыбаевъ замахалъ руками и объявилъ, что ничего слушать не хочетъ, что онъ подобралъ еще новую серію документовъ и не допускаетъ даже мысли объ отказѣ.

— Сегодня, вы видите, намъ съ вами не до того, но заѣзжайте, голубчикъ, какъ-нибудь на недѣлѣ, въ свободный вечерокъ... Я по вечерамъ постоянно дома, постоянно. Мы вмѣстѣ пересмотримъ, обсудимъ...—заключилъ онъ, пожимая обѣими руками руку Скворецкому и пронизывая его болѣе чѣмъ когда-нибудь ласковымъ взглядомъ.

Молодой адвокатъ, внутренно досадуя на свою сговорчивость, обѣщалъ пріѣхать. Ему уже хотѣлось выбраться изъ этой своеобразной, но для чужого человѣка довольно скучной обстановки. Онъ помнилъ, къ тому же, что сегодня кружокъ балетомановъ чествуетъ ужиномъ молодую русскую танцовщицу, впервые выступавшую въ отвѣтственной роли. Пожертвовавъ спектаклемъ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ быть на ужинѣ, гдѣ собиралось все его знакомое общество, соединенное интересами, съ которыми онъ уже сжился. Отыскавъ шляпу, онъ выждалъ минуту, чтобъ выйти изъ кабинета незамѣченнымъ.

VII.

Но за дверью его тотчасъ остановили. Настя сидѣла на угловомъ диванчикѣ, подлѣ тетки, и, увидя его со шляпою въ рукѣ, сдѣлала удивленные глаза.

— Какъ, вы уже уходите?

Скворецкій помнилъ, что сдѣлалъ непріятность дѣвушкѣ, не одобривъ ея туалета, и хотѣлъ быть любезнымъ. Поэтому онъ на минуту присѣлъ къ столу.

— Тётя, вотъ m-r Скворецкій находитъ мой русскій костюмъ неприличнымъ,—вдругъ выпалила Настя.

Тетушка—ее звали Елизаветой Петровной—посмотрѣла на него съ испугомъ.

— Чтò ты говоришь, Настя?—перенесла она такой же испуганный взглядъ на племянницу.

— Настасья Анемподистовна совсѣмъ меня компрометтируетъ, я никогда ничего подобнаго не говорилъ,—поспѣшилъ оправдаться Скворецкій.—Я нахожу только, что мы мало привыкли къ національной одеждѣ...

— Не вывертывайтесь, пожалуйста не вывертывайтесь. Вы именно нашли мой туалетъ неприличнымъ, неэлегантнымъ...

— Но это совсѣмъ не одно и то же.

— Ну да, вы не хотите быть слишкомъ невѣжливы... Скажите, отчего вы такъ рано уходите? Вамъ у насъ скучно показалось?

— Напротивъ, я провелъ очень интересный вечеръ. Но меня ждутъ другіе мои знакомые...

— Такъ поздно? Вы ѣдете куда-нибудь на балъ?

Скворецкій не зналъ, какъ ему отвѣтить. Объяснить этой барышнѣ, воспитанной въ такой строгой средѣ, что онъ спѣшитъ въ ресторанъ на ужинъ, даваемый въ честь танцовщицы—это могло, пожалуй, произвести цѣлый скандалъ. Онъ предпочелъ солгать, воспользовавшись догадкою Насти.

— Да, на большой вечеръ... къ такимъ близкимъ знакомымъ, у которыхъ не могу не показаться,—сказалъ онъ.

— Желаю вамъ веселиться... и вознаградить себя за скуку въ нашемъ домѣ,—проговорила Настя нѣсколько кислымъ тономъ.

— Развѣ я имѣю такой скучающій видъ?—улыбнулся Скворецкій.

— Не слишкомъ веселый, во всякомъ случаѣ. Но это потому, что вы еще не „нашъ". Нашъ кружокъ такой тѣсный, единодушный, точно мы всѣ близкіе родные между собою. Когда вы войдете въ наше общество совсѣмъ, вамъ будутъ такъ же пріятны эти задушевныя собранія, какъ и всѣмъ остальнымъ.

Это неожиданное предположеніе произвело на Скворецкаго такое впечатлѣніе, какъ будто на него вдругъ нахлобучили по самый ротъ огромную теплую шапку съ наушниками.

— О, вы слишкомъ любезны,—поспѣшно сказалъ онъ.—Я не позволяю себѣ разсчитывать сдѣлаться своимъ человѣкомъ среди почтенныхъ друзей вашего дома.

— Почему?—съ живостью спросила Настя.

Скворецкій опять былъ поставленъ въ затрудненіе. Чтò ему отвѣчать? Благоразумнѣе всего было бы отдѣлаться стереотипными фразами вѣжливости. Но его раздражала эта нетронутая убѣжденность, эта очевидно систематическая дрессировка полу-дѣтскаго ума, этотъ тонъ вызова, слышавшійся въ робкомъ голосѣ. А тутъ, какъ нарочно, впереди всѣхъ этихъ серьезныхъ фигуръ ему представился докторъ Лишаевъ съ „идеей" рициновыхъ насажденій, и на минуту все, чтò онъ видѣлъ и слышалъ здѣсь сегодня, показалось ему смѣшнымъ...

— Чтобы сдѣлаться своимъ человѣкомъ въ вашемъ кружкѣ, я долженъ совсѣмъ передѣлать себя,—сказалъ онъ.

— Развѣ вы не сходитесь во взглядахъ?—спросила Настя такимъ тономъ, какъ будто она менѣе всего могла ожидать этого.

— Отчасти...

Настя подняла на него удивленные, даже нѣсколько опечаленные глаза.

— Это любопытно. Я не могу себѣ представить, какъ разойтись во взглядахъ, когда все такъ ясно, такъ безспорно. Вѣдь это коренная, чисто-русская точка зрѣнія.

— Со всякой точки зрѣнія можно ошибаться, если впасть въ крайность.

— Не знаю, въ чемъ вы видите крайность?

— Да хотя бы въ томъ, что преднамѣренно и насильственно все окрашивается въ извѣстный цвѣтъ. Вѣдь можно создать искусственное настроеніе, и блаженствовать въ немъ. Мнѣ кажется, „они" такъ и сдѣлали.

Настя опять повела на него изумленными глазами.

— Искусственное настроеніе?—повторила она.

— Мнѣ кажется. Знаете, я сейчасъ вспомнилъ пустой случай. Мнѣ понадобилось купить портфель. Заѣзжаю вчера въ одинъ небольшой магазинъ, прошу показать, какіе у нихъ есть англійскіе. Приказчикъ отвѣчаетъ: „Извините, англійскихъ нѣтъ, есть самые лучшіе русскіе".—А мнѣ вотъ нуженъ англійскій.—„Перестали держать", говоритъ.—Почему же?—„Помилуйте, зачѣмъ же? Нынче русскія издѣлія не въ примѣръ выше заграничныхъ". И такимъ тономъ это было сказано, прелесть! Вотъ какое можно создать настроеніе.

Лицо Насти выражало задумчивость.

— Какъ жаль, что вы уходите. Мнѣ хотѣлось бы поговорить основательнѣе, заставить васъ опредѣленно высказаться. А теперь я путаюсь въ какихъ-то намекахъ. Но вѣдь вы еще будете у насъ?

— Конечно. Я условился съ вашимъ папà, что заѣду вечеркомъ на этихъ дняхъ.

— Отлично. А пока я разъяснила себѣ только то, что мой русскій костюмъ не отвѣчаетъ вашему „настроенію",—заключила Настя съ улыбкою, показавшеюся Скворецкому не очень любезною.

VIII.

Скворецкаго ждала у подъѣзда карета, которую онъ держалъ помѣсячно. Онъ велѣлъ кучеру ѣхать въ одинъ изъ большихъ петербургскихъ ресторановъ. Разстояніе было не маленькое—Выдыбаевы жили у Таврическаго сада. Молодой адвокатъ запахнулся въ шинель, намѣреваясь дремать. Но впечатлѣнія вечера мѣшали ему своею новизною. Онъ какъ будто вглядывался въ нихъ со стороны.

„Странный, совсѣмъ особый мірокъ. Въ большинствѣ, вѣроятно, очень почтенные и серьезные люди, и между тѣмъ все у нихъ какъ-то на ребяческій ладъ. Фразерство и маньячество, и, повидимому, совершенная неспособность къ настоящему дѣлу. Желательно бы знать, чтò могъ сдѣлать въ своей жизни хотя бы вотъ этотъ маленькій старичокъ, убѣжденный, что народъ желаетъ имѣть грамотныхъ ребятъ, но совсѣмъ не желаетъ школьнаго просвѣщенія? Составлялъ всю жизнь какія-нибудь вѣдомости, по всей вѣроятности, и былъ искренно убѣжденъ, что держитъ въ рукѣ свѣточъ. Или—тотъ коротенькій человѣчекъ, поклоняющійся нетлѣнной красотѣ русскаго народа? Даже слова эти не самъ выдумалъ, а вычиталъ изъ какой-нибудь славянофильской статьи. Тенденціозное паразитство и пѣнкоснимательство—а работаютъ на нихъ другіе. Вотъ, докторъ Лишаевъ—это совсѣмъ особый сюжетъ. Кажется, себѣ на умѣ, хотя и смотритъ шутомъ. Этотъ, дѣйствительно, заведетъ рициновыя плантаціи и будетъ наживаться на національномъ касторовомъ маслѣ. Даже, я увѣренъ, подумываетъ уже о запретительной пошлинѣ на заграничные аптекарскіе продукты, и со всѣми московскими купцами знакомъ“...

Вслѣдъ затѣмъ мысли Скворецкаго переносились на Настю. Онъ старался опредѣлительнѣе припомнить ея наружность... „Недурненькая, безспорно; и глаза такіе вдумчивые, запрашивающіе. Она, въ сущности, навѣрное неглупая дѣвушка. Даже гораздо умнѣе тѣхъ бойкихъ барышенъ и молодыхъ барынь, которыя играютъ роль въ обществѣ. Но ей, очевидно, съ дѣтства никого не показывали, кромѣ Алфеевъ Яковлевичей и Никодимовъ Спиридоновичей. Она не видала человѣка, который бы мыслилъ и жилъ иначе, чѣмъ ея семья и эти „друзья дома“. Какъ все другое ее пугаетъ и поражаетъ, и... и интересуетъ, однакожъ! Тутъ есть что-то трагическое. Если когда-нибудь ее задѣнетъ другая, настоящая жизнь—какъ все перевернется! А развѣ можно поручиться, что не задѣнетъ? Слѣдовало бы понемногу подго-

товлять ее къ этому моменту. Но кто тамъ можетъ взяться за такую задачу"?

„А насчетъ русскаго костюма она, однакожъ, усомнилась"... —неожиданно заключилъ Скворецкій.

И онъ подумалъ, что если будетъ продолжать изрѣдка встрѣчаться съ нею, то столкновеніе съ его взглядами, съ его „кругозоромъ", какъ онъ мысленно выразился, должно понемногу произвести свое дѣйствіе. И въ одинъ прекрасный день „настроеніе" рухнетъ, и какой-нибудь Никодимъ Спиридоновичъ покажется ей тѣмъ самымъ, чѣмъ представляется ему—вовсе не умнымъ и не идеальнымъ, а скучнѣйшимъ старикашкой, влѣзшимъ по уши въ свою тѣсную скорлупку, гдѣ ему, впрочемъ, очень удобно. „Это было бы любопытно",—усмѣхнулся Скворецкій. — „Любопытно уже потому, что я ничего подобнаго никогда не наблюдалъ"...

И онъ сталъ снова припоминать наружность Насти, ея запрашивающіе глаза и странно звучавшій въ робкомъ голосѣ нетерпѣливый тонъ вызова. И чѣмъ дольше, мысленно, онъ оставался съ нею вдвоемъ въ своей каретѣ, тѣмъ болѣе она начинала казаться ему интересною. „Но этотъ несчастный русскій костюмъ все портитъ,—почти раздражался онъ. — Неужели я опять увижу ее въ этомъ нарядѣ? Нѣтъ, она не надѣнетъ его, держу пари, что не надѣнетъ".

IX.

Какъ только Скворецкій вошелъ въ небольшой отдѣльный залъ ресторана, гдѣ кружокъ балетомановъ чествовалъ ужиномъ первый выходъ балерины Косковой въ отвѣтственной роли, имъ разомъ овладѣло то спокойно веселое настроеніе, какое испытываетъ человѣкъ, попадая въ общество близкихъ и пріятныхъ людей. Пестрая группа окружала поданную на особомъ столѣ закуску. Всѣ были знакомы между собою, громко говорили, хохотали и слегка дурачились. Балерина, въ сознаніи торжественности минуты, обворожительно улыбалась каждому, дѣлала глазки старѣйшимъ и жалась къ подругамъ, желая показать себя отличнымъ товарищемъ. За большимъ столомъ предъ ея приборомъ лежалъ громадный букетъ бѣлыхъ розъ—подношеніе совсѣмъ юнаго милліонера, только-что вступившаго въ кружокъ балетомановъ и еще видимо робѣвшаго. Въ залу продолжали входить новыя лица. Вошелъ плотный господинъ съ толстыми, опущенными книзу усами, котораго всѣ знали, какъ „покровителя" Косковой. Онъ тотчасъ

отозвалъ ее въ сторону, къ большому исцарапанному зеркалу, и когда она вернулась къ обществу, въ волосахъ ея сверкала діадема изъ крупныхъ бриллiантовъ, а лицо горѣло выраженіемъ стыдливаго счастья. Ее стали поздравлять, а одинъ изъ старѣйшихъ балетомановъ съ чувствомъ пожалъ руку плотнаго господина, выражая ему общую признательность за поощреніе искусства. Съ той минуты о немъ какъ будто совсѣмъ забыли, и когда стали занимать мѣста за столомъ, онъ очутился гдѣ-то въ концѣ, и во все продолженіе ужина только сопѣлъ и изрѣдка за что-то благодарилъ.

Едва разнесли бульонъ, какъ въ дверяхъ опять показалось новое лицо. Къ величайшему изумленію Скворецкаго, это былъ докторъ Лишаевъ. Онъ былъ точно такъ же аккуратно застегнутъ въ свой новенькій форменный сюртучокъ, такъ же младенчески улыбался и имѣлъ такой же весело-озабоченный видъ. Отвѣчая на привѣтствія энергическими рукопожатіями, отъ которыхъ у дамъ хрустѣли пальцы, онъ чрезвычайно ловко, словно по разсѣянности, просунулъ стулъ между балериной и юнымъ милліонеромъ, и мгновенно повязалъ вокругъ шеи салфетку. Высокая и прямая, на крутыхъ бедрахъ, фигура его сдѣлалась рѣшительно господствующею за столомъ.

Разговоръ оживлялся, то разсыпаясь по группамъ, то дѣлаясь общимъ. Говорили о балетѣ, объ итальянской прима-балеринѣ, сводившей всѣхъ съ ума въ этомъ сезонѣ, злословили за счетъ отсутствующихъ, любезничали съ сосѣдками и припоминали старые анекдоты. Когда подали шампанское, начались поздравленія и тосты. Тутъ докторъ Лишаевъ превзошелъ всѣхъ. Онъ постучалъ ножемъ и сказалъ цѣлый спичъ, въ которомъ объяснилъ, что нынѣшнее чествованіе знаменательнѣе всякаго другого, такъ какъ предметъ его—яркій русскій талантъ, побѣдоносно пробившійся сквозь затрудненія, обычно заграждающія у насъ путь всякому русскому таланту. „Долго, очень долго томилась наша сцена подъ господствомъ выписныхъ итальянскихъ балеринъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—но несравненная Анна Ивановна своими колоссальными успѣхами приподняла передъ нами завѣсу того свѣтлаго будущаго, когда нашъ балетъ не будетъ болѣе нуждаться въ итальянскихъ акробаткахъ“.

Краснорѣчіе Лишаева не было поразительно, но онъ выдавливалъ слова съ такою веселою энергіей, что рождалось невольное сочувствіе къ его энтузіазму. Онъ это зналъ и привыкъ къ этому, потому что точно также много разъ говорилъ въ „обществѣ споспѣшествованія мѣстнымъ производствамъ“ о необходи-

мости противодѣйствовать импорту итальянскаго рициноваго сѣмени.

„Этотъ милѣйшій докторъ рѣшительно настроенъ противъ всякаго итальянскаго импорта“,—думалъ Скворецкій, удивляясь самъ собственной проницательности, съ какою разгадалъ его по первому виду.

Все общество радостно откликнулось на выдвинутую тэму; посыпались тосты за русскіе таланты.

Докторъ не унимался.

— Итальянки берутъ кропотливымъ трудомъ и рутиною, имъ съ дѣтства выламываютъ ноги, тогда какъ русская артистка дѣлаетъ чудеса, благодаря непосредственной талантливости, присущей всему русскому племени!—выдавливалъ онъ съ возрастающимъ увлеченіемъ.

Мужчины апплодировали, а солистки и корифейки врѣзывались въ доктора замирающими отъ признательности глазами.

— Русская танцовщица головой выше всякой иностранной знаменитости!—не унимался докторъ.—Господа, приглашаю васъ сейчасъ же доказать это вашимъ прелестнымъ сосѣдкамъ!

И съ этими словами онъ вдругъ опустился на колѣни передъ Косковой и сталъ требовать, чтобы она сняла башмачокъ и позволила бы выпить изъ него. Балерина защищалась; поднялся веселый шумъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ послѣдовали примѣру доктора; другіе удовольствовались тѣмъ, что нѣжно цѣловали ручки сосѣдокъ, перепачканныя соусомъ-борделезъ.

Скворецкій сидѣлъ между отставной танцовщицей, выслужившей всѣ сроки, и корифейкой Миминой 2-й. Корифейка была молоденькая и хорошенькая, и это рѣшило его выборъ.

— А сами, вотъ, не умѣли сказать ничего такого,—упрекнула она его, подставляя, впрочемъ, руку повыше кисти, чтобъ онъ не перепачкался.—А еще адвокатъ! свѣтило судебнаго краснорѣчія!

И она залилась смѣхомъ сквозь мелкіе бѣленькіе зубки, на которыхъ еще хрустѣла раковая скорлупа.

X.

За этой Миминой 2-й Скворецкій ухаживалъ уже больше года, и довольно настойчиво. Она ему нравилась своею свѣжестью, питаемою танцовальной гимнастикой, своими веселыми сѣрыми глазами и крупными губами, такъ охотно улыбавши-

мися. Въ балетномъ кругу уже привыкли къ этому флирту и считали его серьезнымъ. Но между ними еще никогда не происходило объясненія—главнымъ образомъ, потому, что и безъ объясненія они отлично понимали другъ друга. Корифейка желала „устроиться"; она сберегала себя до сихъ поръ не для того, чтобы сдѣлать глупость. Жила она у старшей сестры, и маленькаго казеннаго жалованья ей хватало на туалеты. Скворецкій ей нравился, она бы выбрала его, но не для легкомысленнаго увлеченія, а для серьезной, прочной связи. Молодой адвокатъ понималъ ее, и именно это его отпугивало: онъ считалъ слишкомъ преждевременнымъ запутать себя подобною связью. Но прекратить своихъ ухаживаній онъ тоже не хотѣлъ, находя въ нихъ громадную прелесть—прелесть ожиданія, маленькой взаимной борьбы и неопредѣленныхъ надеждъ. Только иногда, растревоженный ея быстрыми переходами отъ кокетства къ безжалостной женской ироніи, онъ злился, переставалъ на нѣкоторое время искать встрѣчъ съ нею и въ душѣ называлъ ее „дурою".

— А вы и повѣрили этой глупости, которую сказалъ докторъ?—обратился онъ къ ней, испытывая желаніе подразнить ее.

— Никакой глупости онъ не сказалъ, а напротивъ, это было очень мило съ его стороны,—возразила Мимина.

— Вѣдь вы сами отлично знаете, что это вздоръ, и нисколько русскія танцовщицы не выше итальянокъ.

— Что жъ такое, что не выше? Все-таки лучше быть любезнымъ.

— И даже врать для этого?

— Ну, и врать; вѣдь здѣсь нѣтъ итальянокъ, и онъ никого не оскорбилъ.

— Я всегда зналъ, что у женщинъ есть особая манера смотрѣть на нѣкоторыя вещи.

— Разумѣется, есть особая манера. А еслибы женщины смотрѣли „на нѣкоторыя вещи" какъ мужчины, чтò бы это было!

Скворецкій вопросительно посмотрѣлъ на нее; она разсмѣялась ему въ глаза.

— Кажется, я никогда не привыкну разговаривать съ вами,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ комическаго отчаянія.

— Упражняйтесь больше.

— А, теперь похоже на то, какъ будто и вы хотите показать себя любезной.

— Это обязательно въ обществѣ.

— Изъ какой книги вычитали?

— Изъ очень умной: книги жизни.

— Ого! Сколько вамъ лѣтъ, позвольте нескромный вопросъ?

— Двадцать, милостивый государь.

— Я давно замѣчалъ, что вы не по лѣтамъ разсудительны.

— Это мое маленькое право.

— Даже досадно, что вы умны.

— Часто вы говорите подобныя глупости?

— Всякій разъ, когда вы меня раздражаете.

— Я васъ раздражаю?

— Систематически. Прикажете положить вамъ салату?

— И даже побольше. Такъ я васъ раздражаю?

— Не принимайте наивнаго тона. Вы сами отлично знаете.

Мимина засмѣялась и принялась за рябчика. У нея всегда былъ отличный аппетитъ, и это было одно изъ ея достоинствъ въ глазахъ Скворецкаго.

Когда стали разъѣзжаться, онъ спросилъ, почему нѣтъ ея сестры.

— Ей сегодня нельзя было пріѣхать,—отвѣтила корифейка.

— Значитъ, вы однѣ?

— Одна.

— Разрѣшите довезти васъ домой?

— Merci, не разрѣшаю.

„Еще бы, какъ же можно! недотрога"!—подумалъ съ досадой Скворецкій, и круто повернулся, чтобы отыскать шляпу.

На лѣстницѣ Мимина догнала его.

— Вы ужъ не разсердились ли?—спросила она гораздо болѣе ласковымъ тономъ.

— Для васъ, я думаю, это совершенно все равно,—отвѣтилъ Скворецкій.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ вы сердились. Заѣзжайте завтра къ намъ, послѣ репетиціи.

— Обидѣли, а потомъ жалко стало?

— Это доказываетъ доброе сердце. Такъ мы будемъ васъ ждать.

Скворецкій позвалъ извозчика, подсадилъ ее, и въ знакъ примиренія крѣпко пожалъ ей руку.

„Канитель какая-то... но пока она умѣетъ такъ дѣлать, что это еще не очень скучно",—подумалъ онъ, усаживаясь въ свою карету.

XI.

Заѣхавъ черезъ нѣсколько дней къ Выдыбаевымъ, Скворецкій услышалъ отъ мрачнаго лакея, что Анемподиста Петровича нѣтъ дома, но что „они" приказали просить подождать, такъ какъ скоро будутъ. Такая предупредительность нѣсколько даже удивила молодого адвоката, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился ею воспользоваться.

Гостиная не была освѣщена, и въ нее врывалась только узкая свѣтлая полоса изъ дверей столовой. Тамъ Настя хозяйничала около самовара.

Она видимо обрадовалась Скворецкому, и крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

— Папà долженъ сейчасъ вернуться. Тетю я тоже жду; она, должно быть, зашла куда-нибудь отъ всенощной. Садитесь. у меня чай готовъ,—пригласила она.

Скворецкій замѣтилъ, что она сегодня перемѣнила прическу на болѣе модную. Эта новая прическа, видимо, шла къ ней. Одѣта она была въ темный корсажъ и черную юбку; поясъ изъ желтой кожи былъ сильно стянутъ. Весь этотъ нарядъ, хотя и простенькій, дѣлалъ ее гораздо привлекательнѣе, чѣмъ въ русскомъ костюмѣ.

— Вы собрались куда-нибудь ѣхать?—спросилъ Скворецкій.

— Нѣтъ, никуда. Я вообще очень рѣдко не бываю вечеромъ дома.

— И не скучаете?

— Можетъ быть, скучала бы, еслибы любила развлеченія. Но я совсѣмъ не стремлюсь къ нимъ.

— Театровъ вы не любите?

— Папà иногда беретъ меня съ собою въ русскую оперу. Тамъ я очень люблю бывать. Чтò можетъ быть лучше русской оперы!

— Итальянская,—отвѣтилъ съ невольною улыбкою Скворецкій.

— Итальянская?—повторила съ удивленіемъ Настя.—Ахъ да, Мазини... Я тамъ никогда не бываю. Но вѣдь итальянская музыка—такая пошлая!

Скворецкій чуть не привскочилъ на стулѣ.

— Кто вамъ это сказалъ?—воскликнулъ онъ.

— Какъ кто сказалъ? Это всѣ знаютъ, кто понимаетъ серьезную музыку,—отвѣтила Настя.—Мои любимые компози-

торы—Глинка и Чайковскій. Я страшная поклонница Чайковскаго. „Евгеній Онѣгинъ“, напримѣръ,—какая прелесть!

— Если вы знаете только русскую музыку, то у васъ нѣтъ масштаба, чтобъ судить.

— Но у меня есть русское чувство, чтобъ понимать,—возразила Настя.

Скворецкій опять улыбнулся.

— Позволите высказать вамъ одно мое впечатлѣніе? Совершенно откровенно?

— Пожалуйста.

— Видите, въ вашемъ кружкѣ все имѣетъ такой видъ, какъ будто тутъ претендуютъ на исключительную монополію русскихъ чувствъ и русскихъ взглядовъ. А между тѣмъ, можно быть русскимъ человѣкомъ, и даже добрымъ патріотомъ, не раздѣляя весьма многихъ мнѣній кружка.

Настя взглянула на него своимъ спрашивающимъ взглядомъ.

— Не знаю... не думаю...—произнесла она нерѣшительно. —Мнѣ кажется, напримѣръ, что тотъ, кому музыка Глинки или Чайковскаго ничего не говоритъ, кто предпочитаетъ ей итальянскую, тотъ совсѣмъ не умѣетъ чувствовать и думать по-русски.

— И вы ошибаетесь. Можно любить и Глинку, и Чайковскаго, и въ то же время сознавать, что въ итальянской и нѣмецкой музыкѣ больше богатства и зрѣлости.

— Какое мнѣ дѣло до богатства и зрѣлости, когда то— чужое, а это—свое родное!

— Простите, но вы опять ошибаетесь: общечеловѣческое, міровое, не можетъ быть чужимъ. А вся европейская культура— общечеловѣческая, міровая.

— Вы—западникъ!—произнесла Настя такимъ тономъ, какимъ въ XVI вѣкѣ правовѣрные католики говорили: ты—еретикъ!

— Знаете, мы вѣдь опять поссориться можемъ, — сказалъ, улыбаясь, Скворецкій.—Подъ вліяніемъ кружка, въ которомъ вы выросли, вы до такой степени ушли въ извѣстное настроеніе, что на все въ мірѣ смотрите съ какой-то особой точки зрѣнія.

— Почему же мнѣ не имѣть своего „настроенія“, какъ вы выражаетесь?

— Да оно вовсе не ваше. Просто вы никакого другого не знаете, и поэтому думаете, что оно-то и есть самое настоящее.

— А вы не думаете?

— А я не думаю. Мнѣ все это представляется очень ребяческою игрою въ національное самомнѣніе. И это довольно опасная игра, потому что тянетъ насъ не впередъ, а назадъ.

Настя взглянула на него, ничего не сказала и принялась, не спѣша, разливать чай.

— Вотъ я говорилъ, что намъ не слѣдуетъ касаться этого предмета,—произнесъ Скворецкій, принявъ ея молчаніе за признакъ неудовольствія.

— Напротивъ,—сказала Настя. — Знаете, m-r Скворецкій, вы заставляете меня очень много думать... о многомъ. Я и не предполагала, что эти наши разговоры могутъ имѣть для меня такое значеніе.

Въ ея голосѣ звучала печаль. Скворецкому показалось, что и лицо ея имѣло нѣсколько другое выраженіе—еще болѣе серьезное. Она словно о чемъ-то допрашивала себя.

— Въ одномъ отношеніи вы правы—я дѣйствительно мало знаю...—заговорила она, подвигая къ нему стаканъ. — Но вѣдь это такъ естественно,—дѣвушка всегда подчиняется воспитанію, которое ей даютъ. А лучше того воспитанія, какое я получила, я и вообразить не могу. Я выросла исключительно среди умныхъ, въ высшей степени достойныхъ людей. Отецъ съ дѣтства очень много лично занимался мною, старался посвятить меня въ извѣстный кругъ идей... Виновата, я забыла: вѣдь вы не раздѣляете этихъ идей?..

XII.

Послѣднія слова она проговорила неожиданно рѣзко, точно къ ней вернулся ея прежній, нѣсколько вызывающій тонъ.

Скворецкій пожалъ плечами.

— Развѣ это идея—жить одною сотою частью жизни, знать одну русскую музыку, читать, вѣроятно, однихъ русскихъ авторовъ? Сознайтесь, вѣдь васъ, конечно, очень мало знакомили съ европейской литературой?

— Напротивъ, я читала Шекспира, Вальтеръ-Скотта, коечто изъ Гёте...

— Ну, да, классики, о которыхъ говорится на урокахъ. И „Иліада" Гомера, въ переводѣ Гнѣдича, не правда ли?

— Совсѣмъ не правда, потому что вмѣсто „Иліады" мнѣ давали читать русскія былины, которыя по своему духу гораздо ближе къ намъ...

Скворецкій рѣшительно не зналъ, что̀ сказать на это. Ему даже стало досадно, зачѣмъ онъ завелъ этотъ разговоръ? Къ воспитательнымъ и всякимъ инымъ идеямъ Выдыбаева онъ былъ совершенно равнодушенъ. И не все ли ему равно, что̀ давали

читать дѣвушкѣ, съ которою онъ видѣлся всего второй разъ? Весь этотъ обособленный мірокъ представлялъ для него только интересъ нѣкотораго курьёза...

Но Настя, очевидно, не относилась такъ спокойно къ предмету разговора. Она отодвинула свою чашку и откинулась на спинку стула.

— У меня къ вамъ большая просьба, m-r Скворецкій,— сказала она.—Укажите, что̀ мнѣ надо прочесть, чтобы пополнить свои знанія и понятія? Я начинаю думать, что мое образованіе было нѣсколько односторонне...

Неожиданное обращеніе это поставило Скворецкаго въ затрудненіе. Принять на себя пополненіе образованія дѣвушки, воспитанной такъ систематически, обставленной такимъ единомышленнымъ обществомъ—значило предпринять рѣшительное вторженіе въ среду, очень ревниво охраняющую свои завѣты и уклады. Роль эта не только ему не нравилась, но даже пугала его. Съ какой стати, съ какою цѣлью взялъ бы онъ ее на себя?

Онъ не подозрѣвалъ, что вторженіе уже совершилось, что въ воспріимчивомъ умѣ дѣвушки суетливо бѣгали уже безпокойныя, неотвязчивыя мысли, и что она не въ силахъ была бы противостоять неожиданному толчку...

— Руководить чтеніемъ—это такая задача, которую можно довѣрить только очень авторитетному лицу, а я совсѣмъ не гожусь для нея,—отвѣтилъ совершенно серьезно Скворецкій.—Современные авторы, русскіе и иностранные, вамъ, конечно, знакомы по наслышкѣ: выбирайте, что̀ вамъ понравится, замѣчайте, какъ они смотрятъ на вещи, провѣряйте по нимъ то, что̀ вы слышали до сихъ поръ — вотъ, кажется, все, что̀ можно рекомендовать, не выходя изъ моей скромной роли...

Настю удивила чувствовавшаяся въ этомъ отвѣтѣ уклончивость.

— Но какіе именно авторы?—настаивала она.

— Да всѣ, чьи имена вамъ знакомы. Если писатель сталъ извѣстностью, значитъ у него можно найти что-нибудь.

Лицо Насти сдѣлалось какъ будто еще серьезнѣе, и между ея тонкими темными бровями залегла складка.

— Я буду читать...—сказала она, послѣ минутнаго молчанія. —Я прочту все.

— Послышался громкій звонокъ, и съ необычайною поспѣшностью вошелъ Выдыбаевъ. Онъ съ такою стремительностью сталъ извиняться предъ Скворецкимъ, точно всѣ его жизненные интересы зависѣли отъ снисходительности молодого адвоката.

— А я кое-что подготовилъ по нашему дѣлу, кое-что под-

готовилъ,—объяснилъ онъ тотчасъ же.—Когда пожелаете пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, мы это все пересмотримъ, пообсудимъ...

Скворецкій пожелалъ немедленно. Оказалось, что подготовленные Выдыбаевымъ документы, хотя и сомнительной силы, давали нѣкоторую возможность установить искъ. Дѣло все-таки представлялось очень шаткимъ, и при другихъ условіяхъ Скворецкій отказался бы отъ него. Но на этотъ разъ онъ отвѣчалъ согласіемъ, потому что... потому что ему не хотѣлось сейчасъ же потерять поводъ бывать въ домѣ.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, Настя ждала его въ томъ самомъ углу полу-освѣщенной залы, гдѣ онъ простился съ нею въ предъидущій разъ.

— Мы скоро васъ увидимъ?—обратилась она къ нему.

— Да, мнѣ надо будетъ побывать у папаши, — отвѣтилъ Скворецкій, заблаговременно запасаясь приличнымъ предлогомъ.

— Приходите, мнѣ будетъ очень трудно обойтись безъ вашей помощи, — сказала Настя.

Молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Да, да, это серьезно; для меня это очень серьезно, — подтвердила Настя.

И лицо ея тоже имѣло серьезное, даже рѣшительное выраженіе.

XIII.

Прошло, однако, болѣе двухъ недѣль, прежде чѣмъ Скворецкій собрался къ Выдыбаевымъ. Случилось это отчасти потому, что его стѣсняло сдѣлаться слишкомъ частымъ гостемъ въ домѣ, гдѣ онъ былъ такъ мало знакомъ. Но, главнымъ образомъ, его въ это время какъ-то сильнѣе захватила привычная жизнь. Навернулись два-три интересныя дѣла, въ театрахъ поставили кое-что новое, кружокъ знакомыхъ чаще увлекалъ его то на обѣды или завтраки, то на ужины. И съ Миминой 2-й ему тоже чаще случалось встрѣчаться, и она какъ будто больше съ нимъ кокетничала, и въ ея кокетствѣ больше чувствовалось ласковой благосклонности. „Можетъ быть, какъ-нибудь сладится“,—довольно безпечно думалъ онъ иногда, возвращаясь ночью домой, и въ темной глубинѣ кареты припоминая ея пухленькія губы, два ряда бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ и впечатлѣніе свѣжести, производимое всей ея молодой красотой.

Но въ одинъ прекрасный день это счастливое настроеніе было неожиданно испорчено визитомъ отставной солистки Зузовой, той

самой, которая была его второю сосѣдкой за ужиномъ въ честь русской балерины.

Эта Зузова считалась добрѣйшимъ существомъ и, благодаря своей всегдашней готовности на всевозможныя безкорыстныя услуги, поддерживала съ балетнымъ міркомъ самыя пріятныя и близкія отношенія. Кромѣ расплывающейся доброты и расплывающихся формъ, за ней числилась маленькая спеціальность—сочувственно способствовать всѣмъ возникавшимъ въ міркѣ романамъ и принимать близко къ сердцу всѣ сходящіяся и расходящіяся сочетанія.

Она заѣхала къ Скворецкому по очень обыкновенному дѣлу—предложить подписаться на подарокъ для одной балетной солистки, по поводу двадцатилѣтія службы. Но Скворецкій догадывался, что это былъ только предлогъ. И дѣйствительно, Зузова очень охотно осталась посидѣть, и забралась съ ногами на оттоманку, за маленькій столикъ, куда ей былъ поданъ чай.

— Ну, какъ наши дѣла? давно ли видѣлись съ Пашенькой?—спросила она значительнымъ тономъ, накладывая въ чашку варенье.

— Видимся часто, а дѣла—по прежнему,—отвѣтилъ Скворецкій.

— Ни съ мѣста? Скучно даже смотрѣть!—произнесла Зузова.

— А вотъ мнѣ еще не наскучило,—улыбнулся адвокатъ.

Зувова повела глазами по комнатѣ, какъ бы изучая обстановку.

— Удивляюсь я вамъ, Николай Семеновичъ,—заговорила она снова. — Знаете, вѣдь это даже нехорошо съ вашей стороны.

Скворецкій взглянулъ на нее вопросительно.

— Да право,—продолжала Зузова.—Я васъ давно знаю, и говорю съ вами откровенно. Всѣ думаютъ, что вы съ Пашенькой влюблены другъ въ друга, а на самомъ дѣлѣ васъ не разберешь никакъ.

Скворецкій сразу нахмурился. Эта нескромность Зузовой ему совсѣмъ не нравилась. Онъ далъ бы ей это замѣтить, но не зналъ, говоритъ ли она по собственной склонности къ вмѣшательству въ чужія дѣла, или по уполномочію отъ старшей Миминой. Пожалуй, даже съ вѣдома Миминой 2-й? Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что молча раскурилъ сигару.

— Вѣдь вы немножко вскружили голову бѣдной дѣвочкѣ,—рискнула возобновить разговоръ Зузова.

— Не замѣчалъ,—отвѣтилъ полу-иронически Скворецкій.

— Ну, какъ не замѣчали! Пашенька такая прямая натура, она даже и отъ постороннихъ не скрываетъ, что заинтересована вами. А вамъ я прямо удивляюсь; удивляюсь, Николай Семеновичъ!

— То-есть, чему же, собственно, вы удивляетесь?—спросилъ Скворецкій.

Зузова отставила чашку и фамильярно дотронулась до его руки.

— Послушайте, Николай Семеновичъ, будемъ говорить откровенно. Вѣдь вы умница, и отлично понимаете, что Пашенька дѣвушка серьезная, разсудительная. Глупости она не сдѣлаетъ. Вы уже столько времени за нею ухаживаете, что должны прекрасно знать ея характеръ.

Скворецкій нахмурился еще больше. Это неожиданное и непрошенное объясненіе черезъ третье лицо раздражало его.

— Будьте пожалуйста откровенны до конца и скажите мнѣ— вы отъ себя лично все это говорите, или... вслѣдствіе какого-нибудь разговора съ m-lle Миминой?—спросилъ онъ почти рѣзко.

— Конечно отъ себя, лично отъ себя! — заволновалась Зузова. — Даю вамъ слово, что когда я заговорила объ этомъ съ Пашенькой, она только отшучивалась, по обыкновенію. Но я сама не слѣпая, отлично вижу и понимаю.

Скворецкій пожалъ плечами.

— Вы одобряете, что m-lle Мимина неспособна сдѣлать глупость; а я съ своей стороны тоже не расположенъ дѣлать глупости,—сказалъ онъ, и перемѣнилъ разговоръ.

Онъ долго не могъ выйти изъ дурного настроенія духа, вызваннаго посѣщеніемъ Зузовой. Что она являлась въ качествѣ лица, совершенно безкорыстно и даже трогательно заинтересованнаго въ участіи молодой корифейки, онъ не сомнѣвался. Онъ охотно повѣрилъ также, что обѣ Мимины тутъ ни при чемъ. И тѣмъ не менѣе все-таки это безтактное посягательство на его свободу раздражило его. Онъ самъ понималъ, что его отношенія къ „балетничкѣ“ оставались недоговоренными, но ему непріятно было получить напоминаніе объ этомъ со стороны.

Шагая взадъ и впередъ по кабинету и пріемной, онъ вдругъ представилъ себѣ, что Мимина расположилась тутъ какъ хозяйка, не съ тѣмъ, чтобы уйти, когда поймаетъ скрытую зѣвоту на его лицѣ, а съ тѣмъ чтобы раздѣлить всѣ мелочи его ежедневной жизни, наполнить его холостую квартиру мелочами своего собственнаго существованія, подслушивать изъ корридорчика его разговоры съ кліентами, дуться когда онъ уходитъ изъ дому, разучивать pà вотъ передъ этимъ самымъ зеркаломъ, забывать корсажъ или шляпу въ пріемной, требовать отчета въ его знакомствахъ, капризничать, плакать...

Его необъятному эгоизму все это показалось такимъ ужаснымъ, что онъ даже встряхнулъ головою и провелъ рукой по лбу.

XIV.

Вечеромъ Скворецкій вспомнилъ о Выдыбаевыхъ и рѣшилъ поѣхать къ нимъ. На этотъ разъ Анемподистъ Петровичъ былъ дома и принялъ его въ кабинетѣ. Онъ дружески попенялъ, что такъ давно его не видно, что даже два воскресенья онъ пропустилъ.

Скворецкому почему-то захотѣлось подразнить его.

— По воскресеньямъ я всегда въ балетѣ,—сказалъ онъ.

Выдыбаевъ поднялъ на него глаза и переспросилъ:

— Какъ? въ балетѣ?

— Да; вѣдь я большой балетоманъ,—отвѣтилъ Скворецкій.

— Вотъ какъ!—протянулъ Выдыбаевъ, и ласково-пронизывающіе глаза его подернулись выраженіемъ грустнаго соболѣзнованія.— Жаль, очень жаль, что балетъ лишаетъ наши скромныя, дружескія собранія такого пріятнаго посѣтителя...

Слуга доложилъ, что чай готовъ въ столовой.

Настя сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ за самоваромъ. Пожимая ей руку, Скворецкій замѣтилъ, что пальцы ея были холодны, какъ ледъ. Онъ пристально взглянулъ на нее, и его поразила происшедшая въ ней за двѣ недѣли перемѣна: она поблѣднѣла, похудѣла, тонкія брови ея какъ будто сблизились, глаза темнѣли глубоко и печально.

— Знаешь, почему Николай Семеновичъ не бываетъ у насъ по воскресеньямъ?—шутливо обратился къ дочери Выдыбаевъ.— Онъ въ этотъ день въ балетѣ абонированъ! Вотъ мы каковы!

— Что же тутъ удивительнаго? Гораздо интереснѣе смотрѣть балетъ, чѣмъ слушать разговоры нашихъ гостей!—съ неожиданною рѣзкостью отвѣтила Настя.

Выдыбаевъ и сестра его съ изумленіемъ взглянули на нее.

— Э? какъ ты сказала?—спросилъ отецъ.

Настя поблѣднѣла еще болѣе.

— Я сказала, что балетъ интереснѣе общества скучныхъ людей, въ особенности если они считаютъ себя умными,—повторила она.

— Это ты друзей нашего дома такъ называешь?—не вѣря своимъ ушамъ, переспросилъ Выдыбаевъ.

Лизавета Петровна смотрѣла на племянницу, выпучивъ глаза и ничего не понимая. Скворецкій чувствовалъ себя неловко.

Настя съ нетерпѣніемъ повела плечами.

— Полноте, папа, нельзя же весь міръ заставлять смотрѣть

черезъ свои очки,—произнесла она раздраженно.—Ваши друзья дома, можетъ быть, очень почтенные люди, но не всѣмъ же весело съ ними.

Выдыбаевъ съ растеряннымъ видомъ пожевалъ губами.

— Никто, душа моя, не оспариваетъ правъ молодости,—произнесъ онъ примирительно: — но и въ молодости серьезные умственные интересы должны преобладать. Развлеченія иногда необходимы, я совершенно согласенъ; хотя, что касается собственно балета...

— Въ которомъ я никогда не была, да и вы, кажется, тоже... —вставила Настя.

— Не скрою, дѣйствительно никогда не былъ. Но это потому, что и въ развлеченіяхъ слѣдуетъ искать чего-нибудь осмысленного. Вотъ, когда балетъ вводится въ оперу, какъ пластическая иллюстрація къ духовному наслажденію мелодіей...

Поученіе хозяина дома какъ-будто задѣвало и самого Скворецкаго. Но онъ только незамѣтно улыбался, наклонясь надъ своимъ стаканомъ. Не выдвигать же ему здѣсь на споръ свои воззрѣнія убѣжденнаго балетомана!

— Впрочемъ, и въ балетѣ можно найти что-либо заслуживающее серьезнаго вниманія,—обратился Выдыбаевъ уже прямо къ нему:—напримѣръ, любопытно провѣрить, въ какой точности воспроизводятся тамъ древне-русскіе костюмы?

— Иногда съ большою точностью, — отвѣтилъ совершенно серьезно Скворецкій.

— Дѣйствительно? Вотъ это чрезвычайно интересно было бы видѣть...

— Что жъ, соберитесь туда когда-нибудь... съ Никаноромъ Спиридоновичемъ, напримѣръ,—неожиданно вставила Настя.

Выдыбаевъ не обратилъ вниманія на ироническій тонъ, какимъ это было сказано, и добродушно засмѣялся.

— Ну, Никанора Спиридоновича не завлечешь, нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.

Настя раздраженно засмѣялась.

— Жаль, это было бы единственное въ своемъ родѣ зрѣлище — Никаноръ Спиридоновичъ въ балетѣ, провѣряющій историческую вѣрность костюмовъ!

И она выразительно взглянула на Скворецкаго, какъ бы приглашая его заявить свое одобреніе.

Выдыбаевъ снова нахмурился.

— Никаноръ Спиридоновичъ очень достойный человѣкъ, и

такой близкій въ домѣ, что здѣсь некстати было бы надъ нимъ смѣяться,—сказалъ онъ почти строго.

Настя вся вспыхнула.

— Это не мѣшаетъ мнѣ имѣть о немъ свое собственное мнѣніе,—рѣзко отозвалась она, и снова взглянула на Скворецкаго, которому сдѣлалось окончательно неловко.

XV.

Разговоръ оборвался. Выдыбаевъ допилъ свой чай, еще разъ посмотрѣлъ внимательно на дочь и, рѣшивъ, что она сегодня замѣчательно не въ духѣ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Лизавета Петровна, словно испугавшись остаться лицомъ къ лицу съ племянницей и Скворецкимъ, поспѣшно поднялась вслѣдъ за нимъ и укрылась въ своемъ любимомъ углу въ залѣ.

— Отчего вы столько времени не заходили? Мнѣ такъ нужно было васъ видѣть!—обратилась Настя къ Скворецкому.

Онъ отговорился недосугомъ и опасеніемъ наскучить слишкомъ частыми посѣщеніями.

— Вы не должны этого думать. Со времени нашего знакомства, у меня явилась внутренняя работа, въ которой я теряюсь... Вы должны помогать мнѣ,—продолжала Настя.—Знаете, въ эти двѣ-три недѣли я пережила очень много. Я читала, думала, и все это производитъ на меня сильное впечатлѣніе, и тяжелое...

— Тяжелое?—переспросилъ Скворецкій.

— Да, тяжелое. Все, что̀ я теперь читала, до такой степени для меня ново, такъ не сходится съ понятіями, къ которымъ я привыкла съ дѣтства...

— Какой же именно авторъ произвелъ на васъ самое сильное впечатлѣніе?—полюбопытствовалъ Скворецкій.

— Тургеневъ.

— Какъ, вы раньше не читали Тургенева?—изумился молодой человѣкъ.

Настя при этомъ вопросѣ покраснѣла.

— Представьте себѣ, мнѣ не давали Тургенева,—созналась она.—Вѣдь это нравственное насиліе, не правда ли?

Скворецкій пожалъ плечами, какъ бы выражая, что онъ удивленъ, но не считаетъ удобнымъ высказать по этому поводу свое мнѣніе.

— Я во всю жизнь не прочла столько, какъ за это время,

—продолжала Настя.—Дома у насъ нѣтъ этихъ книгъ, я абонировалась въ библіотекѣ. Но и тамъ многаго нѣтъ. Я читаю весь день, ночью, и потомъ думаю, думаю безъ конца... Это тяжело.

— Зачѣмъ же вы такъ увлекаетесь? Знаете, вѣдь вы похудѣли даже.

— Да, я замѣчаю. Но все равно, я не могу остановиться. Я прочту все, чтò должна прочесть. Нѣкоторыя книги я попрошу васъ прислать мнѣ, у васъ навѣрное онѣ есть.

Скворецкій подумалъ, что это будетъ очень неудобно, что его могутъ заподозрить въ желаніи повліять на умственное настроеніе дѣвушки. Происшедшую въ ней перемѣну, конечно, замѣтятъ, и припишутъ его вліянію. Поэтому онъ уклончиво промолчалъ на ея послѣднія слова.

— Теперь вы видите, какъ вы дурно сдѣлали, не показываясь столько времени, — продолжала Настя, улыбнувшись ему ласково и печально. — Вѣдь мнѣ здѣсь не съ кѣмъ слова перемолвить. Тетя... вы видите, что она для этого не годится. А отецъ... какъ я могу говорить съ нимъ о томъ, чтò тѣснится у меня въ головѣ? У него на все такой опредѣленный, извѣстный взглядъ. Онъ не можетъ объяснить мнѣ ни одного изъ моихъ сомнѣній, потому что вообще не допускаетъ никакихъ сомнѣній.

— Мнѣ кажется, вы смотрите на все нѣсколько съ трагической стороны,—произнесъ Скворецкій.

— А развѣ тутъ нѣтъ трагической стороны? — возразила Настя.—Еслибъ вы знали, какъ у меня иногда голова идетъ кругомъ, какое чувство безсилія давитъ меня. Раньше мнѣ дикимъ показалось бы, еслибъ кто-нибудь сказалъ, что я не пользуюсь достаточной свободой; а теперь я чувствую, что я вся связана, что мнѣ дышать нечѣмъ...

Скворецкій, слушая ее, испытывалъ непріятное смущеніе. Онъ не ожидалъ такого быстраго увлеченія. Стремительность, съ какою Настя отдавалась впечатлѣніямъ, почти пугала его. Это уже не выходило забавно или любопытно, какъ онъ представлялъ себѣ издали. И при томъ онъ чувствовалъ, что его какъ-то прицѣпляютъ ко всему этому, обращаются къ нему какъ къ сообщнику...

Но онъ не могъ отрицать, что ея новое настроеніе, ея взволнованная блѣдность, удивительно оживляли ея лицо, драматизировали ее всю. „Не шутя, она дѣлается преинтересною", отзывался онъ мысленно.

XVI.

Съ этого вечера, у Скворецкаго образовались какія-то странныя, отчасти неудобныя отношенія къ Выдыбаевымъ. Приняться за тяжебное дѣло ему не хотѣлось, и онъ подъ благовидными предлогами оттягивалъ подачу исковаго прошенія. Между тѣмъ онъ продолжалъ бывать въ домѣ, иногда чаще, иногда рѣже, и встрѣчалъ постоянно радушный, въ высшей степени ласковый пріемъ. Изъ деликатности, или по другимъ соображеніямъ, Выдыбаевъ пересталъ торопить его, и все сбирался подготовить какія-то новыя данныя. Онъ, впрочемъ, по большей части укрывался въ своемъ кабинетѣ и, выпивъ наскоро въ столовой стаканъ чаю, уносилъ другой стаканъ къ себѣ.

Настя относилась къ Скворецкому совершенно дружески. Она какъ будто стала немного спокойнѣе, рѣзкія выходки въ разговорахъ съ отцомъ прекратились. Читала она все такъ же много, такъ же охотно передавала Скворецкому свои впечатлѣнія, но еще охотнѣе разспрашивала его самого, интересуясь всѣми мелочами его ежедневнаго существованія. Это странное любопытство начинало стѣснять Скворецкаго. „Не все ли ей равно, какое у меня расположеніе комнатъ, и доволенъ ли я своимъ лакеемъ? Вѣдь не замужъ же сбирается она за меня“,—думалъ онъ.

На Настю вообще словно нашла полоса легкаго радостнаго возбужденія. Происходившая въ ней внутренняя работа, повидимому, теперь не столько томила ее, сколько удовлетворяла. Но иногда это настроеніе вдругъ смѣнялось угрюмою задумчивостью, и со стороны Скворецкаго требовалось не мало изобрѣтательности, чтобы поддержать разговоръ.

Его стѣсняли также постоянно повторявшіяся просьбы прислать ту или другую книгу. Подъ разными предлогами онъ уклонялся, рѣшивъ, что въ этомъ отношеніи необходима самая крайняя осторожность. Книга, переданная въ руки молодой дѣвушки, могла быть принята за улику. „Кто его знаетъ, этого Выдыбаева,—пожалуй скажетъ, что я совращаю его дочь“... разсудительно остерегался Скворецкій.

Разъ, когда Настя особенно настойчиво просила его прислать сочиненія одного русскаго автора, онъ, чтобы отдѣлаться, сказалъ, смѣясь:

— О, этого автора я не могу взять на свою отвѣтственность; надо просить формальнаго разрѣшенія папаши.

Настя на это тоже разсмѣялась, и крикнула отцу:

— Папà, у Николая Семеновича есть очень важная просьба къ тебѣ...

Скворецкій по неволѣ вошелъ въ кабинетъ и шутливымъ тономъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Выдыбаевъ взялъ его руку и крѣпко сжалъ ее въ своихъ пухлыхъ ладоняхъ.

— Дорогой Николай Семеновичъ, — произнесъ онъ съ нѣкоторою неожиданною торжественностью:—вы знаете, что я самъ, съ большимъ тщаніемъ, занимался воспитаніемъ своей дочери, самъ руководилъ ея умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Но воспитаніе дочери кончается тамъ, гдѣ она... выходитъ изъ состоянія невиннаго дѣтства. За этимъ возрастомъ ее ожидаютъ уже другія вліянія, такъ какъ судьба предназначаетъ ей принадлежать другой семьѣ. Вотъ почему я не считаю себя въ правѣ попрежнему исключительно руководить ея духовною жизнью. Тѣмъ болѣе, что вы, дорогой Николай Семеновичъ, вы пріобрѣли наше полное и безграничное довѣріе.

Произнося это, Выдыбаевъ все крѣпче жалъ руку Скворецкому и обливалъ его своимъ ласково-пронизывающимъ взглядомъ.

Скворецкій былъ непріятно озадаченъ. Въ словахъ Анемподиста Петровича слышалась какая-то торжественная значительность. Чтò онъ хотѣлъ сказать? Ужъ не счелъ ли онъ нужнымъ поощрить молодого адвоката, — не намекалъ ли, что готовъ пожертвовать своими личными взглядами, ради счастья дочери?

Скворецкій вернулся въ столовую сильно нахмуренный, и его еще непріятнѣе удивило, что Настя встрѣтила его съ маленькимъ радостнымъ смѣхомъ и какимъ-то плутоватымъ выраженіемъ лица.

— Ну, чтò, успокоились? Слышали отвѣтъ папà? — спросила она.

— Хорошо, я пришлю вамъ эти книги,—коротко отвѣтилъ Скворецкій.

Онъ раньше обыкновеннаго уѣхалъ, и на слѣдующее утро отослалъ Настѣ книги съ лакеемъ. Тотъ вернулся не скоро, и, помогая барину одѣваться къ обѣду, какъ-то загадочно ухмылялся, явно желая что-то сказать.

— Очень хорошіе господа, къ которымъ книги носилъ,— вымолвилъ онъ наконецъ.

— Почему? — спросилъ Скворецкій.

— И барышня очень хорошая, — подтвердилъ слуга. — Позвали меня въ залу, благодарили очень. Разспрашивали тоже про все. На чай три рубля вынесли.

— Дуракъ! — неожиданно оборвалъ его Скворецкій.

И, пожавъ плечами, добавилъ мысленно: „Чортъ знаетъ, чтò такое“!

XVII.

Прошло нѣсколько дней. Скворецкій не показывался у Выдыбаевыхъ. Настя возвратила ему книги, при коротенькой записочкѣ, въ которой упрекала его за то, что онъ совсѣмъ забылъ ихъ, и просила пріѣхать сегодня вечеромъ непремѣнно. Скворецкій отвѣтилъ, что никакъ не можетъ, потому что нездоровъ и не выходитъ изъ дому.

Нездоровъ онъ не былъ, но ему чувствовалось, что въ его отношенія къ Выдыбаевымъ все болѣе втѣсняется неудобное недоразумѣніе, и что неизбѣжно придется объясниться. А сегодня онъ былъ дурно настроенъ, и ему хотѣлось избѣжать этого объясненія.

Прошло опять нѣсколько дней. Разъ утромъ лакей стремительно вбѣжалъ къ нему и объявилъ, радостно осклабляясь:

— Барышня та самая пришла къ вамъ!

— Какая барышня? — удивился Скворецкій.

— Да та самая, куда книги носилъ.

Скворецкій, понявъ, наконецъ, что то была Настя, въ первую минуту даже испугался. Чтò такое могло случиться? Онъ поспѣшно вышелъ въ пріемную.

Настя, вся въ черномъ, блѣдная, съ какимъ-то растеряннымъ выраженіемъ въ лицѣ, шла ему на встрѣчу.

— Ради Бога, чтò случилось? — быстро спросилъ Скворецкій, пожимая ей руку.

— У насъ? — удивилась этому вопросу Настя. — У насъ ничего не случилось. Я пришла узнать, чтò такое съ вами? Вы больны?

И ея темные глаза безпокойно и пытливо допрашивали его. Скворецкій нѣсколько смутился.

— Нѣтъ, ничего. Былъ немножко нездоровъ, но теперь оправился. Сбирался сегодня же побывать у васъ. Но какъ вы любезны, какъ вы великодушны! Я такъ мало заслужилъ подобное вниманіе, — говорилъ онъ быстро. — Какъ здоровье папаши? Позволите провести васъ въ кабинетъ?

Настя машинально шла за нимъ. Въ кабинетѣ она опустилась на кончикъ кресла, прямая какъ статуя, все съ тѣмъ же допрашивающимъ, растеряннымъ выраженіемъ устремленныхъ на него глазъ.

— Васъ очень удивляетъ мое посѣщеніе? Вы находите это неприличнымъ? — произнесла она нѣсколько напряженнымъ тономъ.

Скворецкій поспѣшилъ отвѣтить отрицательно.

— Я серьезно думала, что вы больны, и что я не скоро васъ увижу, — продолжала Настя. — А мнѣ такъ необходимо васъ видѣть! Вѣдь я одна, совсѣмъ одна. И это вы виноваты въ моемъ одиночествѣ. Раньше у меня была нравственная связь съ семьей, съ домомъ, я на все смотрѣла одинаковыми глазами съ окружающими. И это кончилось, этого больше нѣтъ... Вы разрушили мою семью, мою прежнюю жизнь... да и Богъ съ ними!

Скворецкій сдѣлалъ попытку принять разсудительный тонъ.

— Знаете, всему виною ошибка въ вашемъ воспитаніи, — сказалъ онъ. — Въ васъ старались создать извѣстное настроеніе, отвѣчавшее образу мыслей близкаго кружка. Но это чисто мужское воспитаніе, оно не годится для дѣвушки. Вы придаете слишкомъ много значенія идейной сторонѣ вещей, и это опять-таки годится для мужчины, а не для женщины.

— Вотъ видите, вы понимаете это; почему же „они" не понимаютъ? — воскликнула Настя. — Почему они думаютъ, что для меня не должно существовать все то, чѣмъ наполняется жизнь другихъ дѣвушекъ, что мнѣ не надо ни развлеченій, ни общества? Разумѣется, меня ввели въ кругъ интересовъ, которыми они сами живутъ; но какъ же не понять, что это совершенно искусственно?

— А вы помните объясненіе вашего папà, что для взрослой дѣвушки открыты посторонніе вліянія, потому что ей предназначается создать новую семью? — напомнилъ Скворецкій. — И вотъ, конечно, такъ и будетъ.

— Чтò будетъ? — напряженно переспросила Настя.

— Будетъ, что мало-по-малу кругъ вашихъ знакомствъ и отношеній расширится, и кончится тѣмъ, чѣмъ это кончается, то-есть, вы выйдете замужъ... — пояснилъ Скворецкій.

XVIII.

Настя поблѣднѣла еще больше.

— Я выйду замужъ... когда кругъ моихъ знакомствъ расширится? — произнесла она едва слышно. — Чтò вы хотите этимъ сказать, Николай Семéновичъ?

— Хочу сказать, что не будете же вы вѣчно окружены

одними старичками; раньше или позже, непремѣнно явятся претенденты.

— Явятся претенденты... если заведутся новыя знакомства?— опять тѣмъ же напряженнымъ тономъ повторила Настя.

— Ну да, потому что всѣ тѣ, кого я видѣлъ у васъ до сихъ поръ, можетъ быть, чрезвычайно почтенные люди, но... это не ваше общество, — высказался Скворецкій.

Посинѣвшія губы Насти слегка дрожали.

— Слѣдовательно, ваше мнѣніе, Николай Семеновичъ, что мнѣ надо — поискать новыхъ знакомствъ? — произнесла она съ напряженной усмѣшкой.

— Вы же сами сказали, что скучаете среди теперешней обстановки; и это какъ нельзя болѣе понятно, — отвѣтилъ Скворецкій.

Прошла минута тягостнаго молчанія. Послѣднія краски сбѣжали съ лица Насти. Она глядѣла на Скворецкаго какимъ-то измученнымъ взглядомъ, отъ котораго ему становилось все болѣе неловко.

„Но чѣмъ же я виноватъ“? — проносилось у него въ умѣ.

— Такъ вотъ какъ, Николай Семеновичъ... — проговорила, наконецъ, Настя, съ усиліемъ овладѣвая собою. — Вы рекомендуете мнѣ поискать новыхъ знакомыхъ... подходящихъ молодыхъ людей, настолько наивныхъ, или простенькихъ, чтобы взглянуть на меня какъ на барышню, которую можно взять за себя замужъ... Вамъ представляется, что это очень легко сдѣлать, послѣ того какъ... послѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ, когда я жила только вашими мыслями, вашими взглядами, когда я представить себѣ не могла, чтобы вамъ было все равно... О, я была глупа, я не умѣла понять васъ. Я должна была разглядѣть, что это была услуга, которую вы мнѣ оказали мимоходомъ, и что все случившееся васъ ни къ чему не обязываетъ. Если прохожій спрашиваетъ васъ на улицѣ, какъ пройти на Невскій — вы снисходительно указываете ему рукою, но вѣдь не обязаны же вы сами довести его, куда ему надо. Какъ вы хорошо сказали: „кончится тѣмъ, чѣмъ это всегда кончается, то-есть, вы выйдете замужъ“. Ха-ха-ха! Если въ эту минуту подъ вашими окнами проходитъ какая-нибудь дѣвушка, она, вѣроятно, тоже въ свое время выйдетъ замужъ; вамъ-то что̀ за дѣло?

Скворецкій былъ подавленъ; онъ испытывалъ чувство жалости, и въ то же время непріятная, тупая досада подымалась у него на сердцѣ.

— Ради Бога, успокойтесь, Настасья Анемподистовна; вы

взволнованы, вамъ Богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ все представляется...—сказалъ онъ, съ трудомъ преодолѣвая смущеніе.—Вы фантазируете,—право, фантазируете; когда вы трезвѣе взглянете на меня, вамъ самой смѣшно будетъ представить себѣ меня въ какой-нибудь другой роли, кромѣ моей роли вѣчнаго холостяка.

Ему показалось, что Настя перестала дышать. Ея руки висѣли, вся она точно сгорбилась.

Прошла опять минута жуткаго молчанія. Вдругъ краска густо залила смуглыя щеки Насти. Она встала, опираясь объ уголъ письменнаго стола.

— Вы—негодяй!—неожиданно крикнула она, сверкнувъ загорѣвшимися глазами, и, прежде чѣмъ Скворецкій могъ опомниться, выбѣжала изъ кабинета.

Онъ бросился вслѣдъ за нею. Но она, не оборачиваясь, не помня себя, почти бѣгомъ прошла пріемную, потомъ прихожую, открыла дверь и очутилась на лѣстницѣ.

Скворецкій, самъ блѣдный и разстроенный, перегнулся черезъ перила.

— Одну минуту! одно слово!—крикнулъ онъ, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ ему хотѣлось остановить ее. Это было совершенно механическое движеніе, которымъ онъ невольно протестовалъ противъ случившагося.

Настя, какъ призракъ, не оглядываясь, молча спустилась по ступенямъ и исчезла.

XIX.

Вернувшись въ свой кабинетъ, Скворецкій долго ходилъ большими шагами изъ угла въ уголъ, не понимая хорошенько, какъ все произошло. Слово „негодяй" крикливо отдавалось въ его ушахъ. Чѣмъ онъ заслужилъ оскорбленіе? Что онъ сдѣлалъ?

Онъ припоминалъ всѣ подробности этой коротенькой исторіи, и рѣшительно не понималъ, въ чемъ былъ виноватъ. Онъ не искалъ знакомства съ Выдыбаевыми; скорѣе они сами втянули его. Немножко подстрекаемый любопытствомъ, онъ всматривался, и слегка заинтересовался положеніемъ молодой дѣвушки, поставленной въ такую своеобразную обстановку. Его личныя впечатлѣнія удивили Настю, заставили ее думать. Развѣ онъ былъ обязанъ скрывать, что смотритъ свѣжимъ взглядомъ посторонняго человѣка? Столкновеніе съ этимъ взглядомъ могло принести ей только пользу. Но ея взбалмошная природа создала увлеченіе,

поставила все на какую-то трагическую почву. И вдругъ—эта несчастная мысль, будто ихъ отношенія представляютъ естественный путь къ сватовству... Но вѣдь это прямо глупо и дико. Развѣ онъ держалъ себя какъ претендентъ? Развѣ онъ позволилъ себѣ малѣйшее ухаживанье?

Онъ раскурилъ сигару и бросился въ кресло. Онъ уже не чувствовалъ оскорбленія, ему просто дѣлалось смѣшно. Конечно, Настя — славная дѣвушка, но даже представить себѣ нельзя, какъ бы это вышло, еслибъ онъ на ней женился. Вѣдь она — дичокъ, который надо не только воспитывать, но—что̀ еще хуже— перевоспитывать. Она въ одинъ мѣсяцъ измучила бы его своею экзальтаціей, потребовала бы себѣ такого необъятнаго мѣста въ его внутренней жизни, что хоть бѣжать. Ежеминутно все объяснять ей, погрузиться въ какую-то брачную педагогику, биться надъ вещами и понятіями, представляющими для всѣхъ общее мѣсто, а ее волнующими до трагизма... Это было бы прямо ужасно.

— Да, наконецъ, я не хочу жениться, совсѣмъ не хочу!— мысленно вскричалъ Скворецкій, вскакивая съ кресла.—Почему каждая дѣвушка думаетъ, что я непремѣнно желаю измѣнить образъ жизни, и всецѣло посвятить себя ей одной? Съ какой стати m-lle Выдыбаева вообразила, будто я въ такой же мѣрѣ трагически поглощенъ ея внутреннимъ переворотомъ, какъ она сама? Съ какой стати Пашенькѣ Миминой я представляюсь самымъ подходящимъ сюжетомъ для роли балетнаго „покровителя"? Все это онѣ себѣ надумываютъ по своей неспособности сойти съ какой-то глупой женской точки зрѣнія...

И Скворецкій значительно успокоился на такомъ окончательномъ выводѣ.

На другой день онъ собралъ бумаги по дѣлу Выдыбаева и отослалъ ихъ ему при коротенькой записочкѣ, въ которой объяснялъ, что, сомнѣваясь въ своихъ силахъ, не рѣшается взяться за искъ, требующій большой адвокатской опытности и искусства.

Выдыбаевъ никакого отвѣта не прислалъ.

Спустя мѣсяцъ, балетный кружокъ облетѣло извѣстіе, что Мимина 2-я переѣхала отъ сестры на свою собственную квартиру, и что эта квартира очень мило и недешево обставлена. Затѣмъ, на одномъ балетномъ ужинѣ Скворецкій встрѣтился съ обѣими сестрами и Зузовой. Пашенька немножко покраснѣла, но радушно пожала ему руку и показала два ряда чудесныхъ зубовъ. Зузова отвела его въ сторону и сообщила, что Мимина нарочно не велѣла „своему" пріѣзжать, чтобы избѣжать непріятной встрѣчи,

такъ какъ знала, что Скворецкій будетъ на ужинѣ. Адвокатъ отвѣтилъ, что тронутъ такою деликатностью, но что это совершенно излишне, и что онъ ничего не имѣетъ противъ встрѣчи съ „нимъ".

— А вы знаете, кто?—спросила Зузова.

— Не имѣю понятія.

Зузова назвала неизвѣстную ему фамилію, пояснивъ, что это—молодой и богатый кавалерійскій офицеръ.

— Вотъ и отлично,—отозвался Скворецкій.—А скажите, почему не видно здѣсь доктора Лишаева—помните, который такъ мило сравнивалъ русскихъ танцовщицъ съ рутинными итальянками?

— Его давно не видно, онъ отсталъ совсѣмъ,—отвѣтила Зузова.—Говорятъ, будто женится.

Прошло еще мѣсяца два. Въ одинъ весенній солнечный день Скворецкій встрѣтился на Невскомъ съ Лишаевымъ. Тотъ шелъ торопливымъ шагомъ, съ какими-то покупками въ обѣихъ рукахъ, но остановился.

— Вы знаете, я женился,—объявилъ онъ послѣ обмѣна привѣтствіями.

Скворецкій поздравилъ его.

— И представьте, вы знали мою жену дѣвушкой,—добавилъ докторъ.—Она урожденная Выдыбаева.

— Аа!—протянулъ Скворецкій.—Вторично васъ поздравляю, потому что это прелестная личность. Ну, а какъ ваши рициновыя плантаціи?

Лишаевъ махнулъ громаднымъ сверткомъ, который держалъ въ рукѣ.

— Да какъ вамъ сказать, покамѣстъ ничего еще не вышло. Почва тамъ, кажется, не совсѣмъ благопріятна.

— Въ самомъ дѣлѣ? Жаль, жаль,—сказалъ Скворецкій, и приподнялъ шляпу.

Онъ немножко былъ не въ духѣ остальную часть дня.

В. Авсѣенко

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОЭМА МИЦКЕВИЧА.

ЗАСАДА.

Изъ бесѣдки въ саду,
Самъ не свой, какъ въ чаду,
Воевода въ свой замокъ приходитъ,
Въ женинъ теремъ бѣжитъ,
Сдернулъ пологъ, глядитъ,
Но въ постели жены не находитъ!

Вспыхнулъ панъ, отступилъ,
Усъ сѣдой закрутилъ
И отлеты закинулъ угрюмо;
Искры мечутъ глаза,
Мраченъ онъ, какъ гроза,
Казака призываетъ Наума:

„Гей! гайдучій ты родъ!
Отчего у воротъ
Нѣтъ собакъ и дозоръ не на мѣстѣ?
Дай мнѣ сумку живѣй
И съ винтовкой моей
Карабинъ свой захватишь ты вмѣстѣ“.

Оба ружья берутъ,
Въ садъ тихонько идутъ,
Гдѣ сильнѣе аллея густѣла...
У дерновой скамьи
Что-то видно въ тѣни:
Въ бѣломъ платьѣ то панна сидѣла.

Прядью пышныхъ кудрей
И одеждой своей
Она ликъ прикрывала и шею,
Отклоняла-жъ другой
Она пана рукой,
Что колѣна склонялъ передъ нею,

Ноги ей цѣловалъ
И такъ страстно шепталъ:
„Что же, милая, мнѣ-то осталось?
Право—ручку пожать,
Вздохъ твой нѣжный поймать,—
Все на вѣкъ воеводѣ досталось!

„Мнѣ за то, что любилъ,
Что тобою лишь жилъ,
Предстоятъ одиночества годы!
Не любилъ, не страдалъ,
А мошну развязалъ...
И ты стала рабой воеводы!

„Я летѣлъ на конѣ
По ночамъ, при лунѣ
И подъ ливнемъ холоднымъ ненастья,
Чтобъ, прощаясь, вздохнуть
И украдкой шепнуть:
Доброй ночи и долгаго счастья!

„Средь пуховой волны
Онъ свои сѣдины
На груди твоей прячетъ, преступный!
Съ устъ, гдѣ роза царитъ,
И съ румяныхъ ланитъ
Нектаръ пьетъ, для меня недоступный"!

Ея ужъ слухъ измѣнялъ,
А онъ страстно шепталъ
Ей то ласки, то ропотъ проклятья...
Вотъ скользнула рука —
И упала она,
Вся дрожащая, другу въ объятья.

Межъ тѣмъ панъ съ казакомъ,
Притаясь за кустомъ,
Изъ сумы ужъ патроны добыли,
И, винтовки свои
Зарядивши, они
Въ нихъ двойные заряды забили.

„Панъ! — казакъ прошепталъ:
Въ душу бѣсъ мнѣ запалъ!
Цѣлить въ панну нѣтъ болѣе мочи;
Лишь курокъ я поднялъ,
Холодъ душу сковалъ
И слеза затуманила очи".

„Замолчишь ли ты, хамъ!
Потакать я слезамъ
И терять словъ напрасно не стану.
Свѣжій порохъ возьми,
Да кремень оскобли
И стрѣляй себѣ въ лобъ или въ панну!

„Тише... цѣль навѣрнякъ,
Стой! сначала, казакъ,
Молодца я сложу на свободѣ"...
Но казакъ такъ спѣшилъ,
Что курокъ свой спустилъ
И попалъ прямо въ лобъ воеводѣ.

II.

Среди житейской суеты
Ты счастья ищешь и свободы?
Напрасны всѣ твои мечты:
Промчатся незамѣтно годы,

И вновь стремиться будешь ты
Въ просторъ полей, подъ кровъ природы.

Твоя душа лишь тамъ найдетъ
Пріютъ спокойствія и мира, —
Лишь тамъ, окрѣпнувъ, отдохнетъ
Отъ хмеля жизненнаго пира;
Лишь тамъ молчаніе прерветъ
Твоя умолкнувшая лира.

Спѣши, поэтъ! туда спѣши!
Отбрось ненужныя сомнѣнья!
Ты тамъ, въ родной своей глуши,
Найдешь источникъ обновленья,
И для измученной души —
Былую силу вдохновенья.

III.

Усталый день смыкаетъ очи,
И сумракъ тихой, теплой ночи
Жару томящую смягчилъ;
И зной—отрадой,
Ночной прохладой
Онъ замѣнилъ.

Зажглись огнями неба своды,
И отразили тихо воды
И этотъ синій сводъ небесъ,
И звѣздъ мирьяды,
И горъ громады,
И спящій лѣсъ.

Цвѣточки чашечки свернули
И въ темной зелени уснули,
Забывъ жары тяжелый гнетъ;
И ихъ дыханье
Благоуханье
Повсюду льетъ.

Лѣниво сонный вѣтеръ дышетъ,
Не шелеститъ и не колышетъ
Листвою дремлющихъ вѣтвей;
Не спитъ, не дремлетъ,
А ночи внемлетъ
Лишь соловей.

Вотъ звуки первые слетѣли
Его горячей, страстной трели,
Звеня чарующей волной,
Затрепетали
И вдругъ пропали
Въ тиши ночной.

О, сколько страсти, сколько муки
Мнѣ въ душу бросили тѣ звуки!..
Въ тотъ мигъ одной тобой я жилъ,
Къ тебѣ стремился,
Тебѣ молился,
Тебя любилъ!

В. П. Марковъ.

ФАУСТУЛУСЪ

„Faustulus. Roman von Fried. von Spielhagen“ *).

I.

Минутъ десять—никто изъ нихъ не проронилъ ни слова.

Шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ поворачивался лицомъ къ дивану, въ углу котораго можно было различить лишь темную женскую фигуру; голова ея была откинута на высокую спинку дивана, а лицà въ сумеркахъ невозможно было разглядѣть.

Въ его памяти воскресло воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда, бывало, послѣ размолвки, онъ бросался передъ нею на колѣни, а она приникала головой къ его груди, и оба, въ горячихъ поцѣлуяхъ, упивались отрадою забвенья... Давно ли это было? Всего какихъ-нибудь полгода тому назадъ; но для него эти шесть мѣсяцевъ тянулись цѣлую вѣчность!

Кто-жъ въ этомъ виноватъ? Онъ самъ!—такъ и она всегда прежде говорила, и, по всей вѣроятности, она была права: въ подобныхъ случаяхъ вся вина, обыкновенно, ложится на мужчину. Пусть такъ! Но просить у нея прощенья?.. Онъ не такъ глупъ!

Вовсе не любовь была теперь предметомъ ихъ упорной борьбы; теперь весь вопросъ сводился къ тому: кто изъ нихъ кого одолѣетъ? Кому достанется власть повелѣвать?

Впрочемъ, и этотъ вопросъ самъ по себѣ былъ порядочной нелѣпостью.

---

*) Оригиналъ печатается съ начала января въ одномъ изъ періодическихъ изданій въ Германіи.—*Ред.*

Онъ подошелъ къ третьему окну и посмотрѣлъ на маленькую, безлюдную площадь. Передъ домомъ только-что зажигали фонари; ихъ было только два, но и они стоили Карлу не малаго труда, пока онъ добился, чтобы пламя вспыхнуло въ своей стеклянной клѣткѣ и круги свѣта задрожали, какъ бы подпрыгивая на мостовой подъ тактъ вѣтру, который дулъ со стороны рѣки.

Онъ открылъ половину окна, весьма разумно придерживая рукой задвижку. Занавѣска надулась, съ одного изъ столиковъ что-то упало, двери въ столовую и на площадку лѣстницы хлопнули...

— Творецъ небесный!—раздался голосъ съ дивана.—Пожалуйста, закрой окно!

Онъ предварительно вдохнулъ въ себя нѣсколько разъ свѣжій воздухъ и затѣмъ закрылъ окно.

— Я хотѣлъ только выпустить табачный дымъ,—сказалъ онъ, возвращаясь въ комнату.—Ты знаешь, какъ *онъ* трудно его переноситъ.

Съ дивана послышался короткій, злобный смѣхъ.

— Это новость, что ты такъ внимателенъ къ *нему!*

— Позволь, мое сокровище, но я никогда иначе къ *нему* не относился.

— Позволь! Не называй меня *сокровищемъ* своимъ: это насмѣшка съ твоей стороны.

— Ну, въ такомъ случаѣ—дорогая Лора! Надѣюсь, ты мнѣ разрѣшишь дольше не утруждать тебя нашей пріятною бесѣдой?

— Ты не смѣешь уйти! Я сказала ему, что ты останешься у насъ весь вечеръ.

— Ну, значитъ, ты ошиблась! Людямъ свойственно ошибаться. Мнѣ кажется, мы сами только-что явились рѣзкимъ тому доказательствомъ.

Онъ направился къ дверямъ.

— Арнд̀!

— Чтд̀ прикажешь?

— Прошу тебя, не уходи!

Она быстро вскочила съ дивана, подошла къ нему близко-близко и схватила за руку, которую онъ вырвалъ у нея.

— Еслибъ я даже и остался, то и это ничуть не загладило бы тѣхъ непріятностей, которыя мы другъ другу наговорили.

— Прошу тебя, пожалуйста, останься!.. Чѣмъ же я объясню твое отсутствіе? Онъ можетъ тогда подумать, что мы поссорились.

— Ахъ, только для того?

— Да, и для того также. Не знаю почему, но мнѣ сдается, что онъ насъ подозрѣваетъ.

— Вотъ еще одинъ поводъ, почему намъ необходимо разойтись.

Она все-таки схватила его за руку.

— Арнó, прошу тебя! Умоляю!

— Это совершенно безразсудно. Покончимъ же скорѣе, вотъ и все!

— Значитъ, ты хочешь, чтобъ я умерла?

Она упала передъ нимъ и охватила его колѣни.

— Это, наконецъ, смѣшно! Плохая комедія только становится все хуже и хуже, если ее часто повторяютъ. Чортъ побери! Да встань же, наконецъ!

За дверью, на площадкѣ, послышались шаги. Лора мигомъ очутилась на ногахъ и, насколько могла, дальше отодвинулась отъ него. Вошла горничная, Мальвина, съ зажженной лампою въ рукахъ. Она подошла и поставила ее на столъ передъ диваномъ; проходя мимо господъ, она опустила глаза.

— Прикажете зажечь и лампы передъ зеркалами?

— Нѣтъ, не нужно. Мы вѣдь сейчасъ идемъ обѣдать. А мужъ наверху?

— Кажется, они еще въ лабораторіи. Прикажете ихъ просить?

— Не надо. Онъ самъ придетъ, когда кончитъ.

Мальвина вышла, не поднимая глазъ.

— Проклятіе!—пробормоталъ Арно сквозь зубы.

Самый удобный случай холодно и равнодушно порвать свою связь разлетѣлся въ прахъ, потому только, что некстати ворвалась эта дура-баба! При первомъ же поводѣ придется опять начинать все это кривлянье. Теперь ужъ не уйти такъ благополучно!..

Арно началъ опять шагать взадъ и впередъ большими шагами мимо Лоры, которая стояла неподвижно сложа руки и робко слѣдила за нимъ глазами.

— О, прошу тебя, Арно! Прости меня! Мои нервы были натянуты и расходились... Это виновата вешняя гроза. Вспомни, на меня эти грозы дѣйствовали всегда мучительно, когда я была еще молоденькой.

— Вешнія грозы? Какой вздоръ! Просто ты черезъ-чуръ много курила. Въ этомъ противномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ

пачули, самые здоровые нервы полетятъ къ чорту. И ты, вдобавокъ, дѣлала себѣ инъекцію, хоть я тебѣ и строго запретилъ это!

— Я сдѣлаю все, что̀ тебѣ угодно! Я брошу все, куренье и пачули, морфій... все, все, лишь бы ты снова былъ добръ ко мнѣ!

Ея голосъ, обыкновенно грубый и рѣзкій, звучалъ почти нѣжно, но онъ не вызвалъ умиленья въ душѣ Арно, даже скорѣе раздражилъ его. Вотъ вѣдь опять дѣло клонится къ сантиментальностямъ. Это представленіе ему хорошо знакомо, и какъ же долго оно длится!

— Ну, хорошо ужъ, хорошо!—проговорилъ онъ и перевелъ взглядъ на портретъ хозяина дома, который смотрѣлъ Богъ вѣсть куда изъ своей широкой золоченой рамы и улыбался, украшенный очками въ золотой оправѣ.

— Ты говоришь, онъ насъ подозрѣваетъ? Съ чего ты это взяла?

Ей безъ того уже было жутко заговорить объ этомъ. Она бы, кажется, должна была знать, что онъ ухватится за это, какъ за новый поводъ разойтись. Какъ бы то ни было, это могло дать ей поводъ высказаться.

— Можетъ быть, я слишкомъ тревожусь,—проговорила Лора. —Боже мой! Да въ моемъ положеніи, съ теченіемъ времени, по неволѣ начнешь тревожиться. Впрочемъ, вѣрно, это все изъ-за Мальвины.

— Да она-то тутъ при чемъ?

— За послѣднее время она стала какая-то дерзкая...

— Но она и всегда была дерзка!

— Только не въ такой мѣрѣ, какъ теперь. И она себѣ позволяетъ такія штуки...

— Напримѣръ?..

— Въ подробности я не могу входить, ты долженъ мнѣ повѣрить на̀-слово. На этотъ счетъ глаза женщины особенно зорки.

— Ты же сама не разъ мнѣ говорила, что ты въ ней увѣрена и можешь вполнѣ на нее положиться.

— Да я и полагалась, и думала, что могу ей довѣриться.

— А если бы она и въ самомъ дѣлѣ вздумала разъиграть изъ себя предательницу,—что̀ она можетъ сказать? Что̀ она можетъ разболтать? Да ровно ничего!

— Ничего?!.. О, Арно!

— Ну, почему жъ ты раньше ее не прогнала?

— Для того, чтобы она бѣгала и трезвонила про меня по

городу? Или чтобы она, дѣйствительно, спряталась отъ меня за спину Густава и сдѣлала меня окончательно несчастной?

Лора сѣла къ столу передъ диваномъ, оперлась локтями на столъ и закрыла лицо руками. Грудь ея высоко поднималась, она тяжело дышала. Или она плакала на самомъ дѣлѣ, или весьма удачно притворялась. Арно остановился на послѣднемъ. Ему ни разу не случалось видѣть ея слезъ, и онъ мысленно причислялъ ее къ такимъ, которыя не умѣютъ плакать. Откуда бы у нея вдругъ взялась способность проливать слезы? Ѣдкая усмѣшка коснулась его губъ и мелькнула въ глазахъ.

— *Окончательно?*—повторилъ онъ: — Что-жъ, это хорошо, очень хорошо сказано. А пока, значитъ, львиная доля всѣхъ твоихъ несчастій ставилась мнѣ на счетъ? Когда такъ, милѣйшая моя, я не могу дать тебѣ иного совѣта, какъ чтобы мы...

Онъ говорилъ нарочно торопливо, чтобы докончить, пока не вошелъ Зибольдъ. Его шаги въ припрыжку уже слышались за дверью, въ столовой. Дверь отворилась. На порогѣ появился супругъ Лоры.

— Здравствуйте! Какъ это мило, докторъ, съ вашей стороны...

Онъ подавилъ легкій приступъ кашля и пристально посмотрѣлъ на клубы дыма, которые стояли надъ высокой лампой свѣтло-сѣрыми и сѣрыми слоями.

— Да войдите, милый Зибольдъ: будьте совсѣмъ какъ дома!—промолвилъ Арно съ ехидною усмѣшкой.

— Хорошо, хорошо! Только не обижайтесь, если я...

— Вы совершенно правы!—перебилъ его Арно.—Куренье порядочное бѣдствіе для другихъ... Но если вы не затворите дверь, дымъ пройдетъ и въ столовую.

— Ахъ, да, пожалуй!

Зибольдъ окончательно переступилъ порогъ, заперъ за собою дверь, подошелъ къ женѣ своими мелкими шажками и любезно поцѣловалъ ей руку, а затѣмъ привѣтствовалъ доктора:

— Давно пришли?

— Съ часокъ, не больше. А вы тамъ были заняты, внизу?

— Да. Два, три анализа...

Подойдя близко-близко къ доктору и по возможности стараясь до него дотянуться, онъ прошепталъ ему на ухо:

— Diabetis!

— Коллега Ганнеманъ?

Зибольдъ утвердительно кивнулъ головой.

— И ничего не нашли? Ну, понятно.

Аптекарь отрицательно покачалъ головой.

— Да найдите же, наконецъ, хоть что-нибудь! Этотъ человѣкъ просто смѣшонъ со своимъ чортомъ, котораго онъ себѣ всюду на стѣнѣ малюетъ, и который все еще до него не добрался.

— Что-жъ подѣлаешь, докторъ? У него нѣтъ вашей проницательности, вашей способности къ тончайшимъ діагнозамъ. А онъ хочетъ знать навѣрняка.

— А трещать про себя тоже вѣдь принадлежность ремесла.

Арно повернулся къ Лорѣ, которая сидѣла въ креслѣ у стола и, казалось, внимательно разглядывала ногти на своей рукѣ, сжатой въ горсточку.

— Прошу прощенья. Но сами знаете, когда сойдутся межъ собой авгуры,—началъ-было Арно.

— О, слишкомъ много чести!—воскликнулъ Зибольдъ.—Вы просвѣщеннѣйшій докторъ медицины, которому давно пора бы занять профессуру въ университетѣ, а я—бѣдный невѣжда аптекарь!

— А знаете ли вы, что̀ такое сѣрнистая сурьма?

— Ну, докторъ!!..

— А я вотъ этого не зналъ на государственномъ экзаменѣ. „Не можете ли вы сказать, господинъ докторъ, какой процентъ золота содержится въ сѣрнистой сурьмѣ“? — спрашиваютъ меня. (Не только о сурьмѣ, но и о надлежащемъ процентѣ въ ней золота я не имѣлъ понятія).—„Отъ одной восьмой до одной четверти процента“,—говорю.

— „Въ такомъ случаѣ, вы можете разбогатѣть, господинъ докторъ! Что касается насъ, то мы, химики и фармакологи, называемъ это соединеніе сѣры и антимонія (если вамъ интересно знать, по-латыни оно называется: Stibium sulfuratum aurantiacum) *златоцвѣтнымъ* лишь по причинѣ его оранжевой окраски. Я вамъ рекомендую этотъ препаратъ при катаррахъ и вообще для облегченія дыханія при крупозномъ раздраженіи легкихъ. Бѣднымъ вы можете давать на придачу свои *восьмыя* или *четверти процента* золота“...

— Ему просто хотѣлось меня провалить. Судите сами, насколько это ему удалось!

Арно проговорилъ весь анекдотъ своимъ обычнымъ сухимъ и насмѣшливымъ голосомъ. Зибольдъ опять не понялъ, смѣется онъ или серьезно говоритъ.

Поэтому онъ ограничился лишь неопредѣленною улыбкой. Лора разглядывала свои ногти.

Въ эту минуту Мальвина распахнула дверь въ столовую.

— А, слава Богу!—воскликнулъ Зибольдъ:—я страшно голоденъ. Предложите руку женѣ, милый докторъ. Простите, если я пойду впередъ. Я пойду поскорѣе и загляну, то ли вино подала Мальвина?

Маленькій человѣчекъ исчезъ. Арно подошелъ къ Лорѣ.

— Если надо, чтобъ онъ ничего не замѣтилъ, я бы настойчиво совѣтовалъ тебѣ сдѣлать иную физіономію.

Лора кинула на него почти враждебный взглядъ.

— Но вѣдь ты здѣсь въ послѣдній разъ,—возразила она.

— Тѣмъ болѣе причины для тебя принять веселый, дружелюбный видъ. Ну, не ребячься же! Пойдемъ!

Онъ взялъ ее за руку и почти яростно потянулъ кверху.

— Арно! Ты меня больше не любишь?

— Вотъ вздоръ! Люблю, конечно. Идемъ же скорѣе!

Она повисла на его локтѣ, на мигъ прижалась головой къ его плечу и дала отвести себя въ столовую.

Оказалось, что Мальвина подала то самое бордо, которое слѣдовало, но оно было по крайней мѣрѣ на два градуса холоднѣе, чѣмъ ему полагалось. На прислугу, даже на самую лучшую, нельзя положиться!

Разговора въ гостиной Зибольдъ, очевидно, совсѣмъ не слыхалъ, какъ не слыхала ничего и Мальвина, которая вошла въ столовую съ бутылкою вина, уже нагрѣтаго, какъ требовалъ хозяинъ.

II.

Какъ часто, за послѣдніе два года, приходилось Арно сиживать за тѣмъ же столомъ, на томъ же мѣстѣ между Лорой и ея супругомъ, въ такой же вечерній часъ! Напротивъ, на стѣнѣ, на томъ же мѣстѣ, все та же неизмѣнная картина: копія Спозалицціо,—подарокъ одного доброжелательнаго господина, торговца предметами искусства, Зибольду на свадьбу. Даже разговоры оставались почти одни и тѣ же, или чуть-чуть видоизмѣнялись, какъ кушанья и вина, съ тою только разницей, что послѣднія можно было назвать образцовыми,—чего нельзя было сказать про бесѣды безъ погрѣшности въ преувеличеніи. Вѣдь Зибольдъ почти неизмѣнно ораторствовалъ одинъ. Если слушатели оратора —парочка влюбленныхъ, то они бываютъ не очень расположены къ разговорамъ съ третьимъ лицомъ, особенно же если это лицо—супругъ, въ которомъ имъ должно поддерживать

хорошее настроеніе духа. Давайте только этому человѣку болтать языкомъ, какъ маятникомъ тикають на стѣнѣ старые часы въ черномъ колпакѣ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ!.. Кто его слушаетъ, пока онъ влюбленъ? Но когда пылъ влюбленныхъ миновалъ, когда бывшій влюбленный приходитъ просто по привычкѣ,—по привычкѣ же сидитъ на своемъ мѣстѣ, ѣстъ и пьетъ; когда не въ первый разъ уже случилась ссора не на жизнь, а на смерть; когда *она* сама произнесла роковое слово:—„Ты здѣсь въ *послѣдній* разъ!"—въ сущности, не подозрѣвая, до чего оно справедливо... Тогда,—клянусь, тогда становится совсѣмъ ясно слышно каждое слово оратора-трещотки, каждый „тикъ-такъ!" часовъ; приходится просто сдерживать себя, чтобы не вылить на бѣлесоватый парикъ хозяина дома стаканъ съ краснымъ виномъ, который онъ самъ только-что налилъ, и не пустить бутылкой въ футляръ неугомонныхъ часовъ.

Такъ и въ сердцѣ Арно бушевали досада, пресыщеніе и скука въ то время, какъ онъ машинально ѣлъ и пилъ, а въ промежуткѣ все быстрѣе и быстрѣе каталъ хлѣбные шарики, которые самъ же потомъ нервно разминалъ въ лепешку. Лора терпѣла настоящую пытку. Умоляющихъ взоровъ, которые она бросала на него каждый разъ, какъ чувствовала, что мужъ не смотритъ на нее, Арно не хотѣлъ видѣть, не хотѣлъ понимать. Она готова была разрыдаться. А потомъ вдругъ въ ней пробуждалось ощущенье, какъ будто, вотъ-вотъ, она непремѣнно вскочитъ и бросится ему на шею, сожметъ въ рукахъ его длинную и сухую шею и... начнетъ душить! Затѣмъ она сейчасъ же начинала улыбаться безсознательно, какъ помѣшанная, на какую-то шутку мужа, въ которой она не поняла ни слова; но вѣрно это было что-нибудь особенно удачное, потому что вдругъ послышался его короткій, дребезжащій смѣхъ, а его маленькіе, полинявшіе голубые глаза подмигивали ей сквозь большія стекла очковъ.

Зибольдъ былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Внѣ всякаго сомнѣнія, сегодня онъ былъ остроумнѣе, чѣмъ когда-либо, и Лора съ докторомъ не могли бы ничего лучшаго придумать, какъ слушать его молча. Да, да, Густавъ Зибольдъ! Никому не уступитъ онъ лакомаго кусочка! Не часто это съ нимъ бывало! Но если и бывало, то... А докторъ? Ну, это такой тонкій умъ! „Тончайшій во всемъ Узелинѣ"! говорятъ. Одинъ только и есть человѣкъ, который умомъ превосходитъ Арно. Но Лора такая женщина, что это понимаетъ; она удивительно тактична и не дастъ этого замѣтить, чтобы доктора не сконфузить!

— Докторъ! А вамъ бы слѣдовало выпить еще стаканчикъ этого маргò. Grand vin! Изъ замковыхъ погребовъ, тридцатаго года... знаменитаго холернаго года! Оно у меня еще отъ отца, хранится до сихъ поръ. Скромность и деликатность не позволяютъ мнѣ сказать, чтò можетъ теперь стоить каждая бутылка.

— Благодарю. Я пилъ уже довольно!

— А можетъ быть, стаканчикъ шампанскаго... вдовы Клико?

— Ну, что-жъ, пожалуй.

— За это вы молодецъ! Это добрый примѣръ и для Лоры: она сегодня что-то слишкомъ ужъ повѣсила голову... Сверхъ того, у меня есть еще свои особыя причины... о, да! Совсѣмъ особыя. Мальвина! Мальвина!

Мелкими шажками онъ направился къ Мальвинѣ, которая только-что вошла на его звонокъ. Пока онъ отдавалъ ей свои приказанія тамъ же, на порогѣ, Лора шепнула, нагибаясь къ Арно:

— Если ты меня больше и не любишь, то хоть остерегись его. Не будь онъ совсѣмъ поглощенъ собою, онъ могъ бы все легко замѣтить. Ты не имѣешь никакого права меня выдавать.

— Это правда. Этого права я не имѣю.

Зибольдъ подошелъ къ столу, самодовольно потирая руки.

— Ну, дѣти мои!.. Простите, докторъ! Положимъ, я по годамъ могу быть почти вашимъ отцомъ... Но, право же, это роскошь, удивительно хорошо! Да, просто роскошь!

— Да чтò у васъ такое?

— Постойте, душка-докторъ, погодите! Есть вещи, которыя можно поливать только шампанскимъ, какъ устрицы—только лимономъ.

Подали шампанское: Мальвина вынула изъ буфета и поставила на столъ три шампанскихъ рюмки.

— Мы сами разольемъ, — проговорилъ снисходительно Зибольдъ, вертя раскупоренную бутылку во льду.

— Да ну же, Зибольдъ, спускайте, наконецъ, курокъ!

— Festina lente, докторъ! Торопитесь потихоньку!

Зибольдъ наполнилъ рюмки, поднялъ высоко свою и, глядя попеременно то на доктора, то на жену, провозгласилъ:

— Прошу почтеннѣйшее общество меня поздравить!

— Ура!—отвѣтилъ Арно, осушая свою рюмку.

— Но вы не знаете еще, въ чемъ дѣло?—совершенно озадаченный, воскликнулъ Зибольдъ.

— Въ вашей женѣ; въ чемъ же иначе?—протягивая вновь пустой бокалъ, проговорилъ Арно.—Или вотъ еще чтò: вы благополучно, наконецъ, добрались до милліона?

Аптекарь былъ польщенъ и улыбнулся:

— Обладать такою женой и милліономъ—это было бы слишкомъ много для простого смертнаго, какъ я. Правда, жена моя въ этомъ событіи играетъ значительную и даже главную, рѣшающую роль... Да, да, милая Лора! Это зависитъ отъ тебя, отъ твоего рѣшенія: угодно тебѣ будетъ сдѣлаться землевладѣлицей, или нѣтъ?

До сихъ поръ разсѣянно прислушиваясь къ разговору, Лора вдругъ выпрямилась; ея большіе равнодушные глаза оживились. Зибольдъ снова обратился къ Арно.

— Надо вамъ сказать, докторъ, что моя жена—это воплощенная скромность; но если ужъ она чего захочетъ, такъ это должно быть непремѣнно нѣчто грандіозное.

— Отличительная черта выдающихся людей,—пробормоталъ Арно.

— Не правда ли? Ну, такъ съ давнихъ поръ,—съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь и счастіе знать и любить Лору, ея страстнымъ желаніемъ было имѣть недвижимую собственность въ видѣ помѣстья...

— Тогда мнѣ стоило бы только выйти за помѣщика,—возразила молодая женщина съ высокомѣрною улыбкой.

— Конечно!—подтвердилъ Арно.—Нашъ Зундинъ кишитъ землевладѣльцами и ихъ сыновьями, которымъ было бы на руку жениться на красивой дѣвушкѣ.

Лора бросила на него взглядъ, полный благодарности.

Зибольдъ чуть не уклонился отъ порядка своей рѣчи. Онъ могъ весьма легко указать на то обстоятельство, что помѣщики, часто заглядывающіе въ Зундинъ, ничего не имѣютъ противъ красивой дѣвушки-невѣсты, лишь бы она была богата, а этого отнюдь нельзя было сказать про Лору. Но такого щекотливаго вопроса онъ, понятно, не посмѣлъ коснуться.

— Если вы, господа, будете меня постоянно перебивать, я никогда не кончу,—проговорилъ онъ возбужденно.

— Ну, говорите же короче! Это имѣніе—Бётенгагенъ? Вы еще зимой его поминали...

— Тогда это дѣло было отложено въ долгій ящикъ.

— А теперь вы пришли къ соглашенію?

— Не совсѣмъ. Мы расходимся только въ двадцати тысячахъ; но послѣ скандала, который произошелъ на прошлой недѣлѣ...

— Какого скандала?

— Ахъ, Боже мой! Въ присутствіи дамы, пожалуй, это не совсѣмъ удобно... Дѣлать нечего, милая Лора, ты должна изви-

нить! Впрочемъ, здѣсь все свои. Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Бракъ владѣльцевъ Бетенгагена былъ не изъ счастливыхъ; впрочемъ, разница въ лѣтахъ врядъ ли могла быть тому причиной: она вовсе не такъ ужъ велика, или, во всякомъ случаѣ, не больше, чѣмъ у насъ съ женою. Но то была дѣвушка-дворянка, рожденная баронесса Брезекова, а эти Брезековы бѣдны, какъ мыши, и въ то же время страшно высокомѣрны. Батъ купилъ эту землю единственно изъ-за того, что его жена жила съ малолѣтства въ провинціи, въ деревнѣ. Самъ онъ ровно ничего не понималъ въ хозяйствѣ или, по крайней мѣрѣ, понималъ лишь настолько, насколько это доступно лѣсному торговцу, занимающемуся имъ между прочимъ. Ему по неволѣ приходилось во всемъ полагаться на своихъ управляющихъ, и добра отъ этого никакого, повидимому, не вышло. Но больше всего задавали ему хлопотъ волонтеры, которые постоянно проживали у него въ имѣніи въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ.

— Хлопотъ? въ какомъ же это смыслѣ?—перебилъ Арно, опять катая хлѣбный шарикъ.

Зибольдъ вскинулъ робкимъ взглядомъ на жену.

— Вижу, что ничего тутъ не подѣлать!—проговорилъ онъ. —Придется мнѣ говорить прямо, чтобы вы, невинные мои, поняли меня. Ну, Боже ты мой! г-жа Батъ, собственно говоря, еще очень молода; волонтеры обыкновенно народъ не изъ старыхъ, а добродѣтель... гмъ! добродѣтель—достоянье старости...

— Постойте, Зибольдъ! Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ предметъ вашего разговора не для ушей вашей супруги?—замѣтилъ ему Арно.

— Пожалуйста, не бойтесь!—воскликнулъ аптекарь и поднялъ руку вверхъ, какъ бы отстраняя его предположеніе.—Я постараюсь говорить крайне осторожно; и, наконецъ, ничего такого ужъ особенно дурного не придется говорить, слава Богу! Конечно, молчать не приходится о томъ, что землевладѣлецъ Батъ, его супруга и юный волонтеръ Шухтрицъ остались разъ сидѣть одни за столомъ: оба управляющіе уже вышли. Это было еще недавно; вечеромъ...

Зибольдъ запнулся и покраснѣлъ до самыхъ корней своего свѣтло-русаго парика.

— Да ну же, не томите насъ!—воскликнулъ Арно.

— Я лучше выйду,—предложила Лора и положила на столъ десертный ножичекъ, который вертѣла въ рукахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, останься! Право, это ужъ не такъ ужасно... Ну вотъ въ чемъ дѣло: недалеко отъ стола, за которымъ эта

троица сидѣла, на стѣнѣ висѣло большое стѣнное зеркало, доходившее до полу. Случайно кинувъ взглядъ въ сторону, Батъ увидалъ въ зеркалѣ, что юный Шухтрицъ жметъ въ своей рукѣ руку его жены... Ну, вотъ и все!

Арно и Лора переглянулись пристальнымъ взглядомъ; не есть ли это, съ его стороны, своего рода предупрежденіе,— „avis aux amants"? Но маленькій аптекарь стыдливо усмѣхался, пряча свой тупой носикъ въ рюмку, словно испугавшись своей собственной смѣлости... Нѣтъ, съ этой стороны рѣшительно не было и тѣни опасности!

И въ ту же минуту имъ представился весь комизмъ ихъ обоюднаго положенія, на которое они взглянули совершенно сознательно. Лора разразилась хохотомъ; Арно улыбался себѣ въ бороду.

Зибольдъ удивленно посмотрѣлъ на жену.

— Ну, чего ты смѣешься?

— Того, что ты даешь себя дурачить: все это совершенно невѣроятно!

— Позволь, однако! Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. А ваше мнѣніе, докторъ?

— Прошу прощенья! Въ такихъ дѣлахъ я совсѣмъ некомпетентенъ.

— Ахъ, Боже мой! Вижу, что я самъ являюсь передъ вами человѣкомъ, который сочиняетъ себѣ воображаемыя „легкія" приключенія. А между тѣмъ, они всѣ—правда сущая!

— Допустимъ же, что оно такъ и есть, какъ ни грустно въ этомъ сознаться!—проговорилъ Арно съ такою серьезностью, что она почти вызвала опять въ молодой женщинѣ взрывъ хохота.— Ну, чтò же дальше? Чтò сдѣлалъ Батъ?

— Онъ преспокойно всталъ изъ-за стола, пошелъ къ себѣ наверхъ и оттуда прислалъ юному Шухтрицу письменное извѣщеніе: сейчасъ, молъ, будетъ подана ему карета, и тогда его попросятъ покорнѣйше убраться во-свояси, къ своимъ возлюбленнымъ родителямъ.

— Браво! Вотъ кто, по моему, достоинъ титула пріятнаго человѣка!

— А что-жъ его жена?

— Онъ и ее на другой день препроводилъ къ ея возлюбленнымъ родителямъ въ Зундинъ.

— Брависсимо! Теперь онъ, значитъ, хочетъ во что бы то ни стало развязаться со своимъ имѣніемъ?

— Хорошо, еслибы такъ! Но я же вамъ говорю: надо упла-

тить разницу, и препорядочную, на придачу! Я даю сто тысячъ талеровъ и ни одного гроша больше!

— Едва ли это окажется для васъ возможнымъ.

— Какъ такъ? И почему же?—испуганно встрепенулся Зибольдъ.

— Потому, что такой прелестной женщинѣ никто не рѣшится сначала показать близость ея мечты, готовой осуществиться, а потомъ ей же сказать: нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ!

— Но, милый докторъ, разница въ двадцати тысячахъ, поймите!

— Бездѣлица!.. Да нечего тутъ улыбаться, какъ будто вы хотите сказать своей улыбкой: много онъ понимаетъ, этотъ бѣднякъ, чтò представляютъ изъ себя двадцать тысячъ! И вы будете правы! Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, еще никогда не случалось платить по тысячѣ талеровъ за разъ, а по двадцати—и тому подавно! Да, вѣрно, никогда, за всю мою жизнь, и не придется. Но вамъ... вамъ? Чортъ побери! Съ такими деньгами, да съ такой женою!.. Noblesse oblige,—вы понимаете, чтò это значитъ? Итакъ, милая хозяюшка, позвольте васъ поздравить!

Арно протянулъ впередъ свой стаканъ; Лора чокнулась, но взглядъ ея не встрѣтился съ его взглядомъ: онъ былъ направленъ на мужа. Она смотрѣла на него какъ-то исподтишка, тревожно, напряженно, и доктору показалось, что особенно некрасиво сочетаніе этого взгляда со складкою опустившихся угловъ ея рта. Да, да! Это она, та самая женщина, которая не побоялась продать себя этому каррикатурному супругу, когда другіе поклонники стали отъ нея отставать. Что-жъ, милліонъ—настолько заманчивое дѣло, что за него, пожалуй, можно наложить на себя и соотвѣтственное иго!.. Чортъ побери!

— Позвольте и васъ поздравить, милый другъ!—обратился онъ вдругъ къ Зибольду.—Давно было вамъ пора одуматься, т.-е., я хочу сказать, чтобы вы подумали, какія ваши обязательства передъ самимъ собою! Вашъ батюшка... ну, да: онъ началъ съ малаго и былъ, что называется у Гёте, „честнымъ человѣкомъ въ мелочахъ жизни“; но искусство наживать деньги онъ зналъ основательно. Вы родились богатымъ, но стали еще тѣмъ богаче, что остались единственнымъ ребенкомъ. Къ чему вамъ, скажите на милость, еще дольше мучиться и биться надъ безполезными изслѣдованіями на пользу коллеги Ганнемана? Какъ подумаю я хорошенько, вы рѣшительно рождены быть землевладѣльцемъ: таковъ каждый порядочный аптекарь! Химія, скажете вы, милый другъ? Да чтò же такое сельское хозяйство, какъ не примѣненіе химіи,

только въ иномъ видѣ? Вы совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ, напримѣръ, вонъ тотъ коммерціи совѣтникъ. Покупать имѣнія одно за другимъ—это не штука, если на то деньги есть; но самому хозяйничать! Катить себѣ по полямъ въ большихъ охотничьихъ сапогахъ, верхомъ, въ карьеръ, такъ, чтобы искры летѣли! Четверкой цугомъ, въ экипажѣ, рядомъ съ такой красавицей-женою, катить во весь опоръ въ городъ, гдѣ стекла зазвенятъ, когда промчитесь мимо!.. Нѣтъ, нѣтъ: не возражайте мнѣ!.. Или, быть можетъ, вы хотите сказать, что не съумѣете обращаться съ мужиками? Смѣху подобно! Передъ вами будутъ дрожать эти людишки! А управляющіе? Стóитъ вамъ только чуть кивнуть головой—и они готовы разлетѣться во всѣ стороны, какъ голуби, на которыхъ нападаетъ ястребъ. А волонтёры? Помилуйте, да развѣ ваше имя Батъ? Развѣ вы торгуете лѣсомъ? Развѣ вамъ нужны зеркала, чтобы уличить жену въ невѣрности? Жену, да еще какую жену?! Такую, которая про невѣрность знаетъ только по наслышкѣ, не зная въ сущности, въ невинности своей, чтò она должна понимать подъ этимъ словомъ. О, вы, счастливѣйшій изъ смертныхъ! О, вы, благословеннѣйшая изъ женщинъ! Да ниспошлетъ вамъ Богъ супружества безоблачный покровъ? Да любите вы всегда другъ друга, какъ нынѣ, ангельской любовью! Пусть окружаютъ васъ близкіе друзья, у которыхъ не будетъ иного желанія, какъ только способствовать вашему счастію! И да не ворвется въ ваше райское житье змѣй-искуситель во образѣ рыжебородаго волонтёра! Или, если ужъ этому суждено случиться, забудьте въ себѣ землевладѣльца и снова сдѣлайтесь, какъ и прежде, аптекаремъ: ректифицируйте себѣ, раффинируйте и дистиллируйте своего коллегу, пока онъ не сократится до того, что войдетъ въ пузырекъ, величиной не больше этого стакана... чтобы вамъ удобно было его взять и швырнуть объ стѣну...

Уже съ половины своей рѣчи Арно привсталъ со стула и, выпрямляясь постепенно всѣмъ своимъ длиннымъ, тощимъ тѣломъ, заговорилъ все быстрѣе и торопливѣе. Горячо размахивая руками, онъ не выпускалъ изъ правой руки стакана съ виномъ, которое плескалось во всѣ стороны, а стаканъ, казалось, вотъ-вотъ разлетится объ стѣну, черезъ голову Зибольда.

Однако, вмѣсто того, Арно вдругъ проговорилъ неожиданно спокойнымъ голосомъ:

— Ваше здоровье!—и глубокомысленно выпилъ все, до послѣдней капли; затѣмъ усѣлся и дружелюбно улыбнулся прямо въ лицо своимъ растерявшимся собесѣдникамъ.

— Браво! Браво!—вырвалось у Зибольда, поблѣднѣвшаго какъ смерть.

Лора ничего не нашлась сказать. Она ужъ приготовилась-было къ самому худшему. Ей уже чудилось, что она видитъ, какъ стаканъ доктора летитъ прямо въ стѣну... Она дрожала всѣмъ тѣломъ.

Между тѣмъ, пріумолкъ и самъ Арно; тяжелое молчаніе воцарилось въ маленькомъ кружкѣ, который только-что былъ такъ шумливъ. Отсутствіе шума удивило Мальвину, которая явилась вручить доктору записку отъ г-на коммерціи совѣтника. Его слуга былъ только что у г-на доктора на дому и его направили прямо сюда.

— Вы позволите?—спросилъ Арно, развертывая записку.

— Передайте мой поклонъ г. коммерціи совѣтнику и скажите, что сейчасъ буду у него!

— Какая жалость! — пробормотала Лора.

— Страшная жалость! — повторилъ за нею и мужъ.

— Да, друзья мои, дѣлать нечего, нельзя иначе! Итакъ, позвольте пожелать вамъ:

Благодарю за яства и вино—
Оно на радость намъ дано!
Желаю доброй ночи!

продекламировалъ Арно.

— Ваше здоровье!—заключилъ онъ, выливъ себѣ въ стаканъ остатки вина въ бутылкѣ; выпилъ залпомъ и всталъ. Затѣмъ, повернулся и вышелъ вонъ, не отвѣчая на вопросъ Зибольда:

— Кто боленъ? Самъ совѣтникъ?

Супруги переглянулись.

— Понимаешь ты хоть что-нибудь? — спросилъ Зибольдъ жену.

Лора пожала плечами:

— Онъ вѣрно пьянъ. Не иначе!

— Это ужасно!

— Говорятъ про него, что онъ теперь всегда въ полупьяномъ состояніи.

— Что за отвратительный порокъ! — пробормоталъ супругъ и въ то же время съ ужасомъ замѣтилъ, что самъ не очень-то твердъ на ногахъ.—А не пойти ли намъ спать?

— Какъ тебѣ угодно.

III.

Вѣтеръ дулъ съ берега на площадь, на которой одинъ противъ другого стояли дома—Зибольда и коммерціи совѣтника. Сквозь желтовато-сѣрые обрывки облаковъ видно было, какъ мчалась по небу почти полная луна, то совершенно скрываясь, то выступая вдругъ въ ослѣпительномъ блескѣ, какъ бы для того только, чтобы опять бойко и задорно натолкнуться на туманныя массы облаковъ или совсѣмъ ихъ прорѣзать насквозь. Мачты на корабляхъ и лодкахъ, стоявшихъ въ гавани, покачивались изъ стороны въ сторону; Арно могъ даже разслышать, какъ онѣ скрипѣли и потрескивали.

О, какъ это все было ему отрадно!

Онъ остановился посреди площади и далъ волю вѣтру дуть ему прямо въ уши. Даже пальто онъ на себѣ не застегнулъ; даже шляпу снялъ и нарочно провелъ рукой по своимъ короткимъ курчавымъ волосамъ, чтобы вѣтеръ могъ добраться до корней волосъ: подъ ними въ головѣ у него такъ и кипѣло!

„А что, если больна сама совѣтница"? — подумалъ докторъ.

У доктора была страсть къ куренію, и Зибольдъ всегда великодушно разрѣшалъ ему выкурить сигарку послѣ обѣда. Сегодня же онъ выкурилъ послѣ того цѣлыхъ двѣ-три, одну за другою. Надо же дать табаку вывѣтриться изъ платья и волосъ.

Затѣмъ, Арно пошелъ прямо въ большой, высокій домъ и на ярко освѣщенной площадкѣ встрѣтилъ слугу, который уже поджидалъ его.

— Кто у васъ боленъ, Людвигъ?

— Молодой человѣкъ, г. докторъ.

— Такъ, такъ! Ну, а съ которыхъ поръ?

— Вотъ ужъ нѣсколько дней. Только сегодня сдѣлалось хуже.

— Совѣтница тамъ, у него?

— Никакъ нѣтъ-съ: самъ г. совѣтникъ. Она уѣхала къ барышнѣ въ Зундинъ.

— Такъ, такъ! Побудьте тутъ пока; я самъ найду дорогу.

И докторъ поднялся вверхъ по широкой лѣстницѣ до верхней площадки, свернулъ налѣво въ узкій корридоръ и тихо постучался въ третью дверь, въ которую и вошелъ, не выжидая отвѣта.

У постели его юнаго паціента сидѣлъ самъ совѣтникъ, который всталъ и пошелъ на встрѣчу.

— Пожалуйста, простите, докторъ, что я васъ такъ поздно

потревожилъ! Надѣюсь, что все это пустяки; но жены нѣтъ дома, она уѣхала... въ Зундинъ... Вы сами понимаете, отвѣтственность...

— Конечно, г. совѣтникъ; само собою разумѣется... Если позволите...

Арно сѣлъ на стулъ у кровати больного, разглядывая его въ то время, какъ тотъ лежалъ въ тревожномъ полузабытьѣ.

За послѣдніе два года уже не разъ приходилось доктору лечить молодого человѣка, и все отъ одного и того же болѣе или менѣе тяжкаго страданія бронховъ, при чемъ, сообразно съ тѣмъ, оно сопровождалось болѣе или менѣе сильной лихорадкой. И на этотъ разъ дѣло шло заведеннымъ порядкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ Арно уже могъ съ увѣренностью сказать все это совѣтнику, котораго смѣнилъ старый слуга у постели сына. Докторъ и совѣтникъ оба пошли въ частный кабинетъ хозяина дома, помѣщавшійся позади главной конторы.

Оборачиваясь къ совѣтнику, но еще сидя на кожаномъ табуретѣ за столомъ, который былъ покрытъ аккуратно сложенными актами, векселями и бумагами и за которымъ онъ только-что написалъ рецептъ, Арно проговорилъ:

— Вотъ такъ-то! Это облегчитъ его; а въ общемъ я могу только повторить: нѣтъ ни малѣйшаго повода за него тревожиться.

Коммерціи совѣтникъ потянулъ за шнурокъ звонка. Явился молодой слуга, котораго тотчасъ же и отправили въ аптеку. Арно также хотѣлъ удалиться; но совѣтникъ остановилъ его:

— Если можно, удѣлите мнѣ еще минутку, докторъ!

Арно сѣлъ на прежнее мѣсто, а совѣтникъ придвинулъ себѣ кресло.

— Вы говорите, докторъ: нѣтъ повода тревожиться? Вы знаете, что я питаю къ вамъ неограниченное довѣріе. Но эти припадки повторяются теперь такъ часто; послѣ перваго же полугодія мнѣ вернули Жоржа изъ полка...

— А я такъ совсѣмъ бы его въ полкъ не принялъ! У него грудь узка.

— Въ томъ-то и бѣда! И со стороны моей жены дѣло обстоитъ не лучше. Обитатели нижняго Рейна не могутъ похвалиться такой грудной коробкой, какъ мы, напримѣръ, померанцы. Вотъ и сестра моей жены умерла отъ воспаленія въ легкихъ.

— Что̀ можетъ и со всякимъ случиться, г. совѣтникъ. Сверхъ того, и супруга ваша совершенно свободна отъ этого наслѣдственнаго порока... если такой дѣйствительно существуетъ. Г-жа совѣтница уѣхала въ Зундинъ?

Докторъ, очевидно, хотѣлъ перемѣнить предметъ разговора.

Моорбекъ тотчасъ же это почувствовалъ, а равно и то, что неловко же, среди ночи, лѣзть къ человѣку со своими личными наслѣдственными недугами.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Она поѣхала къ Алексѣ. Фрейлейнъ Фолькмаръ хотѣлось продержать нашу дѣвочку у себя еще съ полгода, но Алекса хочетъ вернуться домой. Пусть ужъ—какъ порѣшитъ мама... Но я не смѣю дольше васъ удерживать. И безъ того ужъ вы должны на меня сердиться, что я поднялъ васъ съ постели среди ночи.

— Ну, въ этомъ преступленіи—покушеніи на мой ночной отдыхъ—я могу васъ оправдать: я весь вечеръ провелъ у Зибольдовъ. Людвигъ зашелъ за мной туда.

— Какъ поживаетъ красавица-жена Зибольда?

— Благодарю васъ,—какъ всегда: скучаетъ.

— Ну, докторъ, откровенно говоря, я не могу себѣ представить, чтобы жизнь съ добрѣйшимъ Зибольдомъ могла быть особенно интересна. Еще было бы сносно, еслибъ у нихъ были дѣти; но ихъ нѣтъ! Вдобавокъ, еще въ дѣвушкахъ, въ своей семьѣ, эта дама была очень избалована.

— Но вѣдь она бѣдная дѣвушка.

— Она не всегда была бѣдна. Отецъ ея, старикъ Реймаръ, считался въ Зундинѣ богатымъ и даже весьма богатымъ человѣкомъ. Въ рукахъ его отца и моего была вся хлѣбная торговля въ Мекленбургѣ, Помераніи, Рюгенѣ, Узелинѣ и Вольдомѣ. Они были опасные конкурренты, да и мы тоже: отецъ г-жи Зибольдъ и я самъ... пока дѣла не расшатались. Нѣсколько неудавшихся спекуляцій привели къ тому, что крахъ былъ готовъ разразиться. Смѣло могу сказать: Гакэ—въ Зундинѣ, Гомейеръ—въ Вольдомѣ и я—въ Узелинѣ, всячески старались его удержать; но это оказалось совершенно невозможнымъ, и онъ самъ своимъ упрямствомъ сдѣлалъ это... Я только хотѣлъ сказать, что г-жа Зибольдъ, когда она еще была Лаурой Реймаръ...

— Виноватъ—Лорой!..

— Простите! Дѣйствительно, я слышалъ, что она такъ именно себя и называетъ. Но тогда, въ Зундинѣ, когда я еще знавалъ ее и, уже будучи женатымъ человѣкомъ, танцовалъ съ нею на тамошнихъ знаменитыхъ балахъ—она еще была Лаурой, и славилась какъ первая красавица въ Зундинѣ. Это было тому назадъ годковъ десять-двѣнадцать.

— Она говоритъ, что ей теперь двадцать-восемь лѣтъ.

— Двадцать-во... Ну, докторъ, лучше не будемъ подсчитывать года. А, кстати: будете вы завтра у Зибольдовъ?

— Врядъ ли. А что?

— Мнѣ, видите ли, не хотѣлось бы, чтобъ вамъ представили нѣкоторыя обстоятельства въ ложномъ освѣщеніи. То-есть, я хочу сказать — въ такой редакціи, которая могла бы набросить на меня тѣнь.

— Но въ моихъ глазахъ, вообще, это едва ли возможно.

— Какъ вы добры! Дѣло касается покупки имѣнія, въ которой мы съ Зибольдомъ являемся конкуррентами.

— Имѣнія Бётенгагенъ?

— А, вы уже знаете?

— Знаю только, что Зибольдъ разсчитывалъ его купить; онъ повидимому твердо въ этомъ увѣренъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, ему первому предложили купить. Но онъ не хотѣлъ уплатить требуемой цѣны. Тогда обратились ко мнѣ. Я близко знаю это имѣніе; знаю, сколько оно по чистой совѣсти стоитъ. Ну-съ, а Зибольда я не имѣю повода щадить. Чтò за подвохи онъ мнѣ устраивалъ со своимъ коллегой Ганнеманомъ, лѣтъ пять тому назадъ, при основаніи нашей больницы!.. Несмотря на это, я все-таки черезъ агента далъ ему знать, что отступаюсь отъ этой покупки. Онъ же, повидимому, думалъ, что я это не серьезно говорю,—торговался себѣ, торговался и тянулъ дѣло до того, что продавцамъ надоѣло, и они опять пришли ко мнѣ. Вотъ я сегодня и порѣшилъ окончательно этотъ вопросъ. Ну, а какъ вы поступили бы на моемъ мѣстѣ?

— Мнѣ кажется, совѣтникъ, что хотя я не лишенъ надлежащей доли воображенія, но представить себя въ положеніи человѣка, который покупаетъ земли на сто тысячъ талеровъ, — это свыше силъ моихъ.

— Ну, это не бѣда! Оно со временемъ придетъ, когда вы будете стоять во главѣ большой больницы въ Берлинѣ, вмѣсто нашей здѣшней крохотной. А сколько у насъ занято постелей?

— Шестнадцать. И почти все „легкіе“ больные. Вообще народъ какъ-то больше любитъ умирать въ своихъ зловонныхъ берлогахъ, нежели ложиться къ намъ въ больницу!

— Да, да! Тупоголовый народъ, чтò и говорить—всѣ эти прибрежные жители. Однако, я, право, не смѣю васъ дольше задерживать.

— Я зайду завтра поутру. Если придется мнѣ уѣхать на ту сторону, пришлю къ вамъ Радлова.

— All right!.. Если дѣйствительно ничего нѣтъ особеннаго...

— Рѣшительно, ровно ничего! Покойной ночи!

— Покойной ночи, докторъ, и благодарю!
— Не за что, право!

Коммерціи совѣтникъ проводилъ Арно до самой площадки.

До сихъ поръ на улицѣ дулъ только сильный вѣтеръ; теперь же бушевала цѣлая буря. Переходя черезъ площадь, Арно долженъ былъ неоднократно останавливаться, чтобы противиться порывамъ вѣтра. Мѣсяцъ, клонившійся уже значительно къ западу, скудно да и то урывками освѣщалъ площадь, и тотчасъ же исчезалъ. На верхушкахъ домовъ скрипѣли пѣтушки-флюгера; ежеминутно трещали оконныя рамы или падали съ крышъ на мостовую черепицы— и даже у самыхъ ногъ Арно. Онъ не пугался; онъ даже радовался бурѣ и ея ужасамъ.

— Да! Это буря, и молодецъ нордъ-остъ! Ему-то хорошо; онъ можетъ всѣ свои силы изливать во гнѣвѣ, когда расходится! Ему ни по чемъ вырывать съ корнями деревья, оголить дома, какъ мячиками перебрасывать кораблями, схватить какого-нибудь молодца за плечи и потрясти его, потрясти до того, чтобы защелкали его фальшивые зубы и слетѣлъ съ голой головы желтоволосый парикъ! Ахъ, онъ дрянь! Ахъ, онъ старый колдунъ! Не я буду, если онъ не выдумалъ нарочно всю эту исторію съ покупкой имѣнія, чтобы только порисоваться предо мной! Ну, ужъ и физіономію же она сдѣлаетъ, когда узнаетъ завтра утромъ, что все это было подстроено „pour le roi de Prusse“! Берегись, мой голубчикъ, берегись! Прячься, ползи себѣ скорѣй въ первую попавшуюся мышиную норку... Ой! что̀ это такое!?

У него за спиной вдругъ что-то грохнулось съ такимъ шумомъ и силой, что даже одолѣло свистъ и ревъ бурнаго вихря. Оглянувшись, Арно увидалъ при дрожащемъ свѣтѣ ближайшаго фонаря и луны, выглянувшей изъ-за проносившихся мимо облаковъ, что на мостовой очутилась какая-то широкая черная масса въ нѣсколько футовъ длины; то былъ кусокъ свинцовой крыши, которою былъ крытъ по эту сторону новый высокій амбаръ коммерціи совѣтника.

Докторъ толкнулъ обломокъ ногою.

— Гмъ!—пробормоталъ онъ.—По чистой совѣсти можно сказать, что въ немъ будетъ съ добрый центнеръ вѣсу! Свались онъ секундами двумя скорѣе,—и меня ужъ не было бы въ живыхъ. А жаль! Это былъ бы самый удобный способъ избавиться отъ всѣхъ золъ за разъ. И не пришлось бы мнѣ больше томиться проклятымъ равнодушіемъ къ жизни и обязательствамъ, которыя

оно налагаетъ, а Лора,—она собственно должна бы называться не Лора, а Лаура!.. Чѣмъ однако дурно называться Луарой? Лаура—имя хорошее, и даже весьма хорошее!

— Однако, какъ простая случайность выводитъ все на чистую воду!.. Я непремѣнно буду теперь звать ее Лаурой, когда захочу посердить... А впрочемъ, я, кажется, сегодня немножко пьянъ!

Раньше онъ этого не замѣчалъ и только теперь увидѣлъ, уже на ходьбѣ, что онъ нѣтъ-нѣтъ да и свернетъ какъ-то странно въ бокъ, иной разъ даже шагнетъ не прямо передъ собой, а вправо. Онъ сталъ мысленно доискиваться какой-нибудь чисто-физіологической причины для такого упорнаго влеченія, но не доискался; и это сердило его. Сердило еще и то, что за послѣднее время онъ неоднократно ловилъ себя на такомъ же точно состояніи. Что-жъ, ничего не будетъ удивительнаго, если онъ въ этой ямѣ и совсѣмъ одичаетъ!

Но вотъ онъ у своихъ дверей. Вотъ уже отперъ и хочетъ войти... вдругъ слышитъ черезъ узкую улицу къ нему приближаются чьи-то шаги.

— Господинъ докторъ!

Арно обернулся. Передъ нимъ была какая-то высокая, черная фигура.

— Кто вы такой?

— Я лоцманъ Пребровъ, изъ Нѐдура.

— А что̀ вамъ нужно?

— Жена сломала себѣ руку, и даже у нея, мнѣ кажется, два перелома. Вотъ я и пришелъ попросить, чтобы г. докторъ...

— Вы, кажется, рехнулись, Пребровъ! Въ такую ночь собаку жаль выгнать на улицу, а я изволь отправляться съ вами въ открытое море? Да вы съ ума сошли!.. И вы давно ужъ тутъ стоите?

— Такъ—часа три, г. докторъ. Мы пріѣхали еще до бури.

— И жену привезли съ собой?

— Нѣтъ, г. докторъ, насъ только двое: я да Іогенъ Лахмундъ. Господинъ докторъ, прошу васъ убѣдительно, поѣдемъ! Если вы мнѣ откажете, жена не вынесетъ, умретъ!

— Ну, еще что̀?! Совсѣмъ ужъ не такъ легко умереть. Вдобавокъ и у меня вѣдь не двѣ жизни, чтобы ихъ терять. Зайдите узнать завтра рано поутру, если буря стихнетъ; тогда посмотримъ. Покойной ночи!

— Голубчикъ, докторъ...

Арно уже распахнулъ дверь и оглянулся еще разъ.

— Говорю вамъ въ послѣдній разъ, оставьте вы меня въ

покоѣ! И наконецъ, отчего не догадались вы привезти жену съ собою? Къ чему же и больница? Вамъ лишь бы не заглядывать въ нее, конечно! А докторъ, изъ-за вашего проклятаго эгоизма, долженъ пойти ко дну, какъ котенокъ! Нѣтъ, докторъ—не такой уже дуракъ!

Онъ захлопнулъ и заперъ за собою дверь.

Экономка опять позабыла поставить лампу на выступъ лѣстницы, и ему пришлось подыматься въ потемкахъ вверхъ по скрипучимъ ступенькамъ, въ неудержимой злости на небрежную бабу, въ злости и на свое грубое обращеніе со старикомъ-лоцманомъ, своимъ старымъ знакомымъ. Вдобавокъ же Пребровъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Арно не могъ не любить... Но ѣхать въ бурю... это даже смѣшно!

Пройдя черезъ прихожую, въ которой онъ заставлялъ своихъ паціентовъ ждать пріема, Арно вошелъ въ свой кабинетъ и зажегъ лампу на рабочемъ столѣ. Онъ, собственно говоря, хотѣлъ лечь въ постель, но почувствовалъ, что винные пары и волненіе не дадутъ ему уснуть. Онъ такъ и остался стоять, опираясь одной рукою на столъ и мутнымъ взглядомъ окидывая груды разбросанныхъ по столу бумагъ. Тутъ были: письма, ожидавшія отвѣта или уже дождавшіяся его; журналы, медицинскія брошюры, на половину готовая статья „О раціональномъ леченіи тифа“ и, наконецъ, болѣе объемистая пачка: рукопись трагедіи въ стихахъ, въ которой не хватало только нѣсколькихъ сценъ.

Арно открылъ тетрадь на-удачу и пробѣжалъ страницу. Но стихи показались ему поразительно шероховаты; раза два-три, онъ съ трудомъ добрался до смысла. Еще вторую, третью страницу перечиталъ онъ, но получалось все одно и то же. Не совсѣмъ заглушенное проклятье вырвалось у него. Онъ швырнулъ рукопись на столъ; изъ нея выпалъ листокъ почтовой бумаги,—письмо къ его другу, Фрицу. Начатое наканунѣ, оно еще не было окончено, докторъ былъ отозванъ къ больному.

Машинально взглядъ его скользнулъ по писанному. Въ письмѣ говорилось:

— „Ты требуешь отъ меня, такъ сказать, историческихъ писемъ, гдѣ передавались бы факты, которые дали бы тебѣ наглядное изображеніе моей жизни, моихъ дѣлъ. Ты бранишь меня, что я только раскидываю мысли, какъ паукъ паутину; что я пишу не какъ твой старый другъ, въ дѣлахъ котораго ты принимаешь живѣйшее участіе, а какъ писалъ бы человѣкъ на лунѣ... Что-жъ, и прекрасно! И очень мило съ твоей стороны! Но если мнѣ столько же дѣла до собственной судьбы, сколько до той вороны,

что̀ каркаетъ на крышѣ, насупротивъ? Эта противная птица является всегда въ одинъ и тотъ же часъ и никогда, мерзкая, не кричитъ меньше пяти минутъ... Вѣдь я самъ подавляю въ себѣ жизнь и давлюсь, и давлюсь, какъ лошадь, которая пережевываетъ солому. Нѣтъ, другъ мой: c'est plus fort que moi!

„Могу тебѣ дать только добрый совѣтъ: откажись отъ меня! Съ каждаго изъ насъ и того довольно, что онъ самъ отбрасываетъ свои тѣни на свой жизненный путь; зачѣмъ же прибавлять къ этому одному призраку еще и другой, настоящій? Если я самъ еще не призракъ, то все, по крайней мѣрѣ, ежедневно къ нему приближаюсь. Должна же быть какая-нибудь причина, почему люди смотрятъ на меня такими странными глазами... особенно дѣти! Это мнѣ не разъ бросалось въ глаза. Взрослые съ теченіемъ времени глупѣютъ, теряютъ чуткость; кажется, самъ сатана попроси у нихъ закурить, они и ему спокойно протянутъ свою зажженную сигару. Но дѣти! Да! дѣти и собаки! Не дальше какъ вчера, какая-то вислоухая дворняжка далеко обошла вокругъ меня, поджавши хвостъ и выпучивъ глаза,—такъ что виднѣлись лишь одни бѣлки...

„Ты вѣрно захочешь утѣшать меня. Ты, пожалуй, скажешь: въ тебѣ говоритъ просто нѣкоторая доля мефистофельства, которая сидитъ въ каждомъ человѣкѣ, и передъ которой приходятъ въ содроганье чистые душою. И совершенно вѣрно—*въ каждомъ*! Только въ одномъ больше, въ другомъ меньше, на десять, двадцать, пятьдесятъ процентовъ! Дальше пятидесяти не идетъ,—но и того довольно. И это даже самое нормальное, чтобъ на вѣсахъ Фаустъ и Мефистофель тянули поровну; чтобы они могли бороться, не осиливая одинъ другого. И пусть ихъ борются, какъ плясуны, пока не свалятъ ихъ въ одинъ общій гробъ или не вздернутъ на висѣлицу, если имъ случилось попасть въ душу динамитчика. Мнѣ сдается, что Гёте промахнулся: его Мефистофель гораздо выше его Фауста.—„Сюда, ко мнѣ"!—призываетъ Мефистофель. Вотъ настоящее выраженіе и подходящій конецъ! А что̀ будетъ потомъ, то мнѣ всегда приходятъ на память „Стези спасенія", въ которыя пускаются хитроумные мудрецы и ученые, чтобъ ихъ свѣтъ возсіялъ предъ лицомъ исторически-великихъ людей, каковы напримѣръ: Неронъ, Тиверій и другія исчадья ада, которыхъ ужъ никакимъ образомъ нельзя спасти.

„Въ особенности—Фаустъ!

„Я говорю, конечно, не о его стихотворной формѣ,—она такъ дивно хороша, что ничего прекраснѣе не появлялось до нея, и

никогда ужъ не появится на свѣтъ. Нѣтъ, я говорю о Фаустѣ, о немъ самомъ. Сказать по правдѣ, онъ—довольно жалкій человѣкъ, а для меня, вдобавокъ, наглядное доказательство того, что надо только красно говорить, чтобъ за-поясъ заткнуть мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ, умныхъ и глупыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлаетъ Фаустъ, если не сыплетъ красными словами, которыя мы должны принимать на вѣру?

— „Ахъ, философію я изучилъ"...

„Но въ чемъ же проявляетъ онъ, что онъ—философъ? О, да, конечно онъ философъ, если такъ можно назвать сумасброда. И со своими юридическими и богословскими разсужденіями онъ недалеко уйдетъ; что же касается медицинскихъ наукъ, я голову даю на отсѣченье, что ему не сравняться съ любымъ студентомъ третьяго семестра.

„Ну, что-жъ еще?

„Онъ отдается во власть чорта. Но это можетъ сдѣлать всякій, кто вѣритъ въ него. Онъ обольщаетъ и обманываетъ бѣдную простушку-дѣвушку—подвигъ, въ которомъ у него соперниковъ не мало, и даже больше, нежели можетъ быть это по вкусу честному человѣку. Онъ убиваетъ на дуэли брата дѣвушки,— что̀ врядъ ли можетъ считаться признакомъ мужества съ его стороны, потому что и тутъ онъ не обходится безъ помощи Мефистофеля. Затѣмъ, для него наступаетъ студенчески-безпорядочная жизнь съ обязательнымъ (при случаѣ) пытьемъ. Онъ поддается Мефистофелю, который усыпляетъ его сомнѣнія „безпорядочными развлеченіями", въ то время какъ „его злополучная жертва влачитъ свое жалкое существованіе на землѣ, и наконецъ, попавши въ тюрьму", слышитъ уже за дверью, у самаго порога, стукъ дьявольскихъ когтей. Вотъ для того-то и необходимо нашумѣть, а потомъ привязаться къ безсмысленнымъ бреднямъ и галлюцинаціямъ Нострадамуса, и воображать, что видишь и слышишь духа преисподней! Онъ придавалъ большую цѣну своему желанію узнать, „что̀ кроется въ нѣдрахъ вселенной"... И вотъ чортъ къ его услугамъ, тотъ самый, которому если не все—то многое извѣстно; тотъ, что бесѣдовалъ съ самимъ Саваоѳомъ наединѣ и очевидно, за все время своей райской и адской карьеры, много разъ взглядомъ своимъ проникалъ въ тайны земного бытія. Можно было бы думать, что Фаустъ примется теперь безпощадно донимать этого прожженаго молодца своими научными разспросами. И въ самомъ дѣлѣ, онъ ведетъ съ нимъ бесѣды, весьма естественныя для ученаго, котораго такъ и подмываетъ разъиграть изъ себя свѣтскаго господина, и который вѣки-вѣчные велъ и будетъ

вести подобные разговоры съ такимъ старикомъ-„roué“, какимъ является Мефистофель. Чего не знаешь, о томъ и не бредишь; а благородный Мефистофель и достопочтенный Фаустъ знаютъ столько же про загробную жизнь, сколько ты да я, да и всѣ мы вообще. Вотъ въ сущности все и сводится къ тому, что всѣ эти трансцендентальныя выдумки оказываются большимъ блестящимъ мыльнымъ пузыремъ, отъ котораго, когда онъ лопнетъ, остается лишь ничтожная капелька мутной воды.

„Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Это еще не значитъ вложить перстъ свой въ раны человѣчества! Это значитъ лишь облекать въ цвѣтистыя, пестрыя, аллегорическія формы трещины и обломки мірозданія. Нѣтъ, мой Фаустулусъ долженъ быть совсѣмъ другой; говоря поэтично, рядомъ съ Гётевскимъ, онъ будетъ карликомъ,— ничтожной мелюзгой; но сердце у него будетъ на своемъ мѣстѣ. Онъ не будетъ прятаться за своего пріятеля-сатану, взваливать на него отвѣтственность за свои глупыя выходки,—а морочить недалекихъ людей вѣдь такъ легко!

„Нѣтъ, мой Фаустъ будетъ самъ держать отвѣтъ за свои дѣла, которыхъ у него будетъ поровну: пятьдесятъ процентовъ злыхъ и пятьдесятъ добрыхъ. Онъ самъ, въ душѣ своей, будетъ познавать Бога и его мірозданіе; небесный рай и адъ, классическую Вальпургіеву ночь, ея нимфъ и тритоновъ; Блоксбергъ и всѣхъ вѣдьмъ и чертей! Правда, у меня все это выйдетъ незначительнѣе, мельче; но за то правдивѣе, чертовски правдивѣе и ближе къ жизни.

„Ты знаешь, другъ мой, я не принадлежу къ послѣдователямъ Платона. Если я и говорю о моей Иліадѣ и Одиссеѣ, то это еще не значитъ, что я только собираюсь писать. Нѣтъ, онѣ уже лежатъ себѣ, совсѣмъ готовыя, у меня въ столѣ: только двухъ-трехъ сценъ мнѣ еще не хватаетъ.

„Поэтому не удивись, если въ одинъ изъ послѣдующихъ дней“...

До сихъ поръ у него было написано вчера.

Онъ положилъ письмо на столъ и принялся шагать взадъ и впередъ по кабинету.

Чтò онъ еще хотѣлъ прибавить такого, но не могъ закончить письма въ нѣсколькихъ словахъ и отослать его? Ахъ, да: онъ сказалъ самъ себѣ, что все вышесказанное еще не даетъ Фрицу ключа къ разгадкѣ Фаустулуса. Его Фаустулусъ и есть то самое „историческое“ письмо, тотъ фактическій отчетъ въ его жизни, котораго добивался отъ него пріятель. Что, наконецъ, въ его Фаустулусѣ,—въ его умѣ, душѣ, и сердцѣ и всей нервной

системѣ, — нѣтъ ничего такого, чего бы онъ самъ, Арно, не испыталъ на себѣ. Его Фаустулусъ,—да это онъ самъ.

Это сознаніе заставило его вдругъ остановиться, какъ всадника передъ трясиной, которая встрѣчается ему на пути. Такихъ трясинъ въ его Фаустулусѣ не мало: въ нихъ и такой чистый человѣкъ, какъ его пріятель Фрицъ, легко можетъ погрязнуть. Ему однако не хотѣлось бы лишиться своего чистаго душою друга! Мы такъ неохотно лишаемся чего-нибудь, что̀ намъ принадлежало, особенно если намъ остается лишь немногое терять!

Съ Лорою онъ покончилъ. Положимъ, любовь къ ней съ самаго начала было своего рода огонькомъ, который поддерживался искусственно, хотя изрѣдка давалъ свѣтъ чуть-чуть поярче. Но все-таки онъ не грозилъ ему такой непроглядною темнотою, которая ожидала его, если бы онъ лишился друга, — единственнаго въ мірѣ человѣка, который питалъ къ нему настоящую, неизмѣнную, ничѣмъ не заслуженную любовь еще съ тѣхъ самыхъ поръ, когда они сидѣли на второй скамьѣ въ третьемъ классѣ по лѣвую сторону, у колонны. Ну, что̀ сказалъ бы этотъ самый Фрицъ, если бъ узналъ, что другъ его не пустилъ на порогъ старика-просителя и прогналъ его, какъ бродячую собаку?

Арно подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Боже мой! По ту сторону, при зловѣщемъ, дрожащемъ свѣтѣ фонаря, виднѣется большая, неподвижная, темная фигура... Это онъ, это старикъ стоитъ на мѣстѣ, какъ стоялъ три часа подъ-рядъ, ожидая его возвращенія.

— Оселъ долговязый!—пробормоталъ докторъ и вдругъ распахнулъ окно.

— Пребровъ! — окликнулъ онъ. — Идите сюда: я сейчасъ вамъ отворю!

IV.

За послѣдніе полчаса вѣроятно шелъ проливной дождь: съ фуражки, которую Пребровъ держалъ теперь въ рукѣ, и съ широкой фризовой куртки текли на коверъ цѣлые потоки воды; высокіе смазные сапоги ярко блестѣли при свѣтѣ лампы, которую Арно поставилъ на столъ.

— Садитесь же, не бойтесь! Право, ничего: не мы для мебели, а мебель для насъ,—ободрялъ онъ старика.

Лоцманъ сѣлъ осторожно на край стула. Арно подошелъ къ большому шкафу, вдѣланному въ стѣнѣ, и досталъ оттуда бутылку и стаканъ, который и налилъ до краевъ.

— Возьмите, Пребровъ: выпейте сначала!

— Благодарю васъ, г. докторъ!

— Пожалуйста безъ церемоній, старина!

— Очень благодарю, г. докторъ.

— Ну, какъ хотите! Говорите скорѣе: чтò случилось? Кàкъ это такъ жена ваша расшиблась?

— Она хотѣла спуститься въ погребъ и просчитала ступеньки сверху до низу. Тутъ-то, вѣроятно, подъ нее подвернулась правая рука, а она, надо вамъ сказать, немножко полновата.

— Безъ малаго до двухъ центнеровъ, пожалуй, потянетъ...

— Я полагаю, нѣсколькихъ фунтовъ не хватитъ.

— Вы думаете, что на рукѣ у нея два перелома?

— Я почти-что увѣренъ. Вотъ въ этомъ мѣстѣ и еще вотъ тутъ.

И старикъ-лоцманъ показалъ на середину локтевой кости и потомъ и на лучевую, повыше кисти руки.

— Дѣлали холодные компрессы?

— Да, г. докторъ,—не переставая.

— Сильно распухла рука?

— Просто страсть!

Докторъ прошелся по комнатѣ въ то время, какъ за нимъ украдкой слѣдовалъ печальный взоръ старика-лоцмана.

— Ну, вотъ чтò! — началъ, вдругъ останавливаясь, Арно:— Говорю вамъ прямо: утону я, вы такъ и знайте, что это съ моей стороны была послѣдняя глупость!

Глаза старика сверкнули огонькомъ, но по загорѣлому, завѣтрившемуся лицу скользнуло нѣчто въ родѣ улыбки.

— Г-ну доктору не слѣдуетъ тонуть. Объ этомъ предоставьте позаботиться старику-Преброву.

— Яду мнѣ, значитъ, потому не придется принимать?

— Можете быть спокойны! Вмѣстѣ съ ливнемъ пронеслась и буря. Вѣтеръ теперь дуетъ юго-восточный: его-то намъ и надо! Пока мы выберемся въ море по рѣкѣ, онъ и совсѣмъ дуть перестанетъ. Море...

Старикъ запнулся. Арно насмѣшливо засмѣялся.

— Море дивно хорошо и гладко, какъ зеркало! вотъ чтò вы хотѣли сказать, старый льстецъ!

Докторъ ушелъ къ себѣ въ спальню, и старику было слышно, какъ онъ тамъ копошился.

„Ужъ не слишкомъ ли я много наболталъ? — думалось Преброву.—Если вѣтеръ больше не подымется, все же на морѣ будетъ не очень-то спокойно“.

Старикъ почесалъ себѣ въ головѣ, запустивъ руку въ свои густые сѣдые волоса.

Ну, что̀, если дѣйствительно придется утонуть? Онъ самъ еще куда ни шло; Іогенъ,—ну, тотъ хоть изъ любви къ своей Стинѣ; но докторъ, докторъ?! А ждать до полудня или около того... Все равно, и тогда по всей вѣроятности вѣтеръ будетъ дуть такъ же сильно. А старуха такъ жалобно охала, стонала!

Грудь старика всколыхнулась глубокимъ вздохомъ; въ тяжелой задумчивости онъ прямо, напряженно смотрѣлъ передъ собой. Онъ вѣдь принесъ присягу въ званіи лоцмана. Могъ ли онъ взять на себя такой грѣхъ?

Дверь въ смежную комнату отворилась, и докторъ вернулся, но уже въ высокихъ сапогахъ и въ резиновомъ плащѣ. Въ лѣвой рукѣ у него былъ черный полированный довольно большой ящикъ, который онъ поставилъ на столъ, чтобы еще положить въ него нѣкоторыя вещи, вынутыя имъ изъ различныхъ шкафовъ кабинета. Потомъ онъ закрылъ крышку, вынулъ ключикъ изъ замка и спряталъ его въ карманъ жилета.

— Готово, Пребровъ! Вотъ только бутылку вы ужъ спрячьте сами: она намъ во всякомъ случаѣ необходима; ящикъ же я беру на случай крайности.

— Понимаю, г. докторъ!

— Тѣмъ лучше. Лампу мы возьмемъ внизъ съ собою, а не то и съ нами подъ конецъ можетъ приключиться то же, что̀ съ вашей бѣдною женой... Постойте-ка минутку!

Подойдя къ столу, онъ не садясь написалъ своему коллегѣ Радлову на открытомъ листкѣ, что проситъ завтра замѣнить его, особенно же зайти къ коммерціи совѣтнику. Ему, Арно, необходимо съѣздить на Нѐдуръ; онъ самъ не знаетъ когда вернется, или вернется ли вообще.

— Ну, вотъ и все!

Когда Арно вышелъ со своимъ спутникомъ на гаваньскую площадь, на колокольнѣ церкви св. Іоанна, уходившей своей гигантскою вершиной въ черный ночной небосводъ, пробило два часа. Первый ударъ прозвучалъ какъ-то поразительно ясно, словно ударился съ вышины на мостовую; замирающій звукъ второго подхватилъ бурный вихрь и понесъ надъ крутыми кровлями домовъ, такъ что казалось, будто онъ доносится откуда-то съ другой стороны. Дома̀ вокругъ площади чернѣли, и только у крыльца аптеки, потухая, мерцало пламя одного изъ его двухъ фонарей.

„Какъ моя любовь къ Лорѣ“,—подумалъ Арно.

Вотъ они уже у самой гавани.

Вдали, надъ прибрежными лугами, на краю горизонта, краснымъ серпомъ повисъ въ воздухѣ полумѣсяцъ. На взволнованныхъ водахъ рѣки онъ, дрожа, отражался, сверкая то тутъ, то тамъ, и при его невѣрномъ освѣщеніи, при трепетномъ блескѣ серебристыхъ звѣздъ, покачивались мачты лодокъ и большихъ судовъ. Сторожъ вышелъ изъ будки и съ фонаремъ въ рукахъ проводилъ пришедшихъ вдоль набережной, внимательно освѣщая цѣпи и канаты, попадавшіеся имъ на пути. Пребровъ обмѣнялся съ ними отрывистыми словами: оказалось, что Іогенъ Лахмундъ причалилъ свою лодку ниже по теченію.

Вотъ и она, — у крайнихъ широкихъ сходней. Въ лодкѣ стоялъ человѣкъ высокаго роста и, зацѣпившись багромъ за нижнія ступени, придерживалъ колыхавшуюся лодку. Въ лѣвой рукѣ онъ крѣпко держалъ багоръ, а правую протянулъ на встрѣчу доктору, чтобы помочь ему спуститься. Свѣтъ фонаря, который держалъ сторожъ, упалъ на его лицо, не защищенное козырькомъ фуражки.

Арно ужъ занесъ-было ногу, чтобы шагнуть въ лодку, но вдругъ невольно попятился назадъ. Неужели передъ нимъ простое, безбородое лицо молодца-матроса, а не образина какого-нибудь морского чудовища, которое таращитъ на него свои круглые, злобные глаза?

Іогенъ Лахмундъ все еще продолжалъ держать въ воздухѣ свою протянутую руку, а Пребровъ, замѣтивъ нерѣшимость доктора, подхватилъ его подъ лѣвый локоть.

— Вы думаете, мнѣ впервые ѣздить на лодкѣ?—раздраженно замѣтилъ Арно и, оттолкнувъ Преброва, мимо матроса спрыгнулъ въ лодку, изъ которой вывалился бы непремѣнно, еслибъ его не задержала большая мачта съ поднятымъ парусомъ.

Лодка отчалила и поплыла внизъ по теченію, вдоль котораго по лѣвому берегу тянулись красноватые огни предмѣстья, а справа виднѣлись отдѣльные фонари судовъ, лежавшихъ на якорѣ. Потомъ исчезли огни, и даже мѣсяцъ скрылся; но полной темноты все-таки не было: казалось, рѣка сама давала свѣтъ, отражая невѣрный блескъ трепетавшихъ звѣздъ. Или, быть можетъ, это уже надвигался грядущій день, которому суждено цѣлые часы вести борьбу съ ночною тьмой, прежде чѣмъ появится дневное свѣтило...

Устремивъ взоръ въ ночной полумракъ, Арно примостился на одной изъ заднихъ скамеекъ, недалеко отъ Преброва, который сидѣлъ молча и неподвижно у руля. Лахмунда почему-то не было видно: онъ вѣрно былъ гдѣ-нибудь ближе къ носу лодки. И къ

чему только ему дано такое прозвище? Смѣяться ему вѣрно было бы трудно съ такими широкими губами животнаго, которымъ впору лишь злобно оскаливать зубы. Да тутъ и не однѣ только губы: поразительны и его изселена-студенистые, блестящіе глаза, круглые и зловѣще-холодные, какъ у рыбы;—глаза и еще брови, густыя, торчащія какъ щетка: онѣ были желтаго цвѣта, какъ солома, и срослись на переносицѣ короткаго, тупого носа. Докторъ знавалъ и болѣе безобразныхъ людей, которые, однако, не внушали ему никакого отвращенія; а между тѣмъ при взглядѣ на этого матроса онъ задрожалъ, какъ отъ электрическаго тока; казалось, ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы онъ положить свою руку въ широкую лапу Лахмунда. Что это было? Антипатія или инстинктивный страхъ, который чувствовала бѣдная Гретхенъ передъ Мефистофелемъ? Или предчувствіе бѣды, когда оно заставляетъ кроткую голубку спасаться бѣгствомъ отъ ястреба, котораго она до тѣхъ поръ еще ни разу не видала? Это одинъ изъ темныхъ, неразгаданныхъ уголковъ человѣческой души; но развѣ не такъ же темно побужденіе, заставляющее человѣка питать страсть къ женщинѣ, которую онъ, въ сущности, душевно презираетъ; такъ же непонятна сила, заставляющая человѣка распахнуть окно для того, чтобы очутиться потомъ въ этой треклятой лодкѣ, хоть онъ и знаетъ, что можетъ схватить смертельную простуду...

И въ самомъ дѣлѣ, Арно страшно продрогъ, несмотря на то, что плотно кутался въ свой плащъ. Онъ спросилъ у Преброва свою бутылку коньяку и залпомъ осушилъ ее почти до половины; затѣмъ опять остался сидѣть въ неподвижной задумчивости. Мало-по-малу ровное колыханіе лодки, мѣрно скользившей по волнамъ рѣки, а также и дѣйствіе винныхъ паровъ усыпили его. Сначала онъ не могъ услѣдить за своей мыслью, не могъ удержаться отъ того, чтобъ не закрыть глаза; потомъ до слуха его только смутно долетало журчанье воды и скрипъ мачтъ... Наконецъ, онъ пересталъ и это различать.

Во снѣ его преслѣдовали страшныя, необычайныя видѣнія.

Ему чудилось, что онъ лежитъ посреди поля, покрытаго снѣгомъ. Надъ его безгранично раскинувшейся равниной, въ сѣромъ воздухѣ неслись зловѣщія тучи черныхъ воронъ, которыя издавали отвратительный крикъ. Вдобавокъ, изрѣдка слышалось ржаніе лошадинаго черепа, на который онъ, Арно, лежа опирался головою. И каждый разъ послѣ того бѣшено крутились въ воздухѣ тучи воронъ, при чемъ каждая птица сцѣплялась лапами съ своей сосѣдкой, и онѣ принимали видъ какъ бы пляшущихъ

людей, которыхъ, однако, докторъ не могъ различить попарно. Наконецъ, волнующаяся масса черныхъ птицъ разверзлась и посреди нихъ оставалось пустое мѣсто, на которомъ Лора съ мужемъ танцовали канканъ, подъ звуки какой-то бѣшеной музыки, которую исполнялъ своимъ ржаніемъ черепъ, а въ сторонѣ стоялъ оголенный скелетъ, который, очевидно, игралъ роль танцмейстера и отбивалъ тактъ своими костлявыми руками. Арно раздражало безстыдство Лоры, которая своимъ ухарствомъ превосходила даже Фифи въ Парижскомъ „Closerie des Lilas"; но все же не могъ удержаться отъ смѣха, когда Лора вдругъ кончикомъ носка сбила парикъ съ головы своего мелюзги-танцора. Желтоволосое украшеніе аптекаря высоко взлетѣло на воздухъ и тамъ остановилось, превратившись въ желтый полумѣсяцъ. Но вотъ онъ началъ понемногу приходить въ движеніе,—сначала медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе, бѣшенымъ вихремъ носясь по всей вселенной и унося съ собою его самого, Арно. Сидя въ центрѣ серпа полумѣсяца, онъ обѣими руками крѣпко держался за его рога и мимоходомъ стукался о какую-нибудь встрѣчную звѣзду. Ему было больно, но онъ каждый разъ вѣжливо кричалъ:

— Pardon!—а звѣзда низко кланялась ему и отвѣчала:

— Il n'y a pas de quoi!

Но вотъ изъ безпредѣльнаго пространства надвинулась какая-то призрачная, туманная гигантская фигура, и дрожь ужаса пробирала Арно. А чтò если это самъ Саваоѳъ, въ котораго онъ не вѣритъ, но который все-таки существуетъ?..

Вдругъ полумѣсяцъ обратился въ бомбу и ринулся внизъ еще стремительнѣе, нежели подымался. Бомба летѣла все ниже и ниже, и, шипя, погрузилась въ волны, которыя разбрызнулись во всѣ стороны и сомкнулись надъ Арно. Въ смертельномъ ужасѣ онъ ухватился за чью-то загорѣлую руку, которую кто-то протянулъ ему на помощь. То была рука лоцмана Преброва, который, стоя надъ нимъ, говорилъ:

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, г. докторъ.

Докторъ привсталъ, оглянулся вокругъ и не сразу пришелъ въ себя, не сразу могъ отдать себѣ отчетъ, гдѣ онъ и чтò онъ. Лишь постепенно приходя въ себя, онъ могъ замѣтить, что ночь уже миновала, и что его лодку человѣкъ шесть мужчинъ тащили на берегъ, ступая по водѣ. Прибой разбивался о низкія береговыя дюны, которыя сѣрой полосой тянулись справа и слѣва; надъ ними выдавались кровли нѣсколькихъ лоцманскихъ домовъ.

Арно оглянулся назадъ: позади него разстилалось необъятное море, чернѣвшее своими грозными валами; вдоль его краевъ тя-

нулась красновато-бурая полоса берега. Но вотъ лодка дала сильный толчокъ; потомъ еще, сильнѣй, и вдругъ, разомъ, стала неподвижно. Бѣловатая тѣнь спадавшихъ валовъ лизала мимоходомъ носъ лодки и катилась къ берегу.

Доктору пришлось взобраться на чью-то широкую спину и видѣть передъ собой лишь двѣ ноги въ высокихъ сапожищахъ, шлепавшія въ пѣнистыхъ волнахъ прибоя, пока тотъ, кто несъ, не спустилъ его на землю, на прибрежный песокъ. Когда онъ очутился на ногахъ, тогда только замѣтилъ, что человѣкъ, поспѣшившій обратно къ лодкѣ, былъ не кто иной, какъ Іогенъ Лахмундъ. Онъ замѣтилъ это, когда матросъ оперся обѣими руками о бортъ лодки и очутился, такимъ образомъ, лицомъ къ берегу. Садясь въ лодку, Арно не хотѣлъ даже подать ему руки, а теперь по неволѣ ему пришлось дать себя нести, боязливо держась за воловью шею Лахмунда и вытягивая впередъ ноги, чтобы не упасть... Ну, не смѣшно ли это?

— Угодно вамъ пожаловать со мной?—обратился къ доктору Пребровъ, стоявшій рядомъ съ нимъ. Въ одной рукѣ у него былъ сырой шерстяной плэдъ, въ другой докторскій ящикъ съ хирургическимъ приборомъ. Черный полированный ящикъ сверкалъ на солнцѣ багровымъ оттѣнкомъ зари, которая отражалась на его мокрой крышкѣ.

Арно замѣчалъ все это совершенно машинально. Въ головѣ у него было какъ-то пусто, и первые шаги, которые пришлось ему сдѣлать вслѣдъ за своимъ вожатымъ, дались ему не легко; онъ еле-еле передвигалъ ноги. Но онъ зналъ отлично свое свойство:—владѣть нервами, когда приходится приступить къ дѣлу.

V.

Напрасно хирургическій ящикъ сдѣлалъ путешествіе: къ счастію, и крови проливать не пришлось. Благодаря непрерывной смѣнѣ холодныхъ компрессовъ въ видѣ смоченныхъ платковъ, рука больной старушки не такъ уже распухла, чтобы докторъ не могъ ощупать переломъ кости. Собственно говоря, рука была вывихнута, но этотъ вывихъ гораздо больше озабочивалъ доктора, нежели переломъ. А между тѣмъ, боль была сильная, когда онъ вправлялъ руку; но у его паціентки ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнулъ, ни одинъ стонъ не вылетѣлъ изъ ея крупнаго рта, только крѣпко стиснулись ея бѣлые, крѣпкіе зубы. Во время

операціи около доктора не было никого, кромѣ совсѣмъ юной бѣлокурой дѣвушки, которая молча помогала ему съ такой предупредительностью, съ такимъ пониманіемъ каждаго кратчайшаго его слова, его малѣйшаго кивка, съ такимъ толкомъ и ловкостью, которые сдѣлали бы честь любой ученой сидѣлкѣ.

Преброва не было видно, пока больная не заснула подъ присмотромъ дѣвушки, послѣ пріема опіума, который далъ ей докторъ.

Старикъ Пребровъ проводилъ его черезъ площадку въ комнату налѣво, гдѣ на кругломъ столѣ, передъ маленькимъ чернымъ диваномъ, красовался коричневый пузатый кофейникъ и *цвѣтистая* чашка; тутъ же стояли масло, хлѣбъ, тарелка съ копченой рыбой, зеленая бутыль съ водкой, рюмка,—и все это было такъ же образцово-опрятно, какъ и салфетка изъ грубаго льна, которою былъ покрытъ столъ.

— Ахъ, вы, чудакъ!—проговорилъ докторъ, идя слѣдомъ за хозяиномъ дома, и еще разъ повторилъ:—Чудакъ!

Пребровъ ничего не отвѣтилъ и ничего не спросилъ. Онъ, вѣрно, дѣйствовалъ по взаимному соглашенію съ молодой дѣвушкой, съ которой на мгновеніе перекинулся взглядомъ на порогѣ въ комнату больной.

Арно усѣлся на маленькій твердый диванчикъ. Лоцманъ остался стоять передъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Чего вы не садитесь, Пребровъ? вѣдь вы не лакей!

— Благодарю васъ, г. докторъ: я ужъ немножко закусилъ на кухнѣ.

— Ну, какъ хотите. А что̀, вѣдь трудновата была наша переправа?

— Да, не совсѣмъ легка, г. докторъ. Хорошо еще, что вѣтеръ дулъ попутный; а не то...

— Могу себѣ представить! А какъ мы долго ѣхали?

— Около двухъ часовъ, г. докторъ.

— Но это поразительно скоро.

— Мнѣ никогда еще такъ ѣздить не случалось, за всѣ тридцать лѣтъ службы.

— А вамъ знакомъ разсказъ о всадникѣ на Боденскомъ озерѣ? Нѣтъ? Да, впрочемъ, и не надо: лучше совсѣмъ его не знать... А та малютка, наверху, ваша дочь?

— Да, моя Стина.

— Сколько ей лѣтъ?

— Вотъ съ осени семнадцать.

— Есть у васъ еще дѣти?

— Трое молодцовъ, г. докторъ! Всѣ въ морѣ. Одного-то мы ужъ вѣрно не дождемся.

— Что̀ такъ?

— Вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ онъ уѣхалъ... Можетъ быть, что̀ еще г-ну доктору угодно?

— Нѣтъ, Пребровъ! Благодарю васъ. Только вотъ это все возьмите прочь: все превосходно, но у меня нѣтъ аппетита. Я бы хотѣлъ поспать. Положите мой плэдъ на диванъ: вижу, вы его просушили. Прекрасно! Вы просто молодчина, говоря вообще, хотя вы и чудакъ.

По лицу старика-лоцмана скользнула грустная усмѣшка въ то время, какъ онъ собиралъ со стола и уносилъ посуду, собранную на жестяной подносъ.

Арно бросился на диванъ, но тотчасъ же вскочилъ: до того на немъ было твердо и коротко лежать. Къ одному стулу, уже приставленному самимъ старикомъ, Арно прибавилъ еще другой. Вмѣсто отдыха, онъ смѣрилъ шагами длину комнатки: шесть футовъ отъ кафельной печи до двухъ низенькихъ оконъ, и четыре съ половиной отъ двери до дивана и до комода, который стоялъ между окномъ и диваномъ. Пятнистый, какъ неудачно разрисованный леопардъ, этотъ комодъ былъ украшенъ цѣлой коллекціей препротивныхъ бездѣлушекъ изъ стекла и фарфора, разставленныхъ на клеенчатой скатерти. Надъ нимъ, на стѣнѣ висѣло квадратное зеркало, изъ котораго, когда онъ въ него посмотрѣлся, на него взглянуло зеленовато-блѣдное, искаженное лицо. А можетъ быть, оно показывало вѣрно: вѣдь послѣ такой ночи ничего не было удивительнаго. Всѣ члены у него еще ломило; голова болѣла отъ своего же черепа, который во снѣ замѣнялъ ему подушку. Ранній завтракъ не могъ его подкрѣпить: кофе (или какъ говорилъ старикъ: „кофій") былъ невозможный; хлѣбъ вѣрно съ мѣсяцъ вылежалъ въ ящикѣ и промозглъ; масло отдавало ливернымъ жиромъ; въ рыбѣ послѣ копченья остались однѣ только кости да кожа. Впопыхахъ, надо полагать, докторъ забылъ дома свой портсигаръ; и это было для него хуже всего. Перспектива остаться безъ сигаръ еще на нѣсколько часовъ или даже на цѣлый день исполнила его суроваго, злобнаго, мрачнаго недовольства. На этой песчаной косѣ, вдавшейся въ море, нельзя было и помыслить найти какую бы то ни было удобокуримую траву. Когда, минувшей осенью, ему случилось быть здѣсь въ послѣдній разъ, онъ простеръ свою любезность до того, что принялъ изъ рукъ старшаго лоцмана, Бонзака, сигару, которую тотъ нарочно для него купилъ въ Зундинѣ. Дней шесть понадоби-

лось ему для того, чтобъ окончательно избавиться отъ ея отвратительнаго вкуса. Но это въ первый и послѣдній разъ, что онъ далъ себя увезти къ этимъ ихтіофагамъ! Пусть ужъ другой, кто хочетъ, дѣлаетъ перевязки ихъ женамъ и сращиваетъ имъ руки!..

Душный воздухъ въ комнатѣ, къ которому примѣшивался запахъ гнилой тины и старыхъ смазныхъ сапогъ, съ первой же минуты его безпокоилъ. Ему начало казаться, что онъ непремѣнно долженъ задохнуться; онъ подошелъ и распахнулъ одно изъ оконъ. Ворвавшійся въ комнату чистый воздухъ облегчилъ его, хоть и навѣялъ жуткій холодъ. Арно отодвинулъ прадѣдовское кресло, стоявшее у самаго окна, немного подальше на середину комнаты, нахлобучилъ пониже на уши свою дорожную шапочку, набросилъ себѣ плэдъ на грудь и на колѣни, и крѣпко закрылъ глаза, чтобы уйти отъ надвигавшагося дневного свѣта, который уже разливался по небу, по морю и по песчанымъ дюнамъ...

Проснувшись послѣ глубокаго, какъ бы безжизненнаго сна, докторъ не могъ бы утвердительно сказать, спитъ ли онъ еще, или проснулся, или видитъ сонъ на яву? Онъ и не задавался вопросомъ, не прекратится ли это блаженное состояніе, какъ только пройдетъ его смутное ощущеніе? Онъ просто чувствовалъ, что ничего подобнаго ему еще не случалось испытать. Но вотъ и все; ему даже не приходило въ голову рѣшать,—дѣйствительность или картина виднѣется передъ нимъ въ рамкѣ открытаго окна: бѣлѣющія дюны и въ ихъ изгибахъ темносинее море, надъ которымъ раскинулось свѣтло-лазурное небо, словно бѣлыми мушками испещренное облачками. Ему не было дѣла до того, откуда несется тихій ропотъ, словно отъ береговой волны; откуда въ его собственной душѣ взялся отголосокъ нѣжнымъ звукамъ, которые приносились какъ бы съ высоты? Былъ ли то звонкій голосъ жаворонка, или дивные звуки небесныхъ пѣснопѣній? Или это было ощущеніе душевнаго блаженства, которое овладѣло имъ, сняло съ него тяжесть бренной оболочки: онъ какъ бы вдругъ переродился, сдѣлался существомъ безплотнымъ, но мыслящимъ и чувствующимъ, — что̀ недоступно смертнымъ. Такое странное ощущеніе продолжалось, можетъ быть, нѣсколько минутъ или секундъ, или даже тысячную долю одной секунды; но затѣмъ, когда Арно пришелъ въ себя, въ его сознаніи еще остался отблескъ только-что испытанной неземной отрады.

Въ такомъ состояніи блаженнаго покоя онъ весь отдался данной минутѣ счастья и, сидя на прадѣдовскомъ креслѣ, отки-

нулъ голову на его спинку, переводя глаза на залитыя солнцемъ дюны.

На высокихъ жердяхъ, вбитыхъ въ песокъ, была натянута большая, бурая сѣть. Передъ нею, спиной къ доктору, стояла и двигалась стройная дѣвичья фигура, то поднимая вверхъ свои голыя бѣлыя руки, чтобы достать тину, висѣвшую между петлями, то наклоняясь, чтобы изъ-подъ низу прочистить сѣть. Короткая юбочка съ красными и коричневыми полосами плотно облегала ея стройныя бедра и спускалась только до щиколотки; босыя ноги бѣлѣли, выдѣляясь подъ грубыми башмаками. Она поднимала руки кверху, вставая на цыпочки, и тогда между бурой юбкой и синимъ лифомъ, плотно облегавшимъ ея стройный станъ, чуть-чуть виднѣлась бѣлая рубашка. Тогда и толстый узелъ, въ который были туго скручены ея золотистые волосы, спускался ниже на спину; и Арно, глядя на молодую дѣвушку, только удивлялся, гдѣ у него были глаза сегодня ночью, что онъ не замѣтилъ всей юной привлекательности этого прелестнаго созданья. Да, онъ даже настолько ея не замѣтилъ, что теперь, когда Стина повернулась къ нему сначала своимъ точенымъ профилемъ, а потомъ и лицомъ, — онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: да видѣлъ ли онъ ее наканунѣ? Эта — совсѣмъ другая; совсѣмъ не та, которая сегодня ночью исполняла роль сидѣлки; у этой такое тонкое личико, освѣщенное большими синими глазами, которые задумчиво смотрятъ высоко въ небеса.

Но развѣ это могъ быть кто-нибудь другой? Вѣдь онъ, Арно, сидитъ теперь въ домѣ лоцмана Преброва, въ Недурѣ, а дѣвушкамъ здѣсь даютъ имя Стины, а не... Навзикаи.

— Здравствуйте, Стина!

На рыхломъ пескѣ ей не были слышны его шаги, и она испуганно вскрикнула, вдругъ обернувшись къ нему. Ея хорошенькое личико покраснѣло; полныя губы дрогнули.

— Я, кажется, васъ испугалъ?

— О, нѣтъ, г. докторъ!

— Вы всегда принимаетесь такъ рано за работу?

— О, да, г. докторъ!

— „О, нѣтъ, г. докторъ! О, да, г. докторъ!" — передразнилъ ее Арно про себя, но безъ своей обычной язвительности: слишкомъ ужъ мило и открыто смотрѣли на него ея чистые синіе глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Онѣ были темнѣе волосъ, которые лежали мягкими и волнистыми прядями на вискахъ и,

кромѣ золотого, имѣли еще красноватый оттѣнокъ; но это какъ нельзя лучше подходило къ немногимъ веснушкамъ, разбросаннымъ у нея по вискамъ.

— Ну, а какъ мать?

— Она спитъ, г. докторъ.

Наканунѣ онъ не завелъ часовъ, а за ночь они стали. Обыкновенно, въ девять часовъ утра онъ уже уходилъ на практику, сначала въ больницу, а потомъ къ своимъ частнымъ паціентамъ: для которыхъ онъ соблюдалъ порядокъ по степени серьезности ихъ болѣзни. Днемъ, послѣ полудня, онъ ѣхалъ за городъ и по деревнямъ, и часто не бывалъ дома до самаго вечера, или даже до ночи. На другой день опять все шло тѣмъ же порядкомъ, какъ заведенная машина. Ему чудилось, что онъ даже слышитъ стукъ ея колесъ, въ то время, когда глаза его слѣдили за молодою дѣвушкой, а она опять принялась трудиться надъ своею сѣткой.

— О, еслибъ можно было на вѣки вырваться изъ этой машины и провести жизнь до конца дней своихъ въ уединеніи, въ этомъ песчаномъ уголкѣ; чувствовать надъ собой необъятную высь небосвода и безбрежность морского простора! Тамъ, въ вышинѣ, теряется ощущеніе мѣръ и объемовъ; тамъ время теряетъ способность пугать своимъ стремленьемъ; тамъ время—лишь неосязаемый безкровный призракъ, живущій лишь своимъ прошлымъ, которое когда-то было, и грядущимъ, которое еще не наступило, и потому не можетъ даже одну милліонную долю секунды назвать дѣйствительно своею! Да, вотъ бы провести всю жизнь въ мечтательной тиши... и съ этой очаровательною дѣвушкой, въ качествѣ жены, конечно!

— Стина! — окликнулъ ее докторъ вслухъ.

— Господинъ докторъ?

Слава Богу, что г. докторъ опять заговорилъ; слишкомъ ей было жутко стоять на мѣстѣ и чувствовать, что онъ стоитъ тутъ же, за спиною, и смотритъ на нее, не говоря ни слова.

— Отчего это вы такъ хорошо говорите на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи?

— Два года я жила у тетушки въ Зундинѣ.

— И ходили въ школу?

— Да, г. докторъ.

— И чему-нибудь успѣли основательно научиться?

Стина отрицательно качнула головой.

— Ну, однако: читать, писать, считать?..

Стина кивнула утвердительно.

— Ну, и еще чему-нибудь?

— Закону Божiю, г. докторъ.

— А! Это главное!

— Да; и еще — шить и вязать, стирать и гладить... но только уже не въ школѣ, а у моей тети. Она сама стираетъ и гладитъ на господъ. Я сюда только прошлой осенью вернулась.

— Потому-то я васъ прежде здѣсь и не видалъ. Скажите мнѣ, Стина,—мнѣ еще ночью бросилось въ глаза, что вы ловко и умѣло обходитесь съ перевязками и компрессами. Вамъ, можетъ быть, уже случалось быть въ сидѣлкахъ?

— О, нѣтъ, г. докторъ, никогда! Но мой дядя—фельдшеръ.

— А, значитъ — коллега!

Стина вопросительно взглянула на него.

— Ну, я хочу сказать: онъ дергаетъ зубы, пускаетъ кровь и т. п. Словомъ, дѣлаетъ то же самое, что и мы, доктора. Значитъ, вы отъ этого дяди и научились?

На этотъ разъ Стина промолчала. Какъ сначала молчанiе доктора, такъ теперь ее тревожили его многочисленные разспросы. Вдобавокъ, и самъ дядя ей неоднократно говорилъ, что докторовъ разбираетъ зависть, что они всѣ готовы погубить бѣднягу-фельдшера, который, какъ они говорятъ, имъ „все дѣло портитъ“.

— „Ну, она глупенькая! — подумалъ про нее Арно. — Кто пожелалъ бы жениться на ней, тотъ долженъ приготовиться, что всѣ дѣвчонки будутъ родиться съ рыбьими хвостами, а мальчишки съ образинами въ родѣ“...

— А что, Стина,—сказалъ онъ вслухъ:—вы знаете Лахмунда?

— О, да, конечно, г. докторъ, знаю!

— Мнѣ бы хотѣлось именно узнать: онъ здѣшнiй? Уроженецъ Недура?

— Нѣтъ, онъ оттуда: изъ Мёнхгута!

И Стина указала рукой на морскую даль, гдѣ къ сѣверо-западу, на горизонтѣ, надъ водой подымались слившiяся въ цѣпь вершины полуострова.

— А здѣсь онъ что же дѣлаетъ?

— Онъ вотъ уже четыре года, какъ служитъ въ матросахъ. Теперь онъ хочетъ перейти въ лоцмана.

— Онъ человѣкъ хорошiй? А?

Стина не отвѣчала.

— И онъ вамъ нравится?

Она молчала; но въ то же время, усердно ощипывая сѣть, она

вся вспыхнула, зардѣлась вся — отъ корней волосъ и чуть не до плечъ.

— „Вотъ оно что“!—сказалъ самъ себѣ Арно.—Она и въ самомъ дѣлѣ глупа, какъ гусыня!

Между тѣмъ изъ дома вышелъ старикъ Пребровъ.

— Не угодно ли будетъ г. доктору зайти взглянуть на жену? —предложилъ онъ. — Она только-что проснулась!

Арно нашелъ, что ея состояніе весьма успокоительнаго свойства; лихорадка весьма умѣренная; температура почти нормальная. Онъ могъ вполнѣ поручиться Преброву, что все пойдетъ своимъ чередомъ, тихо и спокойно.

Вывихъ руки безпокоилъ его больше, нежели переломъ, хотя объ опасности и тутъ не могло быть рѣчи. Впрочемъ, онъ сказалъ, что черезъ два-три дня заѣдетъ, и если тогда не будетъ замѣтно улучшенія, то по всей вѣроятности наложитъ повязку.

Его почтенная паціентка и ея мужъ съ благоговѣніемъ вслушивались въ каждое его слово. Подъ конецъ вошла въ комнату и Стина. Докторъ далъ ей еще нѣсколько указаній, за которыми она должна была слѣдить.

— Вы поняли хорошо, Стина?

— Да, г. докторъ.

Пребровъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

Если ужъ Стина поняла хорошо, значитъ, все пойдетъ своимъ порядкомъ.

VI.

Настроеніе духа Арно было рѣшительно испорчено „гусиной“ глупостью Стины, ея стыдливымъ румянцемъ, при упоминаніи о Іогенѣ Лахмундѣ, и, наконецъ, душнымъ воздухомъ каморки, гдѣ лежала больная. Когда Пребровъ на его вопросъ, скоро ли можно ему ѣхать домой, скромно отвѣтилъ:

— Я полагалъ, что г. докторъ пробудетъ у насъ до завтра?

Арно вспылилъ:

— Что-жъ, по вашему, время у меня краденое, что-ли?

Старикъ отпихнулъ назадъ свою шерстяную остроконечную шапку и почесалъ за ухомъ.

— Ѣхать сегодня будетъ трудновато: двое лоцмановъ уже уѣхали въ Зундинъ; одинъ, по дорогѣ, заѣдетъ въ Гринвальдъ. Послѣ ночной бури можно ожидать, что къ берегу подойдутъ суда, потерпѣвшія аварію, а для этого необходимо имѣть хоть двухъ лоцмановъ въ запасѣ, на лоцманской станціи... Впрочемъ,

не лучше ли г. доктору самому переговорить съ старшиной, Бонзакомъ? — предложилъ Пребровъ.

Докторъ и безъ того имѣлъ намѣреніе зайти къ старшинѣ лоцмановъ, узнать о здоровьѣ его жены, которую онъ лечилъ при родахъ. Онъ тотчасъ же пустился въ путь, который былъ, однако, недалекъ: надо было пройти мимо семи-восьми одноэтажныхъ лоцманскихъ домиковъ, которые вмѣстѣ со своими угодьями были разбросаны въ плоской котловинѣ, между низменными дюнами; въ этомъ мѣстѣ, почти въ центрѣ островка, эти дюны все-таки нѣсколько защищали ихъ отъ вліянія западныхъ и восточныхъ вѣтровъ. Къ чему здѣсь домики были разбросаны какъ-то неровно, на удачу, словно ихъ вытрясли изъ стакана для игральныхъ костей, — Арно такъ никогда и не могъ узнать. Передъ каждымъ изъ домиковъ былъ маленькій садикъ, огороженный колючимъ кустарникомъ; въ каждомъ садикѣ были разбиты грядки, обложенныя большими раковинами; каждая раковина лежала наружу своей нѣжно-розовой подкладкой. Нигдѣ ни звука, ни души человѣческой,—только дыханіе вѣтра, то возрастая, то затихая, проносилось надъ дюнами.

И снова, въ то время какъ онъ шелъ впередъ по песку, въ которомъ иной разъ нога его тонула по щиколотку, докторомъ начало овладѣвать то самое состояніе полудремоты, которое онъ уже испыталъ въ это утро; но теперь оно не принесло ему блаженнаго довольства и покоя. Теперь это былъ какъ бы тревожный полусонъ, который хочется прервать скорѣе. Еслибы ему было въ самомъ дѣлѣ суждено, какъ онъ только-что передъ тѣмъ желалъ, поселиться здѣсь, въ этомъ уединеньѣ,—безлюдье и безмолвіе такой пустынной мѣстности, вѣроятно, скоро свели бы его съ ума. Не въ громахъ бури, не въ свистѣ вихря нисходитъ къ намъ духъ Божій; не въ грохотѣ и суетѣ столичныхъ городовъ, — нѣтъ! Въ безмолвной тишинѣ пустыни насъ больше поражаетъ грозная тайна бытія. Гигантскій сфинксъ съ толстыми губами, которыя какъ будто сейчасъ готовы шевельнуться и заговорить, но остаются на вѣки безмолвны—вотъ настоящее изображеніе духа земли, духа земного бытія. И оно несравненно зловѣщѣе, страшнѣе, нежели та образина, передъ которымъ падаетъ въ обморокъ малодушный Фаустъ—Гёте [1]).

Арно остановился, приглядываясь къ окружавшему его садику, но, ничего не видя, онъ мысленно ушелъ въ свои мечты о послѣднихъ, еще ненаписанныхъ сценахъ его Фаустулуса. Этому

---

[1]) Явленіе Фаусту „духа земли". Часть I.

новѣйшему Фаусту не полагалось, какъ его знаменитому предшественнику, въ заключеніе, съ помощью чертей, разъигрывать роль благодѣтеля рода человѣческаго, дабы отвоевать клочокъ земли, на которомъ горсть жалкихъ ничтожнѣйшихъ созданій получила бы право еще болѣе проклинать свое существованіе. Нѣтъ! До послѣдняго издыханія его девизомъ должно быть: „Или все, или—ничего"!

Послѣднія сцены его трагедіи должны происходить въ Саисѣ. Герой, царственный юноша, въ безумномъ стремленіи проникнуть въ тайны науки, ставитъ на карту вселенную, которую завоевалъ себѣ морями крови, и дерзаетъ свершить неслыханное преступленіе...

Вѣдь самъ же онъ, Арно, пришелъ къ тому же самому аллегорическому концу, который онъ такъ ѣдко порицалъ въ „Фаустѣ"—Гёте. Все дѣло испортитъ принципъ, по которому должна бы развиваться вся трагическая сторона пьесы—въ душѣ героя... Нѣтъ, лучше ужъ бросить въ огонь весь свой трудъ, — трудъ, надъ которымъ онъ просиживалъ столько ночей напролетъ, за послѣдніе три года!..

Арно остановился передъ домомъ лоцманскаго старшины. Его жена увидала доктора въ окно и вышла на порогъ къ нему на встрѣчу; на рукахъ у нея сидѣлъ грудной малютка, а двѣ дѣвчурки—шести и пяти лѣтъ, прятались въ ея юбки. Еще моложавая и почти хорошенькая женщина была весьма рада гостю:

— Не угодно ли будетъ г-ну доктору сдѣлать намъ честь зайти въ домъ? — предложила она.

Но докторъ зналъ по опыту, что въ домѣ такъ же точно пахнетъ гнилою тиной и старыми смазными сапогами, какъ и у Преброва. Онъ отвѣчалъ на приглашеніе, что очень спѣшитъ обратно, и только хочетъ спросить Бонзака, какъ бы это можно было устроить.

— Мужъ съ ранняго утра дежуритъ на посту. Угодно, васъ туда проводятъ: Лина или Мина? — проговорила жена Бонзака.

Но Арно отказался, говоря, что самъ знаетъ дорогу. Онъ потрепалъ по щечкѣ пухленькаго малютку, погладилъ по бѣлокурой головкѣ Лину и Мину, пожалъ полную руку г-жи Бонзакъ и поскорѣе опять двинулся въ путь.

Этотъ путь вывелъ его изъ лоцманскаго селенья въ котловинѣ—къ сѣвернымъ дюнамъ; на самой высокой изъ нихъ помѣщался наблюдательный постъ. Песчаный холмъ, на которомъ онъ стоялъ, былъ по откосамъ тщательно засаженъ бодякомъ и морской травою; на вершину его вела самая первобытная лѣст-

ница изъ короткихъ бревенъ, которыя шатались на колышкахъ, но тѣмъ не менѣе облегчали способы подъема. На вершинѣ холма, которая имѣла видъ натуральнаго (или, можетъ быть, искусственнаго) плато во сто шаговъ въ окружности, стоялъ маякъ, а рядомъ съ нимъ и сторожевая будка, передъ нею—высокій флагштокъ и подпорка для телескопа съ вращательнымъ приспособленіемъ. Сгибая свою широкую спину, Бонзакъ такъ усердно смотрѣлъ на море въ телескопъ, что Арно совсѣмъ близко подошелъ къ нему, пока тотъ его замѣтилъ. Тотчасъ же воспослѣдовали рукопожатія и извиненія, что онъ не явился самъ къ г-ну доктору,—сегодня утромъ у него было слишкомъ много дѣла.

Арно объяснилъ лоцману, что̀ ему нужно, но Бонзакъ только покачалъ головой; въ его распоряженіи теперь,—пояснилъ онъ,—всего два-три человѣка. Они здѣсь, подъ рукою; одного онъ вѣдь тогда долженъ будетъ уступить ему.

— Вонъ шведскій бригъ; онъ выкинулъ лоцманскій флагъ и, сложивъ паруса, держитъ ближе къ берегу. Изъ Зундина онъ принялъ лоцмана Тиссова, а теперь вѣрно хочетъ добѣжать въ Узелинъ. Впрочемъ, я еще могъ не совсѣмъ вѣрно понять его сигналы: онъ немножко далеко.

И въ самомъ дѣлѣ, бригъ былъ *немножко* далеко: лишь въ телескопъ могъ Арно различить на горизонтѣ что-то такое, что̀ могло быть, пожалуй, бригомъ.

Выкинувъ еще новый сигналъ и опять подходя къ телескопу, лоцманъ проговорилъ:

— Такъ и есть, г. докторъ! Бригъ потерпѣлъ аварію и хочетъ идти на Узелинъ, потому что это гораздо ближе. Черезъ какой-нибудь часъ онъ можетъ быть здѣсь. Я предложилъ бы г-ну доктору отправиться съ лоцманомъ туда, на бригъ? Положимъ, вы тогда поздненько доберетесь до дому, но все же это лучше, нежели ожидать здѣсь до завтрашняго утра. Впрочемъ, если вамъ угодно ждать... у Преброва, пожалуй, тѣсновато,—такъ не угодно ли... если г. докторъ не откажется сдѣлать мнѣ честь... У насъ въ верхней комнатѣ изволили нѣсколько разъ ночевать г. архитекторъ изъ Зундина. Блинчатый пирогъ моя старуха съумѣетъ смастерить. А тамъ — къ передовому стаканчику грога (настоящаго ямайскаго, г. докторъ!) на придачу можно, пожалуй, выкурить такую сигарку, какая пришлась г-ну доктору по вкусу прошлую осень...

— Да ни за что на свѣтѣ!—вскричалъ Арно, и поспѣшилъ поправиться.—Я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь остаться! Сего-

дня же вечеромъ мнѣ надо быть въ Узелинѣ. Итакъ, если вашъ бригъ... Кстати: какой онъ грузъ везетъ?

— Ужъ непремѣнно сельди, соленыя и свѣжія сельди. Теперь самое время.

Перспектива водвориться на долгіе часы между боченками соленыхъ и несоленыхъ сельдей на палубѣ уже пострадавшаго брига была непривлекательна... Но сигара добрѣйшаго Бонзака?!..

— Ну, рѣшено и подписано!—сказалъ Арно.—А затѣмъ...

— Я готовъ, и если г-ну доктору угодно...

Они спустились по хлябавшимъ ступенькамъ и зашагали по песку, по направленію къ деревенькѣ. Бонзакъ заговорилъ о ночномъ переѣздѣ доктора.

— Пребровъ, конечно, виноватъ. Еслибъ у него даже былъ еще лишній человѣкъ, и то онъ не имѣлъ бы права отважиться на такой шагъ... хоть Іогенъ и можетъ замѣнить двоихъ.

— Это же почему?

— У него силы хватитъ на двоихъ, а такого матроса—могу смѣло сказать!—я сроду еще не встрѣчалъ!

— И вообще онъ славный малый?

— О, да, еще бы! Онъ человѣкъ хорошій, только...

— Только что?

— Немножко онъ горячъ... то-есть, собственно говоря, когда немножко хватитъ черезъ край. Тогда ему въ руки ножъ лучше не попадайся!.. А вообще, въ другое время, онъ кротокъ, какъ ягненокъ.

— Онъ женится на Стинѣ Пребровъ?

— И-и, вотъ вы какъ?.. А какъ пришелъ г. докторъ къ такому убѣжденію?

— Какъ вообще къ тому приходятъ.

Бонзакъ пріостановился, снялъ свою клеенчатую шапку, сосредоточенно поглядѣлъ на нее и на ходу опять ее нахлобучилъ, продолжая разговоръ уже съ бòльшимъ оттѣнкомъ оживленія въ своемъ флегматичномъ голосѣ:

— Что-жъ, г. докторъ, пожалуй, тутъ что-нибудь да есть такое...—Видите, онъ-то ее любитъ, да вѣдь она и въ самомъ дѣлѣ прехорошенькая; только она-то, мнѣ сдается, не очень къ нему расположена.

— За это на нее нельзя пенять...

— Ну, это какъ посмотришь. Пребровъ такой бѣднякъ, какъ, нельзя быть бѣднѣе. Онъ не изъ молодыхъ, а въ его лоцманской службѣ долго ли до бѣды? Какъ я уже сказалъ, Іогенъ—добрый

малый; за полгода, что онъ живетъ съ нами, ничего дурного за нимъ не водилось, то-есть, я хочу сказать, что онъ не напивался пьянъ, и, если онъ проживетъ еще, и такъ же хорошо, съ полгода...

— Его сдѣлаютъ лоцманомъ, конечно. Онъ женится и, когда напьется, будетъ бить жену.

— Не думаю, г. докторъ! Если кто любитъ горячо свою жену, тотъ броситъ пить и... бить! Смѣло могу сказать, г. докторъ: съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, на Недурѣ,—вотъ ужъ двадцать-пять лѣтъ!—со мною этого никогда еще не случалось. А ужъ моя ли покойница не была строптива...

И старикъ, впадая въ свой обычный флегматичный тонъ, пустился въ описаніе своей долголѣтней и бездѣтной брачной жизни съ первою женой, которая была вспыльчиваго нрава и подчасъ взмыливала ему голову. Съ бабами всяко бываетъ и не всегда добьешься отъ нихъ толку одними словами; впрочемъ, у него самого дальше словъ не шла расправа,—онъ можетъ поклясться въ этомъ своимъ званіемъ лоцмана.

Арно вѣжливо прервалъ его, говоря, что онъ и безъ клятвы вѣритъ его словамъ, и, продолжая вслушиваться въ его однообразный, мѣрный голосъ, испытывалъ чувство, близкое къ отчаянію. По счастью, ему удалось хоть на время отдѣлаться отъ него, благодаря появленію младшаго лоцмана, который пришелъ о чемъ-то переговорить со старшимъ. Арно зашагалъ прочь по глубокому песку, но не зашелъ больше къ Преброву; онъ не хотѣлъ больше встрѣчаться съ хорошенькой, стройной дѣвушкой, которой суждено было выйти за такого обрубка-образину, какъ Лахмундъ. Въ концѣ концовъ, вѣдь все-таки ей надо будетъ по неволѣ выйти за него!..

Докторъ бродилъ по берегу, пока шведскій бригъ не подошелъ настолько близко, что ему на встрѣчу выслали лодку съ лоцманомъ и, въ качествѣ пассажира, прихватили съ собою и доктора. Одинъ изъ спутниковъ Арно былъ не кто иной, какъ Іогенъ Лахмундъ, котораго онъ имѣлъ теперь время и полную возможность разглядѣть хорошенько, а слѣдовательно и убѣдиться, что воображеніе опять подшутило надъ нимъ.

Конечно, лицо у Лахмунда было грубо и неуклюже, и вовсе некрасиво, а сросшіяся желтовато-соломенныя брови придавали его какъ бы ущемленнымъ губамъ и четырехугольному подбородку какой-то суровый и мрачный оттѣнокъ. Но общее впечатлѣніе было отнюдь не отталкивающее; Іогенъ казался скорѣе добродушнымъ, нежели злымъ человѣкомъ, котораго только чадъ опьяненія могъ лишить обычнаго душевнаго спокойствія. Тогда, ко-

нечно, онъ могъ быть страшенъ и опасенъ. Онъ, очевидно, плохо зналъ себѣ цѣну: въ качествѣ боксера на призы или цирковаго атлета онъ могъ бы производить фуроръ... И вдругъ, представить себѣ юную дѣвушку, полу-дитя, съ нѣжными, еще недоразвившимися формами, съ нѣжной шейкой и стройными ножками—рядомъ съ нимъ, съ этимъ колоссомъ, этой кучей здоровенныхъ мускуловъ и костей!

„Чортъ побери! Чего мнѣ безпокоиться? Что̀ мнѣ за дѣло"? —останавливалъ себя докторъ.

Позади уже исчезала въ болотѣ песчаная коса, надъ которой чуть виднѣлась только сторожевая будка и маякъ. Такъ и хорошенькая Стина должна для него, въ его памяти, исчезнуть навсегда, безвозвратно.

Между тѣмъ, бригъ уже повернулъ къ лодкѣ на встрѣчу, чтобы принять лоцмана къ себѣ на бортъ. Еще съ высоты палубы капитанъ вѣжливо привѣтствовалъ чужого господина, который пожелалъ быть, до Узелина, его пассажиромъ.

Когда Арно долженъ былъ выйти изъ качавшейся лодки и перелѣзть на веревочную лѣстницу, которую имъ спустили, онъ навѣрное упалъ бы въ воду, еслибъ его не поддержали двѣ сильныя руки.

То были руки Іогена Лахмунда.

VII.

Г-жа коммерціи совѣтница Моорбекъ вернулась въ Узелинъ, какъ только получила извѣстіе о болѣзни сына.

Добра́вшись до дому послѣ невыразимо-долгаго и тоскливаго переѣзда, во время котораго онъ сто разъ проклиналъ Недуръ, Арно нашелъ у себя дома записку отъ совѣтницы съ просьбой, какъ только возможно скорѣе, потрудиться къ ней зайти. Совѣтница пользовалась его особымъ благосклоннымъ вниманіемъ: въ ней онъ видѣлъ и чтилъ единственную истую „lady" во всемъ Узелинѣ и даже во всемъ десяти-мильномъ округѣ. Даже ея почеркъ, четкій и красивый, казался ему особенно привлекательнымъ; онъ считалъ, что такіе стройные, аристократическіе пальчики иначе и писать не могутъ. Но въ этотъ разъ онъ изорвалъ въ клочки изящную записку и злобно швырнулъ прочь, подъ столъ, повторяя:

— Ну да, конечно!.. *Возможно скорѣе*!!..

На утро, уже полдень миноваль, когда Арно пошелъ къ совѣтницѣ съ визитомъ.

Г-жа Моорбекъ приняла его въ своей большой и въ своемъ родѣ роскошной, но въ то же время и уютной гостиной; съ шитьемъ въ рукахъ, она сидѣла у средняго изъ оконъ, которыхъ было три,—прямо на гаванскую площадь. Совѣтница сложила шитье въ рабочую корзинку и подошла къ нему, протягивая руку въ знакъ привѣта. Рука ея казалась ему до того прекрасной, что онъ охотнѣе всего покрылъ бы ее поцѣлуями, и по той же причинѣ всегда прикасался лишь къ кончикамъ ея изящныхъ пальцевъ. Садясь опять на свое мѣсто, совѣтница знакомъ пригласила доктора придвинуть кресло ближе.

— Вы были вчера за́ городомъ, докторъ?—начала она.

— Вѣрнѣе было бы сказать: „за́-моремъ"; я былъ въ Недурѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, это такой интересный островокъ, какъ говорятъ?

— Вчера я тамъ едва не умеръ отъ тоски, и легко могу себѣ представить, что есть люди, которые, разъ очутившись тамъ, больше не пожелаютъ уѣхать оттуда.

— Но что̀ это за люди?

— Это тѣ, которые сожгли за собою свои корабли.

— Какъ, напримѣръ, вы сами?

— Я?!

— Или вы хоть одинъ изъ нихъ приберегли, когда рѣшились изъ Берлина переселиться къ намъ?

— Ни о какомъ рѣшеніи тутъ рѣчи быть не можетъ, когда судьба неожиданно схватитъ человѣка за плечи и швырнетъ его вонъ, въ водоворотъ жизни, какъ швыряетъ лакей непріятнаго гостя, прямо на улицу!

— Для насъ это сравненіе не совсѣмъ лестно.

— Помилуйте, совѣтница... Вообще говоря, льстятъ только тѣмъ, кого считаютъ слишкомъ глупымъ, чтобы можно было сказать имъ правду. Поэтому вамъ менѣе, чѣмъ кому-либо, пришлось бы выслушать отъ меня лесть.

Совѣтница съ улыбкой наклонилась надъ своей корзинкой, чтобы достать мотокъ шерсти, и проговорила:

— Вотъ какъ, г. докторъ! Значитъ, это просто маленькое словопреніе, какимъ обыкновенно начинаются у насъ настоящіе разговоры? Итакъ, если вы не прочь, приступимъ прямо къ дѣлу! Вы видѣли Рихарда?

— Я прямо отъ него... Вы, право, могли спокойно оставаться себѣ въ Зундинѣ.

— Мнѣ то же сказалъ вчера и д-ръ Радловъ. Но мы всѣ, матери, странный народъ, какъ вамъ небезъизвѣстно. Мы никогда не дойдемъ до того, чтобъ радоваться тому, что имѣемъ; мы живемъ въ постоянномъ страхѣ, какъ бы не лишиться всего самаго для насъ дорогого!

— Въ политикѣ такое направленіе называется консервативнымъ.

— Что жъ, весьма справедливо. Но только съ тою разницей, что тамъ есть для опасенія больше основаній.

— Однако, каждый вѣритъ въ существованіе опасности...

— Вы, докторъ, сегодня настроены еще хуже, чѣмъ когда-либо. Съ вами, вѣрно, случилось что-нибудь непріятное?

— Сколько мнѣ извѣстно,—ровно ничего! Это опять лишь старая пѣсня...

— Для которой, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ новой мелодіи!.. Впрочемъ, въ число обязанностей доктора, конечно, входитъ необходимость выслушивать наши жалобы. Ну, а затѣмъ окажите мнѣ такую милость: хоть на десять минутъ сгоните съ лица саркастическую усмѣшку, которая простую смертную, — такую, какъ я,—можетъ привести въ смущеніе. Я прошу вашего совѣта въ такомъ дѣлѣ, которое для меня важнѣе всего на свѣтѣ. Вы знаете, какъ я забочусь о Рихардѣ; за Алексу никогда не приходилось мнѣ тревожиться: въ ней все, казалось, дышало жизнью и здоровьемъ. И вдругъ мнѣ говоритъ Гассельбахъ, въ Зундинѣ, что у нея, безспорно, одно легкое слабѣе; что эта слабость хоть и не внушаетъ до сихъ поръ серьезныхъ опасеній, но требуетъ тщательнаго ухода... Словомъ, совсѣмъ какъ у Рихарда, и вдобавокъ, въ томъ же возрастѣ, въ какомъ началось у него. Мнѣ кажется, этого довольно для того, чтобы мать встревожилась и искала бы помощи и совѣта.

Г-жа Моорбекъ отложила въ сторону свое вышиванье,—по мнѣнію доктора, вѣрный признакъ, что остроумная собесѣдница отступаетъ на задній планъ и впередъ выступаетъ озабоченная мать. Поэтому онъ поставилъ на коверъ свою шляпу, которую держалъ до сихъ поръ въ рукахъ, и спросилъ:

— Откинувъ въ сторону вопросъ о помощи, пока она дѣйствительно будетъ необходима, позвольте васъ спросить: чего касается совѣтъ, который вы желали бы получить отъ меня?

— А вотъ чего,—отвѣтила совѣтница, немного наклоняясь впередъ и устремляя на него свои большіе темные, немного близорукіе глаза:—Вы,—т.-е. вы сами, докторъ Радловъ—вчера, а докторъ медицины въ Зундинѣ, всѣ говорите о слабости, за ко-

торой надо внимательно слѣдить, ну, и тому подобное. Слабость вѣдь имѣетъ свойство становиться еще слабѣе, и то, что̀ называется просто слабостью сегодня, можетъ получить гораздо худшее наименованье завтра. Врядъ ли слабость (по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ) когда-либо можетъ обратиться въ крѣпость; но, можетъ быть, окажется возможнымъ достичь того, чтобы до нѣкоторой степени обуздать ея основныя причины и низвести ея развитіе почти до нормальныхъ размѣровъ. Это, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, должны обходиться бѣдняки, но которыя намъ, можетъ быть, не будутъ стоить ничего, кромѣ смѣлости рѣшиться. Вы уже поняли, конечно, на что̀ я намекаю: долгое пребываніе на югѣ,—на Ривіерѣ, въ Сициліи, Египтѣ... Разъ, что приходится разстаться со своими, тутъ уже не разсчетъ какія-нибудь триста миль. Такъ вотъ, мой другъ, въ томъ-то и есть затруднительность моей задачи, и эта затруднительность отчасти парализуетъ мое личное рѣшеніе. Я бы, конечно, поѣхала съ дѣтьми; мужъ могъ бы отвезти насъ и сюда вернуться: большія дѣла не могутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, недѣль, а тѣмъ болѣе мѣсяцевъ, оставаться безъ хозяйскаго надзора. Мужъ мой готовъ на какую угодно жертву, когда дѣло идетъ о благѣ дѣтей; онъ и надъ этимъ не задумался бы ни на минуту,—безъ сомнѣнья! Но можно ли, собственно, смѣю ли я требовать ея? Онъ говоритъ:—Да, конечно!—Но онъ вѣдь изъ числа такихъ людей, которые не могутъ отвѣчать отказомъ, и даже послѣ будутъ силиться не подавать виду, какъ это имъ тяжело дается... Какая жена не проститъ мужу такихъ усилій?

Совѣтница Моорфекъ слегка провела по глазамъ платочкомъ и продолжала съ улыбкой, которая ей, однако, не удавалась:

— Какъ видите, это одинъ изъ многихъ случаевъ, когда мы взваливаемъ на докторовъ отвѣтственность за то, на что̀ мы не имѣемъ силъ рѣшиться сами.

— Но позвольте,—не безъ нѣкотораго нетерпѣнія прервалъ ее Арно.—Вы не обидьтесь, что̀ я вамъ скажу: мы съ вами уподобились тѣмъ чудакамъ, которые принялись дѣлить между собой медвѣжью шкуру, прежде, нежели имъ удалось затравить медвѣдя. Кто вамъ сказалъ, что эта жертва такъ необходима, что вамъ даже придется уѣхать съ дѣтьми на цѣлые мѣсяцы, или даже годы, оставить край родной, оставить мужа, заставить его претерпѣть всѣ муки одиночества? Конечно, я еще разъ внимательно изслѣдую Рихарда, хотя и знаю напередъ, что ничего другого не найду, кромѣ того, что̀ было прежде, и что̀ должно

всецѣло успокоить его отца и мать. Чтò же касается вашей дѣвицы, то я, за тѣ три года, что поселился здѣсь, видѣлъ ее такъ рѣдко и такъ коротко, а вотъ ужъ годъ, что и совсѣмъ не вижу! Впрочемъ, и мнѣ она всегда казалась олицетвореніемъ силы и здоровья; между тѣмъ, вашъ профессоръ говоритъ... Собственнымъ опытомъ пришлось мнѣ убѣдиться, что пока не выяснится противное, вѣрнѣе всего для меня придерживаться мнѣнія діаметрально противоположнаго тому, которое высказываютъ мои коллеги. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшить, я долженъ освидѣтельствовать больную. Это ясно, какъ день!

— Ну, да, ну, да, конечно! Иного требовать и ожидать отъ васъ мы не имѣемъ права. А только...

Совѣтница замялась и вдругъ принялась особенно усердно разглядывать бриллiантовое колечко у себя на пальцѣ.

— А только?..—повторилъ Арно вопросительно, видя, что молчаніе затянулось.

Г-жа Моорбекъ взглянула на него. Смущенная улыбка играла у нея на устахъ, румянецъ залилъ ея щеки и смылъ послѣдніе слѣды материнской важности въ лицѣ и въ осанкѣ. Передъ докторомъ была не почтенная матрона, а молодая, застыдившаяся дѣвушка. Впервые показалось ему, что онъ замѣчаетъ всю красоту и прелесть, которую совѣтница какъ бы скрывала отъ него до сей минуты.

— Только... чтò?—сказалъ онъ еще разъ.

— Что вы еще такъ молоды!—какъ-то жалобно проговорила совѣтница, и ей самой этотъ тонъ показался забавнымъ.

— Но можетъ быть я старше, чѣмъ кажусь на взглядъ?

— О, нѣтъ! Вы мнѣ сказали, что вамъ пришлось справлять двадцать-пятый день своего рожденія на баррикадахъ въ Берлинѣ, въ 1847 году. Теперь у насъ пятьдесятъ-четвертый... Еслибъ вы были хоть женатый человѣкъ!

— Повѣрьте, я самъ былъ бы въ отчаяніи, еслибы изо всѣхъ перечисленныхъ вами недостатковъ первый не уменьшался съ каждымъ днемъ, а второй я бы не могъ съ себя сложить.

— Ахъ, еслибъ только вы могли рѣшиться! Вы и вообразить себѣ не можете, какая рекомендація врачу—обручальное кольцо на пальцѣ!

— Если ужъ *вы* такъ говорите!..

— Это кажется, можетъ быть, и нелѣпымъ предразсудкомъ, а въ сущности можетъ быть это даже вовсе и не предразсудокъ. Бракъ—это тѣ же узы, иногда въ дурномъ, чаще же въ хорошемъ значеніи этого слова. Онѣ намъ помогаютъ обузды-

вать наши страсти, онѣ учатъ насъ самоотверженію... Конечно, не всегда, но собственно слѣдовало бы считать это за правило. Въ это правило вѣритъ публика, а въ нашемъ случаѣ это именно такъ и есть. Такія условія, такія отношенія, которыя люди бы спустили женатому врачу, наоборотъ, будутъ считаться предосудительными для холостого.

— Нѣтъ ли въ этихъ философствованіяхъ нѣкоторой доли фарисейства?

— Весьма возможно. Но мы не можемъ вѣдь переродить весь свѣтъ.

— Особенно же города, въ которыхъ меньше десяти тысячъ жителей.

— Да! Особенно эти города!

— Такъ видите ли,—сказалъ докторъ, — что̀ можетъ тогда случиться, между прочимъ. Положимъ, въ такомъ городѣ водворяется на житье врачъ, удрученный этими обоими недостатками: ему всего лишь тридцать лѣтъ, онъ холостъ, не женатъ. Послѣднее въ немъ тѣмъ предосудительнѣе, что онъ принадлежитъ къ разряду гётевскихъ поклонниковъ женственно-прекраснаго, что онъ не можетъ жить безъ общества милыхъ, образованныхъ женщинъ. Между тѣмъ, среди менѣе, нежели десяти-тысячнаго населенія этого городка, есть только одна единственная дѣйствительно милая и образованная женщина, такая милая, такая образованная, что она не нуждалась бы и въ красотѣ, хоть эта красота и есть у нея. Молодой врачъ былъ бы счастливъ, еслибы могъ имѣть свободный доступъ въ домъ этой прелестной дамы, еслибъ онъ могъ проводить подъ ея кровлей свои немногіе свободные часы. Но просить у нея разрѣшенія—скромность не позволяетъ, а сама дама... Что̀ ей за дѣло до него?! Есть у нея прекрасный мужъ, милыя дѣти, большое знакомство, благотворительныя учрежденія, обширная переписка...

— Но, докторъ!—воскликнула совѣтница:—увѣряю васъ...

— Простите, пожалуйста!—все тѣмъ же холоднымъ тономъ перебилъ онъ ее.—Намъ нужно только бросить бѣглый взглядъ на оборотную сторону медали. Въ городѣ, которому по справедливости молва пророчитъ въ грядущіе вѣка міровое значеніе, живетъ другая дама. Я не могу даже сравнить ее съ первой; скажу только, что она лучше, нежели ее считаютъ вообще. Считаютъ же ее *ловцомъ* мужчинъ; чѣмъ она подала къ этому поводъ, я не знаю, но только можно думать, что на эту мысль навела ея прическа и нарядъ, которые совсѣмъ не тѣ, какія принято носить въ этомъ городкѣ. Какъ бы то ни было, это еще не поводъ для мо-

лодого врача отвергнуть дружбу, которую эта, вторая, дама ему предлагаетъ, не поводъ отказаться отъ пріятныхъ часовъ, которыми она даритъ бѣднаго бездомнаго холостяка за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ... и все это на томъ лишь основаніи, что та, первая дама, пожалуй, побоится довѣрить дочь свою его попеченіямъ и почемъ знать? можетъ быть, даже окончательно лишитъ его своего довѣрія, чѣмъ и подастъ сигналъ всей будущей *столицѣ міра* доканать его!.. Простите!..

— Докторъ!.. Любезный, докторъ!

Арно слышалъ эти слова лишь себѣ въ догонку. Подхвативъ свою шляпу съ ковра, онъ откланялся натянутымъ поклономъ и вышелъ большими шагами изъ гостиной.

— Ну, отличилась я, нечего сказать!—пролепетала совѣтница Моорбекъ, опускаясь въ кресло.

— Ну, и сдѣлалъ же я глупость, нечего сказать!—проговорилъ Арно, затворяя за собой входную дверь.

Съ какой стороны онъ ни взгляни, это вышло рѣшительно глупо! Какъ онъ могъ осмѣлиться (въ его-то положеніи!) вышучивать благосклонность, которую проявляла по отношенію къ нему милѣйшая и вліятельнѣйшая изъ представительницъ Узелина? Докторъ сразу пріобрѣлъ въ число своихъ паціентовъ съ полдюжины главныхъ семействъ города Узелина, какъ только г-жа совѣтница Моорбекъ пригласила его—а не старика, окружного доктора, Ганнемана—своимъ годовымъ врачомъ. Сверхъ того, главнымъ образомъ посредничеству совѣтницы онъ былъ исключительно обязанъ своимъ назначеніемъ на мѣсто старшаго врача въ больницѣ, которую подарилъ городу коммерціи совѣтникъ. Испортить свои отношенія къ Моорбекамъ значило все равно, что лишить себя самыхъ обильныхъ источниковъ дохода,—и кому въ угоду? Единственно своей гордынѣ, которая не допускала, чтобы вмѣшивались въ его дѣла другіе, хотя бы самымъ нѣжнымъ и ласковымъ образомъ, и даже вполнѣ по праву. Развѣ совѣтница была съ нимъ неделикатна? Развѣ она не была тысячу разъ права? Развѣ онъ не самъ навлекъ на себя порицаніе своими почти всѣмъ извѣстными отношеніями къ Лорѣ Зибольдъ? Можно ли было ставить въ укоръ матери, что она не хотѣла дать ему прикоснуться къ ея невинному ребенку, ему,—любовнику Лоры?

Хоть бы то ему было извиненіемъ, что его любовь искренна? Но любилъ ли онъ когда Лору и вообще былъ ли когда-нибудь между ними душевный союзъ? Развѣ съ самаго начала ея невоспитанность, ея духовная и нравственная ограни-

ченность не были для него предметами насмѣшки? Развѣ ихъ отношенія имѣли иную подкладку, а не заурядную чувственность, обаяніе которой ужъ давно для него не существуетъ? На этотъ счетъ его достаточно могъ просвѣтить послѣдній вечеръ передъ его поѣздкой въ Недуръ; самъ же онъ ушелъ отъ Лоры съ намѣреніемъ никогда больше къ ней въ домъ не возвращаться.

Три дня подъ-рядъ Арно оставался вѣренъ своему намѣренію, и въ теченіе ихъ каждый часъ поджидалъ записки отъ совѣтницы, которою она приглашала бы его опять къ себѣ. Онъ приходилъ въ раздраженіе, что эта записка не являлась; его это тѣмъ болѣе сердило, что онъ готовъ былъ въ нее влюбиться, или уже влюбился; сердился и на Лору, которая за эти три дня прислала ему уже шестое письмо. Онъ увидѣлъ это письмо въ сумерки, когда только вернулся домой, и, не читая, разорвалъ и бросилъ въ корзинку.

Вдругъ къ нему постучались.

Такой точно же стукъ, и какъ разъ въ сумерки, онъ слышалъ уже не впервые.

А. Б—г—

ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОММА.

Слѣдить вдвоемъ, куда струей звенящей
Бѣжитъ ручей;
Любуясь тучкой, по̀ небу скользящей,
Слѣдить за ней;
Смотрѣть, какъ дымъ мѣняетъ очертанья,
Какъ вьется онъ;
Впивать въ себя цвѣтовъ благоуханье
Сквозь легкій сонъ;
Плодомъ, гдѣ пчелы вьются, восхищаться,
Его сорвать;
Въ дубравѣ пѣньемъ пташки наслаждаться, —
И замирать;
Подслушать шопотъ волнъ съ плакучей ивой;
Не замѣчать,
Какъ мчится время въ грезѣ той счастливой, —
И все мечтать;
Не знать иныхъ страстей, иныхъ стремленій, —
А лишь любить;
Не знать докучныхъ жизненныхъ волненій, —
Ихъ позабыть;
Не знать тоски, а счастію отдаться
И жить однимъ;
Хоть вянетъ все, любовью наслаждаться —
И не завять самимъ!..

И. Тхоржевскій.

ГЕРМАННЪ ГЕТТНЕРЪ

Біографія нѣмецкаго ученаго.

Русскимъ читателямъ довольно извѣстно имя Геттнера, какъ автора „Исторіи литературы XVIII-го вѣка“, которая, впрочемъ, переведена на русскій языкъ пока еще только на половину. Первый томъ нѣмецкой книги вышелъ въ свѣтъ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ и сочиненіе закончено было въ шестой книгѣ, въ 1870 г. Съ тѣхъ поръ сочиненіе Геттнера имѣло въ Германіи обширный успѣхъ, такъ что въ послѣдніе годы многотомная книга дошла уже до пятаго изданія,—успѣхъ рѣдкій, который показываетъ, въ какой мѣрѣ писатель успѣлъ привлечь читателя своимъ изложеніемъ великой исторической эпохи. Должно сказать, впрочемъ, что такова была и цѣль автора. Вооруженный, какъ свойственно нѣмецкому ученому, обширной эрудиціей, Геттнеръ въ этомъ главномъ своемъ трудѣ, какъ и вообще въ своихъ сочиненіяхъ, не хотѣлъ быть, однако, такимъ спеціалистомъ, который обращается только къ немногимъ собратамъ по ученому кабинету: онъ хотѣлъ обращаться къ обширному кругу образованнаго общества: самый литературный вопросъ онъ старался поставить съ тою широтой, какую онъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ въ жизни, объясняя тѣсную органическую связь поэзіи съ искусствомъ и съ стремленіями науки, наконецъ съ самою реальною жизнью, съ вопросами политическаго быта и народнаго хозяйства, съ нравственнымъ содержаніемъ общества, нравами и обычаями. Исторію литературы Геттнеръ понималъ не какъ исторію книгъ, а какъ исторію идей, и въ этомъ смыслѣ исторія литературы XVIII вѣка, гдѣ онъ говорилъ собственно объ Англіи, Франціи и Германіи,—была для него цѣльнымъ историческимъ цикломъ, состав-

ляющимъ преддверіе исторіи современной. Исторія XVIII вѣка, поставленная въ этомъ смыслѣ въ первый разъ, достигла дѣйствительно своей цѣли: она встрѣтила тѣхъ многочисленныхъ читателей, какихъ желалъ для нея авторъ. Въ этой области книга Геттнера остается до сихъ поръ лучшей цѣльной картиной литературы XVIII вѣка.

Если для пониманія крупнаго научнаго труда бываетъ важно познакомиться съ тою обстановкою жизни и школы, какая воспитала научнаго дѣятеля, то для русскаго читателя въ данномъ случаѣ подобная біографія можетъ имѣть и другой интересъ: она можетъ познакомить, на одномъ изъ множества подобныхъ примѣровъ, съ самымъ складомъ нѣмецкой жизни, нѣмецкой школы и, наконецъ, съ историческимъ состояніемъ нѣмецкаго общества, среди которыхъ возникали и созрѣвали научныя стремленія. Въ біографіи Геттнера есть, безъ сомнѣнія, много чисто личнаго, принадлежащаго свойствамъ его ума и дарованія, но есть и много типическаго, принадлежащаго нѣмецкой жизни и обычнымъ условіямъ и уровню нѣмецкой науки.

Біографія Геттнера подробно разсказана его друзьями и людьми, близко его знавшими; не вдаваясь въ подробности слишкомъ личныя и мѣстныя, мы приведемъ изъ нея черты, имѣющія упомянутый типическій характеръ [1]).

Германнъ-Юліусъ-Теодоръ Геттнеръ родился 12 марта 1821 г. въ Силезіи и былъ сыномъ довольно состоятельнаго помѣщика, который былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ и жилъ постоянно въ своемъ имѣніи. Первое свое обученіе онъ получилъ, какъ пишетъ біографъ, въ „деревенской школѣ", а когда ему было лѣтъ одиннадцать-двѣнадцать, онъ учился въ маленькой приготовительной школѣ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, которую велъ „многосторонне-образованный" деревенскій пасторъ, у котораго, кромѣ элементарныхъ предметовъ, мальчикъ сталъ учиться также, и весьма успѣшно, по-французски и по-латыни. Двѣнадцати лѣтъ

---

[1]) Укажемъ нѣсколько сочиненій, посвященныхъ этой біографіи:

— Hermann Hettner's Morgenroth, von Jac. Moleschott. Giessen, 1883.

— Hermann Hettner, von Bernhard Seuffert, въ „Archiv für Litteraturgeschichte, herausgegeben von Dr. Franz Schnorr von Carolsfeld. Bd. XII. Leipzig, 1884, стр. 1—25.

— Hermann Hettner. Ein Lebensbild von Adolf Stern. Mit einem Portrait. Leipzig, 1885.

— Любопытныя черты для біографіи Геттнера за время пребыванія его въ Гейдельбергѣ и Іенѣ находятся въ статьѣ: „Gottfried Keller in Heidelberg und Berlin (1848—1855). Nach den Briefen mitgetheilt von Jakob Baechtold", въ „Deutsche Rundschau", 1893—1894, т. 77, 78.

онъ перешелъ въ гимназію въ сосѣднемъ городкѣ Гиршбергѣ— въ прекрасной мѣстности у подножья Исполиновыхъ горъ. Эта гимназія въ захолустной мѣстности была, однако, ведена очень хорошо и во главѣ ея стоялъ „превосходный филологъ". Ученье шло весьма успѣшно; юный гимназистъ мало интересовался математикой и естественной исторіей, но за то тѣмъ больше былъ преданъ предметамъ историческимъ и филологіи. Біографъ отмѣчаетъ, что когда ученику было едва четырнадцать лѣтъ, „въ кругу его учителей мало-по-малу распространялось радостное убѣжденіе, что Геттнеръ нѣкогда съ великимъ успѣхомъ будетъ принадлежать наукѣ". Онъ, безъ сомнѣнія, отличался большой талантливостью; но въ вопросѣ школы любопытно то, что уже на этихъ первыхъ шагахъ она доставляла наилучшія образовательныя средства. Директоръ Линге „былъ однимъ изъ тѣхъ умныхъ, многостороннихъ и однако основательныхъ филологовъ, какіе отъ второго до четвертаго десятилѣтія нашего вѣка дѣйствовали почти въ каждой нѣмецкой гимназіи"; „его преподаваніе должно было быть (судя по результатамъ) въ высшей степени привлекательнымъ и возбуждающимъ; онъ въ особенности умѣлъ ввести своихъ учениковъ въ *духъ греческой поэзіи* и Геттнеръ еще въ самые поздніе годы съ одушевленіемъ вспоминалъ объ его объясненіяхъ Гомера и Софокла". Одинъ изъ учителей, Шубертъ,—говоритъ дальше біографъ,—„былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ раннихъ объяснителей Гёте въ Германіи, одинъ изъ первыхъ, которые съ полной преданностью генію поэта обнаруживали глубокое пониманіе его произведеній и особенно величайшаго изъ нихъ—Фауста". Предметами его преподаванія были исторія, географія, нѣмецкій языкъ и литература и, наконецъ, „философская пропедевтика", которая читалась въ старшемъ классѣ. Между прочимъ, онъ поощрялъ своего даровитаго ученика къ занятіямъ нѣмецкими поэтами, въ особенности къ изученію Гёте, и самъ ученикъ дѣлалъ тогда поэтическіе опыты, гдѣ его образцами были Маттисонъ и Рюкертъ, Кёрнеръ и Уландъ.

Независимо отъ того, что этотъ ученикъ отличался особеннымъ дарованіемъ, изъ сказаннаго можно видѣть, что очень высоко былъ поставленъ самый уровень преподаванія, что гимназія умѣла сообщать значительныя познанія, что она уже на этой ступени преподаванія способна была вводить своихъ питомцевъ въ общіе и идеальные вопросы древней и новой литературы и отвѣчала тѣмъ порывамъ идеализма, которые такъ свойственны юношеству. Не мудрено, что еще въ гимназіи составился кружокъ друзей съ этими идеалистическими стремленіями, въ которыхъ было, конечно,

еще много незрѣлаго, но въ которыхъ было зерно дальнѣйшей здоровой и сознательной дѣятельности. Вступая въ жизнь, такому юношѣ не приходилось сожалѣть о томъ, что много времени было потрачено имъ на вещи, которыя тотчасъ оказывались для него безполезными; напротивъ, школа именно доставляла ему основу, которую потомъ университетъ развивалъ въ томъ же направленіи, только расширяя объемъ и горизонтъ знанія. И другія условія нѣмецкой жизни помогали этому здоровому развитію юношескаго ума. Лѣтомъ совершались столь обычныя въ Германіи Ferienreisen, каникулярныя путешествія, которыя не ограничивались ближайшею окрестностью. Лѣтомъ 1836 г., Геттнеръ сдѣлалъ такое путешествіе до Дрездена, которому принадлежали потомъ долгіе годы его дѣятельности въ области искусства, и гдѣ теперь онъ въ первый разъ воспринялъ страстный интересъ къ искусству въ знаменитой картинной галереѣ. Молодежь мечтала уже о будущемъ студенчествѣ и въ 1837 г. Геттнеръ съ двумя изъ своихъ друзей предприняли болѣе далекое странствованіе. На первый разъ цѣлью его была Прага и курорты Богеміи, но затѣмъ планъ расширился и друзья отправились въ Вѣну. Путешествіе совершалось пѣшкомъ, но иногда они пользовались крестьянской фурой, Rollwagen, которая, по словамъ біографа, представляла собою „орудіе пытки добрыхъ старыхъ временъ": такъ они доѣхали до Брюнна, затѣмъ частью пѣшкомъ, частью на крестьянскихъ фурахъ добрались до Вѣны. Здѣсь, какъ и въ Прагѣ, они пересмотрѣли, конечно, всѣ достопримѣчательности, церкви, дворцы, галереи, театры и т. д. Біографъ замѣчаетъ, что уже въ это время Геттнеръ почувствовалъ, что едва-ли онъ будетъ въ состояніи удовлетворить желаніямъ отца, который хотѣлъ сдѣлать изъ него юриста,—потому что Дрезденъ, Прага и Вѣна внушили ему стремленіе къ изученію искусства. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ.

Скоро предстояло покинуть гимназію. О степени его гимназическихъ знаній можно судить по тому, что въ концѣ курса онъ держалъ въ гимназіи двѣ рѣчи: одна была на англійскомъ языкѣ—объ употребленіи греческой миѳологіи въ новѣйшей поэзіи, другая на латинскомъ—о заслугахъ Лютера для нѣмецкаго языка. Въ октябрѣ 1838 г. онъ сталъ студентомъ берлинскаго университета по философскому факультету.

Это было еще въ послѣдніе годы короля Фридриха Вильгельма III. Геттнеръ пробылъ въ Берлинѣ пять семестровъ, до весны 1841 г., когда въ нѣмецкой жизни и между прочимъ академи-

ческой наступилъ поворотъ со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV.

Геттнеръ вступалъ въ университетъ съ намѣреніемъ посвятить себя спеціально изученію философіи. Извѣстно то абсолютное господство философіи въ нѣмецкихъ университетахъ, которое составило цѣлый періодъ въ исторіи науки. Со временъ Гегеля это продолжалось и теперь, и университетскіе годы Геттнера совпадали, во-первыхъ, съ полнымъ разгаромъ развитія Гегелевской системы, въ которой начиналось раздвоеніе, и, во-вторыхъ, съ новымъ поворотомъ въ ея внѣшнемъ положеніи: когда прежде, въ рукахъ самого Гегеля и ближайшихъ учениковъ, она становилась какъ бы государственной философіей, теперь, въ ея новомъ фазисѣ, она стала больше и больше возбуждать недовѣріе въ правительственныхъ сферахъ. Въ берлинскомъ университетѣ Геттнеръ тотчасъ сталъ ревностнымъ слушателемъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ, какихъ имѣлъ философскій факультетъ. Философы Гегелевской школы стояли, конечно, на первомъ планѣ. Геттнеръ слушалъ у Габлера „философскія институціи" и „критику сознанія", у Мишелета психологію и „исторію послѣднихъ философскихъ системъ въ Германіи", у Вердера логику и у Гото эстетику; при этомъ онъ работалъ самостоятельно и углублялся въ задачи, развиваемыя гегеліанцами. „Могущественная система Гегеля,—говоритъ біографъ,—и выработка ея значительнѣйшими учениками великаго прусскаго оффиціальнаго философа въ это время были еще мало оспариваемы; необыкновенное значеніе, которое наука объ абсолютѣ пріобрѣла для всей нѣмецкой умственной жизни и для университетовъ, должно было побуждать именно самыхъ ревностныхъ и даровитыхъ питомцевъ принять сколько возможно участіе въ дальнѣйшемъ развитіи этой системы. Собственно говоря, старшіе ученики Гегеля питали глубокое убѣжденіе, что дальнѣйшее развитіе системы въ сущности невозможно. Но уже именно въ это время (1837), такъ называемая лѣвая сторона гегеліанцевъ задумала въ журналѣ „Hallische Jahrbücher", который основанъ былъ Арнольдомъ Руге и Эхтермейеромъ, предпринять это дальнѣйшее развитіе, и именно въ религіозно-философской и историко-политической области достигнуть совершенно новыхъ примѣненій системы". Молодой берлинскій студентъ былъ самымъ ревностнымъ читателемъ этого журнала, и его критика, повидимому, производила на него болѣе сильное вліяніе, чѣмъ лекціи профессоровъ: у Геттнера, повидимому, появлялось уже легкое чувство недовольства противъ чистой абстракціи; во всякомъ случаѣ онъ не раздѣлялъ высокомѣрнаго презрѣнія строгихъ

гегеліанцевъ къ конкретнымъ явленіямъ. Философія оставалась еще для него важнѣйшимъ предметомъ изученія, но рядомъ съ этимъ для него сохраняли свой интересъ его давнія историческія и филологическія изученія. Берлинскій университетъ и въ этомъ отношеніи представлялъ великія научныя силы: Геттнеръ слушалъ здѣсь исторію греческой литературы и филологическую энциклопедію у знаменитаго Бёка, исторію среднихъ вѣковъ и нѣмецкую исторію у Ранке, лекціи о Демосѳенѣ у Дройзена. Геттнеръ высоко цѣнилъ вліяніе въ особенности Бёка и Ранке на свое образованіе и въ концѣ концовъ они рѣшили то направленіе, какое приняли труды Геттнера въ сороковыхъ годахъ.

Не удивительно, что при этомъ сочувствіи къ лѣвой сторонѣ гегеліанства молодой студентъ увлекался и тѣми зачатками политическаго движенія, какіе все сильнѣе разростались въ образованныхъ кругахъ нѣмецкаго общества въ теченіе сороковыхъ годовъ; біографъ замѣчаетъ однако, что эти политическія увлеченія умѣрялись его разносторонними интересами, между прочимъ къ поэтической литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его влекло къ болѣе оживленному обществу, влекло къ красотамъ природы, и въ 1841 году онъ переселился въ Гейдельбергъ, который съ первыхъ шаговъ произвелъ на него чарующее впечатлѣніе. Въ его семьѣ подозрѣвали, что Гейдельбергъ манилъ его не своимъ научнымъ содержаніемъ, а скорѣе бо̀льшимъ оживленіемъ академической жизни, большею свободою студенческаго быта,—и это было справедливо, потому что Геттнеръ тотчасъ вступилъ въ корпо̀рацію и принялъ участіе въ ея обычаяхъ, попойкахъ, дуэляхъ и т. п.; но съ другой стороны онъ слишкомъ дорожилъ своими научными интересами, и въ Гейдельбергѣ опять встрѣтилъ руководителей, которымъ былъ не мало обязанъ въ своемъ научномъ развитіи и въ своемъ міровоззрѣніи. Здѣсь читалъ еще знаменитый нѣкогда Крейцеръ, къ которому онъ умѣлъ уже относиться критически; но въ особенности внушилъ ему великое уваженіе Шлоссеръ, съ которымъ онъ впослѣдствіи сблизился тѣснымъ дружескимъ образомъ. Изъ Берлина продолжались тѣ Ferienreisen, какія онъ началъ еще въ гимназіи, и еще шире онъ предпринималъ эти каникулярныя путешествія изъ Гейдельберга. Однажды онъ сдѣлалъ путешествіе на сѣверъ по Рейну, въ другой разъ на югъ въ Швейцарію и въ сѣверную Италію до Венеціи и затѣмъ до Мюнхена. Понятно, что на юношу, который уже раньше чувствовалъ влеченіе къ изученію искусства, Венеція произвела очень сильное впечатлѣніе своими художественными сокровищами, которыми тогда она была еще богаче, чѣмъ теперь, и въ результатѣ

путешествія онъ рѣшилъ заняться исторіей новѣйшаго искусства. Въ Гейдельбергѣ онъ не могъ, конечно, найти самыхъ памятниковъ этого искусства, но онъ имѣлъ всю возможность изучать здѣсь литературу предмета.

Въ 1842 году онъ покинулъ Гейдельбергъ. Онъ окончательно рѣшилъ вступить на ученое поприще и повидимому думалъ пріобрѣсти ученую степень въ прусскомъ университетѣ, и, быть можетъ также, отецъ желалъ вывести его изъ шумной студенческой обстановки въ Гейдельбергѣ. Полагалось выбрать для дальнѣйшаго пребыванія Галле или Бреславль; въ послѣднемъ онъ встати могъ удобно отбыть свою воинскую повинность. Такъ или иначе, онъ поселился на первый разъ въ Галле, гдѣ опять встрѣтилъ въ ученой коллегіи гегелевскую школу и слушалъ здѣсь философію религіи у Шаллера, философію политики у Гинрихса, лекціи о Спинозѣ у Эрдманна. Въ концѣ концовъ онъ сдалъ въ Галле свой экзаменъ на докторство философіи съ латинской диссертаціей объ Аристотелевой логикѣ (Галле, 1843); затѣмъ провелъ нѣкоторое время въ Бреславлѣ, гдѣ отбываніе воинской повинности заняло лишь нѣсколько недѣль: его нашли неспособнымъ къ военной службѣ, хотя біографъ разсказываетъ, что въ корпораціи въ Гейдельбергѣ онъ былъ настоящій буршъ и tüchtiger Schläger.

Въ это время полагались основы его будущей ученой дѣятельности. Съ одной стороны онъ впервые вмѣшивается въ философскую борьбу того времени: въ одномъ философскомъ журналѣ, Wiegand's Vierteljahrschrift, который былъ одною изъ многихъ попытокъ продолжать запрещенныя передъ тѣмъ Hallische Jahrbücher, онъ выступилъ на защиту антропологіи Людвига Фейербаха въ опроверженіе его „неконсеквентныхъ" противниковъ. При этомъ оказалось, что его убѣжденія окончательно клонятся къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, что̀ въ тогдашнемъ положеніи вещей было не вполнѣ благопріятно для его ученой карьеры. Геттнеръ, отецъ, посвященный сыномъ въ тогдашнее положеніе философскихъ вещей, сталъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ему удалось устроиться въ какомъ-либо прусскомъ университетѣ (Геттнеръ думалъ въ первое время о приватъ-доцентурѣ въ Боннѣ), потому что прусскія политическія и церковныя власти относились весьма враждебно къ лѣвому гегеліанству,—и Геттнеръ дѣйствительно теперь уже думалъ устроить свою ученую дѣятельность въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ; въ данномъ случаѣ такимъ „заграничнымъ" университетомъ предполагался Гейдельбергъ. Съ другой стороны, Геттнеръ возъимѣлъ теперь планъ, который

оказалъ рѣшающее вліяніе на всю его дальнѣйшую ученую и личную жизнь. Это былъ планъ путешествія въ Италію.

Мы упоминали не разъ, какъ съ давняго времени, отъ ранняго юношества до университета, его привлекало историческое изученіе искусства. Кромѣ непосредственнаго впечатлѣнія памятниковъ, какое онъ испытывалъ въ Прагѣ, въ Вѣнѣ, въ Венеціи, въ Мюнхенѣ, его влеченія къ изученію искусства усиливались теперь теоретическими соображеніями. Въ университетѣ его въ особенности занимали вопросы эстетики, и хотя въ своей докторской диссертаціи онъ былъ еще добрымъ гегеліанцемъ, но въ немъ уже начала колебаться увѣренность въ достаточности спекулятивнаго метода; наклонность къ лѣвой сторонѣ гегеліанства была свидѣтельствомъ сомнѣнія въ гегеліанскомъ правовѣріи; во время пребыванія въ Бреславлѣ онъ изучалъ исторію искусства и исторію литературы, и въ концѣ концовъ то, что̀ должно было служить только пособіемъ для рѣшенія теоретическихъ вопросовъ, стало самою цѣлью. Онъ началъ сознавать, что чисто спекулятивная эстетика, какую онъ изучалъ до сихъ поръ, односторонне ставитъ самую сущность искусства, не давая должнаго мѣста всей полнотѣ личнаго творчества; онъ убѣждался, что пониманіе искусства невозможно безъ обширнаго изученія памятниковъ, и необходимое условіе для этого есть исторія искусства. Въ апрѣлѣ 1844 года Геттнеръ писалъ одному изъ гейдельбергскихъ друзей о своихъ ученыхъ планахъ; мечтая объ университетскомъ поприщѣ, на первый разъ о приватъ-доцентурѣ, онъ хотѣлъ исполнить это дѣло съ честію: „изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ меня кромѣ философіи религіи въ особенности привлекла теорія искусства и его исторія; чѣмъ больше я входилъ въ послѣднее время въ это изученіе, тѣмъ больше я убѣждался, что безъ основательнаго личнаго изученія могущественныхъ созданій древняго искусства едва ли можетъ идти рѣчь о настоящемъ пониманіи сущности искусства. Поэтому во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалось стремленіе къ вѣчной родинѣ всей художественной жизни, Италіи“. Онъ былъ счастливъ, что его отецъ понялъ его стремленія и далъ ему возможность сдѣлать желанное путешествіе. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ употребилъ на приготовленія къ этому путешествію, углубился въ литературу по археологіи и исторіи искусства, изучалъ итальянскій языкъ и въ концѣ іюля 1844 отправился въ путь. Онъ предполагалъ пробыть въ Италіи годъ; но путешествіе затянулось на цѣлыхъ три года.

Изъ своей Силезіи онъ направился на Вѣну и здѣсь кромѣ произведеній искусства онъ обратилъ особенное вниманіе на вѣн-

скіе сады, при чемъ ему удалось встрѣтить опытнаго практическаго руководителя; а именно, онъ хотѣлъ опредѣлить отношеніе ландшафтнаго садоводства къ ландшафтной живописи, — и это опять было выраженіемъ зародившихся сомнѣній въ томъ, правильно ли эстетика Гегеля опредѣляла отношеніе красоты природной и красоты художественной. Въ Венеціи онъ пробылъ не долго, потому что спѣшилъ въ Римъ. Въ то время въ Италіи путешествовали въ дилижансахъ и съ веттуринами, путешествіе было медленно и не весьма удобно, но за то получалось гораздо больше впечатлѣній и отъ пейзажа, и отъ самой жизни и людей. Италія произвела на Геттнера чрезвычайно сильное впечатлѣніе красотами природы, историческими воспоминаніями и богатствами памятниковъ искусства. Онъ прибылъ въ Римъ въ началѣ октября.

Здѣсь опять мы видимъ примѣръ того, какія богатыя образовательныя средства могла доставить нѣмецкая наука для начинающаго ученаго, который вступалъ въ ея область. Въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Галле, Геттнеръ могъ учиться у величайшихъ свѣтилъ тогдашней нѣмецкой науки; отраженія этой науки онъ нашелъ и въ Римѣ, когда впервые приступалъ къ непосредственнымъ изученіямъ археологіи и исторіи искусства. Въ первые же дни онъ встрѣтился и сдружился съ молодымъ нѣмецкимъ археологомъ Брунномъ, который уже давно жилъ въ Римѣ, и познакомился съ другимъ нѣмецкимъ ученымъ, Гизебрехтомъ, столь извѣстнымъ впослѣдствіи историкомъ старой нѣмецкой имперіи. Первое знакомство съ достопримѣчательностями Рима, хотя и при такомъ опытномъ руководствѣ, какое давали ему обширныя познанія Брунна, убѣдило Геттнера, что этотъ новый міръ, открывавшійся передъ нимъ, требуетъ долгаго и внимательнаго изученія, чтобы могло быть достигнуто сознательное усвоеніе его содержанія. Уже теперь онъ рѣшилъ, что ему необходимо остаться въ Италіи дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Условія для изученія, какъ мы сказали, были очень благопріятны. Кромѣ художниковъ, онъ нашелъ въ Римѣ цѣлый кружокъ молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, большею частію историковъ и археологовъ, которые сосредоточивались около нѣмецкаго археологическаго института въ Римѣ. Понятно, что въ этомъ кругу въ особенности занимались классическою древностью. Геттнеръ не остался чуждъ этимъ интересамъ и принялъ участіе въ „Анналахъ“ нѣмецкаго археологическаго института, издававшихся на итальянскомъ языкѣ; но его гораздо болѣе привлекало средневѣковое и современное искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвращался къ

общему вопросу эстетики, въ пониманіи которой онъ уже начиналъ расходиться съ господствующими мнѣніями, и въ томъ же журналѣ Виганда онъ написалъ въ это время статью: „Противъ умозрительной эстетики".

Въ Римѣ,—говоритъ біографъ,—Геттнеръ „нашелъ кружокъ товарищей съ одинаковыми стремленіями и переживалъ съ ними во второй разъ академическое время, котораго прелесть существенно возвышалась грандіозной обстановкой и богатыми надеждами личнаго труда въ сочувственномъ кругу". „Римъ имѣетъ то пріятное,—писалъ тогда Геттнеръ своимъ роднымъ,—что тамъ собственно никогда нельзя быть празднымъ. Въ то время какъ въ Германіи прогулки бываютъ обыкновенно потеряны для работы и работа ограничивается только кабинетомъ, здѣсь она происходитъ собственно только на улицѣ и въ музеяхъ и церквахъ. На каждомъ выходѣ изъ дому находишь драгоцѣнныя произведенія искусства и памятники, которые призываютъ къ наблюденію и наслажденію, такъ что мнѣ приходится постоянно бѣгать и я только утро и вечеръ могу употребить для подготовки. Но этому вѣчному странствованію чрезвычайно благопріятствуетъ удивительно прекрасная погода" (писано въ концѣ ноября 1844). Кромѣ упомянутаго Брунна, онъ имѣлъ еще ученыхъ друзей во Фридлендерѣ и Моммсенѣ: „Это—достойные, любезные люди,—писалъ онъ домой,—основательно образованные, изъ бесѣдъ съ которыми я также извлекаю много удовольствія и пользы. Такъ какъ мы всегда вмѣстѣ разсматриваемъ произведенія искусства, вмѣстѣ о нихъ размышляемъ и обсуждаемъ, то этимъ самымъ мы въ значительной степени возбуждаемъ другъ друга и помогаемъ одинъ другому. Вообще одно изъ величайшихъ преимуществъ, какими я здѣсь пользуюсь, состоитъ въ томъ, что я постоянно живу въ возбужденіи, въ средѣ людей одинаковыхъ со мною стремленій. Если прибавить еще, что ни одинъ городъ не представляетъ въ такой степени, какъ Римъ, встрѣчъ и сближенія съ значительными иностранцами и путешественниками, то вы можете легко представить, въ какой возбужденной и разнообразной жизни я нахожусь"... „Я живу и движусь въ искусствѣ,—продолжаетъ онъ,—и знаю, что здѣсь для моей дѣятельности открыто прекрасное и богатое поле. Это—поле, на которомъ я не приду въ разладъ съ государствомъ, и гдѣ я при истинномъ стремленіи,—а я сознаю его въ себѣ,—могу ждать и хорошей внѣшней карьеры, и удовлетворяющаго внутренняго признанія". Этотъ разладъ съ государствомъ относится къ упомянутому выше преслѣдованію лѣваго гегеліанства со стороны прус-

скаго правительства. „Задачей слѣдующихъ лѣтъ моей работы я считаю выработку эстетики. Такъ какъ мои прежнія философскія изученія привели меня къ такой точкѣ зрѣнія, съ которой я считаю необходимымъ иначе опредѣлять сущность этой науки, чѣмъ это сдѣлано у Гегеля, то я задумываю теперь выработать основу, введеніе къ моей позднѣйшей работѣ, и когда оно будетъ окончено, напечатать подъ заглавіемъ „Къ реформѣ эстетики", или въ видѣ рецензіи вышедшей недавно книги профессора Фишера въ Тюбингенѣ. Мнѣ хочется наконецъ привести въ порядокъ всѣ тѣ идеи, которыя съ моего вступленія въ Италію волновались въ моей головѣ, и установить почву и исходный пунктъ для будущей дѣятельности". Названный выше Теодоръ Моммсенъ былъ знаменитый теперь историкъ древняго Рима.

Когда въ началѣ апрѣля въ 1845 Геттнеръ отправился изъ Рима въ Неаполь и затѣмъ въ Сицилію, его и тамъ сопровождала эта возбуждающая среда въ дружескомъ общеніи съ представителями нѣмецкой науки и поэзіи. Въ Неаполѣ, кромѣ знакомствъ съ итальянцами, онъ встрѣтилъ опять и молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ и между ними знакомаго уже раньше Моммсена; но самымъ значительнымъ изъ новыхъ знакомцевъ былъ извѣстный поэтъ Фридрихъ Геббель, жившій тогда въ Италіи на датскую стипендію. „Демоническая личность поэта,—говоритъ біографъ,—привлекала молодого ученаго тѣмъ неодолимѣе, что Геббель былъ вовсе не чуждъ тѣмъ эстетическимъ вопросамъ, съ которыми носился Геттнеръ. Письма Геттнера къ его римскому другу Брунну свидѣтельствуютъ о томъ сильномъ вліяніи, какое оказалъ за это время авторъ „Маріи Магдалины" на его сужденія и воззрѣнія". Въ послѣдніе годы Геттнеръ исключительно отдавался историко-художественнымъ изученіямъ и Геббель пробудилъ въ немъ снова интересъ къ поэтическимъ вопросамъ. Впослѣдствіи Геттнеръ говорилъ объ этой встрѣчѣ въ замѣткѣ, сообщенной имъ для біографіи Геббеля: „Я былъ тогда молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, у котораго школьная мудрость заученной гегелевой философіи была спутана свѣжими впечатлѣніями итальянскихъ произведеній искусства, который носилъ въ себѣ тысячу вопросовъ, требующихъ рѣшенія, не всегда находя для нихъ тотчасъ достаточнаго рѣшенія въ собственномъ мышленіи, и потому я съ удвоеннымъ интересомъ слушалъ отвѣты Геббеля, который въ нѣсколько иной формѣ пережилъ въ себѣ тотъ же процессъ и передъ моими колебаніями являлся съ готовымъ убѣжденіемъ. Я сознавалъ ясно, что былъ обязанъ ему безконечно много. Въ нашихъ кружкахъ главную роль игралъ тогда

Моммсенъ, но только издали, такъ какъ онъ оставался въ Неаполѣ не долго и, хотя въ своей юности онъ самъ былъ поэтомъ, былъ чуждъ поэтическимъ и художественнымъ вопросамъ".

Быть можетъ еще болѣе сильное вліяніе имѣлъ на Геттнера другой ученый соотечественникъ—Адольфъ Штаръ, съ которымъ онъ встрѣтился также въ Неаполѣ. Это былъ человѣкъ старшаго поколѣнія (1805—1876 г.), многосторонній ученый, имѣвшій свои большія заслуги по изученію классической древности, литературной и художественной, вмѣстѣ съ тѣмъ близко принимавшій къ сердцу тревожные вопросы времени, только-что передъ тѣмъ ревностный сотрудникъ Hallische Jahrbücher, наконецъ художественный теоретикъ и критикъ. Геттнеръ,—разсказываетъ біографъ,—„тотчасъ познакомился съ этимъ умнымъ, разносторонне образованнымъ человѣкомъ, который былъ тогда сильно возбужденъ борьбою, совершавшейся въ нѣмецкой политической и литературной жизни, и до такой степени къ нему привязался, что это повредило его отношеніямъ къ Геббелю, Моммсену и нѣкоторымъ другимъ знакомымъ. Рядомъ съ блестящими достоинствами Штаръ отличался той раздражительной ревностью, которая дѣлала невозможными отношенія къ людямъ, хотя съ тѣми же интересами, но съ другими воззрѣніями. Онъ предпринялъ путешествіе въ Италію для своего здоровья, и это путешествіе возбудило его къ новой жизни и къ новой повышенной дѣятельности". Результатомъ этого пребыванія въ Италіи была одна изъ извѣстнѣйшихъ книгъ Адольфа Штара, „Ein Jahr in Italien". Къ молодому ученому онъ относился съ большимъ сочувствіемъ, но Геттнеру пришлось испытать на себѣ послѣдствія крайней нетерпимости Штара, такъ какъ это привело его къ столкновеніямъ съ противниками его новаго друга, и біографъ высказываетъ кромѣ того сожалѣніе, что Штаръ снова пробудилъ въ Геттнерѣ наклонность къ „тенденціозной литературѣ" того времени.

Изъ Неаполя онъ сдѣлалъ въ маѣ путешествіе въ Сицилію. Онъ отправился туда опять въ компаніи съ двумя молодыми учеными, изъ которыхъ одинъ, Фридлендеръ, бывалъ уже раньше въ Сициліи. Здѣсь способъ путешествія былъ уже совершенно первобытный. „Здѣсь совсѣмъ нѣтъ правильныхъ дорогъ и только въ большихъ городахъ есть гостинницы,—писалъ онъ домой.— Вслѣдствіе сильной жары и за отсутствіемъ мостовъ нельзя было и думать о путешествіи пѣшкомъ; за недостаткомъ дорогъ и экипажей единственнымъ возможнымъ способомъ путешествія остается мулъ. И такъ какъ по дорогѣ мало гостинницъ и по большей

части онѣ плохи, то путешественникъ долженъ всю провизію брать съ собой. Такимъ образомъ наше путешествіе выходитъ очень оригинально. Мы составляемъ настоящій караванъ. Впереди ѣдетъ проводникъ Джіованни Фелечіа, за нимъ слѣдуемъ мы трое на неповоротливыхъ мулахъ, затѣмъ слуга съ муломъ, который везетъ нашъ багажъ, и наконецъ слуга съ муломъ, который везетъ наилучшее, что мы имѣемъ, т.-е. нашу провизію" и т. д. Ихъ проводникъ оказался превосходнымъ поваромъ, который съ трогательной отеческой любовью заботился о путешественникахъ. Дорога была отвратительна, но трудъ путешествія вознаграждался поразительными картинами природы и археологическимъ опытомъ.

Изъ Неаполя Геттнеръ сообщалъ свѣдѣнія и римскому другу Брунну, и прежде всего о своемъ сближеніи со Штаромъ. „Въ самомъ дѣлѣ, наши изученія, собственно говоря, общія. Штаръ и я имѣемъ общіе принципы, это взаимный обмѣнъ, мы помогаемъ другъ другу, потому что относительно формальной части образовательныхъ искусствъ я, благодаря твоимъ наставленіямъ, сильнѣе его, между тѣмъ какъ онъ умѣетъ очень проницательно выводить эстетическіе результаты. При его помощи я всего удобнѣе войду въ литературу предмета, что уже давно я поставилъ себѣ цѣлью. Такимъ образомъ на будущую зиму мы уже уговорились о многихъ работахъ, частію общихъ, частію самостоятельныхъ",— а именно они предполагали вдвоемъ перевести исторію Неаполя, Коллетта. Онъ опредѣлилъ теперь и свой взглядъ на археологію. „По моему мнѣнію, настоящая наука археологіи начинается только тамъ, гдѣ теперь большею частію археологи оканчиваютъ. Несмотря на великій примѣръ Винкельманна, итальянцы остались археологами. Яснѣе говоря, археологи останавливаются только на внѣшнемъ матеріалѣ. Они хотятъ знать, что здѣсь представлено. Это вѣрно и необходимо, столь необходимо, что нельзя понять, какъ давно уже не пришли къ мысли собрать легенды и исторіи святыхъ, составляющія сюжетъ итальянской живописи, т.-е. написать миѳологію христіанскаго искусства. Быть можетъ, я стану собирать для этого матеріалы. Но только дѣти успокоиваются на этомъ вопросѣ! И къ нимъ принадлежатъ итальянцы и итальянствующіе нѣмцы и французы, которые считаютъ за одно и то же объясненіе искусства и науку объ искусствѣ".

Но дружба съ Адольфомъ Штаромъ, какъ мы упоминали, отозвалась для Геттнера непріятными столкновеніями по возвращеніи въ Римъ. Штаръ привлекъ Геттнера къ сотрудничеству въ „Бременской газетѣ", которая стремилась тогда сдѣлаться для Гер-

маніи второй Allgemeine Zeitung, но въ ультра-либеральномъ смыслѣ. Политическія идеи Штара и вѣроятно также его отношеніе къ той внѣшней археологіи, о которой мы приводили слова Геттнера и которою въ особенности занимались въ нѣмецкомъ археологическомъ институтѣ, повели къ разрыву Штара съ главою этого института, Эмилемъ Брауномъ, и это отозвалось на Геттнерѣ, котораго называли „адъютантомъ Штара".

Между прочимъ онъ думалъ также и о своей будущей карьерѣ. Біографъ разсказываетъ: „Переписка, которую онъ велъ съ разными университетами о своемъ будущемъ устройствѣ, показала ему, что въ Пруссіи совсѣмъ не хотятъ гегеліанцевъ, даже на нейтральной почвѣ исторіи искусства и эстетики. Только въ Бреславлѣ представлялась нѣкоторая перспектива, но Геттнеру всего меньше хотѣлось отправляться именно въ столицу своей родной провинціи. Что было дѣлать историку искусства въ такомъ мѣстѣ, гдѣ студентъ не увидитъ ни одной картины, и гдѣ поэтому будетъ отсутствовать всякое побужденіе заниматься исторіей искусства"? Но послѣднее время жизни въ Италіи было поглощено и другими личными интересами и заботами. Онъ сблизился съ нѣмецкимъ семействомъ и увлекся дѣвушкой, которая стала потомъ его женой. Это была дочь одного лица, игравшаго значительную роль въ нѣмецкомъ дипломатическомъ кругу, и взаимная привязанность не устраняла трудностей брака, такъ какъ молодой ученый не имѣлъ пока никакого опредѣленнаго положенія, и отецъ, жившій въ Германіи, давалъ свое согласіе только тогда, когда Геттнеръ достигнетъ этого опредѣленнаго положенія и даже когда онъ заявитъ себя первымъ крупнымъ ученымъ трудомъ. Въ концѣ января 1847 Геттнеръ простился съ римскими друзьями, отправился моремъ на Марсель и черезъ Ліонъ и Страсбургъ прибылъ въ Гейдельбергъ; въ февралѣ успѣшно сдалъ свой коллоквіумъ, въ мартѣ пробную лекцію на заданную тему о древнѣйшихъ школахъ греческаго искусства, сдалъ публичный диспутъ и получилъ приватъ-доцентуру археологіи, эстетики и исторіи искусства въ философскомъ факультетѣ гейдельбергскаго университета. Онъ долженъ былъ начать лекціи въ лѣтнемъ семестрѣ того же года. Онъ побывалъ затѣмъ дома въ Силезіи и въ апрѣлѣ былъ снова въ Гейдельбергѣ: въ первомъ собраніи „кружка приватъ-доцентовъ" онъ перезнакомился съ своими будущими товарищами и въ особенности съ перваго раза сдружился съ однимъ изъ нихъ, который въ это же время получилъ приватъ-доцентуру. Это былъ столь извѣстный впослѣдствіи анатомъ и физіологъ Якобъ Молешоттъ; голландецъ родомъ, пито-

мецъ гейдельбергскаго университета въ первое время, потомъ врачъ, онъ былъ доцентомъ въ Гейдельбергѣ съ того же 1847 года до 1854; оставивъ каѳедру вслѣдствіе того, что министерство не одобряло его матеріалистическихъ воззрѣній, онъ былъ приглашенъ въ 1856 профессоромъ физіологіи въ Цюрихъ, въ 1861 въ Туринъ, въ 1876 онъ сдѣланъ былъ сенаторомъ итальянскаго королевства, а съ 1879 сталъ профессоромъ физіологіи въ римскомъ университетѣ. Тѣсная дружба съ Геттнеромъ (они были почти ровесники) опять является не безъинтересной чертой нѣмецкой научной жизни. Оба по своимъ общимъ воззрѣніямъ были питомцами той послѣ-гегелевской эпохи, когда чисто умозрительная философія переставала удовлетворять молодыя поколѣнія, когда въ этихъ поколѣніяхъ являлось стремленіе связать философію съ жизнью, и на мѣсто неосязаемыхъ отвлеченностей становилась съ одной стороны потребность вмѣшаться въ дѣйствительную жизнь, съ другой провѣрить умозрѣніе реальнымъ изученіемъ тѣхъ областей, въ которыхъ это умозрѣніе распоряжалось такъ повелительно. Мы видѣли, что Геттнеръ уже рано усумнился въ умозрительной эстетикѣ и приходилъ къ убѣжденію, что пониманіе искусства можетъ быть достигнуто только на почвѣ его исторіи. Безъ сомнѣнія, еще сильнѣе должны были чувствовать это недовольство люди изъ другой области науки—какъ естествознаніе. Извѣстно, что въ концѣ концовъ съ этой стороны, а также и со многихъ другихъ, умозрительная философія, наконецъ, совершенно потеряла кредитъ: требовалось исключительно только точное реальное знаніе въ области природы, и историческое изученіе въ области внѣшней судьбы человѣчества, литературы и искусства... Въ концѣ сороковыхъ годовъ споръ еще не былъ рѣшенъ, но эти новыя стремленія были уже очевидны: въ философскихъ вопросахъ, напр. въ вопросахъ нравственности, религіи, на мѣсто умозрѣнія ставилась антропологія; философскій анализъ направлялся на реальные вопросы жизни, вмѣшивался въ политику, въ опредѣленіе соціальныхъ отношеній общества и т. д.; прежній философскій консерватизмъ превращался въ политическій либерализмъ; чистое искусство, само себя удовлетворяющее, становилось тенденціозной поэзіей. Это былъ уже канунъ двухъ тревожныхъ годовъ, когда внутреннее броженіе нѣмецкаго общества высказалось наконецъ извѣстными революціонными волненіями.

Дружба эстетика и натуралиста началась раньше этихъ событій, которыхъ они не предчувствовали и которыя послѣ коснулись ихъ очень мало, хотя нравственно, конечно, не могли также ихъ

не волновать. Это были молодые кабинетные ученые, мирно предававшіеся каждый своимъ изученіямъ. Общая почва нашлась въ томъ духѣ времени, воздѣйствіямъ котораго они не могли остаться чужды. Не только эстетикъ, но и естествоиспытатель,—последній несмотря на матеріалистическія воззрѣнія, навлекшія потомъ на него столько осужденій,—были оба величайшими идеалистами, и естествоиспытатель сохранилъ этотъ идеализмъ и тогда, когда тридцать пять лѣтъ спустя писалъ свои воспоминанія о другѣ своей молодости въ упомянутой выше книжкѣ.

Его съ перваго раза привлекла оживленная и любезная внѣшность и манера новаго знакомца; „но, быть можетъ,—говоритъ Молешоттъ, — сблизила насъ тогда не столько эта любезность, сколько внутреннее научное единство". Оба они начали съ Гегеля и перешли къ философіи его преемниковъ. „Мы оба, какъ гейдельбергскіе студенты, убѣдились, что въ чудной долинѣ Неккара вовсе не вѣетъ философскимъ воздухомъ. Это испыталъ самъ Гегель. ...этотъ опытъ пережили и многіе другіе. Для насъ было величайшей радостью, что мы оба, не имѣвшіе прямой задачей обучать спекулятивной философіи, и такъ основательно отъ нея отказавшіеся, въ первую минуту нашего знакомства убѣдились, что будемъ имѣть другъ въ другѣ твердую опору въ самыхъ общихъ вопросахъ мысли, въ самыхъ высокихъ человѣческихъ загадкахъ, онъ—просвѣщая меня искусствомъ, я—поучая его, какъ самъ поучался и черпалъ изъ природы. — Пусть не думаютъ однако, что мы были мудрѣе нашего возраста"... „Мы работали наперерывъ", продолжаетъ Молешоттъ; самъ онъ въ это время получилъ работу отъ своего стараго профессора Тидеманна—вновь обработать третій томъ его „Физіологіи". „Наша дѣятельность была тѣмъ болѣе энергическая, что мы оба въ первый разъ читали лекціи, и Геттнеръ именно объ искусствѣ и философіи". Его лекціи съ самаго начала имѣли большой успѣхъ. У Геттнера были еще свѣжи впечатлѣнія произведеній искусства, изученныхъ въ Италіи, свѣжи воспоминанія бесѣдъ съ Адольфомъ Штаромъ и другими итальянскими друзьями. „Самая сочная дѣйствительность въ пестромъ, чувственномъ Римѣ подложила прочные образы и цвѣтныя линіи подъ его гегеліанскія умозрѣнія, подъ эти расплывающіяся, но безконечно богатыя туманныя картины, такъ что его преподаваніе съ первой минуты вовсе не было умозрительнымъ притворствомъ, охотой за схемами и погоней за понятіями,—но руководствомъ къ созерцанію искусства, упражненіемъ въ художественной критикѣ, творческимъ представленіемъ чудесъ искусства, такъ что казалось, будто видишь Фидіаса за статуей и Ра-

фаэля за картиной, будто понимаешь, къ чему стремился одинъ въ своемъ Зевсѣ, другой въ своей Мадоннѣ. Рѣчь была вполнѣ въ его распоряженіи, какъ отчеканенная художественная форма"... Молешоттъ удивлялся легкости его работы. Они жили въ одномъ домѣ; только ихъ комнаты были въ разныхъ этажахъ; видѣлись они каждый день. „Я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ съ трудомъ готовился къ своимъ лекціямъ, но иногда видѣлъ, какъ въ послѣднюю минуту онъ разыскивалъ подъ мебелью какой-нибудь листокъ, гдѣ наскоро было написано нѣсколько строкъ его замѣтокъ. Порядокъ былъ для него тогда излишній предразсудокъ, или по крайней мѣрѣ очень непривычный гость"...

Молешоттъ вспоминалъ, какъ долго спустя, въ 1877, онъ опять свидѣлся съ Геттнеромъ во Флоренціи, и тотъ съ тѣмъ же одушевленіемъ объяснялъ ихъ кружку красоты стараго итальянскаго искусства.

Въ этотъ первый годъ гейдельбергской жизни Геттнеръ работалъ надъ книгой, которая была его первымъ крупнымъ ученымъ трудомъ. Это была его „Vorschule zur bildenden Kunst der Alten". Эта книга говорила о греческомъ искусствѣ; должна была быть вторая часть—объ искусствѣ римлянъ и этрусковъ; но она не была написана. Мы упомянемъ дальше объ отзывахъ тогдашней нѣмецкой критики, которая встрѣтила книгу, по разнымъ причинамъ, вообще не очень дружелюбно. Но другъ, натуралистъ, на глазахъ котораго она писалась, цѣнитъ ее очень высоко: „Это—одна изъ тѣхъ книгъ, которыя хотѣлось бы лучше прочесть отъ начала до конца, чѣмъ излагать ея содержаніе... Мнѣ не приходила мысль, чтобы эта книга не произвела сильнѣйшаго впечатлѣнія, чтобы изданіе не слѣдовало за изданіемъ. Теперь я до нѣкоторой степени понимаю. Хотя прошло почти уже сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явилась исторія древняго искусства Винкельманна, несмотря на „Лаокоона" Лессинга, несмотря на „Ватиканскаго Аполлона" Ансельма Фейербаха, въ Германіи была еще очень слаба потребность въ ученіяхъ объ искусствѣ, потому что было еще мало возможности видѣть произведенія искусства... Свѣжая книга Геттнера явилась слишкомъ рано".

Онъ убѣжденъ, что нѣкогда измѣнится это холодное отношеніе къ искусству. Искусство представляется ему священнымъ, какъ религія, потому что религіей можетъ быть не одно конфессіональное ученіе. „Нѣтъ, независимо отъ этого въ каждомъ человѣкѣ живетъ нѣчто, что ему священно, что означаетъ для него высочайшій долгъ, блаженнѣйшее влеченіе, самое горячее убѣжденіе, самое чистое добро, для чего благород-

ный человѣкъ живетъ и умираетъ, отъ чего робкій со страхомъ отказывается, что̀ можетъ нечестиво предать только холодный и низкій".

Исторически, конфессіональное ученіе, гдѣ оно было формулировано, и искусство проистекаютъ изъ одного источника, и такимъ образомъ часто, но не необходимо искусство идетъ рука объ руку съ вѣрой, но необходимо и неизмѣнно искусство соотвѣтствуетъ религіи и составляетъ ея новую ступень. „И въ этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ Молешоттъ,—заключается вѣчность и измѣнчивость искусства. Это воззрѣніе было развито у Геттнера до высшей степени сознанія, но оно принадлежало не ему одному. Что̀ отличало его отъ другихъ и доставляло ему прекрасную роль нововводителя, это было то единство, въ какомъ онъ совмѣщалъ все искусство... Геттнеру казалось прискорбной случайностью, что изученіе искусства, цѣльность котораго такъ прекрасно воплощаетъ греческій Аполлонъ, печальнымъ образомъ распалось на безсвязныя части. Почему всего чаще именно филологъ долженъ быть обязанъ понимать сущность греческой трагедіи? Бываетъ ли обыкновенно художественное чувство такъ развито у историковъ, чтобы они понимали различіе между Фидіасомъ и Праксителемъ? Должны ли непремѣнно археологи объяснять намъ сущность памятниковъ зодчества, или теологи объяснять прелесть христіанскаго искусства? И если кто-либо изъ этихъ „спеціалистовъ" могъ иногда сдѣлать что-нибудь прекрасное относительно исторіи искусства, это была пустая штучная работа, которая оставляла нетронутой сущность искусства и не попадала въ его сердце, жизненный пунктъ его развитія".

„Обыкновенно, — продолжаетъ Молешоттъ,—съ изложеніемъ искусства идетъ плохо именно у историковъ. Для Геттнера, какъ и для меня, Фридрихъ-Кристофъ Шлоссеръ былъ образцомъ нравственнаго величія и научной серьезности. Онъ былъ для насъ какъ будто другомъ и отцомъ, въ дверь котораго мы никогда не стучались напрасно, порогъ котораго мы никогда не переступали безъ сознанія, что мы вернемся изъ его кабинета нравственно поднятые, если мы шли къ нему съ стѣсненнымъ сердцемъ или опечаленные. Шлоссеръ былъ историкъ, который принималъ въ свои широкія рамки всѣ элементы духовной жизни, какъ источникъ и выраженіе историческаго развитія,—но мы не могли признать за нимъ художественнаго чувства, хотя онъ вовсе не пренебрегалъ искусствомъ. Что это послѣднее было вѣрно, можно доказать (чтобы упомянуть хотя бы одинъ примѣръ) его подробной оцѣнкой Жоржъ-Занда,—когда иной нѣмецкій ученый того вре-

мени почти постыдился бы такъ хорошо знать ея произведенія. Что у него не было художественнаго чувства, это достаточно доказываетъ его стиль, тотъ отрывистый, угловатый, убѣдительный, иногда тяжелый и безформенный стиль, который, быть можетъ, одною долею его поучительнаго дѣйствія обязанъ этому недостатку въ художественныхъ свойствахъ". Подобное замѣчаніе Молешоттъ дѣлаетъ и о Гервинусѣ.

„Такъ какъ Геттнеръ чувствовалъ искусство какъ единое цѣлое, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ его, по природѣ необходимомъ, развитіи, и не бывши шеллингіанцемъ, или гегеліанцемъ, или вообще школьнымъ философомъ, онъ уже этимъ показалъ, что ученія Шеллинга и Гегеля не остались для него потеряны". Молешоттъ замѣчаетъ, что сказанное Геттнеромъ въ предисловіи къ Vorschule о греческомъ искусствѣ выражаетъ ту основную мысль, которая выросла у него вообще изъ его художественныхъ изученій и руководила имъ потомъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Онъ говорилъ: „Отдѣльныя произведенія искусства являются здѣсь не результатами какой-нибудь произвольной, единичной, личной фантазіи художника, которая рефлектируетъ надъ отдѣльными сюжетами и формами и сознательно выбираетъ между ними; напротивъ, онѣ по содержанію и формѣ гораздо болѣе выростаютъ изъ цѣлаго чувства ихъ опредѣленной эпохи, я сказалъ бы, выростаютъ инстинктивно, представляютъ только художественно просвѣтленную душу цѣлаго вѣка. Поэтому греческое искусство въ своемъ историческомъ ходѣ обнаруживаетъ такое нормальное, постоянное, непрерывное развитіе; поэтому и развитіе отдѣльныхъ искусствъ совершается въ самой тѣсной параллельности и взаимодѣйствіи, потому что всѣ одинаковымъ образомъ являются глубочайшимъ выраженіемъ своего времени". Геттнеръ высказывалъ желаніе, чтобы скорѣе пришло то свѣтлое будущее, когда понято будетъ, что „гармоническое, истинно человѣчное воспитаніе немыслимо безъ чистаго образованія вкуса", и его другъ натуралистъ увѣренъ, что юношеская книга Геттнера до сихъ поръ можетъ имѣть въ этомъ смыслѣ благотворное дѣйствіе, можетъ объяснить, что̀ надо понимать подъ очищеніемъ черезъ искусство: историческимъ развитіемъ расширяется внутреннее сознаніе человѣчества и „задача всей исторіи искусства въ томъ, чтобы показать, что за формальнымъ образованіемъ извѣстнаго художественнаго произведенія въ художникѣ дѣйствовала душа всемірной исторіи, черезъ него проявляла въ его произведеніяхъ извѣстные высшіе пункты своего развитія и такимъ образомъ въ рядѣ слѣдовавшихъ одно за

другимъ художественныхъ произведеній диктовала образными письменами свои лѣтописи".

Въ апрѣлѣ 1848 Геттнеръ женился, и когда потомъ женился также его другъ Молешоттъ, двѣ молодыя семьи жили въ самой тѣсной дружбѣ. Бурныя политическія событія возбуждали въ обоихъ доцентахъ самый страстный интересъ, при чемъ имъ становилась очевидна великая историческая важность соціальнаго вопроса, который для политиковъ прежней школы, между прочимъ въ кругу старшихъ профессоровъ, какъ бы не существовалъ. События не мѣшали однако и ревностной академической дѣятельности; въ ближайшіе семестры Геттнеръ читалъ самые разнообразные курсы, напр. археологію, т.-е. исторію образовательныхъ искусствъ у грековъ, этрусковъ и римлянъ, исторію живописи, лекціи о Гёте, о Спинозѣ и его отношеніи къ настоящему времени; далѣе: исторію новой нѣмецкой литературы, поэтику, лекціи о Кальдеронѣ и Шекспирѣ, исторію поэзіи и искусствъ отъ Готтшеда и Рафаэля Менгса до настоящаго времени. Онъ принялъ также участіе въ журнальной литературѣ, какъ художественный и литературный критикъ. Мы скажемъ дальше о болѣе крупныхъ работахъ, выходившихъ отдѣльными книгами.

Въ Гейдельбергѣ онъ пробылъ однако не долго. Какъ ни была для него привлекательна во многихъ отношеніяхъ жизнь въ этомъ городѣ, онъ не былъ удовлетворенъ своимъ положеніемъ въ университетѣ, гдѣ не представлялось близкой возможности получить настоящую профессуру. Поэтому онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе изъ Іены, и весной 1851 переселился въ этотъ небольшой и оригинальный университетскій городъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора философскаго факультета. Здѣсь встрѣтили его очень радушно и у него снова явилась дружеская среда съ многосторонними научными и литературными интересами. Веймаръ-Іена и теперь составляли какъ-бы одно цѣлое, какъ нѣкогда во времена Гёте и Шиллера; и въ это время они жили не одними воспоминаніями о своемъ старомъ значеніи для нѣмецкаго образованія: Іенскій университетъ не переставалъ заключать въ своей средѣ замѣчательныя научныя силы; Веймаръ доставлялъ Іенѣ театръ, какъ Маннгеймъ Гейдельбергу, съ замѣчательными сценическими дарованіями; и когда передъ тѣмъ поселился въ Веймарѣ Листъ, этотъ городъ опять пріобрѣлъ особую притягательную силу. Геттнеръ вскорѣ совершенно вошелъ въ жизнь Веймара-Іены и между прочимъ черезъ Адольфа Штара близко познакомился съ Листомъ, въ которомъ высоко цѣнилъ замѣчательную личность, глубокую и любезную художническую натуру.

Въ Веймарѣ была и своя школа талантливыхъ живописцевъ, такъ что и съ этой стороны Геттнеръ находилъ для себя художественную пищу.

Уже вскорѣ послѣ переселенія въ Іену онъ съ новой стороны расширилъ свои изученія исторіи искусства, а именно исполнилъ давнюю мечту о путешествіи въ Грецію. Онъ предпринялъ это путешествіе весной 1852 съ двумя іенскими учеными, изъ которыхъ одинъ былъ замѣчательный филологъ, уже въ четвертый разъ отправлявшійся въ Грецію, старый профессоръ Гёттлингъ, другой — библіотекарь въ Веймарѣ Преллеръ, авторъ цѣнныхъ книгъ о греческой и римской миѳологіи. Черезъ Лейпцигъ, Дрезденъ и Вѣну они прибыли въ Тріестъ, откуда направились моремъ къ берегамъ Греціи. Съ дороги, изъ Аѳинъ и изъ другихъ мѣстъ Греціи онъ писалъ домой подробный разсказъ о своихъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ, который вошелъ отчасти въ изданные имъ потомъ „Griechische Reiseskizzen". Эта книга, кромѣ спеціально археологическихъ объясненій, даетъ живую картину путевыхъ впечатлѣній и между прочимъ тѣхъ особыхъ впечатлѣній, какія испытывалъ не только онъ одинъ, но вѣроятно многіе классическіе филологи, которые направлялись въ новѣйшее время на родину греческой поэзіи и искусства, на мѣсто дѣйствія греческой исторіи. Всѣ достопримѣчательныя мѣстности, всѣ историческія и поэтическія воспоминанія были давно извѣстны и каждый разъ при встрѣчѣ съ ними въ новѣйшей обстановкѣ людей и нравовъ, путешественникъ приходилъ въ странное недоумѣніе, а иногда и въ отчаяніе. Древніе памятники Акрополя представляли картину разрушенія, въ которой и опытнымъ археологамъ трудно было оріентироваться. „Правда, — говоритъ онъ о Пропилеяхъ и Парѳенонѣ,—эти возносящіеся въ высоту колонны и карнизы кровли своими прекрасными формами и размѣрами наполняютъ насъ удивленіемъ и восторгомъ; но на первый взглядъ фантазія не въ состояніи живо возстановить цѣлое въ его полной красотѣ изъ того ужаснаго разрушенія, какому подверглось и это зданіе. Колонны, лишенныя теперь кровли, перекладинъ и отчасти капителей, жалобно поднимаются въ голубомъ воздухѣ, и кругомъ на полу внутренняго пространства храма лежатъ въ дикомъ безпорядкѣ прекраснѣйшіе остатки зодчества; страшное поле битвы, гдѣ искалѣченные трупы и члены возбуждаютъ только горесть и ужасъ. Можно много разъ видѣть на картинахъ и въ книгахъ это разрушеніе и читать о немъ, но здѣсь на мѣстѣ оно производитъ такое поражающее дѣйствіе, какого я не представлялъ себѣ никогда. Фантазія работаетъ и работаетъ, чтобы преодолѣть это

подавляющее впечатлѣніе, но это ей не удается... Словомъ, первый день въ Аѳинахъ былъ для меня днемъ мученій". Въ концѣ концовъ онъ привыкъ къ этому зрѣлищу и въ состояніи былъ разобраться въ томъ, что̀ онъ видѣлъ передъ собой, и научился найти между развалинами „живую картину цѣльнаго величія этихъ высшихъ художественныхъ созданій человѣческаго духа". Каждый день онъ отправлялся на Акрополь, и описаніе его съ археологическими художественными объясненіями составило главную часть его путевыхъ очерковъ. Греческій народъ производилъ на него такое же двоякое впечатлѣніе. Не было слѣда великой древней жизни; трудно было сказать, сколько въ новомъ племени славянской примѣси; страна была бѣдна,—но тѣмъ не менѣе ему вспоминалась иногда классическая древность. Онъ видѣлъ народъ въ его простомъ быту, въ глубинѣ Пелопоннеза, и видѣлъ его высшій кругъ на придворномъ балу у короля Оттона, гдѣ являлись и греки стараго закала въ національныхъ костюмахъ, безъ малѣйшей наклонности къ новымъ европейскимъ обычаямъ. „Это варвары,—говорилъ онъ,—но въ нихъ есть поэзія. Понимаешь, что эти дикіе люди въ освободительной войнѣ должны были взять верхъ надъ многочисленностью истощенныхъ турокъ". „Не могу сказать, какъ мнѣ тягостно было видѣть все это,—говоритъ онъ о придворномъ балѣ, гдѣ греки-мужчины держались особнякомъ.—Да, я очень хорошо знаю, что живущій правъ и что было бы пустой романтикой желать, чтобы въ Аѳинахъ на каждомъ шагу намъ встрѣчался какой-нибудь Ѳемистоклъ, Периклъ или Платонъ. Но мелкое становится еще мельче, чѣмъ самодовольнѣе оно подходитъ къ возвышенному величію. Когда я смотрѣлъ на эти служительскія ливреи дипломатовъ и безвкусно сухіе модные танцы и думалъ, что все это происходитъ въ Аѳинахъ, мнѣ казалось каждую минуту, что вотъ войдетъ въ двери какой-нибудь старый почтенный мараѳонскій воинъ и въ справедливомъ негодованіи выгонитъ всю эту пустую компанію въ балаганъ. Именно здѣсь,—заключаетъ поклонникъ античной красоты,—гдѣ постоянно и невольно навязывается сравненіе съ древностью, чувствуется живѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, какая ненаполнимая пропасть отдѣляетъ насъ отъ здоровой красоты древняго греческаго міра и какая неясность и ребячество есть все то, что̀ въ нашемъ нынѣшнемъ образованіи топорщится какъ красота и поэзія жизни". Вмѣстѣ съ тѣмъ его глубоко поражала красота греческой природы. Путешествіе совершалось первобытными способами, но его неудобства вознаграждались удивительнымъ богатствомъ пейзажа. Таково было поражающее впечат-

лѣніе греческой природы въ Акрокоринѳѣ. „Всѣ чудеса Швейцаріи и Италіи исчезаютъ передъ величіемъ этого совершенно несравненнаго пейзажа“. Направо и налѣво было два моря, кругомъ горы, долины и равнины Пелопоннеза и Аттики, гдѣ путешественникамъ вспоминалась славная топографія древней Эллады. Мессенія показалась ему самой прелестной мѣстностью Греціи, гдѣ всего больше сказалась южная природа. Отсюда ихъ путь шелъ въ Олимпію, гдѣ потомъ произведены были знаменитыя раскопки, которыя хотя не возстановили древняго великолѣпія этой долины, но опять дали намекъ на художественное величіе античной Греціи; въ то время Геттнеръ только вспоминалъ о томъ, чѣмъ была нѣкогда эта мѣстность, которая теперь была пустынна и печальна, окрестныя горныя вершины были безлѣсны и голы, Алфей покинулъ свое старое каменистое ложе и равнина превращалась въ болото; лишь немногія развалины напоминали о величіи древнихъ храмовъ.

Ему казалось однако, что въ самомъ народномъ типѣ еще сохранялись иногда черты древняго эллина. На улицѣ одного города онъ видѣлъ однажды, какъ ходили рука объ руку одинъ начальникъ паликаровъ и знатный человѣкъ изъ Спарты: „они держались такъ гордо и съ такимъ сознаніемъ своей красоты, что я не могъ на нихъ насмотрѣться; они казались мнѣ какъ будто захудалыми потомками древнихъ царскихъ родовъ, которые даже въ нищенскомъ плащѣ все еще умѣютъ сохранять прежнее достоинство“. „Замѣчательно,—прибавляетъ онъ,—что женщины, по крайней мѣрѣ городскія, почти всѣ носятъ новѣйшую одежду. При ихъ смугломъ цвѣтѣ лица и пышныхъ волосахъ, это даетъ имъ видъ страшныхъ салопницъ. Красивыхъ гречанокъ я видѣлъ до сихъ поръ очень мало. Всѣ онѣ отцвѣтаютъ очень рано“. Въ другой разъ онъ вспомнилъ древность въ Ѳивахъ. „Я видѣлъ здѣсь мальчиковъ и юношей столь чисто греческихъ по чертамъ лица, столь цвѣтущихъ и благородныхъ по росту, по манерѣ держать себя, какъ будто это были воплотившіяся фигуры съ парѳенонскаго фриза“. Но, похваливъ ихъ красоту, онъ замѣчаетъ и ихъ недостатокъ, какой онъ встрѣтилъ во всѣхъ болѣе оживленныхъ мѣстностяхъ Греціи. „Въ благородномъ уличномъ юношествѣ живетъ ложное представленіе о древней игрѣ въ дискъ; оно забавляется тѣмъ, что бросаетъ въ иностранцевъ маленькими камнями. Въ этой игрѣ отличается юношество Элевзиса; но пальма первенства принадлежитъ безспорно юнымъ ѳиванцамъ“. Путешествіе по Греціи напомнило ему прежнее путешествіе во внутренности Сициліи, но въ Греціи оно было еще ужаснѣе;

тѣмъ не менѣе онъ говоритъ, что такое бродяжество отъ времени до времени въ этихъ прекрасныхъ варварскихъ странахъ, бродяжество, наклонность къ которому кроется въ каждой свѣжей человѣческой природѣ, имѣетъ такую прелесть, которой онъ ни за что не хотѣлъ бы лишиться.

Но и въ Іенѣ Геттнеръ остался не долго. Жизнь его здѣсь установилась самымъ благопріятнымъ образомъ, въ дружескихъ отношеніяхъ съ товарищами, въ литературныхъ и художественныхъ интересахъ; работа шла успѣшно, — здѣсь онъ задумалъ исполненіе давнишняго плана, широкой картины литературы XVIII вѣка, и здѣсь написанъ былъ первый томъ обширнаго сочиненія, которое осталось его главнѣйшимъ трудомъ. Его работы были издавна раздѣлены между двумя главными интересами: исторіей и критикой искусства и исторіей и критикой литературы; онъ постоянно переходилъ отъ одного къ другому; его главный трудъ принадлежалъ именно исторіи литературы, но искусство все-таки было его постояннымъ насущнымъ интересомъ, который въ концѣ концовъ взялъ верхъ въ его практической дѣятельности. По поводу греческаго путешествія его біографъ говоритъ: „Всѣмъ сердцемъ онъ былъ привязанъ къ искусствамъ сильнѣе, чѣмъ самъ иногда сознавалъ. Сосредоточиться на одной исторіи литературы было бы для него тяжелой жертвой, означало бы отказъ отъ одной части своего развитія, отъ широкихъ плановъ работъ, даже отказъ отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ надеждъ въ будущемъ. Любимой мечтой молодого изслѣдователя искусства было стать когда-нибудь во главѣ большого художественнаго собранія, и онъ сознавалъ, что эта мечта можетъ осуществиться только тогда, когда несмотря на всѣ неблагопріятныя условія данныхъ обстоятельствъ онъ будетъ продолжать свою историко-художественную дѣятельность". Эта мечта осуществилась, быть можетъ, раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Онъ пробылъ въ Іенѣ всего года четыре, когда ему предложено было мѣсто директора королевскаго собранія антиковъ и музея гипсовыхъ слѣпковъ (такъ называемаго музея Менгса) въ Дрезденѣ. Прежній директоръ оставлялъ это мѣсто вслѣдствіе болѣзни, и когда въ правительственномъ и художественномъ кругу шелъ вопросъ о его преемникѣ, на Геттнера указалъ давній пріятель, Бертольдъ Ауэрбахъ, который давно жилъ въ Дрезденѣ и имѣлъ значеніе въ тамошнемъ обществѣ. О Геттнерѣ знали въ Дрезденѣ хорошо, свое согласіе онъ далъ тотчасъ, и весной въ 1855 онъ былъ уже въ Дрезденѣ. Здѣсь онъ остался и до конца своей жизни.

Работа въ Дрезденѣ вполнѣ отвѣчала его вкусамъ и научнымъ

стремленіямъ; въ дрезденскомъ обществѣ онъ нашелъ самый радушный пріемъ; въ Дрезденѣ былъ и большой художественный кругъ, гдѣ Геттнеръ особенно пользовался дружбой знаменитаго скульптора Ритчеля. Кромѣ занятій по музеямъ, ему вскорѣ представилась и привычная академическая работа, потому что уже съ осени 1855 онъ приглашенъ былъ читать исторію искусства въ дрезденской академіи художествъ, а потомъ въ политехнической школѣ.

Эта спокойная трудовая и общественная жизнь Геттнера въ Дрезденѣ надолго была помрачена болѣзнью и потомъ смертью его жены въ 1856; черезъ два года онъ началъ новую семейную жизнь, женившись на дочери одного изъ богатыхъ дрезденскихъ художниковъ. Въ 1857 онъ сдѣлалъ продолжительное путешествіе въ Англію и Францію. Поводомъ была большая художественная выставка въ Манчестерѣ; кромѣ того онъ былъ въ Ливерпулѣ, Оксфордѣ, довольно долго въ Лондонѣ. Парижъ произвелъ на него особенно привлекательное впечатлѣніе, и онъ тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ изучалъ его, что въ это время онъ готовился ко второму тому своей исторіи литературы, который былъ посвященъ французской литературѣ. Другое путешествіе онъ сдѣлалъ въ 1862 опять въ Англію съ спеціальной цѣлью; онъ давно предлагалъ управленію королевскихъ музеевъ пріобрѣсти для собранія антиковъ нѣсколько ассирійскихъ скульптуръ изъ раскопокъ Лейярда; теперь ему поручено было сдѣлать эти закупки въ Лондонѣ, что̀ онъ и исполнилъ. Въ Лондонѣ онъ нашелъ, конечно, много важнаго и любопытнаго для своихъ художественно-историческихъ изученій: рѣдкія древнія скульптуры въ Британскомъ музеѣ, удивительнаго Перуджино въ лондонской галереѣ, поразительныя собранія въ Кристальномъ дворцѣ и т. д. На обратномъ пути онъ посѣтилъ Голландію, и пришелъ въ настоящій восторгъ отъ стараго голландскаго искусства: „въ этихъ старыхъ голландцахъ открылся для меня новый міръ; до сихъ поръ я слишкомъ мало цѣнилъ ихъ, потому что недостаточно ихъ зналъ".

Въ Дрезденѣ дѣятельность Геттнера все болѣе расширялась; онъ являлся особеннымъ авторитетомъ въ вопросахъ искусства; какъ замѣчательный ораторъ, онъ долженъ былъ принимать участіе своимъ словомъ не только въ торжественныхъ случаяхъ жизни академіи художествъ, но и въ другихъ художественныхъ и литературныхъ событіяхъ дрезденской жизни, имѣвшихъ и широкій германскій интересъ. Каждый разъ это были историко-художественные и литературные очерки, въ которыхъ частный случай, отдѣль-

ная личность объяснялись съ широкой исторической точки зрѣнія и на ряду съ его многочисленными художественными и литературными рецензіями составили интересный томъ его „Kleine Schriften". Много разъ его приглашали читать публичныя лекціи въ разныхъ городахъ Германіи.

Возвращаемся къ его литературнымъ трудамъ. Мы говорили объ его юношескихъ литературныхъ начинаніяхъ и первой болѣе крупной работѣ, его Vorschule. За исключеніемъ немногихъ археологическихъ и художественно-историческихъ изслѣдованій, гдѣ онъ обращался только къ спеціалистамъ, Геттнеръ въ большинствѣ своихъ трудовъ имѣлъ въ виду дѣйствовать на большой кругъ общества и въ интересахъ общаго образованія, конечно предполагая довольно высокій уровень этого образованія. Та возвышенная точка зрѣнія, какую воспитала въ немъ его философская школа и общій характеръ тогдашней нѣмецкой литературы и общественной жизни, руководила его первымъ научнымъ трудомъ и навсегда опредѣлила его литературно-художественные интересы: какъ мы видѣли, онъ уже рано освободился отъ умозрительныхъ односторонностей своей гегеліанской школы, но вопросы историческаго развитія онъ всегда старался ставить съ тою широтою взгляда, къ какой пріучало это философское умозрѣніе. Уже въ самыхъ раннихъ своихъ работахъ онъ отдѣлился отъ стараго гегеліанства, во-первыхъ, въ защитѣ Фейербаха, систему котораго считалъ впрочемъ естественнымъ и законнымъ развитіемъ философіи Гегеля, и въ возстаніи противъ „спекулятивной эстетики", которую онъ именно обвинялъ въ недостаткѣ вниманія къ индивидуальнымъ и національнымъ условіямъ искусства. Умозрительная эстетика должна слиться съ исторіей искусства во всей ея широтѣ и внѣшней зависимости отъ религіи и національности. „Съ этимъ прекратится раздѣленіе философской и эмпирической науки объ искусствѣ. Не должно быть такъ, чтобы на одной сторонѣ стояла философія, на другой эмпирія, какъ техническая теорія, какъ положительное историческое изученіе,—которыя враждебно исключаютъ другъ друга,—но обѣ составляютъ въ сущности одно, какъ и ихъ предметъ одинъ и тотъ же. Это—единственно возможное, но совершенно необходимое разрѣшеніе той антиноміи, отъ которой страдаетъ не только умозрительная эстетика, но и вся философія". На этихъ основаніяхъ утверждались его отдѣльныя работы по частнымъ предметамъ исторіи искусства, напримѣръ о старой неаполитанской живописи, о новѣйшей пластикѣ, о пейзажной живописи и т. д.

Послѣ Vorschule другой крупной его работой была книга о

„Романтической школѣ въ ея внутренней связи съ Гёте и Шиллеромъ“ (1850). Въ этой темѣ для него опять являлся вопросъ объ искусствѣ. Правда, поэзія не была для него „абсолютное искусство, обладающее всѣми средствами, какія принадлежатъ другимъ искусствамъ, такъ что она можетъ изобразить внутреннему представленію зданія, скульптуры, картины, и внутреннему слуху передать тоны, и слѣдовательно представляетъ духовную цѣльность всѣхъ искусствъ“, но онъ чувствовалъ, что „матеріалъ поэзіи“, языкъ, доставляетъ возможность величайшей свободы и подвижности, разнообразіе представленій и дѣйствій, которыя превосходятъ дѣйствіе всѣхъ другихъ искусствъ. Романтическая школа интересовала его именно тѣмъ, что она возъимѣла смѣлую мысль быть поэзіей универсальной, для которой слишкомъ тѣсны и скудны дѣйствія отдѣльной художественной формы, даже каждаго отдѣльнаго искусства. „Она хочетъ въ одно и то же время достигнуть всѣхъ дѣйствій поэзіи, эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ, и тѣмъ возстановить полную высоту мнимой первобытной поэзіи. Смѣшеніе отдѣльныхъ родовъ искусства, т.-е. расплывающаяся безформенность становится правиломъ и доктриной и выступаетъ съ притязаніемъ быть высочайшимъ завершеніемъ поэзіи, даже быть единственно и спеціально поэтическимъ“. Книга Геттнера не была исторіей романтической школы, но доставляла для нея много важныхъ указаній. Позднѣйшая критика указывала недостатки въ постановкѣ вопроса, гдѣ авторъ слишкомъ вдавался въ обобщеніе, подгоняя факты по какой-либо одной чертѣ въ общій принципъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ справедливость большимъ достоинствамъ изслѣдованія, которое стремилось объяснить явленія романтической школы не какими-либо частными условіями времени, напр. политическими, а напротивъ, искало для нея объясненія въ широкомъ историческомъ движеніи. Критика находила, что онъ съ большимъ искусствомъ умѣлъ выдѣлять въ частныхъ явленіяхъ ихъ общую принципіальную основу, т.-е. ихъ настоящій историческій смыслъ. Такъ онъ, кажется, впервые объяснилъ внутреннюю связь романтической школы съ періодомъ „бурныхъ стремленій“ въ концѣ XVIII вѣка; онъ всегда старается о томъ, чтобы раскрыть взаимодѣйствіе между искусствомъ и литературой, связь философіи и поэзіи, религіи и политики, связь художника съ народомъ его времени; онъ старается обнять въ своемъ наблюденіи параллельные факты другихъ литературъ, французской, англійской и т. д. Свое изслѣдованіе онъ доводитъ до научныхъ и политическихъ вопросовъ своего времени. Событія конца сороковыхъ годовъ отразились у него и на эстетической

критикѣ: онъ призываетъ поэта къ реальному пониманію дѣйствительности, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ привести къ реальному пониманію и политическихъ мечтателей. Дѣло искусства для него тѣсно связывается съ общественнымъ и народнымъ интересомъ. Какъ нѣкогда въ Римѣ, такъ и теперь онъ убѣжденъ, что дѣло искусства есть и дѣло свободы.

Въ такомъ же смыслѣ написана имъ уже въ Іенѣ другая книга: „Новѣйшая драма“ (1852). Послѣдній выводъ опять тотъ же,—что поэтъ, чтобы достигнуть дѣствительной художественной силы и прочнаго поэтическаго результата, долженъ тѣсно примыкать къ жизненнымъ интересамъ своего времени: драма, какъ трагедія, такъ и комедія должны быть, политическими; историческая драма должна быть не учебникомъ исторіи, а должна отвѣчать современному общественному сознанію; будущее нѣмецкой комедіи зависитъ только отъ того, имѣетъ ли Германія въ своей внутренней жизни политическое будущее.

Въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ онъ задумалъ уже свою главную работу. Въ одномъ письмѣ отъ 1881 года онъ говорилъ, что планъ книги возникъ у него еще въ Гейдельбергѣ. Въ тогдашнихъ стремленіяхъ выяснить общіе вопросы являлась мысль о французскихъ энциклопедистахъ: стараясь раскрыть ихъ историческое значеніе, Геттнеръ по необходимости восходилъ раньше къ англійской литературѣ, а затѣмъ слѣдилъ дальнѣйшее развитіе въ литературѣ нѣмецкой; но то, что первоначально должно было составить статью, обратилось въ многотомную книгу. Первый планъ статьи объ энциклопедистахъ не вдругъ превратился въ планъ большой книги. Въ Іенѣ онъ видѣлъ уже, что статья будетъ книгой, и когда въ 1853 онъ приступилъ къ исполненію плана, ему было очевидно, что изслѣдованіе объ энциклопедистахъ должно въ сущности быть исторіей такъ называемаго „просвѣщенія“. Но когда сдѣланъ былъ первый опытъ изложенія борьбы энциклопедистовъ съ „академизмомъ“ и намѣченъ переходъ ихъ идеаловъ въ новые идеалы, то первоначальный замыселъ расширился еще болѣе: предвидѣлась цѣлая обширная историческая работа. Первый томъ книги вышелъ въ свѣтъ осенью 1855, когда Геттнеръ жилъ уже въ Дрезденѣ. Работа надъ вторымъ томомъ замедлилась тяжелыми обстоятельствами его личной жизни и снова подвинулась быстро съ его новой домашней жизнью. Осенью 1859 онъ надѣялся вскорѣ выпустить второй томъ и въ это время уже сознавался, что третій томъ, съ котораго должно было начаться изложеніе нѣмецкой литературы, былъ ему еще „совершенно неясенъ по своему объему и тону“: ему хотѣ-

лось скорѣе освободиться отъ этой тяжести, чтобы отдаться своей любимой исторіи искусства,—онъ думалъ именно объ исторіи развитія Рафаэля. Онъ ошибся, однако, въ своихъ предположеніяхъ: работа надъ XVIII вѣкомъ затянулась на цѣлыя десять лѣтъ. По первоначальному плану нѣмецкая литература должна была составить третій томъ; но ему казалось, что этотъ періодъ просвѣтительнаго движенія представлялъ столько важнаго и съ нимъ связаны были такія многозначительныя явленія, воздѣйствіе которыхъ простиралось и до новѣйшаго времени, что онъ счелъ необходимымъ расширить рамки изложенія и раздѣлилъ третій томъ на три книги, и послѣднюю изъ нихъ еще на два отдѣленія, такъ что въ сложности изъ третьяго тома вышло цѣлыхъ четыре, а въ цѣломъ шесть.

„Исторія литературы восемнадцатаго вѣка“ составила въ цѣломъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историко-литературныхъ трудовъ новѣйшаго времени, какъ по плану, такъ и по исполненію. За сорокъ лѣтъ съ появленія начала этого труда не появилось другой попытки изложенія этого предмета и книга Геттнера остается лучшимъ и единственнымъ изложеніемъ европейской литературы прошлаго столѣтія въ той исторической связи, какая соединяла литературу отдѣльныхъ народовъ, стоявшихъ тогда во главѣ образованности, въ той связи, которая создала цѣльное движеніе, называемое европейскимъ просвѣщеніемъ. Въ отдѣльности, исторія этихъ литературъ уже въ то время, когда Геттнеръ началъ свою работу, представляла уже обширную массу изслѣдованій; были отдѣльные вопросы, отдѣльные писатели и дѣятели науки, о которыхъ составилась цѣлая литература; но историческій вопросъ былъ, однако, мало разработанъ съ той точки зрѣнія, на которую становился Геттнеръ, съ точки зрѣнія взаимодѣйствія европейскихъ литературъ, которымъ достигалось съ одной стороны единство европейской науки, съ другой стороны развивалась, какъ никогда прежде, общность стремленій въ поэзіи и искусствѣ. Эта цѣльная картина удовлетворяла прежде всего историческому требованію, потому что долженъ быть выясненъ фактъ, который раньше былъ опредѣленъ всего чаще только какъ „вліяніе“ того или другого отдѣльнаго писателя, пожалуй даже отдѣльнаго „направленія“ изъ одной національной литературы на другую, но который въ дѣйствительности былъ фактомъ все болѣе и болѣе многообъемлющимъ и общимъ. Затѣмъ эта цѣльная картина пріобрѣтала высокое значеніе для общественнаго сознанія, какъ убѣжденіе въ умственной и нравственной солидарности обществъ, въ средѣ которыхъ ставились высокія за-

дачи научнаго изслѣдованія, общественныхъ изученій и поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности.

Нѣмецкій ученый былъ въ особенности способенъ исполнить такую задачу. Несмотря на упомянутыя литературныя связи, которыя весьма существеннымъ образомъ проявлялись уже съ XVIII столѣтія, въ ученой литературѣ того времени, когда Геттнеръ начиналъ свою работу, была еще достаточно велика та отчужденность, при которой французы обыкновенно почти не знали другихъ литературъ, когда англичане подобнымъ образомъ оставались только въ области своей литературы и науки, и только у нѣмцевъ можно было встрѣтить тѣ универсальные литературные интересы, какіе заявлялъ нѣкогда Гердеръ, какіе развила потомъ нѣмецкая романтика и затѣмъ нѣмецкая историческая и филологическая наука. Къ подобному широкому взгляду приводила, наконецъ, та философская школа, въ которой воспитался нѣмецкій ученый. Опытъ „философіи исторіи" потерпѣлъ неудачу: философское построеніе слишкомъ спѣшило создать теорію, когда еще не были достаточно разработаны факты, съ которыми она должна была вѣдаться, и мы видѣли, что Геттнеръ, подъ вліяніемъ лѣваго гегеліанства, уже рано почувствовалъ несостоятельность этихъ умозрительныхъ построеній; но отъ этого опыта осталось драгоцѣнное поученіе—широкій историческій взглядъ, вниманіе къ разнообразнымъ сторонамъ жизни, стремленіе оріентироваться въ частныхъ фактахъ и возводить ихъ къ принципіальнымъ явленіямъ, отыскивать именно это характерное и существенное и, наблюдая развитіе, не терять изъ виду его послѣдовательной нити въ разнообразной массѣ національныхъ и общественныхъ особенностей, умственныхъ теченій, личныхъ характеровъ въ наукѣ и поэзіи. Присоединялись побужденія общественно-нравственныя. Увлеченія сороковыхъ годовъ съ теченіемъ времени у него улеглись; біографъ, близко знавшій Геттнера, конечно, не безъ основанія замѣчаетъ однажды, что въ болѣе поздніе годы онъ долженъ былъ смотрѣть на свои порывы сороковыхъ годовъ, окрашенные лѣвымъ гегеліанствомъ и политической тенденціей, какъ на нѣчто чуждое; взглядъ сталъ спокойнѣе, но у него сохранилась способность общественаго пониманія и то чувство нравственнаго достоинства въ наукѣ, какое въ годы молодости онъ воспринималъ подъ вліяніемъ людей такого высокаго характера, какъ Шлоссеръ.

Для исполненія задачи требовалась, наконецъ, обширная эрудиція; при началѣ работы Геттнеръ хорошо видѣлъ, что необходима, какъ онъ выражался, „wüste Vielleserei",—но эта

способность давно отличала нѣмецкихъ ученыхъ. Геттнеръ надѣялся преодолѣть этотъ трудъ, и. дѣйствительно его книга свидѣтельствуетъ о весьма широкой начитанности. Наконецъ, важнымъ условіемъ его работы было давнее изученіе искусства: онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ кромѣ образовательнаго и общественнаго значенія произведеній литературы и въ ихъ художественномъ характерѣ, разобраться въ особенностяхъ стиля, среди условныхъ формъ найти отголоски истинной поэзіи, среди стараго подмѣтить зачатки новыхъ движеній и т. д. Къ исторіи литературы онъ присоединялъ наблюденія надъ характеромъ современнаго искусства и объяснялъ, какъ тѣ же черты вѣка, которыя сообщали особенный складъ поэзіи, отражались вмѣстѣ съ тѣмъ на искусствѣ—архитектурѣ, живописи и въ такъ называемыхъ мелкихъ искусствахъ, въ формахъ и орнаментахъ жилья, мебели, костюма. Изложеніе, при первоначальномъ планѣ, въ первыхъ двухъ томахъ было по необходимости сжатое, но историкъ умѣлъ обыкновенно давать опредѣленныя, точныя характеристики общественныхъ положеній, направленія умовъ, литературныхъ характеровъ. Способъ изложенія занялъ середину между ученымъ трактатомъ, который обращается къ спеціалистамъ, и книгой, предназначаемой для большой публики, но всегда требуетъ отъ читателя, во-первыхъ, значительной исторической подготовки, а, во-вторыхъ, сохраняетъ тонъ научной серьезности, требуемой важностью предмета.

Уже въ первые годы, когда сочиненіе далеко не было доведено до конца, Геттнеръ имѣлъ удовольствіе видѣть большой успѣхъ своего труда: еще при его жизни вышло четыре изданія двухъ первыхъ томовъ, и три изданія послѣднихъ, которые явились значительно позже. Не было, конечно, недостатка въ критическихъ замѣчаніяхъ; между прочимъ, говорили, что книга представляетъ въ сущности рядъ отдѣльныхъ essays, хотя и талантливыхъ,—замѣчаніе съ внѣшней стороны справедливое, но не вникавшее въ сущность его историческаго пріема. „У него была потребность,—говоритъ его біографъ,—сосредоточивать развитіе на извѣстныхъ представителяхъ и, быть можетъ, онъ зашелъ на одинъ шагъ нѣсколько далеко, когда долю участія менѣе значительныхъ, менѣе самостоятельныхъ натуръ въ какомъ-либо умственномъ прогрессѣ или поворотѣ переносилъ на главныхъ представителей. Но всегда онъ рѣшалъ этотъ выборъ одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ представителей даннаго момента развитія только послѣ самыхъ внимательныхъ изученій, и потому „Исторія литературы“ заключаетъ цѣлый рядъ характерныхъ,

рѣзко и твердо начертанныхъ портретовъ забытыхъ или мало замѣченныхъ писателей. Кромѣ того, явились также вводныя главы, общіе обзоры, большей частью мастерскіе при своей сжатости, и они доказывали, что историкъ прошелъ черезъ самую строгую школу философской методики. Онъ положительно и не одинъ разъ говорилъ, что хочетъ дать „исторію идей, а не исторію книгъ", и только совсѣмъ забывая объ его намѣреніяхъ и цѣляхъ можно было винить его, что онъ изображаетъ слишкомъ широкими и общими чертами и слишкомъ часто упускаетъ изъ виду детальную филологическую точность. Правда, такія осужденія бывали справедливы относительно отдѣльныхъ частей и пунктовъ обширнаго труда, но правда также и то, что онѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ виду обширности плана, силы и энергіи группировки, мастерства портретовъ, тонкости и справедливости почти всѣхъ сужденій. Самъ Геттнеръ относительно всѣхъ открытыхъ и болѣе серьезныхъ нападеній, въ которыхъ не было недостатка за эти годы, твердо держался основной идеи и исполненія своей книги". Другое дѣло—фактическія подробности: въ обширной работѣ не могло не встрѣчаться неточностей, напр. вслѣдствіе неточностей въ самыхъ пособіяхъ; но въ послѣдующихъ изданіяхъ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень много исправленій и дополненій по новымъ изслѣдованіямъ.

Сочиненіе Геттнера открывается исторіей англійской литературы, которую онъ начинаетъ съ послѣднихъ десятилѣтій XVII-го вѣка. По своему цѣлому плану Геттнеръ сводитъ историческое движеніе англійской литературы къ его руководящимъ принципамъ, которые онъ слѣдитъ въ наукѣ, нравственной философіи, политическихъ теоріяхъ и въ поэзіи. Біографъ, чтобы характеризовать трудъ Геттнера, отмѣчаетъ отзывы критики, къ которой иногда и самъ присоединяется, но съ другой стороны объясняетъ и великія достоинства этого труда, которыя послужили причиной его необыкновеннаго успѣха. Въ нѣкоторыхъ областяхъ англійской литературной исторіи могли быть ясно очерчены источники и дальнѣйшее развитіе движенія; въ другихъ—явленія были болѣе сложны. „Въ исторіи англійской поэзіи,—говоритъ біографъ,—эти исходные пункты гораздо менѣе опредѣленны, и какъ ни склонна новѣйшая критика все возводить къ явленіямъ времени, къ общимъ началамъ, но здѣсь она постоянно встрѣчаетъ помѣху въ различныхъ индивидуальностяхъ въ областяхъ искусства и должна или отказываться отъ общаго закона, или довольно насильственно подмѣнять его. Чрезвычайно замѣчательно, съ какою свѣжестью и какъ свободно отъ притязаній на подобную систему

Геттнеръ старается опредѣлить это разнообразіе натуръ, ихъ начинаній и цѣлей, и однако съ какой тонкой проницательностью онъ умѣетъ разыскать вездѣ одинъ общій моментъ. Въ то время какъ именно съ Англіи начинаютъ свое побѣдоносное шествіе тѣ научныя системы, идеи, которыя должны были уничтожить монархическій и церковный абсолютизмъ періода Людовика XIV, искусство, созданное именно этимъ абсолютизмомъ, дѣйствовало обратно на искусство свободной Англіи... Въ изображеніи этихъ великихъ противоположныхъ теченій—этой науки, самостоятельно и своеобразно выросшей на почвѣ англійскаго политическаго развитія, науки, которой естественно-научныя изслѣдованія, опытная философія, деизмъ и „чистая мораль" были передовымъ свѣточемъ для остальной Европы; и искусство, которое въ своихъ значительнѣйшихъ представителяхъ, какъ Драйденъ, Попъ, Аддисонъ, является совершенно подчиненнымъ французскому вкусу,—Геттнеръ обнаруживаетъ рѣдкое мастерство характеристики". Біографъ находитъ и самъ нѣкоторые недостатки въ этомъ изображеніи: мало выясненъ Шериданъ, Борнсъ, недостаточно указаны начала англійской исторіографіи; но въ цѣломъ онъ находитъ, что внутренняя полнота, къ которой стремился авторъ, опредѣленіе всѣхъ существенныхъ явленій были имъ достигнуты. Ясная и наглядная композиція книги, прекрасно проведенная послѣдовательность основного взгляда, теплое участіе къ изображаемымъ явленіямъ, умѣренность сужденій, свѣжесть изложенія составляютъ высокія достоинства этого труда. Біографъ рѣшительно отвергаетъ обвиненія въ недостаткѣ самостоятельнаго изученія,—онъ объясняетъ, что между прочимъ подобныя обвиненія происходили изъ того, что книга Геттнера, противъ обыкновенія нѣмецкихъ ученыхъ, не испещрена цитатами, которыя должны были свидѣтельствовать о великой начитанности автора; Геттнеръ всегда намѣренно избѣгалъ этого ученаго груза, какъ потому, что главнымъ его интересомъ бывало принципіальное объясненіе предмета, такъ и потому, что онъ обращался не къ спеціалистамъ, а къ большому читающему кругу.

Изложеніе исторіи французской литературы было какъ бы средоточіемъ всего труда. Французская литература восприняла глубокія научныя возбужденія изъ литературы англійской и, переработавъ и развивъ ихъ, воздѣйствовала не только на романскіе народы, но обратно на Англію и затѣмъ на Германію; до второй половины XVIII вѣка французская литература была литература всемірная (біографъ Геттнера замѣчаетъ, что нѣмецкая литература только послѣ долгой борьбы успѣла возвыситься до та-

кого же положенія; собственно говоря, несмотря на великіе подвиги нѣмецкой науки и поэзіи, она не достигла этого положенія и теперь). Изложеніе французской литературы для нѣмецкихъ читателей тѣхъ годовъ представляло большія трудности, и преодолѣніе ихъ біографъ справедливо ставитъ въ большую заслугу Геттнеру. „Мы, нѣмцы,—говоритъ онъ,—завоевали свою умственную и художественную самостоятельность только возставши противъ господства французскаго вкуса и въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи къ стремленіямъ французовъ, и потому у насъ вмѣстѣ съ пренебреженіемъ къ побѣжденному противнику осталось и извѣстное раздраженіе. И хотя это пренебреженіе и раздраженіе относятся больше къ французскимъ классическимъ писателямъ XVII вѣка, писатели періода просвѣщенія оцѣниваются у насъ весьма умѣренно“. Геттнеръ занялъ въ этомъ вопросѣ совершенно самостоятельное положеніе. „Общая благосклонность, съ которой осмнадцатое столѣтіе смотрѣло на этихъ писателей просвѣщенія, въ наше время почти вездѣ обратилась въ самую страстную ненависть“,—говорилъ Геттнеръ въ главѣ, составляющей введеніе къ изложенію настоящей литературы просвѣщенія при Людовикѣ XV. „Послѣ насилій и переворотовъ французской революціи, мы привыкли безжалостно и безъ всякихъ ограниченій осуждать французскую литературу просвѣщенія. Во Франціи этихъ писателей вмѣшиваютъ въ самую среду вопросовъ и борьбы дня; въ Англіи и Германіи ихъ больше не читаютъ и не знаютъ, но бранятъ ихъ. Говорятъ только о ихъ дерзости и неосновательности, видятъ въ нихъ только отродье одичавшаго вѣка; но не спрашиваютъ и не думаютъ о томъ, нѣтъ ли въ нихъ также и чего-нибудь хорошаго и благороднаго. Никакой разсудительный человѣкъ не будутъ защищать или отрицать тяжелыхъ ошибокъ и заблужденій этихъ писателей. Они—дѣти испорченнаго времени; металлъ покрытъ ржавчиной. Мы часто находимъ у нихъ одно насмѣшливое остроуміе тамъ, гдѣ мы требуемъ нравственной серьезности и научной основательности. Они выдаютъ за несомнѣнную истину науки то, чтò было только личнымъ взглядомъ, или, много, геніальной догадкой. Въ ихъ нападеніяхъ на церковь и религію ими часто руководитъ больше слѣпая ненависть, чѣмъ положительная любовь къ истинѣ; въ своихъ требованіяхъ отъ государства они слишкомъ часто забываютъ о законахъ и условіяхъ дѣйствительности. Удаленные отъ всякой публичной жизни, они нисколько не думаютъ о препятствіяхъ, которыя проистекаютъ изъ данныхъ обстоятельствъ для самыхъ желанныхъ улучшеній, и оттого они часто бывали еще смѣлѣе и доктoральнѣе. Но

должно также сказать, что при всемъ томъ въ ихъ заблужденіи скрывается однако неистребимое зерно истины, въ ихъ мышленіи и дѣятельности—великодушное одушевленіе и сила. Въ то время, когда религіозное преслѣдованіе, пытка, произвольныя заключенія, несправедливость суда, угнетенія всякаго рода были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и совершенно легальнымъ, они, съ убѣждающимъ чувствомъ глубочайшаго отвращенія, мужественно вели войну противъ всего, что̀ считали злоупотребленіемъ; неутомимо стремились къ просвѣщенію и религіозной терпимости, къ освобожденію и облегченію угнетенныхъ классовъ народа и снова завоевывали потерянныя, но неизмѣнныя права мыслящаго познанія и врожденнаго человѣческаго достоинства. Въ этомъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, заключается ихъ величіе, ихъ неотъемлемое историческое значеніе". Въ послѣднемъ, пятомъ, изданіи книги Геттнера замѣчено, что послѣ его примѣра въ нѣмецкой литературѣ уже, напримѣръ, гораздо справедливѣе, чѣмъ прежде, относятся къ Вольтеру; таковы труды Штрауса и особенно Маренгольца [1]). Подобнымъ образомъ Геттнеръ является, сравнительно съ прежнею точкою зрѣнія, защитникомъ драматическихъ произведеній Корнеля и Расина, въ которыхъ, несмотря на ихъ искусственную натянутую форму, онъ указываетъ однако поэтическія достоинства. Подобнымъ образомъ онъ объясняетъ мало признаваемое прежде значеніе Лабрюйера, Лесажа и пр. И даже въ томъ, что̀ было давно извѣстно, Геттнеръ даетъ фактамъ новое и живое освѣщеніе. „Относительно писателей, какъ Вольтеръ, Дидро, Бомарше, Руссо, Геттнеръ обнаруживаетъ и проницательность историческаго сужденія, и рѣшимость признать великое, значительное и пролагающее путь новому развитію, даже тамъ, гдѣ это связано съ именами, справедливо или несправедливо ненавистными".

Исторія нѣмецкой литературы, какъ мы упоминали, чрезвычайно разрослась сравнительно съ первыми томами. Это объясняется естественно тѣмъ, что онъ обращался къ нѣмецкимъ читателямъ, которымъ нужно было объясненіе бо̀льшей массы извѣстныхъ фактовъ; притомъ для объясненія тѣхъ самостоятельныхъ движеній, какія возникли въ Германіи въ отпоръ чужеземнымъ вліяніямъ, историкъ считалъ нужнымъ возвратиться къ національнымъ литературнымъ зачаткамъ временъ реформаціи, а съ другой стороны онъ хотѣлъ завершить исторію того движенія конца XVIII вѣка, послѣднимъ отголоскомъ и развитіемъ кото-

[1]) Literaturgeschichte, Braunschweig, 1894, II, стр. 188.

раго была дѣятельность Шиллера и Гёте и возникающая романтическая школа. Положеніе историка было здѣсь уже совершенно иное: предметъ, который предстояло ему излагать, множество разъ излагался нѣмецкими историками литературы и, повидимому, ему не оставалось сказать чего-нибудь новаго. „Но это могло только казаться,—говоритъ его біографъ.—Кто занимался ближе литературными предметами, тотъ знаетъ, что исторія нѣмецкой литературы XVIII вѣка, подобная книгѣ Геттнера, не существовала, что многочисленные труды въ этой области способны были дать только совершенно ложную картину научнаго и художественнаго развитія нѣмецкаго народа. Потому что вообще здѣсь шли только двумя путями. Или сухо говорили о сухости, а также и пустотѣ нѣмецкой литературы до Лессинга, или повторяли обыкновенныя суровыя осужденія всего XVIII вѣка до выступленія Лессинга. Стало какъ будто правиломъ критическаго и литературнаго высокомѣрія смотрѣть на все предшествовавшее Лессингу развитіе свысока, съ величайшимъ, рѣзкимъ пренебреженіемъ. Геттнеръ, вѣрный характеру всего своего труда и вѣрный характеру своей критики, вообще сочувственной, обсуждающей писателей на основаніи ихъ данныхъ условій, принялъ въ противоположность этому совершенно другой путь. Основной тонъ и отличительная черта его изложенія и нѣмецкой литературы, даже тамъ, гдѣ она представляется еще въ несомнѣнномъ подчиненіи литературѣ англійской и французской, этотъ тонъ и изложеніе вполнѣ положительные. Авторъ доказалъ, что самое точное историческое сужденіе можетъ соединяться съ дѣйствительнымъ піэтетомъ, что можно сознавать самыя высокія и послѣднія требованія искусства, не обвиняя и не предавая поношенію тѣхъ, которые едва были въ состояніи удовлетворять самымъ грубымъ и второстепеннымъ художественнымъ требованіямъ. Изложеніе нѣмецкой литературы отличается въ этомъ отношеніи отъ однородныхъ произведеній отрицательнаго характера тѣми свойствами, которыя всегда различаютъ продуктивную критику и скептицизмъ, стремленіе къ истинѣ и стремленіе къ разрушенію".

Понятно, что это постоянное правило опредѣлять писателя по условіямъ его времени и его собственнымъ стремленіямъ становилось только правиломъ дѣйствительно исторической критики и безпристрастія, и понятно также, что біографъ могъ восхвалять въ изображеніи XVIII вѣка у Геттнера величайшую живость и наглядность, могъ указывать на то, что большое число давно забытыхъ фактовъ было вновь оживлено въ связи его разсказа. Но рядомъ съ этимъ Геттнеръ умѣлъ самостоятельно опредѣ-

лять и тѣ крупныя, основныя явленія XVIII вѣка, которыя до тѣхъ поръ только возвеличивались историками, и для которыхъ онъ находилъ теперь болѣе спокойную и многостороннюю критику.

Обширный трактатъ былъ посвященъ имъ Лессингу, и здѣсь, какъ замѣчаетъ біографъ, онъ долженъ былъ бы закончить исторію нѣмецкаго „просвѣщенія“, насколько она была связана съ англійскими и французскими вліяніями. „Какъ Винкельманнъ, такъ и Лессингъ стоятъ уже выше эпохи „просвѣщенія“, взятаго даже въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но довольно понятно, что писателя влекло къ изображенію и того славнаго исполненія обѣтованій того періода нѣмецкой литературы отъ послѣдней трети XVIII вѣка, въ которомъ нѣмецкій духъ, столь долго зависимый отъ чужеземныхъ вліяній, самъ воспринялъ руководство и господство“. Одну изъ послѣднихъ книгъ своего труда Геттнеръ издалъ между прочимъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „Гёте и Шиллеръ“ (1876). Это — продолженіе исторіи просвѣщенія, которая начинается изображеніемъ той великой борьбы противъ просвѣщенія, которая извѣстна подъ названіемъ періода „бурныхъ стремленій“ и дѣйствительно оказалась замѣчательнымъ переворотомъ въ умственной жизни Германіи. „Геттнеръ,—говоритъ біографъ, —справедливо настаиваетъ, кромѣ литературной, также на общественной сторонѣ этого важнаго переворота, и намъ кажется, что онъ могъ бы пойти въ этомъ направленіи еще дальше. Его общее изображеніе этого движенія, сравнительно съ новѣйшими любимыми представленіями его, было вполнѣ апологетическимъ. Только тотъ, кто не понялъ, что раціонализмъ и литературная школа полезности, предводителями которой въ теченіе десятковъ лѣтъ были Николаи и Энгель, не допускали никакого развитія; что нравоучительная поэзія, которая и не была вовсе поэзіей, могла только въ очень слабой степени подойти къ дѣйствительной жизни; кто не можетъ видѣть, что въ одномъ гётевскомъ „Вертерѣ“ было больше природы и „реальности“, чѣмъ въ романахъ берлинскихъ просвѣтителей, только тотъ можетъ обвинять „бурныя стремленія“, какъ заблужденіе. Геттнеръ не отвергаетъ ни одного изъ излишествъ, которыя происходили изъ необузданности фантазіи и фантастики, изъ нормальной страсти, какъ и изъ грубаго эгоизма. Онъ самымъ рѣзкимъ образомъ осуждалъ отдѣльные примѣры самомнѣнія и произвола фантазіи у людей бурныхъ стремленій, но онъ твердо держится того взгляда, что изъ бурныхъ стремленій выросли не только нѣмецкая классическая литература, но и большая часть того, что до-

рого и необходимо нѣмцамъ въ ихъ общественной жизни и образованіи". Упомянувъ о томъ, что къ „философамъ чувства" и піэтистическимъ мечтателямъ, какъ Гаманнъ, Якоби, Лафатеръ, Юнгъ-Штиллингъ, Геттнеръ относится большею частью отрицательно, біографъ замѣчаетъ, что даже и здѣсь замѣчательнымъ образомъ обнаруживается рѣдкая любовь къ справедливости и способность Геттнера понимать даже въ натурахъ ему совсѣмъ чуждыхъ то, что̀ могло быть въ нихъ оправдано. Подобнымъ образомъ онъ говоритъ и о геттингенскомъ „союзѣ поэтовъ". „Особенностью Геттнера,—прибавляетъ еще біографъ,—было то, что онъ, относясь большею частію съ необыкновеннымъ чувствомъ справедливости и съ самой тонкой наблюдательностью къ слабымъ сторонамъ прежнихъ критическихъ сужденій, давалъ новое, пересмотрѣнное, окончательное рѣшеніе, но что онъ затруднялся становиться прямо въ рѣзкое противорѣчіе съ своими предшественниками".

Въ заключеніе біографъ подтверждаетъ свои выводы словами литературнаго историка изъ новаго поколѣнія, упомянутаго нами выше Зейферта: „Относительно матеріала и плана трудъ Геттнера исполненъ какъ немногіе другіе; ясная наглядность цѣлаго, сообщеніе мѣтко выбранныхъ цитатъ, умѣренная субъективность сужденій, согласная съ мнѣніями лучшихъ умовъ, всѣ эти свойства дѣлаютъ необыкновенно удобнымъ для читателя оріентироваться въ книгѣ о тѣхъ или другихъ культурныхъ эпохахъ. И это есть, конечно, удивительно неблагодарный, но обычный знакъ полнаго признанія, когда книга молча обкрадывается, это—краснорѣчивое свидѣтельство того, что содержаніе книги принадлежитъ къ несомнѣнному образовательному капиталу".

Возвращаемся къ послѣднимъ годамъ жизни Геттнера. Завершивъ, наконецъ, многолѣтній трудъ, Геттнеръ вернулся опять къ любимымъ интересамъ исторіи искусства. Зиму 1870—1871 и затѣмъ лѣто онъ посвятилъ пересмотру своихъ художественно-историческихъ матеріаловъ и приготовленіямъ къ давно желанному путешествію въ Италію. Это путешествіе состоялось во второй половинѣ 1871 года. Снова былъ онъ въ Венеціи, въ первый разъ ближе познакомился съ сѣверной Италіей, которую прежде видѣлъ очень мало; въ Туринѣ свидѣлся съ старымъ другомъ Молешоттомъ и уговорился встрѣтиться съ нимъ еще во Флоренціи; въ первый разъ осмотрѣлъ Геную, затѣмъ направился въ давно знакомые Флоренцію, Римъ и Неаполь. Италія съ своей

природой и чудесами древняго и новѣйшаго искусства, которыя были для него такъ долго предметомъ страстнаго увлеченія и внимательнаго изученія, наполнила его и теперь тѣмъ же восторгомъ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Для него воскресали мечты его юности. „Съ Флоренціей,—писалъ онъ,—случилось на этотъ разъ то же, что̀ случилось въ мое первое и второе пребываніе здѣсь. Меня подавляетъ неизмѣримое богатство матеріала. Для того, кто дѣлаетъ главнымъ предметомъ своего путешествія не древнюю, а новѣйшую исторію искусства, Флоренція важнѣе Рима. Я работаю постоянно, но уѣду отсюда съ сознаніемъ, что я прекратилъ, но не окончилъ свои изученія". „Когда покидаешь Флоренцію,—говорилъ онъ въ другомъ письмѣ, —всегда мучитъ совѣсть... Возбужденій къ будущей работѣ множество, но мало надежды исполнить ее. Въ виду этихъ великихъ памятниковъ получаешь основательное недовѣріе къ книжническому знанію".

Онъ былъ еще разъ въ Италіи не надолго въ 1875 и, наконецъ, въ 1877. Результаты своихъ изученій онъ намѣревался собрать въ одно цѣлое, которое должно было представить исторію искусства Возрожденія. Но этотъ планъ требовалъ еще стольких изслѣдованій, что онъ ограничился исполненіемъ его въ отдѣльныхъ трактатахъ, которые только впослѣдствіи могли достигнуть полнаго объема задачи. Это были „Italienische Studien", первый томъ которыхъ вышелъ въ 1879 и заключалъ нѣсколько художественно-историческихъислѣдованій изъ эпохи Возрожденія. Характеръ своего историческаго взгляда онъ опредѣлилъ двумя эпиграфами. Одинъ былъ взятъ изъ извѣстнаго историка искусства Румора: „Совершенно такъ же, какъ въ жизни и природѣ, въ искусствѣ не бываетъ ничего прекраснаго, что̀ хочетъ быть прекраснымъ только для самой красоты; но необходимую сущность сообщаетъ художественному произведенію его непосредственная связь со всей жизнью времени, изъ глубоко почувствованныхъ истинныхъ стремленій и потребностей котораго это художественное произведеніе произошло". Другой эпиграфъ взятъ изъ „Исторіи города Рима" Грегоровіуса: „Великое значеніе, какое принадлежитъ итальянской живописи въ исторіи культуры, имѣетъ столь высокую прелесть именно потому, что эта живопись доставила въ своихъ краскахъ отпечатокъ и воплощеніе для цѣлой догматической исторіи человѣчества, для самыхъ интимныхъ понятій и ощущеній вѣка". Такимъ образомъ историкъ искусства хотѣлъ разсматривать его произведенія главнымъ образомъ съ той стороны, гдѣ онѣ находились въ тѣснѣйшей связи съ цѣлою духов-

ною жизнью, религіозными воззрѣніями, поэтическими идеалами, научными стремленіями времени. Послѣ этого перваго тома явился еще одинъ трактатъ, который долженъ былъ служить началомъ второй серіи итальянскихъ изученій,—но на этомъ работа остановилась.

Въ семидесятыхъ годахъ Геттнеръ по преимуществу занятъ былъ этими и другими трудами по исторіи искусства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не покидалъ и художественныхъ вопросовъ литературы. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ издалъ съ своимъ предисловіемъ знаменитые „Эстетическіе опыты" Вильгельма Гумбольдта о „Германнѣ и Доротеѣ" Гёте, три драмы Лессинга, стихотворенія Фридриха Мюллера (такъ называемый Maler Müller) со своими введеніями; теперь онъ издалъ переписку Георга Форстера съ Зёммерингомъ.

Его личная жизнь въ Дрезденѣ, наполненная постоянной дѣятельностью, окружена была уваженіемъ многочисленныхъ друзей и почитателей изъ художественнаго и литературнаго міра и большимъ почетомъ въ оффиціальныхъ кругахъ; въ послѣдніе годы шла рѣчь о приглашеніи его въ Лейпцигъ и Берлинъ, но съ одной стороны онъ отвыкъ отъ университетской жизни, съ другой—ему стало измѣнять здоровье. Онъ умеръ 29 мая 1882.

Относительно взглядовъ Геттнера на разработку исторіи литературы мы находимъ слѣдующія замѣчанія въ томъ же обзорѣ трудовъ Геттнера у Зейферта, который былъ близокъ и самому писателю. „По всей писательской дѣятельности Геттнера,—говоритъ Зейфертъ,—можно придти къ заключенію, что онъ относился совершенно отрицательно ко всему, что̀ называютъ филологической работой въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ его литературно-историческаго изслѣдованія лежитъ не филологія, но философія и исторія культуры. Онъ есть всегда эстетическій и рѣдко техническій критикъ. И, конечно, онъ не счелъ бы для себя почетнымъ именемъ, еслибы его называли филологомъ. И тѣмъ больше я былъ изумленъ, когда услышалъ отъ него безусловное признаніе филологическаго пріема изслѣдованія. То, въ чемъ прежде всего оказывается филологическій методъ, точность въ установленіи текста со всѣми мелкими послѣдствіями этого, онъ указывалъ какъ важнѣйшую основу всего изученія. Стремленіе къ стилистическимъ наблюденіямъ онъ также одобрялъ. Онъ только не думалъ, чтобы наблюденія основывались только на внѣшностяхъ. Противъ сопоставленія формулъ и фразъ, которыя, не имѣя характера сами по себѣ, не допускаютъ никакихъ заключеній о формѣ и планѣ художественнаго

произведенія, противъ поверхностнаго собиранія случайныхъ сходствъ, онъ возставалъ со всею рѣзкостью, со своей часто крѣпкой насмѣшкой. Гдѣ ему казалось, что принимается во вниманіе только мертвая буква, онъ тотчасъ готовъ былъ давать этому кличку александринизма, которую онъ нерѣдко примѣнялъ къ нынѣшнему изложенію литературы. Онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ все, что̀ было только методомъ; онъ презиралъ всѣхъ, которые, не имѣя собственнаго сужденія, потѣютъ по указанію извѣстной школьной выучки... И слѣдствіемъ этого, не всегда справедливо судившаго, взгляда, было то, что онъ осуждалъ воспитаніе студентовъ въ семинаріяхъ [1]). Его сильная, увѣренная въ себѣ, вполнѣ сознававшая свою цѣну субъективность думала находить въ этихъ учрежденіяхъ, которыхъ онъ достаточно не зналъ и потому односторонне и слишкомъ низко цѣнилъ, или подавленіе ума, низведеніе его до машины, или вредное для науки вооруженіе бесталанной головы на ученую работу. Съ этимъ взглядомъ соединялось отрицательное сужденіе объ изученіяхъ въ тѣсной, небольшой области, о вознѣ съ мелкими подробностями. Въ своей исторіи литературы онъ показалъ, что для него не была лишена значенія даже и незначительная подробность, какъ скоро она, какъ новая черта, способствовала изображенію цѣлой картины. Но только на этомъ условіи онъ признавалъ опубликованіе частныхъ изслѣдованій. Какъ самъ онъ все возводилъ къ цѣлому и въ индивидуальномъ искалъ всегда общаго, такъ должны были дѣлать и другіе; и они должны были изучать самыя мелкія подробности, но должны были пощадить общество отъ сообщенія этихъ подробностей, если онѣ не служили при этомъ плану высшаго порядка. Такъ онъ, которому не оставалось чуждо ни одно изъ важнѣйшихъ новыхъ литературно-историческихъ изслѣдованій, жалѣлъ, что столько силъ и времени у людей работающихъ, а потомъ по необходимости и у воспринимающихъ, тратилось при этихъ занятіяхъ второстепенными отдѣльными явленіями. Принять въ соображеніе всѣ даже маловажныя произведенія, которыя были нужны для обсужденія писателя, такъ или иначе значительнаго, было для него священной обязанностью. Но когда съ многорѣчивой обстоятельностью говорили о какомъ-нибудь мелкомъ лицѣ, не открывая въ немъ черты, которая измѣняла бы принятое сужденіе объ этомъ мелкомъ лицѣ, какъ это дѣлаютъ иныя новѣйшія работы, онъ биче-

[1]) Разумѣются спеціальныя факультетскія занятія студентовъ подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора.

валъ это съ великимъ раздраженіемъ. Наоборотъ, его теплое признаніе непремѣнно получалъ каждый трудъ, который ставилъ болѣе широкую задачу, хотя бы иногда юношеская незрѣлость не могла вполнѣ справиться съ предпріятіемъ. Какъ рѣзко Геттнеръ относился къ тому, что̀ противорѣчило его взглядамъ, такъ мягко относился онъ ко всему, что какимъ-либо образомъ внушало ему уваженіе. Его сочувствіе было обезпечено для каждаго, кто обнаруживалъ слѣды самостоятельнаго пониманія, свободнаго сужденія, если предметъ излагался просто и съ достоинствомъ. Потому что негодованіе противъ манернаго стиля, противъ погони за эффектами, могло совершенно отравить для него удовольствіе отъ самой лучшей книги. Его наука и сообщеніе ея были для него дѣломъ сердца, какъ необходимая часть его образованія, его жизни. Поэтому онъ не хотѣлъ видѣть, чтобы она была унижаема сухой ученостью или вычурной искусственностью".

Въ этихъ взглядахъ на историко-литературное изслѣдованіе сказался, очевидно, питомецъ философской школы конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, въ свое время преданный вопросамъ нравственной философіи и искусства и, видимо, менѣе заинтересованный вопросами собственной филологіи. Когда Геттнеръ приступалъ къ своему историко-литературному труду, основная задача состояла для него именно въ „исторіи идей", притомъ идей, составлявшихъ непосредственный источникъ новѣйшаго умственнаго и общественнаго движенія: здѣсь требовалось главнымъ образомъ изучить историческое положеніе обществъ, перечитать наличную литературу, пересмотрѣть готовыя біографіи писателей, и сущность работы, которая и составила главную заслугу историка, состояла въ группировкѣ фактовъ, въ раскрытіи ихъ внутренняго смысла, въ опредѣленіи основныхъ теченій историческаго развитія, и относительно главнѣйшихъ явленій поэтической литературы въ опредѣленіи ихъ художественной цѣны. По всему характеру задачъ, это была гораздо меньше работа филолога, чѣмъ работа историка культуры и историка философіи. Отсюда, его историко-литературныя требованія относились именно къ той сторонѣ изслѣдованія, которая имѣла первостепенную важность для него самого и въ данномъ предметѣ. Понятно, однако, что эти требованія не могли быть поставлены исключительно. Цѣлые обширные періоды литературы, и именно старые періоды, могли стать въ первый разъ доступны для историко-литературнаго обобщенія лишь послѣ упорной филологической работы,—когда требовалось разыскать и издать самые памятники,

установить ихъ „редакціи“, опредѣлить самую эпоху, къ которой они принадлежали (потому что даже это не всегда было ясно), наконецъ изслѣдовать языкъ, стиль и т. д. Здѣсь неизбѣжно требовались именно тѣ мелочныя детальныя работы, въ которыхъ не могло быть рѣчи о какихъ-либо обобщеніяхъ, потому что только мало-по-малу добывался самый матеріалъ и получалъ первоначальныя ближайшія объясненія. Съ другой стороны, однако, понятны тѣ требованія, какія ставилъ Геттнеръ: детальныя работы имѣютъ свойство такъ увлекать спеціалистовъ, что послѣдніе нерѣдко теряютъ всякій интересъ къ цѣлому ходу историко-литературнаго развитія: накопляются подробности, имѣющія нерѣдко весьма важное значеніе въ этомъ развитіи, но историческая работа еще долго бываетъ непроизводительной, когда новыя данныя остаются неразвитыми и необобщенными. „Воспринимающая“ часть общества, т.-е. его масса, довольствуется прежними обобщеніями, которыя отжили свое время. Геттнеръ именно думалъ, что историко-литературный трудъ, кромѣ его технической стороны, долженъ имѣть еще болѣе широкую идею цѣльнаго историческаго построенія, съ которою онъ только и можетъ удовлетворить истинно научному требованію, а вмѣстѣ совершить другую великую задачу—служить сознанію общества и его воспитанію.

А. Пыпинъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

(„Правит. Вѣстникъ“, 1896 г., № 265).

Съ давнихъ поръ, въ университетахъ Имперіи, студенты группировались въ кружки: по общности происхожденія изъ одной мѣстности, окончанія курса въ одной гимназіи или принадлежности къ народности, представителей которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающіе въ университетъ разыскивали старшихъ товарищей по гимназіямъ, земляковъ, и примыкали къ „землячеству“, которое обыкновенно носило соотвѣтствующее названіе: „рязанское землячество“, „орловское“, „сибирское“, „украинское“, „грузинское“, и т. д. Первоначально землячества преслѣдовали исключительно задачи матеріальной взаимопомощи, и съ этою цѣлью учреждали свои кассы, устроивали подписки, лотереи, вечеринки, и собираемыя средства выдавали въ ссуду или пособіе нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ университетахъ землячества начали расширять свои задачи и вводить въ свою программу, кромѣ матеріальной помощи, стремленіе къ самообразованію. Возникли земляческіе „кружки саморазвития“, причемъ на этой почвѣ многія землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвативъ себя исключительно изученію соціологіи и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Всѣ кружки съ такимъ направленіемъ весьма скоро обратились къ изученію господствующихъ революціонныхъ ученій, къ чтенію запрещенныхъ цензурою сочиненій и произведеній подпольной печати, а затѣмъ и сами, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, стали выражать сочувствіе революціонному движенію, оказывать, изъ земляческихъ средствъ, пособія въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ („красный крестъ партіи народной воли“), и, нако-

нецъ, члены такихъ землячествъ стали пополнять собою ряды активныхъ революціонеровъ.

Въ этотъ періодъ существованія землячествъ появилась мысль, въ видахъ увеличенія оборотовъ земляческихъ кассъ, соединить средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая, подъ управленіемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ, удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и вѣдала бы нѣкоторые обще-студенческіе интересы.

На этомъ основаніи, въ концѣ 80-хъ годовъ, въ московскомъ университетѣ образовалась, такъ называемая, „центральная касса", въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, причемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ завѣдыванію кассою, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣшиваться въ разныя студенческія дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительномъ времени при „центральной кассѣ" организовался „студенческій судъ", который сталъ по своему усмотрѣнію разбирать не только недоразумѣнія между студентами и требовать удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію депутатовъ, были недостойны званія студента, но присвоилъ себѣ даже право осуждать дѣятельность профессоровъ и учебнаго начальства, публикуя свои рѣшенія особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „центральная касса" уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоившему себѣ наименованіе „союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ". Къ этому учрежденію первоначально присоединилось 24 землячества; нынѣ же „союзный совѣтъ" располагаетъ голосами 45 землячествъ, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1.500 студентовъ, что̀ составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ московскаго университета.

„Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ", совмѣщая въ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ обще-студенческимъ дѣламъ, считаетъ себя выразителемъ желаній всего московскаго студенчества и присвоиваетъ себѣ право руководить самовластно мнѣніемъ студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни.

Такъ, „союзный совѣтъ", по своему усмотрѣнію, возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ „союзный совѣтъ", признавъ несоотвѣтствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ профессоровъ, прислалъ ему свое рѣшеніе съ требованіемъ объ оставленіи каѳедры; во время тулонскихъ празднествъ „союзный совѣтъ", отъ имени всего студенчества, выразилъ французскимъ студентамъ „свое негодованіе по поводу раболѣпства свободной націи передъ представителями са-

модержавнаго режима". Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 г. „союзный совѣтъ" возбудилъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но, черезъ посредство своихъ эмиссаровъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ, о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 года, о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда, и т. п. Возбужденное „союзнымъ совѣтомъ" волненіе среди студентовъ въ Имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры, вслѣдствіе чего, въ началѣ 1895 года, наличный составъ „союзнаго совѣта" былъ арестованъ во время сходки, и отобранные по обыскамъ у членовъ „совѣта" документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого сообщества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ обще-студенческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года, возстановившійся „союзный совѣтъ" призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты Имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основаній къ неудовольствію студентовъ, „союзный совѣтъ" рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе, на одну изъ каѳедръ медицинскаго факультета, профессора, не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ былъ отвергнутъ землячествами, но на послѣдующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голосовъ при 1.000 баллотировавшихъ. Несмотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ „объединенныхъ землячествъ", не нашло совмѣстнымъ съ своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лекцій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи.

Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, опекая столь заботливо достоинство студенчества, „союзный совѣтъ" не упускалъ изъ виду и своихъ „общественныхъ обязанностей" и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачникамъ. Шапка, со вложеннымъ въ нее воззваніемъ,

ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій, для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 руб. изъ земляческихъ средствъ.

Для правильнаго сужденія о цѣляхъ организаціи „союзнаго совѣта", его ближайшихъ задачахъ и способахъ дѣйствія, представляется полезнымъ помѣстить здѣсь текстъ общихъ соображеній, изложенныхъ въ воззваніи „союзнаго совѣта объединенныхъ московскихъ землячествъ", отъ 21-го октября сего года:

„I. Союзный совѣтъ полагаетъ, что главною цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ къ политической дѣятельности.

„II. Союзный совѣтъ считаетъ, что организованный активный протестъ въ данную эпоху все усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе.

„III. Союзный совѣтъ находитъ фактъ съ профессоромъ X достаточно важнымъ мотивомъ для поднятія организованныхъ безпорядковъ—съ цѣлью борьбы противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія общегосударственной политики, безпорядковъ, къ которымъ должно привлечь студенческія массы тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ имѣются студенческія организаціи.

„IV. Союзный совѣтъ проситъ землячества и другіе университеты дать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

„1) Присоединяются ли землячества и университеты къ мнѣнію союзнаго совѣта, что слѣдуетъ открыто протестовать въ настоящее время противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторіею съ означеннымъ профессоромъ?

„2) Если присоединяются, то предоставляютъ ли союзному совѣту право организовать протестъ и выработать программу требованій?

„3) Согласны ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ совѣтомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

„V. Землячества, не подавшія своихъ отвѣтовъ союзному совѣту къ 5-му ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

„VI. Каждое землячество должно представить статистическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ совѣтомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

„Въ защиту высказанныхъ положеній союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

„Современный университетскій режимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борясь противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ зака-

ляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведеніе реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціею профессуры и упадкомъ чувства собственнаго достоинства въ студенчествѣ"... „Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновавъ студенческую среду, вызовутъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ станетъ ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бываетъ предѣлъ его терпѣнію. Исторія съ профессоромъ X является достаточнымъ поводомъ для возбужденія обще-студенческаго движенія"...

Неуспѣхъ агитаціи по избранному „союзнымъ совѣтомъ" поводу понудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно произвести уличную демонстрацію съ политическою окраскою, и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціею, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою цѣлью „союзный совѣтъ" выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18-го ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ, „и своимъ присутствіемъ", какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14-го ноября, „выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой,—протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ".

Обнаруженное „союзнымъ совѣтомъ" намѣреніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка, въ числѣ 56 человѣкъ, причемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16-го и 17-го ноября, у этихъ лицъ найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостовѣряющія ихъ принадлежность къ „союзному совѣту" и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо документовъ означеннаго характера, у многихъ изъ членовъ „союзнаго совѣта" найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именующагося „рабочимъ союзомъ", и преступныя изданія подпольной печати.

Несмотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой организаціи, 18-го ноября, утромъ, группа студентовъ, численностью до 500 человѣкъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воззваніемъ, направилась къ Ваганькову кладбищу, но у Прѣсненской заставы была остановлена полиціею. Отказавшись разойтись, толпа повернула на-

задъ и, по Никитской улицѣ, направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Вслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36 человѣкъ, замѣченныхъ въ руководительствѣ безпорядкомъ и подстрекательствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушательницъ женскихъ курсовъ и непринадлежащихъ къ составу университета лицъ.

19-го ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человѣкъ студентовъ, которая послала 20 депутатовъ для предъявленія ректору требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Ректоръ отказался принять депутатовъ, въ виду того, что сходки и коллективныя заявленія воспрещены уставомъ университета, но, несмотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли въ квартиру ректора, который отказался выслушать ихъ заявленіе и предложилъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись; въ виду же отказа большинства толпы исполнить это требованіе, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушниковъ къ содѣйствію полиціи, которая вошла въ университетъ и препроводила участниковъ сходки въ манежъ, гдѣ и были записаны 403 человѣка, отправленные затѣмъ въ тюремный зàмокъ.

20-го и 22-го ноября въ университетѣ собрались вновь шумныя сходки, участники которыхъ, вслѣдствіе упорнаго отказа разойтись, также были арестованы, по требованію учебнаго начальства, мѣрами полиціи, причемъ задержаны: въ 1-й день—206, а во-2-й—66 человѣкъ. Изъ общаго числа арестованныхъ—711 человѣкъ, нѣкоторые обратили на себя особое вниманіе администраціи и учебнаго начальства, какъ организаторы и руководители безпорядковъ, вслѣдствіе чего дѣло о нихъ, а также объ арестованныхъ 17-го ноября членахъ „союзнаго совѣта" имѣетъ быть направлено въ порядкѣ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Виновность же остальныхъ 662 студентовъ была разсмотрѣна университетскимъ судомъ, который, раздѣливъ ихъ на три категоріи, постановилъ:

„1) студентовъ первой категоріи, въ числѣ 26 человѣкъ, участвовавшихъ въ названныхъ сборищахъ, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ или ранѣе замѣченныхъ въ университетѣ въ проступкахъ

и нарушеніяхъ правилъ, уволить изъ университета съ правомъ поступленія въ другіе университеты съ начала будущаго академическаго года;

„2) студентовъ второй категоріи, въ числѣ 175 человѣкъ, участвовавшихъ въ сборищахъ два раза, — подвергнуть тому же наказанію,—и

„3) студентовъ третьей категоріи, въ числѣ 461, участвовавшихъ въ сборищахъ одинъ разъ, уволить изъ университета съ правомъ обратнаго поступленія съ начала будущаго учебнаго года.

„Но, принимая во вниманіе, что студенты участвовали въ сборищахъ, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства дѣла, подъ давленіемъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли, несовмѣстимыя съ правильнымъ теченіемъ университетской жизни, правленіе рѣшило ходатайствовать относительно студентовъ второй и третьей категорій, въ числѣ 636 человѣкъ, передъ министромъ народнаго просвѣщенія, о смягченіи указанныхъ выше наказаній, а именно: подвергнуть этихъ студентовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ соотвѣтственно степени ихъ вины, по опредѣленію правленія, на основаніи дѣйствующихъ правилъ для студентовъ, съ послѣдствіями, указанными § 37 сихъ правилъ, и съ предупрежденіемъ, что означенные студенты, въ случаѣ новаго участія въ сходкахъ и недозволенныхъ сообществахъ, будутъ исключаемы изъ университета безъ всякаго смягченія ихъ участи".

Ходатайство правленія Императорскаго московскаго университета о лицахъ, отнесенныхъ ко II и III категоріямъ, было уважено министромъ народнаго просвѣщенія, и они въ теченіе 25-го, 26-го и 27-го ноября освобождены изъ-подъ стражи, въ числѣ 636 человѣкъ.

Вслѣдъ за симъ, 27-го ноября, въ стѣнахъ университета было вывѣшено нижеслѣдующее объявленіе:

„Ректоръ Императорскаго московскаго университета, согласно распоряженію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, симъ сообщаетъ студентамъ, что: а) всѣ тѣ изъ нихъ, которые будутъ участвовать вновь въ сходкахъ или иныхъ коллективныхъ проявленіяхъ неповиновенія университетскому начальству, а равно полиціи, будутъ арестованы и немедленно высланы изъ Москвы, причемъ они будутъ считаться уволенными безъ прошенія; б) не желающіе подчиниться установленнымъ университетскимъ правиламъ и распоряженіямъ начальства, могутъ получать обратно свои документы въ установленный начальствомъ университета срокъ и будутъ считаться уволенными по прошенію".

Чтеніе лекцій въ университетѣ безпрерывно продолжалось, а съ 23-го ноября порядокъ явнымъ образомъ болѣе не нарушался, въ виду чего можно надѣяться, что благоразуміе студентовъ стар-

шихъ курсовъ одержитъ верхъ надъ искусственно возбужденной „союзнымъ совѣтомъ" агитаціей, и нормальный порядокъ возстановится безъ особаго ущерба для правильнаго теченія университетской жизни.

Не довольствуясь возбужденіемъ безпорядка въ московскомъ университетѣ, „союзный совѣтъ" разослалъ своихъ делегатовъ въ другіе университеты, а также увлекъ своимъ примѣромъ и слушателей Императорскаго московскаго техническаго училища. Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки, для обсужденія предложенія московскаго „союзнаго совѣта" о возбужденіи общестуденческихъ безпорядковъ, съ цѣлью добиться возстановленія устава 1863 г. и разныхъ другихъ неосновательныхъ требованій, а также освобожденія арестованныхъ въ Москвѣ студентовъ; но сходки эти, подъ вліяніемъ увѣщаній учебнаго начальства, расходились, не вызывая до сего времени необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи.

Настоящее сообщеніе, разъясняющее, на основаніи документальныхъ данныхъ, дѣйствительное значеніе и цѣли обще-студенческихъ организацій и союзовъ, представляетъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумнаго большинства самихъ студентовъ, твердое основаніе правильно оцѣнить безразсудство и опасность пути, на который увлекаются незрѣлые молодые люди усиліями тайныхъ политическихъ агитаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ нихъ послушное орудіе къ достиженію своихъ преступныхъ цѣлей.

ОБОРОТЫ И ОПЕРАЦІИ КАЗНЫ

въ 1895 году

ПО ОТЧЕТУ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ.

Желѣзнодорожное хозяйство. — Казенныя желѣзныя дороги. — Обороты частныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Казенные горные заводы. — Казенная продажа спирта и водки въ 20 губерніяхъ.

Наиболѣе крупную отрасль государственнаго хозяйства составляютъ желѣзныя дороги, обороты которыхъ въ 1895 году достигли 218 м. р.—по доходамъ, и 242 м. р.—по расходамъ, независимо отъ назначенныхъ по чрезвычайной росписи этого года 96 м. р. на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на подвижной составъ и на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой сибирской желѣзной дороги.

Общій ходъ этого хозяйства за послѣднее (отчетное) десятилѣтіе 1886-1895 г. отмѣчается, при общемъ расширеніи желѣзнодорожной сѣти, преимущественно расширеніемъ сѣти казенной, какъ постройкою казною новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и преимущественно въ послѣднія пять лѣтъ переходомъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1896 году, общая желѣзнодорожная сѣть равнялась 24.500 верстъ, изъ которыхъ казенныхъ дорогъ было всего лишь около 3.500 верстъ. Въ 1891 году, при общемъ протяженіи сѣти въ 27.360 верстъ, было казенныхъ дорогъ безъ малаго 10.000 верстъ; наконецъ, въ 1895 году протяженіе всѣхъ дорогъ составляло 34.400 верстъ, а дорогъ, находившихся въ казенной эксплоатаціи, 21.687 верстъ [1]), что равнялось слишкомъ двумъ-третямъ всей сѣти.

[1]) Протяженіе казенныхъ дорогъ въ 1895 г. было больше на 779 верстъ, которыя не засчитаны въ указанной цифрѣ, такъ какъ находились въ арендѣ частныхъ обществъ. Сверхъ того, ни въ общую сѣть, ни въ казенную, не включены открытыя въ 1895 году для движенія 2.059 верстъ сибирской желѣзной дороги.

Увеличенію государственнаго желѣзнодорожнаго бюджета содѣйствовали не только постройки новыхъ дорогъ, но преимущественно переходъ частныхъ дорогъ въ казенное управленіе, такъ какъ по дорогамъ частныхъ обществъ въ государственный бюджетъ попадали только суммы, вносимыя обществами въ казну, и суммы, уплачиваемыя казною имъ, или за нихъ; по дорогамъ же казеннымъ въ бюджетъ входятъ валовые и доходы, и расходы. Поэтому ростъ бюджета оказывается какъ бы несоразмѣрно быстрымъ. За три указанные года онъ таковъ:

	Въ 1886 г.:	1891 г.:	1895 г.:
	Милліоны рублей.		
Доходы казны отъ всѣхъ жел. дорогъ.	55½	98½	218
Расходы казны отъ всѣхъ жел. дорогъ.	101	130	243
Недоборъ въ доходахъ . . .	45½	31½	25

Такимъ образомъ, хотя желѣзнодорожная сѣть въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1886 по 1895 годъ, увеличилась менѣе, чѣмъ на 40 процентовъ,—доходы казны отъ нея, за тотъ же періодъ, возросли почти вчетверо, а расходы—безъ малаго въ два съ половиною раза. При этомъ балансъ между доходами и расходами измѣнился мало: недоборъ доходовъ въ 1895 году уменьшился противъ недобора 1886 г. всего лишь на 44 процента. Уменьшеніе это зависѣло отчасти отъ болѣе экономнаго, подъ надзоромъ государственнаго контроля, хозяйства частныхъ дорогъ, а также и отъ болѣе выгодной эксплоатаціи казенной сѣти, какъ по вновь построеннымъ дорогамъ, такъ и особенно по тѣмъ, которыя были выкуплены отъ частныхъ обществъ [1]). По эксплоатаціи казенныхъ дорогъ въ упомянутые годы—

	Въ 1886 г.:	1891 г.:	1895 г.:
	Милліоновъ рублей.		
Получено доходовъ	12¾	60½	194½
Произведено расходовъ.	12	35½	125½

[1]) Почти всѣ бумаги (облигаціи и акціи), выпущенныя обществомъ желѣзныхъ дорогъ, были гарантированы правительствомъ, а такъ какъ доходовъ дорогъ недоставало для уплаты процентовъ и погашенія, то приплачивать постоянно приходилось казнѣ. Приплаты были тѣмъ крупнѣе, что, пользуясь неуязвимостью, общества по большей части вели эксплоатацію хищнически, заботясь не о выгодахъ дороги вообще, а о прибыляхъ, часто незаконныхъ, отдѣльныхъ лицъ.

Уже съ конца семидесятыхъ годовъ надъ оборотами частныхъ дорогъ, находившихся въ обязательныхъ къ казнѣ отношеніяхъ, особенно по дорогамъ несостоятельнымъ, былъ установленъ болѣе серьезный контроль, который хотя нѣсколько ограничилъ хищничество. Переходъ дорогъ въ казну еще болѣе, за рѣдкими исключеніями, устранилъ его. Во всякомъ случаѣ, переходъ частныхъ дорогъ въ казну долженъ быть признанъ выгоднымъ, даже несмотря на излишнюю регламентацію, свойственную казенному руководству промышленными предпріятіями (см. „Вѣстн. Европы“, іюнь, 1896 г., стр. 761 и слѣд.).

Если при такомъ выгодномъ отношеніи доходовъ къ расходамъ эксплоатаціи, въ результатѣ по оборотамъ дорогъ все-таки получался недоборъ, то причина этого заключалась въ огромныхъ платежахъ процентовъ и погашенія по строительнымъ капиталамъ дорогъ, которые, благодаря хищничеству при производствѣ работъ, далеко превышали дѣйствительную стоимость сооруженій. Казнѣ приходилось нести эти тяжелыя уплаты не только по своимъ дорогамъ, но приплачивать и по тѣмъ, которыя оставались въ распоряженіи частныхъ обществъ, такъ какъ доходовъ обществъ на полную оплату не хватало, и гарантія обязывала казну принять ее на себя; утѣшаться приходилось занесеніемъ излишне внесенной суммы—долгомъ за тѣмъ или другимъ желѣзнодорожнымъ обществомъ.

Въ три года, выбранные нами съ цѣлью дать понятіе объ общемъ движеніи желѣзнодорожныхъ бюджетовъ, по желѣзнодорожнымъ долгамъ уплачено:

	Въ 1886 г.	1891 г.	1896 г.
	Милліоны рублей.		
Всего уплачено	62	68	98½
Внесено частными обществами вмѣстѣ съ прибылями казны [1]	42½	41	26
Уплаты казнѣ	19½	27	72½

Эти-то уплаты и составили недоборъ. Впрочемъ, опредѣливъ недоборы въ приведенныхъ нами выше цифрахъ, объяснительная записка считаетъ правильнымъ понизить ихъ на суммы, отпущенныя на усиленіе и улучшеніе дорогъ, вслѣдствіе чего недоборъ 1895 года съ 25 м. р. уменьшился бы до 12 м. р.; но и затѣмъ записка считаетъ, что къ доходу казенныхъ желѣзныхъ дорогъ должны быть причислены еще 19 м. р., заработанныя дорогами въ 1895 г., но поступившія въ кассы государственнаго казначейства только въ 1896 г. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто недобора, явился бы избытокъ дохода. Едва ли съ этимъ взглядомъ можно согласиться. Расходы на усиленіе и улучшеніе путей составляютъ потребность эксплоатаціи, и они производились ежегодно, часто въ суммахъ гораздо бóльшихъ, нежели въ 1895 году (иногда до 30 м. р.), а потому совершенно правильно должны быть покрыты изъ текущихъ средствъ дорогъ. Что касается зачисленія въ доходъ 1895 г. суммъ, поступившихъ въ 1896 году, то такіе остатки бываютъ не по одному желѣзнодорожному бюджету: они сплошь и рядомъ оказываются по окладнымъ сборамъ, по пособіямъ казнѣ, да и по многимъ другимъ, при чемъ доходный бюд-

[1]) По уставамъ, въ случаѣ особенно выгодной эксплоатаціи той или другой дороги, часть чистаго дохода вносилась въ пользу казны. Въ указанные годы прибыль эта составляла: 6 м. р., 11 м. р. и 5½ м. р.

жетъ каждаго года наслѣдуетъ что-нибудь отъ предыдущихъ бюджетовъ. Зачисленія были бы и затруднительны, и безполезны. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ держаться постановленія государственнаго совѣта 1888 года: считать доходомъ росписи того или другого года всѣ суммы, поступившія въ государственное казначейство въ теченіе этого года, вплоть до 1 января слѣдующаго [1]).

Такимъ образомъ, правильнѣе всего остановиться на томъ, что и въ 1895 году желѣзныя дороги, несмотря на принятыя мѣры, все еще были въ убытокъ, и можно ожидать уравненія расходовъ съ доходами лишь въ будущемъ. Но это не служитъ помѣхой признать выгодность принятыхъ мѣръ: выкупа желѣзныхъ дорогъ въ казну; усиленнаго и настойчиваго, какъ документальнаго, такъ и фактическаго, контроля желѣзнодорожныхъ операцій, начиная отъ сооруженія дорогъ до ихъ пассажирскаго и грузового движенія. Самое сокращеніе приплатъ казны на 20 милл. рублей составляетъ весьма серьезное пріобрѣтеніе.

Въ предшествовавшемъ бюджетномъ обозрѣніи (декабрь, 1896 г.), говоря о долгахъ казны и казнѣ, мы коснулись того соображенія объяснительной записки, что увеличившаяся задолженность казны возмѣщается пріобрѣтеніемъ въ собственность желѣзныхъ дорогъ на сумму до $2^1/_2$ милліардовъ рублей. Необходимо остановиться на этомъ выкупѣ, которому въ разныхъ мѣстахъ отчета государственнаго контроля отведено много счетовъ. Признаемся, въ нихъ мы не могли вполнѣ разобраться и свести всѣ счеты къ опредѣленному итогу; мы склоняемся даже къ мысли, что въ нихъ отразилась та же запутанность, которая въ теченіе тридцати лѣтъ царила въ разсчетахъ казны съ желѣзными дорогами. Для того, чтобы оріентироваться, мы считали умѣстнымъ, вмѣсто многочисленныхъ и сложныхъ счетовъ, постараться обозрѣть общій ходъ отношеній дорогъ къ казнѣ.

Казна выкупаетъ дороги,—но у кого и какъ?—Средства для постройки дорогъ прежде всего доставлены облигаціями, гарантированными правительствомъ въ разъ навсегда опредѣленной суммѣ процентовъ и погашенія. Въ ходѣ дѣлъ дороги владѣльцы облигацій нисколько не заинтересованы: дорога, повидимому, даже не служитъ для нихъ обезпеченіемъ при банкротствѣ не только общества, но даже хотя бы и казны, гарантировавшей облигаціи. Облигаціи казна оставила у себя, размѣстила ихъ по собственному усмотрѣнію, какъ свои обязательства, и выдала за нихъ деньги дорогамъ, занеся

[1]) До 1888 года, и для доходовъ существовали льготные сроки, согласно которымъ въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ года, слѣдующаго за отчетнымъ, могли дополучаться недоборы предшествовавшаго года, со включеніемъ въ роспись этого года. Такой порядокъ производилъ только путаницу.

за ними долгомъ выданныя суммы. Въ дополненіе капитала, полученнаго отъ реализаціи облигацій, выпускались акціи, также съ гарантіей правительствомъ въ уплатѣ процентовъ; акціонеры образовывали общество, считавшееся собственникомъ дороги и управлявшее ею. Уплата процентовъ и погашенія по облигаціямъ и процентовъ по акціямъ должна была производиться изъ выручки дорогъ, но если ея недоставало, то остальное приплачивала казна, засчитывая выданныя на это суммы и причитающіеся на нихъ проценты новымъ долгомъ за желѣзными дорогами.

Такія приплаты, особенно въ первое время, были очень велики; по нимъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ ссудъ, выданныхъ дорогамъ, въ 1890 году за дорогами числилось долга казнѣ 1.131 м. р., независимо отъ облигацій. Вмѣстѣ же съ ними долгъ простирался на сумму до двухъ милліардовъ. При выкупѣ дорогъ предстояло уплатить ихъ стоимость, слагавшуюся прежде всего изъ суммъ, употребленныхъ на ихъ постройку и полученныхъ реализаціей облигацій и акціонерныхъ взносовъ. За облигаціи, конечно, платить не приходилось. Но съ акціонерами нужно было считаться—и не на основаніи доходности дорогъ: дороги могли быть совершенно бездоходны, но акціи, съ гарантіей правительства 5% по нимъ, представляли солидный капиталъ, который при выкупѣ дорогъ подлежалъ уплатѣ. Но это еще не все: въ уставахъ дорогъ предвидѣлся выкупъ, предвидѣлось и то, что во время выкупа доходность дороги могла развиваться. Вслѣдствіе этого въ пользу акціонеровъ были поставлены дополнительныя правила выкупа: для разсчета капитализаціи, исключеніе наименѣе доходныхъ лѣтъ, и принятіе для капитализаціи послѣднихъ лѣтъ, если они были болѣе выгодны, и т. п. Все это казною было разсчитано и заплачено акціонерамъ; накопившіеся за прежнее время за дорогами долги, разумѣется, остались неуплаченными, такъ какъ уплачивать ихъ было некому; ихъ, вмѣстѣ съ облигаціоннымъ долгомъ, просто списали со счетовъ. Отъ этого желѣзнодорожный долгъ казнѣ, доходившій еще въ 1892 году, послѣ выкупа многихъ желѣзныхъ дорогъ, до 1.800 милл. р., въ 1896 году, безъ всякихъ уплатъ, не превышаетъ уже 926 милл. рублей [1]). Въ такой потерѣ казны, какъ она ни крупна, можно утѣшиться, впрочемъ, тѣмъ, что всѣ желѣзнодорожные долги составляли для казны лишь пріятную фикцію: какъ списанъ со счетовъ милліардъ, такъ будутъ списаны со временемъ и числящіеся 900 милліоновъ рублей.

По сѣти *казенныхъ желѣзныхъ дорогъ* и „на основаніи—какъ за-

[1]) Сумма этого долга распредѣляется такъ: 471 м. р. упадаетъ на облигаціи; 282 м. р.—недоимки по взносу въ казну чистаго дохода, и 173 м. р. процентовъ и пени за числящіяся за обществами недоимки.

мѣчаетъ объяснительная записка — не вполнѣ еще провѣренныхъ отчетныхъ свѣдѣній, а потому и не безусловно точныхъ",—обороты за 1895 годъ представляются въ такомъ видѣ: основные капиталы дорогъ равнялись 2.411 милл. рублей; чистый доходъ, полученный дорогами, составлялъ 108¾ м. р.; платежей по капиталамъ причиталось 105¾ м. р.; затѣмъ, остатка дохода оказалось около 3 м. р. Такимъ образомъ, чистый эксплоатаціонный доходъ доставилъ въ среднемъ около 4½ процента на основной капиталъ, а окончательный доходный остатокъ—всего лишь *одну восьмую процента*. Да и такой результатъ получился лишь при измѣненіяхъ, вносимыхъ въ счеты объяснительной запиской: причисленіемъ къ доходу 1895 года суммъ, въ этомъ году еще не поступившихъ, и исключеніемъ изъ расхода затратъ на усиленіе и улучшеніе дорогъ.

Сколько-нибудь замѣтный доходный остатокъ оказался лишь по немногимъ дорогамъ: по полѣсскимъ (1¾ м. р. около 3% на основной капиталъ); московско-курской (4¾ м. р., 2% съ небольшимъ); по закавказской (2½ м. р., 1½%); по николаевской (5¼ м. р., 2%—только 2!); по юго-западнымъ (3½ м. р., 1%). Половина дорогъ эксплоатировалась съ недоборомъ, особенно крупнымъ по дорогамъ с.-петербурго-варшавской (4¼ м. р.), самаро-златоустовской (2¼ м. р.), курско-харьково-севастопольской (1¾ м. р.) и пр.

Частныя желѣзныя дороги, по удостовѣренію государственнаго контроля, въ 1895 году, какъ и казенныя, благодаря удешевленному пассажирскому тарифу и усиленному грузовому движенію, не были въ тягость государственному казначейству; напротивъ, онѣ увеличили рессурсы казны на 5¼ м. р., слѣдовательно, вмѣстѣ съ казенными дорогами, на 8 милл. рублей. Эта сумма получается, повторяемъ, съ зачетомъ доходовъ, которые должны были поступить въ 1896 г. за 1895 годъ, и съ исключеніемъ расходовъ на улучшеніе и усиленіе дорогъ (въ томъ числѣ отчасти и подвижного состава), на что за десятилѣтній періодъ 1886—1895 года было израсходовано 166 м. р. Но какъ недостаточна эта сумма для указанной цѣли—показываетъ новѣйшая желѣзнодорожная хроника. Залежи грузовъ на станціяхъ, вслѣдствіе недостаточности подвижного состава, и порча ихъ на станціяхъ, по полному отсутствію удобныхъ мѣстъ храненія, влекли для отправителей многомилліонные убытки, а надолго памятныя многочисленныя желѣзнодорожныя катастрофы истекающаго года, сопряженныя со смертью и калѣченіемъ десятковъ человѣкъ, составляютъ прямое слѣдствіе неустроенности дорогъ и господствующихъ на нихъ административныхъ и финансовыхъ порядковъ,—финансовыхъ въ томъ смыслѣ, что при непомѣрно огромномъ содержаніи дѣлового и даже номинальнаго высшаго желѣзнодорожнаго персонала, въ от-

ношеніи низшихъ служащихъ проявляется скаредность и въ окладахъ, и въ числѣ лицъ. Устраненіе указанныхъ недостатковъ желѣзныхъ дорогъ потребуетъ не только сотенъ милліоновъ рублей, но и долгаго времени.

Къ промышленнымъ операціямъ казны относится также дѣятельность *горныхъ заводовъ* министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Заводы эти, состоящіе въ вѣдѣніи трехъ округовъ: уральскаго, олонецкаго и царства польскаго, назначены преимущественно для исполненія заказовъ казенныхъ вѣдомствъ: военнаго и морского— по изготовленію орудій и снарядовъ, и министерства путей сообщенія—по изготовленію вагоновъ и вообще желѣзнодорожныхъ принадлежностей; они занимаются также выплавкой металловъ, а равно изготовленіемъ издѣлій на продажу и исполненіемъ частныхъ заказовъ. Всего дохода отъ работъ этихъ заводовъ поступило въ 1895 году около $7^1/_2$ м. р.: около $5^1/_4$ м. р. отъ исполненія казенныхъ заказовъ („нарядовъ"), и около $2^1/_4$ м. р. отъ издѣлій и частныхъ заказовъ. Въ два предшествующіе года дохода было получено на милліонъ рублей менѣе, при чемъ сокращеніе, на половину, оказывалось по казеннымъ платежамъ, съ увеличеніемъ въ полтора раза поступленій отъ продажныхъ издѣлій и отъ частныхъ заказовъ. Расходы на покупку матеріаловъ и на рабочую плату составляли въ 1893 году болѣе 5 м. р., а въ 1894 и 1895 г.—болѣе 6 м. р. Но это далеко не полныя цифры расходовъ. Доставка издѣлій на мѣсто требуетъ ежегодно отъ 500 до 600 тысячъ рублей и больше. Затѣмъ существуютъ накладные расходы: содержаніе окружныхъ и мѣстныхъ заводскихъ управленій, постройка и ремонтъ зданій, ремонтъ и пріобрѣтеніе машинъ, содержаніе госпиталей и аптекъ и пр., и пр., не считая стоимости центральнаго управленія. Сверхъ того, заводамъ безплатно отпускаютъ лѣсные матеріалы, какъ строительные, такъ и дрова и уголь, помимо непосредственной стоимости требующіе добавочныхъ расходовъ на управленіе и охрану лѣсовъ. Наконецъ, цѣнность представляютъ и руды, исподволь истощаемыя заводами. Въ виду этого нельзя не признать, что горные заводы обходятся казнѣ весьма дорого.

Назадъ тому лѣтъ 15—20, производство заводовъ съ содержаніемъ заводскаго управленія превышало цѣнность произведенныхъ заводами металловъ и издѣлій въ иные годы на полтора, даже два милліона рублей. Причиной убыточности были: неудовлетворительное качество добытыхъ металловъ, особенно чугуна, на олонецкихъ заводахъ, и такъ называемый бракъ издѣлій, превышавшій иногда втрое количество годныхъ издѣлій, безплодно, слѣдовательно, поглощавшій

и часть матеріала, и всю работу, съ присоединеніемъ накладныхъ расходовъ, и несомнѣнно подававшій поводъ къ злоупотребленіямъ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, на порядки заводовъ было обращено особенное вниманіе, и благодаря этому ихъ убыточность замѣтно сократилась, но должно думать, что и до настоящаго времени она далеко не устранена. Да едва ли и можетъ быть устранена, вслѣдствіе вообще невыгодности казеннаго производства, лежащей въ самой его сущности, а также вслѣдствіе гадательныхъ цѣнъ, которыя заводамъ приходится назначать за свои издѣлія.

Убыточность давно уже дала поводъ нѣкоторымъ изъ вѣдомствъ ходатайствовать о разрѣшеніи не ставить имъ въ обязательство заказы на казенныхъ заводахъ и разрѣшить обращаться къ частнымъ, внутри имперіи и за границей. Это само собой предполагало упраздненіе казенныхъ горныхъ заводовъ. Но такое предположеніе было встрѣчено возраженіемъ многихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и государственнаго контроля, и было отклонено. Упраздненіе казенныхъ заводовъ грозило крайнимъ подъемомъ цѣнъ частныхъ заводовъ на казенные заказы, а главнымъ образомъ, могло поставить правительство въ безвыходное положеніе въ случаѣ войны или приготовленій къ ней, когда частные заводы были бы въ полной невозможности, несмотря ни на какія цѣны, исполнить усиленные заказы. Казенные заводы на этотъ случай сохраняли запасные кадры рабочихъ и могли при необходимости сильно расширить свою дѣятельность. Эта необходимость сохранять кадры, къ слову сказать, и составляетъ одну изъ причинъ убыточности заводовъ.

Сверхъ заводовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, существуютъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ спеціальные заводы: ружейные, пороховые, кораблестроительные. Но ихъ дѣятельность не поддается денежному учетному балансу.

Самая крупная, еще только возникающая, не промышленная, а прямо торговая операція казны—это казенная монопольная продажа спирта и вина (водки). Въ 1895 году, она производилась только въ четырехъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. О ея результатѣ мы говорили уже въ предшествовавшемъ бюджетномъ очеркѣ („В. Е.", декабрь 1896 г., стр. 189 и пр.). Считаемъ не лишнимъ сказанное дополнить еще нѣкоторыми соображеніями въ виду того значенія, какое получаетъ эта операція для народнаго хозяйства и для народнаго быта.

Съ половины 1896 года, эта продажа введена уже въ девяти юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ—кіевской, черниговской, полтав-

ской, волынской, подольской, херсонской, екатеринославской, бессарабской и таврической, а съ наступающаго 1897 года вводится еще въ семи губерніяхъ: въ шести сѣверо-западныхъ: виленской, витебской, гродненской, ковенской, минской и могилевской, и еще въ смоленской губерніи. Такимъ образомъ, изъ 60 губерній [1]) въ 20 губерніяхъ, въ среднемъ очень населенныхъ, казенная продажа питей уже введена.

Возвращаясь къ прошлому, нужно вспомнить, что казенная продажа водки, при несочувствіи къ этой мѣрѣ и въ административныхъ сферахъ, и въ печати, и въ общественномъ мнѣніи, была первоначально принята для четырехъ восточныхъ губерній, обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, чрезъ государственный совѣтъ—лишь въ видѣ опыта. Но прежде даже, чѣмъ опытъ начался, въ томъ же 1894 году было испрошено особымъ порядкомъ повелѣніе о дальнѣйшемъ введеніи этой мѣры въ разныхъ районахъ имперіи. Государственному совѣту приходилось заняться лишь обсужденіемъ необходимыхъ для этого суммъ. Когда наконецъ казенная продажа была введена въ восточныхъ губерніяхъ, а затѣмъ въ іюлѣ 1886 года въ южныхъ и юго-западныхъ, то удовлетворительныхъ въ пользу ея извѣстій было очень мало. Наоборотъ, невыгодныя свѣдѣнія постоянно появлялись въ непредубѣжденныхъ органахъ печати; обнаруживалось, что пьянство не уменьшается, что проектированныя министерствомъ оффиціальныя и частныя общества трезвости, если и возникаютъ, то очень спорадически и безъ всякихъ замѣтныхъ послѣдствій своей дѣятельности; что у казенныхъ винныхъ лавокъ по улицамъ образуются распивочныя; что завѣдующее продажей вѣдомство уже съ самаго начала встрѣчало затрудненіе въ пріискиваніи для нея агентовъ, несмотря на обиліе у насъ праздныхъ рукъ и голодныхъ ртовъ, жадно устремляющихся ко всякому заработку, и т. п. Правда, при объѣздѣ районовъ казенной продажи, сперва восточнаго, а потомъ южнаго, гдѣ эта продажа была только-что введена, г. министръ финансовъ изъ личнаго обхода мѣстъ продажи вынесъ удовлетворительное впечатлѣніе, затѣмъ получилъ нѣсколько благодарственныхъ телеграммъ отъ разныхъ собраній; но будничныя, заурядныя наблюденія, о которыхъ мы говорили выше, не могутъ быть вовсе не приняты въ соображеніе.

Одна изъ болѣе распространенныхъ нашихъ газетъ, при обсужденіи недавняго циркуляра министра финансовъ [2]), къ казенной про-

[1]) Въ томъ числѣ одна область донского войска.

[2]) По поводу торговли виномъ частныхъ лицъ (въ трактирахъ). „Новое Время“, 6-го декабря, № 7464.

дажѣ вина хотя относится повидимому оптимистически, но однако замѣчаетъ, что „не все идетъ гладко“. Радуется же газета реформѣ потому, что она сокрушаетъ акцизную систему, „сдѣлавшую изъ народнаго пьянства источникъ главной доходной статьи бюджета и преслѣдовавшую всякія дѣйствія, направленныя къ уменьшенію въ народѣ пьянства“. Но развѣ акцизная система отмѣнена? Развѣ присоединеніе къ ней монопольной казенной продажи въ чемъ-нибудь измѣняетъ ея сущность? Да и чѣмъ отличалась сама по себѣ акцизная система? Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ею, какъ извѣстно, были замѣнены откупа, обиравшіе, опаивавшіе и отравлявшіе сивухой населеніе и развращавшіе не только народъ, но и администрацію, цѣликомъ состоявшую на жалованьѣ у откупщиковъ. Въ свое время, уничтоженіе откуповъ и введеніе акцизной системы привѣтствовались какъ благодѣтельная мѣра. Сущность этой системы состояла въ томъ, что спиртъ и водка были обложены непосредственнымъ, взимавшимся прямо въ казну, сборомъ по ихъ количеству и качеству. На акцизный надзоръ было возложено наблюденіе, чтобы эти продукты (какъ и другіе, подлежавшіе внутреннему обложенію) не ускользали отъ налога. Возставать противъ акцизной системы съ этой стороны значило бы отвергать вообще косвенные налоги или стоять за откупную систему. Казенная монополія въ сущности является тѣмъ же откупомъ. Съ семнадцатаго вѣка до шестидесятыхъ годовъ у насъ казенная продажа питей безпрерывно чередовалась съ откупомъ. Установленная нынѣ казенная продажа отличается отъ прежней тѣмъ, что въ основѣ ея лежитъ тотъ же акцизъ, въ нападеніяхъ на который упомянутой газеты, обращающейся съ радужными упованіями по адресу казенной монополіи, мы готовы были бы видѣть даже иронію, если бы не усматривали нѣкотораго недоразумѣнія. „Мы,—говоритъ газета,—позволимъ себѣ высказать надежду, что замѣна акцизной системы, въ области виноторговли, казенной монополіей послужитъ исходною точкой къ возможному исправленію и другихъ тяжкихъ золъ, которыми наградила нашъ экономическій бытъ эта акцизная система, сдѣлавшая изъ народнаго пьянства источникъ главной доходной статьи бюджета и преслѣдовавшая всякія дѣйствія, направленныя къ уменьшенію въ народѣ пьянства. Грѣшно христіанскому государству обосновывать свое финансовое благополучіе на такихъ источникахъ, какъ пороки, слабости и грубость нравовъ въ массѣ населенія“. Все это вѣрно, и, быть можетъ, мы безповоротно перейдемъ отъ этой печальной системы въ тотъ кругъ здравыхъ нравственно-политическихъ воззрѣній, въ которомъ не останется мѣста для обогащенія казначейства въ ущербъ матеріальному и нравственному благосостоянію народа, — но только тогда, когда питейный доходъ

потеряетъ свое, нынѣ доминирующее, положеніе въ государственномъ бюджетѣ; только тогда настанетъ пора не только противодѣйствовать народному пьянству, но и энергически содѣйствовать водворенію въ странѣ трезвости, которая въ гораздо большей мѣрѣ можетъ служить источникомъ народнаго благосостоянія, чѣмъ въ какой пьянство служитъ нынѣ источникомъ бюджетнаго дохода.

Въ томъ, что питейный налогъ создалъ изъ народнаго пьянства источникъ главной статьи государственнаго дохода, виновата не акцизная система, а размѣръ акциза, установленнаго первоначально въ 4 коп. съ градуса безводнаго спирта, а съ 1893 года доведенный до 10 коп. То же могло быть и при откупѣ и всего легче при акцизѣ, пристроенномъ къ монополіи, хотя бы и казенной. Акцизъ несомнѣнно стѣсняетъ, а иногда и парализуетъ народную производительность по отношенію тѣхъ предметовъ, которыхъ касается. Такъ, существующая система обложенія табака уничтожила хозяйственное табаководство. Сельско-хозяйственное винокуреніе при акцизѣ не процвѣтало. Законъ 4-го іюня 1890 года, предоставившій этому винокуренію замѣтныя льготы, все-таки мало помогъ ему. Но какимъ путемъ казенная монополія съ тѣмъ же акцизнымъ надзоромъ можетъ содѣйствовать возрожденію сельско-хозяйственнаго винодѣлія—понять трудно, и газета этого не объясняетъ, но почему-то надѣется.

Во время акцизной системы питейный налогъ несомнѣнно сталъ главнымъ источникомъ государственныхъ средствъ. Но монопольная казенная продажа питей въ принципѣ ни въ чемъ не уменьшила размѣра питейныхъ сборовъ, а первые опыты ея въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ показали, что къ прежнимъ сборамъ прибавился еще новый и весьма крупный, въ видѣ весьма повышенной цѣны водки.

По законоположенію 6-го іюня 1894 года, „высшіе и низшіе размѣры цѣнъ, по которымъ должны отпускаться напитки винныхъ лавокъ, опредѣляются въ законодательномъ порядкѣ, а для каждаго мѣста въ этомъ районѣ, въ границахъ этого maximum'а и minimum'а, цѣна опредѣляется уже министромъ финансовъ: она слагается изъ заготовочной стоимости вина, существующей въ прочихъ мѣстахъ имперіи, акциза и расходовъ по очисткѣ, розливу, перевозкѣ и проч.; однимъ словомъ, цѣна должна покрывать лишь необходимые расходы, но не должна превышать ихъ, такъ какъ это равнялось бы увеличенію акциза на спиртъ [1])“.

Между тѣмъ, по продажѣ въ восточныхъ губерніяхъ казною выручено, за исключеніемъ акциза, 11.062.000 рублей; за покрытіемъ

---

[1]) И. И. Янжулъ. Основныя начала финансовой науки. Стр. 417.

всѣхъ расходовъ, въ томъ числѣ и части суммъ, употребленныхъ на первоначальное устройство, и за отчисленіемъ патентнаго сбора, осталось чистаго дохода 3.723.000; такимъ образомъ, на расходъ 7.339.000 (11.062.000 р.—3.723.000 р.) получено барыша болѣе 50 процентовъ, —оборотъ, далеко не соотвѣтствующій приведенному законоположенію.

Мы, какъ это не разъ уже высказывалось нами, не можемъ сочувственно относиться къ казенной торговлѣ вообще и питейной въ особенности,—но если ей суждено существовать у насъ, хотя бы и не долгій срокъ, то цѣна водки необходимо должна быть регулирована. Прежде всего, она должна быть для всѣхъ мѣстностей имперіи одинакова; во-вторыхъ, она должна вполнѣ сообразоваться съ приведеннымъ законоположеніемъ. Можно возразить, что расходы трудно исчислить заранѣе. Но теперь уже опытъ сдѣланъ. Въ восточныхъ губерніяхъ продано, въ 1895 году, 2.950.000 ведеръ водки, расходъ по продажѣ которыхъ, съ накладными расходами, составляетъ 7.300.000 р., слѣдовательно на ведро менѣе 2 р. 50 коп. Такимъ образомъ, съ присоединеніемъ акциза въ 4 р. съ ведра, цѣна ведра водки опредѣляется въ 6 р. 50 коп. Если бы, сверхъ ожиданія, въ дальнѣйшей продажѣ расходовъ оказалось больше, то недобранная сумма могла бы возмѣститься въ слѣдующемъ году нѣкоторымъ увеличеніемъ цѣны питей. Наоборотъ, если бы она оказалась высокой, то ее слѣдовало бы понизить.

Еще одно послѣднее замѣчаніе: мы не знаемъ, была ли принципіально казенная продажа питей одобрена государственнымъ совѣтомъ; предполагалось лишь произвести опыты въ четырехъ губерніяхъ. Съ началомъ 1897 года казенная продажа введена въ 20 губерніяхъ, въ цѣлой трети европейской Россіи. Не было ли бы полезно пріостановиться дальнѣйшимъ распространеніемъ этой мѣры и подвергнуть ее новому обсужденію на основаніи данныхъ, полученныхъ двухлѣтнимъ опытомъ въ восточныхъ губерніяхъ и полугодичнымъ—въ южныхъ и юго-западныхъ? Если казенная продажа будетъ все-таки признана полезной, то въ основу ея несомнѣнно будутъ положены начала, болѣе соотвѣтствующія потребностямъ,—насколько ихъ выяснилъ опытъ. Слишкомъ спѣшныя рѣшенія сложныхъ дѣлъ не всегда могутъ оказаться успѣшными; въ примѣръ можетъ быть приведенъ уставъ государственнаго банка, весьма недавно постановленный и уже потребовавшій коренного пересмотра.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1897.

Итоги истекшаго года.—Коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ—и мѣстная юстиція.—Характерные инциденты въ земскихъ собраніяхъ.—Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе и земскія подготовительныя коммиссіи.—Сельско-хозяйственный совѣтъ и отношеніе земства къ мѣстнымъ органамъ м-ва земледѣлія.—Мѣры къ улучшенію городского хозяйства.—Отзывы въ печати о „Правительственномъ сообщеніи" 5-го декабря 1896 г. — Postscriptum.

Къ минувшему году вполнѣ примѣнимо сказанное нами о его предшественникѣ: онъ не успѣлъ оставить замѣтнаго слѣда въ нашей государственной и общественной жизни. Важныхъ законодательныхъ работъ приведено къ концу очень мало: выдаются изъ ихъ числа только законъ о меліоративномъ кредитѣ и законы о распространеніи судебной реформы на Сибирь и на архангельскую губернію. Вовсе, повидимому, не подвинулся впередъ пересмотръ положеній о крестьянахъ; ничего опредѣленнаго нельзя сказать до сихъ поръ ни о его цѣляхъ, ни даже о его формахъ и предѣлахъ. Свѣденій о ходѣ работъ по пересмотру судебныхъ уставовъ въ печать проникаетъ очень мало. Весьма отрадное впечатлѣніе произвела недавно вѣсть о томъ, что коммиссія высказалась за сохраненіе суда присяжныхъ, въ нынѣшнемъ его видѣ; но оцѣнить вполнѣ значеніе этого рѣшенія можно будетъ только тогда, когда сдѣлаются извѣстными всѣ его подробности, т.-е. отвѣты коммиссіи на всѣ вопросы, относящіеся къ устройству, кругу вѣдомства и способу дѣйствій суда присяжныхъ [1]). Проектъ уголовнаго уложенія, законченный весною 1895 г., еще не внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Работы коммиссіи, составляющей гражданское уложеніе, по прежнему далеки отъ окон-

---

[1]) Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ скоромъ времени можно ожидать введенія суда присяжныхъ въ губерніяхъ олонецкой и астраханской.

чанія. Не получилъ разрѣшенія въ 1896 г. даже такой сравнительно несложный вопросъ, какъ организація мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и отношеніе ихъ къ земскимъ учрежденіямъ. Въ области административной практики перемѣнъ произошло еще меньше, чѣмъ въ области законодательства. Годъ тому назадъ можно было ожидать нѣкотораго поворота въ сторону законности, нѣкотораго ограниченія тѣхъ пріемовъ, которыми, въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ, все больше и больше расширялась сфера административнаго усмотрѣнія; можно было думать, что дѣла, по самому своему свойству требующія судебнаго производства, чаще прежняго будутъ направляемы въ судебномъ порядкѣ—единственномъ, представляющемъ достаточныя гарантіи противъ не предусмотрѣнныхъ закономъ правонарушеній. Эти ожиданія не оправдались, какъ не оправдалась и весьма распространенная одно время надежда на отмѣну тѣлесныхъ наказаній, столь единодушно осужденныхъ общественнымъ мнѣніемъ. Вѣрнымъ, хотя и пассивнымъ показателемъ господствующихъ теченій служила, по обыкновенію, печать, пережившая въ минувшемъ году одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, которыми такъ богата ея новѣйшая исторія. Разрѣшеніе нѣсколькихъ новыхъ безцензурныхъ изданій едва ли предвѣщаетъ, само по себѣ, наступленіе лучшихъ временъ для печати. Важно не столько *количество* періодическихъ изданій, сколько юридическое и фактическое ихъ положеніе, т.-е. размѣръ правъ, предоставленныхъ имъ закономъ и признаваемыхъ за ними на самомъ дѣлѣ. Двадцать ли, тридцать ли газетъ издается въ столицахъ безъ предварительной цензуры—это вопросъ второстепенный, пока всѣ онѣ остаются въ прежнемъ положеніи, пока, наконецъ, провинціальныя газеты издаются подъ цензурою, притомъ иногда отдаленною за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста изданія.

Если наша общественная жизнь такъ медленно и съ такимъ трудомъ выходитъ изъ-подъ власти условій, стѣсняющихъ и задерживающихъ развитіе, то это объясняется больше всего характеромъ преобразованій, ознаменовавшихъ собою конецъ восьмидесятыхъ и начало девятидесятыхъ годовъ. Въ противоположность реформамъ освободительной эпохи, открывшимъ новыя дороги, облегчившимъ поступательное движеніе, контръ-реформы послѣдующаго времени загородили путь впередъ и создали цѣлый рядъ препятствій, съ которыми должна считаться всякая попытка ускорить и оживить біеніе народнаго пульса. Возьмемъ, для примѣра, пересмотръ судебныхъ уставовъ и представимъ себѣ, что онъ былъ бы предпринятъ пятнадцатью годами раньше, на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Тогда, какъ и теперь, пришлось бы остановиться, прежде всего, на вопросѣ объ объединеніи всѣхъ судебныхъ учрежденій, на

установленіи такихъ общихъ нормъ, подъ которыя могли бы быть подведены всѣ безъ изъятія судебныя дѣла. Никакихъ особыхъ затрудненій разрѣшеніе этого вопроса въ то время не встрѣтило бы. Волостные суды были соединены съ крестьянскими учрежденіями слабою, чисто формальною связью, порвать которую было бы весьма легко; столь же легко было бы пріурочить крестьянскій судъ къ мѣстному, т.-е. мировому суду, а черезъ него и къ общему судебному строю. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ организація волостныхъ судовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, обязанная своимъ существованіемъ именно тому, что къ остзейскому краю не было примѣнено смѣшеніе функцій судебныхъ и административныхъ. Еслибы надзоръ прав. сената былъ признанъ недостаточнымъ соединительнымъ звеномъ между судомъ мировымъ и судомъ общимъ,—вполнѣ возможно было бы найти другой способъ соединенія того и другого: опытъ показалъ, что мировая юстиція—учрежденіе эластичное, укладывающееся въ весьма различныя формы. Совершенно инымъ положеніе вопроса „объ объединеніи и согласованіи многоразличныхъ институтовъ мѣстной юстиціи" является въ настоящее время, въ виду существованія двухъ судебныхъ властей, входящихъ въ составъ двухъ различныхъ вѣдомствъ. Законъ 12-го іюля 1889 г. изъялъ изъ области суда массу такъ называемыхъ маловажныхъ дѣлъ и передалъ ихъ учрежденіямъ, зависящимъ всецѣло отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; имъ же онъ подчинилъ и волостные суды. Отнестись къ этому факту, какъ къ чему-то непреложному и неприкосновенному, значило бы отказаться отъ одной изъ основныхъ задачъ пересмотра судебныхъ уставовъ и заранѣе обречь его на печальную неудачу. О какомъ объединеніи суда и правосудія можетъ, въ самомъ дѣлѣ, быть рѣчь, пока самая обширная и самая существенная для народнаго благосостоянія категорія спорныхъ дѣлъ остается внѣ сферы дѣйствій суда, пока окраины государства поставлены, съ этой точки зрѣнія, въ условія несравненно болѣе благопріятныя, чѣмъ центральныя губерніи? Министерство юстиціи, устраненное отъ большинства судебныхъ дѣлъ—явленіе столь же ненормальное, какимъ было бы министерство народнаго просвѣщенія, устраненное отъ завѣдыванія начальной школой; судебные уставы, примѣнимые только къ меньшинству населенія—блѣдная тѣнь того, къ чему стремилась судебная реформа 1864 г.

Все это чувствовалось и сознавалось въ моментъ начала работъ по пересмотру судебныхъ уставовъ. Въ число „многоразличныхъ институтовъ мѣстной юстиціи", подлежащихъ согласованію и объединенію, вступительная рѣчь министра юстиціи включала „судебную часть судебно-административныхъ учрежденій по закону 12-го іюля 1889 г."; къ за-

дачамъ коммиссіи та же рѣчь относила съ одной стороны выработку „для всей Россіи средняго общаго типа мѣстнаго, ближайшаго къ населенію суда", съ другой—опредѣленіе „отношеній мѣстной юстиціи къ судебной власти, предоставленной мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, и къ суду волостному или ему соотвѣтствующимъ". Соотвѣтственно съ этимъ, въ составѣ коммиссіи былъ образованъ особый (первый) отдѣлъ для разсмотрѣнія всего касающагося *мѣстныхъ* судебныхъ установленій. При дальнѣйшемъ ходѣ работъ произошла, повидимому, перемѣна руководящихъ взглядовъ, отразившаяся, между прочимъ, и на устройствѣ коммиссіи: существованіе особаго отдѣла мѣстной юстиціи признано было излишнимъ, и первымъ отдѣломъ сталъ именоваться бывшій пятый, занимающійся разработкой такъ называемыхъ общихъ вопросовъ. Одновременно съ этимъ въ печати появился слухъ о томъ, что вопросъ о соотношеніи между мѣстной юстиціей и институтомъ земскихъ начальниковъ вовсе устраненъ изъ круга занятій коммиссіи, какъ касающійся вѣдомства другого министерства [1]). Въ какой степени основателенъ этотъ слухъ—рѣшить трудно. Подтвержденіемъ его служитъ упраздненіе отдѣла мѣстной юстиціи, но противъ него говоритъ всѣмъ памятный фактъ изъ исторіи нашего законодательства. Когда министерство внутреннихъ дѣлъ, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, приступило къ переустройству мѣстнаго управленія, оно не затруднилось взять на себя иниціативу перемѣнъ, прямо касавшихся круга дѣйствій министерства юстиціи: оно намѣтило цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ, подлежавшихъ изъятію изъ вѣдѣнія суда и передачѣ въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ. Не остановилось оно и передъ возраженіями, встрѣченными имъ на этомъ пути со стороны высшей судебной администраціи: вопреки мнѣнію министра юстиціи, оно продолжало настаивать на облеченіи земскихъ начальниковъ широкими судебными полномочіями и, не предлагая прямо упраздненіе судебно-мировыхъ учрежденій, сдѣлало его логически неизбѣжнымъ. Если такой образъ дѣйствій былъ возможенъ для министерства внутреннихъ дѣлъ, то нелегко объяснить себѣ, почему однажды данному примѣру не можетъ послѣдовать министерство юстиціи. Рѣшающее слово и здѣсь, конечно, принадлежало бы законодательной власти; но обратиться къ ея рѣшенію одинаково въ правѣ каждое изъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ спорномъ вопросѣ. Само собою разумѣется, что министерство юстиціи не въ правѣ брать на себя починъ измѣненій въ продовольственномъ уставѣ или переселенческомъ законѣ, ни съ какой стороны не касающихся организаціи и отправленія правосудія:

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 4 „В. Европы", за 1896 г.

но, получивъ полномочіе на пересмотръ „законоположеній по судебной части", оно, очевидно, можетъ коснуться несовмѣстимости нынѣшнихъ судебно-административныхъ порядковъ съ нормальнымъ судебнымъ строемъ. Помимо пересмотра судебныхъ уставовъ, къ возбужденію вопроса о предѣлахъ судебно-административной власти неминуемо долженъ повести и проектъ новаго уголовнаго уложенія, такъ какъ имъ усиливаются наказанія за нѣкоторые проступки, подсудные земскимъ начальникамъ. Откладывать разсмотрѣніе этой стороны дѣла до того момента, когда она будетъ затронута государственнымъ совѣтомъ, значило бы замедлить, безъ всякой надобности, осуществленіе двухъ реформъ, одинаково важныхъ и тѣсно связанныхъ между собою. Проекты учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства, не вполнѣ согласованные съ проектомъ уголовнаго уложенія, пришлось бы, по необходимости, возвратить въ министерство юстиціи для новой переработки, что̀ потребовало бы не мало времени... Если приведенный нами слухъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, если коммиссія, пересматривающая судебные уставы, признаетъ возможнымъ коснуться судебной власти земскихъ начальниковъ лишь подъ условіемъ возбужденія этого вопроса самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то нельзя не пожелать, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ пошло на встрѣчу коммиссіи и согласилось раздвинуть рамки ея работы. Этимъ ничего не было бы предрѣшено по существу, но дана была бы возможность всесторонняго разсмотрѣнія одной изъ важнѣйшихъ задачъ судебной реформы.

Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени тѣсна связь между судебно-административными порядками и судебнымъ строемъ, стоитъ только приглядѣться нѣсколько поближе ко вновь предполагаемому устройству мѣстной юстиціи. Представителями ея должны служить назначаемые отъ правительства участковые судьи. Вѣдомство каждаго изъ нихъ должно распространяться на опредѣленную часть уѣзда или города. Участковые судьи одного или нѣсколькихъ уѣздовъ образуютъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго члена окружного суда, уѣздное отдѣленіе этого суда, въ составъ котораго входятъ также почетные и слѣдственные судьи. Въ большихъ городахъ открываются особыя отъ уѣздныхъ городскія отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ городского члена окружного суда. Слѣдственные судьи назначаются только въ столицахъ, многолюдныхъ городахъ и тѣхъ уѣздныхъ мѣстностяхъ, гдѣ возникаетъ значительное число слѣдствій; въ другихъ мѣстахъ предварительныя слѣдствія производятся участковыми судьями. Вѣденію участковыхъ судей предоставляются гражданскія дѣла на сумму до 1.000 рублей (не исключая и споровъ о недвижи-

мости); въ дѣлахъ уголовныхъ кругъ вѣдомства ихъ, сравнительно съ мировыми судьями, также значительно расширяется. Въ основаніи этого плана лежитъ, съ одной стороны, совершенно законное и понятное желаніе приблизить мѣстную юстицію къ населенію, съ другой—убѣжденіе, что близкіе къ населенію, т.-е. не слишкомъ малочисленные участковые судьи, при существованіи рядомъ съ ними облеченныхъ обширною судебною властью земскихъ начальниковъ, въ такомъ лишь случаѣ будутъ имѣть достаточно занятій, если ихъ сфера дѣйствій значительно раздвинется въ высоту и ширину, т.-е. захватитъ собою не только немалую часть сравнительно-крупныхъ судебныхъ дѣлъ, но и функціи, въ настоящее время отдѣленныя отъ судейскихъ. Съ первымъ еще можно примириться, хотя трудно быть увѣреннымъ въ томъ, что участковые судьи всегда будутъ соединять въ себѣ всѣ условія, необходимыя для разбора болѣе сложныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ; но обращеніе судей въ слѣдователей неминуемо должно повредить какъ отправленію правосудія, такъ и производству слѣдствій. Не повторяя доводовъ, приведенныхъ нами въ разное время въ подтвержденіе этого тезиса [1]), остановимся только на одной несообразности, особенно рѣзко бросающейся въ глаза.

Когда устраивается или переустраивается та или другая отрасль правительственной дѣятельности, главная задача организаціонной работы всегда заключается въ томъ, чтобы достигнуть правильнаго распредѣленія обязанностей, соединить однородное, разъединить разнородное, поставить каждаго носителя власти въ такія условія, которыя облегчали бы возможно лучшее исполненіе возлагаемаго на него дѣла. Если количество труда, приходящагося на долю должностного лица, оказывается слишкомъ малымъ, и если оно не можетъ быть дополнено другимъ трудомъ того же свойства, то логическій выходъ отсюда только одинъ: сокращеніе числа должностей—а отнюдь не присоединеніе къ одной категоріи функцій другой, существенно отличной и требующей особаго исполнителя. Рѣшеніе менѣе важныхъ судебныхъ дѣлъ и производство предварительныхъ слѣдствій — занятія, далеко не сходныя между собою. Первое предполагаетъ пребываніе на одномъ мѣстѣ, съ отлучками только въ опредѣленные дни и на опредѣленные сроки; второе сопряжено съ постоянными разъѣздами, ни времени, ни продолжительности которыхъ заранѣе предусмотрѣть нельзя. Первое вполнѣ доступно для начинающаго юриста, всякая ошибка котораго можетъ быть исправлена апелляціонной инстанціей; второе требуетъ большой опытности, уже потому, что ошибки здѣсь часто непоправимы и невознаградимы. Правда, судебными слѣ-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ №№ 6 и 7 „Вѣстн. Европы", за 1889 г.

дователями у насъ и до сихъ поръ часто были люди молодые, новички въ судебномъ дѣлѣ; но, во-первыхъ, этотъ недостатокъ уравновѣшивался до нѣкоторой степени тѣмъ, что судебные слѣдователи, всецѣло занятые однимъ дѣломъ, сравнительно быстро знакомились съ его особенностями и пріобрѣтали необходимый для него навыкъ, а во-вторыхъ, онъ такъ и считался *недостаткомъ*, подлежащимъ исправленію. Всѣ сознавали и признавали, что несовершенство слѣдственной части—больное мѣсто нашего судебнаго строя, и что поставить ее на должную высоту можно только поднятіемъ уровня самихъ слѣдователей. Отъ этой мысли придется отказаться, если производство предварительныхъ слѣдствій отойдетъ, за немногими исключеніями, къ участковымъ судьямъ. Этимъ не исчерпываются еще неудобства порядка, проектируемаго съ цѣлью увеличенія числа занятій участковыхъ судей. Для того, чтобы производство слѣдствій не слишкомъ отвлекало участковыхъ судей отъ ихъ судейскихъ обязанностей, нужно сдѣлать число слѣдствій по возможности небольшимъ, т. е. уменьшить число дѣлъ, по которымъ обязательно производство предварительнаго слѣдствія. Съузить область слѣдствія, значитъ расширить область полицейскаго дознанія,—а что̀ такое у насъ полицейское дознаніе, это слишкомъ хорошо извѣстно. Предполагается улучшить его созданіемъ особой судебной полиціи, предоставленіемъ въ немъ болѣе активной роли прокурорскому надзору; но всѣ эти предположенія трудно осуществимы, и дознаніе долго еще, по всей вѣроятности, сохранитъ типичныя черты, характеризующія его въ настоящее время.

Представимъ себѣ теперь положеніе дѣлъ въ уѣздѣ, въ которомъ 3-4 участковыхъ судьи дѣйствуютъ рядомъ съ 5-6 земскими начальниками, уѣздное отдѣленіе окружного суда—рядомъ съ судебнымъ присутствіемъ уѣзднаго съѣзда. Участковый судья, вынужденный переходить отъ разбора дѣлъ къ производству слѣдствій, отъ производства слѣдствій къ разбору дѣлъ, съ явнымъ ущербомъ то для одного рода занятій, то для другого, невольно будетъ тяготиться мыслью, что значительное число чисто-судебныхъ дѣлъ, возникающихъ въ его участкѣ, разбирается помимо него, разбирается не судьею— и что взамѣнъ этихъ дѣлъ, составляющихъ естественное достояніе судебной власти, на его долю упадаетъ чуждая ему, въ сущности, слѣдовательская работа. Та же самая мысль, въ той или другой формѣ, не можетъ не приходить въ голову и обывателямъ, способнымъ къ наблюденію и сравненію. Пока во всемъ уѣздѣ, разсматриваемомъ отдѣльно отъ города, нѣтъ ни одного представителя истинно-судебной власти, до тѣхъ поръ для простого человѣка нѣтъ ничего особенно страннаго въ обращеніи съ судебнымъ дѣломъ къ не-судебному дѣятелю.

Другое дѣло, если одинаково или почти одинаково близко къ населенію будутъ стоять и участковый судья, и земскій начальникъ: дѣятельность послѣдняго, какъ судьи, въ глазахъ огромнаго большинства явится чѣмъ-то загадочнымъ, недостаточно обоснованнымъ или, чтó еще хуже, основаннымъ на мотивахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ правосудіемъ. Непонятнымъ покажется и то, почему администратору, а не судьѣ подвѣдомственны волостные суды—учрежденія чисто-судебнаго характера. Невыгодно для судебно - административныхъ учрежденій будетъ, сплошь и рядомъ, и сравненіе уѣзднаго отдѣленія окружного суда съ судебнымъ присутствіемъ уѣзднаго съѣзда. Какъ опредѣлится, притомъ, составъ этого послѣдняго присутствія? Судебный элементъ представленъ въ немъ теперь уѣзднымъ членомъ окружного суда, городскимъ судьею и почетными мировыми судьями. Должность городского судьи предполагается упразднить, почетныхъ судей—ввести въ составъ уѣзднаго отдѣленія окружного суда; уѣздный членъ окружного суда будетъ заваленъ дѣломъ, какъ предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія. Можно, конечно, призвать участковыхъ судей къ участію, по очереди, въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда; но это едва ли окажется удобнымъ, въ виду множества разнообразныхъ занятій, на нихъ лежащихъ, а также въ виду обязательнаго участія ихъ въ засѣданіяхъ уѣзднаго отдѣленія окружного суда. Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что нельзя призвать къ жизни мѣстную юстицію, не коснувшись, въ той или другой степени, мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій; иначе перемѣна въ судебномъ строѣ весьма легко можетъ произойти не къ лучшему, а къ худшему, въ конецъ испортивъ слѣдственную часть и уменьшивъ шансы правильнаго рѣшенія для дѣлъ, стоящихъ на рубежѣ между маловажными и наиболѣе важными... Передача участковымъ судьямъ всѣхъ или почти всѣхъ судебныхъ дѣлъ, подсудныхъ теперь земскимъ начальникамъ, не представлялась бы еще возвращеніемъ къ порядку, дѣйствовавшему до 1889 года. Земскіе начальники сохранили бы свои административныя функціи, да и сами участковые судьи будутъ существенно отличны отъ судей мировыхъ: послѣдніе выбирались, первые будутъ назначаться. Въ нашихъ глазахъ выборная мѣстная юстиція имѣетъ большія преимущества передъ назначенною; но въ настоящее время можно было бы примириться со всякою организаціею мѣстнаго суда, лишь бы только это былъ дѣйствительно *судъ*, отдѣльный и независимый отъ администраціи.

Подобно тому, какъ законъ 12-го іюля 1889 г. является трудно преодолимой преградой на пути къ раціональной судебной реформѣ,

земское положеніе 1890 г. затрудняетъ дѣятельность земства и отражается неблагопріятно на составѣ земскихъ собраній. Въ предъидущемъ обозрѣніи мы показали это на цѣломъ рядѣ примѣровъ; присоединимъ къ нимъ нѣсколько новыхъ фактовъ, весьма характеристичныхъ. Волчанское уѣздное земское собраніе (харьковской губерніи) состояло до 1890 г. изъ 42 гласныхъ—21 отъ личныхъ землевладѣльцевъ, 4 отъ города и 17 отъ сельскихъ обществъ; теперь оно состоитъ изъ 33 гласныхъ—20 отъ дворянъ, 3 отъ купцовъ и мѣщанъ и 10 отъ сельскихъ обществъ. Не этимъ ли, между прочимъ, объясняются постановленія послѣдней сессіи собранія, о которыхъ сообщаетъ мѣстный корреспондентъ „Недѣли“ (№ 47)? Для перехода отъ разъѣздной медицинской системы, давно осужденной опытомъ и оставленной почти всѣми земствами, къ системѣ стаціонарной, гораздо лучше ограждающей народное здоровье, уѣздная управа просила увеличенія смѣты всего на 3.500 рублей: собраніе на это не согласилось, отклонивъ и дополнительную ассигновку на медикаменты. Такая же судьба постигла докладъ о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія. По разсчету управы, для этого достаточно было бы увеличить черезчуръ низкое обложеніе торгово-промышленныхъ заведеній и воспользоваться тѣми 5 коп. съ десятины, на которыя уменьшенъ, Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 14-го мая 1896 г., поземельный налогъ. Проектъ управы былъ одобренъ училищнымъ совѣтомъ, который нашелъ, что введеніе всеобщаго обученія въ уѣздѣ является „насущной и неотложной потребностью населенія“. Въ собраніи, однако, явились возраженія. Гласный, земскій начальникъ З—скій, нашелъ, что такъ какъ по проекту управы предлагается строить школы по типу уже существующихъ земскихъ, а между тѣмъ крестьянину нужно только „умѣть читать, писать, считать и Богу молиться“, то, по его мнѣнію, нужны школы церковно-приходскія и школы грамоты. Другой гласный, земскій начальникъ Л—ко, полагалъ, что уменьшеніе государственнаго земельнаго налога есть царскій подарокъ въ память священнаго коронованія, и населеніе должно всегда это чувствовать и помнить, а между тѣмъ управа „хочетъ его отнять“; поэтому онъ, г. Л—ко, вообще сомнѣваясь въ пользѣ всеобщаго обученія, уже никакъ не можетъ согласиться, чтобы средства на это брались изъ такого источника. Гласный З—скій выразилъ убѣжденіе, что образованіе приводитъ вообще къ дурнымъ послѣдствіямъ, напримѣръ, атеизму и анархизму (?!). Послѣ 4-хъ-часового обсужденія, вопросъ: „своевременно ли введеніе всеобщаго обученія въ волчанскомъ уѣздѣ“,—большинствомъ двухъ голосовъ былъ рѣшенъ отрицательно. Это рѣшеніе состоялось путемъ закрытой баллотировки, вслѣдствіе чего нельзя опредѣлить съ точностью, къ какимъ категоріямъ гласныхъ

принадлежатъ волчанскіе противники народнаго образованія. Судя по тому, что ихъ ораторами явились земскіе начальники, можно предположить, что большинство состояло преимущественно изъ голосовъ дворянскихъ. Крестьяне, за рѣдкими исключеніями, очень хорошо понимаютъ пользу правильно организованной школы и высказываются противъ нея развѣ подъ гнетомъ власть имѣющихъ лицъ, котораго въ данномъ случаѣ не могло быть, благодаря закрытой баллотировкѣ. Отрицательному разрѣшенію вопроса о всеобщемъ обученіи способствовала, быть можетъ, аргументація земскаго начальника Л—ко, хотя въ основаніи ея лежитъ явный софизмъ. „Царскій подарокъ" остается подаркомъ, какъ бы имъ ни распорядилось населеніе; обращеніе его на такое дѣло, какъ введеніе всеобщаго обученія, не уменьшило бы его цѣнность, а наоборотъ, возвысило бы ее весьма существенно. Для каждаго отдѣльнаго плательщика пять копѣекъ съ десятины — сумма весьма небольшая, едва замѣтная даже въ скромномъ крестьянскомъ бюджетѣ; между тѣмъ, введеніе всеобщаго обученія, осуществленное именно вслѣдствіе пониженія на ту же сумму поземельнаго налога, было бы великимъ благодѣяніемъ для множества семействъ, остающихся теперь вдали отъ школы, и великимъ шагомъ впередъ для цѣлаго края. Ставъ на точку зрѣнія г. Л—ко, пришлось бы признать, что въ теченіе десяти лѣтъ немыслимо какое бы то ни было увеличеніе земскаго сбора: противъ него всегда можно было бы возразить, что оно парализуетъ дѣйствіе милостиваго манифеста, вновь повышая уменьшенный имъ платежъ съ земли. Между тѣмъ, ростъ земскаго обложенія—явленіе неизбѣжное, въ виду роста земскихъ потребностей, и его, конечно, не имѣлось въ виду остановить изданіемъ манифеста 14-го мая. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что ссылка на манифестъ была, для волчанскихъ обскурантовъ, только удобнымъ предлогомъ къ борьбѣ противъ распространенія образованія, ведущаго, съ ихъ точки зрѣнія, къ „атеизму и анархизму"...

Въ царицынскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (саратовской губерніи) числилось, до реформы 1890 г., 23 гласныхъ—6 отъ личныхъ землевладѣльцевъ, 10 отъ гор. Царицына и посада Дубовки и 7 отъ сельскихъ обществъ. Теперь въ немъ 25 гласныхъ—*тринадцать* отъ дворянъ, пять отъ купцовъ и мѣщанъ, и семь отъ сельскихъ обществъ. Такой высокій процентъ гласныхъ отъ дворянства—въ царицынскомъ уѣздѣ, судя по прежней цифрѣ гласныхъ-землевладѣльцевъ, весьма малочисленнаго,—не послужилъ, повидимому, на пользу царицынскаго земства. Послѣднее собраніе его, по словамъ корреспонденціи „Камско-Волжскаго Края", шло „быстро и игриво"; предсѣдатель не успѣвалъ еще дочитать заглавіе докладовъ, какъ

въ средѣ гласныхъ раздавались крики: „отклонить! чего тутъ читать! дальше"! Ставится вопросъ объ избраніи членовъ ревизіонной коммиссіи. Собраніе проситъ вступить членомъ въ коммиссію одного гласнаго, другого, третьяго. Гласные вступаютъ неохотно или отказываются. Предсѣдатель начинаетъ уговаривать и съ предсѣдательскаго кресла исходятъ такія соображенія: „Соглашайтесь, господа... Почему не вступить 'въ коммиссію?.. Можно не являться... Да ну, ступайте же! Ну, когда же у насъ собиралась эта коммиссія!.." Едва ли такіе „откровенные" разговоры были бы возможны въ первый періодъ дѣятельности земства...

Болѣе утѣшительныя свѣденія приходятъ изъ Яренска (вологодской губерніи), гдѣ земское собраніе, со времени реформы, состоитъ исключительно изъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Послѣднее очередное собраніе, судя по корреспонденціи „Новостей" (№ 320), проявило небывалую прежде энергію и возстало противъ установившагося обычая утверждать отчетъ управы безъ всякой предварительной его повѣрки. Интересно было бы знать, по назначенію ли или по выбору служитъ предсѣдатель яренской уѣздной земской управы, о дѣйствіяхъ котораго корреспондентъ „Новостей" разсказываетъ много страннаго (онъ остался, напримѣръ, „при особомъ мнѣніи" по вопросу о необходимости ревизіи управы и всѣми силами старался не допустить въ ревизіонную коммиссію представителя казны. Весьма вѣроятно, что по назначенію, такъ какъ изъ числа гласныхъ-крестьянъ едва ли кто-нибудь имѣетъ права государственной службы—а ходатайство вологодскаго губернскаго земства о расширеніи, для отдаленныхъ уѣздовъ вологодской губерніи, круга лицъ, могущихъ занимать должность предсѣдателя управы, отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Помимо препятствій, коренящихся въ составѣ земскихъ собраній, дѣятельность земства затрудняется извнѣ, отрицаніемъ его безспорныхъ правъ, стѣсненіемъ и безъ того уже урѣзанной его иниціативы. Къ приведеннымъ нами недавно случаямъ конфликта между земствомъ и администраціей, въ которыхъ сенатъ принялъ сторону земства, теперь прибавился еще одинъ. Тверское губернское земское собраніе постановило образовать коммиссію для разработки вопроса о состояніи народнаго образованія въ губерніи. Постановленіе это было отмѣнено тверскимъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. По жалобѣ земства, правительств. сенатъ нашелъ, что, на основаніи ст. 72 Полож. о земск. учр., земскимъ собраніямъ предоставлено образовывать для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ его вѣденію дѣлъ коммиссіи изъ гласныхъ; а такъ какъ, по ст. 2 п. 10 того же Положенія, къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій отнесено

попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, то избраніе коммиссіи изъ гласныхъ для предварительной разработки вопросовъ о состояніи народнаго образованія, въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, не можетъ быть признано противозаконнымъ. Въ виду этого правительствующій сенатъ отмѣнилъ постановленіе тверского губернскаго присутствія... Трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ въ средѣ администраціи могла возникнуть мысль объ отнятіи у земства столь безобиднаго, естественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безспорнаго права, какъ право избранія такъ называемыхъ подготовительныхъ коммиссій; еще труднѣе понять, какимъ образомъ на сторону администраціи могло стать цѣлое коллегіальное учрежденіе—губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе. Это невольно заставляетъ думать, что составъ присутствія не соотвѣтствуетъ его призванію, какъ охранителя закона. И въ самомъ дѣлѣ, управляющій казенной палатой рѣдко интересуется земскимъ дѣломъ, за исключеніемъ развѣ вопросовъ смѣтныхъ, рекомендованныхъ его особому вниманію; прокуроръ окружного суда сплошь и рядомъ не является въ присутствіе самъ, командируя вмѣсто себя одного изъ своихъ товарищей, мало знакомыхъ съ земскими дѣлами; вице-губернаторъ почти никогда не идетъ противъ мнѣнія губернатора; губернскій предводитель дворянства далеко не всегда настолько считаетъ себя земскимъ дѣятелемъ, чтобы близко принимать къ сердцу земскіе интересы. Большинство голосовъ, такимъ образомъ, почти обезпечено за губернаторомъ—а если предсѣдатель губернской управы назначенъ министерствомъ, не утвердившимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, члена присутствія, избраннаго земскимъ собраніемъ, то большинство легко можетъ обратиться въ единогласіе... Случаи отмѣны постановленій земскаго собранія безъ всякихъ законныхъ причинъ или даже прямо вопреки закону перестанутъ быть возможными только тогда, когда въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи будутъ значительно усилены элементъ судебный и земскій, съ освобожденіемъ послѣдняго отъ административнаго утвержденія. По первоначальному тексту земскаго положенія 1890 г., членъ губ. по земск. дѣламъ присутствія, избранный земскимъ собраніемъ, вступалъ въ должность безъ предварительнаго утвержденія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; необходимость утвержденія установлена только позднѣйшимъ закономъ.

Несмотря на всѣ перемѣны къ худшему, происшедшія въ положеніи земскихъ учрежденій, они все-таки сохраняютъ свою жизнеспособность. Къ нимъ пріурочивается съ особеннымъ удобствомъ всякая дѣятельность, направленная на общую пользу; въ ихъ подвижныхъ рамкахъ легко находятъ мѣсто новыя функціи, новые виды заботы о народномъ благосостояніи. Мы говорили въ предъидущемъ

обозрѣніи о попыткѣ лохвицкаго земства создать общедоступную судебную защиту. Нѣчто подобное проектируется теперь въ Москвѣ, и для осуществленія проекта возлагается надежда на земскую помощь. Въ уѣздныхъ городахъ московской губерніи нѣтъ ни одного присяжнаго повѣреннаго, а въ четырехъ изъ нихъ (Подольскѣ, Можайскѣ, Дмитровѣ и Звенигородѣ)—даже ни одного частнаго повѣреннаго; въ остальныхъ городахъ имѣется только по одному частному повѣренному. Понятно, въ какой степени это затрудняетъ населеніе въ пріисканіи совѣта и помощи по дѣламъ судебнымъ. Въ средѣ консультаціи московскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, давно уже дѣйствующей при московскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ, возникла мысль объ устройствѣ юридическихъ консультацій во всѣхъ уѣздныхъ городахъ московской губерніи, путемъ ежемѣсячнаго выѣзда двухъ консультантовъ въ каждый уѣздный городъ, въ воскресный или праздничный день, предшествующій засѣданію уѣзднаго съѣзда. Подобный выѣздъ будетъ обходиться, среднимъ числомъ, въ 25 руб., а всѣ 144 выѣзда (по 12 поѣздокъ въ 12 уѣздовъ)—въ 3.600 руб., которые предполагается покрыть отчасти небольшимъ вознагражденіемъ за совѣты (по 25 коп.) и частными пожертвованіями, отчасти земскими ассигновками. Каждому уѣздному земству, по приблизительному разсчету, пришлось бы заплатить только по 167 руб. (см. № 342 „Русскихъ Вѣдомостей"). Намъ кажется, что уѣздныя земства могли бы принять на себя и весь расходъ по устройству консультацій (по 300 руб. на уѣздъ), сдѣлавъ ихъ совершенно безплатными (по крайней мѣрѣ на первое время); этимъ путемъ гораздо скорѣе и легче привьется новое учрежденіе, отъ котораго можно ожидать большой пользы для населенія. Конечно, періодическія консультаціи не могутъ замѣнить собою постоянной, проектированной въ лохвицкомъ уѣздѣ; но за то онѣ имѣютъ преимущество простоты и дешевизны, и съ нихъ можно начать въ тѣхъ уѣздахъ, для которыхъ непосильны сравнительно-крупныя затраты на это дѣло.

Лучшимъ доказательствомъ эластичности земскихъ учрежденій и приспособляемости ихъ къ самымъ разнообразнымъ задачамъ служитъ та роль, которая отводится имъ въ планѣ дѣйствій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Главнымъ предметомъ занятій закончившейся недавно (второй) сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта служило разсмотрѣніе проекта устройства мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія. Министерство первоначально предполагало принять за правило, чтобы при каждомъ земствѣ обязательно существовала сельско-хозяйственная коллегія, по образцу учрежденныхъ уже во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ или коммиссій. Въ составъ такой коллегіи долженъ былъ войти

уполномоченный министерства земледѣлія, и самая коллегія — сдѣлаться мѣстнымъ органомъ министерства. Большинство совѣта высказалось, однако, противъ этого способа разрѣшенія вопроса, справедливо находя, что отъ искусственно призванныхъ къ жизни выборныхъ учрежденій нельзя ожидать той пользы, какую приносятъ учрежденія, возникшія свободно, вслѣдствіе сознанной потребности въ болѣе широкой организаціи земскихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Это разногласіе не помѣшало совѣту намѣтить распредѣленіе сельско-хозяйственныхъ функцій между земскими учрежденіями и уполномоченными министерства, на такихъ началахъ, которыя, не уменьшая самостоятельность земства, обезпечивали бы за нимъ содѣйствіе администраціи. Уполномоченному министерства предоставляется, между прочимъ, участіе, съ правомъ голоса, въ земскихъ сельско-хозяйственныхъ коллегіяхъ, а также въ губернской оцѣночной коммиссіи и въ отдѣленіяхъ банковъ крестьянскаго и дворянскаго; участіе въ организаціи и веденіи сельско-хозяйственныхъ начинаній, предпринимаемыхъ соединенными силами правительства и мѣстныхъ установленій, участіе, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, по приглашенію предсѣдателя, для разсмотрѣнія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, земскимъ учрежденіямъ предоставляется, независимо отъ прежнихъ ихъ функцій, наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ мѣръ и за направленіемъ дѣятельности сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, опытныхъ и показательныхъ полей и т. п., съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, а также завѣдываніе тѣми или другими изъ этихъ учрежденій, по соглашенію съ министерствомъ (рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, объ учрежденіяхъ, основанныхъ и содержимыхъ министерствомъ). По всѣмъ сельско-хозяйственнымъ дѣламъ земскія учрежденія должны сноситься съ министерствомъ земледѣлія *непосредственно* (т.-е. помимо губернатора и министерства внутреннихъ дѣлъ). Право земскихъ учрежденій на образованіе особыхъ сельско-хозяйственныхъ коллегій предполагается закрѣпить закономъ. Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе всѣхъ этихъ предположеній, стоитъ только сравнить ихъ съ первымъ проектомъ устройства мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія [1]). Такими органами должны были быть въ губерніяхъ—губернскіе, въ уѣздахъ—уѣздные сельско-хозяйственные комитеты, устроенные, по обычному типу смѣшанныхъ присутствій, изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и общественныхъ группъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора или уѣзднаго предводителя дворянства. На обязанность губернскаго сельско-хозяйствен-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.

наго комитета предполагалось возложить, между прочимъ, *наблюденіе* за дѣятельностью земскихъ учрежденій по воспособленію мѣстному земледѣлію и сельско-хозяйственной промышленности, а также разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ по ассигнованіямъ, касающимся предметовъ сельскаго хозяйства. При такой организаціи сельско-хозяйственная дѣятельность земства скоро перестала бы быть самостоятельной, а слѣдовательно и жизненной, плодотворной; *содѣйствіе* правительства начинаніямъ земства обратилось бы въ чисто-формальный *надзоръ*. Ничѣмъ подобнымъ не угрожаетъ новѣйшій проектъ министерства, исправленный сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ; онъ свидѣтельствуетъ о *довѣріи* къ земству—довѣріи, съ которымъ слишкомъ рѣдко относится къ нему администрація.

Совершенно праздные толки—различіе мнѣній, выразившееся въ совѣщаніяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта, возбудило въ печати. „Новому Времени" (№ 7452) показалось, что въ этомъ различіи проявилась „ревность земства къ министерству земледѣлія", и притомъ ревность, въ которой нѣтъ ничего общаго съ „благороднымъ соревнованіемъ". Земство, по мнѣнію петербургской газеты, отнюдь не въ правѣ „задирать носъ передъ министерствомъ земледѣлія". Если послѣднее „слишкомъ еще мало проявило себя какими-нибудь важными и широкими начинаніями въ интересахъ сельскаго хозяйства, то оно, по крайней мѣрѣ, имѣетъ за себя обстоятельство смягчающее—недавность своего существованія"; между тѣмъ, земство живетъ четвертое десятилѣтіе и „могло бы уже проявиться достаточно", а „ему нечѣмъ кичиться по части заслугъ передъ отечественнымъ земледѣліемъ". Наилучшее разрѣшеніе спорнаго вопроса газета видитъ не въ *размежеваніи* земства отъ министерства земледѣлія, а напротивъ, въ *примежеваніи* перваго, по сельско-хозяйственной части, къ послѣднему.

Въ основаніи всѣхъ этихъ замѣчаній лежитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ вовсе нѣтъ представителей земства; къ участію въ немъ призываются, по избранію министра земледѣлія, пятнадцать *сельскихъ хозяевъ*, изъ которыхъ земскими гласными состоятъ многіе, но не всѣ. По всѣмъ вопросамъ, возбудившимъ разногласіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ, какъ большинство, такъ и меньшинство слагалось отчасти изъ сельскихъ хозяевъ, отчасти изъ представителей администраціи; сталкивались между собою, слѣдовательно, не два противоположные элемента, а просто взгляды отдѣльныхъ лицъ. Въ основаніи мнѣній, больше ограждавшихъ самостоятельность земства, лежала не „ревность" къ министерству земледѣлія и даже не „соревнованіе" съ нимъ, а просто увѣрен-

ность, что для развитія сельско-хозяйственной дѣятельности земства нѣтъ надобности въ приказаніяхъ и понужденіяхъ—увѣренность, оправдываемая всей исторіей земскихъ учрежденій. Совершенно ошибочна, далѣе, параллель между земствомъ и министерствомъ, исходящая изъ предположенія, что послѣднее только-что начинаетъ дѣйствовать, а первое существуетъ уже давно. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ является прямымъ преемникомъ министерства государственныхъ имуществъ, въ составѣ котораго цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ существовалъ департаментъ сельскаго хозяйства, или, какъ онъ въ послѣднее время назывался, департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. Задачи министерства преобразованіемъ 1894 г. не измѣнены; расширены только средства къ ихъ осуществленію. Не земство, такимъ образомъ, первымъ было призвано къ попеченію о сельскомъ хозяйствѣ, а министерство—и этимъ безспорнымъ фактомъ разрушается вся аргументація „Новаго Времени". При сравнительной оцѣнкѣ результатовъ, достигнутыхъ земствомъ и министерствомъ, необходимо помнить, сверхъ того, объ ограниченности земскихъ средствъ и о существованіи другихъ неотложныхъ задачъ (организація народной школы и народной медицины), которыя, на первыхъ порахъ, неизбѣжно должны были стать главнымъ предметомъ земской работы... Послѣднія постановленія сельско-хозяйственнаго совѣта ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что вовсе не къ *размежеванію* земства и министерства, въ смыслѣ ихъ *разъединенія*, были направлены усилія сельскихъ хозяевъ, входившихъ въ составъ совѣта. Совѣту удалось намѣтить такой планъ дѣйствій, который, безъ всякаго *примежеванія* земства къ администраціи, открываетъ возможность дружнаго ихъ стремленія къ одной и той же цѣли. Остается только пожелать, вмѣстѣ съ кн. Репнинымъ (произнесшимъ, отъ имени представителей сельскаго хозяйства, заключительную рѣчь въ послѣднемъ засѣданіи сельско-хозяйственнаго совѣта), чтобы вопросъ о мѣстныхъ органахъ министерства земледѣлія былъ какъ можно скорѣе рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ и получилъ въ 1897 г. практическое осуществленіе.

Если земскія учрежденія, несмотря на новыя условія, созданныя для нихъ Положеніемъ 1890 г., продолжаютъ, въ общемъ итогѣ, работать на пользу населенія, то нельзя не привѣтствовать каждое расширеніе ихъ дѣятельности, какъ въ смыслѣ предоставленія имъ бо̀льшей свободы дѣйствій, такъ и въ смыслѣ географическаго ихъ распространенія. Довольно важнымъ шагомъ въ первомъ направленіи является съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, состоявшійся лѣтомъ прошлаго года въ Нижнемъ

Новгородѣ [1]). Если такіе съѣзды будутъ повторяться періодически, они могутъ значительно облегчить земскую работу, дѣлая опытъ одного земства удободоступнымъ для всѣхъ другихъ и ярко освѣщая какъ ближайшія задачи земства, такъ и пути къ ихъ осуществленію. Не менѣе утѣшительны вѣсти, относящіяся къ введенію земскихъ учрежденій на окраинахъ Россіи. Въ газетахъ появились свѣденія о совѣщаніяхъ по этому предмету, происходившихъ въ волынской губерніи. На разсмотрѣніе совѣщаній былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: „представляется ли возможнымъ примѣнить къ волынской губерніи положеніе о земскихъ учрежденіяхъ въ полномъ объемѣ, или съ какими-либо вызываемыми мѣстными особенностями измѣненіями, или, если введеніе земства признано будетъ преждевременнымъ, то какія мѣры могли бы быть предприняты для упорядоченія существующаго порядка завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ". Постановка этого вопроса свидѣтельствуетъ о томъ, что никакихъ принципіальныхъ препятствій къ введенію земскаго положенія въ западномъ краѣ правительство не видитъ, и что совершенно правы были тѣ, которые толковали въ этомъ смыслѣ мнѣніе государственнаго совѣта о необходимости приступить „къ преобразованію учрежденій, вѣдающихъ дѣла о земскихъ повинностяхъ въ не-земскихъ губерніяхъ" [2]). Реакціонная печать напрасно силилась доказать, что такое преобразованіе отнюдь не должно состоять въ распространеніи круга дѣйствій земскаго положенія, обнаружившаго, будто бы, неудобства болѣе существенныя, чѣмъ недостатки до-реформеннаго порядка. Не послѣдовали за реакціонною печатью и представители мѣстнаго населенія, призванные къ участію въ совѣщаніи: какъ въ житомірскомъ уѣздѣ, такъ и въ новоградволынскомъ (единственныхъ, о которыхъ мы встрѣтили свѣденія въ газетахъ), они высказались за введеніе земскихъ учрежденій. „Желательными измѣненіями" были признаны въ житомірскомъ совѣщаніи только увеличеніе числа гласныхъ и пониженіе ценза (въ пользу того и другого подали бы голосъ, безъ сомнѣнія, и центральныя губерніи). Въ новоградволынскомъ совѣщаніи раздались-было голоса, требовавшіе ограниченія числа гласныхъ изъ среды поляковъ и нѣмцевъ; но предсѣдатель совѣщанія (уѣздный предводитель дворянства) призналъ этотъ вопросъ подлежащимъ исключительно обсужденію высшаго правительства... На противоположной окраинѣ, въ ставропольской губерніи, за введеніе земскихъ учрежденій высказалось дворянское собраніе. Въ докладѣ коммиссіи, выбранной собраніемъ, приведены, между прочимъ, слѣ-

---

[1]) См. № 327 „Новостей", за 1896.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 9 „В. Европы" за 1896 г.

дующія интересныя цифры. По количеству земскихъ сборовъ (353 тыс. руб.) ставропольская губернія занимаетъ послѣднее мѣсто между не-земскими губерніями (средняя цифра на губернію—653 тыс. руб.). На народное образованіе въ земскихъ губерніяхъ расходуется изъ земскихъ сборовъ, въ среднемъ, по 242 тыс. руб., въ не-земскихъ — по 16½ тыс.; на медицинскую часть и общественное призрѣніе въ земскихъ губерніяхъ—по 494 тыс., въ не-земскихъ—по 126 тыс. руб. Ставропольская губернія и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже средняго уровня: на народное образованіе она расходуетъ изъ земскихъ сборовъ 10 тыс., на медицину и обществ. призрѣніе—32 тыс. руб. Одинъ врачъ приходится здѣсь на 72 тыс. жителей (въ европейской Россіи—на 9 тысячъ). Понятно, что съ примѣненіемъ къ ставропольской губерніи земскихъ учрежденій должна значительно повыситься сумма платимыхъ ею земскихъ сборовъ; но это не пугаетъ ставропольское дворянство, въ виду того, что „всякая трата и жертва, понесенная для подъема культуры, возвращается сторицею, а задержка въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей влечетъ громадныя потери въ недалекомъ будущемъ". Посмотрѣвъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія, ставропольское дворянство достигло высоты, на которую рѣдко поднимаются дворянскія собранія.

Когда, въ частной жизни, отъ кого-нибудь требуютъ или ожидаютъ ускореннаго движенія, усиленной дѣятельности, его стараются поставить въ возможно лучшія условія, увеличивая запасъ силъ, которыми онъ располагаетъ, устраняя все то, что̀ могло бы помѣшать свободному ихъ примѣненію. Въ общественной жизни слишкомъ часто бываетъ не то: съ постановкой новыхъ задачъ здѣсь далеко не всегда идетъ рука объ руку созданіе средствъ, обезпечивающихъ ихъ исполненіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ циркулярѣ, недавно разосланномъ губернаторамъ, обратило вниманіе на то, что финансовое положеніе большинства городовъ не соотвѣтствуетъ развивающимся потребностямъ городской жизни: многія общеполезныя предпріятія остаются вовсе неосуществленными или осуществляются лишь при посредствѣ частныхъ капиталистовъ и акціонерныхъ обществъ. Губернаторамъ предлагается, поэтому, воздѣйствовать на городскія общественныя управленія въ смыслѣ устройства необходимыхъ для города учрежденій не концессіоннымъ способомъ, а за собственный счетъ города. Если для этого понадобится заемъ, то министерство обѣщаетъ свое содѣйствіе къ его разрѣшенію и реализаціи. Что министерство коснулось, въ своемъ циркулярѣ, одного изъ больныхъ мѣстъ нашего городского самоуправленія—это не под-

лежитъ никакому сомнѣнію: весь вопросъ въ томъ, гдѣ причина зла и какъ отъ него освободиться. Еслибы городскому общественному управленію недоставало только *рѣшимости* взяться за дѣло или за цѣлую серію дѣлъ, устроить и вести которыя оно вполнѣ способно, полезнымъ толчкомъ для него могло бы служить напоминаніе свыше, въ родѣ заключающагося въ циркулярѣ; полезно было бы и обѣщаніе кредита, еслибы единственнымъ или главнымъ препятствіемъ къ расширенію сферы городскихъ хозяйственныхъ предпріятій служила скудость текущихъ городскихъ доходовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, главнымъ тормазомъ городской предпріимчивости служитъ составъ городскихъ думъ, оставлявшій желать весьма многаго уже при дѣйствіи прежняго закона и еще менѣе удовлетворительный со времени вступленія въ силу Городового Положенія 1892 г. До крайности сокративъ число избирателей, пріурочивъ избирательное право исключительно къ владѣнію домомъ или выборкѣ гильдейскаго свидѣтельства, устранивъ цѣлые классы городскихъ жителей отъ участія въ завѣдываніи городскими дѣлами, установивъ тяжеловѣсные, неудобные избирательные порядки, допустивъ въ составъ думы (въ случаѣ неизбранія надлежащаго числа лицъ) прежнихъ гласныхъ, т.-е. людей, часто потерявшихъ довѣріе избирателей, новый законъ понизилъ умственный и нравственный уровень городскихъ думъ, уменьшилъ ихъ жизненность и жизнеспособность, не далъ имъ содѣйствія наиболѣе энергичныхъ и подвижныхъ элементовъ городского населенія.

Интересы домовладѣльцевъ и купцовъ не всегда, притомъ, совпадаютъ съ интересами массы: для первыхъ, напримѣръ, невыгодна постройка на городской счетъ домовъ съ дешевыми квартирами; для вторыхъ—конкурренція города съ частными предпринимателями (отдѣльными лицами или обществами) въ дѣлѣ кредита, освѣщенія, водоснабженія и т. п. Обращенный къ собраніямъ, бо́льшею частью застывшимъ въ равнодушіи и рутинѣ, призывъ министерства внутреннихъ дѣлъ останется, за рѣдкими исключеніями, мертвою буквой. Въ лучшемъ случаѣ настойчивыя требованія администраціи могутъ заставить городское управленіе приняться за то или другое общеполезное дѣло—но обезпечить правильное его веденіе и успѣшное окончаніе никакими требованіями нельзя. Программа, намѣченная въ циркулярѣ, можетъ быть исполнена думами только тогда, когда измѣнится, хоть въ главныхъ основахъ, Городовое Положеніе 1892 года. Поводъ къ одному изъ самыхъ необходимыхъ измѣненій имѣется на лицо. Сама администрація предложила на обсужденіе городскихъ думъ вопросъ о введеніи городского квартирнаго налога, съ пріурочёніемъ или безъ пріуроченія его къ государственному налогу того же наименованія. Нѣкоторыя изъ городскихъ думъ, отвѣчая на этотъ

вопросъ утвердительно, высказались, вмѣстѣ съ тѣмъ, за предоставленіе квартиронанимателямъ избирательнаго права. И дѣйствительно, обѣ эти мѣры тѣсно связаны одна съ другою — до такой степени тѣсно, что противники коренной реформы въ городской избирательной системѣ являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, противниками городского квартирнаго налога. „Городскія средства—восклицаютъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ (№ 302)—еще не настолько истощены, предметы обложенія городскими сборами еще не всѣ найдены и использованы, и самые проценты обложенія не настолько еще велики, чтобы квартирный налогъ въ пользу городовъ ставить на первую очередь... Въ случаѣ обложенія налогомъ въ пользу городовъ, квартиронаниматели въ правѣ будутъ ратовать за допущеніе ихъ къ участію въ выборѣ гласныхъ, что̀ весьма осложнитъ дѣло городского представительства, потребуетъ новой ломки городскихъ общественныхъ учрежденій и выдвинетъ на сцену общественной дѣятельности элементы весьма мало заинтересованные въ городскомъ хозяйствѣ“ (постоянные городскіе жители мало заинтересованы въ освѣщеніи, водоснабженіи и очищеніи города, въ санитарномъ его благоустройствѣ, въ организаціи врачебной помощи и средствъ сообщенія !!). Такъ говорила московская газета при прежней редакціи, сравнительно сдержанной; тѣ же рѣчи, но совершенно инымъ языкомъ, ведетъ въ ней новая редакція, вообще отличающаяся большою „откровенностью“ [1]). До „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 342) дошелъ слухъ, что „піонеры-интеллигенты (рѣчь идетъ о нѣсколькихъ профессорахъ, докторахъ, адвокатахъ, пріобрѣвшихъ, на послѣднихъ выборахъ, мѣста въ городской думѣ) пробираются (!) въ думу съ цѣлью широко открыть двери городского самоуправленія новому виду гласныхъ—квартирантамъ. Достичь этого собираются путемъ введенія городского квартирнаго налога. Картины всеобщаго благоденствія рисуются уже на туманномъ горизонтѣ. Въ дали мерещатся великія реформы—*экспропріація частной собственности*, возникновеніе громадныхъ общественныхъ зданій, дешевыхъ, почти даровыхъ квартиръ и *рабочихъ дворцовъ*, право полученія даровыхъ обѣдовъ по билетамъ, и прочія заманчивыя картины. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ все это осуществится, но, безъ сомнѣнія, гласные-квартиранты, если они на самомъ дѣлѣ будутъ допущены, употребятъ немало усилій для приведенія во исполненіе хотя части этихъ благъ“. Удивительна, по истинѣ, изобрѣтательность московскихъ вѣстовщиковъ—и еще удивительнѣе легковѣріе газеты, принимающей на вѣру произведенія досужей фан-

[1]) Съ начала декабря „Московскія Вѣдомости“ перешли въ завѣдываніе г. Грингмута, который съ 1 января 1897 г. становится ихъ редакторомъ-издателемъ.

тазіи! Не заключается ли разгадка этого легковѣрія въ томъ, что очень ужъ удобны для реакціонной печати выдумки, выставляющія московскихъ квартиронанимателей (!) полчищемъ коммунистовъ или по меньшей мѣрѣ соціалистовъ? Чтобы помѣшать реформѣ, благопріятной для самоуправленія, позволительно, должно быть, пользоваться и самыми нелѣпыми толками и сплетнями...

Если недавніе выборы въ московскую городскую думу что-нибудь и обнаружили, то ужъ конечно не „опасные" замыслы „піонеровъ-интеллигентовъ", а крайнюю неудовлетворительность избирательной системы, созданной Городовымъ Положеніемъ 1892 г. Изъ 7.371 избирателя, внесенныхъ въ списки, на первые выборы явились только 1.312 (17%) и выбранными оказалось, вмѣсто 160, только 77 лицъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, дополнительные выборы закончились только въ первыхъ двухъ изъ трехъ избирательныхъ участковъ, на которые раздѣлена Москва. Въ первомъ участкѣ избранъ полный комплектъ гласныхъ и даже 8 кандидатовъ къ нимъ (вмѣсто 12); но здѣсь выборы съ самаго начала почти привели къ цѣли (незамѣщенными остались, въ первый же день выборовъ, только четыре вакансіи изъ 56). Во второмъ участкѣ сначала выбрано 14, при вторичныхъ же выборахъ—11 гласныхъ, а всего 25 (вмѣсто 52 гласныхъ и 10 кандидатовъ). Въ третьемъ участкѣ выбрано сначала 11 гласныхъ (также вмѣсто 52 гласныхъ и 10 кандидатовъ). Для того, чтобы московская дума осталась свободной отъ не-выборныхъ элементовъ, нужно, чтобы при дополнительныхъ выборахъ въ третьемъ участкѣ было выбрано не менѣе 15 гласныхъ; тогда общее число избранныхъ гласныхъ будетъ равняться $^2/_3$ всего комплекта. Какъ бы ни окончились, впрочемъ, дополнительные выборы, фактъ неявки на первые выборы 83% избирателей останется, во всякомъ случаѣ, весьма краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о томъ, насколько интересуются городскими дѣлами тѣ элементы населенія, которымъ дѣйствующій законъ ввѣрилъ городское самоуправленіе.

Съ какими неблагопріятными условіями, помимо неудачныхъ избирательныхъ порядковъ, приходится иногда считаться нашимъ городскимъ думамъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему сообщенію изъ Ставрополя (Кавказскаго), напечатанному въ № 48 „Недѣли": въ ставропольской думѣ шло обсужденіе вопроса объ ассигнованіи со стороны города средствъ на содержаніе помощниковъ при нѣкоторыхъ должностяхъ общегосударственнаго характера. Было указано, что по точному смыслу 1 ст. Городового Положенія, городскія средства могутъ быть употребляемы только на удовлетвореніе „мѣстныхъ нуждъ и пользъ" и что дѣлать расходы съ другимъ назначеніемъ было бы прямо противозаконно. Тогда одно лицо, непосред-

ственно заинтересованное въ ассигнованіи предположенныхъ средствъ, заявило: „Здѣсь противоставляютъ государственные интересы городскимъ. Я считаю нужнымъ напомнить, что такое противоставленіе можетъ быть очень опаснымъ“. Эффектъ этого заявленія получился именно тотъ самый, котораго и желали: испуганная дума единогласно, за исключеніемъ одного голоса, постановила выдать въ распоряженіе уѣздной переписной коммиссіи просимую ею сумму...

„Правительственное сообщеніе“, перепечатанное нами выше, изображаетъ съ необычною полнотою исторію печальныхъ событій, происходившихъ недавно въ московскомъ университетѣ. Читая его, невольно вспоминаешь цѣлый рядъ такъ-называемыхъ „студенческихъ исторій“, начинающійся тридцать-пять лѣтъ тому назадъ и идущій съ тѣхъ поръ, безъ большихъ перерывовъ, до нашего времени. Съ каждой изъ нихъ бываетъ связано немало испорченныхъ существованій, разбитыхъ надеждъ, напрасно растраченныхъ дарованій. Никогда еще онѣ не приводили ни къ какому практическому результату—и тѣмъ не менѣе онѣ повторяются одна за другою, точно вслѣдствіе какихъ-то непреодолимыхъ законовъ. Ни для кого онѣ не нужны, ни для кого не выгодны—даже для политическихъ агитаторовъ, сила которыхъ отъ нихъ ничуть не возрастаетъ; и все-таки опытъ прошедшаго проходитъ даромъ, все-таки увеличивается число безплодныхъ жертвъ. Въ печати, съ самаго 1861-го года, проявляются два различные взгляда на студенческіе безпорядки. Одинъ ищетъ и находитъ ихъ причины въ недостаткѣ строгости со стороны правительства, въ инерціи или попустительствѣ профессоровъ, въ вялости общества, не умѣющаго или не желающаго сдерживать своихъ младшихъ членовъ, въ распущенности самихъ студентовъ. Другой взглядъ, не останавливаясь на поверхности вещей, старается, по возможности, обнаружить болѣе глубокіе источники безпорядковъ. То же самое мы видимъ и въ настоящую минуту, съ тою только особенностью, что никогда представители перваго взгляда не относились съ меньшею сдержанностью къ представителямъ второго, перетолковывая и осуждая не только ихъ слова, но и ихъ молчаніе. Прежде, до конца семидесятыхъ годовъ, въ газетныхъ статьяхъ по поводу студенческихъ исторій на первый планъ выдвигались недостатки нашихъ гимназій, какъ съ образовательной, такъ и съ воспитательной точки зрѣнія. Предполагалось, что торжество классицизма и дисциплины, этихъ двухъ краеугольныхъ камней гимназической реформы 1871 года, дастъ университетамъ слушателей совсѣмъ новаго склада, неспособныхъ къ нарушенію порядка. Когда это предположеніе не оправдалось, предметомъ нападеній, вмѣсто стараго гимназическаго устава, сталъ служить старый университет-

скій уставъ (т.-е. уставъ 1863 г.); ему стали приписывать все зло, его отмѣна провозглашалась гарантіею спокойствія и тишины въ стѣнахъ университета. Волненія 1887-го года положили конецъ и этимъ иллюзіямъ. Съ тѣхъ поръ газеты извѣстнаго направленія довольствуются, бо̀льшею частью, общими мѣстами, типичнымъ образцомъ которыхъ можетъ служить передовая статья въ № 340 „Московскихъ Вѣдомостей“ (первомъ при новой редакціи). Говоря о роли правительства, общества и самихъ студентовъ въ предупрежденіи безпорядковъ, московская газета находитъ, что въ „освѣдомленности“ объ агитаціи среди студенчества правительственная власть стояла „на всей высотѣ“, но — не приняла мѣръ къ *немедленной* охранѣ молодежи, т.-е. къ *немедленному* удаленію изъ ея среды вредныхъ элементовъ. Никакихъ фактическихъ основаній для такого заключенія правительственное сообщеніе не представляетъ. Спѣшить принятіемъ крутыхъ мѣръ, значило бы дѣйствовать на-удачу, въ силу однѣхъ догадокъ—а такая репрессивная дѣятельность всегда приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. До какой степени недостаточны, притомъ, однѣ полицейскія или полицейско-карательныя мѣры—видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ началѣ 1895 г. наличный составъ „союзнаго совѣта“ былъ арестованъ, а къ началу текущаго академическаго года „союзный совѣтъ“ (очевидно, въ другомъ составѣ) оказался возстановившимся и вновь приступилъ къ агитаціонной дѣятельности. „Увлеченіе, — продолжаетъ московская газета, переходя отъ правительственной охраны къ общественной,—свойственно молодежи, но именно потому молодежь требуетъ опоры, поддержки, а эта опора создается не равнодушною уступчивостью и лѣнивою пассивностью взрослыхъ, но ихъ серьезнымъ, настойчивымъ, строгимъ предостереженіемъ и, если нужно, противодѣйствіемъ“. Въ предостереженіяхъ, въ противодѣйствіи со стороны ближайшихъ къ студентамъ лицъ, при наступленіи волненія, никогда не бываетъ и не можетъ быть недостатка; ручательствомъ въ томъ служитъ естественный страхъ за будущность сына, внука, брата, естественное желаніе предотвратить грозящую ему опасность. Если противодѣйствіе рѣдко идетъ дальше тѣсной родственной среды, то это объясняется тѣмъ, что нашему обществу, разсматриваемому какъ одно цѣлое, дѣйствительно свойственна „равнодушная уступчивость, пассивная лѣнь“—и не можетъ же оно въ одномъ только случаѣ явиться инымъ, сбросить съ себя свои обычныя свойства... Третій видъ охраны рекомендуется газетой самому студенчеству: оно должно понимать, что „товарищество имѣетъ смыслъ лишь въ качествѣ совмѣстной охраны совмѣстныхъ интересовъ, и что тѣ люди, которыхъ интересы выходятъ изъ области *студенческихъ* (т.-е. политическіе агитаторы), ни въ какомъ случаѣ не должны вхо-

дить въ кругъ студенческаго товарищества". Пускай, однако, газета укажетъ, въ чемъ же заключаются „совмѣстные интересы" студенчества, по отношенію къ которымъ возможна, въ настоящее время, „совмѣстная студенческая охрана"? Въ недостаткѣ такихъ интересовъ заключается, быть можетъ, одна изъ главныхъ причинъ легкости и быстроты, съ которыми распространяется среди студентовъ увлеченіе не-студенческими интересами. Подобную же мысль высказываютъ и „Спб. Вѣдом." (№ 263), говоря: „Однѣ репрессивныя, „хирургическія" мѣры не могутъ устранить это печальное явленіе, потому что оно коренится въ бытовой обстановкѣ и въ психическихъ свойствахъ молодежи. Это грустное явленіе особенно рельефно обнаруживается при скопленіи тысячъ студентовъ (какъ въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ средствъ и возможности для удовлетворенія указанной выше естественной склонности молодежи). Къ тому же и вообще въ этомъ громадномъ губернскомъ городѣ жизнь общественная, литературная и даже научная отличается вялостью и безцвѣтностью!.. Въ вопросѣ объ устраненіи этихъ грустныхъ фактовъ рѣшающую роль должны играть университеты не только какъ учебныя заведенія, но и вообще какъ просвѣтительныя учрежденія съ могущественной дальнозорной иниціативой. Университеты могутъ принять цѣлый рядъ мѣръ, совокупность (не только совокупность, но и множественность) которыхъ непремѣнно должна освѣтить застоявшуюся, скучную, раздражающую атмосферу студенческой жизни"...

Столь же просто, какъ и „Московскія Вѣдомости", разрѣшаетъ вопросъ и „Гражданинъ", слѣдующими двумя тезисами: 1) университетъ служитъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для желающихъ въ немъ учиться, и 2) кто не желаетъ учиться, тотъ въ университетѣ оставаться не можетъ; участіе въ неразрѣшенной начальствомъ сходкѣ считается доказательствомъ нежеланія учиться и поводомъ къ исключенію. Въ этихъ тезисахъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго: и теперь студенты очень хорошо знаютъ, что университеты созданы для ученья, и что участіе въ запрещенной сходкѣ можетъ привести къ исключенію изъ университета...

Предлагая общія мѣры противодѣйствія безпорядкамъ, консервативныя газеты остаются въ предѣлахъ своего права и не нарушаютъ элементарныхъ литературныхъ приличій. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, идутъ дальше и вступаютъ въ область литературнаго сыска. „Московскія Вѣдомости" перепечатываютъ у себя выходки „Русскаго Листка", сначала противъ существующихъ на законномъ основаніи обществъ и коммиссій самообразованія, безцеремонно связывая ихъ съ революціонной пропагандой,—затѣмъ противъ какихъ-то „легальныхъ охочихъ птицъ и учителей нашего такъ - называемаго либерализма, которые, сидя сами за многотысячными окладами по разнымъ

редакціямъ, комитетамъ и канцеляріямъ, безжалостно и безпощадно натравливали и уськали молодежь ради собственныхъ темныхъ цѣлей". Прямо отъ себя „Московскія Вѣдомости" ведутъ атаку противъ „Русскихъ Вѣдомостей", имѣющихъ „громадное вліяніе на учащуюся молодежь" и несущихъ, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, „серьезную отвѣтственность" не только за сказанное ими, но и за *несказанное* (!!). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ: „Посовѣтовала ли *профессорская* газета студентамъ воздержаться отъ всякихъ незаконныхъ дѣйствій и строго сообразоваться съ своими обязанностями?—Нѣтъ. Призвала ли она ихъ, во имя науки, къ *серьозному* ученію, этому главному дѣлу *учащейся* молодежи?—Нѣтъ. Осудила ли она преступную дѣятельность союзнаго совѣта?—Нѣтъ" (и т. д). Болѣе характернаго допроса не могъ бы придумать и самъ покойный Салтыковъ... Въ особенную вину „Русскимъ Вѣдомостямъ" газета ставитъ слѣдующія ихъ слова: „каковъ бы ни былъ исходъ дальнѣйшаго разслѣдованія дѣла, этимъ еще не рѣшается болѣе общій вопросъ объ условіяхъ развитія нашей молодежи вообще и о порядкахъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ особенности. Вполнѣ ли нормальны и здоровы эти условія развитія, все ли цѣлесообразно въ этихъ порядкахъ"? Въ этихъ словахъ усматривается... солидарность съ „союзнымъ совѣтомъ", „выставлявшимъ предлогомъ для студенческихъ волненій то же самое, что̀ выставляютъ „Русскія Вѣдомости", какъ ихъ причину" (!). Такіе „полемическіе пріемы" не часто встрѣчаются даже у нашихъ газетныхъ „охранителей". Неразборчивость въ выборѣ средствъ все болѣе и болѣе возводится въ систему, послѣднее слово которой—отрицаніе за органами другихъ направленій самаго права на существованіе.

P.-S.—Наше обозрѣніе было уже въ печати, когда московскія газеты принесли свѣдѣнія о результатѣ дополнительныхъ выборовъ въ третьемъ избирательномъ участкѣ гор. Москвы. Выбрано (вмѣсто 41) 28 гласныхъ, такъ что общее число всѣхъ избранныхъ въ гласные достигло 120. Московская дума вся, такимъ образомъ, будетъ состоять изъ выборныхъ гласныхъ, располагая еще 8 кандидатами въ гласные; въ *назначеніи* гласныхъ не предстоитъ надобности. Это—исходъ сравнительно удачный; можно пожелать, чтобы не хуже окончились городскіе выборы и въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе избраніе 120 гласныхъ вмѣсто 160 остается фактомъ ненормальнымъ, свидѣтельствующимъ о коренныхъ недостаткахъ избирательной системы.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1897 г.

Политическія дѣла истекшаго года.—Событія на Востокѣ и дѣятельность дипломатіи.—Нашъ договоръ съ Китаемъ.—Положеніе дѣлъ въ различныхъ государствахъ западной Европы.

Истекшій годъ былъ несомнѣнно благопріятенъ для Россіи въ области внѣшней политики. Наша дипломатія пользовалась особымъ вниманіемъ и почетомъ въ Европѣ; ей оказывали особенное вниманіе въ Вѣнѣ и Берлинѣ потому, что желали по возможности отвлечь ее отъ слишкомъ тѣснаго сближенія съ Франціею; въ Парижѣ намъ старались показать, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе прочнаго и искренняго союза, чѣмъ франко-русскій; въ Англіи обнаруживали предупредительность по отношенію къ Россіи въ виду солидарности ея съ Франціею; даже турецкій султанъ искалъ русской дружбы для смягченія западно-европейскаго вмѣшательства въ разстроенныя дѣла его имперіи. Майскія коронаціонныя празднества, заграничное путешествіе Государя Императора и октябрьскія франко-русскія торжества заставляли иностранцевъ гораздо больше обыкновеннаго интересоваться Россіею и разсуждать объ ея политикѣ. Такимъ образомъ, при современной группировкѣ великихъ державъ, наше международное положеніе оказывается въ высшей степени удобнымъ: мы ни съ кѣмъ не имѣемъ непріятныхъ счетовъ, со всѣми остаемся въ оффиціальной дружбѣ, а единственное государство, съ которымъ у насъ есть поводы къ недоразумѣніямъ и конфликтамъ,—Англія,—находится въ рѣзкомъ и постоянномъ антагонизмѣ съ Франціею изъ-за Египта и отчасти съ Германіею изъ-за африканскихъ дѣлъ. Россія можетъ повсюду играть примиряющую, посредническую роль, не требующую отъ нея, впрочемъ, никакихъ особенныхъ усилій.

Какія же политическія выгоды извлекла наша дипломатія изъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ? Прежде всего, она покончила съ болгарскимъ кризисомъ, разрѣшивъ его въ пользу принца Фердинанда, послѣ перехода его сына и наслѣдника, князя Бориса, въ православіе. Формальное примиреніе съ Болгаріею и признаніе ея выборнаго правителя законнымъ княземъ избавили насъ отъ тягостныхъ и безплодныхъ недоразумѣній, которыя и безъ того продолжались слишкомъ долго. Мы возстановили свое законное вліяніе въ

дѣлахъ болгарскаго княжества и вновь пріобрѣли свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ; это упрощеніе нашихъ задачъ должно было отразиться и на дипломатическихъ мѣрахъ относительно Турціи.

Повальное избіеніе армянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи и двухдневная рѣзня въ самой столицѣ турецкой имперіи (въ августѣ) возлагали на европейскую дипломатію обязанность вмѣшательства; эта же обязанность вызывалась волненіями и безпорядками на островѣ Критѣ. Доказанная опытомъ невозможность добиться отъ Турціи осуществленія реформъ, предположенныхъ берлинскимъ трактатомъ, выдвигала на сцену восточный вопросъ во всемъ его объемѣ; однако, ни одна изъ державъ, кромѣ Англіи, не была расположена идти дальше обычныхъ дипломатическихъ полумѣръ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній достигнуто было внѣшнее согласіе и единство въ дѣйствіяхъ кабинетовъ и ихъ представителей въ Константинополѣ; но самыя эти дѣйствія отличались вялостью и сдержанностью, вслѣдствіе чего и результаты ихъ не могли быть удовлетворительны. Внѣшнія уступки султана чередовались по прежнему съ вопіющими беззаконіями; торжественныя обѣщанія Порты оставались пустыми словами, и объ исполненіи ихъ нечего было думать. Для Кандіи объявлено было въ сентябрѣ нѣчто въ родѣ конституціи, хотя присутствіе турецкихъ войскъ на островѣ не внушало довѣрія къ искренности этого рѣшенія. Автономія, предоставленная кандіотамъ въ принципѣ, была все-таки значительнымъ шагомъ къ устройству и обезпеченію судьбы Крита; для армянъ ничего подобнаго не сдѣлано, и участь ихъ подъ турецкою властью крайне печальна. Турецкіе армяне до сихъ поръ вполнѣ беззащитны; они ничѣмъ не ограждены отъ кровавыхъ насилій, а заступничество дипломатовъ является для нихъ слишкомъ отдаленнымъ и платоническимъ. Сложные и тягостные переговоры съ Портою и съ султаномъ тянутся уже давно; они приводятъ иногда къ реформаторскимъ проектамъ и распоряженіямъ, возвѣщаемымъ въ газетахъ, но въ дѣйствительности кончаются сохраненіемъ status-quo. Нельзя считать чѣмъ-то серьезнымъ объявленіе амнистіи арестованнымъ армянамъ, наполнявшимъ турецкія тюрьмы; аресты и обвинительные приговоры въ Турціи очень часто не имѣютъ вовсе связи съ виновностью въ какихъ-либо преступныхъ дѣйствіяхъ. Арестовывалось множество лицъ, подозрѣваемыхъ въ политической неблагонадежности, т.-е. въ недовольствѣ безобразіями турецкаго управленія и въ пропагандѣ идей о необходимости элементарнѣйшихъ внутреннихъ реформъ; но кто можетъ считаться довольнымъ и, слѣдовательно, благонамѣреннымъ въ Турціи, кромѣ придворныхъ фаворитовъ, начальствующихъ пашей и ихъ союзниковъ? Протесты армянъ противъ избіенія ихъ соплеменниковъ влекли за собою обви-

неніе въ государственной измѣнѣ; самыя естественныя чувства и понятія извращаются подъ прикрытіемъ политическихъ терминовъ и словъ, непримѣнимыхъ къ условіямъ турецкой жизни. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ разумнаго правительства и гдѣ населеніе отдано на произволъ грабительской администраціи, разсужденія о неблагонамѣренности, оппозиціи и государственной измѣнѣ имѣютъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ въ правильно устроенномъ государствѣ. Хищники, не признающіе никакихъ законовъ и прибѣгающіе къ содѣйствію башибузуковъ для достиженія своихъ цѣлей, берутся судить и казнить противниковъ, недовольныхъ ихъ насиліями и хищничествомъ, а просвѣщенные дипломаты должны считать себя удовлетворенными, когда по ихъ ходатайству смертные приговоры замѣняются для вольнодумцевъ тюрьмою и ссылкою. Европейскіе кабинеты не обнаруживаютъ достаточной энергіи и настойчивости въ защитѣ христіанскихъ подданныхъ султана, и нельзя сказать, чтобы наша отечественная дипломатія выдѣлялась въ этомъ отношеніи своими успѣхами. Традиціи взаимнаго недовѣрія и соперничества мѣшаютъ великимъ державамъ дѣйствовать свободно на берегахъ Босфора для надлежащей реальной охраны интересовъ бѣдствующаго населенія Турціи. Вопросъ армянскій, или вѣрнѣе турецкій—почти не подвигается впередъ, несмотря на внѣшнія заботы объ его обстоятельномъ обсужденіи и разрѣшеніи. Европа привыкла въ этихъ случаяхъ ждать почина отъ Россіи, какъ всегдашней защитницы восточныхъ христіанъ и какъ наиболѣе заинтересованной притомъ въ водвореніи прочнаго мирнаго порядка на Востокѣ; но наши дипломатическіе дѣятели, наученные горькимъ опытомъ, избѣгаютъ такихъ предположеній, которыя могли бы показаться опасными въ будущемъ для общаго мира и согласія. Разумѣется само собою, что дальновидная осторожность предписываетъ не только уклоняться отъ активнаго участія въ событіяхъ, но и заранѣе подготовлять способы желательнаго мирнаго разрѣшенія спорныхъ и жгучихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, послѣдняя сторона задачи обыкновенно отодвигается до того момента, когда уже поздно обдумывать приготовительныя мѣры, и когда по неволѣ приходится имѣть дѣло съ совершившимися фактами; а рѣшенія, принимаемыя внезапно, въ послѣднюю минуту, нерѣдко навлекаютъ и усиливаютъ именно ту опасность, которую требовалось предупредить. Въ Константинополѣ легко могутъ произойти событія, которыя побудятъ турецкаго султана и его приближенныхъ покинуть столицу, гдѣ мусульманское меньшинство не въ силахъ уже служить ему надежной опорою; возможность такой случайности ясно представилась европейцамъ во время августовскихъ безпорядковъ, послѣ захвата армянами помѣщенія оттоманскаго банка. Чтó предпримутъ державы и ихъ

представители при неожиданномъ наступленіи междуцарствія или анархіи въ Константинополѣ? Дипломаты стараются не думать о подобныхъ вещахъ и не заглядывать слишкомъ въ будущее, для избѣжанія неудобствъ и пререканій въ настоящемъ; оттого недостатокъ точной и послѣдовательной программы сказывается во всѣхъ дипломатическихъ совѣщаніяхъ и мѣрахъ относительно Турціи. Безплодная возня съ турецкими дѣлами занимала общественное мнѣніе Европы въ теченіе значительной части послѣдняго года, придавая внѣшней политикѣ нѣкоторый оттѣнокъ унынія.

На дальнемъ Востокѣ, какъ утверждали не разъ иностранныя газеты, наша дипломатія успѣла заключить весьма выгодную сдѣлку съ Китаемъ и даже подготовила, будто бы, пріобрѣтеніе незамерзающаго порта въ китайскихъ водахъ. Недавно лондонская печать, со словъ одной англо-китайской газеты, сообщала подробности трактата между Россіею и Китаемъ; по этому трактату правительство богдыхана, во-первыхъ, предоставляетъ Россіи провести часть сибирской желѣзной дороги черезъ китайскую территорію и построить затѣмъ дорогу на Мукденъ, если сами китайцы не возьмутся ее построить; во-вторыхъ, русскимъ разрѣшается имѣть своихъ солдатъ на главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ для охраны ихъ имущества и подвижного состава; въ третьихъ, Россіи отдается въ пользованіе на пятнадцать лѣтъ морской портъ Кіао-чу въ провинціи Шантунгъ, съ тѣмъ только, чтобы русскіе вступили во владѣніе этимъ портомъ не иначе какъ въ случаѣ опасности военныхъ операцій; въ четвертыхъ, Россія обязывается оказать всевозможную поддержку Китаю для защиты южныхъ портовъ Ліаотонгскаго полуострова отъ иностранныхъ посягательствъ, для чего русскія морскія силы могутъ быть временно сосредоточены у порта Артура въ случаѣ войны. Сверхъ того, русскимъ дозволяется разрабатывать рудники и копи въ двухъ пограничныхъ китайскихъ провинціяхъ. Если въ Китаѣ будетъ рѣшено преобразовать военную организацію восточныхъ провинцій, то для этой цѣли будутъ приглашены русскіе офицеры. Таково, будто бы, содержаніе русско-китайскаго договора по свѣдѣніямъ англійскихъ газетъ. Эти свѣдѣнія были бы правдоподобны, еслибы въ нихъ указаны были также выгоды, получаемыя Китаемъ взамѣнъ значительныхъ его уступокъ въ пользу Россіи. Впрочемъ, нѣкоторые пункты приведеннаго трактата намекаютъ на существованіе обязательствъ, касающихся охраны неприкосновенности китайской территоріи; но заключеніе такого союза мало вѣроятно. Для нашей дипломатіи было бы, конечно, большою заслугою пріобрѣтеніе столь круп-

ныхъ преимуществъ по договору съ Китаемъ, безъ соотвѣтственныхъ затратъ и повинностей. Проведеніе русской желѣзной дороги черезъ китайскую территорію, съ правомъ охранять этотъ путь русскими военными отрядами, было бы въ сущности равносильно передачѣ извѣстной части китайскихъ владѣній въ завѣдываніе и распоряженіе Россіи; выговоренное же право Китая выкупить дорогу по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ осталось бы неминуемо фиктивнымъ.

Вскорѣ послѣ обнародованія этихъ предполагаемыхъ условій русско-китайскаго договора въ англійскихъ газетахъ, у насъ былъ напечатанъ оффиціальный текстъ Высочайше утвержденнаго 4-го декабря устава общества китайской восточной желѣзной дороги. Изъ этого документа мы узнаемъ, что 27-го августа 1896 года китайское правительство заключило съ русско-китайскимъ банкомъ договоръ, въ силу котораго образуется акціонерное общество для сооруженія и эксплуатаціи желѣзной дороги въ предѣлахъ Китая между конечными пограничными пунктами забайкальской и южно-уссурійской желѣзныхъ дорогъ. Образованіе этого акціонернаго общества принимаетъ на себя русско-китайскій банкъ, который такимъ образомъ является его учредителемъ. Когда общество будетъ признано состоявшимся, къ нему перейдутъ всѣ права и обязанности по сооруженію и эксплуатаціи линіи, согласно договору 27-го августа. Дорога будетъ находиться во владѣніи общества въ теченіе 80 лѣтъ со времени открытія движенія по всей линіи; затѣмъ она поступитъ безплатно въ собственность китайскаго правительства, вмѣстѣ съ своими принадлежностями. Китайцы могутъ также выкупить дорогу раньше, черезъ 36 лѣтъ, возмѣстивъ обществу всѣ затраченные на нее капиталы. Правленіе общества составляется изъ предсѣдателя и девяти членовъ. Предсѣдатель назначается китайскимъ правительствомъ; прочіе члены правленія избираются общимъ собраніемъ акціонеровъ. Мѣстопребываніе правленія будетъ въ Пекинѣ и Петербургѣ. Общая сумма капитала общества пока еще не опредѣлена; она будетъ зависѣть отъ строительныхъ разсчетовъ и смѣтъ на основаніи изысканій. Заранѣе установленъ только размѣръ акціонернаго капитала въ пять милліоновъ рублей кредитныхъ; въ остальной своей части капиталъ общества будетъ составленъ посредствомъ выпуска облигацій, которымъ русское правительство даетъ гарантію дохода и погашенія. Относительно реализаціи этихъ облигацій общество должно обращаться къ русско-китайскому банку, но „правительство сохраняетъ право оставить за собою облигаціонный заемъ по цѣнѣ, которая будетъ соглашена между обществомъ и банкомъ, и выплатить обществу условленныя суммы наличными деньгами“. Обществу „предоставляется, съ разрѣшенія китайскаго правительства, разрабатывать, въ

связи съ желѣзною дорогою или независимо отъ нея, угольныя копи, а равно эксплуатировать въ Китаѣ другія предпріятія рудныя, промышленныя и торговыя". О русскихъ солдатахъ или военныхъ отрядахъ ничего не сказано въ договорѣ; напротивъ, китайское правительство взяло на себя обязанность „принять мѣры для обезпеченія безопасности желѣзной дороги и находящихся на ея службѣ лицъ противъ нападеній со стороны";—охраненіе же порядка и благочинія на пространствѣ земли, отведенной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежности, возлагается на агентовъ полицейскаго надзора, назначаемыхъ обществомъ.

Въ уставѣ „Общества китайской восточной желѣзной дороги" упоминается о договорѣ, заключенномъ „императорскимъ китайскимъ правительствомъ съ русско-китайскимъ банкомъ"; но правительство китайской имперіи едва ли вступало въ непосредственныя сношенія съ существующимъ у насъ частнымъ русско-китайскимъ банкомъ, безъ предварительныхъ переговоровъ и соглашеній съ оффиціальными представителями Россіи. Договоръ съ банкомъ могъ быть только результатомъ прямого соглашенія обоихъ правительствъ, тѣмъ болѣе, что предметы и вопросы, затронутые договоромъ, далеко выходятъ за предѣлы компетенціи какого-нибудь частнаго банковскаго предпріятія. Нѣкоторыя стороны состоявшейся сдѣлки даютъ поводъ къ недоумѣніямъ. Весь облигаціонный капиталъ будетъ, повидимому, доставленъ нашимъ государственнымъ казначействомъ, и, какъ сказано въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ устава, „предпріятіе китайской восточной желѣзной дороги будетъ осуществлено единственно вслѣдствіе дарованія русскимъ правительствомъ гарантіи доходамъ дороги какъ для покрытія расходовъ эксплуатаціи, такъ и для производства обязательныхъ по облигаціямъ платежей". Тѣмъ не менѣе въ обществѣ распоряжаются частные акціонеры и ихъ уполномоченные, и только извѣстныя категоріи дѣлъ подлежатъ наблюденію и контролю нашего финансоваго вѣдомства. Въ составѣ правленія нѣтъ представителя русскихъ казенныхъ и государственныхъ интересовъ, тогда какъ китайское правительство имѣетъ своего уполномоченнаго, въ лицѣ предсѣдателя, который заботится о „точномъ исполненіи обществомъ желѣзной дороги его обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ"; а кто будетъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ обязательствъ передъ нашимъ правительствомъ—неизвѣстно. Финансовыя обязательства русской казны намѣчены въ выраженіяхъ слишкомъ неопредѣленныхъ и не имѣютъ точной границы; такъ, если въ будущемъ потребуется усилить техническія средства дороги въ виду развитія движенія по ней, „управленіе дороги можетъ во всякое время обратиться къ русскому министру финансовъ съ ходатайствомъ

объ оказаніи ей со стороны русскаго правительства денежной помощи". Вообще дорога почему-то находится въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, а не министерства путей сообщенія; но заботы финансоваго управленія у насъ и безъ того слишкомъ всеобъемлющи, такъ что сосредоточеніе ихъ въ одномъ центральномъ мѣстѣ превышаетъ уже человѣческія силы отдѣльныхъ лицъ. Затраты на сооруженіе дороги могли бы окупиться, еслибы вполнѣ обезпечена была правильная эксплуатація ея въ китайскихъ предѣлахъ; но какую гарантію безопасности представляетъ для насъ китайская военная охрана? Предоставить огражденіе внѣшней безопасности дороги китайцамъ—значитъ, заранѣе отдавать дѣло въ жертву всякимъ случайностямъ. Недобросовѣстность или небрежность туземныхъ охранителей, въ связи съ скрытою непріязнью властей, можетъ сдѣлать для насъ немыслимымъ пользованіе желѣзною дорогою; не трудно даже создать такое положеніе искусственно, чтобы заставить насъ раньше времени отказаться отъ дороги въ пользу Китая. Отсутствіе всякихъ постановленій на случай недостаточности или ненадежности китайской военной охраны составляетъ самый слабый пунктъ устава. Съ нашей стороны допущено также слишкомъ категорическое отреченіе отъ всякихъ правъ на дорогу и ея принадлежности по прошествіи назначеннаго срока; слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, предусмотрѣть возможность возобновленія сдѣлки на дальнѣйшее время, по обоюдному согласію, и противъ такой оговорки ничего не могло бы возразить китайское правительство, за которымъ всегда оставалось бы право не возобновлять договора. Въ настоящемъ своемъ видѣ проектъ проведенія части сибирской желѣзной дороги черезъ китайскую территорію едва ли можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

Еслибы договоръ о желѣзной дорогѣ заключенъ былъ путешествовавшимъ по Европѣ Ли-Хунг-Чангомъ,то могъ бы еще возникнуть вопросъ о степени обязательности соглашенія для правительства богдыхана. Въ Китаѣ существуютъ свои особые взгляды на полномочія и функціи государственныхъ людей, и Ли-Хунг-Чангъ, котораго вездѣ принимали какъ довѣреннаго и чуть ли не руководящаго министра китайской имперіи, самъ въ точности не зналъ, пользуется ли онъ еще расположеніемъ и довѣріемъ своего повелителя. Когда онъ возвратился въ отечество, о немъ получено было въ Европѣ странное свѣдѣніе: китайскій императоръ назначилъ ему какое-то наказаніе за несвоевременное или произвольное посѣщеніе императрицы-матери, и это было первое привѣтствіе Ли-Хунг-Чангу послѣ его возвращенія. Очевидно, онъ не имѣлъ друзей при дворѣ, и положеніе его оказалось шаткимъ. Почти въ то же самое время пришло извѣстіе о назначеніи его на постъ министра иностранныхъ

дѣлъ, и западно-европейскія газеты подробно обсуждали важность этого событія для Китая и для всѣхъ культурныхъ государствъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи болѣе правильныхъ сношеній съ этою обширною имперіею. Однако до сихъ поръ нельзя сказать положительно, подвергся ли Ли-Хунг-Чангъ опалѣ или получилъ должность министра. Первое имѣетъ за себя всегдашнюю придворную практику: долговременное удаленіе отъ двора, особенно въ заграничномъ путешествіи, неизбѣжно облегчаетъ задачу соперниковъ, давая имъ возможность вытѣснить стараго дѣятеля и устроить ему приличную отставку. Этому не противорѣчитъ назначеніе членомъ какой-нибудь почетной коллегіи; такъ и Ли-Хунг-Чангъ, по сообщеніямъ газетъ, занялъ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и, можетъ быть, эта должность имѣетъ мало общаго съ министерскою, въ общепринятомъ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Въ Англіи правительство лорда Сольсбери выдержало цѣлый рядъ кризисовъ и неудачъ, безъ особеннаго ущерба для прочности своего положенія. Начало года ознаменовалось набѣгомъ Джемсона на Трансвааль и военно-политическимъ торжествомъ президента Крюгера; честолюбивые замыслы бывшаго полновластнаго министра капской колоніи, Сесиля Родеса, и его многочисленныхъ союзниковъ и поклонниковъ потерпѣли полное фіаско. Британскій министръ колоній, Чамберлэнъ, вынужденъ былъ обращаться къ великодушію трансваальскаго правителя, чтобы избавить арестованныхъ мѣстныхъ руководителей заговора отъ суровой кары. Джемсонъ и его товарищи выданы были англійскимъ властямъ для суда и наказанія; англійскіе судьи признали Джемсона виновнымъ и приговорили его къ тюремному заключенію за незаконное военное вторженіе въ предѣлы дружественнаго государства. Чамберлэнъ пробовалъ вступиться за трансваальскихъ „инородцевъ", преимущественно англичанъ, упорно устраняемыхъ отъ пользованія политическими правами гражданъ; всѣ усилія въ этомъ направленіи были безуспѣшны, такъ какъ послѣ неудавшейся попытки захватить Трансвааль въ англійскія руки туземные боэры сильнѣе прежняго прониклись недовѣріемъ къ англійскимъ поселенцамъ. Инородцы давно достигли численнаго перевѣса надъ туземцами, и при полной равноправности они легальнымъ путемъ достигли бы владычества надъ страною; но боэры, основавшіе и устроившіе республику, не желаютъ отдавать ее въ распоряженіе пришельцевъ, привлеченныхъ исключительно богатыми копями и рудниками. Трансваальскія событія показали, что и въ англійскомъ обществѣ есть воинственные, шовинистскіе элементы, готовые пре-

возносить всякое насиліе и несправедливость во имя мнимаго патріотизма. Подвигъ Джемсона воспѣвался въ англійской печати въ стихахъ и прозѣ, а вдохновитель предпріятія, Сесиль Родесъ, сталъ популярнѣе, чѣмъ когда-либо, въ извѣстной части британской публики.

Второй и болѣе серьезный ударъ національному самолюбію британскихъ патріотовъ нанесенъ былъ въ Венецуэлѣ. Англичане заговорили въ рѣзкомъ угрожающемъ тонѣ, когда маленькая американская республика протестовала противъ англійскихъ притязаній на спорныя пограничныя владѣнія; газеты говорили о присылкѣ броненосцевъ, и конфликтъ принималъ уже опасный оборотъ для Венецуэлы. Вмѣшались Соединенные-Штаты и рѣшительно подняли голосъ противъ Англіи, заявляя свое безусловное veto противъ всякихъ распоряженій ея въ предѣлахъ американскаго материка; президентъ Кливлэндъ и его министръ Ольни подробно объяснили, что принципъ Монроэ о недопущеніи вмѣшательства Европы въ дѣла Америки вполнѣ примѣнимъ и къ венецуэльскому спору. Лордъ Сольсбери сначала отнесся насмѣшливо къ американской теоріи и отклонилъ предложеніе о посредничествѣ и третейскомъ судѣ; но мало-по-малу, видя настойчивость и энергію вашингтонскаго кабинета, долженъ былъ уступить по всѣмъ пунктамъ. Соглашеніе состоялось при дѣятельномъ участіи американской дипломатіи, и англійскій премьеръ весьма добродушно сообщилъ объ этой миролюбивой развязкѣ въ своей недавней рѣчи на банкетѣ лондонскаго лорда-мэра (9-го ноября, нов. ст.). Дѣло тянулось довольно долго, съ конца 1895 года, и любители сильныхъ ощущеній принимались уже въ печати обсуждать шансы войны между Англіею и Соединенными-Штатами. Конечно, всякій понималъ, что англичане не будутъ настаивать на своемъ, когда вмѣсто маленькой венецуэльской республики поднимется предъ ними внушительная республика сѣверо-американская. Этотъ непріятный опытъ, продѣланный публично, на глазахъ всего свѣта, имѣлъ въ себѣ нѣчто поучительное для близорукихъ сторонниковъ предпріимчивой и безцеремонной политики.

Наконецъ, третья, и также весьма чувствительная, неудача постигла британскую дипломатію въ Египтѣ, по поводу заимствованія полумилліона фунтовъ стерлинговъ изъ кассы египетскаго государственнаго долга на покрытіе расходовъ по экспедиціи въ Донголу. Апелляціонный судъ въ Каирѣ утвердилъ неблагопріятное для Англіи рѣшеніе суда первой инстанціи, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и разсчетамъ британскихъ патріотовъ. Англійское правительство опиралось на свое фактическое владычество въ странѣ, на поддержку представителей Германіи и союзныхъ съ нею державъ, одобрившихъ ан-

глійскія требованія въ коммиссіи египетскаго государственнаго долга, и на этомъ основаніи англичане сочли себя въ правѣ пренебречь формально законными протестами Франціи и Россіи, указывавшихъ на чисто политическій характеръ донгольскаго предпріятія и на спеціальное назначеніе спорныхъ капиталовъ. Свободныя суммы, остающіяся въ кассѣ за удовлетвореніемъ кредиторовъ Египта, могутъ быть расходуемы только на текущія государственныя потребности, къ которымъ никакъ не можетъ быть отнесенъ задуманный англичанами походъ въ Донголу; притомъ, рѣшеніе коммиссіи въ этихъ случаяхъ должно быть единогласное, по мнѣнію суда. Египетское правительство присуждено къ обратной уплатѣ взятыхъ денегъ съ процентами, и англійскому казначейству пришлось ссудить ему эту сумму для возвращенія въ кассу, согласно судебному приговору. Нравственное значеніе такого рѣшенія двухъ судебныхъ инстанцій въ Каирѣ не нуждается въ комментаріяхъ.

Общественное недовольство въ Ирландіи усилилось въ послѣднее время, подъ вліяніемъ напечатанныхъ трудовъ правительственной коммиссіи о финансовыхъ отношеніяхъ между Англіею и Ирландіею. Оказалось, что ирландцы платятъ больше налоговъ, чѣмъ слѣдуетъ съ нихъ по разсчету. „Times" находитъ, что они платятъ больше только потому, что пьютъ больше спиртныхъ напитковъ, обложенныхъ налогомъ, и что отъ нихъ самихъ зависитъ сократить свои платежи вмѣстѣ съ потребленіемъ виски. Во всякомъ случаѣ, открытіе новой англійской несправедливости относительно Ирландіи дало благодарный матеріалъ для шумныхъ митинговъ, рѣчей и газетныхъ статей. На одномъ митингѣ въ Корнѣ лордъ Кэстльтоунъ напомнилъ, что незаконный налогъ былъ первою причиною отпаденія сѣверо-американскихъ штатовъ отъ Англіи, но Корнъ, какъ надѣется ораторъ, никогда не будетъ вынужденъ слѣдовать примѣру Бостона. Эти и подобныя заявленія приводятся нѣкоторыми изъ нашихъ газетъ, какъ необыкновенно важные симптомы новой борьбы ирланцевъ противъ англійскаго господства. Насколько преувеличены такіе отзывы, можно видѣть уже изъ того, что фактическія данныя для ирландскихъ протестовъ и требованій доставлены впервые отчетами оффиціальной коммиссіи, и что самое изслѣдованіе этихъ финансовыхъ отношеній предпринято было въ связи съ проектомъ ирландской автономіи 1893 года.

Если положеніе лорда Сольсбери не поколебалось замѣтно подъ вліяніемъ этихъ разнообразныхъ обстоятельствъ, то только вслѣдствіе внутренняго разлада и кризиса въ средѣ либеральной партіи, которая съ уходомъ лорда Розбери остается въ настоящее время безъ оффиціальнаго руководителя.

Во Франціи произошла въ апрѣлѣ перемѣна министерства: радикальный кабинетъ, преслѣдуемый сенатомъ и поддерживаемый палатою депутатовъ, долженъ былъ въ концѣ концовъ выйти въ отставку, и мѣсто Леона Буржуа занялъ умѣренный Мэлинъ, извѣстный протекціонистъ и защитникъ интересовъ сельскаго хозяйства. Отказавшись отъ смѣлыхъ финансовыхъ реформъ своего предшественника, новый министръ финансовъ Кошри предложилъ, однако, ввести налогъ на ренту и этимъ вызвалъ горячую оппозицію въ рядахъ упорно-консервативной буржуазіи. Проектъ былъ взятъ обратно правительствомъ, и дальнѣйшія преобразованія податной системы отсрочены на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, важнѣйшимъ политическимъ событіемъ прошлаго года во Франціи является рядъ общенародныхъ празднествъ въ памятные октябрьскіе дни „франко-русской недѣли".

Италія освободилась отъ управленія Криспи послѣ несчастной битвы 1-го марта при Адуѣ, гдѣ войска генерала Баратьери были разсѣяны арміею негуса Менелика. Мечта о новой эритрейской имперіи и о новыхъ военныхъ подвигахъ и завоеваніяхъ обошлась слишкомъ дорого Италіи, и итальянцы не скоро еще оправятся отъ послѣдствій безумнаго честолюбія Криспи. Новый министръ-президентъ, маркизъ Рудини, успѣлъ заключить миръ съ Абиссиніею, 26-го октября, на безобидныхъ для Италіи условіяхъ. Большая осторожность въ политикѣ и разсчетливость въ финансахъ составляютъ главныя характеристическія черты министерства Рудини.

Въ Германіи и въ частности въ Пруссіи министры мѣняются независимо отъ какихъ-либо политическихъ вопросовъ или кризисовъ, по причинамъ случайнымъ и личнымъ, мало понятнымъ публикѣ; такъ, удалился или долженъ былъ удалиться весьма дѣльный и популярный военный министръ, Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ, и на его мѣсто назначенъ генералъ фонъ-Госслеръ; вышелъ также въ отставку министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ; возникли слухи и о предстоящемъ удаленіи имперскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, барона Маршалля фонъ-Биберштейна. Недавній процессъ, возбужденный фонъ-Маршаллемъ противъ двухъ темныхъ берлинскихъ журналистовъ, раскрылъ совершенно неожиданный источникъ закулисныхъ интригъ, приводившихъ къ частой смѣнѣ министровъ. Начальникъ политической полиціи въ Берлинѣ, фонъ-Таушъ, помѣщалъ черезъ своихъ агентовъ ядовитыя статьи противъ того или другого сановника и затѣмъ отыскивалъ мнимыхъ авторовъ въ кан-

целярiи какого-нибудь министра, о чемъ сообщалъ секретно кому слѣдуетъ; свои мнимыя открытiя онъ доводилъ черезъ нѣкоторыхъ придворныхъ лицъ до свѣдѣнiя самого императора Вильгельма II, который такимъ образомъ увѣрился, что, будто бы, Каприви неприлично агитировалъ въ печати противъ нѣкоторыхъ сановниковъ и министровъ, что Келлеръ пускалъ въ ходъ анонимныя статьи противъ Бронсара фонъ-Шеллендорфа, и т. д. При своемъ рыцарскомъ характерѣ Вильгельмъ II не выносилъ около себя интригъ, и онъ думалъ искоренить предполагаемыя интриги, основываясь на секретныхъ справкахъ, которыя сочинялись во тьмѣ ловкимъ и мелкимъ интриганомъ фонъ-Таушемъ. Во время процесса, обнаружившаго подлоги и лжесвидѣтельство Тауша, послѣднiй былъ арестованъ по предложенiю прокурорской власти. Такимъ образомъ, процессъ противъ двухъ журналистовъ получилъ значенiе политическаго событiя первостепенной важности.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНIЕ

1 января 1897.

— Т. Н. Грановскій и его переписка. Томъ I. Біографическій очеркъ. А. Станкевича. Изданіе второе. Томъ II. Переписка Т. Н. Грановскаго. Изданіе первое. М. 1897.

— Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М. 1897.

Первое изданіе біографіи Грановскаго, написанной А. В. Станкевичемъ, вышло очень давно, въ 1869 г. Въ настоящее время вышло второе изданіе этого труда, гдѣ въ текстѣ біографіи, какъ это указываетъ самъ авторъ, сдѣланы къ первому изданію лишь немногія дополненія и исправленія (между прочимъ выставлены сполна многія собственныя имена, означенныя прежде только буквами), но прибавленъ цѣлый большой томъ переписки, которая является въ печати въ первый разъ. Въ первомъ изданіи біографіи г. Станкевичъ пользовался, какъ матеріаломъ, перепиской Грановскаго съ разными лицами, немногими оставшимися послѣ Грановскаго бумагами, замѣтками о немъ покойной жены его, печатными сочиненіями Грановскаго, воспоминаніями его друзей и указаніями людей, знавшихъ Грановскаго въ разныя эпохи его жизни; личныя воспоминанія г. Станкевича относились главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ жизни Грановскаго. Съ тѣхъ поръ явилось въ литературѣ мало новыхъ матеріаловъ. Правда, напечатаны были немногія и далеко не точныя записи лекцій Грановскаго, сдѣланныя его слушателями, но авторъ справедливо замѣчаетъ, что пользоваться ими для характеристики чтеній Грановскаго надо съ большою осторожностью, потому что дѣйствительно подобныя записи, вовсе не стенографическія, обыкновенно едва схватываютъ главную нить мысли, но никогда не въ состояніи передать тѣхъ подробностей и тона, которые бываютъ именно характерны. Публичный курсъ лекцій Грановскаго „Срав-

нительная исторія Англіи и Франціи до XVII вѣка", читанный имъ въ 1845 году, былъ записанъ однимъ изъ друзей его. Самъ Грановскій не успѣлъ исполнить своего намѣренія — обработать и дополнить этотъ записанный курсъ. Послѣдній по смерти Грановскаго былъ переданъ П. Н. Кудрявцеву, приступившему къ составленію біографіи своего товарища по преподаванію всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ. Этотъ написанный курсъ Грановскаго по кончинѣ самого Кудрявцева не оказался среди бумагъ послѣдняго, и всѣ старанія найти его пока остались безъ успѣха. Поэтому пришлось довольствоваться относительно его лекцій современными печатными отзывами и воспоминаніями слушателей. Чрезвычайно любопытнымъ дополненіемъ къ біографіи является упомянутый новый томъ писемъ, изъ которыхъ раньше были приведены лишь немногіе отрывки. Это — письма къ сестрамъ съ 1831 до 1842 года, почти сполна на французскомъ языкѣ; такія же французскія письма къ другимъ близкимъ лицамъ; письма къ невѣстѣ и къ женѣ, сначала такъ же по-французски и только потомъ по-русски; затѣмъ письма къ Станкевичамъ Е. К. и А. В., къ г-жѣ Чичериной, М. Ѳ. Коршъ, Н. В. Станкевичу, Я. М. Невѣрову, къ Фроловымъ, И. В. Кирѣевскому, Герцену, Огареву, Кавелину, Кетчеру, Б. Н. Чичерину, Е. Ѳ. Коршу и др. Переписка конечно далеко не полна. Такъ изъ переписки съ В. П. Боткинымъ имѣется только одно письмо и самъ Боткинъ говорилъ, что другія не сохранились; не все сбереглось и въ перепискѣ съ Кавелинымъ и послѣдній самъ сообщалъ, что другія были имъ уничтожены, безъ сомнѣнія, по обстоятельствамъ времени. Понятно, что съ утратою писемъ, и особливо писемъ къ ближайшимъ друзьямъ и за послѣдніе годы утратились многія характерныя черты взглядовъ Грановскаго и его круга; но общій тонъ ихъ довольно ясно намѣченъ и тѣмъ, что̀ осталось въ ихъ сочиненіяхъ, въ сохранившейся перепискѣ и въ другихъ фактахъ изъ того времени.

Сдѣлать такое сопоставленіе предпринялъ авторъ книги: „Т. Н. Грановскій и его время".

Оба изданія вызваны были по всей вѣроятности тѣмъ обновленіемъ памяти Грановскаго, которое вызвано было въ прошломъ году истеченіемъ сорока лѣтъ по его смерти; но г. Чешихинъ узналъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ переписки Грановскаго уже тогда, когда оканчивалось печатаніе его собственной книги. Сожалѣя, что въ своей работѣ онъ не могъ имѣть въ виду этой переписки, онъ высказывалъ, однако, увѣренность, что „тѣ или иныя дополнительныя свѣдѣнія, которыя можно было бы почерпнуть изъ нея, ни въ чемъ существенномъ не измѣнили бы освѣщенія ни личности Грановскаго, ни тѣмъ болѣе эпохи". Это справедливо, потому, что въ

первомъ изданіи біографіи г. Станкевичъ имѣлъ уже въ рукахъ бо̀льшую часть этой переписки и извлекъ изъ нея существенное о личной жизни Грановскаго, а новый біографъ съ другой стороны собралъ довольно значительный матеріалъ для изображенія того времени и той среды, въ которыхъ дѣйствовалъ Грановскій. За послѣднее время издается столько историческаго матеріала, хотя и отрывочнаго, что въ немъ нашлось не мало подробностей, достаточно ярко рисующихъ, какъ самую эпоху, такъ въ частности ближайшій кругъ, къ которому Грановскій принадлежалъ. Новый біографъ вообще весьма внимательно пересмотрѣлъ эту литературу и если кажутся слишкомъ широкими и неопредѣленными слова: „и его время", прибавленныя въ заглавіи книги (потому что изъ этого „времени" затронуто лишь то, что̀ имѣло ближайшее отношеніе къ дѣятельности Грановскаго), то во всякомъ случаѣ разсказъ о Грановскомъ поставленъ здѣсь гораздо шире рамокъ чисто личной біографіи. Вообще книга г. Чешихина составлена очень внимательно, съ вѣрнымъ пониманіемъ времени, съ весьма сочувственной, но безпристрастной характеристикой Грановскаго; авторъ невольно чувствовалъ и историческую связь той эпохи съ современной дѣйствительностью. Общую постановку предмета своего труда г. Чешихинъ опредѣляетъ въ предисловіи слѣдующими словами:

„Первая подробная біографія Грановскаго, составленная А. В. Станкевичемъ, напечатана въ 1869 г. При всѣхъ достоинствахъ этой книги, написанной очень тепло и цѣнной, какъ собраніе писемъ Грановскаго, она во̀ многомъ должна быть дополнена, особенно что касается отношеній Грановскаго къ условіямъ и теченіямъ тогдашней общественной жизни. Только воссоздавъ совокупность внѣшнихъ условій и теченій эпохи, и возможно выяснить историческія заслуги всякаго дѣятеля въ желательной полнотѣ. Сводя воедино разрозненныя старыя и новыя свѣдѣнія о Грановскомъ и лицахъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасавшихся, авторъ и пытался въ предлагаемой книгѣ подвести болѣе или менѣе полный итогъ дѣятельности и времени Грановскаго.

„Авторъ старался избѣжать излишне панегиристическаго тона и исключительнаго превознесенія „гуманности" Грановскаго, этой весьма расплывчатой и неопредѣленной черты, за которую г. Станкевичъ восхваляетъ его очень неумѣренно. Тѣмъ не менѣе въ общемъ автору чуждо было то „позорное и недостойное историка безпристрастіе, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа" (Грановскій, Сочиненія, т. I, стр. 27).

„Да и нельзя, говоря о сороковыхъ годахъ, не становиться на ту или другую сторону. Дѣятельность Грановскаго и немногочислен-

наго круга его единомышленниковъ—весьма недавній день въ исторіи русскаго общественнаго развитія. Всѣ, кто вникалъ въ это наше прошлое и задумывался надъ настоящимъ, такъ или иначе признаютъ, что во многомъ очень и очень существенномъ мы ушли отъ сороковыхъ годовъ пока недалеко...

„Въ предлагаемой книгѣ автору приходилось неоднократно останавливаться, какъ на характерномъ признакѣ цѣлой эпохи, на міровоззрѣніи, доселѣ живучемъ и такъ долго и нетерпимо требовавшемъ полнаго нашего отчужденія отъ разлагающагося-де, какъ живой трупъ, Запада. Съ другой стороны, предметъ книги—жизнь и дѣятельность человѣка, который былъ представителемъ такъ-называемаго „западническаго" міровоззрѣнія. Оно подвергалось разнообразнѣйшимъ заподозрѣваніямъ, обвиненіямъ и клеветѣ; отвѣтомъ должна служить вся книга, опровергать же ихъ въ предисловіи, конечно, было бы неумѣстно. Но нельзя не указать того обстоятельства, что самое это предисловіе автору приходится писать вскорѣ послѣ того, какъ въ Парижѣ произнесены были знаменательныя слова, облетѣвшія на крыльяхъ телеграфа весь міръ, о „драгоцѣнныхъ узахъ", соединяющихъ Францію и Россію, а также слова о самомъ Парижѣ, какъ о „прекрасной столицѣ прекрасной страны", какъ объ „источникѣ стольких геніальности, вкуса и просвѣщенія".

„Міровоззрѣніе, видѣвшее въ Западѣ только ходячій трупъ и называвшее себя, и только себя—„патріотическимъ", „народнымъ", съ особенною ненавистью относилось именно къ Франціи, а въ столицѣ ея видѣло только „Вавилонскую блудницу" (см. стр. 49, 209 и др.) Тотъ взглядъ на Западъ, котораго держался Грановскій съ друзьями и съ такими друзьями-врагами, какими были такъ-называемые славянофилы, получаетъ теперь громкое оправданіе. Лично Грановскій былъ весьма многимъ обязанъ также и Франціи, и въ своемъ мѣстѣ читатель найдетъ указанія на представителей французскихъ геніальности, вкуса и просвѣщенія—на французскихъ писателей и историковъ, которые такъ или иначе оказали вліяніе на взгляды Грановскаго. Въ жизни—на каѳедрѣ, въ литературной дѣятельности и въ дружескомъ кругу—онъ сталъ всегдашнимъ проповѣдникомъ общечеловѣческаго единства народовъ Европы, однимъ изъ проявленій котораго, и весьма внушительнымъ, были недавнія парижскія событія.

„Вотъ въ существенныхъ чертахъ причины, заставляющія автора думать, что новая книга о Грановскомъ и его времени будетъ не лишнею и не совсѣмъ несвоевременною".

Въ этомъ послѣднемъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Многое, противъ чего нѣкогда спорилъ Грановскій, въ послѣднее время высказывается въ еще болѣе грубой и уродливой формѣ, и то, во что

онъ вѣрилъ и къ чему стремился; далеко не вошло въ понятія людей, полагающихъ себя образованными. Авторъ собралъ не мало характерныхъ фактовъ, которые указываютъ, въ лицѣ Грановскаго, тогдашнее положеніе нашей университетской науки и вообще образованія. Относительно самого Грановскаго собрано все существенное. Еслибы дѣло шло о фактической полнотѣ абсолютной, можно было бы заимствовать нѣчто не лишенное интереса изъ біографіи извѣстнаго оріенталиста и начальника главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева, составленной Н. И. Веселовскимъ. Было высказано также предположеніе о томъ, что Грановскому принадлежала одна записка о восточномъ вопросѣ и о состояніи Россіи въ періодъ Крымской войны, ходившая въ то время по рукамъ и впослѣдствіи появлявшаяся (кажется, даже прямо съ его именемъ) въ заграничныхъ изданіяхъ. Этотъ вопросъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе біографа. Въ цѣломъ книга г. Чешихина есть весьма обстоятельный трудъ, который можетъ съ большой пользой служить тѣмъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ судьбами недавняго прошлаго нашей науки и общества.

— Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 1 и 2. Б. Д. Гринченко. Черниговъ, 1895—1896.

Сборникъ г. Гринченко заключаетъ въ себѣ народные разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и т. д.; собирались и пѣсни, которыя еще ожидаютъ изданія. Матеріалъ собранъ, какъ самимъ составителемъ книги, такъ и многими другими любителями народныхъ изученій, между которыми были и лица, хорошо извѣстныя своими трудами въ этой области; сборникъ собирался съ конца семидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени. Какъ говоритъ собиратель онъ расположилъ свой матеріалъ по тому плану, какой былъ принятъ въ извѣстной книгѣ Драгоманова: „Малорусскіе народные преданія и разсказы“ (Кіевъ, 1876): „Читатель встрѣтитъ здѣсь какъ совершенно новые разсказы, сказки и проч., такъ и варіанты разсказовъ, уже бывшихъ въ печати. Изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи варіантовъ мы выбрали только тѣ, которые, давая новыя черты, подробности и пр., представляли тѣмъ самымъ интересъ и рядомъ съ напечатанными уже раньше варіантами. Насколько могли, мы отмѣтили подъ соотвѣтствующими номерами тѣ изъ напечатанныхъ уже народныхъ произведеній, которыя или представляютъ собою варіанты печатаемыхъ здѣсь, или имѣютъ съ ними близкую связь“. Эти добавленія, довольно значительныя, безъ сомнѣнія по

служатъ очень полезнымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей. Нѣкоторые изъ этнографическихъ матеріаловъ переданы въ сборникѣ г. Гринченко въ простомъ русскомъ пересказѣ; мы скажемъ дальше, что не видимъ въ этомъ никакой особенной этнографической ошибки. Нѣсколько нумеровъ (№ 149—152 въ первомъ выпускѣ) приведены въ стихотворной передѣлкѣ на томъ основаніи, что они неизвѣстны были собирателю въ подлинномъ народномъ изложеніи и заимствованы были изъ книжки г. Журавскаго: „Народныя легенды" (Черниговъ, 1890): если г. Журавскій не очень измѣнилъ подлинный сюжетъ своимъ стихотворствомъ, то эти преданія могли найти мѣсто въ сборникѣ, но ихъ все-таки слѣдовало бы выдѣлить изъ ряда подлинныхъ преданій и дать имъ мѣсто только въ приложеніи.

Вопросъ о записи народныхъ преданій до сихъ поръ не выяснился достаточно въ этнографической практикѣ. Какъ мы упомянули, нѣкоторыя изъ народныхъ повѣрій и обычаевъ переданы въ настоящей книгѣ просто по-русски, и это весьма естественно, когда важна сущность повѣрья или обычая, а не тѣ или другія слова, которыми они могли быть описаны, когда въ описаніи нѣтъ какихъ-нибудь обычныхъ выраженій или формулъ. Съ другой стороны, въ передачѣ подлинныхъ словъ есть свое неудобство. По настоящему эта передача должна имѣть очень опредѣленную форму, освобожденную отъ всего случайнаго и лишняго; но собиратели, къ сожалѣнію, не всегда слѣдуютъ этому правилу. Укажемъ, для примѣра, преданіе о томъ, почему собака съ кошкой грызутся (выпускъ 1, № 13). Первыя строки разсказа къ существу дѣла не относятся и представляютъ простую болтовню; передавать ее не было никакой надобности, тѣмъ больше, что у разныхъ разсказчиковъ она будетъ варьироваться безъ конца. Важно передать сущность разсказа, и всего лучше еслибы она могла быть провѣрена по нѣсколькимъ показаніямъ; иначе собиратель можетъ рисковать, что запишетъ чью-либо личную фантазію.

Кромѣ устныхъ разсказовъ, собиратель помѣстилъ въ книгѣ любопытный сельскій лечебникъ на малорусскомъ языкѣ по рукописи конца XVIII вѣка.

При записяхъ отмѣчается обыкновенно, кѣмъ и гдѣ записано повѣрье, сказка и т. п.

Цѣлый сборникъ доставляетъ вообще много новаго матеріала для малорусской этнографіи, а библіографическія указанія и сличенія придаютъ еще бо̀льшую цѣну труду собирателя.

— **Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602 — 1603 г. Перевелъ съ нѣмецкаго Алексѣй Станкевичъ. М. 1896.**

На русскомъ языкѣ еще далеко не извѣстна обширная литература старыхъ иностранныхъ путешествій по Россіи и труды въ этомъ направленіи тѣмъ болѣе важны для изученія русской исторіи, что подлинныя изданія всего чаще бываютъ мало доступны, находясь только въ большихъ книгохранилищахъ, какъ библіографическая рѣдкость. Такова и небольшая нѣмецкая книга, переводъ которой сдѣланъ г. Станкевичемъ. Какашъ и Тектандеръ, одинъ родомъ изъ Седмиградіи, другой саксонецъ, были послами императора Рудольфа въ Персію, чтобы просить у шаха Аббаса поддержки противъ турокъ. Послы выѣхали изъ Праги въ августѣ 1602, прибыли въ Москву въ ноябрѣ, затѣмъ въ декабрѣ выѣхали въ Астрахань, но были задержаны зимою въ Казани, въ маѣ слѣдующаго года были въ Астрахани, и оттуда цѣлый мѣсяцъ ѣхали до Ленкорани, и т. д. Отъ нездороваго климата и дурной пищи все посольство переболѣло, и Какашъ умеръ; посольство взялъ на себя его спутникъ. Возвращалось посольство опять черезъ Москву.

Въ описаніи путешествія большое мѣсто занимаетъ именно Москва и московиты. Отношеніе къ нимъ обоихъ пословъ, или второго изъ нихъ, не весьма дружелюбное, какъ впрочемъ у большинства западно-европейскихъ писателей тѣхъ вѣковъ; многихъ вещей въ московской жизни иностранцы, конечно, не понимали, но большей частью показанія путешественниковъ имѣли фактическую основу и подтверждаются вообще показаніями другихъ иностранныхъ писателей. Послы были встрѣчены на границѣ московскимъ всадникомъ, который ихъ привѣтствовалъ и просилъ остановиться и ждать; самъ онъ уѣхалъ, чтобы извѣстить властей. Послы прождали съ добрый часъ на холодной и ненастной погодѣ, и затѣмъ явилась настоящая встрѣча: „къ намъ пріѣхали 12 всадниковъ, великолѣпно одѣтыхъ, видимо, знатныхъ особъ. У пяти изъ нихъ, у сѣдельной луки, висѣли небольшіе барабаны, въ которые они били, остальные же шесть свистали губами (mit dem Mund). Дѣло въ томъ, что у московитовъ почти вошло въ обычай, чтобы дворяне или вообще лица, извѣстныя своею храбростью или принадлежащія къ рыцарскому сословію, привѣшивали подобные барабаны къ сѣдламъ, когда отправляются въ походъ, чѣмъ они и отличаются отъ простыхъ солдатъ. Они имѣютъ также обыкновеніе, когда спѣшатъ куда-либо, громко свистѣть, безъ всякаго орудія, однѣми губами, такъ громко и рѣзко, что ихъ слышно издалека. Этому свисту они научаются съ малолѣт-

ства чрезъ долгое упражненіе". Кромѣ взаимныхъ оффиціальныхъ привѣтствій, между послами и встрѣчавшими ихъ дворянами не было никакихъ разговоровъ. То же было и въ другой разъ, когда послы пріѣхали въ Смоленскъ: „насъ опять встрѣтило съ выстрѣлами большое количество знатныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе были верхомъ, и проводили насъ до города. Никто изъ нихъ, кромѣ двухъ охранителей или надзирателей, называемыхъ ими приставами, и коимъ мы были препоручены, не смѣлъ молвить слова съ нами. Этотъ обычай былъ замѣчаемъ нами и другими, раньше насъ, повсюду, во всей московской странѣ, и московиты придерживаются его такъ крѣпко, точно это—законъ, что никто не смѣетъ разговаривать съ посломъ. Причиною сему, можетъ быть, служитъ опасеніе умалить достоинство Великаго Князя, если кто другой станетъ говорить съ посланными къ нему, или они не считаютъ народъ способнымъ разговаривать приличнымъ образомъ съ ними, или, наконецъ, потому, что они боятся, что если посолъ станетъ разговаривать съ многими, то откроются и станутъ извѣстными многія ихъ тайны". Послы ѣхали, конечно, въ сопровожденіи приставовъ, подъ Москвою ихъ встрѣтила „большая толпа знатныхъ московитовъ"; ихъ помѣстили въ квартирѣ, „гдѣ все было великолѣпно устроено и прибрано, и откуда намъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяли выходить куда-либо, ни осматривать городъ вообще, но держали подъ карауломъ". Затѣмъ они представлялись Борису, котораго они называютъ однако не царемъ, а великимъ княземъ. Поѣздъ ко дворцу былъ устроенъ съ большимъ великолѣпіемъ. „За нами явился нашъ охранитель, человѣкъ пожилой, знатнаго рода и занимающій важную должность, великолѣпно одѣтый, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ московитовъ, оставшихся дожидаться насъ во дворѣ и также прекрасно одѣтыхъ, на разубранныхъ лошадяхъ. Они проводили насъ до великокняжескаго дворца, украшеннаго настѣнными коврами и великолѣпными картинами; съ правой стороны, на высокомъ поставцѣ, стояла золотая и серебряная посуда въ такомъ количествѣ и такихъ размѣровъ, что нельзя и разсказать. При въѣздѣ нашемъ звонили въ большой колоколъ, находящійся въ срединѣ двора и повѣшенный очень низко, не болѣе чѣмъ на 15 локтей, надъ землею". Москва поразила ихъ своимъ многолюдствомъ; имъ говорили, что въ этомъ городѣ можетъ умѣститься до пяти милліоновъ человѣкъ; сами они замѣчали, что Москвы „почти нельзя сравнить ни съ какимъ нѣмецкимъ городомъ". Упомянувъ о различныхъ частяхъ города, они замѣчаютъ, что въ самомъ центрѣ помѣщается „королевскій замокъ, окруженный особою стѣною и глубокимъ водянымъ рвомъ. Въ этомъ городѣ находится 1.500 церквей и монастырей, въ томъ числѣ два великолѣпныхъ храма при коро-

левскомъ замкѣ, въ которыхъ съ издревле хоронятся московскіе великіе князья, съ 7-ю башнями и прекрасными, густо позолоченными куполами, стоющими нѣсколько тоннъ золота и великолѣпными, большими колоколами, изъ которыхъ одинъ далеко превосходитъ, по величинѣ и звуку, тотъ, что находится въ Эрфуртѣ. На площади, у воротъ замка, стоятъ двѣ громадныя пушки, въ которыхъ легко можно помѣститься человѣку. Дома же и постройки всѣ вообще, большею частью деревянныя и безобразныя (unformirlich) и стоятъ не въ рядъ, какъ у насъ; комнаты обыкновенно снабжены печами безъ трубъ и въ окнахъ нѣтъ стеколъ". Самая страна представляется имъ очень пустынной и со множествомъ болотъ, и эта страна „до того строго охраняется, что проникнуть въ нее или убѣжать изъ нея тайно, безъ великокняжескаго пропуска или паспорта, невозможно". „Вообще эта страна велика и пространна; она тянется вмѣстѣ съ землями татаръ, черемисовъ и ногайцевъ, которыхъ московиты отчасти подчинили себѣ, почти на 550 нѣмецкихъ миль въ длину, до Каспійскаго или Гирканскаго моря, а въ ширину до горъ Гордійскихъ, но мало воздѣлывается, и городовъ въ ней немного; большей частью все это — пустыня, такъ что на разстояніи 20 или 30, а у ногайцевъ даже и 300 миль, не встрѣтишь ни одного города или села, кромѣ трехъ пограничныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ московитами въ ногайской землѣ при рѣкѣ Волгѣ для отраженія татаръ". Нравы московитовъ представлялись путешественникамъ чрезвычайно грубыми; духовенство „не получаетъ никакого образованія, какъ и вообще науки у нихъ не распространены, какъ у насъ". Московиты „крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, не взирая на то, считаютъ себя самыми настоящими христіанами и не терпятъ того, чтобы имъ предпочли какой-либо другой народъ". Изъ Москвы послы выѣхали на Владиміръ, который очень хвалятъ, дальше на Муромъ и Нижній-Новгородъ. Съ Нижняго начиналась дикая страна черемисскихъ татаръ до Казани, и отъ Казани такая же дикая пустыня до Астрахани: путешествіе сухимъ путемъ въ этихъ мѣстахъ было совершенно невозможно, такъ какъ въ странѣ было только дикое татарское населеніе и на протяженіи трехсотъ миль (т.-е. нѣмецкихъ, отъ Казани до Астрахани) было всего три небольшихъ города: Самара, Саратовъ и Царицынъ, которые путешественники называютъ пограничными; отсюда послы направились въ Персію.

Таково вкратцѣ содержаніе этого путешествія. По своимъ отзывамъ о московитахъ, ихъ характерѣ и нравахъ, это путешествіе, какъ видимъ, совпадаетъ съ множествомъ другихъ подобныхъ описаній, и хотя эти иностранцы грубо толковали нѣкоторые изъ русскихъ обычаевъ, но замѣченныя ими черты русскихъ нравовъ и отсутствіе обра-

зованія составляли, безъ сомнѣнія, подлинную особенность вѣка, которая подтверждается и русскими источниками.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изданы подъ редакціею Н. Дубровина. Выпускъ восьмой. Спб. 1896.

Новый выпускъ изданія, которое займетъ мѣсто въ ряду важныхъ матеріаловъ для нашей внутренней исторіи, представляетъ документы двоякагó рода. Первый отдѣлъ заключаетъ собственноручныя записки императора Николая I къ статсъ-секретарю Танѣеву, который былъ начальникомъ его Собственной Канцеляріи, за 1830-1834 годы, и высочайшіе указы и рескрипты императора Николая съ 1832 до 1838 года. Второй отдѣлъ заключаетъ разныя оффиціальныя бумаги и дѣловыя записки изъ временъ Александра I. Собственноручныя записки императора Николая, обыкновенно весьма краткія, въ нѣсколько строкъ, относятся къ самымъ разнообразнымъ дѣламъ, въ которыхъ Танѣевъ былъ исполнителемъ его распоряженій; записки относятся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, отъ политическихъ мѣръ въ связи съ тогдашними польскими волненіями и важныхъ распоряженій по внутреннимъ дѣламъ до всякихъ частныхъ подробностей, какія, между прочимъ, императоръ Николай замѣчалъ во время своихъ поѣздокъ, напримѣръ о состояніи почтовыхъ дорогъ, верстовыхъ столбовъ и т. п. Отмѣтимъ, напр., любопытную записку 1832 года, гдѣ императоръ Николай писалъ: „Всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ военнаго, коему уже предписано, наистрожайше подтвердить, не смѣть впредь входить съ представленіями объ *изъятіяхъ* изъ существующихъ законовъ и правилъ; ибо съ нѣкоторыхъ поръ сіе столь часто и всѣми дѣлается, что скоро законъ и правила будутъ одними изъятіями“. Изъятія могли быть, конечно, двоякаго рода: одни могли желать изъятій какъ привилегіи; но могъ быть вопросъ объ изъятіяхъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ законъ могъ такъ или иначе не отвѣчать измѣнившимся условіямъ жизни, — сводъ законодательства и сталъ одной изъ первыхъ задачъ, поставленныхъ въ царствованіе императора Николая. Въ другой запискѣ того же года императоръ писалъ изъ Чугуева: „Князю Мещерскому (т.-е. Танѣевъ долженъ былъ написать тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода), что слушалъ обѣдню въ Полтавѣ, и былъ ею весьма доволенъ; такъ что можно примѣромъ поставить по благочинію, отличному пѣнію и совершенной согласности всей службы. Но при семъ замѣтилъ разницу въ служеніи, которую исправить: предъ чтеніемъ Евангелія

діаконъ не говорилъ *благослови владыко святаю славнаю и всехвальнаю* и пр., а прямо: *отъ Луки святаю Евангелія чтеніе*". Въ другой запискѣ того же года, изъ Воронежа, императоръ Николай писалъ: „Князю Мещерскому, что былъ въ Бѣлгородѣ, въ соборѣ, къ крайнему моему *удивленію, неудовольствію, и стыду,* увидѣвъ висящій мой портретъ, велѣлъ чрезъ губернатора оный снять; поручаю синоду моимъ именемъ епископу за сіе сдѣлать *строжайшій выговоръ* съ объявленіемъ по всѣмъ эпархіямъ и съ подтвержденіемъ: нигдѣ по церквамъ не имѣть никакихъ изображеній, кромѣ святыхъ образовъ". Быстрый взглядъ имп. Николая усматривалъ и крупные и мелкіе непорядки; но, конечно, отдѣльныя взысканія и поученія не измѣняли общаго порядка вещей, на почвѣ котораго возникали эти нарушенія и закона, а также и здраваго смысла: для устраненія непорядковъ требовались не только большій надзоръ администраціи, но исправленіе ея самой, общій подъемъ понятій, — а это возможно было только при широкомъ преобразованіи, при возбужденіи общественной иниціативы, что̀ въ началѣ и имѣли въ виду реформы слѣдующаго царствованія.

Оффиціальные отчеты, административные записки и проекты временъ имп. Александра I, составляющіе второй отдѣлъ книги, исторически важны въ двоякомъ отношеніи: въ частности, какъ матеріалъ для исторіи тѣхъ сторонъ государственной жизни, къ которымъ они относятся по своему содержанію, и вообще какъ матеріалъ для исторіи общества и общественныхъ понятій. — Т.

— Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Выпускъ I. Спб. 1896 г.

Этотъ интересный сборникъ посвященъ памяти покойнаго профессора С. А. Бершадскаго, извѣстнаго своими трудами по исторіи евреевъ въ Россіи, и между прочимъ издавшаго собраніе документовъ и регестъ къ исторіи литовскихъ евреевъ — по системѣ своей аналогичное съ настоящимъ изданіемъ.

Цѣль настоящаго сборника — объясняютъ составители — представить въ хронологическомъ порядкѣ сводъ всѣхъ свѣдѣній по исторіи евреевъ въ Россіи, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ и трудно доступныхъ изданіяхъ, гдѣ они теряются въ массѣ матеріаловъ общаго характера. Въ виду невозможности исчерпать весь печатный матеріалъ, не затягивая дѣло до чрезмѣрности, составители рѣшили ограничиться исключительно русскими изданіями; польскія изданія оставлены пока въ сторонѣ. Древнѣйшія извѣстія, въ виду ихъ рѣдкости,

почерпались также изъ нѣкоторыхъ иностранныхъ источниковъ. Содержаніе историческихъ документовъ передано въ сжатомъ изложеніи, съ строгимъ соблюденіемъ точности и полноты; въ надписяхъ и древнѣйшихъ или особенно характерныхъ актахъ приведенъ дословный текстъ; въ случаяхъ существующаго различія въ редакціи актовъ приведены варіанты. Порядокъ расположенія—хронологическій. По завершеніи всей работы составители обѣщаютъ дать указатели именной и географическій. Въ сборникъ вошли и документы, относящіеся къ хазарамъ, поскольку это касалось ихъ религіи, и къ ереси жидовствующихъ. Появившійся теперь первый выпускъ содержитъ всѣ надписи (преимущественно надгробныя) отъ 80 г. до 1773 г.; изъ нихъ пять древнѣйшихъ на греческомъ языкѣ, остальныя—еврейскія (и тѣ, и другія въ русскомъ переводѣ). Бóльшая часть книги занята регестами, которые доходятъ въ первомъ выпускѣ до 1540 г.

Приведемъ самую древнюю надпись на мраморной доскѣ, найденной въ Керчи и хранящейся въ императорскомъ эрмитажѣ. Она относится къ 80—81 гг. нашей эры. „Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Пискутрида, друга кесарей и друга римлянъ благочестиваго, 377 года, мѣсяца Перитія 12-го, я, Христа, бывшая жена Друза, отпускаю въ молельнѣ бывшаго вскормленника моего, Иракла, свободнымъ разъ (навсегда) по моему обѣту, не захватываемымъ и не тревожимымъ никакимъ наслѣдникомъ; обращаться ему, гдѣ захочетъ, безпрепятственно, кромѣ (обязанности являться) въ молельню для поклоненія и постояннаго присутствованія, (совершено) съ одобренія наслѣдниковъ моихъ, Ираклида и Еликоніады, и съ участіемъ въ опекѣ синагоги іудеевъ". Оказывается такимъ образомъ, что въ предѣлахъ россійской имперіи евреи уже въ первомъ вѣкѣ имѣли осѣдлыя и благоустроенныя общины; правильно ли послѣ этого отрицать ихъ принадлежность къ коренному населенію юга нашего отечества?

Во второй отдѣлъ сборника, кромѣ регестъ въ собственномъ смыслѣ, включены также выписки изъ средневѣковыхъ книжныхъ источниковъ армянскихъ, грузинскихъ, греческихъ и особенно арабскихъ. Нельзя упрекнуть за это составителей въ виду интереса, представляемаго многими изъ этихъ выписокъ. Очень любопытны происходившія въ X вѣкѣ сношенія между министромъ кордовскаго султана Абд-аль-Рахмана, евреемъ Хасдаи ибн-Шапрутомъ и коганомъ хазарскимъ Іосифомъ, сыномъ Аароновымъ. Первыя извѣстія о хазарскомъ царствѣ, котораго государь и правящій классъ исповѣдовали іудейскую вѣру, Хасдаи получилъ отъ посланниковъ изъ Хорассана, разсказы которыхъ были затѣмъ подтверждены послами изъ Византіи. Попытка Хасдаи завязать сношенія съ хазарами черезъ Кон-

стантинополь не удалась: послѣ долгихъ проволочекъ, греки отказались пропустить посланныхъ изъ Кордовы и отправили ихъ обратно. Тогда Хасдаи отправилъ письмо къ когану черезъ хорватскихъ, венгерскихъ и русскихъ евреевъ. Въ этомъ письмѣ, интересуясь всѣмъ, касающимся хазарскаго царства, онъ проситъ царя сообщить ему подробно географическое положеніе страны, внутреннее устройство, занятія, обычаи жителей и главнымъ образомъ исторію его предковъ и государства, а также спрашиваетъ между прочимъ, не извѣстно ли хазарамъ что-нибудь о „концѣ чудесъ", т.-е. о пришествіи Мессіи. Письмо дошло по назначенію, и коганъ Іосифъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ по всѣмъ пунктамъ. Разсказывая исторію своихъ предковъ, онъ сообщаетъ любопытную легенду о царѣ Буланѣ. Когда этотъ царь одержалъ славныя побѣды, тогда византійскій императоръ и халифъ изъ Дамаска прислали къ нему пословъ съ дарами и мудрецовъ для обращенія въ свою вѣру; Буланъ призвалъ также израильскихъ мудрецовъ и сталъ всѣхъ разспрашивать. Но такъ какъ всякій считалъ свою вѣру наилучшею, то Буланъ порознь спросилъ мусульманъ и христіанъ, какая изъ двухъ остальныхъ религій лучшая; когда оба предпочли еврейскую, то царь хазарскій призналъ, что она, стало быть, истинная религія и принялъ ее.—На вопросъ о Мессіи коганъ Іосифъ отвѣчалъ, что хазары далеки отъ Ціона, и очи ихъ также направлены къ академіямъ Іерусалима и Вавилона; слышали они, что по многимъ грѣхамъ счеты (на небѣ) запутались, но надѣются, что Онъ явится внезапно, согласно предсказаніямъ пророковъ.

Изъ регестъ въ тѣсномъ смыслѣ бо̀льшая часть относится къ судебнымъ (гражданскимъ) дѣламъ въ русско-литовскомъ краѣ. Приведемъ для образчика дѣло между попомъ и евреемъ, при чемъ, вопреки ходячимъ представленіямъ, еврей является въ роли неисправнаго должника, а безпощаднымъ кредиторомъ оказывается бѣло-русскій священникъ. „Мостовлянскій попъ Павелъ заявилъ, что гродненскій еврей Мошко Хорошенькій долженъ ему десять копъ грошей, золотой черленый и шесть локтей Лунскаго сукна, въ доказательство чего представилъ листъ. На Рождество минулъ уже годъ, а Мошко долга еще не уплатилъ, о чемъ попъ и просилъ записать въ книгѣ гродненскаго земскаго суда". А вотъ другое характерное въ бытовомъ отношеніи дѣло между еврейкою и христіаниномъ: „жена гродненскаго еврея Аврама Игуды, Игнатовая Дробна, жаловалась на господарскаго подданнаго рыболова Михну, что послѣдній побилъ и хотѣлъ утопить подлѣ закола ея ребенка; когда она прибѣжала на крикъ, то онъ избилъ и поранилъ ее самое. Такъ какъ Михна отрицалъ показанія Дробны, то судья велѣлъ ей представить свидѣтелей.

Она заявила, что свидѣтелей у нея нѣтъ, но что она готова доказать свое обвиненіе своими ранами. Судъ рѣшилъ допустить Дробну къ присягѣ на третій день". Оба дѣла относятся къ 1540 г., на которомъ оканчивается первый выпускъ.—W.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арбузовъ.—Сказки. Рига, 96. Стр. 65. Ц. 60 к.

Балабанова, Е.—Рейнскія легенды. Спб. 97. Стр. 257. Ц. 1 р. 40 к.

Барацъ, С. М.—Задачи вексельной реформы въ Россіи. По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г. Спб. 96. Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Белохъ, Ю.—Исторія Греціи. Перев. съ нѣм. М. Гермензена. Т. I. М. 97. Стр. 500. Ц. 2 р.

Бертенсонъ, Л.—О необходимости обученія техниковъ поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Спб. 96. Стр. 17. Ц. 20 к. Сборъ отъ продажи въ пользу недостаточныхъ студентовъ Горнаго Института.

——— О бальнеологическихъ средствахъ Россіи. Спб. 96. Стр. 12. Ц. 20 к.

Беръ, Б. В.—Стихотворенія. Спб. 97. Стр. 254.

Бехтеревъ, В. М.—О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 96. Стр. 62.

Брандтъ, Б. Ф.—Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ 97. Стр. 137. Ц. 60 к.

Бузескулъ, В. — Генрихъ Зибель, какъ историкъ - политикъ. Харьк. 96. Стр. 35. Ц. 40 к.

Бюхеръ, К.—Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. Закъ. Од. 96. Стр. 48. Ц. 20 к.

Бьернстерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій, томъ IV, перев. М. В. Лучицкой. Кіевъ, 1896. Изд. книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона, 16°. Стр. 594. Ц. 35 к.

Бѣлоконскій, И. П.—Народное начальное образованіе въ Курской губерніи. Курскъ, 97. Стр. 308.

Бѣляевъ, Александръ.—О соединеніи церквей. Разборъ энциклики папы Льва XIII, отъ 20 іюня 1894 г. Серг.-Пос., 97. Стр. 223. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣляшевскій, Н.—Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. Кіевъ, 96. Стр. 42.

Васневскій, Г.—Гипнотизмъ у животныхъ. Перев. съ польск. Ф. Теселкинъ. Хвалынскъ. 96. Стр. 44. Ц. 35.

Вейнбергъ, Петръ.—Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рис. Е. Бёмъ, Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломка. Спб. 96. Стр. 84.

Венгеровъ. С. А.—Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. IX: Арсеній Аскоченскій. Спб. 96. Стр. 385—432. Цѣна

Вешняковъ, В. И.—Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Изд. 2-е. Ч. I. Спб. 97. Стр. 1048. Ц. 4 р.

Витковскій, В.—Міръ планетъ. Астрономическая лекція. Спб. 97. Стр. 58.

Вучетичъ, Н.—Кузе, разсказъ для дѣтей. Од. 96. Стр. 34. Ц. 15 к.

Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).—Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М. 1897. Стр. XV и 319. Ц. 1 р. 60 к.

Гейссеръ, Л.—Исторія французской революціи. 1789—1799 г. Перев. съ нѣм. н. р. А. Трачевскаго. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 498.

Геккеръ, Н.—Къ характеристикѣ типа якутовъ. Ирк. 96. Стр. 90. Ц. 1 р.

Герасименко, П. П.—Миньятюры. Наброски и разсказы. Харьк. 96. Стр. 293. Ц. 1 р.

Геттнеръ, Г.—Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I: Англійская литература (1660—1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 453. Ц. 1 р. 50 к.

Глаголевъ, С.—Запретныя идеи. Серг.-Пос., 97. Стр. 61. Ц. 40 к.

Г., М.—Конспектъ описательной анатоміи. Состав. примѣнительно къ требованію медиц. испыт. коммиссіи. Вып. 1: Ученіе о костяхъ. М. 97. Стр. 35. Ц. 20 к.

Гокинсъ, Э.—Англійско-русскій карманный словарь (коллекція карманныхъ словарей). Кіевъ, 1896. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона 16°. Стр. 741. Ц. 60 к.

Гольцевъ, В. А.—Воспитаніе, нравственность, право. Сборникъ статей 2-е изд. М. 97. Стр. 162. Ц. 75 к.

Гофманъ, Авг.—Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка для мужскихъ гимназій и прогимназій. Вып. I: Курсъ второго класса. Спб. 97. Стр. 88. Ц. 50 к.

Гротъ, П.—Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній. Перев. съ нѣм. А. П. Нечаевъ, п. р. проф. Ф. Левинсона-Лессинга. Съ 707 фиг. и 3 табл. Ч. II-III: Геометрическія свойства и методы изслѣдованія кристалловъ. Спб. 97. Стр. 850.

Гурьевъ, А.—Матеріалы для библіографіи русской экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 96. Стр. 20.

Гусевъ, А. Н.—Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ сего сбора изъятыхъ. Изданіе восьмое. Изданіе неоффиціальное. Кіевъ, 1896. Южно русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона, 16°. Стр. 488. Ц. 1 р.

Домановъ, Е. Е.—Страна Эѳіоповъ (Абиссинія). Спб. 96. Стр. 200, съ приложеніемъ: „О музыкѣ абиссинцевъ“. Ц. 2 р.

Жданковъ, Д. Н.—Отхожіе промыслы въ Смоленской губерніи въ 1892—95 гг. Смол. 96. Стр. 70.

Зварницкій, Д.—Исторія запорожскихъ казаковъ 1686—1734. Т. III. Спб. 97. Стр. 646. Ц. 4 р.

Зининъ, М. (Сергѣй Шараповъ).—Окружнымъ путемъ. Романъ въ пяти частяхъ. Спб. 1897. Стр. 324. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, Ив.—Путеводитель по Волгѣ на 1896. Каз. 96. Ц. 30 к.

Кауфманъ, А. А.—Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. Спб. 97. Стр. 277. Ц. 1 р. 50 к.

Кокошкинъ, Ѳ.—Къ вопросу о юридической природѣ государства и органовъ государственной власти. М. 96. Стр. 32.

Колеръ, проф.—Право, какъ элементъ культуры. Перев. А. Вормса. М. 96. Стр. 53.

Кольбъ, Г. Фр.—Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго, нѣмецкаго изданія подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Вып. I—II. Кіевъ, 1896. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Стр. 288. Все изданіе выйдетъ въ 8 выпускахъ. Цѣна по подпискѣ 2 р. 50 к.

Коринфскій, Аполлонъ. Тѣни жизни. Стихотворенія 1895—1896. Спб. 1897. Стр. 263. Ц. 1 р.

——— Вольная птица и другіе разсказы. Спб. 1897. Стр. 327. Ц. 1 р.

——— Черныя розы. Стихотворенія 1893 — 1895 г. Спб. 1896. Стр. 289. Ц. 1 р.

Кутузовъ, В. Н.—Нѣмецко-русско-французскій и французско-русско-нѣмецкій словарь. Спб. 96. Стр. 154.

Лависсъ, Эрнестъ.—Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. М. 1897. Стр. 272. Ц. 1 р.

Лоранъ, Эмиль, д-ръ.—Тюремный міръ (типы и характеристики). Переводъ съ французскаго С. Шклявера. Спб. 1896. Изданіе Я. Канторовича (Юридическая библіотека, № 13). Стр. XII+368. Ц. 1 р. 60 к.

Любимовъ, Н. А.—Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. Спб. 1896. Стр. 694 и V. Ц. 2 р. 50 к.

Менвилль-Феннъ. — Живчикъ, или мальчикъ на колесѣ безъ тормаза. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 20 рис. Спб. 97. Стр. 275.

Менделевичъ, Р.—Святочныя поэмы. М. 97. Стр. 60. Ц. 50 к.

Мережковскій, Д. С.—Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 97. Стр. 552. Ц. 2 р.

Милль, Д., Спенсеръ, I., и *Уордъ*, Л.—Огюстъ Контъ и Позитивизмъ. Съ приложеніемъ портрета О. Конта. М. 97. Стр. 231. Ц. 1 р.

Мильнсъ-Маршалъ, А.—Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Перев. съ англ. Н. Зографъ. М. 96. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

Мироновъ, С. П.—Дифтеритъ, его заразительность, предохраненіе отъ него, его леченіе и отношеніе къ нему въ деревнѣ. Хвалынскъ, 97. Стр. 42. Ц. 15 к.

——— Оспа. Хвал. 97. Стр. 48. Ц. 15 к.

——— День добраго мира. Пасхальный разсказъ изъ сельской жизни. Хвал. 96. Стр. 16. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко, В. Н.—Святыя горы. Спб. 97. Стр. 165. Ц. 1 р.

Позднѣевъ, А.—Монголія и монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892 — 1893 гг. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ 1892 года. Изданіе Имп. Р. Географ. Общества. Спб. 1896. Стр. VIII и 696.

Радцигъ, Ант.—Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. Спб. 96. Стр. 267.

Реклю, Элизе.—Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XVII: Западныя Индіи и Мексика. Т. XVIII: Южная Америка, область Андовъ. Т. XIX: Бассейны рѣкъ Амазонки и Лаплаты. Спб. 96. Стр. 780, 709 и 667. Ц. каждаго тома 8 руб.

Ржевскій, Г.—Японско-китайская война, 1894—95 г. Спб. 96. Стр. 76, съ планами-картами. Ц. 80 к.

Русселэ, Л.—Въ странѣ чудесъ. Изъ жизни и природы въ Индіи. Для дѣтей средняго возраста. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 68 рис. Спб. 97. Ц. 2 р., въ роскошн. перепл. съ золот. обрѣзомъ.

Саккетти, Л.—Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контра-пунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Спб. 97. Стр. 132, съ нотными приложеніями. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣевъ, С.—Вопросы русской промышленности. Од. 97. Стр. 81. Ц. 40 к.

Соколовой, М. М. — Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. Спб. 96. Стр. 201. Ц. 75 к.

Соколовъ, Н.—Гидрогеологическія изслѣдованія въ Херсонской губерніи. Съ приложеніемъ статьи В. Топорова: „Анализы водъ Херсонской губернія" и геологической карты. Спб. 96. Стр. 222 in 4°.

Сумцовъ, Н.—Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. IV. Варш. 96. Стр. 62. Ц. 1 р.

Тарасовъ, И. Т.—Очеркъ науки полицейскаго права. М. 97. Стр. 702. Ц. 4 р. 50 к.

Тепловъ, В.—Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. Съ видами и портретами. Спб. 97. Стр. 170. Ц. 1 р.

Тургеневъ, И. С.—Полное собраніе сочиненій. Т. IX. 4-е изд. Спб. 97. Стр. 698.

Тэйлоръ, Эд.—Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. 2-е изд. Съ англ. п. р. Д. Коропчевскаго. Т. II. Спб. 97. Стр. 472.

Уордъ, Лестеръ.—Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ англ. Е. И. Вошнякъ. М. 97. Стр. 384. Ц. 1 р.

Филипповъ, М. М.—Философія дѣйствительности. Исторія и критическій анализъ научно-философскихъ міросозерцаній отъ древности до нашихъ дней. Вып. III. Спб. 96. Стр. 293—476. Подп. ц. 5 р.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. Вып. XV и XVI. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Стр. 209—304. За 20 вып. подписная ц. 8 р.

Шопенгауеръ, А.—Метафизика любви. Перев. съ нѣм. Р. Кресинъ. Харьк. 96. Стр. 53. Ц. 30 к.

Янжулъ, И. И.—Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. Спб. 97. Стр. 367.

Эйнгорнъ, В.—Книга Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ, въ третью четверть XVII ст. М. 94. Стр. 19.

——— Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. М. 95. Стр. 13.

Эльзенгансъ, д-ръ.—Элементарное описаніе душевныхъ явленій. Краткая психологія для самообразованія. Перев. съ нѣм. М. Столяровъ. Харьк. 96. Стр. 73. Ц. 40 к.

Энгельгардтъ, А. Н.—Изъ деревни 12 писемъ. 1872—1887 г. Изд. 3-е. Спб. 97. Ц. 2 р. 50 к.

Art Roë.—Papa Félix. Trois grenadiers de l'an 8. Par. 96. Стр. 200. Ц. 3 фр.

——— Pingot et moi. Par. 96. Стр. 342. Ц. 3 фр. 50 снт.

Мичко. D-r Matthias.—Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der slavischen Romantik. I: Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Graz, 97. Стр. 373.

Schischmanoff, Lydia.—Légendes religieuses bulgares. Par. 96. Стр. 300.

Worms, René.—Annales de l'Institut international de sociologie. II: Travaux du second congrés. Par. 96. Стр. 457. Ц. 7 фр.

— Une semaine coopérative. 25 oct.—1 nov. 1896. Par. 96. Стр. 130.

— Библіотека маленькаго читателя: Сборникъ разсказовъ и стихотвореній, 2 кн., В. Калымова. Ц. по 15 к. Ѳомка-муракъ, Ан. Догановичъ, Ц. 15. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній, А. Ивина. Ц. 15 к. М. 96.

— Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Спб. 96. Стр. 157.

— Итогъ жизни. Популярный біологическій очеркъ. Спб. 97. Стр. 264. Ц. 1 руб.

— Къ вопросу о всеобщемъ обученіи въ городахъ. М. 96. Стр. 39.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Выпускъ X. Балахнинскій уѣздъ. Отдѣлъ II, и приложенія. Изданіе Нижегородскаго губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 1896. 175, 253, 191 стр. и карта. Ц. 2 р.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1895 годъ. Изданіе Нижегородскаго губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 1896. 156 и 208 стр. Ц. 1 р.

— Снѣжинки. Изъ литературнаго увража—нѣчто мемуарное. Исторія одной зимней ночи въ сценахъ, картинахъ, аккордахъ и звукахъ. Спб. 96. Стр. 108. Ц. 50 к.

— Труды педагогическаго отдѣла Харьковскаго Педагогическаго Общества. Вып. 3. Харьк. 96. Стр. 163.

— Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. п. р. Н. Водовозова и С. Булгакова. М. 97. Стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ о дѣятельности бывшаго Спб. Комитета грамотности Имп. Вольнаго Экономическаго Общества за 1895 г.

— Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1895 г. Въ 3-хъ частяхъ, съ „Объяснительною Запискою". Спб. 96. Стр. 1383, 327 и 194.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1895 г. Харьк. 96. Стр. 273.

ЗАМѢТКА

ОБЪ „ИЗСЛѢДОВАНІИ" Г-НА ЧЕЧУЛИНА.

— Внѣшняя политика въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. С.-Петербургъ. 1896.

Мы не думаемъ, чтобы г. Чечулинъ былъ правъ, назвавъ свою книгу о внѣшней политикѣ Екатерины II, въ 1762—1774 гг., изслѣдованіемъ. Въ книгѣ г. Чечулина того, что̀ называется изслѣдованіемъ, почти нѣтъ ничего или есть очень мало, да и то, что̀ есть, сдѣлано не такъ, какъ надлежало бы сдѣлать. И самъ авторъ выступаетъ передъ нами не изслѣдователемъ, а панегиристомъ на тэму: „Громъ побѣды раздавайся"!

Въ самомъ дѣлѣ, г. Чечулинъ не обнаруживаетъ того спокойствія духа, безъ котораго работа изслѣдователя совершенно немыслима. Это спокойствіе духа у автора замѣняется „патріотическимъ" одушевленіемъ, продиктовавшимъ ему всю книгу и особенно ярко выразившимся въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея мѣстахъ. „Историкъ,— свидѣтельствуетъ намъ самъ г. Чечулинъ,—съ бо̀льшимъ удовольствіемъ останавливается на такихъ случаяхъ, когда его родина, его страна имѣла успѣхъ въ борьбѣ съ тѣмъ или другимъ противникомъ; чувство удовольствія, даже чувство гордости за своихъ предковъ въ такомъ случаѣ совершенно понятно, и неестественно было бы, если бы изслѣдователь его не испытывалъ; какъ каждый радуется успѣху своему и успѣху своихъ близкихъ болѣе, чѣмъ успѣху постороннихъ и чужихъ, такъ естественно радоваться и успѣху своей родины въ какой-либо борьбѣ" (стр. 373). Г-нъ Чечулинъ широко пользуется своимъ правомъ радоваться и гордиться и, на нашъ взглядъ, даже имъ злоупотребляетъ; но сильныя ощущенія и такія настроенія, какъ гордость, въ научномъ дѣлѣ — только одна помѣха. Въ восторгѣ чувствъ, конечно, легко восклицать: „удивительная эта была картина! единственная, можно сказать, въ новой исторіи битва!" (стр. 337),—но возводить въ принципъ этотъ восторгъ и даже вмѣнять его въ обязанность другимъ, особенно иностранцамъ, не приходится. Между тѣмъ г. Чечулинъ, постоянно гордящійся нашею „военною славою, не уступающею военной славѣ никакого другого народа", негодуетъ на то, что у насъ „почему-то не принято объ этомъ часто говорить" (стр. 361). Онъ не разъ заявляетъ, далѣе, что ему „нельзя не удивляться" и

даже „положительно нельзя не удивляться“, какъ это иностранные историки, описывая наши побѣды, „ограничиваются лишь слѣдующими (именно, немногими) словами“, или „останавливаются болѣе на бѣгствѣ турокъ, чѣмъ на храбрости русскихъ“ (стр. 339), и вообще „какъ поверхностно и небрежно говорятъ иностранные ученые обо всемъ, что касается Россія“ (298). Спокойный тонъ разсказа проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса о взаимныхъ отношеніяхъ между Австріей и Россіей въ первой половинѣ XVIII в. приводитъ г. Чечулина въ безпокойство: „странно,—восклицаетъ онъ,—какъ находитъ авторъ такой тонъ, такія слова, какъ будто онъ повѣствуетъ о чемъ-то совершенно естественномъ, понятномъ, законномъ, тогда какъ ему приходится имѣть дѣло съ возмутительнымъ невниманіемъ къ интересамъ русскаго народа и съ непозволительною уступчивостью русскаго правительства передъ чужимъ“ (стр. 16). Г-нъ Чечулинъ нашелъ, разумѣется, надлежащій „тонъ“, но это не есть тонъ научнаго изслѣдованія, и все его „патріотическое“ одушевленіе не спасаетъ его самого отъ небрежнаго отношенія къ вопросу объ интересахъ русскаго народа, о которыхъ онъ постоянно говоритъ, но нерѣдко говоритъ самъ съ поразительнымъ невниманіемъ. Если уже въ этомъ пунктѣ радость и гордость славою россійскаго оружія и дипломатическихъ успѣховъ были причиною небрежнаго и невнимательнаго отношенія, то еще менѣе г. Чечулинъ могъ заботиться о болѣе правильномъ отношеніи, на какое, несомнѣнно, имѣютъ право иностранные изслѣдователи вопросовъ, входящихъ въ составъ его тэмы.

Радость и гордость ослѣпляютъ человѣка.,. Г. Чечулинъ самъ указываетъ на то, чтó составляетъ „наиболѣе цѣнный результатъ предлагаемаго изслѣдованія“ (стр. II). Можно подумать, что авторъ открылъ что-либо новое,—но на дѣлѣ этого вовсе не оказывается. Г. Чечулинъ прославляетъ Екатерину II и Панина за ихъ національную политику. Разумѣется, разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько политика того или другого правительства была національною, можетъ быть предметомъ историческаго изслѣдованія, и историкъ можетъ съ этой точки зрѣнія одобрять или порицать, но г. Чечулинъ, изображая политику Панина, умѣетъ только восторгаться, а восторгъ и критика— двѣ вещи несовмѣстимыя. Въ изслѣдованіи нужно доказывать свои положенія, но г. Чечулинъ въ иныхъ случаяхъ довольствуется ссылкою на то, что онъ „увѣренъ“ въ томъ-то и въ томъ-то (стр. 377) или „положительно убѣжденъ“ (53) и т. п. Притомъ ему нужно было бы опредѣлить, чтò слѣдуетъ разумѣть подъ національною политикою, разъ этому понятію дается первенствующее значеніе въ сочиненіи Г-нъ Чечулинъ этого не дѣлаетъ: это—уже небрежность и невнимательность и съ чисто научной точки зрѣнія. Онъ постоянно смѣши-

ваетъ понятія русскаго государства и русскаго народа (напр., стр. III); неизвѣстно также, въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово: народъ, въ смыслѣ ли національности, какъ извѣстной культурной единицы, или въ смыслѣ болѣе собирательномъ, при которомъ имѣется въ виду благо отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ народъ. У г. Чечулина рѣшаютъ дѣло военные тріумфы и земельныя пріобрѣтенія. Одинъ примѣръ можетъ показать, какъ сбивчивы тутъ понятія изслѣдователя національной политики Екатерины II. Г-нъ Чечулинъ придаетъ важное значеніе „необходимому для полнаго развитія всякаго народа національному единству" (стр. 5). Мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ онъ разумѣетъ весь русскій народъ, слѣдовательно и ту его часть, которая „возсоединилась" съ нами по первому польскому раздѣлу. Еще вопросъ, однако, насколько была національною политика, которая закрѣпила господство польской шляхты надъ русскимъ крестьянствомъ и сдѣлалась даже тормазомъ для свободнаго возвращенія уніатской массы къ вѣрѣ отцовъ, бывшей однимъ изъ признаковъ русской народности. Защищая диссидентовъ, Екатерина II, дѣйствительно, поступала въ интересахъ русскаго народа, угнетеннаго католицизмомъ и уніей, но самъ г. Чечулинъ показываетъ, что на дѣлѣ диссидентскій вопросъ для русскаго правительства былъ лишь чисто политическимъ орудіемъ (стр. 48, 261 и др.), и что, добившись своего, Россія это оружіе за ненадобностью бросила (стр. 449). Замѣтимъ, что иного, пожалуй, тоже можетъ возмутить тонъ, съ какимъ г. Чечулинъ говоритъ объ этомъ. Мы только указываемъ на то, какъ Екатерина II относилась къ одному изъ реальныхъ интересовъ русскаго народа, ибо думаемъ, что для каждаго народа важно, чтобы его религію не угнетали и не препятствовали ему свободно проявлять свое религіозное настроеніе. Кромѣ того, мы ищемъ и объясненія, почему въ данномъ случаѣ г. Чечулинъ такъ спокоенъ. Онъ остается здѣсь спокойнымъ потому, что Екатерина II и Панинъ „руководствовались заботами о дѣйствительныхъ, прямыхъ выгодахъ Россіи, а не преслѣдовали какія-то отвлеченныя идеи" (стр. 48), къ числу каковыхъ г. Чечулинъ относитъ „вѣротерпимость" и „свободу совѣсти" (ковычки у автора). Онъ называетъ эти принципы „безспорно прекрасными", но они были „лишь пред логами для вмѣшательства", а потому онъ и не считаетъ нужнымъ („поэтому мы не будемъ") „принимать ихъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ" (стр. 268). Такъ внимателенъ г. Чечулинъ къ интересамъ русскаго народа! Другое доказательство его небрежности заключается въ томъ, какъ онъ отнесся къ возстаніямъ русскихъ крестьянъ въ Польшѣ. Говоря объ этомъ предметѣ онъ ссылается лишь на старыя работы Костомарова и Максимовича (стр. 297), не потрудившись узнать, что о немъ есть весьма боль-

шая новая литература. А ему вѣдь стоило бы только заглянуть въ статьи г. Мякотина о гайдамакахъ и о коліивщинѣ, помѣщенныя въ XII и XV томахъ Энциклопедическаго Словаря (1892 и 1895 гг.), гдѣ, кромѣ старыхъ сочиненій, названы труды проф. Антоновича, Скальковскаго, Мордовцева, Шульгина, Истомина и др., оставшіяся автору неизвѣстными. Этотъ эпизодъ, надѣемся, опредѣляетъ и источникъ патріотическаго одушевленія г. Чечулина: „вѣротерпимость и свобода совѣсти", конечно, отвлеченныя идеи, реальна—военная слава, о которой у насъ „почему-то не принято часто говорить". Впрочемъ, г. Чечулинъ занимается еще вопросомъ о „равенствѣ или преимуществѣ представителей Россіи и другихъ государствъ" (гл. II, § III) и обнаруживаетъ большую внимательность къ дипломатическому этикету.

Упоенный славою, хотя и чужою, г. Чечулинъ превращаетъ свое изслѣдованіе въ похвальное слово Панину, главному виновнику этой славы. Онъ находитъ, что всѣ писавшіе объ этой эпохѣ представляли ее не такъ, какъ слѣдуетъ. Главный матеріалъ, коимъ пользуется г. Чечулинъ, это—дипломатическіе документы, изданные за послѣднія 10—15 лѣтъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества". Этимъ матеріаломъ пользовался въ рукописномъ видѣ еще С. М. Соловьевъ въ „Исторіи паденія Польши" больше тридцати лѣтъ тому назадъ. Только слѣдя шагъ за шагомъ за пересказомъ содержанія дипломатической переписки Панина, сдѣланнымъ г. Чечулинымъ, мы могли бы, конечно, отмѣтить, въ чемъ г. Чечулинъ превосходитъ Соловьева въ смыслѣ полноты, обстоятельности и подробности, съ какою дѣлается этотъ пересказъ, но это неважно: документы существуютъ теперь въ печатномъ видѣ, и мы согласны съ г. Чечулинымъ относительно того, что это большое удобство (стр. 367—368). Мы только думаемъ, что изслѣдованіемъ называется нѣчто иное, а не простой пересказъ.

Отъ изслѣдованія требуется знакомство не только съ источниками, но и съ литературою предмета. Быть можетъ, другіе критики разсмотрятъ, хорошо ли г. Чечулинъ знаетъ русскую историческую литературу, а я остановлюсь только на иностранной, да и то лишь по дѣламъ австрійскимъ, прусскимъ, польскимъ, минуя англійскія, шведскія, турецкія и т. п. Впрочемъ, и въ самой русской литературѣ г. Чечулинъ, напр., совершенно незнакомъ съ трудомъ проф. Трачевскаго: „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II" (1877), а въ этомъ трудѣ есть цѣлая глава „о первоначальной нѣмецкой политикѣ Екатерины II". Г. Трачевскій пользовался нѣкоторыми источниками и пособіями, коихъ г. Чечулинъ не знаетъ: можетъ быть, ихъ слѣдовало бы ему узнать, а кстати

изъ чтенія упомянутой главы онъ еще узналъ бы, что нѣкоторыя открываемыя имъ Америки (напр., взаимныя отношенія Фридриха II и Екатерины II) уже были открыты проф. Трачевскимъ около двадцати лѣтъ тому назадъ. Весьма полезною была бы для него и глава о Россіи и Германіи до Екатерины II [1]). Г. Чечулинъ не знаетъ также очень большой статьи г. В. К.: „Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую первому раздѣлу Польши“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за 1883 г. Авторъ ея поставилъ своею задачею „обрисовать въ точности роль каждой изъ трехъ державъ, раздѣлившихъ польскую республику“. Эта прекрасная работа написана на основаніи документовъ того же „Сборника“, пользованіе коимъ г. Чечулинъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, но г. В. К. только лучше, чѣмъ нашъ авторъ, пользуется этимъ историческимъ матеріаломъ. Г-нъ В. К.—серьезный историкъ, а не панегиристъ и дѣйствительно занимается *изслѣдованіемъ* политики Екатерины и Панина, которая и представляется у него совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, какъ у г. Чечулина. Но почему г. Чечулинъ не считается съ этой работой, отмѣчая непріятныя ему вещи иногда въ такихъ произведеніяхъ, которыя съ удобствомъ для себя и безъ всякаго вреда для дѣла могъ бы оставить въ покоѣ?

Вообще къ литературѣ своего предмета г. Чечулинъ отнесся, по меньшей мѣрѣ, странно. Прежде всего намъ бросается въ глаза полное отсутствіе польской литературы въ сочиненіи, посвященномъ въ значительной мѣрѣ дѣламъ польскимъ, и вообще трудно понять, почему г. Чечулинъ совершенно игнорируетъ польскіе источники и пособія, которые очень часто могли бы ему пригодиться. Напр., изъ капитальной „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ-Августѣ“, Корзона [2]) онъ могъ бы узнать, какъ велико было въ XVIII в. населеніе Польши, которое, думаетъ онъ, невозможно опредѣлить „хотя бы приблизительно“ (стр. 439). Вопросъ о диссидентахъ и крестьянскихъ возстаніяхъ тоже былъ предметомъ изслѣдованія Корзона. Другой первоклассный польскій историкъ, Калинка, работавшій въ архивахъ и давшій обзоръ царствованія Станислава-Августа до 1787 г. въ своемъ трудѣ: „Ostatnie lata panowania St. Augusta“ (1868), также не удостоился вниманія г. Чечулина, а между тѣмъ онъ много говоритъ объ отношеніи Екатерины II къ послѣднему польскому королю, о вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла Рѣчи-Посполитой и т. п. Мы назвали только двухъ наиболѣе крупныхъ новѣйшихъ истори-

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что г. Чечулину совсѣмъ неизвѣстна книга Зугенгейма „Russlands Einfluss und Beziehungen zu Deutstchland“ (1856)

[2]) *Т. Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. 1882—1886.

ковъ Польши. Г. Чечулинъ даже не объясняетъ, почему онъ такъ поступилъ, словно никакой исторической литературы на польскомъ языкѣ, касающейся его предмета, такъ-таки и не имѣется. Еслибы одинъ разъ (стр. 363), да и то совершенно безъ всякой нужды, авторъ не сослался на „Dzieje Polski", Моравскаго, можно было бы подумать, что онъ и знать не хочетъ существованія у поляковъ исторической литературы. Быть можетъ, г. Чечулинъ не знаетъ польскаго языка, но едва ли это можетъ оправдывать русскаго историка, пишущаго о русско-польскихъ отношеніяхъ: говорить о внутреннихъ польскихъ дѣлахъ въ 1763—1772 гг., не зная польскихъ изслѣдованій объ этомъ періодѣ, прямо непозволительно! Впрочемъ, если бы мы стали перечислять все, съ чѣмъ г. Чечулину слѣдовало познакомиться, пришлось бы называть очень многое (соч. Валишевскаго, Мочинскаго и др., переписка Станислава-Августа и т. д.).

Положимъ, что поляки—народъ, „который никогда, никогда не былъ дружелюбенъ Россіи, который нанесъ ей много тяжелыхъ ударовъ, который и тогда враждебно держался по отношенію ко многому, что̀ было дорого всему русскому народу" (стр. 269). Но вотъ французы: г. Чечулинъ въ своей книгѣ, посвященной событіямъ середины XVIII-го в., нашелъ мѣсто для заявленія о своемъ удовольствіи по поводу франко-русскаго союза (стр. 187 и 455), а между тѣмъ и къ французской литературѣ онъ относится не особенно внимательно. Онъ —большой поклонникъ современнаго французскаго историка Сореля, трудъ котораго „Европа и французская революція" не разъ аттестуется у него съ самой лучшей стороны (стр. 6, 50, 269, 362). Это, дѣйствительно, превосходная книга, и мы просто недоумѣваемъ, почему г. Чечулинъ не поинтересовался изучить спеціальное сочиненіе того же Сореля: „Восточный вопросъ въ XVIII в., первый раздѣлъ Польши и кайнарджійскій миръ" [1]). Оно вышло уже двумя изданіями (1878 и 1889), причемъ на него ссылаются историки, коихъ г. Чечулинъ читалъ (въ ихъ числѣ самъ Сорель), а также и историки, коихъ г. Чечулинъ не читалъ. Вѣдь этотъ трудъ Сореля написанъ на ту же тэму, что̀ и книга г. Чечулина, притомъ отчасти на основаніи одного и того же матеріала *плюсъ* на основаніи матеріала, съ коимъ нашему историку внѣшней политики Екатерины II познакомиться не захотѣлось. Въ сочиненіи Сореля, г. Чечулинъ нашелъ бы много такого, что̀ Сорель зналъ раньше него, пользуясь тѣми же источниками, но не мало было бы тутъ для него и новаго; на нашемъ авторѣ лежала бы обязанность опровергнуть знаменитаго французскаго писателя

[1]) *Albert Sorel*. La question d'Orient au XVIII siècle, le partage de Pologne et le traité de Kaïnardji.

тамъ, гдѣ онъ говоритъ не то, что утверждается въ его книгѣ. Но г. Чечулинъ предпочитаетъ опровергать большею частью историковъ устарѣлыхъ, съ которыми онъ знакомится съ особою охотою, не ища знакомствъ съ современниками. Это касается и нѣмецкой литературы. Изъ французскихъ историковъ онъ пользуется, напр., страшно устарѣлымъ Флассаномъ [1]), совсѣмъ не зная о существованіи книги гр. де Барраля, „Etudes sur l'histoire diplomatique de l'Europe" (1885), гдѣ говорится объ отношеніи Франціи къ польскому дѣлу и, между прочимъ, дѣлаются ссылки на Сореля. Г-ну Чечулину остались неизвѣстными такіе документы, какъ „Секретная корреспонденція Людовика XV", касающаяся и польскихъ дѣлъ, изданная Бутарикомъ въ 1866 г., „Собраніе инструкцій французскимъ посланникамъ въ Польшѣ", изданная подъ редакціей Фаржа (Farges) и т. д. Мы уже не требуемъ отъ г. Чечулина знакомства съ болѣе спеціальными изслѣдованіями, въ родѣ архивной работы Гаммонда, „Франція и Пруссія въ 1763—1769 гг." (Revue historique за 1884 г.), хотя, конечно, на его мѣстѣ другой изслѣдователь поискалъ бы и такихъ работъ.

Съ нѣмецкой литературой дѣло обстоитъ не лучше, тѣмъ болѣе, что именно нѣмецкая литература, которую г. Чечулину слѣдовало бы знать, особенно богата. Мы не понимаемъ, напр., какъ можно говорить объ участіи Австріи въ такихъ событіяхъ, какъ первый польскій раздѣлъ, совсѣмъ не обращаясь къ капитальному труду Арнета: „Исторія Маріи-Терезіи", вышедшему въ свѣтъ въ десяти томахъ въ 1863—1879 гг. Вѣдь на это историческое сочиненіе г. Чечулинъ долженъ былъ постоянно встрѣчать ссылки въ нѣкоторыхъ книгахъ, которыя онъ читалъ, хотя такихъ ссылокъ больше въ книгахъ, которыя г. Чечулину еще слѣдовало бы прочесть. Изданная Арнетомъ переписка Маріи-Терезіи съ Іосифомъ II (равно какъ и переписка Іосифа II съ Екатериною II) г. Чечулину осталась неизвѣстною. Напр., авторъ могъ бы найти здѣсь сообщеніе Іосифа II о свиданіи съ Фридрихомъ II въ Нейссе, на которомъ шли переговоры о тогдашнемъ политическомъ положеніи Европы, и которому настоящіе изслѣдователи придаютъ значеніе. О немъ (и о свиданіи въ Нейштадтѣ) есть даже особыя архивныя работы Адольфа Бера (въ Archiv für oesterreichische Geschichte) и Реймана (въ XIV томѣ Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens), но этихъ работъ г. Чечулинъ, конечно, не знаетъ также. Онъ незнакомъ и съ соч. Германна: „Австро-прусскій союзъ и раздѣлъ Польши" (1861). Нѣсколько ему извѣстна „Neuere Geschichte des preussischen Staates" Реймана (1882), годъ изданія которой у него отмѣченъ, однако, невѣрно (1888). На

[1]) *Flassan*, Hist. de la diplomatie française. 1809.

этотъ важный трудъ, хотя большею частью по незначительнымъ поводамъ, г. Чечулинъ ссылается счетомъ пять разъ. Значитъ, онъ въ него все-таки заглядывалъ, но трудъ этотъ ему слѣдовало бы изучить, ибо Рейманъ, кромѣ тѣхъ источниковъ, какіе были у г. Чечулина, пользовался архивными матеріалами, а также пособіями, коихъ г. Чечулинъ, вѣроятно, и не видалъ [1]). Авторъ „Внѣшней политики Екатерины II" охотно поправляетъ старыхъ историковъ, не зная, что новые историки могли бы его самого также поправлять.

Г. Чечулинъ очень много говоритъ о Фридрихѣ II (на цѣлыхъ десяткахъ страницъ), но не знаетъ ничего, что̀ сдѣлано было за послѣдніе годы для исторіи Фридриха II, какъ будто нѣтъ еще изданія „Политической корреспонденціи Фридриха II" [2]) и большого общаго сочиненія о его эпохѣ (Zeitalter Friedrichs des Grossen) Онкена, вышедшаго въ 1882 г. Или вотъ еще одинъ интересный примѣръ незнанія литературы г. Чечулинымъ. Ставя вопросъ, насколько „вообще заслуживаютъ довѣрія свидѣтельства, оставленныя самимъ Фридрихомъ" (стр. 52), онъ высказываетъ ту мысль, что „было бы интереснымъ трудомъ критическое изученіе сочиненій Фридриха, какъ источника для его времени" (стр. 64). Къ счастію для науки, такой „интересный трудъ" существуетъ (Preuss. Die erste Theilung Polens und die Memoiren Friedrichs des Grossen. 1874), но только г. Чечулинъ не знаетъ этого, какъ не знаетъ, что и другіе разсматривали тотъ же предметъ: Wiegand. Die Vorrede Friedrichs des Grossen zur „Histoire de mon temps" (1874). Wildhaut. Ueber die Quellen der „Histoire de mon temps" Friedrichs des Grossen (1880). У г. Чечулина вообще нѣтъ привычки быть изслѣдователемъ, — обращаться къ литературѣ вопроса. Иначе, высказывая новый взглядъ на пребываніе въ Петербургѣ принца Генриха Прусскаго, имѣющее такое значеніе въ генезисѣ перваго польскаго раздѣла (стр. 389 и слѣд.), онъ справился бы о томъ, что̀ это былъ за человѣкъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ Фридриху II и т. д., а для этого есть, напр., книга: Crousaz, Prinz Heinrich, der Bruder Friedrichs des Grossen (1876). На капитальную „Исторію прусской политики" Дройзена у г. Чечулина есть только одна случайная ссылка (стр. 61).

Нѣмецкая литература дала бы г. Чечулину новый матеріалъ и для польской исторіи въ разсматриваемую эпоху, еслибы только

---

[1]) Для г. Чечулина была бы важна еще работа Häusser'a „Zur Gesch. Friedr. II und Peters III" въ III т. Forsch. zur deutsch. Gesch., статья о русско-прусскомъ союзѣ 1864 г. въ Zeitschr. für oesterreichische Geschichte за 1877 и т. п.

[2]) Случайная ссылка ничего не доказываетъ. Кромѣ того, есть еще: Friedrich der Grosse und Polen. Auszüge aus der Korrespondenz in Warschau und St.-Petersburg (1762—1766).

авторъ, какъ настоящій изслѣдователь, занялся отыскиваніемъ новаго матеріала. Г. Чечулину слѣдовало бы знать, что однимъ изъ авторитетнѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ Польши былъ Рёппель, а зная это, онъ долженъ былъ бы обратиться къ его труду—„Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts“, особенно же къ работѣ о послѣднемъ безкоролевьѣ польскомъ и избраніи и коронованіи Станислава-Августа, помѣщенной въ „Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen“ за 1891—92. г. Г. Чечулинъ не заглянулъ также ни разу и въ сочиненіе Янссена о генезисѣ перваго раздѣла Польши (1865), написанное отчасти на основаніи данныхъ ватиканскаго архива. Зибеля г. Чечулинъ ставитъ очень высоко (стр. 362 и 374), хотя и обижается на этого историка за то, что тотъ не возмущается отношеніемъ Петра III къ русскимъ, но „Первый раздѣлъ Польши“ Зибеля, напечатанный въ „Deutsche Rundschau“ за 1874 г., г. Чечулину, какъ и многое другое, тоже неизвѣстенъ.

Покончимъ на этомъ съ книгою г. Чечулина, хотя еще можно было бы поговорить о произвольности научныхъ пріемовъ и о спорности многихъ выводовъ этой работы. Едва ли вообще такія изслѣдованія обогащаютъ и двигаютъ впередъ науку, и едва ли для того немногаго, что́ можетъ быть „цѣннаго“ въ трудѣ г. Чечулина, не было бы лучше, если бы это „цѣнное“ было дано читателю въ формѣ журнальной статьи о дипломатической перепискѣ Панина, а не въ видѣ тома въ тридцать печатныхъ листовъ. Во всякомъ случаѣ, читатель „изслѣдованія“ г. Чечулина получитъ невѣрное представленіе о современномъ состояніи изучаемаго имъ вопроса въ настоящей наукѣ.

Н. Карѣевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Philippe Gille. Causeries du Mercredi. Paris, 1897. Стр. 380.

Въ хроникѣ литературной жизни Парижа, которую ведетъ Филиппъ Жилль въ своихъ „бесѣдахъ по средамъ", имена отдѣльныхъ писателей остаются большею частью все тѣми же, и литературныя новинки, о которыхъ онъ говоритъ, принадлежатъ все тѣмъ же авторамъ, которыми гордится современная французская литература; лишь изрѣдка мелькаетъ новое имя, говорящее о томъ, что область литературы раздвигается, приготовляя мѣсто дѣятелямъ будущаго. Особенной полнотой отличается хроника романа въ книжкѣ Жилля, отмѣчающаго все, что̀ выходило болѣе или менѣе заслуживающаго вниманія за послѣдніе годы. Онъ начинаетъ съ Альфонса Додэ и его послѣдняго романа „La petite paroisse", имѣвшаго во Франціи большой успѣхъ. Романъ этотъ едва ли принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Додэ. Сила Додэ главнымъ образомъ въ изображеніи жизни юга и въ обрисовкѣ пылкихъ и наивныхъ темпераментовъ, вносящихъ въ жизнь непосредственность и суету. Сказки, въ которыхъ воплощена красота провансальской поэзіи и гдѣ тонкій юморъ сливается съ нѣжностью души, нѣсколько романовъ, создавшихъ типы южанина на разныхъ поприщахъ жизни, начиная отъ искренняго даже въ своемъ фразерствѣ политика Нумы Руместана и до классическаго рыцаря „blague", Тартарена,—вотъ лучшія произведенія Додэ. И когда отъ изображенія южныхъ типовъ Додэ переходитъ къ сѣверянамъ, т.-е. обитателямъ Парижа, то и эта разновидность общаго типа также удается ему,—и отдѣльные герои и героини въ „Fromont Jeune et Risler Ainé", „Nabab", „Jacques" и т. д. представляютъ интересную галерею живыхъ и умно обрисованныхъ типовъ. Но стоитъ Додэ заняться психологическимъ анализомъ, чтобы романы его сразу становились крайне сантиментальными и поверхностными. Женщины свѣта и полусвѣта, разбивающія сердца своею жестокостью, легкомысліемъ и мелочностью, какъ, напр., Сидони, въ „Fromont Jeune et Risler Ainé", или Сафо въ романѣ того же имени,—мученицы любви, вооруженныя ангельскимъ терпѣніемъ, какъ цвѣточница Дэзирэ, или жена Нумы Руместана, и т. д., поражаютъ

своею искуственностью. Талантъ Додэ совершенно внѣшній, и психологія, направленная на изученіе искреннихъ чувствъ и страстей, превышаетъ, какъ будто, его творческія силы. Вотъ почему „Petite paroisse“ — вещь малоудачная. Разсказанная въ ней драма ревности совершенно не захватываетъ источниковъ внутренней жизни, а заканчивается она примиреніемъ только потому, что идеи гр. Льва Толстого теперь въ модѣ во французской литературѣ. Можетъ быть, бо̀льшимъ психологомъ, чѣмъ его отецъ, окажется Леонъ Додэ, проявившій пока свой художественный талантъ лишь юмористическимъ изображеніемъ современности въ надѣлавшемъ шуму романѣ „Les Kamtschathe“. Жилль отмѣчаетъ художественныя достоинства этой литературной пародіи. Молодому романисту слѣдовало бы, однако, не останавливаться долго на каррикатурахъ и обличеніяхъ. Это семейная черта, которая привела Додэ-отца къ болѣе слабымъ произведеніямъ, какъ „Immortel“, и уменьшила художественный интересъ романовъ: „Нума Руместанъ“, „Набобъ“ и др.

Жилль останавливается на нѣсколькихъ молодыхъ романистахъ, въ томъ числѣ, между прочимъ, на Жоржѣ Роденбахѣ, поэтѣ и романистѣ, создавшемъ себѣ имя среди цѣнителей артистической дѣятельности. Роденбахъ—одинъ изъ молодыхъ поэтовъ, которые бѣгаютъ отъ шумныхъ событій внѣшней жизни и ищутъ успокоенія въ тихихъ настроеніяхъ, въ томъ бездѣйствіи души, которая скрываетъ въ себѣ источники внутренней поэзіи. Роденбахъ бельгіецъ, и въ немъ сильны традиціи фламандскаго искусства, создавшаго поэзію nature-morte. „Jeunesse blanche“, „Voyage dans les yeux“ и др. полны особой тишины и мира, говорящихъ во всякомъ случаѣ объ истинной художественности замкнутой натуры поэта. Эти же пріемы Роденбахъ переноситъ изъ области чисто лирической въ область романа. Онъ написалъ нѣсколько романовъ, отличающихся главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ ничего не происходитъ. Настроенія замѣняютъ событія, и романъ насквозь проникнутъ особаго рода лиризмомъ, усталымъ, скорбнымъ, нѣсколько затуманеннымъ. Образцомъ этого новаго рода романа служитъ „Bruges-la-morte“, гдѣ исторія душевной жизни героя сливается съ городомъ, въ которомъ онъ живетъ. У героя романа, Гюга Віана, умерла горячо любимая имъ жена, и скорбь о ней всецѣло овладѣла его существомъ. Чтобы безпрепятственно посвятить себя культу умершей, Гюгъ переселяется изъ большого города въ грустный городокъ Брюгге; онъ привлекаетъ его своей тишиной, своими каналами и монастырями, изъ которыхъ отъ времени до времени выходятъ длинныя процессіи тихо скользящихъ по улицамъ монахинь. Гюгъ сливается съ общимъ настроеніемъ города, живетъ уединенно, гуляетъ въ сумеркахъ, глядитъ въ воду каналовъ

и думаетъ объ умершей женѣ, образъ которой сливается для него съ сѣрымъ колоритомъ мертваго города. Но вдругъ, во время одной изъ своихъ вечернихъ прогулокъ, онъ видитъ женщину, настолько похожую на умершую жену, что образъ послѣдней кажется ожившимъ вновь. Гюгъ слѣдитъ за женщиной, которая оказывается танцовщицей въ мѣстномъ театрѣ и, влекомый къ ней этимъ страннымъ, волнующимъ его сходствомъ, сходится съ ней, любя въ ней умершую жену и даже не чувствуя въ своемъ сердцѣ измѣны. Мертвая какъ бы ожила въ своемъ новомъ двойникѣ, и, полюбивъ танцовщицу, онъ по прежнему предается у себя дома культу покойной жены; по прежнему всѣ столы заставлены ея портретами, по прежнему онъ ежедневно подходитъ къ хрустальной шкатулкѣ, въ которой покоятся золотистые волосы умершей. Но танцовщица оказывается пошлымъ существомъ, которое мучитъ Гюга своими мѣщанскими требованіями и мѣщанскимъ отношеніемъ къ его чувствамъ. Кромѣ того, она просто разсчитываетъ на богатство Гюга и занята только мыслью о томъ, какъ бы овладѣть всѣмъ его состояніемъ. Гюгъ ничего не видитъ, занятый только сходствомъ умершей и живой женщины и наслаждается сознаніемъ, что смерть и жизнь какъ бы слились въ этомъ странномъ чувствѣ любви къ покойной, возродившейся для него. Городъ съ своими аналогіями съ его прежнимъ настроеніемъ понемногу исчезаетъ для него, онъ весь ушелъ въ живую жизнь. Но сходство, волновавшее его, вдругъ исчезаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ захотѣлъ сдѣлать свою иллюзію полной. Онъ приноситъ танцовщицѣ платье покойной жены и, не посвящая ее въ свою душевную жизнь, проситъ исполнить капризъ и одѣть платье. Танцовщицѣ улыбается эта мысль, она наряжается въ старомодный нарядъ, дурачится и танцуетъ въ немъ передъ Гюгомъ, который вдругъ понимаетъ, что, подойдя слишкомъ близко къ иллюзіи, онъ разрушилъ ее, что одѣтая въ платье его чистой, возвышенной подруги вульгарная танцовщица обнаружила весь внутренній контрастъ между нею и той, которую она должна замѣнить ему. Съ этой минуты связь его съ танцовщицей становится источникомъ великой муки, потому что она привлекаетъ его какъ женщина, но терзаетъ его своимъ несоотвѣтствіемъ его мечтамъ. Въ его душѣ разыгрывается истинная драма, о которой Жанна и не подозрѣваетъ. Она мучитъ его своими капризами, измѣняетъ ему, но не рветъ отношеній изъ практическихъ соображеній. Между прочимъ, ей сильно хочется проникнуть въ домъ Гюга, куда онъ ее упорно не пускаетъ, чтобъ не профанировать памяти умершей. Но Жаннѣ хочется видѣть домашнюю обстановку своего возлюбленнаго и убѣдиться своими глазами въ его богатствѣ. Она пользуется тѣмъ, что назначена церковная процессія въ празд-

ничный день, и что домъ Гюга на пути процессіи. Она убѣждаетъ Гюга позвать ее къ себѣ, и ради этого Гюгу приходится даже разстаться съ своей старой служанкой, строгой католичкой, которая отказывается готовить обѣдъ и прислуживать женщинѣ, вносящей грѣхъ въ домъ ея господина. Жанна приходитъ, и каждый шагъ ея причиняетъ страданія Гюгу. Ея замѣчанія о портретахъ его покойной жены, о реликвіяхъ, наполняющихъ домъ, оскорбляютъ его. Наконецъ, Жанна, увидѣвъ хрустальный ящикъ съ волосами покойной, даетъ волю своей необузданной, капризной натурѣ, открываетъ ящикъ, вынимаетъ косу и, тѣшась ею, дразнитъ своего возлюбленнаго. Въ полномъ бѣшенствѣ онъ гонится за ней, чтобы отвоевать у нея то, что̀ было для него святыней. Борьба ихъ принимаетъ угрожающій характеръ и заканчивается тѣмъ, что Гюгъ въ припадкѣ изступленія душитъ Жанну этой самой косой. Убивши такимъ образомъ женщину, которая посягнула на его святыню, Гюгъ странно успокоивается. Обѣ женщины сливаются для него въ нѣчто единое. Столь похожія въ жизни, онѣ сдѣлались еще болѣе похожими въ одинаковой блѣдности смерти. Онъ уже не отличаетъ одну отъ другой и видитъ только единый образъ своей любви. Трупъ Жанны сталъ для него призракомъ умершей, призракомъ, какъ бы видимымъ ему одному. Душа Гюга ушла въ далекое прошлое; онъ помнитъ только объ отдаленныхъ вещахъ, о началѣ своего вдовства. „Ему казалось, что вернулось старое. Спокойно онъ сѣлъ въ креслѣ у окна. Тѣмъ временемъ процессія кончилась. Въ тишинѣ до него доходилъ гулъ всѣхъ колоколовъ, которые сразу зазвучали въ моментъ возвращенія процессіи въ церковь. Улицы снова опустѣли, городъ опять сталъ одинокимъ и Гюгъ мысленно твердилъ: „Мертвый, мертвый Брюгге—мертвый, Брюгге—мертвый, городъ—мертвый", стараясь согласовать эти звуки съ отдаленнымъ звономъ колоколовъ. И самъ онъ въ душѣ не могъ дать себѣ отчета, о чемъ онъ скорбитъ, о смерти города, о смерти любви, о смерти женщины, которую онъ убилъ"... Никакихъ больше внѣшнихъ событій въ романѣ нѣтъ; это—одна попытка измѣнить обычную форму романа, замѣнить внѣшнія событія внутреннимъ процессомъ души, которая живетъ въ тишинѣ, питаясь только своими чувствами и стремясь слиться съ окружающей природой.

Изъ другихъ молодыхъ романистовъ Жилль называетъ Поля Эрвье и говоритъ о его романѣ „Armature", гдѣ въ очень рѣзкихъ картинахъ показана расшатанность жизненныхъ принциповъ французской аристократіи послѣдняго времени и всѣ послѣдствія того союза, который она по неволѣ стремится заключить съ міромъ финансовъ. Пессимизмъ автора выражается въ томъ, что онъ рисуетъ неумолимое развитіе этой гангрены, захватывающей и здоровыя части

общественнаго организма. Жертвой барона Сафра, гнуснаго милліонера, завладѣвшаго всѣми окружающими людьми, является молодая женщина, чистая и любящая, которая рѣшается спасти своего мужа цѣною собственнаго позора. Но баронъ Сафръ, воплощеніе торжествующаго маммона, становится самъ жертвой собственнаго растлѣнія, и сцена его смерти грандіозна и полна этической окраски. Когда мужъ оскорбленной молодой женщины, узнавшій о всемъ, что̀ произошло, прибѣгаетъ въ домъ Сафра отомстить за свое собственное долгое униженіе и за униженіе всѣхъ, покоренныхъ властью золота, онъ застаетъ своего грознаго врага связаннымъ въ смирительной рубашкѣ, въ широкомъ креслѣ, съ лицомъ, на которомъ не осталось и признака осмысленности, съ устремленными впередъ потухшими глазами, налитыми кровью, и только взъерошенная грива волосъ напоминаетъ прежняго льва. Жажда мести, съ которой явился молодой человѣкъ, исчезаетъ при видѣ врага, ставшаго безсмысленнымъ животнымъ; остается только глубокое чувство гадливости и презрѣнія.

Въ книгѣ Жилля отмѣчены большинство остальныхъ новинокъ въ области романа, театра и поэзіи, и если короткія замѣтки критика не даютъ полнаго представленія о разбираемыхъ имъ произведеніяхъ, то во всякомъ случаѣ онѣ отмѣчаютъ ходъ новѣйшей литературной жизни во Франціи.

II.

Kuno Fischer. Shakespeare's Hamlet. Heidelberg, 1896. Стр. 329.

Слава Шекспира нашла самый надежный пріютъ въ Германіи, гдѣ до сихъ поръ неутомимо занимаются изученіемъ и толкованіемъ каждой строчки шекспировскихъ драмъ. День смерти Шекспира, 23-го апрѣля, изъ года въ годъ празднуется его вѣрными поклонниками, и на этотъ разъ торжественный день ознаменовался появленіемъ книги извѣстнаго историка философіи и эстетики Куно Фишера. Книга посвящена разбору „Гамлета", а также исторіи этой трагедіи. Пока нѣмецкая шеспирологія занимается критикой текста, изученіемъ источниковъ и толкованіемъ отдѣльныхъ подробностей не съ художественной, а съ чисто ученой точки зрѣнія, всѣ эти комментаріи остаются достояніемъ тѣхъ спеціальныхъ обществъ, въ которыхъ они возникаютъ и интересуютъ спеціалистовъ, а не любителей литературы. Но книжка Куно Фишера о „Гамлетѣ" выходитъ изъ ряда этихъ спеціальныхъ разсужденій о Шекспирѣ, уже благодаря своей тэмѣ. Не нужно быть шекспирологомъ, чтобы интересо-

ваться „Гамлетомъ". Это—вѣчная трагедія, остающаяся вѣчной загадкой въ творчествѣ Шекспира, всегда полна современности, одинаково интересна людямъ самыхъ различныхъ эпохъ, временамъ съ самыми различными идеалами. Всякій человѣкъ, задумывающійся надъ вопросами искусства и жизни, имѣетъ свой взглядъ на „Гамлета", такъ же, какъ имѣетъ свое собственное міросозерцаніе. Вотъ почему вопросъ о „Гамлетѣ" остается вѣчно современнымъ, и среди всякихъ литературныхъ новинокъ новая книга о „Гамлетѣ" наиболѣе способна заинтересовать читателей нашихъ дней, такъ же, какъ интересовала современниковъ Вольтера и какъ, вѣроятно, будетъ интересовать людей будущихъ вѣковъ.

Конечно, въ книгѣ Куно Фишера не нужно искать окончательнаго разрѣшенія гамлетовскаго вопроса. Онъ только даетъ исторію прежнихъ толкованій трагедіи и пытается самъ заглянуть въ замыселъ Шекспира, понять тотъ крайне сложный планъ, который, по его мнѣнію, лежитъ въ основѣ пьесы, объяснить всѣ кажущіяся несоотвѣтствія, о которыхъ говорятъ прежніе критики, и, наконецъ, высказываетъ свой собственный взглядъ на идею трагедіи и на личность ея таинственнаго героя. Говоря о типахъ старѣйшей критики „Гамлета", Куно Фишеръ останавливается, главнымъ образомъ, на знаменитыхъ толкованіяхъ Вольтера, Лессинга, Гёте, Шиллера и Шопенгауэра. Извѣстно знаменитое изреченіе Вольтера о томъ, что Шекспиръ „пьяный варваръ", и что странно, какъ люди обращаютъ вниманіе на такой безпорядочный наборъ всякихъ несообразностей, какимъ ему кажется „Гамлетъ" въ томъ вѣкѣ, который произвелъ адиссоновскаго „Катона". Быть можетъ, Вольтеръ былъ не столько невѣжественъ, сколько неискрененъ въ этой его оцѣнкѣ. Уничтожая Шекспира въ глазахъ своихъ современниковъ, онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обкрадывалъ его, и призракъ отца Гамлета возрождается въ вольтеровской „Семирамидѣ"—въ призракѣ короля Нина; послѣдній, впрочемъ, скорѣе пародія гамлетовскаго духа. Онъ появляется среди бѣлаго дня, въ собраніи властей города, и ему предшествуютъ удары грома, причемъ ничто не подготовляетъ этого появленія; вмѣшательство сверхъестественнаго кажется простымъ фокусомъ, а не трагической необходимостью, какъ въ „Гамлетѣ", гдѣ и душевное расположеніе героя, и обстановка среди которой является призракъ, подготовляютъ воображеніе читателя.

Приводя знаменитое объясненіе Гёте о томъ, что трагедія Гамлета заключается въ его безсиліи дѣйствовать,—нѣмецкій критикъ сильно возстаетъ противъ этого толкованія, доказывая, что въ Гамлетѣ нѣтъ недостатка активной силы (Thatkraft), а отсутствіе желанія дѣйствовать (Thatenlust) лежитъ въ его мизантропическомъ настроеніи и не-

нависти къ жизни. Гёте говоритъ, что въ трагедіи великое дѣло возлагается на душу, неспособную къ этому дѣлу; что самое дѣло—какъ бы могучій дубъ, а натура героя—сосудъ для цвѣтовъ; изъ этого опредѣленія вытекаетъ также парадоксъ Гёте о томъ, что самая трагедія построена на очень искусномъ планѣ, но въ самомъ героѣ нѣтъ никакого плана. Такое пониманіе „Гамлета" Куно Фишеръ считаетъ невѣрнымъ толкованіемъ фабулы трагедіи, дающей очень ясный критерій для пониманія всякаго шага Гамлета. Гётевскій Гамлетъ слишкомъ напоминаетъ его собственнаго Вертера, чтобы быть вѣрной характеристикой шекспировскаго героя. Тѣмъ вѣрнѣе характеристики остальныхъ лицъ у Гёте, въ особенности его пониманіе Розенкранца и Гильденштерна, которые необходимо должны быть двумя личностями, а не сливаться въ одну. Они воплощаютъ въ себѣ пошлость обычной жизненной среды. Своимъ осторожнымъ приближеніемъ, своими подходами, поддакиваніями, лестью, ловкостью и готовностью ко всему, своимъ ничтожествомъ они отражаютъ именно не единаго человѣка, не человѣческую личность на ея высотѣ, а общество. Такіе типы должны выступать дюжинами, если возможно, и Шекспиръ былъ очень скроменъ, взявши только двухъ; именно стадность этихъ двухъ царедворцевъ является контрастомъ благородной индивидуальности, представленной въ Гораціо. Столь же непревзойденной во всей дальнѣйшей критикѣ „Гамлета" является характеристика королевы Гертруды; въ ней представлено „временно женственное", тянущее людей внизъ, въ противоположность „вѣчно женственному", поднимающему въ высь. Гертруда—вѣчный типъ Евы, которая вызвала первое грѣхопаденіе и продолжаетъ его постоянно.

Любопытную главу посвящаетъ Куно Фишеръ „блужданіямъ новѣйшей гамлетовской критики" и разсматриваетъ различныя толкованія, по которымъ Гамлетъ является то трусомъ, то пустымъ мечтателемъ, который по поводу каждаго слова изливаетъ потоки ненужнаго хитроумія, то послѣдователемъ философовъ XVI вѣка, Монтэня или Бруно, то, наконецъ, носителемъ самыхъ несообразныхъ теорій. Безсиліе Гамлета и его страсть къ безплоднымъ размышленіямъ—излюбленная тэма нѣмецкихъ писателей 40-хъ годовъ. Фрейлигратъ пользуется этимъ даже для патріотическихъ цѣлей и говоритъ о „Германіи, подобной Гамлету". Гервинусъ полагаетъ, что Шекспиръ самъ осудилъ теоретичность талантливой, но безсильной натуры Гамлета, выставляя ее какъ противоположность энергичныхъ, активныхъ натуръ, какъ, напр., Генриха, Перси и др. Въ своемъ стремленіи зайти дальше самого автора въ пониманіи Гамлета цѣлый рядъ критиковъ, тоже нѣмецкихъ, занимались серьезнымъ изслѣдованіемъ того, чьи теоріи излагаются въ знаменитомъ монологѣ:

„Быть или не быть". Гамлета представляли вычитывающимъ изъ книги этотъ монологъ, причемъ никакъ не могли разобраться въ вопросѣ, читаетъ ли онъ Джіордано Бруно или Монтэня. Были даже такіе, которые утверждали, что онъ читаетъ знаменитый романъ Лили „Юфуеса". Отвѣтъ Гамлета на вопросъ Полонія: „Что́ вы читаете, принцъ?"—„Слова, слова, слова"—сопоставлялся съ однимъ діалогомъ Бруно, гдѣ встрѣчается подобный оборотъ. До чего доходили эти невѣроятные толкователи „Гамлета"—нѣмецкій критикъ показываетъ, приводя мнѣніе о томъ, что Клавдій былъ образцовымъ правителемъ, котораго Горацiо и Гамлетъ хотѣли лишить престола, выдумавъ привидѣніе и его миссію.

Отъ разбора прежнихъ мнѣній о Гамлетѣ Куно Фишеръ переходитъ къ собственному толкованію трагедіи. Онъ сравниваетъ ее съ историческимъ первоисточникомъ Шекспира, легендой объ Амлетѣ, находящейся въ „Historia Danica" датскаго лѣтописца XII вѣка, Саксо, и, наконецъ, съ англійской пьесой о Гамлетѣ, написанной еще въ 1588 году, т.-е. задолго до шекспировскаго Гамлета, появившагося, какъ извѣстно, въ 1603 году. Прежде, чѣмъ изложить свое собственное пониманіе „Гамлета", какъ „трагедіи мести", Куно Фишеръ старается выяснить пьесу изъ нея самой, показать, что нѣтъ въ ней никакихъ противорѣчій, что какъ планъ, такъ и герой, и всѣ дѣйствующія лица вѣрны своей природѣ, и не происходитъ ничего нарушающаго гармонію замысла. Основной тэмой трагедіи является месть, которая проявляется въ трехъ дѣйствующихъ лицахъ: Фортинбрасъ, норвежскій принцъ, мститъ за своего отца, погибшаго въ борьбѣ съ отцомъ принца Гамлета. Гамлетъ, принцъ датскій, мститъ за отца убійцѣ его. Лаэртъ, сынъ Полонія, мститъ за отца Гамлету, нечаянно убившему его, и каждый изъ трехъ мстителей обнаруживаетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, такъ сказать, тонъ своей души. Активные, не задумывающіеся исполнители кроваваго долга, Фортинбрасъ и Лаэртъ—типичные герои старой трагедіи, гдѣ долгъ мести исполняется безъ разбора средствъ; этимъ двумъ представителямъ элементарной, будничной и вмѣстѣ съ тѣмъ условной нравственности, противопоставляется Гамлетъ, съ своимъ сложнымъ пониманіемъ жизненной задачи. Когда Гамлетъ и Лаэртъ борются у могилы Офеліи, Гамлетъ говоритъ, „что никакой богъ и никакой геркулесъ не могутъ измѣнить того, что кошка мяукаетъ, а собака лаетъ", сопоставляя такимъ образомъ безразсудно-мстительнаго Лаэрта съ животными, въ которыхъ говоритъ только инстинктъ. Очевидно, дѣло мести, возложенное на Гамлета, должно совершиться инымъ образомъ, въ иной душевной атмосферѣ. Всю характеристику Гамлета и всѣ мотивы его дѣйствій, такъ же, какъ исторію его предшествующей жизни, Куно

Фишеръ находитъ въ семи монологахъ Гамлета, которые, по его мнѣнію, исчерпываютъ все, что можно сказать о датскомъ принцѣ. Нѣмецкій критикъ обращаетъ большое вниманіе на предшествующую исторію Гамлета, на то, что до появленія призрака отца онъ велъ счастливую и довольную жизнь, окруженный любовью и дружбой, занятый своими любимыми занятіями, мирно готовясь къ роли будущаго правителя. Призракъ, раскрывающій ему грозную тайну и возбуждающій его къ непосредственному дѣйствію, производитъ переворотъ въ его судьбѣ. Такимъ образомъ исполнено основное условіе трагизма,—судьба героя претерпѣваетъ переворотъ, влекущій къ катастрофѣ. Онъ даетъ обѣтъ стереть изъ книги своего мышленія все менѣе значительное, оставивъ тамъ единственно слова призрака: — „Прощай, прощай и помни обо мнѣ"!—Но вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нимъ раскрывается безотрадная истина окружающаго. Онъ понимаетъ, среди какого нравственнаго растлѣнія онъ живетъ, какіе низменные, порочные и мелкіе люди его окружаютъ. И это нахлынувшее на него вдругъ сознаніе даетъ вполнѣ развиться зародышамъ пессимизма; охваченный мракомъ, онъ можетъ уже говорить только о томъ, что міръ вышелъ изъ своихъ основъ, и горе тому, чей долгъ возстановить порядокъ. Такое состояніе отчаянія—наиболѣе неблагопріятное условіе для выполненія возложенной на Гамлета задачи; трагическій конфликтъ заключается въ томъ, что пессимизмъ, т.-е. отсутствіе желанія дѣйствовать, порождается самой возникшей передъ героемъ жизненной задачей. Въ самой жизни таится залогъ безсилія, если къ ней относиться не поверхностно, какъ Лаэртъ и Фортинбрасъ, но откликаясь всѣми душевными силами на завѣты судьбы.

Найдя источникъ трагической судьбы Гамлета въ томъ, что, призванный къ дѣйствію, онъ, тѣмъ самымъ, зараженъ ненавистью къ жизни, нѣмецкій критикъ объясняетъ шагъ за шагомъ всѣ его поступки. Чтобы исполнить клятву, данную призраку, онъ долженъ порвать связь со всѣмъ другимъ. Единою его мыслью отнынѣ станетъ месть; поэтому, прикидываясь сумасшедшимъ, онъ разрываетъ съ Офеліей. Его жестокое поведеніе съ дѣвушкой, которую онъ довелъ до смерти, болѣе всего подвергается осужденію различными критиками. Какъ могъ благородный герой, возстановитель правды на землѣ, самъ стать палачомъ невинной дѣвушки? Но это объясняется именно тѣмъ, что задача, представшая передъ Гамлетомъ, требовала отъ него жертвы его личной жизнью. Офелію онъ любилъ и любитъ, „какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ", но онъ не имѣлъ права щадить ее, какъ и щадить себя, и, не задумываясь, разбиваетъ ея сердце своимъ притворнымъ безуміемъ. Его задача по отношенію къ убійцѣ отца заключается не въ томъ только, чтобы убить его,—

подобная задача была бы по плечу Лаэрту и Фортинбрасу,—а въ томъ, чтобы возстановить правосудіе и обличить преступника прежде чѣмъ карать его.

Средствомъ для обличенія должна стать „Мышеловка", сыгранная актерами. Поэтому также онъ не хотѣлъ убить молящагося убійцу, но готовъ спокойно заколоть его, думая, что онъ подслушиваетъ за дверью. Убійство Полонія тоже не можетъ служить упрекомъ Гамлету, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ обнаруживаетъ ненужную жестокость по отношенію къ невиннымъ и ничтожнымъ людямъ; убивая Полонія, онъ, очевидно, имѣлъ въ виду короля, т.-е. непосредственный объектъ его мести. Кромѣ того въ сценѣ убійства Полонія торжествуетъ необходимость высшаго порядка. Самая сцена объясненія съ матерью высоко настроена. Гамлетъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ снова появившагося предъ нимъ духа. Онъ помнитъ его завѣтъ по отношенію къ матери: „Говорить мечами, но не дѣйствовать мечомъ",—и старается пробудить въ преступной женщинѣ то, чтó еще осталось святого въ ея душѣ. Подслушивая этотъ разговоръ, который долженъ остаться тайной двухъ раскрывающихся одна на встрѣчу другой душъ, Полоній оскорбляетъ святое и является носителемъ слѣпой и грубой жизненной пошлости. Убійство его, совершенное случайно, становится вслѣдствіе этого дѣломъ карающей судьбы.

Куно Фишеръ отрицаетъ часто встрѣчающееся мнѣніе о томъ, что во всемъ теченіи трагедіи послѣ смерти Полонія Гамлетъ является менѣе выдержаннымъ и менѣе сильнымъ, чѣмъ до этой сцены. Онъ доказываетъ, что въ послѣднихъ актахъ основной планъ такъ же выдержанъ, какъ и въ началѣ, и все ведетъ къ неминуемой катастрофѣ,—пьеса должна завершиться не торжествомъ правосудія, а смертью героя, потому что „Гамлетъ" задуманъ не въ видѣ прежнихъ драмъ возмездія, а какъ великая трагедія человѣческаго духа, гдѣ катастрофа является неминуемымъ слѣдствіемъ основного пессимистическаго замысла. Гамлетъ доказалъ благородство своего духа своимъ отношеніемъ къ жизненной задачѣ, тѣмъ, что, твердо исполняя познанный имъ долгъ, онъ все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ ничтожества всѣхъ жизненныхъ задачъ и сознательно шелъ къ смерти, въ противоположность героямъ древней трагедіи, которые тоже приходили къ смерти, но думали, что они идутъ къ побѣдѣ надъ судьбой.

Таковъ взглядъ нѣмецкаго критика на самую глубокую изъ трагедій Шекспира. Многое въ немъ можетъ показаться вѣрнымъ, какъ, напр., прекрасное объясненіе трагизма самой завязки, но едва ли идея „Гамлета" исчерпывается стремленіемъ къ мести. Намъ ка-

жется, напротивъ того, что, возложивъ на Гамлета опредѣленную жизненную задачу, духъ его отца пробудилъ въ немъ ненависть къ жизни; человѣческая душа стѣснена призрачнымъ долгомъ возстановленія справедливости, которую нельзя искать на землѣ. Въ отношеніяхъ къ Офеліи яснѣе всего проглядываетъ стремленіе Гамлета разорвать связи съ землей, земными чувствами и земною справедливостью. Ставъ палачомъ любимой дѣвушки, онъ даже не жалѣетъ объ этомъ, — до того сильна въ немъ потребность освободиться отъ оковъ чувствъ. И всѣ жалобы, и самообличенія, которыми полны его монологи, коренятся въ томъ, что онъ близко увидѣлъ зрѣлище земного правосудія, и что, исполняя мертвый долгъ, возложенный на него мертвымъ, онъ чувствуетъ, что дѣлаетъ нѣчто призрачное, не настоящее, идущее въ разрѣзъ съ его требованіемъ свободы. Гамлета считаютъ скептикомъ, неспособнымъ къ дѣйствію, потому что онъ не вѣритъ въ истинность установленныхъ критеріевъ земного правосудія. Но въ немъ есть еще другое — протестъ противъ ограниченной правды земли во имя внутренней свободы.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1897.

Мнимая „тройственность" нашей начальной школы.—Начальныя школы и школьныя библіотеки въ тульскомъ уѣздѣ.—Народныя чтенія въ Уржумѣ.—Духоборцы на Кавказѣ. — Характерный судебный процессъ. — Бесѣда губернатора съ корреспондентомъ.—Чествованіе кн. А. И. Урусова и К. М. Станюковича.—Postscriptum.

Послѣ долгаго, очень долгаго застоя, въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію народа обнаружилось, наконецъ, нѣкоторое движеніе: оно вошло въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ увеличеніи на 250 тысячъ рублей суммы, отпускаемой ему для помощи начальнымъ школамъ [1]), и согласилось удовлетворить ходатайство олонецкаго губернскаго земства о покрытіи доли расходовъ на вновь открываемыя въ олонецкой губерніи земскія училища. Насколько извѣстіе объ этомъ порадовало тѣхъ, кому дорогъ ростъ народнаго образованія, настолько же оно оказалось непріятнымъ для систематическихъ враговъ свѣтской начальной школы. „Московскія Вѣдомости" (№ 337), въ статьѣ, озаглавленной: „Тройственная народная школы", поспѣшили пропѣть еще разъ свою любимую пѣсню о необходимости объединенія начальной школы — конечно, въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Не возвращаясь къ старому спору, ограничимся только двумя замѣчаніями.

Земскія (и городскія) школы, какъ извѣстно, находятся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія: оно наблюдаетъ за ними черезъ посредство директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, установляетъ программы обученія, назначаетъ учебники. Съ этой точки зрѣнія школы, основываемыя органами мѣстнаго самоуправленія, составляютъ одно цѣлое съ министерскими начальными школами, хотя и отличаются отъ нихъ по источникамъ, откуда заимствуютъ средства существованія, по способамъ распространенія и по формамъ школьнаго хозяйства. О „тройственности" нашихъ начальныхъ школъ не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи; онѣ образуютъ только *двѣ* главныя группы—школы свѣтскія и школы духовнаго вѣдомства. Особыхъ неудобствъ такая „двойственность" не представляетъ; весьма естественно, что къ участію въ дѣлѣ начальнаго обу-

---

[1]) Съ 1881 г. эта сумма (около 600 тыс. руб.) не только не возрастала, но даже уменьшилась на 25 тыс. руб., перечисленныхъ въ 1883 г. въ средства св. синода на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ.

ченія, до сихъ поръ у насъ еще столь мало распространеннаго, призываются всѣ силы, могущія способствовать его развитію. Ненормальнымъ положеніе дѣлъ становится лишь тогда, когда одно изъ вѣдомствъ начинаетъ соперничать съ другимъ—не въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлать больше и лучше его, а въ томъ, чтобы затруднить и стѣснить его дѣятельность. Мы видѣли еще недавно [1]), что именно такой характеръ пріобрѣтаютъ, кое-гдѣ, усилія духовнаго вѣдомства; мы знаемъ, что оно противодѣйствуетъ иногда, по чисто формальнымъ мотивамъ, открытію новыхъ земскихъ или даже министерскихъ школъ, никогда не встрѣчая аналогичнаго противодѣйствія со стороны учебнаго вѣдомства. Обычной почвой для подобныхъ пререканій служитъ, какъ извѣстно, соглашеніе 1884 г., на основаніи котораго открытію школы одного вѣдомства въ мѣстности, гдѣ другое уже имѣетъ свою школу, должно предшествовать *сношеніе* между обоими вѣдомствами. Это сношеніе — установленное, очевидно, съ цѣлью возможно лучшаго и раціональнаго расширенія школьной сѣти, соотвѣтственно потребностямъ населенія — понимается иногда духовными властями какъ право наложить абсолютное veto на открытіе свѣтской школы, безъ признанія за учебнымъ вѣдомствомъ такого же права по отношенію къ школѣ церковно-приходской. Въ тульской губерніи возникло, какъ мы слышали, новое толкованіе правила о „сношеніи": тульскій епархіальный училищный совѣтъ предлагаетъ признать разъ навсегда, что подъ словомъ *мѣстность*, употребленнымъ въ руководящемъ, по данному вопросу, циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, слѣдуетъ разумѣть *цѣлый приходъ*, а не отдѣльную часть его [2]). Другими словами, если въ приходѣ, какъ бы онъ ни былъ великъ и изъ сколькихъ бы поселеній онъ ни состоялъ, есть хотя одна церковно-приходская школа, открытіе въ немъ свѣтской школы имѣется въ виду поставить въ безусловную зависимость отъ согласія духовнаго начальства. Что подобное толкованіе противорѣчитъ и значенію слова

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1896 г.

[2]) Слѣдуетъ ли распространить такое толкованіе и на опредѣленіе св. синода о „сношеніи" духовнаго вѣдомства съ учебнымъ—опредѣленіе, въ которомъ также употреблено слово *мѣстность*—объ этомъ, повидимому, тульскій епархіальный совѣтъ не упоминаетъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь нѣтъ мѣста для недоумѣній: одно и то же слово, употребленное хотя и двумя различными вѣдомствами, но по одному и тому же случаю и въ одно и то же время, не можетъ не имѣть одного и того же смысла. Практика показываетъ, однако, что невозможное бываетъ иногда возможнымъ: припомнимъ, напримѣръ, что въ вятской губерніи отказъ въ открытіи земской школы рядомъ съ церковно-приходскою мотивируется неудобствомъ совмѣстнаго существованія въ одномъ селѣ школъ разныхъ вѣдомствъ — и въ то же самое время церковно-приходскія школы открываются рядомъ съ земскими.

мѣстность (мѣстомъ существованія школы можетъ считаться, очевидно, только поселеніе, въ которомъ и для котораго она открыта), и смыслу правилъ 1884 г., вовсе не имѣвшихъ цѣлью создать искусственныя преграды для увеличенія числа начальныхъ школъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чтó пользы селу, находящемуся въ 5-10 верстахъ отъ церковно-приходской школы, что она учреждена на территоріи того же прихода? Развѣ отъ этого ему легче посылать туда своихъ дѣтей, развѣ меньше его потребность въ собственной, легко доступной школѣ? Какимъ образомъ, съ другой стороны, церковно-приходская школа можетъ пострадать вслѣдствіе открытія вдали отъ нея, хотя и въ томъ же приходѣ, земской или министерской школы? Скажемъ болѣе: какимъ образомъ она можетъ пострадать отъ открытія такой школы даже рядомъ съ нею, въ томъ же селѣ, если число дѣтей школьнаго возраста столь велико, что они легко наполнятъ обѣ школы? Въ тульской губерніи, особенно въ черноземныхъ ея уѣздахъ, не мало найдется поселеній съ 5 тыс. жителей и болѣе; одной школы, къ какому бы вѣдомству она ни принадлежала, для такихъ поселеній слишкомъ мало. Правила 1884 г. дѣйствительно нуждаются въ новомъ толкованіи, но не въ такомъ, которое возвысило бы одно вѣдомство надъ другимъ, а въ такомъ, которое соединило бы ихъ въ одномъ общемъ стремленіи къ народному благу. Духовное вѣдомство должно знать о томъ, чтò дѣлаетъ и думаетъ дѣлать свѣтское — и наоборотъ; это, и только это, необходимо для экономіи силъ, для правильнаго распредѣленія задачъ, которыхъ съ избыткомъ хватитъ всѣмъ участникамъ великаго дѣла. Оставаясь въ сферѣ взаимнаго ознакомленія и вытекающаго изъ него обмѣна мыслей, сношеніе между обоими вѣдомствами можетъ быть только полезнымъ; выступая за эти предѣлы, оно можетъ быть только вреднымъ.

Тенденціозные противники свѣтской школы исходятъ изъ предположенія, прямо высказываемаго или подразумѣваемаго, что она стоитъ и неизбѣжно должна стоять, по своему качеству, гораздо ниже церковно-приходской школы. Этому предположенію сплошь и рядомъ противорѣчатъ факты, достовѣрность которыхъ совершенно безспорна. Возьмемъ, для примѣра, одинъ изъ уѣздовъ той самой тульской губерніи, о которой мы только-что говорили. Въ „Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана недавно интересная статья о начальныхъ школахъ тульскаго уѣзда. Авторъ статьи, разбирая отзывъ епархіальнаго училищнаго совѣта объ успѣшномъ развитіи церковно-приходскихъ школъ, останавливается на тѣхъ семи школахъ, которыя уже существовали въ 1887-88 г., и показываетъ, что уцѣлѣло изъ нихъ только *три*; двѣ закрылись, двѣ перешли въ разрядъ школъ грамоты, да и изъ сохранившихся въ одной, въ 1894-95 учебномъ

году, не было ученья. „Несмотря на всѣ старанія духовенства—читаемъ мы дальше,—крестьянское населеніе все-таки бѣжитъ церковной школы. Правда, абсолютное число и школъ, и учащихся въ церковныхъ школахъ увеличивается, и многіе, пожалуй, отнесутъ этотъ фактъ къ благопріятнымъ для церковной школы. Однако, это было бы большою ошибкой. Духовенство открываетъ школы; населеніе, крайне нуждающееся въ грамотѣ и еще незнакомое съ духомъ церковной школы, усиленно посылаетъ въ нее дѣтей—а въ мѣстностяхъ, гдѣ школа существуетъ нѣсколько лѣтъ, населеніе разочаровывается въ ней и предпочитаетъ или вовсе остаться безъ обученія, или гонять дѣтей за 4, 5 верстъ, обходя ближайшую школу" (слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ). Обрядность, по словамъ автора, „служитъ чуть ли не единственной задачей церковно-приходской школы. Въ дѣтяхъ не воспитываютъ тѣхъ хорошихъ сторонъ человѣческой души, которыми долженъ отличаться христіанинъ... Лица духовнаго сана, въ своемъ стремленіи насадить церковно-приходскую школу, зачастую подаютъ населенію дурной примѣръ, употребляя вмѣсто мѣръ кротости насиліе, въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе почему-либо не сочувствуетъ ихъ школѣ". Менѣе важны указанія автора на недостаточное содержаніе учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ (въ среднемъ—менѣе 10 руб. въ мѣсяцъ), на скудость учебныхъ пособій (въ среднемъ—около $3^1/_2$ руб. на школу, между тѣмъ какъ на земскую школу тратится по этой статьѣ до 30 руб.)—менѣе важны потому, что новая правительственная ассигновка на церковно-приходскія школы улучшила или улучшитъ, безъ сомнѣнія, ихъ матеріальную обстановку. И они, однако, не лишены значенія, свидѣтельствуя о стремленіи духовенства увеличить, во что бы то ни стало, *число* церковно-приходскихъ школъ, хотя бы и не было на лицо возможности правильнаго ихъ устройства.

Въ тѣхъ же „Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" мы нашли любопытныя свѣденія о школьныхъ библіотекахъ тульскаго уѣзда. Въ среднемъ приходится на школу 18 названій книгъ духовно-нравственнаго содержанія, 9—сельско-хозяйственнаго и 23—обще-литературнаго, историческаго и т. п. Изъ нихъ вовсе не было спроса, въ среднемъ, на 4 книги перваго разряда ($^1/_4$ общаго числа), 4—второго (почти $^1/_2$) и 3—третьяго ($^1/_8$). Изъ ста выдачъ на долю книгъ перваго разряда приходится 19, второго—4, третьяго—77. Отсюда явствуетъ, что крестьяне вовсе не такъ исключительны въ выборѣ чтенія, какъ предполагается обыкновенно, и вовсе не предпочитаютъ всему остальному книги духовно-нравственнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія. Большая разница обнаруживается, далѣе, въ степени спроса на разныя категоріи духовно-нравственныхъ книгъ.

Всего охотнѣе крестьяне читаютъ житія святыхъ (особенно тѣхъ, чья жизнь связана съ событіями русской исторіи), всего менѣе охотно — книги нравоучительныя (о терпѣніи скорбей, „Лѣто благочестиваго христіанина“ и т. п.). Что касается до книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія, то спросъ на нихъ возникаетъ только тамъ, гдѣ есть возможность перейти отъ теоріи къ практикѣ; такъ напр., семейства, разводящія у себя сады, начинаютъ обращаться въ библіотеку за книгами о плодоводствѣ. Весьма важно было бы повѣрить эти наблюденія опытомъ другихъ уѣздовъ и, если они подтвердятся, имѣть ихъ въ виду при составленіи школьныхъ и, тѣмъ болѣе, народныхъ библіотекъ, а также при пополненіи списка книгъ, дозволенныхъ къ обращенію въ такихъ библіотекахъ.

Сколько ненужныхъ стѣсненій тяготѣетъ надъ областью народнаго образованія—въ особенности надъ той ея частью, которая отведена въ исключительное завѣдываніе духовенства, — объ этомъ можно судить по корреспонденціи изъ епифанскаго уѣзда (все той же тульской губерніи), напечатанной недавно въ новой газетѣ „Лучъ“ (№ 24). Авторъ корреспонденціи живетъ въ деревнѣ, имѣющей 11 дворовъ, и свободенъ отъ служебныхъ занятій ежедневно съ 2 до 7 ч. Зная, что въ деревнѣ 15 дѣтей школьнаго возраста, а ближайшая отъ нея школа — въ 5 верстахъ, онъ предложилъ крестьянамъ поучить ихъ дѣтей, безъ всякаго вознагражденія: они съ радостью согласились, составили приговоръ объ открытіи школы грамоты и наняли помѣщеніе для школы. Оставалось только получить разрѣшеніе священника на открытіе школы. Здѣсь встрѣтилось неожиданное препятствіе: условіями разрѣшенія были поставлены занятія не иначе какъ утромъ, обязательство крестьянъ нанять другого учителя, если бы основатель школы отказался отъ дальнѣйшаго преподаванія, и пріисканіе для школы попечителя. Достаточно было и одного перваго условія, чтобы весь планъ оказался неосуществимымъ: не могъ же человѣкъ, утренніе часы обязательно отдающій службѣ, именно въ это время заниматься въ школѣ. „Изъ-за одной канцелярской формальности—такъ заканчивается корреспонденція,—пятнадцать дѣтей обречены, вѣроятно на всю жизнь, остаться безграмотными“. Мыслимо ли было бы что-нибудь подобное, если бы открытіе школъ грамоты не составляло монополію духовенства?

Стремленіе духовнаго вѣдомства къ единовластію проявляется не въ одной только области начальной школы. Уржумское (вятской губерніи) благотворительное общество ходатайствовало въ 1895 г. объ открытіи народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, но получило

отказъ, мотивированный тѣмъ, что для гор. Уржума, по мнѣнію вятскаго преосвященнаго, достаточно народныхъ чтеній, открытыхъ уржумскимъ отдѣленіемъ вятскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Благотворительное общество, по словамъ „Камско-Волжскаго Края", вновь возбуждаетъ то же самое ходатайство, выясняя недостаточность, для города съ $6^1/_2$ тыс. жит., народныхъ чтеній, устраиваемыхъ уржумскимъ отдѣленіемъ епархіальнаго совѣта. „У послѣдняго, собственно говоря, нѣтъ своихъ чтеній, такъ какъ оно не располагаетъ ни собственнымъ фонаремъ, ни книгами и брошюрами для чтенія, и чтенія происходятъ не регулярно, а находятся въ зависимости отъ времени присылки принадлежностей чтенія изъ сосѣдняго города. Вслѣдствіе этого, въ теченіе года состоялось всего шесть чтеній, тогда какъ потребность въ нихъ значительна: на каждомъ изъ чтеній бывало отъ 200 до 400, а иногда и до 600 посѣтителей, и было бы гораздо больше, если бы выборъ темъ былъ разностороннѣе и чтенія не носили бы характера чисто случайнаго. Лекторами на этихъ чтеніяхъ могутъ быть только члены отдѣленія, потому что преосвященный не разрѣшилъ допустить другихъ лицъ; но это не избавило отдѣленія отъ необходимости прибѣгать къ помощи постороннихъ лицъ для устройства чтеній. Чтенія, устраиваемыя епархіальнымъ отдѣленіемъ, происходятъ въ разныхъ помѣщеніяхъ—въ уѣздномъ съѣздѣ или въ казармахъ, что̀ вызываетъ каждый разъ лишнія хлопоты. Благотворительное общество спеціально для народныхъ чтеній и народныхъ спектаклей перестроило прежнее помѣщеніе дома призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей"... Трудно понять, какимъ образомъ существованіе въ довольно большомъ городѣ народныхъ чтеній, устраиваемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, можетъ быть разсматриваемо какъ препятствіе къ устройству другой серіи чтеній, въ особенности если для послѣдней имѣется на лицо и лучшее помѣщеніе, и болѣе богатыя пособія, и болѣе многочисленный персоналъ чтецовъ. Если бы даже новое предпріятіе и могло повредить старому, въ смыслѣ уменьшенія числа его участниковъ и посѣтителей, то это не давало бы послѣднему никакого права на монополію, стѣснительную для населенія. Чѣмъ больше народу предлагается полезныхъ развлеченій, тѣмъ лучше; избытка здѣсь никогда быть не можетъ, а недостатокъ бываетъ сплошь и рядомъ. Опасаться какихъ-нибудь злоупотребленій со стороны оффиціально разрѣшеннаго благотворительнаго общества, подчиненнаго строгому надзору и ограниченнаго въ выборѣ читаемаго болѣе чѣмъ строгими правилами — очевидно, нельзя. Если прибавить къ этому, что вятская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ введена казенная продажа вина и гдѣ сама администрація озабочена отвлеченіемъ народа отъ старыхъ кабацкихъ привы-

чекъ, то запрещеніе, наложенное на проектъ уржумскаго благотворительнаго общества, становится еще болѣе страннымъ. Не совсѣмъ ясны для насъ, вообще, причины зависимости народныхъ чтеній отъ согласія духовной власти, особенно въ городахъ, гдѣ такъ много всякихъ способовъ контроля. Списокъ книгъ и брошюръ, дозволенныхъ для чтенія, установленъ по предварительномъ сношеніи съ духовенствомъ; къ чему же особое разрѣшеніе его на прочтеніе тѣхъ или другихъ произведеній, включенныхъ въ списокъ? Свѣденія о личной благонадежности чтецовъ и устроителей чтенія добываются администраціей, безъ сомнѣнія, помимо духовенства; съ какой же стороны его отзывъ можетъ повліять на допущеніе или недопущеніе чтенія? Не является ли обязательное обращеніе къ духовному вѣдомству однимъ изъ тѣхъ тормазовъ, которые замедляютъ и затрудняютъ распространеніе образованія въ средѣ народа?

Годъ тому назадъ мы перепечатали въ нашемъ внутреннемъ обозрѣніи замѣчательную корреспонденцію „Московскихъ Вѣдомостей“ о положеніи духоборцевъ на Кавказѣ. Съ тѣхъ поръ въ печать мало проникало свѣденій о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, затрогивающаго благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ людей... Когда въ концѣ первой половины нашего столѣтія возобновились стѣснительныя мѣры по отношенію къ духоборцамъ, прекратившіяся-было при Александрѣ I, и они были переселены изъ благодатной мѣстности Молочныхъ водъ (въ таврической губерніи) въ нынѣшній ахалкалакскій уѣздъ тифлисской губерніи, существовало предположеніе, что сосѣдство съ Турціей и Персіей, съ непокоренными еще воинственными племенами, заставитъ ихъ отказаться отъ ихъ принциповъ непротивленія злу насиліемъ. Можно было думать, также, что сырой, неблагопріятный климатъ и непроизводительная почва не позволятъ имъ ни размножиться, ни разбогатѣть. Случилось, однако, не то: духоборческія колоніи стали процвѣтать, и избытокъ населенія ихъ перешелъ частью въ елизаветпольскую губернію, частью въ карсскую область. Матеріальное довольство сначала сдѣлало духоборцевъ менѣе послѣдовательными въ проведеніи ихъ религіозныхъ взглядовъ; но въ послѣдніе годы въ значительной ихъ части опять возродилась прежняя ревность къ вѣрѣ, выразившаяся, между прочимъ, въ рѣшимости сжечь оружіе. Сожженіе его должно было произойти одновременно въ трехъ мѣстахъ жительства духоборцевъ. Въ одномъ изъ нихъ (въ тифлисской губерніи), вслѣдствіе навѣтовъ меньшинства, враждебно относившагося къ большинству, оно послужило поводомъ къ прискорбному недоразумѣнію, повлекшему за собою военныя экзекуціи и принудительное массовое

выселеніе. Мы слышали, что число выселенныхъ изъ ахалкалакскаго уѣзда составляетъ болѣе 4 тысячъ человѣкъ (помимо 300, заключенныхъ въ тюрьму, и 30, отданныхъ въ дисциплинарный баталіонъ). Они разселены, по двѣ-три семьи, въ четырехъ уѣздахъ тифлисской губерніи, въ татарскихъ аулахъ и грузинскихъ деревняхъ. Лѣтомъ прошлаго года въ печати появилось сообщеніе, что многіе изъ нихъ находятся въ крайней нуждѣ и вымираютъ отъ эпидемическихъ болѣзней; но вскорѣ затѣмъ было напечатано извѣстіе, что имъ дозволено возвращаться въ прежнія мѣста жительства. Пока это послѣднее извѣстіе ничѣмъ не подтверждается: духоборцы остаются въ разселеніи и терпятъ постоянно усиливающуюся нужду, потому что прожили небольшія деньги, вырученныя отъ продажи ихъ имущества. Не имѣя возможности нанимать квартиры, многіе изъ нихъ принуждены жить въ кибиткахъ, опрокинутыхъ вверхъ дномъ и поставленныхъ на аршинныхъ столбикахъ, или въ наскоро сдѣланныхъ мазанкахъ, безъ оконъ. Питаются они до крайности скудно. Между ними свирѣпствуютъ тифъ, лихорадки, глазныя и въ особенности дѣтскія болѣзни, многихъ уносящія въ могилу; больныхъ больше, чѣмъ здоровыхъ. Ухудшить ихъ положеніе могло бы развѣ переселеніе ихъ въ сѣверныя мѣстности Сибири, гдѣ почти единственная пища—мясо и рыба, которыхъ по принципу не ѣдятъ духоборцы... Все это вмѣстѣ взятое еще разъ заставляетъ насъ вспомнить о замѣчательныхъ словахъ императора Александра I (указы 1801 и 1816 гг.), приведенныхъ нами въ одной изъ прошлогоднихъ общественныхъ хроникъ [1]). Высказываясь противъ возвращенія заблудшихъ въ нѣдра церкви суровыми средствами (ссылками и т. п.), указъ 1816 г. признаетъ, что всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами до 1801 г., „не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея". Еслибы между духоборцами и были несомнѣнно открыты противозаконные поступки, то и тогда, по словамъ указа, „нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновниковъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшихъ въономъ... Само изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго". Подъ именемъ „преступленій" указъ 1816 г. едва ли понималъ такія уклоненія отъ исполненія государственной обязанности, противъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать карательными мѣрами. Что сектанты, считающіе грѣхомъ ношеніе оружія, могутъ быть привлечены, безъ обремененія ихъ совѣсти и съ

---

[1]) См. № 4 „Вѣстн. Европы" за 1896 г.

пользою для государства, къ исполненію другихъ служебныхъ дѣйствій, являющихся какъ бы эквивалентомъ воинской повинности— это доказывается примѣромъ меннонитовъ, отбывающихъ, по закону 1874 г., обязательный срокъ службы не въ войскахъ, а въ мастерскихъ морского вѣдомства, въ пожарныхъ командахъ и въ особыхъ подвижныхъ командахъ лѣсного вѣдомства.

Удручающее впечатлѣніе производитъ судебный отчетъ по дѣлу сѣнинскаго (могилевской губерніи) уѣзднаго исправника Словецкаго, разсмотрѣнному недавно въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ прав. сената (см. „Новости", № 349). Словецкій получилъ отъ бывшаго могилевскаго губернатора предписаніе подвергнуть мѣщанина Гиршу Певзнера наказанію розгами, за оскорбленіе имъ на словахъ священника Лукашевича. Въ предписаніи указывалось, что Певзнеру, смотря по состоянію его здоровья, должно быть дано до 50 ударовъ. Экзекуція не только была произведена, но ударовъ дано было вдвое больше противъ опредѣленнаго въ предписаніи; предварительному медицинскому освидѣтельствованію Певзнеръ подвергнутъ не былъ. Результатомъ экзекуціи была продолжительная и тяжкая болѣзнь Певзнера. Осматривавшіе его профессора кіевскаго университета нашли, что онъ, по состоянію его здоровья, ни въ какомъ случаѣ не могъ подлежать тѣлесному наказанію. Кіевская суд. палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, нашла Словецкаго виновнымъ только по 345 ст. уложенія (истязаніе при отправленіи должности) и освободила его отъ наказанія (шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія) на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 14-го мая 1896 г. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора кіевской суд. палаты принесъ кассаціонный протестъ, утверждая, что Словецкій виновенъ и по 341 ст. (превышеніе власти, имѣвшее важныя послѣдствія) и долженъ подлежать болѣе тяжкому наказанію. Къ этому мнѣнію присоединился, въ своемъ заключеніи, исполняющій обязанности оберъ-прокурора угол. касс. д-та сенаторъ А. Ѳ. Кони; онъ объяснилъ, что превышеніемъ власти со стороны исправника было уже самое исполненіе незаконнаго предписанія губернатора, а тѣмъ болѣе *способъ* исполненія, вышедшій за указанные въ предписаніи предѣлы. Прав. сенатъ опредѣлилъ: приговоръ кіевской судебной палаты, въ части, касающейся наказанія Словецкаго, отмѣнить, за непримѣненіемъ ст. 341 уложенія, и передать дѣло въ ту же палату, для постановленія новаго приговора о наказаніи, а о неправильныхъ дѣйствіяхъ бывшаго могилевскаго губернатора, тайнаго совѣтника Дембовецкаго, довести до свѣдѣнія перваго департамента прав. сената.

Прокурорскій и оберъ-прокурорскій надзоръ, а также уголовный кассаціонный департаментъ правит. сената сдѣлали, такимъ образомъ, все отъ нихъ зависящее; но это не устраняетъ цѣлаго ряда тяжелыхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣломъ Словецкаго. Какая судьба постигла, въ концѣ концовъ, несчастнаго Певзнера, у котораго медицинскій осмотръ обнаружилъ двѣ опасныя, быть можетъ смертельныя болѣзни? Какимъ образомъ могло случиться, что дѣло о словесной обидѣ, подсудное мировому суду, поступило къ губернатору и было разрѣшено имъ собственною властью, съ замѣною наказанія, слѣдующаго по закону (арестъ не свыше одного мѣсяца или денежный штрафъ не свыше ста рублей) другимъ, въ законѣ вовсе не предусмотрѣннымъ (Певзнеръ—мѣщанинъ, а мѣщане не подлежатъ тѣлесному наказанію даже по приговору волостного суда) и несравненно болѣе тяжкимъ? Какимъ образомъ представитель полицейской власти, обязанной слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не былъ наказанъ безъ закона и помимо суда, могъ не только исполнить, безъ колебаній, явно противозаконный приказъ, но даже пойти при этомъ дальше приказаннаго? Всѣ ли подобные случаи доходятъ до суда и получаютъ огласку? Если они становятся извѣстными, то влекутъ ли они за собою какія-либо послѣдствія для нарушителей закона, стоящихъ не на низшихъ ступеняхъ администраціи? Незаконныя экзекуціи, о которыхъ намъ до сихъ поръ приходилось встрѣчать свѣденія въ печати, мотивировались обыкновенно опасностью, угрожавшею общественному спокойствію и порядку (крестьянскія волненія, холерные бунты, еврейскіе погромы и т. п.); но кому и чему угрожала опасность въ данномъ случаѣ, какимъ образомъ единичная частная жалоба могла быть признана достаточнымъ поводомъ къ противозаконной, жестокой мѣрѣ? Не ясно ли, что, допущенный однажды, произволъ мѣстныхъ властей сплошь и рядомъ не знаетъ ни границъ, ни мѣры, и что единственное средство предотвратить его эксцессы—безусловное, всегда и вездѣ, соблюденіе закона?.. Для исчезновенія тѣлесныхъ наказаній изъ административной практики необходимо еще одно: упраздненіе ихъ въ сферѣ дѣйствій волостного суда. Чѣмъ больше накопляется фактовъ, оффиціально свидѣтельствующихъ о возможности управлять крестьянами безъ помощи розогъ, тѣмъ менѣе основанія поддерживать порядокъ, проводящій рѣзкое и ничѣмъ не оправдываемое различіе между уѣздами, земскими участками, даже волостями. Если въ гжатскомъ уѣздѣ много лѣтъ сряду успѣшно дѣйствовалъ въ качествѣ земскаго начальника г. Черновъ, принципіально не допускавшій исполненія приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи [1]), если въ нижегородской губерніи,

---

[1]) См. Внутр. Обозр. № 10 „Вѣстн. Европы" за 1895 г. Когда А. М. Черновъ

какъ мы недавно узнали изъ газетъ, земскихъ начальниковъ, систематически изгоняющихъ розгу, насчитывается уже *восемь*, то невольно возникаетъ вопросъ, раціонально ли ставить наказуемость населенія въ зависимость отъ личнаго взгляда мѣняющихся должностныхъ лицъ?

Любопытенъ, съ этой точки зрѣнія, разговоръ калужскаго губернатора съ одесскимъ корреспондентомъ „Калужскаго Вѣстника" (см. „Новое Время", № 7438). Раздѣляя вполнѣ мысль объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, губернаторъ замѣтилъ однако, что „бываютъ, хотя очень рѣдко, случаи, когда тѣлесное наказаніе есть вѣрнѣйшее средство къ исправленію испорченной личности крестьянина". Кого и за что наказывать—это пускай рѣшаютъ земскіе начальники, „которые должны знать не только положеніе крестьянина, но и его нравственность, а также степень вліянія на него того или другого наказанія". Нельзя не пожалѣть, что подобныя разсужденія сохраняютъ до сихъ поръ нѣкоторую власть надъ лицами, причисляющими себя къ противникамъ тѣлеснаго наказанія. Совершенно ясно, что земскому начальнику, за самыми рѣдкими исключеніями, тысячи (или даже десятки тысячъ) подвластныхъ ему крестьянъ извѣстны не настолько, чтобы онъ могъ безошибочно опредѣлить степень нравственности и развитія каждаго изъ нихъ и точно предусмотрѣть вліяніе на него той или другой карательной мѣры. Еще яснѣе, что рѣшеніе земскаго начальника зависитъ, сплошь и рядомъ, не отъ внимательнаго и безпристрастнаго соображенія личности крестьянина съ наказаніемъ, назначеннымъ ему по приговору волостного суда, а отъ взгляда самого земскаго начальника на значеніе розогъ. Только этимъ можно объяснить, что одинъ и тотъ же проступокъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, въ одномъ участкѣ наказывается розгами, а въ другомъ, сосѣднемъ—арестомъ или штрафомъ. Здѣсь—главная и неустранимая палліативными мѣрами аномалія порядка, созданнаго временными правилами 1889 г. о волостномъ судѣ.

1-го минувшаго декабря многочисленные почитатели кн. А. И. Урусова праздновали, въ Москвѣ, тридцатилѣтіе со времени вступленія его на адвокатское поприще; 7-го декабря происходило въ Петербургѣ такое же чествованіе тридцатипятилѣтней литературной дѣя-

---

получилъ, въ прошломъ году, повышеніе по службѣ (онъ назначенъ воронежскимъ вице-губернаторомъ), всѣ волости его участка выразили ему горячее сочувствіе и проводили его благодарственными адресами. Въ одномъ изъ нихъ (см. „Новое Время", № 7443) мы встрѣчаемъ слѣдующія знаменательныя слова: „при васъ перестали сѣчь, и каждый мужикъ началъ понимать, что имѣетъ на все свое, какъ и прочіе люди, полное право".

тельности К. М. Станюковича. И тотъ, и другой, имѣютъ безспорное право на вниманіе и признательность русскаго общества.—Князь А. И. Урусовъ представляетъ въ нашей адвокатурѣ элементъ артистическій, не исключающій ни сердечности, ни силы. Широко образованный, большой поклонникъ французской литературы — начиная съ классиковъ XVII в., которыхъ онъ знаетъ и цѣнитъ какъ немногіе русскіе, до спеціально изученныхъ имъ Флобера и Бодлера, — онъ вноситъ въ свои лучшія защиты замѣчательное сочетаніе чарующей мягкости съ ѣдкимъ сарказмомъ и владѣетъ словомъ, какъ излюбленные его авторы — перомъ. Начиная съ перваго своего торжества — оправданія крестьянки Волоховой, неправильно обвинявшейся въ убійствѣ мужа, — онъ много разъ служилъ своею рѣчью униженнымъ и угнетеннымъ, мнимымъ преступникамъ или преступникамъ по неволѣ. Тѣмъ же чувствомъ гуманности и справедливости проникнута и его борьба, въ концѣ концовъ увѣнчавшаяся успѣхомъ, противъ стѣснительныхъ правилъ, установленныхъ московскимъ совѣтомъ по отношенію къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Кн. Урусова не даромъ привѣтствовала, въ день его юбилея, вся интеллигентная Москва: онъ дома не только въ судѣ, но и въ театрѣ, въ литературѣ (одно время онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Порядка"), въ тѣсныхъ кружкахъ, сплоченныхъ любовью къ искусству... Далеко не исключительно-литературный характеръ носило и чествованіе К. М. Станюковича. Въ его публицистическихъ и беллетристическихъ трудахъ, постоянно проникнутыхъ однимъ и тѣмъ же духомъ и снискавшихъ ему общее уваженіе, центральную роль играютъ разсказы изъ морского быта. Бывшіе товарищи К. М. Станюковича—моряки, посѣдѣвшіе на службѣ—засвидѣтельствовали передъ лицемъ участниковъ празднества, что въ этихъ разсказахъ все правдиво, что они даютъ вѣрную и полную картину нашего флота, въ одинъ изъ самыхъ типичныхъ и самыхъ блестящихъ моментовъ его жизни. Критика, какъ и публика, давно уже замѣтила и оцѣнила другую выдающуюся черту „Морскихъ разсказовъ"— ихъ художественность. Многіе изъ нихъ соединяютъ высокія литературныя достоинства съ доступностью для народа, изъ среды котораго выходятъ матросы, съ такою любовью нарисованные авторомъ [1]).

Postscriptum.—По поводу сказаннаго нами въ октябрьской хроникѣ

[1]) Изъ числа „Морскихъ разсказовъ" К. М. Станюковича въ нашемъ журналѣ напечатаны: „Василій Ивановичъ" (1886 г., №№ 10 и 11) и „Мрачный штурманъ" (1889, № 8); сверхъ того, въ „Вѣстн. Европы" помѣщена его повѣсть: „Первые шаги" (1891 г., №№ 1—4).

объ обществѣ врачей восточной Сибири, намъ пишутъ изъ Иркутска, что корреспонденція „Сибирскаго Вѣстника", изъ которой мы заимствовали нѣкоторые факты, написана лицомъ, не заслуживающимъ довѣрія (сосланнымъ въ Сибирь за подлогъ). Это обстоятельство, еслибы оно и было доказано, для насъ совершенно безразлично; важно не имя корреспондента, а *содержаніе* корреспонденціи. *Фактическое* опроверженіе ея, достаточно обоснованное, мы, конечно, готовы были бы довести до свѣденія нашихъ читателей.

По поводу той части нашей декабрьской хроники, которая посвящена статьѣ „Гражданина" о реформахъ императора Александра II, мы получили письмо отъ автора этой статьи (озаглавленной: „Основы неограниченной монархіи"), указывающаго на то, что кн. Мещерскій, отвѣчая на наши замѣчанія, совершенно неправильно относитъ ихъ къ своимъ личнымъ „воспоминаніямъ". Не касаясь пререканій между редакторомъ „Гражданина" и его сотрудникомъ, мы можемъ только подтвердить, что дѣйствительно говорили въ нашей хроникѣ не о „воспоминаніяхъ" кн. Мещерскаго, а именно о статьѣ, названной нами выше и никѣмъ не подписанной.

ИЗВѢЩЕНІЯ

О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—95). Изданіе департамента земледѣлія. Т. I—III. Спб., 1896. Стр. VII+1852. Ц. 6 р.

Земская литература разрослась до такихъ размѣровъ, что оріентироваться въ ней безъ помощи систематическихъ сводныхъ работъ почти невозможно. „Если принять во вниманіе,— говоритъ г. Сазоновъ, — что за тридцать лѣтъ было 12 тысячъ очередныхъ земскихъ собраній и по крайней мѣрѣ 8 тысячъ чрезвычайныхъ сессій, что обыкновенно ежегодно печатаются отдѣльно журналы и доклады, то сумма земскихъ изданій опредѣлится въ 40 тысячъ томовъ. Дѣйствительные же размѣры этой литературы—не менѣе 80 тысячъ томовъ, такъ какъ очень часто отдѣльно издаются отчеты управъ, смѣты и раскладки, а иногда и каждый докладъ брошюруется особо. Имп. публичная библіотека опредѣляетъ свой земскій отдѣлъ въ 60 тысячъ томовъ, а между тѣмъ она не имѣетъ множества изданій". Обширный трудъ, исполненный г. Сазоновымъ по порученію министерства земледѣлія, приводитъ въ систему матеріалы, касающіеся одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ земской дѣятельности. Составитель старался придерживаться точнаго, безпристрастнаго изложенія, избѣгая всякаго оттѣнка критики и устраняя свои личные взгляды и симпатіи, такъ что обзоръ остается строго фактическимъ и объективнымъ. Нѣтъ надобности объяснять пользу такого изданія для самихъ земствъ и для правительства, равно какъ и для всѣхъ интересующихся практическою постановкою нашихъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ.

Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). М. И. Михельсона. Одобрено Ученымъ Комитетомъ мин. нар. просв. для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 96. Стр. 598. Ц. 5 р.

Мы имѣли уже случай, по поводу перваго изданія, указать ту главную цѣль, какую преслѣдовалъ составитель настоящаго сборника, а именно, привести, гдѣ то окажется возможнымъ, „первоначальный" источникъ тѣхъ изреченій, которыя употребляются, иногда вкривь и вкось, на бесѣдахъ, въ спорахъ, какъ бы въ подтвержденіе мысли, въ виду авторитета лица, пустившаго изреченіе въ ходъ, или для краткаго выраженія мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—какъ выражается самъ авторъ — „хрестоматія избранныхъ мыслей лучшихъ писателей древняго и новаго міра" и въ то же время „справочная книга", такъ какъ въ концѣ изданія приложенъ алфавитный указатель всѣхъ русскихъ словъ, входящихъ въ составъ того или другого изреченія.

К. Н. Масляниковъ. За десять лѣтъ (1886—1895). Изъ дневника неунывающаго хозяина. Спб., 1896. Стр. 174. Ц. 1 р.

Въ газетѣ „Сельскій Хозяинъ", издаваемой г. Масляниковымъ, печатались его фельетоны и статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ сельско-хозяйственнаго быта; часть этихъ статей собрана теперь въ отдѣльную книжку и будетъ прочитана многими не безъ интереса. „Дневникъ неунывающаго хозяина" передаетъ впечатлѣнія, мысли и заботы, проникнутыя большею частью духомъ пессимизма и разочарованія, такъ какъ исторія нашего сельскаго хозяйства и землевладѣнія за послѣднее десятилѣтіе представляетъ вообще мало утѣшительнаго. „Многое изъ того, что̀ мною предсказывалось,— пишетъ авторъ въ предисловіи, — уже, къ несчастію, осуществилось, какъ многое изъ того, что̀ предлагалось для поддержанія сельской промышленности, осталось безъ вниманія и до настоящаго времени, несмотря на несомнѣнную необходимость и неотложность для поддержанія падающаго въ озабочивающей прогрессіи нашего общаго благосостоянія".

Кн. Н. Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Москва. 1896. Стр. VII+253.

Изслѣдованіе кн. Шаховского касается одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей экономической и въ частности земледѣльческой жизни; оно разъясняетъ тѣ тягостныя условія, въ какія поставлены у насъ искатели сельскихъ заработковъ, не знающіе другого занятія, кромѣ земледѣлія, и передвигающіеся большею частью на угадъ по обширнымъ пространствамъ, безъ помощи малодоступныхъ имъ желѣзныхъ дорогъ, теряя здоровье и силы въ напрасныхъ блужданіяхъ. Господствующее невѣжество превращаетъ часто крѣпкихъ людей, способныхъ къ работѣ и ищущихъ ее, въ жалкихъ и безпомощныхъ нищихъ. Авторъ предлагаетъ нѣкоторыя мѣры для облегченія участи этой милліонной массы рабочихъ, положеніе которыхъ крайне усложняется при безработицѣ въ сельскомъ хозяйствѣ; онъ совѣтуетъ, между прочимъ, отмѣнить паспортный сборъ для крестьянъ, отправляющихся на далекіе заработки, устроить для нихъ дешевый или же даровой кредитъ, удешевить проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ и т. п. Кн. Шаховской съ большою добросовѣстностью пользуется матеріалами оффиціальной и земской статистики и литературы по данному предмету, не увлекаясь одностороннею точкою зрѣнія землевладѣльческихъ интересовъ.

С. М. Барацъ. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Спб., 1896. Стр. 192.

Въ книгѣ г. Бараца подвергнутъ обстоятельному разбору извѣстный проектъ новаго вексельнаго устава, выработанный проф. Цитовичемъ, причемъ принято во вниманіе положеніе этого вопроса въ иностранныхъ законодательствахъ и въ спеціальной литературѣ, заграничной и русской. Заключительный выводъ, къ которому пришелъ авторъ въ концѣ своей работы, крайне неблагопріятенъ для проекта. „Это произведеніе—по его словамъ—полное неясностей, сумбура и противорѣчій, безусловно игнорирующее экономическую сторону векселя и полное дефектовъ съ точки зрѣнія юридической". Безъ сомнѣнія, доводы такого спеціалиста по вексельному праву, какъ г. Барацъ, должны представлять особый интересъ для лицъ и учрежденій, принимающихъ участіе въ обсужденіи вексельной реформы.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1897.

ДОКТОРЪ Ѳ. П. ГААЗЪ

ОЧЕРКЪ.

Посвящается профессору Л. Л. Гиршману.

Окончаніе.

VI *).

Отношеніе Гааза къ вопросамъ *тюремной статики* было менѣе боевое, чѣмъ—къ вопросамъ *динамики*. Сравнительная неподвижность осѣдлаго тюремнаго населенія давала возможность вести дѣло улучшенія его положенія болѣе сдержанно и спокойно. То, чего нельзя было достигнуть *сегодня*, могло—и притомъ по отношенію къ тѣмъ же самымъ людямъ—быть сдѣлано *завтра*. Все сводилось лишь къ настойчивости и выдержкѣ. Арестантъ не мелькалъ здѣсь предъ опечаленнымъ взоромъ „утрированнаго филантропа", какъ въ калейдоскопѣ, гдѣ каждый поворотъ измѣняетъ личный составъ нуждавшихся въ помощи и защитѣ.

Но и въ области „статики" Гаазъ работалъ много и плодотворно. Онъ засталъ московскій губернскій замокъ, про который арестантская пѣсня говорила:—„Межъ Бутыркой и Тверской,—тамъ стоятъ четыре башни,—въ серединѣ большой домъ,—гдѣ крестъ-на-крестъ калидоры",—въ ужасномъ состояніи. Если въ 1873 году, чрезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, въ матеріалахъ, собранныхъ Соллогубовскою коммиссіею для тюремнаго преобразованія, про этотъ замокъ было, быть можетъ, не безъ нѣкотораго

---

*) См. ыше: янв., 8 стр.

преувеличенія, сказано, что онъ представляетъ „образецъ всѣхъ безобразій", и что первымъ приступомъ къ тюремной реформѣ должно быть „уничтоженіе этого вертепа" (Записка о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи, № 2, стр. 12), то можно себѣ представить, что̀ такое онъ представлялъ собою при открытіи тюремнаго комитета. Изъ тѣхъ улучшеній, — очень скромныхъ вслѣдствіе скудости средствъ, которыя въ немъ осуществилъ Гаазъ,—можно составить себѣ приблизительную картину бросавшихся въ глаза недостатковъ этого мѣста заключенія огромнаго количества людей. Въ маленькихъ, скупо дававшихъ свѣтъ окнахъ не было форточекъ; печи дымили; вода получалась изъ грязныхъ притоковъ Москвы-рѣки; въ мужскихъ камерахъ не было наръ; на ночь въ нихъ ставилась протекавшая и подтекавшая „параша"; не было никакихъ приспособленій для умыванія; кухни поражали своею нечистотою; распредѣленіе по возрасту и роду преступленій не соблюдалось; слабый вообще надзоръ ограничивался лишь по временамъ крутыми мѣрами насильственнаго принужденія; пища была плохая и скудная, но зато въ углахъ камеръ, у стѣнъ съ облупленною штукатуркою, покрытыхъ плесенью и пропитанныхъ сыростью, выростали грибы...

Въ 1832 году Гаазъ рѣшительно принялся за дѣло улучшенія хотя бы части этой, какъ онъ выражался, „несносной неопрятности". Дважды, въ теченіе августа 1832 года, былъ онъ у Голицына, рисуя ему эту „неопрятность", и убѣдилъ его лично въ ней удостовѣриться. Результатомъ этого было разрѣшеніе комитетомъ Гаазу устроить въ видѣ опыта одинъ изъ корридоровъ за̀мка—*сѣверный*—хозяйственнымъ способомъ. Гаазъ принялся за дѣло ретиво, по нѣскольку разъ въ день пріѣзжалъ на работы, платилъ рабочимъ свои деньги, чтобы они не бросали нѣкоторыхъ работъ и въ праздники, послѣ обѣдни; лазилъ по лѣсамъ, рисовалъ, разсчитывалъ, спорилъ, — и въ половинѣ 1833 года часть тюремнаго замка приняла не только приличный, но и образцовый по тому времени видъ. Чистыя, свѣтлыя камеры съ нарами, которыя поднимались днемъ, съ окнами втрое шире прежнихъ, были выкрашены масляною краскою; были устроены ночныя ретирады и умывальники, вырытъ на дворѣ собственный колодезь и внутри двора посажены сибирскіе тополи, по два въ рядъ, „для освѣженія воздуха".

Такъ образовался, къ негодованію генерала Капцевича, устроенный Гаазомъ „пріютъ, не только изобильный, но даже роскошный и съ прихотями, избыточно филантропіей преступникамъ доставляемыми". Въ довершеніе „роскоши" этого пріюта, при немъ

были устроены Гаазомъ, принявшимъ на себя званіе директора работъ, мастерскія, и въ нихъ, при его посредствѣ, постепенно, къ іюню 1834 года, заведены для арестантовъ переплетныя, столярныя, сапожныя и портняжныя работы, а также плетеніе лаптей. Въ 1836 году, по мысли Гааза и Львова, главнымъ образомъ на пожертвованія, собранныя первымъ, устроена при пересыльной тюрьмѣ, за неимѣніемъ мѣста въ губернскомъ замкѣ, школа для арестантскихъ дѣтей. Гаазъ часто посѣщалъ ее, разспрашивалъ и ласкалъ дѣтей и нерѣдко экзаменовалъ ихъ. Онъ любилъ исполненіе ими церковныхъ гимновъ, при чемъ, къ изумленію мѣстнаго священника, совершенно правильно поправлялъ ихъ ошибки въ славянскомъ текстѣ. Въ этой школѣ хотѣлъ онъ, по словамъ Жизневскаго, повѣсить часы съ большимъ маятникомъ и съ очень нравившеюся ему звукоподражательною надписью: „Какъ здѣсь, такъ и тамъ; какъ здѣсь, такъ и тамъ!..“

Постоянно бывая въ тюремномъ замкѣ, Гаазъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ служащихъ и требовалъ отъ нихъ той любви къ дѣлу, примѣръ которой подавалъ самъ. Но это было трудно исполнимо, и при его довѣрчивости къ людямъ онъ часто дѣлался, въ этомъ отношеніи, жертвою грубаго лицемѣрія, покуда сердце не подсказывало ему или какой-нибудь вопіющій фактъ не доказывалъ ему, что дѣло идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ онъ волновался чрезвычайно,—сыпалъ горячими упреками, штрафовалъ, увольнялъ. Но тюремный персоналъ не создается сразу.

Не менѣе волновали Гааза матеріальные слѣды крутыхъ и безгласныхъ расправъ съ арестантами. Въ запискахъ и трудахъ Д. А. Ровинскаго содержатся указанія на то, что еще въ сороковыхъ годахъ бывали случаи кормленія подслѣдственныхъ арестантовъ селедками и подвѣшиванья ихъ со связанными назадъ руками; онъ самъ долженъ былъ заняться уничтоженіемъ подвальныхъ темницъ при Басманной части и упразднить „клоповникъ“ при одной изъ другихъ частей. Въ возможность подобныхъ явленій въ московскихъ тюрьмахъ зорко вглядывался Гаазъ. Въ 1843 году онъ былъ глубоко возмущенъ, узрѣвъ въ замкѣ „особую машину—такъ называемый *крестъ* (sic!), на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ, устроенный, какъ говорятъ, на подобіе тѣхъ, какіе есть, какъ сказываютъ, во всѣхъ частныхъ домахъ города“. Требуя отъ комитета немедленнаго уничтоженія этой машины, Гаазъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе тюремныхъ служителей къ своимъ обязанностямъ. „Если приставники,—пишетъ онъ,—будутъ смотрѣть за собою,

чтобы самимъ не впадать въ прегрѣшеніе, то рѣдки будутъ и случаи взысканія съ заключенныхъ. Въ управленіи больничномъ я нахожу чрезвычайно полезнымъ начинать взысканіе со старшихъ приставниковъ, кои, при справедливомъ разбирательствѣ, почти всегда оказываются виновными въ непріятностяхъ, учиненныхъ ихъ подчиненными. То же полагалъ бы примѣнять и въ замкѣ, а не противныя закону истязанія...“ Въ одномъ случаѣ, коснувшемся орудія наказанія не въ настоящемъ, а въ прошломъ, онъ столкнулся даже съ глубоко чтившимъ его Ровинскимъ. Въ губернскомъ замкѣ, въ одномъ изъ корридоровъ хранилась желѣзная клѣтка (въ которой содержался предъ казнью Пугачевъ, наводившій ужасъ своимъ видомъ на любопытныхъ женщинъ и смущавшій многихъ загадочными словами: „Воронъ-то взятъ, а вороненокъ-то еще летаетъ“). Для любителя старины и археолога, какимъ былъ Ровинскій, клѣтка эта была предметомъ особаго историческаго интереса, и онъ все собирался ее изучить подробно, измѣрить, описать и т. д. Но не такъ относился къ ней Гаазъ, давно сурово на нее косившійся. Воспользовавшись какимъ-то междуцарствіемъ въ замкѣ, онъ рѣшился убрать отъ всякихъ взоровъ ненавистную ему клѣтку и приказалъ ее замуравить въ нишу, имѣвшуюся въ стѣнѣ, гдѣ она и находилась, во всякомъ случаѣ, до его смерти.

Ревнитель улучшеній въ тюремномъ быту, Гаазъ не былъ, однако, поклонникомъ такихъ нововведеній, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ не только съ особенностями русскаго простолюдина, но и со свойствами человѣческой природы вообще. Когда стало входить въ моду одиночное тюремное заключеніе, на началахъ пенитенціарной системы, въ комитетѣ раздались сочувствующіе ему голоса. Нѣкоторымъ изъ членовъ комитета сдѣлалось симпатичнымъ представленіе объ огромномъ зданіи, раздѣленномъ на ячейки и погруженномъ въ гробовое молчаніе при чемъ предполагается, что отданный на жертву тоскѣ, страстнымъ помысламъ и мрачному одиночеству, человѣкъ, лишенный искусственно возможности употребленія того, чѣмъ онъ прежде всего отличается отъ животнаго—членораздѣльной рѣчи—очищается покаяніемъ и исправляется нравственно. Но Гаазъ постигъ всѣ темныя и обманчивыя стороны этой системы и понялъ ея жестокость. То, что̀ въ шестидесятыхъ годахъ Гольцендорфъ называлъ „eine raffinierte Quaelerei“, отталкивало отъ себя Гааза еще въ тридцатыхъ. „Насчетъ похвалы сей системы,—пишетъ онъ комитету въ октябрѣ 1832 года,—я не менѣе мнителенъ, какъ и на похвалу новыхъ средствъ и методовъ въ

пользованіи больныхъ. Учрежденіе домовъ покаянія сходствуетъ съ учрежденіемъ монастырей. Сколь ни превосходенъ будетъ одинъ монастырь, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы правила его были распространены на всѣ другіе монастыри. Есть монастыри, въ коихъ находящіеся ничего не говорятъ, кромѣ: „memento mori". Хотя сіе есть важное и для многихъ даже приличнѣйшее изреченіе, однакожъ оно не вездѣ употребляется. Дозволительно поэтому спросить, почему въ Россіи обрекать арестантовъ на одиночество? почему лишать ихъ тихаго и добраго между собою разговора, а не удерживать только отъ шумнаго и неблагопристойнаго? Я уповаю, что не сими стѣсненіями и ожесточеніями, а устройствомъ труда и соединеніемъ арестантовъ на общую молитву можно благо дѣйствовать на исправленіе ихъ нравственности"...

Забота о правильномъ содержаніи арестанта въ стѣнахъ тюрьмы не исчерпывала однако всей полноты задачи тюремнаго комитета въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Гаазъ. За стѣнами тюрьмы былъ цѣлый міръ, къ которому еще недавно арестантъ былъ прикрѣпленъ всѣми корнями своего существованія. Не всѣ они обрывались съ того момента, какъ за нимъ захлопывались ворота тюрьмы. За стѣнами ея оставалась семья, близкіе, хозяйство, имущество,—за стѣнами пребывалъ судъ, пославшій въ тюрьму опредѣлившій ея видъ и назначившій ея срокъ, — надъ этимъ судомъ былъ другой судъ, къ справедливости котораго можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взывать; наконецъ, надо всѣмъ этимъ виднѣлся въ отдаленіи высшій въ государствѣ источникъ милости и милосердія. Но арестантъ былъ отрѣзанъ отъ этого міра. Между нимъ и этимъ міромъ стояли не только каменныя стѣны замка, но и живая стѣна тюремнаго начальства, занятаго прямыми своими обязанностями, подчасъ черстваго, почти всегда равнодушнаго. Для него *все* было въ поддержаніи и соблюденіи порядка между *всѣми* арестантами, а нужда, тревога или интересъ отдѣльной личности—ничто или почти ничто...

Нуженъ былъ посредникъ между арестантомъ и внѣшнимъ міромъ,—не казенный, не замкнутый въ холодныя начальственныя формы, выслушивающій каждаго безъ досады, нетерпѣнія или предвзятаго недовѣрія, не прибѣгающій къ поспѣшной и безотрадной ссылкѣ на недопускающій возраженій законъ...

Уже вскорѣ по открытіи комитета, въ 1829 году, Гаазъ писалъ князю Голицыну о необходимости „prêter aux exilés et détenus une oreille amicale dans tout ce qu'ils auront communiquer"... и внесъ, въ 1832 году, въ свой проектъ обязанно-

стей секретаря комитета пунктъ 6, въ силу котораго „онъ въ особенности долженъ исполнять обязанности стряпчаго, по воззванію арестантовъ, если бы кто изъ нихъ сталъ требовать изложенія письменной просьбы по дѣламъ своимъ". Мысль о необходимости быть посредникомъ или, какъ выражался онъ, „справщикомъ" для арестантовъ не покидала его. Осуществляя ее на практикѣ, онъ стремился къ тому, чтобы упорядочить эту обязанность и возложить ее на опредѣленныхъ лицъ. Въ 1834 г. онъ представилъ въ комитетъ подробный проектъ объ учрежденіи должности справщика. Покуда проектъ этотъ крайне медлительно разсматривался комитетомъ, онъ и директоръ Львовъ, распредѣливъ между собою дни, объѣзжали арестантовъ, собирая свѣдѣнія и хлопотали *о* нихъ, *за* нихъ и *для* нихъ. Наконецъ, въ 1842 году, постановленіемъ комитета оффиціально учреждена должность *справщика и ходатая по арестантскимъ дѣламъ*. На „справщика", независимо отъ обязанностей губернскаго стряпчаго, возложена была забота о томъ, „чтобы никто не былъ заключенъ въ тюрьму противно разуму законовъ и сущности того дѣла, по которому онъ судится или прикосновенъ; чтобы всякій зналъ, въ чемъ онъ обвиняется; чтобы не было опущено никакихъ справокъ и изысканій, требуемыхъ имъ къ своему оправданію; чтобы содержаніе въ тюрьмѣ не отягощалось медленностью, и чтобы тѣ, кого можно закономъ освободить—были освобождены". Этотъ справщикъ-ходатай имѣлъ право входить въ сношеніе съ канцеляріями присутственныхъ мѣстъ и представлять о всемъ заслуживающемъ вниманія и содѣйствія князю Голицыну, изъ личныхъ средствъ котораго давалась сумма для его канцеляріи. Первымъ ходатаемъ былъ назначенъ членъ комитета Павловъ, затѣмъ въ помощь ему поступилъ Коптевъ.

Такимъ образомъ, мысль Гааза была осуществлена въ значительной ея части, и онъ, казалось, могъ въ этомъ отношеніи сказать: „нынѣ отпущаеши", всецѣло отдавшись своей этапной дѣятельности. Но это лишь казалось...

Сначала все шло, повидимому, успѣшно, но затѣмъ умеръ великодушный князь Голицынъ и вступили въ силу наши обычныя апатія и равнодушіе къ дѣлу. Въ 1844 году Гаазъ уже входитъ въ комитетъ съ просьбою ассигновать 1.400 р. на канцелярію ходатая, а не на выкупъ должниковъ, какъ полагали нѣкоторые, такъ какъ „это назначеніе почитаетъ онъ важнѣйшимъ, ибо дѣятельная часть ходатайства по дѣламъ заключенныхъ составляетъ прямую и неоспоримую обязанность комитета, члены котораго должны дружелюбно выслушивать жалобы ввѣ-

ренныхъ имъ людей". Указывая затѣмъ на готовность губернатора и прокурора принимать извѣщенія и ходатайства членовъ комитета объ арестантахъ, онъ не безъ горечи прибавляетъ, что „всѣ нужды по сему предмету удовлетворялись бы, лишь бы члены комитета трудились выслушивать людей и жалобы ихъ доводить до начальства; если же они недовольно исполняютъ сего сами, то пусть отыщутъ лицо, которое замѣнило бы ихъ". Онъ даже вынужденъ былъ заявить, что „быть можетъ полезнѣе было бы имѣть для такихъ порученій чиновника, приглашеннаго на жалованье, такъ какъ ему смѣлѣе, нежели товарищу, предложить можно бы имѣть заботу объ исполненіи своей обязанности и избѣгнуть вмѣстѣ съ тѣмъ опасности, состоящей въ томъ, что, за исключительнымъ наименованіемъ двухъ членовъ комитета ходатаями, остальные охладѣваютъ и отклоняютъ отъ себя долгъ выслушивать просьбы арестантовъ, лежащій на каждомъ изъ нихъ по призванію"...

Съ этого времени журналы комитета наполняются ходатайствами Гааза по различнымъ арестантскимъ нуждамъ, по пересмотру дѣлъ „невинно осужденныхъ", по вопросамъ о помилованіи... Д. А. Ровинскій вспоминалъ, что почти не проходило дня, чтобы къ нему въ „прокурорскую камеру", гдѣ онъ пребывалъ съ 1848 года въ качествѣ губернскаго стряпчаго, и затѣмъ въ уголовную палату, не пріѣзжалъ Гаазъ за справками и съ просьбами по дѣламъ заключенныхъ. Не вѣря въ бумажную борьбу съ „отклонявшими отъ себя долгъ", онъ взялъ этотъ долгъ на себя и, какъ всегда и во всемъ, исполнялъ его свято по отношенію къ нуждавшимся, съ полнымъ забвеніемъ себя и съ надоѣдливымъ упорствомъ относительно судебнаго и иного начальства...

Такъ продолжалось до самой его смерти. Одинъ изъ почтенныхъ товарищей предсѣдателя московскаго окружного суда за первые годы его существованія, съ глубокимъ уваженіемъ вспоминая о дѣятельности Гааза въ этомъ отношеніи, разсказывалъ, что, будучи еще молодымъ человѣкомъ и служа въ управленіи московскаго оберполиціймейстера, онъ былъ однажды, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и просившимъ справки о положеніи дѣла о какомъ-то арестантѣ. Недовольный помѣхою и желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какія-то формальныя неточности въ данныхъ, по которымъ просилась справка, и отказалъ въ ея выдачѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ

небо заволокло тучами и вскорѣ разразилась гроза, одна изъ тѣхъ, которыя обращаютъ на время московскія площади въ озера, въ которыя стремятся по крутымъ улицамъ и переулкамъ цѣлыя рѣки... Чрезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки... Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось, что онъ ѣздилъ за ними на край города, въ хамовническую часть, несмотря на ливень и грозу... Это былъ, уже семидесятилѣтній, Өедоръ Петровичъ Гаазъ—и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ чрезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія...

Говоря о дѣятельности Гааза, какъ справщика и ходатая, необходимо остановиться и на его хлопотахъ о *помилованіи*. Зная всѣ недостатки современнаго ему судопроизводства, онъ относился недовѣрчиво къ уголовному правосудію, отправляемому русскими судами. Хотя онъ понималъ, конечно, что знаменитое „оставленіе въ подозрѣніи"—какъ результатъ системы формальныхъ доказательствъ — обусловливаетъ безнаказанность многихъ, но онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что возможность этого же самаго оставленія въ подозрѣніи, при отсутствіи собственнаго сознанія и узаконеннаго числа свидѣтелей, вызывала часто пристрастныя дѣйствія полицейскихъ слѣдователей для полученія сознанія во что бы то ни стало. Слѣдователь того времени по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ никогда не велъ осады заподозрѣннаго, окружая его цѣпью отысканныхъ и связанныхъ между собою уликъ и косвенныхъ доказательствъ. Это было долго, скучно, ненадежно да—при уровнѣ развитія большинства слѣдователей—и трудно. Осадѣ предпочитался штурмъ прямо на заподозрѣннаго, стремительность котораго бывала часто въ обратномъ отношеніи къ его законности и даже основательности. Не мудрено, что Гаазъ, котораго ни въ чемъ и никогда не удовлетворяла внѣшняя, формальная правда, сомнѣвался въ справедливости многихъ приговоровъ, на неправильность которыхъ жаловались ему осужденные. Въ этихъ случаяхъ пересмотръ дѣла представлялся ему, помимо соображеній объ исчерпанномъ уже апелляціонномъ и ревизіонномъ производствѣ, дѣломъ святымъ, о которомъ нравственно необходимо хлопотать. Онъ зналъ также, что современный ему уголовный судъ не знаетъ индивидуальной личности преступника, что при разбирательствѣ дѣла живой человѣкъ стоитъ позади всего, въ туманномъ отдаленіи, заслоненный кипами слѣдственныхъ актовъ и обезличенный однообразнымъ канцелярскимъ стилемъ слѣдователя. Поэтому, когда онъ становился лицомъ къ лицу съ осу-

жденнымъ, стараясь вдуматься въ мысли, бродившія въ полуобритой головѣ, и вглядѣться въ сердце, бившееся подъ курткою съ желтымъ тузомъ на спинѣ, — предъ его, проникнутымъ жалостью къ людямъ, взоромъ возникалъ совсѣмъ не тотъ злодѣй и нарушитель законовъ божескихъ и человѣческихъ, о которомъ шла рѣчь въ приговорѣ. И въ этихъ случаяхъ онъ считалъ своею обязанностью просить о помилованіи, о смягченіи суровой кары.

Поэтому-то въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета съ 1829 по августъ 1853 года[1] записано 142 предложенія Гааза о ходатайствахъ о пересмотрѣ дѣлъ, о помилованіи осужденныхъ или о смягченіи имъ наказанія. Покойный Д. А. Ровинскій вспоминалъ эпизодъ, показывающій, съ какою горячею настойчивостью отстаивалъ Ѳедоръ Петровичъ свое заступничество. Въ 40-хъ годахъ, будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ" арестантовъ. „Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ, — сказалъ Филаретъ, — о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина"... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!"—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!.."—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Особенно вызывали сочувствіе Гааза ссылаемые раскольники. Его любвеобильное сердце тщетно силилось почувствовать, почему нѣкоторые изъ нихъ могли быть сопричислены къ уголовнымъ преступникамъ? „Трогательно для меня несчастіе сихъ людей,—писалъ онъ въ 1848 году вице-президенту кн. С. М. Голицыну, ходатайствуя за прибывшихъ на Воробьевы-горы трехъ стариковъ безпоповцевъ посада Добрянки,—а истинное мое убѣ-

жденіе, что люди сіи находятся просто въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, о чемъ спорятъ, почему не слѣдуетъ упорство ихъ почитать упрямствомъ, а прямо заблужденіемъ о томъ, чѣмъ угодить Господу Богу. А если это такъ, то всѣ безъ сомнѣнія раздѣлять будутъ чувство величайшаго объ нихъ сожалѣнія;— чрезъ помилованіе же и милосердіе къ нимъ полагаю возможнѣе ожидать, что сердца ихъ и умы больше смягчатся"... Такія ходатайства не всегда встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны митрополита Филарета, бывшаго послѣдовательнымъ и твердымъ противникомъ всякихъ послабленій расколу, а приведенное ходатайство получило рѣшительный и лаконическій отпоръ и со стороны графа Закревскаго. „Вашему сіятельству извѣстно,—писалъ Гаазъ предсѣдателю тюремнаго комитета,—сколько разъ въ подобныхъ случаяхъ испрашивалась и достигалась царская милость—не соизволите ли принять на себя трудъ довести о семъ новому начальнику нашему графу Арсенію Андреевичу и преподать ему чрезъ то случай при первомъ среди насъ появленіи осчастливить нѣкоторыхъ сидящихъ въ темницѣ несчастныхъ примиреніемъ съ ними милосерднаго монарха и чрезъ то осчастливить и насъ, имѣющихъ назначеніе чрезъ христіанское обхожденіе съ заключенными внушать имъ о настоящемъ духѣ христіанства и о жизни по христіански"... Разсмотрѣвъ лишь чрезъ два мѣсяца это ходатайство, комитетъ, „имѣя въ виду, что люди сіи уже прослѣдовали по назначенію", постановилъ: „сужденіе о нихъ прекратить, а записку доктора Гааза, предметъ коей выходитъ изъ круга дѣйствій комитета, представить г. военному генералъ-губернатору", по резолюціи котораго комитету приказано такихъ записокъ впредь не представлять. Иногда ходатайства Гааза бывали основаны и на обстоятельствахъ, не находившихся въ связи съ дѣломъ осужденнаго. Въ 1840 году, онъ проситъ о помилованіи 64-лѣтняго старика Михайлова потому, что онъ имѣетъ попеченіе о малоумномъ Егоровѣ, кормитъ его, лечитъ и т. д.; въ 1842 году проситъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи трехъ „аманатчиковъ", слѣдующихъ съ Кавказа въ Финляндію для водворенія тамъ, въ виду суроваго климата послѣдней страны, а также потому что одинъ изъ нихъ, Магометъ-Ази-Оглы, проявилъ, помогая тюремному фельдшеру, большую понятливость, что̀ вызвало со стороны его, Гааза, „привязанность къ бѣдному молодому человѣку".

Во многихъ случаяхъ отказа комитета „заступиться" за тѣхъ, о комъ онъ просилъ, Гаазъ шелъ дальше, обращался въ Петербургъ къ президенту попечительнаго о тюрьмахъ общества, а если

и здѣсь не встрѣчалъ сочувствiи — шелъ еще выше... Отказы, „оставленiя безъ послѣдствiй“, обращенiя къ „законному порядку“ —мало смущали его“. Исчерпавъ все, онъ не отказывался отъ ходатайствъ на будущее время и не дѣлалъ никакихъ ограничительныхъ выводовъ для себя на это будущее. Наступалъ снова случай, гдѣ надо было, по его мнѣнiю, призывать милость къ падшимъ и правосудiе къ невиннымъ, и онъ снова, „ничтоже сумняся“, шелъ туда, „куда звалъ голосъ сокровенный“, и гдѣ такъ часто встрѣчали его съ насмѣшкой, нетерпѣнiемъ и недовольствомъ. Въ маѣ 1839 года, онъ собралъ одиннадцать случаевъ неуваженныхъ комитетомъ ходатайствъ своихъ и писалъ о нихъ президенту общества, а не получивъ никакого отвѣта, послалъ въ январѣ 1840 года просьбу объ уваженiи ихъ императору Николаю Павловичу. Она была передана въ коммиссiю прошенiй, откуда въ iюнѣ 1840 года была возвращена при оригинальномъ объявленiи, что Гаазу слѣдуетъ обратиться куда слѣдуетъ, буде онъ находитъ сiе основательнымъ. — „Нахожу ли основательнымъ? —не безъ юмора пишетъ Гаазъ комитету: —конечно, нахожу, ибо самое мое дѣйствiе показываетъ, что нахожу основательнымъ,— иначе, не утруждалъ бы самыхъ достопочтеннѣйшихъ особъ и конечно не осмѣлился бы доводить до высочайшаго престола. Я столько убѣжденъ въ основательности моего представленiя, что, буде по одному изъ многочисленныхъ изъ упомянутыхъ въ ономъ дѣлъ будетъ доказана моя несправедливость, то оставляю всѣ другiя. А затѣмъ, по наставленiю коммиссiи прошенiй, прошу комитетъ подвергнуть сiи дѣла внимательному разсмотрѣнiю“. Комитетъ объявилъ ему, что такъ какъ въ бумагахъ, имъ представленныхъ, „изъясняются жалобы“ на вице-президентовъ и на самый комитетъ, то комитетъ и не почитаетъ себя вправѣ ихъ разсматривать. Бѣдный Гаазъ увидѣлъ себя такимъ образомъ замкнутымъ въ безвыходный cercle vicieux канцеляризма... Чтò онъ сдѣлалъ далѣе—неизвѣстно. Быть можетъ, прибѣгъ снова къ средству писать за границу, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу прута... Онъ не былъ человѣкомъ, который останавливался въ сознанiи своего безсилiя предъ бюрократической паутиною. Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, видно изъ разсказа И. А. Арсеньева, подтверждаемаго и другими лицами, о посѣщенiи императоромъ Николаемъ московскаго тюремнаго замка, при чемъ государю былъ указанъ „доброжелателями“ Гааза старикъ 70 лѣтъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемый имъ въ теченiе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости (повидимому, это былъ мѣщанинъ Денисъ Королевъ, кото-

рый былъ признанъ губернскимъ правленіемъ „худымъ и слабымъ, но къ отправкѣ способнымъ“). „Что это значитъ“?—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта Өедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: „полно!—я не сержусь, Өедоръ Петровичъ, что это ты,—встань“!—„Не встану“!—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. „Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего же тебѣ надо“? — „Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его!—я не встану, пока вы его не помилуете“... Государь задумался... „На твоей совѣсти, Өедоръ Петровичъ“,—сказалъ онъ наконецъ,—и изрекъ прощеніе. Тогда, счастливый и взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

VII.

Мы видѣли, какими способами старался Гаазъ осуществлять справедливое отношеніе къ осужденному и проводить рѣзкую грань между отбываніемъ наказанія и напраснымъ отягощеніемъ и безъ того горькой участи виновнаго. Свято исполняя, не взирая ни на что, свой глубоко понимаемый нравственный долгъ, Өедоръ Петровичъ могъ бы приложить къ своей дѣятельности прекрасную мысль, высказанную впослѣдствіи Пастёромъ: „долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность“.

Но одного справедливаго и человѣчнаго отношенія къ виновному было мало. Нужно было дѣятельное состраданіе къ *несчастному*, нужно было призрѣніе *больного*. А несчастныхъ было много... Первый видъ несчастія составляла безпомощность въ духовномъ и житейскомъ отношеніи. Встрѣчаясь почти ежедневно съ практическимъ осуществленіемъ наказанія, Гаазъ, со свойственною ему серьезною вдумчивостью, не могъ не сознать, что если, съ одной стороны, отсутствіе настоящаго религіозно-нравственнаго развитія нерѣдко лишало человѣка, смущаемаго преступнымъ замысломъ, могущественнаго орудія для борьбы съ самимъ собою, то, съ другой стороны, отсутствіе такого же назиданія для совершившаго преступленіе отнимало почти всякое исправительное значеніе у наказанія и оставляло арестанта на жертву тлетворному вліянію тюрьмы и этапнаго хожденія. Это отсутствіе являлось своего рода несчастіемъ, къ отвращенію котораго со стороны „казны“ ничего не предпринималось, а со стороны попечитель-

наго общества въ первое время его существованія предпринималось очень мало. Въ сущности все сводилось лишь къ чисто формальному отношенію духовенства къ арестантамъ, да и то лишь въ большихъ центрахъ. Между тѣмъ, тюремнымъ комитетамъ въ этомъ отношеніи представлялась благодарная задача. Она достигалась раздачею книгъ священнаго писанія и духовно-нравственнаго содержанія. Арестанты принимали ихъ съ жадностью, читали съ любовью. Евангеліе являлось для многихъ изъ нихъ неразлучнымъ спутникомъ, утѣшителемъ и разрѣшителемъ душевныхъ недоумѣній; оно было свѣтлымъ лучомъ въ томъ мракѣ отчаянія и озлобленія, который грозилъ овладѣть ими изнутри, который окружалъ ихъ извнѣ.

Гаазъ принялся настойчиво заботиться о раздачѣ такихъ книгъ. Съ самаго начала своей дѣятельности, въ качествѣ директора комитета, онъ еще 5 февраля 1829 года выступилъ съ заявленіемъ о необходимости этой раздачи и о болѣе широкомъ примѣненіи случаевъ духовнаго напутствія арестованнымъ. Онъ фактически взялъ все дѣло въ свои руки и отдался заботѣ „о бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Богомъ“—со всѣмъ пыломъ своей энергической натуры, ибо, какъ выражался онъ далѣе, „нужно видѣть то усердіе, съ которымъ люди сіи книгъ просятъ, ту радость, съ которою они ихъ получаютъ, и то услажденіе, съ которымъ они ихъ читаютъ“... Но дѣятельность его встрѣчала двоякія внѣшнія препятствія, не говоря уже о внутреннихъ, тормазившихъ невидимо, но осязательно его трудъ въ области непосредственнаго ознакомленія несчастныхъ и падшихъ — со словомъ „упокоенія“.

Первое препятствіе составлялъ недостатокъ средствъ комитета, значительная часть которыхъ уходила на чисто хозяйственныя нужды. Покупая на счетъ комитета исключительно священное писаніе, Гаазъ сталъ на собственныя средства пріобрѣтать для раздачи книги духовнаго и нравоучительнаго содержанія, а когда ни комитетскихъ, ни личныхъ суммъ, въ виду увеличившейся потребности въ книгахъ, стало не хватать, онъ вошелъ въ оффиціальныя сношенія съ богатымъ петербургскимъ купцомъ Арчибальдомъ Мерилизомъ. „Въ россійскомъ народѣ,—писалъ онъ ему, прося помощи,—есть предъ всѣми другими качествами блистательная добродѣтель милосердія, готовность и привычка съ радостью помогать въ изобиліи ближнему во всемъ, въ чемъ онъ нуждается, но одна отрасль благодѣянія мало въ обычаѣ народномъ: сія недостаточная отрасль подаянія есть подаяніе книгами св. писанія и другими назидательными книгами“. За оффиці-

альнымъ обращеніемъ послѣдовалъ, какъ видно изъ подробныхъ отвѣтовъ Мерилиза, рядъ частныхъ писемъ, результатомъ которыхъ была въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, присылка Гаазу „англинскимъ негоціантомъ" книгъ, совершаемая, какъ онъ выразился въ своемъ представленіи комитету, „съ удивительною, неоцѣненною щедростью" (съ 1831 по 1846 годъ Мерилизомъ было доставлено разныхъ книгъ на 30 т. р., въ томъ числѣ однѣхъ азбукъ 54.823 и евангелій на разныхъ языкахъ 11.030). Изъ представленной Гаазомъ комитету вѣдомости видно, что въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія комитета имъ роздано — 71.190 азбукъ церковныхъ и гражданскихъ, 8.170 святцевъ и часослововъ, 20.350 книгъ священной исторіи, катехизисовъ и другихъ духовнаго содержанія, 5.479 евангелій на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, 1.830 евангелій на иностранныхъ языкахъ, 8.551 псалтирь на церковно-славянскомъ и русскомъ и 584 на иностранныхъ и т. д.

Но одною раздачею книгъ не ограничился Гаазъ. Ему хотѣлось снабдить каждаго арестанта, идущаго въ путь, нравственнымъ руководствомъ, изложеннымъ систематически и направленнымъ на разныя неприглядныя стороны жизни той среды, которая, въ количественномъ отношеніи, поставляетъ наибольшее число нарушителей закона. Въ 1841 году, онъ издалъ на свой счетъ книжку, in-8⁰, напечатанную на плотной бумагѣ и заключающую въ довольно плотной папкѣ 44 страницы, подъ заглавіемъ: „*А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ на счетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему*". Книжка, напечатанная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, начинается 18 текстами изъ Евангелія и посланій апостольскихъ, проповѣдующими христіанскую любовь, миръ, тѣлесную чистоту, кротость и прощеніе. Затѣмъ идетъ развитіе этихъ текстовъ, подкрѣпляемое выписками изъ священнаго писанія, изъ трактата „о любви Господней" св. Франциска де-Саль, и рядомъ нравоучительныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи и ежедневной жизни. Въ прочувствованныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ авторъ читателя не предаваться гнѣву, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями ближняго и не глумиться надъ его уродствами, а главное — не лгать. Книжка, проникнутая чувствомъ искренней любви къ людямъ, чуждая громкихъ фразъ, изложенная вполнѣ удобопонятно и просто, но безъ всякой искусственной поддѣлки подъ народное пониманіе, — высокомѣріе которой обыкновенно бываетъ равносильно незнанію народа, котораго берутся поучать, — заклю-

чается, какъ общимъ выводомъ и вмѣстѣ завѣтомъ, словами Апостола въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ (V. 14): „умоляю васъ, братія, вразумляйте безпорядочныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ—терпѣливы будьте ко всѣмъ“...

Эту книжку раздавалъ Гаазъ всѣмъ уходившимъ изъ Москвы по этапу. Чтобы книжечка не затерялась въ пути и не стѣсняла арестанта, онъ „построилъ“ для храненія ея особыя сумочки, которыя вѣшались владѣльцу книжечки на снуркѣ на грудь. И сумочки, и книжку, онъ привозилъ съ собою на этапъ и тамъ надѣлялъ ими всѣхъ.

Сроднившись съ простымъ русскимъ человѣкомъ, изведавъ его въ скорбяхъ и паденіяхъ, Гаазъ зналъ его хорошо. Онъ зналъ и про довѣріе его къ печатному слову, и про суевѣрное боязливое отношеніе его къ слову писанному. „Гдѣ рука—тамъ и голова“,—говоритъ этотъ народъ. Этимъ его свойствомъ воспользовался Гаазъ. „А. Б. В. христіанскаго благонравія“ оканчивается слѣдующими словами: „Итакъ, уповая на всемогущую помощь Божію, отъ души обѣщаюсь во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ближнимъ памятовать, яко правило, наставленіе св. Апостола Павла: „братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, исправляйте его въ духѣ кротости, но смотрите и за собою, чтобы не впасть въ искушеніе; носите бремена одинъ другого и такимъ образомъ исполняйте законъ Христовъ“. Въ твердомъ намѣреніи исполнять сіи правила, т.-е.: 1) не употреблять бранныхъ словъ; 2) никого не осуждать; 3) не лгать и 4) соблюдать упомянутое наставленіе Апостола для сильнѣйшаго впечатлѣнія въ душѣ своей... *подписуюсь*“... Затѣмъ слѣдуетъ чистая полустраница, на которой, при раздачѣ книжекъ, по просьбѣ Гааза, умѣвшіе писать ставили свою фамилію, а умѣвшіе только читать ставили три креста, придавая этимъ всей книжкѣ таинственный и выразительный характеръ какого-то договора, нарушать который становилось и грѣшно, и стыдно. Наивный способъ, придуманный Гаазомъ для огражденія и отвращенія арестантовъ отъ дурныхъ наклонностей, можетъ вызвать улыбку по адресу великодушнаго чудака... Но она едва ли будетъ основательна. За оригинальностью его выдумки кроется трогательная вѣра въ лучшія стороны человѣческой природы и довѣріе къ способности простого русскаго человѣка къ нравственному возрожденію.

Осуществленіе этого довѣрія совершалось однако не безъ препятствій и пререканій. Далеко не всѣ члены комитета сочувствовали Гаазу въ этомъ отношеніи. Въ средѣ ихъ, какъ видно

изъ представленій его, отъ 19 ноября 1835 г., высказывались мысли о томъ, что чтеніе Евангелія простымъ человѣкомъ безъ *постояннаго* руководительства, указанія и авторитетнаго объясненія со стороны духовныхъ особъ, можетъ вызвать въ немъ наклонность къ произвольнымъ, одностороннимъ и вреднымъ толкованіямъ,—что Евангеліе, читаемое безъ всякаго контроля, можетъ быть орудіемъ обоюдоострымъ,—что книги священнаго писанія должны выдаваться арестантамъ во всякомъ случаѣ лишь по ихъ просьбѣ, а не „навязываться" имъ, и что, наконецъ, раздающій подобныя книги долженъ дѣйствовать какъ врачъ, являющійся по приглашенію больного, но не вторгающійся къ нему безъ зова и т. д. Наконецъ, нѣкоторые высказывали (представленіе Гааза, отъ 14 сентября 1845 г.), что вообще раздача такихъ книгъ излишня, ибо не достигаетъ цѣли, а самыя книги попадаютъ иногда въ совершенно недостойныя руки. Гаазъ опровергалъ эти соображенія указаніемъ на III пунктъ правилъ, преподанныхъ обществу попечительному о тюрьмахъ, обязывающій его „наставлять заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной", и на XV пунктъ инструкціи тюремному комитету, возлагавшій на его попеченіе „снабженіе арестантовъ книгами св. писанія и другими духовнаго содержанія". Онъ ссылался на свой собственный опытъ, убѣдившій его, что и недостойныя руки съ благодарнымъ умиленіемъ, бережно развертываютъ „слово Божіе",—и приводилъ изреченіе Екклезіаста (XI, 4) о томъ, что часто смотрящій на погоду — не соберется никогда сѣять, и часто смотрящій на облака—никогда не соберется жать,—сравнивая этихъ „часто смотрящихъ" съ тѣми, кто слишкомъ много разсуждаетъ о приличныхъ случаяхъ и надлежащихъ способахъ сѣянія слова Божія, забывая, въ своей мнительности, что, по словамъ Спасителя, это слово сѣется и на камнѣ. Послѣдніе аргументы его не встрѣтили однако сочувствія вице-президента комитета. „Отъ людей мнительныхъ и которые смотрятъ на погоду и на облака и отъ того не сѣютъ и не жнутъ,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—безъ сомнѣнія надобно отличать людей *благоразумныхъ* и *осторожныхъ*, которые не сѣютъ во время морозной погоды и не жнутъ во время ненастной погоды; а Екклезіастово обличенье мнительности, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ Христова правила объ осторожности и объ охраненіи святыни: не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями. Матѳ. VII. 6" (Письмо генералъ-губернатору кн. Щербатову, 18 декабря 1845 г.).

Второго рода внѣшнее препятствіе къ осуществленію во всей

полнотѣ желанія Гааза относительно книгъ состояло въ фактическомъ недостаткѣ книгъ св. Писанія. „Удивительно и страшно будетъ слышать комитету,—писалъ онъ въ 1845 году,—что Новаго Завѣта на славянскомъ нарѣчіи, не говоря уже о Новомъ Завѣтѣ на русскомъ языкѣ, продававшихся прежде по 2 р. 50 к. и по 4 рубля—ни за какія нынѣ деньги г. Мерилизъ достать въ Петербургѣ не можетъ. То же самое предвидится въ скоромъ времени и въ Москвѣ". Поэтому онъ настойчиво просилъ ходатайства комитета о Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе необходимаго числа книгъ Новаго Завѣта на русскомъ и славянскомъ языкахъ въ сvнодальной типографіи на счетъ комитета. Поддержанная митрополитомъ Филаретомъ, просьба Гааза была принята къ исполненію комитетомъ 30-го декабря 1845 года, но лишь 26-го апрѣля 1847 года комитету сообщенъ указъ святѣйшаго сvнода о разрѣшеніи напечатать, на свой счетъ, въ московской сvнодальной типографіи три завода Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Гааза, благодаря его настояніямъ, снова оказалась книга, необходимая „для бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Нимъ". Повидимому, вскорѣ и въ Петербургѣ пересталъ ощущаться указанный Мерилизомъ недостатокъ, такъ какъ изъ письма его къ Гаазу, отъ 5-го декабря 1851 года, видно, что *за послѣдніе годы* имъ было доставлено въ Москву снова значительное количество книгъ Новаго Завѣта.

Кромѣ духовнаго назиданія, имѣвшаго въ виду *будущее* арестанта, послѣдній часто и сильно нуждался въ умиротвореніи смущеннаго духа и въ религіозномъ утѣшеніи въ *настоящемъ*. Чрезъ Москву шли въ Сибирь въ большомъ количествѣ инородцы и иновѣрцы. Гаазъ не только раздавалъ имъ книги, но, зная, что въ теченіе долгаго пути, да по большей части и на мѣстѣ, они не встрѣтятъ возможности услышать слово утѣшенія отъ духовнаго лица своей вѣры и сказать предъ нимъ слово покаянія, хлопоталъ о доставленіи имъ этого утѣшенія въ Москвѣ, иногда даже употребляя для этого стоившее ему стольких непріятностей оставленіе ихъ въ Москвѣ при отправленіи партій по этапу. Въ 1838 году онъ представлялъ комитету и настойчиво ходатайствовалъ предъ гражданскимъ губернаторомъ объ оставленіи всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь поляковъ на одну недѣлю въ Москвѣ, для исповѣди и св. причащенія, „дабы они укрѣпились сердечно предъ вступленіемъ въ новую для нихъ жизнь".

Смущало его и душевное состояніе приговоренныхъ къ „торговой казни" (т.-е. къ наказанію плетьми) предъ исполненіемъ ея,—

упадокъ ихъ духа, ихъ отчаяніе и мрачное озлобленіе въ ожиданіи предстоящаго истязанія искусною и тяжкою рукою палача. Онъ выписалъ въ 1847 году, на отдѣльныхъ листкахъ, изъ Ѳомы Кемпійскаго („О подражаніи Христу", III, 29) молитву и далъ ее нѣсколькимъ арестантамъ, очень волновавшимся предъ предстоящею торговою казнью. По замѣчанію директора комитета Фонъ-Визина, чтеніе этой молитвы благотворно и успокоительно подѣйствовало на трехъ изъ этихъ арестантовъ — и Гаазъ тотчасъ же сталъ настаивать въ комитетѣ на томъ, чтобы эту молитву напечатать на особыхъ листахъ для раздачи въ губернскомъ тюремномъ замкѣ. Онъ встрѣтилъ возраженія со стороны митрополита Филарета. „Молитва эта,—объяснялъ московскій владыка, какъ записано въ журналѣ комитета,—есть изложеніе словъ Христовыхъ, читаемыхъ въ евангеліи отъ Іоанна (XII, 28), но прилично ли молитву Спасителя предъ крестнымъ страданіемъ приложить къ преступнику предъ наказаніемъ его"? Впрочемъ, не отрицая, что „молитва сія могла оказать дѣйствіе по вѣрѣ и любви давшаго ее, — коего и надобно просить, чтобы онъ не прекращалъ своего христіанскаго дѣйствованія,—и по дѣйствію послушанія принявшихъ ее, въ чемъ также есть уже нѣкоторая степень вѣры",—Филаретъ предложилъ замѣнить предложенную Гаазомъ молитву вновь составленною молитвою заключеннаго въ темницѣ, одобривъ также и молитву Ефрема Сирина, что̀ и было принято комитетомъ съ признательностью къ исполненію. Обѣ молитвы были напечатаны на 600 листахъ для раздачи въ мѣстахъ заключенія, и добрая цѣль Гааза, который, конечно, не стоялъ безусловно за тотъ или другой текстъ молитвъ, была достигнута.

Но не въ одномъ непосредственномъ религіозномъ утѣшеніи нуждались заключенные и отправляемые въ Сибирь. Они страдали и отъ отсутствія *житейскихъ* утѣшеній, а иногда и прямой, *матеріальной помощи*. Тяжесть разлуки съ родными и близкими или крайняя скупость свиданій съ ними усугублялись для многихъ отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній съ родины;—на порогѣ отбытаго наказанія ихъ встрѣчала обыкновенно полная безпомощность, голоданіе и незнаніе, куда приклонить голову; — лишеніе свободы дѣлало нерѣдкихъ изъ нихъ жертвами корысти своихъ насильственныхъ сотоварищей или злоупотребленія приставниковъ;—умирая, нѣкоторые оставляли сиротъ, для которыхъ прекращалось даже и мрачное гостепріимство тюрьмы, и, наконецъ, тотъ, кто попадалъ по судебной ошибкѣ въ Сибирь, не имѣлъ обыкновенно средствъ выбраться оттуда. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ нужно было и своевременное утѣшеніе, и дѣятельная

помощь. Тутъ-то и проявляло себя „святое безпокойство“ Гааза. Журналы комитета переполнены указаніями на его многоразличныя хлопоты въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1833 году онъ настаиваетъ о ходатайствѣ, въ законодательномъ порядкѣ, о разрѣшеніи *сестрамъ* ссылаемыхъ слѣдовать за одинокими *братьями*; въ 1835 году проситъ дозволить арестантамъ, сверхъ установленныхъ дней, имѣть свиданія съ родными въ день Новаго года—и вообще пользуется всякимъ поводомъ, чтобы увеличить дни свиданій. Заходитъ, напримѣръ, въ комитетѣ, въ 1839 году, рѣчь объ итогахъ десятилѣтней его съ основанія дѣятельности, Гаазъ предлагаетъ, въ ознаменованіе дня открытія комитета, разрѣшить ежегодно въ этотъ день свиданія арестантамъ; по поводу дней рожденія и кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества, Александра I, онъ предлагаетъ ознаменовать ихъ разрѣшеніемъ арестантамъ свиданій.

Почти каждый журналъ содержитъ въ себѣ заявленія Гааза о доставкѣ въ Сибирь писемъ и книгъ ссыльнымъ, о пересылкѣ имъ денегъ, о сообщеніи имъ разныхъ свѣдѣній по ихъ дѣламъ и ходатайствамъ. Все это требовало большихъ заботъ, хлопотъ и личныхъ расходовъ. Чтобы доставить кому-нибудь, вопіющему изъ Сибири, справку о положеніи его просьбы или свѣдѣніе о томъ, что̀ дѣлается съ его семействомъ — нужно было подчасъ производить цѣлыя дознанія, просить, дожидаться, платить. Нужно было тратить время и трудъ не только на добычу всего этого, но и на сообщеніе о результатахъ. Приходилось торопливою рукою смягчать подчасъ горькую дѣйствительность, не скрывая истины, на что Гаазъ былъ совершенно неспособенъ,—приходилось писать слова ободренія, утѣшенія—и чуткою душою искать въ чуждомъ языкѣ словъ, которыя съ наименьшею болью вонзались бы въ изстрадавшееся сердце и разрушали давно лелѣянныя надежды. Однимъ словомъ, нужно было, по прекрасному выраженію Мицкевича, „имѣть сердце и смотрѣть въ сердце“. И все это надлежало дѣлать среди множества другихъ занятій, — между посѣщеніемъ больницы и этапа, острога и комитета, отписываясь и отчитываясь отъ начальства и не упуская приходить на помощь къ разнымъ, какъ ихъ называлъ Гаазъ, „приватнымъ“ несчастливцамъ... Трудно перечислить всѣ отдѣльныя проявленія этой дѣятельности „утрированнаго филантропа“. То онъ систематически, чрезъ извѣстные сроки, требуетъ отъ комитета денегъ (обыкновенно по сту рублей) для помощи *семействамъ* арестантовъ и представляетъ въ нихъ отчетъ, — то распредѣляетъ испрошенные имъ у г-жи

Сенявиной тысячу рублей между нуждающимися арестантками, — то беретъ на свое поручительство слабосильныхъ ссылаемыхъ и доставляетъ ихъ на свой счетъ въ мѣста водворенія (напр. Прокофьева—въ 1841 году, Свинку въ 1847 году),— то пересылаетъ имъ вещи и книги (напримѣръ, посылаетъ въ 1840 году въ Ялуторовскъ книги ссыльному Еремину и въ 1844 году въ Якутскъ ссыльному Прохору Перину „Потерянный рай" Мильтона),—то проситъ въ 1851 г. комитетъ ходатайствовать объ обмѣнѣ ассигнацій стараго образца, „всученныхъ" кѣмъ-то, обманомъ, по истеченіи срока обмѣна, арестанту Доморацкому, возвращаемому изъ Сибири на родину, въ волынскую губернію,—то дѣятельно содѣйствуетъ въ 1843 г. директору комитета, Львову, человѣку тоже сердечно служившему улучшенію быта арестантовъ, въ учрежденіи пріюта для выходящихъ изъ тюремъ;—то вноситъ для раздачи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія собранные имъ у „благотворительныхъ особъ" 750 р. с.,— то хлопочетъ о надзорѣ за воспитаніемъ двухъ круглыхъ сиротъ дѣвочекъ, отданныхъ тюремнымъ начальствомъ, по смерти ихъ матери-арестантки, какому-то поручику Сангушкѣ,—то самъ доноситъ комитету, что убѣдилъ вдову купца Мануйлова взять на воспитаніе 3-хъ-лѣтняго сына умершей арестантки „непомнящей родства",—то, настаиваетъ на разслѣдованіи жалобъ арестантовъ пересыльной тюрьмы на неполное возвращеніе имъ отобранныхъ у нихъ вещей,—то, наконецъ, усомнясь въ справедливости осужденія за поджогъ нѣкоего шемахинскаго жителя Генерозова, проситъ комитетъ дать ему средства отправиться въ Сибирь съ семействомъ на поселеніе не по этапу—и, получивъ отказъ комитета, покупаетъ ему на свой счетъ лошадь, а затѣмъ, когда невиновность Генерозова дѣйствительно открылась, высылаетъ ему отъ „одной благотворительной особы" 200 р. для возвращенія изъ Сибири—и т. д. и т. д.

Арестантовъ, приходившихъ въ Москву, встрѣчала и ободряла молва о тюремномъ докторѣ, который понимаетъ ихъ нужды и прислушивается къ ихъ скорбямъ; — уходившіе часто уносили о немъ прочное и благодарное, надолго неизгладимое воспоминаніе. И кто знаетъ!—быть можетъ не менѣе сильно, чѣмъ раздаваемыя имъ книги, дѣйствовала на нихъ въ далекой Сибири облагораживающимъ и умиротворяющимъ образомъ память о человѣкѣ, который такъ просто и вмѣстѣ горячо осуществлялъ на дѣлѣ то, что̀, какъ идеалъ, было начертано въ этихъ книгахъ? Могло ли не утѣшать и не укрѣплять многихъ изъ этихъ загнанныхъ своею злополучною судьбою въ пустыни и жалкія поселенія Вос-

точной Сибири сознаніе, что въ далекой Москвѣ, какъ сонъ промелькнувшей на ихъ этапномъ пути, есть старикъ, который думаетъ о ихъ братѣ, скорбитъ и *старается* о немъ. А старикъ дѣйствительно думалъ непрестанно... Покойный сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ разсказывалъ, что когда онъ, въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго въ 1851 г. Западную Сибирь сенатора Анненкова, возвращался назадъ, то остановился, торопясь въ Петербургъ, лишь на самый краткій срокъ въ Москвѣ. Вернувшись довольно поздно, далеко за полночь, отъ знакомыхъ, онъ уже ложился спать, когда къ нему постучали и въ отворенную слугою дверь вошелъ запыхавшійся отъ высокой лѣстницы старикъ, съ энергическимъ лицомъ, одѣтый странно и бѣдно, въ костюмѣ начала столѣтія. Это былъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, вовсе незнакомый молодому участнику сенаторской ревизіи. Быстро покончивъ съ извиненіями въ томъ, что послѣ цѣлаго дня поисковъ потревожилъ своимъ приходомъ такъ поздно, пришедшій сѣлъ на край кровати удивленнаго Арцимовича, взялъ его за руку и, взглянувъ ему въ глаза довѣрчивымъ взглядомъ, сказалъ: „вы, вѣдь, видѣли *ихъ* въ разныхъ мѣстахъ,—ну, какъ *имъ* тамъ? не очень ли *имъ* тамъ тяжело? ну, что̀ *имъ* тамъ особенно нужно?.. извините меня, но мнѣ *ихъ* такъ жалко"!.. И растроганный Арцимовичъ почти до утра разсказывалъ своему необычному посѣтителю о *нихъ*—и отвѣчалъ на его разспросы.

Тотъ же В. А. Арцимовичъ былъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. При объѣздѣ губерніи онъ остановился однажды въ одномъ изъ селеній въ избѣ у бывшаго ссыльно-поселенца, давно уже перешедшаго въ разрядъ водворенныхъ и жившаго съ многочисленною семьею широко и зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ, вышедшій его провожать хозяинъ, степенный старикъ съ сѣдою, окладистою бородою, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-либо льготъ или полнаго помилованія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. „Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ,—а только...—и онъ заплакалъ отъ волненія—только скажите мнѣ хоть вы,—ни отъ кого я узнать толкомъ не могу,—скажите: *живъ ли* еще въ Москвѣ *Ѳедоръ Петровичъ*"?!..

VIII.

Второй видъ *несчастія*,—тяготѣвшаго не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ всею Россіею и вносившаго язву безправія и во многихъ случаяхъ безнравственности въ ея общественный бытъ,—представляло крѣпостное право. „Въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена"!—восклицалъ Хомяковъ, въ гнѣвномъ порывѣ сердца, горячо любящаго Россію и вѣрующаго въ ея великую будущность. Крѣпостное право давало себя чувствовать почти во всѣхъ отправленіяхъ государственнаго организма, нерѣдко извращая ихъ и придавая имъ своеобразный оттѣнокъ. Отражалось оно и на карательной дѣятельности, создавая, на ряду съ осуществленіемъ наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, еще и наказаніе, налагаемое по усмотрѣнію владѣльца „душъ", къ услугамъ котораго были и тюрьма, и ссылка.

Исторія крѣпостного права въ Россіи показываетъ, что неоднократно возникавшее у императора Николая Павловича намѣреніе ограничить проявленіе этого права и подготовить его упраздненіе, встрѣчало явное несочувствіе въ окружавшей его средѣ и что статьи закона, опредѣлявшаго содержаніе крѣпостной власти, возбуждавшія сомнѣнія и требовавшія толкованія, послѣ долгихъ проволочекъ и откладываній, упорно и настойчиво разъяснялись мнѣніями государственнаго совѣта и изворотливыми рѣшеніями сената въ суровомъ смыслѣ, имѣвшемъ почти всегда въ виду исключительно интересы помѣщиковъ. Достаточно припомнить исторію предполагавшагося еще при Александрѣ I воспрещенія продажи людей по одиночкѣ и безъ земли, которое въ 1834 году было надолго похоронено департаментомъ законовъ „въ ожиданіи времени, когда явятся обстоятельства благопріятныя столь важной перемѣнѣ", причемъ еще ранѣе Мордвиновъ, блистательно подтверждая слова Дениса Давыдова: „а глядишь, нашъ Лафайетъ, Брутъ или Фабрицій..."—доказывалъ благотворность продажи людей по одиночкѣ тѣмъ, что при ея посредствѣ „отъ лютаго помѣщика проданный рабъ можетъ переходить въ руки мягкосердаго господина".

Поэтому и карательная власть помѣщиковъ не только узаконялась въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, но и получала, въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ къ закону, едва ли предвидѣнное имъ дальнѣйшее расширеніе. Лишь въ случаѣ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ

состоянія, помѣщикъ долженъ былъ обращаться *непремѣнно* къ суду. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства или управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ, или даже и постороннихъ, но обратившихся къ заступничеству помѣщика или управляющаго, его наказывали домашнимъ образомъ, безъ суда, розгами или палками и арестомъ въ сельской тюрьмѣ. Контроля надъ числомъ розогъ или палокъ не было, да и быть не могло, а устройство сельской тюрьмы и ея „приспособленій" предоставлялось усмотрѣнію и изобрѣтательности владѣльцевъ, знакомство коихъ съ сочиненіями Говарда и докладами Венинга было болѣе чѣмъ сомнительно. Если вина представлялась особо важною или мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, виновные отсылались, на основ. 335 и 337 ст. XIV т. с. з. (изд. 1842 г.), въ смирительные и рабочіе дома, а также въ арестантскія роты, на срокъ, „самимъ владѣльцемъ опредѣленный". Лишь въ 1846 году этотъ срокъ былъ установленъ закономъ, а именно для смирительнаго и рабочаго дома до трехъ мѣсяцевъ, а для арестантскихъ ротъ до шести мѣсяцевъ. Но если этого, въ виду „продерзостныхъ поступковъ и нетерпимаго поведенія" провинившагося, казалось помѣщику или, до 1854 года, его управляющему мало, то они имѣли право лишить виновнаго своего отеческаго попеченія и удалить его отъ себя навсегда, отдавъ въ зачетъ или безъ зачета въ рекруты, или предоставить его въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, на основаніи указа 1822 года, „не входя ни въ какое разысканіе о причинахъ негодованія помѣщика", свидѣтельствовало представленнаго—и, въ случаѣ годности къ военной службѣ, обращало въ оную, а въ случаѣ негодности—направляло на поселеніе въ Сибирь. Въ 1827 году альтернативность распоряженій губернскаго правленія была ограничена, и въ случаѣ, если помѣщикъ представлялъ для ссылаемаго одежду и кормовыя деньги до Тобольска и обязывался платить за него подати и повинности до ревизіи, послѣдній шелъ прямо на поселеніе въ Сибирь, если только не былъ дряхлъ, увѣченъ или старше 50 лѣтъ, при чемъ съ нимъ должны были слѣдовать жена (хотя бы до замужества она и была свободнаго состоянія) и дѣти—мальчики до 5 лѣтъ отъ роду, дѣвочки до 10 лѣтъ (т. XIV, изд. 1842 г., ст. 352). Наконецъ, помѣщикамъ было въ 1847 году разрѣшено удалять несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 л. возраста, за порочное поведеніе, отдачею ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое сдавало мальчиковъ въ кантонисты, а дѣвочекъ распредѣляло по казеннымъ селеніямъ.

Это распоряженіе, допускавшее даже и въ осьмилѣтнихъ „продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе“ и дававшее возможность самаго мучительнаго произвола по отношенію къ ихъ родителямъ, сначала стыдливо скрывалось въ тиши безгласности, не будучи распубликовано во всеобщее свѣдѣніе, но въ 1857 г. оно подняло забрало и появилось на страницахъ свода въ 403 ст. т. XIV.

Какъ велико было количество ссылаемыхъ по распоряженію помѣщиковъ—нынѣ, за отсутствіемъ статистическихъ свѣдѣній, опредѣлить трудно, но что оно было значительно, видно уже изъ того, что въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета, съ 1829 года по 1853 г., имѣется 1.060 статей, относящихся къ разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по поводу ссылаемыхъ помѣщиками крестьянъ и дворовыхъ. Въ этихъ статьяхъ содержатся указанія на 1.382 человѣкъ, подвергнутыхъ удаленію въ Сибирь, при коихъ слѣдовало свыше шестисотъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ представленной, напримѣръ, Гаазомъ генералъ-губернатору вѣдомости о лицахъ (57), задержанныхъ имъ на этапѣ, при отправленіи 20-го августа 1834 года партіи въ 132 человѣка, видно, что въ числѣ этихъ 57 было 17 человѣкъ въ возрастѣ отъ 31 до 50 лѣтъ, ссылаемыхъ по распоряженію трехъ помѣщицъ и одного помѣщика, причемъ за ними слѣдовало добровольно 7 женъ и двое дѣтей—6 мѣсяцевъ и 4 лѣтъ. Искать справедливости или правомѣрности въ карѣ, постигшей этихъ людей, было бы излишнимъ трудомъ. Безконтрольное усмотрѣніе, само опредѣляющее свои основанія, предоставленное помѣщикамъ, въ самомъ себѣ заключало и достаточный поводъ для сомнѣнія въ справедливости и человѣчности предпринятой карательной мѣры. Тамъ, гдѣ человѣку было присвоено въ видѣ собственности много душъ, дозволительно было сомнѣваться, ощущалъ ли онъ подчасъ, подъ вліяніемъ „негодованія“, въ себѣ свою собственную. Эти соображенія, вмѣстѣ съ разсказами и скорбью ссылаемыхъ, не могли не вліять на Гааза. Предъ нимъ не было „непокорныхъ рабовъ“, уже искупившихъ въ его глазахъ, во всякомъ случаѣ, свою вину, если она и была, перенесенными нравственными страданіями и своевременными „домашними“ мѣрами исправленія; предъ нимъ были *несчастные люди*, и онъ всѣми мѣрами старался смягчить ихъ несчастіе, дѣйствуя и на почвѣ юридической, и на почвѣ фактической.

Въ первомъ отношеніи онъ возбудилъ въ комитетѣ вопросъ о толкованіи 315 и 322 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. тома XIV С. З. 1832 г. Пользованіе предоставленнымъ помѣ-

щикамъ 315 статьею правомъ отсылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ не было безповоротнымъ, такъ какъ 322 ст. давала имъ право просить о возвращеніи этихъ людей, если еще не состоялось опредѣленія губернскаго правленія о ссылкѣ или когда оно не приведено еще на мѣстѣ въ исполненіе. Это послѣднее недостаточно опредѣленное выраженіе закона на практикѣ толковалось весьма различно. Одни—и между ними московское губернское правленіе, а также московскіе губернскіе прокуроры до назначенія въ эту должность, уже послѣ смерти Гааза, Д. А. Ровинскаго—признавали, что слова *„на мѣстѣ“* обозначаютъ мѣстное губернское правленіе, по мѣсту жительства помѣщика, и что, поэтому, моментъ отправки ссылаемаго изъ губернскаго города закрываетъ всякую возможность ходатайства о его возвращеніи; другіе находили, что подъ *исполненіемъ* на мѣстѣ надо разумѣть доставленіе администраціею ссылаемаго на этапный пунктъ, гдѣ онъ поступаетъ въ вѣдѣніе чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, и о немъ посылается увѣдомленіе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Наконецъ, третьи—и въ томъ числѣ прежде всѣхъ Гаазъ, опиравшійся въ своемъ толкованіи, какъ онъ выражался въ комитетѣ, на мнѣніе „одного чиновника правительствующаго сената“, съ которымъ онъ ѣздилъ совѣтоваться—считали, что *мѣстомъ* приведенія въ исполненіе опредѣленія губернскаго правленія, состоявшагося по требованію помѣщика, слѣдуетъ признавать Сибирь, такъ что право возвратить крѣпостного должно принадлежать помѣщику до самаго водворенія сосланнаго въ назначенномъ для него мѣстѣ,—слѣдовательно, во все время пути по Россіи и Сибири. Вопросъ о примѣненіи такого толкованія былъ возбужденъ Гаазомъ при обсужденіи просьбы орловскаго помѣщика К. о возвращеніи ему изъ московской пересыльной тюрьмы сосланнаго имъ въ Сибирь двороваго,—но комитетъ съ нимъ не согласился и отказалъ помѣщику. Послѣдній, вѣроятно сознавая поспѣшность и несправедливость принятой имъ мѣры и желая исправить послѣдствія своихъ дѣйствій, заявилъ комитету, что отказывается отъ всякихъ правъ на своего двороваго и проситъ лишь освободить его отъ слѣдованія въ Сибирь. Но комитетъ остался непреклоненъ. Тогда Гаазъ обратился съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ распоряженія орловскаго губернскаго правленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ въ комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ подробно развивалъ свой взглядъ. Онъ подкрѣплялъ его ссылками на законы о бродягахъ, указывая, что крѣпостные, задержанные какъ бродяги, по ихъ опознаніи, возвращаются владѣльцамъ

даже и изъ Сибири, съ мѣста водворенія. Онъ прибѣгалъ къ грамматическимъ и логическимъ толкованіямъ 322 ст. XIV т. и къ ряду нравственныхъ соображеній—и требовалъ ходатайства комитета объ истолкованіи въ законодательномъ порядкѣ приведенной статьи въ изложенномъ имъ смыслѣ для одинаковаго повсюду ея примѣненія. Поддерживая свое представленіе въ комитетѣ и исходя изъ мысли о необходимости дать помѣщику возможность одуматься и, вырвавшись изъ-подъ гнёта гнѣва, исправить причиненное имъ въ ослѣпленіи раздраженія зло, — Гаазъ становился и на утилитарную почву, говоря: „самъ помѣщикъ можетъ предупреждать преступленія между крѣпостными людьми, а именно способомъ дѣйствія на нравственность своихъ людей правомъ помилованія“. Великодушное домогательство его не было, однако, уважено комитетомъ, и на представленія его, кромѣ помѣты: „читано 24 іюля 1842 года“, никакой другой резолюціи нѣтъ...

Значительно успѣшнѣе боролся онъ противъ волновавшихъ его сердце крайнихъ проявленій крѣпостного права на почвѣ фактической, гдѣ вопросъ рѣдко принималъ принципіальный характеръ. Осуществленіе права ссылки крѣпостныхъ имѣло одну особенно мрачную сторону. Воспрещая продавать отцовъ и матерей отдѣльно отъ дѣтей, законъ оставилъ безъ всякаго разрѣшенія вопросъ о судьбѣ дѣтей ссылаемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ. Разлучить съ ссылаемымъ мужемъ жену—помѣщики не имѣли права, но отдать или не отдать ссылаемому и слѣдовавшей за нимъ женѣ ихъ дѣтей, достигшихъ—мальчики 5-лѣтняго, а дѣвочки—10-лѣтняго возраста,—зависѣло вполнѣ отъ разсчета и благосклоннаго усмотрѣнія безапелляціонныхъ рѣшителей ихъ судьбы. Судя по дѣламъ московскаго тюремнаго комитета, дѣти отдавались родителямъ скупо и неохотно, за исключеніемъ совершенно малолѣтнихъ, не представлявшихъ изъ себя еще на долгое время какой-либо рабочей силы. Чѣмъ старше были дѣти, тѣмъ труднѣе было получить для нихъ увольненіе. Можно себѣ представить состояніе отцовъ и, въ особенности, матерей, которымъ приходилось, уходя въ Сибирь, оставлять сыновей и дочерей навсегда, безъ призора и ласки, зная, что ихъ судьба вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ тѣхъ, кто безжалостною рукою разрывалъ связи, созданныя природою, освященныя Богомъ.

Гаазъ горячо хлопоталъ о смягченіи этого печальнаго положенія вещей. Журналы тюремнаго комитета полны его ходатайствами о сношеніи съ помѣщиками для разрѣшенія дѣтямъ ссылаемыхъ крѣпостныхъ слѣдовать въ Сибирь за родителями. Со свойствен-

нымъ ему своеобразнымъ краснорѣчіемъ рисуетъ онъ предъ комитетомъ тяжкое положеніе матерей, настойчиво взываетъ о заступничествѣ комитета за драгоцѣннѣйшія человѣческія права... „Nolite quirites hanc saevitiam“!—слышится во всѣхъ его двухстахъ семнадцати ходатайствахъ этого рода. А „saevitia“ была столь большая, что горячая просьба Гааза нерѣдко трогала комитетъ, побуждая его, чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, входить въ сношенія съ помѣщиками или, вѣрнѣе, помѣщицами, ибо надо замѣтить, что по меньшей мѣрѣ въ $^3/_4$ всѣхъ случаевъ подобныхъ сношеній, оставившихъ свой слѣдъ въ журналахъ комитета, приходилось имѣть дѣло съ помѣщицами. Многія барышни, возросшія на крѣпостной почвѣ, почувствовавъ въ рукахъ власть, какъ видно, быстро забывали и чувствительные романсы, и нравоучительные романы, и поспѣшно стирали съ себя невольный поэтическій налетъ молодости. Такъ, напр., въ 1834 году чрезъ московскую пересыльную тюрьму проходятъ 8 человѣкъ женатыхъ крестьянъ московской помѣщицы А — вой въ сопровожденіи женъ, но при нихъ отпущено всего лишь двое дѣтей — дѣвочка 6 лѣтъ и мальчикъ 4 мѣсяцевъ; въ томъ же году проходятъ семь мужчинъ, крѣпостныхъ г-жи Г—ой, изъ коихъ сопровождаются женами четыре — и при нихъ отпущена лишь одна малолѣтняя дѣвочка; въ 1836 году помѣщица Р—ва ссылаетъ въ Сибирь крестьянина Семенова, за которымъ слѣдуетъ жена, четыре малолѣтнихъ сына и отпущенный съ согласія госпожи для сбора подаяній престарѣлый отецъ Семенова, но на ходатайства комитета объ отпускѣ трехъ остальныхъ сыновей—13, 15 и 17 лѣтъ, Р—а сначала отвѣчаетъ отказомъ, а затѣмъ, послѣ долгой переписки, наконецъ соглашается отпустить младшаго — Андрея, съ тѣмъ, однако, чтобы ей не нести никакихъ по препровожденію его въ Сибирь, въ догонку за родителями, расходовъ, въ чемъ комитетъ ее и успокоиваетъ. Въ 1843 году комитетъ, по настоянію Гааза, ходатайствуетъ предъ помѣщицею К—ой о разрѣшеніи слѣдующей за ссылаемымъ по ея распоряженію мужемъ крестьянкѣ Лукерьѣ Климовой взять съ собою трехлѣтнюю дочь, но К—ва согласія на это, прямо даже вопреки закону, не изъявляетъ. Тогда, какъ записано въ журналѣ отъ 3-го августа, докторъ Ѳ. П. Гаазъ, очевидно опасаясь канцелярской волокиты при перепискѣ объ обязанности К — ой отпустить дочь Климовой, по окончаніи которой фактически окажется невозможнымъ отправить въ Сибирь 3-лѣтняго ребенка за ушедшей раньше матерью,—„изобразивъ отчаяніе матери при объявленіи ей таковаго отказа, проситъ комитетъ испытать послѣднее средство: довести до свѣдѣнія помѣщицы чрезъ калужскій тю-

ремный комитетъ, не склонится ли она на просьбу матери за нѣкоторое денежное пожертвованіе, предлагаемое *чрезъ него* однимъ *благотворительнымъ лицомъ*. Сокрушеніе Климовой тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что она не можетъ удовлетворить материему чувству иначе какъ оставивъ идущаго въ ссылку мужа"...

Заявленія Гааза объ *одномъ благотворительномъ лицѣ*, желающемъ, оставаясь неизвѣстнымъ, облегчать чрезъ него, Гааза, страданія родителей, разлучаемыхъ съ дѣтьми,—довольно часты, особливо въ тридцатыхъ годахъ, и, повидимому, находятся въ связи съ постепеннымъ исчезновеніемъ личныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ имъ когда-то обширною медицинскою практикою. Съ 1840 года ему приходитъ на помощь Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ (отецъ Юрія и Дмитрія Ѳедоровичей), который принимаетъ на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно по 2.400 р. ассигнаціями въ комитетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ производились пособія „женамъ съ дѣтьми, сопровождающимъ въ ссылку несчастныхъ мужей своихъ", а также тѣмъ изъ осужденныхъ „кои вовлечены въ преступленіе стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или пришли въ раскаяніе послѣ содѣяннаго преступленія". Изъ этого капитала оказывалась, по просьбамъ и указаніямъ Гааза, помощь и дѣтямъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., въ 1842 году помѣщица В — ва ссылаетъ въ Сибирь своего крестьянина Михайлова и не разрѣшаетъ женѣ его взять съ собою никого изъ 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Выслушавъ въ пересыльной тюрьмѣ печальную повѣсть Михайловой, Гаазъ поднимаетъ тревогу, и г-жа В., послѣ неоднократныхъ просьбъ комитета, постепенно отпускаетъ съ родителями пять человѣкъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ, и наконецъ, уже въ 1844 году, послѣднюю, Ефимью, 16 лѣтъ отъ роду, за небольшое вознагражденіе со стороны „одной благотворительной особы". Но Ефимья, отправленная въ Сибирь на средства изъ „Самаринскаго капитала", не застаетъ уже родителей, умершихъ еще въ 1843 году въ Тюмени, и тогда ей посылается изъ того же капитала еще 200 р. на обратный путь, вмѣстѣ съ другими сиротами. Такъ, въ 1847 г. отпущена слѣдовать за мужемъ, ушедшимъ въ ссылку раньше, крестьянка Ѳедосья Ильина съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Въ виду неизвѣстности пребыванія мужа въ Сибири, по особому настоянію Гааза, ей разрѣшается идти не съ партіею, и изъ суммъ „Самаринскаго капитала" разсылается по мѣстнымъ тюремнымъ комитетамъ на большомъ сибирскомъ трактѣ 250 р. с., для выдачи, по частямъ, Ильиной.—Но не одинъ выкупъ крѣпостныхъ дѣтей, для возвращенія ихъ родителямъ, былъ, по почину Гааза,

совершаемъ московскимъ тюремнымъ комитетомъ (всего съ 1829 по 1853 г. выкуплено на свободу на средства комитета и, главнымъ образомъ, на предоставленныя и собранныя Гаазомъ деньги семьдесятъ-четыре души).

Этотъ неутомимый заступникъ за несчастныхъ побуждалъ иногда комитетъ къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ виду устраненіе тяжелыхъ страданій, не только уже существующихъ въ настоящемъ, но и предполагаемыхъ въ будущемъ. Такъ, напр., въ 1838 году Гаазъ сообщалъ комитету, что содержащійся въ тюремномъ замкѣ „непомнящій родства“ бродяга Алексѣевъ „случаемъ чтенія Новаго Завѣта, тронутый словомъ Божіимъ“, смирился силою совѣсти и открылъ, что онъ — бѣглый дворовый помѣщика Д., къ которому и долженъ быть нынѣ отправленъ. Опасаясь, однако, что Алексѣевъ будетъ подвергнутъ своимъ владѣльцемъ суровымъ наказаніямъ, онъ убѣждалъ комитетъ принять мѣры „къ умягченію гнѣва помѣщика“ и о томъ же, въ особой запискѣ, просилъ мѣстнаго губернатора, къ которому комитетъ со своей стороны постановилъ препроводить заявленіе Гааза. Такъ, въ 1847 году онъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ крестьянина помѣщика К., Философа Кривобокова, возвращаемаго къ владѣльцу съ женою и маленькою дочерью; такъ, въ 1844 году онъ проситъ комитетъ войти въ несчастное положеніе двороваго мальчика помѣщика Р., Селиверста Осипова, у котораго отъ отмороженныхъ ногъ отпали стопы, и котораго желательно обучить грамотѣ и пристроить куда-нибудь, если Р. согласится дать ему свободу“...

IX.

Была еще одна категорія людей, по большей части тоже *несчастныхъ*, такъ какъ не однихъ провинившихся противъ уголовнаго закона или противъ помѣщиковъ принимала въ свои стѣны московская тюрьма разныхъ наименованій. Въ нее вступали и виновные въ неисполненіи своихъ гражданскихъ обязательствъ. Внутри зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на Воскресенской площади, рядомъ съ Иверскою часовнею, на мѣстѣ нынѣшней городской думы, помѣщалась знаменитая „Яма“. Такъ называлась долговая тюрьма, мѣсто содержанія неисправныхъ должниковъ, находившееся ниже уровня площади. Здѣсь, въ разлукѣ съ семьею, въ принудительномъ сообществѣ случайныхъ сотоварищей по заключенію, въ вынужденномъ бездѣйствіи, со-

держались неисправные должники, относительно которыхъ угроза кредиторовъ „посадить въ Яму“ была фактически осуществляема представленіемъ „кормовыхъ денегъ“. Населеніе „Ямы“ было довольно пестрое: въ ней, какъ видно изъ замѣчаній сенатора Озерова, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, содержались также дворовые люди, присланные помѣщиками „въ наказаніе“, и очень стѣсняли другихъ жильцовъ „Ямы“. Единство и равенство въ способахъ надзора и размѣрахъ ограниченія личной свободы существовало только на бумагѣ.—Среди этого населенія была группа совершенно своеобразныхъ должниковъ. Это были бывшіе арестанты, отбывшіе своя сроки наказанія въ тюрьмѣ, рабочемъ и смирительномъ домахъ, но имѣвшіе несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею. Ихъ лечили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость леченія, по особому росписанію, вносили въ счетъ. Когда наступалъ день окончанія срока заключенія, освобождаемому предъявляли этотъ счетъ, иногда очень крупный, если тюрьма, при своихъ гигіеническихъ порядкахъ, наградила его недугами, требовавшими продолжительнаго леченія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него „голъ какъ соколъ“, не было средствъ уплатить по счету, и его переводили въ „Яму“, зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ „Ямѣ“ сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе „неисправные должники“ чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, тяжесть сидѣнья въ „Ямѣ“, послѣ промелькнувшей предъ ними возможности свободы,—съ особою силою. Самое пребываніе ихъ въ ней звучало для нихъ горькою ироніею. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія за преступленіе, они лишались ее вновь за новую вину, избѣжать которой было не въ ихъ власти:—они дозволили себѣ быть больными! На этого рода неисправныхъ должниковъ обратилъ Гаазъ особое вниманіе и уже въ 1830 году сталъ хлопотать объ организаціи „искупленія должниковъ“. Онъ внесъ въ комитетъ небольшой капиталъ, увеличившійся затѣмъ доставленными имъ пожертвованіями (между прочимъ, отъ Скарятиной 200 р. и отъ Сенявиной 100 р.) и ежегоднымъ отпускомъ особой суммы со стороны комитета, для выкупа несостоятельныхъ должниковъ, содержащихся въ московской долговой тюрьмѣ за недоимки. По предложенію его, комитетъ постановилъ ежегодно, въ день кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества, императора Александра I, производить выкупъ подобныхъ должниковъ.

Гаазъ сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за точнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностью обозначеніемъ размѣровъ недоимки, числившейся за ними, не жалѣя времени и труда на справки и личныя провѣрки, сопряженныя съ разными непріятностями.

Какъ видно изъ дѣлъ комитета, 1840-й годъ особенно богатъ въ жизни Гааза столкновеніями и препирательствами въ этомъ отношеніи съ тюремнымъ начальствомъ и присяжными попечителями. Затѣмъ переписка по этимъ вопросамъ уменьшается и прекращается вовсе. Повидимому, оппоненты неугомоннаго старика махнули на него рукой и стали ему уступать, не споря...

За стѣнами долговой тюрьмы оставалась *семья* должника. Она лишалась своего кормильца, а „кормовыхъ денегъ“ не получала. Мысль и о ней тревожила Гааза. Въ мартѣ 1832 года, по его почину и при дѣятельномъ участіи одного изъ выдающихся директоровъ комитета, Львова, комитетъ постановилъ отдѣлять часть изъ своихъ суммъ *на помощь семействамъ* содержащихся въ долговой тюрьмѣ, предоставивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ Львову и Гаазу. Послѣдній, по словамъ А. К. Жизневскаго, часто посѣщалъ эту тюрьму и входилъ во всѣ подробности жизни содержащихся, помогая дѣйствительно несчастнымъ между ними—словомъ и дѣломъ, заступничествомъ и посредничествомъ.

X.

Дѣятельность Гааза по отношенію къ *больному* ничѣмъ не отличалась отъ его дѣятельности по отношенію къ *преступному* и къ *несчастному* человѣку. И въ области прямого призванія и служебныхъ обязанностей отзывчивое сердце Ѳедора Петровича, полное возвышеннаго безпокойства о людяхъ, давало себя чувствовать на каждомъ шагу.

Въ завѣдываніи Гааза, назначеннаго главнымъ врачомъ московскихъ тюремныхъ больницъ, находились мужская больница на 72 кровати при тюремномъ замкѣ, устроенная на пожертвованія по проекту его друга, доктора Поля, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и недостаточныхъ палатъ, въ одномъ изъ корридоровъ замка; затѣмъ, отдѣленіе ея на Воробьевыхъ горахъ для пересыльныхъ и, наконецъ, помѣщеніе для больныхъ арестантовъ при старой Екатерининской больницѣ. Съ 1838 по 1854 г. въ тюремныхъ больницахъ числилось больныхъ 31.142 человѣка; въ лазаретѣ пересыльной тюрьмы—12.673. Когда въ 1839 и 1840 годахъ въ губернскомъ замкѣ съ чрезвычайною силою развился тифъ,

послѣднее помѣщеніе было очень расширено и вмѣщало до 400 больныхъ обоего пола. По прекращеніи эпидеміи, Гаазъ сталъ хлопотать, чтобы число кроватей не было сокращаемо. Въ полицейскія части, для кратковременнаго содержанія или для „вытрезвленія", поступали часто больные чесоткою, какъ выражался народъ, „французскою болѣзнью". Отпущенные домой, они грозили сообщеніемъ своихъ прилипчивыхъ недуговъ. Заботиться о леченіи большинства изъ нихъ было некому, а у самихъ больныхъ не было ни средствъ, ни охоты. Гаазъ выпросилъ у князя Голицына распоряженіе о присылкѣ такихъ больныхъ въ пустовавшій тюремный лазаретъ при Старо-Екатерининской больницѣ и о даровомъ ихъ пользованіи. Первоначально онъ и жилъ при этой больницѣ, въ маленькой квартирѣ.—Зная правила Гааза, излишне говорить о заботливости его о больныхъ и о вниманіи къ ихъ душевному состоянію, независимо отъ врачеванія ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Обходя палаты, онъ требовалъ, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые имъ введенныя сидѣлки мужскихъ больничныхъ палатъ. Онъ просилъ о томъ же и священниковъ при церквахъ тюремнаго и пересыльнаго замковъ. Часто, садясь на край кровати больного, онъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду о его семьѣ, объ оставленномъ дома,—нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ и христосовался со всѣми; то же дѣлалъ онъ въ губернскомъ замкѣ и на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ обыкновенно бывалъ у заутрени. Въ большіе праздники и въ день своихъ именинъ, какъ разсказываетъ о немъ его крестникъ, докторъ Зедергольмъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ пастора,—современника Гааза, — Ѳедоръ Петровичъ получалъ вмѣстѣ съ поздравленіями много сладкихъ пироговъ и тортовъ отъ знакомыхъ. Собравъ ихъ всѣ съ видимымъ удовольствіемъ, онъ рѣзалъ ихъ на куски и, сопровождаемый Зедергольмомъ или кѣмъ-нибудь другимъ, отправлялся къ больнымъ арестантамъ раздавать ихъ. Много разъ, въ присутствіи своего крестника, Гаазъ участливо разспрашивалъ арестантовъ о здоровьѣ, называя ихъ ласковыми именами: „голубчикомъ", „милымъ" и т. д., справляясь, хорошо ли они спали и видѣли ли пріятные сны. Иногда, останавливаясь у постели какого-нибудь больного, онъ задумчиво глядѣлъ на него и говорилъ своему юному спутнику: „поцѣлуй его"!—прибавляя со вздохомъ: „Er hat es nicht bös'gemeint"! или—„Der wollte nichts Böses machen"!..

Но не въ одномъ человѣчномъ отношеніи, даже не въ стремленіи дѣломъ и примѣромъ приложить къ больнымъ старинное

правило искусства: „tuto, cito et jucunde“, какъ писалъ онъ въ „Инструкціи врачамъ“, — состояла его главная заслуга въ чисто-врачебной области дѣятельности. Онъ связалъ свое имя съ учрежденіемъ, созданнымъ его непрестанными и самоотверженными усердіями. Благодаря ему—и исключительно ему—выросла на Покровкѣ, въ Мало-Казенномъ переулкѣ, въ заброшенномъ и приходившемъ въ ветхость домѣ упраздненнаго Ортопедическаго Института—*Полицейская больница для безпріютныхъ*, которую благодарное простонародье Москвы прочно и безъ колебаній окрестило именемъ „Газовской“. „Пріѣхавъ въ 1852 году въ Москву и имѣя порученіе къ Ѳедору Петровичу,—пишетъ намъ А. К. Жизневскій, — я сказалъ первому попавшемуся извозчику: „вези въ Полицейскую больницу“.—„Значитъ, въ Газовскую“, —замѣтилъ тотъ, садясь на облучокъ. — „А ты развѣ знаешь доктора Гааза“?— „Да какъ же Ѳедора Петровича не знать: вся Москва его знаетъ. Онъ помогаетъ бѣднымъ и завѣдуетъ тюрьмами“... — „Ступай“! сказалъ я—*и отправился въ особый міръ*“...

Въ 1844 году была учреждена въ Москвѣ больница для чернорабочихъ, захватившая и значительную часть арестантскихъ помѣщеній при Старо-Екатерининской больницѣ. На время производства необходимой поэтому пристройки къ лазарету губернскаго замка, болѣе ста пятидесяти больныхъ арестантовъ было переведено въ домъ Ортопедическаго Института, приспособленный и исправленный на личныя средства Гааза и на добытыя имъ у разныхъ благотворителей. Постоянно разъѣзжая по Москвѣ, встрѣчаясь съ бѣдностью, недугами и несчастіями лицомъ къ лицу, онъ наталкивался иногда на обезсиленныхъ нуждою или болѣзнью, упавшихъ отъ изнеможенія гдѣ-нибудь на улицѣ и рискующихъ, подъ видомъ „мертвецки пьяныхъ“, быть отправленными на „съѣзжую“ ближайшей полицейской части, гдѣ средства для распознаванія и леченія болѣзней въ то время совершенно отсутствовали, а средства „для вытрезвленія“ отличались простотою и рѣшительностью. Онъ набиралъ такихъ несчастныхъ въ свою пролетку и везъ въ одну изъ немногочисленныхъ больницъ Москвы. Но тамъ часто не было мѣстъ, или больной, почему-либо, не подходилъ подъ спеціальное назначеніе той или другой больницы. Крайне тревожимый этими случаями, Гаазъ рядомъ письменныхъ представленій и личныхъ просьбъ добился отъ Голицына распоряженія о томъ, чтобы, въ случаѣ непринятія больницею заболѣвшихъ безпріютныхъ, полиція присылала ихъ для помѣщенія на свободныя отъ арестантовъ мѣста временной лечебницы въ Мало-Казенномъ переулкѣ. Здѣсь у Гааза мѣсто всегда находилось. При лечебницѣ этой была

маленькая квартира изъ двухъ комнатъ, въ которой онъ поселился самъ,—и Е. А. Драшусова, знавшая его лично, свидѣтельствуетъ въ воспоминаніяхъ своихъ о немъ, что когда въ лечебницѣ не было мѣста, а поступали новые больные, онъ клалъ ихъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно...

Наконецъ, пристройка къ тюремному лазарету была окончена и освящена. Въ нее перевели арестантовъ изъ Мало-Казеннаго переулка—и въ лечебницѣ оказались лишь безпріютные, не предусмотрѣнные ни въ какомъ уставѣ и не подлежащіе вѣдѣнію тюремнаго комитета. Въ комитетѣ начали подниматься голоса противъ этой лечебницы—и ей стало грозить уничтоженіе. Но Гаазъ рѣшился всѣми силами поддержать жизнь своего дѣтища. Получая, въ качествѣ старшаго врача больницы, всего 285 р. 72 к. въ годъ, онъ добывалъ средства отъ богатыхъ купцовъ, чтобы ничего не требовать отъ казны на ремонтъ, сражался съ комитетомъ, переписывался съ оберъ-полиціймейстеромъ, подъ начальство котораго перешла лечебница, умолялъ новаго генералъ-губернатора, князя Щербатова, сохранить учрежденіе, которому симпатизировалъ его предшественникъ,—и добился того, что „полицейская больница была признана постояннымъ учрежденіемъ для пріема больныхъ, поступающихъ на попеченіе полиціи „по внезапнымъ случаямъ, для пользованія и начальнаго поданія безплатной помощи". Къ такимъ больнымъ были отнесены люди, поднимаемые на улицѣ въ безчувственномъ видѣ, не имѣющіе узаконенныхъ видовъ, ушибленные, укушенные, отравленные, обожженные, и т. д. Въ ней было положено 150 кроватей, и на каждаго изъ больныхъ и умершихъ стала отпускаться опредѣленная, очень небольшая сумма. Но населеніе Москвы росло, число безпріютныхъ больныхъ увеличивалось, слава „Гаазовской больницы" проникала въ народъ, отказывать въ пріемѣ Гаазъ былъ не въ силахъ—и вскорѣ число больныхъ, находившихъ себѣ кровъ и уходъ, тепло и помощь, стало превышать установленную норму чуть не вдвое. Началась тягостная переписка съ комитетомъ и разнымъ другимъ начальствомъ, требованіе объясненій и отчетовъ во всякой мелочи, пошло производство начетовъ... Снова стали раздаваться обычныя обвиненія противъ Ѳедора Петровича въ нарушеніи порядка и въ его переходящей здравыя и законныя границы „филантропіи", не желающей ничего знать, кромѣ своихъ излюбленныхъ больныхъ — босоногихъ бродягъ и оборванцевъ. Гаазъ старался отмалчиваться или давалъ объясненія, признаваемыя „явно неудовлетворительными", но числа больныхъ все-таки не сокращалъ. Между служившими при немъ и вскорѣ послѣ него

въ полицейской больницѣ сохранился разсказъ о томъ, что выведенный изъ себя жалобами на постоянные переборы, дѣлаемые имъ противъ высшаго предѣла расходовъ на полный комплектъ больныхъ, князь Щербатовъ призвалъ его къ себѣ и, горячо упрекая, требовалъ сокращенія числа больныхъ до нормы. Старикъ молчалъ, поникнувъ головою... Но когда послѣдовало категорическое приказаніе не смѣть принимать новыхъ больныхъ, пока число ихъ не окажется менѣе 150-ти — онъ вдругъ тяжело опустился на колѣни и, ничего не говоря, заплакалъ горькими слезами. Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе превышаетъ силы старика,—самъ растрогался и бросился подымать Ѳедора Петровича. Больше о больницѣ не было и рѣчи до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашенію, всѣ, начиная съ генералъ-губернатора, стали смотрѣть на ея „безпорядки" сквозь пальцы. Гаазъ *выплакалъ* себѣ право неограниченнаго пріема больныхъ...

Къ числу этихъ больныхъ, по его настойчивымъ ходатайствамъ, были впослѣдствіи отнесены не только не нашедшіе себѣ пріюта въ другихъ больницахъ, но и подлежавшіе, по требованію господъ, тѣлесному наказанію при полиціи и заболѣвшіе до экзекуціи или послѣ нея...

Какъ широка была помощь, оказываемая Гаазовскою больницею, видно изъ того, что съ открытія ея до смерти Гааза въ ней перебывало до 30.000 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло около 21 тысячи. Больница заботилась не объ одномъ излеченіи больныхъ, но, по начертанной Гаазомъ программѣ, начальство больницы хлопотало о помѣщеніи престарѣлыхъ въ богадельни, объ отправленіи крестьянъ на родину, о снабженіи платьемъ съ умершихъ и деньгами неимущихъ больныхъ иногороднихъ, объ истребованіи больнымъ паспортовъ, о помѣщеніи дѣтей, рожденныхъ въ больницѣ, на время или постоянно въ воспитательный домъ и о помѣщеніи осиротѣвшихъ дѣтей на воспитаніе къ людямъ, „извѣстнымъ своею честностью и благотворительностью".

Когда Гаазъ былъ практикующимъ врачомъ въ Москвѣ, онъ не любилъ начинять больныхъ лекарствами. Другъ знаменитаго въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ профессора Овера, онъ имѣлъ однако свои собственные взгляды на средства леченія. Онъ придавалъ значеніе покою и теплу; изъ внѣшнихъ средствъ воздѣйствія на организмъ наиболѣе дѣйствительнымъ признавалъ нынѣ забытый фонтанель, а изъ внутреннихъ—нынѣ снова весьма цѣнимый—каломель. Зная его излюбленныя средства, москвичи добродушно острили надъ нимъ, говоря: „докторъ Гаазъ уложитъ въ *постель*, закутаетъ во *фланель*, поставитъ *фонтанель* и про-

пишетъ *каломель*"... Тѣ же средства, конечно, рекомендовались имъ, главнымъ образомъ, и въ „своихъ" больницахъ. Но не въ нихъ видѣлъ онъ силу. Участіе и доброе, человѣчное отношеніе къ больному, заставляющее его думать, что онъ не одинокъ на свѣтѣ, не брошенъ на произволъ судьбы—были, въ его глазахъ, наиболѣе дѣйствительными средствами. Читая изреченіе „mens sana in corpore sano" наоборотъ, онъ охотно предоставлялъ врачамъ тюремныхъ больницъ и своимъ ординаторамъ заботу о прописываніи и избраніи лекарства, оставляя за собою рѣшительный и всегда доброжелательный голосъ лишь по вопросу—подлежитъ ли арестантъ или безпріютный леченію.

Безтрепетный въ своемъ энергическомъ и искреннемъ словѣ, онъ былъ такимъ же и въ своей врачебной практикѣ. Въ 1848 году, когда свирѣпствовавшая въ Москвѣ холера наводила панику не только на населеніе, но и на врачей, и считалась заразительною даже отъ простого прикосновенія, онъ старался словомъ и дѣломъ разсѣять этотъ страхъ. „Проходя по одной изъ палатъ больницы,—пишетъ А. К. Жизневскій,—и подойдя къ больному, стонавшему въ кровати, Өедоръ Петровичъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ мнѣ: „а вотъ и первый холерный больной у насъ", и тутъ же нагнулся къ нему и поцѣловалъ его, не обращая вниманія на то, что меня очень смутила такая новинка, какъ холера". Чтобы доказать незаразительность холерныхъ своимъ товарищамъ, старикъ, — по разсказу И. А. Арсеньева, — садился нѣсколько разъ въ ванну, изъ которой только-что вынутъ былъ холерный, и просиживалъ въ ней нѣкоторое время. Слухи объ этомъ, при его популярности въ простомъ народѣ, распространялись на Москвѣ и производили успокоительное дѣйствіе. Зная это, графъ Закревскій, вообще не долюбливавшій Гааза, обратился къ нему въ разгаръ холеры съ просьбою—при постоянныхъ разъѣздахъ по Москвѣ останавливаться въ мѣстахъ стеченія народа и успокаивать его. И въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы 1848 года на московскихъ площадяхъ и перекресткахъ можно было не разъ видѣть высокаго и бодраго старика въ оригинальномъ костюмѣ, вставшаго въ пролеткѣ и говорящаго собравшемуся вокругъ народу, который къ *его* словамъ, къ словамъ *своего* доктора, относился съ полнымъ довѣріемъ...

Порядки, заведенные Гаазомъ въ полицейской больницѣ да въ тюремныхъ госпиталяхъ—были тоже своеобразны. Простой, обходительный и деликатный съ подчиненными, онъ требовалъ отъ нихъ прежде всего правды. Всякая ложь приводила его въ негодованіе. Въ борьбѣ съ нею онъ прибѣгалъ къ необычнымъ

мѣрамъ. Такъ, въ полицейской больницѣ имъ была заведена кружка, въ которую, за всякую открывшуюся ложь, виновный служащій, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ класть свое дневное, по разсчету, жалованье. Это объявлялось Гаазомъ при принятіи на службу въ больницу и исполнялось строго и безусловно. Иногда это распространялось и на постороннихъ—и даже примѣнялось и въ тюремной больницѣ. Такъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Николая Павловича въ Москву, въ концѣ сороковыхъ годовъ, эту больницу, въ отсутствіи Гааза, посѣтилъ, по приказанію свыше, одинъ изъ лейбъ-медиковъ государя и донесъ, что нашелъ въ ней двухъ арестантовъ, недугъ которыхъ представляется сомнительнымъ. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ явился къ нему и настойчиво потребовалъ новаго посѣщенія больницы, при чемъ на больныхъ доказалъ чиновному и ученому посѣтителю, что выводы его о состояніи ихъ здоровья были поспѣшны и ошибочны, и что оба арестанта дѣйствительно нуждаются въ леченіи. Сконфуженный медицинскій сановникъ сталъ извиняться, но Гаазъ добродушно и любезно просилъ его не безпокоиться, и продолжалъ съ нимъ обходъ. Но когда они приблизились къ выходу, Ѳедоръ Петровичъ на минуту куда-то исчезъ, а затѣмъ выросъ въ дверяхъ съ кружкою въ рукахъ. „Ваше превосходительство изволили доложить государю императору *неправду*—извольте теперь положить десять рублей штрафу въ пользу бѣдныхъ“!..

Наравнѣ съ ложью старался онъ искоренить и нетрезвое поведеніе между госпитальною прислугою. Сначала ему хотѣлось предъявлять въ этомъ отношеніи строгія требованія всѣмъ вообще подчиненнымъ тюремному комитету лицамъ. Въ 1835 году онъ предлагалъ комитету утвердить составленныя имъ правила о безусловномъ воспрещеніи всѣмъ этимъ лицамъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, подъ угрозою штрафомъ въ размѣрѣ дневного жалованья, въ случаѣ нарушенія подписки о воздержаніи отъ вина; но комитетъ предложилъ ему, въ видѣ опыта, самому ввести такое правило въ тюремныхъ больницахъ, а составленный имъ проектъ представилъ на разсмотрѣніе губернатора. Затѣмъ, уже въ 1838 году, комитетъ, имѣя у себя нѣсколько жалобъ на взысканіе Гаазомъ штрафовъ и принимая во вниманіе, что проектъ его не получилъ въ теченіе трехъ лѣтъ одобренія, и что, по газетнымъ извѣстіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ статута общества умѣренности въ Ригѣ,—запретилъ впредь отобраніе введенныхъ Гаазомъ подписокъ. Но послѣдній, повидимому, продолжалъ настаивать на справедливости и осуществимости своего проекта, ибо уже въ 1845 г., на запросъ князя

Щербатова, комитетъ доносилъ, что считаетъ отобраніе подписокъ, придуманныхъ докторомъ Гаазомъ, „мѣрою не аппробованною". Система штрафовъ — обыкновенно въ маленькихъ размѣрахъ— практиковалась имъ въ полицейской больницѣ широко. Они накладывались также за неаккуратность, небрежность, грубость—и опускались въ кружку. Иногда, впрочемъ, собравъ нѣсколько такихъ штрафовъ, при обходѣ больныхъ, Гаазъ не опускалъ ихъ въ кружку, а тихонько клалъ подъ подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка и неразлучная съ нею насущная нужда. Изъ кружки собранная сумма высыпалась разъ въ мѣсяцъ и распредѣлялась, въ присутствіи ординаторовъ и надзирательницъ, между наиболѣе нуждавшимися выздоровѣвшими больными и семействами еще находившихся на излеченіи или приходившими въ амбулаторію, гдѣ засѣдалъ Ѳедоръ Петровичъ, окончивъ обходъ больницы... Въ 1852 году, Жизневскому пришлось присутствовать при взысканіи такихъ штрафовъ въ Гаазовской больницѣ во время оригинальнаго суда надъ сидѣлкою, заподозрѣнною въ кражѣ. Разбирательство происходило въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ больницѣ. Гаазъ внимательно выслушивалъ оправданія, подробно разспрашивалъ свидѣтелей, попутно штрафовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—и между прочимъ самого себя за отсутствіе надлежащей заботы объ огражденіи служащихъ отъ похищенія у нихъ вещей—и, пожелавъ узнать мнѣніе посторонняго человѣка, Жизневскаго, постановилъ оправдательное рѣшеніе, разорвавъ заготовленное конторою отношеніе въ полицію съ препровожденіемъ заподозрѣнной...

Нужно ли говорить объ отношеніи къ нему больныхъ? А. К. Жизневскій, въ письмѣ о Гаазѣ, приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ о немъ, исполненныхъ восторженной благодарности со стороны самыхъ разнородныхъ по своему общественному положенію людей; врачуя ихъ тѣло, Гаазъ умѣлъ уврачевать и упавшій или озлобленный духъ, возродивъ въ нихъ вѣру въ возможность добра на землѣ. Описывая свое посѣщеніе Гаазовской больницы, Жизневскій говоритъ, что видѣлъ тамъ несчастную, француженку-гувернантку, сошедшую съума съ горя, вслѣдствіе павшаго на нее, безъ всякаго основанія, подозрѣнія въ домашней кражѣ. Она была постоянно неспокойна и часто впадала въ бѣшенство, сопровождаемое ужасающими проклятіями. Но стоило ей увидѣть Ѳедора Петровича, какъ она тотчасъ утихала, становилась кроткою и радостно шла на его зовъ. Старикъ гладилъ ей волосы, говорилъ ей съ участіемъ нѣсколько ласковыхъ словъ—и на недавно мрачно-изступ-

ленномъ лицѣ злополучной жертвы клеветы начинала играть улыбка душевнаго спокойствія...

XI.

„Я, кажется, уже неоднократно высказывалъ вамъ свою мысль,—писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину,—что самый вѣрный путь къ счастію не въ желаніи *быть счастливымъ*, а въ томъ, чтобы *дѣлать другихъ* счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить ихъ*, при чемъ чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи“...

Эту мысль, наполнявшую всю его душевную жизнь, осуществлялъ и примѣнялъ онъ, дѣйствуя въ тюрьмахъ. Мы видѣли, съ какими внѣшними препятствіями приходилось ему бороться. Но ими не исчерпывалась затруднительность его задачи. Были и внутреннія помѣхи его дѣятельности. Онѣ часто связывали свободу его дѣйствій, огорчали, раздражали и даже оскорбляли его. Ему приходилось имѣть дѣло съ коллегіею, которой онъ самъ былъ членомъ, и испытывать на себѣ всю тяжесть того искусственнаго сопряженія во едино различныхъ, иногда прямо противоположныхъ темпераментовъ, побужденій и взглядовъ, которое характеризуетъ каждую коллегію. Несомнѣнно, что коллегія, особливо судебная или законодательная, имѣетъ свои достоинства. Ея коллективный опытъ оказываетъ безспорныя услуги, ея безличное спокойствіе исключаетъ элементъ индивидуальной страстности или опасной поспѣшности. Но тамъ, гдѣ коллегіи приходится имѣть дѣло съ повседневными явленіями жизни, съ животрепещущими запросами и потребностями насущной дѣйствительности, гдѣ требуется разумная смѣлость, скорая осуществимость, непосредственное проникновеніе въ сущность вопроса,—тамъ коллегія, ничего не улучшая, многое можетъ портить и мертвить. Раздѣленіе труда дѣлаетъ его менѣе энергичнымъ, общая отвѣтственность ослабляетъ отвѣтственность каждаго, отсутствіе прямого соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ явленіемъ вытравляетъ его яркія окраски и искажаетъ его живые контуры... Чувство личнаго негодованія, а слѣдовательно и любви, замираетъ въ коллегіи, ощущеніе стыда теряетъ свою благотворную ѣдкость,—трусливые, нерѣшительные, скудные умы оказываютъ принижающее дѣйствіе на сильныхъ умомъ,

заставляя ихъ терять время на объясненіе азбучныхъ истинъ, торговаться и уступать во имя хотя бы и неполнаго достиженія цѣли;—лѣнивое мышленіе однихъ не хочетъ видѣть того, что̀ выстрадано сердцемъ другихъ,—Молчалинъ подчасъ стремится сжать въ своихъ объятіяхъ Чацкаго, и по отношенію къ вопросу, о которомъ вопіетъ жизнь, образуется обыкновенно компромиссъ, всегда негодный по исходу, мутный иногда по своему источнику. Вотъ почему живыя и энергичныя натуры, особливо стремящіяся быть тѣмъ „магнитомъ", о которомъ писалъ Гаазъ Норшину, обыкновенно страдаютъ въ составѣ коллегіи и приходятъ съ нею въ безплодныя, по большей части, столкновенія.

Московскій тюремный комитетъ сдѣлалъ много полезнаго для тюремнаго дѣла въ Москвѣ, но, повидимому, за исключеніемъ Львова, Поля, Сенявина, Капниста и еще двухъ-трехъ членовъ, засѣдавшихъ при томъ не одновременно, онъ обладалъ обычными свойствами административно-благотворительной коллегіи. Изъ переписокъ Гааза съ комитетомъ видно, что въ средѣ послѣдняго были и „охладѣлые", и „отклонявшіе себя отъ долга", были прямо враждебно или насмѣшливо относившіеся къ нему. Встрѣчались, конечно, какъ неизбѣжная внутренняя язва общественной благотворительности, и „акробаты благотворительности". Вице-президенты —генералъ-губернаторы кн. Голицынъ и кн. Щербатовъ — были люди большихъ достоинствъ, но у каждаго изъ нихъ была обширная область прямой дѣятельности, отвлекавшая ихъ отъ тюремнаго дѣла. Первые годы существованія комитета, наилучшіе въ его жизни, руль держалъ въ рукахъ самъ кн. Д. В. Голицынъ, поощряя и поучая всѣхъ своимъ примѣромъ, своимъ искреннимъ желаніемъ улучшеній, личнымъ трудомъ и свѣтлымъ, свободнымъ отъ шоръ безплоднаго формализма, взглядомъ. Онъ понималъ Гааза, прислушивался къ нему и за обличьемъ шумливаго и безпокойнаго члена коллегіи умѣлъ разсмотрѣть „роптанье вѣчное души", чистой и самоотверженной. Иногда, впрочемъ, настойчивость и страстность Гааза нарушали спокойное и уравновѣшенное отношеніе къ нему князя Голицына. Однажды, въ 1840 г. послѣ шумныхъ протестовъ Гааза противъ какого-то изъ постановленій комитета, князь сказалъ ему съ раздраженіемъ: „M-r Haas! si vous continuez, je vous ferais sortir d'ici par les gendarmes"!—на что послѣдній отвѣтилъ, улыбаясь: „et vous n'y gagnerez rien, mon prince, car je rentrerai par la fenêtre"... Вѣроятно, подражая князю, уже въ концѣ сороковыхъ годовъ одинъ изъ членовъ комитета позволилъ себѣ, какъ вспоминаютъ священники Орловъ и Бѣлянинов, сказать „безпокойному" ста-

рику, что „онъ дождется того, что его не станутъ приглашать въ комитетъ“.—„Я самъ пріѣду“,—спокойно замѣтилъ Гаазъ.— „Предъ вами запрутъ двери“!—„Ну что-жъ—я влѣзу въ окно“... Мимолетныя столкновенія съ кн. Голицынымъ проходили однако безслѣдно. Просвѣщенный государственный дѣятель, сказавшій въ 1834 году совѣтнику губернскаго правленія, извѣстному А. И. Кошелеву, который, въ качествѣ московскаго дворянина, горячо настаивалъ на истребованіи отъ генералъ-губернатора для провѣрки отчета по дорожной коммиссіи: „сегодня утромъ, въ дворянскомъ собраніи, я вами любовался, вы хорошо поступили, и я на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое“,—не могъ сердиться на своего чистаго душою, хотя и строптиваго сотрудника... Но не такъ относились къ Гаазу многіе изъ его сотоварищей. Его „выходки“ нарушали спокойную безцвѣтность ихъ занятій, его „самовольныя распоряженія“ оскорбляли цѣломудріе канцелярскихъ предначертаній. И по мѣрѣ того, какъ князь Голицынъ, давъ первые толчки и общее направленіе новому дѣлу, отдалялся отъ него, погруженный въ сложную работу „хозяина Москвы“, противъ Гааза образовывалась оппозиція, то тѣсно сплоченная, то неуловимая, но все-таки чувствуемая.

„Утрированному филантропу“, который говорилъ о *видѣнныхъ имъ* и сердечно раздѣленныхъ нуждахъ людей, коихъ онъ прежде всего считалъ несчастными,—который писалъ въ 1845 г., что члены тюремнаго общества „обязаны осуществлять намѣреніе жить *по божески*, т.-е. чтобы правосудіе сочеталось съ милосердіемъ и Богъ былъ бы виденъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ“,—отвѣчали ссылками на „буквальный смыслъ“ статей закона и параграфы уставовъ. Его своеобразно-краснорѣчивыя предложенія „пріобщались къ дѣлу“, какъ не заслуживающія вниманія, его просьбы и требованія встрѣчались оскорбительнымъ молчаніемъ. Особенно недовольно было имъ хозяйственное отдѣленіе комитета, стоявшее въ отношеніяхъ своихъ къ конторѣ тюремныхъ больницъ, гдѣ распоряжался Гаазъ, на чисто формальной почвѣ. Оно не желало, напримѣръ, сообщать конторѣ копій съ контрактовъ на поставку съѣстныхъ припасовъ, для провѣрки поставщиковъ, что̀ было—какъ писалъ Гаазъ комитету въ 1840 году—„причиною неимовѣрнаго безпорядка, отъ котораго сіи больницы страждутъ“. Между тѣмъ одно изъ засѣданій хозяйственнаго отдѣленія было открыто словами предсѣдателя: „такъ какъ г. Гаазъ многими поступками отступилъ отъ правилъ при управленіи тюремныхъ больницъ“... „Я взялъ смѣлость остановить его превосходительство,—пишетъ Гаазъ,—и спросить,

какіе поступки долженъ я здѣсь разумѣть, но онъ, вмѣсто отвѣта, опять повторилъ тѣ же слова, а на мой вторичный вопросъ въ третій разъ изволилъ произнести тѣ же самыя нарѣчія. Я тогда принужденъ былъ встать съ мѣста и сказать: „если вы полагаете себя вправѣ такимъ образомъ на счетъ меня выразиться безъ всякаго объясненія, то я не могу оставаться въ семъ собраніи", — на что его превосходительство адресовался къ секретарю комитета со словами: „не правда ли, были нѣкоторые случаи, въ которыхъ г. Гаазъ дѣйствовалъ неправильно по управленію больницами"?—на что сей отвѣчалъ: „*по другимъ предметамъ* были нѣкоторыя такія дѣйствія г. Гааза, *то и вѣроятно*, что такія же были и по управленію больницами"... И сей отвѣтъ былъ принятъ безъ всякаго примѣчанія!"...

Когда неусыпными трудами Гааза былъ устроенъ сѣверный корридоръ тюремнаго зáмка, оказалось, что онъ сдѣлалъ на 40 рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ противъ ассигнованныхъ ему 400 р. с., вмѣсто просимыхъ имъ 500 р. Объ этой передержкѣ была возбуждена обширная переписка, на 143 листахъ, продолжавшаяся два года. Отъ Гааза было потребовано объясненіе, и комитетъ посвятилъ не одно засѣданіе обсужденію его неправильнаго и незаконнаго поступка. Указывая, что комитетъ гораздо милостивѣе относился къ сверхсмѣтнымъ расходамъ, допущеннымъ другими членами, и признавалъ, что деньги бывали израсходованы „на предметъ, достойный комитета", Гаазъ пишетъ въ объясненіи: „Мнѣ поручено затруднительное дѣло, мнѣ отказываютъ въ нужныхъ средствахъ и въ то же время неумолимы въ обсуживаніи моихъ дѣйствій и упущеній. Меня спрашиваютъ, могу ли я *оправдать свой проступокъ*? Отвѣтствую: я признаю, что располагать такимъ образомъ суммами, кои не выданы—есть *родъ похищенія*. Съ сею же самою откровенностью признаюсь, что я одушевленъ былъ мыслью о сѣверномъ корридорѣ, и мнѣ казалось, что дѣйствія мои заслуживаютъ признательности комитета. Оказывается, что я ошибся и въ томъ, чтò дѣлалъ, и въ томъ, чтò мыслилъ"... Кончилось тѣмъ, что онъ заплатилъ эти 40 руб. изъ своихъ скудныхъ средствъ. То же самое повторилось и въ 1840 году, когда Гаазъ произвелъ нѣсколько необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ по расширенію помѣщеній Старо-Екатерининской больницы для пріема погибавшихъ отъ тифозной эпидеміи арестантовъ и просилъ комитетъ уплатить рабочимъ 290 руб. ассигнаціями. При обсужденіи переписки, продолжавшейся два года, комитетъ, въ 1842 г., послѣ разныхъ упрековъ по адресу Гааза,

постановилъ“: отнынѣ на будущее время всякое распоряженіе въ постройкахъ и починкахъ по больничнымъ зданіямъ г. Гааза воспретить“, при чемъ оскорбленный старикъ, видя, что его объясненій не слушаютъ и смѣются надъ его словами, „всталъ, поднесъ руку къ небу,—какъ онъ самъ пишетъ,—и голосомъ, которымъ кричатъ *караулъ*, кричалъ: объявляю, предъ небомъ и землею, что мною въ семъ дѣлѣ ничего противузаконнаго не сдѣлано“!...

Но не одни расходы, производимые имъ, раздражали комитетъ. Архитекторъ, помогавшій Гаазу въ перестройкѣ сѣвернаго корридора, указалъ ему на возможность изъ двухъ небольшихъ и полутемныхъ комнатъ около церкви образовать одну большую и свѣтлую, сдѣлавъ въ толстыхъ стѣнахъ между ними большія арки. Мысль дать больше простора заключеннымъ и собирать ихъ для общей молитвы возлѣ церкви плѣнила Гааза, и онъ немедленно, на свой счетъ, спѣша устроить окончательно *свой* корридоръ, привелъ ее въ исполненіе. Директоръ коммиссіи строеній въ Москвѣ, посѣтивъ замокъ, указалъ Гаазу на это „самоволіе“, объяснивъ, что онъ долженъ былъ испросить его разрѣшеніе на непредусмотрѣнную перестройку. Чуждый мелочнаго самолюбія, имѣвшій въ виду только пользу дѣла, Гаазъ, „вмѣняя себѣ въ обязанность исправить дурной примѣръ нарушенія законнаго порядка, имъ поданный, при всѣхъ чиновникахъ и служителяхъ просилъ у г-на директора прощенія“. Но директору было мало униженія старика. Онъ сообщилъ о новомъ его проступкѣ комитету. Представляя комитету свою повинную, Гаазъ заявлялъ, что вынужденъ былъ вообще отступать отъ предначертаній коммиссіи строеній относительно перестроекъ въ тюрьмѣ, ибо еслибы вполнѣ оныя соблюдать, то получилась бы квасная, въ которой нельзя дѣлать квасу, ибо въ ней вовсе не было положено русской печи,—комнаты остались бы безъ вентиляторовъ, наружныя двери безъ ступенекъ для всхода, чердаки безъ лѣстницъ и комната противъ „малолѣтнихъ“ вовсе безъ двери, ибо печникъ, склавши уже болѣе половины печи, положенной на томъ мѣстѣ, гдѣ была дотолѣ дверь, перелѣзъ чрезъ оную и спрашивалъ, гдѣ же ему выйти, когда онъ доведетъ печь до верху?.. Комитетъ не призналъ возможнымъ стать на почву совершившагося факта, и князь Голицынъ предложилъ ему, согласно его заключенію, сдѣлать Гаазу выговоръ въ „присутствіи онаго, подтвердивъ, чтобы на будущее время онъ ни мало не отступалъ отъ установленнаго порядка“. Тяжело отозвался на старикѣ выговоръ, объявленный по распоряженію человѣка, котораго онъ

глубоко чтилъ и которому однажды писалъ: „вы великій вельможа—князь, но и вы не въ состояніи сдѣлать двѣ вещи: чтобы въ журналѣ комитета было записано: „вице-президентъ князь Дмитрій Владиміровичъ недоволенъ дѣйствіями доктора Гааза", и чтобы я не любилъ васъ всѣмъ своимъ сердцемъ"! Онъ не перенесъ огорченія и заболѣлъ. И вотъ причина, почему онъ, не пропускавшій за всю свою многотрудную жизнь ни одного засѣданія комитета, все-таки не былъ въ одномъ изъ нихъ...

Столкновенія съ комитетомъ бывали у него по самымъ разнымъ поводамъ. То, убоясь переписки и возможности отказа, представляетъ онъ въ комитетъ счетъ цехового Завьялова на 45 р. за 21 бандажъ, отданный освобожденнымъ изъ смирительнаго и рабочаго домовъ арестантамъ, страдающимъ грыжею,—и комитетъ разъясняетъ ему, что не считаетъ себя обязаннымъ покрывать такой расходъ, предоставляя ему самому изыскать средства къ удовлетворенію онаго изъ другихъ источниковъ, т.-е. обрекаетъ его, за неимѣніемъ имъ собственныхъ средствъ, на необходимость просить кого-нибудь быть „благодѣтелемъ"... То, удрученный своимъ устраненіемъ отъ освидѣтельствованія пересыльныхъ арестантовъ и боясь, что они останутся вовсе безъ призора, онъ проситъ обязать членовъ комитета бывать, по очереди, на Воробьевыхъ горахъ четыре раза въ недѣлю, и комитетъ „не усматриваетъ для его домогательства законныхъ основаній"; то проситъ онъ комитетъ ходатайствовать у высшаго начальства, чтобы кромѣ пересылаемыхъ слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ бродягъ въ губернскихъ городахъ оставлять, не отсылая въ Сибирь, тѣхъ, „кои окажутся съ поврежденіемъ ума", и комитетъ, къ огорченію его, „не полагаетъ на сіе никакого рѣшенія";—то, въ 1845 году, подкрѣпляя свою просьбу словами Екклезіаста, онъ проситъ комитетъ внушить членамъ своимъ объ обязанности частаго посѣщенія мѣстъ заключенія вообще, чрезъ что „злоупотребленія, населяющія ихъ какъ насѣкомыя и паутина, будутъ исчезать сами собою, а добрыя дѣла мало-по-малу рождаться одно изъ другого"—и получаетъ въ отвѣтъ, что комитетъ съ признательностью принимаетъ указаніе своего вице-президента, митрополита Филарета, между прочимъ и о томъ, что „можно не входить въ большое разбирательство разсужденія Θеодора Петровича о постоянномъ посѣщеніи тюремъ,—довольно сказать, что это посѣщеніе, безъ сомнѣнія весьма желательное, можетъ, по справедливости, быть требуемо, конечно, не отъ тѣхъ людей, у которыхъ съ утра до вечера полны руки должностныхъ дѣлъ и которымъ долгъ присяги не позволяетъ отъ сихъ необходимыхъ

дѣлъ постоянно уклоняться къ дѣламъ произволенія, хотя и весьма добраго"... То, наконецъ, въ просьбѣ Гааза въ 1840 году о разрѣшеніи оставить въ пересыльной тюрьмѣ крестьянина Лазарева, ссылаемаго помѣщикомъ въ Сибирь, несмотря на 63-хъ-лѣтній возрастъ (что̀ было дозволено закономъ и сенатскимъ разъясненіемъ лишь до 1827 года) и о начатіи переписки о незаконности такой ссылки, — комитетъ постановляетъ отказать, ибо Лазаревъ *самъ* можетъ подать объ этомъ просьбу *по приходѣ въ Тобольскъ*! Такіе отказы раздражаютъ старика. Своеобразнымъ краснорѣчіемъ звучатъ вызываемыя ими записки его и заявленія. По поводу Лазарева онъ объясняетъ, что „будетъ изыскивать способъ самъ довести о семъ несчастномъ до свѣдѣнія Высочайшей власти". Видя холодное отношеніе комитета къ нѣсколькимъ просьбамъ его за арестантовъ, онъ восклицаетъ въ 1833 году: „если мы и впредь будемъ такъ дѣйствовать, то должны ожидать, что намъ будутъ сказаны слова Евангелія взывавшимъ къ Спасителю: „не во имя ли Твое мы проповѣдовали"? и коимъ было изречено: по истинѣ не знаю васъ! отъидите отъ Меня вси, творящіе неправду"!..

Тонъ обличенія и довольно злой ироніи часто слышится въ посланіяхъ его комитету. „Говорятъ, пишетъ онъ въ 1832 году, что арестанты уже въ теченіе долгаго времени слѣдуютъ сему непорядку и такъ сказать къ оному пріучены. Но сіе напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ англинской кухаркѣ, которая содрала кожу съ живого угря. Одинъ, вошедшій въ то время въ кухню, сказалъ: — какъ, сударыня, вы безъ сожалѣнія это дѣлаете? — Ничего, сударь, отвѣчала кухарка, *они* къ этому привыкли! — на мѣсто того, чтобы сказать, *я* къ этому привыкла"!.. „Не скрою предъ комитетомъ, — говоритъ онъ, представляя свои оправданія по поводу арки въ сѣверномъ корридорѣ, — величайшаго отвращенія, какое имѣю я, входя въ столь подробное изъясненіе по обстоятельству столь ничтожному", и по поводу постоянныхъ неудовольствій и нареканій комитета напоминаетъ, что Тацитъ, говоря о Титѣ-Агриколѣ, сказалъ: „въ натурѣ человѣка ненавидѣть того, кому однажды нанесено оскорбленіе"... Говоря о раздачѣ книгъ священнаго писанія пересыльнымъ, онъ ядовито замѣчаетъ: „встрѣча священнаго писанія въ тюрьмѣ ссыльныхъ могла бы содѣлаться опасною для членовъ комитета тѣмъ осужденіемъ, которое сія святая книга произноситъ на слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ".

Такъ дѣйствовалъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша", до конца

своей многотрудной жизни Θедоръ Петровичъ Гаазъ. Одинокій и въ общественной, и въ личной жизни, забывавшій все болѣе и болѣе о себѣ, съ чистою совѣстью взиравшій на приближающуюся смерть, онъ тѣмъ болѣе отдавался своему призванію, чѣмъ меньше оставалось ему жить, стараясь осуществить то „kurzen Wachen—rasches Thun", о которомъ говорится во второй части „Фауста"... Но жилось ему не легко. Лично видѣвшая его, старая москвичка, графиня Сальясъ (Евгенія Туръ) писала о немъ: „борьба, кажется, приходилась ему не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди равнодушія общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдой и ложью, силы его истощались. Чтò онъ долженъ былъ вынести, чтò испытать, пережить, перестрадать"!

XII.

Остается бросить бѣглый взглядъ на послѣдніе годы Гааза. Чистая, одинокая и цѣломудренная жизнь его, постоянная подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Несмотря на седьмой десятокъ, онъ оставался бодръ и выносливъ, и хотя совсѣмъ не заботился о здоровьѣ—никогда не бывалъ боленъ. Разнообразныя личныя воспоминанія о немъ даютъ возможность представить себѣ его день и составить болѣе или менѣе полную картину его привычекъ, обычаевъ и образа жизни въ послѣдній ея періодъ,—періодъ, когда почти всѣ примирились со „странностями" и „чудачествами" Θедора Петровича, а многіе поняли, наконецъ, какой свѣтъ и теплоту заключаютъ въ себѣ эти его свойства.

Онъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и, немедленно одѣвшись въ свой традиціонный костюмъ, садился пить, вмѣсто чаю, который онъ считалъ для себя слишкомъ роскошнымъ напиткомъ, настой смородиннаго листа. Если не нужно было ѣхать на Воробьевы-горы, онъ до восьми часовъ читалъ и часто самъ изготовлялъ лекарства для бѣдныхъ. Въ восемь начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось масса. Нечего и говорить, что совѣты были безвозмездны. О научномъ достоинствѣ этихъ совѣтовъ—судить трудно. Надо думать, что, увлеченный своею филантропическою дѣятельностью, Θедоръ Петровичъ остался при знаніяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, между тѣмъ какъ наука ушла впередъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень склонялся къ гомеопатіи. Едва ли и три излюбленныхъ средства съ окончаніемъ на

„ель“ играли въ его совѣтахъ прежвюю первенствующую роль. Онъ продолжалъ не возлагать особыхъ надеждъ на лекарства, а болѣе вѣрилъ цѣлительному значенію условій жизни больного. Такъ, когда къ нему въ 1850 г. обратился за совѣтомъ А. К. Жизневскій, онъ, вмѣсто рецепта, написалъ на лоскуткѣ бумаги: „Si tibi deficiant medici, medici tibe fiant haec tria: mens hilaris, requies, moderata dieta (schola saleritana)“, т.-е., если тебѣ нужны врачи—да будутъ тебѣ таковыми три средства: веселое расположеніе духа, отдыхъ и умѣренная діэта“.—Но несомнѣнна также любовь бѣдныхъ больныхъ къ „ихъ“ доктору, связанная съ безусловнымъ къ нему довѣріемъ. Простые, недостаточные люди видѣли въ немъ не только врача тѣлеснаго, но и духовнаго,—къ нему несли они и разсказъ о недугахъ, и горькую повѣсть о скорбныхъ и тяжкихъ сторонахъ жизни, отъ него получали они иногда лекарство или наставленіе, всегда—добрый совѣтъ или нравоученіе, и очень часто—помощь... Нерѣдко несчастливецъ, не столько больной, сколько загнанный жизнью, выходилъ послѣ бесѣды съ нимъ ободренный, съ влажными глазами, зажимая въ рукѣ данное лекарство... отпускаемое изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую больницу, а оттуда уѣзжалъ въ тюремный замокъ и въ пересыльную тюрьму. Его старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, престарѣлый и немилосердно обиравшій хозяина кучеръ Егоръ, въ неладно скроенномъ выцвѣвшемъ кафтанѣ, и двѣ, обыкновенно разбитыя на ноги, разношерстыя лошади, были извѣстны всѣмъ москвичамъ. Сѣдокъ и экипажъ, упряжь и кучеръ были для нихъ чѣмъ-то роднымъ, тѣсно связаннымъ съ тогдашнею внутреннею жизнью Москвы. Отъ всего, что̀ служило къ передвиженію неутомимаго старика, и отъ него самого вѣяло такимъ далекимъ прошлымъ, что москвичи утверждали шутя, будто доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ четыреста лѣтъ. Сколько ни старались, съ разныхъ сторонъ, „открыть глаза“ Ѳедору Петровичу на продѣлки Егора, онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, и держалъ Егора у себя 20 лѣтъ, до самой своей смерти. Не хотѣлъ онъ ни за что разстаться и со старою, безобразною пролеткою. Онъ къ ней привыкъ—и притомъ подъ ея широкимъ кожанымъ фартукомъ было такъ помѣстительно для установки корзинъ со съѣдобнымъ для идущихъ по этапу! Н. Ѳ. Крузе, знавшій Гааза лично, разсказывалъ намъ, со словъ московскихъ старожиловъ, что когда какая-нибудь изъ дряхлыхъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой

вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенныхъ на убой татарамъ—и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ, по словамъ Жизневскаго, иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача—одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 г. почитатели Ѳедора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей; но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ „по совѣсти", и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, при чемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ; но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: „для больныхъ"! Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ. Въ памяти нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ его образъ запечатлѣлся ярко.

Высокій, широкоплечій, немного сутуловатый, съ крупными чертами широкаго, сангвиническаго лица, Гаазъ съ перваго взгляда производилъ болѣе своеобразное, чѣмъ привлекательное впечатлѣніе. Но оно вскорѣ измѣнялось, потому что лицо его оживлялось мягкою, ласковою улыбкою, и изъ нѣжно-пытливыхъ голубыхъ глазъ свѣтилась сознательная и дѣятельная доброта. Всегда ровный въ обращеніи, рѣдко смѣющійся, часто углубленный въ себя, Ѳедоръ Петровичъ избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно въ него попавши, молчаливъ. Но въ обыкновенной бесѣдѣ, вдвоемъ или въ небольшомъ кружкѣ, онъ любилъ говорить... Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ, привычнымъ образомъ, руки на колѣни, немного склонивъ голову и устремивъ прямо предъ собою задумчивый и печальный взоръ, онъ подолгу разсказывалъ... но никогда *о себѣ*, а всегда *о нихъ*, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце. Онъ очень не любилъ разспросовъ лично о себѣ, сердился, когда при немъ упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіяхъ о людяхъ былъ, по единогласному отзыву всѣхъ знавшихъ его, „чистъ какъ дитя". Раздавая все, что̀ имѣлъ, никогда не просилъ онъ матеріальной помощи своимъ „несчастнымъ", но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья и знакомые, по словамъ Надежды Михайловны Ероипкиной, не давали ему

своихъ пожертвованій прямо въ руки, а клали ихъ въ задній карманъ его неизмѣннаго фрака. Старикъ добродушно улыбался и дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. Въ послѣдніе годы, однако, онъ сталъ разсѣянъ и забывчивъ, такъ что подчасъ деньги, положенныя въ его фракъ, не доходили до цѣли, попадая въ ловкія и своекорыстныя руки. Тогда, по молчаливому общему соглашенію, ему стали класть свертки звонкой монеты (въ то время золото было въ обычномъ обращеніи, также какъ и серебряные рубли), которые, оттягивая его карманъ и ударяя по ногамъ, напоминали ему о себѣ.

Одѣвался онъ чисто, но бѣдно; фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками. Гаазу было тягостно всякое вниманіе лично къ нему. Поэтому онъ, несмотря на настойчивыя просьбы друзей и знакомыхъ, несмотря на письменную просьбу лондонскаго библейскаго общества, ни за что не дозволялъ снять съ себя портрета. Сохранившійся чрезвычайно рѣдкій портретъ его въ профиль нарисованъ тайно отъ него художникомъ, котораго спряталъ за ширмы князь Щербатовъ, усадившій предъ собою на долгую бесѣду ничего не подозрѣвавшаго Ѳедора Петровича. Одинокій, весь погруженный въ мысль о другихъ, онъ лично, по выраженію поэта, „не былъ любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ". Однажды, придя къ Н. М. Еропкиной, принявъ въ креслѣ свою любимую позу и начавъ говорить о видѣнномъ имъ при отправленіи послѣдней этапной партіи, онъ вынулъ изъ кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платкомъ. Увидѣвъ это, слушательница, обойдя за спиною повѣствовавшаго старика, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки Гааза тряпицу, вложила взамѣнъ ея этотъ платокъ. Ѳедоръ Петровичъ улыбнулся, ласково взглянулъ на нее и сталъ продолжать свой разсказъ. „Однако одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ..." — подумала Еропкина, и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся съ кресла фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки—и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Еропкину за руки и голосомъ, котораго она не могла позабыть, сказалъ: „Oh! merci, merci! *ils* sont si malheureux"!.. Онъ не могъ допустить, чтобы это могла быть забота о немъ, а не о *нихъ*, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

Онъ очень любилъ дѣтей. И дѣти ему платили тѣмъ же,

шли къ нему съ довѣріемъ, лѣзли на него, ласкали его и теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глаза, и часто, съ умиленнымъ выраженіемъ лица, возлагалъ имъ на голову руки, какъ бы благословляя ихъ. По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, онъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми шутливое перечисленіе „необходимыхъ добродѣтелей". Взявъ маленькую дѣтскую ручонку, растопыривъ ея пальчики, онъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ, загибая большой палецъ, говорилъ:— „благочестіе", загибая указательный — „благонравіе", „вѣжливость" и т. д., пока не доходилъ до мизинца. „Не лгать"!—восклицалъ онъ многозначительно:—„не лгать, не лгать, не лгать"!— повторялъ онъ, потрясая за мизинецъ руку смѣющагося дитяти...

Такъ дожилъ онъ до 1853 года — весь проникнутый дѣятельною любовью къ людямъ, осуществлять которую въ тогдашнее время, при развившейся до крайности формалистикѣ и суровой подозрительности, было не легко. Общество, наконецъ, поняло этого „чудака" и стало сознавать всю цѣну его личности и дѣятельности. „Когда я, въ началѣ 50-хъ годовъ,—пишетъ намъ авторъ „Года на Сѣверѣ" и „Крылатыхъ словъ",—студентствовалъ въ университетѣ, намъ, медикамъ, имя Гааза было не только извѣстно, но мы искали случая взглянуть на эту знаменитую личность—и я хорошо помню его наружность, а также главнымъ образомъ и то, что онъ уже и тогда былъ причисленъ къ лику святыхъ и таковымъ разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія". Не такъ, однако, смотрѣлъ, стоявшій надъ этими слоями, графъ Закревскій, которому весьма не нравилась тревожная и хлопотливая дѣятельность „утрированнаго филантропа", постоянно нарушавшая пріятное сознаніе, что въ Москвѣ „все обстоитъ благополучно".

Богъ знаетъ, въ какой формѣ осуществился бы практически взглядъ гр. Закревскаго на Гааза, но судьбѣ угодно было избавить графа отъ докучныхъ хлопотъ о немъ. Общая освободительница—смерть—освободила его отъ „утрированнаго филантропа". Она подошла неожиданно. Въ началѣ августа 1853 г. Ѳедоръ Петровичъ заболѣлъ. У него сдѣлался громадный карбункулъ, и вскорѣ надежда на излеченіе была потеряна. „Я засталъ его, — пишетъ А. К. Жизневскій, — не среди больныхъ, труждающихся и обремененныхъ; онъ самъ былъ боленъ и сидѣлъ въ своей комнатѣ, за ширмами, въ вольтеровскихъ креслахъ; на немъ былъ халатъ и его прекрасную голову не покрывалъ уже

историческій парикъ. Его лицо, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою; благоговѣніе къ этому человѣку охватило меня, и я хотѣлъ поцѣловать его руку, но удержался, боясь его разстроить"... Онъ не могъ лежать, сидѣлъ постоянно въ креслѣ и очень страдалъ. „Несмотря на болѣзнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновенію доброту и привѣтливость,—говоритъ его современница Е. А. Драшусова („Моск. Вѣд." 1853, № 101). Онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, а безпрестанно занимался своими бѣдными больными, заключенными,—дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ далекій путь, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, забывая себя для другихъ. Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ; ни одна жалоба, ни одно стенаніе, не вырвались изъ груди его; только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: „я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій". Но страданія эти были непродолжительны—и конецъ былъ тихъ... Когда Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей скромной квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, кто желалъ его видѣть, проститься съ нимъ и *отъ него* услышать слово утѣшенія...

Вѣсть о безнадежномъ состояніи Ѳедора Петровича подѣйствовала удручающимъ образомъ на служащихъ при пересыльной тюрьмѣ. Они обратились къ своему священнику, о. Орлову, съ просьбою отслужить, въ ихъ присутствіи, обѣдню о выздоровленіи больного. Не рѣшаясь это исполнить въ виду того, что Гаазъ не былъ православнымъ, о. Орловъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету—и вспоминаетъ нынѣ, что Филаретъ молчалъ съ минуту, потомъ поднялъ руку для благословенія и восторженно сказалъ: „Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ—и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть у Ѳедора Петровича съ просфорой"?—и получивъ отвѣтъ, что въ два часа, прибавилъ:—„отправляйся съ Богомъ, — мы съ тобой увидимся у Ѳедора Петровича"... И когда о. Орловъ, отслуживъ обѣдню и помолясь о Гаазѣ, „о которомъ не можетъ вспомнить безъ благодарныхъ слезъ", подъѣзжалъ къ его квартирѣ, карета московскаго владыки стояла уже у крыльца его стараго сотрудника и горячаго съ нимъ спорщика...

16-го августа Гааза не стало. Его не тотчасъ вынесли въ католическую церковь, а оставили въ квартирѣ, чтобы дать массѣ же-

лающихъ возможность поклониться его праху въ той обстановкѣ, въ которой большинство приходившихъ получало его совѣты. Тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ,—привычная добрая улыбка застыла на губахъ. На похороны стеклось до двадцати тысячъ человѣкъ, и гробъ несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ-горахъ. Разсказываютъ, что, почему-то опасаясь „безпорядковъ", Закревскій прислалъ спеціально на похороны полиціймейстера Цинскаго съ казаками; но когда Цинскій увидѣлъ искреннія и горячія слезы собравшагося народа, то онъ понялъ, что трогательная простота этой церемоніи и возвышающее душу горе толпы служатъ лучшею гарантіею спокойствія. Онъ отпустилъ казаковъ и, вмѣшавшись въ толпу, пошелъ пѣшкомъ на Введенскія-горы.

На этихъ Введенскихъ-горахъ, въ V разрядѣ католическаго кладбища, было предано землѣ тѣло Өедора Петровича. На могилѣ его, оставшійся неизвѣстнымъ, другъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ отшлифованнымъ гранитнымъ же крестомъ, съ надписью на ней: Fredericus Josephus Haas, natus Augusti MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII—и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII главы отъ Луки (beati servi illi, quos etc...): „Блаженни раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ". Памятникъ этотъ былъ въ концѣ 80-хъ годовъ очень запущенъ, но въ 1891 году возобновленъ по распоряженію московскаго тюремнаго комитета. Скромная квартира Гааза опустѣла. Все оставшееся послѣ него имущество оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ рублей и мелкихъ мѣдныхъ денегъ, изъ плохой мебели, старой одежды, книгъ и астрономическихъ инструментовъ. Отказывая себѣ во всемъ, старикъ имѣлъ одну слабость: онъ покупалъ, по случаю, телескопы и разные къ нимъ приборы—и, усталый отъ дневныхъ заботъ, любилъ, по ночамъ, смотрѣть на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески-чистой душѣ.

Осталась также и рукопись сочиненія на французскомъ языкѣ: „Appel aux femmes". Мы уже упоминали о немъ. Изданное другомъ покойнаго, докторомъ Полемъ, оно составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ этомъ, своего рода, духовномъ завѣщаніи, Гаазъ, въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, которыми была проникнута его жизнь, и старается систематизировать проявленія любви къ людямъ и состраданія ихъ несчастію, составлявшія движущую силу, principium movens, его вседневной

дѣятельности. „Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества,—пишетъ Гаазъ, обращаясь къ женщинамъ,—и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви. Поэтому, избѣгайте злословія, заступайтесь за отсутствующихъ и беззащитныхъ, оберегайте окружающихъ отъ вредныхъ увлеченій, вооружаясь твердо и мужественно противъ всего низкаго и порочнаго, не допускайте близкихъ до злоупотребленія виномъ, до увлеченія картами... Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы имѣть силы помогать ближнимъ, оно—даръ Божій, въ растратѣ котораго безъ пользы для людей придется дать отвѣтъ предъ своею совѣстью. Содѣйствуйте, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для неимущихъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь въ этомъ отношеніи предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказываться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни. Пусть требованіе блага ближняго одно направляетъ ваши шаги! Не бойтесь возможности уничиженія, не пугайтесь отказа... *Торопитесь дѣлать добро*! Умѣйте прощать, желайте примиренія, побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть она выразится подачею стакана свѣжей воды, дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія, сочувствія, состраданія,—и то хорошо... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное". Подкрѣпляя эти, разсыпанныя по всей книгѣ, наставленія житейскими примѣрами и ссылками на слова Христа, Гаазъ не можетъ отрѣшиться отъ глубокой вѣры въ хорошіе задатки нравственной природы человѣка. „Любовь и состраданіе живутъ въ сердцѣ каждаго!—восклицаетъ онъ:—зло есть результатъ лишь ослѣпленія. Я не хочу, я не могу вѣрить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... „Не вѣдаютъ, что̀ творятъ"— святыя и трогательныя слова, смягчающія вину однихъ, несущія утѣшеніе другимъ. Вотъ почему надо быть прежде всего снисходительнымъ... Способность къ такому снисхожденію не есть какая-либо добродѣтель, это—простая справедливость"! Во имя этой же справедливости онъ многократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ хозяевъ и господъ къ тѣмъ, „кто у нихъ слу-

житъ или отъ нихъ зависитъ", ссылаясь на посланіе ап. Павла къ Тимоѳею (1. V. 8.). „Доказывайте словомъ и дѣломъ ваше расположеніе къ нимъ,—говоритъ онъ,—не отдавайте ихъ во власть или подъ надзоръ людей недостойныхъ, воспретите себѣ и всѣмъ въ домѣ вашемъ брань на служащихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, читайте и разъясняйте имъ нравоучительныя книги, охраняйте нравственность ихъ, покровительствуйте ихъ браку, и пусть день воскресный будетъ посвящаемъ уже не вамъ—а Богу"...

Проповѣдь любви, уваженія къ человѣческому достоинству и серьезнаго отношенія къ жизни разлита по всей книгѣ, написанной сильнымъ, энергическимъ языкомъ, съ горячими и глубоко прочувствованными обращеніями къ читателю. Авторъ отразился въ ней какъ въ зеркалѣ, и то, чтò сказано имъ по *смерти* только освѣщаетъ и подкрѣпляетъ то, чтò дѣлалъ онъ при *жизни*. Этимъ полнымъ, гармоническимъ согласіемъ слова и дѣла,—при чемъ слово пришло послѣ дѣла и лишь завершило его,—этимъ сочетаніемъ, столь рѣдкимъ въ дѣйствительности, такъ ярко характеризуется Гаазъ! Онъ умеръ съ твердой вѣрою „въ міръ иной и въ жизнь другую" и могъ, съ полнымъ правомъ, повторить слова Руссо: „пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда, я предстану съ этой книгою предъ Верховнаго Судію и скажу: вотъ чтò я дѣлалъ, чтò я думалъ и чѣмъ я былъ"!

Кончина Ѳедора Петровича и его внушительныя похороны произвели большое впечатлѣніе въ Москвѣ. Явились теплые некрологи, болѣе впрочемъ богатые фразами, чѣмъ фактами; было собрано чрезвычайное засѣданіе тюремнаго комитета, въ которомъ вице-президентъ, гражданскій губернаторъ Капнистъ, произнесъ рѣчь по поводу постигшей комитетъ утраты. „Убѣжденія и усилія Ѳедора Петровича,—сказалъ онъ, между прочимъ,—доходили часто до фанатизма, если такъ можно назвать благородныя его увлеченія; но это былъ фанатизмъ добра, фанатизмъ состраданія къ страждущимъ, фанатизмъ благотворенія—этого благодатнаго чувства, облагораживающаго природу человѣка"... Между сослуживцами Гааза была открыта подписка на образованіе капитала для выдачи, въ день кончины Ѳедора Петровича, процентовъ съ него бѣднымъ семействамъ арестантовъ; рѣшено было для этой же цѣли отчислить изъ суммъ комитета 1.000 р. Это рѣшеніе было утверждено президентомъ попечительнаго общества, графомъ Орловымъ, изъявившимъ комитету свою благодарность за чувства, выраженныя имъ о христіанской дѣятельности покойнаго Гааза.

Наконецъ, въ „Москвитянинѣ" 1853 г. было напечатано

стихотвореніе С. П. Шевырева „На могилу Ѳ. П. Гааза“, помѣченное 19 августа:

„Въ темницѣ былъ—и посѣтили“—
Слова любви, слова Христа,
Отъ лѣтъ невинныхъ намъ вложили
Души наставники въ уста.
Блаженъ, кто, твердый, снесъ въ могилу
Святого разума ихъ силу,
И, сердце теплое свое
Открывъ Спасителя ученью,
Все состраданьемъ къ преступленью
Наполнилъ жизни бытіе!“

Вскорѣ, однако, за этимъ подъемомъ чувства наступило обычное у насъ равнодушіе и забвеніе, и память „фанатика добра“ стала блекнуть и исчезать. Никто своевременно не собралъ любящею рукою живыхъ воспоминаній о немъ, и объемъ ихъ сталъ съ каждымъ годомъ, съ каждою смертью людей, знавшихъ его, съуживаться. Не нашлось никого, кто бы тотчасъ, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ, съ умиленіемъ предъ личностью „утрированнаго филантропа“, набросалъ дрожащею отъ душевнаго порыва рукою его „житіе“. *Знавшіе* его замкнулись въ область личныхъ воспоминаній и не почувствовали потребности повѣдать *не знавшимъ* о томъ, кто такой былъ Гаазъ. Только Евгенія Туръ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его смерти, въ нѣсколькихъ прочувствованныхъ словахъ помянула „Божія человѣка, который ждетъ своего біографа“,—да, по прошествіи еще шести лѣтъ, П. А. Лебедевъ въ довольно большомъ очеркѣ, къ сожалѣнію страдающемъ нѣкоторыми фактическими неточностями, обрисовалъ главныя черты тюремно-благотворительной дѣятельности Ѳедора Петровича. Но и эти напоминанія прошли, повидимому, безслѣдно, ибо въ настоящее время въ нашемъ обществѣ имя Гааза звучитъ какъ нѣчто совершенно незнакомое, чуждое и не вызывающее никакихъ представленій. Даже среди образованныхъ людей, соприкасающихся съ тюремнымъ и судебнымъ дѣломъ, даже среди врачей, которымъ слѣдовало бы съ чувствомъ справедливой гордости помнить о старшемъ врачѣ московскихъ тюремъ, имя его вызываетъ недоумѣвающій вопросъ: „Гаазъ? — кто такой Гаазъ? — что̀ такое Гаазъ“?

Таково, впрочемъ, свойство нашего образованнаго общества, нашей такъ-называемой „интеллигенціи“. Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша

судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, „съ зловѣщимъ тактомъ,—какъ выразился Некрасовъ,—сторожа ихъ неудачу“. Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, проснувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ея являются равнодушіе и, затѣмъ, забвеніе. Чрезъ годъ—другой, горячо оплаканный дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, „какъ нищій въ дверь—стучится боязливо“. Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: „какъ? кто это такой“? У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго или государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги,.. а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто...

Но если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ, „темные люди“, бѣдняки и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ называетъ бывшую полицейскую больницу—„гаазовскою“. Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутся „гаазовскими“, да въ отдаленномъ нерчинскомъ острогѣ, по свидѣтельству Н. А. Арсеньева, теплится лампада предъ иконою св. Θеодора Тирона, сооруженною заключенными на свои скудные заработки по полученіи вѣсти о смерти „святого доктора“...

Не забытъ Гаазъ и въ тѣсной средѣ врачей „гаазовской“, нынѣ Александровской больницы. На средства, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей, собранныя по почину одного изъ преемниковъ его, доктора Шайкевича, содержится въ ней кровать „имени Θ. П. Гааза“, а бюстъ „Утрированнаго филантропа“ напоминаетъ о томъ, кому больница обязана своимъ существованіемъ. Будемъ, однако, надѣяться, что память о Θедорѣ Петровичѣ Гаазѣ не окончательно

умереть и въ широкомъ кругѣ образованнаго общества. Память о людяхъ, подобныхъ ему, должна быть поддерживаема, какъ свѣтильникъ, льющій кроткій, примирительный свѣтъ. Въ этой памяти—единственная награда безкорыстнаго, святого труда такихъ людей; въ ея живучести—утѣшеніе для тѣхъ, на кого могутъ нападать моменты малодушнаго невѣрія въ возможность и осуществимость добра и справедливости на землѣ. Люди, подобные Гаазу, должны быть близки и дороги обществу, если оно не хочетъ совершенно погрязнуть въ низменной суетѣ эгоистическихъ разсчетовъ. На одной изъ могилъ, окружающихъ крестъ надъ прахомъ Ѳ. П. Гааза, есть надпись: „Wer im Gedächtniss seinen Lieben ebt—ist ja nicht todt, er ist nur fern!—Todt ist nur der—der vergessen wird“... Хочется думать, что великодушному и чистому старику не будетъ дано умереть совсѣмъ, что его нравственный образъ не потускнѣетъ, что физическая смерть лишь удалила его, но не умертвила памяти о немъ.

Въ заключеніе нельзя не остановиться еще на одной поучительной сторонѣ жизни Ѳедора Петровича. У насъ встрѣчается, хотя и рѣдко высказываемое прямо, но раздѣляемое очень многими, убѣжденіе, что между созданіями художественнаго творчества и дѣйствительностью существуетъ рѣзкое и непримиримое различіе. Книга, говорятъ приверженцы этого взгляда, содержитъ обыкновенно вымыселъ, не находящій себѣ подтвержденія въ *настоящей* жизни и очень часто сурово опровергаемый ею. Поэтому, книга и жизнь — двѣ совершенно разныя вещи, —и горе тому идеалисту, который вздумаетъ жить по внушеніямъ книги! Надъ книжнымъ вымысломъ можно, пожалуй, поплакать праздными слезами, можно восторгаться имъ, задумываться надъ нимъ, уносясь отъ грѣшной земли въ сочиненныя поэтами сферы отвлеченныхъ чувствъ, но жизнь гораздо проще, грубѣе и зауряднѣе. Въ ней нѣтъ матеріала для подъема духа, все въ ней приноровлено къ потребностямъ средняго человѣка, и вся задача ея состоитъ въ отысканіи и примѣненіи способовъ для практическаго удовлетворенія этимъ потребностямъ. Поэтому, отчего не восхититься поэтическимъ образомъ, не воспылать мимолетнымъ негодованіемъ, не умилиться надъ хорошею книгою. Все это очень даже умѣстно, но... только покуда читается книга. А разъ она отложена въ сторону, начинается пѣсня „изъ другой оперы“, и снова наступаетъ *настоящая* жизнь, низменная, практическая, эгоистическая, въ которой господствуетъ знаменитая апокрифическая, одиннадца-

тая заповѣдь: „не зѣвай“! Однимъ словомъ—книга сама по себѣ, жизнь—сама по себѣ...

Все это однако невѣрно. Между творческимъ созданіемъ и явленіями дѣйствительной жизни очень много общаго. Каждый пастырь церкви, достойный своего сана, — каждый внимательный и развитый врачъ, — каждый вдумчивый судья—безъ сомнѣнія знаютъ, что жизнь въ своихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ являетъ такія драмы, завязываетъ такіе гордіевы узлы, предъ которыми блѣднѣетъ иной смѣлый вымыселъ. Они знаютъ также, что въ ней встрѣчаются страницы, исполненныя истинной поэзіи и явнаго присутствія высшихъ проявленій человѣческаго духа,—страницы, подъ которыми подписался бы съ готовностью любой художникъ. Знающіе дѣйствительность не съ одной чувственно-своекорыстной стороны должны указывать молодому поколѣнію, что книга жизни заключаетъ въ себѣ, только въ другихъ сочетаніяхъ, то же самое, что и книга, составляющая плодъ художественнаго творчества,—что обѣ одинаково даютъ матеріалъ и для сладкихъ слезъ, и для горькихъ сомнѣній, и для возвышающихъ душу порывовъ, и для будящихъ совѣсть тревогъ и откровеній.

Кто изъ читавшихъ знаменитый романъ Виктора Гюго: „Les misérables“, не помнитъ трогательнаго разсказа объ епископѣ Миріелѣ, пріютившемъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу Жана Вальжана, котораго отовсюду гонятъ съ его „волчьимъ паспортомъ“? Переночевавъ, послѣдній потихоньку уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподозриваютъ и приводятъ съ поличнымъ къ епископу, — но, движимый глубокимъ милосердіемъ, Миріель привѣтливо идетъ къ нему на встрѣчу и съ ласковой улыбкою спрашиваетъ: „отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, которые я вамъ тоже подарилъ“? Толчокъ для нравственнаго перерожденія данъ, и Вальжанъ, духовно поднятый и просвѣтленный, вступаетъ въ новую жизнь... Таковъ поэтическій вымыселъ, созданный талантомъ и глубокимъ чувствомъ французскаго поэта... Но вотъ что̀, по словамъ двухъ современниковъ Гааза, случилось въ сороковыхъ годахъ, лѣтъ за двадцать до появленія въ свѣтъ „Les misérables“, въ Москвѣ, въ Маломъ-Казенномъ переулкѣ. Одинъ изъ пришедшихъ къ Гаазу, въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его по-

ступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную католическую легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. — Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою; его худыя плечи, грудь и руки исчезали подъ чешуйками гноевыхъ прыщей и изъ зіяющаго какъ у скелета носа и синеватыхъ губъ котораго отдѣлялось зловонное и густое какъ туманъ дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ, ковшъ и ручка ножа покрываются подозрительными пятнами,—старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: „на твою постель“! и требуетъ, затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него, а потомъ— чтобы онъ раздѣлся и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; „я умираю, — восклицаетъ онъ, — обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ“! Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... „Тогда,—повѣствуетъ Флоберъ,—прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ—и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладона, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо“...

Это—легенда, это—трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ. А вотъ дѣйствительность... Директоръ госпитальной клиники московскаго университета, профессоръ Новацкій, пишетъ 19 іюня 1891 г., о Ѳ. П. Гаазѣ: „Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего поступленія на службу въ одну изъ клиникъ московскаго университета—1853—былъ, кажется, годомъ его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту,

пришлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиники находились,—Ѳедора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцати-лѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который въ теченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *и нѣжно любившая ее мать*, не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а въ третій—дѣвочка скончалась“...

А. Ѳ. Кони.

1896 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СОНЕТЫ ПЕТРАРКИ.

(54-ый).

Хотя мнѣ мира нѣтъ, пока цвѣтетъ она,
Пока, сѣдѣющій, я весь не посѣдѣю,—
Все жъ нынѣ я не тотъ, что̀ прежде былъ я съ нею,
Любовь моя теперь безумья лишена.

Хотя моя душа все такъ же плѣнена
И такъ же вся полна богинею моею,
Но я наружно лишь волнуюсь и блѣднѣю,
Но глубина души—спокойна и ясна.

Тѣ дни уже прошли, когда страдалецъ бѣдный
Безъ отзыва молилъ земное божество,—
Не брызнутъ слезы вновь отъ горя моего,

И блескъ лучистыхъ глазъ, сіяющихъ побѣдно,
Согрѣетъ лишь меня, но не сожжетъ безслѣдно:
Онъ лишь смутитъ мой сонъ, но не прерветъ его.

(56-ой).

Люблю то мѣсто я, люблю тотъ день и часъ...
Любя до слезъ, иду туда, гдѣ я впервые
Увидѣлъ обликъ тотъ, тѣ кудри золотые,
Гдѣ пала пелена съ моихъ прозрѣвшихъ глазъ.

Благословляю васъ—тотъ свѣтлый день и часъ,
Когда, забывъ, какъ сонъ, тревоги мелочныя,
Позналъ я и добро, и радости святыя,
Когда предъ красотой въ себѣ я Бога спасъ.

О, день и часъ—враги мои! На вѣкъ плѣненный,
Я съ вами бьюсь въ себѣ, въ душѣ моей, въ крови,
И бьюсь, и сознаю, что силъ нѣтъ не любить,—

И если бъ въ этотъ мигъ, въ огняхъ моей любви
Не тлѣла искорка надежды затаенной—
Я палъ бы мертвымъ тамъ, гдѣ я такъ жажду жить!

II.

HORA PRIMA.

Сонетъ Сюлли-Прюдома.

Не проснувшись еще, я привѣтствовалъ день.
Лучъ румяной зари облилъ свѣтомъ мой ликъ,
Къ соннымъ вѣждамъ прильнулъ—и мнѣ въ душу проникъ
Сквозь рѣсницы мои, сквозь ихъ слабую тѣнь.

Какъ творенье рѣзца, я на ложѣ застылъ...
Зрѣла мысль въ глубинѣ осіянной души,
Эту вѣчную мысль созерцалъ я въ тиши,—
И, не глядя на свѣтъ, полонъ солнца я былъ.

Свѣжій, чистый привѣтъ птицъ, встрѣчающихъ день,
Повторялся во мнѣ... И незримо сирень
Напояла меня ароматной волной...

Чуждый стонамъ мірскимъ, чуждый мглы небытья,
На мгновенье познalъ счастье высшее я—
Жизнь внѣ вѣчнаго сна, жизнь внѣ жизни земной!

III.

ДЕНЬ ПОГАСАЛЪ...

Изъ Теофиля Готье.

День погасалъ. Съ небесъ, съ темнѣющихъ высотъ,
Плывя дорогою безвѣстною, безбрежной,
Большое облако купало въ глади водъ
Извивы блѣдные одежды бѣлоснѣжной.

И ночь сошла. И ночь на грудь къ землѣ
Сошла, безмолвная, вся скорбная въ утратѣ,
Вся въ трауpѣ по днѣ—своемъ угасшемъ братѣ,—
И звѣзды царственно зажглись въ предвѣчной мглѣ.

И что-то слышится... То—шорохъ въ иглахъ ели,
Иль шумъ незримыхъ крылъ? Иль, будто имъ въ отвѣтъ,
То—горлицъ робкій плачъ, иль дѣтокъ тихій бредъ,
Взволнованныхъ во снѣ, въ ихъ зыбкой колыбели?..

О, въ эту ночь съ землей шептались небеса,
Дѣлясь тревожно съ ней загадкою священной...
И шопота того неясная краса
Таила страшный смыслъ глубокихъ тайнъ вселенной.

И, чуждый человѣкъ, дитя земныхъ тревогъ,
Я съ жадностью внималъ рѣчамъ природы властной,
Я вторилъ имъ душой, горѣлъ въ молитвѣ страстной,—
Но понялъ я во всемъ одно лишь слово:—Богъ!..

Як. Ивашкевичъ.

ЗАМѢТКИ

объ

ИСКУССТВѢ

Одна иностранная газета отозвалась лаконически, что я сильно критикую французское искусство. Это—или маленькое ехидство, или маленькое невѣжество, или же просто—„слышалъ звонъ и не знаетъ—откуда онъ“... Можно что̀ угодно говорить о французскомъ искусствѣ, но не любить его, не уважать его могучую технику, элегантность и конкретность рисунка, краски, вкусъ, такъ щедро разлитые вездѣ—значитъ не быть художникомъ, не любить неба и весны и отрицать истину. Но, съ другой стороны, надо быть писателемъ изъ разсчета, гнуться по вѣтру, умѣть сидѣть между двумя стульями, чтобы утверждать, что солнце безъ пятенъ, роза безъ шиповъ—и французское искусство непогрѣшимо. Подобныхъ писателей порядочные французы презираютъ такъ же, какъ и порядочные люди всего міра. Какъ бы то ни было, это мнѣ даетъ поводъ высказаться о французскомъ искусствѣ разъ навсегда—а я пишу о французскомъ искусствѣ именно потому, что оно чрезвычайно интересно и поучительно: въ немъ происходитъ теперь нѣчто новое, небывалое въ исторіи искусства. Говорить же о французскомъ искусствѣ—это то же самое, что и о европейскомъ вообще. Вотъ уже сколько вѣковъ какъ французскій духъ проникъ повсюду и царитъ надо всѣмъ. Правда, французы никуда не ѣздятъ, ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего, не говорятъ, никакой иностранной литературы не читаютъ, по чужой модѣ не одѣваются, не нуждаются ни въ комъ... Но въ то же время всѣ къ нимъ

ѣдутъ, всѣ говорятъ на ихъ языкѣ, всѣ одѣваются по ихъ модѣ и вообще подражаютъ имъ во всемъ—и только тотъ не хочетъ признавать ихъ націю великою, кто не хочетъ сознавать себя малымъ. Со времени Людовика XIV родникъ чистыхъ стилей былъ во Франціи, Европа только подражала имъ—и, прибавлю, очень плохо.

Я пишу о французскомъ искусствѣ не для французовъ, они во мнѣ не нуждаются, какъ не нуждаются ни въ комъ... Они—новѣйшіе эллины... и ихъ лучшій комплиментъ иностранцу: „вы—настоящій французъ". Можетъ быть, это съ ихъ стороны и не совсѣмъ скромно; но еслибы другая нація была такъ балована всѣмъ міромъ въ теченіе стольких вѣковъ, какъ французы,—навѣрно она была бы менѣе скромна, чѣмъ они... Я пишу, прежде всего, потому, что я художникъ, потому что мой идеалъ—искусство; я бы желалъ видѣть его и теперь такимъ, какимъ оно было когда-то—въ полномъ расцвѣтѣ душевныхъ силъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ оно шло не въ ширь, а въ глубь, не за публикой, а впереди ея, и если французамъ суждено быть первенствующими въ искусствѣ, то я желалъ бы, чтобы ихъ искусство было полно, конкретно, чтобы форма соотвѣтствовала содержанію, и чтобы слабая рука иностранныхъ художниковъ не срывала ихъ недозрѣвшихъ плодовъ.

Я обращаюсь, главнымъ образомъ, къ соотечественникамъ, и пишу потому, что другіе молчатъ. Знаю, что нынѣшній сѣверный вѣтеръ противъ меня и съ гуломъ относитъ мое слово назадъ; знаю, что на чужбинѣ я чужой, а на родинѣ для многихъ хуже чужого; но все-таки пишу потому, что вѣрую крѣпкою вѣрою въ то, что все хорошее, свѣтлое, то, что̀ называется добромъ и справедливостью, чѣмъ человѣкъ такъ гордится, въ концѣ концовъ восторжествуетъ и у насъ...

Но возвращусь къ французскому искусству. Еще въ академіи художествъ, нашъ маленькій кружокъ зналъ сперва только Винкельмана, Флаксмана, Овербека, увлекался Каульбахомъ, любовался Кнаусомъ и Вотье, о французскомъ же искусствѣ зналъ только по наслышкѣ, что это—chic... И вотъ однажды мы познакомились съ этимъ „шикомъ" при посредствѣ эстамповъ и фотографій... Боже мой, что̀ это за счастливая находка была для насъ! Мы впивались въ эти фотографіи съ жадностью и съ трепетомъ, свойственнымъ только молодымъ сердцамъ; особенно же мы полюбили Жерома, Мессонье, но, главное, Делароша. Сколько чувства въ его произведеніяхъ, сколько драматизма, и какъ глубоко оно трогало насъ! Сколько поэзіи у Жерома, какой отголосокъ дальняго Востока и что̀ за мастерство у Мессонье!..

Каждый изъ насъ изъ послѣднихъ крохъ спѣшилъ пріобрѣсть какую-нибудь фотографію, хоть бы въ маломъ видѣ, чтобы до поздней ночи наслаждаться ею наединѣ, а на завтра дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими. Скажу безъ преувеличенія, что это было наше пробужденіе... Скоро въ академіи художествъ открылась особенная зала для произведеній новѣйшаго французскаго искусства, подаренныхъ извѣстнымъ меценатомъ, графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Эта зала сдѣлалась нашимъ сборнымъ пунктомъ. Бывало, бѣжишь по „циркулю", мимо множества картинъ въ старыхъ позолоченныхъ рамахъ, откуда смотрѣли на насъ такія же старыя и строгія лица какъ бы съ укоромъ... но только махнешь на нихъ рукою и... бѣжишь дальше въ залу. И тутъ только мы воочію познакомились съ нашими любимцами въ оригиналѣ. Познакомились также и съ другими имъ подобными. Вотъ картина Тройона, изображающая раннее утро—но это такой Тройонъ, какого подобнаго я нигдѣ не видѣлъ, даже во Франціи... Вотъ маленькая картина Мессонье—„Курильщикъ", одѣтый въ красное, играющее какъ рубинъ; вотъ „Фаустъ" Ари Шеффера, и вотъ наконецъ „Кромвель у гроба Карла II", Делароша... Что это за широкій аккордъ, сколько душевныхъ струнъ онъ захватываетъ заразъ, и неужели же и тутъ, у этого желѣзнаго человѣка Кромвеля не дрогнуло сердце?.. Такія произведенія глубоко западаютъ въ душу и, не забываются никогда. Да я и до сихъ поръ люблю этого пѣвца людскихъ страданій, люблю, можетъ быть, больше другихъ, больше самихъ французовъ: по крайней мѣрѣ теперь о любомъ Sâr Peladan говорятъ больше чѣмъ, о немъ...

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1876 г., мнѣ опять суждено было познакомиться съ французскимъ искусствомъ. Въ Вѣнѣ тогда открылась всемірная выставка. Я условился съ В. В. Стасовымъ встрѣтиться тамъ. Онъ долженъ былъ пріѣхать изъ Петербурга, а я изъ Рима; къ сожалѣнію, я забылъ назначить мѣсто свиданія,—а все-таки мы встрѣтились въ первый же день нашего пріѣзда и именно въ французскомъ художественномъ отдѣлѣ. „Я такъ и думалъ,—сказалъ онъ мнѣ:—гдѣ же встрѣтиться, какъ не здѣсь"?! И дѣйствительно, французскій отдѣлъ былъ неизмѣримо выше всѣхъ. Бывало, обойдешь все... и непремѣнно возвратишься туда. Тутъ-то я и рѣшился ѣхать въ Парижъ. И года два спустя, именно въ 1878 г., во время всемірной выставки, я уже былъ здѣсь и не раскаялся. Французское искусство все болѣе и болѣе поражало меня, да иначе и быть не могло. На выставкѣ я увидѣлъ то, чего никогда не видалъ нигдѣ, и куда ни обращалъ глаза, въ каждомъ уголкѣ было все то же и то же: тотъ же

уровень, та же сила и то же впечатлѣніе... Здѣсь были собраны лучшія картины лучшихъ мастеровъ: цѣлый рядъ маленькихъ картинъ Мессонье, какъ нанизанныя жемчужины, одна другой лучше; портретистъ Бонна̀, лѣпящій красками живыя лица; картина П. Лоранса, изображающая смерть Марсо̀; Бастіенъ Лепажъ,—старикъ, писанный на воздухѣ, живой,—и много, много другихъ... Вотъ настоящее искусство излюбленное, въ которое художникъ вложилъ свою душу,—словомъ, истинно великіе таланты.

Но не одни эти великіе художники захватывали меня, не одна всемірная выставка съ ея чудесами человѣческаго генія, а и самый Парижъ, колоссальный Парижъ, гдѣ милліоны человѣческихъ сердецъ бьются и клокочутъ разными диссонансами. Меня захватывали разнообразныя и противоположныя теченія, въ которыхъ я путался и сбивался съ толку... Я вдругъ увидѣлъ все въ колоссальныхъ размѣрахъ, добро и зло, рай и адъ. Моя интеллектуальная жизнь началась со вступленія въ академію художествъ; мнѣ было тогда уже двадцать два года; въ академіи мы, какъ большая часть тогдашней молодежи, толковали о своей спеціальности, мечтали обо всемъ возвышенномъ, увлекались искусствомъ до страсти и не знали ничего выше и достойнѣе его. Да притомъ наши идеалы, наша поэзія, философія дѣйствительно стояли выше всего и выше всѣхъ. Правда, бывали минуты трудныя, но на нихъ мы смотрѣли какъ на мосты и мостики, черезъ которые необходимо было перейти, чтобы достигнуть противоположнаго берега, или какъ на крутыя горы, на которыя надо подыматься, чтобы достигнуть высоты. Мы шли бодро впередъ, ибо цѣль была передъ нами. Въ это время, какъ я уже сказалъ, мы познакомились съ лучшими французскими художественными произведеніями, и сквозь нихъ мы смотрѣли на французовъ вообще. Вскорѣ я уѣхалъ въ Италію и передо мною открылся новый волшебный міръ, полный прелести и восторга. Итальянское небо, итальянское солнце радовало, ласкало меня, да и не одного меня. Нашъ русскій кружокъ былъ отборный: художники, музыканты, археологи, и всѣ мы были молоды, безпечны и жили всѣми фибрами существа весело и съ увлеченіемъ, — увлекались, — конечно, больше всего искусствомъ, предпринимали художественныя экскурсіи по окрестностямъ Рима... Да, то была юная весна, когда частица неба отражалась въ насъ самихъ. Но какъ бы хороша и заманчива ни была итальянская природа со своими древними и средневѣковыми памятниками, исторіей искусства, какъ ни была богата и разнообразна жизнь художниковъ въ Италіи, все-таки дальнее

эхо парижскаго гула, новое искусство, часто тревожили мое воображеніе. И вотъ, послѣ долгихъ колебаній, я очутился, наконецъ, въ Парижѣ.

Въ парижской атмосферѣ я почувствовалъ себя какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Я задыхался отъ волненія и восторга, отъ разнообразныхъ ощущеній; все казалось мнѣ новымъ, небывалымъ; я нашелъ въ Парижѣ то, о чемъ я такъ мечталъ,—нѣтъ, я увидѣлъ больше, чѣмъ воображалъ себѣ. Я блуждалъ по Парижу, какъ въ лѣсу, путался въ немъ, какъ въ своихъ мысляхъ. Ежедневныя впечатлѣнія сосредоточивались во мнѣ какъ въ вогнутомъ зеркалѣ и оттуда обратно вытягивались въ разныхъ направленіяхъ, путая и пересѣкая другъ друга. Бывало, идешь по бульвару, а передо мной пестрѣетъ толпа какъ зыбь на поверхности моря... Все казалось мнѣ условнымъ, безличнымъ, лишеннымъ индивидуальности, начиная отъ неизбѣжнаго цилиндра и кончая деревьями, выстроенными по обѣимъ сторонамъ вдоль бульваровъ,—деревьями одинаковой породы, одинаковой вышины и толщины. Но вмѣстѣ съ этимъ меня захватывала и какая-то новая жизнь, жажда дѣятельности, вѣчно толкающая впередъ, все впередъ, не давая оглядываться назадъ. Нигдѣ такъ не легко усовершенствоваться, достигнуть высшихъ познаній, какъ здѣсь, и нигдѣ не работается такъ много и такъ споро, какъ опять-таки здѣсь. Музеи, Сорбонна, публичныя лекціи, европейскія свѣтила—все къ вашимъ услугамъ; двери аудиторій открыты для всѣхъ. Но объ этомъ я узналъ не сейчасъ, а потомъ: зло вездѣ, какъ пѣна, плаваетъ сверху, а добро, какъ жемчугъ, лежитъ на днѣ.

Впрочемъ, причина моихъ первыхъ блужданій въ парижской жизни была не личная. Надо взять въ соображеніе еще привычки и характеръ народности вообще и сѣвернаго человѣка въ особенности. Я давно замѣтилъ, что мы, русскіе, пріѣзжая на чужбину, одно изъ двухъ: или все ругаемъ, или таемъ; прибавлю, что по бо̀льшей части начинаемъ съ перваго и кончаемъ вторымъ. Причиною этого наша молодость, наша непосредственная впечатлительность... Мы съ такой же искренностью отталкиваемъ все, что̀ намъ кажется чужимъ, и съ такой же легкостью подчиняемся чужому вліянію. Все намъ кажется не такъ, какъ у насъ, можетъ быть лучше, чѣмъ у насъ, прекраснѣе, но не милѣе. Французы, напр., въ душѣ—формалисты, нѣмцы—псевдоклассики, мы—реалисты. Французы по характеру гибки какъ женщины, какъ шпага—гнутся, но не ломаются; нѣмецъ прямолинеенъ какъ мачта; мы же, русскіе, какъ молодая вѣтка при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, качаемся справа налѣво и снова направо. Французъ игривъ;

нѣмецъ—серьезенъ; мы, русскіе—грустны, какъ петербургское небо. У насъ много искренняго, много неподдѣльнаго чувства, но нѣтъ веселаго, звонкаго смѣха здоровыхъ людей. Съ подобными наклонностями каждый смотритъ на всѣхъ сквозь самого себя, и тутъ всегда выходитъ одно изъ двухъ: или необыкновенно хорошо, или необыкновенно дурно. Хорошо то, что̀ соотвѣтствуетъ нашему настроенію и къ чему мы стремимся хоть бы издали; дурно то, чего у насъ и въ зародышѣ нѣтъ.

Но особенно надо всегда принимать во вниманіе разницу такихъ двухъ характеровъ, какъ русскій и французскій. Я не знаю ничего болѣе противоположнаго, какъ эти двѣ натуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю двухъ крайностей, которыя такъ способны были бы сойтись. То, что̀ у одного въ избыткѣ, у другого недостаетъ, и наоборотъ. Начну съ того, что французы—народъ старый, а мы—молодой; они богаты, мы бѣдны; они разсчетливы, мы безпечны; они вѣжливы, а мы добродушны; у нихъ культурная дисциплина, у насъ халатность; у нихъ день строго распредѣленъ по часамъ: часъ занятій, часъ ѣды, часъ отдыха и т. д.; у насъ же всѣ часы смѣшаны, или, вѣрнѣе, у каждаго свои часы; поэтому, куда ни пойдешь, вездѣ попадешь не во̀-время. У французовъ не знаешь, гдѣ кончается искренность и начинается вѣжливость; мы же всегда искренни и поэтому всегда бранимся. Французы работаютъ всю жизнь, чтобы имѣть возможность на старости отдохнуть; мы же отдыхаемъ всегда, и при этомъ не только проживаемъ все, что̀ у насъ есть, но еще и долгу надѣлаемъ... Въ искусствѣ французы — эпикурейцы, а мы—пуритане: у нихъ преобладаетъ форма, а у насъ содержаніе; у нихъ главное—*какъ* сдѣлано, а у насъ—*что* сдѣлано. Подобныхъ сопоставленій можно сдѣлать много еще, и всегда останется еще что-нибудь досказать.

Но перейдемъ къ нашему предмету. На той же самой всемірной выставкѣ, гдѣ я бродилъ по цѣлымъ днямъ, упиваясь и наслаждаясь всѣмъ видѣннымъ, не замѣчая ни времени, ни усталости, я былъ однако пораженъ слѣдующимъ. Я долженъ сказать, что французскій скульптурный отдѣлъ былъ если не лучше отдѣла живописи, то и не хуже его; но странно,—онъ былъ помѣщенъ отдѣльно въ концѣ корпуса зданія, тѣсенъ, и что̀ еще хуже, почти всѣми забытъ. Въ то время какъ отдѣлъ живописи былъ наполненъ публикой, въ скульптурномъ отдѣлѣ было пусто, а такія произведенія, какъ надгробный памятникъ маршала, работы Поля Дюбуа, „Геній, уносящій жертвъ франко-прусской войны“, работы Мерсье—были поставлены даже внѣ помѣщенія. Въ Люксембургскомъ музеѣ я нашелъ скульптуру въ еще болѣе за-

брошенномъ видѣ: всѣ работы стояли въ небольшой темной комнатѣ, точно въ сараѣ; чтобы ихъ разсмотрѣть, надо было пробираться въ узкомъ проходѣ, и удивительно, какъ при этомъ не зацѣпляли статуй, не отбивали рукъ и не пачкали носовъ? Это можно приписать только культурной дисциплинѣ французскаго народа. Теперь тамъ куда лучше, а все-таки для французовъ, и особенно для французскаго національнаго музея, можно бы пожелать гораздо бо̀льшаго. Въ Луврѣ было тоже: новѣйшая скульптура (и до сихъ поръ впрочемъ) помѣщена въ нижнемъ этажѣ; бѣлыя мраморныя фигуры разставлены вдоль бѣлыхъ стѣнъ; полъ бѣлый мраморный, свѣтъ со всѣхъ сторонъ, сверху до низу; и холодно, и пусто, и непривѣтливо... Надо удивляться, какъ не знаютъ тѣ, кому это знать слѣдуетъ, что свѣтъ для скульптуры—то же, что глаза для человѣка; что лучшій свѣтъ — небесный, сверху, а не боковой—и еще меньше отраженный.

Ничего подобнаго я не видѣлъ нигдѣ. Въ Италіи, дурно ли, хорошо ли, живопись и скульптура идутъ рука объ руку, ими одинаково интересуются... Отчего же такая раздвоенность здѣсь, такая нелюбовь къ скульптурѣ? Въ ватиканскомъ, флорентійскомъ, неаполитанскомъ музеяхъ, вездѣ привѣтливо, уютно, особенно въ неаполитанскомъ. Тамъ зала скульптуры устроена въ помпейскомъ стилѣ; входишь туда какъ въ богатое жилое помѣщеніе; каждая вещь имѣетъ свое мѣсто, поставлена съ любовью и знаніемъ дѣла; ни одинъ предметъ не теряетъ своего достоинства, манитъ васъ къ себѣ, является во всей своей красѣ. Я старался допытаться здѣсь причины этой нелюбви къ скульптурѣ, но ни отъ кого не могъ получить опредѣленнаго отвѣта. Впрочемъ скоро я и самъ догадался. Одновременно съ всемірной выставкой шла и годичная художественная выставка, и тутъ-то я увидѣлъ французское искусство въ настоящемъ свѣтѣ... На всемірной выставкѣ былъ собранъ, такъ сказать, пышный букетъ крупныхъ розъ, а тутъ, въ палисадникѣ, были всякія, и крупныя, и малыя, бутоны и бутончики, даже сорная трава, даже и крапива... Но главное, я убѣдился, что хотя въ наше время есть увлеченіе, страсть и даже мода, но нѣтъ той чистой, неподдѣльной любви къ искусству, какая бывала когда-то въ средніе вѣка. Вспомнимъ тотъ фактъ, что когда знаменитый Бенвенуто-Челлини отливалъ своего „Персея“ изъ бронзы, вся Флоренція волновалась: „выйдетъ, или не выйдетъ“?.. Когда Микель-Анджело отказывался сдѣлать надгробный памятникъ папѣ Льву X подъ предлогомъ, что другія работы еще не кончены, святой отецъ воскликнулъ: „тридцать лѣтъ я тебя ждалъ“! По-

добныхъ фактовъ было много въ средніе вѣка, особенно въ эпоху Renaissance... А теперь, почему забыта скульптура? Почему увлекаются однѣми красками, почему забыли рисунокъ, и, наконецъ, почему большинство публики довольствуется формой, забывая о содержаніи?.. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, я засталъ сильное увлеченіе красками. Такіе художники, какъ Делакруа, Миллé и имъ подобные, сдѣлались общимъ кумиромъ; они заслоняли всѣхъ, и никто не замѣчалъ другихъ художниковъ, съ другими достоинствами... Нѣтъ сомнѣнія, что это очень крупные художники; работы Милле, напр., необыкновенно пластичны; у Делакруа необыкновенныя краски, горячій тонъ, но это—достоинства чисто внѣшнія, особенно у Делакруа. Это то же, что въ литературѣ прекрасный языкъ, звучный стихъ и т. п. Но вѣдь Богъ далъ людямъ прекрасный языкъ для того, чтобы они могли высказывать свои чувства и свои задушевныя мысли. Вотъ именно этого-то послѣдняго я и нашелъ очень мало, да мало кто тогда этого и требовалъ...

Но рядомъ съ односторонностью я засталъ здѣсь и другое теченіе, болѣе серьезное, болѣе важное,—нѣчто похожее на новую эру въ искусствѣ,—хотя опять-таки въ области чистой виртуозности. Я подразумѣваю направленіе plein air импрессіонистовъ, съ Манэ во главѣ. Впрочемъ, я долженъ оговориться: я вовсе не имѣю намѣренія описывать подробно движеніе французскаго искусства за послѣднее время. Это было бы одинаково утомительно и для читателей, и для меня. Мнѣ хотѣлось бы только указать на главные факты этого движенія, именно на то, чтò можетъ быть интересно и для публики, и полезно молодымъ художникамъ. Почему Манэ всколыхалъ художественный міръ и поднялъ въ немъ такую бурю? Это можно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ. Извѣстно, что движеніе есть жизнь, а застой — смерть. Чѣмъ больше движенія, тѣмъ больше и жизни—и наоборотъ. Но чѣмъ сильнѣе движеніе, тѣмъ менѣе оно уловимо въ искусствѣ. Извѣстно, что когда лошадь бѣжитъ, ее невозможно разсмотрѣть подробно. Бòльшая же часть художниковъ не обращала на это вниманія; они тщательно выписывали все, и этимъ приковывали свои предметы къ мѣсту, лишали ихъ движенія, т.-е. жизненной правды. Такъ напр., у насъ въ академіи художествъ есть картина, изображающая одного изъ государей ѣдущимъ въ коляскѣ; лошадь бѣжитъ, а на колесахъ выписаны всѣ спицы подъ линейку. Но какъ изобразить это вѣчное движеніе, этотъ вѣчно дрожащій воздухъ? Главное — схватить первое впечатлѣніе предмета, не вда-

ваясь въ подробности. Отъ этой-то „première impression“ и произошло названіе импрессіонистовъ.

Затѣмъ была еще другая несообразность въ искусствѣ. Художники писали сцены, происходящія подъ открытымъ небомъ—у себя въ мастерской, гдѣ краски и тоны получаются совершенно иныя, чѣмъ въ дѣйствительности. Для хорошаго живописца, съ тонкимъ чутьемъ, такое пренебреженіе къ правдѣ—то же, что въ рисункѣ кривые глаза или несоразмѣрныя руки. Чтобы избѣжать этого, необходимо давать правильное отношеніе между предметами и окружающей обстановкой,—другими словами, надо дѣлать то, *что* видишь, и дѣлать тамъ, *гдѣ* видишь. Противъ этого спорить трудно. Художники „plein air“ показали воочію свою правоту, но за то, касательно первыхъ впечатлѣній, т.-е. импрессіонизма, они въ большинствѣ случаевъ не выдерживаютъ критики. Кто не знаетъ, что набрасывать гораздо легче, чѣмъ заканчивать; что только конецъ вѣнчаетъ дѣло. Притомъ же, есть предметы въ спокойныхъ положеніяхъ, которые не только ничего не проигрываютъ отъ законченности, но, напротивъ, непремѣнно выигрываютъ. Мнѣ говорили:—отойдите на извѣстное разстояніе, прищурьте глазъ и передъ вами выступитъ живая натура. Но вѣдь истинное искусство ни въ чемъ подобномъ не нуждается: оно должно быть одинаково хорошо, какъ вблизи, такъ и вдали; прищуриваніе же глазъ даетъ впечатлѣніе сумерокъ, когда, по пословицѣ, „всѣ кошки сѣры“... Кто не знаетъ, что подъ вуалью дамы кажутся моложе и красивѣе. Повторяю—истинное искусство ни въ чемъ подобномъ не нуждается... на него можно и слѣдуетъ смотрѣть прямо, обоими глазами, какъ на самую правду, безъ всякихъ оптическихъ пріемовъ. Какъ бы то ни было, Манэ въ свое время поднялъ на ноги всѣхъ художниковъ, любителей и критиковъ. Было не мало толковъ и за, и противъ: одни его боготворили, другіе проклинали, и тутъ, среди борьбы, умеръ и самъ художникъ, стяжавъ себѣ вѣнецъ мученика, изъ розъ, переплетенныхъ терніями.

Манэ, какъ художникъ, принесъ мало пользы искусству. Отъ его работъ останется одно только историческое воспоминаніе. Но какъ проповѣдникъ, какъ новаторъ, онъ имѣлъ несомнѣнно огромное значеніе. Въ его теоріи много несообразностей, много невыполнимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много цѣннаго, и, что̀ самое главное, онъ многихъ художниковъ заставилъ оглянуться и задуматься. Меньше всѣхъ поняли его направленіе прямые его послѣдователи. Между ними было много талантливыхъ, но они, къ сожалѣнію, слишкомъ увлеклись новизной, не съумѣли отли-

чить у своего учителя хорошаго отъ дурного; имъ казалось хорошимъ именно невозможное, красивымъ—уродливое, и они стали писать лица съ фіолетовыми волосами, увѣряя, что при извѣстномъ освѣщеніи они таковы и въ дѣйствительности. Они рисовали причудливыя перспективы, похожія на фотографическіе снимки, сдѣланные неумѣлой рукой на слишкомъ близкомъ разстояніи: первый планъ черезъ-чуръ великъ, а второй—черезъ-чуръ малъ. Обыкновенно принято ставить предметъ приблизительно посреди полотна, а они доказывали, что можно ставить его сбоку, въ углу, даже—раздѣлить предметъ на двѣ части: съ одной стороны предмета показывается лошадиная голова съ передними ногами, а съ другой—лошадь уходитъ, оставляя на виду у зрителя заднюю часть, хвостъ и копыта... Обыкновенно вставляли картины въ золоченыя рамы—а они показали, что можно вставлять въ бѣлыя, даже просто въ сосновыя... Впрочемъ, это были только цвѣтки—ягодки впереди.

Одновременно съ Манэ работалъ и другой художникъ, но уже въ противоположномъ направленіи. Я говорю о Puvis de Chavanne'ѣ, декораторѣ и стѣнномъ живописцѣ. Этотъ родъ живописи особенно процвѣталъ въ древнія времена, также и въ средніе вѣка, когда стѣны храмовъ расписывались. Во времена Renaissance расписывались также и плафоны въ частныхъ домахъ, даже наружные ихъ фасады. Но вмѣстѣ съ этимъ, приблизительно въ XIV в., начали покрывать стѣны tapisscries, тканями, тисненою кожей, матеріями, и, наконецъ, въ XVIII в. стѣны оставлялись совсѣмъ бѣлыми. Само собою разумѣется, что чѣмъ меньше было спроса на это искусство, тѣмъ болѣе оно теряло свое значеніе, а въ нѣкоторыхъ центрахъ Европы оно и совсѣмъ исчезло. Мнѣ приходилось видѣть, между прочимъ, въ Петербургѣ комнату, гдѣ на четырехъ стѣнахъ были изображены четыре времени года—и выходило сѣро, красно, черно и бѣло... Еще болѣе былъ я удивленъ живописью на хорахъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ: чтò ни картинá — другая манера, другія краски, другое построеніе, — въ общемъ, что-то въ родѣ разстроеннаго оркестра, гдѣ каждый играетъ по своему. Подобная работа воображенія невыносима для людей мало-мальски привыкшихъ къ гармоніи...

Во Франціи этотъ родъ живописи поддерживался благодаря реставраціи построекъ, главнымъ образомъ, церквей, а отчасти благодаря и новымъ работамъ, какъ живопись въ Panthéon'ѣ, въ Hôtel de Ville'ѣ, въ Большой-Оперѣ и проч. Безспорно, однимъ изъ самыхъ выдающихся живописцевъ этого рода былъ

Бодри. Извѣстно, что войны создаютъ великихъ полководцевъ, общественныя явленія—великихъ людей, грандіозныя постройки—великихъ художниковъ. Понадобилось построить Большую-Оперу—явился замѣчательный архитекторъ Гарнье, и къ его услугамъ замѣчательный живописецъ Бодри и скульпторъ Карпо... Но тутъ я коснусь только Бодри. Я рѣдко видѣлъ до такой степени благородныя, нѣжныя краски и рисунокъ, какъ у этого живописца, и если зданіе называютъ нео-греческимъ, то его живопись можно назвать neo-renaissance. Но Бодри былъ только свѣтскимъ живописцемъ; его краски, его богатыя композиціи соотвѣтствовали богатству обстановки. Совсѣмъ въ другомъ родѣ—Puvis de Chavanne. Живопись его скорѣе религіозная, настроеніе болѣе или менѣе мистическое. Puvis de Chavanne извѣстенъ всѣмъ давно, но его какъ будто не признавали, и лишь только сравнительно недавно, чуть ли не подъ старость, извѣстность его достигла апогея. Я познакомился съ его произведеніями страннымъ образомъ: шелъ я по выставкѣ и по обыкновенію смотрѣлъ на все съ напряженнымъ вниманіемъ; черезъ часъ, вниманіе начало притупляться, ноги уставать, ряды картинъ, со всевозможными сюжетами и красками, начали уже пестрѣть въ глазахъ. Манёвръ, базаръ, морская буря, святой Іеронимъ, раздирающая сцена и портреты — хорошіе и плохіе, красивые и уродливые,—все это превращалось въ какой-то хаосъ... И вдругъ я очутился въ большой угловой залѣ; передо мной во всю стѣну разостлалась картина, не имѣвшая ничего общаго съ предыдущими. Это было что-то въ родѣ элегіи, названіе позабылъ, но то, что̀ я видѣлъ—не забуду никогда. Раннее утро; блѣдный свѣтъ только-что началъ прокрадываться сквозь серебристый воздухъ, насыщенный влагой утренней росы; на небѣ поблѣднѣвшія звѣзды, мѣсяцъ серпомъ: и небо, и звѣзды, и мѣсяцъ отражались въ тихомъ прудѣ, окаймленномъ зеленью, какъ въ зеркалѣ. Вдали какой-то храмъ, а за нимъ золотою полоскою горизонтъ. Группы фей, въ разныхъ позахъ, то сидя бесѣдовали между собою, то бродили по широкому пространству—вотъ и все. Если хотите — это выдумка, мечта художника, но сколько поэзіи, что̀ за тишина, и какъ успокоительно она подѣйствовала на меня! И все это сдѣлано такъ просто, всего двумя или тремя красками. Нѣчто въ родѣ подобнаго впечатлѣнія я испыталъ однажды, когда ѣхалъ по желѣзной дорогѣ ночью, среди скалистыхъ горъ (кажется, черезъ Бреннеръ): причудливыя скалы всевозможныхъ формъ, облитыя луннымъ фосфорическимъ свѣтомъ, близко заглядывали ко мнѣ въ окно, и одна за другою убѣгали прочь... Какая это была

волшебная прелесть! Я перебѣгалъ отъ одного окна къ другому, не желая пропустить ничего; но прошло нѣсколько часовъ— и я утомился. Все тоже... все одно и тоже. Я нагибался низко, низко, чтобы увидѣть хоть кусочекъ синяго неба, но это мнѣ удавалось рѣдко—и вдругъ, крутой поворотъ, свистъ локомотива— мы у станціи и передо мной широкое поле, дальній горизонтъ, просторъ для глазъ... Я опустилъ окно и вздохнулъ полною грудью отъ удовольствія.

У Puvis de Chavann'a есть, однако, два существенныхъ недостатка, которые дѣлаютъ его произведенія недолговѣчными. Первый — гоняясь за простотой, онъ рисуетъ свои фигуры уже черезъ-чуръ просто, придерживаясь примитивнаго искусства; онъ наивничаетъ какъ ребенокъ, а извѣстно, что то, что̀ мы находимъ у ребенка прелестнымъ, у старца ненормально—и наоборотъ. Второй—онъ наивничаетъ даже тогда, когда изображаетъ современныхъ людей въ современныхъ костюмахъ, а это уже совсѣмъ анахронизмъ. Меня увѣряли, что онъ рисуетъ такимъ маперомъ для дальнихъ разстояній, но я думаю, что это натяжка. Статуи Фидіаса съ пароенонскаго фронтона изумительно хороши вблизи; навѣрно онѣ были таковы и вдали. Но главное, отъ Puvis de Chavanne'a до прерафаэлистовъ—рукой подать. Какъ извѣстно, школа эта возникла въ Англіи; въ ея рядахъ есть много талантливыхъ и даже весьма даровитыхъ художниковъ, но вотъ что̀ часто мнѣ приходитъ на мысль. Я, напримѣръ, очень люблю древности, знаю, что есть „артисты", которые поддѣлываютъ ихъ изумительно хорошо, до полной иллюзіи, до того, что вводятъ въ заблужденіе лучшихъ знатоковъ. Съ какою цѣлью? Конечно, только съ цѣлью обмана... Но какая же цѣль прерафаэлистовъ? Конечно, самая искренняя... Въ такомъ случаѣ я спросилъ бы ихъ: что̀ вы видите въ примитивномъ искусствѣ? Благородство, искренность?.. Но будьте только сами благородны, искренни, тогда таково же будетъ и ваше произведеніе. Вы видите въ примитивномъ искусствѣ чистую вѣру, и это васъ трогаетъ до глубины души—идите въ монастырь, поститесь раньше, чѣмъ приступить къ работѣ, работайте стоя на колѣняхъ, обливаясь слезами отъ умиленія, и тогда вы достигнете того, чего достигли разные Беаты. Если же вы не можете этого сдѣлать, если не можете страстно полюбить своего Бога и во имя Его отречься отъ всего земного, то полюбите по крайней мѣрѣ душу человѣка, его радости и страданія. Неужели они васъ не трогаютъ? Неужели же въ самомъ дѣлѣ человѣчество сдѣлалось настолько прозаическимъ, такъ остыло душой, что оно ничѣмъ не можетъ вдохновить васъ? Вы дѣлаете то же, что̀ дѣ-

лали псевдоклассики: разница между ними и вами только та, что они придерживались античнаго искусства, а вы—средневѣковаго. Ваши фигуры, ваши типы, даже форма рукъ—хороши, превосходны, но они сильно напоминаютъ Филиппо Липпи, цѣликомъ взявшаго ихъ отъ Боттичелли, Гирляндайо и другихъ. Наконецъ, неужели же вы не знаете, что есть *одна* истина, которую не въ силахъ поработить ничто, и то, что̀ жило разъ, вновь не оживаетъ никогда?!

Я коснулся прерафаэлистовъ рядомъ съ импрессіонистами потому, что эти двѣ противоположныя крайности подали другъ другу руку, а къ этому прибавилось еще одно обстоятельство, въ сущности маловажное, но давшее этимъ направленіямъ новый толчокъ. Въ 1889 году, послѣ всемірной выставки, произошелъ между здѣшними художниками расколъ. Причиной его было слѣдующее: на этотъ разъ на всемірной выставкѣ розданы были награды — правда, на бумагѣ—но за то щедрою рукой; такъ, напр., русскій отдѣлъ, состоявшій всего изъ 600 экспонентовъ, получилъ 540 наградъ, и вышло, что награды были получены не по достоинству, а по положенію, не за произведенія, а за участіе въ выставкѣ. И вотъ, въ виду того, что получившіе награду имѣютъ право выставлять свои произведенія въ салонѣ помимо жюри, и въ виду того, что было такъ много посредственностей между ними, среди здѣшнихъ художниковъ возникъ вопросъ, какъ съ ними быть?.. Художники, участвовавшіе въ жюри всемірной выставки, были за ихъ допущеніе — другіе противъ. Образовалось двѣ партіи, каждая осталась при своемъ, и онѣ разошлись Вслѣдствіе этого, возникъ другой салонъ—на Champ de Mars, на самыхъ свободныхъ началахъ. Членами его могутъ быть и французы, и иностранцы, и мужчины, и дамы; каждый членъ можетъ выставлять что̀ ему угодно и сколько ему угодно, не подвергаясь оцѣнкѣ жюри, а награды, изъ-за которыхъ поднялся весь этотъ споръ, совсѣмъ уничтожены. Новый салонъ былъ устроенъ превосходно, даже роскошно. Въ немъ приняли участіе такіе художники, какъ Puvis de Chavanne, Carolus Durand, Dagnan-Bouveret, Lhermite и Мессонье во главѣ. Но рядомъ съ ними явились молодые художники разныхъ оттѣнковъ. Тутъ были импрессіонисты, мистики, декаденты, символисты, и проч., и проч. Тутъ было всего—много молодости, много свѣжести, много силы и таланта, но и столько же бреда, непонятнаго до сумасбродства. И несмотря на это, а можетъ быть именно благодаря тому, выставка имѣла огромный успѣхъ. Публика и газеты увлекались ею, увлеклись и сами художники... По крайней мѣрѣ болѣе смѣ-

лые изъ нихъ не удовольствовались добытыми результатами и, оттолкнувшись отъ стараго берега, пустились отыскивать новый міръ, полный фантазіи и грезъ. Но, увы! Плывя безъ паруса и руля, они были отнесены теченіемъ въ міръ Sâr Peladan'а. Это уже было сборище остатковъ разбитой арміи, изнуренныхъ и истощенныхъ до болѣзненности.

Я былъ на ихъ первой выставкѣ, и чтобы дать хоть малое понятіе о нихъ, я позволю себѣ описать два-три изъ ихъ произведеній. При входѣ направо, рисунокъ, изображающій нѣчто въ родѣ крѣпости странной формы: по обѣимъ сторонамъ флигеля съ башнями по срединѣ, фонъ лазурный—скажемъ—море... Рядомъ другой рисунокъ, продолженіе перваго: здѣсь крѣпость превращается въ торсъ какого-то чудовища, флигеля—въ крылья, башни—въ страшныя головы, окна—въ красно-огненные глаза... Далѣе, третій рисунокъ того же художника: опять бѣлыя строенія на томъ же голубомъ фонѣ, но эти строенія только пьедесталъ для одноглазаго чудовища колоссальныхъ размѣровъ; отъ его глаза, какъ отъ волшебнаго фонаря, расходится лучеобразный свѣтъ, освѣщающій міровыя планеты. Еще далѣе, скульптурный барельефъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, не вслѣдствіе неясности, а потому, что въ немъ просто ничего не было сдѣлано: это былъ скорѣе всего эскизъ для эскиза... Можетъ быть, художникъ пробовалъ здѣсь импрессіонизмъ въ скульптурѣ — и, разумѣется, напрасно. Вотъ темный холстъ, вставленный въ темную раму: внизу, въ углу, видна какъ въ туманѣ голова мальчика. И вѣдь талантливо написано... но непонятно, почему голова находится въ самомъ углу картины... Вотъ триптихъ, на трехъ доскахъ иллюстрированъ одинъ и тотъ же сюжетъ: господинъ въ черномъ фракѣ среди дородныхъ, соблазнительныхъ Евъ... И опять талантливо написано, хотя условно, и потому понятно только одному художнику. Были картины религіознаго содержанія; были подражанія разноцвѣтныхъ церковныхъ оконъ, японской живописи и всего прочаго; было, наконецъ, нѣсколько картинъ, въ которыхъ ничего особенно удивительнаго и не было, развѣ только то, какъ онѣ туда попали... Въ углу, подъ краснымъ занавѣсомъ, кто-то монотоннымъ гробовымъ голосомъ читалъ на распѣвъ... Я могъ только разслышать: „Богъ великъ, а мы"... Таковъ былъ первый дебютъ этихъ художниковъ. Эта выставка была своего рода взрывомъ бомбы: всѣ заговорили о ней, всѣ побѣжали ее смотрѣть — и въ результатѣ получился огромный успѣхъ. Въ Парижѣ вѣдь главное, чтобы заговорили, все равно—за или противъ. Скоро потомъ открылся спеціальный магазинъ этого рода живописи, образовался извѣст-

ный контингентъ любителей, явились, разумѣется, подражатели, не только здѣсь, но и далеко за границей,—не отстали, конечно, и мы...

Мнѣ случилось посѣтить одного изъ такихъ художниковъ-мистиковъ. Было это лѣтомъ, въ проливной дождь; вѣтеръ гнулъ деревья, точно желая ихъ вырвать съ корнемъ, и я насилу добрался до лѣстницы и очутился въ темномъ корридорѣ. Отыскавши ощупью ручку звонка, я позвонилъ, и блѣдное лицо, окаймленное черной бородою, показалось на порогѣ. На мой вопросъ, здѣсь ли живетъ такой-то, онъ молча кивнулъ мнѣ головой и безмолвнымъ движеніемъ руки пригласилъ меня войти. Въ мастерской не свѣтлѣе, чѣмъ въ корридорѣ... Большое окно было задернуто занавѣсомъ, пропуская лишь только узкій боковой свѣтъ... Я сталъ разсматривать предметы; въ углу стояла небольшая позолоченная статуэтка Будды, подъ нимъ висѣлъ черепъ, весь расписанный, торчалъ засушенный пальмовый листъ; на стѣнахъ висѣли какіе-то рисунки съ драконами; съ потолка спускалось что-то крылатое, замершее въ воздухѣ; мольберты стояли закутанные въ саваны, какъ видѣнія... Мнѣ казалось, что я очутился у какого-то мага, чародѣя—вотъ сейчасъ услышу три подземныхъ удара, изъ-подъ пола покажутся огненные языки, дымъ поднимется клубомъ до потолка, и тѣнь Саула или Тамерлана покажется передо мной... И дѣйствительно, случилось нѣчто въ этомъ родѣ: художникъ срываетъ саванъ съ одного изъ мольбертовъ, и передо мной очутилась прелестная, очаровательная женская головка. Магъ вошелъ въ свою роль и раскрылъ прочіе мольберты... Я увидѣлъ множество прелестныхъ фигуръ и головокъ—одна другой лучше... Тутъ я не выдержалъ и попросилъ отдернуть занавѣсъ: вѣдь хорошее произведеніе, какъ правда, свѣта не боится. Я разговорился съ этимъ художникомъ, и онъ оказался далеко не глупымъ человѣкомъ и даже начитаннымъ, а картины его—преинтересными, премилыми, полными поэзіи, прочувствованными и чрезвычайно деликатно исполненными. Я удивлялся: какой онъ въ сущности декадентъ?!.. Зачѣмъ ему понадобилась эта таинственная обстановка, вся эта ложная декорація?.. Для того ли, чтобы въ сумеркахъ удобнѣе мечтать, или же, подобно римскому авгуру, смѣяться надъ своей чудодѣйственной палочкой и надъ всѣми, кто вѣритъ въ ея силу? Думаю, однако, что ни то, ни другое, а просто молодость, увлекающаяся новизной. Нѣсколько времени спустя, онъ выставилъ эти картины въ Salle Petit, конечно при обыкновенномъ свѣтѣ, и среди знатоковъ онъ имѣлъ большой успѣхъ; ему предстоитъ большая будущность;—

его зовутъ—Dhourvar. Правда, въ его рисункѣ много подражанія средневѣковымъ мастерамъ, въ особенности Леонардо да-Винчи... но, повторяю,—онъ еще молодъ.

Всякій разъ, когда я касаюсь мистиковъ и декадентовъ, я долженъ оговориться: я отнюдь не врагъ новизны, напротивъ, я хорошо знаю, что безконечное однообразіе, прямолинейность и симметрія существуютъ только въ нашемъ умѣ; что дважды два—всегда четыре—человѣческая же душа безконечно разнообразна, какъ сама природа, и глубока, какъ море; сколько бы изъ нея ни черпали, всегда останется достаточно для другихъ... Знаю также, что каждый художникъ подходитъ къ этому морю съ своей мѣркою, малою или большой—это другой вопросъ,—это зависитъ отъ степени его развитія и отъ силы его таланта. Но когда эта мѣрка очутится въ неумѣлыхъ рукахъ—дѣло всегда оказывается вверхъ дномъ. Я всегда съ восторгомъ говорилъ о Тиссô, о Карлесѣ и о другихъ, и съ радостью готовъ восторгаться имъ подобными, кто въ своихъ твореніяхъ искрененъ и новъ... Но къ счастію или несчастію нервы мои слишкомъ напряжены, чтобы не отличать творчества отъ бреда, искреннее выраженіе отъ гримасы.

Было бы однако чрезвычайно ошибочно думать, что французское искусство теперь въ упадкѣ. Но въ нашемъ столѣтіи оно всегда шло впереди всѣхъ, много разъ оно мѣняло свои направленія, и всѣ слѣдовали за нимъ. Классицизмъ, романтизмъ, реализмъ, натурализмъ и пр.—все это создано именно во Франціи. Правда, эти быстрые переходы отъ одного направленія къ другому показываютъ, что искусство еще не нашло своихъ устоевъ, своего настоящаго идеала, но это вина не искусства, а силы обстоятельствъ; упрекать за это французское искусство немыслимо. Напротивъ, въ то время какъ искусство въ другихъ странахъ отдѣлялось отъ дѣйствительности, французы все болѣе и болѣе приближались къ ней; въ то время, когда художники всего міра засыпàли надъ своими выдуманными идеалами, французскіе художники бодрствовали, все ища настоящаго... Найдутъ ли они его — это другой вопросъ... Я думаю,—нѣтъ, пока у самого общества не создастся этотъ идеалъ. Часто мы говоримъ, что у французовъ преобладаетъ форма надъ содержаніемъ... Положимъ, что это до извѣстной степени правда, но кто не знаетъ, что каждый народъ имѣетъ свои особенности, и непремѣнно въ одномъ чемъ-нибудь сильнѣе, чѣмъ въ другомъ. Французы, напримѣръ, такъ же сильны въ пластикѣ, какъ нѣмцы въ музыкѣ. И отчего не брать каждый народъ такимъ, какъ онъ есть, восторгаться его достоинствами и не возмущаться его не-

достатками? Если нѣтъ искусства въ Парижѣ, то гдѣ же оно?.. Гдѣ еще такой художественный центръ, какъ не здѣсь? Изъ года въ годъ мы повторяемъ все одно и то же: „нынѣшняя выставка куда хуже прошлогодней"... Въ концѣ концовъ, каждая выставка подноситъ намъ такіе сюрпризы, какъ работы Тиссô, Карлеса, Поля Дюбуа, о которомъ мнѣ приходилось уже говорить, а въ нынѣшнемъ году Даніана Буверé — „Тайная Вечеря", на которой стôитъ остановиться на минуту.

Удивительные люди французы! Они могутъ сбить съ толку самаго опытнаго наблюдателя. Этотъ, съ перваго взгляда, легкомысленный народъ, въ дѣйствительности—самый основательный, отлично знающій, куда онъ идетъ и чего хочетъ, но въ то же время до того впечатлительный, отзывчивый ко всевозможнымъ явленіямъ дня и минуты, что стôитъ только кому-нибудь забить въ барабанъ или сильно свистнуть, какъ они готовы уже бросить работу и бѣжать смотрѣть, чтô случилось. Еще болѣе замѣтно это въ искусствѣ. Такіе художники, какъ Тиссô, Карлесъ и Даніанъ Буверé — чистѣйшіе реалисты въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова—въ то же время отдали дань впечатлѣнію дня—декадентству. Среди массы картинъ, выставленныхъ два года тому назадъ на Champ de Mars, гдѣ такъ живо, ново и правдиво была изображена у Тиссô земная жизнь Христа,—среди нихъ самая большая представляла окровавленнаго Христа въ богатой ризѣ съ каменьями и золотомъ, разсказывающаго (должно быть) о своихъ страданіяхъ бабѣ съ подвязанной щекой и спутнику ея, сидящему тутъ же рядомъ. Скульпторъ Карлесъ, вмѣсто того, чтобы продолжать свои чудные бюсты и головы, потратилъ много времени и не мало труда на свой огромный порталъ съ чудовищами, маскаронами и химерами вмѣсто орнаментовъ. Даніанъ Буверé, прославившійся своими бретонцами и бретонками, которыхъ, повидимому, онъ очень любилъ, изображая ихъ необыкновенно симпатичными и всегда полными интереса,—на этотъ разъ и онъ увлекся современнымъ мистицизмомъ... Но то, чтô первымъ двумъ совершенно не удалоćь,—ему удалось вполнѣ. Въ его новой картинѣ „Тайная Вечеря" много смысла, глубоко проникнутаго христіански-религіознымъ мистицизмомъ. Пусть скажутъ, что у него Христосъ абстрактенъ, реаленъ, мало правдивъ и т. д., но не слѣдуетъ забывать, что у очень сильныхъ художниковъ даже сама неправда превращается въ правду. Стоя передъ картиной Буверé, нельзя не отдать той полной справедливости художнику, что онъ въ своихъ стремленіяхъ глубже проникъ и больше достигъ, чѣмъ кто либо. Картина изображаетъ Тайную Вечерю. Вокругъ

длиннаго стола, покрытаго бѣлой скатертью, сидятъ апостолы; Христосъ стоитъ посреди съ поднятой чашей... вотъ и все. Сюжетъ и группировка даже не новы, но, повторяю, нова здѣсь мысль и идея: Христосъ изображаетъ собою свѣтъ и лучезарно освѣщаетъ все окружающее... Это все, чтò авторъ хотѣлъ сказать—и дѣйствительно сказалъ. А о талантливости изображенія, о глубинѣ выраженія каждой отдѣльной фигуры—и говорить нечего. Даніанъ Буверé всегда этимъ отличался. Объ этой картинѣ теперь много говорятъ, но, по моему мнѣнію, недостаточно; нѣкоторые ее даже критикуютъ и понапрасну. Въ наше время трудно изображать Христа: такое изображеніе рѣдко кого можетъ удовлетворить вполнѣ—и это потому, что христіанское міросозерцаніе никогда не было такъ раздвоено или, вѣрнѣе, раздроблено, какъ теперь. Какъ бы то ни было, Тайная Вечеря Д. Буверé съ точки зрѣнія религіозной—лучшая картина современной живописи.

А за Даніаномъ-Буверé, Тиссò, Карлесомъ, есть еще цѣлая плеяда высокоталантливыхъ художниковъ, страстно влюбленныхъ въ свою работу... таковы, напримѣръ, Боннà, Гильемé, Поль Дюбуа, Эберъ, Кремьé и другіе. Въ каждомъ ихъ штрихѣ видна искренность, честность и благородство. Эти художники не жгутъ васъ своими произведеніями, а согрѣваютъ. О нихъ мало говорятъ, но всѣ ихъ знаютъ... Ихъ работы не часто видишь, но видѣнныя остаются въ памяти навсегда. Если же въ французскомъ искусствѣ проявляется нѣкоторая ненормальность, если дѣйствительно въ массѣ преобладаетъ форма надъ содержаніемъ, то это именно отъ излишества. Объ этомъ излишествѣ мнѣ приходилось уже разъ говорить, теперь мнѣ остается только прибавить къ тому нѣсколько словъ.

Легко сказать!.. Въ Парижѣ, какъ увѣряютъ, сосредоточено около 30.000 художниковъ! Не всѣ они съ одинаковымъ талантомъ, но всѣ съ одинаковой силой желаютъ отличиться и быть замѣченными—конечно, на выставкѣ. Выставка для художника—то же, что сцена для пѣвца: отъ перваго успѣха или неуспѣха зависитъ и вся его будущность. Между тѣмъ выставка можетъ принимать ежегодно всего только 3—4.000 произведеній, т.-е. половину, а иногда только третью часть присланныхъ... Можно себѣ представить, сколько недовольныхъ, сколько нареканій, какъ сильно желаніе оправдать себя и обвинить своихъ пристрастныхъ судей... При томъ же судьи не боги—и они дѣлаютъ ошибки: иногда они дѣйствительно бракуютъ то, чтò слѣдуетъ принять, и наоборотъ, какъ это случилось съ Руссо, Корò, Манэ и т. п. Такія ошибки неизгладимы; ихъ всегда припоминаютъ тѣ, чьи

работы не приняты. Вслѣдствіе этого появляются новыя выставки, новыя партіи и направленія, дѣлаются всевозможныя попытки, самыя невѣроятныя, самыя странныя. Но въ концѣ концовъ, при общей массѣ попытокъ, брака, все-таки непремѣнно найдешь что-нибудь, на что стоитъ обратить особенное вниманіе.

Выше я уже сказалъ, что искусство находится въ зависимости отъ многаго и отъ многихъ. Въ средніе вѣка искусство, какъ выраженіе религіознаго чувства, было общей потребностью и общимъ достояніемъ. Въ Божій храмъ каждый могъ придти и излить свои чувства передъ ликомъ святыхъ страдальцевъ. А теперь,—отъ кого теперь зависитъ искусство?.. Отъ богатыхъ людей!..

Чего они требуютъ отъ искусства? Чтобы оно служило отраженіемъ ихъ счастія. Но счастіе изображать могутъ только счастливые... Истинные же художники не всегда видятъ передъ собою счастіе, въ особенности же тѣ, которые пробиваютъ себѣ дорогу трудомъ и упорствомъ. Они лучше и охотнѣе воспроизводятъ свое горе, чѣмъ чужое счастіе. Скажу больше—они даже завидуютъ чужому счастію... Что̀ такое въ сущности художникъ средней величины?.. Страдалецъ! жертва безумія... Для него искусство было мышеловкой, съ широкимъ входомъ и узкимъ выходомъ... Въ молодости онъ увлекся своимъ „призваніемъ" и предался ему всѣми силами души, прошелъ суровую школу жизни, часто безъ удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей, но надежда на будущее все преодолѣвала... Будущность рисовалась передъ нимъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ—и вотъ онъ, наконецъ, дебютируетъ. Его работа принята на выставку — чего лучше?.. Но ея не замѣчаютъ, публика относится къ ней холодно; а другая картина, такая же, какъ и его, имѣетъ огромный успѣхъ, и червякъ съ тысячью головъ—такой, какой можетъ быть только у художника—точитъ его самолюбіе безъ милосердія, до боли... Хорошо еще, если работа продана, а то надо еще искать заказа, работать чуть не изъ-подъ палки, да хорошо еще, наконецъ, если найдется заказъ, а то говорятъ: „а! это тотъ художникъ, о которомъ газеты такъ плохо отзывались!.. Нѣтъ, лучше возьмемъ другого"!.. А почему газеты нехорошо отозвались о немъ?—Потому, что неумѣлая рука критика подписала его приговоръ, а масса читала этотъ приговоръ, повѣрила и повторяла. Ничего подобнаго не бываетъ, напримѣръ, ни съ учеными, ни съ докторами, ни съ адвокатами... Они не выставляютъ непосредственно передъ публикой отчетовъ о своей дѣятельности, а художникъ долженъ это дѣлать — и разъ онъ выставляетъ, разъ публика платитъ за удовольствіе видѣть его произведенія, разъ критикъ

вооруженъ перомъ—они относятся къ слабому художнику безпощадно—и чѣмъ слабѣе произведеніе, тѣмъ болѣе жестока критика... И вотъ, подобный художникъ, затертый среди массы, сидитъ въ своей мастерской, гдѣ-нибудь на чердакѣ, съ окномъ прямо въ небо, и читаетъ, сколько выстрадали Руссо, Коро, Манэ, Милле, какъ долго они были непризнаваемы, а теперь какою славою они пользуются, за какія бѣшеныя деньги продаются ихъ работы... За Коро—150 т. фр., за Милле—800 т. фр., и т. д. Тутъ по неволѣ его фантазія разгорается... Зачѣмъ ему идти все по старой, истоптанной дорогѣ, отчего ему не попробовать сдѣлать что-нибудь новое, небывалое?.. Вдобавокъ онъ слышитъ нѣчто, никогда еще неслыханное: ему говорятъ, что старые художники изолгались, его зовутъ на борьбу съ рутиной и старымъ, отжившимъ искусствомъ, и зовутъ его товарищи, такіе же измученные судьбою, какъ и онъ... И онъ со всей своей наболѣвшей душой ухватывается за ихъ слова, какъ за якорь спасенія, ухватывается какъ римскій рабъ за новое ученіе христіанства, обѣщавшее лучшую будущность.

А все-таки и камень, брошенный въ воду, даромъ не пропадаетъ. Я глубоко увѣренъ, что въ концѣ концовъ отъ всѣхъ попытокъ, блужданій и спотыканій, какими такъ полонъ нашъ вѣкъ и послѣднее время въ особенности,—ничего не останется: люди убѣдятся, что всѣ ихъ исканія новаго одинаково неполны и неспособны отвѣчать истиннымъ потребностямъ нашего духа... Въ концѣ концовъ убѣдятся, что въ искусствѣ есть нѣчто универсальное, цѣльное, какъ гармонія; что истинное искусство не есть что-нибудь переходное, а то, чтò было, есть и будетъ... Имя этому—душа, но душа разумная, полная и прекрасная, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Вотъ чистый идеалъ будущаго искусства, чистый какъ религія безъ фанатизма, какъ любовь безъ ревности. Я не пророкъ, чтобы отгадать, гдѣ такое искусство появится, но гдѣ бы оно ни явилось — этимъ мы будемъ обязаны Франціи, если не вполнѣ, то во многомъ и многомъ навѣрное.

Я умалчиваю о скульптурѣ и архитектурѣ: о первой потому, что о ней я неоднократно уже говорилъ, а о второй — потому, что ея нѣтъ не только во Франціи, но и нигдѣ. Современная архитектура подражаетъ, но не творитъ. Подъ предлогомъ выдержки извѣстнаго стиля, она пользуется мотивами старыхъ мастеровъ, и это считается не только въ порядкѣ вещей, но даже похвальнымъ — „строго выдержано"! Между тѣмъ въ другихъ отрасляхъ искусства это считалось бы просто плагіатомъ. Во

всякомъ случаѣ это въ своемъ родѣ знаменіе времени: время высокаго полета мысли—но безъ душевныхъ результатовъ.

Немного дальше ушла и скульптура, но она не подражаніе, а продолженіе старой традиціи, пластическихъ формъ, формы для формы. Въ этой традиціи она постепенно усовершенствовалась и достигла такой высоты, что послѣ Renaissance французскую скульптуру можно считать первою въ мірѣ—и несмотря на это она не создала ни одного историческаго типа, на подобіе Вольтера—Гудона, ни одного памятника, выходящаго изъ ряду вонъ. Конечно, есть исключенія, но они рѣдки, весьма рѣдки, да и вообще нѣтъ правила безъ исключенія; но для такой массы скульпторовъ, какъ во Франціи,—и, прибавлю, для такихъ превосходныхъ, какъ они — это далеко недостаточно. Тутъ-то и загадка. Современный художникъ-скульпторъ хорошо знаетъ, какая тернистая дорога его ждетъ впереди, и тѣмъ не менѣе онъ идетъ наперекоръ всему, съ истинно-юношескою любовью и страстью. Но его любовь, его страсть, идутъ не дальше аллегоріи, и его юношескіе порывы не поднимаются выше виртуозности. Впрочемъ, въ послѣднее время и она стала понимать, что область ея узка, одностороння; что прекрасное тѣло само по себѣ хорошо, но „въ прекрасномъ тѣлѣ“ должна быть „и прекрасная душа“; что тѣлесная красота—одна, а душевная—разнообразна до безконечности, и т. д. и т. д. Теперь скульптура уже дѣлаетъ попытки вырваться изъ своего заколдованнаго круга, стать ближе къ жизни, стать тѣмъ, чѣмъ она была во время расцвѣта, и чѣмъ она должна быть... Конечно, эти попытки—пока только первые шаги, робкіе, слабые, но стряхнуть съ себя вѣковую пыль не такъ вѣдь легко... Хорошо уже то, что зародилось сознаніе, а сознаніе—всегда предвѣстникъ сильной дѣятельности... Повторяю, замѣчательныхъ произведеній скульптуры во Франціи много, но въ послѣднее время самыя оригинальныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя странныя принадлежатъ Родену. Онъ въ своихъ работахъ очень искрененъ, но непонятенъ; самобытенъ, но крайне страненъ. Можно подумать, что онъ—родной сынъ извѣстнаго бельгійскаго художника Вирца, который производитъ на всѣхъ такое сильное, но безотрадное и непонятное впечатлѣніе. Въ нынѣшнее время декадентства, Роденъ имѣетъ много подражателей, но они такъ же недолговѣчны, какъ и сами декаденты. Да и вообще—декадентство, мистицизмъ, incohérence, и т. п., очень мало соотвѣтствуютъ французскому характеру—это все навѣянное извнѣ, больше всего съ сѣвера.

Но какое широкое мѣсто ни занимали бы въ жизни французовъ живопись и скульптура—все-таки сила ихъ духа выражается преимущественно въ индустріальномъ искусствѣ. Въ этой области имъ нѣтъ равныхъ нигдѣ. Здѣсь французскій характеръ отражается весь, какъ въ зеркалѣ—весело, игриво и изящно, немного кокетливо, немного капризно, какъ женскій смѣхъ, какъ пляска русалокъ, заражающая другихъ своимъ весельемъ. Въ этомъ искусствѣ у французовъ много эластичности, много гибкости и много находчивости, а главное, необыкновенно много вкуса. Французы любятъ это искусство, какъ свои виноградники,—и свои виноградники—какъ это искусство; и тѣ, и другіе вмѣстѣ составляютъ главный источникъ ихъ благосостоянія.

Очень трудно описать ту громадную дѣятельность, ту неизсякаемую плодовитость француза, какую встрѣчаешь здѣсь на каждомъ шагу. Что ни магазинъ—то новость; каждый фабрикантъ старается сдѣлать что-нибудь такое, чего никто еще не дѣлалъ; каждый хочетъ имѣть непремѣнно то, чего нѣтъ у другого—и всѣ вмѣстѣ съ одинаковой силой стараются обогнать другъ друга, сдѣлавъ лучше, красивѣе, своеобразнѣе другого. Каждый фабрикантъ старается задавать свой тонъ, создать свою моду, а мода — то же, что свѣжіе цвѣты... но вянетъ скорѣе, чѣмъ цвѣты. Чтобы завладѣть общимъ вниманіемъ, удовлетворить общимъ требованіямъ и, наконецъ, достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, какихъ достигли французы — надо много знать, много изучать; надо знать, чего публика хочетъ, что̀ можно взять отъ искусства и что̀ ей можно дать. И надо быть не только отличнымъ знатокомъ своего дѣла, владѣть большими знаніями, но быть и опытнымъ дирижеромъ, управляя цѣлымъ хоромъ подчиненныхъ мастеровъ. Въ Парижѣ каждый фабрикантъ, фабрикантъ шелковыхъ издѣлій, золотыхъ дѣлъ мастеръ, обойщикъ, стеклянный заводчикъ, мебельщикъ, или же дамскій портной — не только отлично знаютъ исторію своего дѣла, но и непремѣнно обладаютъ цѣлой библіотекой обширной литературы, а иногда даже и богатыми коллекціями старинныхъ образцовъ своего дѣла. Однажды я вошелъ въ магазинъ переплетчика на rue St. Honoré и залюбовался однимъ in-folio съ великолѣпными иллюстраціями по исторіи переплета, начиная съ IX в. и до сихъ поръ. На мой вопросъ, кто ея авторъ и гдѣ она продается, хозяинъ мнѣ отвѣтилъ, что авторъ—онъ самъ и покупать можно ее здѣсь же. И это было сказано такъ скромно и такъ просто, точно это касалось цѣны его переплетовъ. Въ другой разъ я вошелъ къ извѣстному Фалйзу, орнаментисту. — „А знаете, — сказалъ онъ мнѣ,

между прочимъ,—откуда черпали наши великіе художники"? И при этомъ онъ мнѣ вынесъ цѣлый ворохъ овощей и разныхъ другихъ растеній. Я долженъ сказать, что это говорилъ человѣкъ очень почтенный, очень уважаемый, уже немного пожилой, не мало потрудившійся на своемъ вѣку; многое онъ изучалъ, многое знаетъ, и вмѣстѣ съ этимъ, или скорѣе вслѣдствіе этого, онъ ищетъ все новыхъ и новыхъ мотивовъ, но ищетъ уже не въ книгахъ, а въ самой природѣ: въ ботаническомъ саду, въ звѣринцѣ, на рыбномъ рынкѣ. Ему все интересно: красивый ли цвѣтокъ, засохшій листъ, нѣжная вѣтка, удачной формы рѣпа, раковина, или чудовищная рыба. Все это для него—сырой матеріалъ, который переработывается въ его воображеніи въ фантастическіе образы, какую-то смѣсь правды съ выдумкой—въ то именно, изъ чего и состоитъ суть всѣхъ орнаментовъ. Но все это надо строить, приводить въ гармонію, такъ, чтобы каждый предметъ имѣлъ свое значеніе, каждый изгибъ—свою логику, полную содержанія и красоты. Кто не знаетъ дамскаго портного Ворта! Трудно повѣрить, но къ нему съѣзжались самыя знатныя дамы со всего свѣта, какъ къ какому-нибудь чудодѣю, который превращалъ уродство въ красоту, старость въ молодость. И дѣйствительно, онъ дѣлалъ нѣчто подобное. У него не было ни своей моды, ни своего стиля: онъ создавалъ каждый костюмъ соотвѣтственно данному типу, то, чтò болѣе всего ему шло,—и въ этомъ-то и состояло все его искусство. Но для этого надо имѣть много вкуса, много сообразительности и пропасть фантазіи. У него работало много художниковъ-рисовальщиковъ, у него были свои матеріи, заказанныя имъ же по стариннымъ образцамъ; у него, наконецъ, какъ говорятъ, былъ и свой замѣчательный музей старинныхъ костюмовъ. Въ результатѣ—несмѣтныя богатства; онъ жилъ какъ Ротшильдъ...

Но Вортъ—не единственный въ своемъ родѣ. Каждая отрасль парижской индустріи имѣетъ своихъ Вортовъ. Возьмемъ, напримѣръ, Барбедьена, извѣстнаго литейщика бронзъ. Его задачей было издать или популяризировать въ небольшихъ размѣрахъ лучшія скульптурныя произведенія: древнія, средневѣковыя и новѣйшія французскія по преимуществу. И онъ достигъ колоссальныхъ результатовъ. Мнѣ пришлось видѣть у него на фабрикѣ сцену, достойную описанія. Статуя Давида — извѣстнаго художника Мерсье—стояла отлитая во всевозможныхъ размѣрахъ, въ три ряда, по 150 въ каждомъ. Зрѣлище довольно внушительное. Это цѣлый легіонъ, созданный самимъ Барбедьеномъ, цѣлая эмблема французскаго искусства.

Не стану болѣе утомлять читателя перечисленіемъ здѣшнихъ фабрикантовъ. Ихъ много, очень много. Но чтобы составить себѣ хоть малое понятіе объ ихъ колоссальной дѣятельности, надо вспомнить, что французы уплатили пруссакамъ 5 милліардовъ контрибуціи съ такою легкостью, которою удивили весь міръ, и добрая половина этой суммы была добыта ими своей художественной индустріей—вкусомъ.

Необходимо замѣтить, что въ эпоху Бонапартовъ вкусъ очень упалъ во Франціи и, слѣдовательно, во всей Европѣ. Это имѣло свои причины: непрерывныя войны, смуты, кровь и стоны имѣютъ мало общаго съ комфортомъ жизни, и еще меньше съ красотою. Но въ шестидесятыхъ годахъ, именно послѣ первой всемірной выставки въ Парижѣ, французскій духъ пробудился вновь, но пробудился точно послѣ пожара. Надо было все вновь создать, все вновь устроить. Правительство и общество пошли рука объ руку, дѣлали все возможное, создавали школы, учреждали новые музеи, издавали журналы, цѣлыя иллюстрированныя изданія, посвященныя древнему и средневѣковому искусству, и искусству XVIII в. въ особенности. Все это изучалось съ любовью и увлеченіемъ, до подробностей. Увлеклась этимъ и публика: стали собирать старинные художественные предметы, какъ драгоцѣнные документы прошлаго. Была открыта школа Arts et Métiers; учреждены были курсы рисованія растеній и животныхъ при знаменитомъ Jardin des Plantes. Кромѣ того, каждый округъ Парижа (а ихъ 20) открылъ свои рисовальныя школы, существующія и до сихъ поръ, куда каждый можетъ придти, сѣсть и рисовать, не предъявляя ни паспорта, ни метрическаго свидѣтельства, и вдобавокъ еще, не платя за ученье—и если ученикъ оказывается старательнымъ, онъ находитъ въ своемъ учителѣ добросовѣстнаго преподавателя и совѣтчика. Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло благотворное вліяніе: мало-по-малу музеи обогатились дорогими предметами, покупкою и еще больше даромъ; и вкусъ широко началъ распространяться вездѣ. Но этотъ подъемъ духа имѣлъ и свою обратную сторону,—онъ напомнилъ времена псевдоклассицизма; какъ тогда, такъ и теперь, художники, увлекаясь старинными мастерами, вмѣсто того, чтобъ изучать ихъ, стали подражать имъ, забывая одно, что изучать и подражать—это двѣ совершенно различныя вещи, и насколько первое полезно, настолько второе вредно. Поэтому, какіе блестящіе результаты ни были достигнуты въ смыслѣ техники и вкуса, французы все-таки не могли этимъ удовольствоваться, въ особенности французы, которые не могутъ долго останавливаться на одномъ и

томъ же. Ихъ пылкое воображеніе требуетъ все новаго и новаго. А тутъ еще явилось пробужденіе художественной индустріи, и въ Англіи, и въ Германіи, и въ Австріи, и въ этихъ странахъ теперь тоже дѣлается все возможное, и можетъ быть даже больше, чѣмъ во Франціи, чтобъ поднять этотъ родъ искусства. Надо имъ отдать справедливость — ихъ старанія увѣнчиваются успѣхомъ. Въ послѣднее время Англія даже опередила Францію; въ Парижѣ вошло-было въ моду все англійское: золотая молодежь начала одѣваться по-англійски, ходить съ особенными ухватками по-англійски; кареты, сбруи, цуги, пикники,—все пошло на англійскій ладъ. На бульварахъ появились магазины съ предметами англійской художественной индустріи, мебелью, серебромъ, матеріями и т. п. Стиль этихъ произведеній сухъ, но изященъ, а главное — своеобразенъ. Повторяю, французы не могли оставаться въ виду этого равнодушными, да и притомъ когда же французы подражали? Никогда. Они всегда гордо шли впереди всѣхъ. Трудно сказать, чѣмъ бы это кончилось, но тутъ произошло нѣчто странное, нѣчто небывалое: оказалось, что новыя движенія въ живописи и скульптурѣ, какъ мистицизмъ и декадентство, сильно повліяли на индустріальное искусство. Вдобавокъ, и годичная выставка на Champ de Mars широко раскрыла ему двери. Слыхано ли было, чтобы живопись, скульптура и архитектура, считавшія себя чѣмъ-то въ родѣ патриціевъ въ искусствѣ, допускали на свои выставки какихъ-то плебеевъ-гончаровъ, литейщиковъ стекла, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п.!.. Мало того, примѣру выставокъ Champ de Mars послѣдовалъ и салонъ въ Champs Elysées. Сперва эти художники-плебеи шли туда мало и робко, но затѣмъ съ каждымъ годомъ идутъ все больше и смѣлѣе, и съ попытками все болѣе или менѣе удачными. Интересно при этомъ то, что они черпаютъ свое вдохновеніе изъ тѣхъ же источниковъ, что и декаденты, т.-е. изъ средневѣковаго мистицизма и изъ японскаго искусства. Казалось бы, что̀ общаго между мебелью и посудой—и мистицизмомъ?—а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ, что это такъ. Вы видите, напримѣръ, шкафъ, причудливой формы, съ какими-то химерами и драконами вмѣсто колоннъ; столъ—точно изъ лабораторіи средневѣковаго алхимика; съ потолка спускается люстра съ летящими чудовищами, хвосты ихъ прикрѣплены къ цѣпи, туловища и глаза ихъ изъ разноцвѣтнаго стекла, а внутри—электрическій свѣтъ, и вамъ кажется, что подобная люстра только и можетъ висѣть у чародѣя, держащаго свои грѣшныя жертвы на цѣпяхъ. Еще менѣе общаго, кажется, между мистицизмомъ и японской инду-

стріей, а между тѣмъ именно тутъ-то декаденты и нашли для себя неизсякаемый источникъ. Еще въ 1878 году, на парижской всемірной выставкѣ всѣ были поражены японскимъ отдѣломъ, его новизной, находчивостью, юношеской свѣжестью фантазіи и совершенствомъ техники. Было ясно, что японцамъ суждено внести въ европейскую индустрію новый, освѣжающій элементъ. Японское индустріальное искусство имѣетъ очень мало общаго съ европейскимъ, но равносильно ему, если не сильнѣе, а главное, совсѣмъ ново для насъ. Эта-то новизна насъ и завлекаетъ, она-то и побѣждаетъ насъ. Но въ Японіи идеальное искусство почти совсѣмъ отсутствуетъ, зато всѣ ихъ душевныя силы сосредоточены на индустріальномъ. Тутъ ихъ мотивы богаты и въ высшей степени разнообразны. Въ этой области они подчиняютъ условности все окружающее, весь міръ. Небо, облако, брызгъ волны, звѣздная ночь, взрывъ кратера—все это превращается у нихъ въ причудливыя формы, нѣчто въ родѣ бреда на яву. Не мистицизмъ ли это?.. Подобное же, хотя и въ меньшей мѣрѣ, мы встрѣчаемъ и въ готикѣ: тѣ же причудливыя химеры, звѣри и маскароны... Если они нравятся намъ въ готикѣ, то въ Японіи и подавно. Плодовитость японцевъ, ихъ вкусъ, фантазія и техническое совершенство спорятъ между собой.

Итакъ, стараясь освободиться отъ старыхъ европейскихъ стилей, французы отчасти попали подъ вліяніе японскаго искусства. Но опасаться этого нечего. Нѣтъ сомнѣнія, что французы и изъ этого выйдутъ побѣдителями, какъ случилось это въ XVIII в. Они тогда, опираясь на китайское искусство, создали свой новый и замѣчательный стиль, такъ называемый стиль Людовика XV. Уже теперь, посѣщая выставки, по неволѣ приходишь въ изумленіе... Всего въ какихъ нибудь 2—3 года, какая перемѣна во всѣхъ отрасляхъ индустріи, какое быстрое пробужденіе, горячая дѣятельность и какіе великіе успѣхи! Въ дѣлѣ серебра, фаянса, тканей, мебели и проч., вездѣ новая попытка, болѣе или менѣе удачная. Есть фабриканты, которые по справедливости уже пріобрѣли себѣ имя. Укажу, напримѣръ, на заводчика стеклянныхъ произведеній—Галэ. Его посуда красива, имѣетъ подчасъ причудливыя формы; дѣлается она особеннымъ способомъ изъ стекла разныхъ цвѣтовъ, наслоеннаго одно на другое, вслѣдствіе чего получаются капризныя, но всегда гармоническія сочетанія красокъ. Мало того, онъ пользуется случайностями верхняго слоя и гравируетъ въ рельефѣ, такъ что верхній слой получается одного цвѣта, а нижній другого, на подобіе античныхъ камеевъ. Другой фабрикантъ фаянса, Массьé, сперва

воскресилъ металлическіе рефлексы на подобіе испано-мавританскихъ фаянсовъ, или работы старыхъ итальянскихъ мастеровъ, Джорджіо, Дерутто и др. Но затѣмъ онъ вошелъ въ сношенія съ художникомъ Леви, о которомъ было сказано выше, и этотъ художникъ, пользуясь разными отливами, началъ передавать при помощи ихъ разные мистическіе сюжеты, подчасъ въ высшей степени интересные и красивые. Укажу еще на фабриканта Лагерша, который въ своихъ мотивахъ всегда строгъ до дикой красоты. Другой фабрикантъ Миллэ выставилъ огромный барельефъ, на подобіе знаменитаго барельефа изъ раскопокъ Делафуа, находящагося въ Луврѣ, а кромѣ того еще и группы, фигуры въ натуральную величину, обожженныя тѣмъ же способомъ. На выставкѣ есть работы изъ серебра художника Ламберта. Судя по этимъ работамъ, онъ долженъ быть еще молодъ: въ нихъ чувствуется еще смѣсь разныхъ стилей, индійскаго, византійскаго и японскаго, но все-таки больше всего своего, въ высшей степени оригинальнаго и талантливаго. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Фалйзъ. На выставкѣ есть его витрина, наполненная вещами, сдѣланными имъ, въ разное время, монтюрами, т.-е. стеклянными и фаянсовыми сосудами, украшенными серебряными или золотыми орнаментами. Пріемъ этотъ не новъ,—онъ встрѣчается и въ древнія времена, и въ средніе вѣка, и особенно въ прошломъ столѣтіи, — но новъ тутъ самъ Фалйзъ съ его разнообразными и своебразными мотивами, въ высшей степени деликатными и изящными.

Послѣ этого, можно ли сомнѣваться въ томъ, что французская художественная индустрія восторжествуетъ вновь? Французы, по натурѣ, консерваторы; ихъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь новомъ, полезномъ, но разъ они убѣдились,—они изъ консерваторовъ превращаются въ прогрессистовъ и съ необыкновенной быстротой двигаются впередъ, чтобы занять первенствующее положеніе. Такими они и явились теперь въ индустріальномъ искусствѣ.

Странно, однако, что здѣсь, въ этой области, повторилось точь-въ-точь то же, что и въ области живописи и скульптуры. Новое направленіе не успѣло еще высказаться, окрѣпнуть, какъ уже явилась группа недовольныхъ до крайности, придерживающихся того же принципа, что и декаденты — дѣлать еще недѣланное, дѣлать невозможное, пренебрегая всѣми законами искусства и законами гармоніи по преимуществу. Но это куда бы еще ни шло: „гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ"... Отчего

не попробовать поискать еще ненайденнаго и особенно на свой рискъ?.. Но тутъ явились будто бы меценаты, поощряющіе это искусство; начали устраивать выставки; на улицахъ появились афиши: „новое искусство"... Легко сказать: новое искусство, о которомъ всѣ столько мечтаютъ, котораго всѣ такъ ищутъ!.. А тутъ вдобавокъ пресса—столь сильная и могущественная, столь много сдѣлавшая для прогресса!.. Но и она оказалась въ этомъ случаѣ далеко не на высотѣ своего призванія съ своими чрезмѣрными похвалами... Каюсь, я повѣрилъ этимъ похваламъ и пошелъ посмотрѣть на „новое искусство"; но новымъ оказалось одно только названіе. Одно было уже видáно, а другого не стоило и видѣть. Пойметъ ли публика, что ей навязываютъ нѣчто странное, незрѣлое?.. Я упомянулъ о прессѣ лишь только потому, что въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ перерожденіе искусства, крайне желательно, чтобы она относилась къ нимъ болѣе внимательно и болѣе осторожно.

Есть, однако, одно обстоятельство, препятствующее современной индустріи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она была въ средніе вѣка. Это—недостатокъ наслѣдственности. Мы часто удивляемся той гибкости и свободѣ въ исполненіи, доходящей до виртуозности, какую мы видимъ въ средневѣковыхъ работахъ; удивляемся тому, что въ наше время, при всѣхъ техническихъ усовершенствованіяхъ и тщательности отдѣлки, все-таки чувствуется какая-то сухость. Для объясненія этого, необходимо взять въ соображеніе разницу между мастерской средневѣковой и нынѣшней. Въ средніе вѣка мастеръ, подмастерье и ученикъ составляли одну семью, ѣли за однимъ столомъ, работали за однимъ станкомъ, и всѣ были заинтересованы однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Ученикъ поступалъ къ хозяину на извѣстное количество лѣтъ, кончалъ срокъ ученья, дѣлался подмастерьемъ; часто хозяева роднились съ нимъ и продолжали то же дѣло; часто одною и тою же отраслью занимались цѣлыя семьи изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ это мы видимъ во Франціи въ Лиможѣ, гдѣ искусствомъ эмали занимались дѣдъ, сынъ, внукъ, правнукъ и т. д. Въ наше же время школа замѣнила мастерскую: ученикъ, выйдя изъ школы, попадаетъ въ мастерскую; но тутъ хозяинъ съ ученикомъ встрѣчаются какъ чужіе: то, чтò одному кажется прекраснымъ, другому—нисколько, и наоборотъ. Надо много времени и много терпѣнія, чтобы, наконецъ, понять другъ друга и свыкнуться. Бываетъ и такъ, что при первой же встрѣчѣ обѣ стороны расходятся. Какъ бы то ни было, между нынѣшнимъ хозяиномъ и подмастерьемъ нѣтъ и не можетъ быть той связи, которая была въ средніе вѣка, нѣтъ и

не можетъ быть духовнаго наслѣдства, оставляемаго хозяиномъ своимъ ученикамъ. Скажу больше: въ наше время между хозяиномъ и рабочимъ возникъ даже антагонизмъ. Подмастерье смотритъ на свое положеніе относительно хозяина какъ на положеніе подвластное; хозяинъ платитъ ему тѣмъ же: есть работа — онъ его держитъ, нѣтъ работы—онъ его отпускаетъ, не заботясь о его судьбѣ. Въ былое время, старый работникъ цѣнился болѣе молодого, потому что въ случаѣ надобности онъ могъ замѣнить хозяина; а теперь рабочій, перешедшій за 45 лѣтъ, уже падаетъ въ цѣнѣ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, выработался новый типъ, подмастерья — берущаго работу на домъ. Эта система обоюдно выгодна. Талантливый подмастерье сразу становится независимымъ хозяиномъ и работаетъ не для одного фабриканта, а для многихъ. Фабриканты же, какъ, напримѣръ, серебряныхъ дѣлъ мастера́, сразу освобождаются отъ цѣлаго штата подмастерьевъ, какъ-то: рисовальщиковъ, лѣпщиковъ, литейщиковъ, чеканщиковъ и т. д. Ему надо сдѣлать такую-то вещь въ такомъ-то стилѣ — и онъ обращается къ спеціалистамъ: сперва къ рисовальщику, затѣмъ къ орнаментисту и т. д. Но чѣмъ болѣе предметъ дробится на спеціальности, тѣмъ болѣе проходитъ онъ черезъ руки различныхъ мастеровъ, тѣмъ менѣе въ немъ цѣльности, самостоятельнаго творчества. Истинное творчество должно вытекать непосредственно отъ одного и того же художника, всецѣло, какъ живой организмъ.

Есть, наконецъ, и еще одна причина, задерживающая естественный ростъ индустріальнаго искусства. Я сейчасъ указалъ на антагонизмъ между хозяиномъ и рабочимъ, но это еще не все. Въ наше время выработался еще одинъ типъ хозяевъ. Это опять-таки не тѣ средневѣковые мастера, которые сидѣли съ молоткомъ въ рукахъ за своимъ станкомъ, или обходили своихъ подмастерьевъ, давая имъ совѣты и наставленія. Нѣтъ, теперь эти хозяева сидятъ въ своихъ роскошныхъ магазинахъ, залитыхъ электрическимъ свѣтомъ, принимаютъ и провожаютъ своихъ посѣтителей. Мастерскою же занимается главнымъ образомъ contre-maître, т.-е. старшій рабочій, и это дошло до того, что каждый магазинъ принимаетъ заказы какіе угодно... И если у него нѣтъ своей мастерской позади магазина, или подъ нимъ въ подвалѣ, то онъ отдаетъ заказъ отъ себя просто рабочимъ, живущимъ въ предмѣстьяхъ Парижа. На сдѣланныя ими работы владѣлецъ магазина кладетъ свое клеймо или надписываетъ на нихъ свое имя—и выходитъ то же самое, какъ еслибы подъ оперой подписался не композиторъ и не актеры, ни даже режиссеръ, а просто антрепренеръ, какъ глав-

ный создатель всего. Вслѣдствіе подобныхъ отношеній, между рабочими и хозяевами происходитъ опять-таки глухая борьба, часто прорывающаяся вспышками. Правда, нѣкоторые большіе дома, выставляя свои произведенія на выставкѣ, обозначаютъ и имена главныхъ своихъ сотрудниковъ, но этимъ не всѣ довольствуются. Большинство рабочихъ-художниковъ хотятъ, чтобы имя ихъ рисовалось не на отдѣльныхъ табличкахъ во время выставки, а на самыхъ произведеніяхъ, ими сработанныхъ.

Отдавая справедливость ихъ требованіямъ, трудно однако опредѣлить границы ихъ претензій. Дѣло въ томъ, что въ индустріальномъ искусствѣ не всѣ участвуютъ въ одинаковой мѣрѣ, съ одинаковой силой и способностями. Положимъ, въ произведеніи изъ серебра участвуютъ, напримѣръ, 4—5 различныхъ спеціалистовъ, какъ-то: рисовальщикъ, лѣпщикъ орнаментовъ, литейщикъ, чеканщикъ и т. д. Но если эта работа спѣшная—тогда въ ней принимаютъ участіе три рисовальщика, три орнаментиста и т. д. Помимо этого, въ каждомъ произведеніи есть работа второстепенная и третьестепенная, чисто ремесленная—спрашивается, какъ тутъ быть? Дать всѣмъ подписаться—надо непремѣнно обозначить роль каждаго, и тогда пришлось бы награвировать на произведеніи чуть-ли не цѣлый протоколъ! Дать же подписаться только главнымъ исполнителямъ—врядъ-ли всѣ на это согласятся... Вѣдь въ наше время кто же сознаетъ себя ниже другого! Какъ бы то ни было, но подобная ненормальность отражается на самой сути дѣла и очень чувствительно. Слова нѣтъ, что нынѣшнее индустріальное искусство достигло необыкновенной техники; каждый мастеръ въ своемъ дѣлѣ—виртуозъ: стòитъ только ему растолковать, а ему понять—онъ дѣлаетъ своими руками чудеса; но въ общемъ, въ этомъ искусствѣ недостаетъ глубокаго смысла, логики, а главное, нѣтъ широкаго взмаха творца, какъ это было прежде, во всѣ великія эпохи; нѣтъ, потому что въ тѣ эпохи индустріальное искусство не дробилось, не было такъ разрознено, какъ теперь; не было мастеровъ, превратившихся въ магазинщиковъ, и магазинщиковъ—въ мастеровъ.

Впрочемъ, подобная ненормальность создана не одними французами, а всѣмъ міромъ—силою обстоятельствъ. Не они одни, слѣдовательно, за это и отвѣтственны. Напротивъ, я долженъ повторить то, чтò приблизительно сказалъ уже выше,—а именно: въ индустріальномъ искусствѣ нѣтъ никого сильнѣе и совершеннѣе французовъ. Здѣсь они являются прямыми наслѣдниками аттической школы грековъ и итальянскаго Renaissance... И это

весьма естественно—они принадлежатъ къ той же греко-латинской расѣ.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе нынѣшняго искусства во Франціи.

Сознаюсь, — очеркъ мой крайне отрывоченъ, крайне эскизенъ. Предметъ, о которомъ я взялся говорить, достоинъ бо̀льшаго изученія, большей разработки. Но, во-первыхъ, я не писатель, а художникъ; во-вторыхъ, пишу на досугѣ, въ видѣ отдыха; въ-третьихъ, и это главное,—боюсь наскучить читателю. Нечего грѣха таить,—у насъ мало интересуются искусствомъ, а индустріальнымъ и того меньше. А между тѣмъ, живя здѣсь, въ Парижѣ, столько лѣтъ, среди колоссальной дѣятельности французскаго искусства и индустріи, давшихъ своей странѣ столько славы и богатства, порою мнѣ думается и о нашей дѣятельности, и о нашемъ искусствѣ и индустріи... И больно, и досадно становится—отчего у насъ такая бѣдность, отчего у насъ все не такъ, иначе, чѣмъ вездѣ? Что̀ мы сдѣлали за послѣдніе годы, чего мы желали и чего достигли? Отчего мы такъ бѣдны знаніемъ, сознаніемъ и даже желаніемъ быть лучше и богаче?.. Въ послѣднее время даже чувствуется какая-то раздвоенность: съ одной стороны, мы съ покорностью вассала отдаемъ пальму первенства чужеземнымъ силамъ, и съ чувствомъ уваженія относимся ко всему иностранному безъ малѣйшей зависти, безъ капли стыда за себя и за своихъ; и съ другой стороны, у насъ какой-то ребяческій задоръ, мы готовы взобраться на колокольню и оттуда „плевать на всѣхъ". Но долженъ ли я объ этомъ говорить? Я вовсе не желалъ бы затрогивать патріотическое самолюбіе и еще меньше играть роль обличителя... Напротивъ, я избѣгаю называть людей по имени, я далекъ отъ всякихъ личностей. Я отъ всей души желалъ бы видѣть у насъ единство и полный расцвѣтъ всего хорошаго. Но я не мало потрудился на своемъ вѣку, можетъ быть мнѣ скоро пора уже и на смѣну, и теперь за свой долголѣтній трудъ на художественномъ поприщѣ я бы желалъ одного—чтобы мнѣ позволено было сказать о нашемъ искусствѣ правду, голую правду, какъ она есть, высказать то, что̀ я наблюдалъ, прочувствовалъ и продумалъ...

Несмотря на то, что въ послѣдніе годы единичныя личности, даже въ высшихъ сферахъ, старались сдѣлать все возможное, чтобы поднять отечественное искусство и художественную индустрію,—они у насъ не только не подвинулись впередъ, но даже

ушли значительно назадъ. Печальнѣе всего то, что мы этого не замѣчаемъ. Случайно я прочелъ въ „Книжкѣ Недѣли“ (за февраль прошедшаго года) интересную статью почтеннаго академика И. И. Янжула: „О значеніи образованія для успѣховъ промышленности и торговли“. Авторъ, основываясь на статистическихъ данныхъ и на мнѣніяхъ такихъ авторитетовъ, какъ Джонъ-Стюартъ Милль, Томасъ и др., доказываетъ въ сущности старую истину, что въ нашъ вѣкъ умъ побѣждаетъ силу; что умственное богатство—въ то же время есть и богатство матеріальное; что хорошій работникъ сдѣлаетъ вдвое скорѣе и лучше, чѣмъ плохой и т. д. Въ заключеніе—очень печальный выводъ для насъ, русскихъ, что мы бѣднѣйшій народъ въ Европѣ, бѣднѣе всѣхъ, даже—болгаръ. Мы бѣдны воспріимчивостью, дѣятельностью и матеріальнымъ благосостояніемъ... Повторяю, все это не новость. Однако, есть истины, которыя чѣмъ больше мы повторяемъ, тѣмъ больше теряемъ ихъ смыслъ. Но когда эта старая истина встрѣчается намъ опять на новомъ пути, освѣщенная новымъ свѣтомъ,—тогда она съ особенной болью колетъ намъ глаза. Такова именно и статья почтеннаго академика Янжула. Если меня спросятъ, какое мнѣ дѣло до экономическихъ статей, я отвѣчу: какова жизнь, таково и искусство! Мы гордимся тѣмъ, что во времена Ярослава Мудраго наша культура стояла чуть-ли не на одномъ уровнѣ съ европейскою, горюемъ о томъ, что татарское иго задержало нашъ естественный ростъ, и т. д. Но зачѣмъ намъ такъ далеко ходить!.. Вотъ что случилось гораздо позже. Императрица Екатерина II выписала въ Россію иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, и къ намъ пріѣхали такія французскія знаменитости, какъ Фальконетъ, Баламбергъ, Каффіери съ 49 подмастерьями, и много другихъ. Они оставили намъ послѣ себя конную статую Петра I и зданіе Академіи художествъ, которому и до сихъ поръ нѣтъ равнаго въ Европѣ, а главное—Эрмитажъ. Кромѣ того были устроены фабрики гобеленовъ, севрскаго фарфора, мозаики—и въ результатѣ, несмотря на тогдашній невысокій уровень общей культуры, у насъ появились такіе художники, какъ портретисты Левицкій и Боровиковскій, ничѣмъ не уступавшіе своимъ европейскимъ собратамъ. Въ Грановитой палатѣ въ Москвѣ хранится оружіе тульской работы того времени, которое опять-таки по своимъ качествамъ не уступаетъ европейскому. Таковы же были наши гобелены, фарфоръ и т. д. Такъ называемое „Елизаветинское“ серебро и теперь очень высоко цѣнится... Прошло нѣкоторое время, настала эпоха „Empire“ и псевдоклассицизма. Въ этомъ стилѣ уже построенъ Исаакіевскій соборъ, грандіозный по своей кон-

цепціи, но мало сообразный съ національнымъ духомъ и петербургскимъ климатомъ. Приблизительно около того же времени было построено зданіе Главнаго Штаба и др. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ еще чувствуется широкій взмахъ сильной руки, и затѣмъ начинается быстрый упадокъ. Но извѣстно, что жизнь создаетъ смерть, а смерть—жизнь, и, можетъ быть, жизнь именно въ этомъ самомъ упадкѣ зарождается вновь у насъ.

Но вотъ началась новая эра русскаго искусства, архитекторы одинъ за другимъ начинаютъ разрабатывать новый его рудникъ. Съ того времени „русское зодчество", „русскій стиль" стали общимъ лозунгомъ, всѣми любимымъ и всѣмъ одинаково необходимымъ. Такъ проходитъ 20—30 лѣтъ, и въ результатѣ случилось то, что̀ всегда случается при подобныхъ обстоятельствахъ: вмѣсто общаго изученія старыхъ образцовъ—явилось общее подражаніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, фотографу И. Ѳ. Барщевскому пришла счастливая мысль снять древніе русскіе памятники, церкви, утварь и т. п. Такихъ снимковъ онъ сдѣлалъ нѣсколько тысячъ. Разсматривая ихъ, еще болѣе убѣждаешься, до чего еще мы мало знаемъ древнее русское зодчество и какъ мало двинулся русскій стиль впередъ. Лучше и удачнѣе всего этотъ стиль разработанъ для дачныхъ построекъ изъ дерева, но удивительнѣе всего то, что въ архитектурѣ начали разрабатывать не византійскій стиль, доставшійся русскимъ вмѣстѣ съ религіей, стиль строгій, грандіозный, а такъ-называемый „московскій" стиль временъ царя Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича—смѣсь индійскаго съ персидскимъ и, что̀ еще хуже, персидскаго съ итальянскимъ. Это стиль характерный, но вычурный и неизящный. Вдобавокъ, инженеры начали вытѣснять архитекторовъ, и въ результатѣ явились такіе образцы якобы „русскаго стиля", какъ дома съ маленькими окошечками, украшенными пѣтушками, полотенцами, вырубленными изъ камня, съ колоннами у воротъ, похожими на беременныхъ бабъ, или же—какъ Панаевскій театръ, который своимъ грузомъ какъ бы давитъ русскую землю.

Послѣ памятника Петру I-му у насъ появились порядочные скульпторы. Правда, это были дѣти своего времени—псевдо-классики, но таковы были всѣ и вездѣ. Мы съ гордостью можемъ констатировать, что скульптура Исаакіевскаго собора не уступаетъ европейской своего времени ни въ чемъ, а четыре конныя статуи барона Клодта—даже лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Памятникъ Крылова—хорошъ. Затѣмъ является памятникъ Николая I, но уже неудачный... Далѣе—промежутокъ. Потомъ, статуя Пушкина на Пушкинской улицѣ—уже очень слаба; памятникъ Пржевальскому

въ Александровскомъ скверѣ—уже совсѣмъ слабъ: это памятникъ скорѣе верблюду, чѣмъ самому путешественнику; а памятникъ русско-турецкой войны, что у Измайловской церкви—слабое подражаніе берлинской „Колоннѣ Славы".

У насъ были превосходные медальёры, какъ графъ Толстой, а теперь мы медальёровъ выписываемъ изъ-за границы, и наша монета кажется отлитою изъ олова.

Я коснулся только петербургской архитектуры и скульптуры, но и то вскользь. Москва имѣетъ свои недочеты, да и какіе еще... а о провинціяхъ и говорить нечего.

Не удачнѣе пошло и наше индустріальное искусство. Началось оно прекрасно. Въ немъ приняли живое участіе такіе архитекторы, какъ Монигетти, Гартманъ и др. Фабриканты—серебряныхъ дѣлъ мастера, какъ Овчинниковъ и Постниковъ, и фабриканты парчи и глазета, какъ Сапожниковы, заказывали образцы рисунковъ для своихъ издѣлій художникамъ-знатокамъ. Кто видѣлъ эти первыя попытки, тотъ не могъ не радоваться и не лелѣять надежды видѣть со временемъ еще лучшее, еще болѣе совершенное. Увы, это была лишь минутная вспышка, скоро потухшая... Съ тѣхъ поръ и донынѣ повторяется все одно и то же. А тутъ еще въ индустріальное искусство проникло „народничество"—избушки для сахарницы, но серебряныя, горшечки, обвязанные тряпьемъ, но позолоченные, ведра съ крышками для масляницъ и т. п. Въ 1878 году на парижской Всемірной выставкѣ, въ русскомъ отдѣлѣ, одинъ изъ экспонентовъ вздумалъ удивить всѣхъ тѣмъ, что превратилъ русскія сани въ кушетку, и дѣйствительно удивилъ, конечно въ отрицательномъ смыслѣ... Мужчины начали украшать свои галстуки, одинъ — въ видѣ булавки топориками, другой—винтомъ и т. д.

Въ былое время у насъ на мосты смотрѣли не только какъ на необходимость, но и какъ на украшеніе городовъ. Правда, немного было умѣнья, но было много желанія. Таковы, напримѣръ, въ Петербургѣ Египетскій, Поцѣлуевъ мосты; немного позже Аничковскій мостъ былъ украшенъ четырьмя превосходными конными статуями, а на Николаевскомъ мосту, еще немного позже, поставлена была уже только часовня, а проектированныя четыре группы по обѣимъ сторонамъ остаются и до сихъ поръ неисполненными. Теперь же мосты наши стали похожи на желѣзнодорожные, по крайней мѣрѣ немного лучше, чѣмъ на шоссейныхъ дорогахъ.

Когда-то у насъ была замѣчательная литейная бронзы. Колоссальная статуя Петра I, всѣ скульптуры Исаакіевскаго собора,

четыре конныя статуи Аничковскаго моста—все это было отлито у насъ, главнымъ образомъ при академіи художествъ, нѣкоторыя фигуры даже cire-perdue, о чемъ теперь уже и понятія не имѣютъ. Здѣсь, въ Парижѣ, извѣстный серебряныхъ дѣлъ мастеръ Кристофль открылъ гальваническое заведеніе, которое обѣщаетъ очень много въ будущемъ, и несомнѣнно очень скоро вытѣснитъ отливку изъ бронзы, какъ фототипія вытѣснила гравюру. И теперь уже гальванопластическій способъ дѣлаетъ чудеса, наводитъ мѣдь какой угодно толщины, гравируетъ, травитъ, напускаетъ насѣчку и т. д. А вѣдь впервые гальваническій способъ появился у насъ въ Россіи и былъ изобрѣтенъ нашимъ ученымъ Якоби. Верхнія фигуры на Исаакіевскомъ соборѣ сдѣланы были гальванопластическимъ способомъ... Кто этимъ теперь интересуется?..

За одно разскажу то, чтò я испыталъ самъ въ моей ограниченной сферѣ скульптуры. Первымъ моимъ дебютомъ былъ барельефъ „Поцѣлуй Іуды". Отливщикъ изъ гипса испортилъ носъ Іуды, и вмѣсто него приставилъ носъ своего собственнаго издѣлія, но такъ, что безъ смѣха его невозможно было видѣть. А мнѣ тогда вовсе было не до смѣха (я объ этомъ впрочемъ уже разсказывалъ въ моей автобіографіи въ „Вѣстникѣ Европы"). Живя въ Римѣ, я сдѣлалъ бюстъ одного высокоинтеллигентнаго соотечественника, и бюстъ удался. Я и до поръ считаю его однимъ изъ лучшихъ моихъ бюстовъ, какъ по сходству, такъ и по лѣпкѣ. Бюстъ былъ отлитъ изъ бронзы, cire perdue. Патина превосходная. Нѣсколько лѣтъ спустя, я пріѣхалъ въ Петербургъ и случайно увидалъ его. Но тутъ я не узналъ моей работы. Лицо вылужено какъ самоваръ, волосы какъ нитки расчесаны, а сюртукъ набитъ матомъ, и вышло точно пескомъ его обсыпали. Оказалось, что бюстъ былъ въ починкѣ, въ рукахъ у какого-то литейщика, чеканщика, онъ же покрываетъ и церковные купола. Комментаріи, думаю, тутъ лишніе. Также въ Римѣ, во время работы моего „Петра I", мнѣ понадобилось снять его съ пьедестала и поставить на полъ; сдѣлалъ это одинъ человѣкъ, и, конечно, не силою, а разумомъ... Но ту же статую, отлитую изъ гипса въ двухъ частяхъ, я привезъ потомъ въ Москву, на Всероссійскую выставку, и, чтобы поставить одну часть на другую, потребовалась чуть-ли не цѣлая артель рабочихъ. Затѣмъ, ее отвезли въ Петербургъ, и, чтобы положить ящикъ на телѣгу, желѣзнодорожные рабочіе поставили ее на край платформы и общими силами свалили ее... и статуя получила трещину. Статую „Ивана Грознаго" изъ Петербурга я получилъ обратно въ кускахъ, да и одну ли только эту статую!.. Лучшій изъ моихъ

бюстовъ, сдѣланный въ Петербургѣ, былъ испорченъ при отливкѣ изъ гипса, отчасти благодаря неумѣлости, отчасти же тому, что нашъ гипсъ оказался похожимъ на творогъ. Для устройства моей выставки въ Петербургѣ я привезъ съ собой опытнаго человѣка изъ Парижа, и все обошлось благополучно... Дальнѣйшую же укладку и отправку я поручилъ петербургскому спеціалисту, и мраморную статую „Христіанская мученица" сбросили со второго этажа и, конечно, разбили... Руки у насъ дешевле, чѣмъ въ Парижѣ, а бронзовая отливка значительно дороже и хуже; дороже и хуже потому, что отливка часто не удается, а не удается она потому, что мало производства, а слѣдовательно и мало опытности!..

Я не знаю, какъ теперь идутъ у насъ ремесленныя школы, но то, что мнѣ лично извѣстно о нихъ—весьма печально. Вотъ, напримѣръ, что я могу разсказать объ одной изъ такихъ школъ... Но тутъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ 1878 г., пріѣхавъ въ Парижъ, я былъ пораженъ кипучей дѣятельностью здѣшней художественной индустріи, и началъ мечтать о томъ, какъ хорошо было бы прислать сюда нѣсколькихъ нашихъ способныхъ ремесленниковъ для усовершенствованія, какъ это дѣлается съ учеными и художниками. Мечталъ я и о многомъ другомъ, о чемъ разскажу когда-нибудь въ другой разъ... Счастливая случайность осуществила мою первую мечту. Нѣкто X... вызвался взять на свое содержаніе четырехъ учениковъ изъ школы Наслѣдника-Цесаревича. Сказано, сдѣлано. Четверо учениковъ пріѣхали и были отданы на попеченіе А. П. Боголюбова и мое. Конечно, прежде всего мнѣ захотѣлось познакомиться съ ихъ прошлымъ, чему они учились, чего достигли и т. д., и я узналъ слѣдующее: каждый ученикъ пробылъ въ заведеніи шесть лѣтъ; три четверти этого времени было посвящено на образованіе и четверть на ремесло, т.-е. на самую суть дѣла. Сверхъ того, каждый ученикъ долженъ былъ знать не только свою личную спеціальность, но и побочныя, какъ-то: столяръ долженъ былъ умѣть немножко точить и рѣзать, тогда какъ здѣсь каждое ремесло дробится на множество отраслей. Въ результатѣ получилось много претензій и мало знаній. Не трудно было предвидѣть, что изъ этого выйдетъ... Не вышло ничего, но и это не такъ скоро. Ученики получали хорошее содержаніе—10 франковъ въ день, кромѣ карманныхъ денегъ и одежды. Не стану разсказывать, сколько хлопотъ они намъ надѣлали въ теченіе четырехъ лѣтъ... Разскажу только конецъ: одинъ, лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію умеръ; другой объявилъ, что чувствуетъ призваніе къ высшему

образованію и исчезъ; третій, очень способный, рано обнаружилъ способность пить не во-время, и наконецъ, четвертый — слесарь, объявилъ, что желаетъ быть литейщикомъ, на что и получилъ позволеніе изъ Петербурга; пробывъ недолгое время литейщикомъ, онъ пожелалъ сдѣлаться чеканщикомъ; но тутъ, пробывъ всего годъ, онъ, восемнадцатилѣтній юноша, влюбился въ 17-ти-лѣтнюю дочь хозяина, и, недолго думая, прибѣгнулъ къ И. С. Тургеневу; а тотъ, никогда не умѣвшій никому отказывать ни въ чемъ, далъ ему письмо къ благотворителю, который, сверхъ своего благословенія, прислалъ 1.500 фр. на свадьбу... Итакъ, вся эта исторія обошлась г-ну X. въ 38.000 франковъ, намъ стоила немалыхъ хлопотъ, но зато ученикъ возвратился на родину, вмѣсто знанія, съ молодою женой.

Впрочемъ, этотъ эпизодъ случился 15 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ школьный вопросъ, можетъ быть, значительно подвинулся впередъ... Кромѣ того, теперь мы имѣемъ такіе два оазиса, какъ школы барона Штиглица и Общества поощренія художествъ. Обѣ эти школы превосходно обставлены, со знаніемъ дѣла, щедрой рукой; но когда подумаешь, что молодые ростки этого оазиса разнесутся по всей Россіи, попадутъ въ удушливую атмосферу неразвитыхъ мастеровъ, то по неволѣ жутко становится за ихъ будущую судьбу. Я говорю это по опыту, припоминая то, что я самъ испыталъ когда-то въ провинціи. Правда, то было очень давно, но не думаю, чтобъ и теперь было тамъ лучше. Мнѣ все-таки удалось устроить здѣсь нѣсколько молодыхъ соотечественниковъ — проще, лучше и дешевле. Пріѣхавъ сюда съ аттестатомъ рисовальной школы, безъ средствъ и языка, они поступали въ художественно-индустріальное заведеніе; первые три мѣсяца они ничего не получали, и я давалъ имъ по 6 фр. въ день (не своихъ); вторые три мѣсяца они получали по 2 фр. въ день, и я прибавлялъ имъ по 4 фр.; въ дальнѣйшіе три мѣсяца они уже получали по 4 фр. въ день и, наконецъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они уже больше не нуждались въ поддержкѣ.

Есть и другіе способы съ небольшими затратами, которыми можно достигнуть такихъ же благихъ цѣлей. Такъ, напр., посредствомъ фотогравюры, благодаря ея крайней дешевизнѣ, можно популяризировать лучшіе образцы всѣхъ отраслей отечественнаго искусства, какъ древняго, такъ и новѣйшаго. Можно выставлять ихъ въ школахъ, особенно тамъ, гдѣ кустарное производство наиболѣе развито, знакомить дѣтей съ сокровищами народнаго творчества, пріучать ихъ съ дѣтства видѣть хорошія произведенія — дѣтская память крѣпка: то, что замѣчается въ молодости, не за-

бывается никогда. Можно давать дѣтямъ эти фотогравюры въ видѣ наградъ, какъ это дѣлается съ книгами; такимъ образомъ ребенокъ будетъ переносить искусство изъ школы домой, гдѣ его увидятъ всѣ. Можно заинтересовать нашимъ искусствомъ и иностранцевъ: вступать въ обмѣнъ съ издателями, и такимъ образомъ иностранные образцы сдѣлаются доступными для насъ наравнѣ съ отечественными... Но часто—дальше каталоговъ выставокъ у насъ, кажется, дѣло не идетъ; у насъ нѣтъ даже ремесленной газеты, а о серьезныхъ художественныхъ изданіяхъ и говорить нечего,—ихъ нѣтъ или почти нѣтъ. Исторія русской архитектуры разработана и издана французомъ Віолé ле-Дюкомъ (L'Art Russe). Исторія другихъ отраслей нашего искусства ждетъ еще своихъ авторовъ; трудъ Солнцева: „Древности Россійскаго государства", изданъ за границей; „Славянскій Орнаментъ" В. В. Стасова не окупается; а въ знаменитой книгѣ г. Звенигородскаго только и есть русскаго, что доброе желаніе, текстъ, закладка, рисунокъ для переплета да чехолъ... Наконецъ, можно было бы устроить музей изъ скульптурныхъ слѣпковъ замѣчательныхъ произведеній архитектуры, скульптуры и орнамента, какъ это сдѣлано давно уже въ Лондонѣ, въ Берлинѣ и въ особенности въ Парижѣ, въ Трокадеро, гдѣ собрано вмѣстѣ все, чтò есть лучшаго во французскомъ творчествѣ, гдѣ каждый можетъ имѣть со всего фотографіи и слѣпки. А какое это сильное вспомогательное средство для подъема отечественнаго искусства!

Насколько мало еще у насъ интереса къ искусству, это видно по количеству публики, посѣщающей выставки. Петербургскія выставки, какъ академическая, такъ и передвижная, посѣщаются круглымъ числомъ 15.000—18.000 особъ; а въ Парижѣ число посѣтителей—около 300.000, и то въ послѣдніе, худшіе годы; въ прежніе годы число посѣтителей доходило до 400.000 и больше. Причины нынѣшняго уменьшенія находятъ; во-первыхъ, въ расколѣ, образовавшемся среди художниковъ, во-вторыхъ, въ умноженіи скачекъ въ разныхъ окрестностяхъ Парижа, устраиваемыхъ въ одно время съ выставками, и въ спортѣ велосипедистовъ. Многіе предпочитаютъ физическое наслажденіе эстетическому... У насъ же причина нынѣшней малочисленности посѣщеній выставокъ заключается, съ одной стороны, въ отсутствіи интереса къ искусству, и съ—другой въ слабости самихъ выставокъ. Вспомнимъ прежнія выставки Верещагина, или передвижныя, съ такими произведеніями, какъ „Смерть сына Іоанна Грознаго", Рѣпина, или „Боярыня Морозова", Сурикова... Какую массу народа привлекали онѣ; о нихъ говорили, писали, спорили—искренно и хорошо,

а теперь ходятъ на выставку скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ любви къ искусству... А вѣдь у русскаго человѣка есть божія искра, чувство поэзіи; онъ богатъ художественностью, какъ его земля разными минеральными залежами, но и тѣ, и другія повидимому или недостаточно тронуты, или неумѣло разрабатываются. По крайней мѣрѣ, даже на такое излюбленное у насъ искусство, какъ музыка, спросъ до того ничтоженъ, что композиторамъ не оплачиваются самыя необходимыя потребности — насущный хлѣбъ. Чтобы имѣть возможность существовать, они должны одновременно писать ноты и переписывать канцелярскія бумаги. Не избѣгли этой участи и такіе композиторы, какъ покойный Мусоргскій и другіе. Покойный Сѣровъ продалъ право изданія своихъ трехъ оперъ, стоившихъ ему лучшихъ лѣтъ жизни, за 1.000 рублей... и былъ еще въ восторгѣ. „У меня теперь десять сторублевыхъ за пазухой"! говорилъ онъ... Не напоминаетъ ли это того былого времени, когда Гёте продалъ своего „Фауста" за сто талеровъ? Правда, живопись и скульптура лучше оплачиваются, но зато сами же онѣ проявляются у насъ какъ-то вспышками. Эти искусства зависятъ у насъ скорѣе отъ случайностей, отъ единичныхъ меценатовъ, чѣмъ отъ общей потребности. Появилась великая личность, какъ императрица Екатерина II, и среди нашей пустыни расцвѣлъ оазисъ искусства; задумали строить Исаакіевскій соборъ — появились и архитекторы, и живописцы, скульпторы, литейщики и даже знаменитое гальванопластическое заведеніе. Что̀ дѣлали бы передвижники безъ братьевъ Третьяковыхъ? На крупныя художественныя произведенія теперь въ Россіи только два покупателя: министерство Двора и Третьяковъ. По поводу такого шаткаго положенія нашего искусства по неволѣ задумаешься, есть ли у насъ въ немъ надобность, не слишкомъ ли оно ранній гость у насъ? Добрыхъ 99 милліоновъ изъ сотни всего населенія Россіи говорятъ намъ, что можно жить и безъ него.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о живописи — этомъ цвѣткѣ нагляднаго искусства... И она до 50-хъ годовъ включительно стояла на одинаковомъ уровнѣ съ европейскою и была, если не выше французской, то и не ниже другихъ. У насъ были тогда замѣчательные мастера, техники, рисовальщики, какъ Брюловъ, Бруни и др. Но это были дѣти своего времени, романтики, искавшіе искусства далеко отъ дѣйствительности... Затѣмъ были у насъ и свои новаторы, родоначальники новой школы, какъ Ивановъ и Ѳедотовъ... Наконецъ, настали шестидесятые года—нѣчто въ родѣ „возрожденія" русскаго искусства. Я еще

засталъ это время, тогдашнихъ людей... Какая сильная, горячая любовь охватывала тогда всѣхъ ко всему возвышенному и глубокому!.. Казалось, что въ самомъ воздухѣ носилось что-то свѣтлое и радужное, сильно возбуждающее, желаніе обнять всѣхъ, какъ родныхъ. Художники не отставали отъ другихъ, и они ринулись отыскивать родные источники въ глубинѣ живого человѣка. Правда, были ошибки, заблужденія; вмѣстѣ съ искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ явилась и тенденція, но все-таки въ общемъ искусство трогало, волновало и радовало. Художники гордо шли впередъ, совершенствовались и достигли уже извѣстной высоты. Въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, сознаніе у русскихъ художниковъ было уже до того сильно, что горсть молодыхъ „конкуррентовъ", съ покойнымъ Крамскимъ во главѣ, бросила вызовъ старой рутинѣ, вышла изъ академіи и образовала знаменитую „Артель", а потомъ „Общество передвижниковъ", такъ много сдѣлавшее для русскаго искусства, хотя, признаться, оно было въ состояніи сдѣлать во сто разъ больше. Съ какимъ восторгомъ публика встрѣчала каждый годъ выставки этихъ передвижниковъ, и больше всѣхъ В. В. Стасовъ, страстно любящій отечественное искусство, неутомимо и безкорыстно посвящавшій не мало времени въ теченіе столькихъ лѣтъ этому дѣлу... Въ концѣ концовъ, наше искусство стало намъ роднымъ, въ немъ мы увидѣли нашу исторію, окружающую насъ жизнь, нашу природу и близкихъ намъ людей, съ ихъ радостями и печалями. Да, всѣмъ казалось, что настоящая дорога найдена, художникамъ оставалось только идти по ней впередъ, развивать свои душевныя силы во всю мощь... Но тутъ случилось что-то странное, что-то неожиданное,—точно мятель поднялась: художники стали путаться, сбиваться съ пути, и вмѣсто того, чтобы идти впередъ, пошли назадъ, начали изгонять „тенденціозное искусство", и вмѣстѣ съ нимъ изгонять и здравый смыслъ, погнались за „чистымъ искусствомъ" и „искусствомъ для искусства", и достигли—искусства безъ искусства. Начались недоумѣнія, недоразумѣнія; художники стали разбиваться на кучки, зажиматься въ раковинкѣ; и въ ихъ маленькомъ міркѣ стало твориться то же, что и въ большомъ: тѣ же партіи, касты, секты, тѣ же „ссоры да вздоры". Мнѣ пишутъ, что теперь въ Петербургѣ уже *пять* художественныхъ партій, враждующихъ между собой; что теперь не спрашиваютъ, *что* художникъ выставилъ, а *гдѣ* онъ выставилъ; что въ искусствѣ существуютъ только *свои* и *не-свои*; что въ сущности всѣ ссоры ведутся изъ-за того, что „я не могу, а ты не долженъ"; что всѣ говорятъ объ искусствѣ, а думаютъ

о себѣ, и если есть среди художниковъ что-нибудь молодое, искреннее и свѣтлое, то только благодаря москвичамъ—московской школѣ... Но ихъ мало, четыре-пять талантовъ въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ, среди сто-милліоннаго народа! Этого болѣе чѣмъ недостаточно. Пишутъ мнѣ еще, что каждая выставка, повидимому, обстоитъ благополучно, но только нѣтъ того, что̀ называется новизной, мощью, любовью и энергіей,—того, что̀ захватываетъ и завлекаетъ насъ; наконецъ, пишутъ еще, что художники и любители возлюбили больше всего пейзажъ, т.-е. просто перестали любить живого человѣка. Нѣмая природа, поэзія—хорошо; но человѣкъ съ своимъ духовнымъ содержаніемъ—еще лучше... По неволѣ спрашиваешь: изъ-за чего среди художниковъ вся эта тѣснота и толкотня? Неужели русская земля клиномъ сошлась, или художниковъ—въ избыткѣ; неужели думаютъ, что стоитъ только сочинять уставы, писать протоколы, отношенія, обсуждать, что̀ желательно, что̀ нѣтъ, рѣзко отдѣлять своихъ отъ не-своихъ, устраивать выставки, выслушивать похвалы или порицанія толпы, —и это подвинетъ искусство хоть на іоту?!

Одинъ изъ близкихъ мнѣ людей увѣрялъ меня, что вся сумятица между художниками происходитъ въ сущности отъ того, что они забыли свое высокое призваніе, а забыли оттого, что никто его и не требуетъ... Это не игра словъ, а горькая истина—плата зломъ за зло.

Новое искусство не соотвѣтствуетъ старымъ понятіямъ, старой традиціи, но оно не укладывается и въ новую жизнь. Что̀ же дѣлать? Пожалуй, можно отъ живописи и скульптуры отрѣзать драму и трагедію, можно выбросить за бортъ большія картины и статуи, какъ лишній балластъ, никому ненужный... Художникъ, вмѣсто того, чтобы творить то, что̀ его захватывало и волновало, можетъ писать миловидныя сценки, пейзажи или портреты... особенно портреты, на которые теперь такой спросъ. Можно задавать художникамъ конкурсы для плафоновъ, для почтовыхъ марокъ и даже для афишъ о разныхъ фабрикаціяхъ шоколада, спиртныхъ напитковъ и пр. Все это можно, и доказательствомъ служитъ то, что здѣсь, въ Парижѣ, это уже практикуется, и въ очень широкихъ размѣрахъ... Но будетъ ли это имѣть значеніе высокаго искусства? Можно, наконецъ, также поддерживать искусство искусственнымъ образомъ... Но опять—не будетъ ли такое искусство похоже на растеніе, вынесенное изъ оранжереи и брошенное среди льда? Не то было прежде. Когда покойный И. Н. Крамской узналъ, что одинъ изъ извѣстныхъ художниковъ же-

нился, онъ покачалъ головой и съ грустью сказалъ: „Значитъ, прощай искусство“! Покойный Крамской вовсе не былъ противникомъ семейной жизни, но зналъ трудовое существованіе русскаго художника, зналъ, что худшій врагъ семейной жизни—недостатокъ средствъ, зналъ, что художнику придется изгибаться въ три погибели, чтобы найти эти средства, и самое главное—зналъ, какая борьба настанетъ тогда въ душѣ труженика между человѣкомъ-художникомъ и человѣкомъ-семьяниномъ... Вѣдь тогда многіе еще смотрѣли на художниковъ какъ на людей, одаренныхъ чѣмъ-то свыше, работающихъ только по вдохновенію... Да и сами художники смотрѣли тогда на искусство какъ на что-то священное, охраняющее правду высшей гармоніи. Кто изъ нихъ не твердилъ тогда въ душѣ знаменитый стихъ Пушкина:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа...

Я зналъ этихъ художниковъ. Многіе изъ нихъ здравствуютъ и до-нынѣ, но, Боже мой, какъ они перемѣнились!.. Я помню ихъ разговоры, горячіе споры—все на глубоко захватывающія тэмы, въ высшей степени гуманныя. Каждый по силамъ и возможности несъ свой малый или большой душевный вкладъ въ пользу ближняго. Будучи людьми въ высокомъ смыслѣ этого слова, они умѣли быть въ то же самое время и патріотами, горячо любить свою родину, почти какъ самихъ себя. Теперь же очень много патріотизма, но мало человѣчности—на томъ основаніи, что своя рубашка ближе къ тѣлу, съ естественнымъ отсюда заключеніемъ, что цѣль оправдываетъ средства... И это искусство!..

Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что искусство, поэзія—чистѣйшій языкъ души, лучшій толкователь человѣческихъ страданій, что въ немъ нѣтъ мѣста „злобѣ дня“, зависти, ссорамъ и раздорамъ... Напротивъ, искусство облагораживаетъ и возвышаетъ нашъ духъ, заставляетъ наши сердца биться сильнѣе, радоваться и волноваться не за себя одного... и, какъ небо, оно свѣтитъ и грѣетъ для всѣхъ одинаково. Но не надо забывать, что мы, какъ и вся Европа, переживаемъ fin de siècle, время декадентства, религіи безъ вѣры, эгоизма, возведеннаго въ догматъ, борьбы за существованіе... Что остается дѣлать искусству въ подобное время разлада между чувствомъ и умомъ, между нравственнымъ долгомъ и самосохраненіемъ?! Наука, паръ и электричество стремятся обнять весь земной шаръ и соединить людей въ одну семью, а мы готовы

обнести себя китайской стѣной. Въ такое время всѣ щурятъ глаза, смотря на правду, какъ на солнце, готовы увѣрить другъ друга именно въ томъ, въ чемъ сами хотятъ быть увѣрены,—въ такое время, пожалуй, и искусству остается также только лгать, забавлять—или замереть...

М. Антокольскій.

Парижъ.
Іюль, 1896 г.

ПО ДРУГОМУ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXIV *).

Октябрь былъ на исходѣ. Въ Гостиномъ Дворѣ, по боковой линіи, часу въ третьемъ, сновало много покупательницъ. Стояла мглистая погода, безъ дождя. Невскій смотрѣлъ хмуро. Ѣзда усиливалась, и звонки конокъ противъ Михайловской улицы безпрестанно дребезжали въ отсырѣломъ, тяжеломъ воздухѣ.

Изъ магазина модныхъ товаровъ вышла дама въ мохнатой пелеринѣ, съ бархатнымъ воротникомъ, въ видѣ тюльпана, невысокаго роста, съ тонкимъ перехватомъ таліи, въ огромной шляпѣ, съ цѣлымъ лѣсомъ перьевъ. Короткая вуалетка, покрытая крупными мушками, затушевывала ея нѣсколько полное, свѣжее лицо; густыя брови, тонкій носъ и крупный ротъ съ блестящими зубами сквозили черезъ вуалетку.

Она повела вправо и влѣво большими карими глазами, какъ бы раздумывая, куда ей взять — къ Невскому или въ дальній конецъ линіи?

— Mademoiselle Полканова! Здравствуйте!

Подошелъ молодой человѣкъ въ мерлушчатой шапкѣ и шинели артиллериста.

---

*) См. выше: янв., стр. 119.

Съ ней здоровался Шпандинъ, перешедшій въ одну изъ гвардейскихъ батарей.

Она подала ему руку, не торопясь, увѣреннымъ и спокойнымъ жестомъ.

— Здравствуйте, — повторила и она низкимъ контральто. Тэмбръ голоса старилъ ее.

— Изволили обозрѣвать модную провизію?

— Да, но ничего не купила. Выборъ очень бѣдный!

Они стояли въ простѣнкѣ, между двумя входами въ магазины.

Съ Ириной Николаевной Полкановой Шпандинъ познакомился не больше двухъ недѣль назадъ, у ея подруги Студенцовой. Это было вечеромъ. Они уходили вмѣстѣ, и онъ попросилъ позволенія проводить ее,—она жила у дяди, далеко отъ квартиры Студенцовой. Дорѡгой, подъ верхомъ пролетки, они весело разговаривали и успѣли взаимно оцѣнить себя.

Они нашли въ себѣ много сходнаго и сразу установили почти пріятельскій тонъ.

— А въ какія мѣста, если не будетъ нескромно спросить?

— Нисколько... Я хочу завернуть къ Женни.

— Къ Евгеніи Андреевнѣ?

— Да. Она третій день не выходитъ—простужена.

— Инфлюэнца?

— Нѣтъ, она не въ постели. И вы могли бы завернуть къ ней.

— Всегда готовъ. Только наша „incomprise“ не очень меня долюбливаетъ.

— Какъ вы ее назвали?

— Самымъ настоящимъ терминомъ: une incomprise—непонятая или неразгаданная...

— Смотрите! Она узнаетъ и отдѣлаетъ васъ.

— На здоровье!

— И, наконецъ, она—мой другъ!

— Ха, ха, ха!—громко разсмѣялся Шпандинъ.

Они уже перешли Невскій и взяли по правому тротуару Михайловской улицы.

— Чтѡ же тутъ смѣшного? — немного строже выговорила Полканова и остановилась.

Шпандинъ сдѣлалъ ей честь по военному,—глаза его весело играли.

— Виноватъ! Не буду... Но вѣдь женская дружба имѣетъ свои особые законы.

— Какіе это?

— Помните... въ какомъ-то романѣ Поля Бурже́...

— Когда это у васъ есть время читать романы?

— Времени у меня бездна — даже и теперь, несмотря на то, что я зубрю разныя науки, въ родѣ *баллистики* и *теоріи повозокъ*.

— Это чтò за теорія?

Полкановой нравилась его веселость, и она не желала съ нимъ держаться строгой дѣвицей.

— Теорія нашихъ смертоносныхъ экипажей. Наука, по сюжету, нѣсколько далекая отъ произведеній Бурже... Такъ вотъ, можетъ, вы помните, гдѣ именно онъ замѣчаетъ, что мужчины, когда дружатъ, то говорятъ другъ другу все, до самаго дна души. А женщины могутъ нѣжно любить одна другую или, по крайней мѣрѣ, думать, что находятся въ такихъ чувствахъ, а *всего* никогда одна другой не скажетъ. Развѣ это не правда?

Полканова повела головой и сжала губы.

— Пожалуй и такъ.

— Вотъ видите! И чтеніе романовъ на что-нибудь пригодно бываетъ. А вы давно водите дружбу съ Евгеніей Андреевной?

— Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства. Были даже одинъ годъ вмѣстѣ въ институтѣ...

И, не докончивъ, Полканова опять остановилась у подъѣзда Дворянскаго Собранія.

— А вы, что же это, Гостиный Дворъ посѣщаете... для обзора...

— Богатыхъ купеческихъ невѣстъ?—подсказалъ Шпандинъ.

—Нѣтъ-съ. Я шелъ сверху, отъ Юнкера, и думалъ найти одного еврейчика... изъ зайцевъ.

— Какого?

— Извѣстно какого—биржевого.

— Вы играете?

Она пристально взглянула на него и поправила вуалетку.

— А вы? — спросилъ онъ и также пристально поглядѣлъ на нее.

Оба разомъ разсмѣялись. Иначе и не могло быть: и въ этомъ они чувствовали себя какъ настоящіе товарищи.

— Грѣшнымъ дѣломъ, давно зашибаюсь... еще со второго курса.

— Студентомъ играли?

— Не я одинъ. Но началъ не съ этого. Былъ цѣлый годъ репортеромъ—по скачкамъ.

— Писали объ этомъ въ газетахъ?

— Всенепремѣнно. Разумѣется, сталъ и *тотошкой* заниматься.

Она знала это жаргонное слово, и могла бы ему признаться, что еще подросткомъ, по шестнадцатому году — черезъ кузена-студента—ставила по красненькой на лошадь и въ одинъ лѣтній сезонъ выиграла больше двухсотъ рублей.

— А потомъ?

— А потомъ и на бумажную биржу перешелъ. Да развѣ вы ни отъ кого не слыхали, какъ въ позапрошломъ году одинъ студентикъ на брянскихъ акціяхъ нажилъ двѣнадцать тысячъ въ одинъ ударъ?

— И это были вы?

У ней даже слегка перехватило голосъ.

— Вашъ покорный слуга!

Онъ сталъ во фронтъ и отдалъ ей честь.

— Vous êtes de cette force?

— Oui, mademoiselle!

— И продолжаете такъ же удачно?

— Ничего. Иногда по одной жердочкѣ пробираешься, напримѣръ хоть бы теперь... Начинается что-то, похожее на биржевой катарръ.

Онъ добавилъ болѣе серьезно:

— Если вы грѣшите, не совѣтую зарываться, ни вверхъ, ни внизъ, ни просто, ни съ *нохомъ*.

— Съ нохомъ! — повторила она и сдвинула свои красивыя круглыя брови.—Такъ лучше пережидать... по вашему?

— Переждите.

— Merci!.. Вы очень милы. Однако, идемте. А то подумаютъ, что у насъ rendez-vous около сквера.

Они ускорили шагъ.

XXV.

Поднимались они медленно по лѣстницѣ четырехъ-этажнаго дома, въ одномъ изъ переулковъ Литейной, продолжая говорить.

Студенцова жила въ третьемъ этажѣ.

— Вы видали хозяйку Евгеніи Андреевны?—спросилъ вполголоса Шпандинъ, когда они были уже на третьей площадкѣ.

На двери, обитой темно-малиновымъ сукномъ, надъ визитной карточкой Студенцовой, прибита была мѣдная доска: „Роза Юліановна Дембицкая“.

— Разъ видѣла. Очень любезная и красивая.

Полканова повела своимъ широкимъ ртомъ и усмѣхнулась глазами.

Для нея эта дама была разумѣется — вдова, или дѣвица съ покровителемъ. И Шпандинъ, взглянувъ на нее, на такой же ладъ усмѣхнулся.

Они вообще прекрасно понимали другъ друга. Про эту хозяйку онъ зналъ, конечно, болѣе обстоятельно; но не счелъ нужнымъ намекать. Вообще онъ считалъ сплетничество слишкомъ „дешевымъ товаромъ“. Студенцова нашла себѣ комнаты сама, занимала цѣлую половину квартиры, изъ трехъ комнатъ, прекрасно меблированныхъ, и была до сихъ поръ довольна своей хозяйкой—особой дѣйствительно весьма эффектной и обязательной.

Имъ отворила молоденькая горничная, полная, въ чепчикѣ съ кружевами, яркая блондинка съ роскошными волосами льняного цвѣта.

— Евгенію Андреевну можно видѣть?—спросила Полканова, не снимая пелеринки.

— Да... у нихъ сидитъ гость. Пожалуйте.

Шпандинъ сталъ снимать шашку и шинель въ передней, и Полканова вошла одна въ небольшую гостиную, гдѣ Студенцова лежала въ углу, на кушеткѣ, около трельяжа съ плющомъ. Въ комнатѣ, заставленной мебелью, было почти совсѣмъ темно.

Быстрые глаза Полкановой сейчасъ же разглядѣли фигуру и лицо мужчины—полное, очень моложавое, съ плохо ростущими усами и бородкой.

— А! Ариша!.. милая! Здравствуй! Не цѣлую тебя... пристанетъ мой гриппъ. Представляю тебѣ Ивана Сергѣевича Шемадурова. Ты знаешь?

Студенцова пожала ей руку и привстала на кушеткѣ. Голову она укутала въ широкую бѣлую блонду, что̀ къ ней чрезвычайно шло. Пеньюаръ изъ темной легкой матеріи, съ шолковой отдѣлкой, красиво обволакивалъ ея худое и стройное тѣло.

Полканова подала руку Шемадурову. Она уже слыхала о немъ отъ Студенцовой и сейчасъ про себя подумала:

„Жѐнни обработываетъ восходящую извѣстность“.

Ей было непріятно, что подруга звала ее и при постороннихъ: „Ариша“, вмѣсто „Irène“; но она умѣла, до поры до времени, сдерживать свое недовольство.

— Я не одна къ тебѣ, — выговорила она, садясь въ позѣ благовоспитанной дѣвицы, въ полъ-оборота къ Шемадурову. Она

знала, что такая поза выставляетъ ея бюстъ и профиль въ самомъ выгодномъ „раккурсѣ".

— Кого ты привела?

— Со мной встрѣтился Шпандинъ.

— А-а, — протянула Студенцова.

— Новая побѣда?—полушопотомъ сказала ей на ухо Полканова.

— Уступаю тебѣ его... Ты же такая охотница до атлетовъ.

Это à part‌e прервало оживленный разговоръ Студенцовой съ своимъ гостемъ.

Вошелъ, позвякивая шпорами, и Шпандинъ.

— Боюсь нанести съ собою холодъ. Я посижу здѣсь у двери.

„Эфебъ" продолжалъ ей не нравиться; но ей все-таки сдѣлалось почему-то непріятно, что „Ариша" уже „начала съ нимъ игру". Не совсѣмъ пріятенъ былъ ей и приходъ Полкановой во время визита Шемадурова.

Они познакомились на штрандѣ. Она знала, какіе споры были между нимъ и Разсудинымъ, и въ одномъ изъ нихъ даже участвовала. Онъ ее интересовалъ, какъ „вожакъ" извѣстной доли здѣшней молодежи, но она не очень поддавалась его взглядамъ.

Вотъ и сейчасъ у нихъ зашелъ горячій разговоръ все на ту же тэму, которая—какъ онъ самъ выражался—„виситъ теперь въ воздухѣ".

Ихъ голоса Полканова слышала еще въ передней, и въ сторону Шемадурова сказала:

— Мы, кажется, прервали вашу оживленную бесѣду?

Она любила употреблять нарочно избитыя выраженія, произнося ихъ съ оттѣнкомъ юмора. Эту „игру" Студенцова въ ней также недолюбливала.

— Боже мой!—откликнулся Шемадуровъ своимъ высокимъ теноркомъ.—Это безконечная бесѣда. И можно во всякое время возобновить ее—не правда ли, Евгенія Андреевна?

Шемадуровъ чувствовалъ себя въ ударѣ. Такая слушательница, какъ эта особа, придала бы его діалектикѣ еще болѣе блеска. Шпандину онъ ласково кивнулъ головой. Они встрѣчались и прежде, въ студенческихъ кружкахъ.

— Вы сказали „безконечная", Шемадуровъ?—переспросила Студенцова.—Вы правы.

„Съ какой стати Женни зоветъ его прямо по фамиліи"?—замѣтила про себя Полканова.

Она находила „genre" подруги съ мужчинами старомоднымъ. Себя она считала гораздо новѣе, хотя у нея и не было, какъ у

Студенцовой, такого „пестраго“ житья за границей, хотя она и не проходила черезъ столько парижскихъ „испытаній“.

— Въ чемъ же дѣло, господа?—полушутливо спросила она.

— Трудно опредѣлить это въ двухъ словахъ,—обратился къ ней Шемадуровъ.—Пришлось бы начинать съ яицъ Леды...

— Пожалуйста, безъ миѳологіи!—перебила его Студенцова, и вся потянулась.

— Да, можетъ быть, я не въ состояніи буду и понять? Вы оба такіе ученые!

— Вотъ въ чемъ дѣло, Ариша,—Студенцова заговорила нервно, съ раскраснѣвшимися щеками.—Иванъ Сергѣичъ—фанатикъ того ученія, по которому все сводится къ вопросу о *буаръ* и *манже*.

— Конечно, все,—отозвался отъ дверей Шпандинъ.

Студенцова взглянула на него и чуть не окликнула: „А васъ кто спрашиваетъ“?

— Это по ученому называется иначе,—продолжала Студенцова.—Но суть вотъ именно такая.

— Что-жъ... это правда,—спокойно выговорила Полканова и повела бровями въ сторону Шемадурова.

— Правда! Правда! Ты наивничаешь, Ариша!

— Нисколько,—построже отозвалась Полканова.

— Разумѣется, воздухомъ никто не питается; но эти господа,—Студенцова указала рукой на Шемадурова,—утверждаютъ, что все—идея, красота, вѣрованія, талантъ, творчество—все держится за *буаръ* и *манже*. Ха, ха!

— Да, все держится за экономическую основу, — повторилъ Шемадуровъ, и его бѣлое, моложавое лицо улыбалось невозмутимой улыбкой.

— И другихъ источниковъ нѣтъ?—почти крикнула Студенцова и сѣла на кушеткѣ, высоко поднявъ голову.

— При ближайшемъ анализѣ не должно быть, — произнесъ Шемадуровъ съ такой же невозмутимой улыбкой.

— И какъ это ново!—вскричала Студенцова.—Это все то же толченье въ ступѣ утилитаризма—только съ другой фразеологіей.

— Законы общества не нуждаются въ новизнѣ, Евгенія Андреевна.

— А чуткіе люди нуждаются теперь въ томъ, что̀ враждебно банальному смыслу, что̀ дважды два четыре, что̀ сидитъ въ потребностяхъ желудка, а не моей души.

Полканова подумала:

„Какъ она смѣшна съ своей восторженностью“!

XXVI.

„И зачѣмъ это Женни рисуется"?—продолжала думать Полканова, прислушиваясь съ усмѣшкой къ спору подруги и Шемадурова.—„И къ чему только она горячится? Разумѣется, онъ больше ея знаетъ. Да и не все ли равно: есть тамъ какіе-то „экономическіе законы", или нѣтъ"?..

Она сама считала себя рѣшительно выше такихъ замашекъ. Съ какой стати будетъ она вступать въ схватки съ мужчинами? Развѣ въ этомъ—сила и обаяніе женщины?

Кажется, и Шпандинъ думалъ почти то же и курилъ папиросу. Онъ сидѣлъ теперь ближе къ кушеткѣ и поглядывалъ на пышную дѣвицу. Она ему нравилась сегодня еще больше, но онъ не будетъ за ней ухаживать „въ сурьёзъ". Съ дѣвицами онъ желалъ быть въ товарищескихъ отношеніяхъ, потому что рѣшилъ, до чина поручика, не думать о женитьбѣ. А для любовныхъ дѣлъ есть не мало и замужнихъ, и вдовъ, и актрисъ, и кокотокъ.

Студенцова забыла о присутствіи „эфеба" и своей подруги и продолжала вести споръ такъ же горячо, показывая своимъ тономъ, что она ни малѣйшимъ образомъ не смущена репутаціей „вожака", которую имѣлъ Шемадуровъ.

— Если вашъ учитель,—говорила она,—и считается глубокимъ мыслителемъ, а вы—его адепты—безусловно правы, проповѣдуя свой матеріальный фатализмъ, то я все-таки скажу и буду тысячу разъ повторять: господа, и безъ того столько разлито въ жизни всякой банальной положительности, а вы носитесь съ вашимъ „буаръ и манжé"!

— Вашъ терминъ,—возразилъ Шемадуровъ, поводя губами,—весьма остроуменъ; но нисколько не доказателенъ. Что-жъ! Мы свою линію ведемъ; а такіе половинчатые спиритуалисты, какъ, напр., нашъ милѣйшій Павелъ Ѳедоровичъ Разсудинъ, пускай допѣваютъ народническія каватины!..

Онъ разсмѣялся, очень довольный своей заключительной нотой, и всталъ, взявшись за шляпу.

— Вы бѣжите?—спросила его Студенцова.

— Вы хотѣли сказать—спасаюсь бѣгствомъ? Нѣтъ... Когда вамъ угодно, я къ вашимъ услугамъ, Евгенія Андреевна. Но вамъ нездоровится. У васъ немного захвачено горло.

— Это правда, Женни,—замѣтила Полканова.—Какъ ты такъ рискуешь?

— Ну, хорошо, ну, хорошо. Идите, Шемадуровъ, я васъ не удерживаю. Если вы и меня обратите въ свою вѣру—это будетъ не малая побѣда.

Шемадуровъ очень почтительно поклонился Полкановой.

— Останься на минуту,—сказала ей Студенцова.

— Останусь.

Мужчины ушли вдвоемъ.

Шпандинъ—когда прощался съ хозяйкой,—наклонясь надъ нею и щелкнувъ шпорами,—сказалъ вполголоса:

— Порохъ напрасно тратите, Евгенія Андреевна. Это—не ваша область.

Она только махнула рукой. Съ нимъ она не имѣла охоты даже отшучиваться.

Что-то такое артиллеристъ шепнулъ ея подругѣ, у самой двери: „Побѣда Ариши!—сказала про себя Студенцова.—Никѣмъ не пренебрегаетъ. И того молодого педанта желаетъ приспособить".

Полканова вернулась къ ней медленно, сначала подошла къ столу съ лампой и поглядѣла на заглавіе двухъ новыхъ книжекъ въ цвѣтныхъ оберткахъ.

И разглядыванье книгъ не любила Студенцова. Манера у этой Ариши такая, точно она остается изъ простой вѣжливости и не о чемъ ей говорить съ своей подругой, или услыхать отъ нея что-нибудь стоющее.

— Ты развѣ торопишься?—спросила Студенцова.

— Къ шести я должна быть дома.

— А отчего тебѣ со мной не отобѣдать?

— Неловко... Меня будутъ ждать.

— Пошли посыльнаго.

— Дядя этого не любитъ. Вѣдь это ты только такая счастливица, что можешь жить гдѣ угодно, ѣздить за границу, принимать у себя мужчинъ, возвращаться домой въ какіе тебѣ вздумается часы.

— Ты мнѣ завидуешь, Ариша?

Полканова присѣла на край кушетки.

— Знаешь, Женни, при постороннихъ не зови меня Аришей.

— Это такъ пріятно звучитъ.

— Можетъ быть; но я прошу тебя.

— Изволь.

Студенцова повела рукой по крутому плечу дѣвицы.

— Сними кофточку. Развѣ тебѣ не жарко здѣсь? Ну, вотъ я и не знаю, какъ тебя назвать.

— Irène.

— Это отзывается романами Октава Фёльё... Съ которымъ изъ нихъ обоихъ—Студенцова сдѣлала жестъ головой—ты желаешь „махаться"?

— Это еще что̀ за слово?!..

Полканова даже покраснѣла.

— Такъ при Екатеринѣ говорили вмѣсто: любезничать, флёртировать.

— Какое ужасное слово!

И, мѣняя тонъ, Полканова нагнулась къ ней и взяла ее за руку.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, утомляешь себя, Женни. Голова не болитъ?

— Болитъ. Что-жъ изъ этого?

— Я могла бы пріѣхать вечеромъ.

„Порядочность" заставляла навѣстить больную подругу.

— Спасибо. У меня будетъ гость... для тебя мало занимательный.

— Кто, кто?

Глаза Полкановой засверкали.

— Навѣрно, тотъ, какъ Шемадуровъ назвалъ его—„милѣйшій Разсудинъ, половинчатый спиритуалистъ". Какая тебѣ охота интересоваться имъ? Онъ такой старомодный.

— Гораздо онъ милѣе и даже новѣе этого скороспѣлаго умника, съ лицомъ пухлаго актера. А ужъ о томъ юнкерѣ я и не говорю!

— Ты просто нервничаешь, Женни... И кончишь тѣмъ, что...

— За тобой перестанутъ ухаживать,—подсказала Студенцова.
—Мнѣ это не нужно... Ариша. Прости, не могу отучиться! Я замужъ не собираюсь.

Полканова немного нахмурилась и встала. Она опять подошла къ столу и взяла одну изъ книгъ.

— Можно взять почитать?—спросила она, стараясь не сердиться.

— Возьми.

Черезъ пять минутъ ея уже не было въ комнатѣ. Студенцова не пошла провожать ее.

Только тутъ она замѣтила, что голова у нея болитъ еще сильнѣе и все лицо горитъ.

Густой сумракъ уже обволакивалъ комнату. Горничная спросила — не подать ли лампу; но Студенцова не велѣла, боясь, что отъ свѣта ей будетъ хуже.

Она лежала на спинѣ, съ открытыми глазами. Съ болью она всегда легко мирилась; но послѣ этого визита двухъ молодыхъ людей и одной подруги—у нея ныло въ головѣ, какъ отъ чего-то надсаднаго и ненужнаго.

Выдержитъ ли она цѣлый сезонъ въ этомъ городѣ? И зачѣмъ она будетъ тутъ „торчать"? Чувствовать себя здѣсь такъ, какъ она привыкла тамъ, въ Латинскомъ Кварталѣ—нечего объ этомъ и мечтать. А впереди еще нѣсколько мѣсяцевъ жизни, въ душныхъ комнатахъ, безъ свѣта, въ сырости и стужѣ петербургской „панели", среди тошныхъ людей.

Душевное „нытье" не пропадало.

XXVII.

Тихо на Пескахъ. Въ двухъ-этажномъ домикѣ одной изъ „улицъ" устроились на житье Анохинъ съ братомъ. Двѣ лишнихъ комнаты они сдавали Токареву. Онъ самъ, передъ отъѣздомъ съ моря, предложилъ имъ себя въ жильцы, нашелъ помѣщеніе очень удобнымъ и взялъ на прокатъ мебель.

Надежда Ѳедоровна стала хозяйничать съ любовью. Какъ во все, что̀ она дѣлала, она и въ хозяйство клала всю душу, и, на первыхъ порахъ, дѣло не обходилось безъ возни съ кухаркой и дѣвочкой-подросткомъ, которую она взяла въ „подгорничныя".

Вотъ и теперь она волнуется изъ-за обѣда. Братъ ея не взыскателенъ: но у жильца—слабый желудокъ, и онъ привыкъ къ тонкой ѣдѣ. По своей деликатности, онъ до сихъ поръ все похваливаетъ ихъ стряпню. Обѣдаетъ онъ не каждый день дома; завтракаетъ всегда у себя; иногда назовется къ нимъ отобѣдать втроемъ.

На него она теперь смотритъ совсѣмъ какъ на родного. Ей даже трудно сказать—кого изъ нихъ она больше жалѣетъ: брата или жильца. За Пашу она сильнѣе тревожится; но обоихъ считаетъ неудачниками и одинаково сокрушается объ ихъ одиночествѣ.

Съ переѣзда сюда Надежда Ѳедоровна стала замѣчать, однако, что братъ часто бываетъ у Студенцовой. Онъ не любитъ разсказывать, гдѣ былъ; но она каждый разъ видитъ по глазамъ, что онъ пріятно возбужденъ.

Пока она еще не боится за него, скорѣе довольна тѣмъ, что у него есть хоть какой-нибудь сердечный „интересъ". Но кто знаетъ, что̀ изъ этого можетъ выйти?

Сегодня братъ опоздалъ что-то къ обѣду. Жилецъ съ утра прислалъ сказать, что дома обѣдать не будетъ.

Въ половинѣ шестого—они садились обыкновенно въ пять—дѣвочка впустила кого-то въ переднюю. Надежда Ѳедоровна была въ столовой, зажигала сама висячую лампу. Запахъ керосина былъ ей особенно ненавистенъ, не изъ-за себя, а изъ-за брата и его нервовъ; поэтому она и не довѣряла прислугѣ заправку лампъ.

Она прислушалась. Чьи-то чужіе шаги. Изъ передней направо было отдѣленіе Токарева; прямо—дверь въ кабинетъ Разсудина, съ маленькимъ альковомъ; налѣво—столовая и ея спаленка.

Въ столовую тихо пріотворилъ дверь молоденькій студентъ, въ сюртукѣ, худой блондинъ, съ глубокими темными глазами. Его пепельные волосы зачесаны были за уши. На верхней губѣ слегка пробивался пушокъ.

— Извините... Я принесъ книгу Павлу Ѳедоровичу... — заговорилъ онъ мягкимъ высокимъ голосомъ.

— А! Это вы, Михалковъ? Войдите, войдите. Братъ долженъ быть скоро. Вы обѣдали?

— Я рано обѣдаю, Надежда Ѳедоровна... тотчасъ послѣ лекцій.

— Все равно... чего-нибудь поѣдите; Паша будетъ очень радъ.

Анохина полюбила этого студента. Онъ явился прямо къ ея брату выразить отъ лица цѣлой группы его товарищей свое „сочувствіе и уваженіе“ человѣку, котораго они считаютъ „самымъ чистымъ“ изъ всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ боролся за „дорогія для нихъ идеи“. И такъ онъ тогда волновался, высказывая всѣ эти хорошія чувства, что она его расцѣловала, какъ маленькаго, и напоила сейчасъ же чаемъ съ вареньемъ.

— Я посижу, Надежда Ѳедоровна.

— Очень на дворѣ гадко?—спросила Анохина, доставая изъ шкафа посуду для третьяго прибора.

— Нехорошо. Изморозь... Глаза слѣпитъ.

— А братъ пошелъ въ осеннемъ пальто. Надо бы мѣховое надѣть.

— Павелъ Ѳедоровичъ завтра какъ располагаетъ своимъ днемъ? Никуда не отозванъ къ вечеру?

Михалковъ вскинулъ на нее свои глубокіе глаза.

— А вамъ что̀, голубчикъ?

— Мы съ товарищами хотимъ просить Павла Ѳедоровича завернуть къ намъ... вечеркомъ. У насъ очередная вечеринка.

Анохина устанавливала приборъ и поглядѣла на него пристально.

— Вечеринка?—переспросила она и тотчасъ подсѣла къ нему.

— Мы составляемъ такой кружокъ... самообразованія... Рефераты читаются, по общимъ вопросамъ.

— По общимъ?—повторила она, продолжая глядѣть на него такъ же пристально.

— Честное слово!—вскричалъ студентъ.—Клянусь вамъ, Надежда Ѳедоровна!..

— То-то, вы ужъ мнѣ на чистоту скажите.

— Увѣряю васъ... Я вотъ принесъ и программу завтрашняго реферата. Если угодно.

— Я вамъ вѣрю. А только вы о томъ не забывайте, что брата моего не слѣдуетъ подводить. Довольно и одного раза!

Она облокотилась о столъ. Студентъ сидѣлъ противъ нея, смущенный и все еще розовый.

— Мы не занимаемся ничѣмъ такимъ,—онъ досказалъ жестомъ руки...—Для насъ важнѣе всего—вопросы общаго развитія... Увѣряю васъ, Надежда Ѳедоровна!..

— А все-таки вы собираетесь, вонъ... по извѣстнымъ днямъ. У кого же это?

— У одного товарища, вотъ здѣсь недалеко... на Лиговкѣ.

— Онъ съ родителями живетъ?

— Съ матерью. Она вдова; уступаетъ намъ и гостиную.

— А все-таки это должно быть извѣстно въ участкѣ? Дворникъ обязанъ заявлять.

Студентъ пожалъ плечами.

— Ужъ это конечно!

— Вотъ видите. Вы, быть можетъ, самыя невинныя вещи читаете и говорите, а тамъ—она протянула указательный палецъ—скажутъ, что Разсудинъ опять мутитъ учащуюся молодежь.

— Павелъ Ѳедоровичъ и самъ убѣдится—какого рода вечеринки бываютъ у насъ.

— Онъ до сихъ поръ самъ—студентъ, не старше васъ душой. Для него лестно, что молодежь цѣнитъ его. Но я вамъ говорю прямо, Михалковъ... берегите его! Не злоупотребляйте его довѣріемъ и пылкой душой. Вѣдь всего два мѣсяца прошло, какъ мы здѣсь устроились. На первыхъ порахъ не надо давать ни малѣйшаго повода... хоть къ чему-нибудь придраться.

Худенькое лицо студента было уже блѣдно; лобъ нервно морщился, и онъ сучилъ ногами подъ столомъ.

— Конечно... если вы такъ опасаетесь, Надежда Ѳедоровна...

— У брата моего своя воля. Но я вамъ говорю это отъ себя и буду вѣрить, что вы правду говорите. Паша, кажется, не собирался никуда завтра вечеромъ. Вы хорошій юноша! Вы меня не обманете.

И она потрепала его по плечу.

XXVIII.

Въ столовой, послѣ обѣда, засидѣлись.

Надежда Өедоровна приказала подать чаю. Разсудинъ и студентъ курили, прихлебывая изъ стакановъ, одинъ противъ другого, съ локтями на скатерти.

Она поглядывала на нихъ обоихъ, и ея трепетное сердце за брата уже болѣе не тревожилось. За обѣдомъ студентъ такъ осторожно приглашалъ Разсудина на вечеринку кружка и такъ мило поглядывалъ на нее искоса, — какъ бы желая ее увѣрить, что онъ ни однимъ словомъ не обмолвится насчетъ ея страховъ...

Братъ обѣщалъ ему быть и сталъ подробно разспрашивать — изъ кого именно состоитъ ихъ кружокъ, кто выдается своими рефератами и какіе вопросы стоятъ на очереди.

Кружокъ былъ самый юный — больше все изъ товарищей Михалкова, по одной изъ здѣшнихъ гимназій. На половину вошло гимназистовъ послѣдняго класса. Пристали и два-три старыхъ студента. Образовали они его еще въ гимназіи, для чтенія рефератовъ и бесѣдъ и выработки программы самообразованія.

Ей даже жалко стало этого худенькаго, совсѣмъ прозрачнаго „юнца", когда онъ, отвѣчая Разсудину, началъ разсказывать, сколько и какихъ книгъ прочелъ еще гимназистомъ.

— Однако, вы большой книжникъ! — сказалъ ему Разсудинъ. — Я многаго не читалъ изъ этихъ вещей.

— Заучитесь, милый! Вы посмотрите на себя въ зеркало. Вчужѣ жалость разбираетъ.

Анохина дотронулась до его локтя.

Разсудинъ видѣлъ и себя такимъ же юнымъ и жаднымъ къ знанію. Но въ немъ и въ его товарищахъ и тогда уже таилась жажда дѣла. Они искали въ книгахъ правды, чтобы сейчасъ же претворить ее въ живую жизнь. А въ этомъ юнцѣ мозговая страсть была какая-то безусловная. Ему хотѣлось все обнять: и природу, и красоту, и точное знаніе, и полеты метафизической мысли. И когда онъ разспрашивалъ о какой-нибудь книгѣ или

теоріи, глаза его еще болѣе углублялись, худоба дѣлалась еще болѣе „духовной“ и весь онъ трепетно порывался куда-то.

— Есть между вами и стихотворцы? — спросилъ Разсудинъ.

— Какже.

Михалковъ опустилъ глаза.

— Можетъ, и сами пописываете?—подмигнула Надежда Ѳедоровна.

— Въ гимназіи случалось. Изъ нашихъ есть двое съ талантикомъ...

— И наклонны къ нынѣшнимъ моднымъ затѣямъ? — спросилъ Разсудинъ построже.

— Нѣтъ! Мы не увлекаемся, и считаемъ всѣхъ этихъ декадентовъ—пуффистами!

— Какъ?

— Пуффистами! Мы ихъ прошлой зимой спеціально изучали. И лично я кое-кого знаю. Это такъ... повѣтріе. А у нѣкоторыхъ просто непомѣрное самомнѣніе.

Разсудинъ поддакивалъ ему головой. Этотъ юнецъ все больше и больше ему нравился.

— Вотъ и Нилъ Петровичъ возвращается,—сказала вполголоса Анохина и тотчасъ же встала. — Можетъ, сюда зайдетъ. Чайку ему свѣженькаго заварить.

Въ дверяхъ стоялъ Токаревъ и протягивалъ письмо Разсудину.

— Посыльный поднялся со мною вмѣстѣ. Будетъ ждать отвѣта.

И онъ подалъ письмо въ узкомъ длинномъ конвертѣ изъ цвѣтной бумаги. Отъ него пошелъ запахъ духовъ.

Глаза Надежды Ѳедоровны замигали. Она инстинктивно боялась всякаго почтальона и посыльнаго. Но видъ конверта тотчасъ же успокоилъ ее. Такіе пишутъ только женщины.

Братъ хотѣлъ, кажется, сегодня, по просьбѣ Токарева, прочесть имъ предисловіе къ отдѣльному изданію своихъ очерковъ. Вѣроятно, и Нилъ Петровичъ вернулся за этимъ раньше обыкновеннаго.

— Не хотите ли чаю?—окликнула она его.

— Не откажусь.

— Я сейчасъ заварю свѣжаго.

Токаревъ пожалъ руку студента и присѣлъ къ столу. Они переглянулись съ Анохиной, видя, что Разсудинъ всталъ съ своего мѣста и не захотѣлъ распечатывать конвертъ при нихъ.

— Я сейчасъ! Я сейчасъ!—заторопился онъ и крикнулъ въ переднюю:—Подождите, посыльный.

„Навѣрно, отъ нея"! — вразъ подумали Анохина и Токаревъ.

Студентъ сталъ собираться уходить.

Анохина и Токаревъ помолчали. Она прислушивалась къ тому, что̀ братъ дѣлаетъ въ своей комнатѣ. Навѣрно, онъ что-нибудь пишетъ.

— Нилъ Петровичъ,—вполголоса окликнула Анохина:—вѣдь это отъ нея записка.

„Она" былъ для нихъ синонимъ Студенцовой.

— Можетъ быть.

Токаревъ, когда думалъ о Разсудинѣ, тревожился болѣе, чѣмъ Анохина, сближеніемъ его съ Студенцовой.

Опять они примолкли. Скрипъ сапогъ доложилъ, что Разсудинъ въ передней и отдалъ свой отвѣтъ посыльному. Анохина подошла къ двери.

— Паша! Ты дома вечеромъ не будешь? — спросила она, стараясь не выдать себя ничѣмъ.

— Нѣтъ, не буду. Я долженъ идти.

Она не допытывалась, куда, только подошла къ нему, когда горничная выпускала изъ передней посыльнаго, и вполголоса сказала:

— Я такъ и скажу Нилу Петровичу. Ты вѣдь, кажется, хотѣлъ прочесть намъ предисловіе къ книжкѣ?..

Разсудинъ заволновался.

— Ахъ, Боже мой! Нилъ Петровичъ извинитъ. Да у меня еще конецъ не совсѣмъ отдѣланъ. Пожалуйста,—продолжалъ онъ шопотомъ: — извинись ты за меня. А мнѣ еще нужно переодѣться.

— Да развѣ ты не одѣтъ?

— Такъ нельзя.

— И отдыхать не будешь, Паша?

— Нѣтъ, не буду. Надо отъ этой привычки отвыкать.

— Ну, хорошо... Я скажу Нилу Петровичу.

Она вернулась, и они вдвоемъ стали говорить очень тихо. Разсудинъ не зашелъ проститься къ нимъ.

— Боится, что мы будемъ разспрашивать,—сказала Анохина, когда горничная заперла дверь за ея братомъ. — Ужъ вы извините его, Нилъ Петровичъ. А что̀ если Пашу она увлечетъ? Вы за него не боитесь?—спросила она, и сердце у ней ёкнуло.

— А вы, Надежда Ѳедоровна?

— Отъ любви не уйдешь, и то сказать. Простите, что заболталась съ вами... И за Пашу еще разъ извиняюсь.

Они разошлись каждый въ свою комнату.

Войдя въ тѣсноватый кабинетъ, Токаревъ самъ зажегъ лампу, сѣлъ въ соломенное кресло передъ небольшимъ дубовымъ столомъ, развернулъ книгу, постоянно лежавшую на немъ, въ красномъ, уже потертомъ, переплетѣ, окунулъ перо, взялъ толстую тетрадь и сталъ, заглядывая въ книгу, не спѣша, переводить слова монолога, гдѣ „Рыцарь печальнаго образа“ обращается къ будущему лѣтописцу своихъ подвиговъ и проситъ этого „sabio en cantador“, этого „чарующаго мудреца“, не забыть и про его коня, про добраго Россинанта,—„mi buen Rocinante“,—„вѣчнаго моего спутника во всѣхъ моихъ походахъ и похожденіяхъ“.

И тихое, умиленное чувство проникало въ него отъ словъ полу-безумнаго чудака съ великой душой...

XXIX.

Двѣ лампы подъ шолковыми абажурами наполняли салонъ мягкимъ розоватымъ свѣтомъ.

Разсудинъ около кушетки сидѣлъ у столика, куда только-что положилъ листки, исписанные его мелкимъ почеркомъ.

Это было то самое предисловіе, которое онъ отказался прочесть дома. Студенцова попросила его, въ запискѣ, придти посидѣть и принести почитать что-нибудь „свое“.

И когда онъ началъ читать, полчаса назадъ, ему стало совѣстно передъ сестрой и Токаревымъ. Онъ даже солгалъ, чего никогда не дѣлалъ, ни въ серьезныхъ вещахъ, ни во вздорѣ.

Но что̀ же обманывать самого себя? Его тянетъ вотъ сюда, въ эту гостиную, къ той, кто еще тамъ, на штрандѣ, съумѣла привлечь его всѣмъ, вплоть до своихъ парижскихъ „фасоновъ“.

Вотъ и это предисловіе, куда онъ вылилъ всю свою душу, ему слѣдовало бы впервые прочесть у себя, такому развитому человѣку, какъ Токаревъ, и сестрѣ, съ ея беззавѣтной любовью и заботой.

Сочувствіе и похвала Евгеніи Андреевны однако пересилили.

Она закинула руки за голову, и когда онъ кончилъ, спросила послѣ маленькой паузы:

— И все, Павелъ Өедоровичъ?

— Все.

— Прекрасный тонъ! Но, знаете, я бы на вашемъ мѣстѣ

пустила книжку такъ, безъ всякаго авторскаго обращенія къ читателю.

— Вы думаете?

Онъ пришелъ въ волненіе.

— Знаю, вы должны были высказаться. Но развѣ сами очерки не говорятъ за себя? Въ нихъ трепещетъ ваша душа. Къ чему же расхолаживать? Къ чему дѣйствовать на нутро читателя? Надо, чтобы художественное обаяніе не было ничѣмъ нарушено.

— Я не эстетикъ, Евгенія Андреевна... И писалъ я не для тонкихъ экспертовъ, а для тѣхъ, на кого надо дѣйствовать словомъ.

— Не хочу съ вами спорить, Разсудинъ; да у меня сегодня и голова глупая. Но я вѣрю въ одно: ничего нѣтъ сильнѣе и выше дѣйствія красоты... все равно какой: мысли, чувства, формы, линій, красокъ! Я вѣрю также: со временемъ люди поставятъ красоту верховнымъ мѣриломъ всего.

Не въ первый уже разъ онъ слышалъ отъ нея такія слова. Будь это не она, онъ навѣрно сталъ бы возражать и даже возмущаться.

Но у нея все это выходитъ какъ-то иначе. Она дѣйствительно вѣритъ въ то, что выше красоты, какъ ее понимали греки и позднѣе всѣ великіе поэты и художники, не можетъ подниматься человѣческая душа. И то, что̀ прекрасно, должно быть и человѣчно, и нравственно.

Ему уже не казалась „претензіей" и „гнилымъ дилеттантствомъ" такая религія красоты, и даже то, что Студенцова любила повторять греческое изреченіе: „καλός κ'ἀγαθός", не зная этого языка.

— Послушайте, Разсудинъ,—заговорила она медленнѣе и перемѣняя позу.—Мнѣ было бы очень жалко и больно противорѣчить вамъ въ томъ, что̀ для васъ такъ дорого. Да и вообще... я должна повиниться передъ вами—и вы не первый—въ моей чисто дамской дерзости!

Она тихо разсмѣялась.

— Дерзости?—повторилъ и онъ веселѣе.

— А какже? Я со всѣми спорю. Съ самыми умными и учеными. Такъ было и за границей. Мужчины этого не любятъ. Даже французы... Только тѣ смотрятъ всегда на женщину какъ аматеры. Пускай ее споритъ! Если у нея глаза разгорѣлись, или голосъ вибрируетъ, или ноздри вздрагиваютъ—„c'est drôle"! Все равно, какъ доводить ее до слезъ, когда знаешь, что слезы къ

ней очень идутъ. Наши мужчины куда честнѣе и серьезнѣе... въ этомъ, какъ и во всемъ,—прибавила она.—Но и для нихъ нуженъ мундиръ, дипломъ, право на то, чтобы выступать противъ нихъ такъ часто, какъ я это дѣлаю.

— Я уважаю каждое убѣжденіе.

— Прописи мы оставимъ, Разсудинъ. Смотрите на меня какъ на младшаго товарища. Вы—кандидатъ, а я — студентъ перваго курса или гимназистъ седьмого класса. Важнѣе всего спѣться. И я надѣюсь, что вы меня будете понимать и перестанете считать дилеттанткой, зараженной равнодушіемъ къ идеаламъ правды и добра. Что-жъ, я не хочу лгать. Туда, гдѣ вы прожили пять лѣтъ, я по доброй волѣ не пойду. Но душа того, кто жилъ такой новой, духовной жизнью, мнѣ близка. Подите къ ученымъ женщинамъ или къ дѣвчонкамъ, бѣгающимъ на рефераты и лекціи —онѣ вамъ будутъ хлопать до одурѣнія. Я вамъ предсказываю: на первомъ же литературномъ чтеніи вы будете предметомъ овацій. Васъ вызовутъ безъ числа. Но почему? Потому, что вы пострадали. Напишите вы и прочтите самую дрянь—все равно, васъ бы стали вызывать. А сколько изъ нихъ поймутъ то, чтó въ вашемъ талантѣ есть самаго милаго? Три—четыре на сотню, да и то врядъ-ли?

— Чувство важнѣе всего, Евгенія Андреевна.

— И чувство-то стадное и подогрѣтое. Иная и не читала ни строчки; но она прибѣжала, потому что вы занесены въ календарь ея праведниковъ. Конечно, это лучше, чѣмъ впадать въ истерію отъ одной ноты итальянскаго тенора; но стоющаго тутъ все-таки очень мало!

И на это онъ не возражалъ. По своему, она права. Такихъ читательницъ, какъ она, врядъ ли найдешь и дюжину среди тѣхъ, кто будетъ его вызывать...

Онъ тутъ же вспомнилъ, что къ нему уже обращалась цѣлая депутація молодыхъ дѣвушекъ—принять участіе въ одномъ литературномъ вечерѣ.

Онъ попросилъ недѣлю, чтобы отвѣтить—согласенъ онъ или нѣтъ. Сестра была очень польщена этой депутаціей; но стала его предостерегать, посовѣтовала даже узнать „подъ рукой", какъ на это посмотрятъ. Онъ не согласился, и у нихъ вышла маленькая сцена. Съ какой стати будетъ онъ забѣгать самъ? Если его имя непріятно на афишѣ, то распорядителямъ предложатъ выкинуть его...

— Вы угадали, Евгенія Андреевна,—заговорилъ онъ другимъ тономъ:—меня просятъ читать.

— Ну, конечно. Вы что же возьмете? Который очеркъ?

Она сѣла на кушеткѣ, къ нему лицомъ, и глаза ея возбужденно засвѣтились.

— Да я не знаю—соглашаться ли мнѣ? Вы какъ думаете?

— А сестра ваша что говоритъ?

— Она не совѣтуетъ. Но она—неисправимая трусиха.

— Изъ-за чего же рисковать, Разсудинъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ не напечатала и предисловія. Вы не трусливы; но зачѣмъ же портить ваше теперешнее положеніе? Оно можетъ покачнуться отъ какой-нибудь глупой оваціи. Вы увлечетесь... Скажете что-нибудь. Довольно и одного путешествія къ полюсу. И я не трусиха, но я бы не стала ни читать, ни печатать предисловія!..

XXX.

Онъ самъ не желалъ бы никакого фанфаронства. Но, съ другой стороны, почему же не сдѣлать пріятное молодежи, и для хорошей цѣли? Къ чему такъ принижать себя, когда не знаешь за собой никакой вины?

Другое дѣло—предисловіе. Пожалуй оно, и въ самомъ дѣлѣ, рисковано... можетъ повредить книгѣ. Издатель—честный и убѣжденный парень—заплатилъ ему прекрасно, самъ вызвался печатать. Для того будетъ большой ущербъ. Онъ только-что начинаетъ и разсчитываетъ на успѣхъ книги.

— Насчетъ предисловія я подумаю,—выговорилъ Разсудинъ и положилъ листки въ карманъ.

— Простите, Павелъ Ѳедоровичъ! Но я знаю, что ваша сестра будетъ очень успокоена.

Съ Анохиной она познакомилась на штрандѣ, но въ Петербургѣ онѣ еще не видались.

— Скажите откровенно: Надеждѣ Ѳедоровнѣ я не понравилась, а?

— Почему же?

Онъ усмѣхнулся и повелъ головой.

— Навѣрно считаетъ меня чѣмъ-то крайне... подозрительнымъ.

— Съ какой стати, Евгенія Андреевна?

Легкая краска разлилась по его щекамъ.

Съ сестрой Разсудинъ избѣгалъ разговоровъ о Студенцовой; но ему казалось, что знакомству ихъ она скорѣе рада.

— Я давно не видала такого лица, какъ у вашей сестры.

Настоящая діакониса... изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Эти глаза съ безконечной нѣжностью и какой-то внутренней слезой, и трепетъ, и полнѣйшее отрицаніе своего *я*. Но въ этомъ ея личность и доходитъ до высшаго своего выраженія. Мнѣ очень бы хотѣлось ближе узнать ее,—прибавила Студенцова и вбокъ поглядѣла на него.

— Она будетъ рада.

— Не знаю. Это было бы для меня самымъ хорошимъ экзаменомъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Еслибъ Надежда Ѳедоровна нашла во мнѣ что-нибудь порядочное.

Онъ поднялъ голову и хотѣлъ-было спросить:

„А развѣ я не въ счетъ"?

И, точно отвѣчая на его мысль, Студенцова сказала медленнѣе:

— Для васъ я—курьезный субъектъ въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Какъ же можно!

Восклицаніе вылетѣло у него мимовольно.

Ему хотѣлось говорить съ нею, какъ говорятъ съ близкимъ человѣкомъ. И первый вопросъ его былъ бы: любила ли она? Ея прошедшее начало смутно безпокоить его. До сихъ поръ онъ ничего не знаетъ про то, черезъ что провела ее жизнь, чѣмъ она поплатилась за свою развитость и свободу?

— Надежда Ѳедоровна и я,—продолжала Студенцова, опять опуская голову на спинку кушетки,—какой контрастъ! Семидесятые года и „конецъ вѣка". Не правда ли? Вы не повѣрите, Разсудинъ, я вѣдь—бывшая институтка...

— Сестра была также въ институтѣ... года два.

— Но я не кончила... Старшую сестру попросили взять меня. Начальница и классухи видѣли во мнѣ что-то чудовищное...

— Вы, стало быть, рано остались безъ родителей?

— Четырнадцати лѣтъ. Безъ этого развѣ я могла бы очутиться такъ рано на своей волѣ? Вездѣ я перебывала... и нигдѣ не кончила курса. У меня нѣтъ даже диплома на домашнюю учительницу. Вотъ почему Ариша Полканова—моя единственная петербургская подруга—и считаетъ меня до безумія дерзкой, когда слышитъ, что я спорю съ учеными мужчинами, въ родѣ Шемадурова.

— Онъ бываетъ у васъ?—глухо спросилъ Разсудинъ.

— Какже... не дальше, какъ сегодня. Но о немъ я только вскользь сказала. Мнѣ юные вожаки такого типа не нравятся...

Да, смѣлости у меня не мало. Если хотите—дерзости. Диплома и даже свидѣтельства у меня нѣтъ. Но въ классахъ и аудиторіяхъ сидѣла много на своемъ вѣку. И въ гимназіи, и на курсахъ въ Москвѣ... вольной слушательницей. И въ Парижѣ... всюду проникала, куда пускають,—а нашу сестру теперь всюду пускаютъ. И во Флоренціи, и въ Лондонѣ, и даже въ Оксфордѣ ходила на нѣкоторыя лекціи. Ничего профессіональнаго изъ меня не вышло, переводчицы или актрисы, и я не то что горжусь этимъ, а очень, очень рада. Никакого не надо мундира, никакого!

Она вскинула руками и потянулась.

— Это все жизнь мозговая, Евгенія Андреевна...

Онъ не досказалъ. Его точно что-то дернуло внутри. И прежде, до ссылки, Разсудинъ былъ неловокъ съ женщинами, но со многими, въ кружкахъ молодежи, по редакціямъ, сходился, какъ съ товарищами.

Такихъ онъ теперь что-то совсѣмъ не видитъ. Всѣ измѣнили тонъ, иначе одѣваются, иначе держатъ себя... Случалось встрѣчать и болѣе свѣтскихъ, щеголявшихъ своею начитанностью. Нѣкоторыя пописывали. Но и съ тѣми были больше дѣловыя отношенія.

Ему шелъ уже сорокъ-третій годъ; а онъ всего разъ былъ завлеченъ, тамъ, гдѣ писалъ свои очерки. Да и то̀ было глухое и скрытое чувство къ мученицѣ, исходившей, на его глазахъ, злымъ недугомъ...

Ему нечего было вспоминать, не въ чемъ изливаться. Но у такой личности, какъ эта облетѣвшая всю Европу вольная птица, должно бы значиться пестрое прошедшее, и не по одному только посѣщенію аудиторій...

Но онъ устыдился своего любопытства и боялся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ заговорило въ немъ въ эту минуту.

Студенцова какъ бы не поняла его словъ, не замѣчала его смущенія.

— И цѣлыхъ почти десять лѣтъ протекли, Разсудинъ. Мои товарки давно уже матери семействъ. У пристани! А я все плыву—куда?.. Не знаю. И не стыжусь такого, на иной взглядъ, презрѣннаго дилеттантства. Для меня нѣтъ выше состоянія, какъ уходить во все, что̀ умъ и душа самаго избраннаго и чуткаго меньшинства создаютъ, что́ дерзаютъ замышлять, куда проникаютъ, что̀ провидитъ тамъ, тамъ!

И она сдѣлала широкій жестъ. Голосъ ея замеръ. Онъ дѣйствовалъ на Разсудина особенно: и ласкалъ его, и тревожилъ.

„А сердце у тебя есть?“—почти гнѣвно вскричалъ онъ про себя, полный смущенія, испытывая что-то совсѣмъ новое—и сладкое, и опасное.

XXXI.

Въ передней грустно горѣла дешевая лампочка. Токаревъ вошелъ тихо, въ шапкѣ и мѣховомъ пальто. У него былъ свой ключъ, и онъ почти никогда не звонилъ.

Квартира стояла на половину темная. Разсудина не было дома. Надежда Ѳедоровна сидѣла въ своей спальнѣ и что-то шила, усталая.

Ея чуткое ухо сейчасъ же распознало еле слышный звукъ отворяющейся двери. Очень ее потянуло выбѣжать въ переднюю, помочь Нилу Петровичу снять пальто—горничная отпросилась въ баню—и зажечь ему лампу. Но она знала, что онъ не любитъ лишнихъ услугъ, по деликатности или по привычкѣ человѣка, давно живущаго въ одиночествѣ.

Черезъ полчаса она постучится и спроситъ—не угодно ли ему чаю.

Шелъ десятый часъ.

Токаревъ вернулся изъ ресторана, съ обѣда. Эти ежемѣсячныя сборища кто-то прозвалъ „умными трапезами“. Они были заведены въ его долгое отсутствіе изъ Петербурга. Его пригласилъ одинъ его давнишній знакомый и собратъ по журнализму. Обѣдъ былъ многолюдный—человѣкъ до тридцати. Послѣ сладкаго блюда слушали родъ реферата, потомъ начались пренія.

Онъ не дождался конца ихъ, уѣхалъ съ шумомъ въ ушахъ и съ чувствомъ чего-то надсаднаго, вродѣ похмелья.

Онъ медленно раздѣвался и вѣшалъ свое платье въ шкафъ, а въ ушахъ у него все еще дребезжалъ голосъ „докладчика“ во время чтенія реферата и послѣ, когда тотъ отражалъ замѣчанія своихъ оппонентовъ.

Въ началѣ обѣда ему назвали его фамилію. Но теперь онъ не повторитъ ее, безъ ошибки. Помнитъ только, что она кончается на „ѣевъ“ и что въ ней есть буква „ч“.

Токаревъ сидѣлъ около него, по другую сторону стола. И его лицо, вся повадка, вскидыванье плечъ, жесты правой руки, усмѣшки и особаго рода подмигиванья, и тонъ, и фразы, и переливы голоса—все еще сидѣли у него въ головѣ.

Прежде, не больше, какъ десять лѣтъ назадъ, *такихъ* онъ не встрѣчалъ, ни среди заграничныхъ русскихъ, ни здѣсь, ни въ Москвѣ.

Наружностью онъ смахивалъ на молодого, опрятнаго чиновника—блондинъ, въ очкахъ, съ небольшой бородой, съ зачесами на вискахъ. Можно было принять его и за университетскаго доцента, за доктора, даже за конториста. Сосѣдъ Токарева за обѣдомъ успѣлъ сообщить ему, что этотъ, какъ онъ выразился, „ранній выводокъ здѣшней интеллигенціи", гдѣ-то служитъ и въ то же время готовится на ученую степень.

Да, такихъ запѣвалъ и софистовъ Токаревъ еще не встрѣчалъ среди молодежи. Это—махровый цвѣтокъ послѣдняго десятилѣтія.

Тэмой тотъ выбралъ вопросъ о „живительныхъ устояхъ". Для Токарева это было какое-то mixtum compositum подогрѣтаго славянофильства съ самой затхлой метафизикой, въ спиритуалистическомъ вкусѣ. И среди вычурныхъ фразъ, которыя трещали, точно высохшіе стручки гороха, вылетали приговоры, въ видѣ краткихъ афоризмовъ, въ родѣ того, что Стюартъ Милль—„тупой до убожества систематикъ", а Викторъ Гюго—„бездарный болтунъ", а русскій сатирикъ, недавно умершій—„ограниченный ругатель".

Нѣкоторые цвѣты его діалектики ему захотѣлось сейчасъ же записать. Онъ присѣлъ къ столу и досталъ изъ бокового ящика толстую тетрадь своихъ замѣтокъ... нѣчто въ родѣ дневника, который онъ велъ уже больше десяти лѣтъ.

Правда, этому ритору возражали, и одинъ пожилой профессоръ даже очень горячо пощелкалъ его, но большинство слушало съ интересомъ, и другой такой „выводокъ", подъ конецъ, сказалъ цѣлое похвальное слово и референту, и тому поколѣнію, „къ которому имѣетъ честь принадлежать".

Токаревъ стоялъ всю свою жизнь за терпимость и свободу мнѣній, самъ долго и много страдалъ отъ кружкового непониманія; но ему сдѣлалось такъ скверно, что онъ ушелъ до конца преній. Онъ пересилилъ въ себѣ позывъ „осадить" этого „запѣвалу". Не желалъ онъ, чтобы такой витіеватый снобъ пускалъ въ него „закаленную стрѣлу съ тугонятянутой тетивы"—одна изъ безчисленныхъ фразъ его реферата.

И теперь, когда онъ записывалъ, щеки у него разгорались. Давно онъ не чувствовалъ въ себѣ такого „взрыва". И онъ впередъ видѣлъ, что петербургскій „сезонъ" не одинъ разъ заставитъ его выйти изъ настроенія созерцателя и мудреца, который подводитъ итоги своей и окружающей жизни...

„*Такъ* разсердиться пожалуй и хорошо. Это молодитъ“,—подумалъ онъ.

Еще нѣсколько таких экземпляровъ, какъ этотъ „запѣвала“ —и вдругъ захочется засѣсть не за дневникъ, не за книгу воспоминаній, а за повѣсть. Развѣ истый писатель можетъ давать зароки—ставить непоколебимую точку, пока голова ясна, пока не замеръ внутренній „аппаратъ“, что̀ сидитъ въ душѣ и толкаетъ: обобщать, творить образы, идеи, чувства?..

Тотъ великій русскій романистъ, что̀ представлялся ему по пріѣздѣ на штрандъ изъ нѣмецкаго водяного городка — развѣ онъ не давалъ зароковъ, развѣ онъ не сказалъ, съ болью въ сердцѣ и чувствомъ тщеты всего земного, свое „довольно“? А сколько лѣтъ послѣ того онъ еще писалъ—и какія вещи?!

„Да, возмутиться хорошо“!—подумалъ Токаревъ, дописывая страницу, гдѣ весь обѣдъ былъ наложенъ на бумагу крупными мазками.

Прятаться отъ жизни—нельзя и не должно. Нельзя писателю не идти на развѣдки до тѣхъ поръ, пока онъ еще не живой мертвецъ...

И одиночества онъ не чувствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ судьба свела его съ „сосудомъ милости Божіей“ — такъ онъ на дняхъ, въ шутку, прозвалъ свою „хозяйку“ Надежду Ѳедоровну.

Вотъ и теперь онъ зналъ, что она думаетъ только о томъ, какую выбрать минуту, чтобы постучать къ нему, и не обезпокоить, и не опоздать съ чаемъ.

Своей семьи у него нѣтъ, но онъ живетъ точно у родныхъ. И ни къ кому онъ не былъ ближе съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ.

XXXII.

Въ дверь кабинета тихонько постучали.

— Войдите! — крикнулъ Токаревъ.

Просунулась голова Анохиной.

— Будете у себя пить чай, Нилъ Петровичъ?—спросила она вполголоса, видя, что онъ пишетъ.

Онъ обернулся.

— Нѣтъ, я въ столовую приду.

— Да вѣдь вы работаете?

— Я сейчасъ кончу, Надежда Ѳедоровна. Это такъ, замѣтки...

— Очень рада!

Эта фраза выходила у Надежды Ѳедоровны съ особенно душевнымъ звукомъ, какъ ни у кого — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ея жильцу.

Онъ дописывалъ свою замѣтку. Эпитеты лились, штрихи ложились вѣрно и бойко. Еще разъ повторилъ онъ: „Хорошо, какъ разсердишься"!

Ему захотѣлось передать свои впечатлѣнія и Разсудину. Давно ли этотъ прямолинейный народникъ нападалъ на него въ печати, а теперь они дѣлаются пріятелями, несмотря на разницу лѣтъ. И никогда, въ разгаръ своего фанатизма, люди, какъ Разсудинъ, не могли ему быть противными, какъ тотъ „запѣвала", котораго онъ сейчасъ такъ вкусно „зарисовывалъ". Они были всегда и остались людьми глубокой вѣры, готовыми на жертву, простыми и душевными. Между ними онъ не встрѣчалъ ни одного такого „софиста" и „перваго тенора", танцующаго на фразѣ и услаждающаго свой слуховой ὀрганъ собственными красивыми интонаціями.

Онъ сначала пожалѣлъ, что Разсудина не было на „умномъ" обѣдѣ; потомъ порадовался. Разсудинъ слишкомъ нервенъ, и когда волнуется, то говоритъ отрывочно и сбивчиво, даже заикается, и такому искуснику фразы ничего не стоило бы побить его. Или вышло бы что-нибудь некрасивое и небезопасное для человѣка, которому пребываніе въ столицѣ разрѣшено въ видѣ милости.

Надежда Ѳедоровна уже сидѣла за самоваромъ. Для нея вечернее „чаепитіе" съ жильцомъ было самымъ лучшимъ развлеченіемъ. Она никуда почти не ходила. Братъ любилъ пить чай у себя. Въ Петербургѣ—она это замѣтила съ нѣкоторыхъ поръ—Павлуша оживился, и она это объяснила по своему; но съ ней онъ не привыкъ высказываться, и „подходовъ" не любилъ.

Сегодня онъ что-то запоздалъ. Можетъ быть, засидѣлся все тамъ же, у „парижанки", какъ Надежда Ѳедоровна звала про себя Студенцову. Вчера, за обѣдомъ, Паша, не глядя ей прямо въ глаза, промолвилъ:

— Ты все одна, Надя... Нельзя же безъ общества.

И дальше ничего не сказалъ; но навѣрно хотѣлъ сказать, и ей сдавалось теперь, чтὸ именно.

Объ этомъ она поговоритъ съ Ниломъ Петровичемъ. Онъ такъ добръ и ласковъ съ ней. Къ нему обращайся со всѣмъ, чтὸ есть завѣтнаго на душѣ, и онъ, вмѣсто хлѣба, не подастъ тебѣ камень.

— Павелъ Ѳедоровичъ дома? — спросилъ оживленно Токаревъ, присаживаясь къ столу.

— Не бывалъ еще.

— Дома обѣдалъ?

— Нѣтъ, и не обѣдалъ.

Надежда Ѳедоровна всегда говорила тише, когда рѣчь шла о братѣ.

— Можетъ, и не вернется?

— Не знаю, Нилъ Петровичъ.

Подавая ему чашку, Анохина наклонила немного голову въ его сторону и заговорила съ тихой усмѣшкой:

— Пожалуй... у вашей знакомой сидитъ.

— У Студенцовой?

— Да. Онъ вѣдь тогда къ ней въ мигъ собрался. Посыльный-то приходилъ. Я даже немного огорчилась. И не совсѣмъ деликатно было передъ вами, Нилъ Петровичъ.

— Почему?

— Да какъ же. Паша обѣщалъ прочесть вслухъ, при васъ... Вѣдь вы не меньше бы поняли, чѣмъ она.

— Это еще успѣется.

— А знаете чтò, Нилъ Петровичъ, — Анохина заговорила быстрѣе:—должно быть, она ему отсовѣтовала печатать предисловіе.

— Изъ чего вы это заключаете?

— А вотъ изъ чего.

Надежда Ѳедоровна вывезла изъ провинціи привычку пить съ блюдечка.

Она налила и отхлебнула немного.

— Вотъ изъ чего... Я его, такъ, между прочимъ, спросила— скоро выйдетъ твоя книжка? И съ предисловіемъ? Онъ не сразу отвѣтилъ: — книжка выйдетъ въ концѣ будущей недѣли... безъ предисловія.

— Безъ предисловія? — переспросилъ Токаревъ.

— Ни мнѣ, ни вамъ онъ его не читалъ. А только ей. И очень можетъ быть, что она ему отсовѣтовала.

Помолчавъ, Анохина взглянула на Токарева съ улыбкой въ глазахъ.

— Вы подумаете, Нилъ Петровичъ, что я ревную. Нѣтъ! Этого во мнѣ нѣтъ... да и не было. И мужа я не ревновала.

— Никогда?

— Никогда,—весело повторила Надежда Ѳедоровна. — Для ревности надо имѣть больше самолюбія, чѣмъ у меня. Въ ревности на девять случаевъ изъ десяти дѣйствуетъ самолюбіе. Оттого-то мужчины и ревнивѣе нашей сестры.

— Это вѣрно.

— Нѣтъ, я не ревную. И была бы такъ счастлива, еслибъ Пашѣ выпало счастье полюбить. Но полюбить хорошую женщину.

— А тутъ вы боитесь?—осторожно спросилъ Токаревъ.

— Не знаю я ее... Нилъ Петровичъ. Только по наружности... и, вотъ, что̀ отъ васъ слышала. Да вы какъ бы сказали: можетъ она быть вѣрной подругой Пашѣ?

Токаревъ опустилъ голову.

— Не рѣшусь отвѣтить на это утвердительно.

— Больно ужъ она... махровая.

— Кто знаетъ,—сказалъ Токаревъ.—Полюбитъ... многое разомъ слетитъ, если въ ней есть душа. Вотъ вѣдь вы думаете, что она отсовѣтовала Павлу Ѳедоровичу пускать предисловіе—значитъ, она относится къ нему искренно?

— Дай-то Богъ! А въ немъ начинается кое-что. Вообще, Паша теперь сталъ живѣе и веселѣе—вы сами, поди, замѣчаете. Боюсь только, чтобы опять журнальная работа не затянула его. Пойдутъ полемики, брань, а онъ не можетъ не принимать къ сердцу. До сихъ поръ еще не обстрѣлялся. Не такъ, какъ вы, Нилъ Петровичъ.

Она остановилась, отхлебнула и заговорила еще тише.

— Паша, кажется, хочетъ ее къ намъ просить.

— Вы имѣете что-нибудь противъ этого?

— Нѣтъ. И я присмотрюсь къ ней. Да вѣдь она и къ вамъ въ гости можетъ пожаловать.

— А за меня вы не боитесь, Надежда Ѳедоровна?

Оба разсмѣялись.

Звонокъ раздался въ передней, очень нервный.

— Это Паша!—сказала Анохина и пошла отворять.

XXXIII.

Разсудинъ прошелъ сначала къ себѣ. Сестра его успѣла, и въ полусвѣтѣ прихожей, замѣтить, что онъ чѣмъ-то разстроенъ. Онъ принесъ съ собою двѣ книги. По обложкѣ она сейчасъ же узнала книжки журнала.

— Мы съ Ниломъ Петровичемъ пьемъ чай. Ты развѣ не придешь?—вполголоса спросила она.

— Сейчасъ... Вы меня не ждите.

— Приходи, Паша!

Онъ ничего не отвѣтилъ и плотно затворилъ за собою дверь.

Войдя въ столовую, Анохина сдѣлала жестъ правой рукой.

— Къ себѣ прошелъ... Въ разстройствѣ. Что-нибудь прочелъ... Вотъ и не будетъ цѣлую ночь спать. Господи, Господи!

Она покачала головой, садясь къ самовару, и глазами досказала свою просьбу—успокоить брата, развлечь его живымъ разговоромъ.

Разсудинъ побылъ въ своей комнатѣ не больше пяти минутъ. Съ Токаревымъ онъ поздоровался, какъ всегда, крѣпкимъ рукопожатіемъ. Онъ старался не выдавать своего разстройства, но Надежда Өедоровна изучила до тонкости малѣйшую черточку его лица.

— Паша, вотъ Нилъ Петровичъ вернулся съ обѣда и можетъ разсказать тебѣ много интереснаго.

— А что̀ такое?—спросилъ Разсудинъ, принимая отъ сестры стаканъ чая и взглянувъ на Токарева.

— Хорошо, что вы не были тамъ, Павелъ Өедоровичъ. Васъ бы больше меня разсердила элоквенція одного софиста, изъ молодыхъ и подающихъ надежды.

— До этихъ говориленъ я не охотникъ. Прежде, по крайности, собирались по просту... въ кабачкѣ, человѣкъ пять, много десять, а теперь это—разношерстныя сборища.

Токаревъ спросилъ его, не знаетъ ли онъ фамиліи референта, описалъ ему его наружность, а потомъ привелъ нѣсколько фразъ, и съ такими интонаціями, что разсмѣшилъ Анохину.

— Позвольте, позвольте,—Разсудинъ наморщилъ брови, припоминая что-то:—онъ и пишетъ въ такомъ же вкусѣ... фельетоны. Какъ бишь его... Полечѣевъ, вотъ какъ!

— Да, да! Полечѣевъ.

— Я не дальше, какъ на той недѣлѣ, читалъ одну его статью и швырнулъ ее подъ столъ. Это, Нилъ Петровичъ, пѣна изъ битыхъ сливокъ нынѣшняго пустозвонства. Да и другіе-то, мнящіе себя хранителями великой истины, не далеко ушли!..

Онъ не допилъ стакана, поднялся и началъ ходить.

Анохина ждала, что сейчасъ всплыветъ настоящая причина того, чѣмъ ея братъ разстроенъ. Но при ней онъ не будетъ такъ свободно говорить... Она на̀скоро сполоснула и вымыла чашки.

— Ты будешь еще пить, Паша?

— Нѣтъ, спасибо.

И, какъ будто зачѣмъ-то по хозяйству, она беззвучно вышла изъ столовой.

Ея брату дѣйствительно хотѣлось высказаться. Для него этотъ представитель старшаго поколѣнія былъ теперь уже свой чело-

вѣкъ, гораздо ближе многихъ молодыхъ, съ какими онъ зàново познакомился въ Петербургѣ.

— Да,—повторилъ онъ, возбужденный:—и вѣщатели великой истины не лучше. И чтò возмутительно, Нилъ Петровичъ, это то, что „своя своихъ не познàше"... Изъ-за чистаго педантства и даже франтовства такъ трактовать людей, съ которыми имъ слѣдовало бы честно свести свои счеты, точно какихъ презрѣнныхъ буржуевъ!!...

Токаревъ началъ смутно догадываться, чтò значило это „имъ". Онъ уже слышалъ отъ Разсудина о „вожакѣ" здѣшней молодежи—Шемадуровѣ.

— Помилуйте!—почти крикнулъ Разсудинъ и сталъ блѣднѣть.—Развѣ такъ можно поступать?.. Вотъ позвольте, я сейчасъ вамъ покажу!..

Не договоривъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты и вернулся съ книжкой журнала.

— Вотъ извольте полюбоваться!

Онъ присѣлъ къ столу и сталъ искать страницу. Его пальцы вздрагивали.

— Прежде долженъ вамъ сообщить, Нилъ Петровичъ, что тамъ, на штрандѣ, гдѣ мы съ вами познакомились, у меня съ господиномъ Шемадуровымъ вышелъ разговоръ, довольно таки даже крупный... такой, что къ соглашенію трудно было придти. И чтò же, безъ всякаго, съ моей стороны, повода, въ статьѣ, имѣющей претензію на серьезность, вдругъ, въ самомъ извращенномъ видѣ, изображенъ нашъ споръ въ юмористическомъ вкусѣ. Нужды нѣтъ, что я выставленъ какимъ-то дурачкомъ и психопатомъ—это еще куда бы ни шло! Но неблаговидно, прямо таки гнусно—пользоваться такой выдуманной сценкой для того, чтобы свысока вышучивать все то, чтò люди моего стана дѣлали, къ чему стремились, во чтò клали свою душу!..

Токаревъ слушалъ и удивлялся, что Разсудинъ, на этотъ разъ, такъ хорошо говоритъ, безъ всякаго заиканья.

Это бывало, когда что-нибудь сильно возмутитъ его и передъ глазами у него нѣтъ противника, которому надо отвѣчать спокойными доводами.

— Вотъ извольте прослушать, если это васъ можетъ интересовать.

— Пожалуйста! Читайте!

Разсудинъ, торопливо и связно, прочелъ тѣ страницы, гдѣ приводился разговоръ автора съ „обломкомъ народничества"—какъ онъ былъ названъ.

— У него есть талантикъ и нѣкоторая злобность,—мягко замѣтилъ Токаревъ, когда Разсудинъ захлопнулъ книжку журнала.

— Это при немъ и останется! Но какъ же не стыдно—пускать въ ходъ такіе пріемы?! Если у этихъ господъ есть хоть капля любви къ истинѣ и къ судьбамъ нашего народа—они, въ первую голову, должны были бы поддерживать все то, чтò было въ нашихъ стремленіяхъ и идеяхъ здороваго и самоотверженнаго. Развѣ у насъ не одни идеалы? Такъ думалъ я, когда тамъ, въ Сибири, читалъ то, чтò они теперь пережевываютъ по своему. А выходитъ, что мы — жалкіе иллюминаты, сантиментальщики, мистики, которыхъ нужно вытурить поскорѣе, осмѣять въ глазахъ молодежи. И выходитъ, стало быть, что этимъ господамъ рѣшительно все равно—не любятъ они никого и ничего, кромѣ своихъ педантскихъ пунктиковъ!.. Простите, Нилъ Петровичъ, что утомилъ васъ всѣми этими дрязгами.

— Неужели вы будете ему отвѣчать?—спросилъ Токаревъ.

— Какъ Павелъ Разсудинъ, какъ объектъ памфлета—нѣтъ. Но пора дать имъ отпоръ!.. Пора! Было бы непростительнымъ малодушіемъ молчать.

И, схвативъ книжку журнала, Разсудинъ отошелъ къ двери.

— Поздно! Вамъ спать надо, Нилъ Петровичъ! Покойной ночи!

XXXIV.

— Прощай, Женни... Такъ ты рѣшительно не поѣдешь со мною слушать Баттистини?

Полканова стояла по срединѣ комнаты. Студенцова сидѣла у стола.

— Нѣтъ... Какая охота тащиться такую даль!.. И погода ужасная... Да и не могу я млѣть отъ итальянскихъ пѣвуновъ и оперъ. Это слишкомъ...

— Чтò слишкомъ?

— Если хочешь... низменно.

— А тебѣ надо все вагнеровскую панихиду?

Ноздри Полкановой начали вздрагивать.

— И все это...

Она удержалась сказать Студенцовой рѣзкость.

— Ну, хорошо, я знаю, милая—для тебя я фразерка, une poseuse?

— Но съ кѣмъ же я поѣду? Тетя не совсѣмъ здорова.

— Ахъ, Боже мой! Почему ты не можешь поѣхать одна? Вѣдь тамъ всѣ бываютъ въ креслахъ.

— Съ какой стати?

— Что-жъ, тебѣ семнадцатый годокъ?

— Ты знаешь, что я тебя слишкомъ на годъ моложе!..

— Стало, тебѣ двадцать-четыре года.

— Неловко!

— Вздоръ, мой другъ! Ну, возьми провожатаго... Шемадурова. Ты съ нимъ видаешься?—спросила Студенцова, прищурившись.

— Онъ у насъ еще не бываетъ.

— Ты ему нравишься. Можешь, какъ моя хозяйка,—прибавила она вполголоса,—*зробить интересъ.*

— Что̀ это значитъ?

— Приготовить его къ возложенію вѣнцовъ, когда онъ получитъ имя и профессорскій окладъ.

— Во всякомъ случаѣ, я не поѣду съ нимъ вдвоемъ въ Аквaріумъ.

— Напрасно!

— Ну, прощай!

Полканова поцѣловала ее въ щеку. Она раскраснѣлась и отъ ходьбы, и отъ разговора, и уходила домой, сердитая, чувствуя, что у нихъ должно скоро дойти до колкостей.

Студенцова проводила ее до передней и крикнула ей въ дверь:

— Не пренебрегай Шемадуровымъ. Il est de bonne prise.

Съ „Аришей“ у Студенцовой отношенія замѣтно окислялись. Общество, бывающее въ домѣ ея дяди, она находила самымъ заурядныиъ: чиновники съ крупными мѣстами, кое-какіе молодые люди, два-три офицера. Безвкусные „фиксы“ черезъ пятницу и такіе же безвкусные денные пріемы по воскресеньямъ, отъ трехъ до пяти.

Въ Петербургѣ съ самаго начала сезона она чувствовала все возроставшую прѣсноту. Выходя изъ дома, она точно выполняла программу, какой задается европеецъ-туристъ, желающій написать о русской столицѣ интересную книгу. Но книги она не будетъ писать, а ея жажда идей, ощущеній, красоты, таланта, смѣлой новизны—ничѣмъ здѣсь не питалась. Можетъ быть дальше будетъ лучше; а пока она нигдѣ еще въ послѣднія зимы такъ сѣро не „претерпѣвала“ жизнь, какъ здѣсь.

Сколько разъ утромъ, подойдя къ окну и глядя на мглу и слякоть петербургскаго „прешпекта“, она вспоминала свое недавнее житье въ Латинскомъ Кварталѣ, въ тѣсныхъ двухъ ком-

натахъ веселаго отельчика, противъ Collége de France. И тамъ бывала несносная погода—въ декабрѣ, въ январѣ и даже позднѣе, но день весь пролеталъ такъ быстро, столько хотѣлось прочесть, прослушать, столько мѣстъ, куда бѣжать или ѣхать въ омнибусѣ, днемъ и вечеромъ, вплоть до поздней ночи! А Флоренція, а Римъ, а Лондонъ! Никакой задачи она не выполняла, ни къ чему не готовилась, а всегда была полна нервнаго подъема. Жизнь представлялась ей непрерывнымъ духовнымъ наслажденіемъ. Она не искала страсти, быть можетъ боялась ее, да и врядъ ли считала себя способной на нее; но тамъ, на „гниломъ" Западѣ, все, что есть въ тебѣ женственнаго—туалетъ, тонъ, физіономія, своеобразность языка,—каждый штрихъ, малѣйшая привлекательность—все это находитъ цѣнителей.

Тамъ нельзя спуститься на бульваръ, войти въ аудиторію, въ театръ, въ кафé, чтобы десятки, сотни молодыхъ мужчинъ не обратили на тебя глаза, улыбки, забавныя или восторженныя восклицанія.

А здѣсь никто ничего не цѣнитъ и въ гостиныхъ. Точно этотъ кислый и брезгливо-сплетническій Петербургъ такъ преисполненъ женщинъ изумительнаго изящества и неподражаемой обаятельности.

И ничего не будетъ удивительнаго, если она, подъ конецъ, ограничится своими знакомыми со штранда. Съ Токаревымъ ей легко говорится. Въ прямолинейномъ народникѣ она уже начинаетъ распознавать внутренній трепетъ неиспорченной и наивной души, не знавшей еще страсти, какъ и она, но по другимъ причинамъ. До встрѣчи съ Разсудинымъ она еще не имѣла случая такъ входить въ душу человѣка, точно совсѣмъ съ того свѣта—для нея, привыкшей къ языку, вкусамъ, модамъ, дурачествамъ и эксцентричностямъ „эстетовъ", во вкусѣ ея пріятеля Анемонова и его заграничныхъ образчиковъ.

Было бы такъ ново для нея открыть въ этой „прозрачной" душѣ цѣлый родникъ неизвѣданныхъ ею чувствъ.

— Къ вамъ можно, голубчикъ? — раздался въ полуопущенныхъ портьерахъ жирный и низкій голосъ ея хозяйки.

Роза Юліановна Дембицкая часто забѣгала къ ней и всячески старалась угождать. Студенцова платила ей довольно дорого и, когда нанимала комнаты, сказала, что если что-нибудь особенное не погонитъ ее изъ Петербурга, она останется, по крайней мѣрѣ, до поста.

Рослая литвинка, съ роскошной косой и краснымъ сочнымъ

ртомъ, Дембицкая смотрѣла женщиной лѣтъ подъ-тридцать, одѣвалась въ богатыя шолковыя платья и носила много украшеній.

Квартира ея была полна цѣнныхъ вещей, и Студенцова иногда задумывалась—какого происхожденія вся эта обстановка. Вѣроятно, ея хозяйка была „не безъ поддержки", но ничего подозрительнаго она до сихъ поръ еще не замѣчала.

— Что я вамъ скажу, милая Женни Андреевна!

Хозяйка присѣла на кушетку и наклонила къ ней свою живописную голову. Отъ нея такъ и несло духами. По-русски она говорила довольно бѣгло; иногда вставляла полонизмы.

Студенцова уже знала, что у Розы Юліановны начинался „интэресъ"—слово, которое она произносила съ удареніемъ на второмъ слогѣ и звукомъ „э". „Страшный" богачъ гусаръ, князь, сильно интересуется ею и до сихъ поръ еще не можетъ найти случай познакомиться. И она хочетъ его поводить. Послѣ завтра—маскарадъ въ клубѣ. Она послала ему анонимное письмо.

— Вотъ и вы бы поѣхали, милая Женни Андреевна. Развлекитесь! Поинтригуйте. Вы у меня отбивать не будете. Я знаю! Вы найдете сколько хотите вздыхателей. Петербургъ не провинціональный городъ,—обронила она полонизмъ,—мужчинъ сколько хочешь!

Студенцова слушала полудремля. Низковатый голосъ хозяйки имѣлъ свойство пріятно убаюкивать ее.

XXXV.

Оркестръ гудѣлъ въ длинной, узковатой залѣ, на эстрадѣ маленькой сцены. Пары двигались взадъ и впередъ, медленно и вяло. Вдоль стѣнъ посыпаны были изрѣдка маски и мужчины. Въ просторной гостиной, рядомъ, разсѣлось нѣсколько паръ. Но и тамъ стояла почти полная тишина. Время уже подходило къ часу ночи.

Студенцова съ своей хозяйкой вошли въ гостиную. Дембицкая оглянула ее быстро и шепнула Студенцовой:

— Здѣсь его еще нѣтъ.

Обѣ были въ черныхъ домино. Роза Юліановна съ дорогой кружевной мантильей на головѣ и живымъ цвѣткомъ въ волосахъ. Студенцова—въ пышномъ домино и атласномъ капюшонѣ. Она казалась меньше ростомъ и полнѣе.

— Душечка, Женни Андреевна!—шепнула ей Дембицкая.—Вы посидите здѣсь, а я пойду въ уборную.. попудрю лицо. У

меня щеки ужасно горятъ подъ маской. Папиросу не хотите ли выкурить?

— Я не курю. Идите... Я осмотрюсь немного.

Дембицкая скрылась. Студенцова сѣла въ одинъ изъ угловъ гостиной, откуда ей были видны всѣ проходившіе изъ дверей въ двери. И ей было душно въ маскѣ. Она не надѣвала ее болѣе года.

Въ послѣдній разъ это было во время карнавала въ Ниццѣ, въ Казинò, на огромномъ „veglione“, гдѣ всѣ и мужчины, и женщины должны были явиться въ ярко-красномъ: домино, костюмы, пьеро и пьеретты, даже фраки и смòкинги. Тѣснота, гамъ, ослѣпительный свѣтъ, бросаніе цвѣтныхъ бумажныхъ лентъ —вызывали родъ опьяненія. Она пріѣхала съ одной американкой, очень бойко владѣвшей французскимъ „bagoût“, и онѣ ужинали въ обществѣ троихъ мужчинъ—ихъ знакомыхъ.

Только на этомъ „veglione“ и сдѣлалось ей какъ-то „органически“ весело. Въ Парижѣ она попала и на оперный балъ, и на одинъ редутъ въ залахъ, гдѣ бываютъ только „горизонталки“, изъ любопытства. Но она не могла оставаться тамъ долго: до такой степени доходилъ цинизмъ мужчинъ. Въ фойэ оперы самые фешенебельные фрачники останавливали грубо женщинъ и обращались съ ними точно съ тротуарными проститутками, и не только съ тѣми, кто были въ костюмахъ, безъ маски, въ ужасающемъ декольтé, но и съ порядочными домино, даже подъ-руку съ мужчинами. И адскій гамъ и крикъ вовсе не дышалъ весельемъ. Это была не вакханалія, а грязное озорство, доходящее до предѣловъ, которыхъ она не предвидѣла.

Возилъ ее Анемоновъ въ оба раза. Она заставила его уѣхать съ обоихъ маскарадовъ черезъ полчаса, и онъ цѣлую недѣлю потомъ подсмѣивался надъ ея „ригоризмомъ“.

Но все-таки тамъ вами овладѣвало, въ первую минуту, нѣчто тревожное и подмывающее. Толпа вся казалась вамъ охваченной бурнымъ весельемъ, прежде чѣмъ почувствуете отвращеніе.

А здѣсь передъ ней происходило что-то похожее на жданье въ пріемной какого-нибудь департамента, только женщины были укутаны въ черные мѣшки.

„Неужели,—думала Студенцова,—это называется здѣсь маскарадомъ? И всѣ эти постныя фигуры съѣхались сюда съ любовными намѣреніями“?

Ея хозяйка—навѣрное. Ей не нужно, чтобы въ этомъ клубномъ помѣщеніи было безумное веселье. Довольно будетъ и того, чтобы ей удалось „зрòбить“ свой любовный „интéресъ“.

Та знаетъ—зачѣмъ пріѣхала сюда, а она сама? Въ какомъ качествѣ явилась она въ этотъ клубъ? Точно компаньонкой съёмщицы квартиръ—пани Розы, имѣющей, конечно, и другіе источники своего заработка.

Студенцова подавила въ себѣ почти гадливое чувство и пристыдила себя. Развѣ ей не все равно? Она давно уже выше всякихъ такихъ соображеній. Не все ли равно — съ кѣмъ пріѣхать? Еслибъ она сама не захотѣла взглянуть на петербургскій „редутъ“— она бы вѣдь не поѣхала. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно быть и самой щепетильной женщинѣ—нѣтъ и намека на нравы парижскаго опернаго бала.

„Однако, — подумала она минуты двѣ спустя, — приди мнѣ мысль написать кому-нибудь анонимное письмо, какъ Розѣ Юліановнѣ,—у меня не нашлось бы ни одного мужчины“.

Лицо Разсудина всплыло передъ ней—нервное, полу-хмурое, полу-улыбающееся—какъ онъ сидѣлъ у нея вечеромъ, въ послѣдній разъ. Было бы совершенно безтактно и безчестно интриговать его въ маскарадѣ, даже и такомъ великопостномъ, какъ этотъ.

Или начать игру съ Шемадуровымъ? Онъ ей не нравился, какъ мужчина, съ его безбородымъ, пухлымъ лицомъ и теноркомъ подростка-гимназиста. И умъ его она считала совсѣмъ не интереснымъ. Она его уже сравнивала про себя съ первымъ ученикомъ, котораго вызываютъ къ доскѣ, и онъ, въ присутствіи директора и какого-нибудь высокопоставленнаго гостя, пишетъ сразу сумму подъ пятью столбцами, въ семь цифръ каждый. Съ нимъ можно спорить, но—не интриговать его въ маскарадѣ.

Она остановилась на „эфебѣ“. Шпандинъ, вѣроятно, очень многимъ нравится своей мускулатурой. Онъ не глупъ и даже оригиналенъ по своему; но безцеремоненъ и слишкомъ ужъ позитивенъ. Да ему, кажется, и нельзя бывать въ такихъ мѣстахъ, онъ еще вольноопредѣляющійся—значитъ, на правахъ простого солдата.

Роза Юліановна что-то долго пудритъ себѣ лицо. Студенцовой сдѣлалось и душно подъ маской, и скучно.

Она оглянулась къ двери. Заслышался звонъ шпоръ, смягченный ковромъ.

Въ гостиную входилъ гусаръ, подъ-руку съ мужчиной, въ домино, ниже его ростомъ—очень широкимъ въ плечахъ.

Гусара Студенцова быстро оглядѣла и рѣшила, что это долженъ быть тотъ самый. Отъ хозяйки она уже знала, что его фамилія—князь Дашевъ.

На ходу онъ немного гнулся, большого роста, коротко остри-

женный, съ широкимъ лбомъ, блондинъ, усы падаютъ и бородка клиномъ, огромные впалые глаза; лицо загорѣлое и худое, съ немолодымъ выраженіемъ добраго рта, не смотритъ кутилой. Мундиръ сидѣлъ на немъ съ умышленною небрежностью и фуражку онъ зацѣпилъ за эфесъ сабли.

Онъ вглядывался въ попадающихся на встрѣчу масокъ. Его пріятель въ домино говорилъ громче, чѣмъ онъ, и былъ гораздо смѣлѣе.

Его голосъ показался Студенцовой какъ будто знакомымъ. Она поднялась и отошла къ двери. Когда гусаръ пойдетъ назадъ, она заговоритъ съ нимъ въ дверяхъ и потомъ сдастъ его Розѣ.

Изъ всѣхъ мужчинъ, считая и военныхъ, на какихъ она останавливала взглядъ, гусаръ былъ, конечно, самый подходящій для маскараднаго разговора.

„Зрѣбить интересъ“!—повторила она терминъ Дембицкой, и ей стало гораздо веселѣе.

XXXVI.

— Ты ея подруга?—спросилъ гусаръ и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Знакомая,—отвѣтила Студенцова, не мѣняя голоса.

Вблизи онъ былъ красивѣе; но въ немъ слишкомъ чувствовался мужчина, кавалеристъ, „un mâle“, какъ она мысленно назвала его, можетъ быть не очень испорченный, но слишкомъ преисполненный своимъ полкомъ. Онъ ей напомнилъ немного Шпандина, по манерамъ, говорилъ сиповатымъ баскомъ, и отъ него пахло виномъ, хотя онъ былъ трезвый. Простоватость и увѣренность въ себѣ пробивались сквозь условный тонъ маскараднаго разговора.

Къ русскому „ты“ Студенцова не имѣла привычки; но оно ее не стѣсняло. Она вспомнила, что едва-ли не въ первый разъ она говоритъ съ мужчиной, по-русски, на „ты“.

Роза Юліановна, „дѣлая манёвръ“, взяла подъ руку мужчину въ домино и убѣжала съ нимъ въ залу, шепнувъ, что она сдѣлаетъ два круга и приведетъ его обратно.

— А ты знаешь эту маску?—спросила Студенцова.

— Думаю, что знаю.

— Кто же она? Скажи!

— Очень красивая женщина, если только это она,—отвѣтилъ гусаръ самымъ простымъ тономъ, немного сдвинувъ брови.

— По чему-же ты ее узналъ?

— По фигурѣ и по цвѣту волосъ. Она не полька?

— Узнай самъ.

— У нея есть что-то въ выговорѣ. Она не изъ театральнаго міра?

— Нѣтъ. А я изъ какого міра?—спросила Студенцова и тихо разсмѣялась.

Гусаръ не сразу отвѣтилъ.

— Теперь всѣ одна на другую похожи.

— Будто?

Это ее немного задѣло.

— И нельзя отличить?—прибавила она и пожала плечами.

— Конечно, можно,—медленно отвѣтилъ онъ:—магазюльку отъ свѣтской женщины...

— Какъ ты сказалъ?—остановила она.

— Магазюльку... модистку, если хочешь. Но нынче и въ свѣтѣ барыни подражаютъ актрисамъ и кокоткамъ... Кто обезьянитъ съ Сары...

— Съ Сары Бернаръ?—подсказала Студенцова.

— Да, съ этой самой ломалки Сарки Бернаръ. Я ее такъ зову.

— Ты ею не увлеченъ?

— Сразу она мнѣ пріѣлась... еще когда я былъ мальчуганомъ и она въ первый разъ пріѣзжала сюда. И потомъ, много разъ въ Парижѣ. Она вѣдь пустила въ ходъ скороговорку... нараспѣвъ.

Студенцова слушала съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Князь оказывался менѣе „кавалеристъ“, чѣмъ она сразу опредѣлила его.

— Я съ тобой согласна: Сара—большая, какъ ты выразился, ломалка.

Онъ на нее взглянулъ сбоку.

— Ты ее гдѣ же видала?

— Тамъ, гдѣ и ты—въ Парижѣ.

— А—а!

Дембицкая подвела къ нимъ своего кавалера и запищала, обращаясь къ гусару:

— Чтò? Умница эта маска? Небось не скучалъ... А твой пріятель—она указала рукой на мужское домино—очень ужъ любопытенъ! Садись—приказала она ему—и занимай маску!

Наклонясь къ Студенцовой, она пропищала:

— Ты мнѣ его уступаешь?

И не дождавшись отвѣта, подала руку гусару и увлекла его въ дверь налѣво.

Въ гостиной стало больше народу, и подъ шумъ разговоровъ и музыки, доносившейся изъ залы, Студенцовой было легче измѣнить свой голосъ.

А это надо было сдѣлать: она, съ первыхъ же словъ мужчины въ домино, узнала въ немъ Шпандина.

Ей не хотѣлось, чтобы и онъ ее узналъ. И безъ того этотъ атлетъ слишкомъ по-товарищески обращается съ нею, и подумаетъ, пожалуй, что она бѣгаетъ по маскарадамъ. Навѣрно, онъ принялъ ея хозяйку за одну изъ профессіональныхъ искательницъ приключеній.

Шпандинъ присѣлъ къ ней очень близко и сталъ заглядывать подъ маску. Она его тотчасъ же осадила.

— Твоя подруга пріѣхала для Дашева,—нескромно сказалъ онъ.—А ты—безъ всякой цѣли?

Студенцова кивнула головой.

— Ты нѣмая? Или ты сердишься, что та маска отбиваетъ у тебя Дашева? Онъ—хорошій призъ. Ты какъ его нашла? Не правда ли—умница?

И Шпандинъ, не дожидаясь ея разспросовъ, сталъ говорить ей о гусарѣ.

— Молодецъ!—повторялъ онъ.—Молодецъ! Ты думаешь, онъ такъ... корпусятникъ?.. Изъ юнкеровъ? Вовсе нѣтъ. Онъ учился на словесномъ факультетѣ... раньше меня кончилъ на три года. И до сихъ поръ можетъ цѣлыя страницы валять наизусть изъ Иліады... Честный человѣкъ!

— Съ чѣмъ и поздравляю его.

Онъ не узналъ ее по голосу.

— Иронизировать тутъ нечего. Такихъ ты здѣсь, въ гвардіи, мало найдешь, какъ Дашевъ. Только онъ влюбленъ въ службу. Лошадей обожаетъ... Своихъ два конскихъ завода. Страсть у него—обучать рекрутъ. Онъ и грамотѣ ихъ учитъ.

— Вотъ какъ!—вырвалось у Студенцовой.

— Любитъ и женщинъ. Но только чтобы безъ особенной канители. Красивыхъ, не капризницъ, съ хорошимъ характеромъ.

— Онъ за кого же ее принимаетъ?—спросила она построже и указала рукой по направленію къ двери.

— Если это та блондинка, про которую онъ мнѣ говорилъ —у нихъ дѣло пойдетъ на ладъ.

— Какія ты пошлости говоришь!

Студенцова поднялась, остановила какого-то одинокаго пожилого мужчину въ бѣломъ галстухѣ и ушла съ нимъ въ залу.

Шпандинъ не сталъ ее преслѣдовать; но онъ дождался гусара

и его маски. Онъ пріѣхалъ съ Дашевымъ, чтобы помочь ему на тотъ случай, если его маска явится не одна. Ему показалось, что онъ узналъ чей-то голосъ, когда Студенцова „оборвала" его передъ своимъ уходомъ.

Это его раззадорило.

„Фыркалка"! — выбранился онъ и пошелъ въ буфетъ. Тамъ онъ найдетъ знакомаго — штатскаго или офицера, который не будетъ придираться къ тому, что онъ въ домино. Ужинать, конечно, они будутъ вчетверомъ, и тогда онъ „отпоетъ" той „Милитрисѣ Кирбитьевнѣ" за ея окрикъ.

Маскарадъ тянулся — все такой же малолюдный и вялый. Только въ столовой, за двумя-тремя столами, было шумнѣе. Многія женщины сняли маски и съ красными, влажными лицами пили больше пиво, чѣмъ шампанское.

Въ началѣ четвертаго, двѣ маски торопливо спускались по лѣстницѣ въ сѣни.

— Скорѣе, скорѣе, душечка Женни Андреевна! Они ищутъ.

Роза Юліановна, запыхавшись отъ скорой ходьбы, шептала прерывчатымъ голосомъ. Она успѣла „зрѡбить интѐресъ". Гусаръ сильно заинтригованъ. Она дала ему понять, что онъ видалъ ее часто въ послѣднее время на прогулкѣ, но она адреса своего не сказала и даже на его „почтительную" просьбу сдѣлать ей визитъ—отвѣтила, что не можетъ принять его у себя; а будетъ здѣсь черезъ двѣ недѣли.

Студенцова слушала ее, разбитая и подавленная тошнымъ снованьемъ по залѣ, съ скучнѣйшими, ей незнакомыми мужчинами.

Она не могла себѣ простить этой глупой ночи, точно въ качествѣ компаньонки пани Дембицкой, которая просто-нà-просто ловила богатаго и молодого покровителя.

— Давайте, давайте шубы! Чтò вы копаетесь! — крикнула Дембицкая на оффиціанта.

Она заставила и Студенцову кое-какъ укутаться платкомъ и стоять на сквозномъ вѣтру. И только-что онѣ вышли на крыльцо и дверной крикнулъ имъ извозчика, сзади раздался голосъ Шпандина.

— Нѣтъ, mesdames, отъ насъ не уйдете!

— Не отвѣчайте!—строго шепнула Студенцова Розѣ Юліановнѣ.—Это Богъ знаетъ чтò такое!

На извозчика онѣ сѣли очень быстро, и Дембицкая приказала ему вполголоса:

— Пошелъ прямо! Послѣ скажу—куда.

За ними была погоня. Онѣ летѣли во весь духъ, взяли

нарочно по Надеждинской, потомъ въ переулокъ и пересѣкли Литейную, прежде чѣмъ подъѣхать къ своему дому.

Погоня настигла ихъ, и голосъ гусара раздался въ ту минуту, когда швейцаръ отворялъ имъ дверь:

— Доброй ночи! До свиданія!

Но больше ни тотъ, ни другой себѣ ничего не позволили.

— Голубчикъ! Какъ весело! — вскричала Дембицкая, когда онѣ поднялись къ себѣ.

Студенцова промолчала, злая и адски усталая.

XXXVII.

Съ тяжелой головой и ноющей болью подъ ложечкой проснулась Студенцова часу въ первомъ утра.

Давно уже она не была такая разбитая. Особенная слабость разлилась по всему ея тѣлу. И ощущеніе, похожее на голодъ, давало о себѣ знать. Она вспомнила, что вчера онѣ отправились въ маскарадъ послѣ вечерняго чая, и тамъ ничего не ѣли. Роза Юліановна не хотѣла принимать ужина отъ гусара; а потомъ заторопилась. Закусить дома она предлагала, но Студенцова была слишкомъ утомлена и подавлена тѣмъ, что поѣхала въ маскарадъ.

И, проснувшись, она сдѣлала себѣ „строгій выговоръ“. Хозяйка будетъ навѣрное надоѣдать ей своими разговорами про „интéресъ“. Этому надо положить предѣлъ—и поскорѣе.

Она позвонила. Явилась не горничная, а сама Роза Юліановна, въ роскошномъ шолковомъ халатѣ и съ распущенной косой. Глаза у нея блестѣли, щеки были такъ же розовы и бѣлы, наливныя руки выглядывали изъ рукавовъ, съ ямками и съ родинками на каждой.

Студенцовой стало просто гадко за себя: такая она разбитая и навѣрное желтая, съ впалыми глазами, а эта „литовская обывательќа“ такъ и пышетъ здоровьемъ и свѣжестью, а конечно встала сегодня часами двумя-тремя раньше ея.

— Душечка, Евгенія Андреевна, какъ вы себя чувствуете? Я—прекрасно.

Она присѣла къ ней на кровать и заговорила быстро, глотая слова. Такъ она „уконтентовáна“ вчерашней интригой! Князь теперь знаетъ, гдѣ она живетъ, но сразу она его къ себѣ не пуститъ.

„Да мнѣ-то какое до этого дѣло“?—чуть не крикнула ей въ лицо Студенцова.

— Вѣдь вы не знаете, какъ онъ богатъ! Сто тысячъ дохода. И умница... Совсѣмъ не нахалъ!..

Она просто захлебывалась.

— Ахъ!.. Простите! Къ вамъ письмо... Сейчасъ принесу.

Она выбѣжала изъ спальни и тотчасъ же вернулась.

— Я хотѣла сама вамъ подать. Вы такая милая. Вчера изъ-за меня поскучали. Мерси, мерси, голубчикъ!

Въ самыя губы чмокнула она Студенцову и, кажется, опять собиралась изливать ей свою радость.

— Мнѣ нездоровится, Роза Юліановна,—сказала Студенцова суховато.—Пошлите мнѣ горничную.

— Сію секунду, мой ангелъ!

Эта нѣжность коробила Студенцову. Вотъ такая „обывателська цўрка“—со всѣми признаками содержанки—считаетъ уже ее своей „пшіяцёлкой“ и дѣло дойдетъ, пожалуй, до того, что будетъ просить сочинять для нея любовныя письма милліонщику-гусару.

Горничная подняла шторы. День стоялъ свѣтлый, морозный. Студенцова, все еще не оставляя постели, разорвала конвертъ и стала читать письмо, на большомъ почтовомъ листѣ, исписанное крупнымъ конторскимъ почеркомъ.

Она прочла его сначала очень медленно, останавливаясь на отдѣльныхъ фразахъ. Во второй разъ она пробѣжала его въ три-четыре минуты.

Ей сильнѣе вступило въ голову. Она продолжала лежать съ полузакрытыми глазами, охваченная чувствомъ сильной тревоги.

Потомъ скоро-скоро обулась и стала умываться.

Въ гостиную она вышла полуодѣтая, плохо причесанная, накинула на себя мантилью на кофту и юбку—чего никогда не дѣлала.

На столѣ былъ приготовленъ кофе.

Студенцова не дотрогивалась до него и стала нервно ходить по комнатѣ, держа письмо въ рукахъ.

Письмо это пришло отъ ея зятя. Оно было написано въ дѣловомъ тонѣ, спокойно и съ разными подробностями, но въ немъ она, между строкъ, читала нѣчто зловѣщее, приближеніе какого-то краха. Зять извѣщалъ ее, что на дняхъ вышлетъ ей нѣкоторую сумму, только половину того, чтò она получала въ треть, но предупреждалъ ее, что надо будетъ ей посократить издержки, въ виду „возможнаго крупнаго дефицита“.

Больше ничего страшнаго не было въ письмѣ, но все ей

подсказывало, что это, „начало конца", и къ новому году она можетъ очутиться „нищей".

Къ кому обратиться? И что̀ дѣлать? Ѣхать туда, въ Сибирь —безполезно, да она и не такого здоровья, чтобы рисковать поѣздкой. Здѣсь, въ Петербургѣ, у нея нѣтъ ни одного довѣреннаго человѣка. Ни съ однимъ крупнымъ дѣльцомъ или адвокатомъ она незнакома. Тотчасъ же она подумала объ Аришѣ Полкановой. Та способна дать хорошій совѣтъ—она очень практична. Черезъ нее можно будетъ обратиться къ ея дядѣ.

Токаревъ, Разсудинъ—эти скорѣе другихъ примутъ въ ней участіе; но ни тотъ, ни другой, ничего не смыслятъ въ дѣлахъ. Они оба—„не отъ міра сего".

Нытье подъ ложкой заставило ее присѣсть къ столу и налить себѣ чашку кофе.

И точно догадываясь о томъ, что она о ней думала, черезъ полчаса Полканова вошла въ мѣховой шубкѣ, румяная и нарядная, съ боа изъ страусовыхъ перьевъ на шеѣ.

— Ты глазъ не кажешь, Женни, и я имѣла бы право на тебя дуться... а вотъ видишь... забѣжала къ тебѣ... Хочешь идти гулять? Чудесный день. Что̀ это какая ты кислая и желтая?

Студенцова отказалась отъ прогулки, жалуясь на головную боль и общую слабость. Она не хотѣла сразу тревожно говорить съ нею о своихъ дѣлахъ, но не выдержала тона и стала, полушутя, полусерьезно, дѣлиться съ ней своими страхами.

— Да у тебя есть теперь деньги? Или скоро будутъ?—дѣловито спросила ея Полканова.

— Зять пришлетъ, если не обманетъ—не знаю.

— И сколько—если это не секретъ?

— По крайней мѣрѣ тысячу рублей.

— Посовѣтуйся съ хорошимъ биржевикомъ. Вотъ Шпандинъ—чего же лучше? Онъ еще студентомъ бралъ куши.

Студенцова поглядѣла на свою подругу и сказала тономъ полу-вопроса:

— А ты, стало быть, играешь?

Полканова слегка перевела плечами.

— Какъ и многіе другіе. Глупо было бы не играть. Гдѣ же взять все то, что̀ нужно—какъ прежде говаривали—на перчатки?

— И ты уже совѣтовалась съ Шпандинымъ?

— Да, у него легкая рука.

— Но для этого надо имѣть капиталъ.

— Чтò за вздоръ! Ты всегда жила за границей, а не знаешь, что есть on call?

— Какой on call?

— Ахъ, Богъ мой! Позови Шпандина. Онъ тебѣ объяснитъ. Нужна самая пустая сумма. Это все равно, что въ рулеткѣ— ставишь на нумеръ сто франковъ, а выиграешь нѣсколько тысячъ.

— А ты часто видаешь Шпандина? Онъ бываетъ у васъ?

— Бываетъ.

Полканова провела по губамъ кончикомъ языка.

— И съ нимъ у тебя игра?—спросила Студенцова.

— Онъ милый. Съ нимъ всегда весело. И какой силачъ! Скоро будетъ выступать противъ борца Махмуда изъ Константинополя... Такъ рѣшительно ты не идешь гулять, Женни? Прощай! Пошли за Шпандинымъ. Отъ него все узнаешь! Хандрить глупо! Надо дѣйствовать!

— Да, надо дѣйствовать,—машинально повторила Студенцова вслѣдъ своей подругѣ.

XXXVIII.

Передъ ней сидѣлъ „эфебъ", въ узкихъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, отъ которыхъ пахло кожей.

Явился онъ на другой же день. Изъ этого она заключила, что Ариша видается съ нимъ очень часто и переписывается.

Но Студенцовой было непріятно обращаться къ нему за совѣтомъ... И за какимъ: играть ли ей на биржѣ?!

Шпандинъ глядѣлъ на нее своими узкими игривыми глазами и ухмылялся.

— А вѣдь это были вы, Евгенія Андреевна?—спросилъ онъ, наклонившись къ ней туловищемъ.

— Гдѣ? Когда?

— Да въ маскарадѣ. Голосъ вы измѣняли, и я васъ долго не узнавалъ, но потомъ сталъ догадываться по фигурѣ. И здѣсь, на подъѣздѣ, я уже совсѣмъ призналъ васъ.

Она ничего не отвѣтила.

— Мой товарищъ Дашевъ—порядочный человѣкъ... Вы напрасно такъ боялись... обѣ. Онъ врываться не сталъ бы.

Понижая голосъ, Шпандинъ спросилъ:

— Та маска... въ этой же квартирѣ живетъ?

— Не знаю.

— Ну, полноте, Евгенія Андреевна. Это—ваша хозяйка... роскошная женщина... И должно быть красива. Навѣрно полька?

Студенцовой трудно стало отмалчиваться.

— А вамъ какъ Дашевъ понравился? Не правда ли умница? И при его состояніи какой служака!

— Я знаю... Вы мнѣ его уже расхваливали.

— Ну, значитъ, это были вы?

— Положимъ.

Шпандинъ еще ближе пододвинулся къ ней.

— Ваша хозяйка... что же, вдова? А?

И онъ подмигнулъ.

— Сильные виды имѣетъ на Дашева? У ней губы не дуры... И она ему нравится... Или, лучше сказать, сильно нравилась издали. А въ маскарадѣ онъ заинтересовался и ея подругой...

— Вы такъ меня называете?—построже остановила его Студенцова.

— Извините... какъ же выразиться? Вы позволите мнѣ его вамъ представить?

— Съ какой стати? Если онъ ищетъ знакомства съ той маской, пускай въ ней и является.

— Да вы будьте помилостивѣе, Евгенія Андреевна... Я считаю васъ такой эмансипированной во всѣхъ смыслахъ...

— Я ненавижу это слово.

— Безъ предразсудковъ. Чего тутъ стыдиться? Вы добрая. Навѣрно та дама — онъ кивнулъ головой вбокъ, къ двери— просила васъ поѣхать въ клубъ. Она же и записку написала Дашеву. Тутъ нѣтъ ничего для васъ неловкаго.

— Оставимъ это, Шпандинъ.

— Вы хотите сказать—вамъ не до такихъ пустяковъ. Чтожъ! Я къ вашимъ услугамъ. Къ вамъ я явился по вызову вашей уже настоящей подруги. А самъ отъ себя, отъ своей собственной особы—не посмѣлъ бы. Я недавно писалъ Анемонову, что у васъ я не въ авантажѣ обрѣтаюсь.

— А гдѣ теперь Анемоновъ? Онъ давно мнѣ не писалъ.

— Въ Сициліи. На Этну взбирался съ томикомъ Мопассана въ рукахъ. Помните—какія у него прекрасныя есть страницы изъ поѣздки по Сициліи?

— А сюда сбирается?

— Къ новому году. Такъ вотъ, Евгенія Андреевна, я къ вамъ по наряду: чтò изволите приказать?

Шпандинъ всталъ, опустилъ голову на грудь, сдвинувъ ноги, щелкнулъ шпорами и опять сѣлъ.

— Мнѣ Ариша говорила...

Студенцова преодолѣла обидное для себя стѣсненіе передъ этимъ юнкеромъ и спросила съ ироніей:

— Ариша, стало-быть, поигрываетъ?

— Не первая и не послѣдняя.

— И пользуется вашими совѣтами, Шпандинъ?

— Оказываетъ мнѣ эту честь.

— Вы и студентомъ играли?

— Зашибался.

— И продолжаете?

— По легонечку.

Она пристыдила себя; чтò же, въ самомъ дѣлѣ, она, точно какая провинціальная барышня: хочетъ играть, такъ нечего такъ жеманиться.

Шпандинъ наклонилъ къ ней голову и спросилъ гораздо серьезнѣе:

— Вы не прочь попробовать счастья? Дѣло хорошее. Только вотъ чтò, Евгенія Андреевна: моментъ теперь не такой, чтобы покупать; всѣ бумаги стоятъ высоко, а нѣкоторыя даже и слишкомъ высоко.

— Да вѣдь я ничего не понимаю,—сказала она почти растерянно.

— Мудрость не большая. Читайте хронику въ газетахъ, изо дня въ день... Отъ меня вы можете получать всѣ указанія.

Помолчавъ, онъ повторилъ:

— Повремените немножко.

— Да у меня теперь такихъ и денегъ нѣтъ.

— Ваша подруга сообщила мнѣ, что вы ждете присылки.

— Скажите мнѣ... чтò это Ариша называетъ on call?

— Вы и этого не знаете, Евгенія Андреевна?

— Нѣтъ, не знаю.

— Небось, сколько книжекъ декадентскихъ прочли, сколько видѣли разныхъ разностей въ Европѣ... А что такое on call — не знаете!

И вразумительно, точно давая объясненіе въ классѣ, Шпандинъ объяснилъ, чтò значитъ имѣть въ банкирской конторѣ счетъ on call и давать заказы на покупку бумагъ.

— Изволили понять?—спросилъ Шпандинъ и перевелъ дыханіе дурачливо.—А теперь, въ награду за эту маленькую лекцію, разрѣшите мнѣ одну папиросу.

— Курите!

— *Онъ-коллъ*,—продолжалъ онъ, затянувшись, — есть альфа

и омега всей биржевой игры, не для людей съ солиднымъ капиталомъ, а для всѣхъ многогрѣшныхъ обывателей обоего пола. Недавно, въ гостиной, прокуроръ одинъ, изъ сердитенькихъ, когда всѣ разъѣхались насчетъ биржевой заразы, сталъ громить этотъ самый счетъ и все приговаривалъ: „надо запретить он-колль; въ немъ весь ядъ и соблазнъ"! И всего забавнѣе, Евгенія Андреевна, то, что въ этой самой гостиной, гдѣ происходилъ разговоръ, всѣ играютъ: и хозяйка, и барышни, и сыновья, и гувернантка, и даже сынъ-гимназистъ. Мнѣ это доподлинно извѣстно.

— Мнѣ никогда не везетъ. Я ставила въ Монте-Карло.

— Ставили?

— И всегда проигрывала.

— Да вы какъ ставили-то? Навѣрно на нумера?

— Конечно.

— Это—безуміе.

Шпандинъ поднялся и протянулъ ей руку.

— Къ вашимъ услугамъ. Очень радъ, что хоть на что-нибудь пригодился вамъ.

И съ особеннымъ выраженіемъ глазъ онъ спросилъ вполголоса:

— Такъ Дашева не позволите къ вамъ привести? Напрасно. Онъ—интересный человѣкъ.

Еще тише онъ досказалъ:

— Вѣдь все равно, онъ не сегодня-завтра туда проникнетъ.

Онъ повелъ головой въ сторону двери.

— Тамъ его, кажется, примутъ благосклонно.

— Это меня не касается.

— Ахъ, Евгенія Андреевна!

Его узкіе глаза ясно говорили. „Бѣжите вы сами отъ большого счастья! Князь Дашевъ—это лучше всякой биржевой игры"!

Студенцова поняла его выраженіе и почувствовала, что краснѣетъ. Ей захотѣлось оборвать его и крикнуть, чтобы онъ больше не являлся сюда.

— Переждите съ мѣсяцъ. Навѣрно все пойдетъ на пониженіе.

Въ дверяхъ онъ остановился и, кивнувъ еще разъ по направленію къ заднимъ комнатамъ, выговорилъ шопотомъ:

— Вашей сосѣдкѣ надо торопиться. А то пропуститъ моментъ!

XXXIX.

Три дня просидѣлъ Разсудинъ въ своей комнатѣ. Онъ ничѣмъ не болѣлъ, но не могъ „взять себя въ руки". Какое-то общее раздраженіе и „душевное безвкусіе" ощущалъ онъ.

Передъ тѣмъ онъ двѣ ночи напролетъ прописалъ статью, по поводу той выходки Шемадурова, которую недавно показывалъ Токареву.

Эти двѣ ночи онъ почти-что не спалъ. И днемъ особаго рода безпокойство и родъ „психической тошноты" не проходили.

Ему тяжело было говорить и сидѣть въ столовой. У себя онъ все время лежалъ.

Разумѣется, все это сильно взволновало Надежду Θедоровну. Она настаивала послать за докторомъ. Разсудинъ не соглашался и даже вспылилъ, когда она начала „приставать" къ нему, и заперся у себя.

На третій день, вечеромъ, онъ вышелъ изъ дому, не сказавъ сестрѣ, куда идетъ. Да онъ и самъ не зналъ. Онъ былъ радъ и тому, что можетъ двигаться. На дворѣ началъ крутить мерзлый снѣгъ, и вѣтеръ съ моря рѣзалъ лицо.

Онъ попалъ на Знаменскую площадь и взялъ направо, по Невскому, подставляя лицо подъ вѣтеръ и изморозь. Его стало душить, и дальше Литейной онъ не пошелъ по Невскому. Его потянуло, и уже не въ первый разъ, въ тотъ переулокъ, гдѣ жила Студенцова.

Былъ уже девятый часъ. Не совсѣмъ ловко—являться такъ, безъ зову. Но онъ преодолѣлъ это чувство. Только у нея онъ и могъ еще говорить. Съ мужчинами, даже съ Токаревымъ, особенно съ тѣми, кто работалъ въ одномъ журналѣ, ему было бы крайне тяжело разговаривать.

У швейцара онъ спросилъ, дома ли Студенцова. Тотъ не могъ сказать навѣрное, дома ли, онъ отлучался, а она часто выѣзжаетъ и „объ эту пору".

Разсудинымъ опять овладѣло такое малодушіе и чувство тревоги, что онъ готовъ былъ уйти, не поднявшись въ квартиру. Но швейцаръ уже позвонилъ снизу, чтобы ему отперли дверь.

Спасаться бѣгствомъ было бы уже совсѣмъ постыдно.

Отворила ему дверь не горничная, а хозяйка. Онъ ее видѣлъ въ первый разъ. Роза Юліановна была въ своемъ цвѣтномъ пеньюарѣ, съ вырѣзомъ на шеѣ и обнаженными руками.

Разсудинъ подумалъ, что онъ ошибся. Онъ никакъ не могъ

представить себѣ, чтобы „такая“ особа могла жить въ одной квартирѣ съ Студенцовой.

— Евгенія Андреевна?—спросилъ онъ неувѣренно.

— Она дома,—запѣла Дембицкая вполголоса.—Я доложу. Но я должна васъ предупредить, что Евгенія Андреевна сбирается на вечеръ. Повремените минутку.

И сильнымъ запахомъ духовъ пахнуло на него отъ этой странной особы и вызвало почти тошноту. Нервы его были донѣльзя расшатаны. И сейчасъ же его защемило на душѣ: зачѣмъ онъ „шатается“ къ этой самой „госпожѣ Студенцовой“, съ ея декадентскими фасонами и съ такой квартирной „съёмщицей“?

— Пожалуйте! — пропѣла Роза Юліановна. — Евгенія Андреевна извиняется только, что она въ домашнемъ туалетѣ.

И еще разъ чувство полнѣйшаго безволія овладѣло имъ; онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы откинуть правой рукой портьеру, входя въ гостиную.

Въ ней никого не было. Изъ спальни раздался окликъ:

— Это вы, Павелъ Ѳедоровичъ?

Не сразу рѣшился онъ отвѣтить.

— Я—сейчасъ. Извините, пожалуйста.

Разсудинъ не рѣшился сѣсть, а стоялъ въ позѣ человѣка, тайкомъ прокравшагося сюда.

Изъ спальни слышно было, какъ она доканчиваетъ туалетъ.

— Павелъ Ѳедоровичъ! Я еще успѣю одѣться.

Она выбѣжала къ нему въ пеньюарѣ и съ полу-открытыми руками, какъ и хозяйка. Это еще болѣе смутило его.

— Невпопадъ я къ вамъ... простите великодушно!—бормоталъ Разсудинъ.—Пожалуйста продолжайте. Я уйду.

— Да я еще успѣю. Могу быть и къ одиннадцати; а теперь всего девять. Не знаю, зачѣмъ я собралась въ такую даль. Садитесь. Напьемся вмѣстѣ чаю. Хотите?

Она была возбуждена, глаза блестѣли, въ лицѣ прозрачная блѣдность, и губы казались даже подрисованными, такъ онѣ были ярки. Волосы, полу-распущенные, падали по плечамъ ея двумя косами.

— Да что вы такой сегодня? Вы нездоровы?

— Не знаю.

— На васъ лица нѣтъ, Разсудинъ!

Въ первый разъ она такъ назвала его, просто по фамиліи. Тонъ былъ искренній, какого онъ не ожидалъ.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особеннаго.

— Вы не хотите сказать. Это обидно, Павелъ Өедоровичъ.

— Увѣряю васъ, Евгенія Андреевна. Работалъ, правда, двѣ ночи, а потомъ напала такая, по ученому, неврастенія.

— Можетъ, волновались очень? Чтò это было? Полемическая статья?

Отмалчиваться онъ не смогъ, и она, узнавъ, чтò онъ писалъ, пожурила его.

Подали чай. Они сидѣли за столомъ, близко другъ къ другу. Лампа полу-освѣщала ихъ лица. Разсудину стало полегче. Ему теперь было только совѣстно, что онъ явился сюда съ такимъ глупымъ „видомъ".

— Чтò жъ мудренаго, что съ вами бываютъ такія состоянія, —участливо говорила Студенцова.—Развѣ можетъ пройти даромъ жизнь, которую вы вели тамъ... сколько лѣтъ?!

— Около пяти!

— Господи! Страшно подумать! И кто за это скажетъ спасибо, Павелъ Өедоровичъ?

Она сдѣлала жестъ своей бѣлой, худощавой рукой и на губахъ застыла тихая усмѣшка.

— Не знаю.

Какъ самому отвѣтить на такой вопросъ? Быть-можетъ, сознаніе безполезности своихъ „мытарствъ", въ связи съ тѣмъ, чтò онъ читалъ съ такой горечью въ статьѣ Шемадурова, и подкралось, и стало его глодать, и вызвало его несносное душевное недомоганіе.

Опустивъ голову, сидѣлъ онъ въ позѣ совсѣмъ убитаго человѣка. Глаза ея остановились на немъ, и вокругъ рта пробѣжали нервныя струйки.

— Тяжело такъ!—выговорила она и положила руку на столъ, заглянувъ ему въ лицо.

— И неужели,—низкими нотами продолжала она,—вы готовы были бы и теперь рисковать тѣмъ же, Павелъ Өедоровичъ? Или даже еще бòльшимъ?

Голосъ ея точно забирался ему въ душу. Онъ медлилъ отвѣтомъ.

Тяжело поднялъ онъ на нее глаза. Вся она въ эту минуту показалась ему и привлекательной—какъ никогда, и полной чего-то сомнительнаго. Кто знаетъ, чтò она здѣсь дѣлаетъ? Чему и кому служитъ?

Это былъ одинъ мигъ; но она почуяла его и, откинувъ назадъ голову, выговорила другимъ тономъ:

— Простите, все это васъ слишкомъ разстраиваетъ!

XL.

Ей захотѣлось-было сказать ему, что онъ обижаетъ ее своимъ недовѣріемъ и даже какъ будто въ чемъ-то подозрѣваетъ.

Но тотчасъ же она одумалась.

Чтò жъ тутъ мудренаго? Развѣ онъ можетъ смотрѣть на нее какъ на человѣка своего лагеря? Для него она, пожалуй, что-то въ родѣ „декадентки".

И Разсудинъ почувствовалъ, что между ними сейчасъ вышла неловкость, и, мѣняя разговоръ, спросилъ:

— А вы какъ вообще поживаете въ Питерѣ?

— Тусклѣе, чѣмъ я ожидала.

— Чтò же здѣсь можно было ожидать яркаго, Евгенія Андреевна?

— Знаете... Разсудинъ, я не люблю постоянныхъ обличеній Петербурга. Климатъ—дурной; но этого уже не исправить. Жить —не съ климатомъ, а съ людьми. И я думаю, что здѣсь гораздо больше мозговой жизни, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Только я не въ такомъ теперь настроеніи, чтобы искать того новаго, чтò могло бы встрѣтиться.

Она оперла голову о ладонь руки и чуть слышно вздохнула.

— Нездоровится? — спросилъ Разсудинъ и поднялъ на нее глаза.

— Здоровьемъ я не охотница заниматься. Да чтò объ этомъ!.. Не заставляйте меня говорить о себѣ. Это такъ по женски! Женщина не можетъ никогда высвободить себя изъ своего „я", не носиться съ собою, не жаловаться, не плакать, не нападать, не защищаться. Всѣ, всѣ — и умныя, и талантливыя—были на одну стать. Самая умная, для своего времени, была Сталь. Но и Сталь въ своихъ двухъ романахъ носилась съ собою—и въ *Дельфинѣ*, и въ *Кориннѣ*...

— Я не читалъ,—обмолвился Разсудинъ.

— Немного и потеряли!

— Однако, Евгенія Андреевна, — заговорилъ Разсудинъ, оживляясь. — Почему же не подѣлиться своимъ душевнымъ добромъ съ тѣми, кто относится къ вамъ съ полной...

Онъ не докончилъ фразу и замѣтно смутился.

— Спасибо! Ничего нѣтъ интереснаго! Добро это — самое банальное. Въ вашихъ глазахъ, Разсудинъ, мое „я" представляетъ собою нѣчто, преисполненное пустого дилеттантства. Помните нашъ первый большой разговоръ... тамъ, на штрандѣ?

Чтожъ! Я не хочу ни рисоваться, ни выдавать себя за то, чего я изъ себя не изображаю. Жизнь я понимаю и признаю только какъ...

— Наслажденіе?—подсказалъ Разсудинъ.

— Это слово не совсѣмъ подходящее, Разсудинъ. О! Я не „чувственница"! Но для меня безъ высшихъ душевныхъ радостей нѣтъ жизни... А онѣ—возможны только при полной свободѣ отъ всякихъ дрязгъ и матеріальныхъ заботъ.

— Онѣ возможны и съ любимымъ дѣломъ,—твердо выговорилъ Разсудинъ.

— Дѣло! Дѣло! Не произносите вы этого слова! Я соглашусь лучше слыть самой ничтожной и бездушной особой, чѣмъ взывать къ дѣлу!

Она всплеснула своими прозрачными, тонкими руками.

— Надо, чтобы васъ наполняло что-нибудь, толкало: талантъ, страсть, ненависть, потребность красоты, жертвы... Вотъ вы очутились разъ у якутовъ! Вы не носились съ дѣломъ. Вы отдавались тому, что̀ въ васъ забродило и запросилось наружу. Во мнѣ нѣтъ жилки праведницы. И я туда не попаду, гдѣ вы побывали; а если начну служить „дѣлу"—это будетъ ношеніе мундира. Другой я быть не могу, да и не хочу... А вотъ нежданно-негаданно придется познать прозу жизни...

Она не договорила. Ей стало какъ бы совѣстно. Къ чему будетъ она разсказывать ему про свои денежныя дѣла? Но онъ такъ искренно отозвался на ея намекъ—и незамѣтно разговоръ пошелъ въ эту именно сторону.

Черезъ десять минутъ онъ уже зналъ, что ея состояніе было все въ „паѣ", какой она имѣла въ одномъ, не очень крупномъ, золотомъ пріискѣ.

Разсудинъ слушалъ ее съ полу-закрытыми глазами, внимательно, и все блѣднѣлъ.

Она еще не кончила, какъ онъ быстро поднялся и зашагалъ по комнатѣ.

— Евгенія Андреевна!—прервалъ онъ ее, блѣдный, съ расширенными зрачками.—Неужели вы никогда не подумали о томъ, что̀ такое пріискъ? Какія дѣла тамъ происходятъ? Черезъ что̀ проходятъ тѣ, кто туда попадаетъ?

— Не интересовалась. Знаю, что это работа тяжелая. Но я тамъ никогда не бывала. Да и не поѣду. Измѣнить я ничего не могу!

— Уйдите изъ пайщицъ! Не грязните себя!.. Не грязните!

— Продать пай? Развѣ это не все равно? Я, по крайней

мѣрѣ, не жадная... Сколько мнѣ пришлютъ—то я и беру. Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ—дѣло лопнетъ. Это будетъ самая радикальная развязка, согласитесь, Разсудинъ. Ха, ха!

Смѣхъ ея вызвалъ на лицѣ его замѣтное выраженіе боли.

— И пускай лопнетъ!—почти закричалъ онъ.—Но теперь-то вашъ зять... навѣрно онъ самый заурядный дѣлецъ... А знаете, какія онъ права имѣетъ? И надъ кѣмъ?

— Надъ рабочими.

— Какими-съ?

Разсудинъ подбѣжалъ къ ней и, наклонившись черезъ спинку стула, заговорилъ вполголоса, тяжело дыша. Губы его поводило, и глаза замигали—что̀ у него являлось только въ минуты сильнѣйшаго душевнаго возбужденія.

— А вотъ такими, какимъ и я могъ быть... Представьте себѣ, что я отбылъ каторжныя работы и поселенъ тамъ навсегда! Вѣдь это очень могло бы быть! Не правда ли?

— Я не знаю—обронила она.

— А мы знаемъ! И я былъ бы тотъ же Павелъ Разсудинъ, вотъ кого вы у себя принимаете—не лучше и не хуже. И вотъ я работаю на вашемъ пріискѣ... Вы или вашъ довѣренный можете меня подвергать наказанію... за всякую провинность... а то такъ и просто... Здорово живешь!

— Этого быть не можетъ!—вскричала она и тоже поднялась.

— Каждый день и каждый часъ можетъ это быть! Вамъ, стало быть, неизвѣстно, что начальство—исправники и урядники—на жалованьѣ у добывателей золота?.. Да исправникъ-то и не станетъ изъ-за такого пустяка наѣзжать, какъ экзекуція... ссыльно-каторжнаго! Ха, ха!

Его смѣхъ вырывался истерическими нотами. Онъ почти упалъ въ кресло.

Студенцова испугалась. Она ждала припадка.

— Павелъ Ѳедоровичъ! Милый! Успокойтесь! Ничего я этого не знала.

— Такъ нельзя жить, такъ нельзя! — повторялъ онъ, охваченный нервной дрожью.—Уйдите изъ этого дѣла! Уйдите поскорѣе! И пускай оно рухнетъ, пускай!

И точно столбнякъ нашелъ на него. На блѣдномъ большомъ лбу блестѣли капли. Глаза блуждали. Дыханіе было неровное и затрудненное.

— Прилягте вотъ тутъ, на кушетку.

— Ничего, ничего! Извините. Вамъ пора ѣхать.

Тяжело поднялся онъ и сталъ съ ней прощаться.

— Я пошлю за извозчикомъ.

— Не безпокойтесь. Не надо.

Онъ тихо усмѣхнулся, подавая ей руку.

— Нервы у меня не въ порядкѣ. Но я вамъ истинную правду сказалъ. Уйдите изъ такого дѣла, Евгенія Андреевна. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

„А чѣмъ же я жить-то буду“?—чуть, было, не спросила она. Въ эту минуту она еще не хотѣла вѣрить, что „дѣлу“ грозитъ близкій крахъ.

XLI.

Анохина только-что вернулась домой. Горничной она приказала готовиться накрывать на столъ. Ни братъ, ни постоялецъ, еще не возвращались.

Третьяго дня, ночью, она была разбужена. Съ братомъ сдѣлался припадокъ. Онъ вернулся не поздно и—какъ она соображала—отъ Студенцовой.

Она нашла его съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Холодный потъ выступилъ на лбу и на груди. Онъ задыхался, охваченный удушьемъ.

Это былъ первый такой припадокъ болѣзни сердца, которой она не переставала бояться за него.

Не помня себя, Надежда Ѳедоровна бросилась сама въ ближайшую аптеку, потомъ къ доктору, и всю ночь, напролетъ, просидѣла въ его спальнѣ, хотя онъ заснулъ къ пяти часамъ утра.

На другой день Разсудинъ всталъ и—какъ она его ни упрашивала — онъ уѣхалъ въ редакцію читать корректуры, обѣдалъ дома, и ночь прошла спокойно.

Сегодня, съ утра, она настаивала, чтобы онъ отправился къ хорошему спеціалисту. Оказалось даже, что одного профессора онъ давно зналъ лично, еще студентомъ. Тотъ, конечно, отнесся бы къ нему внимательно и участливо. Но онъ опять уперся... Она даже всплакнула.

— Зачѣмъ я пойду? — повторялъ онъ. — Сердце у меня не въ порядкѣ—я и безъ него это знаю. Но, по крайней мѣрѣ, я остаюсь въ неизвѣстности—можетъ быть, это только нервность. А поставитъ онъ серьезную діагнозу—будешь всего трусить.

— Какъ тебѣ не стыдно, Паша!—Ты хоть бы меня-то пожалѣлъ чуточку!

— Потому и нейду, что жалѣю. Ты тогда совсѣмъ изведешься и будешь ко мнѣ адски приставать.

Такъ она и не добилась, чтобы онъ побывалъ у профессора. Но она обязана настоять на этомъ. Вотъ его нервы поулягутся—тогда она попроситъ Нила Петровича Токарева и они вдвоемъ его уговорятъ.

Припадокъ сердцебіенія и удушья случился въ тотъ самый день, когда онъ ушелъ изъ дому, вечеромъ, и навѣрно былъ у Студенцовой.

Эту женщину Надежда Ѳедоровна начинала бояться. Братъ скрытенъ и до сихъ поръ только разъ заговорилъ о ней, какъ бы приглашая познакомиться съ нею. Нѣтъ сомнѣнья! Онъ начинаетъ увлекаться. Быть можетъ, та уже затянула его въ свои „сѣти", и Паша страдаетъ, видя, какую женщину послала ему судьба.

Чѣмъ больше думала она, тѣмъ страшнѣе становилось ей за брата. Она столько мечтала для него о встрѣчѣ съ хорошей женщиной, о взаимности и бракѣ. Вотъ она, любовь-то, и пришла. Быть можетъ, такая, что вгонитъ его въ гробъ, хуже того—въ неизлечимую болѣзнь, въ психопатію или въ полное безуміе.

Чтобы отдѣлаться отъ такихъ мыслей—до обѣда еще оставалось около часа—она сѣла поскорѣе мѣтить платки, купленные сегодня въ Гостиномъ для брата.

Не проработала она больше десяти минутъ, какъ горничная окликнула ее:

— Надежда Ѳедоровна, вотъ карточка. Нила Петровича какая-то дама желаетъ видѣть и освѣдомляется, когда ихъ застать?

На карточкѣ стояло: „Евгенія Андреевна Студенцова".

— Эта госпожа гдѣ же?

— Въ передней.

Щеки Анохиной зарозовѣли и рѣсницы пришли въ тревогу.

„Она! Она сама! Надо ее принять"!

— Просите въ столовую. Я сейчасъ выйду.

Наскоро поправила она волосы, накинула на голову кружевную косынку и кофточку.

Щеки горѣли и сердце немного билось. Она не могла впередъ сказать, какъ поведетъ себя съ этой „госпожей". Но—въ той или другой формѣ—она поговоритъ съ ней, какъ съ честной женщиной.

Отворивъ дверь въ столовую, Надежда Ѳедоровна пріостановилась.

Въ полоборота къ ней сидѣла Студенцова въ черной шляпѣ, съ высокими перьями и въ свѣтло-песочной кофточкѣ съ широчайшими рукавами. На шеѣ—горжетка изъ куньяго мѣха.

Подъ вуалеткой щеки ея показались Анохиной подбѣленными и губы слишкомъ яркими.

„Бѣдный мой Паша"!—про себя воскликнула она.

— Надежда Өедоровна, — заговорила Студенцова, подавая ей руку. — Мы съ вами мало знакомы... хотя я давно такъ искренно желаю...

— Садитесь пожалуйста,—суховато остановила ее Анохина.

— Не скрою отъ васъ, что я зашла къ Нилу Петровичу, чтобы узнать о здоровьѣ вашего брата.

Анохина, сдерживая волненіе, спросила:

— Вы его не видали на этихъ дняхъ?

— Видѣла... Онъ былъ у меня третьяго дня.

— А—а!

„Такъ оно и есть"!

— И я въ немъ нашла...

— Что́ же именно?

— Нервную тревожность; не хотѣла пускать его пѣшкомъ.

— Въ эту самую ночь съ братомъ былъ сильный припадокъ.

Анохина замѣтила, что ея гостья измѣнилась въ лицѣ.

„Актерка, притворщица"!—подумала она, отдаваясь своему чувству.

— Что же такое?

— Одышка... слабость... въ родѣ обморочнаго состоянія.

Вѣки Анохиной стали краснѣть. Глаза получили влажный блескъ.

Студенцова почуяла источникъ ея тревоги.

— Надежда Өедоровна,—начала она, протягивая ей руку.— Вы такъ любите брата... и, кажется, боитесь за него еще больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился со мною? Скажите!

„Ну да, ну да,—взволновалась Анохина:—знаю, что ты и меня попробуешь обворожить".

Она отвела глаза отъ гостьи. Отвѣтить надо было, а хитрить и лгать она не умѣла.

— Вы сами теперь знаете—какой Паша. И не одно только физическое здоровье меня безпокоитъ. Онъ слишкомъ много настрадался и вынесъ. Ему трудно владѣть собою. Все его возмущаетъ или волнуетъ до самой глубины души.

Внутреннія слезы дрожали въ словахъ Анохиной, и гостья слушала ее съ опущенными рѣсницами, тронутая необыкновенной „прозрачностью" доброты этой женщины.

— Да, Павелъ Өедоровичъ—такой,—сказала Студенцова и глазами обласкала Анохину.—И такая сестра, какъ вы—не мо-

жетъ иначе относиться къ нему. Но я васъ увѣряю, что третьяго дня Павелъ Ѳедоровичъ взволновался совсѣмъ не такъ, какъ вы, быть можетъ, думаете.

Она усмѣхнулась, и Анохина поняла смыслъ этой усмѣшки.

— Вотъ чтó вышло у меня...

Говорила Студенцова такъ просто и искренно, что нехорошо было бы подозрѣвать ее. Она не сказала, что рѣчь шла о ея золотыхъ пріискахъ, но Анохина согласилась, что довольно было разговору пойти въ эту сторону—и Паша могъ разстроиться. Онъ и передъ тѣмъ цѣлый день чувствовалъ себя плохо. Нужна маленькая капля, чтобы чаша переполнилась.

Ей уже дѣлалось совѣстно передъ Студенцовой. Въ чемъ же та виновата—развѣ она могла ожидать, что Паша такъ взволнуется?

На гостью она посмотрѣла гораздо мягче.

XLII.

Прошло еще съ четверть часа, и настроеніе Надежды Ѳедоровны дѣлалось все довѣрчивѣе.

Нѣтъ у нея серьезнаго повода считать эту особу интригант-кой; но она должна нравиться мужчинамъ. Въ ней есть что-то новое и свое. И лица такого она еще не встрѣчала, и тонъ пріятный, хоть немножко манерный. Голосъ молодой, вкрадчивый. Вся она отзывается Европой. Видно, что живала подолгу за границей, много книжекъ прочла и съ умными людьми „навострилась" разговаривать.

Было бы нехорошо самой хитрить. Отчего не высказаться ей на чистоту?

— Вы надо мной будете смѣяться,—начала Анохина, пододвигаясь къ своей гостьѣ.—Но я отъ васъ ничего не скрою. Паша вѣдь мнѣ не говоритъ о своихъ интимныхъ дѣлахъ и чувствахъ. Я тоже не допытываюсь—и безъ того слишкомъ часто пристаю къ нему! Мнѣ сдается, что вы его... какъ бы это сказать...

— Что я влюбила его въ себя? — весело спросила Студенцова.

— Нѣтъ, я не имѣю права подозрѣвать васъ, Евгенія...

— Андреевна,—подсказала Студенцова.

— Но что онъ желалъ бы какъ можно чаще видѣть васъ—я это стала замѣчать давно ужъ... Ему хотѣлось познакомить насъ...

— Признайтесь, Надежда Өедоровна, вы не очень-то стремились къ знакомству со мною?

Студенцова тихо разсмѣялась.

— Нѣтъ, я не отговаривалась. Только время какъ-то ушло. Потомъ онъ сталъ волноваться изъ-за статьи Шемадурова, писалъ двѣ ночи напролетъ.

— Ну, вотъ видите, все обошлось. Я сдѣлала визитъ Нилу Петровичу, но не безъ задней мысли—познакомиться съ вами, заново. И я очень рада такому знакомству. Очень!—повторила она медленно и протянула руку Анохиной.

Та пожала.

— Вы не думайте, что я ревную брата,—заговорила она.— Только о томъ и мечтаю, чтобы его одинокая доля поскорѣе смѣнилась на что-нибудь другое. Это было бы для меня великимъ утѣшеніемъ.

— Только я — не такая дѣвушка, съ которой вашъ братъ былъ бы счастливъ,—выговорила Студенцова просто и вдумчиво.

— Вы это серьезно сказали, Евгенія Андреевна?

— Совершенно серьезно. Братъ вашъ мнѣ очень симпатиченъ, но мы—люди изъ двухъ міровъ. Я это ему и сама говорю. Да будь я и его „человѣкъ"—какъ онъ выразился бы въ этомъ случаѣ—и тогда бы намъ не надо было стремиться къ жизни вдвоемъ.

— Почему такъ?

— Онъ—тревожный, нервный, страдающій отъ всего, что̀ вокругъ него торжествуетъ безнаказанно... И я также съ натурой, которая не знаетъ успокоенія и нормы, а все ищетъ чего-то особеннаго, высшихъ радостей и духовныхъ наслажденій. Изъ насъ вышла бы печальная пара.

— Но развѣ мы вольны въ нашихъ влеченіяхъ? Страсть налетитъ.

— Я ее еще не замѣчаю въ Павлѣ Өедоровичѣ. И вы можете мнѣ вѣрить—сама я искры раздувать не буду, если она попадетъ на него..

Помолчавъ и болѣе серьезнымъ тономъ Студенцова заговорила вполголоса:

— Я вамъ предлагаю, Надежда Өедоровна, такой союзъ... родъ заговора. Вы боитесь за брата, за его судьбу. Не любовь для него такъ опасна, а положеніе здѣсь въ Петербургѣ, его прошлое... а всего больше его характеръ, натура, идеи и порывы. Какая-нибудь пустая неосторожность—и его опять запишутъ въ кондуитный списокъ, и онъ очутится гдѣ-нибудь...

— Да, да!—прошептала Анохина.

— И въ этомъ я—вашъ союзникъ. Вы никого почти не видите, а я выѣзжаю. Я чаще буду имѣть случай воздержать Павла Ѳедоровича.

— Вы, кажется, отговорили его печатать предисловіе къ книжкѣ?

— Вы развѣ это знаете?

— Онъ ничего не сказалъ мнѣ; но я догадалась.

— Я.

— Спасибо вамъ.

Анохина съ влажными глазами потянулась къ Студенцовой и поцѣловала ее.

— Стало быть, мы — заговорщики? — весело спросила Студенцова.

— Заговорщики!

— Такъ же зорко буду слѣдить и за остальнымъ.

Онѣ разомъ поднялись, и Анохина протянула ей обѣ руки.

— Одно у меня чадо, Евгенія Андреевна... Надо его беречь. Вы подумайте только—вдругъ изъ-за какого-нибудь пустяка... или оплетутъ, письмо подметное напишутъ куда слѣдуетъ—и опять туда!

— Что вы!—почти закричала Студенцова.

— Ничего не можетъ быть проще!

Въ передней позвонили.

— Можетъ быть, это и Паша!—радостно воскликнула Анохина и побѣжала къ двери въ переднюю.

— Нѣтъ! Это Токаревъ! Позвольте его сюда позвать. Нилъ Петровичъ! — крикнула она въ дверь.—У меня гостья... ваша. Мы познакомились.

— Кто это?—раздался слабый голосъ Токарева.

— Евгенія Андреевна.

— Студенцова?

— Да, да! Сюда придете, или просить ее къ вамъ въ кабинетъ?

— Я сію минуту!

Токаревъ вернулся съ прогулки, бодрый, съ покраснѣвшими отъ легкаго мороза щеками.

— Вотъ ваша гостья!—указала Анохина.

— Очень любезно!

Онъ поцѣловалъ у Студенцовой руку и присѣлъ къ столу.

Сейчасъ же Токаревъ схватилъ своимъ привычнымъ глазомъ что-то объединявшее въ эту минуту обѣихъ женщинъ. Взглядъ

Анохиной былъ возбужденъ, и не тревожно, а скорѣе радостно. И въ улыбкѣ Студенцовой сквозило какое-то хорошее чувство. У нихъ поразительно скоро—на его оцѣнку—установились лады.

„Неужели она—уже невѣста Разсудина“?—подумалъ онъ, и ему стало жутко за „бѣднаго“ Павла Өедоровича.

— Вы бы дали мнѣ знать о вашемъ посѣщеніи,—попенялъ онъ гостьѣ.

— Такъ захотѣлось васъ видѣть. Я давно сбираюсь... Да все дома валяюсь на кушеткѣ. Часто голова глупая, и вся я разбита.

— Петербургъ!

— И не говорите!—громко вздохнула Анохина и махнула рукой.—Послушайте,—обратилась она къ гостьѣ.—А что, еслибъ вы у насъ остались откушать, чѣмъ Богъ послалъ? Вотъ и Нилъ Петровичъ останется... за нашимъ табльдотомъ. Вѣдь да?—спросила она утвердительно Токарева.

— И очень!

— Вы—я знаю—парижанка, привыкли къ тонкой ѣдѣ. Позвольте мнѣ на десять минутъ удалиться на кухню. Я вамъ сдѣлаю горошекъ по-французски. Остаетесь?

— Съ радостью, Надежда Өедоровна... Но, можетъ быть, братъ вашъ придетъ утомленный...

— Полноте! Съ вами-то!

И точно боясь проговориться, Анохина заторопилась на кухню.

— Да вотъ и Паша! Это его звонокъ. Вотъ будетъ ему сюрпризъ!

Когда она выбѣжала, Токаревъ нагнулся къ Студенцовой и шопотомъ выговорилъ:

— Поздравляю! Двойная побѣда!

Но ему опять стало жутко за „Пашу“.

XLIII.

Рѣзкій вѣтеръ съ рѣки хлесталъ прямо въ лицо, пополамъ со снѣгомъ. Верхъ пролетки мало защищалъ отъ нихъ. Студенцовой попался плохой извозчикъ, и ей казалось, что сегодня Невскому не предвидится конца.

Эта неизбѣжная улица необыкновенно скоро пріѣдалась ей. И вверхъ, и внизъ, она все одна и та же, съ однимъ и тѣмъ же уныло-дѣловымъ движеніемъ, такая бѣдная и плоская, послѣ

тѣхъ улицъ за границей, гдѣ дѣйствительно жизнь съ утра до ночи идетъ ходуномъ.

Солнца, конечно, нечего и ждать на сегодня; а она, точно „по наряду“, отправилась черезъ весь городъ на Милліонную,— выбрала ненастный и хмурый день для прогулки по заламъ Эрмитажа.

Еще въ постели ее сегодня засосала потребность очутиться гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она могла бы забыть, что это— Петербургъ, не видѣть своего „салончика“, капотъ Розы Юліановны, щеки и плечи Ариши Полкановой, не слышать гулъ „прешпекта“ сквозь закоптѣлыя окна, не вести прѣсныхъ разговоровъ ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ!..

Сколько разъ, бывало, въ Парижѣ, она, утомленная отъ ежедневной „разрывной“ жизни—такъ она тогда выражалась,—даже въ самую плохую погоду бѣжала къ Одеону, садилась въ омнибусъ и ѣхала къ Лувру — не въ магазины, а въ галереи — и проходила сейчасъ же въ ту, почти всегда тихую и безлюдную, залу, куда перенесли Венеру Милосскую.

Часами сидѣла она иногда съ книгой, шла въ другія залы, стояла передъ своими любимыми вещами, передъ Мурильо, передъ французскими мастерами прошлаго вѣка. И опять возвращалась къ божественному профилю и смотрѣла, смотрѣла, впивая въ себя струи успокоенія, ища отрады высокаго безстрастія, доступнаго только безсмертнымъ жителямъ Олимпа.

Тоже бывало съ нею и въ Лондонѣ, гдѣ она много прочла книжекъ въ ротондѣ Британскаго музея. Отъ чтенія вступитъ въ голову, душно въ библіотекѣ, съ ея низкимъ потолкомъ—потянетъ въ высокія залы античной скульптуры. И сейчасъ она очутится въ той залѣ, гдѣ хранятся мраморы Пароенона! Двигаешься мимо ихъ медленно, остановишься, посмотришь, и опять особое дуновеніе чего-то олимпійскаго низойдетъ на тебя. И не вѣрится, что въ какой-нибудь сотнѣ саженъ отъ этихъ мраморовъ грохочетъ и трещитъ торгашеская жизнь Оксфордъ-Стрита, снуютъ кэбы, кондукторы ярко раскрашенныхъ омнибусовъ, стоя на подножкахъ, выкрикиваютъ свои несмолкаемые:

— Bank! Bank! Higher up!.. Higher up!..

Вспомнила она, что и въ послѣднее свое житье здѣсь она совершенно такъ, какъ сегодня, встала и—не взирая на отвратительную погоду—черезъ полчаса очутилась въ залахъ Эрмитажа.

Вотъ она и опять тутъ.

Поднималась она по мраморнымъ ступенямъ торопливо, точно ждала тамъ наверху неизвѣданныхъ наслажденій. Она хорошо

была знакома со всѣмъ, что̀ хранилъ Эрмитажъ самаго цѣннаго и рѣдкаго. Больше всего ей хотѣлось быть одной и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ неизящныхъ предметовъ; но ничего не разглядывать, ни передъ чѣмъ, въ отдѣльности, не стоять, а только уйти „отъ себя“.

Она вотъ уже нѣсколько дней, какъ начала испытывать неясное, тупое безпокойство, какого никогда не знала прежде—похожее на страхъ передъ жизнью, передъ ближайшимъ будущимъ. Такъ долженъ чувствовать тотъ, кто ничѣмъ не боленъ на посторонній взглядъ; но онъ знаетъ, что впереди ждетъ его операція... или другой исходъ, еще болѣе жестокій.

До пріѣзда въ Петербургъ у нея былъ внутренній „камертонъ“. Она выполняла какую-то программу, хотя и не имѣла привычки приводить въ порядокъ и записывать свои планы, желанія, мысли и „уроки опыта“.

Но теперь на нее что-то пахнуло, требующее отвѣта:—какъ же жить, если придется, быть можетъ, думать, ни больше, ни меньше, какъ о „кускѣ“?

Она убѣжала сюда, чтобы найти здѣсь убѣжище, отдаться, хоть на нѣсколько часовъ, тому, что̀ никогда не измѣнитъ—впечатлѣніямъ прекраснаго. Но, съ первыхъ же залъ, она почувствовала тяжесть и пустоту. Ей уже не хотѣлось двигаться по этимъ сумрачнымъ, высокимъ ящикамъ, увѣшаннымъ „пожу̀хлыми“ холстами въ рамахъ, по этому скользкому паркету. Голова отказывалась безпрестанно подниматься; а бродить такъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь — было еще тоскливѣе.

Точно ей подмѣнили ея душу. Ничего какъ будто не осталось отъ той чуткой и жадной до прекраснаго молодой иностранки—посѣтительницы музеевъ и церквей Парижа, Лондона, Флоренціи, Милана, Рима, Неаполя, Дрездена—всѣхъ городовъ и не пересчитать.

„Здѣсь чудесные испанцы, здѣсь богатый Рембрандтъ“!—повторяла она, подхлестывая себя.

Но испанцы не привлекали ее. Она припомнила только, какъ въ первый ея визитъ сюда — она еще была дѣвочкой-подросткомъ, и явилась въ сопровожденіи гувернантки—ихъ водилъ лакей, и когда дошелъ до испанскихъ мастеровъ, указалъ рукой на одинъ портретъ.

— Веласкѐцъ, отмѣнный живописецъ!

Этотъ звукъ Веласке́цъ, съ удареніемъ на „е“, и лакейское слово „отмѣнный“—сохранились въ ея памяти, и теперь дразнили ее.

Пошла она къ фламандцамъ. Опять воспоминаніе; но уже другого рода. Она была взрослая дѣвица и поглощала цѣлыми днями русскихъ писателей. Одинъ разсказъ Крестовской-псевдонимъ —„Старый портретъ—новый оригиналъ“—такъ ей понравился, что она побѣжала въ Эрмитажъ отыскивать портретъ старухи, работы Рембрандта—будто бы его родной матери.

Въ залѣ было такъ сумрачно, что теперь она не стала искать этого портрета. Но память о разсказѣ покойной писательницы натолкнула ее на мысль о литературной работѣ.

Почему же ей не взяться за перо? Анемоновъ хвалилъ ея сонеты. Она не знаетъ—есть ли у нея творческій талантъ, но мыслей, замѣтокъ, штриховъ, разговоровъ изъ самыхъ новыхъ сферъ европейскаго человѣчества — нашлось бы у нея больше, чѣмъ у любой ея сверстницы.

Дѣлаться „синимъ чулкомъ“? Впрягать себя въ профессію? Это было ей всегда глубоко-противно!

Студенцова дошла до узкой длинной галереи съ фресками, которая напомнила ей Ватиканъ. Ей захотѣлось записать то, что̀ она имѣла *за* и *противъ* попытки „пойти въ литераторы“.

Она вынула маленькую книжечку, гдѣ отмѣчала каждый прожитой день, а утромъ распредѣляла впередъ свой новый день— и стала медленно прохаживаться по галереѣ. Ея шаги раздавались по паркету, среди общаго безмолвія и полумглы петербургскаго утра.

Изъ двери—аршинъ на пять отъ нея—показалась голова, а потомъ ливрейный фракъ лакея. Она поглядѣла на него мелькомъ и продолжала ходить съ книжечкой въ рукахъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ лакей опять показался въ дверяхъ и сталъ двигаться поперекъ галереи, поглядывая на нее на какой-то особый ладъ.

Потомъ и въ третій разъ. Ихъ было уже двѣ головы и два ливрейныхъ фрака, и одинъ другому что-то нашептывали.

Студенцова замѣтила это и чуть громко не разсмѣялась: вѣроятно, оба думаютъ, что она что-нибудь злоумышляетъ.

И уходя изъ галереи, она сказала про себя: „Нѣтъ, видно, не судьба мнѣ быть писательницей“. Доводы за и противъ она не успѣла занести въ свою записную книжечку. Оставаться дольше— показалось ей безцѣльнымъ и глупымъ.

XLIV.

Спектакль затянулся. Пьеса была въ пяти актахъ. Въ фойѐ тѣснилась публика, туго двигаясь изъ дверей въ двери.

Студенцовой стало очень душно, и она захотѣла выпить лимонаду. Она давно не была въ русскомъ театрѣ и забыла, гдѣ помѣщается буфетъ.

Капельдинеръ сказалъ ей, что лимонадъ продаютъ наверху, въ угловой комнатѣ, около фойе. И это фойе она смутно помнила. Его, кажется, подновили, поставили бронзовые бюсты писателей и актеровъ. Но оно ей все-таки показалось тусклымъ и ординарнымъ, съ его желтой мебелью тридцатыхъ годовъ и сводчатымъ потолкомъ. Публика, когда она вошла въ толпу, наводила на нее еще бо̀льшее уныніе. Внизу, изъ креселъ, она въ бинокль прошлась по ложамъ бель-этажа и бенуара.

„Что̀ это за женщины! Откуда онѣ"?—недоумѣвала она.

Да и мужчины — около нея, въ креслахъ, были такого же разбора: не то гостинодворцы, не то пріѣзжіе провинціалы, нѣсколько офицеровъ въ армейской формѣ, двѣ-три фигуры въ длинныхъ волосахъ, небрежно одѣтые. Какой-то налётъ прѣсноты, чего-то неизящнаго, вялаго или угловатаго, лежалъ на всѣхъ этихъ посѣтителяхъ русскаго театра. Трудно было даже представить себѣ, что это — публика столичной залы. Когда она сравнила впечатлѣніе антракта въ фойѐ и такого же антракта въ Comédie Française — ей стало даже смѣшно.

Въ субботу, дня три-четыре назадъ, она вернулась изъ Михайловскаго театра, гдѣ давали новую парижскую пьесу — настроенная нѣсколько иначе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, она нашла залу, если не очень оживленную, то хоть свѣтскую, дамъ въ туалетахъ, мужчинъ во фракахъ, смокингахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Со сцены раздавался бойкій діалогъ, актрисы и актеры напоминали тѣхъ, что̀ играютъ въ „Gymnase" и въ „Vaudeville". Первую любовницу она видѣла еще прошлой зимой въ Парижѣ, въ какой-то сильной драмѣ. Здѣсь она играла одну изъ тѣхъ новыхъ парижскихъ женщинъ, какія пустила въ ходъ актриса Режанъ — ея любимица.

Роль эта ей нравилась, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пьесы она, воображая себя на мѣстѣ актрисы, чувствовала, что дала бы другой оттѣнокъ, была бы искреннѣе и нервнѣе, взяла бы болѣе вѣрную ноту теперешней женской души.

Въ первый разъ она пожалѣла, что въ Парижѣ бросила

свои занятія декламаціей. Тамъ это ей показалось затѣей иностранки; но здѣсь, глядя на игру главной актрисы въ русской пьесѣ, она никогда еще такъ ярко не сознавала возможности попытать счастья „на подмосткахъ".

Внѣшность, манеры, тонъ, подвижность чертъ и способность уйти въ жизнь того лица, которое нужно создать — все это она въ себѣ сознавала сегодня ярче и сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Но публика? Играть для этихъ „обывателей"? Добиться успѣха—быть можетъ и не трудно; но какъ? Поддѣлываясь подъ то, что̀ имъ нравится.

А имъ нравится вотъ эта самая драматическая ingénue, которая въ теченіе пяти дѣйствій мелькаетъ передъ нею, съ голосомъ и тономъ швеи, съ такими же манерами, съ безпорядочной нервностью. И ее вызывали послѣ каждаго акта, особенно верхи галерей. Она не бездарна, умѣетъ плакать и смѣяться, и говорить „съ чувствомъ". Но Боже! Какъ все это отзывается граціей, умомъ и паѳосомъ какой-то „магазюльки"!—вспомнила она жаргонное слово гусара и Шпандина.

И ей надо быть такой „магазюлькой" на сценѣ. Тогда всѣ эти приказчики, коммиссаріатскіе чиновники, юнкера, студенты, курсистки, чиновницы и купчихи — поймутъ ее и оцѣнятъ, будутъ смѣяться и плакать, и вызывать, и хлопать, и подносить подарки.

Въ послѣднемъ актѣ всѣ кругомъ ея сморкались отъ слезъ; а ей было несносно слышать все тотъ же скрипучій, вульгарный тонъ героини и смотрѣть на ноги героя въ широчайшихъ панталонахъ и визиткѣ съ длиннымъ хвостомъ.

И передъ такой залой она когда-то мечтала создать Гедду Габлеръ! Она чуть не расхохоталась.

Большая пьеса отошла около двѣнадцати. Оставался еще водевиль; но Студенцова была слишкомъ утомлена отъ долгаго сидѣнья въ душной залѣ. Она двинулась къ вѣшалкѣ, вслѣдъ за вереницей зрителей. На перекресткѣ, гдѣ проходъ упирается въ амфитеатръ, она узнала сзади фигуру Токарева и окликнула его.

Онъ остановился, и они присѣли на два свободныхъ кресла.

— Гдѣ же вы были, Нилъ Петровичъ? Какъ я васъ не замѣтила раньше! Мнѣ было бы гораздо веселѣе!—возбужденно заговорила она.

Имъ обоимъ стало досадно, что антракты прошли у нихъ тоскливо, среди чуждой имъ публики.

— Вы развѣ останетесь на водевиль?—спросила она.

— Сохрани Боже!

— Выйдемъ вмѣстѣ.

Онъ раздѣвался на той же лѣвой сторонѣ. Имъ хотѣлось поговорить. Погода была хорошая — выпалъ снѣгъ и установился первопутокъ.

— Вотъ сюрпризъ!—вскричала Студенцова, когда они вышли на площадь.

— Мнѣ, какъ кавалеру, слѣдовало бы предложить вамъ прокатиться на тройкѣ.

— Избавляю васъ отъ этого!—Пойдемте пѣшкомъ! Намъ обоимъ по дорогѣ. Проводите меня.

Они пересѣкли площадь между двумя стѣнами извозчиковъ, обогнули Екатерининскій скверъ и вышли къ Аничкову дворцу.

— Знаете чтò! Теперь еще не такъ поздно. Напьетесь у меня чаю?

Студенцова знала, что ея хозяйка—полуночница, и все будетъ скоро подано. Токаревъ согласился, подалъ ей руку, и они пошли внизъ по Невскому, къ Литейной.

Въ оцѣнкѣ пьесы, главной актрисы и публики они съ перваго слова—были согласны.

— Представьте себѣ, Нилъ Петровичъ, что я въ Парижѣ сбиралась быть актрисой.

— Французской?

— Хотѣла идти къ Сарѣ Бернаръ. Думала, конечно, готовить себя на русскую сцену.

— А развѣ вы не были бы прекрасной актрисой?—спросилъ Токаревъ.

Они пріостановились на углу Литейной.

— У васъ натура въ высшей степени воспріимчивая... Вы и въ дѣйствительности живете...

— Мозгомъ?—подсказала она.

— Пожалуй! Но этого мало! Вы любите уходить воображеніемъ и нервами въ то, чтò васъ захватываетъ въ искусствѣ. А это уже начало творчества.

— И вотъ сегодня я почти съ ужасомъ представила себѣ,—къ какой залѣ я должна была бы поддѣлываться. Мнѣ противна всякая профессія, всякое спеціальное дѣло. А каботинство на нашихъ подмосткахъ было бы всего ужаснѣе...

— Кто знаетъ!—остановилъ онъ ее.—Вы могли бы повести публику, куда вы сами желаете.

— Нѣтъ, не прельщайте! Это нашъ переулокъ, Нилъ Петровичъ!

Они взяли направо.

XLV.

Голубоватый свѣтъ шелъ отъ висячей лампы. Запахъ душистаго чая разносился по комнатѣ. Они говорили тихо, какъ говорятъ два пріятеля въ сумеркахъ.

Токаревъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, у камина, въ ногахъ кушетки, куда, по своей привычкѣ, прилегла Студенцова. Она занесла голову на спинку кушетки и протянула ноги. Чашка чая стояла рядомъ на столикѣ. Она изъ нея отхлебывала и говорила медленно, своими низкими нотами—самыми пріятными въ ея голосѣ.

Онъ больше слушалъ и не въ первый уже разъ находилъ эту дѣвушку едва ли не самой „любопытной", какихъ онъ встрѣчалъ въ послѣднее время. Если она и „франтитъ", то дѣлаетъ это умно, ново и смѣло. Она взяла съ нимъ очень простой и удобный тонъ. Для нея онъ не ухаживатель, а писатель, способный понять все, что̀ только стоитъ понимать, пожилой мужчина безъ всякихъ претензій, съ которымъ она не позволитъ себѣ „интересничать", или пробовать струнку его женолюбія.

Съ нимъ и ей „легче" всего — она это ему уже говорила. А сегодня, возбужденная спектаклемъ, она сама перешла къ своимъ „итогамъ", къ той тэмѣ, которую ни одной женщинѣ не избыть, если только она не окончательно зачислила себя въ старухи.

Будь Токаревъ моложе лѣтъ на десять, онъ конечно бы сталъ „дѣлать съёмочки", — какъ назвалъ когда-то одинъ его пріятель, разспрашивая о его литературныхъ работахъ. Но теперь онъ не имѣлъ никакихъ профессіональныхъ замысловъ. Ему хотѣлось только выяснить себѣ, съ какой же, наконецъ, натурой имѣетъ онъ дѣло. И мысль о Разсудинѣ тревожила его. Ему сдавалось, что тотъ не на шутку привязывается къ ней. Правда, Надежда Ѳедоровна теперь не подозрѣваетъ ее больше въ бездушномъ кокетствѣ; но и безъ всякихъ видовъ на Разсудина, она, помимо своей воли,—можетъ влюбить его въ себя.

А развѣ она годится въ подруги такому человѣку?

Вглядываясь въ лицо Студенцовой, вслушиваясь въ ея голосъ, Токаревъ много разъ уже спрашивалъ: неужели она сохранила себя „неприкосновенной", — на полной свободѣ, среди соблазновъ Парижа? Ея взгляды на жизнь, счастье, любовь должны, конечно, быть такіе, съ которыми трудно остаться непорочной и духомъ, и тѣломъ.

На ея очень смѣлую тираду о рабствѣ женщины передъ призракомъ „такъ называемой любви" онъ замѣтилъ съ тихой усмѣшкой:

— Это все отзывается теоріей, Евгенія Андреевна. Въ такихъ случаяхъ парижане, когда зайдетъ серьезный разговоръ, употребляютъ часто выраженіе: „une vue de l'esprit".

— Другими словами, вы сомнѣваетесь, продѣлала ли я— госпожа Студенцова—хоть одинъ актъ любовной драмы или комедіи?

Она улыбнулась и тотчасъ же продолжала, перемѣнивъ позу.

— Страсти я не знала. И врядъ ли узнаю.

— Какъ за это ручаться?

— Все, что̀ отзывается инстинктомъ—вы понимаете какимъ— глубоко противно мнѣ. Въ этомъ смыслѣ я выродокъ! Чувственность меня безусловно отталкиваетъ... Но я очень цѣнила бы... обаяніе того... что̀ выражается забытымъ, но прекраснымъ русскимъ словомъ „нѣга".

— *Нѣга*—ароматъ того же инстинкта, — подсказалъ Токаревъ.

— Но только ароматъ—не больше. Не платонизмъ, а высшее наслажденіе любовнымъ экстазомъ.

— Это что-то неосуществимое, Евгенія Андреевна.

— Можетъ быть! Но это меня отводитъ отъ всякихъ ненужныхъ сближеній. Вы сами знаете... тамъ, въ Латинскомъ Кварталѣ, кругомъ все пары. Въ каждомъ отельчикѣ, за стѣной, справа и слѣва, — непремѣнно чета. Вы по неволѣ слышите, и утромъ, и ночью, поцѣлуи, потомъ споръ, визгъ, часто побои, ревъ и опять ласки. И когда я, подъ аккомпаниментъ такихъ сценъ, читала „Крейцерову сонату", проповѣдь автора не казалась мнѣ парадоксомъ. Есть что-то жестокое и грязное въ каждой связи, какимъ бы она ни прикрывалась символомъ.

— И неужели въ вашихъ поѣздкахъ вы не встрѣтились ни съ кѣмъ?..

— Позвольте докончить за васъ, Нилъ Петровичъ... „кто покорилъ бы васъ"? Ха, ха! Многіе нравились — на югѣ, въ Италіи. Какія лица, торсы, что̀ за глаза, какія ноты звучатъ въ голосѣ! Одинъ въ особенности... Это было на Капри.

Студенцова опустила рѣсницы и стала говорить еще медленнѣе.

— До сихъ поръ помню всѣ детали. Знаете, у меня есть способность, когда я закрою глаза и захочу вызвать передъ собою о̀бразъ... пейзажъ, лицо, комнату—онъ передо мною какъ

въ камерѣ-обскурѣ. То, что Грэнтъ-Олленъ называетъ „умственной картиной"... то, отчего, быть-можетъ, у меня и бываютъ галлюцинаціи.

— И вы при такой способности не пробуете писать?

— Совершенно такъ же, какъ не пробую изображать Гедду Габлеръ.

— И этотъ неаполитанецъ?

— Ничего изъ *этого* не вышло, Нилъ Петровичъ... А могло выйти... и что-нибудь глупое, и грязное.

— Будто любовь всегда глупа и грязна?

— О! Я знаю наизусть, что такое любовь! Возьмите „Психологію" Герберта Спенсера и въ параграфѣ... дай Богъ памяти... да, въ параграфѣ двѣсти-пятнадцатомъ — вы найдете классическій анализъ ея. Его приводятъ теперь во всѣхъ учебникахъ психологіи. Чувство архисложное и могущественное. Но если и мнѣ когда-нибудь придется испытать его — я все-таки посмотрю на него какъ на роковую болѣзнь.

— Старый взглядъ!

— Взглядъ всѣхъ сердцевѣдовъ. Перваго — Тургенева, вашего учителя, Нилъ Петровичъ — вы сами его такъ называете. Помните, въ „Дымѣ" Потугинъ говоритъ что-то въ родѣ этого: „Мужчина—слабъ, женщина—сильна, случай—всесиленъ..." А я перефразирую и скажу: „женщина слаба—случай всесиленъ". И заключительный аккордъ—бракъ... желанный союзъ на вѣкъ.

Плечи ея вздрогнули.

— Вы такая ненавистница брака?

— Бога ради — не считайте меня запоздалой жоржъ-зандисткой! Никакихъ счетовъ я не желаю имѣть съ мужчиной, какъ съ главой. Но я смотрю на бракъ самъ-по-себѣ какъ на патентованный союзъ двухъ себялюбцевъ, какъ на что-то заскорузлое и затхлое.

„Бѣдный Разсудинъ!—подумалъ Токаревъ.—Бѣдная Надежда Өедоровна"!

Какъ бы вспомнивъ, что передъ ней сидитъ человѣкъ, глубоко испытанный смертью своей жены, Студенцова продолжала:

— Я не говорю, что нѣтъ и не было браковъ, гдѣ взаимная любовь не мѣшала любить своего ближняго. Я ничего не проповѣдую, ни гражданской добродѣтели, ни высокаго альтруизма. Но я слишкомъ цѣню свою свободу, чтобы надѣвать на себя хоть подобіе ярма. Для меня, Нилъ Петровичъ, то, что зовется любовью — должно сливаться съ красотой, съ культомъ божественной формы. А развѣ это мыслимо въ теперешнемъ человѣчествѣ?

Черезъ годъ... или черезъ три недѣли вашъ супругъ и повелитель предстанетъ передъ вами во всей неподкрашенной правдѣ. Обаяніе отлетитъ, вы охладѣете, а онъ будетъ, по прежнему, предъявлять вамъ своя права—и вы превратитесь въ вещь, которую можно безнаказанно грязнить, съ цинизмомъ звѣря!

Она брезгливо содрогнулась.

XLVI.

— Да, милый Нилъ Петровичъ,—говорила Студенцова и голосъ ея все падалъ:—здѣсь, я только въ васъ нахожу своего человѣка, хотя насъ раздѣляетъ нѣсколько поколѣній... Не знаю— найдете ли вы меня... высокимъ слогомъ выражаясь... достойной вашей дружбы. Но я была бы очень счастлива заслужить ее. Только съ мужчиной...

— Моихъ лѣтъ,—шутливо подсказалъ Токаревъ.

— Нѣтъ, и моложе—только съ нимъ и возможно водить настоящее пріятельство. Ужъ конечно не съ женщинами. У меня въ Петербургѣ нѣтъ теперь ни одного пріятеля. Съ русскими женщинами мнѣ тяжелѣе, чѣмъ съ заграничными. Я не хочу рѣшать сразу... Петербургскихъ интеллигентокъ я въ этотъ пріѣздъ еще малò видѣла... Но мои ближайшія сверстницы изъ свѣтскаго общества... Богъ съ ними!

— Вы слишкомъ развиты для нихъ, Евгенія Андреевна!

— Не въ учености дѣло! Я сама считаю себя очень мало знающей. Но чтò меня здѣсь подавляетъ, это—отсутствіе въ женщинахъ вкуса къ настоящимъ эстетическимъ наслажденіямъ. И въ нихъ самихъ до жалости мало изящнаго: въ туалетахъ, въ прическѣ, въ тонѣ, въ манерахъ, въ разговорахъ, въ привычкахъ. Всѣ кричатъ: музыка—петербургское искусство! Въ концертахъ, въ оперѣ—масса женщинъ. Но и самыя музыкальныя изъ нихъ похожи на какихъ-то акушерокъ и конторщицъ. Слушаютъ часами, а лица у всѣхъ или унылы, или сердиты, точно онѣ надъ бухгалтерскими счетами сидятъ.

— Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ овацій и восторговъ, какъ у насъ.

— Но эти оваціи, по моему, просто дики! Для нихъ артистъ точно гаеръ, который долженъ до тридцати разъ выскакивать за занавѣсъ и раскланиваться съ ними. Я безъ содроганія видѣть не могу этихъ дѣвицъ, сбѣгающихъ съ верховъ къ рампѣ и начинающихъ какой-то шабашъ. Не могутъ онѣ тонко понимать и

чувствовать, потому что онѣ сами — такія несдержанныя и некультурныя!

— Ищите другого, Евгенія Андреевна... души русскихъ женщинъ, простыхъ, не модныхъ... Чего дальше ходить — Надежда Өедоровна... Присмотритесь къ ней.

На лицо Студенцовой легла тѣнь.

— Она—добрѣйшее существо. Олицетвореніе заботы о другихъ. Но, между нами, Нилъ Петровичъ, развѣ мы можемъ сойтись душа въ душу? Она ужасно русская—это правда. На брата она молится. Она хранитъ завѣты его поколѣнія. Все это такъ. Но сколько же есть вещей для меня драгоцѣнныхъ, которыя для нея—только дилеттантство, эгоизмъ, презрѣнное барство, измѣна дѣлу, тому дѣлу, изъ-за котораго ея братъ, не добившись ничего, превратился въ неврастеника?

Щеки ея стали горѣть, и глаза заблестѣли особенно ярко.

— Я знаю!—вскричала она.—И вы, такой чуткій, найдете, пожалуй, что во мнѣ ничего нѣтъ, кромѣ гнилого дилеттантства и себялюбія. Но развѣ это не правда, Нилъ Петровичъ, что здѣсь, даже въ обществѣ свѣтскихъ, праздныхъ барынь и барышенъ, нѣтъ красоты, нѣтъ радости?! Все, чтò изящно—только терпится! Подъ всѣмъ вы чувствуете что-то „нудное“. Разговоры вертятся около всякаго дѣлового или тщеславнаго вздора, или въ нихъ звучитъ нота вины передъ „народомъ“. Народъ! Народъ! Какъ будто нѣтъ нигдѣ въ остальной Европѣ мужиковъ, мастеровыхъ, солдатъ, матросовъ, поденщиковъ? Но и тамъ одни бьются изъ-за заработной платы, а другіе уходятъ въ науку, ищутъ красоты, поэзіи, радуются, дышатъ полной грудью. Не стыдятся того, что они выше всего ставятъ чисто духовную жизнь. Безсмертную и вѣчную! Жизнь мыслителей и вдохновенныхъ творцовъ...

Токаревъ не хотѣлъ возражать ей... Такой она ему очень нравилась. Давно онъ не слыхалъ, чтобы дѣвушка ея лѣтъ, даже изъ самыхъ развитыхъ, такъ говорила и такъ смѣло защищала себя.

— Чтò — мудрецы всѣхъ вѣковъ считали идеаломъ божественнаго существованія? Вы знаете это не хуже меня, Нилъ Петровичъ! Они не отрицали права на счастье, и основаніемъ его ставили добродѣтель...

Она негромко разсмѣялась.

— Простите!.. Я, право, не хочу щеголять моими идеями! Философіей я, по ученому, не занималась; но кое-что слыхала въ аудиторіяхъ, кое-что и сама читала. Со мною всюду ѣздитъ одна книжечка. Вѣдь я жила не одну зиму въ Латинскомъ Квар-

талѣ... и водила знакомство съ тамошними студентами. Слышу я разъ—заспорили они при мнѣ, до прихода профессора. И одинъ все повторялъ: „Mais Aristote dans sa Morale à Nicomaque"... Объ Аристотелѣ я имѣла нѣкоторое понятіе—но чтò такое эта „morale à Nicomaque"? И нашла я, подъ галереями Одеона, такую книжку, и уразумѣла, чтò это за Никомахъ, и какой морали училъ Аристотель. И вдругъ оказалось, что этотъ мудрецъ думалъ почти-что по моему. Ха, ха! Онъ признавалъ высшимъ счастьемъ: созерцать міръ и стоять выше всего случайнаго; для него тò было хорошо, чтò прекрасно.

— Книжечка васъ не обманула!

— И если какая-нибудь русская дѣва или дама, считающая себя неизмѣримо добродѣтельнѣе меня, начнетъ меня стыдить, я ей покажу въ моей книжечкѣ, изъ чего состояла—по ученію мудреца, и какого! — добродѣтель.

— Изъ чего? Я, право, забылъ, Евгенія Андреевна, а можетъ быть и не зналъ никогда!

— Вотъ изъ чего: мужество, умѣренность, щедрость, великодушіе, кротость, стыдливость, откровенность, правдивость, вѣрность дружбѣ! Я не объявляю, что всѣ эти свойства есть во мнѣ. Но я вамъ какъ на духу повинилась бы,—излови я себя на чемъ-нибудь прямо противномъ: на трусости, или скупости, или скрытности, или безстыдствѣ. Пускай во мнѣ нѣтъ ни капли достоинствъ—даже отрицательныхъ—дѣло не во мнѣ, а въ томъ, что великій мудрецъ поставилъ ихъ основой для счастья и высшей ступенью его—созерцаніе красоты. И я его поняла сразу. Это было и моимъ идеаломъ, съ тѣхъ поръ, какъ я стала себѣ задавать вопросъ: чтò такое счастье? И свое счастье, Нилъ Петровичъ, я не промѣняю ни на что. Мнѣ жалки всѣ тѣ барыньки и бабенки, которыя полагаютъ его... вы знаете сами—въ чемъ!.. У меня его никто и никогда не отниметъ... Для него надо только немножко здоровья и хоть какой-нибудь достатокъ.

— А когда его нѣтъ?—обронилъ Токаревъ и поднялся.

Студенцову точно чтò кольнуло. Она нервно провела рукой по груди.

— Когда его нѣтъ, тогда... тогда,—повторила она,—надо ставить другой вопросъ: стòитъ ли жить въ рабствѣ передъ всѣмъ, чтò само по себѣ не стòитъ жизни?

Она тоже встала и поправила волосы.

— Развѣ такъ поздно?

— Помилуйте... уже около двухъ.

— Неужели?

И шопотомъ, съ шутливымъ выраженіемъ губъ, она сказала:

— Чтò подумаетъ моя хозяйка? Ха, ха!

Подавая ему руку, Студенцова пристально поглядѣла на него.

— Вы меня сами не наводили на такой разговоръ, Нилъ Петровичъ; а еслибы пожелали—можете меня теперь отлично зарисовать.

— Забудемъ, что я былъ когда-то романистъ.

— Не хотите меня выставлять, какъ говорятъ еще въ Москвѣ, на Плющихѣ? А?.. Но про себя вы все-таки поставите мнѣ, какъ сердцевѣдъ—діагнозу, и даже прогнозу.

Она придержала его руку.

— Вамъ извѣстно ли, что женская публика видитъ въ васъ тайнаго ненавистника женщинъ? Или, по крайней мѣрѣ, писателя, который всегда доводитъ своихъ героинь до нравственнаго банкротства?

— Я ничего никогда не выдумывалъ. А теперь и совсѣмъ сошелъ съ поля.

— До поры до времени! Я уже, кажется, говорила вамъ, что писательскимъ зарокамъ... не вѣрю.

„Чѣмъ ты кончишь"? Этотъ вопросъ всплылъ передъ Токаревымъ, и ему стало почему-то жутко за ту, кто приносилъ ему за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ добровольную исповѣдь.

— Я васъ сама провожу, Нилъ Петровичъ...

Они вышли въ переднюю на цыпочкахъ,—Студенцова со свѣчой въ рукахъ. На площадкѣ она еще разъ пожала ему руку.

— Для моей пани Дембицкой вы отнынѣ то, чтò въ Парижѣ называютъ: „le monsieur sérieux". Не правда ли?

Оба засмѣялись.

— Швейцаръ направо, подъ лѣстницей, — тихо окликнула Студенцова и продолжала свѣтить ему.—До свиданья!

„Бѣдный Разсудинъ"!—подумалъ Токаревъ, выйдя на улицу.

П. Боборыкинъ.

ОЧЕРКИ
современнаго
ПЕЛОПОННЕСА

I.—От Корциры до Патраса [1]).

Кончилась наша „Кàпуа“, съ ея масличными рощами Навзикаи!.. Понѣжились мы тамъ и отдохнули достаточно въ роскошномъ отелѣ, катаясь по городу въ покойныхъ ландò, среди газомъ залитыхъ бульваровъ. Теперь насъ ожидаетъ обычное ярмо дальнихъ путешествій, съ ихъ непроѣздными дорогами, безсонными ночами, скверными ночлегами, полуголодной ѣдою и всякими нечаянными приключеніями. Въ Пелопоннесѣ всего этого достанется намъ вдоволь, какъ увѣряютъ насъ бывалые люди. По совѣту хозяина отеля, мы наняли себѣ толмачомъ и вмѣстѣ проводникомъ, хлѣбодаромъ и виночерпіемъ, а выражаясь цивилизованными словами его визитной карточки, — Courrier-dragoman, нѣкоего синьора Дмитрія, который увѣрялъ насъ, что уже путешествовалъ съ какими-то французами по всей Греціи, въ сущности же, какъ впослѣдствіи оказалось, онъ проѣхался съ ними только на пароходѣ въ Аѳины. Во всякомъ случаѣ, Дмитрій говорилъ сносно по-французски и, безъ сомнѣнія, объяснялся отлично по-гречески, стало быть, могъ исполнить свое главное

---

[1]) Корцира—Корфу, самый сѣверный изъ Іоническихъ острововъ; по греч. Керкира, или Коркира; латин. Corcyra. Патрасъ—на сѣв. берегу Пелопоннеса, у входа въ Коринѳскій заливъ.

назначеніе—служить намъ „языкомъ" въ странѣ, гдѣ безъ него мы должны бы были пребывать въ нѣмотѣ и глухотѣ.

Взялъ онъ съ насъ далеко не обидную для себя поденную плату съ обязанностью нашею доставлять ему всѣ средства передвиженія, пребыванія, питанія и упиванія, и сверхъ того—оплатить расходы его возвращенія въ Корфу оттуда, гдѣ мы отпустимъ его.

Такъ какъ наше путешествіе по Греціи не могло окончиться ранѣе мѣсяца, или пяти, шести недѣль, то въ общемъ корфіоту приходилось заработать съ насъ порядочную сумму и притомъ не греческими малоцѣнными драхмами, а французскимъ золотомъ.

Пароходъ „Тезей", на которомъ мы еще наканунѣ взяли билеты для переѣзда въ Патрасъ, уже въ три часа сталъ разводить пары, и мы поторопились отчалить на него, воображая, что нашъ драгоманъ давно ожидаетъ насъ на палубѣ. Его однако тамъ нѣтъ—и не было. Въ большой тревогѣ ждемъ мы его полчаса, наконецъ—часъ; проглядѣли всѣ глаза, слѣдя за яликами, отваливавшими отъ берега. Бьетъ четвертый часъ, назначенный для отхода, а нашего Дмитрія все нѣтъ. Неужели же для перваго знакомства корфіоты такъ ловко надули насъ? Я не только далъ Дмитрію нѣкоторую сумму впередъ для необходимыхъ ему покупокъ, но еще поручилъ размѣнять довольно крупную ассигнацію и взять кое-что въ магазинахъ для насъ лично. Деньги-то, еще такъ и быть, а вотъ отправляться въ Грецію безъ драгомана, это уже дѣло серьезное! Пароходъ нѣсколько времени какъ далъ свистки, но, вѣроятно, не послѣдніе, потому что еще стоитъ на якоряхъ, и трапъ его не поднятъ. Вотъ и половина пятаго, а онъ все стоитъ, и Дмитрія все нѣтъ. Наконецъ, раздается послѣдній свистокъ, и съ нимъ вмѣстѣ выныриваетъ снизу глупо улыбающаяся фигура нашего Дмитрія, въ какой-то совсѣмъ неподходящей къ дальнему путешествію легкомысленной соломенной шляпѣ съ игривою ленточкой и въ новомъ, еще болѣе легкомысленномъ галстучкѣ, — очевидно, единственныя капитальныя пріобрѣтенія, покупкою которыхъ на полученный отъ меня задатокъ поспѣшилъ озаботиться юный эллинъ. Я таки попудрилъ ему голову за то безпокойство, которое онъ намъ доставилъ своимъ непостижимымъ отсутствіемъ; но оказалось, что Дмитрій лучше насъ зналъ обычай греческихъ мореплавателей и разсчиталъ совершенно вѣрно, что если отходъ парохода назначенъ въ четыре часа, то онъ еще застанетъ его на мѣстѣ въ пять часовъ. Это намъ напомнило знакомые порядки дорогой родины и какъ-то сразу примирило съ сообразительнымъ греческимъ драгоманомъ.

При дальнѣйшихъ разспросахъ его, я съ удивленіемъ убѣдился, что, кромѣ имѣвшейся на его плечахъ довольно франтоватой жакетки, сей счастливый сынъ Іоніи не счелъ нужнымъ запастись на пятинедѣльное странствованіе по морямъ, горамъ и лѣсамъ никакою верхнею одеждою и никакими вообще излишними дорожными принадлежностями, если не считать тоненькой тросточки, съ какою-то очень замысловатою ручкой. Да, очевидно, такія затѣи и не въ нравахъ здѣшнихъ обитателей масличныхъ рощъ, богатыхъ всѣмъ, кромѣ денегъ и того, что покупается за деньги...

Мы тронулись вслѣдъ за „Tritone" австрійскаго ллойда, предупредившаго насъ десятью минутами. Съ другой стороны нашего „Тезея" сталъ на якоряхъ огромный трехмачтовый и двухтрубный греческій военный корабль, съ пушками въ амбразурахъ борта, съ пушками на круглыхъ площадкахъ, высоко торчащихъ по срединѣ каждой мачты. Онъ только-что пришелъ изъ Тріеста, гдѣ всѣ корабли греческаго военнаго флота чинятся и ремонтируются въ знаменитомъ арсеналѣ австрійскаго ллойда, за неимѣніемъ у грековъ собственныхъ большихъ верфей.

Познакомившіеся съ нами хозяева парохода,—одинъ изъ нихъ директоръ новаго эллинскаго пароходнаго общества,—любезно объясняли намъ мѣстности, мимо которыхъ мы проплывали.

Городъ Корфу съ своими двумя неприступными фортами, фланкирующими его съ обѣихъ сторонъ, очень красиво уходитъ своими пестрыми узкими домами и улицами, трещинами, въ обступившія кругомъ его лѣсныя горы. Теперь намъ хорошо знакомы всѣ эти вершины, и имена всѣхъ этихъ вѣнчающихъ ихъ и прячущихся въ ихъ складкахъ бѣленькихъ деревенекъ. Пароходъ двигается на югъ вдоль далеко вытянутаго берега острова, горы котораго становятся мало-по-малу ниже и ниже.

Несмотря на этотъ райскій пейзажъ и райскій климатъ, корфіоты, по словамъ нашихъ собесѣдниковъ, очень бѣдны, и главнымъ образомъ бѣдны потому, что не охотники работать и предпринимать что-нибудь на свой рискъ. Единственный предметъ ихъ дохода—оливковое масло и вино. Масса этого густого и темнаго вина вывозится во Францію, гдѣ имъ подкрашиваютъ бордоскія вина, какъ у насъ въ Россіи подкрашиваютъ темно-краснымъ кахетинскимъ Саперави. Вообще густота цвѣта греческихъ красныхъ винъ доходитъ почти до черноты, и неудивительно, что по-гречески не существуетъ названія краснаго вина, а оно называется прямо *чернымъ*. Вывозятъ еще изъ Корфу въ небольшомъ количествѣ яблоки и апельсины, лучшія рощи которыхъ мы видѣли въ Бенице, на приморской низинѣ, защищен-

ной какъ ширмами высокими горами, а въ Италію и Тріестъ постоянно идутъ изъ Корфу транспорты картофеля, точно также какъ битые вальдшнепы, въ особенномъ обиліи населяющіе лѣса Корфу. Итальянскіе промышленники нарочно пріѣзжаютъ за ними въ Корфу и, пріобрѣтая здѣсь эту рѣдкую дичь драхмы по двѣ за штуку, перепродаютъ ее потомъ у себя по 4 и 5 франковъ. Занимаются на Корфу также и табакомъ, и этимъ особенно славится почти подгороднее къ Корфу селеніе Потамо. Сословій у корфіотовъ, какъ и вообще въ Греціи, не существуетъ. Это племя чистѣйшихъ демократовъ, гдѣ каждый кучеръ разсчитываетъ сдѣлаться чуть не министромъ. Всякій мужчина 22 лѣтъ безъ различія профессій и ценза—полноправный гражданинъ и подаетъ свой голосъ во всѣхъ выборныхъ дѣлахъ. Выборы и вообще всякое голосованіе происходитъ здѣсь въ церквахъ, какъ единственныхъ въ селѣ просторныхъ помѣщеніяхъ, и это невольнымъ образомъ даетъ особенное значеніе въ дѣлахъ выборовъ мѣстному священнику, хозяину церкви, даже помимо его нравственнаго вліянія на прихожанъ. Корфу, какъ и Греція, раздѣлена въ настоящую минуту на двѣ жестоко враждующія политическія партіи трикупистовъ и деліанистовъ, между которыми идетъ неусыпная борьба. Корфіоты посылаютъ теперь отъ себя въ общій греческій парламентъ въ Аѳины только семерыхъ депутатовъ, поэтому они не могутъ не вспоминать съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ о недавнихъ временахъ, когда Іоническіе острова имѣли свой особый парламентъ, и когда Корфу былъ центромъ отдѣльной республики семи Іоническихъ островов. Впрочемъ, корфіоты не сожалѣютъ о своемъ присоединеніи къ своей древней alma mater —Греціи, привязаны къ королевской династіи и даже съ грѣхомъ пополамъ пріучились наконецъ переваривать особенно ненавистную имъ военную службу въ королевской арміи, которой они во дни своей самостоятельности совершенно не знали. Впрочемъ, вся служба подъ знаменами здѣсь продолжается только два года, а остальное время, до 52 лѣтъ, каждый мужчина считается въ запасѣ. Это, кажется, не особенно обременительно. Да и размѣры ежегоднаго набора очень невелики, если судить по тому, что на всемъ островѣ Корфу съ его фортами не больше пятисотъ человѣкъ солдатъ.

Графъ Каподистріа, съ которымъ мы познакомились въ Корфу у князя Г., только-что выбранъ однимъ изъ депутатовъ греческаго парламента отъ Корфу. Онъ—деліанистъ и пользуется, какъ намъ сообщили, большимъ уваженіемъ среди населенія, имѣетъ

много хорошихъ домовъ, земель, денегъ и вообще считается здѣсь очень богатымъ человѣкомъ...

Все время противъ берега Корфу тянутся слѣва отъ насъ гористые берега Албаніи, или, вѣрнѣе, турецкаго Эпира, этой Graecia irridenta, составляющей предметъ страстныхъ вожделѣній каждаго греческаго патріота. Совѣтъ европейскихъ державъ, рѣшившійся удовлетворить историческимъ правамъ и стремленіямъ грековъ, какъ извѣстно, прирѣзалъ къ эллинскому королевству вмѣстѣ съ Θессаліею только небольшую часть Эпира, оставивъ по старому въ рукахъ туроκъ весь прибрежный Эпиръ съ Превезою и Яниною. Обитатели этого Эпира хотя и считаются турками за албанцевъ, но бо́льшею частью православные и тяготѣютъ къ грекамъ. Впрочемъ ихъ, пожалуй, съ такимъ же правомъ можно бы признать и славянами, потому что въ теченіе среднихъ вѣковъ, начиная съ IV, V, а особенно въ VIII столѣтіи христіанской эры, Эпиръ и Θессалія, также какъ сама Греція и даже южная ея часть, Пелопоннесъ, были наводнены осѣвшими здѣсь славянскими племенами. Въ прибрежной части Эпира, мимо которой мы теперь проѣзжаемъ, на всякомъ шагу встрѣчаются славянскія названія городковъ, селъ и даже рѣкъ: Гумѐница, Кременица, Грибово, Церковица, Близнвица, Плесы, Колѣнцы, Скупа, рѣка Быстрица и проч.

Множество этихъ мнимыхъ албанцевъ, во времена жестокостей пресловутаго Али-паши янинскаго, бѣжало на Іоническіе острова, особенно на Корфу, и слилось съ его населеніемъ. Это, конечно, установило еще болѣе дружественныя связи между корфіотами и албанцами противулежащихъ горъ. Не только мужчины свободно ѣздятъ съ островов въ приморскія горы Эпира охотиться, въ ихъ непроходимыхъ лѣсахъ, но даже женщины цѣлыми семьями безопасно переправляются на парусныхъ лодкахъ изъ прибрежныхъ деревень Корфу на ту сторону Іоническаго моря гостить у родныхъ и знакомыхъ или закупать провизію; переправа эта беретъ часа полтора. Всѣ береговыя деревни Эпира православныя. Священники ихъ ходятъ совершенно такъ же, какъ и греческіе, службы тѣ же, и это больше всего сближаетъ оба населенія. Албанцы Эпира, съ своей стороны, постоянно привозятъ въ Корфу дрова, хлѣбъ, барановъ, быковъ. Они богаты скотомъ, и безъ ихъ привоза базары Корфу были бы пусты, потому что въ Корфу нѣтъ достаточно пастбищъ и еще менѣе хлѣбныхъ полей. Кромѣ албанцевъ, въ Корфу проживаетъ много итальянцевъ. Но это уже не торговцы, а рабочіе. Ихъ такъ много на островѣ, что

въ одномъ городѣ Корфу пять католическихъ церквей, съ 5.000 прихожанъ.

Итальянцы—превосходные мастеровые, жестянники, каменьщики, маляры и пр. Живутъ здѣсь и греки изъ королевства, все больше крупные негоціанты, открывшіе свои магазины и склады. Вообще Корфу—островъ космополитъ по роковымъ историческимъ причинамъ. Кажется, нѣтъ націи, которая не владѣла бы имъ когда-нибудь. Были тутъ въ свое время господами и турки, и венеціанцы, и англичане, и французы, и даже короткое время русскіе. Въ монастырѣ Палеокастрицѣ до сихъ поръ показываютъ двѣ старыя русскія пушки, оставшіяся со времени Екатерины Второй...

Вотъ мы, наконецъ, приближаемся и къ южной оконечности острова. На всемъ своемъ протяженіи это—сплошной масличный садъ, какъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ города Корфу. Намъ хорошо теперь видно большое селеніе Алефти, слившееся изъ пяти деревень. Это—важный для корфіотовъ промышленный уголокъ. Здѣсь производится единственная на всемъ островѣ добыча соли въ искусственныхъ озерахъ, образованныхъ изъ мелкихъ морскихъ заливовъ. Правительство взяло въ свои руки монополію этого промысла и строго преслѣдуетъ частную торговлю солью.

За низиною Алефти поднимается опять гористый гребень, и островъ обрывается въ море мысомъ Аспро. Противъ Алефти на албанскомъ берегу выступаетъ въ море темнозеленымъ горбомъ мысъ Муртосъ, съ бѣлѣющимъ на его склонѣ каменнымъ маякомъ. Проливъ здѣсь кончается, и пароходъ вступаетъ въ открытое море. Въ то же время кончается и спокойный бѣгъ нашего парохода, до сихъ поръ защищеннаго отъ вѣтровъ, и справа, и слѣва, гористыми берегами. Поднимается досадная качка, при которой даже не хочется глазѣть на окрестности. Впрочемъ теперь мы только и видимъ далекіе силуэты маленькаго острова Паксоса, состоящаго изъ двухъ горъ Пакси, спаянныхъ между собою низкимъ перешейкомъ, на которомъ бѣлѣетъ городокъ Паксосъ. Паксосъ—это двойственное число отъ Пакси, иначе сказать—двѣ Пакси вмѣстѣ. Кстати уже и темнѣетъ, такъ что сейчасъ послѣ обѣда можно завалиться спать, спасая этимъ отъ качки желудокъ и голову.

Мы проспали скалы Левкадіи, нѣкогда исцѣлявшія отъ безнадежной любви черезчуръ впечатлительныхъ эллиновъ, и мнѣ даже во снѣ не пригрезилась пламенная Сафо, такъ безвременно погибшая въ волнахъ Іонійскаго моря, черезъ жестокосердіе от-

вергнувшаго ее красавца Фаона. Вмѣсто поэтичной арфы пѣвицы любви—въ полусонныхъ ушахъ моихъ слышалось только глухое шлепанье воды о стѣнки парохода да лязгъ тяжелой рулевой цѣпи, ползавшей безъ устали всю ночь взадъ и впередъ по палубѣ, словно подкрадывавшаяся къ намъ гигантская гремучая змѣя. Только издали увидѣли мы „утесистую, солнечно-свѣтлую Итаку", прославленную родину Улисса и Телемака, гдѣ, къ сожалѣнію, самые богатые фантазіею археологи никакъ не могутъ найти слѣдовъ воспѣтаго Гомеромъ жилища „богоравнаго Одиссея", хотя островокъ этотъ и теперь, какъ во дни Гомера,—„жатву сторицей даетъ, и на немъ винограда—много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ"...

Когда мы открыли глаза и вышли, торопливо одѣвшись, на палубу, пароходъ уже подходилъ къ Патрасскому заливу. Патрасскій заливъ стлался прямо передъ нами широкимъ озеромъ, составляющимъ своего рода прихожую Коринѳскаго залива; налѣво, въ утреннихъ туманахъ поднимались горы Этоліи, а направо толпились живописные холмы, пріосѣняющіе Патрасъ, и за ними пока еще снѣговыя вершины Воидіи и Олоноса, древняго Эвриманта.

Наконецъ-то мы въ настоящей Греціи, — у цѣли нашихъ стремленій.

Мѣста, черезъ которыя мы теперь проплываемъ, — священныя мѣста для патріота-грека. Направо, налѣво, впереди насъ— все славныя имена, славныя событія изъ исторіи греческаго освобожденія. 70-тъ лѣтъ уже протекло съ тѣхъ поръ, а память о нихъ свѣжа въ душѣ грековъ, словно это событія вчерашняго числа. Впрочемъ, если вспомнить, что Греція начинаетъ свои лѣтописи еще съ миѳическихъ дней Инаха и Пелазга, за нѣсколько вѣковъ до похода аргонавтовъ и троянской войны, то кровавая эпопея ея освобожденія отъ турокъ дѣйствительно можетъ казаться ей, въ перспективѣ прожитыхъ ею 4.000 лѣтъ, чуть не нынѣшнимъ днемъ.

Круглая водная чаша Патрасскаго залива соединяется съ Коринѳскимъ заливомъ съуженными воротами своего рода, которыя турки, во времена своего господства, называли Малыми-Дарданелами, и которыя они защищали, какъ свои большіе Дарданелы съ обоихъ береговъ двумя боевыми твердынями, уцѣлѣвшими до сихъ поръ—замкомъ Морейскимъ на пелопоннесской сторонѣ, и замкомъ Ромелійскимъ на сторонѣ Эллады. Элладу они называли Ромеліей, Пелопоннесъ—Мореею. Это послѣднее имя они, впрочемъ, унаслѣдовали отъ средневѣковыхъ латинскихъ владѣтелей Греціи,

венеціанцевъ, французовъ, каталонцевъ, по очереди отнимавшихъ то другъ у друга, то у византійскихъ грековъ, клочки погибшаго подъ напоромъ варваровъ эллинскаго государства и забывшихъ во тьмѣ средневѣковаго невѣжества даже славныя историческія имена древней Греціи. У нихъ не хватило смысла дальше того, чтобы называть именемъ повсемѣстно ростущаго въ странѣ дерева шелковицы (murus) отчизну Агамемнона и Леонида.

Очень любезный съ нами капитанъ показалъ намъ слѣва отъ нашего парохода, у самаго входа въ Патрасскій заливъ, низенькіе, ничтожные на видъ островки, у которыхъ разразилось одно изъ крупныхъ историческихъ побоищъ, имѣвшее важное значеніе въ судьбахъ христіанской Европы.

У этихъ островковъ Оксіи молодой герой Донъ-Жуанъ австрійскій, предводительствуя соединеннымъ флотомъ венеціанцевъ и испанцевъ, 6 октября 1571 года, въ первый разъ сокрушилъ морскую силу непобѣдимыхъ дотолѣ турокъ, пустивъ ко дну около 200 турецкихъ кораблей, вмѣстѣ съ убитымъ капуданъ-пашою.

Сервантесъ, авторъ Донъ-Кихота, былъ въ числѣ испанскихъ героевъ этой битвы и потерялъ здѣсь лѣвую руку. Битва эта извѣстна въ исторіи подъ славнымъ именемъ лепантской, потому что стоянка турецкаго флота была собственно въ Лепанто, тогдашнемъ главномъ портѣ Коринѳскаго залива, который и донынѣ существуетъ подъ своимъ греческимъ именемъ Навпактоса, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ упомянутымъ мною Ромелійскимъ замкомъ, на берегу Эллады.

Мы видѣли потомъ съ высоты Патрасской цитадели и Лепанто, и оба эти замка—Ромелійскій и Морейскій.

Только-что мы успѣли въѣхать немного въ Патрасскій заливъ, какъ опять славное историческое имя и опять слѣва отъ насъ, у насъ на виду. За архипелагомъ лагунъ и дюнъ — неистощимаго притона рыбаковъ и рыбъ—бѣлѣются на береговой равнинѣ домики Миссолонги. А немного раньше его намъ показываютъ устье классическаго Ахелоя, теперешняго Аспропотамо, которое, впрочемъ, мы не можемъ разглядѣть, а должны принимать только на вѣру. Рыбацкая деревушка Миссолонги, теперь обратившаяся въ изрядный городъ, въ 1822 г. сдѣлалась однимъ изъ первыхъ очаговъ отчаянной народной борьбы противъ турокъ. Сюда высадился, съ маленькою дружиною своихъ французскихъ, итальянскихъ и греческихъ соратниковъ и съ закупленными имъ боевыми припасами, прибывшій изъ Марсаля доблестный Александръ Маврокордати, который и вынесъ здѣсь первую осаду турокъ; во время второй осады, Миссолонги защищалъ герой Марко Боца-

рисъ, здѣсь же и убитый на одной изъ вылазокъ. Третья осада, самая долгая, самая кровавая, тянувшаяся цѣлыхъ 12 мѣсяцевъ, въ 1825 — 26 гг., противъ огромныхъ силъ Ибрагима, паши египетскаго, прославлена великодушнымъ участіемъ лорда Байрона. Истощенный гарнизонъ не выдержалъ, однако, такой долгой пытки и рѣшился погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. Шесть тысячъ безоружнаго народа, дѣтей, женщинъ, стариковъ, тоже предпочли раздѣлить участь своихъ защитниковъ. Въ отчаянной ночной вылазкѣ, греческіе герои пробились сквозь полчища Ибрагима, потерявъ больше половины изъ 3.000 своихъ воиновъ, а безоружная толпа погибла вся, за исключеніемъ какихъ-нибудь 200 человѣкъ... Мнѣ было нѣсколько досадно, что выработанный нами маршрутъ не оставлялъ намъ времени поклониться могилѣ славнаго греческаго патріота и посмотрѣть на памятникъ лорду Байрону, хранящій его набальзамированное сердце...

Вотъ однако и Патрасъ. Пароходъ неслышно подходитъ къ самой пристани. На берегу, конечно, прежде всего „догàна",— таможня, — такъ некстати прерывающая своею досадною прозою мои поэтическія воспоминанія о Боцарисѣ и Байронѣ. Въ Греціи, впрочемъ, таможни очень любезны: на наши сундуки и чемоданы едва взглянули и, не раскрывая ихъ, отпустили съ миромъ. Остановились мы въ Grand Hôtel de Patras, тутъ же на набережной, такъ что и извозчика не потребовалось. Прекрасныя, просторныя комнаты, съ раздвижными стѣнами, которыя ихъ могутъ разомъ обратить въ танцовальныя залы, съ дорогими лѣпными потолками; балконы, чистыя постели, внизу огромный ресторанъ, биткомъ набитый публикой съ утра до вечера не только внутри, но и снаружи, на панеляхъ тротуара, на мостовой площади. Да и сколько ни видишь здѣсь ресторановъ и кафé — всѣ полнымъ полнёхоньки публики. Грекъ—человѣкъ вольнаго воздуха и публичной рѣчи, поэтому никогда не ищите его дома, а всегда въ его любимомъ кафé, клубѣ или ресторанѣ. Тутъ его грошевое потребленіе, его грошевая газета и, должно быть, такая же грошевая политика...

Намъ было необходимо, не задерживаясь долго въ Патрасѣ, ѣхать на ночь въ Олимпію, поэтому мы поторопились ознакомиться съ городомъ.

Патрасъ — своего рода Одесса Греціи. Это самый важный торговый портъ цѣлой страны, даже важнѣе Аѳинъ и Пирея. Онъ же и одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ маленькой Греціи, вообще очень бѣдной большими городами. На Пелопоннесѣ это безспорно первый городъ по числу народонаселенія, по богатству

и благоустройству. Пресловутая греческая коринка идетъ отсюда громадными партіями на милліоны франковъ, не меньше третьей части всей вывозимой изъ Греціи коринки; мѣстное вино тоже вывозится изъ Патраса милліонами литровъ, и собственныя патрасскія вина считаются одними изъ лучшихъ въ Греціи, какъ мы сами скоро убѣдились въ этомъ. Эллинскихъ древностей въ Патрасѣ очень мало, но его историческая слава тѣсно связана не съ классическимъ временемъ, а съ эпохою греческаго освобожденія отъ турокъ.

Неустрашимый патрасскій архіепископъ Германъ первый поднялъ въ 1821 г. знамя возстанія противъ турокъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ вліятельныхъ архіереевъ, которыхъ, вмѣстѣ съ свѣтскими нотаблями Пелопоннеса, потребовалъ къ себѣ въ Триполицу морейскій паша, желавшій заручиться головою знатныхъ греческихъ заложниковъ для обезоруженія всѣхъ грековъ Пелопоннеса и для предупрежденія возстанія ихъ во время начавшейся войны султана съ непокорнымъ Али-пашою янинскимъ. Бо́льшая часть вызванныхъ духовныхъ явились къ пашѣ и почти всѣ погибли потомъ отъ звѣрства турокъ. Но Германъ съ Андреемъ Лоидосомъ и нѣсколькими другими архіереями уже на полъ-дорогѣ къ Триполицѣ рѣшились не исполнять требованій варвара, а, остановившись въ горныхъ трущобахъ Аркадіи, въ старинной лаврѣ города Калавриты, обратились съ воззваніемъ къ греческому народу — подняться единодушно противъ невѣрныхъ угнетателей. Знамя съ крестомъ преосвященнаго Германа до сихъ поръ хранится греками, какъ священная реликвія. Первымъ былъ обезоруженъ и истребленъ небольшой гарнизонъ Калавриты. Возстаніе стало распространяться отъ села къ селу съ быстротою пожара. Суровое воинственное племя маніотовъ, считающее себя истинными потомками спартанцевъ, спустилось съ заоблачныхъ хребтовъ Тайгета подъ предводительствомъ своего родового вождя Петра Мавромихали и захватило портовый городъ Каламату. Здѣсь былъ избранъ „мессенскій сенатъ“, подъ главенствомъ Мавромихали и отсюда посланъ былъ въ Европу первый манифестъ возставшей Греціи, объяснявшей поводы и цѣли возстанія и умолявшей о помощи всѣхъ христіанъ Европы.

Знаменитый впослѣдствіи „Архистратигъ всѣхъ силъ греческихъ“ Колокотрони и множество другихъ патріотовъ поспѣшили въ свои родныя мѣста, чтобы организовать общее возстаніе, но, къ стыду тогдашнихъ европейскихъ правительствъ, нужно сказать, что они въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не только не сочувствовали геройскому возстанію этого задавленнаго крошечнаго

народа противъ могучей еще тогда мусульманской имперіи, а даже дѣлали съ своей стороны все, чтобы подавить въ зачаткѣ эту неравную борьбу порабощеннаго съ поработителемъ. Не только всячески препятствовали великодушнымъ людямъ присоединяться добровольцами къ сражающимся греческимъ патріотамъ, но арестовывали зафрахтованные ими корабли и боевые припасы, строя въ то же время корабли для турокъ на своихъ верфяхъ и перевозя на своихъ транспортахъ изъ Египта и Сиріи въ Морею и Ѳессалію египетскихъ и арабскихъ варваровъ для истребленія отстаивавшихъ свою свободу христіанъ.

Одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ греческаго возстанія, французскій офицеръ, разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ на островѣ Занте, находившемся тогда подъ властью англичанъ, торчавшую высоко надъ городомъ висѣлицу съ 6-ю греками, повѣшенными только за то, что они не хотѣли допустить высадку на ихъ островъ турецкаго брига, разбитаго островитянами Идры. Этотъ актъ вандализма былъ совершенъ тѣмъ самымъ просвѣщеннымъ лордомъ Майтландомъ, память котораго англичане увѣковѣчили монументомъ въ г. Корфу. Зато этого самаго французскаго офицера и его злополучныхъ товарищей, спасавшихся отъ варваровъ послѣ разгрома Миссолонги, достойный англійскій лордъ не пустилъ даже на берегъ своего острова, и заставилъ вернуться въ бурную ночь мимо турецкаго флота на окровавленныя поля Греціи...

Городъ Патрасъ, вдохновленный своимъ архипастыремъ, поднялся, конечно, одинъ изъ первыхъ противъ своихъ поработителей, такъ что турецкій гарнизонъ вынужденъ былъ скрыться и долгое время отсиживаться въ крѣпости, что на верху города. Маврокардато и Колокотрони съ своими клефтами вели ея осаду. Но турки нѣсколько разъ оттѣсняли отъ города нестройныя дружины греческихъ повстанцевъ, которые потомъ опять отбивали его, а во время этихъ непрерывныхъ битвъ пушки турецкой цитадели и пушки осаждающихъ патріотовъ поочередно разрушали городъ, и тогда уже бывшій значительнымъ центромъ торговли; это окончательное разрушеніе стараго Патраса и помогло тому, что теперешній Патрасъ бросается въ глаза пріѣзжему правильностью своихъ улицъ и сравнительнымъ приличіемъ своихъ домовъ. Онъ весь построенъ за́ново уже по освобожденіи Греціи.

II.—Поѣздка на развалины Олимпіи.

Патрасъ, какъ городъ, значительно лучше Корфу. Улицы прямыя, довольно широкія, хорошо вымощенныя, магазины обставлены по-европейски, вездѣ много воды. Главная, Николаевская улица начинается отъ маяка еще на мòлѣ порта и прорѣзываетъ городъ прямою стрѣлою, круто взбираясь на гору въ своемъ дальнемъ концѣ. На Георгіевской площади—Platia Agios Georgios—театръ съ іоническими колоннами въ два яруса и наружными фресками въ античномъ вкусѣ, какъ подобаетъ греческому театру; тутъ же судъ, почта, демархія, разные банки; по серединѣ очень красивые бронзовые фонтаны съ дельфинами, драконами и проч. Но несмотря на всѣ эти европейскія принадлежности, греческій городъ по-гречески грязноватъ и неубранъ.

Поднявшись въ концѣ города на гористую мѣстность за старою церковью св. Андрея, мы натолкнулись на недавнія раскопки. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, отыскали женщину, обладавшую ключомъ отъ воротъ, и насъ впустили въ ограду, замыкающую кругомъ раскопки. Мы очутились на круглой аренѣ, окруженной амфитеатромъ мраморныхъ скамеекъ, очень похожихъ на ступени широчайшей лѣстницы. Такихъ рядовъ я насчиталъ 20; ихъ прорѣзываютъ снизу до верху три узенькія лѣсенки для подъема на мѣста, одна по серединѣ амфитеатра и двѣ по бокамъ. Мраморная обложка еще сохранилась на нѣкоторыхъ скамьяхъ и ступеняхъ, но бòльшей частью уже сорвана или разрушилась и остался одинъ крѣпкій бѣлый известнякъ. Этотъ античный театръ, очевидно, былъ прежде у подножія холма, въ скатахъ котораго были вырублены уступы для скамеекъ, а круглый партеръ внизу, для жертвенника и священнаго хора, продолговатая сцена за хоромъ и сообщавшіяся со сценою комнаты были, конечно, на открытомъ мѣстѣ, обхваченномъ наружными стѣнами театра. Но теперь и сцена, и помѣщенье для актеровъ—все кажется вырытымъ въ землѣ глубокимъ погребомъ. Ясно, что осыпи и обвалы холма, причиняемые весенними водами, успѣли въ теченіе многихъ столѣтій занести собою и поглотить въ свое нутро остатки древняго театра, случайно откопанные только восемь лѣтъ тому назадъ. Въ комнатахъ, идущихъ другъ за другомъ вокругъ круглаго партера, сохранились еще слѣды мозаиковыхъ половъ, а въ самомъ концѣ ихъ черное отверстіе открываетъ спускъ въ подземную галерею театра. Наружная стѣна, замыкающая сцену, сохранилась настолько хорошо,

что въ ней еще можно было видѣть 12 нишъ, устроенныхъ въ нижней ея части, и отверстія оконъ второго яруса. Надъ развалинами театра былъ разбитъ садъ, который частью былъ уничтоженъ при раскопкахъ, а частью еще уцѣлѣлъ; вѣроятно, цистерна для воды, которую мы видѣли надъ амфитеатромъ, устроена была впослѣдствіи для поливки сада, владѣлецъ котораго, навѣрное, не подозрѣвалъ, на какой драгоцѣнной археологической почвѣ ростутъ его абрикосы и вишни. Это были первыя хорошо сохранившіяся развалины античнаго театра и вообще древнихъ построекъ, которыя намъ пришлось видѣть въ Греціи,—поэтому естественно, что они особенно заняли насъ.

Театръ, по всей вѣроятности, принадлежитъ не греческой, а римской эпохѣ, потому что Патрасъ, хотя и существовалъ въ эллинской древности подъ именемъ Ароэ и Патры, но пріобрѣлъ значеніе только при римскомъ Августѣ, котораго ароэ-патраесская колонія славилась производствомъ бумажныхъ тканей и была настолько богата, чтобы завести свой театръ.

Полюбовавшись съ холма видами на Патрасъ, мы спустились внизъ, чтобы осмотрѣть сосѣднюю церковь св. Спасителя (Пантократа). Ея приплюснутый серединный куполъ, окруженный нѣсколькими маленькими, такими же приплюснутыми купольчиками, и болѣе всего двѣ тонкія башенки на подобіе минаретовъ, прилѣпленныя по сторонамъ одного изъ входныхъ портиковъ его,—сразу напомнили мнѣ характерныя постройки стамбульскихъ и каирскихъ мечетей, и я высказалъ своему проводнику предположеніе, что, навѣрное, храмъ этотъ обращенъ въ христіанскую церковь изъ бывшей турецкой мечети. И хотя всезнающій Дмитрій рѣшительно отвергъ эту обидную для его греческаго самолюбія гипотезу, однако разспросы старика, церковнаго сторожа, сейчасъ же подтвердили мою догадку. Оказалось, что дѣйствительно въ передней половинѣ этого храма долгое время существовала турецкая мечеть, и входныя башенки были ея минаретами. Задняя же часть храма, наглухо отдѣленная стѣною отъ мечети, оставалась греческою церковью. Послѣ освобожденія Греціи и изгнанія турокъ изъ Патраса, внутренняя стѣнка уничтожена, и оба святилища, мусульманское и христіанское, слились въ одинъ теперешній православный храмъ. Храмъ этотъ гораздо обширнѣе и богаче церквей Корфу, и смотритъ маленькою св. Софіей. На хорахъ—арки въ нѣсколько рядовъ, полы изъ бѣлаго и сѣраго мрамора; тонкая рѣзьба изъ грифовъ вѣнчаетъ иконостасъ; но общій типъ устройства, иконостасъ, писанный на золотомъ фонѣ

по наивнымъ старымъ образцамъ, бѣдный и тѣсный алтарь, высокоторчащая каѳедра, все здѣсь точно такое же, какъ въ храмахъ Корфу. Такое же деревянное рѣзное сидѣнье для архіерея, такіе же два ряда лампадъ, висящихъ передъ образами и такіе же громадные два подсвѣчника передъ мѣстными иконами, ниже солеи.

Патрасъ имѣлъ большое значеніе въ первыя времена греческаго христіанства; въ Ѳесалоникахъ, Коринѳѣ и Патрасѣ апостолъ Павелъ проповѣдывалъ раньше другихъ греческихъ городовъ ученіе Христово. Мѣстныя легенды увѣряютъ даже, хотя совсѣмъ бездоказательно, будто апостолъ Андрей Первозванный былъ распятъ именно въ Патрасѣ. Памяти этого событія и посвящена церковь св. Андрея, которую мы видѣли раньше неподалеку отъ римскаго театра. На макушкѣ горы, по скатамъ которой расположенъ Патрасъ, высится старая турецкая, а прежде венеціанская, крѣпость, уже порядочно разрушенная. Высокія зубчатыя стѣны и массивныя башни, круглыя и четырехъугольныя, въ иныхъ мѣстахъ растреснулись отъ макушки до основанія, скорѣе, конечно, отъ землетрясеній, чѣмъ отъ пушекъ. Одна башня даже цѣликомъ сползла въ обрывъ, кое-гдѣ только разсѣвшись. Въ башняхъ, въ стѣнахъ, особенно надъ воротами, нерѣдко можно замѣтить вставленные античные камни съ греческими надписями и украшеніями. Въ одной башнѣ надъ входомъ даже вдѣлана изуродованная статуя Зевса, съ отбитымъ носомъ. На этомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, было укрѣпленіе въ эллинскую эпоху, и остатки его послужили матеріаломъ для средне-вѣковой крѣпости. Внутри главной воротной башни намъ даже показали маленькую каменную часовенку съ колонками и узорчатымъ фризомъ, очевидно принадлежащую древне-греческой исторіи. Въ эту воротную башню ведетъ, черезъ глубокій ровъ, узенькій мостъ на аркахъ, замѣнившій прежній подъемный. Башня эта историческая, кровавой памяти. Старинныя желѣзныя ворота ея, грубой работы, всѣ продыравлены, какъ рѣшето, пулями греческихъ повстанцевъ, осаждавшихъ крѣпость. Одно желѣзное полотнище, сорванное съ крюковъ, валяется въ навозѣ, хотя вполнѣ бы заслуживало мѣста въ національномъ греческомъ музеѣ, какъ памятникъ греческой доблести. Серединная часть крѣпости, представляющая изъ себя крѣпкій зàмокъ, своего рода цитадель въ цитадели, и поддержанная лучше другихъ частей, обращена теперь въ военную тюрьму, точно также какъ нижняя крѣпость— въ военный госпиталь. Хотя греческіе часовые, узнавъ, что мы русскіе, любезно приглашали насъ осмотрѣть тюрьму, но мы

отказались отъ этого удовольствія, не входившаго въ программу нашихъ путевыхъ впечатлѣній.

Съ высоты крѣпости лучшій видъ на Патрасъ и окрестности, на Эврмантосъ, Воидію и всю цѣпь Аркадскихъ горъ, составляющихъ центральное ядро Пелопоннеса. У ногъ охватываетъ низину берега бархатистая синь залива, а за нимъ опять красновато-лиловыя громады горъ уже не Пелопоннеса, а Эллады, Варасова, Клокова и другіе сосѣди ихъ, напоминающія своими именами долгое пребываніе въ этихъ странахъ славянскихъ племенъ, заполонившихъ нѣкогда Грецію. Гавань Патраса вся заставлена кораблями и пароходами, и на всѣхъ реяхъ ихъ весело вѣютъ разноцвѣтные флаги по случаю какого-то табельнаго дня. Самъ Патрасъ сухой, каменный, безъ деревьевъ и зелени, виденъ намъ отсюда, буквально, съ птичьяго полета, такъ что можно рисовать планъ города съ его прямыми, какъ стрѣла, улицами и правильными кварталами.

Когда мы сходили внизъ съ крѣпости, то полюбовались на маленькую церковь св. Николая, которая, подобно крѣпостной башнѣ, тоже сползла цѣликомъ съ обрыва горы, и теперь возстановлена въ другомъ мѣстѣ, на днѣ обрыва.

Обѣдать мы нарочно сошли въ шумѣвшій какъ улей просторный ресторанъ, можно сказать, потонувшій среди многочисленныхъ стульевъ и столиковъ, осыпавшихъ его снаружи. Насъ интересовала патрасская публика даже внѣшностью своею. Люди помоложе и помоднѣе ходятъ уже въ приличныхъ европейскихъ костюмахъ, всѣ съ огромными черными усами, протянутыми вверхъ, длиною которыхъ они, повидимому, франтятъ другъ передъ другомъ, всѣ съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, и всѣ длинноносые; барыни ихъ точно такія же черноглазыя, черноволосыя и длинноносыя. Не усумнишься никакъ въ ихъ подлинно-греческой крови. Но насъ заинтересовалъ другой, гораздо болѣе симпатичный и оригинальный типъ мѣстныхъ жителей — греки стараго режима, большею частью жители окрестныхъ деревень или пожилые горожане, еще держащіеся обычая предковъ. Эти громадные люди въ великолѣпныхъ сѣдыхъ усахъ безъ бороды, въ безчисленныхъ складкахъ своихъ пышно накрахмаленныхъ бѣлыхъ фустанеллъ, въ бѣлыхъ суконныхъ ноговицахъ на могучихъ голеняхъ, въ богато расшитыхъ курткахъ съ откинутыми назадъ рукавами и въ круглыхъ красныхъ ермолкахъ съ громадными черными кистями, — ни въ какомъ случаѣ не въ пре-

врѣнной турецкой фескѣ—такъ живо еще напоминаютъ своими красивыми и мощными фигурами былыхъ борцовъ за свободу Греціи, незабвенныхъ паликаровъ Боцариса и Колокотрони. Они сидятъ и двигаются съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ и величавостью, и кажутся людьми совсѣмъ другого міра въ сравненіи съ мелкимъ и тощимъ людомъ, облеченнымъ въ черные пиджаки и котелки.

Получивъ въ Banque Ionienne сколько мнѣ требовалось денегъ по имѣвшемуся у меня кредитиву Credit Lyonnais, годному рѣшительно во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ Европы и даже Азіи и Америки,—мы сдѣлали закупки, необходимыя въ предстоявшемъ намъ тяжеломъ путешествіи по глухимъ мѣстамъ Пелопоннеса, и были искренно удивлены, найдя вдругъ въ половинѣ четвертаго дня свою гостинницу, свой ресторанъ и даже свою улицу словно вымершими. Нигдѣ не видно было ни души. Не кому было ничего приказать, ничего спросить. Люди будто сквозь землю провалились. Я изъ любопытства сталъ разыскивать какого-нибудь лакея, и послѣ немалыхъ трудовъ открылъ одного изъ нихъ въ маленькой читальной комнатѣ, гдѣ этотъ наряженный во фракъ потомокъ Боцариса храпѣлъ, раскрывъ ротъ, опрокинувшись на кресло и уже глухой на всѣ призывы. Намъ былъ очень нуженъ для разныхъ коммиссій нашъ factotum Дмитрій, но и онъ пропалъ безслѣдно, невѣдомо куда, такъ что даже встревожилъ этимъ меня. Пришлось покориться законамъ здѣшней природы и терпѣливо ожидать, когда окончится общая сіеста и закипитъ опять обычная жизнь Патраса.

Греческіе вокзалы возмутительны до крайности. Можетъ быть, людямъ юга, людямъ толпы, привыкшимъ проводить время на открытомъ воздухѣ, или среди пивныхъ и винныхъ столиковъ бульварныхъ кабаковъ, греческіе обычаи вполнѣ по вкусу; но насъ, русскихъ, избалованныхъ удобствами нашихъ вокзаловъ-дворцовъ, здѣшніе порядки или, гораздо вѣрнѣе, безпорядки, совсѣмъ выводятъ изъ себя. Проще сказать, вокзаловъ въ Греціи не существуетъ, по крайней мѣрѣ на дорогахъ Пелопоннеса. Существуетъ маленькая тѣсная контора, гдѣ вамъ выдаютъ билеты, и гдѣ стукаетъ телеграфъ, — и ничего болѣе. Сами вы, вашъ багажъ—можете помѣщаться гдѣ хотите. Хотите—прямо на улицѣ, какъ и дѣлаетъ огромное большинство; хотите—въ грязныхъ пивныхъ и кофейняхъ, окружающихъ станцію и биткомъ набитыхъ самымъ безцеремоннымъ людомъ, главнымъ образомъ

рабочими всякаго рода. Ни звонковъ, ни пригласительныхъ возгласовъ швейцара, ни жандармовъ, ни артельщиковъ, ничего, чтò вамъ столь знакомо по всѣмъ дорогамъ, здѣсь не ждите, а слѣдите, какъ умѣете, за тѣмъ, когда подойдетъ поѣздъ и когда вамъ нужно бѣжать въ него и самимъ тащить вашъ багажъ. И поѣздъ этотъ къ тому же не думаетъ вовсе подъѣзжать къ вашей кофейнѣ или къ платформѣ вокзала, а останавливается себѣ гдѣ-то на улицѣ, вѣроятно помня пословицу, что „хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ". Прибавьте къ этому демократическое оранье греческой толпы на непонятномъ вамъ языкѣ, демократическую толкотню, уличную грязь, и вы согласитесь, что путешественнику, да еще съ дамой, да еще съ порядочно-обильнымъ багажомъ, приходится здѣсь ожидать поѣзда не съ особенно пріятно-настроенными нервами. Хорошо еще, что мы отослали наиболѣе грузный багажъ нашъ, необходимый намъ только въ мѣстахъ нашихъ долговременныхъ остановокъ, изъ Патраса прямо въ Аѳины, въ рекомендованную намъ гостинницу. А еще того лучше, что съ нами грекъ-переводчикъ, на котораго теперь взвалены всѣ путевыя заботы, и безъ котораго приходилось бы очень скверно среди народа, не понимающаго никакого другого языка.

Зато какой миръ и какая радость покойно сидѣть въ быстро несущемся вагонѣ и наслаждаться тѣмъ, чтò видишь. Тутъ вагоны разрѣзаны на поперечныя купэ, и въ нашемъ купэ никого кромѣ насъ съ женою. Экономные греки не охотники ѣздить въ I-мъ классѣ и предоставляютъ эту роскошь иностранцамъ-туристамъ. Дмитрій нашъ сидитъ въ III-мъ классѣ, и тоже не мѣшаетъ намъ. Карта Греціи разложена передъ нами, и съ насъ достаточно этого нѣмого собесѣдника, объясняющаго намъ мѣста, по которымъ мы ѣдемъ. А во время остановокъ, въ Греціи чрезвычайно частыхъ, Дмитрій уже непремѣнно у нашего окна съ предложеніями своихъ услугъ, съ пивомъ, виномъ, апельсинами, или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Вотъ сейчасъ же и дополняешь съ его помощью свои свѣдѣнія обо всемъ, чтò заинтересовало васъ на пути. Греческіе вагоны отлично приспособлены для осмотра окрестностей. Въ нихъ всѣ боковыя стѣнки—окна, конечно, на извѣстной высотѣ. Во-первыхъ, продуваетъ прекрасно въ жаръ, и если опустить всѣ стекла, вагонъ дѣлается сквознымъ; во-вторыхъ, свободно видишь все во всѣ стороны, какъ будто бы сидѣлъ на открытомъ воздухѣ. Но это, конечно, хорошо только утромъ и вечеромъ, а въ дневной жаръ солнце пропекаетъ такъ, что не

знаешь, чѣмъ задвинуться отъ него, и готовъ забыть всякія красоты природы.

Дорога изъ Патраса въ Олимпію идетъ сначала берегомъ залива, а потомъ берегомъ моря. Справа отъ насъ все время разстилается передъ глазами просторная водная чаша Патрасскаго залива съ воздушными силуэтами Итаки и Кефалоніи на далекомъ горизонтѣ, съ живописными пирамидами Акарнанскихъ и Этолійскихъ горъ, задвигающими его отъ сѣвера. По мѣрѣ удаленія нашего нѣжная голубая дымка незамѣтно затягивала эту роскошную картину, сверкавшую огнемъ и красками, и все море, небо, горы, даже самые снѣга, вѣнчавшіе ихъ вершины, — все начинало мало-по-малу тонуть въ одномъ общемъ лилово-голубомъ бархатистомъ туманѣ.

Береговая равнина, по которой мы ѣдемъ, — плодородная, цвѣтущая и населенная. Сочные кудрявые виноградники сбѣгаютъ до самаго моря. Вдоль моря, ниже желѣзной дороги, бѣлѣетъ шоссе, по которому двигаются нагруженныя повозки, вьюки и люди, вездѣ разбросаны масличныя и фруктовыя деревья, вездѣ хорошо обработанныя поля, даже по крутымъ скатамъ каменистыхъ холмовъ лѣпятся виноградники. Почва — свѣтлая глина, очень, повидимому, любимая виноградомъ. Домà крестьянъ каменные, въ два этажа, крыты черепицею, иногда на каменныхъ столбахъ снаружи, вообще опрятные и вполнѣ приличные; внизу помѣщается скотъ, вверху люди.

На вершинахъ холмовъ въ деревняхъ и около деревень — большія, прекрасно выстроенныя церкви. Въ нихъ нѣтъ ничего византійскаго, а скорѣе итальянское: двѣ башни съ плоскими кровлями, по бокамъ центральнаго входа, и сзади примыкающій къ нимъ домъ. Такія церкви мы видѣли уже въ Патрасѣ, а теперь увидѣли въ Эпано-Ахайѣ и другихъ селеніяхъ, по дорогѣ. Всѣ онѣ, очевидно, выстроены недавно, уже въ эпоху греческой свободы и поднявшагося благосостоянія. Справа провожаетъ насъ море, а слѣва, за полями, за холмами, горы Воидій и Олоноса, пока еще покрытыя снѣгомъ. Но у станціи Като-Ахайя море, или вѣрнѣе Патрасскій заливъ, исчезаетъ, дорога отклоняется въ глубь страны. При Като-Ахайя маленькій городокъ каменныхъ домиковъ на гребнѣ красной глины. Внизу кипарисы, кактусы, всякія фруктовы деревья.

Совсѣмъ почти высохшая рѣка Манна, живописно заросшая кустами цвѣтущаго олеандра, отдѣляетъ древнюю Ахайю, которую мы теперь проѣхали, отъ Элиды, въ которую вступаемъ. Въ настоящее время обѣ эти области образуютъ одну номархію —

Ахайя-Элидскую, для которой правительственнымъ центромъ служитъ Патрасъ. Элида встрѣтила насъ совсѣмъ неожиданными дубовыми лѣсами. Строго говоря, это нельзя и назвать лѣсомъ. Дубы, большею частью толстые, низенькіе, суковатые, разбросаны здѣсь настолько рѣдко, что между ними сѣется овесъ, косятся луга, разводятся виноградники; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дубы эти ростутъ довольно густо, сколько-нибудь похоже на лѣсъ. Трудно понять, къ чему это разсчетливый демократическій грекъ, такъ нуждающійся въ плодородной землѣ, сохраняетъ непроизводительную и малоцѣнную дубовую поросль на цѣлыхъ десяткахъ верстъ, словно балованный аристократъ—какой-нибудь родовой паркъ. Для меня, какъ туриста, конечно, пріятенъ этотъ оживленный пейзажъ и эта прохлада отъ дубовыхъ рощей, которыя къ тому же переносятъ мое воображеніе въ далекую родину, къ тѣмъ же дубовымъ лѣсамъ и овсянымъ посѣвамъ. Равно спалъ теперь и греческій жаръ, потянуло пріятными русскими сумерками.

Въ Элидѣ уже насъ провожаетъ издали, черезъ головы холмовъ, не Олоносъ, а Мавро-Вуни—Черная Гора, и потомъ Санта-Мери, древній Сколліонъ, тоже еще пестрые отъ снѣга. Деревни все больше держатся къ горамъ, по ихъ подошвамъ; у желѣзной дороги—хлѣба, виноградники, деревья. По равнинѣ бродятъ стада очень мелкихъ козъ и очень мелкихъ овецъ какого-то оригинальнаго тѣлеснаго цвѣта, но народу видишь мало. Вообще здѣсь замѣтно пустыннѣе, чѣмъ въ Ахайѣ, и хлѣба тощіе, рѣдкіе, и крестьянскіе дома уже не тѣ,—встрѣчаются цѣлые поселки изъ необожженыхъ и небѣленныхъ глиняныхъ кирпичей. На станціяхъ вмѣсто вокзаловъ крошечныя сторожки изъ сырого камня, обмазанныя глиною, безъ всякихъ галерей и сѣнецъ; даже вѣсы стоятъ прямо на дворѣ. Начальниковъ станцій тоже, повидимому, нѣтъ; должно быть, одни сторожа. За станціей Маноляда, опять сильно приблизившеюся къ морю, мы увидѣли среди низкихъ береговъ довольно большое озеро, носящее славянское имя Котики и соединенное протокомъ съ моремъ. Это рыбное озеро принадлежитъ греческому наслѣдному принцу, котораго имѣніе тутъ же на берегу. Мы замѣтили много прорытыхъ канавъ, густыя заросли тростника, цѣлыя десятины папоротника, словно нарочно посѣяннаго, много луговъ, хлѣба, деревья, но не видѣли никакихъ экономическихъ построекъ, какія бываютъ въ самой обыкновенной нашей сельско-хозяйственной фермѣ.

Широкая равнина, съ лугами, хлѣбами и разбросанными по ней деревьями, напоминала немного нашу скромную сѣверную родину.

Зато со стороны моря начинаютъ все болѣе выясняться скалистые берега острова Занте, такъ жестоко пострадавшаго отъ землетрясенія года два тому назадъ. Сама Греція пострадала еще недавнѣе, и издали, по описаніямъ газетъ, намъ искренно казалось, что она чуть не вся цѣликомъ провалилась въ преисподнюю. Но вблизи, какъ это часто случается, чортъ оказывается далеко не такимъ страшнымъ, какимъ его малевали. Греція стоитъ себѣ жива и здорова, какъ будто никогда никакого землетрясенія въ ней не бывало.

Станція Лехаина вся зеленая, въ кипарисовыхъ и фруктовыхъ садахъ; это маленькій городокъ съ тремя тысячами жителей и довольно оживленнымъ базаромъ, гдѣ можно было купить разныхъ прохладительныхъ плодовъ. Двѣ большія церкви хорошей архитектуры, того типа, о которомъ я уже говорилъ, выстроены, повидимому, недавно, и все мѣстечко утопаетъ въ виноградникахъ. Еще красивѣе и богаче церковь въ Андровидѣ; около нея замѣчательныя готическія ворота въ три арки, увѣнчанныя крестомъ, сохранившіяся отъ среднихъ вѣковъ, когда въ Андровидѣ была резиденція одного изъ владѣтельныхъ латинскихъ князей Мореи—Гильома де-Шамплита. Тутъ же близъ воротъ и развалины старинной греческой церкви XIII столѣтія, во имя св. Софіи. Въ первый разъ на почвѣ Греціи увидѣли мы около этихъ развалинъ огромную финиковую пальму. Андровида тоже вся въ садахъ, и въ ней уже много бѣлыхъ каменныхъ домовъ рядомъ съ обычными глиняными домами этой мѣстности. Вообще замѣтно, что дорога пошла опять обильными и населенными мѣстами, богатыми виноградомъ и фруктами; горы слѣва насъ стали гораздо ниже, и всѣ усѣяны селеніями по скатамъ и у подошвы; по желѣзной дорогѣ тоже на каждомъ шагу деревни, окруженныя роскошною растительностью, кипарисами, кактусами.

Въ селеніи Кавасилла, съ густыми и прекрасными садами, мы переѣхали по небольшому мостику классическую рѣку Пеней; хотя въ ней и сохранилась еще вода, но она смотритъ совсѣмъ незначительною деревенскою рѣчонкою, странно противорѣчащею ея громкому историческому имени, извѣстному—каждому гимназисту во всѣхъ образованныхъ странахъ міра.

Передъ станціей Гастуни со стороны моря сталъ вырисовываться своими полуразрушенными башнями, на вершинѣ пирамидальнаго холма, замокъ Хлемуци, тоже остатокъ XIII вѣка,—наглядный памятникъ той тревожной эпохи, когда участники четвертаго крестоваго похода, вѣроятно захватившіе въ свою власть византійскую имперію, дѣлили между собою доставшуюся имъ

общую добычу, и когда французскіе бароны, испанскіе рыцари, венеціанскіе нобили, рѣзались другъ съ другомъ за каждый клочокъ Эллады и Пелопоннеса, чуть не ежедневно мѣняя ихъ властителей и спѣша обезпечить свои мимолетныя владѣнія устройствомъ хищническихъ гнѣздъ на неприступныхъ утесахъ, запиравшихъ входы съ моря.

Станція Гастуни—тоже въ исторической мѣстности. На равнинѣ Гастуни любимый народный герой Греціи, соединявшій въ себѣ пороки и доблести новаго грека, Колокотрони, послѣ воззванія архіепископа Германа, высадился съ своими приверженцами съ сосѣдняго острова Занте и сталъ во главѣ возставшихъ.

Теперь на этой равнинѣ мирно пасутся, прячась въ высокой травѣ, коровы и овцы, да сплошными зарослями щетинится ворсильная шишка. Городокъ Амаліасъ образовался изъ двухъ сосѣднихъ деревень и названъ такъ въ честь первой греческой королевы Амаліи, жены короля Оттона. Развалины Элиса, древней столицы Элиды, въ подражаніе Спартѣ, никогда не окружавшей себя стѣнами, — находятся недалеко отъ Амаліаса, но для путешественниковъ, не-спеціалистовъ въ археологіи, онѣ не настолько интересны, чтобы стоило изъ-за нихъ задержаться цѣлый день въ Амаліасѣ. Въ этой мѣстности опять многія селенія носятъ славянскія названія и неопровержимо свидѣтельствуютъ о долгомъ пребываніи здѣсь родныхъ намъ племенъ.

Мы проѣхали, напр., Калицу, Дунайку, Мастейку. Здѣсь все сплошная коринка, вытѣснившая всякіе хлѣба. У станціи святого Ильи желѣзная дорога подходитъ почти къ самому морю. Намъ ясно виденъ теперь островъ Занте съ своею горою Скопосъ. Виденъ намъ въ той же сторонѣ и монастырекъ св. Ильи (Агіосъ Эліасъ), давшій имя деревенькѣ и станціи. Онъ привѣтливо мелькаетъ на полугорѣ, въ густой тѣни деревьевъ. За св. Ильею, у деревни Скафидія, другой монастырь, тоже очень живописно спрятавшійся на лѣсистой горѣ. Желѣзная дорога сходитъ сильнымъ уклономъ въ ущелье Вовосъ, на днѣ котораго вьется, глубоко внизу, узенькая рѣчка.

А вечеръ между тѣмъ быстро потемнѣлъ и уже трудно видѣть окрестности. Въ городъ Пиргосъ мы уже въѣзжаемъ совсѣмъ во тьмѣ. Онъ разбросанъ на большое пространство,—сейчасъ видно, что городъ не маленькій. Дѣйствительно онъ считается вторымъ въ Пелопоннесѣ послѣ Патраса. Хотя онъ самъ не при морѣ, но всего полчаса желѣзной дороги отдѣляютъ его отъ городка Катоколо, который служитъ ему гаванью, и къ которому проведена поэтому отдѣльная вѣточка желѣзной дороги. Не

успѣлъ нашъ поѣздъ остановиться, какъ толпа мальчишекъ, вопившихъ по-итальянски и по-гречески непонятныя намъ слова, ворвалась къ намъ въ купэ и всячески усиливалась расхватать и куда-то тащить наши вещи. Я однако благоразумно воздержалъ ихъ отъ такой торопливости, предполагая, что они ошибочно приняли насъ за пассажировъ, высаживающихся въ Пиргосѣ, и несмотря на ихъ гнѣвно-назойливые крики: „altera trene, altera trene“!—терпѣливо дождался Дмитрія. Оказалось дѣйствительно, къ нашей досадѣ, что поѣздъ здѣсь останавливается, а въ Олимпію собирается другой. Этотъ другой поѣздъ составили всего изъ трехъ маленькихъ вагоновъ, да и тѣ отправились почти пустые. Кромѣ насъ двухъ, набралось человѣкъ 10-въ III классѣ, и больше никого. Кругомъ насъ, когда мы двинулись, тьма кромѣшная; даже неба не видно, а ужъ объ окрестностяхъ никакого представленія. Только по множеству огоньковъ, привѣтливо мигавшихъ со всѣхъ сторонъ на различной высотѣ, можно было догадаться, что мы ѣдемъ среди населенной горной страны. Этихъ огней такъ много вездѣ, словно намъ на встрѣчу зажгли иллюминацію. А когда взглянешь внизъ, тамъ другой, еще болѣе занимательный фейерверкъ. Въ сырой чащѣ кустовъ и травъ, намъ теперь невидныхъ, перелетаютъ миріадами фосфорическихъ искорокъ, переливающихъ голубымъ и зеленымъ цвѣтомъ, вдохновленные весною ивановы червячки.

Олимпія всего въ $1^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Пиргоса, а между тѣмъ поѣздъ то-и-дѣло останавливается. Греческія дороги внимательнѣе нашихъ къ нуждамъ мѣстныхъ жителей и считаютъ своею обязанностью дать возможность слѣзть и войти жителю самаго ничтожнаго хуторка. Въ этомъ, конечно, сказывается прежде всего демократическій складъ греческой жизни, которая во всемъ ставитъ на первый планъ интересы народной толпы, т.-е. большинства. Доходу отъ этихъ остановокъ, разумѣется, мало. Подойдутъ двѣ, три фустанеллы къ вагону III класса, вотъ и весь прибытокъ. Вообще, сколько я слышалъ, греческія желѣзныя дороги, особенно въ Пелопоннесѣ, работаютъ пока въ чистый убытокъ, но тѣмъ не менѣе приносятъ большую пользу мѣстной торговой жизни и просвѣщенію края.

Евг. Марковъ.

ФАУСТУЛУСЪ

„Faustulus. Roman von Fried. von Spielhagen“ *).

VIII.

Арно догадывался, кто могъ постучаться къ нему, и, не отвѣчая, порывисто самъ открылъ дверь.

— Лора!—воскликнулъ онъ.

— Да, Лора! твоя несчастная Лора!—отвѣтила она, откидывая назадъ покрывавшій ея лицо черный вуаль. Бросившись къ Арно на шею, она обняла его, какъ ему показалось, съ напускной горячностью.

— Мы, кажется, условились не повторять этихъ свиданій...

— Но меня никто не видалъ,—возразила она.

— Все равно, ты ставишь на карту и свое, и мое имя—и совершенно по-напрасну.

— Но на всѣ мои письма не было ни строчки отвѣта!

— Въ этомъ случаѣ молчаніе уже само по себѣ—отвѣтъ!

Лора бросилась на стулъ и разразилась рыданіями.

Все это,—вмѣстѣ съ мыслью, чтò сказала бы г-жа Моорбекъ, еслибъ она была свидѣтельницей этой сцены,—окончательно вывело его изъ себя.

— Чортъ возьми!—яростно воскликнулъ онъ.—Къ чему эта комедія? Пора всему этому положить конецъ!.. Тутъ нѣтъ никакого смысла... Еслибъ еще мы хоть прежде любили другъ друга!.. А послѣдняя сцена была такова, что у меня не хватаетъ духу утверждать что-нибудь подобное.

---

*) См. выше: янв., 256 стр.

— Но я могу?!—вскричала Лора, выпрямившись.—Что ты меня давно не любишь, это я знаю также давно. Что дало тебѣ, однако, право сомнѣваться въ *моей* любви?

— Между прочимъ, и нашъ послѣдній разговоръ. Повидимому, ты совсѣмъ его забыла?

— Боже мой! Чего ты не наговоришь въ такомъ возбужденіи?

— Понятно... И, вдобавокъ, чего тутъ не натворишь? Или ты, можетъ быть, сама не замѣтила, какъ рѣшилась промѣнять своего любовника на имѣніе?

— Сумасшедшій!—пробормотала она, опять опускаясь на стулъ.

— Весьма возможно,—согласился Арно.—Но проснуться на слѣдующее утро и все еще не въ качествѣ землевладѣлицы... да это вопіющая несправедливость!

Онъ повернулъ ключъ въ дверяхъ, чтобъ предупредить какой-нибудь некстати визитъ, а самъ сталъ передъ Лорой, опершись на письменный столъ, и, заложивъ ногу на ногу, не спускалъ съ молодой женщины своего жесткаго взгляда.

Она судорожно всхлипывала, закрывая лицо руками.

— Такая несправедливость требуетъ отместки! — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Да, да!—подхватила она, отнимая руки отъ лица.—Я отомщу, отомщу непремѣнно!.. Я хочу развестись!

— Ого!...

— Да! развестись! Сто разъ я думаю объ этомъ, и теперь твердо рѣшилась на то.

— Но не такъ-то это просто на дѣлѣ!—замѣтилъ Арно.

— А вотъ увидимъ!

— Для этого даже не надо быть особенно дальнозоркимъ. Судъ вѣдь такой безтолковый: подай ему непремѣнно поводы къ разводу; а у тебя-то гдѣ они? Мужъ у тебя милый человѣкъ, на рукахъ тебя носитъ; каждое твое желаніе исполняетъ, хотя еще и не достигъ до званія землевладѣльца!.. Но почемъ знать? Можетъ быть, онъ и это званіе приподнесетъ тебѣ завтра же утромъ. Конечно, ты можешь отъ него убѣжать, не соображу только сразу, куда именно? Супружеская невѣрность... Что же, превосходно! Только для этого вѣдь нужно быть вдвоемъ. Или ты намѣревалась меня взять въ пару? Отрекаться отъ этого я не могу, да и не буду. Я даже больше сдѣлаю: я на тебѣ женюсь. То-то пойдетъ у насъ пиръ горой! Мы и раньше вѣдь никогда еще не ссорились,—чего же ради намъ затѣвать ссоры послѣ?

„Les gueux, les gueux,
Sont des gens heureux:
Ils s'aiment entre eux!..“

—какъ это поется у Беранжé. Ну, а нищенство намъ вполнѣ гарантировано! Я уѣхалъ изъ Берлина, чтобы не голодать; если я здѣсь останусь, мнѣ... *намъ* здѣсь придется голодать. Мнѣ казалось, что ты должна бы знать нашихъ милыхъ узелинцевъ: послѣдній чернорабочій на пристани слишкомъ честенъ, чтобы лечиться у доктора, который увезъ жену у главнаго аптекаря и представителя городскихъ интересовъ... Но свѣтъ широкъ, даже широкъ тотъ уголокъ его, который зовется германской имперіей. Чудесно! Ѣдемъ въ погоню за мѣстомъ! А вотъ кстати въ газетахъ объявленіе: „Удобный случай для доктора и акушера въ Поземукелѣ. Пятьсотъ талеровъ въ годъ и на придачу богатая дачная практика, которая даетъ еще по меньшей мѣрѣ триста талеровъ“!.. Блестящее предложеніе! Ѣдемъ въ Поземукель!...

Докторъ заложилъ руки за спину и принялся шагать взадъ и впередъ по полутемной комнатѣ въ пространствѣ между окнами и стуломъ, на которомъ сидѣла Лора. Вдругъ она встала и спустила вуаль на лицо.

— Ты хочешь уходить?

— Да. Я думаю, — мѣра моего оскорбленія переполнена, даже и съ твоей точки зрѣнія.

Такой внезапный оборотъ разговора озадачилъ его: отъ нея онъ не могъ ожидать ничего подобнаго,—особенно спокойствія, съ которымъ она заговорила. Онъ не привыкъ, чтобы она озадачивала его. Арно остановился на минуту и только замѣтилъ ей:

— Если тебя оскорбляетъ то, что я вижу наше положеніе въ настоящемъ его свѣтѣ, то это не моя вина!

— А этотъ „настоящій“ свѣтъ, кто его тебѣ засвѣтилъ: ужъ не госпожа ли коммерціи совѣтница? Я видѣла, какъ ты входилъ туда сегодня днемъ.

— Она слишкомъ приличная женщина для того, чтобы сплетничать!

— Итакъ, прощай!

Лора пошла къ дверямъ, но опять остановилась.

— Вотъ еще что̀: еслибы въ городѣ о нашихъ отношеніяхъ заговорили что-нибудь, и вдобавокъ съ такими подробностями, которыя раньше никому не были извѣстны, то я къ тому уже привыкла, что у тебя я за все отвѣчаю. Но знай, что я прогнала Мальвину.

— Послѣ того, какъ ты сама же говорила, что должна

держать ее по неволѣ, чтобы наша исторія не разнеслась по городу?

— И это вѣрно. Но видишь ли: женщина можетъ до того дойти, что ей все дѣлается безразлично: доброе имя или позоръ, жизнь или смерть. Ей только бъ успокоиться... А я не знала покоя, пока эта особа была у меня въ домѣ,—ни на часъ! Она не могла пройти мимо меня, чтобъ не состроить ядовитую гримасу; даже вещи мои мнѣ больше не принадлежали: она брала себѣ, какъ бы по праву, все, что ей понравится... Все это я тебѣ писала, обо всемъ спрашивала, какъ ты мнѣ посовѣтуешь быть. Если я послѣ этого поступила несогласно съ твоимъ мнѣніемъ,—можешь ли ты меня въ этомъ обвинять?

Она говорила въ волненіи, но было ли оно слѣдствіемъ—думалъ Арно—искренняго чувства? Или ей просто хотѣлось прикрыть свое очевидное безразсудство показной, фальшивой горячностью? Или это, наоборотъ, вовсе не безразсудный, а вполнѣ обдуманный поступокъ, который преднамѣренно направленъ на то, чтобы черезъ болтовню, которую Мальвина разнесетъ по городу, повлечь скандалъ, а конечная цѣль его—горькая нужда и... Поземукель!

Никакъ не могъ онъ въ этомъ разобраться, и въ первый разъ въ жизни остался у нея въ долгу. По счастію, она какъ будто не ждала отъ него отвѣта и быстро направилась къ дверямъ, но вдругъ отскочила въ испугѣ.

— Ахъ, Боже мой!..

— Тсс!

Арно подошелъ къ дверямъ.

— Кто тутъ?

— Это я, коллега! Зашелъ посовѣтоваться по одному больничному дѣлу...

— Можно васъ просить повременить минутку?..

Арно шепнулъ Лорѣ:

— Черезъ кухню...

— Знаю!

— Прощай!

— Ты меня еще любишь?

— Ну да, ну да!

— Ну, до свиданія!

Лора тихонько проскользнула въ другую комнату. Докторъ поспѣшилъ къ дверямъ.

Вошелъ Радловъ.

— Въ чемъ дѣло, коллега?

— Доставленъ къ намъ матросъ, датчанинъ; тифлитъ въ послѣдней степени... Самое лучшее, чтò можно примѣнить къ нему, это—операцію...

— Идемте сейчасъ вмѣстѣ!..

Лора могла вполнѣ быть довольна результатами своего смѣлаго посѣщенія: отношенія ея къ Арно стали опять такія же, какъ прежде, даже казались лучше прежнихъ. Онъ такъ же, какъ бывало, приходилъ къ ней въ сумерки и оставался обѣдать или даже ужинать,—и такъ два дня подъ-рядъ! Въ теченіе этого времени онъ былъ менѣе суровъ, повелителенъ и меньше язвилъ, чѣмъ обыкновенно, а она разстилалась передъ нимъ въ любезностяхъ, тогда какъ мужъ ея не могъ вдоволь нарадоваться на то, что милѣйшій докторъ опять сталъ по старому у нихъ бывать.

— Скоро любезному доктору совсѣмъ не придется прописывать рецептовъ, а бѣдному аптекарю придется хоть съ голоду помирать; но голодать и быть честнымъ человѣкомъ все-таки лучше, нежели богатѣть такими негласными путями, какъ, напримѣръ, вонъ тотъ, коммерціи совѣтникъ! — разсуждалъ въ шутку аптекарь Зибольдъ.

На мѣсто Мальвины была нанята новая горничная, про которую Лора черезъ двадцать-четыре часа уже говорила, что она будто ужъ давно у нея живетъ. Мальвина не поступила никуда на мѣсто, а поселилась у своей сестры, хорошей портнихи, съ намѣреніемъ также сдѣлаться портнихой.

Зибольдъ пояснилъ пріятелю, что онъ не понимаетъ, какъ это Лора могла такъ долго терпѣть у себя въ домѣ такую дрянную, дерзкую, изолгавшуюся дѣвчонку.

— Слишкомъ ужъ Лора добра и балуетъ людей!—увѣрялъ онъ.

Такимъ образомъ, миръ былъ, повидимому, совершенно возстановленъ; но Лора улыбалась бы менѣе побѣдоносною улыбкой, еслибъ могла заглянуть въ душу Арно.

Онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, униженнымъ, потому что принужденъ былъ смириться; онъ жаждалъ войны, и тѣмъ не менѣе далъ принудить себя къ примиренью. Гдѣ-жъ, послѣ этого, его основное правило: отступаться отъ всего, чтò его не удовлетворяетъ? Гдѣ его гордое сознаніе, что онъ всегда сохранитъ за собой свое положеніе, чего бы это ему ни стоило? И, наконецъ, сохранилъ ли онъ за собою власть въ томъ поло-

женіи, которое онъ самъ себѣ создалъ, по своей винѣ, и которое было для него тѣмъ мучительнѣе, что оно касалось такихъ личностей, которымъ онъ, къ сожалѣнію, не могъ заплатить презрѣніемъ?

Наконецъ онъ получилъ отъ коммерціи совѣтницы записку, которой такъ страстно ожидалъ, и получилъ ее лишь на четвертый день. Она писала ему своимъ четкимъ, красивымъ почеркомъ, спрашивая: неужели онъ все еще на нее дуется? Неужели друзьямъ никогда не разрѣшается проронить между собой вольное словечко, цѣль котораго лишь желаніе другу добра?

„Я никогда васъ не считала такимъ заурядныхъ человѣкомъ, однимъ изъ дикаго стада, который чувствуетъ, и думаетъ, и поступаетъ по извѣстному шаблону. Я сама далека отъ того, чтобы такъ поступать, но я вѣдь женщина! Женщина испытываетъ постоянную потребность въ новыхъ доказательствахъ своей вѣры, своихъ убѣжденій. Женщина глубоко благодарна тѣмъ изъ мужчинъ, которые служатъ ей въ этомъ наглядныхъ доказательствомъ, а вамъ оно даже ничего не будетъ стоить: всего лишь заглянуть къ намъ минутъ на пять"!..

Да, онъ страстно поджидалъ этой записки, но затѣмъ, въ отвѣтъ на нее, написалъ, что по всей вѣроятности уважаемая семья г-жи Моорбекъ чувствовала себя не хуже за тѣ нѣсколько дней, въ которые ее пользовалъ, вмѣсто него, докторъ Радловъ. Поэтому и впредь онъ не можетъ рекомендовать ей болѣе искуснаго, свѣдущаго и усерднаго молодого врача, нежели его коллега.

А десять минутъ спустя послѣ полученія его записки г-жею фонъ-Моорбекъ, Арно уже стоялъ передъ ней, въ ея гостиной, и держалъ въ своей рукѣ не кончики ея пальцевъ, а всю ея прекрасную ручку и впервые съ благоговѣніемъ подносилъ ее къ своимъ губамъ.

Итакъ, и въ этомъ случаѣ онъ опять-таки оказался побѣжденнымъ! Но, помимо этихъ двухъ случаевъ, онъ еще въ одномъ, уже третьемъ по счету, пустился на значительныя уступки, лишь бы достигнуть цѣли.

Съ юношескихъ, студенческихъ лѣтъ, у него въ конторкѣ лежала драма подъ заглавіемъ: „Изгнанникъ". Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ полузабытый трудъ опять попался ему въ руки. Вопреки своимъ ожиданіямъ, онъ нашелъ, что его драма хороша, и отослалъ ее Эдуарду Девріенту въ Карлсруэ: его онъ считалъ весьма знающимъ драматургомъ. Почти немедленно пришелъ отвѣтъ: пьеса превосходна, и авторъ можетъ разсчи-

тывать не только, что она будетъ принята, но даже, что она уже назначена къ представленію въ ближайшемъ будущемъ, если только онъ согласится сдѣлать кой-какія измѣненія, въ сущности лишь небольшія и поверхностныя, но, къ сожалѣнію, вызванныя требованіями сцены.

Арно оставилъ тогда безъ отвѣта весьма почтительное и любезное письмо этого почтеннаго писателя. Еще что̀ выдумалъ?! Онъ, Арно, каковъ есть, таковъ и будетъ, или стушуется совсѣмъ...

Но вотъ, третьяго дня, еще письмо отъ Девріента съ вопросомъ: дошло ли до него письмо отъ декабря мѣсяца? Онъ ждалъ отвѣта недѣлю за недѣлей. Время не терпитъ, а между тѣмъ поправки, на которыя онъ указалъ автору, займутъ какихъ-нибудь два-три часа. Онъ проситъ настоятельно не отказать ему въ этой маленькой работѣ, и тогда думаетъ, что можетъ поручиться за полный успѣхъ.

Еще въ ту же ночь Арно покончилъ всю необходимую работу согласно мнѣнію и указаніямъ директора и вторично отправилъ въ путь-дорогу свою пьесу, которая замѣтно стала лучше, —онъ въ этомъ не могъ самъ себѣ не признаться.

Единственнымъ его утѣшеніемъ въ этой уступкѣ было сознаніе, что онъ обязанъ принести эту жертву своему злополучному дѣтищу, „Фаустулу“. Ему хотѣлось дожить до того, чтобъ быть свидѣтелемъ торжества этого великаго творенія. Но въ такомъ случаѣ надо было заблаговременно стать твердою ногой на сценѣ, возбудить въ театралахъ и актерахъ увѣренность въ своемъ дарованіи. Если его „Изгнанникъ“ пробьетъ себѣ дорогу, тогда пусть попробуетъ кто-либо поперечить ему!.. А пока Арно ограничился лишь тѣмъ, что намекнулъ Девріенту на болѣе значительное произведеніе, которое онъ рѣшится предложить ему на просмотръ, какъ только покончитъ съ заключительными сценами своей драмы.

Да, но *когда* это ему удастся? У него вѣдь нѣтъ въ его драмѣ трансцендентальныхъ небесъ, въ которыхъ разыгрывается трагическая борьба Бога съ дьяволомъ изъ-за души Фаустула, а затѣмъ, по ту сторону заоблачнаго міра, должно слѣдовать и самое перерожденіе героя, а также и его присоединеніе къ святымъ. Въ его „Фаустулѣ“ борьба происходитъ лишь въ душѣ героя, борьба добрыхъ и злыхъ началъ,—но и только. Она возникла съ незапамятныхъ временъ, вмѣстѣ съ вѣчностью, и съ нею же продлится безконечно; въ каждомъ человѣкѣ она родится вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ же уходитъ въ мнимую могилу. О конечномъ торже-

ствѣ одного котораго либо начала надъ другимъ, добра надъ зломъ, или наоборотъ, не могло быть и рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, художественно-артистическій конецъ его, который требовалъ, однако, опредѣленной законченности, очевидныхъ результатовъ, впечатлѣніе которыхъ зритель могъ бы унести за собой, —иначе говоря, квадратура круга,—вотъ что̀ было для Арно положительно недостижимо!

Такія думы и сомнѣнія, которыя уже давно томили его, вызваны были вновь, и даже живѣе прежняго, длиннымъ письмомъ его друга, Фрица. Послѣдній вотъ ужъ два года, какъ былъ сверхштатнымъ профессоромъ философіи въ Бѐрлинѣ.

„Долженъ же онъ самъ все это лучше знать"! — язвительно думалъ Арно, какъ бы для того только, чтобы еще сильнѣе поддаваться своимъ сомнѣніямъ и цѣпляться за нихъ.

„Ты признаешься,—писалъ онъ другу въ отвѣтъ,—что не можешь составить себѣ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ можно изобразить великую борьбу добра и зла въ пластическихъ, убѣдительныхъ и жизненныхъ сценахъ, не прибѣгая къ посредству чертей, съ которыми Гёте справлялся такъ умно и съ такимъ величавымъ умѣньемъ... Но развѣ же въ дѣйствительности не случалось, Богъ вѣсть какъ часто, что эта борьба велась совершенно помимо ихъ вмѣшательства,—и то-и-дѣло въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что даже профессору философіи она могла показаться убѣдительной?

„Или ты думаешь, что черти не играли никакой роли въ жизни Александровъ, Цезарей и всѣхъ великихъ людей, людей, имена которыхъ огненными буквами начертаны въ исторіи вселенной, хоть въ ихъ распоряженіи и не было еще тогда ни сказочнаго заклятья: „Съ нами Богъ!"—ни снисходительнаго благоволенія Гёте? Не думаешь ли ты, что на оргіяхъ сына Аммона дѣло шло скромнѣе, нежели въ Вальпургіевой ночи? Или что Карлъ Великій приказалъ снести голову четыремъ тысячамъ саксонцевъ, въ одинъ и тотъ же день, безъ предварительныхъ и послѣдующихъ переговоровъ съ сатаною? Или что Фридрихъ былъ королемъ, который велъ борьбу съ половиной міра, *не* вынимая изъ потайного кармана пузырька съ ядомъ; который не былъ разъ *двѣнадцать* готовъ продать свою душу чорту за *одну* побѣду?..

„Ты видишь, конечно, къ какому выводу я прихожу. Своего рода Родосъ есть повсюду, въ душѣ каждаго изъ людей: я это знаю хорошо и даже лучше, чѣмъ многіе другіе. Но въ душѣ человѣка великаго, т.-е., такого, который пребываетъ на высотѣ

величія земного не только въ пылкомъ воображеніи поэта, но и въ дѣйствительности, и существуетъ на землѣ въ качествѣ властителя надъ жизнью и существованіемъ другихъ,—въ душѣ такого человѣка, повторяю, больше простора для такой борьбы.

„Такому нѣтъ необходимости заглядывать въ волшебныя зеркала, чтобы увидѣть Еленъ Прекрасныхъ въ нагомъ видѣ; ни получать въ подарокъ полосы береговой земли, которыя онъ можетъ самъ добыть своимъ острымъ булатомъ! А также и безграничныя земли и государства, черезъ которыя онъ шествуетъ какъ разбойникъ-душегубъ или какъ тріумфаторъ, какъ висѣльникъ или богъ-міродержецъ!..

„Такой именно смѣсью полу-злого, полу-добраго, порывисто-властнаго человѣка является мой Фаустулъ, котораго, пожалуй, можно бы назвать и „Фаустимъ"; но все равно! Лишь бы имя его было таково, чтобы онъ самъ предъ нимъ казался блѣднымъ, а оно указывало бы на его римское происхожденіе. Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ богатый римлянинъ съ материнской стороны, хоть и родился на Востокѣ отъ красавицы-матери, восточнаго типа красоты. Отца ты можешь въ воображеніи своемъ себѣ представить всесильнымъ проконсуломъ; но сынъ его мѣтитъ повыше.

„Онъ не хочетъ, чтобы ему изъ Рима присылали приказанія; онъ хочетъ отдавать ихъ самостоятельно, самъ хочетъ быть самодержавнымъ властелиномъ. Онъ этого и достигаетъ подстрекательствомъ и помощью своей властолюбивой матери, которая доказываетъ ему, что прежде всего надо отстранить отъ управленія его честнаго отца. Словомъ, Гамлетъ, восходящій на тронъ, по трупу своего родителя-царя... А мать его такъ еще молода и такъ прекрасна!..

„Да, милый мой, жизнь моего героя течетъ не такъ приторно и жеманно, какъ жизнь заклинателя-нѣмца, который, какъ любой мальчишка-второклассникъ, распускаетъ нюни надъ замѣчаніемъ Мефистофеля:

„— Не первая она!..

„Есть также въ мірѣ и матери—ужаснѣе тѣхъ, къ которымъ онъ имѣетъ доступъ цѣною злата!

„Но, ради самого неба, не представляй его себѣ грубымъ развратникомъ, кутилой въ родѣ Калигулы, Геліогабала и tutti quanti! Онъ, какъ и Гамлетъ, принцъ датскій—философъ и ученый, мыслитель, изучающій науки въ Римѣ и въ Аѳинахъ съ самымъ пылкимъ стараніемъ. Въ Мемфисѣ онъ сиживалъ у ногъ жрецовъ; онъ приходилъ въ восторгъ отъ силы вѣры христіанъ, ко-

торыхъ самъ до смерти истязуетъ, онъ удивлялся свойствамъ невидимаго божества, христіанскаго Бога, которому они молились, и относительно этихъ свойствъ приходилъ къ глубокомысленнымъ умозаключеніямъ... При всемъ томъ (вотъ въ этомъ-то и заключается трудность моей задачи, а также и она сама, эта задача!) мой Фаустулъ способенъ испытывать самыя тонкія, самыя нѣжныя чувства, совершать самыя благородныя дѣянія... да и не только „способенъ", но испытываетъ ихъ на дѣлѣ, и дѣйствительно поступаетъ благородно. Я питаю надежду, что мнѣ удастся дать такое ясное о немъ представленіе, что каждый читатель, или зритель, вынужденъ будетъ признаться: — это не вымышленный образъ, не плодъ фантазіи поэта. Это—самая правдивая, истинная правда; это—сама дѣйствительность! Этотъ человѣкъ *могъ* существовать; онъ даже и теперь еще живетъ, онъ *существуетъ*... онъ кроется въ слабой степени въ каждомъ изъ насъ!..

„Гёте сказалъ однажды, что онъ чутьемъ угадываетъ въ себѣ зачатки всевозможныхъ преступленій. Онъ могъ бы прибавить: „и всевозможныхъ добрыхъ дѣлъ"... И въ такомъ случаѣ онъ пришелъ бы только къ заключенію, что это *вполнѣ* человѣкъ, какимъ и „долженъ быть", собственно говоря, его Фаустъ... но „не былъ"! Какъ въ добродѣтели, такъ и въ порокѣ, онъ не переходитъ границъ благопристойности. Его Фаустъ лакомится грѣхами, какъ студентъ, жаждущій наслажденій, и на самую бездѣлицу неспособенъ безъ помощи Мефистофеля. Даже сами ангелы, и тѣ не могутъ о добродѣтеляхъ его сказать ничего болѣе опредѣленнаго, какъ напримѣръ, что онъ—immer strebend sich bemüht! Но вѣдь и у его ученика, Вагнера, этого стремленія нельзя отнять.

„Повѣрь мнѣ, другъ! Не сталъ бы Гёте такъ неудержимо восхищаться великимъ корсиканцемъ, еслибъ онъ не былъ вынужденъ не разъ, а *сто* разъ повторять про себя: — вотъ кто во-стократъ больше моего Фауста! Вотъ то, что̀ я хотѣлъ изобразить!

„И я хочу того же! И я уже добился своего... но только за исключеніемъ конца... А и его я, наконецъ, найду... когда-нибудь, въ такую, напримѣръ, минуту, какую мнѣ случилось недавно пережить на маленькомъ пустынномъ островѣ, на которомъ я бываю иногда по долгу врача; — минуту, которую я и пытаться не стану описывать тебѣ... Ее не передать словами"...

IX.

За послѣдніе дни, которые были для Арно полны раздраженія и всевозможныхъ непріятностей, онъ по неволѣ все чаще и чаще возвращался мыслью къ тому блаженному утру, когда онъ проснулся у открытаго окна въ домикѣ старика-лоцмана. Напрасны были всѣ его старанія снова испытать это радостное чувство, которому нѣтъ и не было равнаго. Хотя бы тѣнь того ощущенія вернулась,—и той нѣтъ слѣда! Сѣро и мертво казалось все вокругъ, куда бы онъ ни оглянулся, но онъ смотрѣлъ какъ первый человѣкъ въ земномъ раю,—сіяющими очами.

Въ картинѣ, которая грозила вовсе передъ нимъ стушеваться, одно только выдѣлялось съ прежней ясностью и даже еще жизненнѣе, яснѣе прежняго: это образъ стройной дѣвушки съ золотистыми волосами, которая усердно трудилась надъ раскинутой темнобурой сѣтью. Оживленно двигалась она передъ его мысленными очами, мѣняя положеніе, поворачиваясь то спиной къ нему, такъ что тяжелый узелъ волосъ низко спускался къ ней на спину, то оборачиваясь лицомъ и съ улыбкой глядя на него своими большими, голубыми, дѣтски-чистыми глазами, въ которыхъ свѣтилась робость и дѣтская довѣрчивость...

О, если бы еще хоть разъ взглянуть въ эти глаза!

Ему казалось, что тогда опять можетъ къ нему вернуться то минутное ощущеніе блаженства, къ которому онъ такъ горячо стремился. Но что̀ еще ему казалось страннымъ,—онъ больше не настаивалъ самъ передъ собой на томъ, что это восхитительное созданіе показалось ему въ высшей степени глупой дѣвчонкой. И, наконецъ, изъ чего онъ могъ вывести такое заключеніе? Изъ двухъ-трехъ словъ, которыми они обмѣнялись? Но ея короткіе отвѣты на его вопросы были толковы и вполнѣ подходили къ дѣлу. Развѣ ей надо было навязывать чужому человѣку свою болтовню? Не самъ ли онъ, Арно, поставилъ ей въ вину ея помолвку съ молодымъ ихтіофагомъ?... На островѣ вѣдь не откуда взять принца крови!

Положимъ, поцѣлуй ея свѣжихъ губъ былъ бы прекраснымъ средствомъ освѣжиться послѣ пропитанныхъ духами поцѣлуевъ Лоры; но разыграть съ нею исторію любви Фауста и Гретхенъ... нѣтъ, нѣтъ! Этого онъ не захочетъ. Презрѣннѣе всего казался ему въ творчествѣ, а равно и въ жизни, позоръ плагіата.

Давно уже была пора сдѣлать женѣ Преброва перевязку, и д-ръ Радловъ согласился сегодня днемъ взять лодку, чтобы съѣз-

дить на Недуръ вмѣсто своего коллеги. Но въ тотъ же день, утромъ, Арно проснулся и подумалъ:

„Отчего бы мнѣ не съѣздить туда самому"?

А днемъ онъ уже твердо порѣшилъ, что ѣдетъ, и тотчасъ же написалъ въ больницу, своему коллегѣ, чтобы онъ не трудился понапрасну, тѣмъ болѣе, что все еще не безопасное положеніе оперированнаго датчанина дѣлаетъ желательнымъ присутствіе его, Радлова, именно здѣсь, въ больницѣ.

„И, сверхъ того (писалъ онъ), мнѣ самому будетъ даже полезно немножко прокатиться послѣ такихъ особенно тяжелыхъ и мучительныхъ дней, какими были для меня всѣ послѣдніе дни. Если я не вернусь до утра, то прошу уважаемаго коллегу оказать мнѣ, какъ и всегда, любезность—замѣнить меня на пріемѣ"...

Арно уже послалъ со своимъ слугою чемоданъ впередъ, на пристань. Переходя черезъ площадь, онъ увидалъ за окномъ справа г-жу Моорбекъ, а слѣва (по ту сторону площади), на своемъ обычномъ мѣстѣ у окна, за бальзаминами, Лору. Г-жа Моорбекъ не отрывала глазъ отъ работы; Лора же увидала его еще издали, благодаря боковому зеркалу, которое не могло утаить отъ нея ничего, что происходило на улицѣ. Она оживленно кивала ему и была готова настежь распахнуть окно...

Но докторъ махнулъ ей рукою и торопливо, не останавливаясь, прошелъ мимо.

Самъ про себя улыбаясь, Арно вспомнилъ про сына Лаерта, который, очутившись между Сциллой и Харибдой, стремится въ открытое, вольное море. Вольное синее море для него—это большіе голубые глаза дочки лоцмана. Какъ ясно, какъ радостно засвѣтятся они улыбкой, особенно послѣ темныхъ глазъ обѣихъ обитательницъ гаванской площади,—послѣ мягкаго блеска взглядовъ совѣтницы, въ которыхъ отражались чистота и ясность ея доброй души, и зловѣще-сверкавшихъ взоровъ Лоры, которые напоминали своимъ фосфорическимъ блескомъ блуждающіе огни на темномъ болотѣ.

Освѣжающе дѣйствуетъ переѣздъ на парусной лодкѣ, которая быстро скользитъ внизъ по рѣкѣ, залитая теплымъ сіяніемъ полуденнаго солнца въ концѣ яснаго апрѣльскаго дня! По обѣ стороны тянутся ровные берега, одѣтые роскошной муравою, а на нихъ виднѣются мызы, крытыя соломой, среди которыхъ выдается, немного повыше, черепичная крыша арендаторскаго или помѣщичьяго дома. Тянутся опять темные лѣса; изрѣдка мелькнетъ скромная колокольня деревенской церкви. На рѣкѣ, которая становится все шире и шире, виднѣются паруса, кото-

рые идутъ на встрѣчу, или которыхъ приходится перегонять; или какой-нибудь пароходикъ, усердно пыхтя, тащитъ по направленію къ городу большую шкуну. Но чаще встрѣчаются однѣ только большія чайки; онѣ, широкимъ полетомъ разрѣзая воздухъ, словно качаются въ его волнахъ. Вотъ далеко позади осталась шкуна; впереди—открытое, синѣющее море. Постепенно исчезаетъ твердая земля; видны только небо и вода; небо, въ которомъ словно остановились неподвижно сверкающія облака, и вода, которая вздымается и опускается равномѣрными валами, увѣнчанными пѣнистымъ гребнемъ.

Свѣжій морской воздухъ, ровное и въ то же время шаловливое покачиваніе лодки, своеобразно-сырой запахъ морской воды,—какъ все это благотворно дѣйствовало на его напряженные нервы! Арно сидѣлъ или полулежалъ на скамейкѣ у кормы, и своимъ острымъ взглядомъ скользилъ по далекому небу. Ему приходили теперь на память цѣлыя строфы изъ Иліады и Одиссеи, которыя онъ ужъ давно считалъ навѣки позабытыми. Онъ радовался, что могъ припомнить столько большихъ и связныхъ отрывковъ, которые и бормоталъ себѣ подъ носъ. Первую встрѣчу Лаертіада съ дщерью Алкиноя онъ помнилъ всю наизусть, отъ слова до слова. Но завязались ли на самомъ дѣлѣ любовныя отношенія между Одиссеемъ и Навзикаей? Этотъ вопросъ долгое время усердно разбирался въ первомъ классѣ, и всѣ учащіеся отвѣтили на него утвердительно. Но Арно тогда же объявилъ, что это просто сантиментальный вздоръ и нелѣпость, не согласная съ цѣломудренною простотой античнаго образа мыслей и поступковъ. Древнимъ, какъ и всѣмъ дѣтямъ природы вообще, любовь и наслажденіе казались однозначащими; но „flirt“ былъ имъ незнакомъ.

Докторъ невольно улыбнулся, и сказалъ самъ себѣ, что онъ, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, все еще смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія первоклассника, но только не относительно Навзикаи! Онъ только по-прежнему считаетъ себя обязаннымъ довольствоваться тѣмъ, что̀ для древнихъ было дѣломъ обыкновеннымъ.

Когда ему случалось перебирать въ умѣ всѣ свои любовныя приключенія, онъ убѣждался, что это было все одно и то же: краткій восторгъ и наслажденіе, а затѣмъ разлука... и, съ его стороны, разлука безъ горя, безъ раскаянія! Его любовь къ Лорѣ Зибольдъ не была исключеніемъ изъ общаго правила. Въ душѣ онъ ужъ давно былъ отъ нея свободенъ; ихъ соединяла лишь злополучная мелочная жизнь, ничтожество городишки, въ которомъ, благодаря его тѣснотѣ, какъ-то неудобно потихоньку другъ отъ друга отвязаться. Такъ точно не могутъ разойтись два обломка

дерева, которыхъ теченіемъ забросило въ тихій уголокъ прибрежья, гдѣ они медленно крутятся одинъ вокругъ другого, пока не налетитъ бѣшеная волна и не умчитъ ихъ врозь!

„На меня тоже налетитъ волна, — думалъ докторъ.—Шёнлейнъ называлъ меня своимъ даровитѣйшимъ ученикомъ и обѣщалъ призвать къ себѣ, когда у него будетъ достойное меня мѣсто. А тамъ—Берлинъ! Берлинъ и его жизнь, бьющая ключомъ, его художественныя наслажденія! Такую жизнь, какъ Ромулъ, я не поведу; но и не буду плеснѣть заживо, какъ плеснѣю я здѣсь, въ этой проклятой ямѣ... вотъ ужъ четвертый годъ"!..

Островъ Недуръ давно виднѣлся издали...

Теперь Арно могъ уже различить волнистыя очертанія цѣпи дюнъ, потомъ уже и крыши домиковъ на дюнахъ, и лодки, которыя были вытянуты на берегъ; и, наконецъ, фигуры людей, которые стояли тамъ же, разбившись на кучки, и посматривали на приближавшееся къ нимъ судёнышко узелинцевъ.

Повидимому, все маленькое населеніе островка было здѣсь на лицо... Нѣтъ ли въ толпѣ и Стины Пребровъ?

Нѣтъ, ея тамъ не было,—какъ убѣдился въ этомъ докторъ, когда въ водѣ зашлепали шесть паръ здоровенныхъ смазныхъ сапогъ, а шесть паръ загорѣлыхъ рукъ вытянули на берегъ его лодку. Однимъ прыжкомъ онъ выскочилъ изъ лодки на сушу. И сколько ему пришлось пожимать загрубѣлыхъ кулаковъ. Доктора вѣдь знали почти всѣ, по его неоднократнымъ появленіямъ на островѣ; знали его лично не только мужчины, но и женщины; особенно же послѣднія.

Еще дорогой, Арно обдумывалъ вопросъ, какъ бы ему отклонить предложеніе, съ которымъ, по всей вѣроятности, обратится къ нему старшина—Бонзакъ, и какъ бы не нанести обиды этому доброму старику. Судьба избавила его отъ такой заботы: оказалось, что Бонзакъ и Іохенъ Лахмундъ вмѣстѣ уѣхали въ Тиссовъ, къ главному начальству надъ лоцманами, и не вернутся до завтра. Такимъ образомъ, право Бонзака принимать доктора у себя осталось за Пребровымъ, который очевидно и самъ такъ разсудилъ, потому что съ пристани отослалъ домой Стину, чтобы приготовить домъ къ прибытію доктора. Оба спутника его пошли къ другимъ лоцманамъ, своимъ добрымъ пріятелямъ и кумовьямъ.

Арно распрощался пока со своими прибрежными знакомцами и знакомками, и пошелъ себѣ впередъ съ Пребровымъ, который несъ его чемоданъ. Ему показалось, что старикъ былъ на этотъ разъ еще угрюмѣе и молчаливѣе, нежели обыкновенно.

— Ужъ не хуже ли женѣ, паче чаянія? — спросилъ его докторъ.

— Чтò вы, помилуй Господи!.. Такъ, одинъ денекъ бываетъ ей иной разъ трудненько, и рука у нея на привязи. А только все остальное ничего; все опять идетъ своимъ порядкомъ.

— Можетъ быть, отъ сыновей дурныя вѣсти?

— Чтò вы, помилуй Господи!.. И у нихъ, все понемногу, все идетъ своимъ порядкомъ.

— Ну, такъ чего же вы, дружище? Подбодритесь хорошенько, старина! Ну, признавайтесь: гдѣ-нибудь что-нибудь да не совсѣмъ въ порядкѣ?

Между тѣмъ, они дошли до разсѣлины въ дюнахъ, гдѣ висѣли для просушки рыбачьи сѣти, а отсюда ужъ виднѣлся и домъ Преброва. Старикъ остановился, сдвинулъ немного на бекрень свою шерстяную шапку и почесалъ въ своей сѣдой курчавой головѣ.

— Это я все объ ней... о нашей Стинѣ.

— А чтò же съ нею?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не знаю! Не знаетъ и моя старуха.

— Чтò же она: больна?

— Не думаю. Мы спрашивали; да она говоритъ: „Не болитъ у меня ничего"! Но я-то васъ спрашиваю, господинъ докторъ: можетъ ли это быть, чтобы такая молоденькая дѣвчонка, которая здорова и ничего не сдѣлала дурного, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, повѣсила носъ, и сидѣла бы себѣ въ кухнѣ, надъ своимъ картофелемъ, да проливала слезы? Тутъ ужъ, конечно, подумаешь: что-нибудь да не въ порядкѣ!

— Совершенно вѣрно! И съ которыхъ это поръ она такая стала?

— Замѣтилъ-то я самъ недавно; но моя старуха говоритъ, будто это ужъ началось давно.

— Ну, Пребровъ: чтò жъ мы будемъ дѣлать? Хотите, я поговорю со Стиной?

— Ахъ, если бы вы были такъ добры!..

— Если это и не поможетъ, то во всякомъ случаѣ не повредитъ.

— Конечно, не повредитъ, господинъ докторъ!

Они продолжали путь молчаливо. Арно изъ предосторожности не высказывалъ старику своей догадки, почему на Стину напала такая грусть. Ему припомнились слова старшаго лоцмана,

когда онъ говорилъ про отношенія ея къ Лахмунду: „Онъ-то ее любитъ, да она не очень-то расположена къ нему"!

Вотъ, по всей вѣроятности, въ чемъ штука: старики убѣждаютъ ее; весь міръ уговариваетъ ее; насильно заставляютъ ее дать свое согласіе... а она знать не хочетъ этого чурбана, этой морской образины, этого Калибана... Молодецъ Стина! Не достанется она этому Калибану... ужъ объ этомъ кое-кто позаботится хорошенько!

Въ палисадникъ вышла къ нимъ на встрѣчу сама старуха Преброва. Рука у нея была на привязи, но она сама, счастливая, что докторъ отличилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, усердно присѣдала, и на его разспросы о ея здоровьѣ давала самые успокоительные отвѣты. Еще разъ докторъ не могъ не подивиться, какъ велики природныя средства нетронутаго здороваго деревенскаго организма къ возстановленію силъ. Что же касается бинтовъ, то наложенъ былъ вновь только одинъ, на рукѣ, и притомъ такъ искусно, что самъ докторъ не сдѣлалъ бы этого лучше того, какъ сдѣлала Стина.

Но вотъ явилась и она сама. Арно не слыхалъ, какъ она подошла, и замѣтилъ ее лишь тогда, какъ она очутилась уже на порогѣ. При видѣ ея онъ вдругъ почувствовалъ радостный испугъ, до того неожиданно было ея появленіе, до того она показалась ему несравненно прелестнѣе, нежели ея образъ, который онъ вызывалъ у себя въ воображеніи. Очевидно, она, какъ умѣла, принарядилась мимоходомъ: надѣла поскорѣй платьице получше, повнимательнѣе причесала свои роскошные волосы.

— А, вотъ и Стина! Какъ поживаете?—воскликнулъ онъ непринужденно и протянулъ ей руку.

Съ нѣкоторой робостью подала она ему свою, и горячимъ полымемъ залила краска ея нѣжное личико до самыхъ висковъ, до корней ея свѣтлорусыхъ волосъ, а большіе голубые глаза не знали, куда смотрѣть въ величайшемъ смущеніи.

„Сущая овечка"! — подумалъ про себя Арно, но уже безъ той язвительности, какъ тогда, во время ихъ первой встрѣчи. И эта мысль пролетѣла у него какъ ласковое слово, какъ ласка, съ которой онъ нѣжно прикоснулся бы къ ея густымъ, волнистымъ волосамъ. Онъ не сталъ долѣе смущать оробѣвшую дѣвушку своими разспросами, а пошелъ вслѣдъ за стариками въ комнатку слѣва отъ сѣней. Тамъ уже больше не было ужаснаго чернаго диванчика: его замѣнила желѣзная кровать, впрочемъ немногимъ длиннѣе его. На ней лежалъ тюфякъ изъ морской травы; желѣзо было тщательно, но грубовато покрыто ла-

комъ. Подушекъ и покрывала еще не было; но Арно предположилъ, что ихъ займутъ гдѣ-нибудь у сосѣдей.

Онъ всѣмъ былъ доволенъ; все его радовало; все превзошло его ожиданія,—даже яичница и ветчина, изъ которыхъ состоялъ ужинъ. По просьбѣ доктора, обѣдъ былъ поданъ въ палисадникѣ передъ домомъ, и въ немъ участвовали (хоть ничего не ѣли) оба старики-хозяева. Стина опять исчезла и больше не показывалась на глаза. Развъ только доктору показалось, что въ его комнаткѣ слышится шорохъ за открытымъ окномъ. Конечно, это была Стина: она окончательно приводила его постель въ порядокъ. Онъ надѣялся, что она выйдетъ; но она не вышла, и это его разсердило до того, что ему даже смѣшно на себя стало. Однако, онъ и виду не показалъ, что ему досадно, потому что для стариковъ, повидимому, это ея отсутствіе было дѣломъ обыкновеннымъ.

Арно спокойно продолжалъ себѣ болтать, выкурилъ парочку сигаръ и просидѣлъ на воздухѣ, пока не стемнѣло совершенно. Ему стало чувствительно свѣжо, тѣмъ болѣе, что сегодня съ самаго ранняго утра онъ былъ на работѣ и теперь чувствовалъ себя болѣе утомленнымъ, чѣмъ обыкновенно. Старики пожелали ему покойной ночи; онъ пошелъ къ себѣ и закрылъ окно, выходившее въ садикъ.

Огня ему было не нужно: прямо противъ оконъ, въ разсѣлину между дюнами надъ моремъ виднѣлась неподвижная, почти полная луна. При ея невѣрномъ свѣтѣ Арно могъ разглядѣть очертанія своей кровати съ полированными углами. Старушка лоцманша, прощаясь съ нимъ, не преминула сказать,—не безъ нѣкоторой гордости,—что это кровать ея Стины, которая сегодня переночуетъ наверху, на чердакѣ, прямо на тюфякѣ...

Въ то время, какъ онъ оглядывалъ ея постельку, Арно почувствовалъ какое-то странное напряженіе въ груди, около сердца. Ему стало смѣшно и онъ невольно улыбнулся.

— Безъ нѣжностей, другъ мой!—сказалъ онъ самъ себѣ.—Для того, кто создалъ „Фаустула“, сантиментальности неумѣстны.

Онъ почти былъ увѣренъ, что на утро съ нимъ повторится то же отрадное состояніе духа, что̀ и въ первый разъ. Но—нѣтъ!

Несмотря на всю свою усталость, онъ лежалъ безъ сна далеко за полночь, слѣдя по тѣнямъ на бѣлой стѣнѣ, какъ постепенно двигался лунный свѣтъ; прислушивался, какъ шумѣли волны, то глуше, то явственнѣе долетая до него съ песчанаго берега; какъ чирикали перелетныя пташки, которыя пролетали надъ островомъ на своемъ пути къ сѣверу. Потомъ ему вдругъ показалось, что въ садикѣ захрустѣлъ песокъ у него подъ окномъ. Онъ при-

всталъ на постели, сѣлъ и сталъ прислушиваться опять, съ напряженнымъ вниманіемъ, съ бьющимся сердцемъ. Затѣмъ, опустившись на тугія подушки, подосадовалъ на себя, на свои школьническія фантазіи, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться; досадовалъ еще и на глупую Стину, которая не откликалась на эти фантазіи, и, наконецъ, язвительно спрашивалъ себя, какъ бы это вышло, если бы онъ не приписалъ своему Фаустулу свое душевное настроеніе въ эту минуту?..

Ничего не было удивительнаго, если онъ проспалъ и проснулся поздно. Его первая мысль была о Стинѣ, какъ и послѣдняя, передъ сномъ—о ней же. Поэтому ему показалось какъ бы личнымъ оскорбленіемъ извѣстіе, что часъ тому назадъ „дѣвочка“ ушла къ Бонзакамъ, у которыхъ Мина всю ночь прокашляла; кстати, мать Мины просила бы г-на доктора, если его милость будетъ, придти посмотрѣть ей горло.

Докторъ сказалъ, что конечно „его милость будетъ“...

— А куда же Пребровъ запропастился?—прибавилъ онъ.

— Мой старикъ тамъ, на берегу, помогаетъ Класу Венхаку втаскивать лодку на берегъ. Позвать его?

— Оставьте, не надо: придетъ, когда освободится. Мнѣ даже пріятнѣе... поговорить съ вами безъ него. Пожалуйста, присядьте!

Старушка жена Преброва, которая только - что подала ему кофе, испуганно посмотрѣла на него своими круглыми добродушными глазками; но все-таки послушно присѣла на кончикѣ стула, недалеко отъ стола, у открытаго окна. Проводя здоровой рукой по своему синему переднику, чтобы его пригладить, она ждала, когда г-ну доктору угодно будетъ начать говорить.

Докторъ кусалъ себѣ большой ломоть хлѣба съ масломъ; жевалъ и проглатывалъ, запивая глотками кофе.

„Видно, слишкомъ крѣпкимъ сварила,—подумала старушка: что-то онъ морщится“.

Но докторъ закурилъ сигару, затянулся разъ другой... и вдругъ спросилъ, да такимъ рѣзкимъ голосомъ, что почтенная супруга Преброва вздрогнула:

— А что это съ вашей Стиной?

Въ то время, какъ она, не понимая, что онъ хочетъ сказать, смотрѣла на него, разиня ротъ и вытаращивъ растерянно глаза, Арно продолжалъ:

— Вашъ мужъ вчера вечеромъ сказалъ мнѣ: „за послѣднее время, Стина что-то совсѣмъ другая стала; плачетъ, грустить и Богъ вѣсть, что съ нею творится“...—Я ему обѣщалъ съ нею поговорить; но думаю, что лучше будетъ прежде потолковать объ

этомъ съ вами. Не знаете ли вы, что̀ такое съ вашимъ дѣтищемъ творится?

— Не знаю, г-нъ докторъ; право, не знаю!

— Ну, такъ мнѣ кажется, *я* вамъ могу сказать. Вы вѣдь хотите выдать ее за Іохена Лахмунда, а ей онъ не по-сердцу. Вотъ оно что̀!.. Или вы этого не допускаете?

— Что же, г-нъ докторъ, все можетъ быть...

— Но зачѣмъ же вамъ вашу дѣвочку ужъ непремѣнно такъ рано выдавать? Она вѣдь еще такъ молода!

— Г-нъ докторъ, такъ уже ведется по старой нашей поговоркѣ: рано жениться—не придется каяться.

— Да, старые люди и не то еще говорятъ... мало ли еще какихъ глупостей они не наскажутъ! Но почему непремѣнно за Іохена? Молодыхъ людей на свѣтѣ и кромѣ него не мало.

— О, да, г-нъ докторъ; но только не здѣсь, на Недурѣ! Здѣсь у насъ молодежь страшно неподатлива, и деньги у нихъ на рѣдкость. А про Іохена всѣ говорятъ, что онъ можетъ работать за троихъ; онъ будетъ лоцманомъ,—это почти навѣрно. И видите, г-нъ докторъ, начальство въ Тиссовѣ сказало, что постарается устроить такъ, чтобы Лахмундъ остался на Недурѣ. Да если бы его перевели и въ Тиссовъ, все же и тамъ подъ старость намъ, старикамъ, найдется пріютъ, гдѣ бы голову приклонить и...

При послѣднихъ словахъ рѣчь старушки зазвучала не такъ твердо, а затѣмъ она и вовсе расплакалась, отирая слезы передникомъ.

Арно поглядывалъ на старуху съ насмѣшливой улыбкой. Все это было ему хорошо знакомо: простой народъ всегда любитъ поохать надъ бѣдой, которая, какъ ему кажется, можетъ съ нимъ приключиться.

— Прекрасно!—проговорилъ онъ.—То-есть, вѣрнѣе говоря, все, что̀ вы говорите,—вздоръ и пустяки. Во-первыхъ, вы съ мужемъ вовсе ужъ не такъ стары. Мужъ еще много лѣтъ можетъ продолжать служить, а вамъ я могу поручиться, что недѣльки черезъ четыре на рукѣ у васъ и слѣда не будетъ перелома. О сыновьяхъ вашихъ не буду говорить: можетъ быть, они и сами ничего не достигнутъ, или не будутъ въ состояніи достичь, а можетъ быть и не будутъ заботиться о сестрѣ своей, когда на это вашихъ силъ уже не хватитъ. Но такая дѣвушка, какъ Стина, такая ловкая, такая способная и такая... ну, да: такая красивая, смѣло можетъ столько же найти себѣ жениховъ, сколько у нея пальцевъ на рукахъ! Пошлите вы ее въ городъ, въ Узелинъ или

въ Сундинъ, гдѣ она ужъ бывала прежде. Тамъ ужъ навѣрно ей найдется подходящій мужъ.

— А мы-то, старики, останемся одни!..—всхлипывала жена Преброва.

— Ну, да!—язвилъ Арно:—конечно, лучше ужъ пусть ваше дитя будетъ на вѣкъ несчастно съ человѣкомъ, котораго не любитъ?!

Старуха еще разъ до-суха энергично отерла слезы и сказала, тихонько покачивая головой:

— Не примите, г-нъ докторъ, мои слова въ дурную сторону! Вы такой умный человѣкъ и навѣрно желаете намъ добра. Но мы бѣдные люди, и, какими бы мы ни были, мы все-таки созданы иначе, чѣмъ господа. На что намъ любовь? Мы и тому ужъ рады, если намъ удастся честно заработать себѣ кусокъ хлѣба; а удастся —ну, значитъ, все хорошо и прекрасно! Я вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ вышла за своего старика (мальчики наши вѣдь гораздо старше дочки: она у насъ послѣдышекъ!), а никогда между нами дурного слова не пролетѣло. Но про любовь у насъ никогда не было и рѣчи!

Въ глубинѣ души Арно былъ одного съ нею мнѣнія. Онъ тоже думалъ, что любовь въ супружеской жизни—совершенно излишняя роскошь, безъ которой можно обойтись, и которая даже является чѣмъ-то въ родѣ подводнаго камня, предательски опаснаго для утлой ладьи семейнаго счастія и грозящаго ее потопить. Но стоило ему только высказать это мнѣніе вслухъ — и судьба Стины рѣшена: тогда она прямо попала бы въ гигантскія лапы Іохена Лахмунда!.. Эта мысль была для него просто нестерпима.

— Ну, такъ дѣлайте что угодно, если не можете отъ своего намѣренія отказаться!—запальчиво возразилъ онъ.—Вы, значитъ, не подозрѣваете, какое сокровище—ваше прелестное дитя! Вы, значитъ, не можете себѣ даже представить, что она рождена для лучшей доли, нежели штопанье сѣтей и чистка картофеля! Но если ваша дѣвочка исчахнетъ у васъ на глазахъ отъ горя или бросится въ воду, по крайней мѣрѣ, вы не можете тогда сказать: „Ахъ, еслибы мы знали"!.. Вы *знаете* и *будете* знать: я васъ предупредилъ!.. Ну-съ, а затѣмъ—прошу васъ позвать моихъ узелинцевъ и приказать имъ почистить лодку; а я пока зайду къ Бонзакамъ... Прощайте!

Онъ нахлобучилъ себѣ фуражку, вышелъ въ сѣни и ушелъ вонъ изъ дому прежде, чѣмъ старушка, перепуганная, сраженная какъ громомъ, успѣла очнуться и перестать дрожать всѣмъ тѣломъ.

Визитъ доктора къ Бонзакамъ занялъ не много времени:

болѣзнь ребенка была самое обыкновенное воспаленіе зѣва, отъ котораго черезъ нѣсколько дней не останется и слѣда. Надежда Арно увидать тамъ Стину оказалась обманчива. Впрочемъ, онъ, кажется, мелькомъ увидалъ ее въ тотъ моментъ, когда она быстро исчезла за дверью изъ комнаты, гдѣ лежала больная, а ему въ это время отворяла противоположную дверь хозяйка дома.

Стина такъ и не возвращалась больше. Ему же не хотѣлось спрашивать про нее или просить ее позвать. Очевидно, молодая дѣвушка сама избѣгала съ нимъ встрѣчаться... но чего ради? Никакого повода онъ не находилъ, за исключеніемъ лишь одного: просто, она—своевольное, ребячески-причудливое созданіе; настоящая гусыня, какою онъ и считалъ ее съ самаго начала. Самъ же онъ—настоящій оселъ, который одинъ только и могъ выдумать, что такой гусынѣ нужна лучшая доля, нежели званіе супруги морской образины. Они-то ужъ прекрасно поймутъ другъ друга...

„Любовь—вздоръ и пустяки"!—говоритъ Преброва.

И въ этомъ она безусловно права.

Черезъ часъ, Арно оставилъ островъ далеко позади. Плоскій берегъ совершенно пропалъ изъ виду, а дюны казались вдали просто песчаными кочками, которыя вотъ-вотъ захлеснетъ и покроетъ ближайшій гребнистый валъ...

X.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль подъ-рядъ докторъ былъ для своихъ паціентовъ весьма несговорчивымъ и рѣзкимъ совѣтчикомъ въ вопросахъ врачеванія ихъ недуговъ; для Радлова онъ былъ ворчливымъ товарищемъ и сослуживцемъ; для Лоры—весьма хладнокровнымъ влюбленнымъ.

Впрочемъ, послѣ крупной непріятности, бывшей у нея съ Арно, она, повидимому, не желала предъявлять никакихъ требованій, а скорѣе какъ бы стремилась перевести ихъ взаимныя отношенія на степень простой дружбы. Она уже успѣла нѣсколько разъ назвать его прямо: „милый другъ"! Если онъ приходилъ къ нимъ въ сумерки, по обыкновенію, то она ужъ не бросалась, какъ бывало, прямо къ нему въ объятія; если онъ оставался ужинать,—ея рука ужъ не искала подъ столомъ его руки.

Будь Арно ревнивъ, онъ могъ бы безусловно предположить, что у него есть соперникъ, котораго Лора прячетъ гдѣ-нибудь

у него за спиной, пока еще не пробилъ часъ, удобный для разрыва... Но Узелинъ представлялъ мало шансовъ для любовныхъ приключеній: это былъ, дѣйствительно, тотъ самый заглохшій уголокъ рѣки, въ которомъ обломки дерева вертятся себѣ на мѣстѣ одинъ вокругъ другого...

Но и въ домѣ коммерціи совѣтника—Арно бывалъ теперь рѣдко.

Рихардъ, его сынъ, совершенно поправился и весьма охотно сошелся бы съ докторомъ поближе; онъ высоко цѣнилъ его и говорилъ про него матери своей не иначе, какъ съ восторгомъ.

— Вотъ человѣкъ, какимъ я самъ бы хотѣлъ быть! Онъ человѣкъ умный, и ученый, и талантливый... даже поэтъ. Но ничего тутъ не подѣлаютъ ни твердая воля, ни пылкое желаніе, если природныхъ качествъ на это не хватаетъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ смыслѣ!.. Не можешь ли ты, мама, поскорѣй опять пригласить доктора на одинъ изъ твоихъ ужиновъ въ тѣсномъ кругу, которые ты такъ умѣешь устраивать?

— Но онъ навѣрно не придетъ,—возразила совѣтница.

— Къ сожалѣнію, да! пожалуй!—согласился и Рихардъ.—Я встрѣтился съ нимъ въ предмѣстьѣ Сундина и спрашивалъ, не хочетъ ли онъ покататься со мною верхомъ,—онъ мнѣ наотрѣзъ отказалъ.

— Можетъ быть, онъ вовсе не умѣетъ ѣздить верхомъ?

— О, нѣтъ, мама! Онъ все съумѣетъ, что̀ только захочетъ!..

Между тѣмъ, Арно хотѣлъ во что бы то ни стало забыть про Стину и—не могъ. Стоило ему только двѣ-три секунды посмотрѣть пристально на одинъ и тотъ же предметъ,—и передъ его мысленными очами, въ душѣ его вставалъ ея милый образъ. Стоило ему закрыть глаза—и она являлась, освѣщенная зарею, какъ въ то утро, когда позади нея и надъ нею разстилался небосклонъ, синѣвшій надъ морскимъ просторомъ.

„О, еслибы хоть разъ сжать въ своихъ объятіяхъ этого милаго, стройнаго ребенка“! — думалъ онъ, и эта мысль сдѣлалась его маніей.

Онъ злился на себя за то, что въ послѣдній разъ, когда былъ на островѣ, самъ убѣжалъ отъ нея, какъ и она—отъ него; вмѣсто того надо было принудить ее объясниться, а старухѣ не давать такъ легко отъ него отдѣлаться. Надо было окончательно ихъ пристыдить—ее и старика Преброва;—взять съ нихъ слово, что они никогда въ жизни не дадутъ своего согласія на бракъ Стины съ „морскою образиной“.

Зачѣмъ, зачѣмъ онъ не настоялъ, чтобы она уѣхала непре-

мѣнно изъ этой проклятой песочной кучи—ну, хоть сюда, въ Узелинъ... или куда-нибудь, гдѣ бы все-таки можно было до нея добраться, изрѣдка повидаться съ нею, поговорить... поцѣловать... зацѣловать до смерти... О!..

Въ то время, какъ докторъ строилъ планы, чтобы Стину переселить куда-нибудь поближе къ себѣ, эти планы прекрасно ему удавались; но при переходѣ изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительной жизни они лопались, какъ мыльные пузыри. Однако, на помощь къ Арно неожиданно вдругъ подоспѣлъ случай, который весьма легко могъ привести къ чему-нибудь хорошему.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мальвина впала въ немилость у своей барыни, эта барыня перемѣнила уже третью служанку; послѣдняя (если вѣрить ей нá-слово) была скопищемъ всяческихъ пороковъ. Однажды вечеромъ, когда Арно опять остался обѣдать, Лора принялась снова за свои обычныя сѣтованія: въ присутствіи этой дѣвушки она чувствуетъ себя какъ бы въ присутствіи предательницы и шпіона. Понятно, „творцы міра", мужчины, не подозрѣваютъ о томъ, какія муки должна претерпѣвать женщина при подобныхъ условіяхъ.

— Развѣ нельзя сойти съ ума, хотя бы и отъ булавочныхъ уколовъ?—говорила Лора.

Арно хотѣлъ-было ей отвѣтить, что это было бы, пожалуй, мудрено, какъ вдругъ въ умѣ у него пронеслось:

„Ахъ, если бы это было возможно!.."

— Вы, я вижу, не чувствуете ко мнѣ ни малѣйшей жалости!—продолжала Лора обидчиво.

— Напротивъ, — возразилъ Арно:—только я хочу сказать, что вы беретесь за дѣло неправильно.

— То-есть, какъ же такъ: неправильно?

— Вы, вотъ, хотите рвать виноградъ съ репейника. Но зададимъ себѣ прежде всего вопросъ: изъ какой обстановки приходятъ къ намъ эти люди? Дома у нихъ, быть можетъ, пьяница-отецъ, распутница-мать и цѣлая свора грязныхъ, одичалыхъ братьевъ и сестеръ. Ну, можно ли требовать, чтобы дѣвчонка изъ такой среды была настоящая барышня, „лэди", или, по меньшей мѣрѣ, скромное, чуткое, приличное созданье... Это просто нелѣпо!

— Нѣтъ возможности удержать при себѣ ни одной хорошей компаньонки или горничной,—жаловалась Лора и бросила злобный взглядъ на своего супруга, который глубокомысленно чистилъ для себя апельсинъ.

— Да, можетъ быть, больше это и не будетъ нужно,—замѣ-

тилъ Арно.—Я сейчасъ вспомнилъ объ одной молодой дѣвушкѣ, въ домѣ которой царствуютъ порядочность и трудолюбіе. Дѣвушка эта не пріучена еще предъявлять къ жизни требованія,—да въ сущности и не можетъ, потому что она—дочь бѣдныхъ родителей; но въ обществѣ этого чистаго созданія всегда чувствуешь себя какъ-то особенно хорошо, несмотря на то, что она только-что исполняла обязанности горничной, или будетъ сейчасъ исполнять то или другое требованіе господъ.

— Нашему остроумному другу угодно фантазировать,—проговорилъ Зибольдъ, осторожно пропихивая между своими фальшивыми зубами кусочекъ апельсина.

— Но это отнюдь не фантазія,—воскликнулъ докторъ.—Это снимокъ съ натуры!

— И вы могли бы добыть такую дѣвушку? — спросила Лора.

— Знаете, это называется, довести людей до того, что у нихъ слюнки потекутъ!.. — вскричалъ Зибольдъ.—Можно у тебя попросить сахару, Лора? Этотъ апельсинъ—страшная кислятина!

— Докторъ, быть можетъ, по своему правъ,—саркастически замѣтила Лора.—Впрочемъ, обыкновенно плоды, которые человѣкъ самъ срываетъ, кажутся ему самыми вкусными.

Арно запнулся. Ему казалось сперва, что онъ началъ свои подходы весьма осторожно, а между тѣмъ его партія, повидимому, ведена была слишкомъ открыто; но онъ, все-таки, еще не считалъ ее проигранной.

— Чистому все должно казаться чистымъ! — возразилъ онъ непринужденно. — Я бы могъ даже сказать: „чистой",— подразумѣвая, конечно, васъ (обратился онъ къ Лорѣ). — Можетъ быть это нѣсколько усыпитъ вашу пробудившуюся подозрительность, если я скажу, что видѣлъ эту дѣвушку, о которой идетъ рѣчь, всего два раза въ жизни и одинъ разъ говорилъ съ нею цѣлыхъ пять минутъ!! Вдобавокъ могу вамъ сообщить, что она—дочь старика лоцмана,—своего рода Филемона съ острова Недура, и его почтенной супруги—Бавкиды, которой я недавно починилъ сломанную руку съ помощью моего докторскаго искусства... А затѣмъ, если позволите, перейдемъ къ другому предмету разговора.

Цѣль его была достигнута. Лора просила извиненія, говоря, что она, конечно, только пошутила, но ей весьма серьезно хочется, во что бы то ни стало, достать себѣ эту дѣвушку.

— Не будете ли вы такъ добры написать сами старикамъ, чтобы узнать, рѣшатся ли они разстаться со своимъ ребенкомъ? На

первое время, ну хоть въ видѣ опыта; о службѣ, собственно говоря, нѣтъ и рѣчи: мнѣ просто хотѣлось бы имѣть около себя живое существо, которое я могла бы полюбить. Будетъ ли это компаньонка, помощница... все равно, не въ названіи дѣло!..

— Я бы охотно написалъ,—возразилъ Арно:—но я увѣренъ, что на нихъ гораздо больше подѣйствуетъ, если вы напишете сами. Въ такихъ дѣлахъ женщины умѣютъ скорѣе найти подходящія выраженія, нежели мы, грубыя существа, для которыхъ это напрасный трудъ! Но что вы можете на меня сослаться, — это разумѣется само собою! Придется ли эта малютка по вкусу вашему супругу, — это для меня еще вопросъ. Это—крошечная, хрупкая, невидная особа, а онъ любитъ въ женщинѣ красоту и величавость Юноны, или стройную красу Діаны-Артемиды.

Зибольдъ, который развязно поглаживалъ свои русыя бакенбарды, поспѣшилъ заявить, что онъ отнюдь не стоитъ въ ряду донъ-Жуановъ, которымъ хороша любая бабья юбка; но что касается вопроса его поклоненія женской красотѣ, онъ можетъ поручиться, что свободенъ отъ упрека въ односторонности своихъ взглядовъ.

При послѣднихъ словахъ Арно жена Зибольда покраснѣла. Арно не разъ говорилъ ей въ минуты блаженства, что вѣроятно она являлась въ мечтахъ тому скульптору, который создалъ версальскую Діану... если, впрочемъ, она не служила для нея моделью.

— Завтра же днемъ напишу на Недуръ! Спать не буду спокойно, пока у меня въ домѣ не будетъ дочка лоцмана! — рѣшительно сказала Лора.

Но минуло три дня: съ острова не было отвѣта. Лорѣ было страшно досадно.

Минула недѣля. Лора выходила изъ себя.

Такого невниманія Лорѣ еще никогда не случалось видѣть отъ другихъ.

— Я имъ писала въ такихъ выраженіяхъ, что мнѣ теперь каждаго слова жалко. Я не привыкла, чтобы за излишнюю, чрезмѣрную любезность мнѣ платили чрезмѣрной грубостью!—говорила она.

Доктору стоило большихъ трудовъ не дать ей замѣтить, какъ ему самому неловко и досадно. Онъ увѣрялъ Лору, что она неправа въ своемъ волненіи.

— Простымъ лоцманамъ не такъ легко дается умѣнье передавать свои слова на бумагѣ, какъ умной и образованной дамѣ,—говорилъ онъ ей.—Въ обсужденіи такихъ дѣлъ, которыя тре-

буютъ нѣсколькихъ часовъ и даже дней размышленія, необходимо взвѣсить каждое выраженіе, каждое условіе — и за, и противъ. Сверхъ того, прошу припомнить, что я вѣдь не ручался за успѣхъ этой попытки; но этимъ я, однако, вовсе не хотѣлъ сказать, что эта попытка обязательно не удастся. Впрочемъ, обѣщаннаго три года ждутъ... Это—поговорка, правда, устарѣлая.

Самъ же докторъ, въ сущности, не вѣрилъ въ свои успокоительныя рѣчи. Напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что Стина не пріѣдетъ.—Боится его!

Въ этой мысли заключалось для него какъ бы нѣкоторое тщеславіе: значитъ, она не совсѣмъ къ нему равнодушна,— эта дѣвушка, такъ необычайно повліявшая на него; онъ для нея—не звукъ пустой. Значитъ, онъ все-таки произвелъ на нее впечатлѣніе, хоть и не такое, какого бы желалъ. Положимъ, это съ ея стороны была жалкая отместка, но онъ все-таки не пропуститъ ей этого даромъ. Ему не привыкать стать, что въ людяхъ къ нему пробуждается скорѣе страхъ, нежели любовь. Но и это только нà-руку его природной гордости: такія натуры, какъ его Фаустулъ, должны внушать страхъ; должны *любить* внушать страхъ другимъ.

Арно охотно совсѣмъ отогналъ бы отъ себя мысль объ этомъ, но не могъ! Словно крючокъ вцѣпилась она ему въ сердце, и если случалось потянуть за этотъ крючокъ, ему было больно, больно! До сихъ поръ, когда бы онъ ни закрылъ глаза, она выступала передъ нимъ, какъ живая, освѣщенная зарей... эта милая, прелестная дѣвушка! А позади нея, въ разсѣлинѣ между дюнъ, надъ темной полосой моря раскидывалось синѣющее небо...

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней, когда послѣ полудня было очень жарко, докторъ вернулся домой глубоко разстроенный.

Операція, которую сдѣлали въ апрѣлѣ офицеру шведской службы, и которая была изъ весьма тяжелыхъ, вопреки ожиданіямъ удалась превосходно. Сильный организмъ паціента подавалъ надежду, что и послѣдствія ея онъ перенесетъ благополучно. Все складывалось самымъ лучшимъ образомъ; за полнѣйшее выздоровленіе, повидимому, можно было вполнѣ поручиться. Блестящій, побѣдоносный результатъ медицинскаго искусства! Описаніемъ его—Арно былъ увѣренъ, что сдѣлаетъ честь медицинскимъ архивамъ...

Вдругъ неожиданно сегодня этотъ господинъ (ему на зло!) возьми да и умри!.. и совсѣмъ безъ причины, вопреки всѣмъ правиламъ науки. Словно нарочно, самъ чортъ подшутилъ!

„Дуракъ, кто не вѣритъ въ существованіе чертей! Да ихъ цѣлые милліоны, и въ числѣ ихъ презлые и престрашные! Пусть меня только спросятъ“!—думалъ въ раздраженіи докторъ.

— На верху г-на доктора ожидаютъ какіе-то люди, старики: мужъ и жена!—доложила ему экономка.—Они говорятъ, г. докторъ ужъ знаетъ; и они собственно не къ г-ну доктору, а по „частному дѣлу“... Они ужъ часа полтора, какъ ожидаютъ.

— Онъ лодочникъ?

— Да, г. докторъ!

— Чего жъ вы сразу не сказали?

Конечно, это старикъ Пребровъ съ женой; они пріѣхали сказать ему, что не отдадутъ свою Стину никуда.

— А, чортъ ихъ побери!

Неласковый пріемъ, который выпалъ имъ на долю, лишь усилилъ неловкую робость стариковъ. Сурово, въ рѣзкихъ выраженіяхъ Арно поставилъ имъ на видъ неловкость оставлять такую доброжелательную даму такъ долго безъ отвѣта. Пребровъ смущенно вертѣлъ въ загорѣлыхъ рукахъ свою мѣховую шапку и подтолкнулъ жену, чтобъ она начинала.

Старуха, повидимому, заблаговременно старательно приготовилась говорить; но продолжительное ожиданіе и суровость доктора все спутали у нея въ головѣ, и она никакъ не могла разобраться въ своихъ мысляхъ.

Положимъ, она все время говорила о своей Стинѣ: какъ она явилась на свѣтъ, когда ее ужъ перестали ждать; какъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ на ея умные отвѣты весь Недуръ только диву давался. Какъ ей самой, старухѣ, словно по сердцу рѣзануло, когда г. докторъ сказалъ, что для Стины вовсе не въ томъ будетъ счастье, въ чемъ его ищутъ другія...

Всѣ эти восхваленія родного дѣтища должны были, въ заключеніе послужить ей оправданіемъ къ отказу; но въ такомъ случаѣ—къ чему эти длиннѣйшія іереміады?

И старикъ Пребровъ уже начиналъ терять терпѣніе. Онъ ёрзалъ смущенно на стулѣ и не разъ украдкой подергивалъ жену за платье; наконецъ, прошепталъ ей на ухо:

— Мать! Мы вѣдь обѣщали Стинѣ, что вернемся черезъ часъ, а уже цѣлыхъ два прошло!

Арно насторожилъ уши. До острова въ часъ не добраться; значитъ, она здѣсь, въ Узелинѣ. Онъ такъ и спросилъ вслухъ.

— Такъ точно, г. докторъ!—отвѣчалъ на этотъ разъ отецъ семейства.

— И она, значитъ, поступаетъ къ г-жѣ Зибольдъ?

— Такъ точно, г. докторъ! Мы для того и привезли ее сюда.

— Весьма разумно съ вашей стороны, — съ достоинствомъ проговорилъ Арно, съ трудомъ удерживаясь, чтобъ не разразиться побѣдоноснымъ смѣхомъ.

Старикъ дышалъ глубоко и, уставясь въ землю, медленно повертывалъ въ своихъ узловатыхъ рукахъ потертую шапку.

— Дай Богъ, г. докторъ, чтобъ это было дѣйствительно такъ. Я этого не могу знать. Молодцы мои оба въ морѣ; вернутся ли они... Ну, положимъ, мы все-таки надѣемся, что да, вернутся! Но третьяго мы уже потеряли... Она—наше послѣднее дитя. Если бы намъ суждено было и ея лишиться... Или если бы она къ намъ вернулась не такой, какою ушла!..

Старика-лоцмана душили слезы, съ которыми онъ все-таки боролся, и онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ продолжалъ:

— Такъ вотъ мы и хотимъ, г. докторъ, покорно васъ просить, жена и я: присмотрите вы за нашею малюткой!

— Конечно!.. Ну, конечно, присмотрю!—отвѣчалъ Арно.

— Благодарю покорно, г. докторъ! Воздай вамъ Господь Богъ за вашу доброту!

Старикъ всталъ и протянулъ ему руку. Арно чуть не вскрикнулъ отъ боли,—до того крѣпко стиснула его руку эта грубая рука, въ которой почти исчезала его собственная. Чѣмъ это не похоже на финалъ въ „Донъ-Жуанѣ“?

Жена Преброва тоже поднялась и отирала слезы на своихъ полныхъ щекахъ.

— А гдѣ же вы оставили свое дитя? — спросилъ Арно весело, полагая, что послѣ умилительной сцены можно было себѣ позволить улыбнуться.

Стина осталась въ маленькомъ гаванскомъ постояломъ дворѣ, постояльцами котораго были исключительно лодочники и лоцмана. Арно выразилъ желаніе пойти туда вмѣстѣ со стариками, чтобы привѣтствовать Стину прежде, чѣмъ мать отведетъ ее къ г-жѣ Зибольдъ; но мать призналась, что надѣялась, что г. докторъ возьметъ на себя представить Стину. Докторъ, однако, съумѣлъ ее разубѣдить.

— Не годится мнѣ идти по улицѣ съ молодою дѣвушкой! Да и г-жа Зибольдъ была бы весьма обижена, еслибъ мать Стины не представилась ей сама.

Все это были лишь напускныя, притворныя основанія, пустоту которыхъ онъ самъ сильнѣе всего чувствовалъ про себя. Но не могъ же онъ сказать этимъ добрымъ людямъ, что г-жа Зи-

больдъ—его возлюбленная!—страшно ревнива, и что онъ имѣетъ основанія въ этомъ-то отношеніи и быть крайне осторожнымъ; что онъ, главнымъ образомъ, не смѣетъ дать замѣтить, до какой степени онъ дѣйствительно интересуется молодой дѣвушкой.

Какъ глубоко и какъ сердечно онъ ею интересовался—подсказало ему его сердце, которое радостно трепетало у него въ груди въ то время, какъ онъ спокойно говорилъ и, повидимому, не мѣнялся въ лицѣ. Когда же они всѣ втроемъ подходили къ постоялому двору, сердце его совсѣмъ ужъ необузданно забилось. Онъ самъ показался себѣ крайне вѣтрянымъ:

„И все изъ-за какой-то незначительной простой дѣвчонки"!..

Но вотъ и она сама сошла вмѣстѣ съ матерью изъ верхней комнатки внизъ, въ большую комнату, въ которой докторъ сидѣлъ съ лоцманомъ за стаканомъ вина.

Очевидно, ей стоило большой борьбы рѣшеніе пріѣхать въ Узелинъ; это онъ могъ ясно прочесть на ея прелестномъ лицѣ, казавшемся вдвое блѣднѣе, благодаря темнымъ тѣнямъ, которыя легли вокругъ ея большихъ, застывшихъ глазъ. Онъ почувствовалъ это въ пожатіи ея дрожавшей руки, которую она подала ему не безъ колебанія. Ея рука—была жесткая, но маленькая и тонкая, какъ у ребенка,—первая изъ тѣхъ прелестей этого бѣднаго ребенка, которымъ позавидуетъ Лора; ей придется проливать слезы надъ своими собственными, довольно большими, непривлекательными руками! Да и не надъ однѣми только руками!.. Въ сущности, развѣ это не преступленіе довѣрить участь такого прелестнаго, невиннаго созданія какой-нибудь Лорѣ?

Но каяться уже поздно. Да и раскаяніе не подходитъ вообще къ природнымъ свойствамъ Фаустула!

Арно цѣплялся за такія мысли во время единственнаго часа, проведеннаго въ совершенномъ молчаніи, пока жена Преброва ходила со своей Стиной къ г-жѣ Зибольдъ; это время онъ провелъ вмѣстѣ со старикомъ, за стаканомъ вина въ большой, главной „залѣ". Съ отцомъ Стина простилась коротко; а по ея уходѣ, старикъ очевидно не могъ вполнѣ войти въ свое положеніе.

Онъ сидѣлъ у окна, подперевъ рукою свою сѣдую голову, и, казалось, усердно разглядывалъ суда, которыя были причалены вдоль улицы близъ постоялаго двора. Но какъ только раскрывалась дверь, онъ быстро оглядывался по тому направленію, и съ каждымъ новымъ разочарованіемъ тѣнь, набѣгавшая на его высокое, безволосое чело, все болѣе и болѣе сгущалась.

Арно ни на минуту не сомнѣвался, что старикъ надѣялся,

—Стина раскается въ своемъ намѣреніи и вернется вмѣстѣ съ матерью назадъ. Да и онъ самъ не считалъ этого невозможнымъ; онъ даже этого желалъ, и подъ конецъ—съ такой горячностью и страстью, что у него почти вырвалось рѣзкое проклятіе, когда, по прошествіи еще томительнаго получаса, мать вернулась... безъ Стины!

Ея напухшіе глаза были заплаканы; во всемъ же остальномъ она казалась не особенно несчастной. Да и не было на то никакой причины, судя по тому пріему, который приготовила имъ г-жа Зибольдъ. Мало чего опредѣленнаго можно было отъ нея добиться. Въ ея и безъ того неясной головѣ окончательную путаницу произвело все новое, неожиданное, внезапное, поразительное, что̀ ей пришлось только-что пережить. Къ одному только неоднократно возвращалась она въ своемъ разсказѣ: къ первому моменту свиданія.

— Повели насъ обѣихъ,—говорила она:—въ такую комнату, такую чудную комнату, какой я еще ни разу въ жизни не видала... Такую, что только у королей и графовъ найдется такая! Тутъ отворилась дверь и вошла высокая дама въ черномъ. Она подошла, сначала ко мнѣ, и подала руку сначала мнѣ, а потомъ Стинѣ. Но Стину сейчасъ же бросилась обнимать и цѣловать, и все повторяла: „Вотъ, вотъ и я такою себѣ ее представляла... Только она... она вдвое лучше"! — И еще она говорила что-то такое про „ангела" и про „сестру свою", которая была гораздо моложе ея... и много, много еще такого, чего я не упомню. Только все это она говорила такъ чудесно, и такъ пріятно было слушать!..

Всѣ эти рѣчи звучали, конечно, весьма успокоительно, а все-таки не могли согнать мрачную тѣнь съ серьезнаго лица старика-лоцмана. Въ этой мрачности Арно усматривалъ какъ бы укоръ себѣ, и это сердило его, и не могъ онъ отъ этого отдѣлаться. Онъ облегченно вздохнулъ, когда пришелъ младшій лоцманъ и сказалъ, что пора поднять паруса, если Пребровы хотятъ быть дома до наступленія ночи.

— Вѣтеръ уже спадаетъ, а къ вечеру и совсѣмъ заштилѣетъ!..

Докторъ проводилъ всю компанію лодочниковъ на пристань и постоялъ на набережной, пока ихъ судно, выбравшись на середину теченія, не пошло на всѣхъ парусахъ полнымъ ходомъ по направленію къ морю.

Только тогда пошелъ Арно къ себѣ домой, избѣгая дороги черезъ площадь. Онъ не хотѣлъ ни видѣть Лору, ни дать ей увидѣть себя. Онъ ее возненавидѣлъ за то, что она дерзнула цѣ-

ловать уста, поцѣлуя которыхъ онъ жаждалъ, по которымъ онъ за послѣднія недѣли истомился!

Онъ далъ себѣ клятву, что жестоко отомститъ ей, если только она когда-либо осмѣлится запятнать эту чистую дѣвушку злобнымъ взглядомъ или грубымъ словомъ.

XI.

До сихъ поръ аптекарша Зибольдъ болѣе или менѣе давала поводъ узелинцамъ сочинять про нее сплетни; но никогда еще этотъ поводъ не былъ сильнѣе, чѣмъ теперь. О томъ, что̀ произошло и до сей минуты еще происходило за зелеными жалузи, смотрѣвшими на береговую площадь, носились по городу самые фантастическіе слухи.

Говорили, что г-жа Зибольдъ взяла къ себѣ въ домъ совсѣмъ юную дѣвушку, которая даже и говорить-то на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи не умѣетъ; но что она охотно обращается съ этой простолюдинкой какъ съ человѣкомъ себѣ равнымъ и даже, смѣшно сказать, сотворила себѣ изъ нея кумира. Цѣлыми часами она только и дѣлаетъ, что причесываетъ золотистые волосы молодой дѣвушки на всевозможные лады; съ головы до ногъ наряжаетъ она ее за̀ново на дюжину ладовъ и не въ одинъ, а въ двѣнадцать пріемовъ; и все въ такіе изящные наряды, какіе только можно выписать изъ Сундина. Она говоритъ съ дѣвочкой „на ты“, а та должна называть ее: „тетя“. Прислугамъ строго наказано, чтобы звать ее не иначе, какъ „фрейлейнъ Христина“. Одного мальчишку, который осмѣлился въ разговорѣ сказать: „фрейлейнъ Стина“, чуть не прогнали.

Само собою разумѣется, что фрейлейнъ Христина кушаетъ за господскимъ столомъ. Какъ же иначе, если сама г-жа Зибольдъ, у всѣхъ на глазахъ, возитъ фрейлейнъ Христину кататься въ своемъ прекрасномъ, новомъ ландо, которое недавно подарилъ ей супругъ, и сажаетъ ее не на заднюю скамейку, какъ бы полагалось компаньонкѣ, если такое званіе пристало такому юному созданію, а рядомъ съ собою, на главномъ мѣстѣ! Въ учителя къ фрейлейнъ Христинѣ приглашены: по-географіи г. Мюллеръ изъ школы; по нѣмецкому и англійскому языку—г. докторъ Панке изъ реальнаго училища; французскій языкъ г-жа Зибольдъ взяла на себя.

Въ перечисленіи вышеупомянутыхъ данныхъ царило почти полное единодушіе, и возникавшія несогласія въ ихъ передачѣ не

имѣли особенно вѣса. Зато тѣмъ больше расходились въ предположеніяхъ и выводахъ относительно происхожденія этого чуда-ребенка. Что онъ явился съ острова Недура, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія; но совсѣмъ иной и гораздо болѣе трудно разрѣшимый вопросъ: какъ этотъ ребенокъ туда попалъ?

Тутъ ужъ дѣло становилось на болѣе щекотливую почву, и о немъ можно было бесѣдовать лишь въ самыхъ тѣсныхъ „кофейныхъ" собраніяхъ, при условіи изъятія изъ нихъ молодыхъ дамъ. Слишкомъ ужъ близко и вѣроятно было предположеніе, что избранница четы Зибольдъ приходится ей гораздо ближе, нежели удобно говорить.

Однако, изъ этого предположенія прямо можно было вывести еще два другихъ, и вполнѣ возможныхъ: въ пользу обоихъ одинаково говорили многія обстоятельства, и потому они нашли тотчасъ же одинаковое число поборниковъ.

Въ свое время красавица Лора Реймаръ была дѣвицей весьма вольнаго пошиба; это всему міру извѣстно! А равно извѣстно и то, что богатый городъ Сундинъ со своимъ гарнизономъ, въ которомъ было множество бойкихъ и блестящихъ офицеровъ, въ легкости нравовъ не уступалъ Парижу. Весьма естественно, тамъ могли приключиться рѣдкостныя вещи съ молодой особой, которую къ тому же не особенно строго держали. Такія вещи, понятно, хранятъ въ тайнѣ; а для этой цѣли превосходнѣйшимъ образомъ годится маленькій, уединенный островокъ, лежащій въ сторонкѣ. За деньги чего не достанешь?

Такъ явились на свѣтъ и лже-родительскія права бѣдной лоцманской четы.

— Противъ этого и спорить невозможно,—говорили противники:—только довольно трудно возстановить добрую славу и очистить дурную, какою пользовалась эта довольно взбалмошная особа. Вѣдь должна же быть причина, почему такой богатый человѣкъ, какъ г. Зибольдъ, такъ поздно рѣшился вступить въ бракъ. Въ холостой жизни кроется столько опасностей, особенно если ее вести цѣлыми годами въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, съ цѣлью изощряться въ наукахъ. Положимъ, г. Зибольдъ всегда старался въ глазахъ общества вести себя прилично, а наружностью Донъ-Жуана онъ не могъ похвалиться. Но и въ этомъ случаѣ тоже, какъ въ игрѣ, можно бы сказать: не даромъ говорится, что „въ тихомъ омутѣ черти водятся"...

Между тѣмъ, эти верхнія наружныя теченія имѣли свое соотвѣтствующее внутреннее теченіе, которому хотя служили источникомъ низменныя сферы, но тѣмъ не менѣе оно заслуживало вни-

манія. Возможное ли дѣло—провести цѣлыхъ семь лѣтъ въ должности довѣренной личности и горничной одной и той же дамы, а равно и фактотума всего дома, и не знать досконально всѣхъ семейныхъ условій? Мальвина, конечно, увѣряла, что если есть хоть доля правды въ тѣхъ слухахъ, которые ходили по городу, то кому же и знать эту правду, какъ не ей самой?

— Эта такъ называемая „*фрейлейнъ*“ Христина—дѣйствительно законное дитя лоцмана Преброва и его жены съ острова Недура,—говорила бывшая горничная.—А жена Преброва—родная сестра прачки Крюгеръ изъ Сундина; прачка же эта приходится мнѣ теткой съ которой-то стороны. Въ Сундинѣ, въ домѣ моей тетки Крюгеръ, я близко познакомилась съ этой Стиной; тогда ей было лѣтъ пятнадцать-шестнадцать, и она тамъ была какъ бы въ ученьѣ. Я тогда (года два тому назадъ) ѣздила туда недѣли на двѣ отдыхать отъ тяжелой службы у моей барыни... Нѣтъ, нѣтъ! Дѣло было совсѣмъ не такъ; а какъ именно?—стоитъ мнѣ только захотѣть, и я съумѣла бы сказать и назвать настоящую причину, почему г-жа Зибольдъ такъ круто выпроводила меня: маршъ, вонъ! Только одни неосторожные и безразсудные люди даютъ волю языку, не боясь обжечься; а я, бѣдная, жалкая, мастерица, хожу работать на дому поденно и знаю, что надо мною всегда возьметъ верхъ такая богатая и вліятельная дама!..

Какъ и должно было случиться, такая особа, которая могла поразсказать столько любопытнаго, скоро стала привлекать къ себѣ вниманіе важнѣйшихъ представительницъ женскаго высшаго общества въ Узелинѣ. Но Мальвина была слишкомъ умна для того, чтобы выйти изъ границъ благоразумнаго молчанія, или говорить болѣе открыто, нежели намеками, которые оставляли полный просторъ воображенію ея усердныхъ слушательницъ.

Арно охотно присоединился бы къ тѣмъ, которые видѣли въ поведеніи Лоры Зибольдъ прежде всего комедію, которая въ высшей степени ихъ потѣшала. Несмотря на то, что благоразуміе приказывало ему смѣяться съ одними и острить съ другими,—онъ въ душѣ негодовалъ, выходилъ изъ себя.

Ни на минуту не задумывался онъ надъ тѣмъ, какой оборотъ можетъ принять дѣло. Да, онъ долженъ былъ сознаться, что вообще не имѣлъ тогда яснаго представленія о томъ, какія возникнутъ между обѣими женщинами отношенія,—онъ хотѣлъ только одного, чтобъ Стина была къ нему поближе; чтобы онъ, какъ путникъ въ безводной пустынѣ, который жадно стремится отдохнуть въ зелени оазиса, могъ найти себѣ отдыхъ, глядя на нее. Въ пустой, сѣренькой, обыденной жизни, Арно горячо стре-

мился возобновить то отрадное пробужденіе утромъ, на Недурѣ, которое казалось ему какъ бы откровеніемъ высшаго блаженнаго бытія за гробомъ; воспоминаніе о немъ было неразрывно связано въ его памяти съ фигуркой стройной, бѣлокурой дочки старика-лоцмана.

„Неужели даже и такимъ скромнымъ надеждамъ и стремленіямъ не суждено осуществиться"?!—думалъ онъ.

Какъ ни трудно это ему далось, а все-таки онъ пропустилъ цѣлыхъ два дня, прежде чѣмъ рѣшился показаться въ домѣ аптекаря Зибольда. Чтобы придать возможно болѣе оффиціальности своему визиту съ цѣлью освѣдомиться о здоровьѣ Лоры и ея питомицы, Арно выбралъ нарочно время послѣ полудня.

— Госпожи съ барышней нѣтъ дома,—объявили ему.

На другой день, въ тотъ же самый часъ, онъ опять, вторично пошелъ съ визитомъ; но опять такъ же неудачно. Наконецъ, ему посчастливилось на четвертый день, когда онъ пришелъ въ свой прежній, обычный часъ.

Лора была не одна: съ нею сидѣла какая-то молодая особа, которую въ сумеркахъ онъ сначала не узналъ и принялъ за гостью. Но вотъ горничная принесла лампу, и Арно убѣдился, что Лора и не думала шутить надъ нимъ, когда спросила:

— Чтò же вы, докторъ? Или не узнали нашу Христину?!

Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ шутка, и даже злая шутка; даже несравненно худшая, нежели можно было ожидать! Это не Стина. Это—каррикатура на Стину! Его милая, нѣжная дѣвочка-простолюдинка наряжена свѣтской барышней! Затянута въ лифъ съ осиной таліей, которая (по его мнѣнію) до безобразія портила ея стройный станъ. На головѣ—прическа, которая казалась ему просто-нà-просто отвратительной!

Весьма охотно Арно далъ бы волю своему неудовольствію на такую дерзкую шутку; далъ бы ему разразиться въ горячихъ словахъ... Но Лора, повидимому, относилась къ этому фарсу не только серьезно, но даже гордилась своей остроумной и великодушной выдумкой обратить бѣдную дѣвушку-простушку въ свѣтскую барышню. Горькая истина, которую онъ уже готовъ былъ ей сказать, могла все обратить въ прахъ; и, конечно, онъ не смѣлъ высказать ее въ присутствіи Стины, которая то блѣднѣла, то краснѣла, чувствуя себя неловко и не зная, куда глядѣть. На два-три вопроса, съ которыми къ ней обратился Арно, она пробормотала что-то едва понятное.

На его счастье (онъ едва въ состояніи былъ сдержать свое раздраженіе) явился Зибольдъ, которому особенно хотѣлось по-

благодарить своего уважаемаго друга за удовольствіе, за отраду, которую онъ имъ доставилъ—женѣ и ему, введя къ нимъ въ домъ такое милое дитя!

— У насъ весь домъ теперь преобразился!—говорилъ аптекарь.—И стало такъ свѣтло, какъ если бы и въ самомъ дѣлѣ уже вставлены были зеркальныя стекла (какъ у коммерціи-совѣтника),—изъ-за которыхъ Лора не знаетъ покоя!.. Что-жъ, и зеркальныхъ оконъ дождемся въ свое время, какъ дождались ландо, которое гораздо элегантнѣе (зато, положимъ, и дороже на двѣсти талеровъ!), чѣмъ ландо „*тѣхъ*",—напротивъ. Вы видѣли, докторъ, какъ въ немъ рядкомъ катаются наши дамы? Нѣтъ еще? А въ городѣ теперь только о томъ и разговору! Въ обществѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ. Я бы охотно самъ, тоже, съ ними прокатился; но развѣ есть бѣдному, измученному аптекарю на это время?.. Вы не находите, что фрейлейнъ Христина просто восхитительна? Ну, развѣ не особенно ей къ лицу это блѣдно-зеленое платье, цвѣта морской волны? Замѣтьте: это моя мысль! Русалкамъ полагается носить платье морского цвѣта... Что за восторгъ эта крошка-русалочка!..

Зибольдъ, поверхъ своихъ большихъ очковъ, кидалъ на Стину сверкающіе, влюбленные взоры; нѣжно похлопывалъ по ея маленькимъ ручкамъ; наконецъ, разсыпался въ извиненіяхъ, что ему еще на полчаса осталось работы у себя, внизу, и стремительно вышелъ вонъ. Арно улучилъ минутку шепнуть Лорѣ, что ему хотѣлось бы поговорить наединѣ. Отвѣтомъ былъ ея горячій, страстный взглядъ.

Какъ только Зибольдъ очутился за дверью, Лора вдругъ вспомнила, что Стина должна передъ ужиномъ полчаса повторять къ завтрему свой французскій урокъ.

Она проводила до дверей оробѣвшую дѣвочку, и какъ только дверь за нею затворилась, бросилась къ Арно, съ необузданной горячностью прижимаясь къ его груди.

— Дорогой! любимый! Какъ давно я тебя не обнимала!

— А ты опять слишкомъ расщедрилась на морфій! — возразилъ Арно, счастливый тѣмъ, что можетъ придать своимъ словамъ тонъ упрека, и въ то же время освобождая свою шею отъ ея объятій:—я тебѣ это строго запретилъ; и ты сама дала мнѣ слово, что больше не будешь!

— Жить безъ тебя я не могу!—прошептала она.

Усадивъ его въ кресло, она сама сѣла потѣснѣе рядомъ съ нимъ. Ея темные глаза имѣли стекловидный блескъ; дыханіе было учащенно и прерывисто. Очевидно, Лора приняла большую дозу

своего любимаго яда. Въ такой степени опьяненія она была опасной противницей,—полной силы, бодрости и всегда готовой къ отпору. Поэтому, Арно разсудилъ, что пожалуй лучше на сегодня не затѣвать разговора о Стинѣ, и почти испугался, когда самъ неожиданно спросилъ:

— Что̀ собственно такое ты затѣяла со Стиной?

— Ахъ, довольно объ этомъ ребенкѣ!—прошептала она и прижалась къ нему еще нѣжнѣе.

— Я тебѣ благодаренъ... очень благодаренъ за нее,—продолжалъ Арно:—за то, что ты такъ... такъ къ ней относишься, какъ сестра родная. Но къ чему это поведетъ, къ чему должно повести? Вѣдь ты должна же имѣть опредѣленную цѣль и слѣдовать особому, обдуманному плану?

— Такъ, значитъ, ради этой дѣвчонки, а не ради меня ты пришелъ сюда?—спросила вдругъ Лора, отодвигаясь отъ него и останавливаясь на шагъ подальше.

— Ты бредишь, Лора!

— Напротивъ: я ничуть не сплю!.. Ты ее любишь?

— Ты, кажется, смѣешься?

— *Мнѣ* это не смѣшно! Ты ее любишь, говори: да или нѣтъ?..

— Ну, нѣтъ!

— И готовъ поклясться?

— Если ты того требуешь!

— Конечно, требую.

— Такъ я клянусь!..

Еще минута—и Лора ужъ опять сидѣла рядомъ съ нимъ, и прижималась къ нему и еще, и еще страстно цѣловала.

— Но, Лора...

Было ли это съ ея стороны дѣйствительно любовь, или опьяненіе морфиномъ? Весьма возможно, что и то, и другое вмѣстѣ. Все равно, приходилось терпѣть изъ любви къ милой, кроткой дѣвушкѣ, которую она же, Лора, вытолкала въ дверь.

— Будь же ты хоть минуту благоразумна!

— Пожалуй, потому что я знаю теперь, что ты меня еще любишь. Ахъ, тебѣ просто хочется узнать, что̀ я хочу съ ней дѣлать? И больше ничего?

— Ничего больше.

— Ахъ, ты глупый человѣкъ! Это вѣдь такъ просто. Ты, вотъ, не хочешь вѣрить, а право же *онъ* кое-что замѣтилъ. То-есть, вѣрнѣе говоря, его на это натолкнула Мальвина: самъ онъ слишкомъ ужъ глупъ. Ну, да все равно! Онъ самъ слѣдитъ за

нами, хоть и строитъ безобидную физіономію. Что мнѣ съ нимъ скучно,—это онъ прекрасно знаетъ... и уже не сегодня! Сто разъ охалъ онъ у меня: „Ахъ, если бы у тебя были дѣти"!—Ну, вотъ, теперь у меня есть ребенокъ; и вдобавокъ такой, отъ котораго я просто безъ ума. Или, по крайней мѣрѣ, дѣлаю видъ, что безъ ума. Для *него* это все одно. Онъ вѣдь такъ страшно глупъ! И онъ влюбится самъ въ эту дѣвчонку, или, быть можетъ, уже влюбился. Это божественно! Пусть онъ сунется тогда ко мнѣ со своими сценами ревности! Я ему просто-на-просто скажу: прошу васъ покорно, милостивый государь, сначала посмотрѣть на себя! Ну, не смѣшно ли это?

— Чрезвычайно!

— Вотъ видишь?.. И нашимъ милымъ узелинцамъ можно пыль въ глаза пустить! Имъ непремѣнно хочется на мой счетъ почесать языкъ. Не лучше ли, чтобъ они говорили, что я разыграла дуру съ этой дѣвчонкой, нежели чтобы они болтали про меня и про тебя, про моего глупенькаго, дорогого, драгоцѣннаго. Ахъ, ты, ахъ, ты...—Губы ея ловили его губы, и вдругъ ея голова упала къ нему на плечо.

Арно перенесъ ее на ближайшее кресло, подошелъ къ дверямъ, позвонилъ и сказалъ тотчасъ же появившейся горничной:

— Госпожа что-то нехорошо себя чувствуетъ. Ничего серьезнаго. Я сейчасъ пришлю сюда мужа; а вы пока побудьте съ нею. Потомъ уложите больную въ постель и дайте ей спать, сколько ей угодно... Прощайте!

Еще разъ докторъ подошелъ къ молодой женщинѣ, все еще лежавшей безъ сознанія, рукой потрогалъ ея лобъ, виски, пощупалъ пульсъ; повторилъ опять:

— Пустяки; ничего серьезнаго!

И поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Арно по неволѣ долженъ былъ признаться, что если принять въ разсчетъ цѣль, которую имѣла въ виду Лора,—ея поведеніе было самое остроумное и самое подходящее къ данному случаю.

Намеки на его отношенія къ красавицѣ Зибольдъ, которые ему, бывало, слишкомъ часто приходилось слышать, теперь становились все рѣже, и рѣже. Ихъ замѣнило самое злобно-ядовитое глумленье надъ восьмидневнымъ путешествіемъ въ Сундинъ, а изъ Сундина въ Копенгагенъ, которое предприняла Лора вмѣстѣ съ мужемъ и со своей питомицей.

— Этой бѣдной дѣвочкѣ надо бы имѣть своимъ девизомъ:

„Живи въ деревнѣ и честнымъ трудомъ заработывай свой хлѣбъ“. Къ чему, напримѣръ, ей, простолюдинкѣ, „знакомиться со свѣтомъ“,—какъ любитъ выражаться г-жа Зибольдъ?—говорили въ городѣ.—Изо всѣхъ знатнѣйшихъ дѣвушекъ въ Узелинѣ ни одна еще не была въ Копенгагенѣ. Или красавица Лора упускаетъ изъ виду опасности, которыя кроются въ такой тѣсной близости во время переѣзда, и въ особенности переѣзда по водѣ? Дочь лоцмана, по всей вѣроятности, не будетъ страдать морской болѣзнью, да и аптекарь Зибольдъ также; онъ вѣдь не разъ ѣздилъ въ Англію. Но каково-то придется его супругѣ? Въ то время, какъ она будетъ внизу, въ каютѣ, бороться съ недугомъ между жизнью и смертью, г. Зибольдъ со своей питомицей будутъ себѣ разгуливать на палубѣ подъ-ручку. Развѣ г-жа Зибольдъ никогда не слыхала, что обстоятельства наталкиваютъ людей на воровство? Почемъ же она знаетъ, что мужъ ея не падокъ на чужое добро? То, что она подвергаетъ юное, неопытное созданіе такому искушенію, доказываетъ ея безграничное легкомысліе! Если полиція не можетъ или не захочетъ вмѣшаться въ это дѣло, общественное мнѣніе, все-таки, стоитъ выше нея! Когда-нибудь красавица Лора это узнаетъ на себѣ... Такое самомнѣніе, какъ у нея, всегда предшествуетъ паденію.

Итакъ, Лора была права: объ ея отношеніяхъ къ доктору Арно никто больше не заботился. Впредь они могли жить и наслаждаться своей любовью, не боясь преслѣдованій и подглядываній, какъ это было до сихъ поръ. Да! той любовью, которая давно уже сдѣлалась для него тяжелыми кандалами и съ теченіемъ времени будетъ лишь глубже рѣзать ему руки!

Это, просто, смѣха достойно!

А не угодно ли еще вотъ это на придачу: онъ какъ будто только для того и переселилъ сюда любимую дѣвушку, чтобы она стала еще дальше отъ него, чѣмъ когда-либо? Чтобы видѣться съ нею лишь въ присутствіи той, къ которой она попала благодаря ему же... И своимъ свѣтскимъ, моднымъ платьемъ, въ которое ее рядили, она была обязана опять-таки ему же! Или совсѣмъ не приходилось ее видѣть, какъ, напримѣръ, случалось уже нѣсколько разъ, когда онъ хотѣлъ-было возобновить свои вечернія посѣщенія. По возвращеніи ихъ изъ путешествія, когда Арно спросилъ, почему не видно Стины, Лора сказала ему въ отвѣтъ:

— Такъ поздно спать ложиться дѣтямъ вредно; а присутствіе за ужиномъ ребенка довольно стѣснительно для взрослыхъ во время ихъ бесѣды.

Просто смѣху подобно!..

„Только бы, ради самого неба, не дать никому ничего замѣтить!—думалъ Арно,—и прежде всего, ради нея же, этой глупенькой дѣвочки простушки, которой придется нести за это на себѣ послѣдствія. Если допустить, что въ одинъ прекрасный день вся эта исторія не разлетится въ пухъ и прахъ, Стина даже можетъ оказаться въ выгодѣ“.

Никогда бы этого Арно не подумалъ, но гг. преподаватели Мюллеръ и Панке оба говорятъ:

— Это весьма чуткая маленькая особа! Учится она съ безконечнымъ усердіемъ и дѣлаетъ просто поразительные успѣхи. Еще такихъ два года, и она можетъ идти въ ученыя няни или въ гувернантки и такимъ образомъ честно заработывать свой хлѣбъ. Если же ей вздумалось бы выйти замужъ, она во всякомъ случаѣ можетъ имѣть тогда высшія требованія, нежели въ качествѣ дочери лоцмана, простолюдинки, хотя ея ученость и не помѣшаетъ ей умѣть по прежнему искусно чистить картофель и чинить сѣти...

Арно не трудно было убѣдить супругу коммерціи совѣтника, что онъ имѣлъ въ виду именно такія утѣшительныя послѣдствія, когда ввелъ Стину въ домъ супруговъ Зибольдъ.

Вдобавокъ, онъ и самъ успѣлъ себя въ этомъ убѣдить!

Небольшая размолвка съ г-жей Моорбекъ прошла для него тѣмъ скорѣе, что этой дамѣ показалось, будто ея добродѣтельныя замѣчанія насчетъ его отношеній къ Зибольдамъ, несмотря ни на что, имѣли для доктора послѣдствія, которыхъ она для него желала.

Помимо всякаго желанія подсматривать за нимъ, она могла изъ окна прослѣдить за его визитами въ домъ „напротивъ“; тѣмъ болѣе, что глубокая ниша окна служила ей рабочимъ кабинетомъ и, такимъ образомъ, давала возможность довольно подробно наблюдать за его входами и выходами. На три посѣщенія прежде— теперь приходилось лишь по одному. Такое послушаніе, вдвойнѣ для нея пріятное въ человѣкѣ такого безпокойнаго нрава и такой неукротимой гордыни, достойно было награды. Совѣтница искренно восторгалась его умомъ, его познаніями; но это не мѣшало ей чувствовать себя всегда неловко въ его присутствіи. Частенько вполнѣ усердно и основательно старалась она уяснить себѣ, что бы могла быть за причина такой неловкости. Какъ-то разъ додумалась она даже до того, что отнесла ее на счетъ внѣшности неказистой доктора Арно, которая оскорбляла ея врожденную любовь ко всему изящному, аристократичному, ко всему

истинно-прекрасному; приписала ее его долговязой, тощей фигурѣ, его нерѣдко страннымъ, угловатымъ движеніямъ, его неблагозвучному голосу, грубоватой манерѣ говорить...

Но вѣдь знавала же она мужчинъ, которые зачастую были еще некрасивѣе и грубѣе въ разговорѣ, и даже съ худшими манерами; а между тѣмъ ихъ недостатки не дѣйствовали ей на нервы. Недаромъ же она принесла супружескую клятву въ вѣрности, когда покинула помѣщичій отцовскій домъ и промѣняла свою южно-германскую родину, залитую солнцемъ, на сѣверные мрачные края и отказалась отъ всѣхъ своихъ аристократическихъ привычекъ, никогда не преступая своей клятвы отказаться отъ нихъ.

Нѣтъ, это все не то! Вѣдь все, чего недоставало этому человѣку въ смыслѣ наружнаго блеска, вдвойнѣ вознаграждалось его выдающимися умственными преимуществами.

„Такъ, значитъ, меня смущаетъ его нравственность"?.. — спрашивала она себя.

Но развѣ же она сама не поставила себѣ высшимъ, основнымъ правиломъ при оцѣнкѣ людей изреченіе: „Не осуждай, да не осужденъ будеши"? Развѣ ей не было хорошо извѣстно, и самымъ достовѣрнымъ образомъ, что этотъ самый, такой грубый и, повидимому, черствый человѣкъ—вѣрнѣйшій другъ и щедрый благодѣтель бѣдныхъ и забытыхъ? Онъ всегда готовъ придти къ нимъ на помощь, и въ то же время (самъ такой же бѣднякъ, какъ и они!) заставляетъ богачей дежурить у себя въ прихожей, а при малѣйшей неисправности въ платежѣ выпроваживаетъ ихъ за дверь...

Такимъ образомъ, принявъ все это въ разсчетъ, за докторомъ не оказывалось ничего такого, что̀ можно было бы серьезно поставить ему въ укоръ, за исключеніемъ развѣ его отношеній къ *той*, напротивъ.

„Но и объ этихъ отношеніяхъ что̀ мнѣ такого особеннаго извѣстно"?—думала она, возражая сама себѣ.

Да ровно ничего, кромѣ тѣхъ отрывковъ изъ городской сплетни, которые случайно изрѣдка долетали до нея.

Она сама никогда въ томъ домѣ „напротивъ" не бывала. Съ той особой никакихъ личныхъ сношеній не имѣла, кромѣ одного единственнаго случая, да и то весьма поверхностнаго, по поводу благотворительнаго концерта, патронессами котораго онѣ были обѣ въ числѣ цѣлой толпы другихъ почетныхъ представительницъ города.

Тѣмъ не менѣе, сколько г-жа Моорбекъ ни старалась, она

не могла прогнать отъ себя чувства презрѣнія къ г-жѣ Зибольдъ. Ея хваленая красота казалась ей просто-на-просто вульгарной; ея судорожныя усилія разыгрывать роль богатой и свѣтской дамы просто смѣхотворны!

Для такого человѣка, какъ Арно, при его доброй славѣ, просто непростительно подвергать опасности эту славу и нарушать свое скромное житье-бытье ради такой особы, на которую вообще нельзя было смотрѣть серьезно; а если ужъ смотрѣть серьезно, то приходилось ее осуждать и отнести по меньшей мѣрѣ къ разряду ниже общаго уровня легкомысленности.

Впрочемъ, на грѣшника теперь, повидимому, напало раскаяніе. Остается только облегчить ему покаяніе въ грѣхахъ. А затѣмъ не замедлитъ и полное его исправленіе!..

XII.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, докторъ! Пожалуйста, присядьте. Я думала о васъ сію минуту.

— Надѣюсь, вы позволили бы мнѣ считать это за простую любезность... еслибъ оно исходило изъ всякихъ другихъ устъ, кромѣ вашихъ?

— По счастью, я могу привести вамъ наглядное доказательство, что у меня это дѣйствительно *не* фраза! Посмотрите на эти два дагерротипа моей Алексы: я получила ихъ десять минутъ тому назадъ. Пока я всматривалась въ нихъ своими матерински-восхищенными глазами, я невольно подумала: что̀ могъ бы сказать о нихъ равнодушный зритель, такой, напримѣръ, какъ вы. При этомъ мнѣ пришелъ на память разговоръ, который у насъ съ вами былъ прошлую зиму по поводу грёзъ Лафатера о физіономистикѣ вообще...

— Да, помню, помню!—возразилъ Арно:—тогда напалъ на меня день парадоксовъ и я даже постановилъ нѣсколько разныхъ неопредѣленныхъ опредѣленій.

— И между прочимъ вотъ какое: о физіономистикѣ, въ лафатеровскомъ значеніи этого слова, можно, во всякомъ случаѣ, говорить даже относительно животныхъ. Вѣдь и они тоже лгутъ по мѣрѣ силъ и степени своего ума, но все же не такъ основательно и поголовно, какъ человѣкъ, который есть не что̀ иное, какъ природный, послѣдовательный, неуклонный и неисправимый лжецъ!

— Я это говорилъ? Но, въ сущности, это мнѣ вовсе не кажется слишкомъ парадоксально. Я бы, пожалуй, и сейчасъ готовъ подъ этимъ подписаться... Понятно, нѣтъ правилъ безъ исключенія.

— А, вы идете на уступки?

— Долженъ по неволѣ! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, кто осмѣлился бы утвердительно говорить, что такое-то лицо въ состояніи лгать?

Арно поочередно бралъ въ руки и разсматривалъ сначала одинъ, а затѣмъ и другой портретъ Алексы и поочередно клалъ ихъ опять на столъ, у котораго сидѣлъ съ г-жей Моорбекъ.

Совѣтница улыбнулась.

— Вы находите, что она красива?

— Однако-жъ не настолько, чтобы я могъ сказать вмѣстѣ со старикомъ-льстецомъ Гораціемъ: „O, matre pulchra filia pulchrior“!—„прекрасной матери прекраснѣйшая дочь“!.. Она скорѣй пикантна и умна...

— А все-таки въ этомъ ребенкѣ есть тысячи злыхъ силъ къ ея услугамъ...

— Ну, это разумѣется уже само собой!

— Что это—парадоксъ?

— Только не для меня! Мнѣ просто кажется, что я вижу передъ собой лицо настоящаго, *цѣльнаго* человѣка, т.-е. такой натуры, которую любилъ изображать великій старецъ Гёте. Въ настоящей, цѣльной человѣческой натурѣ ровно тянутъ на вѣсахъ бѣсовскія и ангельскія свойства, — добро и зло, рай и адъ!.. Я какъ разъ въ настоящую минуту занятъ стремленіемъ, въ формѣ трагедіи, показать это наглядно... насколько это во власти драматическаго представленія...

— Вы уже прошлой осенью объ этомъ говорили. Она уже готова?

— Нѣтъ еще, къ сожалѣнію! Весьма досадное противорѣчіе возникаетъ между принципами эстетики, требующей непремѣнно *заключенія*, и моей тэмой, которая сама по себѣ не имѣетъ конца. Если же я не захочу перерубить этотъ Гордіевъ узелъ, то мнѣ придется вмѣсто того, чтобы его развязать, продолжать эту тэму ad infinitum.

— Надѣюсь, вы простите: я этого не понимаю!

— Я попробую выразиться болѣе понятно. Мой герой долженъ быть человѣкомъ, тѣмъ самымъ настоящимъ человѣкомъ, про котораго я только-что сказалъ, что въ его душѣ въ равной степени слились добро и зло, или скорѣе до того стали похожи

межъ собой, что все зависитъ единственно отъ того, съ которой стороны на нихъ посмотришь... Словомъ, въ родѣ той краски, которая у дамъ носитъ названіе changeant,—то она вся покажется красной, то, наоборотъ,—вся синей, смотря по тому, такъ или иначе ее освѣтятъ.

— Не говоритъ ли и Гамлетъ нѣчто въ этомъ родѣ?

— Даже то самое!.. Но я и не предъявляю никакихъ претензій на самостоятельность моего мнѣнія, или на оригинальность мысли. Мнѣ только бы хотѣлось,—если я съ этимъ справлюсь,—представить яснѣе часто передуманное,—и даже настолько ясно, чтобы никто не могъ усомниться въ его правдивости...

— Продолжайте, продолжайте: вы говорите, что добро и зло стали похожи, тожественны? Такъ, значитъ, не бываетъ ни добрыхъ, ни злыхъ людей на свѣтѣ?

— Именно такъ!.. И на свѣтѣ есть лишь одна соединенная и нераздѣльная природа, которая съ царственнымъ равнодушіемъ разрушаетъ сегодня все, что̀ она создала вчера. Съ одинаковой непринужденностью выпускаетъ она изъ нѣдръ своихъ прелестнѣйшихъ созданій и отвратительнѣйшихъ образинъ-чудовищъ; то утопаетъ въ нѣжнѣйшей любви, то въ утонченнѣйшей жестокости... Одно и то же дыханіе ея одновременно грубо и ласково, божественно-разумно или до безумія нелѣпо!

— Природа, докторъ, а не люди!

— А развѣ люди не входятъ въ составъ природы? Развѣ они не то же, что̀ сама природа, какъ и ея стихіи? Какъ, напримѣръ, дерево, скала? какъ все, что̀ движется или просто существуетъ, все, что̀ пресмыкается или паритъ? Развѣ мы смѣемъ не допустить, что тѣ же законы, которые управляютъ вселенной, повелѣваютъ такъ же нами всѣми вообще? На первомъ планѣ — законъ себялюбія, самосохраненія!.. Вотъ видите, мы приближаемся къ самому выдающемуся пункту. Каждое живое существо любитъ прежде всего себя самого, хочетъ охранять, поддерживать себя, и съ этой цѣлью борется изо-всѣхъ своихъ силъ. Все, что̀ идетъ на встрѣчу этому себялюбію, — все, что̀ льститъ ему, все, что̀ имѣетъ цѣну для самосохраненія, все это кажется живому существу добрымъ, а все противоположное— злымъ. И если это тварь словесная, то она такъ ихъ и называетъ. Замѣтьте, на ряду съ этимъ, что понятіе, которое народъ въ какое бы то ни было время зоветъ *добромъ* и уважаетъ, какъ свое нравственное достоинство, есть не что̀ иное, какъ квинтъэссенція того, что̀ въ немъ питало его себялюбіе и было залогомъ (или казалось ему залогомъ) его существованія. Затѣмъ,

если это самое *нѣчто*, въ силу необходимости, видоизмѣняется вмѣстѣ съ климатическими, историческими, экономическими и иными условіями, при которыхъ протекаетъ жизнь цѣлаго народа,—то и общее или лишь временное и мѣстное,—но отнюдь *не* вѣчное,—является признанное всеобщимъ или долженствующее быть признано такимъ. Понятіе о нравственности...

— Народа? Ну, пожалуй. Но не отдѣльнаго же человѣка?

— Мнѣ думается, что ему, какъ одной изъ частицъ цѣлаго, должно казаться правильнымъ то же, что и цѣлое считаетъ справедливымъ. Я хочу сказать, что онъ—эта частица—не смѣетъ требовать и ожидать, что ему каждый день и часъ то же самое добро и то же зло будетъ казаться одинаково добрымъ или одинаково злымъ... Хорошо еще, еслибъ это было единственное противорѣчіе, въ которое онъ можетъ впасть! Гораздо худшее противорѣчіе, и болѣе неразгаданное, возникаетъ у человѣка между его собственнымъ понятіемъ о нравственности и общественнымъ, то-есть, между тѣмъ, что ему лично необходимо и полезно, и тѣмъ, въ чемъ всѣ вообще (общество) видятъ свое преимущество. Вотъ эти-то два понятія въ тысячѣ тысячъ случаевъ разойдутся болѣе или менѣе рѣзко, а зачастую расходятся даже настолько, что потомъ уже никогда больше не сойдутся. Особенно же у здоровыхъ, самостоятельныхъ, сильныхъ волею индивидуумовъ. Тогда имъ приходится или подчинить весь міръ своимъ понятіямъ о нравственности, своей волѣ (что, впрочемъ, одно и то же); или же, если они не смогутъ (а въ то же время и не обладаютъ *кротостію голубиной*), то имъ остается только быть *мудрыми, какъ змѣи*, и благоговѣйно преклоняться передъ мудростью всего міра, который они въ глубинѣ души презираютъ и ненавидятъ!..

Арно умолкъ и, взявъ въ руки шляпу, медленно поглаживалъ ее рукавомъ своего сюртука, глядя неподвижно въ землю.

Онъ говорилъ съ необычнымъ для него жаромъ, — почти страстно и торопливо, порой порывисто или запинаясь. Онъ, видимо, во время своей рѣчи, углублялся въ тайники души своей; помимо воли, или самъ того не сознавая, онъ открывалъ сокровеннѣйшія, мрачныя нѣдра своего внутренняго *я*.

„Ну, вотъ, развѣ не оправдалось мое чувство неловкости, которое я такъ часто передъ нимъ ощущала?—думала г-жа Моорбекъ. — Можно ли чувствовать себя свободно съ человѣкомъ, который слѣдуетъ *такимъ* нравственнымъ правиламъ?.. Да нѣтъ, этого быть не можетъ“!..

— Нѣтъ, нѣтъ! — вырвалось у нея вслухъ, и этотъ крикъ

прервалъ наступившую тишину. Г-жа Моорбекъ, сидѣвшая до сихъ поръ наклонившись, выпрямилась теперь и какъ бы умоляющимъ движеніемъ протянула къ нему руку.

— Да нѣтъ же!—повторила она въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Арно.—Не можетъ быть, чтобъ таковы были ваши настоящія мысли и убѣжденія. Вы говорите это только такъ, потому что знаете прекрасно, что вы умный человѣкъ и можете утверждать и подтверждать доказательствами все, что̀ угодно...

— То-есть, такой, котораго греки звали софистомъ,—съ улыбкой вставилъ докторъ.

— Но и я вѣдь не принадлежу къ такимъ, — продолжала взволнованная совѣтница, не обращая вниманія на то, что ее прервали:—къ такимъ, которыя все принимаютъ на вѣру и на̀-слово. Я сама исподволь сдѣлала открытіе, что весьма возможно имѣть иное мнѣніе о многомъ изъ того, что̀ у насъ въ семьѣ считается приличнымъ или неприличнымъ, позволительнымъ или не-позволительнымъ. Я даже дошла до того, что когда мнѣ люди говорятъ: „мы должны"!—я всегда спрашиваю: *„должны ли*, въ самомъ дѣлѣ"? — Но въ то же время и такъ же твердо я убѣждена, что есть на свѣтѣ вещи, которымъ слѣдовать мы дѣйствительно *должны*, безусловно должны!

— Врядъ ли мы съ вами въ этомъ сойдемся,—проговорилъ Арно, вставая.

— А такъ какъ я, понятно, не могу допустить, чтобы вы хотѣли меня обмануть, то вы, значитъ, сами обманываетесь въ своихъ убѣжденіяхъ! — воскликнула совѣтница съ такой горячностью, которая шла прямо въ разрѣзъ съ ея обычнымъ свѣтскимъ самообладаніемъ.—Вы говорите, каждый человѣкъ дѣлаетъ только то, что̀ ему выгодно, или что̀ можетъ, какъ онъ полагаетъ, обратиться ему на выгоду. Ну, какую же выгоду представляло для васъ, напримѣръ, хотя бы сидѣть въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль у постели офицера-датчанина (я это знаю отъ д-ра Радлова) день и ночь въ неотступной борьбѣ за его жизнь, какъ еслибы онъ былъ вамъ близкимъ,—братомъ или отцомъ роднымъ, котораго вамъ непремѣнно надобно спасти? А когда онъ все-таки умеръ,—какъ вы были разстроены! Вы еле ходили! Какой себѣ награды могли вы ожидать, когда въ бурную ночь (опять-таки и тутъ Радловъ является моимъ источникомъ!) съ очевидной опасностью для жизни, вы ѣздили на о. Недуръ только для того, чтобы избавить бѣдную женщину отъ нѣсколькихъ часовъ страданій? Какое благодѣяніе разсчитывали вы сдѣлать са-

мому себѣ, когда такъ великодушно приняли участіе въ дочери лоцмана, которая для васъ ничто и ничѣмъ быть не можетъ?

Арно стоялъ и неподвижнымъ взоромъ уставился на свою шляпу.

— ...Ничто! И ничѣмъ быть не можетъ...—тихо повторилъ онъ; и, словно говоря самъ съ собой, продолжалъ:

— Да! Чтò намъ можетъ быть за дѣло до одного мгновенья, когда, пробудившись послѣ тревожной ночи, случится увидать въ маленькое, квадратное, открытое окно... изъ-за развѣвающейся бѣлой занавѣски... ущелье между бѣлѣющими полосами дюнъ... А тамъ, вдали, гдѣ онѣ соединились, синѣетъ далекое море... Надъ нимъ раскинулось ясное, утреннее небо... А съ него, съ того неба...

Арно закрылъ глаза. Съ его обыкновенно блѣднаго лица, обрамленнаго темной запущенною бородой, сбѣжала даже эта блѣдная окраска.

Совѣтница содрогнулась отъ ужаса. Чтò онъ, съума сошелъ, или начинаетъ терять разсудокъ?

— Докторъ! Ради самого Бога!.. Чтò съ вами?—воскликнула она, вскочивъ и теребя его за рукавъ.

Онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на нее какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ и провелъ ладонью по лбу.

Въ эту минуту, по своему обыкновенію, стремительно влетѣлъ въ комнату Рихардъ.

— Послушай, мама! Сейчасъ мнѣ пишетъ Алекса...—А, докторъ, здравствуйте...—что она тебѣ прислала двѣ свои карточки: одна изъ нихъ — моя! Гдѣ же онѣ?.. Ахъ, вотъ она! Чортъ возьми, да это прелесть! Знаешь, мама: она чертовски на тебя похожа... Только ты вдесятеро лучше... Вѣдь это и ваше мнѣніе, докторъ?

Рихардъ обернулся, но успѣлъ только замѣтить, какъ докторъ затворилъ за собою дверь изъ гостиной.

— Вотъ тебѣ и разъ!—сказалъ онъ удивленно.—Чего онъ убѣжалъ сломя голову, ни съ того, ни съ сего?

— Можно ли вообще знать, чтò съ нимъ творится?—задумчиво замѣтила г-жа Моорбекъ.

— Да, это правда. Такой онъ чудакъ и святоша. А все-таки онъ совсѣмъ молодецъ!

— Во всякомъ случаѣ онъ особенный человѣкъ, и не подходитъ подъ обычную, заурядную мѣрку.

— И я такого мнѣнія! Только я не могъ бы такъ хорошо выразить его, какъ моя милая мамаша!

И Рихардъ бросился стремительно обнимать свою мать.

— Чтò ты, влюбленъ?

— О, да: въ тебя!

— А то въ кого же больше?

— А, напримѣръ, хотя бы въ маленькую дочку лоцмана, которая живетъ vis-à-vis насъ. Она просто—восторгъ! По моему только одно противно: что она — въ рукахъ этой женщины!

— Я думаю, однако, это не надолго. Новая горничная Зибольдовъ вѣдь сестра нашей Рихи. Ужъ этой дѣвочкѣ приходится переживать весьма некрасивыя сцены. Я даже было-хотѣла сказать объ этомъ доктору, хоть и не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла. Но не успѣла!

— Но докторъ самъ долженъ бы знать? Онъ каждый день вѣдь тамъ бываетъ.

— Нѣтъ! Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ его тамъ нѣтъ. И, можетъ быть...

— Ну? Чтò *можетъ быть*?

— Я же тебѣ говорю: чужія дѣла!.. Поѣдешь сегодня кататься верхомъ?

— Я затѣмъ и пришелъ, чтобы съ тобой проститься.

Какъ и всегда, когда Арно закрывалъ глаза, онъ видѣлъ на фонѣ утренняго неба Стину.

Она какъ бы отдѣлялась, выходила изъ него, и двигалась то въ ту, то въ другую сторону, хлопоча около бурой сѣти, выдергивая изъ нея морскую тину. Въ плотно-облегавшемъ лифѣ, въ короткой юбочкѣ, она опять являлась передъ нимъ тѣмъ самымъ юнымъ, первобытно-чистымъ созданіемъ, какимъ была сначала, а не разряженной куклой, какую изъ нея сдѣлали теперь!..

Проходя по площади большими шагами, докторъ бросилъ сердитый взглядъ на домъ, украшенный зелеными жалузи. Онъ разыгралъ изъ себя набитаго дурака, когда помѣстилъ туда... „ее!“. Но нѣтъ, онъ вырветъ ее оттуда; опять добудетъ ее обратно:—такъ или иначе! Завтра же днемъ, завтра!

Завернувъ за уголъ, докторъ увидалъ, что у его подъѣзда стоитъ чей-то крытый экипажъ. Снявъ шапку, кучеръ подалъ ему записку, въ которой въ нѣсколькихъ строкахъ, съ ороографическими ошибками, арендаторша помѣстья Биллихъ просила его пріѣхать въ Фойхтгагенъ, чтобы осмотрѣть ея заболѣвшаго ребенка.

— Хорошо!—сказалъ Арно.—Но вамъ по всей вѣроятности придется немного обождать.

Его вечерній пріемъ почти на половину кончился: онъ строго соблюдалъ его, хотя посѣтителей у него собиралось мало. Разговоръ съ г-жей Моорбекъ заставилъ его позабыть, который часъ.

— Тамъ есть кто-нибудь?—спросилъ онъ экономку, которая болтала съ кучеромъ, стоя на порогѣ.

— Только одна дѣвушка, г. докторъ.

По обыкновенію перескочивъ заразъ черезъ двѣ нижнія ступеньки, Арно поспѣшилъ къ себѣ въ свою пріемную, вверхъ по скрипучей лѣстницѣ. У одного изъ оконъ, въ которыя уже вливался красноватый свѣтъ заката, стояла спиною къ вошедшему стройная женская фигура. Онъ уже подошелъ къ ней на нѣсколько шаговъ, какъ она, повидимому погруженная въ глубокія думы, вдругъ обернулась.

— Стина!..

Отвѣтомъ было ея страстное рыданіе.

— Боже мой, Стина! Чтѝ это значитъ? Чтѝ съ вами случилось?

Онъ схватилъ ее за руку; рука была холодна, какъ ледъ. Стина дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Отвѣта не было.

— Ну, подите сюда!

Докторъ обхватилъ рукою ея стройный станъ и повелъ ее,—она слѣдовала за нимъ не сопротивляясь,—въ свой рабочій кабинетъ, дверь котораго онъ притворилъ за собою. Стина дала ему усадить себя на диванъ, и докторъ принялся ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Наконецъ, ему показалось, что она уже нѣсколько поуспокоилась и теперь въ состояніи говорить.

Тогда онъ подошелъ къ ней, придвинулъ стулъ и, сидя передъ нею, нѣсколько наклонился впередъ, обращаясь къ ней съ вопросомъ:

— Ну, милое дитя, говорите, чтѝ же такое случилось? Г-жа Зибольдъ была неласкова съ вами?

Стина утвердительно кивнула головой.

— Нѣтъ, дитя мое, вы должны хорошенько отвѣчать. Мнѣ надо знать все, все! Иначе я вамъ не могу помочь.

Стина сложила руки на колѣняхъ поверхъ носового платочка, которымъ она только-что еще разъ отерла свои слезы, и попробовала поднять на него глаза, но это удалось ей лишь на половину.

— Ну, умница моя!.. Такъ, значитъ, г-жа Зибольдъ къ вамъ относится нехорошо? Съ которыхъ это поръ?

— Да вообще за послѣднее время.

— Вы сами сознаете, что сдѣлали что-нибудь такое, чтò могло ее разсердить?

— Нѣтъ, я не дѣлала ничего дурного!

— Я въ этомъ увѣренъ... Итакъ, значитъ, просто по капризу? Это на нее похоже! Вотъ она и напустилась на васъ... А это чтò? Откуда?

При яркомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ противоположнаго окна на блѣдное личико Стины, докторъ только сейчасъ замѣтилъ красную полосу, которая тянулась у нея отъ лба до щеки и виднѣлась на вискѣ.

— Вы упали?

— Нѣтъ! Она... она...

— Ну, говорите...

— ...Меня... ударила!

И Стина опять стала прижимать къ глазамъ платокъ.

Арно пробормоталъ страшнѣйшее проклятіе.

— Когда?—спросилъ онъ.

— Съ часъ тому назадъ... А послѣ... заперла меня на ключъ и уѣхала!.. Я надѣла свое собственное платье, и Іетта, новая горничная, подошла къ дверямъ. Я ее попросила выпустить меня, но она сперва не хотѣла, а потомъ все-таки мнѣ отворила. Она мнѣ помогла собрать кой-какія изъ моихъ вещей и завязать ихъ въ узелокъ. А потомъ... потомъ я сюда прибѣжала.

— И прекрасно!.. А чтò сказалъ на все это самъ г. Зибольдъ?

— Сначала онъ хотѣлъ уговорить ее, но потомъ... Нѣтъ! Онъ вѣдь ея боится.

— Еще бы онъ не боялся!.. Такъ, значитъ, это не изъ-за него все вышло?

Стина вопросительно посмотрѣла на доктора:

— Изъ-за г-на Зибольда?!

— Я такъ только спросилъ... Такъ ты хотѣла бы теперь вернуться на Недуръ, къ своимъ?

Онъ вдругъ спохватился, что сказалъ ей *ты*, и поспѣшилъ прибавить:

— Они, конечно, будутъ рады такъ скоро васъ увидѣть. Я самъ васъ отвезу обратно. Только такъ ужъ скоро, сейчасъ, это неудобно. На сегодняшнюю ночь мы должны что-нибудь придумать... А чтò, еслибъ я васъ отвелъ въ „Золотой Якорь“?

— Тамъ все такой дурной народъ,—сказала она тихонько. —Да и сама хозяйка—нехорошая женщина.

Арно подумалъ немного.

Положимъ, онъ зналъ нѣсколько приличныхъ гостинницъ, но никуда не могъ устроить на ночь Стину, не привлекая на нее вниманія и не подавая повода къ пересудамъ: за это время она уже успѣла сдѣлаться извѣстной. Вдругъ его осѣнило: а больница?!

Арно всталъ.

— Пойдемте!—сказалъ онъ.—Я васъ отвезу въ такой домъ, гдѣ люди дѣлаютъ все, что̀ я прикажу, и гдѣ съ вами будутъ обращаться во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Для этого не надо даже идти намъ по городу: я отвезу васъ въ ландо, которое стоитъ у крыльца... Вотъ такъ-то, милое дитя! Вы полагаетесь на меня?

— О, да, г. докторъ!

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ!

Помѣстье Фойхтгагенъ лежало на разстояніи получаса ѣзды отъ Узелина. Дорога туда вела мимо больницы, которая стояла на самомъ дальнемъ концѣ предмѣстья, шаговъ на сто вдаваясь въ поле дальше, нежели послѣдніе домики и амбары земледѣльцевъ. Такимъ образомъ, доктору и его спутницѣ не приходилось даже сворачивать въ сторону. Экономка была нѣсколько озадачена, что докторъ хочетъ везти молодую дѣвушку въ больницу, но тутъ же разсудила:

— Впрочемъ, какъ тамъ угадаешь, что̀ у кого болитъ?

XIII.

Стина усѣлась на маленькой скамеечкѣ, напротивъ доктора, и положила рядомъ съ собою свой узелокъ, увязанный въ красный бумажный платочекъ. Только теперь замѣтилъ Арно, что на ней было опять ея простое, полу-деревенское, полу-городское платье, въ которомъ она, мѣсяцъ тому назадъ, пріѣхала въ Узелинъ. Голову она повязала пестрымъ платкомъ на манеръ женъ и дочерей лодочниковъ, когда онѣ въ воскресный день отправляются въ городъ. Изъ-подъ платочка выбились два-три бѣлокурыхъ локона прямо на лобъ, а на немъ еще рѣзче, чѣмъ до сихъ поръ, выдѣлялся красный шрамъ. Блѣдное, заплаканное личико Стины едва ли можно было назвать миловиднымъ; теперь оно казалось доктору совсѣмъ инымъ, нежели то, которое онъ видѣлъ предъ собою, когда, думая о ней, нарочно закрывалъ глаза, чтобы ее увидѣть.

„Дѣйствительность и фантазія! — говорилъ онъ мысленно самъ съ собою.—Только надо умѣть ихъ раздѣлять и не соединять въ одно. И это даже очень хорошо, что такъ легко дается ихъ разъединять, напримѣръ въ данномъ случаѣ"...

Углубившись въ свои мысли, онъ молча смотрѣлъ въ открытое окно ландо. Стина тоже сидѣла тихо, отодвинувшись въ свой уголокъ. Только разъ во время дороги Арно спросилъ ее:

— Вы писали роднымъ?

— Да, на первой же недѣлѣ...

— Когда все еще шло благополучно?

— Да, г. докторъ.

Ландо остановилось у большихъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, которыя отдѣляли больничный дворъ отъ большой дороги.

Докторъ приказалъ Стинѣ остаться въ каретѣ, а самъ вошелъ въ домъ. На площадкѣ лѣстницы онъ встрѣтилъ надзирательницу.

— Докторъ Радловъ дома?

— Нѣтъ, г. докторъ.

— Ну, все равно. Я, собственно, только съ вами и хотѣлъ поговорить.

По возможности короче онъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, чтѐ ей, впрочемъ, не трудно было понять. Она уже не только слышала о Стинѣ, но даже видѣла ее не разъ, когда она проѣзжала съ г-жею Зибольдъ мимо больницы, и съ любопытствомъ думала: на долго ли хватитъ такого ея житья въ роскоши и довольствѣ?

— Еслибъ и завтра г-ну доктору не оказалось времени отвезти ее на Недуръ,—предложила она,—у насъ стоятъ пустыя двѣ комнаты перваго разряда. А я ужъ постараюсь, чтобы ей у насъ не показалось ни жутко, ни тревожно.

— Знаю, знаю, что и въ этомъ случаѣ, какъ впрочемъ и во всемъ, я на васъ вполнѣ могу положиться,—проговорилъ Арно, пожимая ей руку.

— Этимъ ужъ я по справедливости могу гордиться, г. докторъ!

И она пошла вмѣстѣ съ нимъ къ ландо.

— Милая Стина! Это—г-жа Ливоніусъ: подъ ея командой находится весь домъ.

— Ну, вотъ еще чтѐ, г. докторъ!..—улыбаясь, возразила г-жа Ливоніусъ.

— Какъ у вашего отца, когда онъ ведетъ корабль,—продол-

жалъ Арно.—Ей вы можете довѣриться вполнѣ, Стина. Прощайте! Если же не будетъ поздно, я вечеромъ зайду еще разъ.

Докторъ вскочилъ въ ландо и крикнулъ кучеру ѣхать поскорѣе, чтобы по возможности нагнать потерянное время.

Между тѣмъ, солнце уже клонилось къ закату и проливало яркіе красноватые отблески на поля. Арно приказалъ откинуть спинку ландо и глубоко вдыхалъ въ себя цѣлебно-благоуханный запахъ, который подымался отъ листвы и наполнялъ собой вечерній воздухъ.

„Свѣтъ, воздухъ, пѣніе жаворонка въ синей вышинѣ!.. Если жизнь не прекрасна сама по себѣ, то все же въ ней встрѣчаются прекрасныя минуты. И эта, данная минута—одна изъ такихъ. Но почему же она кажется мнѣ такой прекрасной? Г-жа Моорбекъ сказала бы: потому, что ты сдѣлалъ доброе дѣло. А я говорю: потому, что я сдѣлалъ добро себѣ на забаву! Ну, развѣ это не забава — вырвать до крови раненую пташку изъ когтей ястреба? То-есть, собственно говоря, я даже вовсе и не спасалъ ее. Ей просто посчастливилось вырваться самой, и она ко мнѣ прилетѣла, подъ мою защиту“...

Онъ сдѣлался вдругъ глубоко-серьезенъ.

Ему пришелъ на память маленькій разсказецъ, который онъ прочелъ когда-то дома, давно, много лѣтъ тому назадъ, или даже въ школѣ. Въ этомъ разсказцѣ говорилось про какого-то мальчика, котораго аѳиняне приговорили къ смерти за то, что онъ умертвилъ воробья, искавшаго у него на груди защиты отъ преслѣдованій хищной птицы. Было ли то истинное происшествіе, или выдумка—все равно, этотъ разсказъ въ свое время весьма его растрогалъ. Арно тогда казалось, что кара несоразмѣрна съ проступкомъ. Тутъ какая-нибудь да есть особая тайна, которая тогда для него была сокрыта, и онъ ее никакъ не могъ раскопать. Тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ самъ себѣ, что аѳиняне, вѣроятно, были правы.

Теперь, припоминая это, онъ опять долженъ былъ сказать:

„Да, аѳиняне были правы!.. Да, но не потому, позвольте вамъ сказать, г-жа совѣтница, чтобы въ данномъ случаѣ мальчикъ преступилъ коренной законъ, который родится на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и долженъ быть священнымъ для всего человѣчества. Нѣтъ, сударыня, это не то! Это просто законъ, который для аѳинянъ, какъ и для всѣхъ первобытныхъ народовъ, былъ священнѣе всего на свѣтѣ: законъ гостепріимства! Безъ поклоненія ему было бы совершенно немыслимо для людей жить въ такомъ мірѣ, гдѣ господствовало кулачное право, гдѣ

братъ подымалъ руку на брата!.. И, наконецъ, гдѣ есть слабый и беззащитный, который нуждается въ защитѣ, и котораго можешь защитить, тамъ чувствуешь себя и сильнымъ, и великодушнымъ. А чувствовать себя и сильнымъ, и великодушнымъ!.. Все это—сказки, милый другъ! Вся штука въ томъ, что эта дѣвочка сегодня тебѣ показалась на самомъ дѣлѣ ничтожнымъ, необразованнымъ и глупенькимъ созданьемъ, которое нельзя даже назвать хотя бы миловиднымъ! Твое воображеніе разукрасило ее и придало ей прелести сказочнаго дива—такъ же точно, какъ Лора, во что бы то ни стало, хотѣла обратить въ свѣтскую барышню дочь бѣднаго лоцмана, простушку"...

Арно нахмурился, сморщилъ лобъ и стиснулъ зубы.

„Лора?! О, она мнѣ за это заплатитъ! Какъ она осмѣлилась поранить мою пташку? Ее вѣдь это забавляетъ: она вѣдь отъ природы—хищная птица! Ну, и прекрасно! И мнѣ вѣдь будетъ забавно—притупить когти этому ястребу"!

Ей эта забава достанется дороже, нежели она можетъ вообразить!

И чтò такое могло возстановить Лору противъ этого бѣднаго, безобиднаго созданія? Она разсчитывала, безъ сомнѣнія, что прежніе дни ихъ взаимныхъ отношеній вернутся вновь, если она, ему въ угоду, возьметъ къ себѣ этого ребенка? Или, быть можетъ, ее разсердило, когда она случайно услыхала, какъ потѣшается весь городъ надъ дурацкими причудами, которая она выдѣлываетъ надъ бѣдной дѣвочкой-простушкой?

И эту женщину онъ когда-то *любилъ*, какъ говорится.

Но только это слово—звукъ пустой, не болѣе того. Это разноцвѣтный мыльный пузырь, который такъ блеститъ и такъ переливаетъ разными цвѣтами, что дѣти отъ него въ восторгѣ... пока не вскрикнутъ въ ужасѣ, что онъ ужъ лопнулъ!... А на землю падаетъ просто капля грязной, мутной воды!

Арендаторша, г-жа Биллихъ, была очень счастлива, когда докторъ могъ увѣрить ее, что о тифѣ, который все чаще появлялся въ окрестностяхъ, не могло быть и рѣчи. У ребенка просто сильное разстройство желудка, сопряженное съ сильной лихорадкой, и все это пройдетъ черезъ нѣсколько дней.

— Если, противу ожиданій, завтра не будетъ ему значительно лучше, то прошу васъ опять прислать за мной экипажъ,— сказалъ въ заключеніе докторъ.

Тѣмъ временемъ, по деревенскому обычаю, была подана обиль-

ная закуска; но радушные хозяева тщетно упрашивали доктора оказать имъ честь откушать. Онъ объявилъ, что долженъ спѣшить тотчасъ же прямо въ городъ, и только выпилъ на дорогу, торопливо, стаканчикъ вина. Затѣмъ, въ ту же минуту пошелъ садиться въ ландо, которое, по его просьбѣ, все еще стояло у крыльца.

— Ну, до свиданья, когда такъ!—сказалъ Биллихъ, захлопывая самъ дверцы экипажа.—Смотри же ты, Кришанъ, изволь ѣхать хорошенько! Г-ну доктору надо торопиться!

Арно, дѣйствительно, надо было торопиться. Онъ желалъ бы полетѣть на крыльяхъ, чтобы поскорѣе возвратиться къ ней,— къ этой маленькой дѣвочкѣ-простушкѣ, которая *даже* не миловидна!

— Просто смѣху подобно!..

Но Арно не смѣялся. Онъ сидѣлъ молча, неподвижнымъ взоромъ поглядывая на поля, съ которыхъ теперь уже пропалъ отблескъ золотистаго огня заката. Надъ низменными мѣстами равнины тамъ и сямъ разстилался легкій, синеватый туманъ. На полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, перепелъ скликалъ своихъ. Высоко надъ головой Арно пронесся цѣлый треугольникъ — стая крупныхъ птицъ: очевидно, это дикіе гуси или лебеди тянулись на западъ, при свѣтѣ догоравшей вечерней зари. Позади всѣхъ летѣла одна, отсталая птица и, махая крыльями, издавала порой странный и пріятный, но жалобный крикъ...

Арно все это видѣлъ, все слышалъ, какъ сквозь сонъ. Онъ дышалъ тяжело и учащенно. Раза два онъ было-выпрямился, чтобы вырваться изъ этого оцѣпенѣнія, которое щемило ему сердце. Какъ ни горѣли его вѣки, онъ все же не рѣшался закрыть глаза; онъ зналъ, что тотчасъ же предъ нимъ всплыветъ. въ волшебно-обаятельномъ свѣтѣ, прелестный образъ Стины, а это обаяніе было ему хорошо знакомо...

Онъ не хотѣлъ дать себя обворожить; не хотѣлъ, подобно какому-нибудь глупому мальчишкѣ, соединить дѣйствительность съ воображеніемъ... Онъ не хотѣлъ обидѣть малую пташку, которая прилетѣла искать себѣ защиты у него на груди.

Въ концѣ концовъ, вѣдь надо же признать, что есть на свѣтѣ нѣчто—священное даже въ его глазахъ. Напримѣръ, обѣщаніе, которое онъ далъ старику-лоцману, *присмотрѣть* за его *малюткой*. Онъ обѣщалъ, если ей будетъ нехорошо жить въ Узелинѣ, доставить ее въ цѣлости и невредимой обратно домой, въ родной уголокъ среди дюнъ и песковъ, гдѣ она будетъ опять чистить картофель и чинить сѣти, и дѣлить съ отцомъ и съ ма-

терью копченую рыбу и прогорклое масло. А тамъ — и замужъ выйдетъ за эту образину Калибана съ гигантскими кулаками и воловьей шеей.

Въ сущности вѣдь и она сама не желала для себя ничего лучшаго. Она, пожалуй, даже была бы въ восторгѣ отдѣлаться отъ этого страшнаго пугала-доктора, передъ которымъ она трепетала такъ, что душа съ тѣломъ разставалась...

А вотъ и больница... и совсѣмъ ужъ близко. Не лучше ли ему проѣхать мимо и прямо въ городъ, къ себѣ домой?

Но онъ вѣдь самъ же на половину обѣщалъ еще разъ завернуть сегодня. Вдобавокъ, надо же было и обсудить, что̀ дѣлать съ нею завтра? На завтра у него много дѣла; надо еще, чтобы докторъ Радловъ посмотрѣлъ, справится ли онъ одинъ? Положимъ, лодка на пристани, по всей вѣроятности, найдется.

— Стой, кучеръ! Стой!..

Отправивъ экипажъ обратно, Арно пошелъ къ дому.

Г-жа Ливонiусъ услышала стукъ колесъ, и сама вышла къ нему на встрѣчу.

— Ну, какъ поживаетъ наша питомица?—спросилъ онъ.

— Да хорошо, г-нъ докторъ, хорошо!

— А славное она дитя; не правда ли?

— О, да, г. докторъ! И даже очень славное. За такое короткое время я ужъ успѣла рѣшительно ее полюбить. Какъ это г-жа Зибольдъ не могла съ нею поладить—я рѣшительно не понимаю! Она по глазамъ видитъ, чего отъ нея хотятъ. И основательная-то она, и ловкая такая, что просто только удивляться надо. Она непремѣнно хотѣла что-нибудь дѣлать. Тогда я повела ее съ собой. Сначала къ Миннѣ Ридъ,—ей надо было наложить новые бинты,—а потомъ къ Рикѣ Крафтъ: той перестлать постель... Ну, докторъ, какъ же она мнѣ ловко подсобляла! Какъ увѣренно и ловко все у нея спорится подъ рукой! Право, я сама не смогла бы сдѣлать лучше. Знаете что̀, г. докторъ? Намъ бы нужна была такая, какъ она; давно ужъ мнѣ такой помощницы недостаетъ.

— Пока намъ все-таки придется сначала отправить ее назадъ, къ роднымъ, обратно на Недуръ. А гдѣ она?

— Я только-что ее послала въ нашъ лѣсокъ, погулять съ полчаса. Она сама меня просила: для нея вѣдь такая новость очутиться посреди цвѣтовъ... Послать ее позвать?

— Нѣтъ, нѣтъ: пожалуйста, не надо! Я лучше самъ пойду. Мнѣ надо бы серьезно переговорить съ этимъ ребенкомъ. Въ стѣнахъ дома она обыкновенно такъ пуглива... со мной, по край-

ней мѣрѣ. На островѣ, между своими дюнами, она могла прекрасно говорить.

Въ лѣсочкѣ, за большимъ садомъ, хотя онъ также принадлежалъ къ больницѣ, докторъ плохо зналъ дорогу. Изъ своихъ рѣдкихъ посѣщеній онъ вынесъ только воспоминаніе о тропинкахъ и дорожкахъ, которыя частью состояли изъ чистаго песку, частью же поросли травою. Мѣстами эти дорожки расширялись и тогда получались площадки, на которыхъ стояли первобытныя скамейки.

Вѣроятно, Стина не рѣшится далеко зайти вглубь этой маленькой лѣсной чащи. Но до сихъ поръ еще было настолько свѣтло, что въ широкихъ аллеяхъ между кустами, между молодыми буками и дубами свободно можно было видѣть все передъ собой, даже и безъ помощи почти полной луны, которая въ видѣ большого шара начинала порой сверкать межъ легкой листвы.

Полнѣйшая, томительная тишина царила въ рощѣ. Въ травѣ, въ зелени дикаго цикорія и въ мягкомъ пескѣ дорожки отдавались только его собственные шаги, да и то лишь когда онъ наступалъ ногою на сухую вѣтку. На поворотѣ дорожки передъ нимъ вдругъ очутилась круглая, блестящая луна, сіявшая прямо по серединѣ промежутка между двумя рядами буковъ, тянувшихся стѣною съ правой стороны и съ лѣвой. Черная тѣнь медленно протянулась мимо круглой, сверкающей луны... какая-нибудь хищная птица; по всей вѣроятности, сова, вылетѣвшая на добычу, въ ночной набѣгъ на маленькихъ, беззащитныхъ пташекъ... Какъ та, которую онъ шелъ искать. Та—не хищная, не съ мыслями хищной птицы, о, нѣтъ!

Ни у какого хищника не будетъ сердце такъ сильно трепетать въ груди, какъ оно трепетало у него; бились даже жилы на шеѣ, когда онъ вдругъ увидѣлъ, съ правой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя женскую фигуру. Она сидѣла на низенькой скамейкѣ въ просвѣтѣ дорожки, на краю.

— Стина, вы? Да не пугайтесь: это я! Г-жа Ливоніусъ сказала мнѣ, что я васъ здѣсь найду. Можно мнѣ присѣсть рядомъ съ вами? Или, вотъ что̀ лучше: пойдемъ сейчасъ домой. Становится ужъ сыро и прохладно, а вы еще въ такомъ легкомъ платьицѣ!

Все это Арно говорилъ торопливо, съ прерывистымъ дыханіемъ, и такимъ голосомъ, который ему самому показался какимъ-то страннымъ, грубымъ и непривѣтливымъ. Что̀ же мудренаго, если она, бѣдняжка, испугалась; если ея холодная ручка, которую онъ взялъ на мгновеніе въ свою, нервно дрожала?

Стина встала со своей скамейки и пошла рядомъ съ нимъ, а онъ старался укорачивать свои обыкновенно длинные шаги для того, чтобы малютка могла поспѣвать за нимъ. Онъ вѣдь и не подозрѣвалъ, до чего она мала, какъ разъ достанетъ ему по плечо—не больше. Сущее дитя!

— Ну, давайте, поговоримъ мы съ вами хорошенько! Назадъ, къ Зибольдамъ, вы вѣдь не захотите?

— О, нѣтъ, г. докторъ!

— Даже, еслибы я самъ вамъ поручился... то-есть, я хочу сказать, еслибы я могъ такъ устроить, чтобы васъ тамъ впредь больше не обижали?

— О, нѣтъ, г. докторъ!

— Развѣ васъ не радовало такъ прекрасно наряжаться? И ѣсть, и пить такія тонкія блюда и вина? И ѣздить кататься, и все тому подобное?

— Нѣтъ, г. докторъ: не радовало вовсе!

— Ну, а ученье—тоже сначала васъ совсѣмъ не забавляло?

— Напротивъ, г. докторъ: я съ удовольствіемъ училась, потому что...

— Ну, почему же?

— Я думала, что вы г. докторъ, этого желали...

Стина сказала это тихо-тихо. Ему пришлось догадываться о томъ, что̀ она говоритъ, по отдѣльнымъ, неяснымъ, едва слышнымъ звукамъ.

— А, вотъ оно что̀!.. А почему жъ бы я могъ этого желать?

Молодая дѣвушка не отвѣчала. Арно внутренно ругнулъ себя за глупый вопросъ.

Очевидно, она составила себѣ свои особыя умозаключенія, изъ которыхъ явствовало для нея, что онъ переселилъ ее въ городъ, къ г-жѣ Зибольдъ, чтобы она тамъ чему-нибудь путному научилась. Въ ея понятіи это было, вѣроятно, какъ бы продолженіемъ ея ученія въ Сундинѣ. Еще въ то утро... тамъ, на дюнахъ, у нихъ былъ разговоръ объ этомъ.

— Такъ вы въ концѣ концовъ охотно остались бы здѣсь, еслибъ имѣли возможность продолжать учиться? Еслибъ вамъ удалось пристроиться у людей, которые обходились бы съ вами ласково?

— О, да!..

Это вырвалось у нея такъ свободно и радостно; это было первое выраженіе радости, которое онъ слышалъ отъ нея. Какіе у нея отзывчивые нервы, какое воспріимчивое чувство! Онъ никогда бы не подумалъ, что все это въ ней найдетъ.

— Такъ та̀къ-то?—проговорилъ онъ.—Ну, этому, пожалуй, можно бы помочь. Можетъ быть даже здѣсь, у меня въ больницѣ, что-нибудь для васъ найдется. Я знаю, что вы, такъ сказать, на половину уже настоящая сидѣлка. И г-жа Ливоніусъ уже успѣла въ этомъ убѣдиться. Она, навѣрно, съ удовольствіемъ оставила бы васъ тутъ при больницѣ. Тогда вы могли бы взять на себя заботу о болѣе легкихъ больныхъ, и у васъ оставалось бы еще время учиться, сколько вашей душѣ угодно.

— О, еслибъ это было возможно! — воскликнула она все тѣмъ же взволнованнымъ голосомъ и въ восторгѣ сложила руки.

— Все зависитъ отъ того, что̀ скажутъ ваши родные. На меня они произвели такое впечатлѣніе, какъ будто они неохотно васъ отъ себя отпускали. Даже совсѣмъ напротивъ! Я увѣренъ, напримѣръ, что они были бы больше рады увидать васъ у себя дома *сегодня*, нежели завтра.

— О, да: навѣрно, это такъ!

Голосъ ея зазвучалъ опять нѣсколько сдавленно.

— А что̀, еслибы я имъ написалъ?—предложилъ Арно.

— О, да, г. докторъ: пожалуйста! Отецъ и мама всегда дѣлаютъ все, что̀ имъ скажете вы, г. докторъ.

— Ну, а какъ же тогда Іохенъ Лахмундъ?

Арно остался стоять передъ ней и смотрѣлъ внизъ на нее, а она вдругъ опустила голову.

Отвѣта не послѣдовало.

— Ну, милое дитя, если ужъ я долженъ взять на себя отвѣтственность за вашу судьбу (положимъ, такъ именно оно и слѣдуетъ, если вы останетесь здѣсь подъ моимъ началомъ), я также долженъ знать, какъ это дѣло обстоитъ съ вашей стороны. Мнѣ необходимо знать, не произвожу ли я въ вашей жизни такимъ образомъ разрыва, за который я васъ не могу ничѣмъ вознаградить? Не разрушаю ли я что-либо такое, въ чемъ ваши родители видятъ ваше счастіе?.. Какъ и вы сами увидите, когда станете на нѣсколько лѣтъ постарше...

Онъ говорилъ серьезно и убѣдительно, безъ всякой себялюбивой задней мысли. Въ эту минуту Стина, дѣйствительно, была для него лишь безпомощной, малой пташкой, которая искала у него защиты на груди.

Онъ взялъ ее за опущенную руку и проговорилъ привѣтливо:

— Ну, ну, признайтесь же: вы не любите этого Іохена?

Стина отрицательно покачала головой.

— Но, можетъ быть, вы любите другого? Да посмотрите же на меня! И отвѣчайте прямо, чистосердечно: да или нѣтъ?

Она медленно подняла къ нему свое личико. Лунный свѣтъ падалъ прямо на ея широко-раскрытые глаза.

Арно содрогнулся въ глубинѣ души.

Чтò же это? Этотъ мягкій, задумчивый, страстный блескъ... Нѣтъ, это не игра освѣщенія!..

— Стина!..—вырвалось у него смущенно.

Ея головка упала къ нему на грудь.

— Стина! Ты любишь меня?

Руки его обвивались вокругъ ея нѣжнаго стана. Она прижалась къ нему страстно, горячо. Дрожащія уста ихъ встрѣтились, слились въ горячемъ, жадномъ поцѣлуѣ, какъ если бы они оба хотѣли въ этомъ поцѣлуѣ проститься съ жизнью и переселиться въ лучшій міръ...

А. Б—г—

Н. С. ТИХОНРАВОВЪ

и

ЕГО НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

По кончинѣ Н. С. Тихонравова (27 ноября 1893 г.), у его ближайшихъ учениковъ и почитателей возникла мысль собрать о немъ возможно подробныя личныя воспоминанія и также историко-литературныя замѣтки, чтобы сохранить память объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ въ разработкѣ исторіи русской литературы, и также замѣчательномъ профессорѣ, образовавшемъ цѣлую школу изслѣдователей, особливо въ области наименѣе извѣстной старой письменности. Въ результатѣ явилась книга, заключающая множество интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности Тихонравова, разъясняющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе новыхъ пріемовъ историко-литературнаго изслѣдованія [1]). Не входя въ подробности, какихъ много собрано въ этомъ изданіи и которыя послужатъ важнымъ матеріаломъ для будущаго біографа, мы хотѣли бы отмѣтить главныя черты этой дѣятельности, которая займетъ важное мѣсто въ постановкѣ историческаго объясненія нашей литературы. Мы не будемъ излагать и его біографіи, которая должна быть разсказана людьми, близко знавшими его личную жизнь и университетскую дѣятельность (особенно во время его ректорства), и коснемся ея лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда внѣш-

[1]) „Памяти Николая Саввича Тихонравова. Императорское Московское Археологическое Общество и Общество Любителей Россійской словесности". М. 1894. Содержаніе этой книги указано было вкратцѣ въ Литературномъ Обозрѣніи „В. Е." 1895, іюнь.

нія условія отражались и на ходѣ его работы. Въ разные періоды жизни Тихонравова, особливо тотчасъ по окончаніи имъ и мной университетскаго курса и опять въ послѣдніе годы, я бывалъ съ нимъ близокъ; теперь, отчасти вызванный на эту работу, я пересмотрѣлъ значительную долю его бумагъ и переписки и вмѣстѣ хотѣлъ бы сохранить нѣкоторыя личныя воспоминанія, которыя, быть можетъ, будутъ пригодны для будущаго біографа.

То направленіе, какое принимали съ самаго начала труды Тихонравова по исторіи литературы, было отраженіемъ цѣлаго научнаго движенія, которое въ основѣ своей было несомнѣнно связано съ движеніемъ такъ называемыхъ сороковыхъ годовъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, расходилось съ нимъ, а иногда вступало даже въ прямое столкновеніе. Въ вопросахъ исторіи литературы новая точка зрѣнія была дѣйствительно весьма не похожа на ту, какая принята была въ господствовавшей передъ тѣмъ художественно-исторической критикѣ Бѣлинскаго. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ [1]), подъ какими вліяніями мало-по-малу расширялись историческіе интересы, которые охватили наконецъ и исторію литературы. Изученіе письменной древности выходило изъ стадіи внѣшнихъ описаній и старалось проникнуть во внутреннее содержаніе старыхъ вѣковъ. Изученія этнографическія, искавшія разрѣшенія загадки народной жизни, принимали все болѣе обширные размѣры и въ свою очередь приводили къ народной старинѣ. Изученія славянскія напоминали о цѣломъ племенномъ вопросѣ и снова доставляли историческія, бытовыя и народно-поэтическія параллели. Давно господствовавшая въ Германіи новая школа истолкованія народной древности, въ лицѣ братьевъ Гриммовъ, проникла, наконецъ, и въ нашу научную среду и нашла въ ней усердныхъ прозелитовъ. Близившаяся эпоха освобожденія крестьянъ создавала возбужденіе, которое распространялось и въ эту, повидимому, археологическую область.

Такого рода умственныя теченія, которыя находятъ отголосокъ и въ наукѣ и въ общественной жизни, происходятъ обыкновенно изъ источниковъ весьма разнообразныхъ; ихъ трудно подвести подъ какое-нибудь одно начало; а затѣмъ и въ самыхъ представителяхъ этихъ теченій, если они не уходятъ въ какую-нибудь спеціальность, почти всегда одностороннюю, мы можемъ услѣдить это разнообразіе возбужденій, которыя въ концѣ концовъ направляли ихъ дѣятельность и налагали на нихъ свой отпечатокъ,

---

[1]) Вопросы литературной исторіи, „В. Е.“ 1893, октябрь.

Съ такими разнообразными возбужденіями мы встрѣтимся и въ дѣятельности Тихонравова.

Во время моей работы по исторіи русской этнографіи, мнѣ казалось важнымъ освѣтить ходъ развитія новѣйшихъ этнографическихъ изученій, составляющихъ теперь столь важную силу въ русской наукѣ, автобіографическими показаніями лицъ, особенно много поработавшихъ въ этой области. Такія показанія были бы достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о возникновеніи научныхъ интересовъ. Въ числѣ другихъ свѣдѣній я получилъ, напримѣръ, любопытный разсказъ покойнаго А. А. Потебни,—и надѣялся имѣть такія же свѣдѣнія отъ Н. С. Тихонравова. Онъ обѣщалъ составить для меня автобіографическую записку и не долго спустя прислалъ мнѣ ея начало; къ сожалѣнію, однако, по извѣстной его медлительности, продолженіе затянулось такъ, что томъ „Исторіи Этнографіи“ долженъ былъ выйти безъ этого цѣннаго приложенія. По его смерти, этого продолженія автобіографической записки не было пока найдено въ его бумагахъ, — и я считаю не лишнимъ сохранить для будущаго біографа начало этой записки, тѣмъ болѣе, что она сообщаетъ отзывы Тихонравова объ его первой школѣ.

„Н. С. Тихонравовъ происходитъ изъ мѣщанъ. Родился 3 октября [1]) 1832 года, въ селѣ Шеметовѣ, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда. Семейство его переселилось въ Москву, когда ему шелъ второй годъ. Здѣсь началъ учиться грамотѣ у священника Благовѣщенскаго собора. До поступленія въ гимназію учился нѣмецкому языку (практически). Въ августѣ 1842 года поступилъ на классическое отдѣленіе 3-ей московской реальной гимназіи, открытой въ 1839 году. Интересъ къ литературѣ проявился здѣсь, благодаря плодотворному преподаванію Русской словесности въ высшихъ классахъ старшимъ учителемъ В. В. Авиловымъ (впослѣдствіи директоръ 2-ой гимназіи, инспекторъ студентовъ моск. ун. и состоявшій при главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковѣ). Авиловъ разбиралъ съ большимъ мастерствомъ, вмѣстѣ съ учениками, классическія произведенія русскія и иностранныя (Антигона Софокла, Макбетъ Шекспира). Во время зимнихъ и лѣтнихъ каникулъ ученики обязывались прочесть нѣсколько указанныхъ преподавателемъ сочиненій (Гоголя, Пушкина, Лажечникова) и дать *письменный* отчетъ въ прочитан-

---

[1]) Въ книгѣ „Памяти Тихонравова“, въ подписи при портретѣ ошибочно поставлено 30-е.

номъ. При изученіи исторіи русской литературы обращалось вниманіе преимущественно на писателей 18 и 19 вѣка. Вмѣсто учебника, служили записки учителя; онѣ очень нравились ученикамъ. Впослѣдствіи оказалось, что эти записки были *буквальнымъ воспроизведеніемъ* (съ необходимыми сокращеніями) статей Бѣлинскаго о „Сочиненіяхъ Пушкина". Поэтому, между прочимъ, древній періодъ литературы почти не затрогивался. Изъ гимназіи Т. вынесъ довольно хорошее знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго, такъ что безъ особенныхъ затрудненій могъ читать на этихъ языкахъ книги. Обученіе классическаго отдѣленія греческому языку началось только съ 5-го класса, но, благодаря мастерскому преподаванію даровитаго Б. И. Ордынскаго, успѣхи учениковъ были такъ велики, что министръ гр. С. С. Уваровъ, лично переспросившій почти всѣхъ учениковъ во время урока греческаго языка, разрѣшилъ принимать кончившихъ курсъ въ 3-й гимназіи на филологическій факультетъ безъ экзамена.

„Т. окончилъ гимназическій курсъ первымъ ученикомъ съ серебряною медалью и съ правомъ на чинъ 14 класса, въ іюнѣ 1849 года. Въ силу Высочайшаго повелѣнія о введеніи комплекта студентовъ въ русскихъ университетахъ (300), пріема въ мос. ун. въ этомъ году не было, и потому Т., рѣшившійся поступить на филол. фак., вынужденъ былъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ и принятъ былъ (авг. 1849 г.) въ число студентовъ главнаго педагогическаго института.

„Ученіе въ этомъ заведеніи не удовлетворило его. Преподаваніе русской литературы и языка находилось ниже гимназическаго уровня. Профессоръ И. И. Давыдовъ читалъ буквально по своему печатному курсу: „Чтенія о словесности". Его помощникъ читалъ „Исторію русскаго языка", передавая сбивчиво и безтолково содержаніе рѣчи Срезневскаго: „Мысли объ исторіи русскаго языка", которая была уже въ рукахъ у нѣкоторыхъ студентовъ, безъ вѣдома профессора. Грефе съ пользою обучалъ греческому языку; интересъ возбуждали только лекціи Лоренца (по древней исторіи) на нѣмецкомъ языкѣ и Срезневскаго— „Славянское народописаніе".

„По окончаніи акад. года, выдержавши въ институтѣ экзаменъ для перехода на 2-й курсъ, Т. рѣшился или перейти въ московскій ун., или оставить институтъ и отслужить уѣзднымъ учителемъ два года за время пребыванія въ институтѣ"...

Такъ относился Тихонравовъ къ этой школѣ, находившейся въ рукахъ столь патентованнаго педагога, какъ Давыдовъ,— о которомъ недавно дали такое яркое понятіе записки А. В. Никитенко. Изъ послѣднихъ строкъ Тихонравова видно, что онъ рѣшался на послѣднее, чтобы уйти изъ этой школы. Къ счастію, ему удалось перейти въ московскій университетъ, хотя именно въ то время это было не легко: правило о комплектѣ въ 300 человѣкъ находилось еще въ силѣ и притомъ онъ былъ казеннымъ студентомъ. „Но онъ,—разсказываетъ г. Долговъ,—не прекращалъ своихъ стараній и обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному историку, профессору московскаго университета, Михаилу Петровичу Погодину. Послѣдній посовѣтовалъ молодому студенту, для болѣе успѣшнаго ходатайства за него, написать какую-нибудь статью и напечатать ее въ журналѣ; благодаря этому, появилась въ печати первая критическая статья Николая Саввича: „Нѣсколько словъ о Каѣ Катуллѣ и его произведеніяхъ“... Ходатайство Погодина за многообѣщающаго студента было уважено, и Тихонравовъ былъ принятъ въ московскій университетъ сверхъ комплекта“. Это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ и мы слышали отъ самого Тихонравова.

Въ Москвѣ окружила его совсѣмъ иная научная атмосфера. Изъ собственныхъ разсказовъ Тихонравова мы помнимъ, какой высокій нравственный авторитетъ представлялъ для него Грановскій; вліяніе Ѳ. И. Буслаева было очевидно въ первыхъ приступахъ Тихонравова къ нашей письменной старинѣ и народной поэзіи; безъ сомнѣнія много полезнаго извлекалъ онъ изъ преподаванія П. М. Леонтьева, лекціи котораго научали правильному методу изслѣдованія; профессоромъ исторіи русской литературы былъ собственно Шевыревъ, который вскорѣ съумѣлъ оцѣнить своего даровитаго ученика. Шевыревъ, — говоритъ опять г. Долговъ,—„нерѣдко оказывалъ юному студенту свое расположеніе и протекцію; такъ онъ однажды своимъ заступничествомъ освободилъ Николая Саввича отъ заключенія въ карцеръ и заявилъ въ одномъ университетскомъ отчетѣ, что отъ дѣятельности Тихонравова онъ ожидаетъ „весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности“. Дѣятельность Николая Саввича вполнѣ оправдала ожиданія его учителя“. На дѣлѣ, Шевыревъ освободилъ Тихонравова не только отъ карцера, но даже отъ грозившаго ему исключенія изъ университета. Въ письмахъ Тихонравова къ Шевыреву, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, мы находимъ одно, безъ года и числа, но относящееся къ студенческимъ годамъ и именно къ упомянутому здѣсь случаю. Приво-

димъ это письмо, какъ черту изъ Lehrjahre будущаго большого ученаго (который притомъ своей упомянутой работой уже долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе) и вообще какъ характерную черту времени.

„М. г. Степанъ Петровичъ!—писалъ студентъ Тихонравовъ.— Находясь въ крайней нуждѣ, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, какъ къ декану и моему непосредственному начальнику. Вотъ чтò со мной случилось. Вчера, въ пятницу, я отправился въ *пять* часовъ къ профессору Леонтьеву для поправки лекцій: онъ продержалъ меня до *семи* часовъ, потому что сперва я самъ прочелъ лекцію, а потомъ онъ прочитывалъ самъ и объяснялъ дѣло на картѣ; потому я вчера не могъ быть у всенощной. Сегодня утромъ требуютъ меня къ инспектору вмѣстѣ съ другими студентами. На вопросъ: почему я не былъ въ церкви? я представилъ достаточное, какъ мнѣ кажется, оправданіе. И несмотря на то, я получилъ самый строгій выговоръ, въ такихъ выраженіяхъ: „Чортъ ли мнѣ пользы въ васъ, изъ-за того, что я принялъ васъ Христа ради на казенный счетъ“. Я отвѣчалъ, что принятъ для своей пользы, а не для пользы другихъ, что принятъ не Христа ради, что попечитель знаетъ мое поведеніе и разсудитъ дѣло. Инспекторъ повезъ меня къ попечителю. Не знаю, чтò сказалъ онъ ему въ кабинетѣ, только попечитель приказалъ меня посадить подъ арестъ и исключить изъ университета. Я смѣю обратиться къ вамъ и просить васъ о помощи въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Инспекторъ самъ могъ найти во мнѣ только два проступка: 1) что я одинъ разъ во время лекцій былъ застегнутъ не на всѣ пуговицы; 2) послѣднее дѣло, которое я имѣю честь вамъ изложить. Надѣясь вполнѣ на ваше покровительство, я осмѣливаюсь, по совѣту Михаила Петровича, обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою о помощи.

„Николай Тихонравовъ“.

Вѣроятно Шевыревъ вразумилъ Назимова, что такъ расправляться съ студентами не подобаетъ, и Тихонравовъ уцѣлѣлъ въ университетѣ. Быть можетъ, для обезпеченія отъ подобныхъ нападеній инспекціи Шевыревъ и счелъ нужнымъ упомянуть въ университетскомъ отчетѣ о весьма добрыхъ плодахъ для исторіи русской словесности, которыхъ онъ ожидалъ отъ своего слушателя.

Дѣйствительно, еще во время своего студенчества Тихонравовъ на такъ-называемыхъ педагогическихъ бесѣдахъ прочелъ нѣсколько своихъ работъ (о рѣдкихъ русскихъ книгахъ, о Новиковѣ, о заимствованіяхъ русскихъ писателей), которыя встрѣтили одобреніе Шевырева. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ 1851 г.

являются уже и печатные его труды по старой литературѣ. Такъ была помѣщена здѣсь (въ 1852) большая статья о Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова, гдѣ между прочимъ указано было нѣсколько сочиненій, пропущенныхъ въ этомъ изданіи. Затѣмъ въ „Москвитянинѣ" 1852 онъ напечаталъ одно изъ такихъ забытыхъ сочиненій Ломоносова, именно „Судъ россійскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ, отъ грамматики представленныхъ", и нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ для его біографіи. Въ то же время появляются его замѣтки о Смирдинскомъ изданіи Фонъ-Визина, гдѣ между прочимъ, вѣроятно въ связи съ упомянутой его работой о заимствованіяхъ русскихъ писателей, онъ указалъ, что нѣкоторыя мѣста въ Фонъ-Визинскомъ „Опытѣ сословника" взяты изъ французскаго словаря синонимовъ Жирара и даже разсужденіе г-жи Простаковой о географіи взято изъ повѣсти Вольтера Jeannot et Colin. Въ тѣ же годы, въ 1852 и 1853, онъ сообщалъ весьма важныя данныя по поводу выходившихъ тогда біографическихъ изслѣдованій о Гоголѣ (г. Кулиша), баронѣ Дельвигѣ и Пушкинѣ (В. П. Гаевскаго); между прочимъ онъ указывалъ здѣсь на стихотвореніе Гоголя „Италія" и поэму „Ганцъ Кюхельгартенъ" [1]). Въ половинѣ 1853 онъ кончилъ университетскій курсъ, получивъ золотую медаль за сочиненіе на факультетскую тему „О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіею" (сколько извѣстно, это сочиненіе осталось ненапечатаннымъ).

Въ связи съ этими университетскими работами по исторіи русской литературы были однородныя работы по важному изданію, которое было тогда предпринято московскимъ университетомъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ московскій университетъ готовился къ празднованію своего столѣтняго юбилея. Предполагалось сдѣлать нѣсколько юбилейныхъ изданій, въ томъ числѣ въ особенности составить исторію университета и біографическій словарь профессоровъ и преподавателей за сто лѣтъ, и наконецъ словарь питомцевъ университета. Къ двумъ послѣднимъ работамъ Шевыревъ привлекъ Тихонравова, который передъ тѣмъ въ своихъ еще студенческихъ работахъ показалъ свои большія знанія

---

[1]) Не приводимъ цитатъ, такъ какъ подробный библіографическій обзоръ сочиненій Тихонравова сдѣланъ былъ г. Языковымъ въ книгѣ „Памяти Тихонравова", стр. 136—157, и читатель найдетъ тамъ всѣ нужныя данныя. Кромѣ того, есть еще книжка А. С. Архангельскаго: Ученые труды Н. С. Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894; подобный обзоръ г. Алякритскаго въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филол. Общества, и болѣе кратко въ некрологахъ.

въ историко-литературномъ матеріалѣ и умѣнье критически освѣщать этотъ матеріалъ. Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Тихонравову принадлежатъ біографіи трехъ замѣчательныхъ профессоровъ въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго: Баузе, извѣстнаго въ свое время собирателя рукописей, собраніе котораго (извѣстное теперь только по каталогу) сгорѣло въ пожарѣ двѣнадцатаго года; Буле, ученаго археолога и эстетика, который былъ между прочимъ воспитателемъ Грибоѣдова, и Шварца, извѣстнаго сотрудника Новикова въ его масонскихъ и просвѣтительныхъ предпріятіяхъ. Для словаря питомцевъ Тихонравовъ доставилъ статьи о фонъ-Визинѣ, Новиковѣ и Рубанѣ,—но этотъ словарь остался неконченнымъ и въ свѣтъ не выходилъ [1]). Но участіе Тихонравова въ двухъ біографическихъ словаряхъ далеко не ограничивалось этими статьями. Изъ сохранившихся писемъ Шевырева (въ бумагахъ Тихонравова въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ) и многочисленныхъ писемъ Тихонравова къ Шевыреву, относящихся именно къ этимъ годамъ (въ Публичной Библіотекѣ), можно видѣть, что Тихонравовъ былъ вообще дѣятельнымъ помощникомъ Шевырева, которому принадлежала главная редакція обоихъ словарей, и что Тихонравовъ былъ уже въ глазахъ Шевырева авторитетнымъ знатокомъ старой и новой литературы. Отношенія ихъ были впрочемъ не всегда ровны. Повидимому, уже въ это время у Тихонравова проявлялась та медлительность, которая такъ отличала его впослѣдствіи и была причиной того, что многія работы его, совсѣмъ или почти оконченныя, такъ и не являлись въ печати, что разные планы работъ, его очень интересовавшихъ, останавливались послѣ перваго приступа къ ихъ исполненію. Въ письмахъ Шевырева не однажды и иногда съ большимъ раздраженіемъ говорится объ этой медленности, неисполнен и обѣщаннаго и т. п.; однажды говорится даже о томъ, будто бы Тихонравовъ переходитъ къ „партіи, противящейся успѣху юбилея“.

---

[1]) Фонъ-Визинъ стр. 39—83, Новиковъ 154—182, Рубанъ 220—240... (безъ окончанія). Статьи словаря были вообще безъ подписей. Г. Языковъ приписываетъ Тихонравову только статьи о Фонъ-Визинѣ и Рубанѣ („Памяти Тихонр.“, стр. 141), но принадлежность ему и біографіи Новикова доказывается ссылкой на стр. 161 біографіи: „см. въ *моей статьѣ* объ Essai sur la littérature Russe, въ Москов. Вѣд. 1851, № 150“. Это была статья Тихонравова. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ Шевырева къ Тихонравову (отъ 5 сент., вѣроятно, 1854) говорится: „Что біографіи питомцевъ? За вами:—Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Рубанъ, Муравьевъ, Плавильщиковъ, Костровъ, Подшиваловъ, Пнинъ, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ, Милоновъ,—которыя вы хотѣли и обѣщались доставить въ концѣ іюля.—Сдѣлайте милость, не медлите. Время летитъ. Осталось 4 мѣсяца“, т.-е. до юбилея. Мы имѣли экземпляръ этого не вышедшаго въ свѣтъ словаря питомцевъ изъ библіотеки Л. Н. Майкова.

Противъ послѣдняго Тихонравовъ рѣшительно протестовалъ; но, какъ видно изъ самыхъ писемъ, успѣшности работы могла мѣшать и тогдашняя необезпеченность его положенія. Приводимъ нѣсколько писемъ Тихонравова изъ этого времени, которыя даютъ понятіе о ходѣ этихъ работъ по словарю:

„Біографія Баузе,—писалъ онъ 14-го января 1854,—будетъ доставлена вамъ завтра. Я очень хорошо понимаю, что много виноватъ передъ вами и еще болѣе передъ юбилеемъ. Не желаю приводить оправданій, важныхъ только для меня, и, можетъ быть, подозрительныхъ въ глазахъ начальства. Что касается до отношенія моего къ „партіи, противящейся успѣху юбилея“, то мое отношеніе къ комитету, кажется, можетъ служить оправданіемъ противъ догадки, находящейся въ вашемъ письмѣ.

„Вамъ угодно спрашивать меня о моихъ намѣреніяхъ; но развѣ казеннокоштный студентъ можетъ имѣть какія-либо личныя намѣренія и развѣ не долженъ онъ исполнять все то, что̀ ему предписано начальствомъ? Если я имѣю несчастіе возбудить ваше подозрѣніе касательно искренности и чистоты моего поведенія, то надѣюсь и постараюсь дальнѣйшими трудами загладить свою вину и ослабить, если не уничтожить, ваше подозрѣніе. Простите за откровенный отвѣтъ; онъ могъ вылиться въ подобной формѣ только потому, что письмо ваше меня крайне огорчило“.

Приводимъ еще нѣсколько записокъ по поводу тѣхъ же работъ. Въ іюлѣ, вѣроятно, 1854 года:

„Препровождаю къ вамъ оригиналы біографій на букву К. (Каченовскій—Куртенеръ), автобіографію Шварца, въ которой я не разобралъ нѣсколько словъ, лекціи его же и Денницу 1830 года: здѣсь не статья Кирѣевскаго о Новиковѣ, а только нѣсколько страничекъ о немъ въ обозрѣніи словесности (XII—XVI), замѣчательныхъ потому, что впервые обратили вниманіе на Новикова. Сегодня просмотрѣлъ и велѣлъ посылать къ вамъ три послѣдніе листа Словаря 1-го тома“.

Въ началѣ октября, объ упомянутой выше біографіи Фонъ-Визина... „Фонъ-Визинъ въ наступающей недѣлѣ явится; біографіи же Богдановича я никогда не бралъ на себя, ибо она уже написана Костылевымъ. Все, что̀ принялъ на себя, конечно, исполню вполнѣ... Біографію Новикова нельзя ли не печатать въ словарѣ питомцевъ, потому что я хочу сдѣлать ее предметомъ своей магистерской диссертаціи и слѣдовательно не могу печатать теперь“.

Бывали, наконецъ, поправки къ біографіямъ, написаннымъ другими лицами: ...„Мнѣ кажется сомнительнымъ 1806 годъ вы-

хода Іовскаго изъ семинаріи (стр. 359), хотя такъ поставлено и въ рукописи: неужели 10 лѣтъ прошло между окончаніемъ курса въ семинаріи и поступленіемъ въ университетъ и неужели *восьми* лѣтъ былъ онъ рисовальнымъ учителемъ? Вѣроятно, тутъ ошибка переписчика. На стр. 360 въ подчеркнутыхъ строкахъ недостаетъ окончанія и потому неловкость. Какъ прикажете ее исправить?"

За той же работой по словарямъ Тихонравовъ сдѣлалъ поиски и въ Петербургѣ. Въ образчикъ приводимъ письмо безъ года и числа (вѣроятно, 1854):

„Заранѣе прошу васъ извинить меня за долговременное пребываніе мое въ Петербургѣ. Это происходитъ отъ того, что здѣсь нашелъ я столько матеріаловъ, сколько не предполагалъ. Прежде всего нѣсколько писемъ Фонъ-Визина, знаменитую сатиру его „Матюшка-разнощикъ" и цѣлую комедію его „Обманчивая наружность". Для біографіи Гнѣдича здѣсь получены мною нѣсколько фоліантовъ его „Введенія и примѣчаній къ Иліадѣ", нѣсколько любопытнѣйшихъ тетрадей, объясняющихъ его систему русскаго стихосложенія, возбудившую нѣкогда толки и поднявшую надолго литературную полемику, наконецъ замѣчанія на поляхъ его экземпляра „Стихотвореній". Я очень бы желалъ знать, былъ ли извѣстный статьями своими о русскихъ писателяхъ М. Макаровъ воспитанникомъ Московскаго университета; я получилъ автобіографію его и переписываю теперь. О Вѣдомостяхъ 1762 и 1769 годовъ не могу сказать ничего: въ здѣшнихъ библіотекахъ ихъ или нѣтъ, или неполные экземпляры. Каталоги лекцій въ Публичной Библіотекѣ съ 1792 года и переписываются. Здѣсь нашелъ я двѣ небольшія, но довольно важныя біографіи Городчанинова и Дестуниса, воспитанниковъ Московскаго университета, они не поступали въ продажу и составляютъ большія рѣдкости.

„До сихъ поръ не могъ вполнѣ воспользоваться найденными матеріалами и потому желалъ бы пробыть здѣсь май мѣсяцъ. Я уже писалъ о томъ просьбу г. ректору, но до сихъ поръ не получилъ отсрочки, а между тѣмъ срокъ моему билету уже вышелъ. Рѣшаюсь просить васъ объ исходатайствованіи мнѣ отпуска на май мѣсяцъ. Для меня это тѣмъ болѣе необходимо, что мнѣ обѣщаны бумаги Милонова, Гнѣдича (Ѳ. М. Прянишниковымъ) и Сохацкаго (сыномъ его, служащимъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), я долженъ подождать, пока получу и разсмотрю ихъ. Если же мое пребываніе въ Москвѣ можетъ быть полезнѣе для юбилея, нежели жизнь здѣсь, то благоволите

увѣдомить о вашихъ распоряженіяхъ. Можетъ быть, прилагаемая записка о Дилтеѣ не будетъ лишнею для его біографіи. Жизнеописаніе профессора Гофмана (въ формѣ некролога) попалось мнѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1826 года“.

Онъ вступается, наконецъ, за неприкосновенность своей работы, которой не хотѣлъ предоставлять на волю непризванныхъ лицъ.

„Напрасно думаете вы, Степанъ Петровичъ, что я изъ каприза, изъ минутной вспышки хочу взять назадъ біографію Фонъ-Визина. Вы не желаете, чтобъ дѣло дошло до ректора; вы говорите, что я „далъ слово и начальникамъ вашимъ и товарищамъ“. Я далъ слово написать біографію—это правда, но не давалъ слова подчинять ихъ приговору такого знатока исторіи русской словесности, какъ Бѣляевъ. Онъ вычеркиваетъ тѣ мѣста, которыя мнѣ стоили большого труда, которыя хотя чѣмъ-нибудь отличали біографію, мной написанную, отъ Евгеніевой. Изъ-за чего же я бился? изъ-за чего хлопоталъ? Изъ денегъ ли, которыя получалъ отъ университета? Но до сентября я *долженъ былъ, по уставу,* получать 12 р. сер. въ мѣсяцъ, какъ казенный студентъ, не опредѣленный къ мѣсту. Я получалъ по 16 р., стало быть по 4 р. за юбилей: неужели изъ-за этой платы хлопоталъ я? Отчего же Бартеневъ имѣетъ право говорить, что Булгаковъ занимался собираніемъ Вѣдомостей, что онѣ перешли къ Полторацкому, а я не смѣю сказать, что въ Петербургѣ Фонъ-Визинъ видѣлъ Ломоносова, что нельзя одною французскою литературою ограничивать вліяніе запада на нашу? Чтò важнѣе? Вотъ за какія исключенія вступаюсь я, а не „за вставки, не идущія прямо къ предмету“.

„И за то, что я старался написать возможно добросовѣстныя біографіи, *не думая ни о какихъ постороннихъ выгодахъ*, мнѣ предлагаютъ упрашивать Бѣляева, грозятъ жалобою ректору и т. п. Дѣлайте со мною, чтò хотите, но я не хочу продолжать біографій на подобныхъ условіяхъ. Шаденъ и Шварцъ будутъ вамъ доставлены на этой недѣлѣ, но отъ біографій питомцевъ прошу васъ меня уволить: я не въ состояніи работать для помарокъ, не въ состояніи хладнокровно смотрѣть, какъ *произвольно*, безотчетно, не отличая важнаго отъ пустяковъ, мараютъ то, чтò мнѣ стоило не только большихъ трудовъ, но и пожертвованій. Пусть лучше все написанное мною гніетъ, но зачѣмъ же насмѣхаться надъ нимъ и компрометировать себя?

„Предоставляю вамъ распорядиться, какъ угодно; но я *не*

могу доставить біографій и не думаю, чтобы принужденія могли что-нибудь выжать изъ моей головы".

По окончаніи курса явилась тотчасъ забота объ устройствѣ своего положенія: въ качествѣ казеннокоштнаго, Тихонравовъ долженъ былъ отслужить извѣстное число лѣтъ по вѣдомству министерства просвѣщенія, и важно было получить мѣсто въ Москвѣ и по тому предмету преподаванія, который соотвѣтствовалъ его собственнымъ занятіямъ. Послѣ немалыхъ хлопотъ дѣло уладилось, и въ 1854—1857 онъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ двухъ московскихъ гимназіяхъ и въ кадетскомъ корпусѣ, и имѣлъ также частные уроки. Въ 1857 ему поручено было въ университетѣ преподаваніе педагогіи; каѳедра русской словесности, свободная по выходѣ въ отставку Шевырева, отдана была на первый разъ А. А. Майкову, который занималъ ее только два года, а затѣмъ, въ сентябрѣ 1859, эту каѳедру занялъ Тихонравовъ.

Первая болѣе обширная работа Тихонравова, упомянутая статья о Катуллѣ [1]), очень любопытна, какъ первый опытъ того критическаго пріема, который такъ широко развился у него впослѣдствіи. Статья о Катуллѣ, которая была предметомъ его разбора, была весьма обыкновенная компиляція, въ которой, однако, были крупныя ошибки, какъ въ томъ, что̀ авторъ говорилъ о классическихъ изученіяхъ въ русской литературѣ, такъ и въ томъ, что̀ говорилъ авторъ по существу дѣла, опираясь на свои источники. Авторъ разбираемой статьи говорилъ, напримѣръ: „Изученіе древнихъ литературъ и у насъ въ Россіи поставлялось въ обязанность литераторамъ карамзинскаго и пушкинскаго періода, чему яснымъ доказательствомъ можетъ служить огромное количество печатавшихся тогда переводовъ и подражаній древнимъ, начиная отъ Иліады Гомера, прекрасно переведенной Гнѣдичемъ, до одъ Горація" и т. д. На это Тихонравовъ дѣлаетъ весьма здравое замѣчаніе: „Правда, были переводы греческихъ и римскихъ классиковъ, но каковы были эти переводы? Есть у насъ почти четыре перевода Иліады, три Одиссеи, два Ватрахоміомахіи, есть переводы Софокла, Горація, Овидія, Тацита и др., но даютъ ли намъ они хоть мало-мальски вѣрное понятіе о Гомерѣ, Софоклѣ и т. д. Справедливѣе было бы сказать, что русская литература не успѣла еще обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности. За доказательствами ходить не

---

[1]) Она была написана по поводу статьи о Катуллѣ, помѣщенной въ „Современникѣ" 1850, кн. 8.

далеко". И кромѣ этой статьи о Катуллѣ, онъ убѣждается въ отсутствіи дѣльныхъ знаній о классической литературѣ по статьѣ, представившей незадолго передъ тѣмъ сравненіе перевода Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ [1]): здѣсь назывались авторитетныя имена нѣмецкихъ ученыхъ, но ихъ настоящія идеи были взяты изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ, и потому разсужденія русскаго критика вовсе не были сознательнымъ знаніемъ, а только поверхностнымъ заимствованіемъ. Русскій писатель, между прочимъ, очень пренебрежительно отзывался о переводѣ Гнѣдича и называлъ его „выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику". Самъ Тихонравовъ находилъ въ переводѣ Гнѣдича немалые недостатки, но съ этимъ мнѣніемъ все-таки не соглашался. „А отчего г. рецензентъ изрекъ Гнѣдичу такой строгій приговоръ? Оттого, что произведенія русской литературы ему вздумалось мѣрить аршиномъ нѣмецкимъ. Но вѣдь нѣмцы разобрали каждую строчку, каждое словечко Гомера по ниточкамъ, если можно такъ выразиться, разсмотрѣли его со всевозможныхъ сторонъ, составили сотни комментаріевъ и превосходными монографіями облегчили его пониманіе: мы только пользовались крупицами, падавшими со стола ихъ, торопливо подбирали ихъ и начинали усердно вторить нѣмцамъ, не замѣчая въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи, что это обезьянничество часто было совершенно неумѣстно, нелѣпо и смѣшно". И онъ приводитъ примѣры въ родѣ того, какъ въ греческой грамматикѣ Бюрнуфа, изданной для русскихъ, правила примѣняются къ французскому, а не къ русскому языку... „То же случилось и съ нашимъ рецензентомъ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что нѣмцы, воспитанные, такъ сказать, на Гомерѣ, болѣе и основательнѣе другихъ европейскихъ народовъ изучавшіе древнія литературы, гордятся переводомъ Фосса, а гнѣдичевъ уступаетъ ему немногимъ, не обратилъ вниманія на то, что при всѣхъ недостаткахъ гнѣдичева перевода, въ немъ есть много мѣстъ, прекрасно переведенныхъ... Не обратилъ рецензентъ вниманія на то, что переводъ Гнѣдича былъ почти первой *ученой* попыткой перевести Гомера, что онъ далеко выдался изъ колеи ничтожныхъ передѣлокъ классиковъ съ французскихъ и нѣмецкихъ переводовъ, что онъ стоилъ Гнѣдичу долгаго, мелочнаго изученія, упорной и безплодной борьбы противъ предразсудковъ, что Гнѣдичъ, по выраженію Пушкина, гордо посвятилъ лучшіе годы совершенію великаго подвига, когда писатели, избалованные

[1]) Въ „Отеч. Запискахъ", 1849.

минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки" и т. д. Въ частныхъ замѣткахъ Тихонравова сказывается уже не малое знакомство съ ученой литературой и правильный критическій пріемъ; онъ вѣрно указываетъ и исправляетъ ошибки въ переводахъ латинскаго поэта, и пр.

Такимъ образомъ, уже въ этой первой небольшой работѣ оказалась и большая начитанность, и критическое умѣнье, свойства, которыя могли обѣщать будущаго ученаго. Классикомъ онъ не сдѣлался; но уже здѣсь обнаружился интересъ къ русской литературѣ, которая и стала потомъ основнымъ предметомъ его изученій, — притомъ интересъ, свободный отъ преувеличенія, и ясное пониманіе недостатковъ русской науки.

Какъ должна была направиться эта возникавшая научная сила? Въ историческомъ опредѣленіи подобной дѣятельности въ особенности любопытно и важно наблюдать эту раннюю пору дѣятельности ученаго изслѣдователя, когда вмѣстѣ съ усвоеніемъ того, что̀ онъ воспринимаетъ въ своей послѣдней школѣ отъ своихъ руководителей, обнаруживаются и его собственныя стремленія и самостоятельные интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что Тихонравовъ былъ не мало обязанъ своимъ руководителямъ, но несомнѣнно также, что онъ выбралъ и свою собственную дорогу. На первое время, какъ мы видѣли, онъ былъ привлеченъ къ работѣ, которая держала его въ области нашей литературной старины; но мы видѣли также, что уже въ это время онъ совершенно самостоятеленъ относительно своего профессора. Онъ былъ самостоятеленъ не только по своему фактическому знанію, но, конечно, и по складу своихъ историческихъ понятій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ довольно и даже очень далекъ отъ Шевырева. Впослѣдствіи, въ краткомъ некрологѣ Шевырева, въ 1864 г., Тихонравовъ ставилъ въ особую заслугу Шевыреву, что онъ первый ввелъ въ университетское преподаваніе исторію русской литературы и исторію русскаго языка, но о прямомъ, ближайшемъ вліяніи онъ не говоритъ: „Въ то памятное для прежнихъ студентовъ московскаго университета время, когда они видѣли въ числѣ своихъ наставниковъ Грановскаго и Кудрявцева, Шевыревъ пользовался любовью своихъ слушателей, какъ деканъ, всегда откликавшійся на ихъ нужды, и какъ профессоръ, богатая библіотека котораго всегда была открыта для пользованія университетскимъ студентамъ". Въ рѣчи, посвященной памяти Шевырева (12-го января 1865 г.), Тихонравовъ подробно говорилъ о трудахъ Шевырева и, между прочимъ, указывалъ зависимость его теоретическихъ взглядовъ отъ

нѣмецкой романтики, и въ особенности отъ религіозной философіи Баадера, воспитавшагося на ученіи знаменитаго мистика Якова Бёма. Подъ этимъ вліяніемъ развилась вражда Шевырева къ Гегелевой философіи и вообще къ современной умственной жизни запада, въ которой онъ видѣлъ развратъ мысли: „мы должны разорвать наши связи съ западомъ въ литературномъ отношеніи",—говорилъ Шевыревъ,—и „должны по неволѣ ограничиться богатымъ прошедшимъ запада и искать своего въ нашей древней исторіи". „Каковы бы ни были увлеченія Шевырева,—продолжаетъ Тихонравовъ,—въ какомъ бы идеальномъ свѣтѣ ни представлялись ему древне-русское образованіе и литература, его пристрастіе истекало изъ глубокаго и сердечнаго убѣжденія, что „въ древней Руси хранится первоначальный чистый образъ нашей народности". Какъ профессору словесности въ московскомъ университетѣ, Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе и силы своихъ слушателей къ историческому изученію языка и словесности. Если его исторія древней русской литературы не свободна отъ сантиментальной идеализаціи древне-русской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первой и доселѣ остается единственной попыткою представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности. Историческая школа изученія народной словесности, господствующая въ настоящее время въ Германіи, считаетъ своимъ главою Якова Гримма; но она выросла на почвѣ, приготовленной романтиками. Такъ же точно и первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный Шевыревымъ съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-Петровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнутъ изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго-научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи".

Въ собственно университетской средѣ на Тихонравова повидимому гораздо сильнѣе дѣйствовали его другіе руководители: онъ имѣлъ великій піэтетъ къ Грановскому, Соловьеву и Буслаеву. Первый находился тогда на верху своей славы и, безъ сомнѣнія, Тихонравовъ извлекалъ изъ его преподаванія то, что̀ именно составляло его душу: широкій историческій взглядъ; великое уваженіе къ просвѣщенію, созданному тѣмъ западомъ, который въ глазахъ Шевырева былъ уже обреченъ на погибель; наконецъ, то гуманное чувство, которое требовало справедливости для каждой исторической эпохи въ условіяхъ ея вре-

мени и бытовыхъ особенностей. Великое уваженіе онъ питалъ къ С. М. Соловьеву и, быть можетъ, историческіе взгляды этого профессора содѣйствовали тому реальному пониманію старины, въ которомъ, при всемъ увлеченіи Тихонравова ея изученіями, не было ни сентиментальности Шевырева, ни славянофильскаго мистицизма. Менѣе ясны его отношенія къ Ѳ. И. Буслаеву; но по своимъ личнымъ воспоминаніямъ мы знаемъ, что въ эту пору, когда образовывался научный характеръ Тихонравова, это былъ также великій авторитетъ, вліяніе котораго на Тихонравова не подлежитъ сомнѣнію; съ другой стороны, его ближайшіе ученики и почитатели указываютъ, какъ Ѳ. И. Буслаевъ былъ его руководителемъ и въ его педагогической дѣятельности. Но ко всему этому присоединялось вліяніе цѣлаго духа времени. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ еще продолжалось, и даже обострилось, тяжелое время для русской литературы и науки; цензурныя стѣсненія переходили всякую мѣру, — извѣстно, что тогда въ самой русской исторіи цѣлые періоды были устранены изъ научнаго изслѣдованія и изложенія, и литературная дѣятельность была закрыта для такихъ приверженцевъ старины, какъ славянофилы, и съ другой стороны, была заподозрѣна дѣятельность такихъ лицъ, какъ Грановскій; мы видѣли, что еще въ своей студенческой жизни Тихонравовъ испытывалъ на себѣ ту суровую дисциплину, какая считалась нужной въ университетахъ... И тѣмъ не менѣе въ новыхъ поколѣніяхъ, которыя заканчивали свою школу въ это тяжелое время, продолжалъ жить тотъ идеализмъ, который былъ несомнѣнно наслѣдіемъ сороковыхъ годовъ. Подъ разными научными вліяніями, при посредствѣ университетской науки, а нерѣдко и внѣ и независимо отъ нея, этотъ идеализмъ пріобрѣталъ свой особый характеръ: слова, не досказанныя на университетской каѳедрѣ, дополнялись чтеніемъ и впечатлѣніями самой жизни; разнообразныя возбужденія встрѣчались и переработывались въ новые научные запросы, и живое вліяніе предшествующаго литературнаго періода сказывалось именно тѣмъ, что прежніе вопросы получали новую окраску и вызывали изслѣдованія въ новомъ направленіи. Съ конца сороковыхъ годовъ можно было уже замѣчать возникновеніе этихъ новыхъ вопросовъ. Таковы были мелькавшіе въ литературѣ намеки на крестьянскій вопросъ, какъ, напримѣръ, въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева, или въ экономическихъ статьяхъ Заблоцкаго; таковы были теоретическія разъясненія того, какую важность имѣетъ изученіе народнаго быта и какъ въ этомъ бытѣ отражается исконное національное преданіе, по которому должна складываться жизнь

самого общества и государства; отголоски литературныхъ интересовъ къ народу, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ французскаго соціализма, получали практическое осуществленіе въ основавшемся тогда, хотя уже вскорѣ закрытомъ, Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ; основаніе Географическаго Общества въ первый разъ установляло систематическія изслѣдованія въ этнографіи; съ сороковыхъ годовъ начинается первое преподаваніе славянскихъ языковъ въ университетахъ, и въ изслѣдованіяхъ самаго русскаго языка послышалось нѣчто совершенно новое, въ „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка", Срезневскаго, въ книгѣ Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка", и еще болѣе въ его диссертаціи „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ". Въ области собственно историко-литературной важнымъ событіемъ было „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ", которое предпринято было Смирдинымъ и, сдѣлавъ доступными старыхъ писателей въ дешевыхъ изданіяхъ, едва ли не въ первый разъ дало поводъ къ детальнымъ изслѣдованіямъ литературной старины. Вскорѣ этимъ изслѣдованіямъ дали названіе „библіографіи"; нерѣдко говорили о ней съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ о подборѣ безполезныхъ мелочей (иногда это и дѣйствительно бывало), но мало-по-малу въ этомъ детальномъ изученіи раскрылась новая сторона предмета. Съ этимъ болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ старой литературы стали ближе выясняться различныя отношенія, которыхъ не касалась, или почти не касалась, передъ тѣмъ художественно-историческая критика Бѣлинскаго: постепенное развитіе литературныхъ формъ, зависимость писателей отъ европейскихъ образцовъ, отраженія въ литературѣ общественныхъ настроеній и нравовъ. Въ этомъ смыслѣ изученія литературы уже вскорѣ стали приносить много любопытнѣйшихъ фактовъ: если въ этой старинѣ мало находила пищи эстетическая критика, то много пріобрѣтала исторія общества, просвѣщенія и нравовъ.

Все это движеніе научныхъ интересовъ, примыкавшихъ различнымъ образомъ къ вопросамъ исторіи литературы, оказывало свое вліяніе на то начинавшееся поколѣніе, къ которому принадлежалъ Тихонравовъ. Какъ мы замѣчали, многіе, если не всѣ, ростки этого движенія были даны уже дѣятелями старшаго поколѣнія: назовемъ историковъ, какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Калачовъ; первыхъ славистовъ, которые, какъ особливо Срезневскій, начинали сопоставлять русскую народную старину — миѳологію, обычай, поэзію — съ родственными славянскими явленіями; славянофильскихъ писателей, которые настаивали на изученіяхъ народнаго быта и міровоззрѣнія; историковъ литературы, прежней

школы, которые принимались за спеціальное изученіе старыхъ второстепенныхъ писателей (Гаевскій, Галаховъ, Лонгиновъ) или, наконецъ, впервые предпринимали широкіе біографическіе труды о писателяхъ первостепенныхъ (Анненковъ о Пушкинѣ, Кулишъ о Гоголѣ), или старались возстановить совсѣмъ забытые факты старой литературы (Аѳанасьевъ — о сатирическихъ журналахъ XVIII вѣка) и т. д. Въ первыхъ трудахъ Ѳ. И. Буслаева сказалось уже рѣшительное вліяніе Гримма, и если, какъ мы имѣемъ основаніе думать, старое ученое поколѣніе (между прочимъ и плохо ученое) не могло уразумѣть новой теоріи, то въ новомъ поколѣніи оно было принято съ великими сочувствіями и даже доведено до послѣднихъ крайностей (какъ, напр., у Аѳанасьева, и особливо Ор. Миллера): за новой теоріей видѣлась во всякомъ случаѣ первая попытка дать раціональную основу объясненіямъ народной поэзіи, которыя до тѣхъ поръ дѣлались только наугадъ и по романтическому произволу. Наконецъ, въ изученіяхъ бытовой старины, которая до тѣхъ поръ находила вообще только отрывочныя и всего чаще мало-научныя изложенія, также открывается новая эпоха,—указать ее мы можемъ именами И. Е. Забѣлина и Д. А. Ровинскаго.

Въ университетскомъ поколѣніи начала пятидесятыхъ годовъ подъ всѣми этими вліяніями начиналась усиленная дѣятельность. Однимъ изъ первыхъ мотивовъ, какіе представлялись для его работы, было сознаніе необходимости собрать матеріалъ „старины и народности“ въ народной жизни и письменности, матеріалъ, который до тѣхъ поръ слишкомъ мало былъ замѣчаемъ изслѣдователями, или даже совсѣмъ не останавливалъ ихъ вниманія... Изданныя недавно воспоминанія г. Забѣлина о Д. А. Ровинскомъ [1]) даютъ живую картину этихъ страстныхъ исканій старины, которая въ тѣ годы особенно являлась пренебреженнымъ историческимъ преданіемъ,—молодые искатели чувствовали, однако, что безъ изученія этой старины невозможна историческая реставрація древней жизни въ ея органическихъ народныхъ особенностяхъ. Работа была трудная: памятники этой старины надо было искать самому, ощупью и наугадъ; когда молодые искатели обратились за совѣтомъ къ признанному „любителю и знатоку искусства и покровителю художественнымъ дѣламъ“, графу С. Г. Строганову, онъ „раскритиковалъ“ ихъ планы,—другими словами, совершенно не понялъ этихъ исканій: они не

---

[1]) Публичное собраніе Импер. Академія Наукъ въ память ея почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго, 10-го декабря 1895 года. Спб. 1896, стр. 1—16.

убѣдились, и критика указала имъ только практическую трудность ихъ предпріятія и только побудила ихъ къ усиленнымъ поискамъ. Работа продолжалась съ тою же ревностью, и годы спустя достопамятные труды молодыхъ друзей сороковыхъ годовъ составили эпоху въ изученіи русской народной старины.

Совершенно параллельное происходило и въ вопросѣ о старой письменности. Въ русской этнографіи созрѣвало уже стремленіе къ систематическому изученію народной поэзіи и обычая,— и немного лѣтъ спустя въ этой области сдѣланы были грандіозныя открытія. Поученія Ѳ. И. Буслаева указывали пріемъ, которымъ надо было доискиваться внутренняго смысла народной поэзіи, и привлекали уже къ этимъ объясненіямъ отдѣльные памятники старой письменности,—но въ цѣломъ содержаніе этой письменности представляло еще неизвѣданную область, въ которой также предстояли поиски, и здѣсь они опять были вознаграждены чрезвычайно любопытными открытіями. Рядомъ съ этимъ требовала изслѣдованія та литература, особливо XVIII-го вѣка, которая пренебрегалась художественной критикой, но гдѣ тѣмъ не менѣе былъ важный историческій интересъ, потому что и здѣсь отражалось общественное броженіе, сказывались потребности образованія, а также и современные нравы. Кромѣ интереса художественнаго, въ этой забытой литературѣ хранилось множество матеріала для бытовой и умственной исторіи самаго общества: въ этой исторіи, между прочимъ, подготовлялись и тѣ широкія литературныя явленія, которыя внѣ ея и не могли найти своего объясненія, какъ, напр., Карамзинъ не могъ быть объясненъ внѣ образовательной дѣятельности Новикова...

Объ этой первой порѣ работъ Тихонравова мы получили слѣдующія воспоминанія И. Е. Забѣлина, который въ то время могъ уже подѣлиться съ младшими сотоварищами своимъ богатымъ опытомъ, и бывалъ для нихъ цѣннымъ руководителемъ и въ письменной старинѣ.

„Не могу теперь вспомнить, какъ и когда, и гдѣ я встрѣтился съ Николаемъ Саввичемъ въ первый разъ, но хорошо помню его, посѣтившаго меня за какою-то книжною справкою еще въ то время, когда онъ донашивалъ свой студенческій сюртукъ.

„Главною приманкою и для него и для другихъ моихъ знакомствъ служила моя библіотека, которая въ концѣ 40-хъ и къ началу 50-хъ годовъ была достаточно полна и печатными и рукописными старыми книгами и въ томъ числѣ нѣкоторыми рѣдкостями, какъ это оказывалось, когда усердные поиски той или

другой книги доходили и до моего книжнаго собранія. По этому пути пришелъ ко мнѣ и Н. С.—Разговорились, конечно, о старинной литературѣ, о томъ, что въ ней хранится много любопытнаго, что на самомъ дѣлѣ это еще непочатый уголъ для изслѣдованія; приводились указанія памятниковъ, о которыхъ тогдашняя исторія литературы еще не вѣдала, да и не обращала на нихъ никакого вниманія. Встрѣтивши во мнѣ полное сочувствіе къ своимъ любимымъ цѣлямъ, Н. С. сталъ посѣщать меня довольно часто, все въ томъ же студенческомъ сюртукѣ, уже значительно поношенномъ, забирая иногда по цѣлой связкѣ накопившіеся у меня старые журналы и другія книги, именно тѣ, какихъ не оказывалось въ университетской библіотекѣ.

„Работы его разростались и усложнялись, и потому, за недосугомъ, онъ присылалъ иногда записочки съ требованіемъ того и другого, что̀ бывало ему надобно. Часть такихъ записокъ у меня сохранилась и надо сказать, что въ этомъ одномъ и заключалась почти вся наша переписка.

„Ив. Егор. Нельзя ли прислать мнѣ на два дня Никоновой лѣтописи часть 4 и Сѣвернаго Архива 1823 г. № 4, чѣмъ премного обяжете".—„Сдѣлайте одолженіе, снабдите меня Сыномъ Отечества 1816 г. и русскимъ переводомъ Иліады Якимова. — „Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ: 1) Объ училищахъ, Лавровскаго, 2) букварь Истомина и 3) сокращеніе граматики Смотрицкаго. На этой недѣлѣ все возвращу съ благодарностію". — „Сдѣлайте одолженіе, передайте подателю этой записки, человѣку вѣрному и аккуратному, обѣщанныя театральныя рукописи, чѣмъ много обяжете". — „Сдѣлайте одолженіе, пришлите на нѣсколько времени стариннаго Эзопа" и т. д.

„Очень понятно, что при свиданіяхъ о старой литературѣ и ея памятникахъ у насъ не прекращались оживленныя бесѣды до позднихъ часовъ, при чемъ тутъ же находились справки и въ старыхъ книгахъ и въ рукописяхъ, и тутъ же сами собою порождались желанія, какъ бы хорошо было все это, любопытное, издать.

„Помню, что въ разговорахъ по этому предмету я уносился тогда мыслію, сколько изъ остроумія, столько же и взаправду, о возможности издавать по образцу существовавшихъ журналовъ, Отеч. Зап. и Современника, свой подобный же журналъ, составляя его книжки по тѣмъ же журнальнымъ отдѣламъ: 1) словесность, 2) науки и художества, хроника, критика и пр.; но только неотмѣнно изъ однихъ старыхъ древнихъ писаній, учиняя такимъ образомъ какъ бы пародію на выходившіе тогда журналы, кото-

рая, однако, могла бы явиться очень полезною хрестоматіею для изученія старинной литературы. Я настаивалъ, что по всѣмъ отдѣламъ можно собрать стародревняго добра, по крайней мѣрѣ, на 12 книжекъ.

„Такъ иногда шутливо и со смѣхомъ, но всегда съ немалою горячностью обсуждали мы и фантазіи и дѣльныя предположенія, возникавшія по поводу памятниковъ старой письменности, и время изчезало незамѣтно, какъ изчезали и забывались и всѣ подробности нашихъ разговоровъ. Оставался только ихъ добрый слѣдъ въ томъ, что мы подробнѣе знакомились съ матеріаломъ старой литературы. Видя мое собраніе рукописей и разспрашивая меня, какъ и гдѣ ихъ можно добывать, Н. С. и самъ рѣшился начать такое собираніе. Незнакомый еще съ практикою такого дѣла, онъ обратился ко мнѣ и принесъ скопленные имъ для этой цѣли 30 р. съ просьбою купить ему сколько возможно на эту сумму. Постоянный, неизсякаемый источникъ для покупки рукописей существовалъ тогда, по крайней мѣрѣ для меня, въ грязномъ Юхотномъ ряду у Т. Ѳ. Большакова, у котораго и были куплены мною пять-шесть рукописей наиболѣе свѣтскаго содержанія, не особенно значительныхъ, но вполнѣ удовлетворившихъ новаго собирателя; причемъ указанъ былъ и самый упомянутый источникъ для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній. Мы вмѣстѣ для знакомства ходили къ Большакову, въ этотъ Юхотный рядъ, гдѣ среди вороховъ кожанаго товара хранились любопытнѣйшія старо-письменныя достопамятности. Было очень пріятно мнѣ услышать отъ Н. С-ча, когда мы собрались поздравить его съ сороколѣтіемъ его ученой дѣятельности, что упомянутая моя покупка послужила основаніемъ для его замѣчательной рукописной библіотеки.

„Въ неутомимыхъ своихъ изысканіяхъ Н. С. работалъ вообще очень обдуманно, а потому очень медленно, всегда допытываясь до самаго существа намѣченной имъ задачи. По необходимости въ иныхъ случаяхъ онъ очень долго задерживалъ взятыя у меня книги и рукописи, а въ томъ числѣ и нѣкоторые рѣдкостные предметы. Такъ, взявши у меня въ 1853 г. коллекцію Растопчинскихъ афишъ и прокламаціи Наполеона къ москвичамъ, онъ возвратилъ афиши въ 1857 г., а прокламацію такъ и не могъ возвратить. Само собою разумѣется, что я негодовалъ и рѣзко, хотя и дружески, выражалъ ему свое неудовольствіе.

„Я очень хорошо понимаю ваше негодованіе и вражду на меня,—писалъ онъ по этому поводу,—и искренно прошу у васъ извиненія, что не успѣлъ доставить вашихъ книгъ и рукописей

во́-время: я хотѣлъ попросить Буслаева взять рукопись Истор. Общества на свое имя, ходилъ къ нему, но не засталъ дома. Препровождаю къ вамъ почти всѣ ваши книги, остальное доставлю завтра вечеромъ. Потрудитесь написать съ этимъ же посланнымъ, что́ вы считаете за мною и вѣрно ли вамъ доставлены рукопись и книжка".

„Черезъ нѣсколько дней онъ продолжалъ: „Препровождаю къ вамъ Растопчинскихъ афишъ 2, переводъ Иліады, рукописныя трагедіи Сумарокова. Прокламацію я далъ Полторацкому и никакъ не могу выручить. Этотъ господинъ поступаетъ со мною довольно странно—обѣщаетъ отдать и не присылаетъ. Что́ прикажете дѣлать? Конечно, въ случаѣ ея утраты, я готовъ заплатить все, что́ вамъ угодно; но мнѣ совѣстно, что не могу возвратить вамъ ее сію же минуту. Остальныя вещи я пока удержу съ вашего позволенія—онѣ всѣ у меня и могутъ быть возвращены вамъ по первому требованію. Если Пыпинъ прислалъ мнѣ черезъ васъ свою книгу, то пришлите. Нельзя ли взять у васъ Паломника".

„Однако набѣжавшее охлажденіе скоро забывалось и наши отношенія по прежнему оставались неизмѣнно дружественными. По прежнему онъ обращался ко мнѣ съ своими короткими записками о присылкѣ книгъ или рукописей. Въ 1858 г. онъ усердно готовился къ изданію своихъ достопамятныхъ образцовыхъ Лѣтописей русской литер., а потому хлопоталъ и о книгахъ, и о сотрудникахъ и писалъ ко мнѣ по этому поводу: „Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ на нынѣшній вечеръ 1-й томъ Актовъ историческихъ и Дополненій къ нимъ и 2-й томъ Актовъ археогр. экспедиціи. Нельзя ли также вамъ попросить у Ровинскаго (котораго я у васъ видѣлъ) его сочиненіе, исторію русской гравюры, для напечатанія въ нашемъ журналѣ? Можетъ быть, онъ рѣшится передать ее. Поговорите съ нимъ или попросите у него позволенія пріѣхать мнѣ къ нему для переговоровъ о томъ. Вы мнѣ обѣщали нѣкогда портретъ Искандера (кажется); если я не ошибаюсь, то не откажите прислать".—Затѣмъ слѣдовали одна за другою записки, объ Аполлонѣ Тирскомъ, старой повѣсти, напечатанной имъ въ 1-й книжкѣ Лѣтописей.

„Нельзя ли прислать мнѣ повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ вашъ рукописный сборникъ № 69, о которомъ упоминаетъ Пыпинъ. Я напечатаю эту повѣсть въ 1 № по Уваровскому списку и ваша рукопись нужна для варіантовъ.—Благодарю васъ искренно за доставленіе предисловія (о библіотекѣ Брюса). Я на правахъ редактора беру смѣ-

лость тревожить васъ просьбою снабдить меня на нѣсколько времени тою редакціею Аполлона Тир., о которой вы говорили въ одно изъ нашихъ свиданій"... Тутъ же онъ предлагалъ мнѣ работу для Лѣтописей, а потомъ писалъ о сотрудничествѣ Ровинскаго: „Нельзя ли познакомить меня съ Ровинскимъ, котораго я хочу просить о сотрудничествѣ. Если вы не откажетесь взять на себя это, то увѣдомьте, какимъ образомъ это можетъ устроиться. Вы, кажется, передавали уже ему мою просьбу объ участіи въ изданіи Лѣтописей и онъ не отказался; но мнѣ хотѣлось бы лично получить его формальное согласіе и внести его имя въ списокъ сотрудниковъ". Отчаянныя заботы редактора выразились въ слѣдующей ко мнѣ запискѣ:

„Слезно молю васъ, поторопите вашу статью (о Брюсовой библіотекѣ); ее я отдалъ бы теперь же набирать. Два листа Смѣси уже набраны, ваша заняла бы третій, а затѣмъ пойдетъ библіографія... Мнѣ право совѣстно васъ тревожить; но что дѣлать? Обязанность редактора заставляетъ иногда забывать всякія человѣческія чувства".

„Въ томъ же 1858 г. Н. С. старательно хлопоталъ вмѣстить меня въ преподаватели русской исторіи въ кадетскомъ корпусѣ. Но по нѣкоторымъ выяснившимся условіямъ мнѣ не было возможно принять на себя этотъ трудъ, такъ какъ онъ значительно отвлекъ бы меня отъ моихъ любимыхъ домашнихъ работъ, и я отказался.

„Не буду продолжать своихъ воспоминаній о послѣдующемъ времени, когда, занятые своимъ дѣломъ, мы видѣлись довольно рѣдко, тѣмъ болѣе, что, погруженный въ свои занятія, я жилъ вообще отшельникомъ. По временамъ продолжалась наша переписка также по поводу рукописей и обоюдныхъ услугъ, и до конца мы оставались неизмѣнно въ тѣхъ добрыхъ и сердечныхъ отношеніяхъ, какія установились между нами въ первые годы нашего знакомства".

Мое знакомство съ Тихонравовымъ произошло немного позднѣе, около 1854 года, помнится, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ для работъ по упомянутымъ юбилейнымъ словарямъ; мы были уже близки, когда лѣтомъ того года я прожилъ нѣсколько времени въ Москвѣ, пользуясь его гостепріимствомъ. Мы оба кончили курсъ въ одномъ году, 1853, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ, и то настроеніе, о которомъ говорено выше, дѣлало то, что у насъ при первой встрѣчѣ оказались тѣ же интересы и въ литературѣ XVIII-го вѣка, и въ старой письменности. Сходны были и матеріальныя условія; какъ выражается И. Е. Забѣлинъ въ

воспоминаніяхъ о Ровинскомъ, мы также „должны были предпочитать спартанскій образъ жизни аѳинскому". Онъ жилъ тогда въ какомъ-то мудреномъ московскомъ „тупикѣ", въ концѣ котораго стоялъ домъ, гдѣ Тихонравовъ занималъ мезонинъ въ небольшія двѣ комнатки. Но комнатки были уже загромождены книгами, къ которымъ понемногу стали присоединяться и рукописи. Это первое, довольно продолжительное, пребываніе въ Москвѣ и другое, нѣсколько позднѣе, въ тѣ же годы, осталось мнѣ памятно; я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ литературной жизнью Москвы и въ частности съ тѣмъ кружкомъ, гдѣ я находилъ сродные историко-литературные интересы и дружеское участіе, которое потомъ было полезно и для моихъ работъ. Тихонравовъ позаботился ввести меня къ своимъ профессорамъ, къ которымъ питалъ особое уваженіе, къ С. М. Соловьеву и Ѳ. И. Буслаеву; познакомилъ съ А. Н. Аѳанасьевымъ, который въ разныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ новаго поколѣнія въ его историко-литературныхъ и этнографическихъ интересахъ, съ И. Е. Забѣлинымъ, который былъ уже тогда нашимъ авторитетомъ и сообщеніями котораго я могъ вскорѣ воспользоваться въ книгѣ о старой русской повѣсти; Н. А. Поповъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, г. Пономаревъ только-что начинали свои работы. Съ наступленіемъ новаго царствованія и въ этой области началось особенное оживленіе и Тихонравовъ предпринялъ изданіе своихъ „Лѣтописей"... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посвятилъ меня въ свои практическіе поиски за книжной стариной. Несмотря на ограниченность своихъ средствъ, онъ постоянно навѣщалъ букинистовъ, отъ стариннаго Кольчугина и Большакова до мелкихъ продавцовъ книжнаго старья на Никольской, у Сухаревой башни, на Смоленскомъ рынкѣ, въ разныхъ воротахъ и т. п. Въ то время было еще немного такихъ охотниковъ до старыхъ книгъ и можно было по небольшимъ цѣнамъ пріобрѣтать очень рѣдкія вещи, не только книги и старыя лубочныя картины, но и рукописи. Тихонравовъ уже имѣлъ не мало такихъ рѣдкостей. Въ Москвѣ былъ тогда, да вѣроятно и теперь, самый обильный рынокъ книжной и рукописной старины, которая стекалась сюда какъ въ центръ, и этотъ рынокъ находилъ сбытъ не столько въ кругу ученыхъ любителей, которыхъ было все-таки немного, сколько въ той народной публикѣ, которая принимала эту старину какъ настоящее чтеніе. Позднѣе Тихонравовъ жаловался, что рынокъ рукописный оскудѣваетъ: большая масса старыхъ рукописей уже собрана была въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, и въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, по отчетамъ

Публичной Библіотеки въ Петербургѣ можно видѣть, что число пріобрѣтаемыхъ старыхъ рукописей сильно уменьшилось и взамѣнъ появляются рукописи позднѣйшія и между прочимъ именно та полународная письменность, на которую впервые обратили вниманіе съ конца сороковыхъ годовъ. Но въ то время исторія еще слишкомъ мало касалась этой заброшенной литературы, развѣ только въ случайныхъ напоминаніяхъ каталоговъ, и немудрено, что въ поискахъ за ней часто случались любопытныя находки, а иногда и открытія. Эти старыя книжки и рукописи бывали, конечно, для насъ предметомъ живого интереса, обмѣнивались не только свѣдѣнія, но и шутки: въ этой старинѣ, сказочной, пѣсенной, легендарной бывала не только старая поэзія, но и архаическій гротескъ, какъ въ иной старинной повѣсти или лубочной картинкѣ, еще не вѣдавшей цензуры. Понятно, что такое постоянное общеніе съ этой стариной очень помогало сживаться съ ея духомъ и ея манерой, и когда присоединялось къ этому документальное изслѣдованіе, отсюда развивалось наглядное представленіе о старинѣ. Въ то время, въ 1854 г., Тихонравовъ былъ особенно занятъ работами по словарямъ и интересъ его сосредоточивался особенно на XVIII вѣкѣ. Онъ мечталъ писать диссертацію о Новиковѣ, но его поиски распространялись одинаково и на литературу XIX вѣка, какъ въ упомянутыхъ работахъ о Пушкинѣ, Дельвигѣ, Гоголѣ и Жуковскомъ, а также въ начатой имъ тогда статьѣ о Растопчинѣ и литературѣ двѣнадцатаго года, — и на старую письменность, гдѣ особенно привлекали его предметы, до тѣхъ поръ мало затронутые изслѣдователями литературы или еще совсѣмъ незатронутые. Съ наличнымъ составомъ тогдашней исторіи литературы онъ былъ уже очень хорошо знакомъ: онъ зналъ, куда пріурочить находимыя имъ рѣдкости, которыя нерѣдко оказывались любопытнѣйшими, но давно забытыми фактами старой литературы.

Работа по біографическимъ словарямъ именно убѣждала въ крайней недостаточности наличныхъ фактическихъ данныхъ, при которой нельзя было думать о сколько-нибудь полной и правильной постановкѣ исторіи литературы. Кромѣ того, прежняя историко-художественная критика рѣшала только одну сторону задачи. Она брала только вершины литературнаго развитія съ точки зрѣнія исключительно эстетической, и эта исключительность достигала до того, что Бѣлинскій въ первое время относился отрицательно даже къ „Горю отъ ума“, на томъ основаніи, что это произведеніе не удовлетворяло, по его мнѣнію, строгимъ художественнымъ условіямъ комедіи. Правда, позднѣе

критика Бѣлинскаго съумѣла широко понять и сильно выразить значеніе той общественной стихіи, которая дѣлаетъ поэтическое произведеніе не только фактомъ художественной техники, но и фактомъ общественнаго сознанія. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣчали, отъ прежнихъ пріемовъ исторіи литературы ускользала цѣлая масса явленій, которыя, хотя бы были незначительны въ художественномъ отношеніи, но заключали множество любопытныхъ указаній о постепенномъ развитіи образовательнаго движенія, множество свидѣтельствъ о состояніи нравовъ и быта, о первыхъ проблескахъ направленій, получавшихъ потомъ историческое значеніе, вообще о тѣхъ частныхъ подробностяхъ, изъ какихъ складываются общественныя явленія. Отсюда тѣ усиленные поиски въ старой литературѣ, которые Тихонравовъ началъ со студенческой скамьи и не оставлялъ до конца жизни; отсюда это исканіе старыхъ книгъ у мелкихъ букинистовъ, потому что здѣсь встрѣчались рѣдкія вещи, какихъ не имѣла не только университетская библіотека въ Москвѣ, но даже Публичная Библіотека въ Петербургѣ, въ тѣ годы представлявшая не мало пробѣловъ въ этомъ отношеніи. Его историко-литературныя работы за эти годы были исключительно посвящены собиранію и объясненію фактовъ, которое впервые должно было дать возможность нѣсколько полнаго обзора историческаго развитія литературы... Дѣло было еще ново; былъ очень невеликъ кружокъ людей, которые стали тогда заниматься подобными разысканіями (назовемъ Аѳанасьева, Гаевскаго, Лонгинова, Пекарскаго, П. А. Ефремова, Геннади, г. Пономарева; были большіе знатоки дѣла изъ старыхъ библіографовъ, какъ С. Д. Полторацкій и С. А. Соболевскій, но они очень мало появлялись въ литературѣ); но на первый разъ дѣло шло весьма отрывочно,—представлялось множество вопросовъ, почти не затронутыхъ въ литературѣ, но несомнѣнно важныхъ и требующихъ вниманія, и матеріалъ собирался быстро. У собирателя какъ будто разбѣгались глаза, и у Тихонравова постоянно являлись все новые планы: нѣкоторые были даже заявляемы въ печати и однако многіе изъ нихъ такъ и остались невыполненными. Еще въ первой статьѣ, по поводу Катулла, коснувшись перевода Иліады Гнѣдича, онъ говорилъ: „въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе“,—но это намѣреніе не исполнилось. Въ октябрѣ 1853 года издатель „Отечественныхъ Записокъ“ объявлялъ, что предполагаетъ помѣстить „рядъ статей С. М. Соловьева и Н. С. Тихонравова о Карамзинѣ, какъ историкѣ и литераторѣ“: изслѣдованіе Соловьева дѣйствительно появилось въ

этомъ журналѣ, но статей Тихонравова не было. Выше упомянуто, что онъ началъ уже изслѣдованія о Новиковѣ и намѣревался сдѣлать изъ нихъ магистерскую диссертацію, но и этотъ планъ не состоялся. Въ 1858 году объ этомъ изслѣдованіи упоминалось въ отчетѣ московскаго университета и въ Библіографическихъ Запискахъ Аѳанасьева, но изслѣдованіе все-таки не появилось въ печати [1]). Въ 1854 г. Тихонравовъ началъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью о графѣ Растопчинѣ; она осталась неоконченной. Позднѣе онъ намѣревался сдѣлать изданіе Кантемира, потомъ вмѣстѣ съ А. Е. Викторовымъ онъ приготовлялъ изданіе Стоглава,—то и другое также не выходили въ свѣтъ, и т. д.

Такъ охватывало его богатство открывавшагося матеріала, что ему хотѣлось собрать и обработать и ту и другую и третью тему... Трудно объяснить, почему по крайней мѣрѣ нѣкоторые серьезные вопросы, сильно его занимавшіе, не были имъ обработаны до конца (если только эти работы не остались въ его рукописяхъ). Напримѣръ, въ особенности изслѣдованіе о Новиковѣ и Карамзинѣ. Изъ работъ о Карамзинѣ напечатана была любопытная статья: „Четыре года изъ жизни Карамзина“ (въ 1862), и затѣмъ въ 1866, когда вспоминалось столѣтіе рожденія Карамзина, Тихонравовъ прочиталъ въ московскомъ университетѣ рѣчь: „Карамзинъ въ исторіи русской литературы“,—но и эта рѣчь осталась ненапечатанной. Быть можетъ, онъ все ожидалъ какихъ-либо новыхъ матеріаловъ, которые дали бы изслѣдованію бо̀льшую точность или отвлекали его одновременныя работы въ совершенно иныхъ областяхъ литературы, или мѣшали его педагогическія занятія и наконецъ свои личныя дѣла; надо думать, что эта малопонятная особенность его работы будетъ объяснена біографіей. Но работа во всякомъ случаѣ была постоянная и сложная. Мы увидимъ дальше, что его изслѣдованія уже вскорѣ распространились на самые разнообразные предметы и вопросы нашей литературной исторіи, начиная отъ древнѣйшихъ памятниковъ письменности и Слова о полку Игоревѣ до Пушкина и Гоголя.

Первымъ болѣе крупнымъ трудомъ Тихонравова за эти первые годы была статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1854 года: „Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812-мъ году“, которая, какъ мы упоминали, осталась неконченною. Въ началѣ

---

[1]) Ср. замѣтку въ книгѣ „Памяти Тихонравова“, стр. 144. Не видно, сохранилась ли подобная работа въ бумагахъ Тихонравова.

статьи онъ приводитъ соображенія, которыя должны были объяснять точку зрѣнія, вообще руководившую тогда его работами. „Наша критика,—говорилъ онъ,—не разъ поднимала вопросъ о томъ, есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію? Сомнѣніе можетъ теперь показаться страннымъ; но, лѣтъ двадцать назадъ, оно волновало литературный міръ нашъ и отчасти остается въ своей силѣ и теперь—не для ученой критики, а для нѣкоторой части публики. Это пренебреженіе отечественною литературою происходило и происходитъ отъ поверхностнаго знакомства съ нею, или отъ совершеннаго незнанія ея. Много виновата въ томъ и безотчетная вѣра въ преданіе, которое возводило въ число литературныхъ геніевъ самыя обыкновенныя бездарности и часто забывало живыя стремленія даровитыхъ писателей или обширныя начинанія энергическихъ личностей. Возвеличивъ Хераскова какъ геніальнаго поэта, это на-слово принятое преданіе немногаго позволяло ждать отъ тѣхъ писателей, которые не были имъ замѣчены. Разумѣется, подобный взглядъ на нашу литературу могъ твердо держаться только до тѣхъ поръ, пока наука ограничивалась эстетическою оцѣнкою писателей, признанныхъ классическими, и только на нихъ обращала вниманіе. Исходя отъ мысли, что литература должна быть выраженіемъ общества, многіе не видали подтвержденія тому въ русской литературѣ и заключали, что она недостойна изученія, оставаясь жалкимъ выродкомъ французской. Въ наше время, благодаря болѣе близкому знакомству съ русской литературой прошлаго столѣтія, этотъ взглядъ измѣнился. Въ изслѣдователяхъ ея замѣтно уже стремленіе выйти изъ тѣснаго круга, въ которомъ до сихъ поръ заключали исторію нашей словесности, расширить его границы и выдвинуть писателей, на которыхъ прежде не обращали никакого вниманія, какъ на дѣятелей мелочныхъ, хотя они часто вносили въ литературу новыя начала и понятія“.

Къ такимъ забытымъ писателямъ принадлежитъ Растопчинъ; но въ свое время его афиши и его сочиненія должны были имѣть особенно живое отношеніе къ массѣ и затрогивать въ ней самые дорогіе интересы. „Изъ этого прямого отношенія многихъ сочиненій Растопчина ко времени, можетъ быть, объясняется и то обстоятельство, что, когда прошло это время, они начали приходить въ забвеніе, о собраніи ихъ не думали, и только недавно изданы нѣкоторыя изъ нихъ г. Смирдинымъ, а между тѣмъ, въ отношеніи къ извѣстному направленію нашей словесности, Растопчинъ остается въ продолженіе нѣкотораго времени главнымъ дѣятелемъ“.

Приведенныя соображенія высказаны не вполнѣ ясно, быть можетъ, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, когда, напримѣръ, нельзя было въ печати называть имя Бѣлинскаго. Сомнѣніе въ томъ, есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію, высказано было Бѣлинскимъ дѣйствительно лѣтъ двадцать передъ тѣмъ, но впослѣдствіи онъ же написалъ исторію новѣйшей литературы, послѣднимъ вѣнцомъ которой были Пушкинъ и Гоголь, написалъ съ той точки зрѣнія, какая ставилась тогда вообще въ литературномъ кругѣ; „преданіе" не имѣло для него никакого авторитета и онъ отвергалъ его какъ простодушное заблужденіе. Но совсѣмъ иное сомнѣніе въ значеніи русской литературы принадлежало свѣтскому кругу и его только можно было осудить въ незнаніи этой литературы. Съ другой стороны, точка зрѣнія Бѣлинскаго, направляемая тогдашней эстетикой, была по своему времени совершенно необходима, потому что въ большинствѣ господствовали крайне смутныя представленія о самомъ существѣ поэзіи; въ литературѣ еще были на лицо классики, отвергавшіе Пушкина, и романтики, совсѣмъ не понимавшіе Гоголя; но справедливо было то, что эстетическая критика брала только одну сторону исторіи и надо было ввести въ изслѣдованіе другія стороны литературы, гдѣ она, хотя и не достигала истинно художественнаго достоинства, была тѣмъ не менѣе отголоскомъ реальной жизни общества. Съ художественно-исторической точки зрѣнія Растопчинъ и не могъ занять особенно высокаго мѣста въ ряду другихъ писателей, и не только потому, что его сочиненія были разсчитаны только на данную минуту, но и потому, что было невелико ихъ художественное содержаніе: у него былъ свой бойкій стиль и остроуміе, но по существу своихъ взглядовъ онъ не вышелъ изъ уровня популярныхъ писателей, какъ Сергѣй Глинка. Тихонравовъ замѣчалъ его слабыя стороны, но вообще тонъ статьи панегирическій. По составу фактическаго матеріала статья была, однако, весьма замѣчательна: изъ современной и позднѣйшей литературы онъ собралъ множество свѣдѣній и любопытныхъ сопоставленій, указалъ многія сочиненія Растопчина, между прочимъ весьма характерныя, которыя однако пропущены были въ Смирдинскомъ изданіи; воспользовался перепиской Растопчина, сообщенной его сыномъ, А. Ѳ. Растопчинымъ, и т. д.

Сношенія Тихонравова съ редакціей „Отечественныхъ Записокъ" начались съ 1853 года. Въ Публичной Библіотекѣ, въ бумагахъ Краевскаго, сохранилось нѣсколько писемъ Тихонравова, изъ которыхъ приведемъ нѣсколько извлеченій, такъ какъ здѣсь

опять идетъ между прочимъ рѣчь объ его литературныхъ планахъ. Прежде всего въ „Отечественныхъ Запискахъ" была напечатана его замѣтка о біографіи Гоголя, Кулиша, и потомъ объ изслѣдованіяхъ Гаевскаго о Дельвигѣ и Пушкинѣ. Въ письмѣ безъ года и числа (на немъ помѣченъ отвѣтъ Краевскаго 9-го декабря 1853) Тихонравовъ говорилъ: „...Напишите, пожалуйста, можно ли вамъ помѣстить небольшую рецензію Смирдинскаго изданія Растопчина. Въ такомъ случаѣ, я вамъ вышлю ее съ первою почтою. Если вы будете согласны на помѣщеніе ея, то потрудитесь выслать мнѣ въ счетъ будущей статьи оба указателя къ „Отечественнымъ Запискамъ", которые мнѣ нужны, а въ Москвѣ ихъ нельзя сыскать. Нельзя ли также получать мнѣ, хоть по одному экземпляру статей моихъ, какъ напечатанной, такъ и впредь имѣющихъ печататься въ „Отечественныхъ Запискахъ". Введеніемъ къ статьѣ моей о Карамзинѣ должна служить статья довольно большая о Новиковѣ. Вы, который такъ хорошо знаете цензурныя правила, скажите, можетъ ли она пройти въ настоящее время. У меня до сихъ поръ не поднимается рука для окончательной ея отдѣлки именно потому, что я не надѣюсь на разрѣшеніе цензуры, печатать же ее въ изуродованномъ видѣ право не стоитъ".

Въ письмѣ, съ помѣтой объ отвѣтѣ 9-го ноября 1854, идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ оттискахъ статьи о Растопчинѣ („неполученіе ихъ—единственная причина остановки второй статьи, потому что Булгаковъ обѣщалъ доставить письма къ нему Растопчина"), о покупкѣ для Краевскаго разныхъ старыхъ книгъ у московскихъ букинистовъ, о присылкѣ копій съ писемъ Пушкина, и далѣе: „Не нужна ли вамъ *развязка Ревизора* (Гоголя) и комедія, аки бы имъ переведенная, *Дядька въ затруднительномъ положеніи*? Знаете ли вы анонимныя вещи Пушкина въ „Литературной Газетѣ" 1830 г. Тамъ есть стихотвореніе его *Аріонъ*; если вамъ неизвѣстно его значеніе, то напишите. Въ настоящее время домогиваюсь мѣста старшаго учителя русскаго языка въ одной изъ здѣшнихъ гимназій и занимаюсь необходимыми для сей цѣли путешествіями. Но, кажется, получу отказъ, потому что оно обѣщано какому-то *нѣмому* дамскому угоднику".

Въ другомъ письмѣ того же времени опять рѣчь о тѣхъ же оттискахъ, которые между прочимъ были ему нужны для Булгакова. Далѣе: „предупреждена ли типографія, что статьи выйдутъ отдѣльною книжкою, выброшена ли на концѣ фамилія, поставлено ли вмѣсто *статья первая* просто I? Препровождаю вамъ стихи Пушкина при посылкѣ Цыганъ и 2-й главы Онѣ-

гина въ Азіи. Пришлите оглавленіе всѣхъ рукописныхъ стихотвореній Пушкина, у васъ находящихся, чтобы я могъ ихъ дополнить. На дняхъ отправлю къ вамъ: письма Пушкина, стихотворенія Полежаева", и пр. „Есть ли у васъ стихотворенія Хомякова на современныя событія?" И затѣмъ приведено стихотвореніе Пушкина: „Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ" и пр.

Въ годы своего учительства въ гимназіяхъ и въ кадетскомъ корпусѣ Тихонравовъ, кажется, ничего не печаталъ. Снова нѣсколько его работъ помѣщено было уже въ 1858 году въ „Библіографическихъ Запискахъ" Аѳанасьева, главнымъ образомъ опять по литературѣ XVIII вѣка; но затѣмъ съ апрѣля 1859 онъ предпринялъ изданіе, которое было одною изъ главныхъ его заслугъ для разработки исторіи русской литературы. Это были „Лѣтописи русской литературы и древности", которыя онъ издавалъ затѣмъ до 1863 года. Онъ предполагалъ издавать ихъ книжки разъ въ два мѣсяца: въ 1859 вышло четыре книжки, составившія томы I — II; пятая и шестая, въ 1859—1861, составили томъ III; наконецъ, въ 1862—1863 вышли томы IV—V безъ раздѣленія на книжки; въ сложности восемь книгъ. „Лѣтописи" были именно выраженіемъ его опредѣлившихся взглядовъ на объемъ вопросовъ, подлежавшихъ историко-литературному изслѣдованію, когда вмѣстѣ съ тѣмъ расширились и его собственныя изученія. Мы видѣли, что до сихъ поръ его печатныя работы относились почти исключительно къ XVIII вѣку и первымъ десятилѣтіямъ нынѣшняго; но по моимъ воспоминаніямъ, которыя подтверждаются и разсказомъ г. Забѣлина, приведеннымъ выше, Тихонравовъ уже въ самое первое время сталъ собирателемъ рукописей, между прочимъ, рукописей именно „наиболѣе свѣтскаго содержанія", т.-е. такихъ, гдѣ можно было искать отголоска поэтическихъ интересовъ; рядомъ съ „свѣтскими" книгами шли и книги духовнаго содержанія, опять въ особенности такого рода, въ которыхъ можно было встрѣтить то или другое отношеніе къ старому быту и народной поэзіи. Ко времени начала „Лѣтописей" Тихонравовъ уже имѣлъ въ рукахъ не мало собственныхъ рукописей подобнаго рода, а также изучалъ однородные памятники въ другихъ частныхъ собраніяхъ, особливо именно въ собраніи И. Е. Забѣлина, которое ими также было богато; и наконецъ онъ самъ предпринималъ изслѣдованія этихъ памятниковъ, въ которыхъ мало-по-малу раскрывалась народно-поэтическая письменность древней Руси. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важныя указанія были уже даны въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева; предприняты были изслѣдованія о старой русской повѣсти; затронутъ

былъ вопросъ о литературѣ апокрифической легенды, находившей столько отголосковъ въ народныхъ сказаніяхъ; съ литературнымъ возрожденіемъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ становился впервые доступнымъ для историческаго изслѣдованія расколъ, также явленіе народной жизни,—но все это были еще только начатки, и прежде всего предстояло выяснить составъ этой литературы, въ большинствѣ забытой самимъ народомъ и до тѣхъ поръ пренебрегаемой изслѣдователями. Въ объявленіи, которое явилось въ „Библіографическихъ Запискахъ“ Аѳанасьева, Тихонравовъ такъ объяснялъ задачу изданія, которая, какъ мы говорили, была и до сихъ поръ остается задачей историческаго изслѣдованія литературы.

„Въ настоящее время,—говорилъ онъ,—исторія литературы заняла прочное мѣсто въ ряду наукъ *историческихъ*; она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась и, отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній, поставивъ себѣ задачею уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія,—развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать какъ явленіе исключительное, внѣ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему *только* чисто-эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выступать литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ прежнихъ исторіяхъ литературы: вся исторія средневѣковой европейской словесности создалась только въ послѣднія четыре десятилѣтія. Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія литературы стала дорожить тѣми подробностями, которыя содѣйствуютъ уясненію этого вопроса: отсюда любовь къ новымъ изданіямъ писателей, къ собиранію біографическихъ данныхъ, къ изданію рукописей, рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и т. п. Самое подробное и обстоятельное изученіе народнаго быта по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были

вмѣстѣ миніатюристами и граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ исторіею искусства. Одинъ и тотъ же духъ вѣетъ и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно внѣ полнаго пониманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи: потому блистательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширенію исторіи литературы. Успѣхи языковѣдѣнія не остались, въ свою очередь, безъ вліянія на исторію литературы. Выросшая на основѣ общихъ индо-европейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка, словесность народная можетъ быть вполнѣ понимаема только въ связи съ изученіемъ миѳологіи, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ. *Лѣтописи русской литературы и древности* имѣютъ въ виду расширить кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій, знакомя съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до сихъ поръ, несмотря на свое высокое значеніе, остаются неизданными, и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію. Строго держась сравнительно-историческаго метода при изученіи литературы, журналъ будетъ помѣщать на своихъ страницахъ: а) изслѣдованія по исторіи русской литературы и искусства; б) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку и т. п., насколько эти изслѣдованія способствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; в) обозрѣніе древности и литературъ иностранныхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной".

Таковъ былъ планъ, гдѣ уже отчетливо высказался новый складъ историко-литературнаго изслѣдованія, мысль о которомъ зарождалась уже съ первыхъ опытовъ начала пятидесятыхъ годовъ. И здѣсь, какъ въ приведенномъ выше введеніи къ изслѣдованію о Растопчинѣ, можно было бы сдѣлать оговорку о томъ, что „эстетическіе разборы избранныхъ писателей" были въ свое время самой настоятельной необходимостью, потому что (хотя эти разборы ограничивались только новѣйшей литературой) критика должна была установить мѣрку художественной цѣнности, содѣйствовать развитію эстетическаго вкуса и общественнаго пониманія; но во всякомъ случаѣ существеннымъ пріобрѣтеніемъ науки было установленіе *историческаго* изученія литературы, которое должно было обнять *всю массу* словесныхъ произведеній. Мы видѣли, что этотъ историческій взглядъ вырабатывался мало-

по-малу; Тихонравовъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; одновременно возникали другіе поиски въ томъ же направленіи,—но во всякомъ случаѣ уже въ ту минуту его предпріятіе являлось важнымъ научнымъ фактомъ вслѣдствіе этой общей постановки вопроса, которую онъ осуществлялъ обширнымъ собраніемъ трудовъ, сводимыхъ къ одной цѣли. „Лѣтописи" были первымъ органомъ новаго историко-литературнаго изслѣдованія [1]).

Изданіе встрѣчено было съ великимъ интересомъ и учеными старшаго поколѣнія, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, Соловьевъ, Костомаровъ, И. Е. Забѣлинъ, пр. Макарій, К. К. Герцъ, и современниками, какъ Н. А. Поповъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Г. Д. Филимоновъ, Н. И. Субботинъ, А. С. Павловъ и др., и нѣсколько младшими учеными, какъ А. Н. Веселовскій, А. Л. Дювернуа, А. А. Котляревскій и др., которые всѣ участвовали болѣе или менѣе въ „Лѣтописяхъ" своими трудами, видимо сознавая необходимость новой точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, эта новая точка зрѣнія имѣла уже мало общаго съ прежней постановкой историко-литературнаго вопроса и по объему предметовъ, привлеченныхъ къ изслѣдованію, и по взгляду на такъ называемую народность.

Этотъ объемъ простирался на весь матеріалъ русской литературы отъ древнѣйшихъ памятниковъ до писателей XIX вѣка, на литературу собственно и на такъ-называемую письменность и на народную словесность; рядомъ съ этимъ въ изслѣдованіе входила исторія просвѣщенія и быта, исторія древняго искусства въ связи съ его народными отголосками, исторія церкви въ ея отношеніяхъ къ народной жизни и въ частности исторія раскола и т. д... Для всего этого требовались дѣйствительно новые „источники и пособія". Относительно древняго періода эти источники въ большинствѣ случаевъ оставались еще неизданными и нерѣдко ихъ нужно было еще разыскивать внѣ старыхъ рукописныхъ собраній. Должно сказать, что прежніе собиратели конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, отъ которыхъ шли сокровища Публичной Библіотеки, Румянцовскаго музея, библіотеки московскаго Общества исторіи и древностей, Царскаго и пр., заботились почти исключительно о собираніи древнѣйшихъ рукописей и вообще крупныхъ произведеній старой письменности, и отъ нихъ ускользала цѣлая масса болѣе позднихъ, такъ сказать, простонародныхъ рукописей и сборниковъ, которымъ они не при-

---

[1]) Объ этомъ общемъ значеніи „Лѣтописей" мы имѣли случай говорить, въ частномъ примѣненіи къ развитію народныхъ изученій, въ „Исторіи этнографіи", т. II.

давали значенія. Собиратели новѣйшіе, около половины столѣтія, какъ Погодинъ, Ундольскій, въ особенности Ѳ. И. Буслаевъ и И. Е. Забѣлинъ, обратили вниманіе и на эту сторону древней письменности, отчасти потому, что на книжномъ рынкѣ старыя рукописи становились все болѣе и болѣе рѣдкими, а главное потому, что была оцѣнена важность этихъ, ранѣе пренебрегавшихся, рукописей для изученія письменности народной. Какъ мы видѣли, именно къ г. Забѣлину Тихонравовъ и обратился за руководствомъ въ первую пору своего собирательства. Его привлекали не только извѣстные крупные памятники письменности, гдѣ новая рукопись могла доставить важные варіанты, но въ особенности такіе простые сборники, которыхъ одинъ растрепанный видъ, а иногда и малая грамотность свидѣтельствовали объ ихъ популярномъ происхожденіи и усердномъ чтеніи. Въ такихъ сборникахъ и тетрадкахъ онъ находилъ тексты любопытныхъ произведеній полународной письменности, и напримѣръ, въ послѣдніе годы онъ нашелъ любопытный варіантъ „Девгеніева Дѣянія", извѣстнаго до тѣхъ поръ въ единственномъ спискѣ. Эта полународная письменность доставляла матеріалъ для изученія старой легенды, апокрифическаго преданія, повѣсти и т. д. и указывала ихъ связь съ той популярной литературой, какая жила въ такъ-называемыхъ лубочныхъ картинахъ, которыя до конца тридцатыхъ годовъ изготовлялись самодѣльнымъ кустарнымъ производствомъ, не замѣчаемыя оффиціальной цензурой. Подобнымъ образомъ произведенія старой письменности установляли связь съ такими крупными и исключительными явленіями народной жизни, какъ расколъ, съ такими явленіями народной поэзіи, какъ современная легенда и народный стихъ и т. д. Съ другой стороны новая точка зрѣнія расходилась съ прежней постановкой вопроса и по взгляду на народность. Прежняя эстетическая критика, хотя она и завершалась въ концѣ концовъ несомнѣннымъ стремленіемъ къ установленію здравыхъ общественныхъ понятій и, насколько было возможно, объясняла необходимость преобразованія народнаго быта, именно освобожденія крестьянъ,—и въ этомъ отношеніи сороковые года пріобрѣли неоспоримую историческую заслугу, подготовивъ лучшихъ дѣятелей эпохи реформъ, но это народолюбіе было теоретическое, далекое отъ реальной дѣйствительности, а также отъ народной старины, міровоззрѣнія и поэзіи: литература художественная противополагалась народной какъ нѣчто высшее, а послѣдняя какъ будто даже не принималась въ историческій разсчетъ. Теперь наступало другое. Еще задолго до того, какъ со

второй половины пятидесятыхъ годовъ въ виду крестьянской реформы народный интересъ сталъ волновать общественное мнѣніе, иное отношеніе къ народу возникало въ области историко-литературнаго изслѣдованія. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, какое вліяніе имѣли у насъ народно-поэтическія изученія, созданныя въ Германіи Яковомъ Гриммомъ и первымъ истолкователемъ которыхъ былъ у насъ г. Буслаевъ, примѣнившій ихъ къ русской народной поэзіи. Ученіе Гримма представляло не только научную теорію, но и народно-общественное чувство. То и другое отразилось и у Тихонравова.

„Разъ въ центрѣ изученія становилась народная литература, —говоритъ въ воспоминаніяхъ о Тихонравовѣ одинъ изъ его слушателей,—то вполнѣ естественно привлекала къ себѣ вниманіе и утѣсненная народная личность. Такимъ образомъ, какъ научная теорія, такъ и литературная проповѣдь воспитывала въ воспріимчивыхъ сердцахъ гуманныя стремленія, вырабатывала, такъ сказать, культурно-демократическій идеалъ. Этотъ идеалъ даетъ себя чувствовать въ принципіальномъ протестѣ Тихонравова противъ аристократическаго пренебреженія народной литературой“...

„Единственнымъ средствомъ проникнуть въ народную жизнь, —говоритъ тотъ же авторъ,—единственнымъ средствомъ реставрировать литературное прошлое — было спуститься къ изученію безличной народной словесности, къ кропотливому собиранію мелкихъ, сырыхъ и обыденныхъ литературныхъ фактовъ. И дѣйствительно, Тихонравовъ любилъ и умѣлъ прислушиваться къ тому, чтò глухо волновалось и двигалось подъ поверхностью оффиціальной литературы, чтò стремилось къ свѣту въ нижнемъ слоѣ потока человѣческой жизни. Въ изученіи народной литературы и жизни имъ руководила не одна теоретическая пытливость кабинетнаго ученаго, но и живые запросы гуманныхъ вѣяній эпохи Грановскаго.

„Подобно И. С. Тургеневу, тамъ, гдѣ другіе находили успокоеніе и убѣжище эпоса, тамъ видѣлъ и Тихонравовъ „трагическую судьбу племени, великую общественную драму“. Многія страницы лекцій Тихонравова даютъ яркую картину многоразличныхъ переливовъ этой вѣковой драмы.

„Въ предпринятомъ имъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ научномъ журналѣ (Лѣтописи русской литературы и древности, 1859—63 гг.) главное вниманіе обращено было на народную литературу, причемъ литературные памятники оцѣнивались пре-

имущественно со стороны ихъ значенія для исторіи образованности, нравовъ и общественнаго развитія" [1]).

Какъ мы замѣчали, сочувственное отношеніе къ народной массѣ ярко высказалось въ художественной литературѣ еще во времена эстетической школы, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Такимъ образомъ, мы видимъ параллельныя проявленія одного общаго настроенія; фактически онѣ были независимы одно отъ другого, и, напримѣръ, учитель Тихонравова въ этомъ направленіи въ тѣ годы съ чрезвычайной рѣзкостью отрицалъ новѣйшую литературу, выросшую въ рабскомъ подражаніи чужимъ образцамъ, и высоко цѣнилъ именно эту старину, гдѣ письменность была близка самой народной массѣ; отголосокъ этого предпочтенія старой литературы бывалъ и у Тихонравова,—но вѣрное замѣчаніе г. Карнѣева, что, напримѣръ, Тихонравовымъ руководили, кромѣ теоретическихъ запросовъ науки и „гуманныя вѣянія эпохи Грановскаго", указываетъ, что въ глубинѣ лежала тѣсная нравственная связь съ сороковыми годами... Непосредственное общеніе съ народной стариной дѣлало однако то, что Тихонравовъ, какъ и его первый руководитель въ этой области, остался свободенъ отъ славянофильскаго мистицизма...

Во второй половинѣ того же 1859 года, Тихонравовъ занялъ каѳедру русской словесности въ университетѣ и на первый разъ имъ предпринятъ былъ курсъ исторіи новой русской литературы. Его вступительная лекція должна была заключать указаніе тѣхъ общихъ основаній, на которыхъ по его взглядамъ слѣдовало строить историческую картину русской литературы, и онъ такъ опредѣлялъ отношеніе между новой и старой литературой:

„Въ историческомъ развитіи наукъ,—говорилъ Тихонравовъ,—исторіи литературы принадлежитъ по времени одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Позднѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія, опредѣлилась ея задача и стали выясняться основные ея вопросы: лишь переживши длинные періоды своей исторической жизни, чувствуетъ народъ потребность оглянуться на пройденный имъ путь и привести къ сознанію результаты своего духовнаго развитія, выразившагося въ словѣ. Если на западѣ только въ настоящемъ столѣтіи положены были прочныя основы литературной исторіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ, недавнихъ учениковъ западной науки, исторія отечественной ли-

[1]) „Памяти Тихонравова", ст. г. Карнѣева, стр. 75, 77. Къ послѣднимъ словамъ авторъ прибавляетъ къ сноскѣ: „Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ его курсъ о лѣтописяхъ, древне-русскихъ епитимейникахъ" и т. п. Но въ печатныхъ сочиненіяхъ эта черта его мнѣній высказалась.

тературы только-что начинается и въ трудахъ, на нее обращенныхъ, большею частію господствуетъ совершенная неопредѣленность началъ, открывающая полный просторъ всякаго рода фантазіямъ. Наука, требующая въ настоящее время наиболѣе самостоятельнаго труда отъ своихъ дѣятелей, наука, каждый выводъ въ сферѣ которой достается съ боя, послѣ продолжительныхъ и сложныхъ изслѣдованій (по отсутствію многихъ приготовительныхъ работъ),—исторія нашей новой литературы служитъ часто предметомъ беллетристическихъ упражненій и поверхностныхъ этюдовъ. Обходя труднѣйшіе, наименѣе разработанные и какъ нарочно наиболѣе важные ея отдѣлы, оставивши совершенно въ сторонѣ старую и новую рукописную литературу и успокоившись на поверхностномъ разборѣ немногихъ представителей подражательнаго направленія нашей литературы XVIII-го вѣка, изслѣдователи комментировали ихъ характеристиками, наудачу вырванными изъ иностранныхъ курсовъ исторіи словесности. Но эти дѣтскія компиляціи, не выяснивши существеннаго содержанія и значенія литературы XVIII-го вѣка, внесли только запутанность въ ея исторію и поставили ее внѣ всякой связи съ предшествующимъ литературнымъ развитіемъ. Лишенные возможности понять историческое преемство литературныхъ явленій, они затруднялись указать исходную точку новой русской литературы, почти полстолѣтіе ея (до 40-хъ годовъ XVIII-го вѣка) невольно обрекали на безплодіе, въ Тредьяковскомъ находили звено, связующее Кантемира съ Ломоносовымъ, совершенно не замѣтили борьбы между „подлыми“ книгами народнаго чтенія и вновь пересаженнымъ на русскую почву литературнымъ направленіемъ западной Европы; цѣлая фаланга писателей Екатерининскаго времени осталась въ сторонѣ, непонятая этими изслѣдователями, которые въ своихъ обзорахъ литературы XVIII-го вѣка давали мѣсто Хераскову, Петрову и множеству подобныхъ піитовъ и совершенно упустили изъ виду литературныхъ дѣятелей, реставрировавшихъ въ новыхъ формахъ народныя книги прежняго времени.

„Вотъ почему нельзя обойти вопроса о томъ, откуда начинать исторію новой русской литературы“.

Исторію новой литературы надо было начинать по крайней мѣрѣ со второй половины XVIII-го вѣка.

„Государственная реформа Петра застала нашу словесность, и преимущественно книжно-народную, — среди оживленной дѣятельности. Если русскія училища XVII-го вѣка мало привлекали людей въ свои стѣны, если наука вообще плохо прививалась въ нихъ къ русской почвѣ, если какой-нибудь спокойный компиля-

торъ первой половины XVII-го вѣка, Козыревъ, который „потщался святую премудрую философскую книгу восписать хартіею и черниломъ... зане видѣхъ сію премудрую и глубочайшую въ разумѣ книгу отъ презорства и нерадѣніемъ невѣжъ пишущихъ, во многихъ главизнахъ и словесѣхъ сущаго ея разума улишену", если этотъ компиляторъ за свой ученый трудъ, „сидѣлъ въ дому плача и воздыханія, сильными вѣка сего за извѣщеніе слова Божія преданъ былъ во узы, яко злодѣй, и связанъ желѣзы лютости, всегда томимъ приставственными озлобленіи и естественными недостатки воды и хлѣба"; то литературное движеніе, пробужденное польскимъ вліяніемъ, создавало новыя литературныя формы на Руси: явилась мистерія, сатирическія—повѣсть и драма, развились силлабическіе вирши. Знаменитыя сатирическія „челобитныя" XVII-го вѣка (напр. „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею", позднѣе „Челобитная Калязина монастыря" и т. п.), перешедшія въ позднѣйшую народную литературу, возникли, можетъ быть, по образцу польской сказки о Шемякинѣ судѣ, но исполнены уже чисто-народнаго содержанія и отличаются свѣжимъ колоритомъ народнаго разсказа. И другую форму принимала на Руси сатира еще съ XVI-го вѣка, форму, свидѣтельствующую о немаловажномъ литературномъ развитіи".

Онъ приводитъ примѣры, какъ въ памятникахъ старой письменности, между прочимъ подъ начинавшимся воздѣйствіемъ западной литературы, отражалось народное бытовое содержаніе и складывались свои литературныя формы. Еще въ XVI столѣтіи были опыты сатиры, и позднѣе сатира является даже въ раскольничьей литературѣ, именно противъ Никона. Но,—говоритъ Тихонравовъ, — „у этихъ людей несвободнаго сознанія, обрекшихъ себя добровольному китаизму въ сферѣ умственной и религіозной, она никогда не могла получить той художественной формы, той полноты содержанія, которыя бываютъ слѣдствіемъ свободнаго стремленія къ истинному идеалу. Самымъ источникомъ своимъ раскольничья сатира осуждена была на грубость формы и пустоту содержанія". „XVII вѣкъ дѣятельно *развивалъ* содержаніе прежней повѣствовательной литературы въ новыхъ формахъ, и переводныя повѣсти, любимое чтеніе народа, обновлялись и оживлялись мотивами устной народной словесности. Печатная, рукописная и устная словесность часто сплетались въ неразрывное цѣлое, книжная литература давала пищу народному творчеству, которымъ новое содержаніе и обрабатывалось подъ вліяніемъ стараго эпическаго склада; народныя произведенія въ свою очередь передѣлывались въ силлабическіе вирши". Слѣдуетъ опять

рядъ примѣровъ того, какимъ образомъ даже заимствованное содержаніе пріурочивалось къ русской жизни и между прочимъ доставляло матеріалъ для народной поэзіи. „Повѣсти, переведенныя въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, цѣликомъ переходятъ въ петровское время, начинаютъ даже новую жизнь, появляясь въ лубошныхъ изданіяхъ, и составляютъ преобладающій элементъ въ народномъ чтеніи первой половины XVIII-го... Однимъ словомъ, средневѣковое содержаніе народной европейской литературы, разными путями перешедшее въ нашу, обновленное литературнымъ движеніемъ второй половины XVII-го вѣка, въ болѣе разнообразныхъ формахъ передано восемнадцатому и составляетъ важнѣйшее достояніе его литературы въ первую половину вѣка".

Указавъ примѣры, Тихонравовъ продолжаетъ: „Эти замѣчательные литературные памятники осязательно убѣждаютъ насъ въ необходимости обратиться къ рукописной литературѣ первой половины XVIII-го вѣка, потому что только она можетъ дать полное и истинное содержаніе литературной исторіи этого періода и избавить ее отъ той безцвѣтности и односторонности, которою она страдаетъ въ настоящее время". Прежнее средневѣковое содержаніе перестаетъ быть преобладающимъ въ нашей литературѣ со временъ Ломоносова и Сумарокова, которые внесли въ литературу новыя европейскія начала. Сумароковъ и другіе люди новаго образованія нападали на эту массу народныхъ книгъ, которыя воспитывали своихъ читателей въ духѣ старины. И дѣйствительно, — говоритъ Тихонравовъ, — „подъ вліяніемъ грубаго произвола книжниковъ съ теченіемъ времени меркла поэтическая сторона народныхъ книгъ и въ изуродованномъ, подновленномъ видѣ они разносили нелѣпыя понятія и уродливые предразсудки, подготовлявшіе скрытое, глухое сопротивленіе реформамъ Петра, и Екатерины".

Такимъ образомъ исторія новой русской литературы должна начаться обозрѣніемъ второй половины XVII-го вѣка. „Выяснивши себѣ содержаніе литературы этого времени, она осмыслитъ все историческое развитіе нашей словесности, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія еще державшейся средневѣковыми началами, и избавившись отъ ложной исключительности, оставитъ за второй половиной столѣтія тотъ богатый литературный запасъ, который удовлетворялъ потребностямъ низшихъ классовъ народа и вызывалъ дѣятельность писателей, отдавшихъ народной массѣ свое полное сочувствіе. Ставши живою картиною *всего* русскаго общества XVIII столѣтія (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его

переливы одинъ въ другой и, сдѣлавши невозможными возгласы о насильственности реформы Петра и ни на чемъ не основанныя похвалы нашей древней жизни, укрѣпить и возвысить вѣру въ нравственную силу европейскаго просвѣщенія".

Таковы были начатки научной дѣятельности Тихонравова; въ 1859, съ начала изданія „Лѣтописей" и вступленія на каѳедру, открывается уже опредѣленная дѣятельность ученаго изслѣдователя съ тѣми пріемами и общими историческими взглядами, которые уже выработались къ этому времени. Прежде всего въ объемѣ предметовъ историко-литературнаго изслѣдованія онъ не остался спеціалистомъ въ какой-нибудь отдѣльной области: какъ въ началѣ онъ одинаково изучалъ новѣйшую литературу и увлекался рукописной стариной, такъ и до конца онъ съ тѣмъ же интересомъ совершалъ своего рода раскопки въ древней письменности, которыя уже въ девяностыхъ годахъ вознаграждены были открытіемъ новаго списка „Девгеніева Дѣянія" и хожденія священноинока Варсонофія, и тратилъ усиленный трудъ на изданіе текста Гоголя съ безконечными мелочными варіантами. Требованія университетскаго курса, а главное, конечно, собственная пытливость привлекали его изученія къ самымъ разнообразнымъ періодамъ и предметамъ литературной исторіи. Онъ собираетъ древнія русскія поученія противъ язычества, спеціально изучаетъ Слово о полку Игоревѣ, составляетъ обширный сборникъ древнихъ отреченныхъ книгъ, занимается изслѣдованіемъ Палеи, старинныхъ сборниковъ, готовитъ изданіе Стоглава, печатаетъ тексты старыхъ повѣстей, издаетъ матеріалы для исторіи раскола, изучаетъ малорусскую драму XVII-го вѣка, собираетъ русскія драматическія произведенія конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, разсказываетъ по рукописнымъ источникамъ исторію московскихъ вольнодумцевъ временъ Петра Великаго, изслѣдуетъ творенія Ѳеофана Прокоповича, изучаетъ Новикова и Карамзина, Пушкина и Гоголя и т. д. Въ каждомъ изъ этихъ вопросовъ онъ является оригинальнымъ изслѣдователемъ и вноситъ что-либо новое, между прочимъ, изъ накопленныхъ рѣдкостей своего рукописнаго собранія. Эта многосторонность, соединявшаяся въ каждомъ предметѣ съ обширнымъ знаніемъ, составляетъ особенно замѣчательную черту, когда наши ученыя силы всего чаще останавливаются на отдѣльной спеціальности, — между прочимъ не по условіямъ и средствамъ нашей литературы.

Въ эти первые годы у Тихонравова опредѣлился и методъ ра-

боты. Этотъ методъ былъ тѣсно связанъ съ его цѣлымъ взглядомъ на данное положеніе историко-литературнаго вопроса. Прежде всего относительно XVIII-го вѣка онъ считалъ исторически невѣрнымъ изученіе только избранныхъ писателей и только съ эстетической точки зрѣнія: оно оставляло въ сторонѣ цѣлую массу литературныхъ произведеній, которыя представляли, однако, множество данныхъ для исторіи внутренней жизни общества. Тѣмъ болѣе заброшено было изученіе литературы до-петровской: въ лучшемъ случаѣ она перечислялась чисто внѣшнимъ образомъ, насколько была извѣстна,—но главное, она была извѣстна чрезвычайно недостаточно, такъ что цѣлые обширные отдѣлы ея бывали совершенно невѣдомы. И это было тѣмъ болѣе вопіющимъ пробѣломъ, что не замѣчались произведенія, наиболѣе любопытныя по отношенію къ внутреннему движенію народной мысли и фантазіи. Отсюда первая мысль, направлявшая труды Тихонравова—стремленіе привести въ извѣстность наличный составъ литературы, особенно старой. Какъ мы видѣли, указанія этого рода давались уже его предшественниками, и въ то же время шли параллельныя работы другихъ изслѣдователей, но Тихонравовъ велъ эти изысканія съ особливою настойчивостью. Вскорѣ въ этомъ направленіи открылась весьма оживленная дѣятельность, но наиболѣе крупная заслуга въ реставраціи литературной старины, безъ сомнѣнія, принадлежала ему. Затѣмъ слѣдовала другая задача — изданіе разысканныхъ текстовъ и ихъ толкованіе. Правильное изданіе текстовъ въ то время еще не было у насъ установившимся обычаемъ. Несмотря на старую школу Востокова и Калайдовича, несмотря на требованія ученыхъ новой филологической школы, изданіе старыхъ памятниковъ все еще не отличалось точностью: какъ впослѣдствіи оказывалось, даже въ изданіяхъ авторитетныхъ ученыхъ бывали болѣе или менѣе крупные недосмотры. Тихонравовъ всегда настаивалъ на самой мелочной точности въ передачѣ старыхъ памятниковъ—со всѣми особенностями написанія, сокращеніями, надстрочными знаками и со всѣми ошибками, —чего не легко было даже достигнуть въ печати при неимѣніи типографскихъ знаковъ. Въ своихъ заботахъ о точности онъ доходилъ до того, что издавалъ подобнымъ образомъ даже очень поздніе памятники, гдѣ способъ написанія терялъ филологическую важность и иногда свидѣтельствовалъ только о малой грамотности писавшаго; но Тихонравову всегда хотѣлось, чтобы печатный текстъ вполнѣ передавалъ рукопись,—въ палеографическихъ подробностяхъ ему, видимо, хотѣлось сохранять тотъ колоритъ стараго книжничества, которому придаетъ цѣну истый любитель.

Всякое, нѣсколько распространенное, произведеніе старой письменности, всегда оказывается въ нѣсколькихъ спискахъ, которые, почти безъ исключенія, представляютъ между собою болѣе или менѣе значительныя отличія. Эти отличія бываютъ иногда столь велики, что памятникъ представляется въ нѣсколькихъ редакціяхъ; редакціи иногда такъ далеко отходятъ одна отъ другой, что становится возможнымъ, даже необходимымъ, предполагать разные источники его происхожденія и, напримѣръ, если памятникъ былъ переводный, предполагать два различные перевода съ различныхъ редакцій подлинника. Старая письменность въ громадномъ большинствѣ случаевъ отличалась безъименностью, и въ литературѣ полународной эта безъименность была правиломъ: оставалось совершенно неизвѣстно, откуда и когда взялся памятникъ, и какихъ-либо указаній объ его происхожденіи остается искать въ немъ самомъ. Такимъ образомъ, для правильнаго изданія памятника, т.-е. для желаемаго возстановленія его подлиннаго вида, его развѣтвленій, необходимо принимать въ соображеніе всѣ наличные варіанты, т.-е. всѣ списки, какіе издатель можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи: въ варіантахъ сказывается читатель и писецъ другого времени, другой среды, и ихъ опредѣленіе можетъ дать новые историко-литературные факты. Къ этой задачѣ Тихонравовъ относился очень внимательно: онъ тщательно выискивалъ и отмѣчалъ варіанты не только въ древнихъ памятникахъ, гдѣ въ безъименной книгѣ накоплялись разнорѣчія цѣлыхъ вѣковъ, но съ величайшимъ стараніемъ отмѣчалъ мелкіе варіанты и въ разныхъ рукописяхъ Гоголя.

За изданіемъ слѣдовалъ комментарій. Такихъ изданій вмѣстѣ съ комментаріемъ у Тихонравова было не много, но въ разныхъ его изслѣдованіяхъ разбросано множество замѣчаній, составлявшихъ результатъ изученій, которыя онъ прилагалъ постоянно къ своему обширному чтенію въ письменной старинѣ. Нужно было опредѣлить время памятника, самостоятельнаго или переводнаго; для перевода опредѣлить фактическій или предполагаемый подлинникъ; для произведенія самостоятельнаго отмѣтить историческія и бытовыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ долженъ былъ возникнуть, опредѣлить взгляды писателя и ихъ дальнѣйшія отраженія въ литературѣ. Какъ онъ ставилъ эти критическіе вопросы относительно древнихъ памятниковъ, такъ еще раньше, прежде всего, онъ примѣнялъ ихъ къ писателямъ XVIII-го вѣка: если еще въ студенческое время онъ писалъ сочиненіе о заимствованіяхъ русскихъ писателей и въ то время напечаталъ подобную замѣтку о заимствованіяхъ Фонъ-Визина, это вовсе не былъ

праздный библіографическій вопросъ, потому что, когда Фонъ-Визинъ не только свои философскія разсужденія (а также и брань на французовъ въ своемъ путешествіи), но и комическія подробности въ „Недорослѣ“ бралъ готовыми у французскихъ писателей, это указывало ту сильную степень подчиненности чужимъ образцамъ, въ какой находились тогда даже прославленные писатели... Понятно, что для подобнаго комментарія, опредѣляющаго мѣсто и время памятника, общественныя и умственныя условія, въ какихъ онъ возникалъ, и его дальнѣйшія отраженія, требовался обширный горизонтъ историческаго знанія и начитанности, и въ изслѣдованіяхъ Тихонравова дѣйствительно разбросано множество остроумныхъ комбинацій, которыя онъ извлекалъ изъ самыхъ разнообразныхъ явленій старой жизни и старой книги и сводилъ къ объясненію даннаго вопроса. Далѣе, укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Послѣ „Лѣтописей“, вторымъ замѣчательнымъ трудомъ Тихонравова по старой письменности было изданіе „Памятниковъ отреченной русской литературы“. Опредѣленіе и изданіе этой литературы составляло настоятельную необходимость, какъ скоро при первомъ знакомствѣ съ полународной письменностью и народной поэзіей стараго времени оказалась въ той и другой тѣсная связь съ такъ называемыми „ложными книгами“, т.-е. апокрифическими писаніями ветхаго и новаго завѣта и разнообразной апокрифической легендой. Передъ тѣмъ мною изданъ былъ сборникъ подобныхъ сказаній по рукописямъ, какими я могъ пользоваться въ Петербургѣ; но затѣмъ Тихонравовъ составилъ болѣе обширный сборникъ отреченной литературы по рукописямъ петербургскимъ и особенно московскимъ, который остается до сихъ поръ самымъ богатымъ собраніемъ этихъ памятниковъ, уже не мало послужившимъ для изслѣдователей старой русской письменности и народной поэзіи. Два тома „Памятниковъ“, какъ говорилось въ предисловіи, составляли „приложеніе къ изслѣдованію, которое одновременно съ ними выходитъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Отреченныя книги древней Россіи“; но это изслѣдованіе не вышло въ свѣтъ ни тогда, ни послѣ, какъ не вышло и предположенное имъ въ то время дополненіе къ этимъ двумъ томамъ,—только небольшое начало предполагавшагося третьяго тома напечатано было по его смерти въ „Сборникѣ“ русскаго отдѣленія академіи.

Третьимъ капитальнымъ трудомъ Тихонравова были: „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“, два тома которыхъ, вполнѣ изготовленные, должны были выйти въ 1874, но

тѣмъ временемъ, пока Тихонравовъ медлилъ съ возвращеніемъ корректуры послѣднихъ листовъ, заключавшихъ примѣчанія, произошло банкротство издателя и книга была конфискована, какъ его имущество, а затѣмъ умеръ и самъ издатель; только тогда, когда распуталось дѣло о банкротствѣ, книга была выпущена тѣми, кому она досталась послѣ разсчетовъ,—но все-таки безъ примѣчаній.

Наконецъ, еще однимъ важнымъ трудомъ Тихонравова былъ его разборъ Исторіи русской словесности Галахова, помѣщенный въ академическомъ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ 1878: здѣсь полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, были высказаны взгляды Тихонравова на общую постановку исторіи литературы, на объемъ входящихъ въ нее фактовъ и на способъ ихъ истолкованія; вмѣстѣ съ замѣтками по отдѣльнымъ вопросамъ этотъ разборъ представляетъ много поучительнаго.

Какъ мы сказали, Тихонравовъ не выдѣлилъ себѣ никакого періода, никакого особаго вопроса въ исторіи русской литературы, которые стали бы его спеціальностью, но во всѣхъ областяхъ предмета онъ являлся съ обширными знаніями спеціалиста. Онъ работалъ медленно, между прочимъ, потому, что старался овладѣть вопросомъ во всѣхъ подробностяхъ и сложныхъ отношеніяхъ. Цѣльнаго построенія предмета онъ не оставилъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ; его можно искать только въ его университетскихъ чтеніяхъ, которыхъ изданіе теперь предпринимается. Мы остановимся дальше на этихъ чтеніяхъ, насколько онѣ намъ извѣстны по отдѣльнымъ литографическимъ курсамъ, и вмѣстѣ съ ихъ содержаніемъ коснемся и самыхъ пріемовъ его изслѣдованія.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЗИМА.

Нѣмая степь лежитъ
Подъ пеленою бѣлой;
Ручей оледенѣлъ; пустынный лугъ умолкъ...
Лишь снѣжный вихрь шумитъ
Надъ рощей помертвѣлой,
Да воронъ каркаетъ, да воетъ жадный волкъ...

Напрасно сквозь туманъ
Пожаромъ зори пышутъ,
И солнце яркое украдкой льётъ лучи,
И вѣтры южныхъ странъ
Тепломъ сквозь холодъ дышутъ,—
Земля-покойница не шевелитъ парчи...

Спитъ тяжкимъ сномъ она
Подъ саваномъ могильнымъ...
Но возрожденья духъ, тоскуя, въ ней живетъ
И ждетъ, когда весна
Дыханіемъ всесильнымъ
Развѣетъ колдовство—растопитъ снѣгъ и лёдъ.

II.

ЦВѢТЫ.

Жжётъ морозъ, бушуетъ вьюга
Средь вечерней темноты...
А въ окнѣ, питомцы юга,
Улыбаются цвѣты.

И прохожему невольно
Какъ бы снится чудный край;
Хоть морозъ кусаетъ больно,
Онъ мечтою своевольной
Воскрешаетъ свѣтлый май...

Въ нашей жизни—мракъ и холодъ...
Розамъ счастья—не цвѣсти...
Если ты душою молодъ,
То въ душѣ ихъ пріюти!

Сохрани съ заботой нѣжной
Ихъ въ тепличной тишинѣ,—
Чтобъ дрожащихъ въ стужѣ снѣжной
Согрѣвать мечтой мятежной
О чарующей веснѣ...

А. Колтоновскій.

УЧЕНІЕ МАРКСА

ВЪ

ЖИЗНИ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

I.

Съ именемъ Маркса связывается представленіе не только объ опредѣленной научно-экономической доктринѣ, но и о практической соціальной программѣ, имѣющей цѣлью преобразованіе хозяйственнаго строя въ интересахъ трудящихся массъ. Практическая программа опирается на научный авторитетъ теоріи, изъ которой она вытекаетъ, а теорія пріобрѣтаетъ поклонниковъ благодаря популярной практической программѣ, которая находитъ въ ней свою точку опоры. Несомнѣнно, что доктрина Маркса принимается многими на вѣру, безъ критики, только вслѣдствіе своей предполагаемой логической связи съ извѣстными стремленіями и задачами въ области соціальнаго вопроса. Однако, при ближайшемъ анализѣ, эта связь оказывается вполнѣ фиктивною: практическіе выводы, дѣлаемые авторомъ „Капитала“ и его послѣдователями, основаны на совершенно самостоятельныхъ софизмахъ и недомолвкахъ, нисколько не вытекающихъ изъ его теоретическихъ разсужденій.

Средства и орудія труда, по словамъ Маркса, находятся въ настоящее время въ монопольномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ; —эта монополія должна быть уничтожена. Къ числу предметовъ монополіи отнесены всякія вообще средства и орудія производительной работы, причемъ не дѣлается никакого различія, напр.,

между поземельнымъ участкомъ и ткацкимъ станкомъ. Такъ какъ поземельная собственность, по опредѣленію самого Маркса, есть исключительное право на часть земного шара, т.-е. на часть внѣшней природы, существующей независимо отъ человѣческаго труда, то это право въ принципѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ правомъ на продукты промышленнаго производства, на машины и орудія, изготовленныя руками человѣка. Слѣдовательно, причисленіе какого-нибудь ткацкаго станка къ одному разряду съ объектомъ земельной монополіи, по характеру частныхъ правъ на владѣніе вещами, есть просто абсурдъ, прикрываемый лишь общимъ терминомъ: „средства труда". Монополія непремѣнно предполагаетъ природную или искусственную ограниченность круга предметовъ, обнимаемыхъ ею, и невозможность произвольнаго умноженія ихъ числа; такъ, при недостаткѣ свободныхъ земель, нельзя увеличить ихъ пространство или произвести новые участки искусственнымъ способомъ. Всякія же механическія орудія и машины могутъ быть изготовляемы въ неограниченномъ количествѣ, по мѣрѣ надобности, и пріобрѣтеніе ихъ доступно всѣмъ желающимъ, въ какомъ угодно числѣ, наравнѣ съ другими товарами. Съ какой же точки зрѣнія можно говорить здѣсь о монополіи? Если имѣть въ виду доступность этихъ предметовъ только обладателямъ денегъ, то это условіе одинаково примѣнимо ко всѣмъ вообще продуктамъ и издѣліямъ, продаваемымъ на рынкѣ; въ этомъ смыслѣ всѣ вообще товары, безъ исключенія, составляли бы предметъ монополіи. Гдѣ же основаніе къ тому, чтобы выдѣлять изъ общей массы спеціальную группу свободно производимыхъ товаровъ и приписывать имъ несуществующія монопольныя черты? Такого основанія нѣтъ ни въ условіяхъ производства и обращенія этихъ товаровъ, ни въ ихъ природныхъ и общественныхъ особенностяхъ. Между тѣмъ требованіе объ уничтоженіи монополіи на средства и орудія труда выдается Марксомъ за выводъ изъ его научной теоріи, и противники и комментаторы его ученія оставляютъ это обстоятельство безъ надлежащей критической провѣрки.

Извѣстный экономистъ Шеффле, излагая сущность научнаго соціализма, подтверждаетъ, что одно изъ его основныхъ догматическихъ положеній заключается въ замѣнѣ частной собственности коллективною, относительно всѣхъ средствъ производства (т.-е. труда, такъ какъ средствами производства называются у Маркса сырые матеріалы, употребляемые въ производствѣ), а именно: относительно поземельныхъ участковъ, мастерскихъ, ма-

шинъ, орудій и т. п. [1]) Но Шеффле не замѣчаетъ внутренней нелогичности этого положенія. Допустимъ, что оно имѣетъ почву не въ теоріи, а въ практической необходимости ограничить власть капитала надъ трудомъ, причемъ слово „монополія" примѣнено въ данномъ случаѣ только для бо́льшаго эффекта. Отдѣленіе непосредственныхъ производителей отъ орудій и принадлежностей производства, съ переходомъ послѣднихъ въ руки капиталистовъ, составляетъ источникъ образованія пролетаріата и основу владычества промышленной буржуазіи надъ рабочимъ классомъ; поэтому, хотя средства и орудія труда принадлежатъ владѣльцамъ не на монопольномъ правѣ и ничѣмъ не разнятся вообще отъ прочихъ товаровъ, тѣмъ не менѣе, въ силу особенной практической важности своего назначенія и употребленія, они должны быть изъяты изъ числа предметовъ частнаго обладанія. Очевидно, это требованіе, даже въ такой измѣненной формѣ, нуждается еще во многихъ оговоркахъ и создавало бы на практикѣ безконечныя недоумѣнія и несообразности. Одни и тѣ же предметы переходили бы изъ одной категоріи въ другую, то подлежали бы частной собственности, то признавались бы для нея недоступными, смотря по тому, какъ и гдѣ они употреблялись бы. Владѣлецъ швейной машинки остается ея собственникомъ, пока пользуется ею для своихъ домашнихъ надобностей; но онъ теряетъ на нее право, когда употребляетъ ее для производства или помѣщаетъ ее въ мастерскую. Иголка, какъ несомнѣнное орудіе труда, не можетъ быть предметомъ частнаго владѣнія, а домъ, служащій для жилья, можетъ принадлежать отдѣльному лицу. Экипажъ, употребляемый для частныхъ разъѣздовъ и прогулокъ, можетъ имѣть собственника; а тотъ же экипажъ, приспособленный для перевозки пассажировъ или товаровъ, долженъ уже считаться предметомъ коллективнаго владѣнія. Какіе-нибудь столярные или слесарные инструменты — недоступны обладанію отдѣльныхъ лицъ; простой молотокъ становится запретнымъ для частной собственности; нельзя имѣть свой токарный станокъ для развлеченія, а роскошную морскую яхту — можно. Изъ поземельныхъ участковъ, причисленныхъ также къ „средствамъ труда", крестьянскія поля не должны находиться во владѣніи воздѣлывающихъ ихъ хозяевъ, а охотничьи парки и сады, не предназначенные для цѣлей производства, могутъ принадлежать частнымъ собственникамъ, — если вообще вся земля не будетъ объяв-

---

[1]) Die Quintessenz des Socialismus. Von Dr. A. Schäffle. Gotha, 1885, стр. 4 и др.

лена „средствомъ труда", независимо отъ пригодности или непригодности къ обработкѣ отдѣльныхъ ея пространствъ, или если принципъ коллективности не будетъ примѣненъ къ ней по другому основанію, независимо отъ узко-промышленныхъ соображеній. Названіе „средствъ труда", несмотря на свою кажущуюся опредѣленность, не даетъ никакой точки опоры для разграниченія предметовъ, подлежащихъ или не подлежащихъ усвоенію въ частную собственность.

Несостоятельное и неосуществимое само по себѣ, основное практическое положеніе Маркса является совершенно излишнимъ и безцѣльнымъ въ виду болѣе широкаго вывода его о полной замѣнѣ всѣхъ частныхъ капиталовъ однимъ общественнымъ, коллективнымъ капиталомъ, и о водвореніи общественной организаціи производства на мѣсто частной, капиталистической. Понятно, что, при отсутствіи частнаго производства и обращенія товаровъ, не будетъ и частныхъ правъ на продукты, каковы бы они ни были, въ томъ числѣ и на средства труда, машины и орудія. Когда все производство будетъ общественное, то и всѣ продукты безъ изъятія сдѣлаются общественнымъ достояніемъ, и отдѣльныя лица останутся распорядителями только тѣхъ предметовъ потребленія, которые будутъ выдѣляться имъ, соотвѣтственно долѣ ихъ участія въ коллективной производительной работѣ. Этотъ выводъ имѣетъ по крайней мѣрѣ преимущество большей послѣдовательности, внутренней полноты и цѣльности; но и онъ только наружнымъ образомъ связанъ съ общимъ ходомъ теоретической аргументаціи автора „Капитала". Участіе общественнаго элемента въ частномъ капиталистическомъ производствѣ, общественный характеръ труда при соединеніи многихъ рабочихъ подъ руководствомъ предпринимателей-капиталистовъ, общественныя формы и условія самыхъ предпріятій при современной организаціи кредита, господство крупныхъ акціонерныхъ компаній и банковъ, орудующихъ сосредоточенными массами чужихъ капиталовъ, и, наконецъ, важность интересовъ трудящагося населенія, подвластнаго промышленнымъ хозяевамъ,—все это оправдываетъ и вызываетъ болѣе дѣятельный общественный контроль и болѣе строгое и систематическое вмѣшательство государственной власти съ цѣлью возстановленія и поддержанія равновѣсія между трудомъ и капиталомъ, ограниченія произвольной эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ и обузданія хищничества въ разныхъ его видахъ. Но справедливое разграниченіе противоположныхъ интересовъ, охрана слабыхъ противъ сильныхъ и забота объ экономической будущности народа нисколько не приводятъ къ тому,

чтобы частныя права были всецѣло поглощены публичными. Обществу должно принадлежать то, что есть прямой результатъ общественности; но идти дальше этого, отнимать у личности плоды ея частныхъ усилій, налагать руку на всю индивидуальность человѣка въ области экономической дѣятельности, ради устраненія недостатковъ и злоупотребленій существующаго промышленнаго строя,—это значило бы, по нѣмецкой пословицѣ: „выбросить ребенка изъ ванны, чтобы вылить изъ нея воду"...

И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, бросается въ глаза явное несоотвѣтствіе между логическими посылками и заключеніями: вмѣсто новаго, болѣе цѣлесообразнаго размежеванія экономическихъ правъ и интересовъ, вытекающаго изъ анализа промышленной жизни, предлагается простая конфискація, уничтоженіе однихъ правъ въ пользу другихъ. Выводъ является откуда-то извнѣ, независимо отъ данныхъ промышленной исторіи и отъ фактическихъ условій современности; крайне сложная и трудная задача не разрѣшается, а замѣняется другою, повидимому болѣе легкою и простою, безъ всякой даже попытки разумно объяснить дѣлаемый скачокъ въ сторону. Регулированіе частной промышленности и упраздненіе ея—двѣ вещи совершенно различныя, не имѣющія между собою ничего общаго, и смѣшеніе ихъ ничѣмъ не обосновано у Маркса. Общественныя формы частныхъ предпріятій, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, скорѣе усиливаютъ, чѣмъ ослабляютъ значеніе частныхъ интересовъ въ обществѣ, умножая число отдѣльныхъ вкладчиковъ и участниковъ промышленныхъ дѣлъ; поэтому развитіе коллективнаго начала въ организаціи частной промышленности вовсе не означаетъ и не предвѣщаетъ замѣны частныхъ экономическихъ правъ общественными,—такъ какъ соединеніе многихъ мелкихъ капиталистовъ въ одну крупную компанію далеко не равносильно отреченію ихъ отъ своихъ отдѣльныхъ капиталовъ въ пользу всего общества. Мнимый постепенный переходъ отъ частной капиталистической формы производства къ общественно-коллективной есть только соблазнительная фикція, построенная на произвольной игрѣ словами и понятіями. Съ другой стороны, если такая радикальная метаморфоза постепенно совершается въ дѣйствительности и если все промышленное развитіе народовъ есть послѣдовательный переходъ отъ одной экономической формы къ другой, какъ утверждаетъ Марксъ, то возможно ли совмѣстить съ этимъ указаніе его на неизбѣжность предстоящаго будто бы насильственнаго переворота для устраненія капитализма? И въ этомъ пунктѣ практическая программа расходится съ теоріею. Наконецъ, дается ли авторомъ „Капи-

тала“ хотя бы тѣнь доказательства въ пользу того, что ожидаемое имъ торжество пролетаріата приблизитъ человѣчество къ осуществленію желаннаго экономическаго идеала? Переворотъ долженъ совершиться, по Марксу, не во имя защиты человѣческихъ правъ трудящагося большинства и не во имя улучшенія его матеріальнаго быта,—ибо эта защита и это улучшеніе вполнѣ достижимы при современномъ промышленномъ строѣ, какъ убѣждаетъ опытъ Англіи, Сѣверной Америки и отчасти Франціи и Германіи; возможны даже болѣе существенныя реформы, безъ ущерба для успѣховъ капитала, какъ видно изъ примѣровъ участія рабочихъ въ прибыли предпріятій, изъ опытовъ Роберта Оуэна, кооперативныхъ обществъ и т. п. Переворотъ, по Марксу, долженъ увеличить доходы рабочихъ соотвѣтственно количеству ихъ труда, такъ чтобы, напр., англійскій или американскій работникъ получалъ не 600, а 800 или даже тысячу рублей въ годъ, работая не десять и не двѣнадцать, а восемь или меньше часовъ въ день, т.-е., чтобы достигнута была перемѣна, къ которой и безъ того все болѣе приближается положеніе англійскихъ и американскихъ рабочихъ при помощи мирныхъ и законныхъ средствъ борьбы. Условія и продолжительность труда въ частной промышленности регулируются все лучше и вѣрнѣе, при постоянномъ воздѣйствіи общественнаго мнѣнія и законодательства, и если дѣло идетъ только о повышеніи доходовъ рабочихъ съ 600 до 800 или тысячи рублей, т.-е. до уровня буржуазнаго благосостоянія и довольства, то подобная цѣль, повторяемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего возвышеннаго и никогда не будетъ достаточнымъ мотивомъ для массовыхъ насилій, даже съ точки зрѣнія грубѣйшихъ человѣческихъ существъ. Новая промышленная организація, на которую только неясно намекаетъ Марксъ, предполагаетъ притомъ давно утраченную вѣру въ непогрѣшимость, всезнаніе и идеальную справедливость отдѣльныхъ устроителей и уполномоченныхъ, которымъ пришлось бы распоряжаться отъ имени общества всею промышленною жизнью страны и распредѣлять получаемые доходы между милліонами людей сообразно ихъ трудамъ. Нельзя допустить, чтобы такой озлобленный скептикъ, какъ Марксъ, самъ сознательно вѣрилъ въ утопію, которую поддерживалъ въ умахъ своихъ поклонниковъ и послѣдователей.

II.

Два нѣмецкихъ экономиста занимались спеціально вопросомъ объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ и въ частности о заработной платѣ, до появленія первыхъ теоретическихъ работъ Маркса, — Генрихъ фонъ-Тюненъ и Карлъ Родбертусъ.

Въ 1850 году вышло изслѣдованіе Тюнена объ „Естественной заработной платѣ и отношеніи ея къ проценту съ капитала и къ поземельной рентѣ"; второй отдѣлъ этой книги напечатанъ уже послѣ смерти автора, въ 1863 году. Тюненъ — одинъ изъ рѣдкихъ представителей истинно-научнаго направленія въ политической экономіи; онъ основываетъ свои выводы не на разборѣ словесныхъ опредѣленій и понятій, не на произвольномъ обобщеніи фактовъ, а на дѣйствительномъ и осторожномъ анализѣ явленій, при помощи точнаго математическаго метода. Общія идеи его о судьбѣ рабочаго класса отличаются человѣчностью и глубиною. Угнетеніе работниковъ третьимъ сословіемъ или буржуазіею, по его взгляду, служитъ какъ бы слѣдствіемъ или продолженіемъ предшествовавшаго угнетенія самой буржуазіи феодальнымъ рыцарствомъ. Среднее сословіе передаетъ внизъ удары, полученные имъ нѣкогда сверху; право меча смѣнилось правомъ капитала, и политическая власть остается такимъ же одностороннимъ оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, какимъ была прежде въ рукахъ феодализма. Элементъ власти, по Тюнену, играетъ главную роль въ утвержденіи господства капитала надъ трудомъ. Представители буржуазіи принимаютъ почти исключительное участіе въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ и въ установленіи принциповъ экономической политики; они естественно пользуются своимъ вліяніемъ для возможно бо́льшаго упроченія своихъ матеріальныхъ выгодъ и преимуществъ, которыя мало-по-малу отождествляются у нихъ съ интересами всего государства. Рабочіе устраняются отъ участія въ промышленныхъ выгодахъ, доставляемыхъ ихъ собственнымъ трудомъ, и превращаются въ безправныя орудія капиталистовъ. Между тѣмъ „капиталъ, — говоритъ Тюненъ, — есть накопленный продуктъ труда или овеществленный трудъ; онъ происходитъ изъ того же самаго источника, чтò и текущій трудъ, — изъ человѣческой дѣятельности, — такъ что капиталъ и трудъ составляютъ одно въ существѣ своемъ, различаясь только по времени, какъ прошедшее и настоящее. Между обоими должно существовать извѣстное отношеніе; — ка-

ково же оно"? Тюненъ не смѣшиваетъ теоретическаго вопроса о роли капитала въ производствѣ съ практическимъ вопросомъ о роли и положеніи капиталистовъ, какъ это дѣлаетъ Марксъ; онъ имѣетъ въ виду и тѣ случаи, когда трудъ и капиталъ соединяются въ одномъ лицѣ работника-производителя, и когда заработная плата не отдѣляется внѣшнимъ образомъ отъ прибыли. Онъ исходитъ изъ того взгляда, что при извѣстномъ состояніи культуры „всякій продуктъ есть общее дѣло труда и капитала", и что самостоятельное значеніе послѣдняго для производства нисколько не ослабляется ни происхожденіемъ капитала отъ труда, ни принадлежностью его самимъ работникамъ. Тюненъ ставитъ себѣ задачею опредѣлить ту норму заработной платы, которая должна была бы установиться при обоюдной матеріальной независимости рабочихъ и хозяевъ и которая выражала бы, слѣдовательно, реальную относительную цѣнность участія труда и капитала въ производствѣ. Отношенія рабочихъ къ капиталистамъ предполагаются вполнѣ свободными въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе незанятыхъ земель даетъ работнику возможность выбора между самостоятельнымъ трудомъ обработки какого-либо новаго участка или работою по найму въ предѣлахъ существующихъ хозяйствъ. При этомъ авторъ пользуется гипотезами и пріемами, имѣющими строго научный характеръ. Послѣ подробныхъ вычисленій и пространныхъ математическихъ выкладокъ, Тюненъ приходитъ къ тому положенію, что естественная заработная плата есть средняя пропорціональная между цѣнностью необходимыхъ средствъ существованія и всѣмъ чистымъ доходомъ предпріятія. Ниже этой нормы будетъ вознагражденіе труда только тамъ, гдѣ работники лишены возможности выбора между самостоятельнымъ трудомъ и наемнымъ, и вынуждены поэтому соглашаться по необходимости на всѣ условія капиталистовъ: тогда заработная плата опредѣляется уже не долею участія труда въ производствѣ, а насущными потребностями работниковъ, эксплуатируемыхъ обладателями капитала.

Такъ какъ изслѣдованіе Тюнена, по своимъ научнымъ особенностямъ, мало подходитъ къ господствующему типу разсужденій въ политико-экономической литературѣ, то оно почти пропало безслѣдно для экономистовъ. Никто не пытался провѣрить его выводы, чтобы—или подтвердить, или опровергнуть ихъ; и если упоминается объ его трудѣ, то только для литературной полноты или для небрежныхъ краткихъ замѣчаній, основанныхъ на свѣдѣніяхъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Вполнѣ игнорируетъ Тюнена и Марксъ въ своемъ „Капиталѣ"; только во вто-

ромъ изданіи онъ присоединилъ небольшую выноску, гдѣ приведена слѣдующая единственная цитата изъ его книги: „Если считать доказаннымъ, что самъ капиталъ есть только продуктъ человѣческаго труда, то кажется совершенно непонятнымъ, чтобы человѣкъ могъ подпасть подъ господство своего собственнаго продукта, капитала, и сдѣлаться ему подчиненнымъ; а такъ какъ это несомнѣнно существуетъ, то невольно приходится ставить себѣ вопросъ: какимъ образомъ работникъ могъ изъ творца капитала превратиться въ его раба"? Приведя эту выдержку, Марксъ замѣчаетъ отъ себя: „заслуга Тюнена—въ томъ, что онъ поставилъ такой вопросъ; отвѣтъ его — просто ребяческій" [1]). Какой отвѣтъ, и почему онъ ребяческій,—это скрыто отъ читателей „Капитала". Марксъ не приводитъ дальнѣйшей фразы Тюнена: „въ отдѣленіи продукта отъ произведшаго его работника лежитъ источникъ зла". Въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выражена въ сущности основная мысль „Капитала" Маркса, и послѣдній не цитируетъ ее только потому, что нельзя было бы назвать ребяческою свою собственную идею, высказанную раньше—другимъ.

Приведенная рѣзкая выходка представляетъ любопытный образчикъ того особаго отношенія къ предшественникамъ, которое побуждаетъ замалчивать или голословно высмѣивать труды даже наиболѣе серьезныхъ ученыхъ, въ ущербъ истинѣ.

Относительно Тюнена возможно по крайней мѣрѣ то оправданіе, что достигнутые имъ научные результаты, облеченные въ математическія формулы, не вошли въ общій оборотъ экономической литературы, и что главные отдѣлы его трактата объ „изолированномъ государствѣ" касаются спеціально сельскаго хозяйства, мало интересующаго большинство экономистовъ. Пренебреженіе къ Тюнену кажется еще естественнымъ со стороны Маркса и его единомышленниковъ. Совершенно въ другомъ положеніи находится Родбертусъ: это писатель давно извѣстный и популярный, и его теоріи имѣютъ прямую связь съ основами нѣмецкаго „научнаго соціализма". Еще въ 1842 году, онъ напечаталъ книжку, въ которой указывалъ на ненормальность существующихъ хозяйственныхъ условій и на необходимость соціальной организаціи производства; съ 1851 года, въ письмахъ къ Кирхману, онъ подробно объяснялъ преходящій историческій характеръ современнаго экономическаго строя, дѣлалъ смѣлые практическіе выводы изъ теоретическаго тэзиса о трудѣ, какъ един-

---

[1]) Т. I, стр. 646, прим. 77а. Ср. нашу статью о Тюненѣ въ „Вѣстникѣ Европы", 1878, сентябрь.

ственномъ источникѣ цѣнности, и связывалъ существованіе прибыли и поземельной ренты съ институтомъ собственности, допускающимъ коренную реформу. Онъ впервые ввелъ нѣмецкій терминъ „прибавочной цѣнности“ (Mehrwerth) для обозначенія доли продукта, присвоиваемой капиталомъ; особенно много новаго и оригинальнаго высказалъ онъ о землевладѣніи, къ которому ошибочно, по его мнѣнію, примѣняются промышленные понятія и законы. „Капиталъ,—говоритъ онъ,—добился нужнаго ему законодательства, трудъ успѣшно добивается, а землевладѣніе имѣетъ законы, ему враждебные“. Защищая интересы труда, Родбертусъ выставляетъ на первый планъ организаторскую и направляющую роль государства. „Національный продуктъ—по его словамъ—есть продуктъ одного только труда,—но труда не только нынѣшнихъ рабочихъ, но и прошедшихъ, не только прямо, но и посредственно участвовавшихъ въ производствѣ, не только матеріально, но и умственно работавшихъ. Поэтому притязаніе современныхъ работниковъ на полный раздѣлъ между ними продуктовъ основано на недоразумѣніи; только государство, представляющее всѣ элементы прошлаго и настоящаго труда, можетъ быть общимъ собственникомъ и распредѣлителемъ; замѣнить же одну несправедливую организацію—другою, столь же несправедливою, нѣтъ никакого основанія“.

По выходѣ въ свѣтъ перваго тома книги Маркса, Родбертусъ имѣлъ не разъ случай выражать о немъ свое мнѣніе въ письмахъ, которыя впослѣдствіи были обнародованы Рудольфомъ Мейеромъ. Родбертусъ находилъ, что книга Маркса есть не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ нынѣшней формы капитала, которую авторъ смѣшиваетъ съ самымъ понятіемъ о капиталѣ; отсюда проистекаютъ всѣ его заблужденія. Марксъ ошибается еще въ двухъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія Родбертуса. Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что трудовая цѣнность всѣхъ товаровъ реализуется сама собою уже при современномъ порядкѣ, тогда какъ это не можетъ быть достигнуто безъ новыхъ законовъ. Во-вторыхъ, онъ принимаетъ за аномалію тотъ соціальный фактъ, что работнику достается не весь продуктъ его труда, между тѣмъ какъ это есть нормальное состояніе всякаго общества, и задачею должно считаться только увеличеніе доли рабочаго. „Изъ чего образуется прибавочная цѣнность капитала,—замѣчаетъ между прочимъ Родбертусъ,—я показалъ въ третьемъ соціальномъ письмѣ (1851 года) существенно такъ же, какъ Марксъ, но гораздо короче и яснѣе“. По нѣкоторымъ признакамъ Родбертусъ заключилъ, что Марксъ пользо-

вался его старыми работами (напр., брошюрою 1842 года), не цитируя ихъ; въ первомъ томѣ „Капитала" названа въ одномъ мѣстѣ упомянутая выше книжка 1851 года, съ обѣщаніемъ разсмотрѣть ее въ будущемъ, такъ какъ, „несмотря на свою ложную теорію поземельной ренты, она (книжка) угадываетъ сущность капиталистическаго производства"; но и въ третьемъ томѣ повторяется еще это обѣщаніе, причемъ говорится уже о заслугахъ Родбертуса именно по изслѣдованію ренты, и самая книжка признается „значительнымъ (т.-е. важнымъ) сочиненіемъ о рентѣ" [1]). Можно подумать, что Марксъ сначала имѣлъ намѣреніе отдѣлать Родбертуса, но не рѣшилъ еще, съ какой стороны и за что. По свидѣтельству Фридриха Энгельса, въ набросkахъ для четвертаго тома сохранились листки, заключающіе въ себѣ разборъ теоріи поземельной ренты Родбертуса, и этотъ разборъ долженъ былъ, вѣроятно, уничтожить ея значеніе. Однако эта критика относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ хвалебный отзывъ, напечатанный въ третьемъ томѣ; это видно изъ разъясненій самого Энгельса въ предисловіи ко второму тому (стр. IV—V). Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или Марксъ раздумалъ напасть на Родбертуса, послѣ того какъ написалъ свою критику, или послѣдняя вовсе не имѣла того разрушительнаго характера, на который намекаетъ Энгельсъ. Далѣе, въ 1885 году Энгельсъ предупреждалъ, что съ выходомъ третьяго тома „Капитала" будутъ уже меньше говорить объ экономистѣ Родбертусѣ; между тѣмъ въ этомъ же третьемъ томѣ, какъ мы видѣли, признаются научныя заслуги Родбертуса, такъ что угрожающее предупрежденіе Энгельса было лишено основанія.

Непонятно вообще, почему Энгельсъ счелъ нужнымъ такъ рѣзко и ядовито напасть на Родбертуса послѣ смерти Маркса. Энгельсъ пишетъ замѣчательно бойко и ловко; это—типъ безцеремоннаго полемиста, провозглашающаго побѣду передъ битвою и не знающаго середины ни въ порицаніи, ни въ восхваленіи. Онъ преданъ Марксу до самоотверженія; онъ съ трогательнымъ усердіемъ беретъ на себя всю черную работу по пропагандѣ и защитѣ его теорій и по обработкѣ неудобоваримаго рукописнаго матеріала, оставленнаго Марксомъ, а всю славу предоставляетъ ему самому. Энгельсъ пользуется своимъ острымъ полемическимъ оружіемъ для возвеличенія автора „Капитала" и для поруганія

[1]) Т. I, стр. 552, прим. 17; т. III, ч. II, стр. 311, прим. 41. Объ отношеніяхъ Родбертуса къ Марксу см. Theophil Kozak, предисловіе къ посмертному изданію книги Родбертуса о капиталѣ (Berlin, 1884), стр. XIV—XVII; Фр. Энгельсъ въ предисловіи ко II-му тому Маркса (1885), стр. VIII—XXIII.

его враговъ и критиковъ; онъ легко переводитъ всякій теоретическій споръ на почву личностей, старается поднять на смѣхъ противника, или уронить его въ мнѣніи читателей, и это удается ему безъ особенныхъ усилій. Своими научно-литературными знаніями онъ располагаетъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ доводы въ ту или другую сторону, смотря по надобности; онъ съ одинаковою энергіею можетъ доказывать, что до Маркса политическая экономія находилась въ состояніи совершеннаго банкротства, или наоборотъ, что она задолго до него прекрасно разрѣшила въ принципѣ всѣ вопросы. Послѣдній тэзисъ пускается въ ходъ противъ Родбертуса, такъ какъ нужно было показать, что Родбертусъ не могъ внести ничего новаго или цѣннаго въ политическую экономію; но при этомъ объясняется публикѣ, что небольшія на видъ поправки и дополненія, сдѣланныя Марксомъ, перевернули науку вверхъ дномъ и имѣютъ значеніе величайшихъ научныхъ открытій.

Безполезно отыскивать точный смыслъ въ заявленіяхъ Энгельса; точность—врагъ его. Обрушиваясь на писателей, позволившихъ себѣ заподозрить Маркса въ заимствованіяхъ у Родбертуса, онъ говоритъ: „это обвиненіе высказано впервые, насколько мнѣ извѣстно, въ книгѣ Рудольфа Мейера; въ 1879 году выступаетъ на сцену самъ Родбертусъ и пишетъ“ и т. д., — а Родбертусъ умеръ въ 1875 году; появленіе же его писемъ въ печати обходилось уже безъ его участія. Нелѣпость самаго обвиненія Маркса въ плагіатѣ доказывается Энгельсомъ двумя способами. Во-первыхъ, Марксъ „не имѣлъ понятія о Родбертусѣ и его литературной дѣятельности, когда вырабатывалъ основы своей экономической доктрины; только въ 1859 году узналъ онъ отъ Лассаля, что существуетъ также экономистъ Родбертусъ, и онъ досталъ его „третье соціальное письмо“ въ Британскомъ музеѣ“. Во-вторыхъ, разсужденія Родбертуса или несостоятельны сами по себѣ, или повторяютъ давно извѣстныя шаблонныя истины. Энгельсъ приводитъ выдержки изъ Смита и Рикардо, ссылается на цитируемыхъ Марксомъ англійскихъ писателей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, въ доказательство того, что теорія прибавочной цѣнности придумана гораздо раньше Родбертуса, и что Марксу не было повода заимствовать у него эту теорію.

Допуская фактическую вѣрность этихъ указаній Энгельса, мы не можемъ не отмѣтить ихъ внутренней слабости и неискренности. Если Марксъ имѣлъ случай ознакомиться съ трудами Родбертуса только въ 1859 году (хотя, по разсказу самого Энгельса, имъ обоимъ пришлось еще въ 1848 году интересоваться

Родбертусомъ, какъ депутатомъ, попавшимъ на короткое время въ министры), то это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не устраняетъ обвиненій, относящихся къ книгѣ, которая вышла въ 1867 году. Марксъ въ своемъ „Капиталѣ" ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что его идеи объ исключительно трудовомъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности и о созданіи „прибавочной стоимости" наемными рабочими въ пользу капиталиста изложены были гораздо раньше Родбертусомъ; напротивъ, Марксъ говоритъ объ этихъ идеяхъ какъ о собственныхъ своихъ научныхъ открытіяхъ, на которыя онъ нашелъ намеки только въ сочиненіяхъ англійскихъ экономистовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. А вѣдь послѣ 1859 года, когда онъ писалъ свою книгу, ему были уже извѣстны работы и выводы Родбертуса! Недостатокъ правдивости сказывается здѣсь очень ярко, и мотивы его плохо прикрываются упомянутымъ выше снисходительнымъ замѣчаніемъ, что Родбертусъ былъ уже близокъ къ разгадкѣ сущности капиталистическаго производства. Какое значеніе могутъ вообще имѣть вопросы первенства и литературнаго самолюбія для людей, поглощенныхъ дѣломъ безкорыстной защиты великихъ соціальныхъ интересовъ? Зачѣмъ эти злобные счеты съ соперниками, если дѣло идетъ только о высшихъ задачахъ, связанныхъ съ судьбою рабочаго класса?

Энгельсъ вполнѣ откровененъ въ своихъ постоянныхъ заботахъ о личной славѣ Маркса—и косвенно о своей собственной, въ качествѣ его многолѣтняго ближайшаго союзника и друга; эти заботы волнуютъ его ничуть не меньше, чѣмъ весь рабочій вопросъ. При описаніи научныхъ подвиговъ Маркса, онъ впадаетъ въ восторженный, патетическій тонъ. Марксъ засталъ будто бы политическую экономію въ такомъ же состояніи, въ какомъ была химія до открытія кислорода французомъ Лавуазье, когда господствовала еще вѣра въ флогистонъ. Энгельсъ подробно излагаетъ исторію флогистона и вытѣснившаго его кислорода, чтобы живѣе выяснить всю важность переворота, произведеннаго Марксомъ въ политической экономіи. Марксъ впервые усмотрѣлъ въ прибавочной цѣнности явленіе, долженствующее опрокинуть всю науку экономистовъ. И онъ опрокинулъ науку, чтобы поставить ее на ноги и перестроить затѣмъ на новыхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ,—и все это онъ совершилъ при помощи средствъ, удивительныхъ по своей простотѣ. Онъ замѣнилъ одно слово другимъ для обозначенія найма рабочихъ, назвавъ продажею рабочей силы то, что прежде называли продажею труда или наймомъ, и этимъ онъ, по словамъ Энгельса, сразу разрѣшилъ задачу, предъ ко-

торою безсильно остановилась школа Рикардо. Эта словесная перемѣна возродила политическую экономію къ новой жизни,— точь въ точь какъ открытія Лавуазье возродили химію. Паѳосъ Энгельса становится комическимъ, но выдерживается имъ все-таки до конца. Что касается Родбертуса, то Энгельсу ничего не стоитъ расправиться съ нимъ безпощадно на полустраницѣ; онъ нѣсколькими строчками упраздняетъ, напримѣръ, значеніе его изслѣдованій о землевладѣніи и поземельномъ кредитѣ, тогда какъ именно эти работы его заслуживали бы наибольше вниманія со стороны послѣдователей Маркса. Различіе между землею и капиталомъ настолько убѣдительно объяснено Родбертусомъ, что послѣ его этюдовъ нельзя было уже ожидать повторенія рутинныхъ буржуазныхъ фразъ о землѣ-капиталѣ въ серьезномъ политико-экономическомъ трактатѣ; и если взгляды Родбертуса игнорируются Марксомъ, то это не составляетъ достоинства или заслуги, какъ думаетъ Энгельсъ. Разсужденія Родбертуса о пагубности обычныхъ формъ поземельнаго кредита для землевладѣнія и сельскаго хозяйства, вслѣдствіе принципіальной ложности взгляда, приравнивающаго землю къ промышленному капиталу, блестящимъ образомъ оправдываются всею послѣдующею исторіею землевладѣнія въ Европѣ;—а Энгельсъ даетъ понять читателю, что Родбертусъ хлопоталъ лишь о прусскомъ землевладѣльческомъ юнкерствѣ. „Его проекты освобожденія старо-прусскаго землевладѣнія отъ гнета капитала,—говоритъ онъ, — также вполнѣ утопичны; они обходятъ именно единственный практическій вопросъ, который при этомъ затрогивается,—вопросъ: какъ можетъ старо-прусскій землевладѣлецъ-юнкеръ изъ года въ годъ получать, напримѣръ, двадцать тысячъ марокъ дохода и проживать тридцать тысячъ марокъ, не дѣлая однако долговъ"? Намекъ на солидарность Родбертуса съ старо-прусскимъ юнкерствомъ есть только ядовитый полемическій пріемъ: Родбертусъ былъ землевладѣльцемъ и даже присоединялъ къ своей фамиліи названіе имѣнія „Ягецовъ", но онъ не имѣлъ ничего общаго съ помѣщичьимъ дворянскимъ сословіемъ, такъ какъ имѣніе было имъ пріобрѣтено покупкою, и самъ онъ принадлежалъ къ тому же зажиточному бюргерству, къ которому принадлежалъ и Энгельсъ. Сводить разсужденія и проекты Родбертуса къ наивному вопросу, озабочивающему заурядныхъ помѣщиковъ, было бы явною недобросовѣстностью, а насмѣшка надъ его положеніемъ, какъ землевладѣльца, давала бы поводъ посмѣяться надъ самимъ Энгельсомъ, какъ капиталистомъ [1]).

---

[1]) Извѣстно, что Энгельсъ, несмотря на свою вражду къ капиталу, владѣлъ,

Энгельсъ хочетъ во что бы то ни стало увѣрить публику, что нѣтъ экономической истины внѣ Маркса и его пророка Энгельса. Не странно ли видѣть науку, гдѣ ученые дѣятели какъ бы хвастаютъ незнакомствомъ съ трудами ближайшихъ своихъ предшественниковъ и современниковъ? Возможно ли основательное движеніе впередъ, если каждый дѣйствуетъ въ одиночку, не справляясь съ результатами чужихъ усилій? Не слишкомъ ли замѣтно проявляется здѣсь духъ „мѣщанской“ конкурренціи и рекламы?

III.

Непріязнь къ Родбертусу, творцу нѣмецкаго „научнаго соціализма“, дополняется у Маркса враждою къ Лассалю, организатору соціально-демократической рабочей партіи въ Германіи. Марксъ сходится съ Лассалемъ не только въ теоріяхъ и выводахъ, но и въ общихъ практическихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, и тѣмъ сильнѣе онъ ненавидитъ его. Лассаль былъ выше Маркса по общей даровитости и богатству своей натуры; онъ былъ также болѣзненно самолюбивъ и свысока смотрѣлъ на толпу, которую предстояло ему увлечь и завоевать силою своей энергіи и таланта; но онъ обладалъ блестящими личными качествами и тѣми свойствами политическаго бойца, которыя выдѣляютъ людей, призванныхъ творить исторію. Въ короткій срокъ своей лихорадочной практической дѣятельности, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Лассаль, можно сказать, создалъ нѣмецкую рабочую демократію, далъ ей

однако, до самой своей смерти значительнымъ капиталомъ (свыше 600 тысячъ марокъ по газетнымъ свѣдѣніямъ), продуктомъ успѣшной эксплуатаціи фабричныхъ рабочихъ, и свободно располагалъ процентами съ этого капитала, извлекая, слѣдовательно, свою промышленную долю изъ дальнѣйшей эксплуатаціи чужого труда. Ничего не было также слышно о томъ, чтобы Марксъ дѣлился доходами съ своихъ работъ съ наборщиками, участвовавшими въ ихъ печатаніи. Не такъ поступалъ, напримѣръ, Тюненъ: разъ убѣдившись въ неправильности существующихъ основаній заработной платы, онъ ввелъ въ своемъ имѣніи Телловъ, въ Мекленбургѣ, принципъ участія рабочихъ въ доходахъ хозяйства, согласно своимъ теоретическимъ выводамъ. Проповѣдники соціализма обыкновенно не думаютъ вовсе о примѣненіи своихъ теорій къ своимъ личнымъ и частнымъ дѣламъ; нападая на буржуазію, они сами остаются тѣми же буржуа и не отрекаются вообще отъ выгодъ, доставляемыхъ буржуазными капиталами и доходами (хотя бы доходами отъ продажи популярныхъ книгъ и брошюръ противъ капитала). А въ полемикѣ они чаще всего прибѣгаютъ къ личнымъ выходкамъ и насмѣшкамъ; въ этомъ отношеніи, они стоятъ на одномъ уровнѣ съ тѣми, которые думаютъ, напр., уничтожить или уронить Маркса, назвавъ его евреемъ, внукомъ торговца Мардохаи.

жизнь и програму, указалъ весь ходъ ея дальнѣйшаго движенія и развитія. Съ замѣчательною дальновидностью онъ поставилъ политическія цѣли впереди экономическихъ, чтобы прежде всего обезпечить законное вліяніе и роль рабочаго класса въ политической дѣятельности и въ законодательствѣ страны. Если въ настоящее время представители нѣмецкихъ рабочихъ образуютъ въ парламентѣ сильную и тѣсно сплоченную политическую партію, съ которою приходится постоянно считаться правительству, то этимъ они обязаны главнымъ образомъ настойчивымъ усиліямъ и организаторскому искусству Лассаля. Марксъ не могъ простить ему ни его быстрыхъ практическихъ успѣховъ, ни его склонности къ неизбѣжнымъ компромиссамъ на почвѣ народнохозяйственной политики. Лассаль, какъ и Родбертусъ, стоялъ на почвѣ національной государственности; онъ не пренебрегалъ содѣйствіемъ прусскаго правительства для достиженія извѣстныхъ практическихъ результатовъ, благопріятныхъ для рабочаго класса, тогда какъ Марксъ неуклонно держался своихъ старыхъ революціонныхъ идей. Стоя во главѣ международнаго общества рабочихъ въ Лондонѣ и опираясь на авторитетъ, связанный съ этимъ наблюдательнымъ постомъ, Марксъ имѣлъ возможность навязывать свою программу континентальнымъ дѣятелямъ рабочаго движенія, и мало-по-малу его взгляды приняты были въ руководство передовыми соціалистическими группами въ западной Европѣ. Послѣ смерти Лассаля, рабочая партія въ Германіи отчасти подчинилась воззрѣніямъ Маркса и усвоила его принципы. Теоретическая непримиримость Маркса возбуждала больше довѣрія, чѣмъ гибкая парламентская тактика приверженцевъ Лассаля. На съѣздѣ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Готѣ, въ маѣ 1875 года, оба направленія слились въ одно, и совмѣстно выработанная тогда программа сдѣлалась руководящею для всей германской соціально-демократической партіи. Рядомъ съ требованіями и заявленіями, соотвѣтствующими идеямъ Маркса, включено въ эту программу и много такого, что̀ вытекало изъ идей и разсужденій Лассаля. Это обстоятельство побудило Маркса выразить свое негодованіе въ ѣдкой критикѣ постановленій, обсуждавшихся въ Готѣ,—критикѣ, адресованной къ одному изъ тогдашнихъ предводителей партіи и обнародованной только въ 1891 году въ журналѣ „Neue Zeit“. Раздраженіе противъ давно умершаго Лассаля сказывается здѣсь въ каждой строчкѣ. Вся программа представляется Марксу „негодною и деморализующею“, вслѣдствіе попавшихъ въ нее фразъ и „словечекъ“ Лассаля. По мнѣнію Маркса, не слѣдовало вступать въ сдѣлку на почвѣ принциповъ, а надо было ограни-

читься просто соглашеніемъ для дѣйствія противъ общаго врага. „Вожди лассалистовъ пришли потому, что ихъ принудили къ тому обстоятельства. Если бы имъ объявить съ самаго начала, что не допускается никакого торга принципами (Principienschacher), то они должны были бы довольствоваться программою дѣйствія или планомъ организаціи для совмѣстнаго дѣйствія. Вмѣсто того, имъ позволяютъ явиться вооруженными полномочіями и признаютъ эти полномочія обязательными; такимъ образомъ, сдаются на милость или немилость нуждающимся въ помощи. Въ довершеніе всего, они устраиваютъ свой конгрессъ передъ конгрессомъ соглашенія, тогда какъ собственная партія (т.-е. приверженцевъ Маркса) собирается на отдѣльный съѣздъ только послѣ заключенія компромисса. Извѣстно, какъ удовлетворяетъ рабочихъ самый фактъ объединенія, но ошибаются, если думаютъ, что этотъ минутный успѣхъ не купленъ слишкомъ дорогою цѣною. Впрочемъ, программа никуда не годится, даже независимо отъ освященія символовъ вѣры Лассаля".

Какъ характерны эти рѣчи въ устахъ проповѣдника радикальнаго общественнаго обновленія! Онъ „не позволилъ бы" соперникамъ явиться съ полномочіями, отвергъ бы ихъ мандаты, запретилъ бы имъ собираться на предварительный конгрессъ и заставилъ бы ихъ подчиниться безусловно, на милость или немилость, при содѣйствіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Нужно замѣтить, что безспорное численное превосходство было на сторонѣ лассалистовъ, которыми было представлено до 15 тысячъ тщательно провѣренныхъ противниками полномочій, между тѣмъ какъ марксисты не могли представить болѣе 9 тысячъ;—слѣдовательно, Марксъ предполагалъ поступить круто съ большинствомъ, пользуясь его потребностью въ соглашеніи и прибѣгая къ мѣрамъ давленія, заимствованнымъ изъ арсенала политической тактики Бисмарка. Злоба и нетерпимость къ несогласно мыслящимъ, соперничество изъ-за власти, стремленіе унизить, подчинить и обойти—не противниковъ, а единомышленниковъ, претендующихъ на тѣнь самостоятельности, притомъ наканунѣ соединенія съ ними для совмѣстной дѣятельности,—все это цѣликомъ переносится Марксомъ въ организацію, имѣющую обновить старое общество и очистить его отъ традиціонныхъ грѣховъ и недуговъ. Провозвѣстникъ новаго соціальнаго строя повторяетъ тѣ же рецепты и пріемы, какіе искони вѣковъ практиковались заурядными политическими дѣятелями и честолюбцами, стремившимися къ достиженію личныхъ цѣлей подъ предлогомъ заботъ объ общемъ благѣ. Отношеніе Маркса къ Лассалю и его при-

верженцамъ тѣмъ болѣе поучительно, что ихъ не раздѣляютъ никакія принципіальныя несогласія, и что въ сущности обѣ стороны держатся однихъ и тѣхъ же экономическихъ взглядовъ и идеаловъ. Лассаль дѣйствовалъ болѣе откровенно и смѣло, чѣмъ Марксъ, не покидавшій своего надежнаго лондонскаго прикрытія, за кулисами интернаціоналовъ; онъ имѣлъ дѣло непосредственно съ живыми и впечатлительными рабочими массами, которымъ надо было предложить не теорію и не утопію, а нѣчто реальное, всѣмъ понятное и доступное. Одною перспективою переворота, предстоящаго въ неопредѣленномъ будущемъ, нельзя было увлечь толпу, къ которой обращался Лассаль; онъ самъ, въ письмахъ къ Родбертусу, объяснялъ нѣкоторыя свои заявленія и требованія практическою необходимостью удовлетворить ожиданія „черни" (Mob),—такъ какъ онъ не открещивался еще отъ „пролетаріевъ въ лохмотьяхъ" (Lumpenproletarier), подобно позднѣйшимъ вождямъ соціаль-демократіи. Лассаль доказывалъ рабочимъ, что они не могутъ достигнуть улучшенія своего матеріальнаго быта безъ коренного преобразованія современныхъ условій производства; онъ ссылался при этомъ на мнимый „желѣзный законъ заработной платы", неуклонно понижающій послѣднюю до уровня необходимыхъ средствъ существованія,—законъ, признаваемый всѣми экономистами классической школы и наиболѣе послѣдовательно разъясненный Миллемъ. Марксъ доказывалъ то же самое, хотя не говорилъ о „желѣзномъ законѣ". Лассаль предлагалъ добиваться содѣйствія государства для повсемѣстнаго устройства кооперативныхъ обществъ, въ которыхъ рабочіе были бы сами хозяевами,—въ видѣ переходной стадіи къ полному измѣненію всего существующаго промышленнаго и общественнаго порядка. Какъ извѣстно, Бисмаркъ обнаруживалъ готовность сойтись съ нимъ на этой почвѣ, чтобы нанести ударъ ненавистной оппозиціонной буржуазіи. И Марксъ доказывалъ превосходство кооперативныхъ рабочихъ обществъ передъ частно-капиталистическими предпріятіями и усматривалъ переходную стадію къ упраздненію капитализма не только въ этихъ рабочихъ промышленныхъ союзахъ, но даже въ нынѣшнихъ акціонерныхъ компаніяхъ. Лассаль, какъ и Марксъ, выставлялъ на первый планъ тотъ практическій тэзисъ, что рабочимъ долженъ принадлежать весь продуктъ ихъ труда, безъ всякихъ вычетовъ въ пользу капиталистовъ. Тѣмъ не менѣе Марксъ особенно обрушился на своихъ нѣмецкихъ сторонниковъ, съ Либкнехтомъ во главѣ, за допущеніе въ готской программѣ параграфовъ, упоминающихъ о желѣзномъ законѣ заработной платы, о производительныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ и о принадлежности

рабочему всего продукта труда, безъ вычета. Въ дѣйствительности всѣ сознавали, что эти словесныя уступки лассалистамъ не имѣли серьезнаго значенія, что идеи Лассаля, несмотря на численный перевѣсъ его приверженцевъ, потерпѣли совершенное фіаско на конгрессѣ 1875 года, и что на дѣлѣ восторжествовалъ непримиримый, отвлеченно-доктринерскій марксизмъ. Но Марксъ не прощалъ и кажущихся формальныхъ уступокъ, когда онѣ сдѣланы сопернику, хотя бы и мертвому. Онъ возстаетъ противъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, переворачиваетъ ихъ на всѣ лады, придирается къ каждой мелочи и съ обычною безцеремонностью высказываетъ явно противорѣчивыя утвержденія, будучи увѣренъ заранѣе, что поклонники не замѣтятъ этихъ противорѣчій или найдутъ въ нихъ только новыя доказательства его глубокомыслія. Въ программѣ, напримѣръ, сказано: „средства труда составляютъ въ современномъ обществѣ монополію класса капиталистовъ; вызываемая этимъ зависимость рабочаго класса есть причина бѣдствій и рабства во всѣхъ формахъ". Это положеніе несомнѣнно списано у Маркса и не должно бы, казалось, вызывать его критику. Однако, Марксъ возражаетъ: „тэзисъ, заимствованный изъ международнаго статута, невѣренъ въ этомъ исправленномъ своемъ изданіи;—въ современномъ обществѣ средства труда составляютъ монополію поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Международный статутъ (т.-е. статутъ международнаго общества рабочихъ) въ соотвѣтственномъ мѣстѣ не называетъ ни того, ни другого класса монополистовъ; онъ говоритъ о „монополіи средствъ труда, т.-е. источниковъ жизни" (?). Прибавка: „источниковъ жизни"—показываетъ достаточно ясно, что земля включена въ понятіе „средствъ труда" (т.-е. отнесена къ одной категоріи съ ткацкимъ станкомъ и швейной машинкой). Измѣненіе сдѣлано потому, что Лассаль, по общеизвѣстнымъ теперь мотивамъ, нападалъ только на классъ капиталистовъ, а не землевладѣльцевъ". Итакъ, Лассаль старался выгородить поземельныхъ собственниковъ, въ виду секретныхъ сношеній съ Бисмаркомъ, и этимъ объясняется будто бы умолчаніе о землевладѣніи въ приведенной фразѣ, взятой цѣликомъ изъ „Капитала" Маркса. Но въ другомъ параграфѣ, который приводится далѣе, и который въ самомъ дѣлѣ имѣетъ прямую связь съ идеями Лассаля, говорится вполнѣ ясно, что „производительныя ассоціаціи должны быть устроены для промышленности и земледѣлія въ такомъ объемѣ, чтобы изъ нихъ возникла соціалистическая организація совокупнаго общественнаго труда"; значитъ, земледѣліе и землевладѣніе входятъ въ кругъ постепеннаго общаго преобразованія, на равныхъ правахъ

съ промышленностью, и слѣдовательно ни о какомъ желаніи выгородить землевладѣльцевъ „по общеизвѣстнымъ теперь причинамъ“ не можетъ быть и рѣчи. Ядовитый намекъ Маркса наглядно опровергается тутъ же рядомъ, и это нисколько не останавливаетъ автора „Капитала“. Добросовѣстность въ полемикѣ не относится къ числу его принциповъ.

Далѣе, во главѣ програмы было поставлено положеніе: „трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ полезная работа возможна только въ обществѣ и черезъ общество, то продуктъ работы принадлежитъ безъ урѣзокъ, на одинаковомъ правѣ, всѣмъ членамъ общества“. Трудъ,—возражаетъ Марксъ,—не есть источникъ всякаго богатства; природа есть такъ же точно источникъ потребительныхъ цѣнностей (а изъ нихъ только и состоитъ вещественное богатство), какъ и трудъ, который самъ есть только проявленіе природной силы—человѣческой рабочей силы. Объ этомъ, правда, говорится не разъ и въ „Капиталѣ“; но первыя слова этой книги опредѣляютъ богатство, какъ „собраніе товаровъ“, а товары суть мѣновыя цѣнности, произведенныя исключительно трудомъ, такъ что въ своемъ собственномъ вступительномъ опредѣленіи Марксъ оставилъ безъ вниманія даровыя силы природы. Програма принимаетъ это опредѣленіе Маркса, а онъ нападаетъ на нее за то, что она повторила неточность, допущенную имъ же самимъ въ первыхъ строкахъ „Капитала“. Въ практической програмѣ не было, впрочемъ, и повода вдаваться въ разсужденія, обязательныя въ теоретическомъ трактатѣ.

Выводъ о принадлежности продукта всѣмъ членамъ общества рѣзко критикуется Марксомъ. „Всѣмъ членамъ общества и слѣдовательно также не работающимъ?—спрашиваетъ онъ.—Гдѣ же остается тогда „не урѣзанный продуктъ труда“? Или только работающимъ? Тогда нѣтъ „равнаго права“ всѣхъ членовъ общества. „Всѣ члены общества“ и „равное право“—очевидно, только простые обороты рѣчи. Сущность въ томъ, что каждый рабочій долженъ получать лассалевскій „не урѣзанный продуктъ труда“. Но,—поясняетъ авторъ, — вычеты неизбѣжны — на расширеніе производства, на составленіе резерва и запаснаго фонда, на общественныя потребности и т. д. Понятно, что не эти вычеты разумѣлъ Лассаль подъ „урѣзками“, которымъ подвергается продуктъ въ пользу капиталиста. Въ новомъ обществѣ, по Марксу, „отдѣльный производитель получаетъ обратно, послѣ вычетовъ, въ точности столько же, сколько даетъ обществу. Онъ далъ ему свое индивидуальное количество работы. Напримѣръ, обществен-

ный рабочій день состоитъ изъ суммы индивидуальныхъ рабочихъ часовъ; рабочее время отдѣльнаго производителя представляетъ доставленную имъ часть общественнаго рабочаго дня, его долю въ немъ. Онъ получаетъ отъ общества удостовѣреніе, что онъ доставилъ столько-то работы (за вычетомъ его труда для общественнаго фонда), и по этому свидѣтельству ему выдается изъ общественнаго запаса предметовъ потребленія такое количество продуктовъ, которое заключаетъ въ себѣ одинаковую сумму труда. То же самое количество работы, которое онъ далъ обществу въ одной формѣ, получается имъ обратно въ другой" (т.-е. безъ урѣзокъ, какъ по Лассалю?).

По мнѣнію Маркса, изъ тэзиса о трудѣ, выставленнаго программою, вытекало логически слѣдующее заключеніе: „такъ какъ трудъ есть источникъ всякаго богатства, то въ обществѣ никто не можетъ присвоить себѣ богатство иначе, какъ въ видѣ продукта работы. Поэтому, если человѣкъ самъ не работаетъ, то онъ живетъ чужимъ трудомъ и присвоиваетъ себѣ также свою культуру на счетъ чужого труда". Что̀ можно извлечь на практикѣ изъ этого азбучнаго правила „мѣщанской" мудрости, возведеннаго на степень безусловнаго руководящаго принципа? Надо, будто бы, признать, что женщины и дѣти, старики и слабые, болѣзненные люди живутъ на счетъ чужой работы. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Какая польза обществу отъ того, что люди, неспособные почему-либо къ производительному труду, будутъ всегда помнить и сознавать, что живутъ на чужой счетъ? Марксъ вообще избѣгаетъ положительныхъ указаній относительно будущаго хозяйственнаго строя; но въ приведенныхъ выше словахъ онъ нарисовалъ маленькій уголокъ картины этого заманчиваго будущаго. Истинными, полноправными членами новаго общества будутъ только ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе, мастеровые и земледѣльцы, доставляющіе опредѣленное количество часовъ ежедневной работы; для представителей другихъ формъ труда и другихъ интересовъ, кромѣ матеріальныхъ, нѣтъ мѣста въ этомъ обществѣ,—они могутъ существовать только вычетами изъ чужой работы, въ зависимости отъ доброй воли и милости трудящихся. Кто не участвуетъ въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, тотъ не имѣетъ самостоятельнаго права на существованіе; талантливые артисты, художники, писатели, ученые будутъ получать средства къ жизни только въ томъ случаѣ, если будутъ употреблять свое рабочее время въ мастерскихъ, на фабрикахъ и заводахъ, или если ихъ спеціальныя занятія будутъ признаны достойными вознагражденія со стороны общества. Какъ и во всѣхъ со-

ціальныхъ утопіяхъ, здѣсь происходитъ элементарная, вполнѣ безъискусственная игра отвлеченнымъ понятіемъ объ обществѣ. Какое общество будетъ распредѣлять жизненныя блага между своими членами? Сельское, городское, національно-политическое или общечеловѣческое? Съ точки зрѣнія Маркса, надо думать, что общечеловѣческое, т.-е. что нѣмцы, французы, англичане, американцы, русскіе и всѣ другіе культурные народы образуютъ одну рабочую организацію, которая водворитъ новый экономическій и общественный порядокъ на землѣ. Кто будетъ дѣйствовать отъ имени этого общества или человѣчества? Какъ обезпечить контроль для провѣрки количества работы, исполненной или заявленной въ качествѣ исполненной каждымъ изъ милліоновъ человѣческихъ существъ? Отъ имени общества будутъ, конечно, распоряжаться, разрѣшать спорные вопросы и принимать необходимыя мѣры какіе-нибудь выбранные представители или уполномоченные, которые, въ свою очередь, будутъ располагать арміею второстепенныхъ агентовъ и исполнителей. Чѣмъ же эти уполномоченные и агенты будутъ отличаться по существу отъ общественныхъ представителей современнаго типа, которые, какъ извѣстно, ни въ одной странѣ міра не воплощаютъ собою идеала безкорыстнаго служенія интересамъ общества? Мыслимо ли предположить, что будущіе довѣренные люди, распорядители и агенты такъ называемаго общества окажутся свободными отъ человѣческихъ слабостей, увлеченій, инстинктовъ и страстей, которыя не чужды даже пророкамъ этого будущаго, Марксу, Лассалю и ихъ приверженцамъ? Или природа людей измѣнится, и повсюду восторжествуетъ единая добродѣтель производительной работы, безъ обмана и лжи, безъ страстей и пороковъ?

Марксъ даже не подходитъ къ этимъ и многимъ другимъ вопросамъ, порождаемымъ его мнимо-научными предсказаніями, или, вѣрнѣе, его планомъ „мѣщанскаго" обновленія современнаго общества; онъ умышленно оставляетъ въ полномъ туманѣ наиболѣе существенные пункты программы,—ибо онъ безъ сомнѣнія чувствовалъ и понималъ, что первый приступъ къ точному практическому ихъ обсужденію сразу разрушитъ иллюзію осуществимости предложеннаго имъ идеала. Какъ бы ни отрицали это поклонники и послѣдователи Маркса, вѣрящіе въ строгую научность его разсужденій и выводовъ, онъ все-таки создалъ простую утопію, вульгарную по существу и приспособленную къ ограниченному кругозору заурядныхъ рабочихъ, къ понятіямъ и мечтаніямъ людей, для которыхъ высшій идеалъ заключается въ полученіи возможно бóльшаго количества продуктовъ за исполняемую

каждымъ работу. Предложивъ неясную и соблазнительную для рабочихъ утопію подъ видомъ практической программы, Марксъ достигъ большого успѣха, какъ вдохновитель и руководитель рабочей партіи; но онъ наложилъ печать безплодія на всю дѣятельность этой партіи въ Германіи, навязавъ ей отреченіе отъ всякихъ реформаторскихъ стремленій и попытокъ, въ ожиданіи неопредѣленнаго будущаго, которое должно доставить торжество новымъ началамъ соціальнаго быта. Нѣмецкая соціальная демократія пріобрѣла значительное вліяніе въ области политической жизни; но она не принимала никакого активнаго участія въ народно-хозяйственныхъ реформахъ и улучшеніяхъ, не выступала въ парламентѣ съ своими законодательными проектами и довольствовалась лишь поддержкою или отрицаніемъ мѣръ, которыя предлагались правительствомъ или другими партіями. Эта практическая безплодность германской соціаль-демократіи въ сферѣ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, касающихся рабочаго класса,—особенно поразительная въ сравненіи съ дѣятельностью англійскихъ рабочихъ организацій, — представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ и безспорныхъ результатовъ, достигнутыхъ Марксомъ и его приверженцами въ Германіи.

Л. Слонимскій.

ПАМЯТЬ А. А. ФЕТА

Онъ былъ старикъ давно больной и хилый;
Дивились всѣ—какъ долго могъ онъ жить...
Но почему же съ *этою* могилой
Меня не можетъ время помирить?

Не скрылъ онъ въ землю даръ безумныхъ пѣсенъ;
Онъ все сказалъ, что духъ ему велѣлъ,—
Чтò-жъ—для меня не сталъ онъ безтѣлесенъ,
И взоръ его въ душѣ не поблѣднѣлъ?!

Здѣсь тайна есть... Мнѣ слышатся призывы,
И скорбный стонъ съ дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхаетъ сиротливо,
И одинокое горюетъ надъ собой.

Владиміръ Соловьевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1897 ГОДЪ.

Въ опубликованной 1-го января государственной росписи на 1897 годъ обыкновенные доходы исчислены въ суммѣ 1.318$^{1}/_{2}$ м. р., а обыкновенные расходы въ 1.285 м. р.,—съ превышеніемъ, слѣдовательно, доходовъ на 33$^{1}/_{2}$ м. р. По чрезвычайной росписи поступленій внесено около 4 м. р., а расходовъ 129 м. р. Такимъ образомъ, вообще по росписи какъ бы ожидается недоборъ въ размѣрѣ около 92 м. р., которые и предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства, какая къ 1897 году окажется.

Такой недоборъ долженъ бы быть признанъ весьма серьезнымъ, но нужно вспомнить, что по росписи на 1895 годъ былъ выведенъ недоборъ въ 70 м. р., а въ замѣнъ, по исполненію росписи, за исключеніемъ кредитныхъ операцій, которыя и не были введены въ первоначальныя исчисленія,—получился, по нашему исчисленію [1]), избытокъ доходовъ—въ 45 м. р. На 1896 годъ недоборъ былъ исчисленъ еще въ болѣе крупной суммѣ, въ 120 м. р. Но, по удостовѣренію министра финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1897 годъ, 84 м. р. этого недобора покрываются уже избыткомъ, полученнымъ въ этой суммѣ противъ исчисленій обыкновенныхъ доходовъ росписи всего лишь за 10 мѣсяцевъ, при чемъ за цѣлый годъ избытокъ, весьма вѣроятно, окажется еще больше; да сверхъ того поступило еще разныхъ неожиданныхъ доходовъ свыше 10 м. р., не считая суммъ, полученныхъ путемъ кредитныхъ операцій (отъ реализаціи 4% ренты), которыя не должны, по нашему мнѣнію, входить въ бюджетный счетъ. Основываясь на приведенныхъ примѣрахъ, да

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", декабрь, 1896 г., стр. 798.

и вообще на примѣрахъ росписей послѣднихъ девяти лѣтъ 1888-1896 гг., постоянно даривших въ исполненіи пріятными неожиданностями, слѣдуетъ ожидать такого же оборота дѣла и по бюджету 1897 г.,—но нужны ли для бюджетовъ неожиданности, хотя бы и пріятныя?

Изъ четырехъ рубрикъ, на которыя распадается государственная роспись, только одна представляется, при составленіи росписи, гадательною: *обыкновенные доходы*. Вѣрное исчисленіе поступленій этой рубрики составляетъ и трудность, и заслугу составленія росписи. Но именно по этой рубрикѣ, въ послѣднія 8—9 лѣтъ, оказываются такія неточности, слабое даже подобіе которыхъ было бы рѣшительно невозможно въ любой изъ смѣтъ европейскихъ государствъ, и которыя могутъ невольно возбудить мысль о систематичности. При неустроенности нашего экономическаго быта, при зависимости, въ какой народное хозяйство находится отъ случайныхъ вліяній, при недостаточномъ, наконецъ, порядкѣ нашего государственнаго хозяйства—на вполнѣ непогрѣшимыя, предварительно составленныя, бюджетныя исчисленія разсчитывать нельзя,—но долженъ быть предѣлъ погрѣшностямъ. Если обратиться къ нашему же прошлому, то и въ немъ нельзя встрѣтить ничего похожаго на то, чтò замѣчается теперь. Въ десятилѣтній, напримѣръ, періодъ 1876-1885 гг., за пять лѣтъ поступленія были нѣсколько ниже смѣтнаго исчисленія (всего въ итогѣ на 40 м. р.); за остальныя пять лѣтъ выше—на 163 м. р. За всѣ 10 лѣтъ разница составилась, такимъ образомъ, въ 123 м. р.,—12 м. р. съ небольшимъ, среднимъ числомъ, въ годъ, при чемъ цифры наиболѣе крупной разницы, въ пользу поступленія, были въ 65 м. р.—въ 1878 г., и въ 43 м. р.—въ 1879 г. Но нужно вспомнить, что эти два года были совершенно исключительные: въ 1878 г. окончилась турецкая война, и наша внѣшняя торговля, сократившаяся за время войны, усилилась по ея окончаніи, что повліяло на крупное увеличеніе таможеннаго дохода. Затѣмъ, возвращеніе войскъ изъ Турціи и Болгаріи содѣйствовало увеличенію питейнаго дохода [1]). Ни окончаніе войны, ни вліяніе этого обстоятельства на поступленіе нашихъ доходовъ, при составленіи росписи упомянутыхъ годовъ, не могли быть предусмотрѣны. Если же эти года исключить, то совпаденіе доходныхъ исчисленій росписи съ дѣйствительно поступившими доходами оказывается поразительнымъ. Наоборотъ, за шесть послѣднихъ лѣтъ,

---

[1]) Разница въ поступленіи питейнаго и таможеннаго доходовъ въ 1877 г., во время войны, и по ея окончаніи, въ 1878 и 1879 гг., такова:

Поступило:	Въ 1877 г.	Въ 1878 г.	Въ 1879 г.
Питейнаго дохода	191 м. р.	215 м. р.	229½ м. р.
Таможеннаго дохода	52½ " "	80½ " "	93 " "

1890-1895 гг. [1]), было постоянное, за исключеніемъ лишь злополучнаго 1891 года [2]), превышеніе дѣйствительнаго поступленія надъ смѣтными исчисленіями, составившее за всѣ года 530 м. р.,—около 100 м. р. въ годъ. Особенно выдаются два послѣдніе отчетные года: въ 1894 году превышеніе составляло 159 м. р., а въ 1895 году—133 м. р. Въ 1896 году, какъ уже замѣчено, за первые девять мѣсяцевъ оно равнялось уже 84 милліонамъ рублей!

Основываясь на сказанномъ, уже a priori можно было бы заключить, что исчисленіе доходной росписи 1897 года не составляетъ исключенія изъ порядка, усвоеннаго министерствомъ финансовъ [3]) за послѣднее время. Это, однако, подтверждается и болѣе конкретнымъ соображеніемъ. Какъ ни слабо наше экономическое развитіе, какъ ни незначительно вліяніе, оказываемое приростомъ населенія на нашъ государственный бюджетъ,—все-таки поступательное движеніе его, помимо внѣшнихъ причинъ, несомнѣнно, если не вслѣдствіе нарощенія экономическихъ силъ, то вслѣдствіе нарощенія потребностей. Между тѣмъ, оказывается, что если выдѣлить лишь наиболѣе крупные, изъ года въ годъ возростающіе *оборотные* доходы (отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ казенной продажи питей), то исчисленіе доходнаго бюджета 1897 года гораздо ниже дѣйствительныхъ поступленій 1895 года. Обыкновенные доходы на 1897 г. исчислены, какъ сказано, въ 1.318½ м. р., болѣе поступленія 1895 г. (1.256 м. р.) на 62 м. р. Но по росписи настоящаго года, вслѣдствіе расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти, ожидается дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (поглощаемаго приблизительно въ полной суммѣ расходомъ по нимъ) 260 м. р., болѣе дохода 1895 г. на 65 м. р., и отъ казенной продажи питей болѣе на 52 м. р., а по этимъ двумъ статьямъ болѣе 117 м. р. Слѣдовательно, по всѣмъ остальнымъ статьямъ какъ бы предполагается уменьшеніе (117 м. р.—62 м. р.) на 55 м. р. Примѣръ недавняго прошлаго и приведенныя нами соображенія показываютъ невѣроятность такого предположенія. Съ большею вѣроятностью слѣдуетъ допустить, что наименьшая сумма обыкновенныхъ доходовъ 1897 года должна равняться доходамъ 1895 года, 1.256 м. р., съ присоединеніемъ къ нимъ 117 м. р. лишнихъ поступ-

---

[1]) Мы не беремъ переходные годы 1886-1889 гг. Они также подтвердили бы наше указаніе, но потребовали бы сложнаго разъясненія обстоятельствъ.

[2]) Въ 1891 году оказался противъ смѣтнаго исчисленія недоборъ доходовъ всего лишь въ 5 м. р. Но недоборъ не помѣшалъ по балансу росписи превышенію обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами на сумму 20 м. р. слишкомъ.

[3]) Говоримъ: „министерствомъ финансовъ", потому что главнѣйшая часть государственныхъ доходовъ исчисляется по смѣтамъ этого министерства. Въ нихъ и проявляется преимущественно неточность.

леній отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и казенной продажи питей и, наконецъ, остатковъ отъ заключенныхъ въ 1897 г. кредитовъ прежняго времени, примѣрно въ размѣрѣ 7—8 м. р., что̀ составитъ (1.256 м. р.+117 м. р.+7 м. р.) 1.380 м. р., т.-е. болѣе предполагаемой суммы обыкновенныхъ расходовъ, 1.285 м. р.,—на 95 милліоновъ рублей. При этомъ еще указанный ежегодный естественный приростъ доходовъ остается въ запасѣ отчасти какъ возмѣщеніе сократившихся нѣсколько, вслѣдствіе всемилостивѣйшихъ манифестовъ, сбора прямыхъ налоговъ и выкупныхъ платежей, а также на случай какихъ-либо экономическихъ невзгодъ.

Къ неудовлетворительному исчисленію доходной росписи 1897 г. мы еще возвратимся при разсмотрѣніи отдѣльно нѣкоторыхъ изъ доходныхъ статей. Теперь же замѣтимъ, что систематическое умаленіе доходнаго бюджета сопряжено съ большими практическими неудобствами. Стѣсняя законодательныя учрежденія при обсужденіи росписи въ назначеніи средствъ на удовлетвореніе весьма существенныхъ государственныхъ и общественныхъ потребностей, оно потомъ, среди смѣтнаго дохода, даетъ возможность, въ виду нежданнаго, точно съ неба упавшаго, избытка доходовъ начинать дорого стоющія предпріятія въ родѣ малоудачной нижегородской выставки, или выдавать крупныя воспособленія государственному банку, на льготныхъ условіяхъ раздающему деньги разнымъ промышленникамъ на счетъ лептъ населенія, которому рублевымъ трудомъ, или, вѣрнѣе, рублевымъ убыткомъ, приходится платиться за каждый излишне-взятый съ него гривенникъ. Между тѣмъ, роспись, постоянно сводимая чуть не въ обрѣзъ,—не говоря объ огромныхъ чрезвычайныхъ расходахъ,—служитъ какъ бы оправданіемъ не только сохраненія въ неприкосновенности существующихъ тяжелыхъ налоговъ, но и къ установленію время отъ времени новыхъ. Въ нашемъ финансовомъ обиходѣ какъ бы совершенно не признается основное положеніе науки финансоваго права: брать съ народа никакъ не болѣе того, что̀ необходимо для удовлетворенія текущихъ государственныхъ потребностей,—хотя печать въ теченіе многихъ лѣтъ не перестаетъ напоминать объ этомъ. „Государственное хозяйство,—говоритъ г. К. Головинъ въ недавней статьѣ въ одной изъ газетъ [1]), —построено на обложеніи подданныхъ, то-есть на основѣ значительно болѣе растяжимой, чѣмъ хозяйство частныхъ лицъ. Но это свойство казенныхъ доходовъ влечетъ за собою для правительства обязанность иного рода — бережливость еще болѣе строгую по отношенію къ росту обложенія, чѣмъ къ расширенію издержекъ. Право государства на отобраніе въ свою пользу извѣстной части имущества под-

[1]) „Новое Время", 22-го декабря 1896 г.

данныхъ строго ограничено его нормальными потребностями,—тѣми, которыя, повторяясь изъ года въ годъ, могутъ удовлетворяться въ увеличенномъ размѣрѣ тогда лишь, когда происходитъ естественный ростъ народнаго богатства. Такимъ образомъ, хроническіе переборы въ бюджетѣ далеко не свидѣтельствуютъ о здоровомъ финансовомъ положеніи. Появляясь естественнымъ путемъ, въ силу прямого роста косвенныхъ налоговъ, такіе переборы должны вызвать либо нѣкоторое усиленіе затратъ на духовное и экономическое благосостояніе народа, либо сокращеніе наиболѣе тяжелыхъ налоговъ. Если же крупное возростаніе доходовъ сравнительно съ предвидѣніями росписи обусловливается неполной искренностью этихъ предвидѣній, или даже усиленными сборами, то такое мнимое финансовое благополучіе уже не находитъ себѣ оправданій и свидѣтельствуетъ объ одномъ лишь—о чрезмѣрномъ обремененіи подданныхъ".

Съ незапамятныхъ временъ, вплоть до 1888 года, наши обыкновенныя государственныя росписи сводились почти съ сплошными дефицитами, пополнявшимися займами и умѣрявшимися постояннымъ повышеніемъ налоговъ, поочередно, то одного, то другого, преимущественно питейнаго и таможеннаго. Но къ 1887 г. послѣднее средство казалось истощившимся или, по крайней мѣрѣ, утомило само министерство финансовъ. Во всеподданѣйшемъ докладѣ о росписи на 1887 годъ, министръ финансовъ (Н. Х. Бунге) выразилъ мнѣніе, что дальнѣйшее повышеніе налоговъ невозможно, и надежды относительно устраненія дефицитовъ возлагалъ на экономическое развитіе страны, указывая въ то же время на необходимость сообразовать даже полезные въ будущемъ расходы, напримѣръ постройку желѣзныхъ дорогъ, съ наличными средствами государственнаго казначейства. Замѣнившій Н. Х. Бунге въ началѣ 1887 года въ должности министра финансовъ И. А. Вышнеградскій не придерживался воззрѣній бывшаго министра финансовъ. Съ половины перваго года своего управленія, онъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе не только о повышеніи размѣра большей части существовавшихъ налоговъ, но и о введеніи новыхъ. Вслѣдствіе этого, предполагавшійся на 1887 годъ дефицитъ въ 36 м. р. въ дѣйствительности оказался всего въ 3 м. р. съ небольшимъ, а въ слѣдующемъ 1888 г. по обыкновенному бюджету былъ уже, по тогдашней классификаціи росписи, избытокъ доходовъ въ $60^1/_2$ м. р.; въ слѣдующіе два года, 1889 и 1890 гг., избытокъ ихъ составлялъ уже $86^1/_2$ м. р. и 73 м. р. Наступилъ несчастный 1891 годъ,—но даже и въ этомъ году получился перевѣсъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами слишкомъ въ 20 милл. рублей, несмотря на весьма крупные недоборы, сравнительно съ прежними годами не только въ прямыхъ налогахъ (на 20 милл. р. слишкомъ по

выкупнымъ платежамъ и пр.), но и въ косвенныхъ (на 35 м. р.). Этотъ избытокъ доходовъ въ такой бѣдственный годъ могъ служить неопровержимымъ доказательствомъ достаточнаго, слишкомъ достаточнаго обложенія населенія. Такъ и взглянулъ на это бывшій министръ финансовъ и, сознавая въ то же время тяжесть обложенія, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1892 годъ выразился, что дальнѣйшее увеличеніе налоговъ *опасно*. Преемникъ его, усвоивъ во многомъ его финансовую политику, не раздѣлялъ его опасеній. За неудавшейся попыткой возстановить недоброй памяти соляной налогъ, въ концѣ того же 1892 г. было исходатайствовано повышеніе нѣсколькихъ налоговъ на сумму, по разсчету министерства финансовъ, около 25½ м. р., но въ дѣйствительности гораздо бо́льшую, такъ какъ приблизительно означенную сумму доставило увеличеніе одного питейнаго налога. Немудрено, что избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ такими же расходами достигъ въ 1894 году поражающей цифры 172 милл. р., и въ 1895 году, уже по новой классификаціи, 115 милл. рублей. Всего по новой классификаціи росписи [1]) за три послѣдніе отчетные года, 1893—95, избытокъ обыкновенныхъ доходовъ равнялся 250 милл. руб.

Освѣживъ въ памяти нашихъ читателей движеніе государственныхъ бюджетовъ послѣдняго времени, остановимся на двухъ вопросахъ: 1) по силамъ ли населенію форсированное увеличеніе налоговъ послѣдняго десятилѣтія; и 2) дѣйствительно ли оно необходимо для равновѣсія нашихъ бюджетовъ?

Первый вопросъ находится въ зависимости отъ того, ростетъ или падаетъ экономическое благосостояніе населенія имперіи въ его общемъ составѣ. Вопросъ этотъ сталъ въ настоящее время настольнымъ. Онъ былъ предметомъ дебатовъ разныхъ собраній, и полуоффиціальныхъ, и частныхъ, служитъ и теперь тэмой газетныхъ статей и разныхъ брошюръ, болѣе или менѣе касающихся его, въ рядѣ общихъ финансово-экономическихъ соображеній. Наконецъ, съ чуткостью къ жизненнымъ вопросамъ, обнаруживаемою главою финансоваго вѣдомства, этотъ вопросъ былъ затронутъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о росписи на 1897 годъ. Если бо́льшая часть и рѣчей въ собраніяхъ, и печатныхъ статей, приходитъ по вопросу къ отрицательному рѣшенію, то министръ финансовъ склоняется повидимому къ отвѣту въ положительномъ смыслѣ.

---

[1]) По установленной Высочайше утвержденнымъ 4-го іюня 1894 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта классификаціи росписи, многіе расходы, считавшіеся (совершенно неправильно) какъ бы чрезвычайными и вносившіеся въ чрезвычайную роспись, были перечислены въ обыкновенную, что́ увеличило ее приблизительно на 50 м. рублей.

„Если — говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ — въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ населеніе Россіи регулярно увеличиваетъ расходъ свой на потребленіе предметовъ обложенія и на пользованіе услугами казенныхъ предпріятій, то можно съ полною достовѣрностью утверждать, что общая сумма прибытковъ населенія ея возростаетъ. Конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается ли возростающая сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода, какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ, при переходѣ отъ чисто сельско-хозяйственнаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства—къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства. Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ, однако до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія. Выдѣленіе болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія весьма естественно создаетъ болѣе высокій масштабъ для измѣренія крестьянскаго благосостоянія, и если за *мѣрило* брать уровень потребностей, удовлетворяемыхъ этими выдѣлившимися группами, то можно придти къ заключенію объ упадкѣ зажиточности остальной крестьянской массы, хотя бы абсолютно она и осталась въ прежнемъ положеніи или даже нѣсколько улучшилась. Послѣднее и находитъ себѣ полное подтвержденіе въ исполненіи нашихъ бюджетовъ, разсчитанныхъ на слишкомъ широкое массовое потребленіе, чтобы выдѣлившіяся по зажиточности группы населенія могли покрыть тотъ недоборъ, который неминуемо получился бы, еслибы уровень благосостоянія рядового крестьянства потерпѣлъ сколько-нибудь существенное повреждение. Если же общій уровень не понижается, а отдѣльныя группы населенія прокладываютъ себѣ путь къ высшимъ ступенямъ зажиточности, то это показываетъ лишь, что народный трудъ и предпріимчивость разнообразятся и въ общемъ достигаютъ большей суммы прибытковъ, т.-е., что страна хозяйственно развивается въ томъ направленіи, какое практически единственно осуществимо".

Такимъ образомъ, мнѣніе объ экономическомъ преуспѣяніи страны въ докладѣ основывается главнымъ образомъ на расширеніи потребленія населеніемъ обложенныхъ предметовъ. Въ печати постоянно доказывалось обратное. Повышается обложеніе, а потребленіе не только не увеличивается, но по инымъ предметамъ даже сокращается. Такъ, по главной изъ статей обложенія, питейному акцизу въ 1882—1883 гг., при акцизѣ въ 8 р. съ ведра безводнаго спирта и при

относительно слабомъ обложеніи другихъ предметовъ этого налога, его поступило 253 м. р. въ годъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе слѣдующихъ 10—12 лѣтъ, налогъ былъ повышенъ до 10 р. съ ведра безводнаго спирта на 2 р., т.-е. на 25%, съ соотвѣтствующимъ повышеніемъ другихъ питейныхъ сборовъ. При такомъ повышеніи питейнаго дохода слѣдовало бы ожидать (253 м. р. + 253 × 0.25) 316 м. р., а между тѣмъ этого сбора въ два послѣдніе отчетные года поступило 197 и 198 м. р., на 18 м. р. менѣе. Если же принять во вниманіе увеличеніе за этотъ періодъ населенія по меньшей мѣрѣ на 12 процентовъ, то недоборъ доходитъ до 50 м. р. То же приблизительно и съ другими обложенными предметами потребленія: доходъ отъ нихъ увеличивается, но пропорціонально повышенію размѣра налога; приростъ населенія остается безъ вліянія, т.-е. потребленіе не ростетъ, а уменьшается, чего не могло бы случиться при увеличеніи достатка. Потребленіе чая нѣсколько возросло въ количествѣ, но съ весьма замѣтнымъ пониженіемъ качества. Въ 1886 г., его было привезено 2.132.000 пудовъ, цѣною по таможеннымъ показаніямъ въ 67 м. р. (около 33 р. пудъ), а въ 1894 г.—2.469.000 пуд. на 39 м. р. (около 16 р. пудъ). Потребленіе сахара остается и теперь почти въ томъ же размѣрѣ, какъ было 10 лѣтъ тому назадъ, хотя оно въ годъ не превышаетъ 8 ф. на жителя,—втрое и вчетверо меньше, чѣмъ въ государствахъ западной Европы и въ десять разъ меньше, чѣмъ въ Англіи. Достаточно было къ 1893 году увеличенія на 50% акциза съ нефтяныхъ продуктовъ, чтобы потребленіе этого освѣщенія, дешеваго, удобнаго и распространеннаго во всѣхъ слояхъ населенія, замѣтно сократилось. Одна изъ газетъ, обыкновенно согласная съ взглядами министерства финансовъ и посвятившая нѣсколько статей разбору вопроса: „ростетъ или уменьшается національное богатство Россіи“—въ одной изъ послѣднихъ статей, послѣ подробнаго цифрового обзора, пришла къ выводу, что „въ настоящее время населеніе Россіи потребляетъ основныхъ продуктовъ питанія — хлѣба, мяса и молока — на *треть меньше*, сравнительно съ потребленіемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ [1]“. На неудовлетворительное экономическое состояніе страны нѣтъ недостатка и въ оффиціальныхъ указаніяхъ. Такъ, недавно на это, въ предѣлахъ одной изъ центральныхъ губерній, указывалъ губернаторъ при открытіи губернскаго земскаго собранія.

Степень благосостоянія той или другой страны, въ то или другое время, трудно поддается оцѣнкѣ. Если подъ благосостояніемъ разумѣть выгодное отношеніе потребностей къ средствамъ ихъ удов-

[1]) „Новости“, 8-го января этого года.

летворенія, то, независимо отъ опредѣленія потребностей и оцѣнки средствъ, къ этому придется присоединить чувство личной удовлетворенности. Наконецъ, выводы наблюденія много зависятъ отъ точки зрѣнія наблюдателя. Съ нѣкоторой высоты, всякая дорога покажется удобной; нужно двинуться по ней съ возомъ для того, чтобы оцѣнить ея ухабы и рытвины. Есть однако положенія, при которыхъ выводъ не затруднителенъ. Въ докладѣ хотя и говорится объ общемъ достаткѣ, но преимущественно имѣется въ виду сельское рабочее населеніе, и признаки преуспѣянія усматриваются въ отдѣльныхъ личностяхъ, достигающихъ нѣкотораго благосостоянія. Но если, послѣ трехлѣтняго обильнаго урожая и двухъ лѣтъ урожая средняго, одинъ годъ недорода доводитъ сельское населеніе цѣлой трети имперіи до положительнаго голода, для спасенія отъ котораго нужны не только огромныя затраты казны (болѣе 160 м. р.) и частной благотворительности, но и самопожертвованный трудъ многихъ отдѣльныхъ лицъ, отдавшихъ себя на служеніе общественному бѣдствію; если по меньшей мѣрѣ по 20 губерніямъ числятся недоимки окладныхъ сборовъ въ размѣрѣ, превышающемъ годовой окладъ иногда втрое и вчетверо; если въ пополненіе недоимокъ, въ обходъ закона, продается не только послѣдняя крестьянская корова, но и послѣдняя лошадь [1]); если наконецъ подати еще недавно выбивались (можетъ быть, гдѣ-нибудь выбиваются еще и теперь) розгами по рѣшенію волостныхъ судовъ,—то едва ли можетъ быть рѣчь о преуспѣяніи народнаго благосостоянія. Сколько бы ни появилось перелетныхъ ласточекъ въ видѣ счастливцевъ, преуспѣвшихъ въ благосостояніи,—онѣ весны не сдѣлаютъ; имъ слѣдовало бы противопоставить еще большее число неудачниковъ. Упадокъ благосостоянія замѣчается и въ такъ называемыхъ достаточныхъ классахъ и выражается въ вынужденномъ сокращеніи расходовъ во всѣхъ статьяхъ: въ жилищѣ, въ одеждѣ, въ пищѣ. Едва ли есть хотя одинъ классъ населенія, большинство членовъ котораго не жаловалось бы на переживаемое трудное время. Причинъ этого много, но одною изъ нихъ несомнѣнно являются непомѣрные налоги. Тѣ сотни милліоновъ рублей, которые за немного лѣтъ извлечены и извлекаются ими изъ народнаго обращенія, составляютъ не только прямое лишеніе жизненныхъ средствъ, но отнимаютъ у населенія оборотный капиталъ и тѣмъ подрываютъ его производительность.

Съ 1885 года постановленіемъ государственнаго совѣта произведено точное распредѣленіе доходовъ и расходовъ между обыкно-

[1]) Подати уплачивались изъ взятой для этого суммы подъ росписку, а по требованію заимодавца шла въ продажу, разумѣется, за безцѣнокъ, лошадь. О такихъ случаяхъ неоднократно сообщалось въ періодической печати.

венной росписью и чрезвычайной. Относительно чрезвычайныхъ расходовъ постановлено, что при ходатайствѣ о нихъ должны быть указаны средства для ихъ исполненія. Но подъ этими средствами едва ли могли разумѣться излишки обыкновеннаго бюджета. Допустить это значило бы не признавать никакого значенія за указаннымъ законоположеніемъ. Для чего было бы раздѣлять росписи—при одномъ и томъ же источникѣ удовлетворенія расходовъ обѣихъ изъ нихъ? Иное намѣреніе государственнаго совѣта ясно указывается, напримѣръ, тѣмъ, что расходы на ремонтъ и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ отнесены въ роспись обыкновенныхъ расходовъ, а постройка и капитальныя достройки на—чрезвычайный. Постановленіе, что для чрезвычайныхъ расходовъ долженъ быть указанъ источникъ, очевидно значитъ, что этимъ источникомъ не должны быть обыкновенные доходы. Можно пожалѣть, что относительно этого нѣтъ болѣе опредѣленныхъ постановленій. Было бы полезно указать, что избытокъ обыкновенныхъ доходовъ, не случайный, а являющійся на болѣе или менѣе продолжительное время, результатомъ устойчивыхъ условій государственнаго хозяйства, долженъ служить для *обыкновенныхъ* расходовъ общеполезнаго характера, или вести къ отмѣнѣ или пониженію нѣкоторыхъ налоговъ. Смѣшеніе бюджетовъ обыкновеннаго и чрезвычайнаго породило „въ практикѣ“ министерства финансовъ совершенно особое явленіе, а именно, такое повышеніе налоговъ, которое ничѣмъ не вызвано и не имѣетъ границъ, при чемъ правило не требовать съ населенія больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія *текущихъ насущныхъ* государственныхъ потребностей, вполнѣ игнорируется. Еще разъ вернемся къ недавнему прошлому. Въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ бюджетъ былъ въ блестящемъ положеніи; избытокъ обыкновенныхъ доходовъ съ излишкомъ покрывалъ крупные чрезвычайные расходы, въ томъ числѣ и огромный 160-тимилліонный расходъ на помощь населенію въ 1891 и 1892 гг. [1]); между тѣмъ, вопреки замѣчаніямъ печати, въ концѣ 1892 года состоялось повышеніе нѣсколькихъ налоговъ. Разумѣется, въ результатѣ въ слѣдующемъ же 1893 году оказался большой избытокъ доходовъ не только по обыкновенной, но и по всей росписи. Тѣмъ не менѣе опыты министерства финансовъ въ области повышенія налоговъ продолжались: былъ установленъ квартирный налогъ, какъ объяснялось, не съ фискальной цѣлью, а какъ опытъ прямого обложенія по достатку. Но если этой мѣрой не имѣлось въ виду увеличить государственные доходы, то это было нетрудно: на сумму новаго обложенія стоило только понизить одинъ изъ существовавшихъ на-

---

¹) См. „Вѣстн. Европы“, декабрь, 1896 г., стр. 799.

логовъ. Этого однако сдѣлано не было, а послѣдовало повышеніе въ два пріема и слишкомъ вдвое таможенной пошлины на хлопокъ. Въ виду опять имѣлась не прибыль казны, а покровительство отечественному производству хлопка, но „попутно", по выраженію одной газеты, послѣдовало увеличеніе таможеннаго дохода съ хлопка на 10 милл. р. золотомъ [1]); они уплачены, разумѣется, не американскими плантаторами, не отечественными хлопчатобумажными королями, а многострадальнымъ населеніемъ, которому *попутно* пришлось еще приплатить и за отечественный хлопокъ, вздорожавшій вслѣдствіе повышенія пошлины на иностранный. Въ промежуткѣ и безъ того большой акцизъ на сахаръ былъ еще повышенъ до размѣра цѣны, по какой сахаръ, въ томъ числѣ и нашъ, продается въ Англіи [2]). Наконецъ, въ виду здоровья и трезвости населенія была предпринята казенная продажа водки, но и она, опять неожиданно, доставила на первый же годъ по четыремъ губерніямъ излишняго дохода казнѣ около 4 милл. руб., что̀, по разсчету проданной водки, равняется повышенію акциза на 2 рубля съ ведра безводнаго спирта. Теперь въ одной изъ газетъ сообщается, что съ введеніемъ казенной продажи водки въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ цѣна на ведро (въ 40 градусовъ) повысилась противъ цѣны, какая была раньше, на 2 рубля, что̀ равняется увеличенію акциза на 5 р. съ ведра безводнаго спирта, т.-е. на 50% [3])! Сколько изъ этой повышенной цѣны останется казнѣ, рѣшить пока трудно, но что населеніе цѣликомъ уплатитъ этотъ огромный налогъ—несомнѣнно.

Среди толковъ, возбуждаемыхъ въ обществѣ дѣятельностью и предположеніями министерства финансовъ, есть и такіе, по которымъ интенсивная налоговая предпріимчивость министерства объясняется не случайностью или инертнымъ движеніемъ въ предвзятомъ направленіи, а дѣйствительнымъ недостаткомъ денегъ. Денегъ, говорятъ, нѣтъ, несмотря на огромные бюджетные избытки, на непрерывные займы,

---

[1]) Пошлины съ хлопка поступило въ 1893 г. 10 м. р. з.; въ 1895 г.—15 м. р. з.; по объясненію государственнаго контроля, къ нимъ нужно причислить еще 5 м. р., поступившихъ въ 1894 г. отъ преждевременной, въ предвидѣніи повышенной съ 1895 г. пошлины, оплаты хлопка.

[2]) „Новости" (7 января этого года) перепечатали изъ англійскихъ газетъ любопытныя свѣдѣнія о потребленіи въ Англіи разныхъ продуктовъ и о цѣнахъ на нихъ. Относительно сахара это для насъ особенно интересно, такъ какъ въ Англія, главный рынокъ нашего заграничнаго сбыта сахара. Цѣна рафинированнаго сахара за центнеръ (3 пуда 3 фунта) около 14 шиллинговъ, что̀ составитъ за нашъ пудъ 2 р. 10 к. кредитныхъ, а нерафинированный около—10 шилл., т.-е. около 1 р. 50 к. кредитныхъ. Нашъ внутренній акцизъ, какъ извѣстно, на всякій сахаръ 1 р. 75 к. По вывозѣ сахара за границу акцизъ возвращается.

[3]) „Новости", 25 декабря 1896 года.

на крупный размѣръ такъ называемыхъ свободныхъ остатковъ государственнаго казначейства. Въ сущности, и избытки, и остатки есть— въ бухгалтерскихъ счетахъ, а деньги ушли и уходятъ чрезъ широко, настежь, открытыя двери государственнаго и другихъ болѣе или менѣе казенныхъ банковъ и разсѣеваются. Разсѣеваются они, несомнѣнно, благодатнымъ дождемъ, нб надъ нивой, жатву съ которой предстоитъ собрать только потомству. Если это такъ, то живущему поколѣнію приходится нести тяжесть не двухъ только отчетовъ— обыкновеннаго и чрезвычайнаго, затраты котораго имѣютъ въ виду также по большей части будущее, но и третьяго—банковаго, не попадающаго въ отчеты объ исполненіи государственной росписи. Такой sui generis особый видъ государственнаго бюджета тѣмъ болѣе неудобенъ, что онъ ускользаетъ не только отъ воздѣйствія, но въ главныхъ частяхъ своихъ и отъ вѣдома государственнаго контроля. Это существеннымъ образомъ нарушаетъ узаконенный порядокъ государственнаго хозяйства, не замѣняя его другимъ, столь же положительно установленнымъ, и создаетъ весьма нежелательныя начала. Отсутствіе твердо, ненарушимо опредѣленной демаркаціонной линіи между государственными финансами и кредитными учрежденіями, хотя бы и казенными, какъ извѣстно изъ исторіи и прежняго времени, и весьма недавней, грозитъ серьезною опасностью. Къ сожалѣнію, уроки исторіи не всегда убѣдительны и, главное, ни для кого не обязательны. Положеніе между тѣмъ очень заманчиво: оно открываетъ широкое поле энергической, на собственный взглядъ плодотворной дѣятельности, не стѣсняемой „ненужной“ и досадной „формальностью“, и находитъ въ окружающихъ много сторонниковъ и поклонниковъ. А то обстоятельство, что формы и созданы какъ необходимая гарантія противъ присущихъ каждому человѣку самомнѣнія, увлеченій и ошибокъ,—иногда энергическому дѣятелю, насколько это касается лично его, обыкновенно не приходитъ и на мысль.

Всеподданнѣйшій докладъ о росписи 1897 года заключаетъ также мало бюджетныхъ свѣдѣній, какъ и прошлогодній. Въ немъ находятся лишь указанія, относящіяся къ цифрамъ поземельнаго сбора и выкупныхъ платежей. Всемилостивѣйше дарованными льготами по манифесту 14-го мая прошлаго года поземельный налогъ на 10 лѣтъ пониженъ на половину, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и больше, до 5 к. съ десятины, вслѣдствіе чего онъ внесенъ въ роспись въ размѣрѣ лишь около 5 м. р.,—на $8^{1}/_{2}$ м. р. менѣе прежняго оклада, что̀ на такую же сумму сократило ожидаемое поступленіе прямыхъ налоговъ сравнительно съ поступленіемъ (106 м. р.) 1895 года. По вы-

купнымъ платежамъ облегченіе послѣдовало въ два пріема. Закономъ 7-го февраля 1894 года предоставлено производить отсрочку и разсрочку недоимокъ безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы, на основаніи чего, какъ объясняется въ докладѣ, отсрочено и разсрочено недоимокъ на сумму слишкомъ 25 милл. рублей. Закономъ 13-го мая 1896 г. установлены новыя облегченія. Поэтому выкупныя платежи внесены въ роспись въ размѣрѣ на $1^1/_2$ милл. руб. ниже росписи 1896 г.—и на $13^1/_2$ м. р. ниже поступленія 1895 года. Впрочемъ, дѣйствительное поступленіе выкупныхъ платежей зависитъ отъ многихъ экономическихъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, можно только сердечно радоваться дарованнымъ льготамъ и именно по недоимкамъ, такъ какъ онѣ относятся не только къ наименѣе состоятельному классу населенія, но и изъ этого класса къ наиболѣе обездоленнымъ личностямъ.

Прямые налоги, съ присоединеніемъ къ нимъ выкупныхъ платежей, можно думать, исчислены приблизительно вѣрно, но того же нельзя сказать о косвенныхъ налогахъ. Поступленіе этихъ налоговъ находится въ прямой зависимости отъ потребленія, соотвѣтствующаго въ свою очередь развитію потребностей—съ одной стороны, съ другой, —росту населенія. Если первое изъ этихъ условій парализуется, какъ можно полагать, движеніемъ не впередъ, а вспять—экономическаго благосостоянія страны, то второе все-таки дѣйствуетъ. Между тѣмъ, доходъ отъ косвенныхъ налоговъ, со включеніемъ таможеннаго, за 1897 годъ внесенъ въ размѣрѣ 555 м. р., на 20 м. р. слишкомъ менѣе поступленія 1895 года. Ежегодный приростъ населенія у насъ едва ли менѣе $1^1/_4$ процента, и за два года онъ составитъ $2^1/_2$%. На основаніи этого, и пока только этого, сумма косвенныхъ поступленій въ 1897 году должна составить увеличеніе, сравнительно съ доходомъ 1895 года ($575^1/_2$ м. р.), на 14.300.000 и принести около 590 милл. р.,—болѣе исчисленнаго по росписи на 35 милл. р. Разница эта, судя по примѣрамъ предшествовавшихъ лѣтъ, была бы еще не особенно велика: въ 1892 г. косвенныхъ налоговъ было исчислено по росписи меньше, чѣмъ поступило, на 50 м. р.; въ 1893 году—на $18^1/_2$ м. р.; въ 1894 году—на $88^1/_2$ м. р., и въ 1895 году—на 55 м. р., а за четыре года—на 212 м. р.

Рождается вопросъ, какимъ же образомъ составляется роспись, и на основаніи какихъ данныхъ могутъ получаться столь мало приблизительныя данныя? Какъ уже замѣчено, никакихъ указаній относительно этого въ докладѣ о росписи нѣтъ, но мы имѣемъ возможность сослаться на проектъ смѣты главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, цифры которой безъ измѣненія вошли въ роспись. Особенно характеренъ пріемъ, употребленный для исчисленія вѣроятной цифры акциза съ

табака, и мы приведемъ его in extenso. Составитель росписи совершенно правильно въ основу своихъ исчисленій беретъ доходы трехъ послѣднихъ лѣтъ: въ 1893 г., акциза поступило 28½ милл. р.; въ 1894 году—29½ м. р.; въ 1895 году—31½ м. р. Въ доходѣ, слѣдовательно, замѣчается прогрессивное движеніе; можно, повидимому, ожидать его и въ будущемъ. Въ 1894 г., поступленіе увеличилось противъ предшествующаго года на 3½%; въ 1895 г.—на 6½%; среднее увеличеніе составляетъ, такимъ образомъ, 5 процентовъ,—около 1.500 т. р., которые и нужно прибавить... къ чему? Очевидно, къ поступленію послѣдняго года [1]). Нѣтъ, говоритъ составитель:—къ средней цифрѣ дохода за три послѣдніе отчетные года. Въ результатѣ получается 31.300.000 р., т.-е. по доходу, постоянно и весьма быстро возроставшему, получается сумма ниже поступленія послѣдняго года.

Мы вовсе не думаемъ утверждать, что для смѣтнаго исчисленія достаточно одного простого ариѳметическаго пріема; необходимы дополнительныя свѣдѣнія,—въ данномъ случаѣ: по какимъ сортамъ табака оказывается увеличеніе, въ какой мѣстности, на какое потребленіе, и т. п. Но если ограничиться пріемомъ указаннымъ, то слѣдовало идти въ немъ до конца—и сумму акциза съ табака смѣло опредѣлить въ 34½ м. р., или, при осторожности, въ 34 м. р. Эта сумма, по всему вѣроятію, оказалась бы ближе къ дѣйствительной, нежели занесенная нынѣ въ роспись.

Еще оригинальнѣе пріемъ, употребленный для смѣтнаго исчисленія акциза со спирта. Взято поступленіе за пять лѣтъ, 1891—95 гг., но для чего-то оно раздѣлено на полугодія первое и второе—точно между ними по уплатѣ акциза есть какая-нибудь раздѣлительная черта [2]) и опредѣленное количество спирта должно быть оплачено непремѣнно до 30-го іюня, а не можетъ частію быть внесено 1-го и 2-го іюля. Потомъ, сравнивается, насколько во второе полугодіе поступаетъ болѣе, чѣмъ въ первое (оказывается, въ среднемъ на 18%); затѣмъ, взятъ доходъ первой половины 1896 г. (116½) и къ нему прибавлена такая же сумма для второй половины, съ увеличеніемъ ея на разницу между первымъ и вторымъ полугодіемъ; наконецъ, полученная такимъ путемъ сумма, 258 м. р., изъ осторожности уменьшена до 225 м. р., которые и вошли и въ проектъ смѣты, и въ роспись.

Весь этотъ пріемъ, какъ говорится, не выдерживаетъ болѣе строгой критики. Но и въ немъ оказывается еще слѣдующее: 1) произвольно, по догадкѣ, 16 м. р. перенесены изъ второй половины

---

[1]) При такомъ пріемѣ исчисленія, эту сумму слѣдовало бы прибавить вдвойнѣ: разъ—за 1896 годъ, и другой разъ—за 1897 годъ.

[2]) Она можетъ быть, напримѣръ, въ сборѣ за патенты, такъ какъ можетъ быть взятъ полугодовой патентъ.

1892 года въ первую половину 1893 года; догадка весьма правдоподобная, но цифра все-таки гадательна, какъ гадательно и то, что всѣ 16 м. р. должны быть отнесены именно на первую половину 1893 г., а часть ихъ не могла попасть во вторую. Если задаваться соображеніемъ, что̀ бы было, если бы было не то, что̀ было, то въ любой смѣтѣ можно найти основанія для переноса поступленія или расхода изъ одного года въ другой; 2) разница между первымъ и вторымъ полугодіемъ присоединена для вывода поступленія въ 1897 году не въ томъ размѣрѣ, какъ она выведена (около 20 м. р.), а по самому невыгодному году, 1891, въ размѣрѣ всего лишь 10 м. р.; 3) въ число взятыхъ для вывода лѣтъ вошелъ 1891 г., который ни для какихъ смѣтныхъ исчисленій приниматься не можетъ, особенно для питейнаго дохода, и главнымъ образомъ—вторая половина года, когда бѣдствіе было въ полномъ разгарѣ. Если устранить всѣ эти неправильности, т.-е. исключить 1891 годъ, поставить на свое мѣсто 16 м. р. и прибавить къ доходу первой половины года дѣйствительно получаемую разницу,—то въ результатѣ получается акциза со спирта не 255 м. р., а 276 м. р., болѣе на 21 м. р. Если внести это измѣненіе въ роспись, оставивъ всѣ другія статьи питейнаго дохода въ томъ размѣрѣ, какъ онѣ исчислены, то весь питейный доходъ 1897 года опредѣлится не въ 285 м. р., а въ 306 м. р.

Двухъ приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для доказательства не совсѣмъ правильнаго составленія нѣкоторыхъ предположеній росписи, а равно и того, что отчасти эта неправильность систематична. Нельзя, разумѣется, ни требовать, ни ожидать полной безошибочности предварительныхъ исчисленій, но при опредѣленныхъ пріемахъ, при знакомствѣ съ условіями того или другого поступленія, и при желаніи точности, она обыкновенно и достигается настолько, что погрѣшность по одной статьѣ покрывается другою,—неточность одного года исправляется въ слѣдующемъ.

Таможеннаго дохода внесено въ роспись около 160 м. р., менѣе поступленія 1895 года на 8 м. р., хотя это поступленіе признается ниже нормальнаго на 5 м. р., такъ какъ часть хлопка, подлежавшая оплатѣ въ 1895 г., была оплачена пошлиной въ концѣ 1894 года, вслѣдствіе предстоявшаго въ 1895 г. увеличенія пошлины на 50%. Ожиданіе уменьшенія, въ сущности на 13 м. р., тѣмъ менѣе понятно, что, по свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ", за 9 мѣсяцевъ 1896 года таможенныхъ пошлинъ поступило 135½ м. р., болѣе полученнаго за то же время въ 1895 году на 11½ м. р. Приходится особенно пожалѣть, что относительно предполагаемаго въ настоящемъ году таможеннаго дохода въ докладѣ о росписи нѣтъ никакихъ руководящихъ указаній. Очень можетъ быть, что пониженная цифра

росписи находится въ какой-нибудь связи съ происходящими (безконечными) таможенными переговорами съ Германіей. Впрочемъ, болѣе вѣроятно, что цифра эта—результатъ *осторожности*; что въ дѣйствительности таможеннаго дохода въ 1897 г. слѣдуетъ ожидать не меньше, но даже больше дохода 1895 года.

Относительно какъ недавняго, такъ и предстоящаго направленія нашей таможенной политики въ докладѣ находятся весьма цѣнныя указанія. Отмѣтивъ „огромные успѣхи" нашей промышленности во многихъ ея отрасляхъ, докладъ приписываетъ ихъ „сравнительно недавно усвоенной правительствомъ покровительственной системѣ, въ исторіи которой должны быть особенно отмѣчены мѣропріятія 1877, 1880, 1885 и 1891 годовъ". По исчисленію доклада, въ 1877 г. введеніе золотой пошлины увеличило таможенное обложеніе (по тогдашнему курсу кредитнаго рубля) на 30%; въ 1881 г. пошлины повышены на 10%; въ 1885 г.—на 20%; въ 1891 г., послѣ общаго повышенія на 20%, былъ установленъ новый тарифъ, „который предоставилъ почти по всѣмъ отраслямъ нашей промышленности значительное покровительство, и при томъ во всѣхъ стадіяхъ производства, начиная отъ добычи сырья". Опредѣлить размѣръ повышенія пошлинъ на основаніи этого общаго тарифа весьма трудно. Безъ большой, впрочемъ, ошибки, его можно считать также въ 20 процентовъ—итакъ, по этому исчисленію, пошлины, въ теченіе 15 лѣтъ, увеличены на 100%, т.-е. вдвое. Въ дѣйствительности, это увеличеніе больше: введеніе золотой пошлины съ дальнѣйшимъ пониженіемъ курса кредитнаго рубля представило повышеніе въ концѣ концовъ на 50%; затѣмъ исчисленіе процентовъ относилось уже не къ первой суммѣ, а къ позднѣйшимъ, предварительно повысившимся; наконецъ, помимо общихъ измѣненій тарифа, были еще отдѣльные случаи повышенія пошлины на весьма многіе товары. Наиболѣе вѣрное, по возможности, понятіе о размѣрѣ повышенія пошлинъ съ 1877 года—можетъ быть сравненіе цѣнности ввоза и соотвѣтственнаго таможеннаго дохода передъ введеніемъ золотой пошлины и нынѣ.

Въ 1875 году, привезено товаровъ на 544 м. р.; въ 1876 году на 455 м. р.,— вмѣстѣ за два года на милліардъ рублей. Таможеннаго дохода поступило въ эти два года 65 и 70 м. р., всего 135 м. р., т.-е. пошлина составила 13½—14%. По неожиданному совпаденію, такая же почти цѣнность привоза оказалась въ 1893 и 1894 годахъ: на 463 м. р. и на 560 м. р., всего 1.023 м. р.; съ нихъ внесено пошлины 147 и 172 м. р., вмѣстѣ 319 м. р., что составляетъ уже больше 30% пошлины, которая, такимъ образомъ, за 20 лѣтъ повысилась въ два съ половиной раза, а населеніе сверхъ лишняго милліарда, уплаченнаго въ казну за этотъ періодъ, уплатило солид-

ный процентъ посредникамъ-торговцамъ за вносимую ими впередъ пошлину и еще болѣе крупный гонораръ въ пользу отечественныхъ промышленниковъ, не упускавшихъ, конечно, случая параллельно съ прогрессомъ покровительственной системы прогрессировать въ цѣнѣ своихъ издѣлій. До нѣкоторой степени утѣшительно, что жертвы, приносимыя населеніемъ покровительственной системѣ, не остаются не замѣчены: „При покровительственной системѣ, — говорится въ докладѣ, — несомнѣнно, въ первое время, пока промышленность не разовьется и не окрѣпнетъ, страдаютъ интересы непосредственнаго потребленія; орудія производства, подъ вліяніемъ пошлинъ, повышаются въ цѣнѣ, а привозимое изъ-за границы сырье, напримѣръ хлопокъ, удорожается. Съ другой стороны, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что нарожденіе національной промышленности, созданіе прочныхъ внутреннихъ рынковъ для земледѣлія и охрана народнаго труда, не могутъ совершаться безъ нарушенія нѣкоторыхъ интересовъ, такъ какъ общій законъ органическаго развитія—неизбѣжность жертвъ для достиженія великихъ цѣлей—вполнѣ примѣняется и въ области экономическаго роста государства.

„Можно отвѣчать различно на вопросъ, что̀ предпочтительнѣе: напряженное ли развитіе промышленности въ короткій срокъ, или же болѣе слабое и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно болѣе медленное поступательное движеніе; но едва ли можно оспаривать, что разъ правительство, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, съ неуклонною строгостью и послѣдовательностью держалось покровительственной системы, то преждевременное существенное ослабленіе ея было бы крупною политическою ошибкою и источникомъ глубокихъ потрясеній въ хозяйственномъ организмѣ страны“.

Эти строки, какъ бы заявляющія, что правительство и впредь *съ неуклонною строгостью* станетъ держаться покровительственной системы, точно служатъ репликой на нѣсколько, въ весьма умѣренной степени, фритредерское рѣшеніе всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда въ Нижнемъ-Новгородѣ и успокоительнымъ отвѣтомъ на отчаянный вопль купцовъ-промышленниковъ, раздавшійся по поводу этого рѣшенія [1]). Правда, въ тѣхъ же строкахъ и потре-

[1]) Любопытна безцеремонность этихъ господъ. Наканунѣ закрытія съѣзда ярмарочное купечество чествовало обѣдомъ министра финансовъ; предсѣдатель ярмарочнаго комитета, извѣстный С. Т. Морозовъ, привѣтственную рѣчь началъ такимъ образомъ: „Болѣе шести лѣтъ тому назадъ одинъ изъ лучшихъ министровъ не только Россіи, но и всего міра *оповѣстилъ всероссійское купечество о Монаршей милости, выразившейся въ общемъ увеличеніи пошлинъ на двадцать процентовъ...*“ („Русское Богатство“, сентябрь 1896 г., стр. 163). Такимъ образомъ,

бителямъ подается нѣкоторая надежда и указывается, что ихъ интересы будутъ страдать лишь до того времени, пока промышленность наша окрѣпнетъ и разовьется, послѣ чего, нужно полагать, суровая покровительственная система замѣнится болѣе льготною для потребляющаго населенія. Положимъ, что это и будетъ такъ, но не указано, хотя бы приблизительно, когда должно наступить это золотое время. За послѣднимъ двадцатилѣтіемъ, безспорно, признается господство покровительства. Не вполнѣ достаточнымъ могутъ считать его только купцы-промышленники. Передъ тѣмъ былъ двадцатилѣтній промежутокъ (по тарифамъ 1857—и особенно 1868 годовъ) болѣе мягкій, но далеко не фритредерскій, а ранѣе того господствовала система еще болѣе суровая, чѣмъ теперь, которую прямо можно назвать запретительной. Но достаточно и послѣднихъ двадцати лѣтъ для укрѣпленія и развитія промышленности, еслибы она могла достигнуть этого путемъ постояннаго повышенія таможеннаго тарифа. Если же этого не случилось въ 20 лѣтъ, то оно едва ли произойдетъ и въ слѣдующіе пятьдесятъ при такой же системѣ,—и потребляющему населенію долго еще придется приносить жертвы ради неосуществимой цѣли.

Два-три года назадъ какъ бы повѣяло и у насъ поворотомъ европейской торговой политики къ началамъ свободной торговли. Но это настроеніе оказалось мимолетнымъ и—говорить теперь объ ослабленіи покровительственной системы значило бы, можетъ быть, проповѣдывать въ пустынѣ. Все, чего можно желать теперь, это—чтобы не было дано хода дальнѣйшимъ вожделѣніямъ „нижегородцевъ", этимъ, по нынѣшнему времени, своеобразнымъ героямъ своего отечества.

О.

разнузданному воображенію промышленника увеличеніе пошлинъ представлялось не государственною мѣрой въ общегосударственныхъ цѣляхъ, а милостью (за какія же доблести?) купечеству. Интересно, что изъ присутствующихъ оффиціальныхъ и частныхъ „конвивовъ" не нашлось никого, кто бы поставилъ на видъ оратору неумѣстную и безграничную притязательность его рѣчи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1897.

Пересмотръ положеній о крестьянахъ. Предѣлы и характеръ земской дѣятельности.—Вопросы объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ.—Общая часть проекта уголовнаго уложенія: дѣленіе преступныхъ дѣяній, соучастіе, виды лишенія свободы, смягченіе наказаній.—Открытіе финляндскаго сейма.

Важнѣйшее изъ государственныхъ дѣлъ, стоящихъ у насъ на очереди—предпринятый еще въ 1894 г., но до сихъ поръ подвигавшійся впередъ весьма медленно—пересмотръ положеній о крестьянахъ. Для предварительной разработки вопросовъ, намѣченныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, были образованы особыя губернскія совѣщанія, занятія которыхъ должны были быть приведены къ концу еще весною 1895 г.; съ тѣхъ поръ о дальнѣйшемъ ходѣ работы ничего не было слышно, и только недавно въ газетахъ появилось извѣстіе о предстоящемъ ея возобновленіи. Коммиссія, учрежденная съ этою цѣлью подъ личнымъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, будетъ состоять изъ обоихъ товарищей министра, управляющаго земскимъ отдѣломъ, начальника канцеляріи министра, одного чиновника особыхъ порученій и четырехъ лицъ, по своему служебному положенію близко знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ. Отдѣльныя части проекта будутъ составлены членами коммиссіи порознь и затѣмъ разсмотрѣны въ общихъ ея собраніяхъ. Если эти газетныя сообщенія основательны, то пересмотръ положеній о крестьянахъ и въ новомъ фазисѣ своемъ сохраняетъ чисто-бюрократическій характеръ, данный ему съ самаго начала. Не такъ составлялись положенія, обезпечившія собою успѣхъ великой реформы. Говоря, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ [1]), о составѣ губернскихъ совѣщаній, исключительно

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 11 „В. Европы" за 1894 г.

административномъ, мы напомнили о совершенно иномъ составѣ губернскихъ комитетовъ, призванныхъ къ жизни въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Большинство членовъ избиралось здѣсь дворянствомъ; меньшинство хотя и назначалось губернаторомъ, но изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Если губернскіе комитеты представляли собою только одно сословіе, то это объясняется крѣпостнымъ правомъ, тяготѣвшимъ тогда надъ массою крестьянства, и отсутствіемъ всесословныхъ организацій, которыя могли бы быть поставлены рядомъ съ дворянскими собраніями. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ радикально измѣнилось; на мѣсто прежнихъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ ничто не мѣшало поставить комитеты обще-земскіе, съ достаточнымъ участіемъ крестьянскаго элемента, или, по меньшей мѣрѣ, совѣщанія смѣшаннаго состава, отчасти выборнаго, отчасти административнаго. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что трудъ, исполненный при такихъ условіяхъ, отличался бы многосторонностью, откровенностью и близостью къ жизни, немыслимыми въ оффиціальной работѣ. Впрочемъ, пробѣлъ, созданный первоначальнымъ способомъ веденія дѣла, можетъ еще быть пополненъ — и мы не теряемъ надежды на то, что такъ именно и случится. Весьма можетъ быть, что составъ коммиссіи установленъ только на первое время, для выработки проекта реформъ, а не для окончательнаго его обсужденія. Если къ участію въ трудахъ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ юстиціи для пересмотра постановленій по судебной части, призваны, между прочимъ, лица, не принадлежащія къ судебному вѣдомству и даже не занимающія никакого служебнаго положенія, то тѣмъ болѣе умѣстенъ былъ бы аналогичный призывъ въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ пересмотра положеній о крестьянахъ. Техническая сторона работы въ послѣднемъ случаѣ играетъ гораздо ме́ньшую роль, чѣмъ въ первомъ; гораздо больше выступаютъ на первый планъ чисто-практическіе, жизненные вопросы, по которымъ особенно важно узнать мнѣніе не только управляющихъ, но и управляемыхъ. Въ пользу расширенія рамокъ, въ которыхъ подготовляется реформа, говорятъ и традиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, даже при гр. Д. А. Толстомъ нѣсколько разъ выслушивавшаго мѣстныхъ дѣятелей — предсѣдателей земскихъ управъ (въ то время еще не обращенныхъ въ чиновниковъ) и предводителей дворянства. Въ этомъ же прецедентѣ можно найти, впрочемъ, и предостереженіе противъ ошибки, повтореніе которой было бы весьма прискорбно. Призывъ общественныхъ дѣятелей достигаетъ своей цѣли только тогда, когда они дѣйствительно могутъ выразить различные взгляды, существующіе въ обществѣ, и освѣтить спорные вопросы съ такихъ сторонъ, которыя мало доступны для оффиціальнаго изслѣдованія. Это возможно, въ свою очередь, только

при свободномъ выборѣ, идущемъ не сверху, а снизу, т.-е. отъ земскихъ собраній. Лица, на которыхъ останавливается сама администрація, во всемъ существенномъ, обыкновенно, съ нею согласны—и не составляютъ той „altera pars", голосъ которой такъ важно выслушать прежде рѣшенія спорнаго вопроса. „Свѣдущіе люди", участвовавшіе при гр. Д. Толстомъ въ обсужденіи судебно-административной или земской реформы, были призваны не столько для повѣрки ея основныхъ началъ, сколько для ихъ одобренія. Практика восьмидесятыхъ годовъ представляетъ, такимъ образомъ, рѣшительный регрессъ въ сравненіи съ практикой конца пятидесятыхъ годовъ, обезпечивавшей свободу мнѣній—а, слѣдовательно, и всестороннее обсужденіе дѣла... Пока пересмотръ крестьянскихъ положеній не вышелъ еще изъ подготовительной стадіи, большую пользу могло бы принести и обнародованіе отвѣтовъ, данныхъ губернскими совѣщаніями на вопросы министерства внутреннихъ дѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ извлеченій изъ этихъ отвѣтовъ, которыя вѣроятно будутъ составлены дѣлопроизводствомъ коммиссіи, для ея свѣденія и руководства. Необходимость тайны въ данномъ случаѣ едва ли существуетъ—а знакомство со взглядами на крестьянскій вопросъ, распространенными въ мѣстныхъ административныхъ сферахъ, могло бы вызвать множество цѣнныхъ замѣчаній въ печати, особенно провинціальной.

Возставать принципіально противъ привлеченія земскихъ дѣятелей къ участію въ разработкѣ крестьянскаго вопроса могутъ только тѣ органы печати, которымъ хотѣлось бы ограничить роль земства „луженіемъ кастрюль" и „попеченіемъ о чистотѣ больничныхъ рукомойниковъ" (см. „Новый Нарциссъ", Салтыкова). Въ переводѣ на современный газетный языкъ это называется—„хорошимъ, бережливымъ и рачительнымъ завѣдываніемъ тѣми матеріальными отраслями мѣстнаго управленія, въ которыхъ по преимуществу заинтересовано мѣстное населеніе". Безспорно, такое завѣдываніе составляетъ обязанность земства—обязанность существенно-важную, отъ которой оно никогда и не уклонялось; но это еще не значитъ, чтобы земство не было призвано ни къ чему другому, чтобы оно не смѣло простирать свои взгляды дальше и выше *матеріальныхъ* нуждъ населенія. Не къ нимъ однѣмъ пріурочено право ходатайства, данное земству; не ими однѣми вызывается и обусловливается самостоятельная дѣятельность земскихъ учрежденій. Предоставляя земству развитіе *средствъ* народнаго образованія, законъ уполномочилъ его, этимъ самымъ, выбирать средства наиболѣе соотвѣтствующія цѣли, т.-е. входить въ обсужденіе вопросовъ, неразрѣшимыхъ однѣми ариѳметическими выкладками, одними хозяйственными разсчетами. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ отрасляхъ дѣятельности земства. Пре-

досторожностей противъ нарушенія границъ, въ которыя заключено земство, принято болѣе чѣмъ достаточно; толкованіе ихъ въ рестриктивномъ смыслѣ идётъ прямо въ разрѣзъ съ интересами общества и государства. Нельзя ожидать, чтобы единственная всесословная организація, существующая въ Россіи, добровольно обрекла себя на молчаніе о всемъ соприкасающемся съ духовными потребностями народа, да и матеріальнымъ его благосостояніемъ интересовалась бы ровно настолько, насколько оно зависитъ исключительно отъ мѣстныхъ условій. Вполнѣ понятно, что земству одной губерніи незачѣмъ касаться вопросовъ, затрогивающихъ *только* другую губернію; но столь же понятно и то, что вопросъ, относящійся къ двумъ, ко многимъ, ко всѣмъ земствамъ—можетъ быть возбуждаемъ каждымъ изъ нихъ, лишь бы только *мотивы* для его возбужденія были заимствованы изъ мѣстныхъ обстоятельствъ и условій... Большой ошибкой, наконецъ, является предположеніе, что нѣкоторая ширина кругозора мѣшаетъ правильному отправленію будничной работы; напротивъ того, первая скорѣе благопріятна для послѣдней, предупреждая погруженіе съ головой въ житейскія мелочи и неизбѣжно слѣдующее затѣмъ торжество рутины. Въ земствѣ, притомъ, образуется само собою нѣчто въ родѣ раздѣленія труда, благодаря которому ни одна задача не исполняется въ ущербъ другимъ: обсужденіе болѣе общихъ вопросовъ упадаетъ на долю земскихъ собраній (преимущественно—губернскихъ), которымъ помогаютъ подготовительныя коммиссіи, а чисто хозяйственная работа ведется земскими исполнительными органами. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія противополагать земскихъ хозяевъ земскимъ радѣтелямъ о народномъ благѣ; тѣ и другіе идутъ, сплошь и рядомъ, рука объ руку, и такъ называемыя „передовыя" земства являются обыкновенно и земствами „рабочими".

Начавшаяся въ декабрѣ и кое-гдѣ (по случаю всенародной переписи) до сихъ поръ не окончившаяся сессія губернскихъ собраній выдвинула на первый планъ два вопроса, одинъ—старый, другой—новый, по которымъ съ особенною ясностью выразились въ печати взгляды, враждебные земству. Новый вопросъ касается расходовъ обще-государственнаго характера, удовлетворяемыхъ теперь изъ земскихъ средствъ. Въ пензенскомъ губернскомъ собраніи онъ былъ поднятъ самимъ предсѣдателемъ, т.-е. губернскимъ предводителемъ дворянства (г. Гевличемъ). Собраніе, по словамъ г. Гевлича, „отнеслось очень сочувственно къ вопросу о народномъ образованіи, вполнѣ сознавая, что забота о немъ является въ настоящее время главнѣйшей обязанностью земствъ. Губернское земство пошло бы и дальше въ

своихъ заботахъ о народномъ образованіи, чтобы открыть доступъ въ училище всѣмъ желающимъ, но тормазомъ въ этомъ отношеніи является недостатокъ средствъ: земля, главный предметъ обложенія въ пензенской губерніи, до такой степени обременена поземельнымъ сборомъ, что дальнѣйшее повышеніе обложенія повело бы только къ накопленію недоимокъ. Съ другой стороны, чрезвычайно тяжелымъ бременемъ на бюджетѣ земства лежитъ выполненіе обязательныхъ повинностей: квартирной, этапной, подводной и содержанія арестныхъ домовъ. На расходы по нимъ тратится ежегодно губернскимъ и уѣздными земствами 111.000 р. (на квартирное довольствіе полицейскихъ и судебныхъ чиновъ—18.030 р.; на содержаніе уѣздныхъ по воинской повинности присутствій—10.540 р.; на содержаніе домовъ для арестантовъ—9.190 р. 67 к.; на арестно-этапную повинность 1.232 р.; на подводную повинность, въ части, соотвѣтствующей обще-государственной нуждѣ въ ней—70.000 р.). Между тѣмъ, всѣ эти повинности—обще-государственнаго, а не мѣстно-земскаго характера; губернское и уѣздныя земства, расходуя на нихъ громадныя средства, не могутъ, вслѣдствіе этого, тратить сколько было бы необходимо на удовлетвореніе другихъ, хотя и необязательныхъ, однако не менѣе насущныхъ потребностей, какъ, напримѣръ, на народное образованіе". Въ виду этого г. Гевличъ предложилъ губернскому земскому собранію ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи губернскаго и уѣздныхъ земствъ отъ расходовъ на обязательныя повинности ихъ подводную, квартирную, воинскую, этапную и содержанія арестныхъ домовъ и о принятіи этихъ расходовъ на обще-государственныя средства, съ тѣмъ, чтобы суммы, вносимыя въ настоящее время въ смѣту губернскаго и уѣздныхъ земствъ на удовлетвореніе вышеупомянутыхъ повинностей, шли на образованіе спеціальнаго капитала, который расходовался бы на нужды народнаго образованія. Губернское собраніе приняло предложеніе своего предсѣдателя. Аналогичныя постановленія состоялись и въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ казанскомъ и курскомъ, при чемъ въ казанской губерніи сумма обязательныхъ расходовъ, отъ которыхъ могло бы быть освобождено земство, опредѣлена въ 105 тыс., а въ курской губерніи—въ 140 тыс. руб. Въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей" эти ходатайства являются „печальнымъ фактомъ". Земству, по мнѣнію московской газеты, слѣдуетъ разъяснить, „что оно находится къ государству вовсе не въ отношеніяхъ такой независимости, какъ думаютъ, повидимому, земцы. Собственно говоря, нѣтъ *мѣстныхъ* нуждъ, не имѣющихъ *государственнаго* значенія, и нѣтъ *государственныхъ* нуждъ, не имѣющихъ *мѣстнаго* значенія. Уклоняться отъ исполненія какой бы то ни было тягости или службы, на основаніи лишь того, что она имѣетъ характеръ государственный,

значило бы уклониться отъ всѣхъ *мѣстныхъ* дѣлъ. Земство имѣетъ свой кругъ обязанностей, указанныхъ ему въ предѣлахъ данной мѣстности; въ число ихъ входятъ повинности квартирная, этапная и т. д., но исполненіе этихъ обязанностей есть такая же служба *государству*, какъ и *мѣстности*". Отмѣтимъ, прежде всего, противорѣчіе, въ которое газета впадаетъ сама съ собою. Когда идетъ рѣчь о земскихъ ходатайствахъ, она всегда старается установить строгое различіе между нуждами государственными и мѣстными, понимая послѣднія какъ нельзя болѣе узко; когда идетъ рѣчь о земскихъ расходахъ, различіе стушевывается, и все мѣстное является государственнымъ, все государственное—мѣстнымъ. Ближе къ истинѣ, конечно, послѣдній взглядъ; но изъ него вовсе не вытекаетъ заключеніе, съ такою стремительностью провозглашаемое „Московскими Вѣдомостями". *Безусловно-точную* демаркаціонную черту между нуждами—а слѣдовательно и расходами—государственными и мѣстными провести нельзя; тѣмъ не менѣе ихъ различаютъ и западно-европейскія законодательства, и наше, руководствуясь при этомъ *преобладающимъ* характеромъ нужды или расхода. Мѣстными сборами покрываются, обыкновенно, такія потребности, степень и способъ удовлетворенія которыхъ предоставлены въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ усмотрѣнію мѣстнаго самоуправленія. Чѣмъ меньше *обязательныхъ* мѣстныхъ расходовъ, тѣмъ лучше, такъ какъ именно они всего меньше возбуждаютъ самодѣятельность мѣстности. Все непосредственно связанное съ функціями центральнаго правительства всего логичнѣе можетъ быть отнесено на счетъ государственной казны. Съ этой точки зрѣнія ходатайства трехъ губернскихъ земствъ представляются вполнѣ понятными и раціональными. Повинности квартирная (въ смыслѣ уплаты квартирныхъ денегъ чинамъ полиціи и судебнымъ слѣдователямъ) и подводная (насколько она связана съ разъѣздами тѣхъ же должностныхъ лицъ) имѣютъ прямое отношеніе къ такимъ отраслямъ управленія, которыя всецѣло находятся въ рукахъ администраціи. Если судебный слѣдователь, исправникъ, становой приставъ, получая жалованье, столовыя, наградныя, пенсіи отъ правительства, снабжаются квартирными деньгами отъ земства, то это объясняется исключительно тѣмъ, что прежде всѣмъ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ отводились квартиры въ натурѣ [1]), а натуральная квартирная повинность принадлежала къ числу повинностей земскихъ, перешедшихъ, при открытіи земскихъ учрежденій, въ вѣденіе земства. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о подводной повинности, уже теперь замѣненной

[1]) Такой отводъ практикуется иногда и теперь, но въ видѣ исключенія.

во многихъ мѣстахъ разъѣздными деньгами, уплачиваемыми земствомъ. Разъѣздныя деньги—одинъ изъ видовъ вознагражденія должностного лица: если это должностное лицо состоитъ на службѣ по одной изъ отраслей *управленія*, то всего естественнѣе принять на казенный счетъ *всѣ* расходы, обусловливаемые его служебнымъ положеніемъ... Прецедентомъ, оправдывающимъ земскія ходатайства, можетъ служить законъ 1-го іюня 1895 г., освободившій земство отъ расходовъ по содержанію судебно-административныхъ учрежденій (замѣнившихъ собою мировой судъ и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ) и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Мировые судьи и непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій выбирались земскими собраніями; этимъ обусловливалось и производство имъ содержанія изъ земскихъ сборовъ. Когда ихъ мѣсто заняли учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ земствомъ, въ земскіе бюджеты, тѣмъ не менѣе, обязательно продолжали вноситься суммы, прежде шедшія на мировой судъ и крестьянскія присутствія. Эта аномалія устранена закономъ 1-го іюня. Главною его цѣлью служило, быть можетъ, улучшеніе земскихъ дорогъ, но не случайно же было выбрано средство для достиженія этой цѣли: не случайно расходъ, обще-государственный по своему свойству, былъ перенесенъ въ разрядъ обще-государственныхъ и по источнику производства. Что̀ же удивительнаго въ томъ, что земства возбуждаютъ ходатайства о мѣрѣ, служащей какъ бы логическимъ продолженіемъ закона 1-го іюня 1895 г.? Гдѣ въ такихъ ходатайствахъ признакъ стремленія къ *независимости отъ государства*? Въ чемъ измѣнилось бы отношеніе земства къ центральной власти, еслибы правительство нашло возможнымъ исполнить просьбу пензенскаго, курскаго и казанскаго земства?.. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что негодованіе „Московскихъ Вѣдомостей" вызвано не столько попыткой измѣнить распредѣленіе земскихъ и обще-государственныхъ расходовъ, сколько желаніемъ земства обратить сбереженныя суммы на народное образованіе, на ненавистныя обскурантамъ земскія школы [1]).

---

[1]) Кромѣ освобожденія земства отъ расходовъ обще-государственнаго характера, есть еще другой способъ увеличить свободныя средства земства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и его расходы на народное образованіе: это — предоставленіе земству части налоговъ, взимаемыхъ на обще-государственныя потребности (напр., акцизныхъ сборовъ, налога съ наслѣдствъ, налога на процентныя бумаги и т. п.). Ходатайствовать объ этомъ передъ правительствомъ предложилъ тамбовскому губернскому земскому собранію гласный (тамбовскій уѣздный предводитель дворянства) В. М. Петрово-Соловово. Собраніе согласилось съ нимъ въ принципѣ и выбрало коммиссію для

Старый, но вновь обострившійся вопросъ касается отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ. Въ послѣднее время во многихъ земскихъ губерніяхъ возникаетъ или даже осуществляется мысль о содѣйствіи губернскаго земства организаціи всеобщаго начальнаго обученія. Къ земствамъ московскому и вятскому, плодотворная дѣятельность которыхъ извѣстна нашимъ читателямъ, присоединилось недавно тамбовское, рѣшивъ возмѣщать уѣздамъ 20% ихъ затратъ на народное образованіе. Противъ этого рѣшенія протестовалъ гласный А. Н. Чичеринъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, а гласный Ломоносовъ объявилъ его даже противорѣчащимъ закону. Въ „Новомъ Времени" приведены отрывки изъ рѣчи г. Чичерина, выясняющей основанія его протеста. Онъ назвалъ себя „убѣжденнымъ защитникомъ самостоятельности и самодѣятельности уѣздныхъ земствъ", противникомъ „регулирующей" роли губернскаго земства. Участіе губернскаго земства въ расходахъ на народное образованіе г. Чичеринъ допускаетъ, но съ строгимъ разграниченіемъ его дѣятельности отъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ. На губернскій счетъ можетъ быть принято, напримѣръ, учрежденіе эмеритальной кассы для народныхъ учителей и добавочное ихъ вознагражденіе, сообразно числу учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ земской школѣ. Осуществить проектъ, принятый большинствомъ собранія, значитъ, по мнѣнію г. Чичерина, „взять денегъ у тѣхъ, кто плохо ведетъ дѣло начальнаго обученія, и дать тѣмъ, у кого оно идетъ хорошо", т.-е. допустить явную несообразность. Въ лучшемъ случаѣ получилось бы „простое перекладыванье земскихъ средствъ изъ одного кармана въ другой, такъ какъ губернскій сборъ взимается съ тѣхъ же уѣздовъ". Образъ дѣйствій, признанный цѣлесообразнымъ по отношенію къ начальной школѣ, можетъ быть примѣненъ, затѣмъ, и къ земской медицинѣ: вѣдь ея развитіе также неравномѣрно въ разныхъ уѣздахъ. Въ концѣ концовъ уѣздныя земства станутъ, такимъ образомъ, „простыми агентами губернской земской управы".—Замѣтимъ, прежде всего, что г. Чичеринъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: еслибы установлено было дополнительное, на губернскій счетъ, вознагражденіе учителей за каждаго ученика, окончившаго курсъ въ земской школѣ, то самыя большія суммы пришлись бы на долю уѣздовъ, гдѣ всего больше земскихъ школъ, и они получили бы, фактически, субсидію изъ средствъ

детальной разработки и мотивировки ходатайства. Воронежское губ. земское собраніе постановило ходатайствовать объ отчисленіи изъ акцизныхъ поступленій по воронежской губерніи 1% на нужды народнаго образованія. Мы вполнѣ сочувствуемъ подобнымъ ходатайствамъ, но думаемъ, что они нисколько не идутъ въ разрѣзъ съ ходатайствами казанскимъ, пензенскимъ и курскимъ, болѣе простыми и легче осуществимыми.

уѣздовъ, менѣе заботящихся о народномъ образованіи. Въ нашихъ глазахъ здѣсь нѣтъ ничего несправедливаго—но какъ согласить подобный результатъ съ исходной точкой г. Чичерина?.. Система, принятая тамбовскимъ губернскимъ земствомъ, неизбѣжно должна привести къ увеличенію уѣздныхъ расходовъ на начальное обученіе, въ особенности тамъ, гдѣ они въ настоящее время несоразмѣрно низки —но въ этомъ слѣдуетъ видѣть не слабую, а сильную ея сторону. Такіе контрасты, какъ между козловскимъ уѣздомъ, гдѣ на 1000 мужчинъ приходится 50 учащихся мальчиковъ, и елатомскимъ,—гдѣ послѣдняя цифра *вдесятеро* меньше, слишкомъ анормальны, чтобы можно было смотрѣть на нихъ сложа руки—и однимъ изъ лучшихъ средствъ къ ихъ устраненію является именно *косвенное* (т.-е. не принудительное) побужденіе отставшихъ уѣздовъ къ открытію новыхъ школъ и улучшенію существующихъ. Когда неравенство сгладится, о „простомъ перекладываніи суммъ изъ одного кармана въ другой" все-таки не будетъ рѣчи, потому что средства уѣздовъ далеко не одинаковы: покрытіе части уѣздныхъ расходовъ изъ губернскаго сбора равносильно помощи болѣе богатыхъ уѣздовъ болѣе бѣднымъ — помощи вполнѣ законной и справедливой. Хотя въ тамбовской губерніи и нѣтъ городскихъ центровъ первостепенной важности, но такіе города какъ Тамбовъ, Козловъ, Моршанскъ, Борисоглѣбскъ все же вносятъ въ земскія кассы довольно крупныя суммы, часть которыхъ и пойдетъ на пользу бѣднѣйшихъ уѣздовъ. Какимъ образомъ, наконецъ, пропорціональное участіе губернскаго земства въ уѣздныхъ расходахъ по начальному обученію (или по земской медицинѣ) можетъ обратить уѣздныя земства въ „простыхъ агентовъ губернской земской управы"? Вѣдь распоряженіе школами (или больницами), хотя бы и содержимыми, отчасти, изъ суммъ губернскаго сбора, остается всецѣло въ рукахъ уѣздныхъ земствъ: открывать и переводить школы, снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ, строить и перестраивать школьныя зданія, выбирать преподавателей—они будутъ, какъ и прежде, по собственному усмотрѣнію, не ограниченному согласіемъ губернской земской управы. Какъ и г. Чичеринъ, мы стоимъ за самостоятельность и самодѣятельность уѣздныхъ земствъ—но не видимъ для нихъ никакой опасности отъ вступленія на путь, избранный тамбовскимъ губернскимъ земствомъ.

Постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія послужило для реакціонной печати желаннымъ поводомъ къ возобновленію давно начатаго ею похода противъ расширенія дѣятельности губернскихъ земствъ. Настоящія побужденія этого похода, не имѣю-

щаго, конечно, ничего общаго съ оппозиціей г. Чичерина, никогда еще, кажется, не обнаруживались такъ наглядно, какъ въ недавней статьѣ преобразованныхъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 359). Громко вопія противъ „тенденціи къ централизаціи", господствующей, будто бы, въ новѣйшемъ фазисѣ земскихъ начинаній, предсказывая „полное поглощеніе уѣздныхъ земствъ губернскими", московская газета разсуждаетъ такъ: „собственно начальную школу долженъ былъ бы содержать тотъ округъ или та группа населенія, которая этою школой пользуется. Такого спеціальнаго административнаго дѣленія у насъ нѣтъ, и создавать его вновь для однѣхъ нуждъ начальнаго образованія не представляется надобности. Наиболѣе близкими, затѣмъ, окружными единицами являются у насъ *приходъ* и *волость*. Къ одной изъ нихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и должна была бы быть по настоящему, согласно истинной идеѣ самоуправленія, пріурочена начальная школа. На долю уѣзднаго земства при этомъ должно было бы пасть содержаніе школъ, предназначенныхъ для населенія всего уѣзда—сельско-хозяйственныхъ, техническихъ и т. п., а на долю губернскаго земства—школъ, въ которыхъ обучалось бы юношество со всей губерніи: среднихъ профессіональныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и т. п. Вотъ, въ двухъ словахъ, естественная, справедливая и возможная система участія мѣстнаго населенія въ хозяйственной сторонѣ народнаго образованія... Земскія учрежденія перевернули эту систему вверхъ дномъ. Уѣздныя земства насильно вырвали школьное дѣло у волостей и приходовъ; точно также насильно губернское земство "вырываетъ теперь школу у земствъ уѣздныхъ". Дальше идутъ обвиненія земства въ желаніи убить „истинную общественную самодѣятельность", въ стремленіи „все нивеллировать, все подгонять къ одной мѣркѣ, все вершить изъ одного центра": земству приписывается — horribile dictu—„демократическій деспотизмъ"!.. Въ пылу усердія московская газета совершенно пренебрегла золотымъ правиломъ о „знаніи мѣры": оно должно было бы напомнить ей, что *насильно вырвать* у кого-нибудь можно лишь нѣчто дѣйствительно ему принадлежащее. Когда началась земская работа въ области народнаго образованія, у волостей и приходовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе не было школъ, или онѣ существовали только по имени. Земство ни у кого ничего не отнимало, а все создавало вновь, постоянно призывая къ себѣ на помощь волости, сельскія общества, частныхъ лицъ. Если оно рѣдко пользовалось содѣйствіемъ приходовъ, то исключительно потому, что единственная форма приходской организаціи — церковно-приходское попечительство—существовала (да и теперь существуетъ) далеко не вездѣ и, за недостаткомъ средствъ, ограничивалась обыкновенно по-

печеніемъ о приходскомъ храмѣ. Еслибы земство, усвоивъ себѣ теорію „Московскихъ Вѣдомостей“, всецѣло предоставило заботу о начальной школѣ волости и приходу, то у насъ едва ли насчитывалась бы теперь и одна десятая часть училищъ, которыми, въ послѣднія тридцать лѣтъ, покрылась русская земля. Охотно давать средства на устройство или поддержку начальныхъ школъ крестьяне стали только съ тѣхъ поръ, какъ наглядно убѣдились въ пользѣ образованія—а убѣдились они въ ней благодаря земской школѣ... Съ узко-эгоистической точки зрѣнія, проводимой „Московскими Вѣдомостями“, волость и приходъ, предоставленные своимъ собственнымъ средствамъ и собственной иниціативѣ, имѣли бы полное основаніе вовсе отказаться отъ учрежденія школы, разсуждая такъ: одной школы мало для цѣлой волости или цѣлаго прихода—а учредить школы въ такомъ числѣ, чтобы ими могло пользоваться все населеніе, не по средствамъ мелкой территоріальной единицѣ. Въ лучшемъ случаѣ дѣло свелось бы къ учрежденію школъ грамоты, т.-е. низведенію народнаго образованія на самую низшую ступень, мало чѣмъ отличающуюся отъ полнаго отсутствія начальной школы [1]). Не было бы, затѣмъ, и прочнаго фундамента для школъ, относимыхъ „Московскими Вѣдомостями“ къ вѣденію уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, т.-е. для профессіональныхъ училищъ, среднихъ и низшихъ, для учительскихъ семинарій и т. п.; приготовлять къ нимъ крестьянскихъ дѣтей волостныя и приходскія школы оказались бы безсильными... Схема московской газеты грѣшитъ, наконецъ, непослѣдовательностью. Если содержаніе школы должно упадать только на населеніе, ею пользующееся, то къ участію въ расходахъ на профессіональныя училища, помѣщающіяся въ городахъ, слѣдуетъ привлекать преимущественно городское населеніе, а уѣздныхъ жителей—лишь въ той пропорціи, въ какой данная мѣстность представлена въ училищѣ. Нѣтъ, далѣе, никакого основанія принимать на государственный счетъ издержки по содержанію гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній; даже высшія учебныя заведенія правильнѣе содержать на счетъ тѣхъ частей имперіи, которыя ими всего болѣе пользуются. Послѣднимъ словомъ доктрины: chacun pour soi, проповѣдуемой „Московскими Вѣдомостями“, было бы содержаніе каждаго учебнаго заведенія, безъ различія между высшими, средними и низшими, на средства родителей или родственниковъ учащихся. И дѣйствительно, если губерніи нѣтъ дѣла до уѣздовъ, уѣзду — до волостей, то одному сельскому обществу точно

---

[1]) Не совсѣмъ безполезными школы грамоты могутъ быть только подъ условіемъ тѣсной ихъ связи съ правильно организованною начальной школой, для которой въ системѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ не оказывается мѣста.

также нѣтъ дѣла до другихъ, сосѣднихъ, а внутри общества безбрачнымъ или бездѣтнымъ его членамъ нѣтъ дѣла до тѣхъ, у которыхъ есть дѣти школьнаго возраста. То же разсужденіе можно продолжить ad infinitum, скрашивая его громкимъ словомъ: *самодѣятельность*, т.-е. какъ можно больше, подъ предлогомъ расширенія частной иниціативы, стѣсняя кругъ дѣйствій общественныхъ учрежденій. Способствуютъ ли „самодѣятельности" наше прошедшее, наше настоящее, наши привычки и наши законы—на этомъ вопросѣ обличители „демократическаго деспотизма" не останавливаются, потому что имъ нужно, въ сущности, вовсе не развитіе дѣятельности отдѣльныхъ лицъ (или добровольныхъ союзовъ), а ограниченіе дѣятельности органовъ самоуправленія...

Ничего общаго съ измышленіями нашихъ газетныхъ реакціонеровъ не имѣютъ, къ счастію, взгляды уѣздныхъ земствъ. Въ содѣйствіи губернскихъ земствъ уѣзды видятъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, нѣчто весьма желательное и цѣнное, и часто сами о немъ просятъ. Уѣзды, имъ не пользующіеся, не считаютъ себя обиженными сравнительно съ другими. Въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній (майскомъ) мы говорили о предстоящемъ введеніи въ московской губерніи всеобщаго начальнаго обученія, на общія средства земствъ губернскаго и уѣздныхъ. Уѣздныя земства усердно помогаютъ губернскому въ достиженіи этой цѣли,—и, что̀ всего замѣчательнѣе, движеніе впередъ замѣтно не только въ уѣздахъ, за которыми признано право на губернскую помощь, но и въ уѣздахъ, на которые она не распространяется. Московскій уѣздъ, напримѣръ, нисколько не тяготится тѣмъ, что отъ него, какъ одного изъ наиболѣе богатыхъ, ожидается только ничѣмъ не вознаграждаемая приплата въ губернскія средства—и открываетъ *двадцать шесть* новыхъ школъ. Уѣзды верейскій и подольскій доводятъ число школъ именно до того уровня, начиная съ котораго они получаютъ право на помощь губернскаго земства. Изъ уѣздовъ, за которыми это право признано было еще въ прошломъ году, звенигородскій уѣздъ увеличиваетъ число своихъ школъ *десятью*, можайскій—*семью*, клинскій—*пятью*, волоколамскій и дмитровскій—*тремя*. Въ уѣздахъ богородскомъ, бронницкомъ, клинскомъ (за первыми двумя право на помощь со стороны губернскаго земства не признано) идетъ усиленная подготовительная работа по расширенію школьной сѣти. Въ виду такихъ фактовъ, смѣшными и жалкими кажутся попытки „Московскихъ Вѣдомостей" затормазить участіе губернскихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія, а этимъ самымъ—и распространеніе начальнаго обученія.

Противодѣйствуя изо всѣхъ силъ развитію земской школы, реак-

ціонная печать думаетъ этимъ сослужить службу школѣ церковно-приходской. Не говоря уже о томъ, что у насъ въ Россіи достаточно мѣста для школъ всѣхъ категорій и наименованій, искусственная поддержка церковно-приходской школы, въ ущербъ земской, слишкомъ часто ведетъ къ употребленію средствъ борьбы, менѣе всего желательныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Яркимъ примѣромъ этому можетъ служить инцидентъ, недавно происшедшій въ курскомъ губ. земскомъ собраніи. Коммиссія по народному образованію, выбранная курскимъ губ. земствомъ, изложила результатъ своихъ изслѣдованій въ книгѣ, розданной гласнымъ. Присутствовавшій въ собраніи наблюдатель за школами духовнаго вѣдомства, от. Каплинскій, старался доказать, что эта книга составлена тенденціозно и содержитъ въ себѣ невѣрныя свѣденія: въ ней сообщаются, напримѣръ, данныя за 1895 г., между тѣмъ какъ въ моментъ ея составленія возможно было получить данныя только за 1894 г. Оказалось, однако, что составители книги руководствовались именно свѣденіями за 1895-96 г., оффиціально сообщенными епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ и всѣми его уѣздными отдѣленіями! Опровергались, съ разныхъ сторонъ, и другія увѣренія от. Каплинскаго. Гласные, ему возражавшіе, выяснили собранію, что распространеніе школъ духовнаго вѣдомства совершается при условіяхъ, неблагопріятно отзывающихся на ходѣ дѣла народнаго образованія. Духовенство употребляетъ всѣ усилія *захватить пункты*, чтобы поменьше оставить ихъ для школъ земскихъ—а такъ какъ средствъ у духовнаго вѣдомства не имѣется, то большинство этихъ училищъ совершенно не выдерживаетъ критики. Указано было на селенія, гдѣ уже построены земскія школы, но открыть ихъ не представляется возможности, такъ какъ духовное вѣдомство, желая воспрепятствовать возникновенію земскихъ школъ, превратило въ тѣхъ селеніяхъ жалкія школы грамоты въ церковно-приходскія (по имени). Все это до крайности печально... Попытки повредить земству, выставивъ его систематическимъ противникомъ церковной школы, нерѣдко проникаютъ и въ печать. Въ „Гражданинѣ“ (№ 88), напримѣръ, была напечатана сенсаціонная замѣтка: „Либеральные земцы и православное духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія“, взводившая цѣлый рядъ обвиненій на земскихъ дѣятелей богородицкаго уѣзда (тульской губерніи). Изъ возраженія богородицкой уѣздной земской управы, напечатаннаго въ томъ же „Гражданинѣ“ (№ 99), видно, что во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ нѣтъ ни слова правды. Богородицкое земство принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оказываютъ сравнительно немалую помощь школамъ духовнаго вѣдомства—но даже и это не оградило его отъ усердія добровольцевъ, вездѣ и во всемъ

видящихъ признаки неблагонадежности или вольнодумства... Есть еще другой пріемъ, излюбленный врагами свѣтской школы: ея защитникамъ приписывается вѣра въ абсолютную, самодовлѣющую силу просвѣщенія—и затѣмъ приводятся факты, свидѣтельствующіе о совмѣстимости образованія съ жестокостью и нравственною черствостью. Въ этомъ смыслѣ эксплуатируется, напримѣръ, варварскій поступокъ (сожженія восьми туземцевъ), совершенный недавно въ Египтѣ англійскимъ полицейскимъ офицеромъ. Упускается здѣсь изъ виду только одно: подобно тому какъ грамотность—ступень къ знанію, но еще не самое знаніе, такъ и просвѣщеніе—ступень къ всестороннему душевному развитію, но еще не самое развитіе. Конечно, распространеніе грамотности и даже просвѣщенія не совершитъ чудесъ, не прекратитъ всѣхъ золъ и всѣхъ напастей; но столь же несомнѣнно и то, что оно является *однимъ изъ условій*, необходимыхъ для наступленія лучшаго будущаго...

Когда, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, учреждена была редакціонная коммиссія для составленія проекта уголовнаго уложенія, извѣстіе объ этомъ возбудило большія, радостныя надежды. Недостатки нашего дѣйствующаго уголовнаго законодательства давно уже успѣли войти въ пословицу; особенно тяжело они чувствовались со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, затрудняя на каждомъ шагу отправленіе правосудія, и больше всего—дѣятельность суда присяжныхъ. Частныя поправки и передѣлки приносили мало пользы; существенной перемѣны къ лучшему можно было ожидать только отъ новаго кодекса. Много хорошаго обѣщалъ также усвоенный коммиссіею пріемъ разсылки ея работъ, допускавшій возможность гласнаго ихъ разбора. Проектъ общей части уложенія, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ концѣ 1882 г., былъ сочувственно принятъ какъ въ нашей, такъ и въ заграничной печати. Замѣчаній противъ отдѣльныхъ статей было сдѣлано немало, и нѣкоторыя изъ нихъ повлекли за собою соотвѣтственныя перемѣны въ предположеніяхъ коммиссіи; но общій тонъ отзывовъ былъ рѣшительно хвалебный. Два года спустя съ такимъ же почти одобреніемъ была встрѣчена глава о преступленіяхъ противъ личности. Гораздо менѣе единодушной оказалась оцѣнка главы объ имущественныхъ преступленіяхъ, оконченной вчернѣ, въ 1886 г. Съ тѣхъ поръ интересъ печати къ дальнѣйшимъ трудамъ коммиссіи значительно ослабѣлъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ оставались не оглашенными до самаго окончанія работы. Въ 1895 г., законченный проектъ уложенія былъ представленъ въ министерство юстиціи и вслѣдъ затѣмъ напечатанъ цѣликомъ въ журналѣ министерства. Это

послужило поводомъ къ возобновленію критической оцѣнки, направленной отчасти на отдѣльныя постановленія проекта, отчасти на всю его совокупность. Измѣнилось въ большинствѣ случаевъ и самое свойство критики, теперь гораздо менѣе, чѣмъ прежде, благопріятной для проекта. Въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что всего слабѣе въ проектѣ именно нѣкоторыя изъ главъ, раньше не подлежавшихъ обсужденію въ печати. Не зная цѣлаго, нельзя было, притомъ, судить о согласованности отдѣльныхъ частей работы, о послѣдовательности проведенія началъ, положенныхъ въ ея основу. Извѣстную долю порицаній слѣдуетъ, наконецъ, поставить на счетъ реакціи, болѣе или менѣе неизбѣжной: было время, когда проектъ слишкомъ хвалили—теперь къ нему относятся иногда съ чрезмѣрною строгостью. Спѣшимъ прибавить, что послѣдняя крайность лучше первой: изъ осужденія, даже преувеличеннаго, часто можно извлечь долю пользы—а между осужденіями, которымъ въ послѣднее время подвергся проектъ уложенія, немало найдется и справедливыхъ.

Всего менѣе существенны, въ нашихъ глазахъ, тѣ недостатки проекта, которые имѣютъ чисто отвлеченный характеръ, т.-е. уменьшаютъ только логическую стройность закона, не внося въ его составъ ничего несправедливаго, опаснаго или вреднаго. Таково, напримѣръ, установляемое проектомъ, по образцу Германіи и Франціи, трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній: *преступленіями* (crimes, Verbrechen) признаются дѣянія, влекущія за собою (какъ высшее наказаніе) смертную казнь, каторгу или поселеніе; *проступками* (délits, Vergehen)—дѣянія, караемыя исправительнымъ домомъ, заточеніемъ или тюрьмою; *нарушеніями* (contraventions, Uebertretungen)—дѣянія, караемыя арестомъ или денежной пеней. Противъ этого дѣленія съ особенною силой возстаетъ В. В. Пржевальскій, этюдъ котораго, озаглавленный: „Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права" („Журналъ Юридическаго Общества", декабрь 1896 и январь 1897 г.), занимаетъ, вмѣстѣ съ статьей Н. М. Соколовскаго: „Уголовное уложеніе, по поводу проекта редакціонной коммиссіи" („Русское Богатство", май 1896 г.), самое выдающееся мѣсто между новѣйшими критическими работами, вызванными проектомъ.—Съ теоретической точки зрѣнія трехчленное дѣленіе, по мнѣнію г. Пржевальскаго, не выдерживаетъ никакой критики: преступленія сплошь и рядомъ оказываются менѣе тяжкими, чѣмъ проступки, какъ по своему внутреннему свойству, такъ и по своей наказуемости (при замѣнѣ высшаго наказанія другимъ, менѣе строгимъ). Гораздо правильнѣе дѣленіе двухчленное — на *преступленія*, въ смыслѣ неправды уголовной, и *нарушенія*, въ смыслѣ неправды полицейской. Практическихъ выгодъ трехчленное дѣленіе также не представляетъ. Обусловливать

собою подсудность уголовныхъ дѣлъ оно не можетъ: суду присяжныхъ всегда и вездѣ подвѣдомственны не одни только преступленія; суду безъ участія присяжныхъ—не одни лишь проступки; суду мировому или мѣстному—не одни лишь нарушенія. Остается, затѣмъ, только удобство терминологіи, т. е. возможность обнимать однимъ словомъ цѣлую группу преступныхъ дѣяній (говорить, напримѣръ, что покушеніе на *преступленіе* наказуемо всегда, а покушеніе на *нарушеніе*—никогда); но преимущество и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать двухчленному дѣленію, при которомъ всѣ нарушенія, вмѣстѣ съ легкими случаями уголовной неправды, могутъ быть сгруппированы въ одно цѣлое, къ большому облегченію мѣстнаго суда. Нѣкоторые изъ доводовъ г. Пржевальскаго совершенно основательны, и защищать, въ принципѣ, трехчленное дѣленіе мы не станемъ; мы только не можемъ признать его предметомъ первостепенной важности. Если нравственное чувство народа возмущается несоразмѣрностью наказанія съ преступнымъ дѣяніемъ, то это объясняется не тѣмъ или другимъ наименованіемъ дѣянія, а самымъ фактомъ противорѣчія между требованіями нравственности и требованіями закона. Важно не то, что похищеніе грошовой свѣчки, освященной употребленіемъ при богослуженіи (беремъ одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ г. Пржевальскимъ), называется (при трехчленномъ дѣленіи) *преступленіемъ*, а злостное банкротство на нѣсколько милліоновъ — *проступкомъ*; важно то, что первое наказывается каторгой, а второе—только исправительнымъ домомъ. При двухчленномъ дѣленіи и то, и другое одинаково называлось бы *преступленіемъ* — но еслибы наказанія, въ обоихъ случаяхъ, остались тѣ же, то развѣ отъ одной перемѣны названій исчезла бы аномалія, справедливо поражающая г. Пржевальскаго? Вѣдь не кара зависитъ отъ имени, а, наоборотъ, имя—отъ кары. Что разбросанность нарушеній по всему уложенію затруднитъ пользованіе имъ со стороны мѣстныхъ судовъ, вѣдающихъ преимущественно нарушенія—это совершенно вѣрно: но вѣдь нарушенія могутъ быть соединены въ одну главу и при трехчленномъ дѣленіи преступныхъ дѣяній—и къ такому соединенію скоро, по всей вѣроятности, приведетъ практическая потребность. Ни при какомъ дѣленіи, однако, глава о нарушеніяхъ не можетъ, сама по себѣ взятая, съиграть ту роль, какая принадлежала у насъ до сихъ поръ уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями — не можетъ обратиться въ кодексъ, исчерпывающій собою *всю* карательную дѣятельность мѣстнаго или мирового суда. Чтобы дать главѣ о нарушеніяхъ значеніе такого кодекса, г. Пржевальскій предлагаетъ включить въ нее *легкіе случаи уголовной неправды*—т. е. отступаетъ, съ формальной стороны, отъ принципа двухчленнаго дѣленія. Съ той же практи-

ческой точки зрѣнія пришлось бы, неизбѣжно, допустить еще одно отступленіе отъ системы: выдѣлить, изъ главы о нарушеніяхъ, нарушенія особенно важныя, влекущія за собою тяжкую ответственность и неподсудныя мѣстному суду (напр. нарушеніе нѣкоторыхъ постановленій, ограждающихъ общественную безопасность). Итакъ, требованія логики и соображенія удобства не совпадаютъ между собою ни при трехчленномъ дѣленіи, ни при двухчленномъ, а искусственное ихъ согласованіе возможно и при томъ, и при другомъ, насколько ему не препятствуютъ условія, лежащія внѣ уголовнаго кодекса. Пока у насъ существуетъ, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и съ нынѣшней своей компетенціей, судъ земскихъ начальниковъ и волостной судъ, до тѣхъ поръ немыслимо правильное примѣненіе уголовныхъ законовъ,—все равно, какая бы ни была принята въ нихъ классификація преступныхъ дѣяній.

Не можемъ мы присоединиться къ г. Пржевальскому и въ нападеніяхъ его на постановленія проекта о соучастіи—не можемъ присоединиться къ нимъ не потому, чтобы признавали ихъ неправильности по существу (подробный ихъ разборъ, съ этой точки зрѣнія, былъ бы умѣстенъ только въ спеціальномъ журналѣ), а потому, что не придаемъ спорному вопросу того значенія, какое приписываетъ ему г. Пржевальскій. Статьи проекта о соучастіи, отличаясь, особенно въ сравненіи съ дѣйствующимъ уложеніемъ, сжатостью и простотою, даютъ суду, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, возможность приспособить наказаніе къ мѣрѣ и характеру вины каждаго изъ участниковъ преступленія. „Индивидуальная отвѣтственность", т.-е. соразмѣрность наказанія *только* съ дѣйствіями *самого* наказуемаго, вполнѣ осуществима и на почвѣ правилъ, установляемыхъ проектомъ. Соучастіе, по смыслу проекта, имѣетъ мѣсто при завѣдомомъ дѣйствіи съобща или при соглашеніи на учиненіе дѣйствія. Если кто-либо завѣдомо помогалъ только совершенію кражи, а его сообщникъ, совершая кражу, посягнулъ на чью-либо жизнь, то на основаніи проекта, какъ и въ силу принципа индивидуальной отвѣтственности, первый будетъ наказанъ только за кражу, а не за убійство. Просторъ въ выборѣ наказанія, при участіи нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же преступномъ дѣяніи, предоставленъ суду весьма большой, и никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ справедливому распредѣленію отвѣтственности проектъ не представляетъ. Что предлагаетъ норвежскій юристъ (Гётцъ), которому, по мнѣнію г. Пржевальскаго, удалось найти наиболѣе правильное разрѣшеніе вопроса о соучастіи? Онъ предлагаетъ признать, что всякій содѣйствующій преступленію подлежитъ наказанію, понижаемому для тѣхъ, чье содѣйствіе обусловливалось ихъ зависимымъ положеніемъ или

было сравнительно незначительнымъ. Отъ редакціи проекта это предложеніе отличается, помимо нѣсколько бо̀льшей простоты изложенія, только тѣмъ, что для пониженія наказанія у Гётца указано два повода, а въ проектѣ—одинъ (несущественность содѣйствія). Разница— не особенно большая, тѣмъ болѣе, что „зависимое положеніе" и у насъ можетъ быть принято во вниманіе судомъ, какъ обстоятельство, уменьшающее вину и наказаніе.

Безусловно правымъ, зато, г. Пржевальскій кажется намъ тогда, когда онъ сожалѣетъ о непринятіи проектомъ нѣкоторыхъ нововведеній, цѣлесообразность которыхъ доказана опытомъ западной Европы и внѣ-европейскихъ государствъ. Сюда относится, напримѣръ, *условное осужденіе*, т.-е. оставленіе приговора безъ исполненія, если приговоренный не совершитъ, въ теченіе опредѣленнаго (въ Бельгіи, напримѣръ—пятилѣтняго) срока, новаго преступнаго дѣянія. Когда редакціонная коммиссія начинала свою дѣятельность, условное осужденіе существовало только въ немногихъ странахъ, и свѣденій о его результатахъ было еще немного: теперь оно получило очень широкое распространеніе и примѣняется съ большимъ успѣхомъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, только 3%, въ Англіи—только $6^1/_2$% условно осужденныхъ совершили, въ періодъ испытанія, новыя правонарушенія; между тѣмъ, число такихъ осужденныхъ доходитъ въ Бельгіи до 132 тысячъ. Нетрудно сообразить, сколько дней тюрьмы или ареста сберегло бы условное осужденіе у насъ, какую экономію силъ и средствъ оно доставило бы и частнымъ лицамъ, и государству. Время еще не упущено: ввести въ проектъ условное осужденіе возможно безъ всякой его ломки [1]). Весьма полезно было бы, далѣе, узаконить замѣну денежныхъ взысканій, при несостоятельности къ ихъ уплатѣ, не только арестомъ, но и отработкою на публичныхъ работахъ (государственныхъ, земскихъ, городскихъ—и, прибавимъ отъ себя, волостныхъ или сельскихъ), безъ лишенія свободы. Г. Пржевальскій указываетъ на то, что такой порядокъ практикуется въ швейцарскомъ кантонѣ Ваадтъ и въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ, принятъ проектомъ швейцарскаго уложенія и рекомендованъ международнымъ союзомъ уголовнаго права (на съѣздѣ 1891 г.). Прибавимъ къ этому, что у насъ въ Россіи замѣна денежныхъ взысканій отдачей въ общественныя работы допущена закономъ (Временныя правила 1889 г., ст. 40) для волостныхъ судовъ; тѣмъ легче ввести ее и въ сферу дѣйствій общихъ судебныхъ установленій... Редакціонная коммиссія не только не вводитъ новыхъ мѣръ, которыми могло бы

---

[1]) Доводы въ пользу условнаго осужденія—см. во Внутр. Обозрѣніи № 5 „Вѣстн. Европы" за 1890 г.

быть уменьшено число случаевъ лишенія свободы, но отказывается отъ существующихъ уже средствъ достиженія этой цѣли: она исключаетъ изъ числа общихъ наказаній *выговоръ*, сохраняя его, въ формѣ „внушенія", только для малолѣтнихъ, какъ замѣну ареста или денежной пени. Мы думаемъ, вмѣстѣ съ г. Пржевальскимъ, что выговоръ далеко не безполезенъ въ общей системѣ наказаній, особенно въ связи съ денежнымъ поручительствомъ, какъ это установлено итальянскимъ уголовнымъ уложеніемъ [1]). Репрессивной силой онъ обладалъ бы во многихъ случаяхъ отнюдь не меньшей, чѣмъ арестъ на нѣсколько дней или небольшое денежное взысканіе.

Проектъ редакціонной коммиссіи установляетъ шесть видовъ лишенія или ограниченія свободы: каторгу, поселеніе, исправительный домъ, заточеніе, тюрьму, арестъ. Разбирая, въ свое время, первую главу проекта, мы выразили мнѣніе, что чѣмъ меньше различныхъ типовъ лишенія свободы, тѣмъ легче достигнуть дѣйствительнаго и повсемѣстнаго ихъ осуществленія. Намъ казалось и кажется возможнымъ слить каторгу съ исправительнымъ домомъ (какъ это сдѣлано въ Германіи и Австріи), подчинивъ осужденныхъ на болѣе продолжительные сроки и болѣе суровому режиму, въ родѣ намѣчаемаго проектомъ для каторги [2]). Г. Пржевальскій предлагаетъ другое сліяніе—исправительнаго дома съ тюрьмою и заточенія съ арестомъ. Ни того, ни другого мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ. Тюрьма назначается, сплошь и рядомъ, за проступки противъ порядка управленія, противъ правилъ, ограждающихъ личную и общественную безопасность; лица, подвергающіяся этому наказанію, принадлежатъ весьма часто къ преступникамъ случайнымъ, вовсе не требующимъ исправленія. Нельзя сказать того же самаго объ исправительномъ домѣ, непосредственно соприкасающемся съ каторгой и во многихъ случаяхъ ее замѣняющемъ. Въ сферѣ уголовныхъ наказаній далеко не лишены значенія самыя имена: далеко не безразлично, съ этой точки зрѣнія, было бы для многихъ содержаніе въ *тюрьмѣ* или въ *исправительномъ домѣ*. Чѣмъ-то позорящимъ послѣднее слово звучитъ въ несравненно бóльшей степени, нежели первое. Самое устройство тюрьмы, вслѣдствіе краткосрочности тюремнаго заключенія, имѣетъ гораздо меньше общаго съ устройствомъ исправительнаго дома, чѣмъ послѣднее—съ устройствомъ каторги. Что соединеніе каторги съ исправительнымъ домомъ не представляется чѣмъ-то абсолютно немыслимымъ въ глазахъ самой редакціонной коммиссіи—

---

[1]) Подробные доводы въ пользу сохраненія выговора приведены нами въ томъ же Обозрѣніи, въ которомъ мы высказались за условное осужденіе.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстн. Европы" за 1885 г.

это доказывается тѣмъ, что лица женскаго пола, на основаніи проекта, могутъ отбывать каторгу въ особыхъ помѣщеніяхъ при исправительныхъ домахъ [1]). Ничто не мѣшало бы устроить такія же особыя помѣщенія и для мужчинъ, отбывающихъ наказаніе за наиболѣе тяжкія преступленія. Что касается до заточенія и ареста, то между ними дѣйствительно есть одна общая черта: отсутствіе позорящаго характера, обусловливаемое при заточеніи—свойствомъ мотивовъ, вызвавшихъ преступное дѣяніе, при арестѣ—свойствомъ самаго дѣянія. Это не исключаетъ, однако, глубокаго различія между обоими видами наказанія. Наибольшій срокъ заточенія—*шесть лѣтъ*, наибольшій срокъ ареста—*шесть мѣсяцевъ*. Центромъ тяжести заточенія является, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, именно его долгосрочность; заточеннымъ можно предоставить и болѣе удобное помѣщеніе, и лучшее содержаніе, и даже нѣкоторый просторъ въ передвиженіи (напр. въ предѣлахъ крѣпости), именно потому, что главнымъ отягощеніемъ ихъ участи служитъ *продолжительность* лишенія свободы. Арестъ, наоборотъ, долженъ быть обставленъ сравнительно строго, именно въ виду его краткосрочности—и мы готовы признать, вмѣстѣ съ г. Пржевальскимъ, что наилучшею для него формой было бы одиночное заключеніе. Съ другимъ предложеніемъ г. Пржевальскаго—повысить минимальный срокъ ареста съ одного дня до шести недѣль—мы согласиться не можемъ. Между нарушеніями и проступками, караемыми арестомъ, найдется очень много такихъ, для которыхъ шестинедѣльное лишеніе свободы было бы наказаніемъ черезчуръ тяжкимъ. Противъ сліянія заточенія съ арестомъ говорятъ, наконецъ, соображенія чисто практическія. Арестные дома существуютъ у насъ почти повсемѣстно—но, приспособленные къ кратковременному лишенію свободы, они почти нигдѣ не удовлетворяютъ условіямъ, необходимымъ для заточенія. Никакой экономіи въ средствахъ и силахъ отъ объединенія заточенія и ареста, поэтому, ожидать нельзя; для заточенныхъ во всякомъ случаѣ пришлось бы устраивать особыя помѣщенія. Устранить аномалію, заключающуюся въ совпаденіи кратчайшихъ сроковъ заточенія съ наиболѣе продолжительными сроками ареста, можно было бы повышеніемъ первыхъ и пониженіемъ послѣднихъ; максимумъ ареста могъ бы быть удержанъ нынѣшній, трехмѣсячный (вмѣсто шестимѣсячнаго, установляемаго проектомъ), а для заточенія этотъ же трехмѣсячный срокъ слѣдовало бы признать минимальнымъ (вмѣсто двухъ недѣль).

Предоставляя себѣ возвратиться въ другой разъ къ тѣмъ замѣ-

[1]) По первоначальной редакціи проекта отбываніе женщинами каторги въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ установлялось даже какъ общее, постоянное правило.

чаніямъ г. Пржевальскаго, которыя касаются особенной части проекта, остановимся теперь, чтобы не выходить за предѣлы общей части, на вопросѣ о смягченіи наказаній, затронутомъ нами вскользь въ одномъ изъ прошлогоднихъ обозрѣній [1]). Высказываясь за дарованіе присяжнымъ права возбуждать ходатайство о помилованіи осужденнаго или о такомъ облегченіи его участи, которое зависитъ исключительно отъ монаршаго милосердія, мы указали на широкій просторъ, предоставляемый суду, на основаніи проекта, въ выборѣ карательной мѣры. Этотъ просторъ открываетъ возможность значительнаго, иногда *весьма* значительнаго смягченія наказанія властью самого суда—но онъ же позволяетъ суду ограничиться самымъ ничтожнымъ пониженіемъ наказанія, хотя бы подсудимому, рѣшеніемъ присяжныхъ, и было дано право на снисхожденіе. Высшее, по проекту, наказаніе за убійство—пятнадцать лѣтъ каторги. Признанному виновнымъ въ убійствѣ, но заслуживающимъ снисхожденія, судъ можетъ назначить пять лѣтъ каторги, понизивъ наказаніе, сравнительно съ максимумомъ, на цѣлыхъ десять лѣтъ—но можетъ опредѣлить срокъ каторги и въ 14½ лѣтъ, ограничивъ пониженіе однимъ полугодіемъ. Еще поразительнѣе такая власть суда становится при присужденіи къ исправительному дому, срокъ котораго исчисляется, по проекту, не годами и полугодіями (какъ срокъ каторги), а годами и *мѣсяцами* [2]). Возьмемъ, для примѣра, тяжкое тѣлесное поврежденіе. Высшая мѣра наказанія за это преступленіе, по проекту—шесть лѣтъ исправительнаго дома. Признаннаго въ немъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, судъ можетъ присудить къ заключенію въ *тюрьмѣ* на *двѣ недѣли*—но можетъ подвергнуть и заключенію въ *исправительномъ домѣ* на *пять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ*. Срокъ заточенія и тюрьмы исчисляется годами, мѣсяцами и *недѣлями;* сообразно съ этимъ, *обязательное* смягченіе наказанія можетъ не превышать здѣсь одной *недѣли*. При дѣйствіи такого порядка признаніе заслуживающимъ снисхожденія будетъ, сплошь и рядомъ, пустымъ словомъ, мертвой буквой—а это, въ свою очередь, отразится на дѣятельности присяжныхъ, увеличивъ число оправдательныхъ вердиктовъ. Если даже присяжнымъ и будетъ предоставлено право обращаться къ монаршему милосердію, то и это не освободитъ ихъ отъ опасенія за участь подсудимаго; они будутъ знать, что ходатайство ихъ, въ особенности не поддержанное судомъ, можетъ остаться безъ послѣдствій, и строгій приговоръ, едва смягчающій наказаніе, можетъ быть приведенъ въ испол-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „В. Европы“ за 1896 г.

[2]) *Обязательное* для суда, при признаніи снисхожденія, смягченіе наказанія ограничивается, на основаніи проекта, запрещеніемъ назначать высшую мѣру даннаго рода наказанія.

неніе. Весьма важно, поэтому, дать имъ увѣренность въ томъ, что снисхожденіе, признанное ими за подсудимымъ, ни въ какомъ случаѣ не останется безъ *серьезныхъ* послѣдствій. Намъ кажется, что это могло бы быть достигнуто слѣдующимъ образомъ. Въ особенной части проекта указывается или только родъ наказанія (напр. каторга), или особый высшій его предѣлъ (напр. каторга не свыше восьми лѣтъ), или особый низшій (напр. каторга не ниже восьми лѣтъ). Въ первомъ случаѣ отъ суда зависитъ выборъ любого срока между *общимъ* максимумомъ и *общимъ* минимумомъ даннаго рода наказанія (напр. между пятнадцатью и пятью годами каторги), во второмъ случаѣ —любого срока между *особымъ* максимумомъ и *общимъ* минимумомъ (напр. между восемью и пятью годами каторги); въ третьемъ—любого срока между *общимъ* максимумомъ и *особымъ* минимумомъ (напр. между пятнадцатью и восемью годами каторги). Признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія должно было бы имѣть послѣдствіемъ обязательное для суда уменьшеніе наказанія на срокъ не менѣе *половины* того промежутка времени, которымъ отдѣленъ, въ данномъ случаѣ, высшій предѣлъ наказанія отъ низшаго. Такъ напримѣръ, въ первомъ изъ приведенныхъ нами случаевъ каторга не могла бы быть опредѣлена судомъ на срокъ болѣе 10; во-второмъ— на срокъ болѣе $6^1/_2$; въ третьемъ—на срокъ болѣе $11^1/_2$ лѣтъ. Снисхожденіе, данное подсудимому, получило бы, такимъ образомъ, характеръ момента, *существенно* вліяющаго на наказаніе, перестало бы быть возможнымъ слишкомъ рѣзкое, ко вреду подсудимаго, противорѣчіе между рѣшеніемъ присяжныхъ и приговоромъ коронна го суда.

13-го января, открыта въ Гельсингфорсѣ очередная сессія финляндскаго сейма. Исправляющій должность финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ Гончаровъ, прочиталъ при этомъ, отъ Августѣйшаго Имени, слѣдующую Высочайшую рѣчь:

„Представители финскаго народа! Открывая первый въ царствованіе Мое сеймъ земскихъ чиновъ великаго княжества финляндскаго, Я съ душевнымъ удовлетвореніемъ изъявляю вамъ, какъ представителямъ всѣхъ сословій финскаго народа, благодарность и благоволеніе за ту непоколебимую вѣрность и преданность, которыми этотъ народъ постоянно радовалъ своихъ Монарховъ, и которыми проникнуты были вѣрноподданническія привѣтствованія финляндцевъ по случаю Священнаго Моего Коронованія. На предстоящемъ сеймѣ вашему разсмотрѣнію будутъ переданы многіе важные для преуспѣянія страны законодательные и экономическіе вопросы. Дабы облегчить вамъ

изысканіе средствъ на содержаніе войска и народныхъ школъ, Я повелѣлъ, въ теченіе наступающаго бюджетнаго трехлѣтія, отчислить на этотъ предметъ изъ остатковъ статныхъ суммъ великаго княжества девять милліоновъ марокъ. Твердо увѣренный въ вашей опытности, вашемъ сознаніи долга и вашей добросовѣстности въ дѣлѣ, столь отвѣтственномъ, какъ то, къ которому вы нынѣ призваны, Я надѣюсь, что вы въ закономъ установленный срокъ успѣшно окончите возлагаемый на васъ трудъ. Да поможетъ вамъ Господь Богъ въ предстоящихъ вашихъ занятіяхъ на благо родного вамъ края".

Эти слова служатъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что для Финляндіи остается открытымъ путь широкаго и всесторонняго развитія ея народныхъ силъ. „Представители финскаго народа", опытность и добросовѣстность которыхъ признана свыше, могутъ спокойно посвятить себя заботамъ о благѣ ихъ „родного края", не смущаясь толками нашихъ такъ-называемыхъ патріотовъ.

ПЕРЕСМОТРЪ „ПОЛОЖЕНІЙ О КРЕСТЬЯНАХЪ“.

Уже давно стали появляться въ печати слухи, будто на очередь выдвигается вопросъ о новомъ пересмотрѣ „Положеній о крестьянахъ“, при чемъ предполагается подвергнуть послѣднія довольно существеннымъ измѣненіямъ. Слухи эти отличались очень малою опредѣленностью, по существу дѣла, такъ что изъ нихъ не видно было ни того, какія именно части „Положеній“ предназначены къ измѣненію, ни того, въ какомъ смыслѣ перемѣны задуманы; не ясны были и самые поводы къ пересмотру. Однако, въ газетахъ сообщалось объ образованіи коммиссій по этому предмету, объ устройствѣ совѣщаній съ представителями административныхъ районовъ, о собираніи мѣстныхъ свѣдѣній и отзывовъ: опредѣляли даже время начатія пересмотра. Встрѣчались, правда, и опроверженія, но при окружавшемъ дѣло туманѣ трудно было понять, къ чему они относятся: къ срокамъ, къ подробностямъ, или къ самому факту возбужденія вопроса о пересмотрѣ?

Оставалось, во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе, что какіе-то проекты существуютъ, а это одно уже возбуждало не только интересъ къ данному дѣлу, но и извѣстнаго рода опасенія относительно удачности новыхъ предположеній, такъ какъ послѣднія затрогиваютъ очень важную область,—а нѣкоторые бывшіе опыты поправокъ къ Положеніямъ удачными признать трудно. Къ участи крестьянскихъ Положеній относиться равнодушно нельзя; они составляютъ дорогое наслѣдіе эпохи реформъ и въ свое время оказались въ числѣ наиболѣе удавшихся преобразованій. Можно, конечно, дѣлать замѣчанія на тѣ или другія частности ихъ, но въ общемъ Положенія обладали большими принципіальными и практическими достоинствами, достаточно уже обращавшими на себя вниманіе, и распространяться о которыхъ теперь нѣтъ надобности. Воплощеніе симпатичныхъ принциповъ въ точныя опредѣленія закона, регулирующія личныя и общественныя права и хозяйственное устройство людей, только-что вышедшихъ изъ безправнаго состоянія, представило много послѣдовательности и согласія съ практическими нуждами сельской жизни, а также съ тѣми преданіями, которыя заслуживали охраны по существу. Всякое прикосновеніе къ основамъ такого зданія требуетъ большой осторожности, и только любители предвзятыхъ ломокъ и поворотовъ къ ветхозавѣтнымъ порядкамъ относятся къ дѣлу иначе. Не ломки нужны, а скорѣе ре-

ставрированіе тѣхъ частей, которыя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, оказались потерпѣвшими въ теченіе истекшей отъ изданія Положеній трети вѣка. Поэтому, самъ собой возникалъ вопросъ—какія возможны перемѣны: реставрирующія или продолжающія работу коренныхъ измѣненій?

По отношенію къ послѣднему предположенію возникали еще много рода сомнѣнія. Въ теченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ, разныя измѣненія и такъ уже перетрогали много существеннаго. Иныя части Положеній совсѣмъ упразднились. Такъ „Положеніе о выкупѣ" упразднилось вслѣдствіе распространенія выкупной операціи на всѣхъ крестьянъ. Съ этимъ утратилъ значеніе и рядъ „мѣстныхъ" Положеній, сохранявшихъ силу до перехода крестьянъ въ собственники. „Положеніе объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ" измѣнено въ корнѣ при введеніи земскихъ начальниковъ. Остается „Общее Положеніе" о крестьянахъ; однако, и это важное Положеніе, регулирующее личную и общественную жизнь крестьянства, подвергалось въ послѣдніе годы хотя частнымъ, но очень существеннымъ перемѣнамъ. Укажемъ, напр., на состоявшееся десять лѣтъ назадъ ограниченіе семейныхъ раздѣловъ, сильно стѣснившее послѣдніе, но не представившее до сихъ поръ сколько-нибудь явственныхъ доказательствъ ни своей практической пользы, ни даже степени фактическаго примѣненія, несмотря на то, что за десять лѣтъ могло накопиться по этой части много матеріала, требующаго приведенія въ извѣстность. Три года тому назадъ, сильно ограничено право земельныхъ передѣловъ, составлявшее въ большей части Россіи одинъ изъ главныхъ аттрибутовъ крестьянскаго самоуправленія по Положеніямъ 19 февраля. Волостной судъ, при введеніи земскихъ начальниковъ, совсѣмъ измѣнилъ свое устройство, характеръ и способы дѣйствій по самой буквѣ закона,—а на практикѣ, подъ вліяніемъ разныхъ административныхъ пріемовъ, о которыхъ не мало сообщалось въ печати, перемѣна пошла еще глубже. На другихъ частностяхъ останавливаться не будемъ, потому что и указанныя, по своей крупности, достаточно говорятъ о значеніи состоявшихся перемѣнъ. Чтó же, и съ какой именно точки зрѣнія, могло бы понадобиться еще?

Конечно, нельзя отрицать возможности и полезныхъ дополненій. Мѣстами можно находить въ Положеніяхъ 19 февраля нѣчто недосказанное, недодѣланное, требовавшее развитія или разъясненій. Кое-что могла указать долгая практика; иные вопросы возникаютъ вслѣдствіе наступленія новыхъ обстоятельствъ, напр. несогласованія позднѣйшихъ узаконеній или административныхъ мѣръ съ Положеніями, откуда выходятъ недоразумѣнія, сбивчивость указаній и различіе толкованій. Противъ поправокъ такого рода возражать нѣтъ основа-

нія, но главный вопросъ—тотъ, въ нихъ ли суть дѣла или въ чемъ-либо болѣе существенномъ; будутъ ли основныя начала Положеній укрѣпляться или подвергаться новымъ колебаніямъ? Однако, этотъ-то вопросъ и остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Предъ нами все еще одни лишь отрывочныя газетныя извѣстія, только повторяемыя очень настойчиво. И всего замѣчательнѣе, что главнымъ источникомъ тутъ являются газеты провинціальныя, видимо, почерпающія свои краткія замѣтки изъ оффиціальныхъ сферъ губернскаго міра.

Одно изъ наиболѣе опредѣленныхъ указаній мы встрѣтили въ „Кіевской Газетѣ". Она сообщала, что существенныя предположенія программы, предложенной губернскимъ совѣщаніямъ относительно реформы крестьянскаго управленія, состоятъ „въ учрежденіи *схода выборныхъ*, какъ представительства общаго сельскаго схода изъ всѣхъ домохозяевъ, и въ замѣщеніи должностей въ сельскомъ управленіи *по назначенію*, администраціею, а *не по выборамъ*". По словамъ того же источника, губернскія совѣщанія юго-западнаго края будто бы имѣли уже возможность высказаться противъ обоихъ означенныхъ предположеній.

Извѣстіе очень краткое, но показывающее, что дѣло дѣйствительно идетъ о довольно коренной перемѣнѣ. Сходъ выборныхъ, это —сокращеніе представительства, это—передача общественнаго дѣла изъ рукъ всѣхъ заинтересованныхъ въ руки ограниченнаго кружка; а опредѣленіе сельскихъ властей по назначенію вмѣсто выбора—перемѣна еще болѣе характерная, обращающая бывшихъ избирателей въ пассивную массу и могущая имѣть большія послѣдствія на практикѣ; притомъ, сообщеніе, что мѣстная власть отнеслась къ подобному предположенію отрицательно, наводитъ на мысль, что вопросъ возникъ не изъ указаній практической жизни, а извнѣ. Оставляя отвѣтственность за вѣрность этого сообщенія на указанномъ источникѣ, слѣдуетъ однако прибавить, что сходныя же свѣдѣнія попадались и въ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Изъ другихъ подобнаго рода источниковъ можно было вывести, что ставятся вопросы: не слѣдуетъ ли измѣнить порядокъ образованія новыхъ сельскихъ обществъ; полезно ли было бы раздробить крупныя общества, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, на отдѣльныя общественныя единицы, также какъ и общества, состоящія хотя изъ одного селенія, но образовавшіяся изъ разнопомѣстныхъ владѣній? Ставится, будто бы, даже вопросъ объ обязательности раздѣленія обществъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Говорится о порядкѣ утвержденія сельскихъ властей, объ измѣненіи ихъ правъ и обязанностей, а также о назначеніи имъ вознагражденія за службу. Упо-

минается впрочемъ и о повѣркѣ цѣлесообразности нѣкоторыхъ новѣйшихъ узаконеній, какъ, напр., изданнаго въ 1886 году ограничительнаго закона о семейныхъ раздѣлахъ и о его дѣйствительномъ вліяніи на практикѣ, а также о цѣлесообразности закона 1889 года, по которому переселенцы, покидая свое общество, обязаны безвозмездно передавать обществу свои надѣльныя земли, лишаясь такимъ образомъ одного изъ источниковъ матеріальныхъ средствъ въ самую важную для переселенца минуту, когда, при полномъ переломѣ его хозяйственнаго положенія, онъ особенно нуждается въ деньгахъ на дальній путь и на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ.

Если бы программа предложенныхъ вопросовъ заключала въ себѣ только перечисленные выше, очевидно, что и тогда она имѣла бы большую важность, такъ какъ, рѣшая эти вопросы въ томъ или другомъ смыслѣ, можно или укрѣпить, или совсѣмъ измѣнить нынѣшнюю физіономію сельскаго устройства, оставляя сравнительно немногое отъ Положеній 19-го февраля. Но, соображая общую совокупность этихъ вопросовъ, правильнѣе будетъ заключить, что предрѣшеннаго въ той или другой степени—нѣтъ еще ничего. Программа какъ будто имѣетъ въ виду просто поверхностное обслѣдованіе наличнаго положенія, какъ бы еще отыскивая матеріалъ для новыхъ законодательныхъ предположеній, но не слѣдуя указанію сколько-нибудь назрѣвшихъ, явственно выразившихся жизненныхъ потребностей. На это указываетъ уже крайне смѣшанный ея характеръ. Она требуетъ практической повѣрки новыхъ узаконеній, вызывавшихъ въ свое время большіе споры, тутъ же затрогиваетъ вопросы, имѣющіе дѣйствительно полезное значеніе, какъ отвѣчающіе наличной нуждѣ, и въ то же время намѣчаетъ предположенія въ новомъ духѣ, ничѣмъ до сихъ поръ не вызывавшіяся и потому кажущіяся просто плодомъ кабинетныхъ построеній. Различіе отдѣльныхъ вопросовъ по значенію ихъ очень велико. Нужное соединяется съ ненужнымъ или болѣе чѣмъ проблематическимъ. Для образца остановимся на сравненіи двухъ вопросовъ: объ опредѣленіи сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ по административному назначенію, вмѣсто выбора, и о раздробленіи обществъ, составленныхъ изъ бывшихъ разнопомѣстныхъ владѣній, на нѣсколько отдѣльныхъ общественныхъ единицъ. Какъ первый вопросъ безпочвенъ, новъ и характеренъ въ извѣстномъ одностороннемъ смыслѣ, такъ послѣдній давно уже требуетъ серьезнаго упорядоченія.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывается предположеніе о не-выборномъ, административномъ назначеніи сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ? Ни въ матеріалахъ для выработки крестьянскихъ Положеній, ни въ долговременной практикѣ нельзя найти для подобнаго

нововведенія какихъ-либо серьезныхъ основаній. Оно могло бы отвѣчать воззрѣніямъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ, вкусамъ сравнительно немногихъ администраторовъ, но никакъ не дѣйствительнымъ потребностямъ сельскаго быта или крестьянскимъ интересамъ. Стоитъ только поставить вопросъ этотъ, и выступятъ самыя различныя предположенія: можно назначать старостою или старшиною кого-либо изъ землевладѣльцевъ, при чемъ за послѣднимъ на практикѣ останутся собственно права безъ обязанностей, безъ черной работы; можно назначить и лихого отставного унтера, при которомъ власть будетъ не представительницею общества, а лишь придирчивымъ командиромъ, а сельскій сходъ обратится въ сельскій сгонъ, пріучаемый не къ обсужденію, а лишь къ безпрекословному повиновенію; можно назначить и крестьянина, по внѣшнему избранію, но онъ тогда, чувствуя опору уже не въ обществѣ, скорѣе станетъ заботиться объ угожденіяхъ стороннимъ, о выслугѣ наружнымъ усердіемъ и о собственной, а не общественной выгодѣ. Слѣдъ пренебрежительнаго отношенія къ сельской выборной власти можно найти только въ одномъ мѣстѣ матеріаловъ для крестьянской реформы. Предъ выработкою Положеній 1861 года одна группа членовъ губернскихъ комитетовъ, какъ объяснено въ докладѣ редакціонной коммиссіи, съ совершеннымъ недоумѣніемъ останавливалась предъ картиною, которая ей представлялась въ будущемъ:

„Они (члены)—говорится въ докладѣ—съ трудомъ могутъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то *республикъ*, съ избраннымъ *отъ сохи* начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое между тѣмъ не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную *оппозицію* противъ должностныхъ лицъ... Они считаютъ необходимымъ, чтобы дворянинъ-собственникъ, котораго имѣніе составляетъ цѣлую волость, былъ признанъ и начальникомъ этой волости, а чтобы въ разнопомѣстныхъ волостяхъ онъ назначался въ эту должность на безсрочное время".

Внутренніе мотивы, диктовавшіе подобныя заявленія, довольно ясны,—но съ какою улыбкою приходится читать выраженіе такихъ опасеній теперь, послѣ тридцатипятилѣтней практики! Сколько пугающихъ словъ—и что показала дѣйствительность! Особенно курьезно звучатъ эти слова, когда предъ нами выступаютъ извѣстія о частыхъ случаяхъ составленія мірскихъ приговоровъ вопреки общественному желанію. Вотъ какіе приговоры умѣютъ составлять предполагавшіяся

„республики“ и какъ могущественно тутъ сказывается та сила „оппозицій“, которую предсказывали прорицатели прошлаго поколѣнія! „Республика“ хочетъ одного, а составляемый отъ ея имени и получающій оффиціальный ходъ приговоръ заключаетъ въ себѣ совсѣмъ иное содержаніе.

Если ни въ матеріалахъ для выработки Положеній, ни въ данныхъ слишкомъ тридцатилѣтней практики, не усматривается никакихъ основаній въ пользу административнаго назначенія должностныхъ лицъ, то еще меньше можно сказать въ оправданіе его на основаніи знакомства съ сельскими нравами и вообще дѣйствующими въ сельскомъ быту условіями. Предметъ этотъ представляется до того яснымъ, что даже нѣтъ надобности особенно распространяться о немъ. Подобное назначеніе ввело бы въ мірскую жизнь новую рознь интересовъ, новый матеріалъ для раздраженія, тогда какъ міръ этотъ требуетъ теперь, напротивъ, возможно бо̀льшаго успокоенія, умиротворенія и фактической охраны общественнаго права. Если старшина или староста тянутъ въ одну сторону, а міръ—въ другую, при чемъ первый пользуется внѣшнею поддержкою, то что̀ тутъ можетъ выйти, кромѣ усиленія несогласій, обостренія внутренней борьбы и т. п.? Если теперь общественное право нерѣдко подвергается нарушеніямъ, и общественный элементъ сильно стѣсняется, то чего можно ожидать, когда *въ самомъ составѣ* мірского схода явятся новыя силы, чуждыя солидарности съ общественнымъ желаніемъ или общественными интересами, а иногда даже заинтересованныя въ противорѣчіи имъ? Не съ той стороны нужна поправка, и нѣтъ надобности воскрешать преданія упомянутыхъ выше характерныхъ заявленій одной группы членовъ губернскихъ комитетовъ.

Иное можно сказать по другому, затронутому программою вопросу о раздѣленіи обществъ. Поставленъ онъ въ программѣ очень смутно, безъ конкретныхъ указаній, о какомъ именно раздѣленіи идетъ рѣчь, но при обсужденіи его есть возможность разрѣшить дѣйствительно серьезный вопросъ, давно уже отмѣчавшійся наблюдателями сельской жизни и до сихъ поръ остающійся безъ точнаго законодательнаго опредѣленія—отчего возникаетъ путаница, неясность и разнообразіе толкованій. Мы имѣемъ въ виду собственно не раздѣленіе обществъ, которое и мудрено рѣшать сплеча, такъ какъ сельское общество во всякомъ случаѣ есть живая органическая единица, связанная исторически и имѣющая множество общихъ хозяйственныхъ интересовъ, оперировать надъ которою извнѣ значитъ рисковать введеніемъ новыхъ непорядковъ; попробуйте, напр., дѣлить на части общую массу надѣльной земли, общую школу, общіе выгоны и т. п., и вы не оберетесь основательныхъ жалобъ, въ разборѣ которыхъ

едва ли кому-нибудь удобно брать на себя роль судьи; многочисленность же жалобъ можетъ доводить до очень нежелательныхъ послѣдствій. Но необходимо допустить, узаконить и упорядочить тѣ виды раздѣленія, которые существуютъ уже въ дѣйствительности, вытекая изъ фактическихъ хозяйственныхъ условій нѣкоторыхъ селеній.

Положенія 19-го февраля установили собственно двѣ общественныя крестьянскія единицы: волость и сельское общество; первая, состоя изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, имѣетъ чисто административный характеръ, а послѣдняя представляетъ живое общественно-хозяйственное цѣлое. Если первую можно расширять, раздроблять и измѣнять въ составѣ безъ особенно сильнаго вліянія на мѣстные интересы, то гораздо бо́льшаго соблюденія наличныхъ интересовъ требуетъ сельское общество. По Положеніямъ 1861 года, основою для образованія сельскаго общества признавалось бывшее помѣщичье имѣніе. Если такое имѣніе состояло изъ цѣлаго селенія, то все селеніе и обращалось въ единое общество; а когда въ одномъ селеніи было нѣсколько помѣщиковъ, то тамъ учреждалось и нѣсколько сельскихъ обществъ. Затѣмъ каждое общество выкупало у помѣщика свою землю, получало на владѣніе ею особый крѣпостной актъ и становилось отдѣльнымъ собственникомъ. Общество такимъ образомъ являлось вполнѣ цѣльною единицею. У него была одна выборная власть, одинъ окладъ повинностей, одинъ сходъ, одна надѣльная дача земли. Поэтому Положеніе совершенно правильно признавало только одинъ разрядъ сельскихъ обществъ. Недоговорки, недодѣлки, относились только къ такимъ исключительнымъ случаямъ, какъ, напр., къ образованію обществъ изъ нѣсколькихъ мелкопомѣстныхъ имѣній, черезчуръ незначительныхъ, отношенія которыхъ не были достаточно нормированы. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Положеніе уже значительно измѣнилось, и возникла большая неясность отношеній.

По административнымъ соображеніямъ, общества стали соединять въ болѣе крупныя единицы. Было въ извѣстномъ селеніи два или три общества—ихъ совокупили въ одно, велѣвъ выбрать общаго старосту. Иногда соединяли по двѣ и по нѣскольку деревень. Главнымъ основаніемъ такихъ соединеній выступали соображенія экономіи: большому обществу легче содержать общее управленіе и вести общее хозяйство. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, образовалось уже раздвоеніе отношеній, вліяніе котораго недостаточно оцѣнено. *Людей* въ общества соединили, но *земельныхъ* надѣловъ, раздѣленныхъ по крѣпостнымъ актамъ, соединить не могли. Общество считается одною единицею, а *по землѣ* оно представляетъ двѣ или нѣсколько еди-

ницъ, даже значительно разнящихся между собою по хозяйственному положенію. Одна часть соединеннаго общества выкупила полный надѣлъ, а другая—уменьшенный, одна—при хорошей землѣ, другая—при худшей и т. д. Такимъ образомъ, на практикѣ установилось уже *два* вида обществъ, вмѣсто признававшагося Положеніями одного; но руководствоваться приходится тѣмъ же закономъ, который подобныхъ условій не предвидѣлъ. Положеніе соединеннаго общества закономъ нормировано, а отношенія частей его десятки лѣтъ остаются, такъ сказать, на воздухѣ.

„Общество" на практикѣ выведено въ два этажа: соединенное и частное. Первое—законъ признаетъ, а послѣднее—продолжаетъ игнорировать. Въ одной части соединеннаго общества, имѣющей особый надѣлъ и отдѣльный на него крѣпостной актъ, возникаетъ земельный вопросъ: передѣлъ, надѣленіе кому-либо упразднившейся земельной доли, разверстка выкупного платежа и т. под. Кто долженъ обсуждать эти вопросы: соединенное или частное общество? По простому, здравому смыслу, отвѣтъ одинъ:—конечно, *частное* общество, такъ какъ если предоставить рѣшеніе такихъ вопросовъ соединенному, то выйдетъ, что большинство (крестьяне *другихъ* частей селенія) будутъ распредѣлять не свою, а *чужую* землю, въ пользованіи которою не участвуютъ, и до которой имъ нѣтъ никакого дѣла. Въ иныхъ случаяхъ могло бы даже выйти, что чужіе люди, въ качествѣ большинства и въ силу какихъ-либо пристрастій, рѣшатъ дѣло вопреки желанію тѣхъ, кому земля дѣйствительно принадлежитъ. Но сходъ частнаго общества закономъ не предусмотрѣнъ, слѣдовательно при слишкомъ ригористическомъ толкованіи даже незаконенъ, и постановленія его подлежатъ отмѣнѣ. Положеніе предвидѣло частные сходы только въ томъ случаѣ, когда одни крестьяне были на денежной повинности, а другіе состояли на барщинѣ; но этотъ случай не подходитъ къ состоянію отдѣльныхъ частей общества, какъ собственниковъ особыхъ надѣловъ. Законъ знаетъ только одинъ видъ общества и одинъ сходъ—соединенный, а другой—давно выросъ фактически и оставленъ подъ формальнымъ сомнѣніемъ. Одни толкуютъ, что все можно рѣшать только на общемъ сходѣ; другіе относятъ собственно земельныя дѣла къ фактически образовавшимся частнымъ; но опредѣленной законной подкладки подъ этимъ вопросомъ нѣтъ, отчего возникаетъ просторъ недоумѣніямъ, разномыслію и произволу.

Крестьяне одной части селенія хотятъ принять въ свой составъ, т.-е. на свой надѣлъ, крестьянина изъ другой части того же селенія. Если они составятъ о томъ пріемный приговоръ—послѣдній можетъ быть признанъ незаконнымъ, въ силу непредусмотрѣнности пригово-

ровъ частей. Кто же составитъ пріемный приговоръ? Соединенному обществу составлять его нѣтъ основанія, такъ какъ *оно* въ сущности не принимаетъ никого, ибо данный мужикъ въ соединенномъ обществѣ уже состоитъ членомъ, только въ другой части. Какъ же тутъ быть, какъ упрочить пріемъ и надѣленіе? Въ прежнее время для этого существовалъ хотя и громоздкій, но все-таки опредѣленный исходъ. Пока разнопомѣстныя части селенія признавались формально отдѣльными обществами, каждое изъ нихъ имѣло непререкаемое право составлять пріемные приговоры, представлять ихъ въ казенную палату, и затѣмъ слѣдовало формальное же перечисленіе принятаго къ принявшему его обществу. А послѣ соединенія, ни такой порядокъ неприменимъ, ни другого не установлено. Поэтому, теперь легче принять дальняго мужика изъ одного соединеннаго общества въ другое, чѣмъ перевести изъ одной части общества въ другую часть того же селенія. И если вполнѣ строго примѣнять къ наличному состоянію Положеніе, то выйдетъ, что каждая часть общества, имѣющая отдѣльный надѣлъ, по составу своему должна быть неподвижна, что̀ уже явно противорѣчитъ ходу хозяйственныхъ потребностей.

Далѣе, оказывается даже, что части въ своей совокупности не составляютъ цѣлаго. При соединеніи, каждая часть заключала въ себѣ опредѣленный личный составъ пользователей даннымъ надѣломъ. Но вѣдь съ тѣхъ поръ происходили большія передвиженія. Одни крестьяне уходили, а другіе причислялись вновь. Но при этомъ послѣднихъ причисляли уже къ цѣлому, соединенному обществу, а не къ частямъ. Стало быть, они въ составѣ общества, но внѣ состава частей, словно особый разрядъ. А такъ какъ надѣльныя земли имѣетъ только каждая отдѣльная часть, то гдѣ же причисленнымъ можно получить земельный участокъ? Или, быть можетъ, имъ уже и не суждено имѣть надежды на допущеніе къ землепользованію на вполнѣ законномъ основаніи? Мало того: хотя общество какъ будто и состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, но у послѣднихъ даже утратились границы. Въ первое время конечно помнили, какой мужикъ къ какому помѣщичьему имѣнію принадлежалъ; но теперь, за выходами и причисленіями со стороны такихъ крестьянъ, которые не принадлежали ни къ одному изъ имѣній даннаго селенія—все затемнилось; а гдѣ перестали или перестанутъ вести крестьянскіе списки по отдѣльнымъ частямъ—путаница выростетъ еще больше. Вѣдь крѣпостные акты на земли выданы не лично опредѣленнымъ крестьянамъ, а на имя тѣхъ обществъ, которыя отъ соединенія упразднились—и какъ же тутъ разобраться!

Можно было бы показать возникающія недоразумѣнія еще рельеф-

нѣе, можно бы указать и другіе виды путаницы, но это потребовало бы уже много мѣста, тогда какъ нашу цѣль здѣсь составляетъ собственно указаніе существующаго серьезнаго, практическаго вопроса. Очень можетъ быть, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ указанные выше вопросы рѣшаются и справедливо, съ соблюденіемъ здраваго смысла и заслуживающихъ уваженія интересовъ, но все это дѣлается, такъ сказать, внѣ опредѣленнаго закона, тогда какъ столь важные предметы, какъ право на землю и вообще внутреннія общественныя отношенія, конечно, нуждаются въ болѣе достаточномъ и твердомъ законномъ обоснованіи. И дѣла меньшей важности вызываютъ законодательные акты,—слѣдовательно, точный законъ нуженъ и въ объясненной сферѣ. Положенія въ свое время регулировали все, чтó можно было тогда предвидѣть—надо сдѣлать то же и въ отношеніи ко вновь выросшимъ вопросамъ. Если жизнь создала уже два вида сельско-общественныхъ единицъ (одну—по общимъ дѣламъ, а другую—собственно по владѣнію землею), то надо обѣ ихъ признать, узаконить и точно опредѣлить ихъ права, отношенія и порядокъ веденія ихъ дѣлъ. Нельзя оставлять цѣлыя группы крестьянъ въ положеніи общества и „не-общества", когда у нихъ есть интересы, требующіе общественнаго обсужденія. Вотъ въ отношеніи къ такимъ предметамъ дополненіе Положеній точно было бы полезно,—разумѣется, въ духѣ стараго акта 19-го февраля.

Мы остановились на приведенныхъ двухъ вопросахъ (назначеніе должностныхъ лицъ и внутреннія отношенія обществъ), желая показать, какъ разнообразны могутъ быть пересмотры Положеній; тутъ становится яснымъ, что самая постановка вопроса о пересмотрѣ можетъ еще не говорить ничего о направленіи, получаемомъ даннымъ дѣломъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣется ли въ виду вводить безпочвенныя новизны, или заняться просто необходимымъ развитіемъ нѣкоторыхъ частей Положенія, сообразно основательнымъ требованіямъ извѣданныхъ нуждъ. Какъ не нужно первое, такъ вполнѣ пригодно послѣднее. Нужны не передѣлки основныхъ элементовъ, а додѣлки въ прежнемъ духѣ, и тутъ для полезной работы есть извѣстный просторъ.

Говорятъ еще, что программа пересмотра касается упорядоченія крестьянскихъ опекъ, общественнаго призрѣнія, основаній мірскихъ сборовъ, порядка наслѣдованія земельныхъ участковъ и т. п. Конечно, въ смыслѣ упомянутыхъ додѣлокъ и при соблюденіи должной осторожности обращенія съ разнообразными интересами, и тутъ можно принести извѣстную пользу, но распространяться объ этомъ здѣсь было бы неудобно, при пользованіи, по необходимости, такимъ отрывочнымъ матеріаломъ, какъ нашъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ можно

было собрать его изъ разрозненныхъ источниковъ, онъ не даетъ достаточнаго представленія о широтѣ задуманной работы. Но, имѣя въ виду, что дѣло, во всякомъ случаѣ, касается области весьма чувствительныхъ интересовъ, и притомъ,—надо сказать правду,—области мало извѣданной, нельзя не пожелать, чтобы данныя, долженствующія послужить основою для законопроектовъ, были какъ можно полнѣе и наиболѣе провѣрены. Срочная подготовка ихъ однимъ административнымъ персоналомъ едва ли достаточно гарантируетъ необходимое изученіе предмета. Когда вырабатывались Положенія—въ дѣлѣ приняли участіе представители разнообразныхъ элементовъ: административныхъ, общественныхъ, научныхъ. Если и считать поправки и дополненія меньшею задачею, чѣмъ изданіе основныхъ Положеній,—едва ли она настолько меньше, чтобы можно было вполнѣ удовлетвориться одними административными отзывами. Будь наша мѣстная администрація постоянно въ курсѣ дѣла по отношенію ко всѣмъ предметамъ, по которымъ теперь сдѣланы были запросы, накопляй она матеріалъ изъ близкихъ наблюденій сельской общественно-хозяйственной жизни, относясь къ ея вопросамъ съ неослабною чуткостью,—тогда конечно ей стоило бы только почерпнуть изъ готоваго матеріала—и получилась бы полная и вѣрная картина дѣйствительности. Но едва ли мы впадемъ въ ошибку, сказавъ, что подобнымъ матеріаломъ большинство администраторовъ не обладаетъ, а когда являются запросы—свѣденія готовятся срочно и спеціально для удовлетворенія этой потребности. Тутъ въ отношеніи ко многому неизбѣжны поверхностные выводы, спѣшныя обобщенія, непровѣренныя данныя, и нерѣдко такъ или иначе сложившееся личное мнѣніе или предубѣжденіе замѣняетъ результатъ необходимаго строгаго изслѣдованія. Въ виду этого-то, далеко не безполезно было бы ту же программу, которая предложена представителямъ администраціи, сдѣлать болѣе гласною, сообщить ее общественнымъ представителямъ и дать возможность высказаться по поводу ея всѣмъ, кто имѣлъ возможность и интересъ наблюдать сельскую жизнь поближе и составить опредѣленный взглядъ на ея нужды и условія. Для такихъ предметовъ разносторонность обсужденія особенно важна, и вообще здѣсь гласность гораздо полезнѣе тайны. Избѣгать увеличенія свѣдѣній и заявленныхъ мнѣній нѣтъ повода, такъ какъ они всего болѣе пригодны для провѣрки, а ощущаемый недостатокъ ихъ, вызывая опасеніе односторонности, служитъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ напоминанію о необходимости особенной осторожности въ прикосновеніи къ зданію 19-го февраля.

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ коснуться еще одной стороны дѣла, несомнѣнно очень серьезной, которая хотя и не прямо касается существа программы, но имѣетъ большую связь съ вопросомъ объ успѣхѣ начинаемой работы. Относясь вполнѣ сочувственно ко всякимъ условіямъ упорядочить крестьянское дѣло, нельзя не вспомнить о необходимости наиболѣе твердыхъ гарантій исполненія закона на практикѣ. Можно выработать самыя совершенныя правила, но если ихъ легко будетъ нарушать или обходить, то законъ потеряетъ много своей цѣны. Конечно, могутъ сказать, что всякій законъ издается въ предположеніи точнаго его исполненія, но нельзя упускать изъ виду учащенія извѣстій именно объ очень легкомъ отношеніи къ установленнымъ закономъ правамъ на практикѣ. Наша сельская жизнь рѣшительно нуждается въ усиленіи гарантій законности. На это указываютъ, кромѣ многихъ частныхъ сообщеній и оглашаемыхъ въ печати фактовъ, многіе судебные отчеты, свидѣтельствующіе о примѣрахъ превышенія власти, вызывавшихъ самыя печальныя столкновенія. Чтобы не распространяться далеко, не станемъ вспоминать именъ, тѣмъ болѣе, что особенно выдававшіеся процессы еще свѣжи въ памяти читателей, но остановимся на одномъ видѣ нарушеній—обращеніи съ мірскими приговорами. Мірской приговоръ есть выраженіе общественнаго желанія въ сферѣ тѣхъ предметовъ, гдѣ законъ предоставилъ обществу свободу выраженія и рѣшенія. Давая ближайшимъ начальственнымъ лицамъ извѣстную власть надъ крестьянами, законъ опредѣлилъ ея границы, показавъ, до какого предѣла простирается обязательность исполненія начальническихъ требованій, и гдѣ начинается область вполнѣ непринужденной дѣятельности самого крестьянскаго общества. Но эту-то границу плохо соблюдаютъ иные, склонные къ непомѣрному властвованію, начальники. Пожелаетъ послѣдній установить какой-нибудь общественный расходъ, сдѣлать превышающее его власть назначеніе или провести другую подобную мѣру—власти у него на это не хватаетъ, а отказаться отъ своей затѣи — нежелательно. Распорядиться отъ своего имени—есть шансъ отвѣтственности, но облечь дѣло въ форму мірского приговора—самый удобный исходъ, потому что общество имѣетъ право, по собственному желанію, принимать на себя всякія тяготы и сдѣлать то, на что у начальника недостаточно права. Не я, молъ, приказалъ, а само общество желаетъ! И вотъ, начинается давленіе составить приговоръ о томъ, чего общество не желаетъ, иногда давленіе очень грубое. Крестьяне отказываются, сопротивляются, происходятъ разныя исторіи, но въ результатѣ приговоръ пишется, а затѣмъ формально выступаетъ въ качествѣ дѣла самостоятельнаго общественнаго почина. Тутъ обращается въ фикцію

признанное закономъ мірское право, и это производитъ очень вредное вліяніе. Мы постоянно говоримъ о необходимости пріучать крестьянъ къ соблюденію закона, къ уваженію чужого права, но развѣ подобные примѣры укрѣпляютъ чувство законности? Они, напротивъ, расшатываютъ его, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ у мужика если не на языкѣ, то на умѣ такая мысль:—что ты мнѣ говоришь про законъ и про права, когда самъ ихъ въ нашихъ же глазахъ нарушаешь! Требуя отъ массы уваженія къ закону и праву, прежде всего надо самому показывать въ этомъ отношеніи добрый примѣръ. Мы помнимъ, сколько прилагали къ этому заботъ лучшіе мировые посредники первыхъ временъ. Иначе, возникаетъ та двойственность положенія, которая всего менѣе содѣйствуетъ охранѣ достоинства закона, наводя иныхъ простыхъ людей на ложную мысль, будто законъ гласно требуетъ одного, а на практикѣ допускаетъ другое. На самомъ же дѣлѣ, если бы законъ хотѣлъ усилить власть ближайшаго начальника выше данной мѣры, то онъ сдѣлалъ бы это прямо, не прибѣгая къ обходнымъ манипуляціямъ; а если этого онъ не дѣлаетъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ далъ просторъ мірскому желанію, то затѣмъ, чтобы послѣднее было дѣйствительно непринужденно. Всуе было бы устанавливать мірское право, если его твердо не охранять. Есть, правда, мыслители, толкующіе, будто и принужденіе внѣ закона годится для поддержанія престижа власти,—только они очень недальновидные мыслители: авторитетъ нуженъ закону, а не отступленію отъ него, кто бы его ни производилъ, такъ какъ только законъ есть выраженіе высшей власти; отступленія же отъ него по усмотрѣнію ближайшихъ должностныхъ лицъ расширяютъ ихъ вліяніе именно за счетъ авторитета высшей власти, то-есть—здѣсь одновременная узурпація и мірского права, и этой высшей власти.

Такимъ опытамъ, какъ игра мірскими приговорами, надо рѣшительно положить предѣлъ, приложивъ къ тому соотвѣтствующія усилія, такъ какъ эти опыты стали проявляться гораздо чаще, чѣмъ, напр., въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ. Скажутъ, что это вопросъ особый, не касающійся собственно пересмотра Положеній; да,—съ чисто-формальной стороны онъ дѣйствительно особый, но дѣло въ томъ, что онъ самъ собою навязывается при мысли объ этомъ пересмотрѣ. Послѣдній, конечно, имѣетъ въ виду упорядочить сельскую жизнь, улучшить крестьянское управленіе, правильнѣе опредѣлить порядокъ и условія общественной дѣятельности, точнѣе обозначить тѣ или другія права, но плоды всего этого будутъ ощутительны лишь при достаточно сильныхъ гарантіяхъ соблюденія закона. Каждый шагъ къ улучшеніямъ правилъ симпатиченъ, но нельзя

не желать, чтобы при этомъ не смущала мысль—насколько новое правило будетъ соблюдаемо лучше, чѣмъ хотя бы прежнія правила о тѣхъ же мірскихъ приговорахъ?

Строя зданіе, надо прежде всего имѣть подъ нимъ твердый фундаментъ, а такимъ въ данномъ случаѣ можетъ быть лишь укрѣпленіе законности. Дополняется зданіе, а фундаментъ отъ времени подался—надо его укрѣпить вновь.

Съ большимъ интересомъ станемъ ждать яснаго обозначенія объема начинаемаго труда и дальнѣйшаго его хода, а пока пожелаемъ успѣха удовлетворенію дѣйствительно назрѣвшихъ потребностей крестьянскаго дѣла, съ обставленіемъ его надлежащими гарантіями.

Ѳ. Воропоновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1897 г.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, и его поѣздка въ Парижъ и въ Берлинъ.—Главнѣйшія современныя задачи русской дипломатіи и ея руководителя.—Восточныя дѣла.—Англо-американскій договоръ о третейскомъ судѣ.

Назначеніе у насъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ возбудило разнообразнѣйшіе толки въ заграничной печати еще прежде, чѣмъ оно объявлено было оффиціально. Французскія газеты заранѣе выражали свое полное удовольствіе; изъ Лондона и Берлина получались болѣе смѣшанные отзывы, отчасти скептическіе, съ намеками на возможныя, будто бы, перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ съ Германіею. Многіе западно-европейскіе публицисты довольствовались общими замѣчаніями о миролюбіи нашей внѣшней политики и высказывали надежду на дальнѣйшее упроченіе этихъ мирныхъ традицій; другіе изощрялись въ догадкахъ и предположеніяхъ относительно личныхъ взглядовъ и намѣреній новаго министра. Въ сущности всѣ разнорѣчивые отзывы о состоявшемся назначеніи, какъ восторженно хвалебные, такъ и критическіе, были одинаково преждевременны и произвольны. Характеръ и направленіе нашей дипломатіи не могутъ, конечно, измѣниться при преемникѣ князя Лобанова-Ростовскаго, а предшествовавшая дѣятельность графа М. Н. Муравьева не даетъ достаточнаго матеріала для сужденій объ его самостоятельныхъ политическихъ планахъ и идеяхъ. Занимая сравнительно второстепенный, хотя и очень важный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, постъ посланника при копенгагенскомъ дворѣ, графъ Муравьевъ былъ скорѣе наблюдателемъ, чѣмъ участникомъ крупныхъ международныхъ дѣлъ, занимавшихъ европейскіе кабинеты въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Но именно эта роль компетентнаго наблюдателя, въ связи съ многолѣтнею дипломатическою опытностью, представляла чрезвычайно благопріятныя условія для спокойнаго, безпристрастнаго изученія главныхъ пружинъ международной политики. Ни въ одной отрасли государственной дѣятельности не водворяется такъ легко господство рутины, склонность къ поверхностнымъ формальнымъ рѣшеніямъ и къ одностороннему культу фразы, какъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Долговременное пребываніе въ центральныхъ дипломатическихъ канцеляріяхъ едва-ли можетъ поэтому считаться полезной школой для

подготовки государственныхъ людей, способныхъ направлять политику великой державы. Почтенные ветераны этихъ канцелярій, въ томъ числѣ и такіе, которые успѣли побывать въ должности дипломатическаго представителя гдѣ-нибудь въ Персіи или въ Бразиліи, рѣдко обладаютъ качествами, необходимыми для самостоятельнаго руководства дипломатіею при современныхъ условіяхъ политической жизни въ Европѣ. Такъ же точно продолжительное занятіе отвѣтственнаго поста въ какомъ-нибудь одномъ политическомъ центрѣ, въ сферѣ спеціальныхъ интересовъ и подъ постояннымъ вліяніемъ опредѣленной политической обстановки, мало способствуетъ выработкѣ широкаго и яснаго пониманія всей совокупности задачъ, связанныхъ съ международнымъ положеніемъ государства. Дипломатическая рутина и спеціальный односторонній опытъ не создаютъ подходящихъ кандидатовъ въ министры, и съ этой точки зрѣнія непосредственный переходъ графа Муравьева изъ Копенгагена въ Петербургъ, отъ скромной должности посланника къ руководящей министерской дѣятельности, можетъ быть признанъ хорошимъ предзнаменованіемъ для будущаго. Свободный отъ бюрократическихъ привычекъ и традицій, отъ приверженности къ рутиннымъ формуламъ и способамъ дѣйствія, новый министръ иностранныхъ дѣлъ имѣетъ полную возможность внести свѣжій духъ и живое содержаніе въ обширную область дѣятельности дипломатическаго вѣдомства. Въ Парижѣ и въ Берлинѣ, гдѣ графъ Муравьевъ въ молодые годы состоялъ при нашихъ посольствахъ, легко пріобрѣтается знакомство съ главными политическими теченіями западно-европейской жизни, а это знакомство есть существенное условіе успѣха для дипломата, призваннаго дѣйствовать въ Европѣ и поддерживать дружественныя связи съ представителями передовыхъ культурныхъ націй.

Разумѣется само собою, что за границею назначеніе графа Муравьева интересовало публику исключительно лишь въ смыслѣ возможнаго вліянія сдѣланнаго выбора на отношенія Россіи съ тою или другою отдѣльною державою. Французы сразу усмотрѣли въ нашемъ новомъ министрѣ истиннаго друга Франціи; парижскій „Temps" заявлялъ свою радость по поводу того, что прекратилось, наконецъ, временное переходное положеніе, съ которымъ связаны были замѣтныя неудобства для французской дипломатіи—маленькія недоумѣнія и пререканія, смущавшія, повидимому, безусловныхъ сторонниковъ франко-русскаго союза. На какія обстоятельства намекалъ „Temps"—намъ въ точности неизвѣстно. Говорили о разногласіяхъ между нашимъ посломъ въ Константинополѣ и его французскимъ коллегою, Камбономъ, по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ; упоминали также о неудачѣ проекта, касавшагося преобразованія турецкихъ финан-

совъ и поддержаннаго на первыхъ порахъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Отдавая справедливость заслугамъ временно управлявшаго министерствомъ статсъ-секретаря Шишкина, „Temps" называетъ его „превосходнѣйшимъ знатокомъ Азіи, отличнымъ помощникомъ, совѣтникомъ и исполнителемъ, но не призваннымъ, быть можетъ, играть первыя роли и брать на себя подавляющую отвѣтственность руководителя". Очевидно, французское правительство было чѣмъ-то недовольно, и оно находитъ теперь, что причины неудовольствія устранены. Если оставались еще какія-нибудь сомнѣнія, то они исчезли при первомъ извѣстіи о поѣздкѣ графа Муравьева въ Парижъ. Новый министръ, прежде чѣмъ вступить въ управленіе своимъ вѣдомствомъ, отправился въ Копенгагенъ, для врученія своихъ отзывныхъ грамотъ датскому королю, а оттуда поѣхалъ на два дня во Францію, чтобы—какъ сказано въ сообщеніи „Агентства Гаваса" —„быть представленнымъ президенту республики и войти въ сношенія съ французскими министрами". Эта поѣздка принята французами за новое подтвержденіе нашей вѣрности союзу предъ лицомъ всего свѣта. Пріемъ, устроенный графу Муравьеву французскимъ правительствомъ, соотвѣтствовалъ общему настроенію въ Парижѣ и во Франціи. Двухдневное пребываніе нашего министра въ столицѣ дружественной страны (28—30 января, нов. ст.) не имѣло характера простого оффиціальнаго визита; оно слишкомъ ясно свидѣтельствовало о томъ, что Франція признается нашей союзницею, съ которою надо условиться относительно совмѣстной дипломатической дѣятельности по текущимъ международнымъ вопросамъ. При существованіи тѣснаго дружескаго союза представляется вполнѣ естественнымъ, что глава русской дипломатіи, передъ вступленіемъ своимъ въ должность, совершилъ спеціальную поѣздку для предварительныхъ личныхъ совѣщаній съ правителями союзной страны; но во всякомъ случаѣ этотъ шагъ указываетъ на особенную близость отношеній, независимо отъ внѣшняго союза, который самъ по себѣ вовсе не влечетъ за собою необходимости подобныхъ предварительныхъ путешествій. Державы тройственнаго союза, напримѣръ, не слѣдуютъ такому обычаю; новые министры иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи и Италіи не посѣщали Берлина тотчасъ послѣ своего назначенія, и равнымъ образомъ германскій министръ, баронъ Маршалль фонъ-Биберштейнъ, не объѣзжалъ союзныхъ дворовъ. Австро-венгерскіе или итальянскіе министры даже не могли бы обнаружить такую предупредительность относительно Германіи, ибо они неизбѣжно навлекли бы на себя нареканіе въ чрезмѣрномъ угодничествѣ, въ подрывѣ достоинства и авторитета своихъ государствъ, въ желаніи стать въ вассальную зависимость отъ Берлина. Точно такъ же и фран-

цузскій министръ не имѣлъ бы возможности сдѣлать то, что съ нашей стороны является лишь простою любезностью;—ни г. Ганото, ни его предмѣстники, не ѣздили къ намъ въ Россію, а еслибы вздумали искать свиданій съ русскими министрами до вступленія своего въ должность, то подверглись бы вѣроятно горячимъ обвиненіямъ и нападкамъ. Въ этомъ именно и заключается огромное преимущество Россіи въ отношеніяхъ ея съ Франціею: насъ никто не заподозритъ въ заискиваніи у французовъ, хотя бы мы оказывали имъ совершенно исключительное вниманіе, между тѣмъ какъ французскіе политическіе дѣятели должны постоянно держаться на-сторожѣ противъ возможныхъ толкованій ихъ руссофильскихъ поступковъ. Мы поставлены такъ, что наша предупредительность, даже самая преувеличенная, принимается за признакъ сердечности или за актъ великодушія,—ибо въ сущности внѣшній союзъ есть для насъ дѣйствительно предметъ роскоши, тогда какъ для другихъ онъ есть предметъ необходимости. Намъ остается заботиться только объ одномъ, чтобы близость съ Франціею не переходила за черту мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Германіею. Поддерживать это равновѣсіе не особенно трудно въ наше время, какъ показываетъ опытъ. Нѣмецкое общественное мнѣніе нашло себя удовлетвореннымъ и убѣдилось въ обезпеченности внѣшняго мира, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что графъ Муравьевъ на обратномъ пути изъ Парижа заѣдетъ въ Берлинъ, представится императору Вильгельму II и увидится съ его канцлеромъ и министрами. Такими легкими способами сохраняется политическое равновѣсіе въ Европѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что для нашего національнаго самолюбія въ высшей степени лестно необыкновенное значеніе, приписываемое каждому шагу нашей дипломатіи на Западѣ. Замѣщеніе вакантнаго поста русскаго министра иностранныхъ дѣлъ оказалось обще-европейскимъ событіемъ первостепенной важности, и вся заграничная печать занялась разсужденіями о графѣ Муравьевѣ. Мы какъ будто держимъ въ своихъ рукахъ судьбу общаго мира; наша дружба цѣнится чрезвычайно высоко, а союзъ нашъ составляетъ счастіе для такой прекрасной и передовой страны, какъ Франція. Выдающіеся дѣятели Англіи все чаще высказываютъ мнѣніе, что систематическое недовѣріе къ Россіи было роковою ошибкою прошлаго, и что эту ошибку надо исправить какъ можно скорѣе. Наше международное положеніе кажется крайне завиднымъ, и оно внушаетъ естественное чувство гордости многимъ нашимъ патріотамъ. Пріятно читать наши газеты, когда онѣ снисходительно говорятъ о чужихъ народахъ и государствахъ, ищущихъ сближенія съ Россіею; нѣкоторые изъ нашихъ органовъ печати усвоили даже разъ навсегда особый тонъ относи-

тельно различныхъ націй,—тонъ покровительственный по отношенію къ французамъ, сурово-обличительный—для англичанъ, сдержанно-холодный—для нѣмцевъ, высокомѣрный—для австрійцевъ и итальянцевъ. По многимъ внѣшнимъ признакамъ, можно думать, что Россія играетъ теперь первенствующую роль въ Европѣ; но эту роль она играетъ только потому, что неуклонно держится мирной политики, не добивается и не ищетъ ничего для себя, охраняетъ свои интересы безъ ущерба для другихъ и избѣгаетъ какихъ бы то ни было положительныхъ предпріятій, могущихъ нарушить общее согласіе и спокойствіе. Пока мы не обнаружимъ готовности отступить отъ этой разумной политической програмны,—а этого, конечно, не предвидится,—до тѣхъ поръ счастливыя внѣшнія обстоятельства будутъ продолжаться и впредь.

Попробуемъ, однако, поставить себѣ одинъ практическій и весьма важный вопросъ: отражается ли нынѣшнее международное величіе Россіи на положеніи и настроеніи русскихъ подданныхъ, находящихся временно за границею? Чувствуетъ ли русскій человѣкъ, пребывающій гдѣ-нибудь на чужбинѣ, что онъ повсюду пользуется могущественною охраною и защитою великаго государства, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ между державами міра? Можетъ ли русскій сознавать себя столь же неприкосновеннымъ для иностранныхъ посягательствъ, какъ, напримѣръ, англійскій подданный? Увы, никто изъ русскихъ не скажетъ съ гордостью въ чужихъ краяхъ: civis romanus sum,—а если скажетъ, то его слова останутся безполезнымъ звукомъ. Принадлежность къ великому государству далеко не ставитъ русскаго человѣка за границею въ равноправное положеніе съ англійскимъ или германскимъ подданнымъ. Одна изъ существенныхъ функцій дипломатіи—охрана личныхъ и имущественныхъ правъ соотечественниковъ въ предѣлахъ чужихъ государствъ,—считается у насъ до сихъ поръ почему-то незначительною, второстепенною, какъ бы необязательною, въ прямую противоположность господствующимъ понятіямъ западно-европейскихъ народовъ. Англійскіе дипломатическіе представители славятся своею энергіею и настойчивостью въ огражденіи англичанъ отъ малѣйшихъ посягательствъ туземцевъ въ разныхъ странахъ земного шара; они видятъ въ этомъ главную свою задачу, и оттого англичанинъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда носитъ съ собою сознаніе могущества своей родины, вездѣ чувствуетъ за собою покровительство Англіи, которое въ случаѣ надобности въ каждый данный моментъ можетъ превратиться въ реальную, спасительную силу. Мы же на чужбинѣ испытываемъ, напротивъ, чувство безправности, заброшенности и безсилія; мы обыкновенно беззащитны при какихъ-нибудь столкновеніяхъ съ мѣстными жителями или властями, и ту-

земная администрація, которая никогда не рѣшится произвольно арестовать англичанина, поступитъ съ русскимъ безъ всякихъ церемоній. За границей знаютъ по опыту, что наша дипломатія по возможности избѣгаетъ заступничества за русскихъ подданныхъ или заступается за нихъ больше для формы; поэтому, политическое вліяніе ея, какъ бы ни было оно значительно, остается безплоднымъ для отдѣльныхъ лицъ и нисколько не способствуетъ возвышенію внѣшняго авторитета русскаго имени среди чужихъ народовъ. Дорого стоющее дипломатическое представительство существуетъ, разумѣется, не для однихъ только внѣшнихъ формальныхъ сношеній съ иностранными правительствами и не только для оказанія почета иноземнымъ высокопоставленнымъ лицамъ; по здравому смыслу, оно должно употреблять свою нравственную силу для того, чтобы повсюду поддерживать уваженіе къ своей національности и доставлять въ нужныхъ случаяхъ защиту и содѣйствіе отдѣльнымъ ея представителямъ. Для чего же иначе служитъ весь этотъ сложный механизмъ дипломатіи? Какую реальную пользу приноситъ внѣшнее политическое вліяніе, если оно на практикѣ ни въ чемъ не выражается? Въ этомъ отношеніи необходима, очевидно, соотвѣтственная реформа для того, чтобы наше дипломатическое представительство достигло внутренней равноправности съ западно-европейской, по объему своихъ обязанностей и по способу ихъ исполненія. Играя въ Европѣ ту руководящую роль, о которой сообщаютъ намъ газеты, наша дипломатія не должна по крайней мѣрѣ слишкомъ отставать отъ англійской или германской по характеру своей обычной дѣятельности.

Намъ кажется, что англійская дипломатическая практика могла бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служить для насъ достойнымъ подражанія образцомъ. Если дипломатія существуетъ и если за нею стоятъ огромныя военныя силы, то она можетъ и должна дѣйствовать настойчиво для достиженія ясно поставленныхъ и опредѣленныхъ цѣлей,—и между прочимъ, для правильнаго исполненія своихъ постоянныхъ будничныхъ функцій. Напомнимъ фактъ, случившійся въ Лондонѣ въ октябрѣ прошлаго года. Китайскій врачъ, Сунъ-Йетъ-Сенъ, былъ завлеченъ своимъ знакомымъ въ помѣщеніе китайскаго посольства и задержанъ тамъ по обвиненію въ заговорѣ противъ богдыхана и его династіи. Узнавъ объ этомъ арестѣ, лордъ Сольсбери потребовалъ отъ посланника освобожденія задержаннаго китайца; а когда это требованіе не было исполнено, онъ распорядился приставить полицейскихъ къ дому посольства и предложилъ посланнику немедленно и безусловно выпустить задержаннаго Сунъ-Йетъ-Сена на свободу, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, употребить для этого полицейскую силу. Ультиматумъ подѣйствовалъ, и арестованный былъ освобож-

день. Энергія англійскаго премьера могла привести къ разрыву дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ и, слѣдовательно, къ крупнымъ неудобствамъ, убыткамъ и, можетъ быть, даже опасностямъ для британскихъ интересовъ на дальнемъ Востокѣ; но эти соображенія,—вопреки обычнымъ фразамъ о торгашескихъ принципахъ англичанъ,—никогда не останавливаютъ англійскую дипломатію, когда дѣло идетъ о защитѣ права Англіи или ея отдѣльныхъ гражданъ. Дѣйствовать круто или сдержанно, мирными средствами или угрозами,—это уже дѣло тактики и цѣлесообразности; но англичане отлично понимаютъ, что миролюбіе вовсе не равносильно пассивности и бездѣйствію, и что своевременная настойчивость не имѣетъ ничего общаго съ воинственностью. Только такая твердая, энергическая охрана англійскихъ правъ, какъ въ дѣлѣ Сунъ-Йетъ-Сена, создала англичанамъ ту репутацію неприкосновенности, которою они одни пользуются во всемъ мірѣ. Но для твердой защиты права нужно самимъ уважать это право; для охраны личности каждаго подданнаго въ чужихъ странахъ надо уважать личность каждаго у себя дома, на родинѣ. Внутреннее соотвѣтствіе между домашними обычаями государства и внѣшнею дипломатической практикою облегчаетъ, конечно, положеніе англійскихъ представителей въ подобныхъ случаяхъ. Однако, для дипломатіи обязательно руководствоваться извѣстными общими началами; и если, напр., мы сами не придавали бы большого значенія отдѣльной личности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы можемъ смотрѣть равнодушно на нарушеніе нашихъ личныхъ правъ китайцами или турками. Не въ нашихъ традиціяхъ поступать такъ, какъ поступилъ лордъ Сольсбери въ приведенномъ примѣрѣ; у насъ вѣроятно не дошли бы до ультиматума, а ограничились бы мирными разъясненіями, которыя дали бы китайскому посланнику возможность отослать арестованнаго въ Китай для суда и расправы; возможно также, что мы вовсе не заинтересовались бы сравнительно мелкимъ случаемъ произвольнаго ареста на нашей территоріи, тѣмъ болѣе что дѣло шло лишь объ отсылкѣ китайца въ отечество по распоряженію посланника. Когда затронуты или нарушены интересы русскихъ подданныхъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, наши дипломаты прежде всего имѣютъ въ виду предупрежденіе непріятныхъ споровъ съ иностранными властями и министрами, между тѣмъ какъ на первомъ планѣ долженъ былъ бы стоять вопросъ права, а не удобства. Въ болѣе крупныхъ спорахъ и столкновеніяхъ у насъ принято за правило держаться медлительной осторожности, идти на сдѣлки и компромиссы, довольствоваться полумѣрами, уклоняться отъ рѣшительныхъ заявленій и облекать свои взгляды въ неясныя, условныя формулы. Постоянная забота при этомъ — боязнь серьезныхъ

послѣдствій и замѣшательствъ, непремѣнное желаніе какъ-нибудь обойти затрудненія. Такая колеблющаяся тактика, хотя бы она исходила изъ мотивовъ миролюбія, вѣрнѣе всего приводитъ къ тяжелому, запутанному кризису и затѣмъ къ войнѣ; двусмысленность и уклончивость дѣйствій вызываютъ общее недовѣріе, одностороннія безкорыстныя обѣщанія превращаются въ обязательства, и въ концѣ концовъ мы противъ воли можемъ вовлечься въ водоворотъ событій, безъ цѣли и плана, при самыхъ худшихъ для насъ условіяхъ, для пользы враговъ и соперниковъ. Такъ возникла послѣдняя турецкая война, послѣ цѣлаго ряда обманчивыхъ соглашеній, колебаній и невѣроятныхъ уступокъ кабинетамъ вѣнскому и лондонскому. Несмотря на неоднократный печальный опытъ, у насъ все еще не прониклись убѣжденіемъ, что опредѣленность цѣлей и дѣйствій несравненно выгоднѣе перемѣнчивыхъ, случайныхъ комбинацій, и что одна политика миролюбія, безъ точной положительной программы, можетъ оказаться, при извѣстныхъ условіяхъ, опаснѣйшею изъ политикъ. Оттого мы ничего не достигали, напр., въ турецкомъ вопросѣ, даже располагая первенствующимъ политическимъ вліяніемъ, тогда какъ англичане обезпечиваютъ успѣхъ своимъ требованіямъ и интересамъ, благодаря ясности и категоричности своихъ стремленій, безъ всякаго для себя риска войны. Въ этомъ отношеніи наши дипломатическія традиціи нуждаются въ обновленіи.

Еще одна реформа была бы весьма полезна для нашей внѣшней политики. О дѣйствіяхъ и заявленіяхъ русской дипломатіи мы узнаемъ лишь изъ западно-европейскихъ оффиціальныхъ сборниковъ, періодически печатаемыхъ правительствами подъ названіемъ синихъ, зеленыхъ, желтыхъ и т. п. книгъ. Никакихъ соотвѣтственныхъ документовъ не печатается съ нашей стороны, вслѣдствіе чего дѣятельность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ получаетъ одностороннее заграничное освѣщеніе, къ явной своей невыгодѣ. Систематическое недовѣріе къ нашей политикѣ наиболѣе питается и поддерживается недоступностью ея публичной оцѣнкѣ; многія недоразумѣнія, ложные толки и слухи находятъ для себя благопріятную почву и легко укореняются въ обществѣ при отсутствіи оффиціальныхъ свѣдѣній, которыми своевременно возстановлялись бы факты въ томъ видѣ, какъ они происходили въ дѣйствительности. Политическіе интересы Россіи несомнѣнно выиграли бы, еслибы наша дипломатія въ этомъ отношеніи перестала быть исключеніемъ въ Европѣ и послѣдовала примѣру другихъ нашихъ вѣдомствъ, напр. финансоваго и земледѣльческаго, аккуратно публикующихъ отчеты, которые въ былое время входили въ область канцелярской тайны. Не-

чего и говорить, что это нововведеніе было бы повсюду встрѣчено общимъ сочувствіемъ.

Наглядное доказательство необходимости подобныхъ дипломатическихъ публикацій со стороны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ можно видѣть въ тѣхъ недоумѣніяхъ, какія вызваны въ заграничной печати обнародованными недавно англійскими синими книгами относительно турецкихъ дѣлъ. Газеты сообщали въ свое время, что лордъ Сольсбери предложилъ державамъ войти въ соглашеніе насчетъ принудительныхъ мѣръ противъ Турціи, въ случаѣ несогласія султана принять и ввести проекты необходимыхъ реформъ, выработанные европейскою дипломатіею. По свѣдѣніямъ газетъ, предложеніе Англіи было отклонено, причемъ съ наибольшею рѣшительностью высказалась противъ него Россія. Лондонскій кабинетъ будто бы остался изолированнымъ, и по этому поводу нѣкоторые наши публицисты предавались злорадству, разсуждая объ англійской неудачѣ. Позднѣе, общее согласіе державъ возстановилось, и представители ихъ въ Константинополѣ стали дѣйствовать дружно. По всѣмъ признакамъ можно было заключить, что Англія отказалась отъ своей мысли и примкнула къ большинству, отвергавшему употребленіе насилія. Что же оказывается на дѣлѣ? Какъ разъ наоборотъ: лордъ Сольсбери успѣлъ убѣдить всѣ остальные кабинеты въ безусловной необходимости и цѣлесообразности своего проекта, и общее согласіе утвердилось именно на этой новой основѣ. Справедливо, что Россія дважды категорически отказала въ своемъ согласіи, но нѣсколько времени спустя она признала англійскіе доводы основательными и взяла назадъ свои возраженія. Чѣмъ объяснить эту рѣзкую перемѣну во взглядахъ нашей дипломатіи, въ продолженіе короткаго, чуть ли не десятидневнаго срока? Очевидно, для такого поворота должны были существовать достаточныя фактическія основанія; но объ этихъ основаніяхъ ничего не говорится въ англійской синей книгѣ, и въ результатѣ получается странное впечатлѣніе, неблагопріятное для нашей политики. Разумѣется, — этотъ важный и неизбѣжный пробѣлъ въ англійскихъ дипломатическихъ документахъ могъ бы быть пополненъ только со стороны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Существованіе общаго согласія державъ относительно возможныхъ принудительныхъ мѣръ противъ Турціи ставитъ весь нынѣшней турецкій вопросъ на новую почву и придаетъ ему болѣе серьезный, реальный характеръ, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. Самая сущность состоявшагося соглашенія остается неизвѣстною; но турецкій султанъ и его совѣтники знаютъ по крайней мѣрѣ, чѣмъ они рискуютъ, если не примутъ настоятельныхъ совѣтовъ соединенной евро-

пейской дипломатіи. Старая увѣренность въ томъ, что представители великихъ культурныхъ націй непремѣнно перессорятся между собою при первомъ поднятіи вопроса о судьбѣ Константинополя, должна быть давно отброшена, какъ устарѣлая, безсмысленная традиція. Опасныя распри возникли бы только въ одномъ случаѣ, — еслибы какая-либо изъ державъ пожелала завладѣть турецкою столицею въ свою исключительную пользу, или еслибы вообще предстояло совершить раздѣлъ турецкой территоріи между заинтересованными европейскими государствами. Но подобное начинаніе было бы абсурдомъ, ибо ясно какъ Божій день, что выступленіе одной державы противъ пяти для захвата Константинополя находится уже внѣ области вѣроятнаго или возможнаго. Идеи о грандіозныхъ войнахъ ради какого-нибудь спорнаго географическаго пункта, хотя бы и чрезвычайно важнаго, повторяются людьми только по традиціонной привычкѣ; теперь всякій понимаетъ, что существуютъ другіе, болѣе человѣческіе способы разрѣшенія такого рода задачъ. Ни одна держава въ отдѣльности не можетъ и не рѣшится заявить исключительное притязаніе на завладѣніе Константинополемъ; Россія имѣла когда-то благопріятные случаи для такого захвата, но упустила ихъ, и едва ли они вновь представятся ей въ будущемъ. Единственнымъ разумнымъ и осуществимымъ рѣшеніемъ было бы образованіе нейтральной области изъ Константинополя и окружающей его территоріи, подъ совмѣстнымъ протекторатомъ великихъ европейскихъ націй. Такое рѣшеніе не заключало бы въ себѣ ничего фантастическаго; оно мирно покончило бы разъ навсегда съ жгучею дипломатическою проблемою, унаслѣдованною отъ прошлыхъ столѣтій.

Соединенные-Штаты и Англія, какъ извѣстно, помирились на почвѣ венецуэльскаго вопроса; но, не довольствуясь заключеніемъ сдѣлки по этому частному спору, правительства обѣихъ странъ рѣшились предупредить на будущее время самую возможность подобныхъ конфликтовъ, вызывающихъ обыкновенно опасенія разрыва и войны. Въ началѣ января (нов. ст.) подписанъ въ Вашингтонѣ американскимъ министромъ Ольнеемъ и британскимъ посломъ сэромъ Пэнсфотомъ трактатъ о третейскомъ судѣ для разбора несогласій, возникшихъ или могущихъ возникнуть въ будущемъ между Великобританіею и великою сѣверо-американскою республикою. Этотъ трактатъ обнимаетъ всѣ возможные случаи пререканій, кромѣ затрогивающихъ національную честь. Учреждаются два третейскихъ судилища: одно—для разсмотрѣнія денежныхъ споровъ и претензій, а другое—для рѣшенія вопросовъ территоріальныхъ. Въ первый судъ каж-

дое изъ правительствъ назначаетъ по одному уполномоченному; въ случаѣ разногласія между обоими судьями, они избираютъ третьяго арбитра; а если они не сойдутся въ выборѣ его, то избраніе предоставляется королю шведскому; назначенный такимъ образомъ третій судья постановляетъ рѣшеніе, которое будетъ окончательнымъ. Второе судилище, вѣдающее территоріальные споры, будетъ состоять изъ шести членовъ, изъ которыхъ трое избираются высшимъ американскимъ судомъ, и трое—англійскимъ правительствомъ изъ среды членовъ тайнаго королевскаго совѣта или высшаго суда. Рѣшеніе, постановленное пятью членами, будетъ считаться окончательнымъ. Если стороны не пожелаютъ ему подчиниться, то во всякомъ случаѣ онѣ обязаны обратиться къ посредничеству какой-либо одной и нѣсколькихъ державъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Договоръ заключается на пять лѣтъ, но онъ возобновляется каждый разъ на новый срокъ, если одна изъ сторонъ не заявитъ о своемъ отказѣ.

Этотъ важный трактатъ, указывающій всѣмъ европейскимъ государствамъ разумный путь для избѣжанія напрасныхъ военныхъ столкновеній, достойнымъ образомъ завершаетъ собою второе президентство Кливлэнда; но въ своемъ настоящемъ видѣ онъ едва ли получитъ санкцію нынѣшняго американскаго сената и, вѣроятно, будетъ вновь разсмотрѣнъ послѣ вступленія во власть новаго президента и новыхъ законодательныхъ палатъ.

ЭРНСТЪ ЭНГЕЛЬ.

Письмо изъ Берлина.

Вѣсть о смерти Эрнста Энгеля, знаменитаго статистика, бывшаго директора прусскаго статистическаго бюро, реорганизатора административной статистики, получена была въ Берлинѣ 8-го января н. с. Покойному было 75 лѣтъ... За многочисленными некрологами покойнаго, въ печати начали появляться воспоминанія о немъ его товарищей по занятіямъ, между прочими Бёмерта, и учениковъ, Кнаппа, Бремеля и мн. др. Попадались и анекдоты о „гехеймратѣ“ Энгелѣ, очень популярнаго въ Берлинѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ,—своей энергичной дѣятельностью и живой личностью чрезвычайно много содѣйствовавшаго интересу къ статистическимъ изслѣдованіямъ. Въ одномъ анекдотѣ Энгелю приписывается намѣреніе сосчитать всѣ яйца, положенныя въ теченіе года прусскими курицами. Въ другомъ—не въ мѣру усердный счетчикъ спрашиваетъ Энгеля, нельзя ли сосчитать, сколько спичекъ употребляется въ странѣ въ теченіе года? На что гехеймратъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ вопросомъ:—А сколько спичекъ вы сами употребляете?—и получивъ въ отвѣтъ, что спрашивающій этого не знаетъ, сердито восклицаетъ:—Какъ же вы хотите, чтобы я зналъ это относительно всей страны?

Послѣ Кетлé едва ли можно назвать другого ученаго статистика, который оказалъ бы такое вліяніе на свой предметъ, какъ Эрнстъ Энгель. Въ засѣданіяхъ международныхъ статистическихъ странъ делегаты смотрѣли на него какъ на призваннаго вождя, остроумнаго новатора и соединявшаго богатство мыслей съ большимъ практическимъ опытомъ. Ему еще не было 30 лѣтъ, когда его поставили въ Дрезденѣ во главѣ новаго учрежденія—саксонскаго статистическаго бюро, и, въ самое короткое время, работы этого бюро уже выдавались своей свѣжестью, своевременностью, практичностью. Между тѣмъ, Энгель не былъ статистикомъ по образованію, а инженеромъ, много путешествовавшимъ, много видѣвшимъ и въ особенности присматривавшимся къ соціальнымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи, у него общая судьба съ Зюссмильхомъ—теологомъ, и Кетлé—математикомъ и астрономомъ. Многіе даже готовы видѣть въ этой исторіи самыхъ выдающихся статистиковъ доказательства, что статистика не наука, а только методъ. Шире всего дѣятельность Энгеля развилась

въ Берлинѣ. Традиціи, которыя Энгель засталъ въ прусской оффиціальной статистикѣ,—главою ея онъ сталъ въ 1860 г.,—можно опредѣлить мѣткими словами Кнаппа: bureaukratischer Ernst, geringe Wirksamkeit, gar kein Einfluss. Во главѣ статистическаго бюро и до Энгеля стояли образованные люди, какъ Гоффманъ, Дитерици; но у нихъ не было умѣнья, а можетъ быть и желанія выйти изъ узкихъ рамокъ, поставленныхъ статистическому изслѣдованію бюрократическимъ спросомъ. О вліяніи, или даже только о живой работѣ, уже потому не могло быть рѣчи, что бюро лишь выполняло предписанія министерства, подготовляя матеріалъ для административныхъ цѣлей. Совершенно въ духѣ мартовской реакціи, прусскому правительству и въ голову не приходило признавать за обществомъ право на знакомство съ общественными явленіями, изслѣдованными статистическимъ способомъ. Значеніе оффиціальной статистики въ глазахъ публики, впрочемъ, соотвѣтствовало ея скудному и неудобоваримому содержанію, и рѣдко находились смѣльчаки, рисковавшіе экскурсіей въ статистическія таблицы, тѣмъ болѣе, что и тэмы ихъ стояли далеко отъ того, чтó интересуетъ свѣжихъ людей.

При Энгелѣ это сразу перемѣнилось. Его девизомъ всегда были слова, высказанныя имъ еще въ 1855 году и послѣдовательно осуществленныя во всей его дѣятельности: das befrüchtende Element der Statistik ist die Oeffentlichkeit, т.-е.: публичность, гласность—оплодотворяющій элементъ въ статистикѣ. Среди многочисленныхъ свѣтлыхъ идей въ головѣ замѣчательнаго статистика это была не самая оригинальная, но зато она наиболѣе содѣйствовала осуществленію другихъ, входившихъ въ область его ближайшей дѣятельности. Энгель, напр., ясно видѣлъ, что и кругъ, и пріемы переписей, предпринятыхъ до него, до крайности узки, несовершенны. У него уже намѣчены были новые пріемы, какъ въ техникѣ переписи, такъ и въ ея содержаніи; но какъ разсчитывать на успѣхъ при пассивномъ или даже враждебномъ отношеніи общества? Чѣмъ заставить населеніе дать точные отвѣты на многочисленные вопросы? Недостаточно грозить штрафомъ и наказаніемъ: несравненно дѣйствительнѣе угрозъ—разумное отношеніе людей къ задачамъ статистики, пониманіе ея смысла, пользы. Этого Энгель надѣялся достигнуть широкой популяризаціей статистическихъ свѣдѣній въ обществѣ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ его, въ качествѣ директора прусскаго бюро, было основаніе журнала (Zeitschrift der preussischen Statistischen Bureaux), содержаніе котораго по идеѣ Энгеля должно быть доступно не только спеціалистамъ, но образованнымъ людямъ вообще. Распространяя изслѣдованія на большій и бóльшій кругъ соціальныхъ явленій, включая въ него цѣлый рядъ хо-

зяйственныхъ и нравственныхъ вопросовъ, Энгель руководствовался требованіемъ, которое онъ предъявлялъ и къ своимъ сотрудникамъ: статистика не должна быть суха, и центръ ея результатовъ долженъ быть переведенъ изъ таблицъ въ объяснительный текстъ. Всякое научное изслѣдованіе, какъ бы содержательно оно ни было, читается, однако, немногими. Чтобъ сдѣлать самые крупные факты изъ своей области доступными массамъ, Энгель основалъ „Статистическую корреспонденцію", дающую въ извлеченіи и краткихъ чертахъ результатъ изслѣдованій не только прусской статистики, но и аналогичныхъ работъ по всѣмъ странамъ. Съ тѣхъ поръ нѣтъ редакціи большой газеты, въ которой нельзя было бы найти „Statistische Correspondenz", не проходило мѣсяца, чтобы политическая печать ею не пользовалась, и такимъ образомъ масса читателей все больше привыкала слѣдить за выводами статистическихъ предпріятій. Купецъ, имѣя дѣла съ отдаленными странами, обращается теперь къ публикаціямъ статистическаго бюро или въ его библіотеку, и почти всегда находитъ матеріалъ по интересующему его практическому вопросу. Такъ же поступаетъ теперь врачъ, юристъ, техникъ. При Энгелѣ, библіотека прусскаго статистическаго бюро стала одною изъ лучшихъ спеціальныхъ библіотекъ въ Европѣ: она насчитываетъ теперь болѣе 130.000 томовъ и располагаетъ превосходнымъ систематическимъ каталогомъ. По образцу Британскаго Музея, Энгель установилъ порядокъ пользованія книгами только въ библіотекѣ, безъ выдачи на домъ, для того, чтобы каждый, имѣющій надобность въ книгѣ, находилъ ее на ея мѣстѣ. Разсказываютъ, что самъ глава статистическаго бюро безропотно отдавалъ находившіяся у него въ кабинетѣ книги изъ библіотеки, если служитель къ нему являлся съ докладомъ, что книга потребована посѣтителемъ, кто бы посѣтитель ни былъ.

Не будучи экономистомъ по спеціальности, Энгель своими трудами, реорганизаціей статистическихъ бюро и въ особенности учрежденіемъ семинаріума при послѣднемъ, оказалъ, однако, очень большое вліяніе на направленіе экономической науки въ Германіи. Идеи Рошера и Книса подъ его руками получили ближайшее примѣненіе,— правда, въ одномъ только, доступномъ ему и тѣсно примыкающемъ къ его собственной дѣятельности направленіи. Новыя явленія хозяйственной жизни получали освѣщеніе въ цифрахъ; промышленное развитіе становилось осязательнымъ; связь между хозяйственными и общественными факторами подкрѣплялась данными изъ ближайшей дѣйствительности. Если Энгель, напр., задавался цѣлью охарактеризовать состояніе народнаго образованія въ Пруссіи, онъ не ограничивался собираніемъ свѣдѣній о грамотности,—отъ взгляда его не ускользала связь между богатствомъ и просвѣщеніемъ, бѣдностью и

ограниченностью знанія. Въ Пруссіи 92% дѣтей не идутъ дальше народной школы (6 лѣтъ обученія); конечно, тутъ долженъ быть параллельный фактъ въ статистикѣ доходовъ, и Энгель обращается къ даннымъ подоходнаго налога и устанавливаетъ, что если только 8% прусскихъ граждан могутъ пользоваться среднимъ и высшимъ образованіемъ, то это потому, что 92% всѣхъ пруссаковъ зарабатываютъ менѣе 1.500 марокъ въ годъ. Такихъ примѣровъ изъ дѣятельности Энгеля можно привести десятки.

Нужно ли говорить, какъ велико педагогическое вліяніе учителя, у котораго голова полна идей, который любитъ и свою работу, и молодежь, способную къ работѣ? Безъ профессорской каѳедры въ университетѣ, Энгель создалъ больше учениковъ, чѣмъ большинство даже корифеевъ цеховой науки. Его семинаріумъ при прусскомъ статистическомъ бюро былъ своего рода вольной школой политическихъ наукъ, двери которой открыты были образованнымъ экономистамъ-теоретикамъ и скромнымъ практикамъ. Учрежденіе семинаріума тогда (въ началѣ 60-хъ годовъ) было совершенно новой идеей, и насколько она была плодотворна—можно судить по тому, что въ Германіи нѣтъ теперь университета, въ которомъ не существовало бы практическихъ или семинарскихъ занятій по политической экономіи и статистикѣ. Изъ семинаріума Энгеля вышли такіе выдающіеся ученые, какъ Луйо Брентано, Гельдъ, Кнаппъ, Тунъ, и десятки талантливыхъ дѣятелей въ парламентѣ, печати, промышленной жизни. Многіе иностранцы пріѣзжали въ Берлинъ ради Энгеля, и среди нашихъ соотечественниковъ также найдется нѣсколько экономистовъ, которые съ удовольствіемъ вспомнятъ о мѣсяцахъ занятій на Lindenstrasse, конечно подъ руководствомъ живого, остроумнаго Herr Geheimrath'а, превращавшагося послѣ занятій въ семинаріумѣ изъ ментора въ любезнаго, интереснаго собесѣдника за стаканомъ вина.

О живой и увлекательной манерѣ Энгеля можно составить себѣ представленіе по его нѣкоторымъ рефератамъ въ берлинскомъ политико-экономическомъ обществѣ; напр., по его извѣстному реферату о цѣнности человѣка (Der Werth des Menschen). Лекторъ прежде всего приковываетъ вниманіе слушателей къ интереснымъ конкретнымъ случаямъ, вырваннымъ прямо изъ жизни. Онъ приводитъ имъ сравненіе цѣны человѣка при крестьянскомъ правѣ и рабствѣ, цитируетъ газетныя объявленія изъ эпохи крѣпостного права въ Россіи, сокрушается, что человѣкъ въ общемъ стóитъ дешевле хорошей верховой лошади. Въ цѣломъ рядѣ примѣровъ предъ слушателями возникаетъ, однако, ясное представленіе о томъ методѣ, которымъ можно пользоваться при опредѣленіи цѣнности человѣческой силы и возможности выраженія въ цифрахъ понятія, на первый взглядъ не

поддающагося статистическому опредѣленію. Не всѣ идеи, какъ эта, выражаемая, впрочемъ, Энгелемъ еще въ 60-хъ годахъ (и нашедшая потомъ популяризатора и истолкователя въ Луйо Брентано), были одинаково плодотворны; но учитель, у котораго много оригинальныхъ мыслей, будитъ учениковъ и остается у нихъ въ благодарной памяти, даже если не все, чтò они отъ него слышали, выдерживаетъ критику. Много ли вообще людей съ оригинальными мыслями? Энгель, впрочемъ, не принадлежалъ къ нетерпимымъ натурамъ, хотя онъ всегда зналъ цѣну себѣ и не прятался со своими заслугами. Стоитъ прочесть предисловіе Брентано къ 1-му тому: „Die Arbeitergilden der Gegenwart", чтобы уяснить себѣ вліяніе Энгеля на своихъ учениковъ. Направивъ Брентано на изученіе рабочихъ организацій Англіи, Энгель вмѣстѣ съ нимъ два мѣсяца разъѣзжалъ по фабричнымъ округамъ, присматриваясь къ жизни и нуждамъ рабочаго населенія. Вездѣ,—говоритъ Брентано,—его острый взглядъ и пониманіе практической жизни содѣйствовали мнѣ отличать основныя, существенныя черты отъ случайныхъ и проходившихъ предъ нами явленій, „и никогда онъ не становился нетерпѣливымъ, отвѣчая на мои вопросы, часто не имѣвшіе отношенія къ дѣлу".

Какъ большинство людей, пробившихъ себѣ путь собственными силами, Энгель преувеличивалъ силу индивидуума и былъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ бóльшимъ индивидуалистомъ, чѣмъ это допускаютъ условія экономической и общественной исторіи Германіи. Тѣмъ не менѣе отъ тривіальнаго манчестерства тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые обрадовались, что и Энгель вмѣстѣ съ ними выступилъ противъ такъ называемаго государственнаго соціализма, его отдѣляетъ порядочное разстояніе. Въ началѣ своей публицистической дѣятельности онъ однажды замѣтилъ, что „для того, чтобы фабричные продукты были дешевы, утилизація человѣческихъ силъ не должна быть нарушена. Однако, и ряды пауперизма сдѣлаются при этомъ гуще, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличатся заботы и бремя, падающія на общество. Чтó мы сберегаемъ на платьѣ, лентахъ и кружевахъ,—потомъ отдаемъ въ видѣ податей на бѣдныхъ, и сверхъ того еще допускаемъ нравственное и физическое вырожденіе многочисленнаго класса населенія". Вмѣстѣ съ Бодемеромъ, Энгель спрашиваетъ:—чтобы снабдить негра въ колоніяхъ чулками, саксонскій вязальщикъ чулокъ соперничаетъ съ своимъ сосѣдомъ, въ ожиданіи, что тотъ также будетъ ходить босикомъ, какъ онъ самъ: разумный ли это, нормальный ли порядокъ? И 25 лѣтъ спустя Энгель повторяетъ тѣ же слова, не оговариваясь, что жизнь научила его признавать такія явленія нормальными.

Поклоняясь Кетлé, какъ великому новатору, Энгель, однако,

замѣчаетъ, что „сила Кетлé больше заключалась въ антропометріи, нежели въ политической экономіи". Объ Энгелѣ же можно сказать, что сила его заключалась не въ теоріи политической экономіи и статистики, а въ высоко-талантливомъ примѣненіи статистическихъ методовъ къ изученію экономической дѣйствительности. При немъ переписи, и по техникѣ исполненія, и по предметамъ изученія, подняты были на небывалую высоту. Если Энгель и не всегда „открывалъ" новые пріемы, какъ это ему часто приписывали, то за то онъ обладалъ изумительной энергіей въ примѣненіи всякаго усовершенствованія, не боясь экспериментовъ и не страшась неудачи. Такъ, онъ первый ввелъ въ Саксоніи отдѣльные семейные листы (Haushaltungsliste) для переписей, и первый же въ Германіи ввелъ столь популярныя теперь счетныя карточки, несмотря на то, что во Франціи опытъ съ ними (въ 1856 г.) считался неудачнымъ. Не обременяя переписей массой новыхъ деталей, Энгель умѣлъ сосредоточиваться на наиболѣе существенномъ, и то, чего нельзя было узнать путемъ періодическихъ опросовъ, достигалось побочнымъ способомъ: систематической регистраціей матеріаловъ, которыми располагали администрація и частныя общества. Еще наканунѣ прекращенія своей оффиціальной дѣятельности, Энгель подготовилъ работы по профессіональной переписи 1882 г., одного изъ самыхъ обширныхъ и любопытныхъ предпріятій для характеристики экономическаго состоянія страны. Онъ не довольствовался обязательными задачами своего вѣдомства, и безъ того достаточно сложными: разработка всѣхъ переписей, происходящихъ въ Пруссіи черезъ каждыя 5 лѣтъ, всецѣло централизована имъ въ прусскомъ статистическомъ бюро. Энгель все больше распространялъ дѣятельность административныхъ статистиковъ на новыя области, создалъ періодическую статистику паровыхъ силъ, учебныхъ заведеній, переселеній и множество другихъ отдѣловъ, вплоть до статистики пьяницъ. Напомню только для примѣра, какую сенсацію произвели въ Германіи изслѣдованія Энгеля о жилищныхъ условіяхъ въ Берлинѣ, перенаселенныхъ квартирахъ, подвалахъ и бродячихъ, безпріютныхъ рабочихъ семействахъ.

Въ 1879 г., Бисмаркъ, какъ извѣстно, круто повернулъ отъ политики свободной торговли къ протекціонизму. Энгель всю жизнь былъ фритредеромъ и остался такимъ. Подъ псевдонимомъ Лоренца, имъ, вслѣдъ за изданіемъ первыхъ пошлинъ на хлѣбъ, выпущена была брошюра: „Производство, потребленіе и снабженіе хлѣбомъ въ Германіи", въ которой доказывалось, что Германія не можетъ обойтись безъ ввознаго хлѣба, и что пошлина ложится бременемъ на неимущіе классы. Немного спустя, когда въ печати и парламентѣ стали ссылаться на статистику Энгеля, какъ на доказательство противъ новыхъ таможенныхъ

мѣръ, Бисмаркъ обрушился въ рейхстагѣ на директора статистическаго бюро, искажавшаго, будто, по партійнымъ соображеніямъ, свои выводы. Энгельсу ничего не оставалось, какъ подать въ отставку. Онъ и покинулъ, въ 1882 г., Берлинъ, и съ тѣхъ поръ жилъ почти безвыѣздно въ Оберлессницѣ, въ предмѣстьѣ Дрездена, procul numeris, какъ онъ шутливо написалъ на своемъ домѣ. Однако, болѣе 30 лѣтъ занятія цифрами, въ особенности для человѣка, умѣющаго такъ читать и разъяснять ихъ, какъ Энгель, вырабатываютъ привычки, отъ которыхъ трудно отстать. Вопреки своему девизу, Энгель и на покоѣ не переставалъ заниматься статистикой. Любимой тэмой его старости были частные приходо-расходные бюджеты въ различныхъ странахъ, которые онъ сравнивалъ съ матеріалами о народномъ благосостояніи по даннымъ подоходнаго налога. Друзья его увѣряютъ, что у него подготовленъ былъ матеріалъ для обширной демографіи, въ трехъ томахъ, предметомъ которыхъ должны были быть: личность, семья и нація.

Память объ Энгелѣ сохранится не только въ тѣсномъ кружкѣ спеціалистовъ, но и въ массѣ образованнаго населенія. Многіе изъ его пріемовъ, взглядовъ и изслѣдованій несомнѣнно устарѣютъ, но что̀ останется навсегда, это наставленіе:—die Oeffentlichkeit ist das befruchtende Element der Sratistik. Успѣхи статистики и, что̀ еще важнѣе, развитіе экономическихъ и умственныхъ силъ, служащихъ ея объектомъ, не были бы никогда такъ велики, еслибы въ Германіи не установилось убѣжденіе, что точное изслѣдованіе дѣйствительной жизни—не канцелярская тайна и не опасное предпріятіе, которое, будто бы, боится дневного свѣта.

Г. Іоллосъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1897.

—Князь Сергѣй Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы. (Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ). Спб. 1896.

Извѣстный нашимъ читателямъ кн. С. М. Волконскій съ большимъ успѣхомъ исполнилъ въ Америкѣ интересную задачу: *показать Россію лицомъ*. Это *человѣческое* лицо американцамъ было мало знакомо— и тѣмъ болѣе интересно. Но удачный снимокъ съ него имѣетъ особую пріятность и для тѣхъ, кому оно—близкое и родное. Поэтому кн. Волконскій хорошо сдѣлалъ, что повторилъ свои лекціи русскою книгой, по авторитетному совѣту А. Н. Пыпина (см. посвященіе ему автора). Конечно, мы не поставимъ автору въ упрекъ его рѣшеніе изображать только свѣтлыя вершины русской исторіи и литературы. Помимо всякихъ чувствъ, это предписывалось ему необходимостью. Чтобы въ восьми лекціяхъ воспроизвести всю русскую исторію и литературу, нужно было подняться на такую высоту, съ которой видно только то, что̀ освѣщено солнцемъ вѣчной идеи. Тутъ могутъ быть, конечно, ошибки субъективнаго зрѣнія; нѣсколько такихъ ошибокъ мы замѣтили и у кн. Волконскаго—и укажемъ ихъ далѣе. Но въ общемъ его планъ не вызываетъ возраженій: а въ какомъ настроеніи авторъ наблюдаетъ и воспроизводитъ наши національныя вершины, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ первой лекціи. „Удовольствіе, которое мы испытываемъ, когда посвящаемъ другихъ въ исторію своей родины, не отъ того проистекаетъ, что мы усиливаемъ, подчеркиваемъ національизмъ, или придаемъ абсолютную цѣнность тому, что̀ имѣетъ лишь частное значеніе,—удовольствіе наше происходитъ отъ того, что отъ тѣхъ событій, которыя имѣютъ временное или мѣстное значеніе, мы отвлекаемъ вѣчные элементы нравственной и художественной красоты, и, покинувъ почву нашихъ частныхъ интересовъ,—пе-

редаемъ ихъ въ ту общую сокровищницу науки и искусства, гдѣ нѣтъ собственности ни личной, ни народной".

Первая лекція сразу заинтересовываетъ читателя, показывая, что авторъ въ полной мѣрѣ обладаетъ двумя условіями для успѣшнаго рѣшенія своей трудной задачи: талантомъ изложенія и свободно-созвучнымъ, истинно-человѣческимъ отношеніемъ къ предмету. Слѣдующія лекціи обнаруживаютъ присутствіе и третьяго условія: достаточнаго запаса отчетливыхъ и продуманныхъ свѣдѣній. Удовольствіе, испытанное авторомъ, въ значительной степени передается и читателю. Несмотря на общеизвѣстность сюжетовъ и необходимую краткость характеристикъ, книга занимательна съ начала до конца. Изящное, а мѣстами и увлекательное изложеніе, освѣщенное остроумными сопоставленіями, отдѣльныя мысли и указанія, большею частью вѣрныя и нерѣдко оригинальныя, и главное — неизмѣнное чувство любви къ тому, чтò дѣйствительно цѣнно въ нашемъ прошломъ—все это заставляетъ признать очерки кн. Волконскаго замѣчательною и— чтò еще важнѣе—*хорошею* книгой.

Вторая и третья лекціи посвящены нашей исторической и литературной старинѣ. Здѣсь автору пришлось говорить о томъ, чтò было совершенно чуждо для американцевъ, а русскимъ читателямъ извѣстно съ дѣтства, и нужно удивляться, какъ онъ умудрился при этомъ сдѣлать свое изложеніе интереснымъ и для тѣхъ, и для другихъ. Мы думаемъ, что у большинства американскихъ слушателей осталось ясное представленіе о поученіи Владиміра Мономаха и о Словѣ о полку Игоревѣ, а у иныхъ, можетъ быть, явилось и серьезное желаніе ближе познакомиться съ этими интересными памятниками.

Четвертая лекція посвящена Петру Великому. Взорамъ человѣка, который поднялся бы въ аэростатѣ надъ Римомъ, ярче всего представился бы, конечно, куполъ Петра; въ аэростатическомъ обзорѣ русской исторіи кн. Волконскаго самая яркая и центральная фигура есть, какъ и слѣдуетъ, Петръ Великій. Справедливо находя въ немъ высшее проявленіе *дѣятельнаго* начала русской исторіи, авторъ послѣ него почти не занимается событіями политическими, сосредоточивая свое вниманіе на литературѣ.

Послѣ живой и пестрой картины елизаветинскаго и екатерининскаго времени (пятая лекція), когда главною цѣлью писателей было показать, что и у насъ могутъ быть всѣ роды литературы, авторъ съ особенною любовью останавливается на золотомъ вѣкѣ нашей словесности (шестая лекція); страницы, посвященныя Пушкину, принадлежатъ къ самымъ лучшимъ во всей книгѣ. Бóльшая часть седьмой лекціи занята двумя характеристиками: Лермонтова,—котораго кн. Волконскій, какъ и нѣкоторые другіе русскіе писатели, ставитъ,

по нашему мнѣнію, слишкомъ высоко,—и Гоголя. Въ послѣдней, восьмой лекціи выступаетъ одинъ политическій фактъ — освобожденіе крестьянъ—и три литературныхъ характера: Тургеневъ, Достоевскій и Левъ Толстой. Интересною, живою и оригинальною оцѣнкою этихъ трехъ писателей достойно завершается прекрасная книга. Приведемъ только слѣдующее вѣрное и остроумное сопоставленіе: „У Тургенева мыслитель скрытъ, онъ заключенъ въ художникѣ; мысль есть непосредственное слѣдствіе, какъ бы продолженіе красоты. У Достоевскаго они раздѣльно существуютъ; мыслитель преобладаетъ, однако онъ не изгоняетъ художника, онъ занимаетъ много мѣста, онъ громоздокъ, онъ затрудняетъ работу художнику, однако послѣдній проталкивается сквозь нагроможденный матеріалъ, пробиваетъ свою дорогу и иногда одною какою-нибудь сценой изумительной душевной правдивости подтверждаетъ цѣлыя страницы философіи. Въ Толстомъ художникъ и мыслитель также живутъ вмѣстѣ, но они—соперники, они никогда не говорятъ одновременно, они рѣдко подтверждаютъ другъ друга, иногда они прямо-таки другъ другу противорѣчатъ. И тѣмъ не менѣе изъ двухъ—правъ всегда художникъ; мыслитель поднимаетъ свой голосъ съ навязчивою настойчивостью, но художникъ не даетъ себя перекричать“.

Пусть читатель самъ познакомится со всѣмъ хорошимъ, что есть въ книгѣ кн. Волконскаго, а мы пока укажемъ на немногіе частные недостатки, которые мы въ ней замѣтили. Упомянувъ вскользь о темной сторонѣ царствованія Іоанна IV, авторъ продолжаетъ: „И со всѣмъ тѣмъ мы восхищаемся Іоанномъ Грознымъ. Ни однимъ изъ нашихъ государей не занимались такъ много художники. Пока наука обсуждала большее или меньшее его достоинство съ точки зрѣнія исторической нравственности,—искусство, жадное до всего живописнаго, овладѣваетъ образомъ этого сказочнаго деспота, дворецъ котораго представляетъ сочетаніе буйныхъ пиршествъ въ роскошной рамкѣ византійскаго блеска—и церковныхъ пѣснопѣній и обрядовъ въ мрачной обстановкѣ монастырскаго воздержанія. Его тощая фигура въ монашеской рясѣ, его орлиный носъ, его маленькіе пронзительные глаза, бархатная скуфья, костлявые пальцы, сжимающіе знаменитый посохъ, которымъ онъ раскроилъ черепъ своему сыну, большой наперсный крестъ и раскрытая библія на колѣняхъ увѣковѣчены и переданы потомству, въ живописи, ваяніи, поэзіи, драмѣ. Такимъ образомъ, тотъ, кто при жизни внушалъ лишь трепетъ и ненависть, вдругъ сквозь отдаляющее разстояніе вѣковъ и преломляющую призму искусства становится предметомъ восхищенія. Есть нѣкоторое возмѣщеніе въ томъ обстоятельствѣ, что человѣкъ, такъ любившій показную сторону жизни, сдѣлался столь плодотворнымъ

артистическимъ сюжетомъ послѣ своей смерти". Намъ кажется, что въ этомъ разсужденіи для полной его отчетливости слѣдовало бы подчеркнуть различіе между красотою изображенія въ искусствѣ и красотою самого изображаемаго, какъ явленія въ дѣйствительности, или въ исторіи, другими словами, между красотою жизненною и художественною,—безъ этого различія можетъ потеряться та внутренняя связь эстетики съ этикой, которую въ другихъ мѣстахъ, повидимому, признаетъ и авторъ. Мы никакъ не восхищаемся Іоанномъ Грознымъ, а можемъ только восхищаться тѣми художественными изображеніями, для которыхъ онъ далъ поводъ, но которые *вовсе на него не похожи.* Нельзя утверждать, что основаніе *красоты* этихъ произведеній заключается въ исторической дѣйствительности Іоанна Грознаго и его дѣлъ. „Искусство, *жадное до всего живописнаго*, овладѣваетъ образомъ этого сказочнаго деспота" и т. д. Но былъ ли историческій образъ Іоанна IV дѣйствительно живописенъ? Кн. Волконскій хочетъ его напомнить — и говоритъ о статуѣ Антокольскаго и гримѣ Самойлова. *Ихъ* Иванъ Грозный живописенъ безспорно, какъ живописны и разныя картины изъ его царствованія; но была ли живописна дѣйствительность? Были ли живописны московскія площади съ дѣйствительными трупами, изжаренными, обугленными, скорчившимися на кольяхъ? Была ли живописна десятитысячная масса утопленниковъ? Былъ ли живописенъ самъ Иванъ IV въ наиболѣе характерную и увѣковѣченную художествомъ эпоху своей жизни, какъ его изображаютъ современники: весь облѣзлый, не только безъ бороды и усовъ, но и безъ бровей, дряхлый, трясущійся, съ гнойными ранами—ну, чѣмъ тутъ восхищаться? Такая фигура не будетъ живописна и въ самой живописной одеждѣ. Но почему же, спрашивается, художники такъ набросились на Ивана IV предпочтительно передъ другими, болѣе благообразными государями? Да просто по богатству фактическаго содержанія и въ характерѣ, и въ царствованіи Ивана IV, чтó выражалось и во внѣшней пестротѣ и яркости того, чтó совершалось этимъ царемъ. Самый прекрасный и благообразный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, если онъ всю жизнь предавался уединенному созерцанію, можетъ стать предметомъ одного характернаго образа, но для „жадности" художниковъ онъ пищи не дастъ. То же должно сказать о совершенномъ художественномъ идеалѣ тѣлесной красоты. Чтó такое Венера Милосская? Одна статуя, одно стихотвореніе Фета—вотъ и все. А Иванъ IV дѣйствительно сталъ любимою добычей скульпторовъ, живописцевъ, поэтовъ и актеровъ. Но то, чтó онъ имъ даетъ, есть только *матеріалъ* для произведенія живописныхъ и драматичныхъ образовъ, причемъ самъ матеріалъ вовсе не живописенъ, вовсе не эстетиченъ, тогда какъ нельзя отка-

зать въ высокомъ эстетическомъ достоинствѣ тѣмъ живымъ реальнымъ моделямъ, которыя послужили для созданія Венеры Милосской. Но какъ возможно, чтобы эстетическіе образы могли создаваться изъ неэстетическаго матеріала? А какъ возможно, чтобы прекрасный розовый кустъ выросъ изъ черной глыбы грязной, унавоженной земли? Онъ несомнѣнно изъ нея выростаетъ, но называть, поэтому, навозъ прекраснымъ, или живописнымъ, было бы неточно. Это только сравненіе, но можно подтвердить нашу мысль прямыми примѣрами, въ которыхъ ея истинность яснѣе, чѣмъ въ случаѣ Ивана Грознаго. Вотъ самый ясный примѣръ. Въ романѣ Флобера, „Саламбô", въ нѣсколько пріемовъ изображены различныя стадіи проказы, которою страдалъ карѳагенскій военачальникъ. Изображеніе живописно, но было ли *живописно* дѣйствительное историческое лицо въ то время, какъ оно было поражено этимъ недугомъ. Есть красота въ художествѣ, и есть красота въ дѣйствительной жизни, но заключать прямо отъ одной къ другой,—отъ красоты изображенія заключать къ красотѣ изображаемаго—было бы въ половинѣ случаевъ ошибочно, ибо отношеніе дѣйствительности къ художеству не простое, а двоякое: иногда дѣйствительность служитъ художеству образцомъ или моделью, — именно, когда она уже сама по себѣ прекрасна, уже достигла *по своему* эстетическаго совершенства; а иногда она даетъ художеству только матеріалъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда она, хотя бы и безобразная, представляетъ большую фактическую содержательность, яркость и пестроту. Вѣроятно самъ кн. Волконскій только это и разумѣлъ, говоря о живописности Ивана IV, которою мы восхищаемся. Съ его стороны, значитъ, была лишь нѣкоторая неточность выраженія; но мы встрѣчали въ послѣднее время даже въ спеціально-философскихъ изданіяхъ разсужденія, явно отождествлявшія художественный матеріалъ съ художественнымъ образцомъ.

Другой недостатокъ, замѣченный нами въ книгѣ кн. Волконскаго, относится къ новѣйшей русской литературѣ. Наше возраженіе въ этомъ пунктѣ относится не къ лекціямъ, а именно къ ихъ воспроизведенію въ книгѣ, при чемъ авторъ не имѣлъ никакой обязанности воспроизводить ихъ безъ измѣненій и дополненій. Въ лекціяхъ съ предназначенными тѣсными рамками неизбѣжна неполнота, принудительное выбрасываніе за бортъ даже дорогихъ, но слишкомъ тяжелыхъ предметовъ, а слѣдовательно, не можетъ быть и полной равномѣрности въ отношеніи къ сюжетамъ. Но въ книгѣ издаваемой самимъ авторомъ, онъ могъ если не совсѣмъ избѣгнуть, то значительно смягчить этотъ недостатокъ. Почему авторъ, съ такимъ искусствомъ передавшій въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе „Евгенія Онѣгина", не сдѣлалъ того же относительно „Мертвыхъ Душъ"

и „Ревизора"? Мы, знающіе Гоголя съ дѣтства, могли съ удовольствіемъ прочесть прекрасныя страницы, посвященныя кн. Волконскимъ этому великому писателю—для американскихъ слушателей онѣ должны были быть неясны; но это могло до нѣкоторой степени искупаться живостью устнаго изложенія со стороны талантливаго лектора, а въ американскомъ изданіи книги Гоголь останется неопредѣленною величиной. Можно ли оцѣнить сатирика, не зная даже приблизительно о предметахъ его сатиры? Сатирическое начало въ разныхъ его формахъ проходитъ черезъ всю русскую литературу и составляетъ ея весьма характерную часть. О представителяхъ этого элемента въ XIX вѣкѣ (кромѣ Гоголя) нашъ авторъ или почти ничего не говоритъ (о Грибоѣдовѣ, Крыловѣ), или даже совсѣмъ ничего — о Салтыковѣ. Ничего нѣтъ въ книгѣ и о другихъ крупныхъ писателяхъ, отчасти примыкавшихъ къ сатирическому направленію: о Писемскомъ, Островскомъ и даже о Гончаровѣ, который несомнѣнно сохранитъ свое значеніе, когда другія, болѣе громкія, славы увянутъ. Если эти писатели не вмѣщались въ восемь лекцій, то почему въ книгѣ, гдѣ авторъ былъ полнымъ хозяиномъ, не отведенъ для нихъ девятый очеркъ? Этимъ авторъ почтилъ бы кстати и девять музъ, по примѣру упоминаемаго имъ „отца исторіи", Геродота [1]). А пока на авторѣ лежитъ еще другая обида, нанесенная имъ прямо одной изъ музъ.

Едва ли не главная, по оригинальности, внутреннему достоинству и прочности, слава новѣйшей русской литературы есть наша лирика. Если бы авторъ вовсе объ ней не говорилъ, упомянувши только о ея важномъ достоинствѣ, — противъ этого можно было бы не возражать, въ виду особой недоступности этого отдѣла для иностранцевъ, не знающихъ русскаго языка. Но авторъ говоритъ о Кольцовѣ и даже о Никитинѣ. Между тѣмъ Полонскій и Майковъ упоминаются только по имени; Алексѣю Толстому отведено лишь примѣчаніе по поводу Іоанна Грознаго; Некрасовъ названъ мимоходомъ, а Тютчевъ и Фетъ даже не названы.

Кажется, мы указали всѣ недостатки въ книгѣ кн. Волконскаго: одинъ состоитъ въ неточномъ выраженіи, а другой—въ томъ, что авторъ не рѣшился прибавить лишней главы къ своему сочиненію. Объ этомъ, впрочемъ, стоило говорить только въ виду общаго высокаго достоинства книги, заслуживающей полнаго вниманія и успѣха. Мы надѣемся очень скоро увидѣть новое, дополненное изданіе этихъ прекрасныхъ очерковъ.—Вл. С.

[1]) Сочиненіе Геродота, какъ извѣстно, раздѣлено на девять книгъ, обозначаемыхъ именами девяти музъ.

— **Литературныя характеристики. Зин. Венгеровой. Спб. 1897.**

Эти характеристики относятся, за немногими исключеніями, къ современной европейской литературѣ; но писатели и художника старины, какъ Данте, Франдискъ Ассизскій, Боттичелли, которые также нашли здѣсь мѣсто, затронуты опять только по ихъ отношенію къ современной поэзіи и искусству. Мы находимъ здѣсь слѣдующія статьи: Прерафаелитское братство; Данте Габріэль Росетти; Вильямъ Моррисъ; Оскаръ Уайльдъ и англійскій эстетизмъ; Джоржъ Мередитъ; Робертъ Броунингъ и его поэзія; Вилльямъ Блэкъ; поэты символисты во Франціи; Поль Верлэнъ; Ж. К. Гюисмансъ; Генрикъ Ибсенъ; Гергардъ Гауптманъ; Франдискъ Ассизскій; значеніе Данте для современности; Сандро Боттичелли.

Въ книгѣ собраны, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, статьи г-жи Венгеровой, разсѣянныя въ журналахъ; но въ настоящемъ сборникѣ онѣ соединены не случайно,—черезъ всѣ эти очерки проходитъ одинъ общій интересъ: г-жа Венгерова съ особеннымъ вниманіемъ изучаетъ новѣйшія движенія въ европейской поэзіи, которыя представляютъ такъ называемый прерафаелитизмъ, символизмъ, декадентство, эстетизмъ, Ибсенъ, Гауптманъ и т. д. Свою точку зрѣнія и свой выборъ г-жа Венгерова объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ:

„Отмѣтить характерныя явленія современной литературы и искусства въ западной Европѣ, показать общую идейную основу въ творчествѣ современныхъ поэтовъ и художниковъ разныхъ европейскихъ странъ—такова задача этой книги. У насъ много говорятъ о новыхъ литературныхъ теченіяхъ, о новомъ искусствѣ и т. д., но почему-то подъ этой новизной понимаютъ главнымъ образомъ поверхностное, лишенное идейнаго содержанія оригинальничанье словами и звуками такъ называемыхъ декадентовъ. Въ западной Европѣ декадентство вызвано было—мы отмѣчаемъ это въ нашихъ очеркахъ—крайностями натурализма, породившими увлеченіе въ обратную сторону, т.-е. безпредметный, отвлеченный культъ красоты. Явленіе это имѣло значеніе своимъ отрицаніемъ отжившихъ формулъ искусства, но, исполнивъ дѣло разрушенія, ничего положительнаго и самобытнаго не дало. Къ намъ декадентство было занесено на время, какъ литературная новинка, но не отмѣтило собой ни одного серьезнаго произведенія и осталось внѣ литературы, породивъ нѣсколько незначительныхъ стихотворныхъ сборниковъ.

„Но декадентство—только одна и наименѣе привлекательная сторона современной литературы. Въ западной Европѣ выросло и окрѣпло

во второй половинѣ вѣка искусство, создавшее тѣмъ самымъ уровень духовной жизни. Изучая поэтовъ и художниковъ, стоящихъ во главѣ идеалистическаго творчества, мы увидимъ, сколь плодотворнымъ оно оказалось въ художественномъ отношеніи. Кромѣ того, эстетическіе и философскіе идеалы, отразившіеся въ искусствѣ, оказали также значительное вліяніе на общественную жизнь. Въ Англіи развитіе утонченнаго искусства и отвлеченной поэзіи прерафаелитовъ идетъ рука объ руку съ освободительнымъ движеніемъ рабочаго класса, и однимъ изъ самыхъ выдающихся поэтовъ является Вилльямъ Моррисъ, герой народныхъ митинговъ и рабочихъ движеній. Въ Германіи новѣйшимъ представителемъ идеалистическаго творчества, признающаго въ красотѣ основной принципъ жизни, является Гергардъ Гауптманъ, ревностный защитникъ рабочаго пролетаріата. Еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что идеалисты-художники являются въ то же время учителями жизни, представляетъ собой творчество Ибсена, который началъ походъ противъ условной нравственности во имя болѣе глубокаго этическаго отношенія къ жизни.

„Мы видимъ такимъ образомъ, что современное искусство съ его отвлеченными идеалами не такъ оторвано отъ жизни, какъ это принято думать. Воспитывая эстетическое чувство въ созерцаніи вѣчныхъ истинъ, оно создаетъ опору для жизненной дѣятельности, которая можетъ стать плодотворной лишь тогда, когда человѣкъ вѣритъ въ высшій смыслъ жизни".

Наконецъ, дѣлается замѣчаніе, что литературѣ и искусству послѣднихъ десятилѣтій въ западной Европѣ присвоено названіе „второго Возрожденія".

Въ небольшой замѣткѣ невозможно дать отчетъ о разнообразномъ содержаніи книги, въ которой проходитъ предъ читателемъ такой длинный рядъ новѣйшихъ и старыхъ европейскихъ писателей. Мы можемъ только указать общее впечатлѣніе. Книга несомнѣнно исполнена интереса, написана съ большимъ искусствомъ, обнаруживаетъ обширную начитанность и составитъ во всякомъ случаѣ любопытное и даже знаменательное явленіе въ нашей литературной критикѣ. Многіе изъ названныхъ писателей очень извѣстны и у насъ, имѣютъ своихъ ревностныхъ поклонниковъ, какъ Ибсенъ, Гауптманъ; англійскіе писатели извѣстны меньше; но есть компанія, которая восторгается символизмомъ и декадентствомъ и даже стремится подражать и тому и другому: книга г-жи Венгеровой старается ввести русскаго читателя въ этотъ міръ новыхъ литературныхъ явленій, какъ онѣ складываются въ Европѣ. Къ счастью, какъ мы видѣли въ предисловіи, г-жа Венгерова относится къ послѣднему отрицательно; но въ цѣломъ мы не находимъ, чтобы другія явленія новѣйшей поэзіи

она разсматривала съ тѣмъ критическимъ спокойствіемъ, какое здѣсь особенно необходимо. Личныя симпатіи автора всѣ на сторонѣ прерафаелитизма, отвлеченной поэзіи, идеалистическаго творчества, символизма и вообще „второго Возрожденія"; эти очень опредѣленныя личныя симпатіи, къ сожалѣнію, слишкомъ много вмѣшиваются въ оцѣнку литературныхъ явленій. Критикъ является страстнымъ адвокатомъ новѣйшихъ литературныхъ движеній, въ которыхъ ему очевидно представляется высокій прогрессъ искусства сравнительно съ прежнимъ; но прежде всего это значитъ слишкомъ мало цѣнить предъидущій періодъ европейской литературы, который совершилъ такъ много для человѣческаго и общественнаго самосознанія, а затѣмъ это значитъ слишкомъ преувеличивать достоинство той новѣйшей „отвлеченности", которая вообще едва-ли можетъ составлять истинную поэзію. „Отвлеченность" есть дѣло теоретической мысли и, проникая въ поэзію, можетъ привлекать только избранный кругъ любителей, и пріобрѣсти истинно художественное значеніе можетъ лишь при томъ условіи, когда дѣйствуетъ обычными средствами, поэзіи. Мудрѣйшая Гегелевская философія въ самыхъ отчеканенныхъ стихахъ никогда не будетъ настоящей поэзіей.

Мы затруднились бы найти въ этой новѣйшей поэзіи и „второе Возрожденіе". Надо припомнить, въ чемъ состояла сущность перваго Возрожденія, которое въ концѣ концовъ вело отъ средневѣковаго мистицизма къ новѣйшему раціонализму и наукѣ,—чтобы не видѣть параллели его въ этой новѣйшей литературѣ, гдѣ мнимый идеализмъ такъ часто становится мистикой; первое Возрожденіе возвращало къ старымъ античнымъ формамъ искусства, и съ тѣхъ поръ впервые начинается пониманіе античной красоты,—новѣйшее „Возрожденіе" вмѣсто ясныхъ и строгихъ формъ стремится, напротивъ, къ туманнымъ, неопредѣленнымъ образамъ, къ условному символизму и т. д., наконецъ къ изломанному, полубезумному декадентству; не видимъ, чтó здѣсь можетъ быть общаго. Между тѣмъ г-жа Венгерова старается объяснять глубокій смыслъ Верлэна.

Изображеніе современной „идеалистической" поэзіи, какъ новаго шага литературнаго развитія сравнительно съ прежними, будто бы изжитыми и устарѣвшими его формами, кажется намъ очень рискованнымъ. Въ томъ, чтó нашему автору кажется новымъ и смѣлымъ порывомъ творчества, покидающаго старые, избитые пути, намъ иногда представляется почти то, чтò видѣлъ въ немъ Максъ Нордау—недостатокъ таланта и вырожденіе. Мы не думаемъ напримѣръ, чтобы какой-нибудь сильный талантъ или проникновеніе въ глубину жизни сказывались въ первыхъ романахъ Гюисманса, гдѣ накопленіе ужасовъ и грязи свидѣтельствуетъ скорѣе объ односторонней и испор-

ченной фантазіи, потому что жизнь заключается не въ однѣхъ только подобныхъ картинахъ. Мы не совсѣмъ понимаемъ, была ли современная сторона романа „La-Bas", въ параллель которой приведена средневѣковая исторія Жиля де-Рэ, изображеніемъ настоящей дѣйствительности или плодомъ разгоряченной фантазіи писателя; въ томъ и другомъ случаѣ это не есть конечно картина жизни, а картина исключительныхъ случаевъ мономаніи. Въ романѣ „En route" герой разсказа, повидимому, тождественъ съ авторомъ, и если можно согласиться съ г-жей Венгеровой, что въ этомъ романѣ „есть истинно классическія страницы въ описаніяхъ литургіи и въ особенности церковнаго пѣнія и тѣхъ настроеній, которыя оно вызываетъ въ умиленной душѣ неофита", то труднѣе согласиться съ другимъ, что настроеніе этой книги, колеблющееся на границѣ вѣры и невѣрія, „обусловлено главнымъ образомъ эстетическимъ чувствомъ героя разсказа, т.-е. самого Гюисманса, и отмѣчено особой красотой нѣжныхъ струнъ души, умиленности, смиренія, чего-то безличнаго, подчиняющаго себѣ прежній мятежный духъ". На нашъ взглядъ, „особой красоты нѣжныхъ струнъ" здѣсь немного; напротивъ, встрѣчается даже вопіющее безобразіе: герой романа, или самъ авторъ, дѣйствительно колеблется между невѣріемъ и вѣрой; страшно растянутая исторія разсказываетъ, какъ его все больше влечетъ къ религіи, но это представленіе о религіи въ человѣкѣ мыслящемъ, переживающемъ внутреннюю борьбу, очень странное. Положимъ, что у этого человѣка, хотя не вѣрующаго, но, какъ видно, почему-то уже раньше изучавшаго церковную старину, понятіе религіи могло сливаться именно съ католицизмомъ; но этого мало: ему представляется, что настоящее осуществленіе религіи не есть воспитаніе въ себѣ нравственнаго идеала и любви къ ближнему, а эгоистическій аскетизмъ, и именно la Trappe, одинъ изъ самыхъ строгихъ монашескихъ орденовъ; герой, или авторъ, дѣйствительно отправляется на время въ монастырь траппистовъ, изумляется суровому аскетизму, поддается впечатлѣнію этого полнаго отреченія отъ жизни „міра", и читатель ждетъ, что онъ кончитъ вступленіемъ въ монастырь; но онъ не вступилъ, въ немъ еще не кончилась борьба, и въ изображеніи этой борьбы читатель поражается, когда эта дилемма между вѣрой и невѣріемъ, между „міромъ" и религіей выражена у героя романа или у его автора такой дилеммой: la Trappe или les filles, и въ особенности одна изъ послѣднихъ, которая ему особенно памятна и привлекательна „par ses vices"!!... Это достаточно указываетъ степень нравственнаго и логическаго сумбура...

Относительно Ибсена г-жа Венгерова соглашается, что этотъ писатель не на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково, что иные изъ читателей

остаются равнодушны къ глубинамъ его символической поэзіи, но сама г-жа Венгерова пребываетъ въ рядахъ его поклонниковъ. Намъ казалось бы, что это разнорѣчіе въ пониманіи писателя требовало бы бо́льшаго вниманія критики: очевидно, есть предѣлъ символизму. Въ произведеніи, которое написано въ формахъ обыкновенной реальной драмы, трудно заставлять читателя отыскивать символъ и покрывать имъ ту нескладицу, которую допускаетъ драма въ простомъ реальномъ пониманіи. Поклонники Ибсена восхищаются, напримѣръ, одною изъ послѣднихъ его драмъ: „Строитель Солльнесъ"; на взглядъ обыкновенныхъ читателей это одна скучная нескладица, и если писатель дѣйствительно имѣлъ въ виду приписываемый драмѣ символъ, выполненіе во всякомъ случаѣ неудачно.

Съ такими недоразумѣніями можно не разъ встрѣтиться въ той литературѣ, изображеніе которой представляетъ книга г-жи Венгеровой. Писатели, здѣсь объясняемые, могутъ быть дѣйствительно выраженіемъ извѣстныхъ общественныхъ и поэтическихъ движеній послѣдняго времени, но, намъ кажется, что для правильной оцѣнки ихъ нужно было бы отнестись болѣе критически къ происхожденію и содержанію этихъ явленій, въ которыхъ при всѣхъ талантахъ и частныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ писателей есть несомнѣнно доля ложнаго, преувеличеннаго и болѣзненнаго, что̀ вовсе не заслуживаетъ того, чтобы считаться послѣднимъ словомъ поэзіи.

Но, не соглашаясь со многими взглядами г-жи Венгеровой, мы должны отдать полную справедливость ея внимательному изученію современной литературы, тонкой оцѣнкѣ художественныхъ подробностей и прекрасному изложенію.

— **Пѣснь о Роландѣ (La Chanson de Roland). Переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де ла Бартъ, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.**

Въ небольшомъ предисловіи г. Веселовскій даетъ понятіе о происхожденіи поэмы, составляющей одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній средневѣковаго эпоса; указываетъ, какъ послѣ многовѣковой переработки сюжета въ Пѣснѣ о Роландѣ еще остался слѣдъ первоначальнаго эпическаго стиля; наконецъ, говоритъ о трудности перевода. Пѣсня о Роландѣ переведена на всѣ главные европейскіе языки; не всѣ переводы удачны и, напримѣръ, послѣдній итальянскій: „можетъ быть,—говоритъ г. Веселовскій,—именно итальянскій языкъ всего менѣе способенъ передать въ стихахъ наивную простоту стараго эпическаго стиля, котораго Италія самостоятельно и не создала.

Другое дѣло нѣмецкій языкъ, выработанный преданіемъ и цѣлой школой талантливыхъ переводчиковъ-художниковъ. Свойства русскаго языка, хотя и не поддержаннаго школой, указываютъ на тѣ же цѣли и на такой же возможный успѣхъ". На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ Алмазова, исполненный очень талантливо, но переводъ вольный, гдѣ подлинникъ сокращенъ почти на половину: „сохранилось поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ, но печать времени отчасти стерлась вмѣстѣ съ стилемъ". Переводъ г. Чудинова сдѣланъ въ прозѣ; наконецъ, были отрывки и пересказы,—„по большей части,—замѣчаетъ г. Веселовскій,—не въ цѣляхъ переводчиковъ было справляться съ оригиналомъ поэмы, и не всѣ съ нимъ справились". Такимъ образомъ вопросъ о полной передачѣ Пѣсни о Роландѣ на русскомъ языкѣ въ поэтической формѣ и съ сохраненіемъ первобытнаго эпическаго стиля оставался открытымъ.

Передача подобныхъ произведеній отдаленнаго времени, давно исчезнувшаго быта и давно исчезнувшаго поэтическаго склада, представляетъ, конечно, величайшія трудности. Переводъ означаетъ собою тѣсное международное общеніе извѣстнаго матеріала понятій или поэтическихъ образовъ. Понятно, что общеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда воспринимающая сторона имѣетъ соотвѣтственное выраженіе для того и другого, а это выраженіе можетъ быть лишь тогда, когда эта сторона владѣла уже однороднымъ запасомъ понятій и поэтическаго склада; когда этого послѣдняго нѣтъ, переводъ становится просто невозможнымъ: таковы были, напримѣръ, многіе русскіе переводы конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка изъ западной европейской литературы, напримѣръ извѣстный своей уродливостью переводъ Мольеровыхъ „Précieuses ridicules" („Драгія смѣяныя"!). Въ литературѣ богато развитой, владѣвшей тонкимъ изяществомъ стиля, въ половинѣ XVIII-го вѣка Вольтеръ считалъ невозможнымъ переводить Шекспира на французскій языкъ... Переводы болѣе серьезныхъ и характерныхъ произведеній изъ европейской литературы стали возможны лишь тогда, когда у насъ сдѣлалась болѣе знакома сама европейская жизнь, и когда ея отголоски прививались и къ русской жизни, словомъ, когда нашлась общая почва. То же примѣняется и къ передачѣ архаическихъ произведеній. Повидимому, здѣсь задача проще, потому что бытъ и понятія гораздо менѣе сложны, жизнь новѣйшая далеко ихъ опередила и слѣдовательно можетъ найти всѣ средства для передачи элементарнаго содержанія. На дѣлѣ, однако, и здѣсь представляется великая трудность. Г. Веселовскій предполагалъ, что, напримѣръ, итальянскій языкъ особливо неспособенъ передать наивную простоту стараго эпическаго стиля, потому что Италія не создала сама такого

стиля; но въ подобномъ положеніи находится въ сущности и дѣло русскаго перевода: правда, у насъ былъ свой эпическій стиль, но онъ былъ давно забытъ въ книжной литературѣ, и средневѣковый западный стиль намъ столько же неизвѣстенъ. Возможность перевода дается только путемъ изученія чужихъ литературъ, которое можетъ доставить пониманіе отдаленныхъ эпохъ, чужого быта, міровоззрѣнія и чуждыхъ литературныхъ формъ, вообще дается только расширеніемъ литературнаго горизонта. Въ этомъ смыслѣ переводы являются важными фактами литературы, которые наравнѣ съ ея самостоятельными произведеніями расширяютъ горизонтъ литературы и дѣйствительно обогащаютъ языкъ, когда переводчикъ, ученый или поэтъ, находитъ въ матеріалѣ своего языка средства для выраженія чужой исторической жизни: здѣсь совершается также своего рода творчество. Такимъ важнымъ литературнымъ фактомъ былъ въ нѣмецкой литературѣ прошлаго вѣка переводъ Иліады Фосса; таковы были въ нашей литературѣ Иліада Гнѣдича, переводы Жуковскаго изъ романтиковъ и даже переводъ Одиссеи, хотя сдѣланный не съ подлинника. Нѣмецкая литература со временъ Гердера сдѣлала въ этомъ отношеніи великія пріобрѣтенія, съ какими не можетъ равняться никакая другая литература, и именно въ связи съ универсальнымъ складомъ нѣмецкой науки.

Наша литература еще не богата подобными пріобрѣтеніями, но въ послѣднее время и въ этой области предпринимаемы были значительныя работы. Укажемъ, напримѣръ, многіе новѣйшіе переводы классическихъ писателей, новые переводы изъ старыхъ европейскихъ писателей. Всего менѣе извѣстна у насъ въ переводахъ литература средневѣковая; но уже и здѣсь мы имѣемъ въ послѣднее время замѣчательный переводъ „Декамерона“, г. Веселовскаго, и опыты передачи средневѣковаго эпоса, какъ переводъ Нибелунговъ г. Кудряшова. Сюда присоединяется и настоящій трудъ гр. де-ла-Барта.

Переводчикъ отнесся къ своему труду съ большимъ вниманіемъ. Указавъ во введеніи особенности содержанія и стиля этого древнѣйшаго французскаго эпоса, онъ объясняетъ въ заключеніе пріемы своего труда. Вслѣдствіе того, что здѣсь предстояло передать на русскомъ языкѣ произведеніе далекихъ среднихъ вѣковъ, которымъ нашей литературой посвящено было слишкомъ мало изученій и которыя поэтому представляютъ чрезвычайно много чуждаго, переводъ представлялъ большія трудности. Само собою разумѣется, что такъ называемый вольный переводъ не достигалъ цѣли: онъ былъ бы собственной фантазіей на данную тему, передалъ бы „своими словами“ общій сюжетъ, но устранилъ бы тѣ особенности стиля, которыя были именно созданіемъ и отличительной чертой своего вѣка. Новый пе-

реводчикъ именно заботился о томъ, чтобы передать средневѣковую поэму съ этимъ характеромъ времени и мѣста.

„Возникаетъ вопросъ,—говоритъ гр. де-ла-Бартъ,—какъ передать всѣ эти оттѣнки, образы, штрихи, благодаря которымъ стиль становится то патетическимъ, то эпически спокойнымъ, то наивнымъ? Мнѣ кажется, что это возможно только при тщательномъ изслѣдованіи того психическаго процесса, который вызываетъ въ насъ тотъ или другой образъ, эпитетъ или выраженіе подлинника. Но мыслимъ ли тогда переводъ строка въ строку, буква въ букву? Мнѣ кажется, что такой переводъ и невозможенъ, и нежелателенъ. Отъ „Пѣсни о Роландѣ“ мы отдѣлены восьмью вѣками и наше міровоззрѣніе и способъ мышленія не тождественны міровоззрѣнію и способу мышленія феодала XI или XII вѣка. Въ то, чтó пѣвецъ „Пѣсни о Роландѣ“ предполагаетъ извѣстнымъ для своихъ слушателей, мы должны сперва вжиться сами, разобраться въ различныхъ оттѣнкахъ и тогда только передать это читателямъ. Чтó въ творчествѣ французскаго поэта XI-го вѣка составляло одинъ моментъ, у насъ осложняется необходимостью комментированія, и для передачи образа мы должны пережить нѣсколько моментовъ. Конечно, если по-русски найдется выраженіе соотвѣтствующее, хотя бы приблизительно, выраженію „Пѣсни о Роландѣ“, то мы имъ воспользуемся. Но, къ сожалѣнію это не всегда возможно. Какъ, напр., подыскать въ современномъ французскомъ языкѣ выраженія, соотвѣтствующія нашимъ „мать сыра земля“ или даже „батюшка“, „братецъ“. Если переводить ихъ буквально, строка въ строку,—получится нелѣпость.

„Поэтому, стараясь придерживаться насколько возможно ближе текста, мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ были вынуждены переставлять стихи одной и той же строфы и парафразировать тѣ мѣста, которыя, при переводѣ слово въ слово, были бы неясны. Словомъ, наша задача сводилась къ тому, чтобы возможно ближе передать *впечатлѣніе* каждаго образа, каждаго эпитета „Пѣсни о Роландѣ“.

„Мы сохранили въ нашемъ переводѣ всѣ повторенія, всѣ выраженія народной поэзіи въ родѣ „что пользы въ томъ?“—„не знаю, то достойно слезъ иль смѣха?“ и т. п. Конечно, для современнаго читателя такія выраженія среди самыхъ патетическихъ мѣстъ звучатъ нѣсколько странно; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ есть особый колоритъ, сказывается духъ времени. Опущеніе ихъ было бы „подновленіемъ“ памятника и подновленіемъ далеко не желательнымъ.

„Далѣе, на томъ основаніи, что въ составъ „Пѣсни о Роландѣ“ входятъ элементы народной поэзіи вмѣстѣ съ элементами церковными, книжными,—мы и въ нашемъ переводѣ, иногда употребляли архаическія слова въ родѣ „глава“ „градъ“ и кромѣ того не прене-

брегали и пѣсенными выраженіями, какъ, напр., „заплакалъ-зарыдалъ" и т. п. Такія слова и выраженія могутъ показаться не вполнѣ подходящими для перевода памятника, на который привыкли смотрѣть какъ на продуктъ „рыцарскаго духа". Но дѣло въ томъ, что это представленіе далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Съ рыцарствомъ у насъ связано представленіе о „служеніи дамамъ", объ „исканіи приключеній", объ „изысканномъ обращеніи" (куртуазіи). Такое рыцарство развилось въ феодальномъ обществѣ Франціи гораздо позднѣе возникновенія „Пѣсни о Роландѣ" и отразилось, главнымъ образомъ, въ лирикѣ провансальскихъ трубадуровъ и въ романахъ цикла короля Артура. Герои же старо-французскихъ Chansons de Geste являются представителями нѣсколько иного типа рыцарства. Это дружинники, витязи, имѣющіе много общаго съ нашими богатырями".

Эти соображенія, вообще справедливыя, послужили основаніемъ для труда переводчика. Понятно, что интересъ перевода подобнаго произведенія заключается именно въ томъ, чтобы сохранить характерныя черты XI-го вѣка, потому что безъ нихъ оно потеряло бы свою историческую особенность. Достигнуть этого было, конечно, не легко; но внимательнымъ изученіемъ поэмы переводчикъ достигъ весьма счастливаго результата. Трудъ его составляетъ важное пріобрѣтеніе для нашей литературы въ знакомствѣ съ подлинными произведеніями средневѣковой поэзіи, которая до сихъ поръ извѣстна у насъ очень мало.

— Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Вторая часть. Изданіе П. И. Щукина. М. 1897.

Недавно („В. Е." 1896, ноябрь) мы имѣли случай говорить о московскомъ музеѣ г. Щукина и его изданіяхъ. Въ числѣ ихъ было описаніе старинныхъ бумагъ, находящихся въ музеѣ; теперь вышла вторая часть этого сборника, представляющая большой томъ, 4°, болѣе трехъ сотъ страницъ. Бумаги идутъ съ первой половины XVII вѣка и до царствованія Екатерины II и, собранныя случайно, отличаются самымъ разнообразнымъ содержаніемъ: большею частію это отголоски всякихъ бытовыхъ дѣлъ и отношеній—всевозможныя челобитныя, рядныя записи, поручныя записи, духовныя памяти, раздѣльныя росписи, служилыя кабалы и т. п., наконецъ царскія и патріаршія рѣшенія по разнымъ дѣламъ. Для историковъ быта XVII и XVIII столѣтія здѣсь найдется не мало характерныхъ подробностей, разсказанныхъ въ подлинномъ стилѣ различныхъ эпохъ, отъ

старыхъ русскихъ нравовъ XVII вѣка до обычаевъ временъ Петра и Екатерины II.

Вотъ, напримѣръ, челобитная жителей города Шуи къ царю Алексѣю Михайловичу (по нынѣшнему, прошеніе на высочайшее имя), 1669 года, о проявившейся у нихъ кликушѣ: они не хотѣли принимать на себя отвѣтственности за тѣхъ людей, которыхъ она „выкликала", и свою просьбу направляли къ самому царю:

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу бьютъ челомъ и являютъ сироты твои Государевы, Шуи посаду земской старостишко Сенка Лукояновъ и всѣ шуяня посадскіе людишка: въ нынешнемъ, Государь, во 177 (1669) году шуянина жъ посадского человѣка Ивашка Обросимова жена ево Оринка Өедорова дочь порченая, а въ порчѣ кликала на шуянина жъ, на посадского человѣка на Өедку Якимова. И по твоему великаго Государя указу и по язочной молкѣ (т.-е. молвѣ) Деменши Козынского дворовой его жонки Дунки, тотъ Өедка Якимовъ отосланъ въ Суздаль къ воеводѣ къ Богдану Васильевичю Яковлеву. А послѣ, Государь, того Ивашкова жъ жена Обросимова Оринка въ порчѣ кличетъ на Өедкину жену Якимова на Онтонидку Өатѣеву дочь, будто она Онтонидка еѣ Иринку портила и послѣ мужа своево Өедки Якимова. Милосердый Государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели, Государь, въ Шуѣ въ сьезжей избѣ воеводѣ Ивану Ивановичу Боркову челобитье наше и явку принять и записать, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, отъ тебя великаго Государя въ пенѣ и въ опалѣ не быть, и впредь бы оттого въ конецъ не погинуть. Царь Государь, смилуйся пожалуй".

Повидимому, шуяне имѣли основаніе опасаться отвѣтственности, еслибы не довели до свѣдѣнія высшихъ властей о томъ, на кого выкликаетъ порченая Оринка Өедорова.

Старинная простота нравовъ сказывается въ поручной записи, какую давали въ 1683 году духовныя лица игуменьѣ московскаго Рождественскаго монастыря съ сестрами за дьячка, поступавшаго на службу въ монастырь. Ручалось нѣсколько поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и послуховъ, напримѣръ попъ церкви Знаменія пресвятыя Богородицы, „что у двора Никиты Ивановича Романова", попъ церкви Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, „что на старомъ Ваганьковѣ", и дьячокъ церкви Софіи премудрости слова божія, „что за Москвою рѣкою въ Садовникахъ", и попъ изъ церкви Козьмы и Доміяна, „что въ Китаѣ городѣ позади двора боярина Алексѣя Семеновича Шейна"; всѣ они ручались „въ томъ, что быть ему Василью за нашею порукою въ томъ Рожественскомъ дѣвичѣ монастырѣ

во дьячкахъ и, будучи ему Василью за нашею порукою въ томъ монастырѣ во дьячкахъ, игумени Евпраксіи съ сестрами и того монастыря священниковъ во всемъ слушать и къ пѣнію божественныя службы, къ вечерни и къ утрени и къ литургіи всегда быть готову, и быть во всякомъ церковномъ послушаніи, не пить и не бражничать, и съ воровскими людьми не знатца, и надъ церквію божіею и надъ церковною утварію хитрости и порухи никакой не учинить", а если тотъ дьячокъ учинитъ какую-нибудь поруху, то поручители обязывались заплатить убытки. Такимъ образомъ дѣло церковной службы устроивалось по частному договору.

Далѣе находимъ здѣсь жалобу подьячаго по начальству (1690 года), что въ его отсутствіе другіе подьячіе, получивъ приказъ „переклеить въ столпы" старыя дѣла, всѣ эти дѣла перепутали и разложили не по тѣмъ коробьямъ,—„и нынѣ я, Софонъ, тѣхъ старыхъ своего сидѣнья дѣлъ искалъ многое время". Очень характеренъ другой документъ—надпись (XVIII-го вѣка) на бумагѣ, приклеенной къ образу Богородицы, и заключающая въ себѣ заклятіе противъ невѣрной жены: силою иконы на нее призывались всякія бѣды,—„да отмститъ тебѣ и да истребитъ душу твою и тѣло въ прахъ" и т. д. Цѣлый рядъ дѣлъ о поимкѣ бѣглыхъ людей, крестьянъ и дворовыхъ, съ конца XVII-го вѣка.

Весьма любопытна грамота 1703 г. царя Петра Алексѣевича о присылкѣ въ Москву изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей книгъ для исправленія Новаго Лѣтописца. Здѣсь поименованы монастыри епархій новгородской и ростовской, Троицкій Сергіевъ, Рожественъ во Владимірѣ, Іосифовъ въ Волокѣ Ламскомъ (напечатано невѣрно: „Лѣжскомъ", стр. 252), Кириловъ на Бѣлоозерѣ, Соловецкій: „гдѣ обыщутся изъ книгохранителницъ, изъ ризницъ и изъ казенныхъ книги лѣтописные степенные и дарственные старинные писменные на хартіяхъ и на бумагѣ, взять къ Москвѣ на время и прислать съ нарочными посылщики безо всякаго мотчанія (замедленія) для исправленія на печатномъ дворѣ Новаго Лѣтописца, а по исправленіи тѣ книги отданы будутъ въ архіерейскіе домы и въ монастыри по прежнему, откуды присланы будутъ, во всякой цѣлости"...

Въ началѣ книги замѣчено, что старинныя бумаги печатаются здѣсь по мѣрѣ разборки матеріаловъ, имѣющихся въ музеѣ, и поэтому безъ соблюденія какого-нибудь порядка; но что въ концѣ сборника, для удобства пользованія, будетъ приложенъ систематическій указатель.—Т.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Альбовъ, М. Н. — Приключеніе одного скитальца. Снѣжокъ и Картошка. Съ рис. М. 97. Стр. 390. Ц. 1 р.

Альмедингенъ, А.—Руководство къ приготовленію искусств. минер. водъ, лимонадовъ и фруктово-ягодныхъ шипучихъ напитковъ. Спб. 96. Стр. 248. Ц. 3 р.

Бакай, Н. Н.—Замѣчательное книгохранилище въ Восточной Сибири. Библіотека Г. Юдина. М. 96. Стр. 15.

Багинскій, проф. А. — Гигіеническія основы Моисеева законодательства. Перев. съ нѣм. М. Б. Коцына. М. 97. Стр. 40.

Бемъ, Елиз.—Нижній-Новгородъ. На память о Всероссійской Выставкѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 г.

Бертильонъ, Ж.—Курсъ административной статистики. Ч. I: Пріемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Перев. съ франц. Н. Джунковскаго. М. 97. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к.

Бобыникъ, В. Д.—Изслѣдованіе по исторіи математики. II: Очерки исторіи до-научнаго періода развитія ариѳметики. III: Очерки исторіи развитія математическихъ наукъ на Западѣ. М. 96. Стр. 48 и 129. Ц. 50 к. и 1 р. 50 к.

Брюсовъ, Валерій.—Meeum esse. Новая книга стиховъ. М. 97. Стр. 62.

——— Chefs d'oeuvre. 2-е изд. съ измѣн. и доп. М. 96. Стр. 90.

Будищевъ, Ал.—Степные волки. Разсказы. Спб. 97. Стр. 321. Ц. 1 р.

Бунинъ, Ив.—На край свѣта—и другіе разсказы. Спб. 97. Стр. 254. Ц. 1 р.

Бэрдъ, Ч.—Реформація XVI в., въ его отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. Звегинцева, п. р. Н. Карѣева. Спб. 97. Стр. 362. Ц. 1 р. 25 к.

Васильевъ, проф. А.—Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Имп. Казан. Университета. Каз. 96. Стр. 20.

Вахтеровъ, В. П.—Всеобщее обученіе. М. 97. Стр. 216. Ц. 1 р.

Введенская, Е. В.—Ради дѣтей. Разсказы. Спб. 97. Стр. 432. Ц. 1 р.

Вейлеръ, В.—Практическій электрикъ. Общедоступное руководство къ изготовленію электрическихъ приборовъ. Перев. съ нѣм. В. Сватскій съ 417 рис. Спб. 96. Стр. 432. Ц. 3 р.

Венгерова, Зин.—Литературныя характеристики. Спб. 1897, III. Стр. 392. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1793). Вып. X: Аскоченскій-Бабаджановъ. Спб. 1897. Стр. 433 — 476. Этимъ выпускомъ законченъ томъ I: А. Бабаджановъ. Ц. 3 р. 50 коп.

Волконскій, кн., Сергѣй.—Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ. Спб., 1896. Стр. VII+341. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильг.—Очеркъ психологіи. Перев Д. Викторовъ, п. р., съ пред. и замѣч. проф. Н. Я. Грота. М. 97. Стр. 388. Ц. 1 р. 40 к.

Гейсманъ, П. А. — Война. Ея значеніе въ жизни народа и государства. Спб. 96. Стр. 38. Ц. 50 к.

Герцбергъ, Г. Ф.—Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. Изданіе К. Т. Солдатенкова, М. 1897, IX. Стр. 674. Ц. 4 р.

Гнѣдичъ, П.—Исторія искусствъ. Т. I: Вып. 1, съ 4 раскраш. табл. и 163 рис. въ текстѣ. Спб. 97. Стр. 160. Ц. за 12 вып. 12 р.

Гольмсг, Ф. М.—Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. 77 иллюстр. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 97. Стр. 312. Ц. 1 р. 60 к.

Грибовскій, В. М.—Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 97. Стр. 411. Ц. 2 р.

Де-Фо, Даніэль.—Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Переводъ съ англійскаго Петра Кончаловскаго. Съ рисунками Пажэ. М. 1897, XII и стр. 395.

Жеденовъ, Н.—Дѣти работники. Разсказъ. Спб. 97. Стр. 129. Ц. 30 к.

Журавская, З.—Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Для дѣтей младш. возр. Спб. 97. Стр. 126. Ц. 60 к.

Закъ, Л. С.—Народныя переписи. Общедоступный очеркъ. Библіотека общественныхъ знаній. Сер. 1, вып. II. Од. 97. Стр. 51. Ц. 30 к.

Залѣсскій, В. Ф.—Власть и право. Философія объективнаго права. Каз. 97. Стр. 299. Ц. 2 р.

Ивановъ, В. В.—Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Харьк. 96. Стр. 256 и 70.

Индостанскій, кн.—Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся словами: „У графини В. былъ музыкальный вечеръ“, и прерывающейся словами: „Онъ рѣшился“. Фантастическій разсказъ. М. 97. Стр. 39. Ц. 30 к.

К—а, М.—Очерки и замѣтки. М. 97. Стр. 237. Ц. 1 р.

Камбеседесъ, Ф.—Теоретическій и практическій курсъ горнаго искусства: Вып. 2: Отбойка. Перев. Н. Ю. Бана и А. Н. Мытнискаго. Спб. 97. Стр. 208. Ц. 3 р.

Кейснеръ, Г.—Право на свое изображеніе. Перев. съ нѣм. Вязьма, 97. Стр. 58. Ц. 50 к.

Киддъ, Бенж. — Соціальная эволюція. Съ предисл. Н. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ. Спб. 97. Стр. 32. Ц. 1 р. 25 к.

Киплингъ, Р.—Разсказы для дѣтей. Кн. 2. Съ англ., А. Рождественскій. Съ рис. М. 97. Стр. 125. Ц. 40 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Происхожденіе современной демократіи. Т. IV. М. 97. Стр. 352. Ц. 2 р.

Козинцовъ, д-ръ М. И.—Алкоголизмъ и общественная борьба съ нимъ. По поводу открытія попечительствъ о трезвости. Стародубъ, 96. Стр. 28. Ц. 25 к.

Козловъ, П. А.—Полное собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Съ портретомъ автора. М. 97. Ц. 5 р.

Корсаковъ, Д.—Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб. 96. Стр. 16.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. V. Спб. 97. Стр. 335. Ц. 1 р. 75 к.

Кроль, М.—Охотничье право и звѣриный промыселъ у забайкальскихъ бурятъ. Ирк. 95. Стр. 31.

——— Очеркъ экономическаго быта инородцевъ Селенгинскаго округа. Ирк. 96. Стр. 42.

Кругловъ, А. В.—Литература „маленькаго народа“. Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Вып. 1 и 2. М. 97. Стр. 195 и 235. Ц. 1 р. 70 к.

——— Полканъ Собакевичъ. Пов. въ 2 ч. М. 97. Стр. 145. Ц. 1 р.

Кручевань, П.—Призраки. М. 97. Стр. 695. Ц. 2 р.

——— Дѣло Артабанова. М. 96. Стр. 348. Ц. 1 р. 25 к.

Кукъ, Дж. П.—Новая химія. Перев. съ X-го англ. изд. А. В. Алехина, п. р. М. И. Коновалова. М. 97. Стр. 465. Ц. 1 р. 75 к.

Лобода, А. М.—Русскій богатырскій эпосъ. Опытъ критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Кіевъ, 1896, VI. Стр. 236. Ц. 2 р.

Макшеевъ, А.—Путешествіе по киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю. Спб. 96. Стр. 236.

Малицкій, П.—Руководство къ исторіи русской церкви. Вып. 1: Курсъ V кл. духовныхъ семинарій (988—1589). Изд. 3. Спб. 97. Стр. 264. Ц. 90 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Аленушкины сказки. Со многими рисунками. М. 97. Стр. 104. Ц. 75 к.

——— Исповѣдь, разсказъ. Спб. 97. Стр. 16.

Масловичъ, Н. В.—Басни и Были. Кн. V. Спб. 97. Стр. 197—299. Ц. 50 к.

Массальскій, Н.—Поволжье. Пріуралье и лечебныя степи. Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Спб. 97. Карта путей Россіи, планы 6. столицъ у г. Царева и с. Болгары, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Матвѣевъ, Ѳ. С.—Къ 25-лѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова. Спб. 97. Стр. 16.

Мейстеръ, Александръ.—Стихотворенія. Сам. 97. Стр. 138. Ц. 50 к.

Минье.—Исторія французской революціи. Перев. съ 9-го франц. изд., п. р. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Спб. 97. Ц. 1 р.

Мисль-Рустемъ.—Персія при Насръ-Эддинъ-Шахѣ, съ 1882 по 1888 г. Очерки въ разсказахъ. Спб. 97. Стр. 180. Ц. 1 р.

Михайловъ, П. П.—Роль и значеніе первобытной женщины. Спб. 97. Стр. 40.

Муриновъ, Вл.—Задачи и организація земскихъ книжныхъ складовъ. М. 96. Стр. 33.

Навроцкій, А. А.—Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб. 96. Стр. 257. Ц. 1 р.

Науманъ, проф. Эм.—Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Перев. съ нѣм., п. р. Н. Финдейзенъ. Т. I, вып. 1, 2 и 3. Спб. 96. За 20 вып. по подп. 10 руб.

Наумовъ, Н. И.—Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 97. Стр. 514 и 377. Ц. 3 р.

Некрасовъ, П. А.—Приложеніе алгебры къ геометріи. Изд. 2. М. 97. Стр. 962. Ц. 1 р. 50 к.

Павловъ-Сильванскій, Н.—Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 97. Стр. 141 и 86. Ц. 1 р. 50 к.

Пантюховъ, д-ръ И. — О нѣкоторыхъ лечебныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Спб. 97. Стр. 44.

Пекаторосъ, Г. М.—Скоморохъ. Драма въ 5 д. Од. 97. Стр. 109.

Пиннеръ, Ад.—Повторительный курсъ органической химіи, съ приложеніемъ статьи: Опредѣленіе главнѣйшихъ органическихъ ядовъ. Перев. съ 10 нѣм. изд. А. Альмедингенъ. Съ 11 рис. Спб. 96. Стр. 314. Ц. 3 р.

Плещеевъ, А. Н.—Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ и. р. П. В. Быкова. Т. II (1859—1868 г.). Спб. 97. Стр. 724. Ц. 3 р. 50 к.

Плоссъ, Г.—Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Антропологиче-

ское изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. д-ра А. Котляревскаго. Т. I, вып. 1. Спб. 96. Подп. цѣна за 20 вып. 10 р.

Ратгаузъ, Д.—Пѣсни сердца. Стихотворенія. 1893—1897. М. 97. Стр. 94. Ц. 1 р.

Рычковъ, П. И.—Исторія Оренбургская (1730—1750 г.), п. р. И. М. Гутьяра. Оренб. 96. Стр. 95. Ц. 75.

Сазоновъ, Б.—Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Приложенія. Спб. 96.

Саккетти, Л.—Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Спб. 97. Стр. 128 и 64. Ц. 1 р. 50 к.

——— Изъ области эстетики и музыки. Спб. 96. Стр. 200. Ц. 1 р. 75 к.

Саліасъ, гр. Е. А.—Собраніе сочиненій. Т. XX: Новая Сандрильона. М. 96. Стр. 464. Ц. 2 р. 50 к.

Селивановъ, А. В.—Что есть истина? Философскій очеркъ. Омскъ, 96. Стр. 52.

Соловьевъ, Владиміръ.—Оправданіе добра. Нравственная философія. Спб. 97. Стр. 681. Ц. 4 р.

Станюковичъ, К. М.—Среди моряковъ. М. 97. Стр. 176. Ц. 60 к.

Столѣтовъ, А. Г.—Общедоступныя лекціи и рѣчи, съ фототип. портретомъ и біографич. очеркомъ. М. 97. Стр. 260.

Сулиговскій, Ад.—Земледѣльческое производство и желѣзнодорожные тарифы. Спб. 96. Стр. 146. Ц. 2 р.

Тихоміровъ, Д. И.—Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери. 1896 г. М. 96. Стр. 280. Ц. 1 р.

Тобилевичъ, Ив. (Карпенко старый).—Драмы и комедіи. Т. I. Одесса, 97. Стр. 489. Ц. 1 р. 50 к.

Трухачевскаго—Записки. Крейцерова соната исполнителя. Спб. 97. Стр. 42. Ц. 50 к.

Ф., В.—Москва. Краткіе очерки городского благоустройства. М. 97. Стр. 123. Ц. 40 к.

Федотьевъ, П.—Производство сѣрной кислоты. Съ 155 рис. Спб. 96. Стр. 249. Ц. 5 р.

——— Добываніе поташа изъ золы. Спб. 96. Стр. 42. Ц. 20 к.

Финдейзенъ, Ник.—Михаилъ Ивановичъ Глинка. Его жизнь и творческая дѣятельность. Т. I, ч. 1, вып. 1. Спб. 96. Стр. 36. Ц. 1 р. 25 к.

Шараповъ, С. Ѳ. —Цифровый анализъ разсчетнаго баланса Россіи за 15-лѣтіе 1881—1895. Спб. 97.

Юрьинъ, Н.—Искатель новыхъ приключеній. Повѣсть. Спб. 97. Стр. 255. Ц. 1 р. 25 к.

Ярмонкинъ, В.—Основы неограниченной монархіи. Спб. 97. Стр. 61.

Эвальдъ, д-ръ. — Новооткрытое свойство гальваническаго тока. Леченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи и т. п. Съ 10 рис. Спб. 97. Стр. 46.

Flachs-Fokschaneanu, Louise. — Sonja Kowalewska. Jugenderinnerungen. Aus dem Russischen übersetzt. Berl. 97. Стр. 205.

— Le Tout-Savoir universel. Repertoire des renseignement utiles et des connaissances pratiques. Par. 1897. Стр. 566. Ц. 1 фр. 50 снт.

— Взаимное земское страхованіе въ Полтавской губерніи 1867—1895 г. Вып. 1. Полт. 96. Стр. 180.

— Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства, п. р. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. I и II. Спб. 97. Стр. 532 и 361, съ прилож. таблицъ 99 стр.

— Дѣлото на Илия Лукановъ, Тодоръ Тотевъ и Георги Цукевъ, по обвиненнието имъ въ измучванне ц гореное Денчо Тюфекчиевъ. Разгледвано въ Софийския Аппаллативенъ судъ. София 96. Стр. 130. Ц. 70 стот.

— Ежегодникъ полтавскаго губернскаго земства на 1896 г. Годъ II. Полтава 96.

— Изданія Ѳ. Сурина: 1) Для путешествующихъ по европейской Россіи и Азіи. Каз. 97. Стр. 40. Ц. 75 к. 2) По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Каз. 97. Стр. 136. Ц. 1 р. 3) Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, Вяткѣ, Окѣ, Сурѣ и др. Спб. 97. Стр. 47. Ц. 75 к. 4) Поѣздка къ бывшимъ Волжскимъ столицамъ. Каз. 97. Стр. 44. Ц. 75 к.

— Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Перев. провѣренъ С. Булгаковымъ. Изданіе М. П. Водовозовой. М. 97. Стр. 336. Ц. 1 р. 50 к.

— Отголоски XVIII вѣка. Вып. 4. Спб. 97. Стр. 99.

— Отчетъ по Харьковскому Земледѣльческому училищу за 1895 г. Харьк. 96. Стр, 150.

— Проектъ положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ, съ объяснительною къ нему запискою. Спб. 97. Стр. 199.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ 9-й. Харьковъ, 1897. XVI. 243, 113—128 стр. Ц. 2 руб.

— Сибирское переселеніе. Спб. 96. Стр. 16. Ц. $1^1/_2$ к.

— Современный Календарь на 1897 г. А. Д. Ступина. Стр. 72, съ прилож. стѣнного календаря и карты Россіи и Сибир. жел. дороги. Ц. 15 к.

— Труды Коммиссіи Высочайше учрежденной для составленія проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышлен. заведеній и складовъ и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ. Т. I, II и III и V. Стр. 711, 217, 457, 166 и 252. Спб. 95—96.

ЗАМѢТКА.

Страница изъ біографіи Воина Ордина-Нащокина.

(XVII-й вѣкъ).

Занимаясь въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ изученіемъ документовъ, относящихся къ царствованію Алексѣя Михайловича, я нашелъ, благодаря содѣйствію Н. А. Гиббенета, доселѣ неизвѣстныя *записныя книги* приказа тайныхъ дѣлъ. Между многими весьма любопытными документами, заключающимися въ этихъ книгахъ, оказался одинъ, въ которомъ излагаются новыя данныя, относящіяся къ біографіи Воина Ордина-Нащокина, сына знаменитаго московскаго дипломата.

Въ томъ же государственномъ архивѣ, между *столбцами* приказа тайныхъ дѣлъ, мною найдено неизвѣстное доселѣ письмо самого Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина къ боярину Богд. Матв. Хитрово съ просьбою оказать покровительство Воину. Наконецъ, нѣкоторыя новыя данныя, относящіяся къ біографіи Воина Ордина-Нащокина, заключаются въ одномъ изъ „Статейныхъ списковъ польскаго двора", хранящихся въ московск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Въ нашей исторической литературѣ очень мало свѣдѣній о Воинѣ Ординѣ-Нащокинѣ [1]), судьба котораго всегда занимала интересующихся исторіей нашего просвѣщенія XVII в. Считаемъ поэтому нелишнимъ изложить, въ связи съ имѣющимися уже въ литературѣ свѣдѣніями, тѣ новыя данныя, касающіяся Воина Ордина-Нащокина, которыя заключаются въ найденныхъ нами документахъ.

Сынъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, получившій образованіе подъ руководствомъ иноземцевъ [2]), свободно говорившій по-французски и по-нѣмецки [3]), еще будучи молодымъ человѣкомъ,

[1]) Печатные документы, касающіеся Воина Ордина-Нащокина см. въ Запискахъ Отдѣленія русск. и слав. археологіи имп. археол. общества, т. II, стр. 767—769; Чтенія въ моск. общ. ист. и древн. росс. за 1885 г., кн. II, смѣсь 2, а, стр. 23; Соловьевъ, Исторія Россіи т. XI. Отдѣльныя указанія приведены въ статьѣ проф. Иконникова („Русск. Старина" за 1888 г., №№ 11 и 12) и въ замѣткѣ его же („Русск. Арх." за 1886 г., № 12).

[2]) Соловьевъ, Ист. Росс. т. XI, изд. 1861 г., стр. 93.

[3]) „Русск. Арх." за 1886 г., № 12, стр. 528.

обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который поручалъ ему нѣкоторыя важныя дѣла по посольскому приказу, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Но Воинъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ; московскіе порядки настолько ему опротивѣли, что въ началѣ 1660 г. онъ самовольно уѣхалъ за границу,—„своровалъ, презрѣвъ неизреченную къ нему милость великаго государя". Нѣсколько лѣтъ провелъ Воинъ за границею, побывалъ въ Польшѣ, Германіи, Франціи [1]), Голландіи и Даніи [2]); былъ на службѣ у польскаго короля [3]). Послѣ многихъ приключеній Воинъ пожелалъ возвратиться на родину и 3-го марта 1663 г. поручилъ бывшему тогда въ Копенгагенѣ русскому послу Богдану Нащокину сообщить въ Москву о его желаніи [4]) и бить челомъ государю о томъ, чтобы ему, Воину, отпущена была его вина.

Когда государю доложено было о челобитьѣ Воина, состоялся (29-го августа 1665 г.) указъ о посылкѣ къ Воину грамоты, въ которой сказано было: „челобитье твое принявъ, милостиво прощаемъ и обнадеживаемъ цѣлу и безъ навѣту нашимъ превысокимъ милосердіемъ.... свободну быти" [5]). Въ іюнѣ 1666 г., Аѳанасій Лаврентьевичъ, занятый въ Андрусовѣ переговорами о заключеніи съ Польшею перемирія, узналъ, что сынъ его уже возвратился изъ-за границы въ Псковъ и поѣхалъ оттуда въ Москву. Въ столицѣ Воина приняли благосклонно: за вѣрную и радѣтельную службу его отца, государь его пожаловалъ, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни. Объ этомъ рѣшеніи дано было знать Аѳанасію Лаврентьевичу [6]), при чемъ отъ имени государя его обнадеживали о сынѣ и сообщали, что „призрить" Воина поручено Б. М. Хитрово [7]).

Аѳанасій Лаврентьевичъ не былъ увѣренъ, что къ сыну его отнесутся такъ снисходительно и до полученія извѣстія о томъ, какъ приняли Воина въ Москвѣ, писалъ къ государю, что вины своего сынишка не укрываетъ, чтобы государь его казнилъ или пожаловалъ, какъ о томъ ему, великому государю, Богъ извѣститъ. Далѣе, Ординъ-

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс. т. XI, стр. 93.

[2]) Зап. Отд. русск. и слав. археол. имп. русск. археол. общ. т. II, стр. 769.

[3]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, изд. 1861 г., стр. 93.

[4]) Записки Отдѣл. русск. и слав. археол. импер. русск. археол. общ., т. II, стр. 769.—3-го марта 7172 года, т.-е. 1663 г., Воинъ явился къ русскому послу въ Копенгагенѣ, Богдану Нащокину. Сообщая объ этомъ, проф. Иконниковъ даетъ такое опредѣленіе времени: „въ мартѣ 1669 г." („Русск. Старина за 1883 г., № 10, стр. 48). Надо полагать, что это—или описка, или опечатка.

[5]) Записки русск. и слав. археологіи импер. русск. археол. общ., т. II, стр. 768.

[6]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, изд. 1861 г., стр. 243.

[7]) Государств. Арх., отд. XXVII, № 284—столбцы приказа тайныхъ дѣлъ.

Нащокинъ просилъ, чтобы сына его, если онъ будетъ прощенъ, не присылали на посольскій съѣздъ въ Андрусово, такъ какъ отъ этого можетъ произойти государеву дѣлу помѣшка. Но Воина и не думали отпускать къ отцу, а отправили на житье въ отцовскія деревни [1]).

Надо полагать, что, проживъ пять лѣтъ за границею, Воинъ усвоилъ тамъ привычки, казавшіяся его землякамъ еретическими; во всякомъ случаѣ, ему не долго дали спокойно жить въ деревнѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ Воинъ былъ такъ благосклонно принятъ въ Москвѣ, 8-го сентября 1666 г. состоялся указъ о ссылкѣ его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ содержаться подъ крѣпкимъ началомъ; монастырскимъ властямъ наказано было слѣдить за тѣмъ, чтобы Воинъ непремѣнно каждый день посѣщалъ церковь, чтобы изъ монастыря никуда не ушелъ и „дурна какова надъ собою не учинилъ" [2]).

Въ монастырскомъ уединеніи продержали Воина недолго. 26-го января 1667 г., получена была въ Москвѣ отписка изъ Андрусова отъ Аѳанасія Лаврентьевича съ извѣстіемъ о томъ, что заключено съ Польшею перемиріе [3]), давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое. 30-го января, посланный на встрѣчу Аѳанасію Лаврентьевичу стольникъ Телепневъ сказалъ ему великаго государя милостивое слово съ похвалою за службу [4]). Въ тотъ же день „великій государь указалъ Воина Нащокина изъ-подъ начала свободить и отпустить къ Москвѣ. Государевъ указъ о томъ въ приказъ тайныхъ дѣлъ сказалъ стольникъ князь Петръ княжъ Ивановъ сынъ Прозоровской, и государева грамота въ Кирилловъ монастырь о свободѣ и объ отпускѣ его, Воиновѣ, къ Москвѣ послана того же числа" [5]). Много наградъ получилъ Аѳанасій Лаврентьевичъ за труды, понесенные имъ при заключеніи андрусовскаго перемирія, но самою пріятною для него наградою было, конечно, освобожденіе сына его изъ-подъ „начала монастырскаго".

А. Л. Ординъ-Нащокинъ не желалъ довольствоваться тѣмъ, что сынъ его былъ освобожденъ изъ монастырскаго заточенія: онъ желалъ вновь открыть способному молодому человѣку дипломатическую карьеру, которую тотъ началъ-было такъ успѣшно до своего бѣгства

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 242—243.

[2]) Чтенія въ москов. общ. ист. и древн. росс. за 1885 г., кн. II, смѣсь 2, а, стр. 2. Грамота въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь послана 8-го сент. 7175 г., т.-е. 8-го сент. 1666 г. Въ оглавленіи къ этой книгѣ „Чтеній" грамота ошибочно отнесена къ 1667 г. и эта дата почему-то принята проф. Иконниковымъ („Русск. Архивъ" за 1886 г., № 12, стр. 522).

[3]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ польскаго двора стат. списки № 108, л. 2.

[4]) Ibid. № 106, конецъ безъ пагинаціи.

[5]) Государственный Архивъ, Приказа тайныхъ дѣлъ записн. книги № IV.

за границу. Поэтому, когда въ апрѣлѣ 1668 г. въ посольскомъ приказѣ составляли подъ руководствомъ начальника приказа боярина Аѳанасія Лаврентьевича списокъ лицъ, которыя должны были сопровождать его на посольскій съѣздъ въ Курляндію, то въ списокъ этотъ внесенъ былъ возведенный уже въ стольники Воинъ Ординъ-Нащокинъ [1]). Однако, желаніе „посольскихъ дѣлъ оберегателя" не было исполнено: когда въ маѣ 1668 г. посольство, съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ во главѣ, отправилось, въ Курляндію, Воинъ не былъ отпущенъ съ отцомъ и, какъ кажется, долженъ былъ остаться въ отцовской деревнѣ и жить тамъ съ женою и матерью.

Такъ какъ начальнику посольскаго приказа не удалось пристроить своего сына въ свиту посольскую, то немедленно по прибытіи въ Курляндію Аѳанасій Лаврентьевичъ обратился съ письмомъ къ одному изъ наиболѣе вліятельныхъ въ то время при дворѣ лицъ, а именно къ боярину и оружейничему Богд. Матв. Хитрово. Въ письмѣ своемъ Ординъ-Нащокинъ съ благодарностью вспоминаетъ о постоянномъ къ себѣ расположеніи „пріятеля" своего Богдана Матвѣевича и проситъ его устроить такъ, чтобы „сынишка его" безъ „службы посыльной не былъ", и чтобы въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ, Воинъ, былъ отпущенъ къ своему отцу. Аѳанасій Лаврентьевичъ писалъ боярину Хитрово, что при занятіяхъ посольской коммиссіи легко будетъ найти для Воина подходящее дѣло, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Государь мой пріятель Богданъ Матвѣевичъ премножественно въ счастливомъ и радостномъ душею и тѣломъ пребываніи здравствуй о Господѣ, любленіе спасителное душе твоей объявляю. Чудотворнаго Вседержителева Образа сила дѣйствуетца хотящая впредь быти многая изъ писемъ моихъ подлинныхъ выразумѣть можешь. Да по неизреченной государской милости обнадеженъ я призрить тебѣ, государю моему, сынишка моево, и мнѣ то не ново, всегда въ мысли моей неотменно что милость твоя ко мнѣ во вся дни живота моего не оскудѣетъ, точию не дай мнѣ того во дни живота горкого моего видеть и слышеть, чтобъ сынишку моему безъ службы посылной быти и отпусти его по милости своей ко мнѣ въ июле мѣсяцѣ, а я сыщу дѣло, а мать ево и жена жили бы въ деревне и отъ твоего лица желание мое обвещаю о семъ государю моему Ѳедору Михайловичю, а Иванъ Гороховъ единодушенъ мнѣ, также и другой Иванъ горести моей не возгнушаетца.—Рабъ твой Аѳонка Нащокинъ".

На оборотѣ столбца: „Подать боярину и оружейничему государю

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, стат. списки польск. двора, № 123, л. 1 об.

моему Богдану Матвѣевичю" (Госуд. архивъ, Отдѣлъ XXVII, № 284, столбцы приказа тайныхъ дѣлъ).

Содержаніе письма, посланнаго Ординымъ-Нащокинымъ боярину Хитрово, доказываетъ, что отношенія этихъ двухъ вельможъ, по крайней мѣрѣ въ 1668 г., были далеко не такими враждебными какими они кажутся нѣкоторымъ историкамъ [1]) на основаніи извѣстнаго намека въ сочиненіи Коллинса [2]). Неизвѣстно, какъ отнесся Хитрово къ просьбѣ А. Л. Ордина-Нащокина; надо полагать, что своимъ бѣгствомъ за границу, а еще болѣе своимъ образомъ жизни по возвращеніи изъ чужихъ краевъ Воинъ настолько повредилъ своей репутаціи [3]), что Хитрово не могъ бы ему помочь, еслибы и хотѣлъ; во всякомъ случаѣ сыну „посольскихъ дѣлъ оберегателя" не удалось опять поступить на дипломатическую службу. Вскорѣ служебное положеніе самого Аѳанасія Лаврентьевича поколебалось, вслѣдствіе неприятностей, которыя ему пришлось испытать при не вполнѣ удачномъ управленіи *малороссійскимъ* приказомъ. При такихъ обстоятельствахъ, Воину вмѣсто почетной посольской должности пришлось принять воеводство въ провинціальномъ захолустьѣ [4]).

Виталій Эйнгорнъ.

Москва.

---

[1]) Проф. Иконниковъ прямо называетъ Б. М. Хитрово „врагомъ" Ордина-Нащокина („Русск. Старина" за 1883 г., № 11, стр. 282); точно также врагомъ Ордина-Нащокина называетъ боярина Хитрово и Соловьевъ (Ист. Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр., 64 и 352).

[2]) Коллинсъ говоритъ только: „Нащокинъ съ нимъ не въ ладу" (Чтенія въ моск. общ. ист. и древн. Росс. за 1846 г. № 1, матер. иностр., стр. 37).

[3]) Сравн. „Русск. Арх." за 1886 г., стр. 523—выписка изъ Рейтенфельса.

[4]) Дополн. къ Акт. Историч., т. IX, № 229.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Gerhart Hauptmann. Die Versunkene Glocke. Ein deutsches Märchendrama. Berlin, 1897. Стр. 174.

Гауптманъ пріучилъ публику къ тому, что каждая его новая пьеса является попыткой расширить область драматическаго искусства и какъ бы создать новый драматическій жанръ. Послѣдняя его драма: „Потонувшій колоколъ", проникнута чисто-сказочной поэзіей національнаго характера. Какъ извѣстно изъ біографіи Гауптмана, онъ съ дѣтства увлекался поэзіей нѣмецкихъ сказокъ и воспитался на нихъ. Теперь, послѣ цѣлаго ряда пьесъ, отражающихъ какъ внѣшній бытъ, такъ и внутреннюю психологію современности, Гауптманъ снова вернулся къ забытымъ дѣтскимъ мечтамъ и написалъ пьесу, населенную водяными и лѣсными духами, свѣтлыми эльфами, злыми гномами; дѣйствіе ея происходитъ поперемѣнно, то на высокихъ альпійскихъ вершинахъ, гдѣ обитаютъ разныя сверхъестественныя существа, то глубоко въ долинѣ, гдѣ живутъ простые, безхитростные люди. Дѣйствующими лицами этой оригинальной сказочки драмы являются природа и люди, а самое дѣйствіе показываетъ ихъ взаимныя отношенія; внутренній же замыселъ пьесы заключается въ идеѣ о безплодности стремленій человѣка проникнуться жизнью природы и пріобщиться ея вѣчныхъ высокихъ цѣлей. Самое стремленіе къ этому кончается трагически, отчуждаетъ человѣка отъ его привычной среды и разбиваетъ его духовныя силы, поднявши ихъ на недостижимую для него высоту. Изъ этихъ двухъ элементовъ, составляющихъ пьесу, Гауптману болѣе близка жизнь природы, поэтично отраженная въ сказочномъ мірѣ, который онъ воздвигаетъ предъ глазами зрителей. Всѣ „стихійные духи", которыхъ онъ выводитъ, полны жизни и свѣжести, и въ нихъ чувствуется любовь художника къ природѣ. Вымыселъ пьесы чисто народный, и возрожденные образы наивной германской миѳологіи пріобрѣтаютъ особое обаяніе въ отраженіи современнаго художника. Но этотъ безъискусственный сказочный міръ живетъ не самъ по себѣ въ пьесѣ Гауптмана, а только въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, и тутъ, изображая людей съ ихъ стремленіями и паденіями, Гауптманъ менѣе оригиналенъ и менѣе

привлекателенъ. Воспріимчивый къ литературнымъ вліяніямъ во всѣхъ своихъ пьесахъ, Гауптманъ на этотъ разъ поддался вліянію Ибсена и даже не духа Ибсена вообще, а одной изъ его символическихъ пьесъ: „Строитель Сольнессъ". Какъ Ибсенъ показалъ въ своемъ Сольнессѣ безсиліе художника подняться на высоту своего собственнаго идеала, такъ и Гауптманъ нарисовалъ образъ художника, въ душѣ котораго звучитъ пѣснь божественной гармоніи, слишкомъ высокая для того, чтобы быть воплощенной въ твореніи его рукъ, въ колоколѣ, который онъ собирается отлить. Въ „Строителѣ Сольнессѣ" жизнью и душою художника владѣютъ двѣ женщины; одна изъ нихъ, воплощающая идеальный призывъ его души, зоветъ его совершить недоступный подвигъ и погибнуть на пути къ его достиженію. Другая, его жена, воплощаетъ долгъ и приковываетъ его къ землѣ. Такъ и въ пьесѣ Гауптмана, душой литейщика Генриха попеременно владѣютъ то горная фея, вдохновляющая его на подвигъ, то жена, напоминающая ему объ его обязанностяхъ по отношенію къ людямъ и къ землѣ. Результатъ этого колебанія между двумя началами духовнаго и земного долга—иной у Гауптмана, чѣмъ у Ибсена. Герой Ибсена погибаетъ, падая съ высоты, на которой у него закружилась голова; этимъ авторъ какъ бы показываетъ, что высоты идеализма недостижимы для людей съ земными силами. Герой же пьесы Гауптмана среди своихъ мечтаній объ устройствѣ новаго колокола, который звучалъ бы далеко на горахъ, вдругъ слышитъ звуки стараго, потонувшаго колокола, и его тянетъ къ тому, что̀ онъ оставилъ къ долинѣ,—такъ что здѣсь рисуется человѣкъ, какъ существо нецѣльное, въ которомъ одинаково сильны и призывы неба, и память земли; онъ способенъ только стремиться, и становится безсильнымъ, жалкимъ и разбитымъ, когда хочетъ осуществить свою завѣтную мысль. Эта основная мысль пьесы облечена въ символическую форму, по поводу которой можно сдѣлать Гауптману тотъ же упрекъ, какъ и Ибсеновскому „Сольнессу",—упрекъ въ искусственности символизма, не вытекающаго изъ сюжета. Искусственность эта видна въ томъ, что дѣйствующія лица постоянно объясняютъ себя. Литейщикъ Генрихъ, говоря о томъ колоколѣ, который онъ хочетъ создать, все время объясняетъ, что̀ это за колоколъ, и что̀ нужно подразумѣвать подъ этимъ колоколомъ. Встрѣчаясь съ горной феей, онъ понимаетъ внутреннее значеніе ея встрѣчи съ нимъ и объясняетъ, что въ лицѣ ея природа встрѣчается съ человѣкомъ. Бѣдная фея можетъ только отвѣтить ему, что она не понимаетъ его странныхъ словъ. Затѣмъ, какъ бы заражаясь этой страстью къ символизированію каждаго поступка и каждаго слова, сами горные духи и элементарныя силы природы начинаютъ возводить себя въ теорію: старая колдунья разсуждаетъ о

томъ, что то, что̀ люди называютъ жизнью, есть на самомъ дѣлѣ смерть, а водяной и лѣсной духи толкуютъ о несвободѣ людей, объ ихъ ограниченности и слѣпотѣ. Самъ же Генрихъ, въ разговорахъ съ пасторомъ, направляющимъ его на путь истины, и съ горными духами, его помощниками въ созиданіи великаго творенія, произноситъ монологи, напоминающіе по своему духу монологи Фауста, а по своей формѣ, въ которой символы чередуются съ ихъ объясненіемъ, отзываются прямо аллегоріей, т.-е. тѣмъ, что̀ наиболѣе противоположно символизму.

Внѣшній символизмъ мѣшаетъ художественному впечатлѣнію пьесы. Еслибы идейный замыселъ прямо скрывался подъ сказочнымъ сюжетомъ, безъ искусственно-введенныхъ объясненій, художественное впечатлѣніе не нарушалось бы постояннымъ назойливымъ проявленіемъ авторскаго замысла, и поэтичная сказочная пьеса не производила бы временами впечатлѣнія аллегоріи. Но, отмѣтивъ эти недостатки, портящіе многія мѣста пьесы, все-таки нельзя не согласиться, что пьеса полна истинно-художественныхъ достоинствъ; читатель чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ глубоко-національнымъ поэтомъ, съумѣвшимъ возсоздать красоту природы и отлить ее въ живые образы. Герой пьесы, литейщикъ Генрихъ, уважается всѣми, какъ великій мастеръ своего дѣла, и живетъ въ долинѣ, въ счастливой семейной обстановкѣ. Онъ льетъ колокола и все мечтаетъ о томъ, чтобы изготовить колоколъ, который звучалъ бы мощнымъ призывнымъ звукомъ не только въ долинѣ, но и на горныхъ высотахъ. Ему удалось, наконецъ, совершить это. Сработанный имъ колоколъ признается всѣми великимъ дѣломъ великаго мастера, и даже завѣтное его желаніе должно исполниться: на вершинѣ горы построена часовня и въ ней долженъ быть повѣшенъ новый колоколъ, гдѣ онъ и будетъ звучать на горахъ. Но въ совершенство колокола вѣрятъ только люди долины: пасторъ, школьный учитель, брадобрѣй и любящая жена Генриха. Самъ же Генрихъ знаетъ, что онъ и не мастеръ, и не счастливецъ, какимъ его называютъ, и что колоколъ его звучитъ для долинъ, а не для горъ. Колоколъ, который долженъ висѣть въ горной часовнѣ, безпокоитъ духовъ рѣкъ и вершинъ. Этимъ языческимъ силамъ природы ненавистенъ церковный духъ, и они рѣшаются его уничтожить. Въ то время, какъ люди и лошади съ великими усиліями втаскиваютъ колоколъ на гору, горный духъ ломаетъ колесо телѣги у края пропасти, и колоколъ летитъ въ пропасть, въ глубокое озеро, скрытое въ горахъ. Самъ мастеръ Генрихъ спасается какимъ-то чудомъ и попадаетъ на вершину горы, къ домику старой колдуньи Виттихенъ, у которой живетъ маленькая фея Раутенделейнъ. Здѣсь, на горахъ, Генрихъ чувствуетъ, что онъ оживаетъ, а сама Раутенделейнъ кажется

ему воплощеніемъ чего-то близкаго, родного и невѣдомаго, но чего-то освобождающаго его отъ тѣхъ томленій, которыя онъ испытывалъ въ долинѣ. Раутенделейнъ ухаживаетъ за раненымъ Генрихомъ, и, оправившись, Генрихъ поддается обаянію того, что̀ его здѣсь окружаетъ. „Какъ хорошо здѣсь"! говоритъ онъ, обращаясь къ Раутенделейнъ. „Какъ странно и полно звучитъ лѣсъ! Темныя вѣтви сосенъ такъ загадочно двигаются. Онѣ такъ торжественно наклоняютъ голову... Сказка, да, сказка вѣетъ по лѣсу. Она шепчетъ и таинственно бѣжитъ по лѣсу, шелеститъ, поднимая лепестки, поетъ въ лѣсной травѣ, и вотъ, смотри, въ стелющемся туманномъ одѣяніи, бѣлая, стройная, она близится ко мнѣ, протягиваетъ руки, указываетъ на меня нѣжнымъ пальцемъ, подходитъ ближе, дотрогивается до меня, до̀ моего уха, до моего языка, до глазъ. Теперь она ушла, и ты передо мной. Ты сама сказка. Сказка, поцѣлуй меня"! Но люди приходятъ освободить его изъ открывшагося ему сказочнаго міра и спасти его, т.-е. перенести обратно въ долину. Пасторъ, брадобрѣй и учитель напали на его слѣдъ и, увидѣвъ его въ обморокѣ, думаютъ, что онъ умеръ, и уносятъ его на носилкахъ. Но фея Раутенделейнъ прониклась любовью къ жителю земли, и послѣ его ухода обычныя шутки водяного и лѣсовика не забавляютъ ее больше. На глазахъ ея появляется то, чего она не знала раньше—слезы, и когда она спрашиваетъ у водяного, что̀ означаетъ свѣтлая капля, упавшая съ ея рѣсницъ, водяной отвѣчаетъ: „это прекрасный алмазъ, и если вглядѣться въ него, то вся мука и счастье міра блестятъ въ этомъ камнѣ; зовутъ его слезой". Раутенделейнъ хочетъ вырваться отъ опротивѣвшихъ ей духовъ горъ и лѣсовъ, и напрасны увѣщанія водяного не идти къ людямъ. „Квораксъ! брекекекексъ! говоритъ духъ колодца на своемъ водяномъ нарѣчіи. „Послушай, что̀ тебѣ говоритъ тысячелѣтній духъ! Пусть мелкіе рабы идутъ своимъ путемъ, моютъ бѣлье людямъ, вертятъ ихъ мельницы, взращиваютъ капусту на ихъ огородахъ и глотаютъ невѣдомо что̀. Но ты, принцесса Раутенделейнъ, ты должна стать женою короля! Есть у меня корона изъ зеленаго хрусталя: одѣну ее на тебя въ золотомъ залѣ. Полы и потолки тамъ изъ свѣтло-голубого камня, изъ краснаго коралла стѣны и полки". Но все это не удерживаетъ Раутенделейнъ, и она идетъ туда, въ страну людей. „Кворaксъ"! восклицаетъ влюбленный въ нее водяной въ величайшемъ ужасѣ. „Кворaксъ"! повторяетъ онъ жалобно, и еще тише: „Кворaксъ"! Затѣмъ, качая головой, прибавляетъ: „Брекекекексъ"! Принесенный замертво въ домъ жены, Генрихъ думаетъ, что онъ долженъ умереть, и убѣждаетъ жену жить безъ него для дѣтей, потому что онъ самъ не можетъ жить, утративши прежнія силы. Служить долинамъ ему не по душѣ, и съ той минуты,

какъ онъ разъ очутился на вершинѣ, весь духъ его стремится только вверхъ и хочетъ творить дѣла, достойныя высотъ. А такъ какъ этого онъ не можетъ сдѣлать, чувствуя себя слабымъ и больнымъ, то лучше ему умереть. Для того, чтобы продолжать жить, онъ долженъ былъ бы сдѣлаться еще разъ молодымъ, вторично расцвѣсти сказочнымъ горнымъ цвѣткомъ, способнымъ дать новые плоды. Такъ какъ это невозможно, то онъ хочетъ умереть. Но Генриха спасаетъ Раутенделейнъ; она является въ домъ подъ видомъ молодой поселянки, ухаживаетъ за нимъ, напоминаетъ ему объ его снѣ на горной вершинѣ, зоветъ его съ собой, обѣщая ему всѣ сокровища горъ и лѣсовъ; когда же онъ жалуется на то, что онъ человѣкъ и слѣпъ и не понимаетъ, о чемъ она говоритъ, Раутенделейнъ цѣлуетъ его глаза для того, чтобы онъ прозрѣлъ и понималъ голоса природы. Затѣмъ она излечиваетъ его заклинаніями и цѣлебными напитками, и Генрихъ, подобно Фаусту, снова чувствуетъ силу жить и творить небывалое. Онъ ушелъ съ Раутенделейнъ на ея высоты, и тамъ, къ негодованію всѣхъ духовъ, работаетъ надъ новымъ колоколомъ, который долженъ стать небывалымъ чудомъ гармоніи; онъ счастливъ любовью Раутенделейнъ, которая заставляетъ покоряться ему всѣхъ духовъ водъ и горъ. Къ Генриху приходитъ пасторъ; тотъ привѣтствуетъ его съ истинной радостью и говоритъ ему о задуманной имъ работѣ. Колоколъ, надъ которымъ онъ трудится, будетъ обладать силой звука, подобной весеннему грому, потрясающему равнины; своимъ призывнымъ звукомъ онъ заставитъ молчать колокола всѣхъ церквей и будетъ возвѣщать, переходя въ звуки радости, возрожденіе свѣта и солнца на землѣ. Онъ вѣритъ въ наступленіе такого дня, когда свершится союзъ земли и неба, когда людямъ откроются непонятные звуки природы, и въ дивномъ храмѣ свершится празднество солнца, на которое потянутся длинныя вереницы народовъ, съ шелковыми знаменами въ рукахъ. „И тогда зазвучитъ дивная пѣсня его колоколовъ въ сладкихъ, обаятельно сладкихъ призывныхъ звукахъ, такъ что каждое сердце будетъ рыдать отъ счастія и муки. Раздастся пѣсня, затерянная и забытая пѣсня о родинѣ, пѣсня о дѣтской любви, исторгнутая изъ глубины сказочнаго колодца, извѣстная каждому, но никогда не звучавшая. И когда раздастся она, таинственная и протяжно грустная, полная—то печали соловья, то смѣха голубицы,—тогда исчезнутъ злоба, ненависть и муки, и растаетъ ледъ въ каждой человѣческой душѣ, и прольются горячія и горячія слезы. И тогда мы подступимъ всѣ вмѣстѣ къ Распятію, и еще со слѣдами слезъ радостно поднимемъ къ небу взоръ, пока наконецъ освобожденный силой солнца Спаситель расправитъ свои члены и, сіяя и улыбаясь, полный вѣчной юности, снизойдетъ какъ юноша

на ликующую землю". Конечно, его восторженныя мечты пасторъ, признаетъ богохульствомъ, старается его образумить, грозитъ ему вѣчной гибелью, если онъ не вернется на прежній путь. Онъ напоминаетъ ему, что есть такое слово, называемое раскаяніемъ, и что какъ стрѣла оно пронзитъ его когда-нибудь среди его нечестивыхъ мечтаній. Но Генрихъ считаетъ себя въ безопасности и говоритъ, что эта стрѣла такъ же мало можетъ коснуться его, какъ тотъ колоколъ, тотъ старый колоколъ, который упалъ въ озеро, не можетъ больше звучать.—„Тотъ колоколъ снова зазвучитъ для васъ, мастеръ"! говоритъ пасторъ:—„Вспомните обо мнѣ". И въ самомъ дѣлѣ, колоколъ, звуки котораго какъ бы соединяютъ Генриха съ его прошлымъ, начинаетъ будить въ Генрихѣ его прежнія чувства и влеченія въ тотъ самый моментъ, когда онъ приближается къ желанному результату. Съ помощью гномовъ Генрихъ льетъ свой колоколъ и старается увѣрить себя въ удачѣ, несмотря на то, что сами гномы шепчутъ ему на ухо о своемъ недовольствѣ. Его мучатъ кошмары, среди которыхъ является къ нему водяной духъ и говоритъ ему о томъ, что въ глубинѣ озера, среди тины и каменьевъ, покоится колоколъ, которому хочется вверхъ и который издаетъ такіе странные звуки, какъ будто бы все внутри было полно крови. Напрасно Раутенделейнъ хочетъ развлечь его своею любовью. Среди музыки и танцевъ вдругъ Генриху что-то начинаетъ слышаться, и потомъ являются ему въ видѣніи двое дѣтей съ святымъ сіяніемъ вокругъ головы. Они зовутъ его отцомъ, приносятъ ему поклонъ отъ матери и протягиваютъ ему принесенный ими кувшинъ со слезами матери. „Мать наша", говорятъ они, „тамъ, у водяныхъ розъ". Тогда раздается глубокій гулъ колокола изъ глубины, и Генрихъ въ ужасѣ предъ этимъ похороннымъ звукомъ клянетъ Раутенделейнъ и убѣгаетъ отъ нея. Человѣку не удалось удержаться на горной вершинѣ и совершить подвигъ свѣта. Подобно тому, какъ все павшее человѣчное тянется изъ глубины вверхъ къ небу, такъ того, кто вознесся слишкомъ высоко, голосъ земли тянетъ внизъ. Стихійные духи вновь остаются свободными отъ человѣческаго вторженія; водяному, наконецъ, удается получить Раутенделейнъ въ жены, а Генрихъ, больной и умирающій, блуждаетъ по землѣ, приходитъ къ тому домику старой колдуньи, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ Раутенделейнъ, и отдыхаетъ у колодца, въ глубинѣ котораго живетъ водяной и его жена Раутенделейнъ. Когда фея выходитъ погрѣться изъ колодца на солнцѣ, она сначала не хочетъ узнать Генриха. „Я не знаю тебя", говоритъ она; „я никогда тебя не знала, никогда тебя не видѣла и никогда тебя не ласкала". Она говоритъ, что ей нужно спѣшить въ глубину, гдѣ поютъ хороводы, но потомъ она даетъ ему испить изъ волшебнаго

кубка, оставленнаго колдуньей. Выпивъ изъ него, Генрихъ долженъ въ послѣдній разъ познать свѣтлый духъ, вдохновлявшій его на подвиги, и тогда Раутенделейнъ напоминаетъ ему прошлое и прощается съ нимъ. Онъ умираетъ, получивъ отъ нея поцѣлуй, и въ это время восходитъ солнце, восторженно привѣтствуемое умирающимъ. „Солнце, солнце восходитъ"! говоритъ онъ. „Ночь длинна"... На этомъ заканчивается пьеса, въ концѣ которой слишкомъ проступаетъ назидательность замысла, ослабляющая художественное впечатлѣніе, столь сильное въ первыхъ актахъ съ ихъ непосредственной сказочной поэзіей.

II.

H. Taine. Carnets de voyage. Notes sur la province. 1863—1865. Paris, 1897. Стр. 348.

Путевыя замѣтки Тэна, собранныя теперь составителями посмертнаго изданія его сочиненій, относятся къ 1863—65 годамъ, когда Тэнъ объѣзжалъ Францію въ качествѣ экзаменатора сенъ-сирской военной школы. Многое изъ путевыхъ впечатлѣній Тэна попало въ его прежнія книги объ Италіи, Англіи и др., но многое осталось еще въ необработанномъ видѣ. Эти замѣтки о разныхъ французскихъ городахъ соединены теперь въ интересный томъ. Описательный талантъ Тэна очень ярко сказывается во многихъ изъ бѣглыхъ замѣтокъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ того или другого города. Авторъ дѣлаетъ много интересныхъ и мѣткихъ обобщеній относительно расовыхъ особенностей французовъ и характерныхъ отличій отдѣльныхъ провинцій.

Такъ какъ книга составлена изъ описаній нѣсколькихъ поѣздокъ, совершенныхъ съ одинаковой служебной цѣлью, то и маршрутъ автора мало измѣняется, и онъ въ каждомъ изъ трехъ путешествій описываетъ большею частью одни и тѣ же города. Это, конечно, тѣмъ болѣе интересно, такъ какъ Тэну удается всякій разъ глубже взглянуть въ уже знакомую жизнь или отмѣчать каждый разъ нѣчто болѣе новое и характерное. Въ описаніяхъ Тэна выступаютъ контрасты сѣверной и южной части Франціи, и Тэнъ своей склонностью къ сѣвернымъ пейзажамъ самъ подчеркиваетъ эти контрасты и отдаетъ предпочтеніе той части страны, которая близка къ Голландіи и носитъ на себѣ отпечатокъ голландскаго пейзажа и голландскаго характера. Пріѣхавъ въ Дуэ, Тэнъ проникается мечтами о спокойномъ счастьѣ, и мечты его принимаютъ образы того, что̀ онъ видитъ передъ глазами: „Имѣть собственный домикъ изъ глазированнаго

кирпича... Окна въ немъ большія; изъ нихъ видны вдалекѣ тополи, а совсѣмъ близко подъ окнами каналъ съ песчаной набережной, вдоль которой можно гулять ежедневно около пяти часовъ вечера. Жена съ бѣлымъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица, не худощавая, съ спокойнымъ и круглымъ лицомъ, спокойно цвѣтетъ, какъ тюльпанъ въ хорошей землѣ, и никогда не скучаетъ. Слуги исполняютъ свое дѣло неторопливо, аккуратно, дѣлая каждую вещь всегда въ одно и то же время. Ихъ не нужно бранить; они не воруютъ, ѣдятъ вдоволь, ложатся спать въ девять часовъ и не испытываютъ неудовольствія отъ того, что они—слуги. Самъ хозяинъ тоже ложится въ девять часовъ, каждый день одѣваетъ бѣлоснѣжное бѣлье; у него маленькая карета, окрашенная въ зеленый цвѣтъ, погребъ, наполненный старыми бордоскими винами; онъ приглашаетъ друзей; столовое бѣлье сверкаетъ бѣлизной; тонкое стекло, нѣжно разрисованный фарфоръ и блестящій фаянсъ украшаютъ его столъ. Не чувствуется никакой потребности въ остроуміи: обѣдъ настолько хорошъ, что достаточно ѣсть его, чтобы быть довольнымъ. Дѣти, кругленькія дѣвочки, съ розовыми щеками и большими смѣющимися глазами, приходятъ поцѣловать родителей во время дессерта. Имъ дается кусочекъ сахару, обмоченный въ стаканъ кофе или въ рюмочку голландскаго кюрасо. Онѣ смѣются свѣтлымъ и свѣжимъ смѣхомъ и все-таки немного конфузятся, кладя кусокъ сахару между румяныхъ губъ. Какое счастье быть счастливымъ"!

Въ этой нѣсколько иронической картинѣ фламандскаго счастья Тэнъ даетъ характеристику сѣверныхъ французовъ, столь различныхъ отъ парижанъ и тѣмъ болѣе обитателей юга. Но вниманіе Тэна привлекаетъ не только это болѣе животное спокойствіе, которое ему нравится въ той же степени, въ какой онъ любитъ картины голландской школы; онъ отмѣчаетъ и другую, болѣе интимную красоту сѣвера, находитъ мистическій элементъ въ красотѣ женщинъ въ Реннъ и другихъ сѣверныхъ городахъ. На католическомъ сѣверѣ онъ находитъ источникъ рыцарскихъ легендъ, воспѣвающихъ изысканныхъ владѣлицъ замковъ и царицъ турнировъ. „Несомнѣнно, —говоритъ онъ,—что чистыя героини древняго бретонскаго рыцарства, мистическія возлюбленныя въ романахъ св. Грааля, Персиваля, Элена, Іоланда, Герена и др., взяты оттуда. Ренанъ справедливо говорилъ о нѣжной и болѣзненной чувствительности кельтическихъ расъ". Тотъ же типъ одухотворенной красоты Тэнъ встрѣчаетъ въ другихъ мѣстахъ сѣверной Франціи, особенно въ Бретани, которой онъ посвящаетъ много живописныхъ страницъ своихъ записокъ. „Самый частый типъ между здѣшними женщинами",—говоритъ онъ, описывая дорогу изъ города Ваннъ въ Карнакъ,—это дѣвственная

монахиня. Блѣдный цвѣтъ лица, иногда нѣсколько болѣзненный, иногда необычайной нѣжности. Многія молодыя дѣвушки имѣютъ выраженіе аскетическихъ мадоннъ, тонкую шею, какъ у Жанны Неаполитанской, необычайно мягкій голосъ, скромные глаза, которые сейчасъ же опускаются; въ нихъ замѣтна какая-то трепетная чувствительность, иногда болѣзненная робость. Впечатлѣніе получается удивительное. Это—чистыя души въ образѣ женщины". И, описывая еще нѣсколько подобныхъ типовъ, Тэнъ говоритъ: „Животная безмятежность и мистическая нѣжность—вотъ двѣ самыя выдающіяся и частыя черты здѣшнихъ женщинъ". И такимъ же кажется ему и самый пейзажъ сѣвера. Тэнъ называетъ Бретань Шотландіей безъ горъ и съ большимъ количествомъ воды, причемъ именно это изобиліе водъ кажется ему особенно привлекательнымъ. И стóитъ ему переѣхать на югъ, чтобы почувствовать тоску среди изсушенныхъ солнцемъ равнинъ. Но все-таки долгое пребываніе въ Бретани внушаетъ ему пресыщеніе своей вѣчной близостью къ океану, и конечное впечатлѣніе, которое онъ высказываетъ, переѣзжая въ центръ Франціи, отзывается разочарованіемъ. „Я выѣзжаю изъ Бретани,—говоритъ онъ,—съ воображеніемъ, переполненнымъ этими слишкомъ влажными пейзажами, голыми участками земли въ перемежку съ стоячими водами, тонкимъ слоемъ земли на отвѣсѣ старыхъ утесовъ, глиняными лачугами, жалкими хижинами, исхудалыми лицами, блѣдными, мистическими или идіотичными, съ вдавленнымъ корпусомъ и головой; страна, въ которую въѣзжаешь, покидая Бретань, носитъ характеръ изобилія и спокойнаго наслажденія".

Но если сѣверъ послѣ перваго очарованія началъ разстраивать Тэна своей смѣсью мистицизма и животности, то еще болѣе назойливыми оказываются краски юга, яркость которыхъ вызываетъ въ немъ часто тоску. Ему не нравится говорливость южнаго населенія, и каждый кучеръ въ Бордо кажется ему полишинелемъ. „Французамъ недостаетъ джентльменства", — говоритъ Тэнъ, возмущаясь тѣмъ, что къ нему и другимъ членамъ экзаменаціонной коммиссіи безпрерывно являлись родители экзаменующихся, прося, чтобы ихъ сыновьямъ оказали протекцію въ ущербъ другимъ. Въ Марсели его артистическій темпераментъ непріятно пораженъ преувеличенностью всѣхъ сторонъ жизни. „Колоссальность торговыхъ оборотовъ поглощаетъ здѣсь все",—говоритъ онъ. Они покупаютъ десять тысячъ шкуръ буйволовъ, пять тысячъ пудовъ перца и т. д. и потомъ перепродаютъ это. И сообразно съ этимъ преувеличенность и грубость наложила отпечатокъ на всю жизнь города. Постройки и сооруженія колоссальны, и такъ же колоссальна нищета и грязь бѣдныхъ кварталовъ, и грубость удовольствій въ кварталахъ, населенныхъ матро-

сами. Все это кажется ему похожимъ на какой-то возмутительный, мрачный пандемоніумъ. Ничего болѣе ужаснаго нельзя встрѣтить даже на улицахъ Ливерпуля. Только видъ моря, съ его контрастами лазури и бѣлыхъ скалъ, примиряетъ путешественника съ грубостью жизни, въ которой отсутствуетъ всякій интеллектуальный интересъ. Другіе южные города, въ особенности живописный Арль и Оранжъ, напоминаютъ ему итальянскіе города. Узкія, сводчатыя улицы, развалины древнихъ театровъ, шумъ, женщины съ золотыми гребнями въ черныхъ волосахъ и съ длинными развѣвающимися вуалями,—все это говоритъ о торжествующемъ итальянскомъ югѣ такъ же, какъ грязь нищихъ кварталовъ. Тэнъ описываетъ знаменитый древній театръ въ Оранжѣ, отражающій характеръ туземной и южной цивилизаціи. „Современная культура,—говоритъ онъ,—пришла съ сѣвера и принадлежитъ не гражданамъ, а людямъ хорошо одѣтымъ, трудящимся, которые идутъ вечеромъ въ театръ, чтобы развлечься, потому что днемъ они были заняты дѣлами, и которымъ нуженъ реалистическій спектакль, потому что они сами—позитивисты и наблюдатели. Такой театръ нуженъ Парижу, но совершенно не годится для Арля, Оранжа и т. д. Истинный театръ юга—это такой, какъ этотъ, расположенный на открытомъ воздухѣ, подъ чудеснымъ освѣщеніемъ неба, сдѣланный для людей, которые ищутъ прохлады вдоль стѣнъ, которые разгуливаютъ и спятъ среди дня на каменныхъ скамейкахъ. Для нихъ, обладающихъ чисто внѣшнимъ декоративнымъ геніемъ, склонныхъ ко всякимъ преувеличеніямъ, создана трагическая декламація". Если подумать, что этимъ рѣзкимъ приниженіемъ юга передъ сѣверомъ какъ бы подписанъ приговоръ и классическому театру Софокла, тоже разсчитанному на громадные амфитеатры подъ открытымъ небомъ, то, конечно, нельзя согласиться съ выводомъ Тэна. Сѣверная культура болѣе энергична и продуктивна и менѣе склонна къ артистическому наслажденію среди бездѣлья, но въ южной культурѣ участвовали и Аѳины,—и это рѣшаетъ вопросъ.

Въ общемъ, записки Тэна, хотя и не приведенныя въ систему самимъ авторомъ, представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ художественными описаніями отдѣльныхъ городовъ, такъ и общими разсужденіями психологическаго характера о контрастахъ различныхъ національностей, составляющихъ Францію.

III.

Jules Lemaître. Impressions de théâtre. Neuvième série. Paris. 1896. Стр. 391.

Передавая свои впечатлѣнія объ одной изъ новыхъ пьесъ французскаго репертуара, Жюль Леметръ шутливо обращается къ небу

съ слѣдующимъ моленіемъ: „Спаси меня, Создатель, отъ тяжкаго долга произносить приговоры при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и распредѣлять призы увѣреннымъ и не допускающимъ возраженія тономъ. Сдѣлай такъ, чтобы я всегда понималъ комизмъ увѣренности, съ которой люди говорятъ: „это—лучшая пьеса послѣднихъ десяти лѣтъ“; или: „этотъ только человѣкъ владѣетъ истиннымъ театральнымъ языкомъ“; или: „эта англійская драма конца XVII вѣка превосходитъ и уничтожаетъ Шекспира, и тамъ находится самая замѣчательная и самая сильная сцена всего древняго и новаго театра“. Какъ будто мы можемъ это знать, и какъ будто мы можемъ быть увѣрены въ чемъ-либо иномъ, кромѣ впечатлѣнія, производимаго на насъ тою или другой вещью въ извѣстный моментъ. Дай мнѣ проникнуться, Создатель, суетностью подобныхъ сужденій и дай мнѣ наслаждаться невиннымъ удовольствіемъ при видѣ того, какъ подобныя сужденія произносятся именно людьми, въ глазахъ которыхъ всякій ученый и всякій профессоръ является педантомъ“.

Этими ироническими словами Жюль Леметръ напоминаетъ читателямъ, что онъ „импрессіонистъ“, что онъ не судитъ по установленнымъ критеріямъ, а довѣряется лишь своему вкусу и т. д.,—и, сказавши все это, онъ спокойно принимается за классификацію пьесъ, за осужденіе и похвалы, за анализъ своихъ впечатлѣній. Иначе и быть не можетъ, именно потому, что критикъ-импрессіонистъ по существу своему субъективенъ, и что, говоря о произведеніяхъ искусства, онъ приступаетъ къ нимъ съ требованіями своего личнаго вкуса, т.-е. съ сознательнымъ или безсознательнымъ критеріемъ, а говоря о другихъ, по неволѣ отражаетъ свои собственные эстетическіе идеалы, свои требованія и свою нетерпимость ко всему, что идетъ въ разрѣзъ съ дорогими ему идеями.

Содержаніе новой книжки Леметра обусловлено, конечно, не личнымъ его выборомъ, а репертуаромъ парижскихъ театровъ. И странную смѣсь именъ, эпохъ и національностей встрѣчаемъ мы, благодаря тому, въ критическихъ замѣткахъ такого истиннаго парижанина, какъ Жюль Леметръ. Францію послѣднихъ лѣтъ нельзя уже упрекнуть, какъ прежде, въ замкнутости литературнаго вкуса. И книжная литература переполнена иностранными вліяніями, а тѣмъ болѣе французская сцена, широко-раскрытая теперь пришельцамъ съ сѣвера и юга. Скандинавская, нѣмецкая и русская драма привилась въ Парижѣ, несмотря на протесты критиковъ (Жюль Леметръ—одинъ изъ первыхъ въ этомъ хорѣ протестантовъ), и мало того: не только современные иностранные авторы завладѣли вниманіемъ французской публики, но и древняя, даже древнѣйшая литература участвуетъ въ новѣйшемъ репертуарѣ французскихъ сценъ. Такъ, въ новой девя-

той серіи своихъ театральныхъ впечатлѣній Жюль Леметръ начинаетъ съ драмы Эврипида, переходитъ къ „Сакунталѣ" и къ какой-то индійской драмѣ, приписываемой королю Судрака, затѣмъ говоритъ объ Ибсенѣ, Стриндбергѣ, Зудерманѣ и другихъ интернаціональныхъ драматургахъ послѣднихъ лѣтъ въ перемежку съ чисто парижскими новинками въ области театра. И при этомъ получается нѣчто странное. Перо парижскаго критика умѣетъ какъ-то обобщить всѣ эти разнородныя произведенія въ нѣчто тождественное, отыскать въ нихъ черты, которыя всего дороже скептическому уму парижанина и даже его взглядамъ на вопросы общественной и индивидуальной психологіи. Уже давно Леметръ стремился убѣдить Европу въ томъ, что всѣ новаторства сѣвернаго театра вышли изъ творчества Дюма и Ожьé; что Ибсенъ только снова ввелъ въ моду забытыя проповѣди Дюма и т. д. Европа при этомъ убѣдилась только въ томъ, какъ поверхностно понимаетъ французскій критикъ глубокіе замыслы Ибсена. Но Жюль Леметръ идетъ по прежнему пути, и вмѣсто того, чтобы вникнуть въ сущность чуждыхъ ему писателей, онъ направляетъ чуткость своего несомнѣннаго критическаго таланта на то, чтобы съ бòльшимъ остроуміемъ отыскивать, такъ сказать, парижскую первооснову старыхъ и новыхъ драмъ. Эти критическіе фокусы продѣлываются съ большимъ искусствомъ, и всякій съ наслажденіемъ прочтетъ его блестящіе софизмы и его остроумные художественные очерки, какъ бы освѣщенные пренебрежительно-снисходительной улыбкой великаго учителя Леметра, Ренана.

Красивымъ образчикомъ этого благороднаго, художественнаго скептицизма является первая статья сборника о трагедіи Эврипида: „Іонъ", передѣланной Леконтъ де-Лилемъ въ его „Аполлонидѣ". Разсказывая сюжетъ трагедіи, Леметръ ухитряется найти въ ней общую основу съ извѣстной пьесой Дюма: „Monsieur Alphonse", и устанавливаетъ прямую связь между Аполлономъ въ трагедіи Эврипида и пресловутымъ Альфонсомъ въ комедіи Дюма, какъ представителями одного и того же, неизмѣнившагося въ теченіе вѣковъ типа. Своимъ изложеніемъ трагедіи Леметръ дѣлаетъ нагляднымъ это пикантное тождество греческаго бога и парижскаго соблазнителя мелкаго пошиба. Леметръ передаетъ по-своему разсказъ Меркурія въ прологѣ трагедіи. Креуза, королева аѳинская и дочь Эрехтея, была соблазнена Аполлономъ и родила сына. Она бросила ребенка, о которомъ заботится его божественный отецъ, и мальчикъ ростетъ въ Дельфахъ, въ храмѣ Аполлона. Креуза вышла замужъ за чужестранца Ксута, сына Юпитера. Ксутъ является къ дельфійскому оракулу съ мольбами о потомствѣ, въ которомъ ему отказала судьба. Когда Ксутъ входитъ въ храмъ, Аполлонъ даетъ ему своего сына, говоря ему,

что послѣдній—сынъ Ксута. Такимъ образомъ, ребенокъ возвращается въ домъ своей матери, и благополучіе его обезпечено, причемъ положеніе Аполлона является очень похожимъ на положеніе м-r Alphons'а въ домѣ генерала; Монтелена. Увидѣвъ въ самой завязкѣ древней трагедіи нѣчто напоминающее веселость семейныхъ драмъ въ современной Франціи, Леметръ идетъ дальше по соблазнившему его пути пародіи и незамѣтнымъ образомъ превращаетъ классическую пьесу въ французскій фарсъ. Молодой Іонъ является сознательнымъ шутникомъ, разсматривающимъ драму своихъ родителей съ невозмутимостью монмартрскаго уроженца. Ксутъ, выходя отъ Пиѳіи, которая ему сказала, что первый, кого онъ встрѣтитъ, будетъ его сынъ, видитъ идущаго къ нему на встрѣчу Іона.—Въ объятія мои!—кричитъ онъ:—Я твой отецъ.—Вы шутите,—отвѣчаетъ спокойно молодой служитель Аполлона. Но Ксутъ говоритъ, что все это совершенно серьезно и передаетъ слова Пиѳіи.—Странно!—говоритъ Іонъ.—Мнѣ ли ты это говоришь?—отвѣчаетъ Ксутъ. Дальнѣйшій разговоръ, въ которомъ Іонъ вывѣдываетъ у отца, кто могъ бы быть его матерью, выдержанъ совершенно въ тонѣ фарса, съ подобающими шутками; при этомъ Леметръ утверждаетъ, что онъ совершенно вѣрно передаетъ духъ греческой пьесы. Когда же наконецъ, среди постоянныхъ шутливыхъ выходокъ Іона, оказывается, что Креуза—его мать, все разрѣшается вмѣшательствомъ Минервы, которая говоритъ съ Креузой языкомъ практичной парижанки: — Послушайся добраго совѣта,—говоритъ она,—не говори никому, что Іонъ—твой сынъ. Оставь Ксуту любезную ему иллюзію.—Такимъ образомъ, легкой подтасовкой разговоровъ Леметръ приблизилъ Эврипида къ вкусамъ парижскаго театральнаго зрителя. Но при всей несерьезности такого пріема Леметръ на этотъ разъ сдѣлалъ нѣчто вѣрное. У Эврипида съ его deus ex machina греческая трагедія утратила свой истинный трагизмъ и сдѣлалась жизненной драмой, въ глубинѣ которой всегда скрытъ элементъ комическаго. Эврипидъ былъ скептикъ, носившій ядъ разлада въ душѣ, и въ этомъ—его духовное родство съ ученикомъ Ренана. Послѣднему и удалось поэтому такъ остроумно опошлить греческую трагедію, гдѣ дѣйствуютъ боги, и увидѣть въ ней параллель бытописательной драмѣ Дюма.

Менѣе удачны разборы Леметра, посвященные Ибсену, Стриндбергу, Зудерману. „Маленькій Эйольфъ", Ибсена, конечно, нравится Леметру болѣе другихъ пьесъ скандинавскаго драматурга, быть можетъ потому, что „Маленькій Эйольфъ"—слабѣе другихъ пьесъ и, въ самомъ дѣлѣ, болѣе напоминаетъ пьесы другихъ европейскихъ писателей. Правда, не французами вдохновлялся Ибсенъ въ своей предпослѣдней драмѣ, а Толстовскими теоріями самоотреченія и

жизни для другихъ. Но мораль Толстого близка Леметру, потому что онъ сжился съ отраженіемъ ея во всемъ новѣйшемъ французскомъ романѣ. „Маленькій Эйольфъ" поэтому ему кажется сильной и ясной психологической драмой, и онъ только искренно жалѣетъ о томъ, зачѣмъ Ибсенъ ввелъ въ нее разныя, по его мнѣнію, ненужныя выдумки, какъ, напр., его удивительная „Rattenmamsel", которая ходитъ по домамъ и спрашиваетъ, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь грызучаго, ползучаго и т. д.

Конечно, Леметръ особенно интересенъ—когда онъ говоритъ о французскихъ, спеціально парижскихъ пьесахъ. Всѣ его разборы пьесъ Дюма блестяще резюмируютъ общественные типы, выведенные драматургомъ, и показываютъ связь этихъ типовъ съ современностью, т.-е. то, чтó въ нихъ характерно для общей психологіи Парижа, и чтò потеряло значеніе вмѣстѣ съ исчезнувшимъ общественнымъ явленіемъ. Какъ парижанинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ академикъ, Жюль Леметръ не всегда безпристрастенъ въ своихъ отзывахъ. Онъ хвалитъ посредственную драму Коппé: „Pour couronne", онъ хвалитъ—и это еще бóльшее преступленіе—Сарду и его театральныя феерія, не имѣющія никакого литературнаго значенія и написанныя лишь для того, чтобы давать возможность Сарѣ Бернаръ появляться передъ публикой въ ослѣпительныхъ костюмахъ и эффектныхъ сценахъ. Очень красивымъ образчикомъ изящнаго вышучиванія являются нѣсколько страницъ, посвященныхъ пресловутой „Принцессѣ Грезѣ" Ростана. Леметръ, конечно, не смотритъ серьезно на эту поверхностную романтическую пьесу, въ которой отразились внѣшнимъ образомъ всѣ элементы новѣйшей эстетики. Но онъ отмѣчаетъ всѣ заимствованія и всѣ вліянія, подчеркивая смѣшную сторону пьесы, внѣшность символовъ, обиліе ненужныхъ линій и т. д.

IV.

Nikitin. Gedichte. Uebersetz. von Friedr. Fiedler. Lpzg. Verl. von Ph. Reclam. 1896.

Г. Фидлеръ продолжаетъ серію начатыхъ имъ переводовъ русскихъ поэтовъ въ вышедшемъ недавно сборникѣ стихотвореній Никитина. Нѣмецкимъ читателямъ интересно будетъ познакомиться въ прекрасной передачѣ искуснаго переводчика съ бытовой поэзіей Никитина, освѣщающей подробности крестьянской жизни и семейнаго быта въ народѣ. Эта колоритность Никитина и заставила вѣроятно нѣмецкаго переводчика остановиться на немъ, потому что стихотво-

ренія Никитина на общія тэмы едва ли заслуживаютъ перевода. Для того, чтобы дать полное представленіе о поэтѣ, г. Фидлеръ перевелъ и тѣ стихотворенія, въ которыхъ Никитинъ жалуется на сплетни, отравляющія жизнь людей, на торжество зла въ жизни и т. д.; всѣ они мало отличаются отъ второстепенныхъ стихотвореній на тѣ же тэмы въ западной литературѣ и едва ли заинтересуютъ иностраннаго читателя. Исключеніе составляетъ лучшее изъ стихотвореній Никитина и послѣднее имъ написанное: „Вырыта за́ступомъ яма глубокая"... Французскій поэтъ Жильберъ, писавшій много посредственной поэзіи, составилъ себѣ крупное имя въ литературѣ одной только—и тоже послѣдней—элегіей: „Au festin de la vie infortuné convive" etc.; точно также Никитинъ живетъ въ русской поэзіи болѣе всего какъ авторъ своей лебединой пѣсни, проникнутой столь искреннимъ пессимизмомъ и пониманіемъ вѣчной жизни природы, на фонѣ которой мимолетно скользитъ существованіе отдѣльнаго человѣка. Въ переводѣ г. Фидлера вполнѣ сохранилось тяжелое настроеніе оригинала и соотвѣтствующій содержанію тяжелый ритмъ стихотворенія.

Для иностранной публики представляютъ, конечно, большой интересъ стихотворенія Никитина о русской деревнѣ. Переводчикъ съ большимъ успѣхомъ передалъ народность этихъ стихотвореній и поэмъ. Особенно удачно переданы: „Утро на берегу озера" и „Жена ямщика". Въ первомъ оживленіе лѣтняго утра въ деревнѣ, крики мальчишекъ, мелкіе штрихи пейзажа, переданы съ большой точностью, также какъ и грусть, надвигающаяся изъ второго плана картины въ образѣ забитой сиротки. Въ переводѣ стихотворенія: „Жена ямщика", сохранилась наивность рѣчи матери и сына. Русская удаль въ „Пѣсни бобыля" и чисто русская склонность къ самобичеванію въ „Наступленіи зимы"—тоже сохранили характеръ оригинала въ передачѣ г. Фидлера. Въ этомъ умѣніи передавать „couleur locale" русскихъ поэтовъ—главное достоинство переводчика. Съ интересомъ ждемъ дальнѣйшихъ переводовъ г. Фидлера, который съ такимъ совершенствомъ справляется съ принятою на себя миссіей ознакомленія западной Европы съ русской поэзіей.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1897.

Б. Н. Чичеринъ и кн. С. Г. Трубецкой объ университетскихъ дѣлахъ.—Новая редакція „Московскихъ Вѣдомостей".—Литературный сыскъ и отпоръ ему со стороны самой консервативной печати.—Нѣчто о великихъ реформахъ.—Юбилей В. Я. Абрамова.—Н. Ѳ. Здекауеръ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ †.

Никогда еще, кажется, вопросы, возбуждаемые студенческими волненіями, не обсуждались въ нашей печати съ такою полнотою и откровенностью (конечно—относительною), какъ въ послѣднее время. Не было, конечно, недостатка въ попыткахъ установить искусственное единогласіе—попыткахъ, не отступавшихъ даже передъ „допросомъ съ пристрастіемъ", передъ устрашеніемъ „несогласно мыслящихъ"; но онѣ потерпѣли жестокое fiasco, благодаря, всего больше, отпору, встрѣченному ими въ средѣ самого консервативнаго лагеря. Особенно велика, въ этомъ отношеніи, заслуга „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", помѣстившихъ у себя замѣчательныя статьи кн. С. Г. Трубецкого и Б. Н. Чичерина. Возстановленіе профессорской *корпораціи*, уничтоженной уставомъ 1884 г., „правильное академическое устройство" студенчества, которымъ оно до сихъ поръ никогда не пользовалось—таковы, въ глазахъ кн. Трубецкого, единственныя радикальныя лекарства противъ недуга, отъ котораго страдаютъ наши университеты; недостаточность „симптоматическаго леченія" достаточно доказана опытомъ послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Б. Н. Чичеринъ вовсе не упоминаетъ о второмъ изъ средствъ, указанныхъ кн. Трубецкимъ, но тѣмъ сильнѣе настаиваетъ на первомъ. „Уничтоженіе корпоративнаго устройства"—говоритъ онъ—„тяжело отозвалось на всей университетской жизни. Оно унизило профессоровъ и въ ихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ студентовъ; оно поставило ихъ въ ложное положеніе и подорвало ихъ нравственное вліяніе на слушателей"—а студенческихъ волненій это не только не прекратило, но, наоборотъ, дало имъ новую пищу. Авторъ напоминаетъ объ отпорѣ, встрѣченномъ „расходившимися студентами", въ 1861 г., со стороны профессоровъ московскаго университета; онъ напоминаетъ и о томъ, что за изданіемъ устава 1863 г. послѣдовала эпоха сравнительнаго затишья, прерваннаго (въ Москвѣ) „тлетворнымъ дѣйствіемъ газеты, которая, пользуясь своимъ вліяніемъ на правительство и общество, хотѣла безгранично властвовать и въ университетѣ". Когда это ей не удалось,

она начала „походъ противъ всѣхъ университетовъ и противъ устава 1863 г., увѣнчавшійся наконецъ полнымъ успѣхомъ. Результаты у насъ на глазахъ; университетская жизнь заглохла; всякая внутренняя связь порвана, общій нравственный духъ исчезъ. Высшее образованіе стѣснено и поднимется снова только съ возстановленіемъ нормальнаго порядка, т.-е. съ возвращеніемъ къ уставу 1863 г. ...Конечно, этимъ университетъ не будетъ застрахованъ отъ безпорядковъ; они всегда возможны среди увлекающейся молодежи—но при нормальныхъ условіяхъ легче съ ними справиться. Во всякомъ случаѣ этимъ будетъ положено начало лучшему будущему"... Статья г. Чичерина вызвала возраженіе въ „Новомъ Времени" (№ 7506). Авторъ его, называющій себя профессоромъ университета, не отстаиваетъ существующихъ университетскихъ порядковъ, но не принадлежитъ и къ числу „поклонниковъ" устава 1863 г. Онъ высказывается за *назначеніе* ректора и декановъ, но за *избраніе* профессоровъ и за несмѣняемость ихъ въ продолженіе всего срока службы (тридцати лѣтъ). Существеннаго значенія пересмотру университетскаго устава онъ не придаетъ и не видитъ въ немъ гарантіи противъ повторенія студенческихъ безпорядковъ, случавшихся нерѣдко и при дѣйствіи устава 1863 г. *Самостоятельность* университетской корпораціи и отдѣльныхъ ея членовъ обусловливается, по мнѣнію автора, не столько корпоративнымъ устройствомъ университетовъ, сколько личными качествами профессоровъ, а также „теченіями общественной и правительственной жизни". Освобожденіе профессоровъ отъ участія въ управленіи университетомъ и въ университетскомъ судѣ должно было скорѣе увеличить, чѣмъ уменьшить ихъ вліяніе, сложивъ съ нихъ всякую отвѣтственность за мѣры, несимпатичныя студентамъ.

Сложное явленіе никогда не зависитъ отъ *одной* причины. Никто не утверждалъ и не утверждаетъ, что въ основаніи студенческихъ волненій лежитъ *только* дѣйствующій университетскій уставъ, и что для обезпеченія нормальнаго хода студенческой жизни достаточно возвратиться къ закону 1863 г. Указаніе анонимнаго профессора на студенческіе безпорядки, происходившіе между 1863 и 1884 г., нисколько не ослабляетъ, поэтому, аргументацію Б. Н. Чичерина. *Возможны* волненія при всякомъ устройствѣ университета; весь вопросъ въ томъ, когда они болѣе *вѣроятны*—тогда ли, когда профессора составляютъ одно организованное цѣлое, или когда они соединены между собою чисто внѣшнею связью? Когда больше шансовъ живого общенія между студентами и профессорами—тогда ли, когда первые видятъ въ послѣднихъ избранниковъ ученой коллегіи, или когда считаютъ ихъ чиновниками учебнаго вѣдомства? Вопросъ, такимъ образомъ поставленный, едва ли допускаетъ два различныя рѣшенія. Ко-

нечно, дѣло не въ однѣхъ формальныхъ гарантіяхъ самостоятельности: есть профессора вовсе въ нихъ не нуждающіеся; есть другіе, которымъ онѣ помогутъ мало—но значеніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ и для большинства, несомнѣнно, и это признаетъ самъ авторъ статьи въ „Новомъ Времени", предлагая (и совершенно основательно) установить несмѣняемость профессоровъ, наравнѣ съ судьями. Весьма много значитъ уже самая *вѣра* въ самостоятельность профессоровъ, поддерживаемая одними, колеблемая другими университетскими порядками. При существованіи такой вѣры вполнѣ возможно соединеніе въ одномъ лицѣ оффиціальнаго авторитета съ нравственнымъ, возможно довѣріе и расположеніе студентовъ къ профессорамъ, хотя бы и облеченнымъ властью. Припомнимъ, напримѣръ, какъ популярны среди студентовъ были нѣкоторые изъ избранныхъ ректоровъ—С. М. Соловьевъ въ Москвѣ, А. Н. Бекетовъ въ Петербургѣ...

Переустройство профессорской корпораціи—только одна сторона вопроса; не менѣе важна другая, не затронутая Б. Н. Чичеринымъ, но ярко освѣщенная въ статьѣ кн. С. Г. Трубецкого. При дѣйствіи устава 1863 г., какъ и въ настоящее время, студенты составляли „хаотическую массу отдѣльныхъ посѣтителей университета". Недопущеніе среди студентовъ „правильной и законной организаціи" создавало и создаетъ почву для „организаціи нелегальной и анти-академической", которою легко овладѣваютъ и безконтрольно распоряжаются агитаторы. При такомъ положеніи вещей „всякое нормальное и естественное проявленіе товарищескаго общенія между студентами можетъ принять нелегальный характеръ, хотя бы оно первоначально вызывалось самыми законными и естественными ихъ интересами—интересами умственнаго и нравственнаго общенія на почвѣ общихъ университетскихъ занятій и интересами матеріальной взаимопомощи". Намъ кажется, что въ этихъ словахъ кн. Трубецкой коснулся одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ университетскаго устройства. Если студенческіе безпорядки не прекращались и во время дѣйствія устава 1863 г., то этому способствовало, прежде всего, именно отсутствіе легальной организаціи студенчества. На ея необходимость указывалось въ печати еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ волненій 1861 г. Тогдашнія „С.-Петербургскія Вѣдомости", напримѣръ, проводили ту же мысль, какъ и нынѣшнія: онѣ старались доказать, что студенческія кассы, библіотеки, читальни, устраиваемыя и руководимыя самими студентами—не источникъ безпорядковъ, а напротивъ, самое надежное средство къ ихъ предупрежденію. Подтвержденіемъ этому служили всѣ послѣдующія „университетскія исторіи"—но студенческая корпоративная жизнь, вопреки указаніямъ опыта, продолжала казаться опасной и

оставаться запретной. Безслѣдно прозвучалъ и урокъ нечаевскаго процесса, показавшаго съ полною ясностью, что даже *допущеніе* нѣкоторыхъ общестуденческихъ учрежденій—допущеніе, существенно отличное отъ *разрѣшенія*—служитъ, по крайней мѣрѣ на время, могущественнымъ противовѣсомъ политической агитаціи. Никогда, кажется, петербургскій университетъ не пользовался такимъ спокойствіемъ, какъ во время существованія научно-литературнаго общества (1883—87)—и, наоборотъ, его закрытіе способствовало декабрьскимъ безпорядкамъ 1887 г. Будемъ надѣяться, что статья кн. Трубецкого не пройдетъ назамѣченною, и что одновременно съ возстановленіемъ профессорской корпораціи будутъ созданы прочныя основы для корпоративной организаціи студенчества. Тѣ самыя землячества, которыя служили до сихъ поръ орудіемъ безпорядковъ, могли бы сдѣлаться опорами правильной студенческой жизни и плодотворнаго общенія между студентами и профессорами... Хорошо зная пріемы нашихъ такъ называемыхъ консерваторовъ, кн. Трубецкой предусматриваетъ одно изъ возраженій, которое они могутъ ему сдѣлать—и заранѣе его разбиваетъ. Быть можетъ,—говоритъ онъ,—„насъ станутъ упрекать въ солидарности съ союзнымъ совѣтомъ", который также требуетъ пересмотра университетскаго устава и возстановленія университетской автономіи. Правда, онъ говоритъ и объ этомъ. Но отдаетъ ли онъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего онъ хочетъ? Ибо съ университетской автономіей существованіе анти-академической организаціи, стремящейся распоряжаться студенчествомъ, еще болѣе несовмѣстимо, чѣмъ съ университетомъ, утратившимъ значеніе академической корпораціи. Истинная университетская автономія—не та, которой могутъ желать агитаторы, а только та, которая вытекаетъ изъ внутреннихъ требованій университетскаго дѣла, преслѣдующаго чисто академическую цѣль — высшаго научнаго образованія. Ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о какой-либо политической автономіи, о какихъ-либо политическихъ привилегіяхъ профессоровъ или студентовъ".

Не слѣдуетъ, однако, дѣлать себѣ иллюзій: не слѣдуетъ думать, что однимъ пересмотромъ университетскаго устава, въ направленіи, указанномъ г. Чичеринымъ и кн. Трубецкимъ, можно тотчасъ же и навсегда положить конецъ всякимъ студенческимъ волненіямъ. Традиціи цѣлыхъ десятилѣтій не исчезаютъ сразу; не сразу слагаются и крѣпнутъ новыя формы быта. Пока студенты не привыкнутъ къ своему новому положенію, пока не привыкнутъ къ нему и власти, соприкасающіяся съ университетомъ, до тѣхъ поръ будутъ возможны недоразумѣнія, а слѣдовательно и столкновенія. Для того, чтобы студенты не выходили изъ нормальныхъ рамокъ студенческой жизни,

всецѣло отдаваясь интересамъ научнымъ и корпоративнымъ, необходима, далѣе, увѣренность въ томъ, что по выходѣ изъ университета имъ будетъ доступна настоящая общественная дѣятельность, широкая и разнообразная. Отсутствіемъ такой увѣренности объясняется, въ значительной степени, воспріимчивость русскаго студенчества къ политическимъ увлеченіямъ. Почему,—спрашивали мы года два тому назадъ, говоря о настроеніи нашей учащейся молодежи,—„почему нѣмецкіе буршеншафты въ началѣ XIX-го вѣка были или казались эоловой пещерой, изъ которой, того и гляди, могутъ вылетѣть всякія бури, а въ настоящее время они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ студенческихъ корпорацій и никому не внушаютъ никакихъ опасеній? Почему утихла французская jeunesse des écoles, такъ часто бушевавшая во время реставраціи и іюльской монархіи? Почему никогда не волновались оксфордскіе и кембриджскіе студенты? Не потому ли, что въ Германіи и Франціи давно исчезли, а въ Англіи и вовсе не существовали преграды, заслоняющія молодежи перспективу будущаго и этимъ самымъ вызывающія безпокойную торопливость въ настоящемъ?..“ Каково бы ни было устройство университетовъ, они связаны тысячей нитей съ окружающимъ ихъ обществомъ и испытываютъ на себѣ его вліяніе, какъ положительное, такъ и отрицательное. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что развитіе среди студентовъ интереса къ вопросамъ государственной и общественной жизни обратно пропорціонально развитію его въ средѣ самого общества...

Въ прекрасной статьѣ кн. Трубецкого есть одно мѣсто, могущее подать поводъ къ недоразумѣнію. Справедливо негодуя противъ газетной „травли“, выставляющей профессоровъ виновниками студенческихъ безпорядковъ, кн. Трубецкой восклицаетъ: „что-нибудь одно —либо наши профессора, въ общемъ, люди вредные и неблагонадежные, которымъ нельзя довѣрить дѣло образованія юношества, либо такое обвиненіе есть *клевета, которая не должна остаться безнаказанной*“. Нѣсколько дальше онъ говоритъ о „*злонамѣренной агитаціи*, „причиняющей глубокій вредъ университету и силящейся подорвать его авторитетъ въ обществѣ передъ учащейся молодежью“. Слѣдуетъ ли понимать эти выраженія въ томъ смыслѣ, что кн. Трубецкой призываетъ на виновниковъ „травли“ и „агитаціи“ уголовныя или административныя кары? Мы думаемъ, что не такова мысль автора. Приверженцы университетской свободы не могутъ желать вынужденнаго молчанія ея противниковъ, еще менѣе — привлеченія ихъ къ формальной отвѣтственности. Наказаніемъ за клевету, ни на кого не указывающую прямо и опредѣленно, а только на что-то намекающую, кого-то старающуюся заподозрить, можетъ служить лишь презрѣніе

къ клеветнику. Это, вѣроятно, и имѣлъ въ виду кн. Трубецкой, удивляясь тому, что выходки, которыя онъ заслуженно клеймитъ именемъ „травли“, могутъ быть *терпимы въ обществѣ и печати.*

Статья г. Чичерина напоминаетъ весьма кстати объ одномъ изъ источниковъ похода, предпринятаго, въ семидесятыхъ годахъ, противъ устава 1863 г.; она констатируетъ „тлетворное вліяніе газеты“, и теперь принимающей участіе во всякой „травлѣ“, объектомъ которой являются профессора или студенты. Такое напоминаніе особенно полезно въ настоящую минуту, когда имя тогдашняго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, свыше всякой мѣры восхваляемое его преемниками, становится девизомъ новаго „похода“, грозящаго столь же печальными результатами. Наше общество мало знакомо съ своимъ ближайшимъ прошлымъ: исторія послѣднихъ 30—40 лѣтъ еще не написана, многія типичныя ея черты сглаживаются временемъ. Одну изъ нихъ возстановляетъ г. Чичеринъ, свидѣтельствуя, какъ очевидецъ, о полу-забытыхъ подвигахъ реакціонной газеты. „Она поселила раздоръ среди профессоровъ; благодаря поддержкѣ правительственной власти, она успѣла вытѣснить непріятныхъ ей лицъ, которыя не хотѣли поддаваться ея владычеству. Скоро, однако, университетская корпорація почувствовала всю тяжесть газетнаго ига и взбунтовалась противъ него. Одинъ изъ редакторовъ, состоявшій членомъ университета (рѣчь идетъ о П. М. Леонтьевѣ), былъ забаллотированъ при выборѣ на новое пятилѣтіе; ректоромъ былъ выбранъ неугодный редакціи, знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ“. Тогда-то и начался „безсовѣстный“, по выраженію г. Чичерина, газетный походъ противъ устава 1863 г.—походъ, принудившій С. М. Соловьева, „самаго умѣреннаго изъ людей“, покинуть не только ректорство, но и каѳедру, и ускорившій, быть можетъ, его кончину. Еслибы кто-нибудь, съ цѣлью уменьшить подавляющее впечатлѣніе этихъ словъ, вздумалъ напомнить, что Б. Н. Чичеринъ самъ былъ одною изъ жертвъ агитаціи, затѣянной на Страстномъ бульварѣ, то мы отвѣтили бы ему указаніемъ на всю дѣятельность Б. Н. Чичерина: она служитъ порукою въ томъ, что не личнымъ раздраженіемъ продиктовано его „показаніе“ о „тлетворномъ дѣйствіи“ московской газеты. Именно то обстоятельство, что *выжитыми* изъ университета оказались сначала Б. Н. Чичеринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ, потомъ С. М. Соловьевъ, говоритъ всего громче о настоящемъ характерѣ „похода“, предпринятаго редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“. „Консерватизмъ“ обоихъ профессоровъ, служившихъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, украшеніемъ московскаго юридическаго факультета, стоялъ и стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; къ „вытѣсненію“ ихъ изъ университета не могло быть другихъ поводовъ и побужденій, кромѣ личныхъ... Все

сообщенное Б. Н. Чичеринымъ остается *фактомъ*, котораго не заставятъ забыть никакіе панегирики. А до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходитъ усердіе панегиристовъ, объ этомъ можно судить по слѣдующей цитатѣ: „Замѣнить Каткова! Кто можетъ отважиться на такое смѣлое притязаніе? Это все равно, какъ еслибы кто дерзнулъ выразить намѣреніе замѣнить собою Пушкина! *Великіе геніи являются вѣками, и они, по существу своей природы, никѣмъ замѣнены быть не могутъ*" („Московскія Вѣдомости", № 357).

Отчаяваясь *замѣнить* Каткова, его послѣдователи и ученики очень ревностно, однако, стараются *продолжать* его. Къ чему такія старанія приводятъ на самомъ дѣлѣ—это показалъ эпизодъ, ознаменовавшій собою, въ декабрѣ прошлаго года, перемѣну въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей". Новый редакторъ газеты, г. Грингмутъ, занимая „отвѣтственный постъ, впервые созданный въ Россіи для государственнаго служенія М. Н. Катковымъ", выразилъ намѣреніе вести это служеніе „сообразно съ великой его идеей", „заповѣданной" ближайшимъ сотрудникамъ Каткова. Оставаясь вѣрнымъ „заповѣди", онъ наполнилъ первые листы, вышедшіе подъ его редакціей, безконечными и разнообразными обвинительными актами, не новыми по содержанію, но весьма обостренными по формѣ. Въ одной статьѣ властямъ ставился въ вину недостатокъ энергіи въ предупрежденіи студенческихъ волненій, въ другой—перепечатывались намеки на какихъ-то „легальныхъ охочихъ птицъ такъ называемаго либерализма", въ третьей—перетолковывалось и заподозрѣвалось не только сказанное, но и несказанное противниками, въ четвертой—рекомендовалось „упорядоченіе научныхъ съѣздовъ" (въ какомъ смыслѣ —это не требуетъ поясненія), въ пятой—„интеллигентамъ", „пробирающимся" въ думу, приписывались планы „экспропріаціи частной собственности", въ шестой—требовалось „устраненіе и подавленіе *толстовщины*", въ седьмой громились *мечтанія*, въ которыхъ „ясно просвѣчиваетъ элементъ предательства", въ восьмой—провозглашалась необходимость не бояться порицаній „того лагеря", хотя бы они выражались въ словахъ: *доносъ* и *инсинуація*. Увлекаясь все больше и больше, г. Грингмутъ дошелъ, наконецъ, до прямого допроса „Русскихъ Вѣдомостей" и „Вѣстника Европы": пускай—воскликнулъ онъ, — „пускай они категорически заявятъ себя вѣрноподданными русскаго *самодержавнаго* царя"! Съ подобнымъ допросомъ г. Грингмутъ, по собственнымъ его словамъ, обращается къ своимъ „врагамъ" уже не впервые: онъ „сыскивалъ" ихъ такимъ же манеромъ еще года три тому назадъ, въ статьѣ, подписанной: Specta-

tor [1]). На этотъ разъ, однако, случилось нѣчто необычайное: выходка „Московскихъ Вѣдомостей“ вызвала всеобщее неодобреніе въ средѣ *консервативной* печати. Не только „Новое Время“ нашло вопросъ, поставленный г. Грингмутомъ, „неправильнымъ литературнымъ и житейскимъ пріемомъ“, не обнаруживающимъ „большого такта“, но даже „Гражданинъ“—„Гражданинъ“!—упрекнулъ г. Грингмута въ „недостаткѣ скромности и мѣры“. „Будь я на мѣстѣ г. Грингмута“,—восклицаетъ кн. Мещерскій,—„я не обратился бы къ противнику съ такимъ запросомъ: како вѣруете, ибо: 1) не считалъ бы себя на то вправѣ, и 2) не рѣшился бы, подъ вліяніемъ того соображенія, что борьба, такъ поставленная, неравна: ибо если противникъ далъ бы требуемый отъ него отвѣтъ такъ же развязно, какъ его вопрошаетъ г. Грингмутъ, ему пришлось бы пострадать, и сильно пострадать, какъ органу печати, отъ кары за нецензурныя рѣчи“. Съ горячимъ негодованіемъ возстали противъ г. Грингмута „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№№ 353 и 356) — и ихъ статьи, замѣчательныя сами по себѣ, имѣютъ тѣмъ бóльшую силу, чѣмъ многочисленнѣе точки соприкосновенія между идеалами обѣихъ газетъ. „Кто эти люди“—спрашиваютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ редакціонной статьѣ, эпиграфомъ къ которой взяты слова Пушкина: „Мнѣ несмѣшно, когда маляръ негодный мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля“,—„кто эти люди вчерашняго дня, выступающіе агентами-подстрекателями къ смутѣ, глашатаями злѣйшей нетерпимости, розни и насилія, мнимыми заступниками за незыблемый въ своихъ свѣтлыхъ основахъ и священный для всѣхъ вѣрноподданныхъ идеалъ самодержавія?“... „Съ того дня“ — читаемъ мы въ той же статьѣ, — „когда русскіе консерваторы, по-человѣчески относясь къ своимъ соперникамъ и противникамъ въ сферѣ публицистики, объективнымъ тономъ начнутъ говорить съ ними о конкретныхъ вещахъ, клонящихся ко благу или вреду цѣлокупной Россіи, — *съ того дня, когда клеветническіе пріемы, огульныя печатныя обвиненія, выстрѣлы изъ-за угла* — да еще изъ кривого ружья,—возможность административныхъ каръ либеральнымъ газетамъ за полемику противъ консервативныхъ собратьевъ по профессіи, всякаго рода безнаказанныя келейныя безчинства по отношенію издателей и редакторовъ,—однимъ словомъ, все то раздражающее и волнующее, чтó туманитъ теперь лучшіе обще-русскіе идеалы, разсѣется какъ дымъ — не подлежитъ сомнѣнію, что о многомъ можно будетъ столковываться на необъятной Руси представителямъ разнообразнѣйшихъ направленій и убѣжденій“. Еще сильнѣе клеймитъ „монополистовъ благонамѣренности“, въ томъ

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г., стр. 445.

же № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", г. Гольмстремъ, „живо чувствующій позоръ, которымъ покрывается консервативная, т.-е. русская идея публицистомъ со Страстного бульвара", и видящій въ г. Грингмутѣ—„демагога, желающаго подчинить своему деспотизму совѣсть и убѣжденія всѣхъ людей", въ проповѣдуемомъ имъ самодержавіи —„французскій имперіализмъ, всегда готовый перейти въ деспотизмъ дѣятелей коммуны". Другой сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", г. Селивановъ, протестуя противъ борьбы *доносами* и требованіями исповѣданія вѣры предъ „Московскими Вѣдомостями", называетъ способъ охраны, выбранный этой газетой, имѣющимъ „глубокое растлѣвающее значеніе". Онъ не щадитъ не только ученика, но и учителя, признавая, что „такъ называемая охранительная дѣятельность М. Н. Каткова особой пользы не принесла и ни въ установленіи твердой власти, ни въ спасеніи отечества отъ революціи, онъ отнюдь не повиненъ"... Передъ такимъ небывалымъ единодушіемъ отступилъ, несмотря на всю свою смѣлость, даже г. Грингмутъ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, обратить свое обычное полемическое оружіе противъ писателей, которыхъ онъ только-что приглашалъ въ сотрудники своей газеты [1]); не могъ онъ не понять, что зашелъ слишкомъ далеко, если даже кн. Мещерскій упрекнулъ его въ недостаткѣ мѣры. Діапазонъ „Московскихъ Вѣдомостей" понизился сразу и весьма значительно; „танецъ съ мечами", которому онѣ, въ первые дни послѣ своего обновленія, предавались съ такимъ азартомъ, уступилъ мѣсто медленному и вялому передвиженію отъ одной старой темы къ другой, и никакому увеличительному стеклу не удастся теперь подмѣтить разницу между газетой г. Грингмута и газетой г. Петровскаго. Въ средѣ нашей консервативной печати совершилось, такимъ образомъ, своего рода „укрощеніе строптивой", дѣлающее большую честь укротителямъ. Они съумѣли понять, что литературный сыскъ вредитъ не столько тѣмъ идеямъ, противъ которыхъ онъ направленъ, сколько тѣмъ, отъ имени которыхъ онъ ведется—и дали волю возмущенному чувству, не стѣсняясь соображеніями товарищества и братства по оружію...

Отказавшись, — быть можетъ, только на время, — отъ средствъ борьбы, не одобряемыхъ даже ближайшими союзниками, „Московскія Вѣдомости" тѣмъ усерднѣе культивируютъ другіе полемическіе пріемы, требующіе не столько стремительности, сколько ловкости. Весьма

---

[1]) На это есть прямое указаніе въ статьѣ г. Гольмстрема и косвенное — въ статьѣ г. Селиванова.

характеристична, съ этой точки зрѣнія, передовая статья (№ 4), озаглавленная: „*Великія* реформы императора Александра II". Извѣстно, что именно къ этимъ реформамъ эпитетъ: *великія*, въ обычной терминологіи газетныхъ реакціонеровъ, признается непримѣнимымъ, Чѣмъ же объяснить отступленіе отъ общаго правила, допущенное московскою газетой? Конечно—не перемѣной воззрѣній, не сознаніемъ въ ошибкѣ. Давая одной рукой, газета спѣшитъ другою рукою отнять данное—и въ результатѣ получается маневръ не столько хитрый, сколько претендующій на хитрость. „Русскіе люди"—читаемъ мы въ началѣ статьи,—„видѣвшіе тѣ или другія ошибки въ реформахъ 60-хъ годовъ, никогда не отрицали великаго значенія этихъ реформъ и искренно привѣтствовали ихъ начало. Да и могло ли быть иначе? Прежде всего и крестьянская, и судебная, и земская реформы были задуманы нашими самодержцами и выполнены по ихъ повелѣнію. Такимъ образомъ, источникъ реформъ слишкомъ очевидно опредѣлялся въ своей непререкаемой чистотѣ. Затѣмъ (что̀ логически вытекаетъ изъ этого перваго положенія) необходимость реформъ указывалась самою жизнью и не подлежала сомнѣнію. Слѣдовательно, не можетъ быть спора какъ относительно характера основныхъ принциповъ всѣхъ трехъ реформъ, такъ и относительно благотворнаго значенія ихъ для роста, развитія и всесторонняго преуспѣянія русскаго государства". Рѣшеніямъ русскихъ государей приписывается, такимъ образомъ, такая же непогрѣшимость, какую призналъ ватиканскій соборъ за папой, говорящимъ ex cathedra. За такую явную, грубую и никому ненужную лесть едва ли похвалятъ московскую газету даже ея единомышленники. Вѣдь если стать на эту точку зрѣнія, то придется воздать одинаковую хвалу акту монаршей воли, создавшему военныя поселенія,—и акту монаршей воли, ихъ упразднившему: учрежденію военныхъ кантонистовъ—и ихъ отмѣнѣ; безусловному воспрещенію раскольническихъ моленныхъ—и ихъ условному дозволенію, и такъ далѣе до безконечности. Допустивъ обсужденіе законовъ, наше правительство признало, этимъ самымъ, не только возможность законодательной ошибки, но и возможность критическаго отношенія къ ней; зачѣмъ же добровольно возвращаться къ давно прошедшему времени, когда немыслима была не только критика, но даже похвала правительственныхъ дѣйствій?.. Отъ лести только одинъ шагъ до лицемѣрія—и этотъ шагъ сдѣланъ „Московскими Вѣдомостями"... „Въ реформы, задуманныя на чисто русскихъ началахъ"—читаемъ мы дальше—„прокралось начало противоположное, западническое, и оно - то въ высшей степени неблагопріятно повліяло на дальнѣйшую судьбу этихъ реформъ". Еслибы здѣсь имѣлись въ виду какія-нибудь детали, легко могущія остаться незамѣ-

ченными при утвержденіи закона, или, тѣмъ болѣе, какія-либо уклоненія отъ смысла реформы, допущенныя при ея *осуществленіи*, положенія московской газеты не противорѣчили бы одно другому; но изъ послѣдующаго видно, что она считаетъ западническимъ, не-русскимъ, все содержаніе Положеній 19 февраля, весь способъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. „Западныя политическія доктрины дали совершенно иное направленіе намѣченной реформѣ (крестьянской). Люди, преклонявшіеся передъ этими доктринами, постарались свести всю реформу къ *эмансипаціи*, то-есть къ освобожденію крестьянина отъ помѣщика и помѣщика отъ крестьянина. Они упустили изъ виду существенно важную—*экономическую* — сторону вопроса и разорили какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Они совершенно забыли о государственномъ и экономическомъ значеніи порученной имъ реформы и, освободивъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости отъ дворянъ, вмѣстѣ съ этимъ насильственно порвали всѣ остальныя органическія связи, соединявшія оба сословія ко взаимному ихъ благу. Объ этомъ благѣ реформаторы не позаботились; они думали, что чѣмъ дальше будетъ стоять крестьянинъ отъ „изверга-помѣщика", тѣмъ лучше будетъ для крестьянина, а что касается до „изверга", то къ чему же заботиться объ его благѣ? Словомъ, реформаторы-западники забыли о государственныхъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, связанныхъ съ порученною имъ реформой, и помнили лишь о случаяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью".

Какимъ же образомъ, однако, *такая* реформа могла получить санкцію, носящую въ самой себѣ залогъ непогрѣшимости? Не ясно ли, что вступительныя фразы газеты—только фразы, столь же мало искреннія, какъ и заглавіе статьи? Не ясно ли, что названіе *великой* крестьянская реформа заслуживала бы, въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей", лишь въ такомъ случаѣ, еслибы она, отмѣнивъ личную крѣпостную зависимость, сохранила въ силѣ „всѣ остальныя органическія связи, соединявшія оба сословія ко *взаимному* (!!) ихъ благу", т.-е. оставила бы крестьянъ безъ надѣла, вынужденными нанимать землю у помѣщиковъ и подчиненными ихъ судебной и полицейской власти! Крайняго предѣла безцеремонное обращеніе съ фактами достигаетъ тогда, когда „Московскія Вѣдомости" упрекаютъ составителей крестьянскихъ положеній въ упущеніи изъ виду... экономической стороны дѣла, въ сведеніи реформы къ эманципаціи крестьянъ. Ограничиться *эманципаціей*, т.-е. личной свободой, хотѣли именно противники реформы, продолжателями и единомышленниками которыхъ являются наши нынѣшніе реакціонеры; редакціонныя коммиссіи, наоборотъ, дали надлежащее мѣсто

экономической сторонѣ дѣла, очень хорошо понимая, что одна личная свобода, безъ земельнаго обезпеченія, будетъ свободой только по имени. Говорить, что реформаторы 1861 г. забыли о государственныхъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, связанныхъ съ реформой, значитъ—или не знать исторіи составленія крестьянскихъ положеній, или разсчитывать на то, что ея не знаютъ читатели... И развѣ всѣ „реформаторы", къ которымъ московская газета относится съ столь худо скрытой враждой, были „западники"? Развѣ можно причислить къ этой группѣ Самарина, кн. Черкасскаго, самого Николая Милютина?..

Закончимъ небольшой выпиской изъ статьи, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" лѣтъ восемь тому назадъ: „мы склонны называть *великою эпохою реформъ* царствованіе Петра Великаго, даже Екатерины II; но царствованіе императора Александра II должно быть признано въ бо̀льшей мѣрѣ эпохой новшества и вызваннаго имъ государственнаго кризиса, нежели эпохой реформъ, такъ какъ оно отличалось не столько реформированіемъ старыхъ порядковъ, сколько насажденіемъ на Руси совершенно новыхъ началъ" [1]). Въ сущности такъ смотритъ на дѣло и новая редакція московской газеты: именуя преобразованія Александра II-го *великими реформами*, она видитъ въ нихъ не что̀ иное, какъ *новшества*, и притомъ новшества нежеланныя, неудачныя. Гораздо лучше было бы возвратиться къ прежнему способу выраженій, свободному отъ противорѣчія между мыслью и словомъ...

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе учительской дѣятельности В. Я. Аврамова, представляющей собою явленіе крайне рѣдкое и въ высокой степени симпатичное. Четыре года слушавшій лекціи въ университетѣ, два года учившійся въ институтѣ путей сообщенія, одаренный большими математическими способностями, В. Я. Аврамовъ свернулъ съ удобнаго и сравнительно легкаго пути, обѣщавшаго ему вѣрный успѣхъ и обезпеченное существованіе, и посвятилъ себя тяжелому, неблагодарному, съ житейской точки зрѣнія, труду народнаго учителя. Онъ поступилъ, въ 1871 г., въ начальную школу деревни Волкова (около самаго Петербурга) и оставался въ ней до сихъ поръ, находя полное удовлетвореніе въ заботахъ о воспитаніи народа. Условія, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, были сначала очень неблагопріятны,

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 5 „В. Европы" за 1889 г.

но онъ съумѣлъ измѣнить ихъ къ лучшему. Къ нему въ школу приходили и приходятъ учиться десятки и сотни будущихъ преподавателей. Съ 1883 г. онъ присоединилъ къ своимъ прежнимъ обязанностямъ занятія сначала въ воскресной, потомъ въ вечерней школѣ для взрослыхъ на шлиссельбургскомъ трактѣ—и вездѣ относился къ дѣлу одинаково горячо и сердечно. Нужно прочесть небольшую брошюру: „Къ двадцатипятилѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова" (Ѳ. С. Матвѣева), чтобы понять, сколько пользы, невидимой, незамѣтной и мало кѣмъ оцѣненной, можетъ принести самоотверженный труженикъ, видящій въ учительствѣ одну изъ формъ служенія народу. Такихъ людей не можетъ быть много, но каждый изъ нихъ вноситъ крупный вкладъ въ народную жизнь, увеличивая, и косвенно, и прямо, сумму работы для общаго блага.

Скончавшійся 2-го января профессоръ и академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ оставилъ слѣдъ и въ русской наукѣ, какъ продолжатель С. М. Соловьева, какъ глубокій знатокъ лѣтописей и другихъ источниковъ нашей древней исторіи, — и въ русской жизни, какъ учредитель петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, до сихъ поръ часто называемыхъ „бестужевскими". Было время, когда онъ стоялъ довольно близко и къ воинствующей литературѣ; мы помнимъ его членомъ небольшого кружка, группировавшагося, въ 1861—62 г., вокругъ С. С. Дудышкина и редактировавшаго, вмѣстѣ съ нимъ, „Отечественныя Записки". Въ его составъ входили еще С. С. Громека и Н. В. Альбертини; первый писалъ о внутреннихъ дѣлахъ, второй — объ иностранной политикѣ; въ вѣденіи К. Н. Бестужева было все касавшееся русской исторіи; самъ Дудышкинъ оставлялъ за собою критическій отдѣлъ. Кружокъ скоро распался: С. С. Громека уѣхалъ на службу въ провинцію; Н. В. Альбертини долго жилъ за границей и, по возвращеніи, сталъ работать въ „Голосѣ" и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ"; К. Н. Бестужева тянуло отъ журналистики къ наукѣ, и Дудышкину не удалось предупредить паденіе „Отечественныхъ Записокъ", заставившее, наконецъ, Краевскаго передать ихъ Некрасову. Гораздо болѣе, по своей натурѣ, ученый, чѣмъ публицистъ, К. Н. Бестужевъ нашелъ свое настоящее мѣсто въ университетѣ, потомъ въ академіи наукъ. Къ періоду его журнальной дѣятельности относится, между прочимъ, переводъ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи", Бокля, появившійся первоначально въ „Отечественныхъ Запискахъ".—Н. Ѳ. Здекауеръ также не замыкался въ свою спеціальность. Онъ сохранилъ до глубокой старости интересъ

къ земскому дѣлу и еще не такъ давно работалъ въ царскосельскомъ уѣздномъ и петербургскомъ губернскомъ земствахъ, занимая въ обоихъ постъ предсѣдателя санитарной коммиссіи. Онъ способствовалъ основанію общества охраненія народнаго здравія и больше чѣмъ кто-либо другой потрудился на его пользу. Какъ практическій врачъ, какъ профессоръ, какъ предсѣдатель медицинскаго совѣта, какъ общественный дѣятель, Н. Ѳ. Здекауеръ вездѣ оставилъ по себѣ самую лучшую память.

ИЗВѢЩЕНІЯ

О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастēру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастēру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастēра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастēра, въ многочислен-

ныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно сказать, что его мыслью питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ январьской книгѣ слѣдуетъ исправить: на 9-й стран. 21 строка св., вмѣсто: имъ—ему; на 61 стран. 16 строка сн., вм. Саалю—Стаалю.

Въ февральской книгѣ: на 465 стран., 2 строка сн., вмѣсто: aurant—auront; на 493 стран., 5 строка св., вмѣсто: усердіями—усиліями.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1897.

Книга первая. — Январь. стр.

Книга вторая. — Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. Изданіе Л. Ѳ. Пантелѣева. 1896.

Непродолжительная, но обильная всякими столкновеніями дѣятельность знаменитаго гуманиста ярко освѣщаетъ различныя стороны реформаціоннаго движенія. Извѣстная монографія Штрауса отличается полнотою и обстоятельностью. Шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за странствующимъ рыцаремъ, не покидая его даже въ самыхъ интимныхъ обстоятельствахъ его многострадальной жизни. Въ Гуттенѣ литераторъ былъ нераздѣленъ съ дѣятелемъ, и въ біографическій разсказъ естественно вплетаются характерныя выписки изъ его главныхъ сочиненій. Вслѣдствіе тѣсныхъ связей Гуттена съ Рейхлиномъ, Эразмомъ, Францемъ фонъ-Зиккингенъ, Лютеромъ,—и этимъ историческимъ лицамъ отведено въ его біографія подобающее мѣсто. Особымъ талантомъ историческаго изображенія, даромъ соблюденія общей перспективы при изложеніи подробностей Давидъ Штраусъ не обладалъ; но достоинство его работы—въ другихъ отношеніяхъ, а главнымъ образомъ фактическая содержательность книги вполнѣ оправдываютъ ея переводъ, тѣмъ болѣе, что другой подобной монографіи изъ исторіи нѣмецкаго реформаціоннаго движенія на русскомъ языкѣ, кажется, не существуетъ.

Оправданіе добра. Нравственная философія. Владиміра Соловьева. Спб. 97. Стр. 681. Ц. 4 р.

Съ нѣкоторыми изъ главъ этого обширнаго труда наши читатели знакомы по извлеченіямъ, которыя помѣщались въ журналѣ въ послѣдніе два-три года, а потому имъ можетъ быть извѣстна и основная точка зрѣнія автора, на которой онъ стоитъ въ вопросахъ, входящихъ въ кругъ нравственной философіи, и рѣшеніе которыхъ составляетъ ея основную задачу. Въ предисловіи, предпосылаемомъ изданію труда въ полномъ его объемѣ, объясняются мотивы, побудившіе автора принять на себя „оправданіе“ добра, какъ придающаго смыслъ жизни, отрицаемый практическими и теоретическими пессимистами, или сводимый къ одной эстетической сторонѣ жизни, ко всему, что̀ сильно, величественно и красиво, но безъ соблюденія условія торжествующаго добра. Авторъ впрочемъ не скрываетъ отъ себя, что и при этомъ остается возможность новыхъ заблужденій, такъ какъ опредѣленіе того,—а что̀ собственно есть добро жизни?—составляетъ опять новый вопросъ, и „добрый смыслъ жизни, —говоритъ авторъ,—хотя онъ больше и первѣе каждаго отдѣльнаго человѣка, не можетъ, однако, быть принятъ извнѣ какъ что-то готовое, онъ долженъ быть понятъ и усвоенъ самимъ человѣкомъ“. Но такъ является на сцену субъективность и опасность новаго моральнаго заблужденія, моральный аморфизмъ, и противоположная ему крайность—абсолютнаго авторитета,—отрицаніе всякой установившейся формы, съ одной стороны, и съ другой —требованіе оставаться неподвижнымъ въ застывшихъ формахъ, которыя, однако, въ свое время были также подвижными. Примиреніе такихъ крайностей, или, вѣрнѣе, опредѣленіе доли правды каждой изъ нихъ, въ различныхъ сферахъ умственной и нравственной жизни, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества,—и составляетъ главную задачу настоящаго труда.

Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Изд. 2-е. В. И. Вешнякова. Ч. I.

Появленіе новаго изданія свидѣтельствуетъ само по себѣ, что этотъ сборникъ вполнѣ удовлетворилъ своему назначенію служить необходимою настольною книгою для арендаторовъ и частныхъ землевладѣльцевъ, кромѣ лицъ крестьянскаго сословія, для которыхъ существуютъ спеціальные сборники. Въ настоящемъ изданіи, хотя планъ его остается прежній,—программа значительно расширена введеніемъ какъ общихъ гражданскихъ законовъ имперіи, такъ и дѣйствующихъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ, привислянскихъ и малороссійскихъ, въ сибирскомъ, кавказскомъ и туркестанскомъ краяхъ, а также отчасти и въ великомъ княжествѣ финляндскомъ. Измѣненія въ законахъ, за самое послѣднее время, составили въ концѣ сборника особый отдѣлъ; онъ помѣщенъ въ дополненіяхъ и придаетъ новую цѣну этому общеполезному изданію.

Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. Изслѣд. И. И. Янжула. Спб. 97. Стр. 367.

Настоящее изслѣдованіе есть результатъ личныхъ наблюденій почтеннаго автора, которымъ онъ посвятилъ поѣздку за границу въ 1895—96 гг., имѣя предложеніе министерства финансовъ изслѣдовать и изучить торговые музеи и склады товарныхъ образцовъ, устраиваемые въ настоящее время, съ цѣлью поддерживать вывозъ національныхъ продуктовъ. Авторъ посѣтилъ до 10 главныхъ торгово-промышленныхъ пунктовъ Германіи и Австро-Венгріи, побывалъ также въ Бельгіи и Англіи. Въ результатѣ изслѣдованій автора оказалось, что періодическія выставки въ наше время отживаютъ свой вѣкъ, служа, какъ оказывается, не промышленности и торговлѣ, а личнымъ интересамъ отдѣльныхъ производителей. На смѣну имъ выступаетъ новая идея постоянныхъ выставокъ въ формѣ торговыхъ, промышленныхъ и художественно-промышленныхъ музеевъ, а также экспортныхъ компаній съ выставками образцовъ. Всего этого намъ недостаетъ, и велика будетъ заслуга труда И. И. Янжула, если онъ съумѣетъ обратить серьезное вниманіе на себя и вызоветъ у насъ однородное стремленіе къ замѣнѣ дорого стоющихъ и безплодныхъ временныхъ выставокъ постоянными.

Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XVII, XVIII и XIX. Спб., 1896. Стр. 779+709+667. Цѣна каждаго тома 8 р.

Капитальное сочиненіе Элизе Реклю было доведено до конца только въ 1894 году, а въ настоящее время появились послѣдніе томы его и въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей С. П. Зыкова. Изданіе можетъ быть названо роскошнымъ въ техническомъ отношеніи; многочисленные рисунки исполнены отчетливо, и этимъ объясняется сравнительная дороговизна отдѣльныхъ томовъ. Вышедшіе нынѣ заключительные томы посвящены описанію Южной Америки.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1897** г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія** годовой цѣны подписки.

☛ **Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1897 г.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

